

ТРУДЫ

ЧЕТЫРНАДЦАТАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ЧЕРНИГОВѢ

1909

Подъ редакціей графини Уваровой.

Томъ III

МОСКВА

—
1911

ТРУДЫ

1909 г.

ЧЕТЫРНАДЦАТАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪЕЗДА

ВЪ ЧЕРНИГОВѢ

1909

Подъ редакціей графини Уваровой.

Томъ III

МОСКВА

1911

Печатано на основані постановленія Императорскаго Археологическаго Общества.

Председатель Графиня Уварова.

1950 г.

БИБЛИОТЕКА
НИИ Ист-ти Краеведческой
и Музейной работы

В-311

ТИПОГРАФІЯ О-ВА РАСПР. ПОЛЕЗН. КНИГЪ. ПРЕЕМНИКЪ В. И. БОРНОВЪ.
МОХОВАЯ, ПРОТИВЪ МАНЕЖА, Д. КН. ГАГАРИНА.

Оглавление III-го тома.

I. Доклады по первобытной археологiи.

<i>Ляскоронскій, В. Г.</i> Городища, курганы, майданы и Зміевы валы въ области Днѣпровскаго Лѣвобережья	1—82
<i>Миллеръ, А. А.</i> Археологическія изслѣдованія въ устьѣ Дона	83—88
<i>Свящ. Ефимовъ.</i> Олегово поле.	87—92
<i>Городцовъ, В. А.</i> Дневникъ археологическихъ изслѣдованій въ Звѣнковскомъ у. Полтавской губ. въ 1906 г.	93—161
— Результаты археологическихъ изслѣдованій на мѣстѣ развалинъ гор. Маджаръ въ 1907 г.	162—208
<i>Мазараки, С. А.</i> Отчетъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Полтавской губ. въ 1907 г.	209—211
— Майданы Роменскаго уѣзда 1906 г.	212—213
<i>Беспальчевъ, В. Ѳ.</i> Поле погребеній въ Роменскомъ у. Полтавской г.	214—215
<i>Бабенко В. А.</i> Новыя систематическія изслѣдованія Верхне-Салтовскаго могильника 1908 г.	216—231
— Дневникъ раскопокъ	232—237
— Продолженіе тѣхъ же раскопокъ	238—254
<i>Свящ. Ст. Зетревъ.</i> Камень Буилъ на Дону	255—261
<i>Волковъ, Ѳ. К.</i> Палеолитическая стоянка въ с. Мезинѣ, Черниговской губ.	262—270

II. Доклады историческаго и филологическаго содержанія.

<i>Бережковъ, М. Н.</i> Михаила Егоровича Маркова разныя сочиненія къ поясненію исторіи Чернигова	271—305
<i>Барвинскій, В. А.</i> Комиссія Экономіи опасныхъ на Е. И. В. маестностей, причины ея учрежденія и ея дѣятельность!	306—333
<i>Стеллецкій, И. Я.</i> Цѣпная битва 636 г. въ Палестинѣ	334—345
<i>Линименко, И. А.</i> Владиміръ Бонифатіевичъ Антоновичъ 1830—1908.	346—360
<i>Савеловъ, Л. М.</i> Семья Фроловыхъ на Дону.	361—366
<i>Свящ. К. Картинскій.</i> О днѣ кончины Св. Ѳеодосія Углицкаго, Архіепископа Черниговскаго.	367—370
<i>Масловъ, С. И.</i> Къ исторіи Западно-Русскихъ типографій XVII в.	371—376
<i>Щербакъ, С. Д.</i> Лубенскій полковой есаулъ Григорій Никифоровичъ Таволга.	377—381
— Дѣло о кражѣ украшеній съ чудотв. иконы въ Елецкомъ Черниг. монастырѣ во второй половинѣ XVII в.	382—386
<i>Смирновъ, Я. И.</i> Объ одномъ польскомъ сборникѣ портретовъ XVII вѣка.	387—469

III. Протоколы.

Засѣданія Московскаго Предварительнаго Комитета	1—16
Составъ Предварительнаго Комитета	16—20
Составъ Черниговскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета	20—21
Правила Съѣзда	21—24

Вопросы, предложенные на обсужденіе Съѣзда	24—26
Запросы, обращенные къ Съѣзду	26—30
Засѣданіе Совѣта Съѣзда	30—32
Личный составъ Съѣзда	32—42
Общія засѣданія Съѣзда	45, 55, 125, 126

Засѣданія Отдѣленій:

Древностей первобытныхъ	61, 77, 113, 117, 119
Древностей историко-географическихъ и этнографическихъ	71, 85, 111, 114
Памятниковъ искусствъ и художествъ	66, 67, 80, 92, 115, 119
Древностей церковныхъ	59, 87
Древностей классическихъ, византійскихъ, восточныхъ и западно-европейскихъ	81
Памятниковъ языка и письма	57
Древностей юридическихъ, быта общественнаго, домашняго и военнаго	89, 116
Археографіи и архивовѣднія	123

Спеціальныя засѣданія:

Юбилейное города Чернигова	72
Совѣта Съѣзда и Ученаго Комитета	75, 81, 116
Комиссіи для составленія инструкціи для лицъ, предпринимающихъ раскопки	92
Раскопки	61
Чествованія	77

Доклады, сообщенія и рѣчи:

<i>Аваліани, С. Л.</i> О составѣ представительства на Земскихъ Соборахъ XVII в.	90
— Объ Иванѣ Пересвѣтовѣ	111
<i>Айналовъ, Д. В.</i> Памяти Егора Кузьмича Рѣдина	57
— Два примѣчанія къ „Слову о Полку Игоревѣ“	59
— О Маріупольскихъ восковыхъ иконахъ	60
— Архитектура Черниговскихъ церквей	67
— Библия Рафаэля въ Ватиканѣ	125
<i>Бабенко, В. А.</i> Соотношеніе Салтовскихъ могильниковъ и могильниковъ Сѣвернаго Кавказа.	119
<i>Барвинскій, В. А.</i> Изъ исторіи Лѣвобережной Украйны.	117
<i>Бережковъ, М. Н.</i> Къ исторіи Спасо-Преображенскаго собора	87
— Памяти Михаила Егоровича Маркова	123
<i>Бороздинъ, П. Н.</i> Къ вопросу о феодализмѣ въ Россіи	89
<i>Верзиловъ, А. В.</i> Рѣчь при открытіи Съѣзда	44
<i>Веселовскій, Н. И.</i> Записка по вопросу о пріемахъ при производствѣ раскопокъ	99
<i>Волковъ, О. К.</i> Палеолитическая стоянка близъ с. Мезина, Черниг. губ.	113
— Религіозныя сооруженія въ восточной Галиціи и въ частности въ Карпатахъ	92
<i>Голубцовъ, А. П.</i> Объ архіерейскомъ посѣхѣ	87
<i>Городцовъ, В. А.</i> О результатахъ раскопокъ Бѣльскаго городища и сопровождающихъ его кургановъ	117
— Исслѣдованіе развалинъ Маджаръ на Сѣверномъ Кавказѣ	126
<i>Горностаевъ, О. О.</i> Объ архитектурѣ древнихъ храмовъ Чернигова до-монгольскаго періода.	66
— О деревянныхъ церквахъ Черниговской губ.	80
— Объ архитектурныхъ особенностяхъ каменныхъ храмовъ Черниговской губ.	115
— О Ляличскомъ дворцѣ.	116

Горностаевъ, О. О.	О Козелецкомъ соборѣ	120
—	Объ иконостасѣ Боровиковскаго въ с. Романовѣ	127
Григорьевъ, А. Д.	О духовныхъ стихахъ	87
Данилевичъ, В. Е.	О раскопкахъ въ Курской губ.	119
Добровольскій, П. М.	Отчетъ о дѣятельности Чернигов. Предвар. Комитета	51
—	Объ Олеговѣ полѣ и Пещерахъ Елецкаго монастыря	88
—	Объ иконостасѣ Введенской ц. архіерейскаго дома въ Троицкомъ монастырѣ	88
—	Гдѣ находились старинные, не существующіе нынѣ храмы въ Черниговѣ.	112
—	Планъ Чернигова до распланированія въ началѣ XIX вѣка	115
Довнаръ-Запольскій, М. В.	Историческая памятка о Черниговѣ.	74
Дроздовъ, В. Г.	О Царскихъ вратахъ Екатерино-Покровской церкви въ Черниговѣ	88
Евсеевъ, П. Е.	Раскопки по верховому теченію р. Оки	64
Ефимовъ, свящ.	Объ Олеговомъ полѣ и о Елецкихъ пещерахъ	61
Забѣлинъ, П. Е.	Привѣтственная телеграмма Съѣзду	46
Завитневичъ, В. З.	Начальная страница изъ древнѣйшей исторіи Чернигова	72
Звиревъ, свящ.	Камень Буилъ на Дону	113
Карпинскій, свящ.	О днѣ кончины святителя Феодосія	88
Кадлубовскій, А. П.	Къ исторіи русскаго духовнаго стиха о Варлаамѣ и Іоасафѣ	114
Комаровскій, Х. И.	Рѣчь при открытіи Съѣзда	44
Корольковъ, свящ.	Воспоминанія о Е. К. Рѣдинѣ	57
Круковской, В. І.	Рѣчь при открытіи Съѣзда	45
Лауровъ, П. А.	О славянскомъ палеографическомъ матеріалѣ на Аѳонѣ	58
Лебедянскій, Г.	Черепъ дилювіального человѣка изъ р. Десны, близъ дер. Банокъ, Черниговской губ.	119
Лебедевъ, А. С.	Вѣроисповѣдное положеніе армянъ въ Россіи по архивнымъ даннымъ	116
Линиченко, П. А.	Памяти Вл. Бон. Антоновича	56
—	О раскопкахъ В. В. Хвойко въ Кіевѣ у Десятинной церкви	68
Лобовъ, свящ.	О Козелецкомъ соборѣ	88, 121
Ляскоронскій, В. Г.	Городища, курганы и майданы въ области Днѣпровскаго Лѣвобережья.	113
Мартиновичъ, А. И.	Хазарское городище въ Воронежской губ.	113
Масловъ, С. И.	Къ исторіи западно-русскихъ типографій XVII в.	58
Миллеръ, А. А.	Археологическія изслѣдованія въ устьяхъ Дона.	119
—	Лотосъ въ малорусскомъ орнаментѣ	71
Миллеръ, Д. П.	Изъ исторіи Новгорода-Сѣверска	117
Новицкій, А. П.	Черты самобытности въ Украинскомъ зодчествѣ	119
Павлуцкій, Г. Г.	Древнѣйшіе храмы Чернигова	74
—	О происхожденіи формъ Украинскаго зодчества	80
—	Кіевскіе храмы до-монгольскаго періода и ихъ отношеніе къ византийскому зодчеству	92
—	О церковныхъ постройкахъ въ стилѣ Емріге въ Полтавской губ.	115
Перетцъ, В. Н.	Что читали Межигорскіе монахи въ XVIII вѣкѣ	57
Петровъ, Н. И.	О фрескахъ Спасо-Берестовской церкви	60
—	О новонайденной кіевской монетѣ XIV вѣка.	67
—	Румынскіе памятники въ Россіи и вліяніе ихъ на русское искусство	92
Пичъ, В. О.	Типичныя черты городищъ въ предѣлахъ Чехіи	77
Платоновъ, С. О.	Рѣчь при открытіи засѣданія	89
Погодинъ, П. Д.	Рѣчь при открытіи Съѣзда	43
Покровскій, Н. В.	Рѣчь при открытіи засѣданія	59

<i>Родионовъ, Н. М.</i> Рѣчь при открытіи Съѣзда	43
— Рѣчь при закрытіи Съѣзда	136
<i>Рогожинъ, В. Н.</i> Постановленія Съѣзда	136
<i>Рудаковъ, В. Е.</i> О библиографическомъ указателѣ къ „Трудамъ“ Съѣздовъ	123
<i>Савеловъ, Л. М.</i> Семья Фроловыхъ на Дону	92
<i>Савицкій, Н. П.</i> Рѣчь при открытіи Съѣзда	45
<i>Самоковасовъ, Д. Я.</i> О Сѣверянской землѣ и Сѣверянахъ по городищамъ и могиламъ	65
— О самобытномъ зарожденіи на юго-западѣ Россіи русской государственности	74
— Документы Моск. Архива Министерства Юстиціи	123
— Отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ во время Съѣзда	127
<i>Селивановъ, А. В.</i> По поводу производства археологическихъ раскопокъ и храненія добытаго матеріала	79, 93
<i>Смирновъ, Я. И.</i> Развалины церкви въ Каневѣ 1787 года	126
— Объ одномъ польскомъ сборникѣ портретовъ XVII в.	126
<i>Стеллецкій, П. Я.</i> Вторженіе скивовъ-сколотовъ въ Палестину	83
<i>Султановъ, Н. В.</i> Проектъ Законоположенія касательно памятниковъ старины	75
— Мазепинъ домъ въ Черниговѣ	115
<i>Тиховскій, Ю. И.</i> Новыя данныя о западно-русскихъ переводахъ священнаго писанія XVI вѣка	124
<i>Тиховскій, П. И.</i> О кобзаряхъ	86
<i>Троицкій, Н. И.</i> Объ иконѣ Св. Николая Невосильскаго	60
— Тріединство Божества въ памятникахъ всеобщей исторіи искусства	69
— Пеликанъ, какъ символъ въ искусствѣ церковномъ и бытовомъ	120
<i>Уварова, граф. П. С.</i> Отчетъ о дѣятельности Предварительнаго Комитета Съѣзда	46
— О Выставкѣ Съѣзда	54
— Рѣчь предъ открытіемъ юбилейнаго засѣданія	72
— Отчетъ о занятіяхъ Съѣзда	127
<i>Фармаковскій, Б. В.</i> Ольвія	82
<i>Хвойко В. В.</i> По вопросу о раскопкахъ	104
<i>Хилинскій, К. В.</i> О Трипольской культурѣ	61
<i>Шелухинъ, С. П.</i> Памяти Вл. Бон. Антоновича	56
— О названіи „Украина“	71
— Украинскія причитанія надъ умершими	85
<i>Штернъ, Э. Р.</i> Раскопки на островѣ Березани	81
— По вопросу о раскопкахъ	96
<i>Щербакъ, С. Д.</i> Дѣло о похищеніи чудотворной иконы въ Елецкомъ монастырѣ	88
— Полковой лубенскій есаулъ Таволга	115
— О малорусскомъ либертинатѣ въ концѣ XVIII вѣка въ Пирятинскомъ у. Полтавской губ.	117
<i>Языковъ, В. Д.</i> О Маяцкомъ городищѣ на Дону	78
<i>Яцуржинскій, Х. П.</i> Почитаніе ключей и колодцевъ	86

ТРУДЫ

XIV АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪЪЗДА.

ГОРОДИЩА, КУРГАНЫ, МАЙДАНЫ И ДЛИННЫЕ (ЗМЕВЫЕ) ВАЛЫ ВЪ ОБЛАСТИ ДНѢПРОВСКАГО ЛѢВОБЕРЕЖЬЯ.

В. Г. Ляскоронскій.

Археологическая экскурсія, совершенная мною лѣтомъ 1907 года, имѣла цѣлью обследованіе ближайшей къ Днѣпру полосы днѣпровскаго лѣвобережья и области р. Орели. Я намѣтилъ къ изслѣдованію районъ древнихъ путей, по которымъ совершали свои движенія въ степи и русскіе, и степняки, безпрестанно нападавшіе на Русь. Мои изслѣдованія означенной территоріи начались отъ области средняго теченія р. Сулы, а именно—отъ м. Лукомья, т.-е. изъ мѣстности, близъ которой пролегалъ, какъ извѣстно, давній, отмѣченный уже лѣтописью, путь въ степи. Изъ м. Лукомья я направился въ м. Яблоновъ, пробѣжавъ обширную степную полосу, раскинувшуюся по обѣимъ сторонамъ р. Оржицы, а затѣмъ направился на м. Драбовъ, расположенный также въ степной мѣстности, по прямому направленію отъ пункта моего отправленія къ г. Переяславию. Отъ м. Драбова я попытался проникнуть къ окрестностямъ г. Переяслава наиболее удобной и извѣстной съ древнихъ временъ дорогой черезъ р. Суной. Послѣдній я переѣхалъ въ с. Жорноклевахъ, а затѣмъ направился на Шкудановку, съ цѣлью подробнѣе обследовать означенную мѣстность и узнать, не находится-ли близъ этого пункта какого-либо поселенія, соотвѣтствующаго, и по своему положенію, и по своему названію, лѣтописному Куднову, упоминаемому во время перипетій борьбы южно-русскихъ князей близъ Переяслава въ половинѣ XII ст. Съ той же цѣлью я остановилъ свое вниманіе и на с. Яненковыхъ-Пологахъ, расположенныхъ на низменной полосѣ, у края уступа днѣпровской долины. Изъ Яненковыхъ-Пологовъ я попытался обозрѣть мѣстность, огражденную длинными, такъ называемыми «змиевыми», валами, протянувшимися въ видѣ двухъ громаднѣхъ дугъ, отъ берега р. Днѣпра, въ направленіи къ юго-востоку, къ с. Помоклямъ, неподалеку отъ которыхъ эти дуги сходятся другъ съ другомъ. Я прослѣдилъ направленіе этихъ валовъ близъ сс. Вергуновъ, Выползковъ, Каратулей и проч., и затѣмъ, переѣхавъ с. Каратули, направился къ г. Переяславию. Осмотрѣвъ окрестности послѣдняго, я направился по стародавнему, еще не особенно давно называвшемуся «Цареградскому тракту», на м. Глемязовъ, при чемъ мною было обращено особенное вниманіе на указанную мѣстность, въ виду ея важнаго значенія въ древнія времена: здѣсь, какъ извѣстно, находился пунктъ перехода кочевниковъ изъ степей въ русскую землю.

Отъ м. Глемязова, представлявшаго, какъ и м. Пещаное, несомнѣнно, одинъ изъ удобнѣйшихъ пунктовъ перехода изъ степей черезъ р. Суной, я направился къ г. Золотоношѣ, придерживаясь нагорной, идущей надъ днѣпровской долиной,

дороги. Попутно я старался подмѣтить всѣ существенныя особенности означенной территоріи, ея соотношеніе къ днѣпровской долині, ея выдающіеся сторожевыя пункты и проч. Необходимо при этомъ замѣтить, что весь указанный путь, отъ г. Переяслава до г. Золотоноши,—за немногими только исключеніями, вслѣдствіе отклоненія днѣпровской долины и идущей по-надъ ней дороги въ сторону,—приходилось проѣзжать параллельно днѣпровскому правому берегу, высоты котораго были видны вдали въ видѣ синеватаго края, изорваннаго или волнообразнаго въ своихъ очертаніяхъ.

Отъ г. Золотоноши я направился, той же большой дорогой, на мм. Крапивну и Ирклевѣ, расположенныхъ въ районѣ обширнаго плато, раскинушагося ровной степной поверхностью вплоть до нижняго теченія р. Сулы близъ м. Жовнина, неподалеку отъ впаденія означенной рѣки въ Днѣпръ. Эта ровная, степная мѣстность, и въ настоящее время сравнительно слабо заселенная, въ древнее время была чрезвычайно удобна для кочеванья степняковъ. Всѣ характерныя особенности этой мѣстности, равно какъ и попадающіеся по пути остатки древностей, въ видѣ городищъ, валовъ и кургановъ, тщательно отмѣчались мною.

Отъ м. Жовнина я проѣхалъ, придерживаясь по возможности того же направленія пути, что и раньше, т.-е. параллельно Днѣпру, къ заштатному г. Градижску, извѣстному въ прежнее время подъ именемъ *Пица*. Это очень живописное мѣсто, расположенное на высоко приподнятомъ, издалека видномъ краѣ отдѣльно стоящихъ высотъ, круто обрывающихся въ этомъ именно мѣстѣ къ днѣпровской долині. Затѣмъ я направился, по той же большой дорогѣ, къ м. Кременчугу, представлявшему, какъ извѣстно, издавна очень удобный пунктъ перехода съ лѣвой стороны Днѣпра на его правую сторону.

Изъ г. Кременчуга я попытался было попасть, черезъ одну изъ нижнихъ паромныхъ переправъ черезъ р. Пселъ, въ м. Келеберду, представляющую одинъ изъ очень интересныхъ пунктовъ Приднѣпровья. Къ сожалѣнію, дождливое лѣто, подтопившее въ то время понадднѣпровскіе луга въ означенной мѣстности, сдѣлало мало проходимыми тѣ плавни, которыя раскинулись по лѣвой сторонѣ днѣпровской долины, между низовьями р. Псла и м. Келебердой, такъ что я, пробившись здѣсь цѣлый день, никакъ не могъ добраться до м. Келеберды и принужденъ былъ, оставивъ днѣпровскую долину, выбратъся на примыкающее къ ней плато и уже по немъ совершать свой путь къ м. Переволочному. Это путешествіе по плавнямъ, не совсѣмъ удачное, имѣло, однако, ту положительную сторону, что наглядно убѣдило меня, что давній путь въ степи проходилъ не днѣпровской долиной, начиная отъ г. Кременчуга, а нѣсколько выше нея, въ направленіи на м. Потоки, гдѣ и въ настоящее время находится паромная переправа черезъ р. Пселъ. Такимъ образомъ, указанное мѣсто было наиболѣе удобнымъ для перехода черезъ р. Пселъ и сюда-то, можно полагать, и проходили военныя экспедиціи въ степи въ древнее время.

Отъ м. Переволочнаго я направился къ р. Орели, придерживаясь линіи древнихъ, длинныхъ, такъ называемыхъ «змѣвыхъ» валовъ, идущихъ отъ м. Орчика къ мм. Китай-Городу и Царичанкѣ и далѣе по теченію р. Орели. Остановивъ свое вниманіе нѣсколько подробнѣе на мм. Китай-Городѣ и Царичанкѣ, такъ какъ близъ указанныхъ пунктовъ проходилъ издавна извѣстный путь въ степи, я изслѣдовалъ ихъ окрестности. Затѣмъ я направился по правому, возвышенному берегу р. Орели, придерживаясь направленія огромнаго, идущаго на многіе десятки верстъ, длиннаго, такъ называемаго «змѣваго» вала, утилизованнаго и некрытаго, въ своей значительной части, сооруженіемъ такъ называемой военной «линіи», выстроенной, какъ извѣстно, въ сравнительно болѣе позднее время. Мнѣ при-

шлое прослѣдить эти валы на протяженіи отъ Китай-Города до устья р. Берестоватой, впадающей въ р. Орель съ правой стороны и составляющей одинъ изъ ея главныхъ притоковъ. Здѣсь я прекратилъ изслѣдованіе линіи указанныхъ валовъ, такъ какъ она, оставивъ теченіе р. Орели, пошла по направленію праваго берега р. Берестоватой, въ направленіи къ г. Константинограду. Между тѣмъ, мнѣ было необходимо изслѣдовать теченіе р. Орели возможно дальше отъ ея устья и потому я направился вверхъ по правому берегу означенной рѣки, отмѣчая попадавшіеся здѣсь памятники древности. Я изслѣдовалъ мѣстность по теченію р. Орели вплоть до м. Перещепина, отъ котораго поворотилъ къ сѣверу, направляясь на гг. Константиноградъ, Карловку, Полтаву, а оттуда — на Бѣлоцерковку, Хораль и, наконецъ, на м. Лукомье. Такимъ образомъ, я дважды пересѣкъ поперекъ Полтавскую губернію: одинъ разъ вдоль днѣпровской долины, придерживаясь ближайшаго къ ней района, а другой — нѣсколько къ востоку отъ нея, почти посредиѣ Полтавской губ., съ востока на западъ.

Во время моей экскурсіи я старался, по возможности, тщательно изслѣдовать окружающую мѣстность, измѣрить, зарисовать и нанести на планъ всѣ болѣе или менѣе интересные памятники древности, какъ-то: городища, майданы, курганы и длинныя, такъ называемыя «змѣвыя» валы.

Наиболѣе подробно я останавливалъ свое вниманіе на такъ называемыхъ майданахъ, въ виду того интереса, который вызывали и вызываютъ въ настоящее время эти загадочныя земляныя сооруженія. Необходимо къ сказанному прибавить, что въ означенную экскурсію мнѣ пришлось наблюдать ихъ огромное количество; особенно много ихъ находится по теченію р. Орели, близъ такъ называемаго длиннаго, иначе «змѣваго» вала.

Я нанесъ на планъ, измѣрилъ и зарисовалъ до 85 майдановъ, отмѣчая не только ихъ существенныя особенности, но и всѣ особенности окружающей ихъ мѣстности: такимъ путемъ, мнѣ кажется, можно ближе подойти къ вопросу о значеніи и роли этихъ земляныхъ сооруженій. Къ сожалѣнію, за невозможностью слишкомъ далеко отклоняться въ сторону отъ полосы, намѣченной мною къ изслѣдованію, я не могъ подробно измѣрить и обследовать всѣхъ видѣнныхъ мною майдановъ; иногда мнѣ приходилось только отмѣчать ихъ мѣстонахожденіе, иногда же, когда представлялась возможность, — расположеніе крыльевъ относительно странъ свѣта и къ окружающей мѣстности. Въ виду того обстоятельства, что мнѣ приходилось почти повсюду замѣчать усиленную распахку кургановъ и майдановъ, при чемъ отъ нихъ едва остаются небольшіе слѣды, почему весьма многіе изъ нихъ на пути къ *полному и безслѣдному исчезновенію*, я постарался если не обследовать, то хотя отмѣтить ихъ существованіе, такъ какъ въ противномъ случаѣ они совсѣмъ будутъ потеряны для науки, и послѣдняя не только не воспользуется ихъ содержимымъ, но даже не будетъ знать объ ихъ существованіи въ той или другой мѣстности. Вслѣдствіе указанныхъ причинъ я рѣшилъ помѣстить въ настоящей работѣ пространныя выдержки изъ моего дневника, гдѣ съ подробностью отмѣчены всѣ попадающіяся по пути древнія земляныя сооруженія: курганы, майданы, городища и проч.

Особый интересъ возбудила во мнѣ линія громаднхъ, такъ называемыхъ «змѣвыхъ» валовъ, тянущихся по правому, возвышенному берегу р. Орели, — линія, имѣющая большое сходство съ валами по теченію р. Сулы и близъ г. Переяслава. Тщательно наблюдая эту линію, намъ пришлось отмѣтить ея двойной составъ: валъ древній и болѣе новый, при чемъ послѣдній, въ извѣстныхъ частяхъ, покрылъ собою старый валъ.

Свои наблюденія относительно памятниковъ древности мы будемъ излагать

въ послѣдовательномъ порядкѣ нашего маршрута, сообразно тѣмъ районамъ мѣстностей, которыя намъ приходилось проѣзжать.

Мѣстность отъ м. Лукомья до м. Яблоново представляетъ собой болѣе или менѣе ровную степную поверхность, безъ особыхъ на ней возвышеній или же кряжей. Однѣ только балки и незначительныя пониженія перерѣзываютъ эту равнину. Черезъ всю эту мѣстность, параллельно долинѣ р. Оржицы, въ недалекомъ разстояніи отъ упомянутой долины, проходитъ давній путь изъ м. Лукомья въ Яблоновъ. На всемъ протяженіи этого пути, въ разныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, попадаются курганы — майданы, то въ одиночку, то по нѣсколькимъ штукъ вмѣстѣ (по два, три и пр.). Они помѣщаются обыкновенно на возвышенныхъ пунктахъ, нѣсколько болѣе приподнятыхъ надъ окружающею ихъ мѣстностью, близъ пологихъ низинъ, или же близъ балокъ, бороздящихъ указанную мѣстность: обширныя луговые или же балочныя низины почти всегда сопутствуются — однимъ, двумя или нѣсколькими майданами или же цѣлой группой ихъ.

Общая форма городищъ-майдановъ, встрѣчающихся въ указанной мѣстности, состоитъ въ слѣдующемъ: городище имѣетъ главную, кольцевидной формы, насыпь, расположенную вокругъ углубленія или же ямы, обыкновенно лежащей ниже уровня окружающею поверхности равнины. Кольцевидная насыпь не представляетъ собой сплошнаго кольца, а разорвана въ одномъ или же двухъ мѣстахъ отверстиями или же воротами, въ недалекомъ разстояніи отъ которыхъ, по правую и по лѣвую сторону, отходитъ по парѣ полукружныхъ, правильной формы, крыльевъ, обращенныхъ вогнутой стороною другъ къ другу. Кольцевидная насыпь майдана достигаетъ 100 или же 120 аршинъ длины, при высотѣ отъ 1¹/₂ саж. до 3 и болѣе сажень. Глубина ямы въ настоящее время достигаетъ двухъ или же около этого саж.; длина крыльевъ — 60—70 аршинъ, мѣстами же нѣсколько меньше; высота насыпи не можетъ быть точно установлена, такъ какъ крылья усиленно распахиваются и высота ихъ поэтому сильно понижена; въ общемъ они, однако, достигаютъ еще и теперь до 1 саж. высоты. Расположеніе крыльевъ относительно странъ свѣта бываетъ различно; форма крыльевъ по большей части правильная, циркулярная; крылья обыкновенно симметрично расположены и другъ къ другу и въ отношеніи отверстій майдана. Разстояніе, на которомъ крылья расположены другъ отъ друга, бываетъ различно, но въ общемъ оно не особенно велико, крылья не расходятся, а скорѣе, какъ бы образуютъ собою полукольцо съ разрывомъ для прохода посерединѣ. Между крыльями, обыкновенно ближе къ ихъ концу, т.-е. къ выходу, находится заплывшее углубленіе, иногда съ возвышеніемъ вокругъ; иногда такихъ углубленій бываетъ два, расположенныхъ одно за другимъ, въ направленіи къ выходу. На разстояніи 50 и далѣе 100 сажень отъ крыльевъ замѣчаются курганы, расположенные, по большей части, правильно — одинъ за другимъ, а нѣсколько далѣе, но по той же линіи, т.-е. впереди крыльевъ, — замѣчается группа кургановъ, т.-е. 3 или 4, идущихъ одинъ за другимъ: это — какъ бы сторожевыя курганы, расположенныя впереди майданнаго сооруженія; съ вершины этихъ кургановъ отчетливо видны курганы, находящіеся близъ майдановъ.

Мы отмѣтили нѣсколько такихъ майдановъ по пути изъ д. Нижній-Иржавецъ (близъ м. Лукомья) къ с. Остатовкѣ, расположенной на р. Оржицѣ. Вотъ описаніе одного изъ такихъ майдановъ, расположенныхъ въ недалекомъ разстояніи отъ с. Остатовки, близъ перекрестья дорогъ, идущихъ изъ Остатовки на Лубны и изъ м. Яблонова на Лукомье.

Майданъ № 1, одинаковый по формѣ съ воспроизведеннымъ и подъ № 3 и 4, расположенъ на возвышенной сравнительно съ остальною мѣстностью плоскости. Онъ пред-

ставляет циркулярной формы валь, окружающий круглую яму, имѣющую около $1\frac{1}{2}$ саж. глубины. Длина окружности упомянутого вала = 105 аршинамъ; высота насыпи вала, не смотря на то, что послѣдній полураспаханъ, доходить до $1\frac{1}{2}$ саж. По обѣ стороны отъ входа въ майданъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него (до 8 аршинъ), отходятъ два полукруга крыльевъ, представляющихъ собой дугообразной формы насыпи, расположенныя другъ противъ друга выгнутой стороной. Длина каждаго изъ крыльевъ около 70 аршинъ, высота около 1 саж. Упомянутыя крылья въ настоящее время распахиваются. Между концами крыльевъ, при выходѣ въ поле, находится продолговатой формы яма, а близъ нея, нѣсколько внутрь, между крыльями, находится вторая яма, окруженная небольшимъ, но широкимъ возвышеніемъ, въ видѣ невысокаго вала.

Версты двѣ далѣе, вправо отъ дороги, въ разстояніи 30—40 саж. отъ послѣдней, находится майданъ № 2 такого же вида.

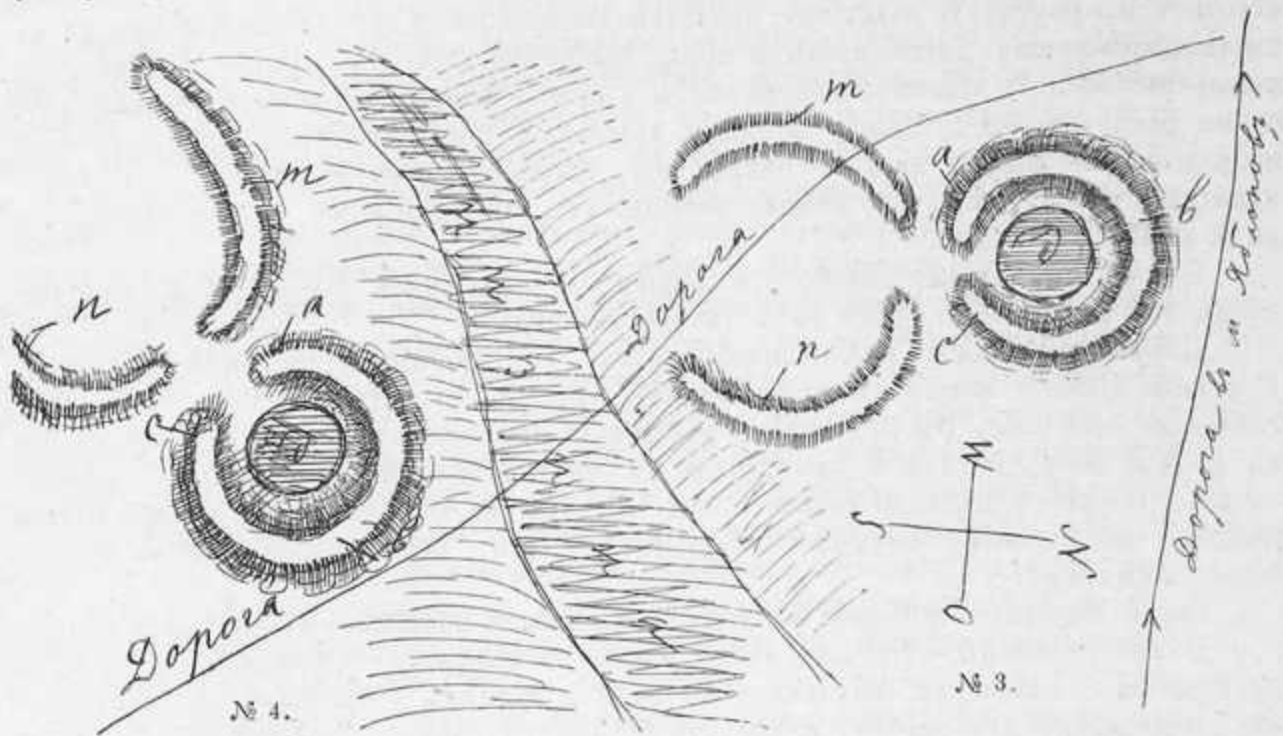
Длина окружности кольцевиднаго вала = 102 аршинамъ; глубина ямы около $1\frac{1}{2}$ саж. Высота насыпи вала въ однихъ мѣстахъ доходитъ до 2-хъ, а въ другихъ — до 3-хъ саж. Въ недалекомъ разстояніи отъ воротъ майдана, въ направленіи на с.-в. и ю.-з., отходятъ два крыла въ видѣ дугообразныхъ валовъ, длиною около 60 арш., а высотой около 1 саж. Любопытно отмѣтить, что южное крыло майдана расположено паручь съ вершиной балки, переходящей затѣмъ въ небольшую низину.

Среди мѣстныхъ жителей майданъ этотъ носить названіе «Лубенской могилы».

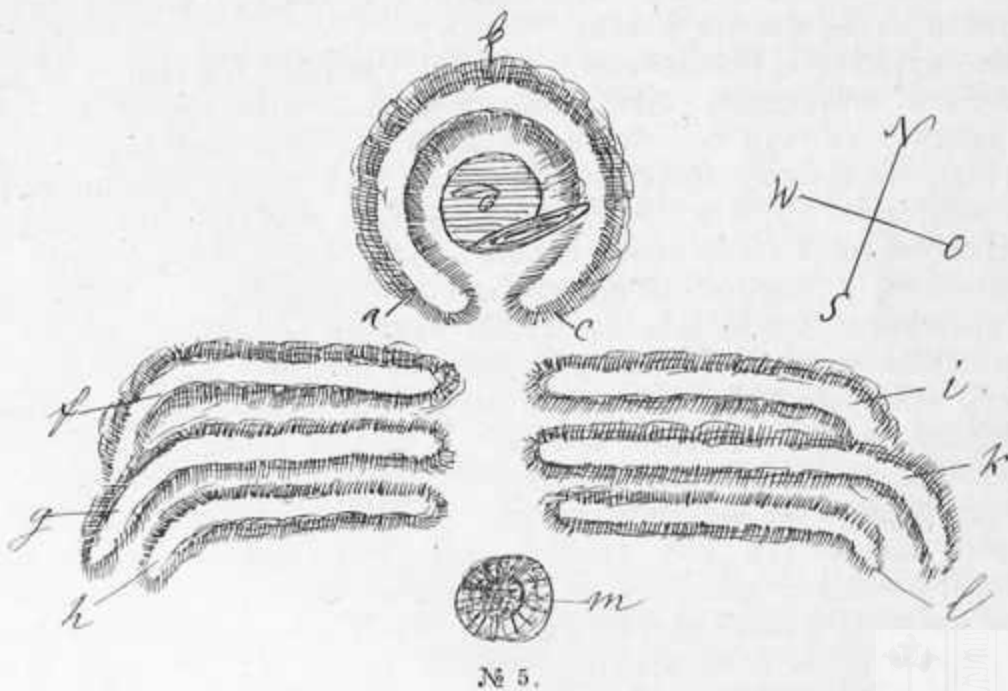
Въ разстояніи 70—100 саж. далѣе, вправо, неподалеку отъ перекрестной дороги, идущей на с. Золотухи, находится въ полѣ 1 курганъ. Проѣхавъ съ версту далѣе, неподалеку отъ дороги, влѣво отъ послѣдней, находится 1 майданъ съ двумя крыльями, а нѣсколько далѣе къ юго-востоку, за полосой неширокой низины, протянувшейся въ направленіи съ юга-запада на сѣверо-востокъ, расположенъ другой майданъ, также съ двумя крыльями. Этотъ второй майданъ по величинѣ нѣсколько болѣе перваго. Если представить оба майдана на рисунокѣ, то они имѣютъ такой видъ (№№ 3-й и 4-й).

Длина окружности кольцевиднаго вала (*abc*) майдана (см. рис. 3-й) 130 арш.; высота насыпи означеннаго вала, который въ настоящее время распахивается, около 2 аршинъ, мѣстами же — около 1 сажени. Глубина ямы свыше 2 сажени. Отверстіе или же ворота находятся въ южной части кольцевидной насыпи майдана. Въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ саж. отъ воротъ майдана отходятъ два крыла *m* и *n*, представляющихъ собой дугообразной формы насыпи, каждая длиною около 125 арш., а высотой — около 1 сажени. Почва крыльевъ — глинистая, а кольцевидной насыпи — черноземная. Черезъ западное крыло майдана пролегаетъ дорога, которая, прошедши черезъ пространство между крыльями майдана, направляется къ югу, пересѣкаетъ на своемъ пути небольшую низину, расположенную неширокой полосой неподалеку отъ означеннаго майдана, и затѣмъ проходитъ неподалеку отъ второго (см. рис. 4-й) майдана, съ восточной его стороны. Этотъ второй майданъ отстоитъ отъ перваго на разстояніи около $\frac{1}{4}$ версты. Длина кольцевидной насыпи второго майдана (см. рис. 4) *abc*, — около 150 аршинъ; глубина ямы около 2 саж.; ворота майдана находятся въ западной части кольцевиднаго вала. Высота послѣдняго около $1\frac{1}{2}$ саж. Въ разстояніи 2 сажени отъ отверстія майдана отходитъ пара крыльевъ *m* и *n*, представляющихъ собой полукружнаго вида валы, высотой около 1 сажени, а длиною до 60 аршинъ. Разстояніе между концами крыльевъ, выходящихъ въ поле, = 60 аршинамъ. Въ настоящее время майданъ и его крылья усиленно распахиваются, что затрудняетъ опредѣленіе его бывшей высоты и длины крыльевъ.

Въ недалекомъ разстояніи отъ послѣдняго майдана, въ направленіи къ с. Золотухамъ, въ полѣ, находится одинъ майданъ; а близъ с. Золотухъ, не доѣзжая означеннаго села, — другой майданъ, расположенный неподалеку отъ долины р. Оржицы.

Проѣхавъ полъ-версты далѣе по дорогѣ, мы имѣемъ вправо, въ разстояніи около 400 шаговъ, одинъ курганъ, а около полу-версты далѣе — майданъ съ тройной парой крыльевъ. Этотъ майданъ имѣетъ такой видъ (№ 5):

Длина окружности кольцевиднаго вала $abc=120$ арш.; глубина ямы d — около 3 саж.; высота вала — отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 саж. Близъ дна майдана, въ направленіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ, находится углубленіе — родъ другой, продолговатаго

вида, ямы, захватывающей часть стѣнки вала восточной его части. Неподалеку отъ входа майдана, въ направленіи на востокъ и на западъ, находится три пары крыльевъ, представляющихъ три параллели валовъ, при чемъ валы эти имѣютъ ту особенность, что идутъ сначала въ видѣ прямой линіи, а къ концу нѣсколько загибаются, при чемъ первый валъ своимъ концомъ примыкаетъ къ среднему валу, болѣе длинному, чѣмъ первый; третій валъ на всемъ своемъ протяженіи сохраняетъ параллельность со вторымъ, т.-е. съ среднимъ. Длина первого вала = 55 арш.; второго, т.-е. средняго = 75 арш.; а третьяго = 50 арш. Высота первого и второго вала около 1—1½ саж., а высота третьяго вала наполовину меньше, т.-е. отъ 1 арш. до 1½—2 арш. Прямо противъ входа майдана, неподалеку отъ третьей пары крыльевъ, находится довольно значительныхъ размѣровъ яма, наполовину засыпанная. Все городище усиленно распахивается, и восточное, малое крыло, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, почти сравнено съ землей. Влѣво отъ дороги на Яблоновъ, какъ разъ напротивъ майдана, въ разстояніи приблизительно около ½ версты, находится небольшой курганъ.

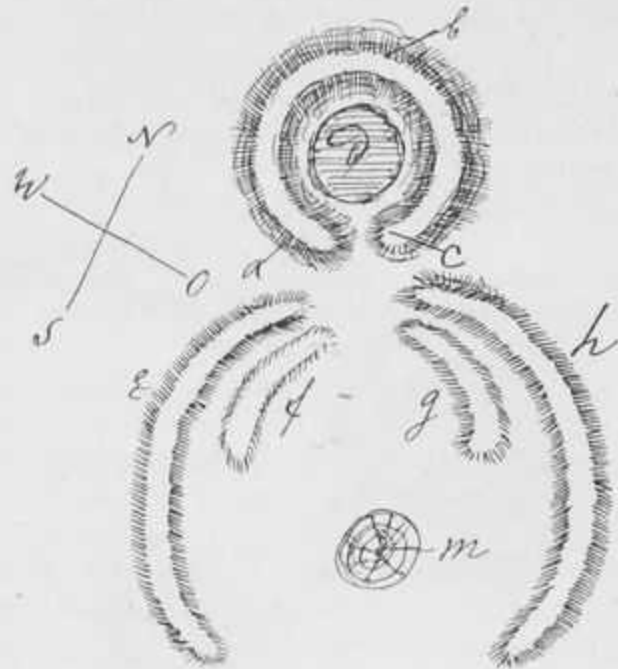
Поль-версты далѣе, къ западу отъ только что описаннаго майдана, находится другой майданъ, имѣющій уже двѣ пары крыльевъ. Онъ имѣетъ такой видъ (№ 6-й).

Длина окружности кольцевиднаго вала *abc* майдана = 130 арш., глубина ямы около 3 саж.; высота вала около 1½ или 2 саж. Ворота майдана расположены на юго-востокъ. Въ недалекомъ разстояніи отъ означенныхъ воротъ (разстояніе это = 2 саж.), отходитъ двѣ пары крыльевъ *ch* и *gf*, изъ которыхъ первая, болѣе длинная, имѣютъ въ длину около 80 арш., въ высоту же менѣе 1 сажени, а вторыя—въ длину одно около 30 арш., а другое около 60 арш. и высотой нѣсколько ниже предыдущихъ. Между концами большихъ крыльевъ, которое = 120 арш., посерединѣ, находится круглая яма, расположенная какъ разъ напротивъ входа въ майданъ. Влѣво отъ дороги, за майданомъ, находятся два кургана, а вправо отъ той же дороги, въ разстояніи около 1 версты,—еще два кургана.

Въ разстояніи около полуверсты отъ дороги, влѣво отъ нея, находится майданъ № 7 одной формы съ №№ 1—4.

Длина окружности кольцевиднаго вала = 110 арш.; глубина ямы = около 2-хъ саж.; высота насыпи вала въ настоящее время, когда майданъ распахивается, достигаетъ около 2 или 2½ арш., но, несомнѣнно, раньше она была гораздо выше.

Особенность этого майдана состоитъ въ томъ, что отходящія отъ его отверстія крылья начинаются не на разстояніи одной или двухъ саж., какъ это обыкновенно бываетъ, но значительно дальше, а именно — на разстояніи около двадцати аршинъ; крылья имѣютъ правильную полукруглую дуговую форму; длина каждаго изъ крыльевъ доходитъ до 50 арш., при высотѣ въ 1½ саж.; ширина крыльевъ у основанія достигаетъ около 4 саж., а на вершинѣ около 2 аршинъ.

№ 6.

За описаннымъ курганомъ, влѣво отъ дороги, въ разстояніи около 70—80 саж. отъ нея, находится 1 курганъ.

Проѣхавъ по дорогѣ отъ только что описаннаго майдана около 1 версты, мы встрѣчаемъ вправо отъ дороги, въ разстояніи около 70 саж. отъ нея, майданъ съ крыльями № 8 такого же вида.

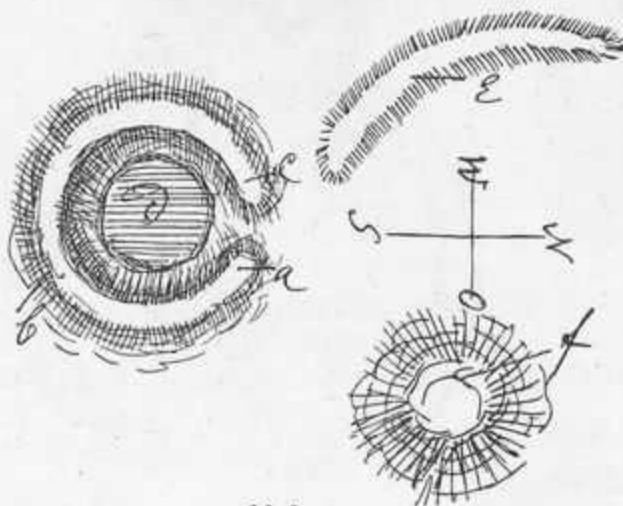
Длина окружности кольцевиднаго вала = 110 аршинамъ; глубина ямы майдана около 3 саж.; высота насыпи вала майдана около $2\frac{1}{2}$ или же 3 арш. Крылья отходятъ въ небольшомъ (около 1 саж.) разстояніи отъ отверстія майдана. Длина каждаго изъ крыльевъ = около 70 или 75 аршинъ. Разстояніе между концами крыльевъ около 70 аршинъ; высота крыльевъ по срединѣ около 2 саж., а къ концамъ нѣсколько ниже; ширина крыльевъ у основанія около 4 саж., а на верху — около 2 или же 3-хъ аршинъ; почва крыльевъ глинистая.

Проѣхавъ версты полторы далѣе отъ означеннаго майдана, влѣво отъ дороги, въ разстояніи отъ нея саж. около 40—50, находятся два кургана, которые усиленно распаиваются. Отъѣхавъ еще съ полъ-версты, влѣво отъ дороги, въ разстояніи отъ нея около 70 саж., находится майданъ обычнаго типа и размѣровъ,

съ крыльями на западъ, а нѣсколько далѣе, вправо отъ дороги, въ разстояніи отъ послѣдней съ версту, находятся два кургана, расположенныхъ другъ отъ друга на довольно значительномъ разстояніи (около $\frac{3}{4}$ в. или же 1 версты).

Верстахъ въ 3-хъ отъ с. Филипповичъ, по дорогѣ вправо, на небольшомъ разстояніи отъ нея, находится 1 курганъ, въ настоящее время полу-распаханный.

Районъ мѣстности между с. Филипповичами и м. Драбовомъ представляетъ уже другой характеръ размѣровъ и устройства майдановъ. Здѣсь форма

№ 9.

этихъ земляныхъ сооружений становится уже нѣсколько иной, сравнительно съ раньше описанными: майданы принимаютъ уже болѣе крупныя размѣры; высота ихъ, особенно съ опасной стороны, доходить до 4 саж. и даже болѣе; внутренность не представляетъ собой правильной котлообразной ямы, а бугристую неровную поверхность съ небольшими впадинами на ней. Издали эти земляныя сооружения имѣютъ видъ высокихъ, солидныхъ размѣровъ кургановъ съ небольшой впадиной на противоположномъ высокой части склонѣ его; вокругъ майдана, у подошвы его, замѣчаются слѣды заплывшаго рва; крылья у майдановъ обыкновенно незначительной величины и небольшой высоты. Одной изъ характерныхъ особенностей этихъ майдановъ составляетъ то, что въ небольшомъ разстояніи отъ кольцевиднаго вала майдана, саженьхъ въ 8 или же 10, находится по одному, иногда по два, довольно высокихъ и значительныхъ размѣровъ кургана.

Такъ, верстъ за 7 отъ м. Драбова, если ѣхать изъ с. Филипповичей, влѣво отъ дороги, въ разстояніи 30—40 саж. отъ послѣдней, находится майданъ такого вида (№ 9-й).

Длина кольцевидной насыпи майдана свыше 130 арш.; высота южной части насыпи майдана доходить до 5 саж.; по краямъ же высота эта нѣсколько ниже; глубина ямы (d) майдана доходить до 3 саж. Въ нѣкоторомъ разстояніи

ИРИСКИ УИ
НАСЛЕДИЯ

отъ воротъ майдана, находящихся въ сѣверной части кольцевиднаго вала, отходить въ сѣверо-западномъ направленіи крыло (ε) майдана, длиною около 70 арш., а высотой около 1 аршина, что произошло отъ распашки, производящейся и въ настоящее время. Съ сѣверо-восточной стороны майдана, на мѣстѣ крыла, какъ бы въ симметріи съ послѣднимъ, находится очень большихъ размѣровъ курганъ около 3—4 саж. высоты.

Проѣхавъ версту далѣе, влѣво отъ дороги, въ разстояніи около 70—80 саж. отъ нея, находится курганъ—майданъ, а за нимъ, въ небольшомъ разстояніи,—1 курганъ. Такой же курганъ находится и вправо отъ дороги, на разстояніи отъ нея около 30—40 саж. Версты за 3 отъ м. Драбова, влѣво отъ дороги, идущей изъ Филипповичъ, близъ самой дороги, находится невысокій майданъ съ невысокими же крыльями; очевидно, онъ полураспаханъ.

Къ юго-востоку отъ м. Драбова, въ разстояніи около 1 версты отъ него, находятся 3 кургана, расположенныхъ одинъ отъ другого, приблизительно, саж. на сто.

Въ недалекомъ (около $\frac{1}{4}$ в.) разстояніи отъ м. Драбова, влѣво отъ дороги, находится очень большой курганъ, высотой до 4—5 саж.

Въ м. Драбовѣ, близъ церкви, къ западу отъ нея, есть 1 курганъ. Кромѣ того, напротивъ больницы, вправо отъ дороги, въ разстояніи около полуверсты, два кургана.

Въ разстояніи около $1\frac{1}{2}$ в. отъ Драбова, къ западу, за имѣніемъ помѣщика Хабарова, на возвышенной площади, откуда открывается широкій горизонтъ, находится довольно значительныхъ размѣровъ майданъ (№ 10), имѣющій видъ обыкновенной головы майдана, т.-е. верхней его части безъ крыльевъ.

Длина окружности кольцевиднаго вала=150 аршинамъ; высота насыпи съ южной стороны майдана около 3 саж., а къ концамъ—нѣсколько ниже; глубина ямы майдана около 2 саж.; ворота или входъ майдана открываются на сѣверо-востокъ.

Крыльевъ при майданѣ не оказалось: быть можетъ, они уже распаханы, такъ какъ поля вокругъ усиленно пахутся. Въ разстояніи полуверсты къ сѣверу находится замѣтная для глаза низина.

Въ сѣверо-западномъ направленіи отъ майдана, въ разстояніи около полуверсты, находятся 3 кургана, за которыми, къ сѣверу, въ разстояніи съ версту отъ упомянутыхъ трехъ кургановъ, виденъ курганъ, а за нимъ, приблизительно на такомъ же разстояніи,—другой курганъ.

Въ томъ же сѣверо-западномъ направленіи, приблизительно верстахъ въ 4—5, виденъ майданъ, довольно значительной, повидимому, величины.

Въ западной части горизонта, тоже, приблизительно, на разстояніи 3—4-хъ верстъ, въ степи, на возвышеніи, виденъ майданъ, а къ сѣверу отъ него—четыре курганообразныхъ насыпи, быть можетъ, имѣющія связь съ майданомъ, составляя какую-либо часть его, или же полуразрушенныя крылья. Еще далѣе къ сѣверу, въ степи, виденъ рядъ кургановъ.

За х. Марьяновича, по дорогѣ на Жорноклевы, въ разстояніи около $\frac{1}{4}$ версты отъ означеннаго хутора, есть два кургана, расположенныхъ по обѣ стороны дороги. Далѣе, къ сѣверу, видно нѣсколько кургановъ, въ разстояніи, приблизительно, около 3 верстъ. Всѣ эти курганы, какъ и первые два, расположены на возвышенной плоскости, позволяющей отчетливо видѣть ихъ издали.

Въ д. Тополяхъ, въ усадьбѣ г. Устимовича, на концѣ его сада, есть курганъ, высотой сажени въ двѣ.

За д. Тополями, въ степи, на горизонтѣ, къ западу, въ разстояніи около 4—5 верстъ, видно нѣсколько кургановъ, идущихъ другъ за другомъ въ извѣст-

номъ разстояніи, но неправильно размѣренномъ. Такой же рядъ кургановъ тянется и вправо отъ дороги, т.-е. въ с.-восточной сторонѣ отъ нея, въ разстояніи около полувѣрсты отъ нея, также съ извѣстными промежутками другъ отъ друга. Въ ряду этихъ кургановъ есть одинъ, болѣе обширныхъ, сравнительно съ другими курганами, размѣровъ; въ разстояніи, приблизительно, около $1\frac{1}{2}$ версты отъ него, по лѣвую сторону отъ дороги, находится майданъ, не особенно значительныхъ размѣровъ. Крыльями онъ расположенъ, повидимому, на югъ.

Подъ самымъ с. Жорноклевами, вправо отъ дороги, есть одинъ курганъ.

Переѣхавъ Жорноклевскую плотину и поднявшись на гору, вправо отъ дороги, приблизительно саженьяхъ въ 50 отъ послѣдней, находится 1 курганъ, а къ сѣверу отъ него — еще два кургана, расположенныхъ близъ с. Чепилки.

Влѣво отъ дороги, на такомъ же разстояніи, есть еще два кургана, изъ которыхъ одинъ больше другого.

Къ западу отъ с. Чепилки находится 1 курганъ, а за нимъ съ полверсты далѣе — другой. Въ разстояніи около 1 версты отъ с. Чепилки, въ направленіи къ х. Шкудановкѣ, близъ послѣдняго, вправо отъ дороги, еще курганъ.

Къ западу отъ с. Богданы, съ версту, — курганъ, за которымъ далѣе еще другой.

На горѣ, при спускѣ въ д. Худолѣвку, есть 1 курганъ.

За Шкудановкой, поднявшись на гору, вправо, въ разстояніи около 1 версты отъ дороги, на возвышеніи, находится довольно значительныхъ размѣровъ майданъ (№ 11) съ парными боковыми крыльями-валами одного типа съ № 6-мъ.

Длина окружности кольцевиднаго вала около 150 арш.; высота вала съ южной стороны майдана около 3 саж.; съ той же стороны, изнутри майдана, къ его стѣнкѣ, примыкаетъ полукружное возвышеніе, нѣсколько ниже вала майдана; глубина ямы майдана = около $2\frac{1}{2}$ саж. Отверстіе майдана на востокъ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ указаннаго отверстія отходятъ, на юго-западъ и на сѣверо-западъ, двѣ пары крыльевъ, изъ которыхъ одно имѣетъ въ длину около 100 арш., при высотѣ въ 1 саж., а другое около 60 арш. Между крыльями находится ровъ. Интересно отмѣтить, что въ промежуткѣ между концомъ кольцевидной насыпи майдана и началомъ только что описанныхъ крыльевъ находится возвышеніе въ видѣ кургана.

Длина двухъ сѣверныхъ крыльевъ такая: одно крыло имѣетъ около 100 арш. длины, другое — около 70 арш., при высотѣ обоихъ крыльевъ около 1 саж.; между валами означенныхъ крыльевъ находится углубленіе въ видѣ рва.

Противъ входа майдана, между концами крыльевъ, находится яма.

Вокругъ майдана, на небольшомъ отъ него разстояніи, разбросано нѣсколько кургановъ, небольшихъ, сравнительно, размѣровъ, и только курганъ къ юго-востоку отъ майдана выдѣляется среди другихъ своей величиной и высотой, которая достигаетъ около 3 саж. Интересно отмѣтить, что впереди майдана, къ востоку, находится четыре кургана.

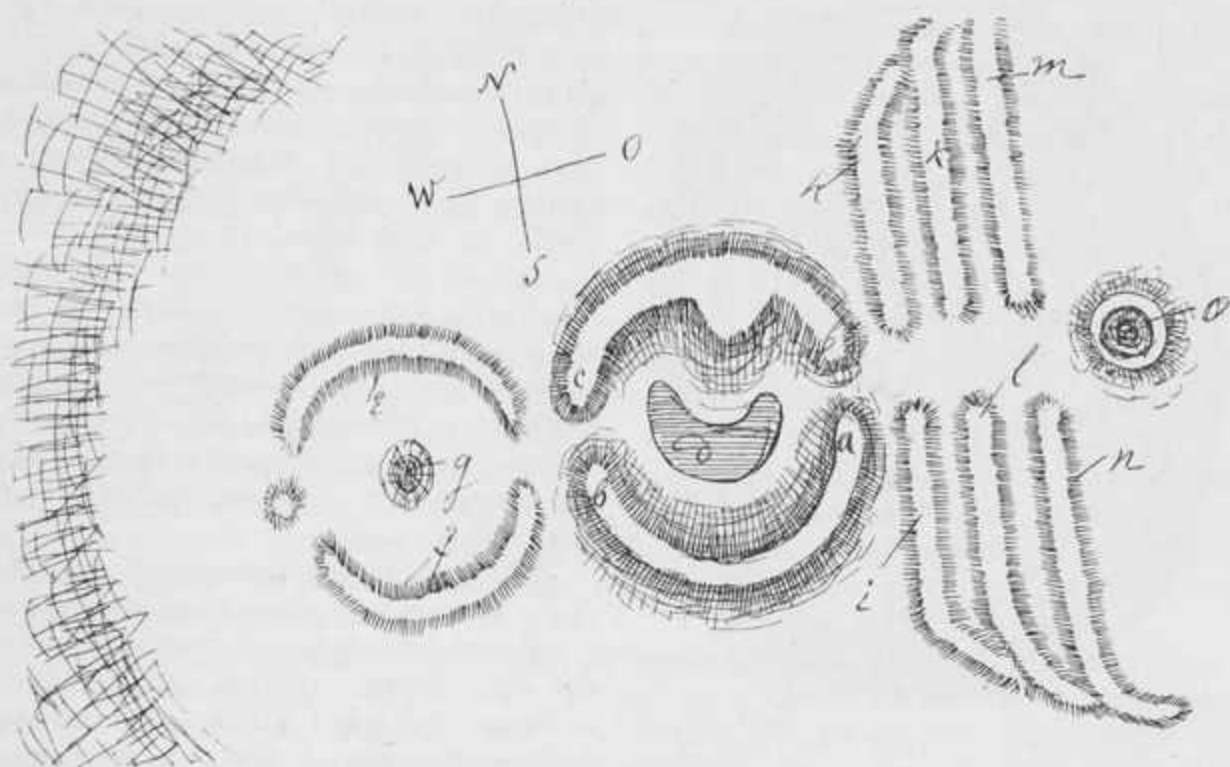
За р. Супоемъ, на широкомъ, нѣсколько приподнятомъ сравнительно съ Днѣпровской долиной, степномъ плато находится нѣсколько городищъ — майдановъ, расположенныхъ на неособенно далекомъ разстояніи одинъ отъ другого, и всегда на возвышенныхъ, далеко видныхъ отовсюду мѣстахъ.

Такъ, верстахъ въ двухъ отъ только что описаннаго майдана, къ западу, находится одинъ майданъ, безъ крыльевъ, а другой, къ сѣверу отъ него, — съ большими крыльями. Этотъ послѣдній расположенъ на землѣ кн. Горчакова и имѣетъ такой видъ (№ 12).

Майданъ представляетъ ту особенность, что отличается значительно болѣе

крупными размѣрами и по своему объему, и по высотѣ своихъ валовъ, сравнительно съ другими сооруженіями подобнаго рода. Онъ виденъ издали на далекомъ разстояніи. Насыпи уцѣлѣли сравнительно хорошо и позволяютъ составить отчетливое представленіе объ ихъ величинѣ и конструкціи.

Кольцевидная насыпь майдана представляетъ ту особенность, сравнительно съ обычнымъ видомъ майдановъ, что она состоитъ изъ двухъ дугъ (ab и bc), отдѣленныхъ одна отъ другой двумя отверстіями или воротами, расположенными одно— въ восточномъ, а другое—въ западномъ направленіяхъ. Въ сѣверной дугѣ головы майдана, изнутри, посрединѣ, находится выступъ, отходящій отъ вала майдана; онъ,

№ 12.

повидимому, былъ причиной неправильности ямы майдана, которая, вмѣсто обычной правильно круглой, имѣетъ вогнутую со стороны указаннаго мыса поверхность. Длина дуги ab = 140 аршин.; а дуги bc = 70 арш. Высота вала около 4 саж.; глубина ямы (d) около 3½ саж. Противъ восточныхъ воротъ, на значительномъ отъ нихъ и кольцевидной насыпи майдана разстояніи (около 3 саж.), расположено три пары крыльевъ, hi, kl, mn, идущихъ въ перпендикулярномъ къ линіи выхода направленіи и въ параллельномъ другъ другу; только къ концамъ, наружнымъ, крылья майдана нѣсколько загибаются и сливаются другъ съ другомъ, образуя замкнутыя пространства между стѣнками своихъ валовъ — нѣчто вродѣ закрытыхъ снаружи рововъ. Длина крыльевъ не одинакова: расположенныя ближе къ кольцевидной насыпи майдана имѣютъ около 63 — 65 арш.; среднія отъ 80 до 85 арш.; крайнія—около 90 аршинъ; высота первыхъ выше 1 сажени, а послѣднія 2 сажени; прямо противъ входа въ майданъ, передъ крыльями, находится довольно значительныхъ размѣровъ заплывная яма съ кольцообразнымъ возвышеніемъ вокругъ: это возвышеніе имѣетъ суглинистый характеръ своего состава.

Противъ западныхъ воротъ также расположены крылья (e и l) майдана, но меньшихъ размѣровъ: длина ихъ около 60—70 арш.; высота же около 1 или же

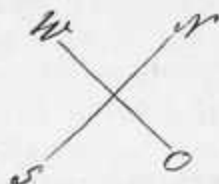
1½ арш.; это понижение валовъ произошло оттого, что все пространство пашется; по срединѣ, между крыльями, находится яма (g), а между концами крыльевъ—курганъ¹⁾.

Съ насыпей этого майдана открывается обширный видъ на далекое расстояние: видны дѣпровскія правобережныя высоты, окрестности г. Переяславля и множество сель.

Въ разстояніи около 1 версты къ сѣверо-востоку отъ описаннаго майдана, близъ дороги, спускающейся въ с. Яненковы-Пологи, на той же возвышенной поверхности, находится другой майданъ, входящій въ составъ довольно обширнаго городища (№ 13).

№ 13.

лабиринтъ насыпей, расположенныхъ въ довольно значительномъ углубленіи, вродѣ обширной ямы, обставленной вокругъ изорванными отрѣзками валовъ, а въ срединѣ наполненной то круглой, то какой-то продолговатой формы насыпями. Съ южной стороны замѣтны слѣды двухъ параллельныхъ рововъ и сопровождавшихъ ихъ возвышенностей, не имѣющихъ, однако, формы валовъ, а видъ какихъ-то удлиненныхъ треугольниковъ, неправильныхъ очертаній. Западная часть майдана имѣетъ видъ удлиненной земляной площадки, обставленной по краямъ валами. На разстояніи 40 аршинъ эта площадка какъ бы запирается двумя отрѣзами валовъ (р и г), каждый длиною около 40 или 50 аршинъ. Далѣе идетъ широкій ровъ, замыкаемый высокимъ, идущимъ вокругъ всего городища, валомъ, со рвомъ на внѣшней сторонѣ. Этотъ послѣдній, окаймляющій все городище, валъ имѣетъ круглую, нѣсколько подходящую къ овалу форму. Въ настоящее время все городище это заросло лѣсомъ и кустарниками. Среди мѣстныхъ жителей означенное городище носитъ названіе *кугумъ* (kuhum),—слово, повидимому, тюркскаго корня.

¹⁾ Среди мѣстныхъ жителей эта насыпь извѣстна подъ названіемъ *кугума*.

По своей конструкции это городище-майданъ напоминаетъ расположенное неподалеку отъ Бѣльска на р. Ворсклѣ городище *Скороборъ*.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ только что описаннаго городища - майдана, къ сѣверо-западу, по той же нагорной возвышенности, ближе къ склону ея въ долину, находятся три кургана, а передъ ними—майданъ.

Близъ с. Чоботьки находится длинный земляной валъ, идущій въ направленіи къ югу, и извѣстный въ народѣ подъ именемъ «зміеваго». Онъ сохранился еще очень хорошо.

На разстилающейся, начиная отъ сс. Яненковыхъ-Пологовъ, Вергуновъ и пр. и до г. Переяславля равнинѣ находится множество кургановъ, разбросанныхъ по обѣ стороны дороги и въ сторонѣ отъ нея, но майдановъ встрѣчается очень мало: быть можетъ, они здѣсь исчезли благодаря усиленной распашкѣ полей.

Необходимо замѣтить, что сс. Яненковы - Пологи, Вергуны и Натягайловка расположены на низменной, болотистой, сырой низинѣ, разстилающейся подъ уступомъ плато, отходящаго далѣе къ востоку, къ теченію р. Супоя. На этой низменной равнинѣ сохранилось еще довольно много кургановъ.

Такъ, близъ с. Вергуны, въ полѣ, къ востоку отъ села, въ разстояніи около 1 версты отъ села, есть одинъ курганъ.

Далѣе, за с. Вергунами, близъ дороги, при поворотѣ на переяславльскій трактъ, находится 1 курганъ, а вправо, на пологой низинѣ, идущей къ горѣ—нѣсколько небольшихъ кургановъ, разбросанныхъ въ разстояніи около 1 версты отъ дороги.

Близъ с. Вергуны, къ сѣверу, есть 1 курганъ, а за нимъ, вправо отъ дороги, саж. въ 100 далѣе, въ направленіи къ с. Чоботькамъ, на такой же низинѣ, находится небольшой курганъ; еще далѣе, въ разстояніи около четверти версты,—другой курганъ, расположенный надъ луговой озерявиной. Этотъ курганъ уже наполовину распаханъ и раскопанъ.

За с. Лецками, вправо отъ дороги на Переяславль, близъ села, есть 1 курганъ.

За с. Войнинцами, вправо отъ дороги на с. Каратуль, близъ самаго села, есть два кургана, за которыми, съ $\frac{1}{2}$ в. далѣе, еще одинъ курганъ. Затѣмъ, въ направленіи къ сѣверо-западу, видно нѣсколько кургановъ, отстоящихъ одинъ отъ другого на довольно значительномъ (приблизительно съ версту) разстояніи. Вправо, на возвышенномъ берегу плато, протянувшася надъ низиной, находится 1 майданъ, а далѣе—5 или 6 кургановъ, отстоящихъ другъ отъ друга на извѣстномъ разстояніи. Цѣпь этихъ кургановъ протянулась въ направленіи къ г. Переяславлю. Есть курганы и близъ с. Малая-Каратуль. Такъ, не доѣзжая означеннаго села, въ разстояніи около $\frac{1}{2}$ в. отъ послѣдняго, влѣво отъ дороги, находится 1 курганъ; такой же курганъ находится и въ небольшомъ разстояніи (около $\frac{1}{2}$ в.), за такъ называемой «цариной» или же селской заставой, расположенной за длиннымъ, такъ называемымъ «зміевымъ» валомъ, протянувшимся въ сѣверо-восточномъ направленіи.

Къ востоку отъ с. Велика-Каратуль, въ полѣ, подъ селомъ, находятся два кургана.

Переѣхавъ плотину и мостъ въ с. Малая-Каратуль, можно видѣть въ полѣ, слѣва отъ дороги, идущей въ Переяславль, линію «зміеваго» вала, протянувшася къ юго-западу.

Не доѣзжая г. Переяславля, версты за 3, вправо отъ дороги, близъ нея, находится 1 курганъ, а проѣхавъ еще съ версту, близъ поворота большой дороги на г. Золотоношу,—еще одинъ курганъ, расположенный у самой дороги. Съ лѣвой стороны дороги, за поворотомъ на г. Золотоношу, есть также два кургана.

На разстилающейся за г. Переяславлемъ равнинѣ къ юго-востоку, по дорогѣ на Золотоношу, находится нѣсколько кургановъ. Такъ, въ разстояніи около 2-хъ версты отъ г. Переяславля, по Золотоношскому тракту, вправо отъ дороги, недалеко отъ послѣдней, есть 1 курганъ, а версту далѣе — 2 кургана, въ настоящее время уже полураспаханныхъ. Проѣхавъ еще съ $\frac{1}{2}$ версты по той же дорогѣ, вправо отъ нея, въ близкомъ разстояніи, находится высокій курганъ, а за нимъ, въ направленіи къ днѣпровской долині—еще 1 курганъ.*

Въ разстояніи 6—7 версты отъ Переяславля къ юго-востоку, черезъ дорогу на Золотоношу, проходитъ длинный, такъ называемый «зміевый валь». Онъ сохранился еще довольно хорошо и возвышается надъ поверхностью земли саж. на $1\frac{1}{2}$ или 2, имѣя на вѣшной сторонѣ ровъ. Въ разстояніи около $\frac{1}{2}$ версты отъ воротъ или проѣзда черезъ валь, къ востоку отъ него, близъ самаго вала, находится 1 курганъ, а за нимъ, съ полверсты къ юго-востоку, — другой курганъ, за которымъ, въ полѣ, видѣется, на извѣстномъ разстояніи, еще третій курганъ: это какъ бы линія сторожевыхъ кургановъ.

Далѣе до м. Хоцки кургановъ больше я не встрѣчалъ; по обѣ стороны дороги разстилалось пониженное пространство. За м. Хоцками, расположенными среди песковъ, кургановъ встрѣчается мало: здѣсь, повидимому, еще недавно существовали лѣса, остатки которыхъ сохранились еще и теперь, въ видѣ дубовыхъ и березовыхъ рощъ. Только на половинѣ дороги между м. Хоцками и Глемязовымъ начинаютъ попадаться курганы. Такъ, версты за 8--9 отъ м. Глемязова, вправо отъ дороги, на возвышенной плоскости, есть 3 кургана; нѣсколько далѣе, переѣхавъ низину, протянувшуюся черезъ дорогу, вправо отъ нея, находится 1 курганъ. Версты $1\frac{1}{2}$ — 2 далѣе, на той же, правой сторонѣ дороги, въ разстояніи около $\frac{1}{2}$ в. отъ нея, на возвышеніи, находится 1 курганъ; на лѣвой же сторонѣ дороги, въ разстояніи около $1-1\frac{1}{2}$ в. отъ послѣдней, въ полѣ, на возвышеніи, находятся 2 кургана.

Проѣхавъ по дорогѣ нѣсколько далѣе, съ $\frac{1}{2}$ в., мы встрѣтили 2 небольшихъ кургана, а саж. 100 далѣе къ востоку, еще два кургана, близъ которыхъ—слѣды третьяго кургана, уже полураспаханнаго. Влѣво отъ дороги, въ разстояніи около $\frac{3}{4}$ в., на возвышеніи, находятся 2 кургана.

Версты 2 не доѣзжая м. Глемязова, вправо отъ дороги, съ $\frac{1}{2}$ в. отъ послѣдней, есть 1 курганъ.

Близъ м. Глемязова, вправо отъ дороги, находится 1 курганъ, и такой же курганъ влѣво отъ дороги. Въ чертѣ м. Глемязова, неподалеку отъ вѣзда въ него, влѣво отъ дороги, есть одинъ большой курганъ.

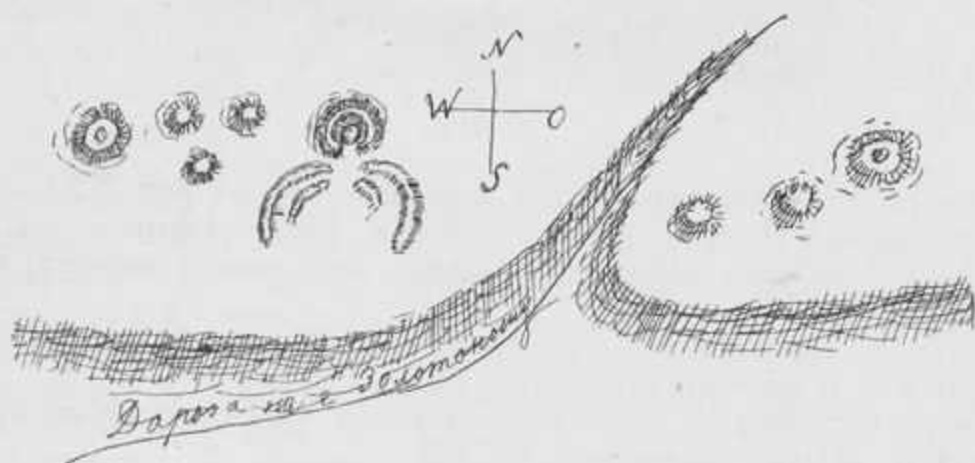
Подѣзжая къ м. Глемязову, можно видѣть, на гребнѣ возвышеннаго лѣваго берега р. Суной, нѣсколько кургановъ, расположенныхъ одинъ за другимъ, на небольшомъ сравнительно разстояніи одинъ отъ другаго.

Такимъ образомъ, Золотоношскій трактъ, идущій отъ г. Переяславля на Золотоношу, имѣетъ по обѣ стороны отъ себя значительное количество кургановъ, правда, не во всѣхъ мѣстахъ одинаковое по густотѣ, но майдановъ здѣсь я не встрѣчалъ. Курганы здѣсь попадаются то поодионокъ, то небольшими группами.

Мѣстность за м. Глемязовомъ, т.-е. лѣвая сторона р. Суной, имѣетъ уже значительное количество майдановъ, которые расположены здѣсь на покатой возвышенности, подходящей къ Днѣпровской долині; здѣсь же, кромѣ того, попадаетъ и множество кургановъ. Такъ, оставя м. Глемязовъ и переѣхавъ плотину и мостъ на р. Суной, по дорогѣ въ г. Золотоношу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мысообразный выступъ, по которому проложена дорога, подходитъ къ плато лѣваго берега р. Суной, въ узкомъ мѣстѣ, вправо отъ дороги, мы находимъ небольшой курганъ,

Это мѣсто, несомнѣнно, въ древности было очень удобно для задержанія враговъ. Влѣво на горѣ, передъ лѣсомъ, виденъ курганъ, а за нимъ — майданъ; далѣе по той же горѣ, на извѣстномъ разстоянн другъ отъ друга, расположенъ рядъ кургановъ, при чемъ девятый по счету курганъ превосходить по величинѣ всѣ предыдущіе курганы.

При отходѣ дороги на м. Коврай находится 1 курганъ, за которымъ, приблизительно съ $\frac{1}{4}$ версты разстоянн, — другой курганъ. Противъ послѣдняго вправо отъ дороги, шагахъ въ 200—250, находится 1 курганъ. Версту далѣе къ востоку, на такомъ же, приблизительно, разстоянн отъ дороги, — еще 1 курганъ, но уже полураспаханный; онъ находится какъ разъ противъ 17 версты отъ м. Глемязова на Золотоношу. Далѣе, вправо отъ описаннаго кургана, съ версту, другой курганъ, а за нимъ, въ нѣкоторомъ разстоянн, — третій курганъ. Еще далѣе, верстахъ въ 2-хъ, надъ краемъ Супонской долины, расположенъ 1 курганъ, довольно значительной величины.

№ 15.

Поднявшись, на 14-й верстѣ, на дорогу, влѣво отъ дороги, мы имѣемъ майданъ довольно значительныхъ размѣровъ съ двумя парами крыльевъ (№ 14), одного типа съ № 6-мъ. Длина окружности кольцевиднаго вала майдана—около 165 аршинъ; высота вала майдана около 2 или же $2\frac{1}{2}$ аршинъ; насыпь состоитъ сплошь изъ чернозема; ширина вала у основанія около 30 аршинъ, т. к. насыпь, вслѣдствіе распахки, сильно разсунута; глубина ямы около $2\frac{1}{2}$ саж. Расположеніе майдана относительно странъ свѣта такое: воротами и крыльями майданъ обращенъ на югъ.

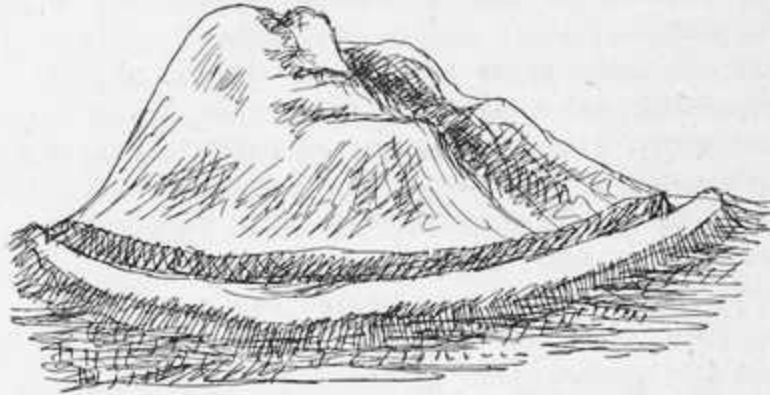
Дугообразныя крылья отходятъ въ разстоянн около 10 аршинъ отъ прохода майдана или же концовъ его кольцевидной насыпи. Длина восточнаго крыла достигаетъ около 145 арш., а западнаго—около 140 аршинъ; два меньшихъ внутреннихъ крыла имѣютъ въ длину около 37 аршинъ. Высота крыльевъ такая же, какъ и кольцевидной насыпи майдана, т.-е. около $2\frac{1}{2}$ аршинъ. Ширина крыльевъ у основанія около 30 аршинъ. Посрединѣ, между двумя меньшими крыльями, находится яма. Весь майданъ и крылья его усиленно распахиваются.

Въ разстоянн около $\frac{1}{4}$ в. къ западу находится 1 курганъ съ западной посерединѣ; между нимъ и майданомъ расположено 3 кургана. Такой же курганъ съ запавшей вершиной находится и къ востоку отъ майдана, вправо отъ дороги, а близъ нея—еще 2 кургана полураспаханныхъ. Въ схемѣ эти насыпи имѣютъ такой видъ (№ 15).

Проѣхавъ версту далѣе, по дорогѣ на Золотоношу, мы имѣемъ большой май-

данъ съ крыльями типа № 3, черезъ которыя въ настоящее время пролегаетъ путь на Золотоношу.

Длина окружности кольцевиднаго вала = около 120 арш.; ширина насыпи вала у основанія около 35—40 аршинъ; высота вала майдана около 3 саж., къ концамъ—меньше, т.-е. до 1 сажени; глубина ямы майдана около 2 саж.; насыпь валовъ майдана—черноземъ.

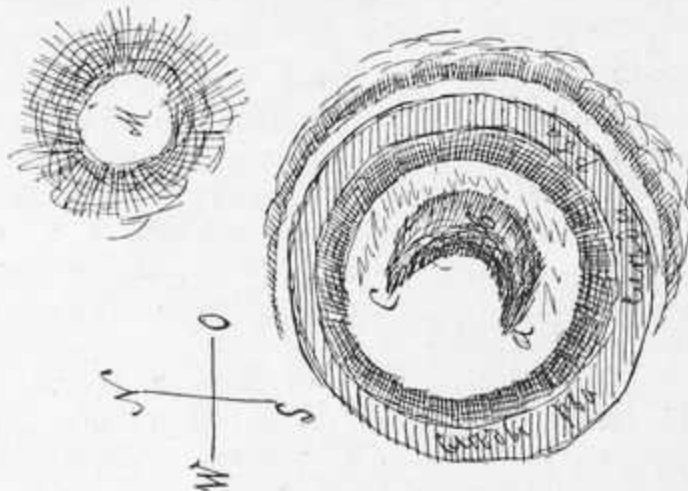

№ 17.

Крылья имѣютъ форму правильной дуги и отстоятъ отъ кольцевидной насыпи на разстояніи 20 арш., т.-е. около 7 саж. Длина каждого изъ крыльевъ доходитъ до 150 аршинъ; высота ихъ не велика, такъ какъ и майданъ, и крылья усиленно распахиваются.

Къ югу отъ этого майдана, т.-е. прямо противъ его крыльевъ, въ разстояніи полуверсты, есть 2 кургана; къ востоку же—1 курганъ.

Проѣхавъ по дорогѣ на Золотоношу съ версту, мы имѣемъ одинъ, очень большой величины, курганъ такого вида (№ 17).

№ 18.

Схематическій планъ этого кургана и окружающихъ его насыпей имѣетъ такой видъ (№ 18).

Курганъ очень солидныхъ размѣровъ; длина окружности его у подошвы достигаетъ 260 аршинъ; вокругъ основанія вала проходитъ ровъ, онаясывающій курганъ со всѣхъ сторонъ; особенно замѣтны слѣды рва съ восточной стороны; съ южной же стороны, за рвомъ, замѣтны слѣды вала, шедшаго, очевидно, во-

кругъ всего рва. На вершинѣ кургана замѣтно луновидное углубленіе (abc), обращенное выпуклой стороною къ югу. Съ этой же стороны, въ разстояніи около 10 саж. отъ кургана, находятся слѣды небольшого кургана; послѣдній подвергается распахкѣ. Въ разстояніи же около 100 аршинъ отъ этого кургана къ сѣверо-востоку находится большой курганъ, высотой около 3 сажени.

Къ востоку отъ описаннаго кургана, на взгорьи, тянущемся вправо отъ дороги, виденъ рядъ кургановъ. Не доѣзжая 3-хъ или 4-хъ верстъ до г. Золотоноши, близъ тракта, идущаго на м. Песчаное, по правой (т. е. западной) сторонѣ этого тракта, находится 1 курганъ. Къ сѣверо-западу отъ г. Золотоноши, близъ упомянутаго тракта на Песчаное, есть еще 1 курганъ, полураспаханный. Верстахъ въ 3-хъ къ востоку отъ г. Золотоноши, на возвышенномъ плато, расположенномъ за пересѣкающей дорогу балкой, расположено нѣсколько кургановъ, идущихъ одинъ за другимъ. Такъ, при выходѣ дороги на упомянутое плато, вправо отъ дороги въ полуверстѣ отъ нея, находится 1 курганъ, а съ версту далѣе — другой курганъ, а еще далѣе — третій. Такіе же два кургана видны и по лѣвой сторонѣ дороги; они также идутъ одинъ за другимъ.

Не доѣзжая м. Крапивной, версты за двѣ, влѣво отъ дороги, въ разстояніи около 70—80 саж., находится 2 кургана, а полъ-версты далѣе, близъ самаго села — еще два кургана.

При вѣздѣ въ м. Крапивну со стороны Золотоноши, въ полѣ, находится незначительной высоты валь, отмежевывающая черту села отъ окружающихъ полей. Насколько далеко тянется онъ отъ села, я не могъ раззнать. Къ востоку отъ м. Крапивнаго, на томъ же возвышенномъ плато, разстилающемся ровной стенью далеко вокругъ, находится рядъ кургановъ. Такъ, выѣхавъ изъ м. Крапивнаго по дорогѣ на м. Ирклѣвъ и поднявшись на гору, въ разстояніи около полуверсты влѣво, т. е. къ сѣверо-востоку, находится 1 курганъ, за которымъ, къ сѣверо-западу, съ полуверсты, другой курганъ, а затѣмъ въ томъ же направленіи и приблизительно на такомъ же разстояніи, — третій курганъ. Вправо же отъ дороги, въ разстояніи около 2-хъ верстъ, за виднѣющимися на горѣ мельницами находится майданъ съ крыльями. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности рассмотреть его подробнѣе и измѣрить. Версту далѣе къ востоку отъ упомянутаго майдана находится 1 курганъ, а еще съ версту, по тому же направленію, — другой курганъ. Верстахъ въ 4-хъ къ востоку отъ м. Крапивнаго, по обѣ стороны дороги на м. Ирклѣво, находится нѣсколько кургановъ, изъ которыхъ одинъ расположенъ саж. въ 50 вправо отъ дороги, а другой, напротивъ него, влѣво отъ дороги, въ полуверстѣ отъ послѣдней. Версты двѣ далѣе мы опять имѣемъ нѣсколько кургановъ, разбросанныхъ по обѣ стороны дороги. Такъ, влѣво отъ дороги, саж. въ 40—50, находится 1 курганъ, а за тѣмъ, къ сѣверу, въ разстояніи около $\frac{1}{4}$ в., — другой курганъ. Вправо отъ дороги, верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ —2-хъ, мы имѣемъ нѣсколько кургановъ, идущихъ одинъ за другимъ на извѣстномъ, не особенно большомъ, разстояніи.

Проѣхавъ еще версты полторы далѣе, вправо отъ дороги, въ разстояніи около 50—60 саж., находятся 2 кургана. Не доѣзжая версты 3—4-хъ до м. Ирклѣва, вправо отъ дороги (т. е. къ югу), близъ нея, находится майданъ типа № 5 (№ 19).

Длина кольцевидной насыпи майдана — 95 арш.; высота вала майдана — около $2\frac{1}{2}$ —3 саж.; ширина вала у основанія около 30 аршинъ; глубина ямы майдана около 3 саж. Къ западу отъ воротъ майдана, на нѣкоторомъ разстояніи отъ послѣднихъ, расположены двѣ пары крыльевъ, которыя въ настоящее время почти совершенно распаханы. Длина большихъ крыльевъ около 60—70 арш.; а меньшихъ — около 30—40 арш.; между меньшими крыльями, прямо противъ прохода, на-

ходится яма. Весь майданъ расположенъ на гребнѣ покатости, переходящей постепенно, въ направленіи къ западу, въ низину.

Влѣво отъ дороги, т.-е. къ сѣверу, съ версту, въ полѣ, есть два кургана, за которыми потянулся рядъ кургановъ (около 9 штукъ), расположенныхъ одинъ за другимъ на разстояніи версты или же около этого.

Версты полторы далѣе по дорогѣ, въ полуверстѣ отъ послѣдней, вправо, есть большой курганъ.

Близъ м. Иркѣева, влѣво отъ вышеупомянутой дороги, находится 1 курганъ, расположенный въ разстояніи $\frac{1}{4}$ версты отъ дороги. У самаго мѣстечка Иркѣева, вправо, при спускѣ съ горы, въ верстѣ отъ дороги, есть еще 1 курганъ.

Такимъ образомъ, на всемъ протяженіи дороги отъ г. Золотоноши до м. Иркѣева намъ пришлось встрѣтить всего лишь два майдана, одинъ изъ которыхъ нами подробно обследованъ и измѣренъ. Малая, сравнительно, величина означеннаго майдана и рѣдкость ихъ нахождения говорятъ о томъ, что означенная мѣстность не вполне благоприятствовала для ихъ распространенія: вмѣсто майдановъ мы встрѣчаемъ, какъ это указано выше, значительное количество кургановъ. За м. Иркѣевомъ, по дорогѣ на Коврай, майданы встрѣчаются уже чаще; они, однако, не велики—обыкновенно среднихъ размѣровъ. Кургановъ же и здѣсь довольно много. Такъ, выѣхавъ изъ м. Иркѣева по дорогѣ въ м. Жовнинъ, мы встрѣтили вправо, въ разстояніи около полуверсты, 1 курганъ, а передъ нимъ, у самой дороги,—другой курганъ, полураспаханный. Версту далѣе, вправо отъ дороги, въ полуверстѣ отъ послѣдней, есть еще 1 курганъ, а еще далѣе по дорогѣ, близъ послѣдней, — второй курганъ. Влѣво отъ дороги, въ полуверстѣ отъ нея, 1 курганъ, а за нимъ, къ сѣверу, съ версту, — находится майданъ, за которымъ въ степи виднѣется нѣсколько кургановъ (около 5 штукъ). Напротивъ майдана, вправо отъ дороги, въ разстояніи около полуверсты, есть 1 курганъ. Въ разстояніи версты отъ описаннаго майдана къ юго-востоку, ближе къ дорогѣ, находится еще 1 майданъ. Такой же майданъ виднѣется и еще далѣе къ юго-востоку, съ версту отъ предыдущаго майдана, по правую сторону отъ дороги.

Къ востоку отъ послѣдняго майдана, по той же линіи, въ разстояніи около полуверсты, тянутся рядъ кургановъ (около 5 штукъ). Версты три далѣе, влѣво отъ дороги, т.-е. къ сѣверу отъ нея, въ разстояніи около $1\frac{1}{2}$ —2 верстъ, видны 3 кургана, скученныхъ въ одномъ мѣстѣ, а за ними, въ нѣкоторомъ разстояніи, еще 2 кургана.

Проѣхавъ съ версту дальше, за хуторомъ, влѣво отъ дороги, въ разстояніи около $\frac{1}{4}$ версты отъ послѣдней, мы имѣемъ 1 курганъ, а нѣсколько далѣе за нимъ—другой курганъ. Кроме того, по правую сторону дороги, за оврагомъ, потянувшимся къ югу, въ разстояніи около $\frac{1}{4}$ версты отъ дороги, находятся 2 кургана, расположенныхъ одинъ близъ другого. Далѣе, съ версту къ юго-востоку, на взгорьи, виднѣнъ 1 курганъ, который подвергается распашкѣ. Въ разстояніи $\frac{1}{2}$ версты къ востоку отъ означенныхъ двухъ кургановъ находится 1 курганъ, а за нимъ, еще далѣе,—другой курганъ. Эти курганы находятся передъ с. Ковраемъ.

За с. Ковраемъ, поднявшись на гору, на выѣздѣ, вправо, есть 1 курганъ, занятый въ настоящее время подъ кладбище; ближе къ дорогѣ—еще 1 курганъ, уже полураспаханный.

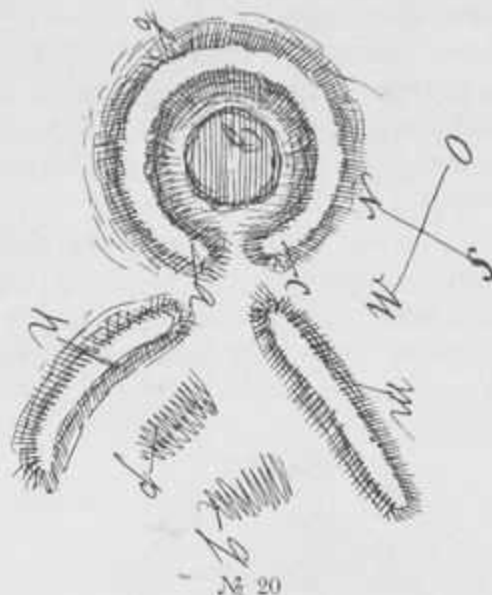
Верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ отъ Коврая, по Жовнинской дорогѣ, близъ послѣдней, влѣво, есть три полураспаханныхъ кургана. Далекю на югъ, въ степи, верстахъ въ 2-хъ, виднѣнъ майданъ.

Проѣхавъ версты $1\frac{1}{2}$ —2 далѣе по дорогѣ, влѣво отъ послѣдней, т.-е. къ сѣверу, въ разстояніи 60—70 саж., есть 1 курганъ, а $\frac{1}{2}$ версты далѣе, за нимъ—

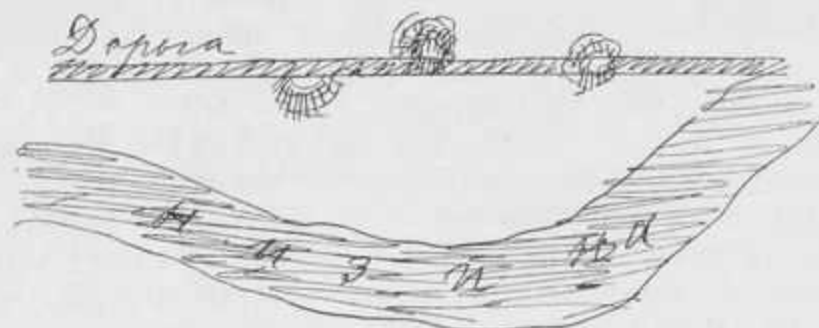
другой курганъ. Къ югу отъ дороги, приблизительно въ верстѣ отъ нея, находится майданъ съ крыльями на западъ; а къ западу отъ означеннаго майдана, въ разстояніи около $\frac{1}{2}$ версты, находится 1 курганъ, расположенный на возвышеніи.

Проѣхавъ еще $1\frac{1}{2}$ —2 версты далѣе, влѣво отъ дороги, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, находится майданъ (№ 20).

Длина кольцевидной окружности (abc) майдана=130 арш.; высота вала около 1 сажени; насыпь вала — черноземъ; глубина ямы (d) — очень незначительна; она почти одинакова съ наружной, окружающей майданъ, поверхностью, или же нѣсколько выше послѣдней. Въ разстояніи около 7 саж. къ юго-западу отъ воротъ майдана отходитъ два крыла m и n, изъ которыхъ одно (m) имѣетъ прямое направленіе вала, а другое (n)—въ видѣ дуги. Каждое изъ крыльевъ имѣетъ въ длину около 70 аршинъ. Между крыльями, въ двухъ пунктахъ, замѣтны пониженныя мѣста p и q. Высота крыльевъ майдана, не смотря на усиленную распашку ихъ, около 2 аршинъ. Насыпь крыльевъ состоитъ изъ чернозема.

Проѣхавъ отъ вышеописаннаго майдана версты $1\frac{1}{2}$ далѣе, мы имѣемъ справа отъ дороги, близъ послѣдней, три разрѣзанныхъ дорогой кургана, а вправо отъ нихъ раскинулась низина. Въ общемъ означенные курганы имѣютъ схему (№ 21).

№ 21.

Проѣхавъ еще съ версту, мы имѣемъ вправо отъ дороги, въ разстояніи около $\frac{1}{4}$ версты, майданъ, расположенный своимъ отверстіемъ въ сторону дороги. Этотъ майданъ расположенъ на возвышеніи далѣе идетъ глубокая балка.

Проѣхавъ х. Баталей и поднявшись на гору, мы замѣчаемъ, вправо отъ дороги, на горизонтѣ, въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ —2 версты, курганы и майданы, а влѣво отъ дороги, съ версту, въ полѣ, 1 курганъ.

Въ верстѣ отъ х. Баталей, влѣво отъ дороги, близъ нея, на возвышеніи, находится 1 майданъ такого вида (№ 22) типа № 3.

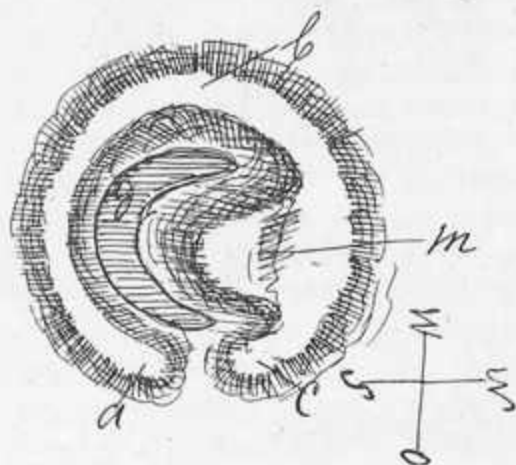
Длина окружности кольцевиднаго вала майдана = около 110 арш.; высота вала майдана около 1 сажени; насыпь вала — черноземъ; глубина ямы — около 3 саж. Въ разстояніи около 7 саж. къ сѣверо-востоку отъ входа или воротъ майдана находится два крыла идущихъ въ видѣ полудуги, каждая длиною около 70

аршинъ, а высотой—около 1 сажени. Между крыльями, посрединѣ, находится яма. Все городище въ настоящее время усиленно распаивается. Вправо отъ дороги, съ версту, видно 2 кургана.

Проѣхавъ еще версты $1\frac{1}{2}$ —2 далѣе, при дорогѣ, ближе къ правой ея сторонѣ, на возвышеніи, находится большой курганъ, срубанный по краямъ дорогой; онъ имѣетъ около $1\frac{1}{2}$ саж. высоты. Влѣво отъ дороги, на горизонтѣ, видно нѣсколько кургановъ.

Переѣхавъ балку и поднявшись на гору, мы замѣчаемъ влѣво отъ дороги, верстахъ въ двухъ, майданъ, а къ юго-востоку отъ него, на разстояніи около $\frac{1}{4}$ версты, — 1 курганъ. Поднявшись на гору и проѣхавъ съ $\frac{1}{2}$ версты влѣво отъ дороги, съ $\frac{1}{4}$ версты, находится майданъ, безъ крыльевъ, имѣющій такой видъ (№ 23).

Длина кольцевидной насыпи (abc) майдана—около 160 арш.; высота насыпи майдана достигаетъ до 2 саж.; въ сѣверной-же части майдана, тамъ, гдѣ внутри майдана отходитъ мысообразный выступъ m, высота насыпи достигаетъ 3 саж. Насыпь вала состоитъ изъ чернозема. Глубина ямы d около 2 саж. Слѣдовъ

№ 23.

крыльевъ вблизи не замѣтно: быть можетъ, они уже распаиваны. Близъ дороги, неподалеку отъ майдана, находятся котлообразныя низины, изъ которыхъ нѣкоторыя достигаютъ довольно значительныхъ размѣровъ. Черезъ дорогу вправо, въ разстояніи около 100 саж., напротивъ майдана, находятся 2 майдана, которые оба распаиваются.

Версту далѣе, также вправо отъ дороги, въ разстояніи около 100 саж. отъ нея, есть 1 большой курганъ съ западиной на вершинѣ; въ настоящее время онъ усиленно распаивается. На горизонтѣ, справа и слѣва, видны курганы.

Верстахъ въ 2 къ югу отъ описаннаго большого кургана, находится майданъ.

Проѣхавъ версты двѣ отъ большого кургана, мы встрѣчаемъ два кургана, между которыми пролегаетъ дорога; четверть версты къ сѣверу есть курганъ, за которымъ въ томъ же направленіи, съ версту, — другой курганъ. Вправо отъ дороги, саж. въ 100 къ югу, находится еще 1 курганъ.

Проѣхавъ версту далѣе, влѣво отъ дороги, въ разстояніи $\frac{1}{3}$ или же $\frac{1}{2}$ версты есть 2 кургана, расположенныхъ противъ ярка, лежащаго вправо отъ дороги.

Проѣхавъ еще съ версту, влѣво отъ дороги, въ разстояніи около 400 шаговъ, на возвышеніи, находится большой майданъ съ отверстіемъ, расположеннымъ къ дорогѣ; напротивъ описаннаго майдана, вправо отъ дороги, въ разстояніи 1— $1\frac{1}{2}$ в., находится другой майданъ.

Полверсты далѣе, влѣво отъ дороги, есть 1 курганъ, а къ сѣверо-западу отъ него, въ разстояніи около $\frac{1}{2}$ версты, — майданъ.

Версту далѣе отъ этого майдана, также вправо отъ дороги, близъ послѣдней, находится 2 кургана, расположенныхъ рядомъ, а за ними, вправо, въ разстояніи около $\frac{1}{4}$ версты, имѣется майданъ, съ крыльями къ юго-востоку, а въ разстояніи около $\frac{1}{4}$ версты отъ означеннаго майдана, далѣе по тому же направленію еще одинъ майданъ.

Въ м. Жовнинѣ, за кладбищемъ, есть 1 курганъ.

Такимъ образомъ, за с. Коврай майданы снова учащаются, при чемъ они отстоятъ другъ отъ друга или на разстояніи 1 версты, или же на $\frac{1}{2}$ версты, или и того меньше. По размѣрамъ — это все *средніе майданы*, съ одной парой крыльевъ; иногда попадаются майданы и малыхъ размѣровъ. Но чѣмъ дальше подвигаться по дорогѣ къ востоку, тѣмъ обширнѣе становятся майданы: они имѣютъ уже около 160 арш. длины окружности кольцевиднаго вала, при широкомъ основаніи, достигающемъ у иныхъ майдановъ 8 или 10 саж. Кромѣ того, и число майдановъ увеличивается; они попадаютъ черезъ 2, 1, $\frac{1}{2}$ вв., и даже меньше, и по правую, и по лѣвую стороны отъ дороги. Необходимо также отмѣтить, что въ промежуткахъ между упомянутыми майданами попадаютъ довольно часто курганы, которые то чередуются съ означенными майданами, то идутъ въ видѣ цѣпи, одинъ за другимъ.

Насколько можно было замѣтить, встрѣчающіеся здѣсь майданы не представляли какихъ-либо особенностей, рѣзко отличающихся отъ другихъ майдановъ; одно, что мнѣ удалось подмѣтить, какъ характерную особенность ихъ, — это то, что отверстія майдановъ, равно какъ и крылья ихъ, расположены къ востоку, и только нѣкоторые изъ нихъ обращены крыльями къ юго-востоку; кромѣ того, крылья майдановъ начинаются на значительномъ (до 7 саж.) разстояніи отъ головы майдана.

Мѣстность за р. Сулой, начиная отъ низовьевъ ея, имѣетъ значительное количество городищъ — майдановъ; это, по большей части, майданы среднихъ размѣровъ (120—130 аршинъ длины окружн. кольцевиднаго вала), съ одной парой крыльевъ на юго-востокъ. Крылья имѣютъ въ длину отъ 70 до 80 аршинъ. Есть, однако, майданы, у которыхъ крылья расположены на сѣверо-востокъ, какъ, напр., майданъ, находящійся близъ д. Великій-Узвозъ. Наподалеку отъ г. Градижска, къ сѣверо-западу отъ него, находятся нѣсколько майдановъ.

Мы представимъ ниже болѣе подробное описаніе кургановъ и майдановъ, которые попадались намъ въ означенной мѣстности.

Такъ, за Жовниномъ, переѣхавъ паромъ и второй мостъ, вправо отъ дороги, въ разстояніи около $\frac{1}{2}$ версты отъ нея, мы встрѣтили 1 курганъ, занятый въ настоящее время подъ кладбище. Влѣво отъ дороги, саж. въ 70, — есть другой курганъ. Оба означенные курганы расположены на возвышеніи, идущемъ въ видѣ полукруга надъ низиной, переходящей далѣе въ поемную равнину со множествомъ озеръ, болотъ и ржавыхъ мѣстъ. Полверсты къ сѣверу — курганъ, а ближе къ дорогѣ, надъ болотомъ, — другой курганъ.

За с. Лебеховкой, съ версту, вправо отъ дороги, есть 1 курганъ; а влѣво на горизонтѣ, представляющемъ уступъ рѣчной долины, видно нѣсколько кургановъ, въ числѣ которыхъ есть и майданы.

Въ полуверстѣ отъ с. Лебеховки, у самой дороги, справа, есть 1 курганъ, полураспаханный, а слѣва отъ дороги, саж. въ 70, — другой курганъ, также полураспаханный. Передъ этими курганами находится болотистая низина, за которой справа, невдалекѣ отъ дороги, расположенъ 1 курганъ, а въ разстояніи около 1 версты, къ югу — другой курганъ.

Полверсты далѣе, у самой дороги, находится полураспаханный курганъ, за которымъ съ $\frac{1}{4}$ версты далѣе, близъ дороги, еще 1 курганъ, расположенный надъ болотистой низиной.

Поднявшись на уступъ первой террасы долины, влѣво отъ дороги, саж. въ 70—100, находится майданъ (№ 24) одного типа съ № 3.

Длина окружности кольцевиднаго вала майдана = 150 арш.; высота вала = около 3 саж., а въ нѣкоторыхъ частяхъ, особенно въ сѣверной части, — около 4-хъ саж.; насыпь вала — черноземъ. Глубина ямы около $2\frac{1}{2}$ саж. Ширина вала

у основанія около 10 саж. Къ юго-востоку отъ воротъ майдана, въ разстояніи отъ нихъ около 10 арш., находятся двѣ дуги крыльевъ каждая длиной около 100 арш., а высотой около 1 саж. Кромѣ того, имѣлась еще и другая пара крыльевъ, но такъ какъ все городище подвергается распашкѣ, то отъ этихъ вторыхъ крыльевъ остались лишь небольшіе слѣды; да и первыя крылья, вслѣдствіе распашки, значительно потеряли въ своей длинѣ и высотѣ насыпи. Необходимо прибавить къ сказанному, что еще и теперь сохранились слѣды рва между крыльями; ширина крыльевъ у основанія въ настоящее время около 30 аршинъ, а вверху—около 11 аршинъ. На площади, заключающейся между крыльями, находятся три ямы, изъ которыхъ двѣ близъ крыльевъ, а третья—посрединѣ, ближе къ концамъ крыльевъ. Разстояніе между концами крыльевъ около 60 аршинъ.

Означенный майданъ находится близъ поворота на сс. Шушвановку и Святиловку.

Въ 50 сажняхъ къ востоку отъ описаннаго майдана находятся слѣды полураспаханнаго кургана, а сажней 100 дальше, по тому же направленію, находится еще одинъ курганъ.

Четверть версты къ востоку отъ упомянутаго кургана, близъ дороги, съ лѣвой ея стороны, есть другой майданъ, (№ 25) въ видѣ головки майдана.

Длина кольцевидной насыпи (abc) майдана около 115—120 аршинъ; высота вала въ западной части около $2\frac{1}{2}$ —3 сажней; къ концамъ вала высота уменьшается. Насыпь вала—черноземъ. Глубина ямы—около 2 саж. При майданѣ въ настоящее время крыльевъ нѣтъ.

Къ сѣверу, сѣверо-западу и сѣверо-востоку, равно какъ къ югу и юго-востоку, находятся низины, а сажен. въ 30—35 къ юго-востоку отъ майдана находится 1 курганъ. Кромѣ того, далѣе вправо, подъ лѣсомъ находится множество кургановъ, сгруппированныхъ въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга.

При въѣздѣ въ с. Николаевку, справа, во дворѣ крестьянина, есть 1 курганъ. Кромѣ того, при въѣздѣ изъ упомянутой Николаевки, передъ греблей, вправо, надъ дорогой, есть 1 курганъ съ углубленіемъ на вершинѣ; курганъ этотъ расположенъ надъ низиной.

Не доѣзжая с. Мозолѣвки, на взгорьи, саж. 100 отъ дороги, находится майданъ, а въ разстояніи 70—100 саж. отъ него, къ селу, 1 курганъ. Передъ майданомъ, къ югу, есть низина.

За Мозолѣвкой, вправо отъ дороги, на пологомъ къ низовой долиніѣ склонѣ, есть слѣды небольшого кургана, а за нимъ, далѣе, влѣво,—майданъ. Влѣво отъ дороги, на горкѣ, находится небольшой полураспаханный курганъ. Проѣхавъ Великій Узвозъ и поднявшись на гору, влѣво надъ дорогой, находятся 2 кургана, одинъ изъ которыхъ—небольшой, всего высотой около $1\frac{1}{2}$ арш.; а другой побольше—высотой около 1 сажени. Сажней 20—30 дальше—третій курганъ, а затѣмъ—четвертый.

Версту далѣе, влѣво отъ дороги, въ разстояніи около 70—80 саж., находится 1 курганъ, а за нимъ, къ сѣверо-востоку,—майданъ.

Вправо отъ дороги, близъ послѣдней, напротивъ только-что описаннаго кургана, находится 1 курганъ, а за нимъ—майданъ, такого вида (см. рис. 26).

Майданъ находится на краю обрыва въ долину. Длина кольцевидной насыпи (abc) майдана—около 120 арш.; высота вала майдана сажени $1\frac{1}{2}$ —2. Насыпь майдана—черноземъ. Глубина ямы (d) около 2 саж. Къ сѣверо-востоку отъ воротъ майдана расположены два полукружія крыльевъ, каждое длиной по 75 арш., а высотой около 1 или $1\frac{1}{2}$ арш. Посрединѣ, между крыльями, находится яма (o). Весь майданъ распахивается, а крылья уже полураспаханы. Описанный майданъ находится близъ с. Пронизовки, не доѣзжая его.

Проѣхавъ полверсты далѣе, вправо отъ дороги, близъ послѣдней, мы встрѣтили 1 небольшой курганъ.

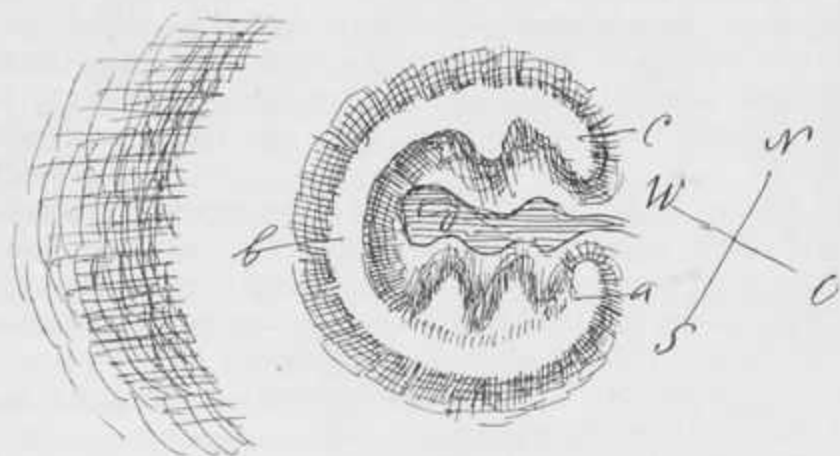
За х. г. Котляревскаго, въ $\frac{1}{2}$ в. влѣво отъ дороги, находится 1 курганъ, отстоящій отъ дороги саж. на 70—80. Напротивъ него, на такомъ же, приблизительно, разстояніи находятся слѣды другого кургана, почти совершенно распаханнаго.

Не доѣзжая версты 7 или 8 до г. Градижска, влѣво отъ дороги, въ разстояніи $\frac{1}{2}$ отъ нея, находится 1 майданъ.

Версты четыре далѣе, вправо отъ дороги, надъ спускомъ въ долину, есть слѣды двухъ кургановъ, полураспаханыхъ.

Немного не доѣзжая до г. Градижска, вправо отъ дороги, близъ нея, — находится 1 курганъ.

За г. Градижскомъ, сохраняющемъ въ своей чертѣ слѣды древнихъ окоповъ, на вершинѣ того холма, на краю котораго расположенъ означенный городъ, вправо отъ дороги на Кременчугъ, видны какіе-то земляные окопы. Нѣсколько далѣе,

№ 27.

по тому же холму, полого спускающемуся къ западу, находятся 2 кургана, за которыми, далѣе, еще 2 кургана. Напротивъ этихъ кургановъ, въ разстояніи около $\frac{1}{2}$ в., есть 1 курганъ.

Въ с. Максимовкѣ, близъ церкви, по дорогѣ, есть 1 курганъ, уже полураспаханый для хозяйственныхъ построекъ. Саж. 70—80 далѣе, по той же правой сторонѣ дороги, близъ послѣдней, въ усадьбѣ обывателя, есть 1 курганъ. Въ $\frac{1}{2}$ в. отъ конца с. Максимовки, влѣво отъ дороги, въ полѣ, въ разстояніи около $\frac{1}{4}$ в., есть 1 курганъ, расположенный на возвышеніи. Близъ конца с. Максимовки, влѣво, въ разстояніи около 80—100 саж., есть 2 полураспаханыхъ кургана. При выѣздѣ изъ с. Максимовки, по обѣ стороны дороги, есть два кургана, при чемъ черезъ одинъ изъ нихъ, а именно—правый, проходитъ дорога.

Нѣсколько далѣе, влѣво, близъ самой дороги, находится курганъ, а за нимъ, въ полѣ, въ разстояніи около $\frac{1}{2}$ в., еще 1 курганъ, полураспаханый. Версты $1\frac{1}{2}$ далѣе, вправо отъ дороги, близъ послѣдней, есть 1 курганъ, занятый въ настоящее время подъ усадьбой. Нѣсколько далѣе, вправо, близъ дороги, есть майданъ, такой формы (№ 27).

Длина кольцевидной насыпи (abc) майдана около 200 арш.; высота насыпи около 3 саж., ширина вала у основанія около 30 арш.; глубина ямы (d) около 3 саж. Кольцевидный валъ имѣетъ внутри, къ ямѣ, одинъ выступъ къ сѣверной части и два — въ юго-восточной; въ этой же юго-восточной части валъ имѣетъ

и наибольшую высоту, — около 4 саж. Слѣдовъ крыльевъ нѣтъ. Въ нѣкоторыхъ разстояніяхъ отъ воротъ майдана есть небольшое пониженіе, нѣчто вродѣ заплывшей ямы. Майданъ расположенъ близъ обрыва въ долину, неподалеку отъ с. Недогарки. Нѣсколько къ западу, близъ дороги, въ разстояніи около $\frac{1}{4}$ в., есть 1 курганъ, который распахивается. Возлѣ с. Власовки, съ сѣверной стороны, есть 1 курганъ.

Близъ с. Власовки, справа, начиная отъ дороги, идущей къ мельницамъ, замѣтно нѣчто въ родѣ длинныхъ валовъ, идущихъ параллельно одинъ другому, въ направленіи къ упомянутому кургану. За с. Власовкой, въ разстояніи около $\frac{1}{2}$ в. къ востоку, есть еще 1 курганъ.

Минувши с. Власовку, видно вдали, влѣво, по гребню горы, три насыпи, въ общемъ очень похожихъ на майданъ съ крыльями. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности поближе осмотрѣть означенныя насыпи.

Къ сѣверу отъ с. Креушей, въ разстояніи 1 версты или нѣсколько болѣе, есть 1 курганъ, подвергающійся распашкѣ.

Въ с. Креушахъ, за церковью, переѣхавъ плотину, влѣво, въ левадѣ, есть 1 курганъ, полураспаханный. Кромѣ того, въ томъ же с. Креушахъ, не доѣзжая плотины, вправо, въ левадѣ, близъ дороги, находится 1 курганъ.

Отѣхавъ съ версту отъ упомянутаго села, мы имѣемъ влѣво, надъ дорогой, 1 курганъ.

По дорогѣ изъ г. Кременчуга къ такъ называемому «Низянскому» парому черезъ р. Псель, близъ каменоломни, извѣстной подъ именемъ «Желѣзнякъ», въ песчаныхъ кучугурахъ, попадаются черепки древняго типа: они грубо слѣплены изъ глины, плохо выжжены и заключаютъ въ своей толщѣ зерна гравія. Очевидно, здѣсь находилась стоянка древняго человѣка.

Такого же рода стоянка, съ подобными черепками, находится и версты 4 далѣе по дорогѣ на «Низянской» перевозъ.

Возлѣ х. Пришибъ есть 1 курганъ.

Къ западу отъ такъ называемой «Горѣлой церкви» находится 1 курганъ; такой же курганъ мы замѣтили и къ югу отъ упомянутой церкви, въ недалекомъ разстояніи отъ послѣдней. Что касается такъ называемой «Горѣшной или же Горѣлой церкви», то мѣстные жители сообщили мнѣ слѣдующее. Новая церковь въ хуторѣ «Горѣшнаго десятка» построена на мѣстѣ бывшаго здѣсь до этого кургана, обладавшаго той особенностью, что на верху его, ночью, было видно пламя какъ бы отъ горѣвшей свѣчи. Это явленіе производило сильное впечатлѣніе на окрестныхъ жителей, вызывая среди нихъ суевѣрный страхъ. И вотъ, окрестные жители, посоветовавшись между собою, рѣшили выстроить на мѣстѣ кургана съ горѣвшимъ на немъ по ночамъ загадочнымъ огнемъ церковь. Собрали деньги и приступили къ постройкѣ, для чего надо было снести курганъ. Когда стали раскапывать курганъ, то въ серединѣ его нашли пять большихъ каменныхъ плитъ, величиной каждая, приблизительно, въ квадратную сажень, а толщиной въ $\frac{1}{2}$ или же $\frac{3}{4}$ аршина. Четыре плиты изъ нихъ стояли торчмя, образовавъ собой родъ ящика (кеста), а пятымъ камнемъ этотъ ящикъ былъ прикрытъ сверху. По рассказамъ, камни эти были такой величины, что сдвинуть ихъ человѣческими силами не было возможности. Чтобы вытащить эти камни изъ кургана, ихъ обмотали веревками и, запрягнувъ нѣсколько паръ воловъ, съ ихъ помощью выволокли камни наружу. Такъ какъ камня оказалось довольно много, то его рѣшили утилизировать для строящейся церкви. Для этой цѣли были приглашены изъ города спеціальныя рабочіе, мостовщики улицъ, которые разбили камень и приспособили его для кладки въ фундаментъ церкви. Ходили также розказы, что во

время извлечения камней, въ курганѣ нашли какія-то цѣнныя вещи, но что именно—неизвѣстно. Эта вновь построенная церковь находится неподалеку отъ долины р. Днѣпра.

Проѣхавъ съ версту къ востоку, по направленію къ Бригадировкѣ, влѣво отъ дороги, въ разстояніи около $\frac{1}{2}$ в. отъ нея, на взгорьи, находится 1 курганъ. Полверсты дальше по тому же направленію, есть 1 курганъ, а вправо отъ дороги, надъ низиной,—еще небольшой курганъ.

Проѣхавъ еще версты 2, близъ х. Маяновки, на взгорьи, находится 2 кургана, за которыми, на нѣкоторомъ разстояніи, еще 2 кургана, расположенныхъ одинъ возлѣ другого.

Къ сѣверо-востоку отъ х. Маяновки, на краю уступа нагорнаго плато, находится 1 курганъ, а въ полверстѣ отъ него, къ востоку—еще 1 курганъ.

Къ сѣверо-западу отъ перваго кургана, на томъ же взгорьи, находится другой курганъ, за которымъ въ разстояніи $1\frac{1}{4}$ в.—другой курганъ.

Противъ только что описанныхъ кургановъ, къ сѣверу, на прилежащемъ къ означенной террасѣ уступѣ болѣе высокаго плато, находится нѣсколько кургановъ, изъ которыхъ одинъ, лежащій ближе къ югу—майданъ.

Возлѣ х. Билевича, выѣхавъ на гору, въ направленіи къ Бригадировкѣ, и къ югу, вправо, въ разстояніи около $\frac{1}{2}$ в., находится 2 кургана, а полверсты далѣе—еще 2 кургана, а съ версту къ востоку опять 2 кургана, близъ которыхъ, неподалеку, еще 1 курганъ. Къ югу отъ х. Билевича, въ разстояніи около 3 версты, находится майданъ такого вида (№ 28).

Длина окружности кольца (abc) майдана—75 или 80 арш.; высота насыпи около 3 и 4 саж.; толщина вала у основанія около 35 арш.; ширина вала сверху около 6 арш.; насыпь вала—черноземъ. Глубина ямы (d) около 2 саж. Къ сѣверовостоку отъ воротъ майдана, въ разстояніи около 3 саж., находятся 2 небольшихъ обрывка крыльевъ, изъ коихъ сѣверное имѣетъ около 20 арш. длины, а южное—около 25 арш.; высота крыльевъ около 2 арш. Между крыльями находится низина какъ бы отъ заплывшей ямы. Въ разстояніи саж. 20 къ юго-востоку отъ означеннаго майдана находится 1 курганъ, за которымъ, 50 саж. далѣе,—второй курганъ, а за нимъ, въ саж. 30 далѣе,—третій курганъ. Полверсты далѣе, у самой дороги, есть 1 курганъ, близъ котораго, саж. въ 20, въ направленіи къ востоку,—другой курганъ.

Не доѣзжая до с. Бригадировки, съ версту, по правой сторонѣ дороги, на склонѣ есть 1 курганъ, а еще ближе къ селу по тому же склону—другой курганъ. Оба означенные кургана распахиваются. Въ срединѣ с. Бригадировки находится 1 курганъ, включенный въ предѣлы кладбища.

Въ разстояніи 1 версты къ сѣверу отъ средней части с. Бригадировки (село длинное, но узкое) есть 1 курганъ.

Проѣхавъ с. Бригадировку и поднявшись на гору, т.-е. на верхъ плато, слѣва, на горизонтѣ, по гребню плато, виденъ рядъ кургановъ, между которыми находится майданъ, расположенный на краю означеннаго плато.

Противъ помѣщичьей экономіи, у самой дороги, близъ борка, находится 1 не-

большой курганъ. Близъ конца с. Бригадировки, при выѣздѣ на Кишеньку, возлѣ господской усадьбы, находится курганъ довольно значительныхъ размѣровъ.

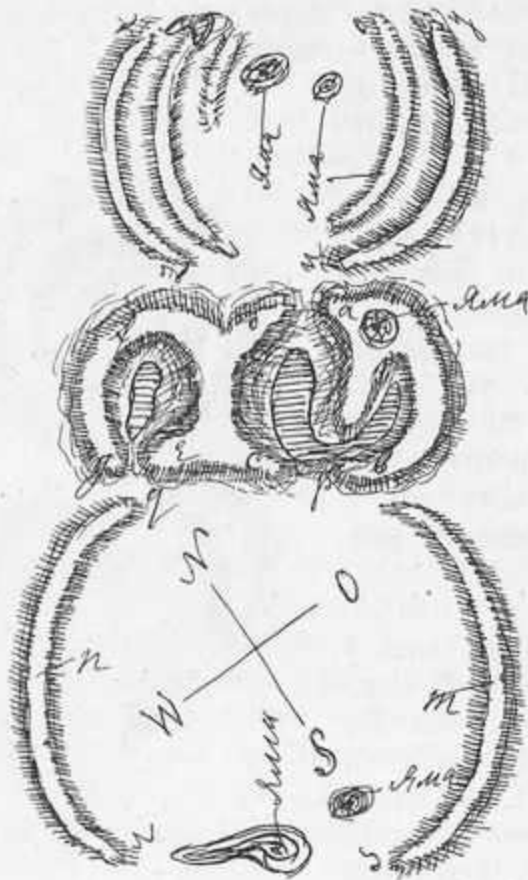
По дорогѣ въ д. Тахтайку, не доѣзжая послѣдней, вправо, на высококомъ, выдающемся надъ днѣпровской долиной шпилѣ, есть большой курганъ, а въ разстояніи $\frac{1}{4}$ в. отъ него другой курганъ.

Къ востоку отъ д. Тахтайки, на горѣ, есть обширный майданъ, расположенный на краю склона въ долину Днѣпра, между двумя оврагами. Нѣсколько ниже, т.-е. къ юго-востоку отъ означеннаго майдана, по склону въ долину, находится нѣсколько песчаныхъ бугровъ, представляющихъ какъ бы рядъ парал-

лельныхъ валовъ, повидимому, искусственнаго происхожденія, но въ настоящее время они очень осунулись и едва замѣтны.

Къ сѣверо-востоку отъ означенныхъ песчаныхъ насыпей, на краю плато, около спуска, т.-е. дороги въ долину, находится очень интересный майданъ, представляющій собой своеобразныя особенности и въ отношеніи конструкціи своей кольцевидной насыпи, и въ отношеніи крыльевъ, и, наконецъ, въ отношеніи выходовъ или же воротъ майдана. Въ общемъ это городище имѣетъ такой видъ (№ 29).

Этотъ майданъ имѣетъ ту особенность, что два центральныхъ кольцевидныхъ вала ихъ соединены вмѣстѣ, а крылья расположены въ противоположную сторону, при чемъ крылья юго-восточной стороны майдана выше и обнимаютъ значительно большее по величинѣ пространство, чѣмъ крылья на сѣверо-западъ; послѣднія крылья, кромѣ того, — двойныя, при чемъ можно замѣтить, что существовала еще и третья пара крыльевъ, остатки которой сохранились въ видѣ отрѣзка, проходящаго близъ сѣверо-западной поры валовъ. Каждый изъ составныхъ майдановъ по своей величинѣ имѣетъ средніе размѣры. Такъ, длина стороны майдана отъ

№ 29.

а до b = 60 аршинамъ; отъ с до d = 75 аршинамъ. Длина окружности смежнаго кольца (efg) майдана = 124 арш.; высота валовъ майдана довольно значительна, а именно — 3 и 4 саж.; ширина насыпи у основанія = 30—35 арш.; глубина ямы сажени $2\frac{1}{2}$ —3. Съ юго-западной стороны въ майданъ ведутъ двое воротъ — p и q, изъ каждой составной части майдана; въ сѣверо-восточной части майдана только одни ворота — изъ большей по величинѣ части составной кольцевидной насыпи. Въ большей, восточной части майдана внутренность его пересѣкаетъ въ направленіи съ сѣверо-востока на юго-западъ, небольшой невысокій отрогъ, отходящій отъ круглой ямы (a).

Въ разстояніи 5 саж. отъ воротъ (p) майдана, къ юго-востоку, находится дуга (m) крыла майдана, идущаго на протяженіи около 110 аршинъ, высота крыла = около $1\frac{1}{2}$ —2 саж.; ширина крыла у основанія — около 20 аршинъ.

Такой же длины и высоты крыло (n), отходящее къ юго-западу отъ запад-

наго отдѣла майдана, близъ воротъ q. Разстояніе между концами крыльевъ t и s = 120 аршинамъ; между этими концами, ближе внутрь майдана, есть 2 ямы, изъ которыхъ одна круглая, а другая — удлиненной формы. Къ сѣверной части майдана примыкають двѣ вполне сохранившіеся пары крыльевъ и одна — уцѣлѣвшая только наполовину. Крылья идутъ въ видѣ правильнаго полукруга. Длина дуги to = 90 арш.; длина же дуги пу = 60 арш.; высота вала около 1½—2 саж. Такой же, приблизительно, величины и другія крылья kl и хz, отходящія къ сѣверо-западу отъ майдана; при нихъ, извнутри площади майдана, находится небольшой остатокъ вала. Близъ конца крыльевъ хz и kl есть яма; кромѣ того, есть еще двѣ ямы, изъ которыхъ одна въ разстояніи 40 арш. отъ t, а другая, побольше, — близъ меньшаго крыла, ближе къ его концамъ. Вышеописанный майданъ, по своему мѣстоположенію, нѣсколько напоминаетъ такъ называемый «кугумъ», въ Переяславскомъ у., близъ с. Яненковыхъ-Пологовъ.

Мѣстность между низовьями рр. Ворсклы и Орели обильно усыяна курганами и майданами, разбросанными здѣсь во многихъ мѣстахъ. Въ южномъ отдѣлѣ этого района, начиная отъ м. Орчика, до м. Китай-города, растянулся длинный, такъ называемый «зміевый» валъ, извѣстный среди мѣстныхъ жителей подъ именемъ «линіи». Рядомъ съ валомъ, на вѣшной его сторонѣ, тянется большая низина, играющая роль рва: это — естественный водоемъ, нѣчто вродѣ балки, утилизированной, какъ видно, для защиты территоріи, такъ какъ рядомъ съ низиной, придерживаясь ея контуровъ, расположенъ и длинный валъ: на протяженіи этого вала попадаются и курганы, и майданы, которые частью входятъ въ цѣпь самаго вала, частью же расположены неподалеку отъ него.

Мы постараемся детально отмѣтить всѣ тѣ земляныя сооруженія, которыя попались намъ во время изслѣдованія означенной мѣстности. Такъ, въ м. Переволочной, при выѣздѣ въ м. Кишеньку, справа близъ дороги, находится продолговатый холмъ, занятый въ настоящее время подъ кладбище.

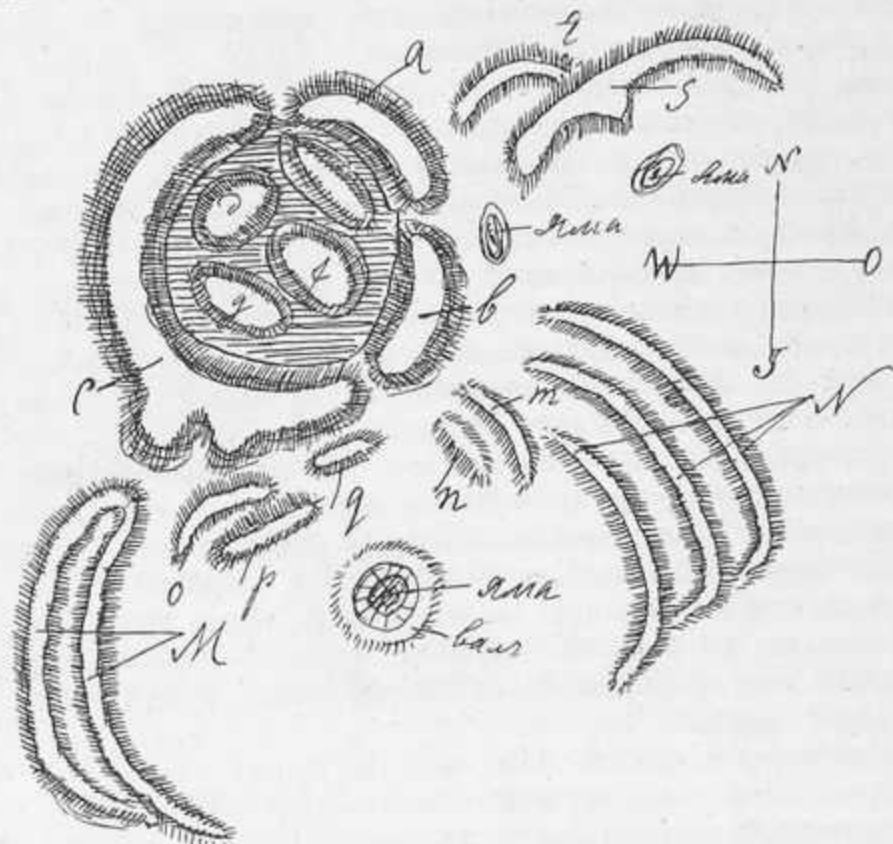
При выѣздѣ изъ м. Кишеньки на Царичанку, близъ вѣтряной мельницы, находится курганъ, на которомъ въ настоящее время поставлена мельница. Кромѣ того, при выѣздѣ изъ м. Кишеньки на Китай-Городъ, влѣво, также близъ мельницы, есть еще 1 курганъ.

Въ разстояніи ½ в. отъ м. Кишеньки, по дорогѣ на м. Царичанку, вправо отъ дороги, т.-е. къ востоку, есть два полураспаханныхъ кургана, а влѣво, около версты, — значительной величины курганъ, который также распахивается. По той же линіи, около 1 в. дальше, есть еще 1 курганъ, расположенный возлѣ перваго, по пути хутора, справа отъ дороги, въ разстояніи около ½ — есть 1 курганъ, а къ востоку, съ ½ версты, — другой курганъ, а за нимъ — третій.

Влѣво отъ дороги, въ разстояніи около 1 версты, есть курганъ. Проѣхавъ еще съ версту, близъ хутора, находятся 2 кургана; а за нимъ, вправо отъ дороги, близъ послѣдней, 1 курганъ. Полверсты далѣе къ востоку находится 1 курганъ, а напротивъ него, влѣво отъ дороги, — другой курганъ. Четверть версты далѣе къ востоку, влѣво отъ дороги, находится 1 курганъ. Проѣхавъ съ версту, влѣво отъ дороги, въ разстояніи около ½ в. отъ послѣдней, есть 1 майданъ, а къ востоку отъ него, съ ¼ в. ближе къ дорогѣ, — курганъ. По правую сторону дороги, въ разстояніи около ½ в., есть 1 курганъ, который распахивается. Къ югу отъ вышеупомянутаго майдана до дороги находится 3 кургана, идущихъ рядомъ одинъ за другимъ.

Упомянутый выше майданъ расположенъ между мм. Кишенькой и Китай-Городомъ, на ровной степной мѣстности. Помимо своихъ размѣровъ, онъ представляетъ довольно звочительныя особенности, сравнительно съ другими майданами, пока-

дающимися на территории днѣпровскаго лѣвобережья. Въ отношеніи своей величины и формы онъ имѣетъ такой видъ (№ 30). Первое, что рѣзко бросается въ глаза при обозрѣніи этого майдана—это большая величина его, превосходящая почти вдвое величину средняго, т.-е. обыкновенныхъ размѣровъ майдана. Упомянутый майданъ имѣетъ характерныя особенности и въ отношеніи конструкціи своей кольцевидной насыпи, которая состоитъ не изъ цѣльной окружности, а изъ четырехъ частей, отдѣленныхъ одна отъ другой отверстіями или же воротами. Длина этихъ составныхъ частей слѣдующая: отрѣзокъ $a=30$ аршинамъ; $b=60$ арш.; $c=120$ аршинамъ. Слѣдовательно, длина всей окружности кольцевиднаго вала, не считая промежутка воротъ, около 210 арш. Внутри майдана, въ его ямѣ, достигающей глубины около 3 саж., находятся четыре неправильной формы холмика

№ 30.

(e, f, d и g), имѣющихъ въ высоту отъ $2\frac{1}{2}$ арш. до 1 сажени. Высота кольцевиднаго вала (составнаго изъ частей) доходить до 3 саж., наиболѣе высокая часть—сѣверная и восточная. Къ югу отъ юго-восточныхъ воротъ майдана расположено 3 крыла N, въ видѣ идущихъ параллельно одинъ другому валовъ, каждый длиною отъ 110 до 120 арш., а высотой около 2 сажени. Кромѣ того, близъ этихъ же валовъ находятся 2 отрѣзка валовъ m и n, изъ которыхъ первый имѣетъ въ длину 50, а второй — 30 аршинъ, оба при высотѣ около $1\frac{1}{2}$ —2 саж. Къ юго-западу отъ воротъ, противъ какъ бы зачаточныхъ воротъ (x) въ толщѣ вала, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ послѣднихъ, отходитъ двойное крыло, M, въ видѣ двухъ дугообразныхъ, идущихъ параллельно другъ другу линий валовъ, образующихъ въ концѣ, ближележащемъ къ кольцевидной части майдана, полукруглый загибъ вала, а въ противоположномъ (сѣверномъ) концѣ валъ подъ угломъ сливается съ другимъ валомъ. Одинъ изъ этихъ валовъ имѣетъ въ длину около 85 арш., а другой—около 80 арш. Ширина вала около 3 саж., а высота $1-1\frac{1}{2}$ саж. Нѣсколько

восточнѣе, противъ выемки въ вѣнцѣ майдана, находятся обрывки трехъ валовъ, изъ которыхъ одинъ (о) имѣеть въ длину около 15 арш., а два другихъ (р и g) — около 10 арш., высота каждаго изъ валовъ около 1 саж. Въ серединѣ, между крыльями валовъ, находится яма съ небольшимъ кольцеобразнымъ валомъ вокругъ.

Кромѣ того, къ востоку отъ отрѣзка (а) есть еще одно крыло г и s, состоящее изъ двухъ дугъ валовъ, изъ которыхъ одна дуга, большая, имѣеть около 70 арш. длины, а другая — половину ея, т.-е. около 35 арш.; высота этихъ валовъ около 1 саж. Противъ воротъ майдана, между а и b, есть яма, и далѣе, ближе къ валамъ крыльевъ — другая яма.

По всей вѣроятности, при означенномъ майданѣ существовали раньше, въ соотвѣтствіи съ только-что упомянутыми дугами крыльевъ, еще крылья, но они, повидимому, распаханы, и слѣдовъ отъ нихъ не осталось.

Къ востоку, въ разстояніи 50 аршинъ отъ крыла майдана, есть 1 курганъ, а далѣе — еще слѣды кургановъ или же какихъ-то окоповъ. Кромѣ того, какъ уже мы отмѣтили раньше, вокругъ майдана, на извѣстномъ разстояніи, находятся курганы.

Описанный майданъ находится близъ х. Чуйки и называется въ народѣ «Костиковыми могилами».

Далѣе мы направились черезъ цѣлый рядъ хуторовъ, разбросанныхъ въ огромномъ количествѣ на широкой равнинѣ между рр. Ворсклой и Орелью, къ м. Царичанкѣ. За д. Данковкой, отъѣхавъ отъ послѣдней версты 3 или 4, вправо, не доходя дороги, находятся 2 кургана, которые усиленно подвергаются распашкѣ.

Близъ м. Царичанки, вправо отъ дороги, есть 1 курганъ, расположенный на возвышеніи.

Въ м. Царичанкѣ, влѣво отъ дороги, напротивъ кладбища, на низинѣ, есть 1 курганъ, довольно значительныхъ размѣровъ. Передъ кладбищемъ, на горѣ, если ѣхать по дорогѣ изъ Кишеньки, видны какія-то насыпи, не особенно большія, но расположенныя въ систематическомъ порядкѣ, болѣе или менѣе правильными линіями. Къ сожалѣнію, за позднимъ временемъ, намъ не удалось болѣе подробно изслѣдовать ихъ и зарисовать на планъ.

Кромѣ описаннаго пути отъ м. Кишеньки до Царичанки, мы изслѣдовали мѣстность и далѣе къ югу, между Кишенькой и Китай-Городомъ. Здѣсь также равнина изобилуетъ курганами, майданами и заключаетъ въ себѣ линію длиннаго вала, протянувшася отъ м. Китай-Города къ м. Орчику и далѣе къ Днѣпру.

Направляясь въ м. Китай-Городъ, мы отмѣтили рядъ кургановъ, попадавшихся по дорогѣ.

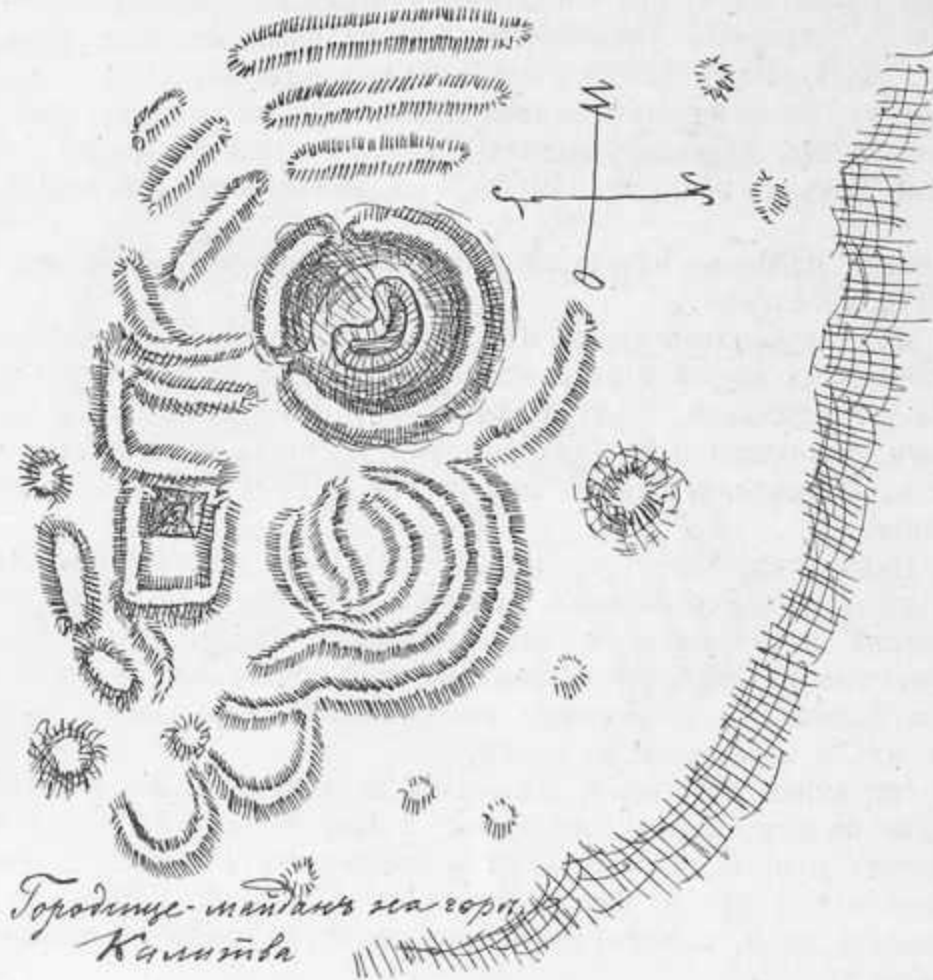
Такъ, выѣхавъ изъ м. Кишеньки, въ направленіи къ р. Орели, мы замѣтили, что вправо и влѣво отъ дороги расположено по одному кургану, при чемъ находящійся вправо курганъ окруженъ хуторными постройками. Версту далѣе, вправо отъ дороги, на линіи прежняго кургана, находится еще 1 курганъ, а на линіи кургана, съ лѣвой стороны дороги, — два кургана.

Версту далѣе, къ востоку отъ только что описаннаго кургана, съ правой стороны находится еще 1 курганъ, за которымъ, нѣсколько далѣе, по той же линіи, — другой курганъ. Далѣе, вправо отъ дороги, по второй линіи кургановъ, находится 1 курганъ, занятый въ настоящее время подъ кладбище. Къ югу отъ него, близъ дороги, — 3 кургана, расположенныхъ на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга. Около версты къ югу находится высокій майданъ съ крыльями. Къ сѣверу и къ югу отъ означеннаго майдана, въ разстояніи около $\frac{1}{4}$ в., находится по одному кургану, которые въ настоящее время подвергаются распашкѣ; особенно сильно пострадалъ въ этомъ отношеніи курганъ южный.

Версты двѣ далѣе, въ д. Гриценковой находится 1 курганъ; а за деревней, въ полуверстѣ отъ нея,—другой курганъ, полураспаханный. Нѣсколько далѣе, за ближайшимъ хуторомъ находится 1 майданъ.

За д. Григоровкой, въ верстѣ, влѣво отъ дороги, подъ х. Петренка, находятся 2 кургана, полураспаханныхъ; вправо—1 майданъ.

Близъ х. Петренка, вправо отъ дороги, находится 1 курганъ. Далѣе въ д. Рудкѣ, передъ оврагомъ, вправо отъ дороги, находится курганъ, а за означенной деревней, близъ дороги,—другой курганъ. Кромѣ того, въ разстояніи около $\frac{3}{4}$, или 1 версты къ югу отъ д. Рудки, вправо отъ дороги, находится большой курганъ.

№ 30а.

На возвышающейся къ сѣверо-западу отъ м. Китай-Города горѣ, носящей названіе «Калитва», находится нѣсколько кургановъ и одно сложное городище-майданъ, который имѣетъ такой видъ (№ 30а)

Поднимающійся довольно высоко надъ окружающею мѣстностью обширный холмъ, носящій названіе «Калитва», круто спускается къ долинѣ р. Орели и болѣе отлого въ противоположную сторону. Онъ далеко виденъ вокругъ съ какой бы стороны къ нему ни подъѣзжать. Съ вершины этого холма открывается широкій горизонтъ на далекое пространство, верстъ на 30, или около этого. На вершинѣ Калитвы, въ ея восточной части, ближе къ берегу р. Орели, находится майданъ съ нѣсколькими курганами вокругъ, какъ это представлено на планѣ. Близъ означеннаго майдана проходитъ дорога изъ м. Китай-Города въ Царичанку. Нѣсколько далѣе къ востоку пролегаетъ другая дорога, въ томъ же направленіи,

что и первая; она носит, однако, особое название, а именно—«скорый шляхъ». По обѣ стороны этого «скараго шляха» разбросано нѣсколько кургановъ, также носящихъ названіе «скарыхъ могиль». Несомнѣнно, холмъ Калитва издревле игралъ роль стратегическаго пункта, на который съ незапамятныхъ временъ было обращено вниманіе приходившимъ въ соприкосновеніе съ означенными мѣстами населеніемъ. Въ болѣе, сравнительно, позднюю пору гора Калитва служила обсервационнымъ пунктомъ, откуда подавались сигналы объ опасности для мѣстнаго населенія. Такъ, мѣстные жители передавали, какъ преданіе, слышанное ими отъ мѣстныхъ стариковъ, что на горѣ Калитвѣ стояли, когда-то давно, трояны (т.-е. деревянные, высокіе шесты, на подставкѣ), на которыхъ находились вѣха и флагъ— для извѣщенія жителей о набѣгѣ непріятелей. Когда люди выходили на работу, то все время смотрѣли на вѣху, и если они клонились къ дому, то всѣ спѣшили поскорѣе убраться съ полей подъ защиту укрѣпленій.

Начиная отъ м. Китай-города, я изслѣдовалъ мѣстность, главнымъ образомъ, по правой сторонѣ р. Орели, близъ огромнаго длиннаго вала, идущаго на многіе десятки верстъ по правому берегу означенной рѣки. Здѣсь встрѣчается очень много майдановъ, отстоящихъ иногда на очень незначительномъ разстояніи другъ отъ друга, а иногда и рядомъ одинъ возлѣ другого. Интересно, что обиліе майдановъ находится близъ указанной линіи длиннаго, такъ называемаго «змѣваго» вала и, по всей вѣроятности, они имѣютъ между собою не случайное соотношеніе. Они находятся обыкновенно или въ непосредственномъ соприкосновеніи съ означеннымъ валомъ, или же въ небольшомъ отъ него разстояніи. Характерная особенность находящихся здѣсь майдановъ та, что они имѣютъ большую сравнительно съ обычнымъ типомъ величину (отъ 180 до 265 арш. длины кольцевидной окружности) и нѣсколько воротъ или же отверстій майдана. Кромѣ того, имѣются еще особенности и въ расположеніи крыльевъ, которыя отходятъ съ двухъ, трехъ, а иногда и съ четырехъ сторонъ майдана. Близъ майдановъ, обыкновенно передъ крыльями, наблюдаются курганы, расположенные по линіи, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга.

Мы постараемся изложить въ общихъ чертахъ все то, что было нами отмѣчено при изслѣдованіи означеннаго праваго берега р. Орели. За Царичанкой, выѣхавъ по дорогѣ въ направленный на оконъ справа, надъ берегомъ р. Орели, видны валъ и ровъ, составлявшіе собой такъ называемую защитную со стороны степи линію. Тотчасъ по выѣздѣ изъ Царичанки, влѣво отъ дороги,—курганъ, а версту далѣе—еще одинъ курганъ. Проѣхавъ версты три, вправо, близъ перваго хутора, на лощинѣ, находятся 2 кургана. Подъѣзжая къ взгорью, справа отъ дороги, мы замѣтили одинъ курганъ.

Верстахъ въ 7-ми отъ м. Царичанки, близъ с. Байбаковки, на высококомъ пунктѣ праваго берега р. Орели, передъ линіей длиннаго вала, отчетливо здѣсь сохранившагося, находится нѣсколько кургановъ. Кромѣ того, на низинѣ, близъ самой линіи вала, находится одинъ курганъ.

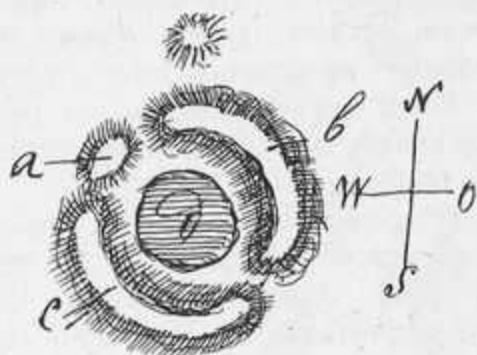
Влѣво отъ дороги, противъ того мѣста, гдѣ долина р. Орели приближается къ дорогѣ, на возвышеніи находится 1 курганъ. Въ разстояніи 9 или 10 верстъ отъ Царичанки по дорогѣ въ м. Маячку, влѣво, саж. въ 70—80 отъ дороги, на возвышеніи, находится майданъ безъ крыльевъ, такого вида, какъ № 31.

Длина окружности кольцевиднаго вала (abc) майдана, не считая воротъ,—180 аршинамъ. Въ майданъ ведутъ трое воротъ—двое съ западной стороны и одинъ—съ восточной. Высота валовъ майдана около 3 саж. Глубина ямы (d) около $1\frac{1}{2}$ саж. Толщина вала у основанія около 10 саж. Крыльевъ близъ майдана въ настоящее время нѣтъ; быть можетъ, они уже распаханы, такъ какъ весь май-

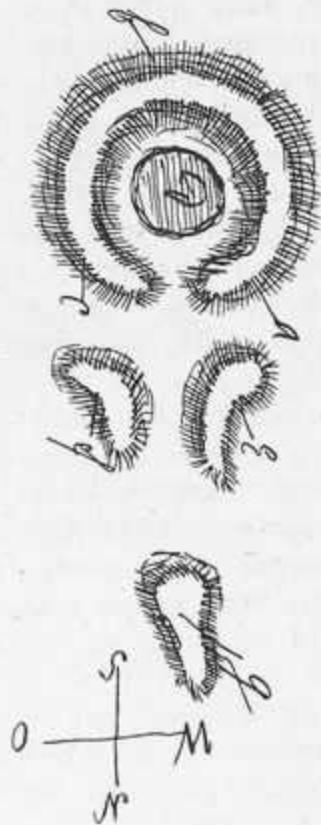
данъ подверженъ значительной распахкѣ. Къ сѣверу отъ майдана, на небольшомъ разстояніи, находится 1 курганъ, который также распахивается, нѣсколько дальше, все въ томъ же сѣверномъ направленіи, находится низина, довольно пологая.

Версту далѣе отъ означеннаго майдана, влѣво отъ дороги, находится 1 курганъ, а $\frac{1}{4}$ в. далѣе, по той же линіи,—другой курганъ.

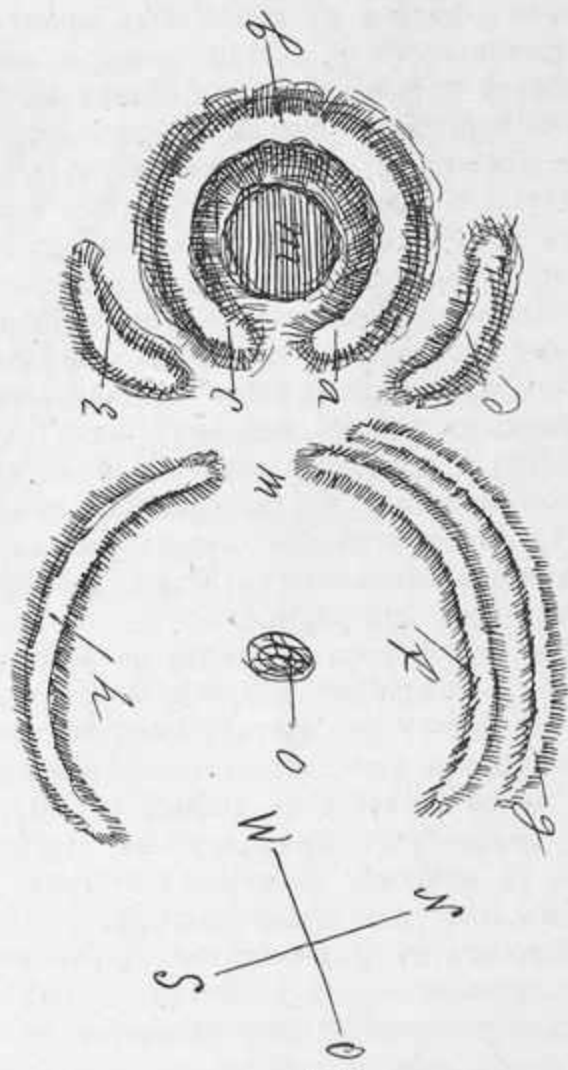
Близъ означеннаго мѣста такъ называемый «зміевый» валъ и ровъ проходятъ очень близко отъ дороги и уже въ значительной степени эти сооруженія разру-

№ 31.

№ 32.

№ 33.

шены мѣстными жителями, создавшими здѣсь нѣсколько хуторовъ. Полверсты влѣво отъ дороги, находится майданъ такого типа (№ 32).

Длина окружности кольцевиднаго вала (abc) майдана около 125 арш., высота вала около $2\frac{1}{2}$ —3 саж.; толщина вала у основанія около 7 саж.; глубина ямы (d) около 3 саж. Ворота майдана находятся съ сѣвера. Въ разстояніи около 3 саж. отъ воротъ майдана, къ сѣверо-востоку и къ сѣверо-западу, находятся два обрывка крыльевъ (e и f), изъ которыхъ первое имѣетъ около 50 аршинъ въ длину, а второе—около 30 арш. Высота этихъ крыльевъ около 1 саж. Въ разстояніи около

40 саж. къ сѣверу, т.-е. противъ воротъ майдана, находится возвышенный, неправильной формы холмъ или курганъ (g).

Въ разстояніи около 80—100 саж. къ сѣверо-востоку отъ вышеописаннаго майдана, близъ дороги, противъ х. Бѣланова, находится другой майданъ такого вида (№ 33).

Длина окружности кольцевиднаго вала (abc) майдана = 150 арш.; высота вала майдана = 3 саж.; а съ западной стороны она достигаетъ $3\frac{1}{2}$ или 4 саж.; глубина ямы m = 3 саж., ворота или выходъ изъ майдана на юго-востокъ; этотъ майданъ имѣетъ ту особенность, что, кромѣ двухъ дугообразныхъ крыльевъ f и h, отстоящихъ отъ кольца майдана на разстояніи около 3 саж., есть еще два крыла (e и d), изъ которыхъ сѣверное (d) отходитъ отъ конца крыла f въ направленіи къ сѣверо-западу отъ послѣдняго, а другое, южное (e), — въ направленіи къ юго-западу отъ крыла h. Кромѣ того, крыло f сопровождается еще небольшимъ параллельнымъ ему крыломъ (g). Посрединѣ между крыльями f и h есть яма (o).

Эти два крыла e и d невелики: первое имѣетъ въ длину 40 арш., а второе — 30 арш.; высота первого около 1 саж., высота второго около 2 арш. Между тѣмъ, длина крыльевъ f и h доходитъ до 90 арш., при высотѣ около $1\frac{1}{2}$ —2 саж.

Какъ кольцо майдана, такъ и его крылья подвергаются распашкѣ.

Въ разстояніи около $\frac{1}{2}$ версты къ сѣверо-востоку есть 1 курганъ, а саженой 100 далѣе — другой курганъ.

Нѣсколько далѣе, близъ такъ называемаго Зміевскаго хутора, находится майданъ такой формы (№ 34).

Длина окружности кольцевиднаго вала майдана (abc) = около 160 арш.; высота вала около $3\frac{1}{2}$ или 4 саж.; глубина ямы (d) майдана около $3\frac{1}{2}$ —4 саж.; ширина насыпи у основанія — около 30 аршинъ. Насыпь состоитъ изъ чернозема. Ворота майдана находятся въ восточной сторонѣ его; противъ воротъ, въ разстояніи 30—35 аршинъ отъ нихъ, находится отрѣзокъ вала (f), длиной въ 30 аршинъ, а къ сѣверу отъ него — крыло e, длиной около 60 аршинъ. Крыло южное сложное: оно состоитъ изъ двухъ, идущихъ параллельно другъ другу небольшихъ дугъ валовъ g и n, имѣющихъ, каждая около 35 аршинъ длины, а затѣмъ дуги h, длиной въ 75 аршинъ. Высота крыльевъ этихъ около 2 саж.; такой же, приблизительно, высоты и сѣверное крыло майдана. Между крыльями майдана находятся двѣ ямы, расположенныя поближе къ крыльямъ. Весь майданъ подверженъ усиленной распашкѣ. Въ разстояніи около 30—40 саженой къ западу находится 1 курганъ.

Проѣхавъ $\frac{1}{4}$ версты далѣе, близъ дороги, вправо, находится 1 курганъ, а 50 саж. далѣе, также близъ дороги, вправо, еще 1 курганъ.

Близъ с. Канавы, по дорогѣ на м. Маячку, вправо, находится 1 курганъ, полураспаханный.

Труды, XIV Арх. Съѣзда, т. III.

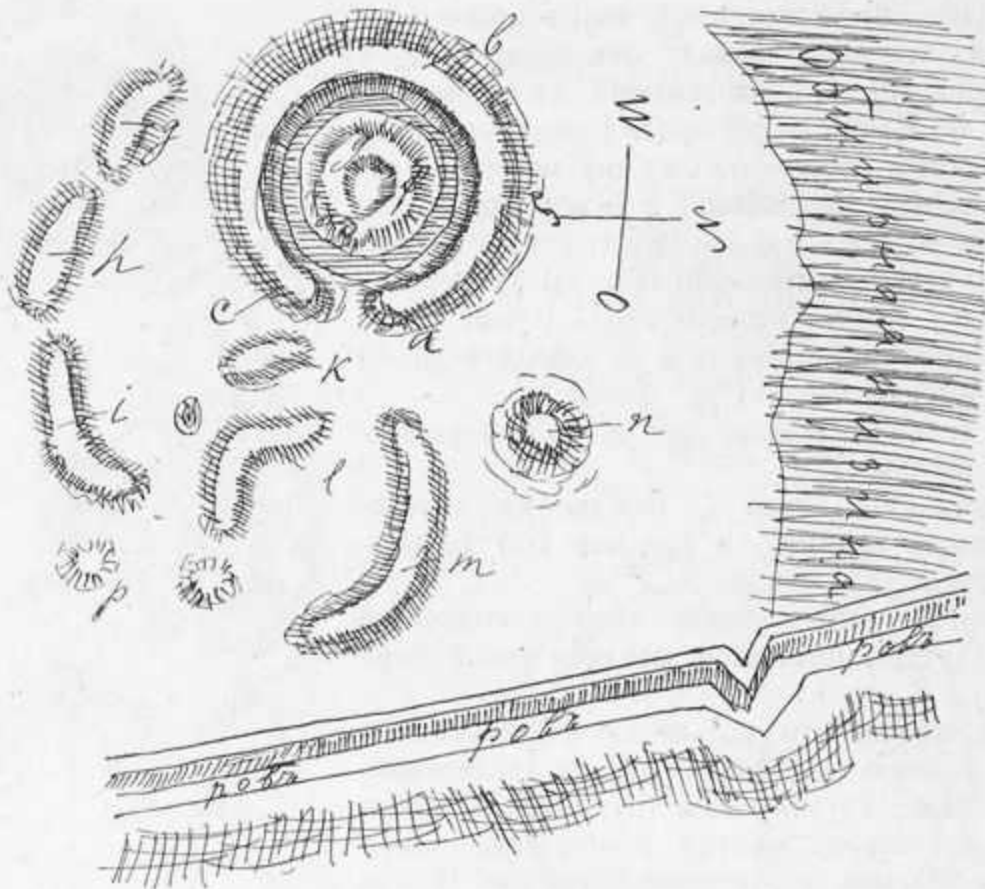

№ 34.

Близъ Фирсовыхъ хуторовъ, расположенныхъ неподалеку отъ такъ называемой «линии», т. е. вала со рвомъ, находится обширныхъ размѣровъ майданъ такого типа (№ 35).

Означенный майданъ, помимо своеобразности въ строеніи крыльевъ, рѣдко встрѣчаемой въ другихъ майданахъ, имѣетъ еще ту особенность, что внутри майдана (abc), въ серединѣ его, находится второе кольцо вала (efg), малыхъ размѣровъ, окружающее небольшую, нѣсколько приподнятую надъ ямой майдана вогнутую площадку.

Длина кольцевидной насыпи (abc) майдана = 220 аршинамъ; высота вала abc = отъ 2 до 3 саж. Насыпь вала — черноземъ. Длина малаго кольцевиднаго,

№ 35.

внутренняго вала майдана (dfg) = около 70 арш., при высотѣ около 3 саж. Глубина ямы майдана около $3\frac{1}{2}$ — 4 саж. Ворота майдана открываются на востокъ.

Въ разстояніи 3—4 саж. къ востоку отъ конца вала а, находится небольшой обрывокъ вала k, длиной около 5 арш.; слѣдующій затѣмъ къ востоку обрывокъ вала l имѣетъ 45 арш. въ длину. Въ разстояніи 50 арш., далѣе къ востоку, находится l курганъ, а къ югу отъ него, на небольшомъ разстояніи, — другой курганъ. Къ западу отъ послѣдняго, напротивъ отрѣзка l, расположено въ направленіи на западъ крыло I, которое имѣетъ въ длину около 80 аршинъ, а въ высоту сажени $1\frac{1}{2}$. Къ западу отъ этого крыла идетъ слѣдующее крыло (h), длиной въ 35 арш., а высотой около 1 саж. Еще далѣе на западъ, но ближе къ кольцу майдана, находится третій отрѣзокъ крыла (g), длиной въ 30 арш., а высотой въ 2 аршина. Къ востоку отъ конца майдана (с), находится большое крыло, длиной въ 75 арш., а высотой около 2 саж. въ средней части, около $1\frac{1}{2}$ саж. — въ за-

падной и около 1 саж. — въ восточной части. Въ нѣкоторомъ разстояніи къ сѣверу отъ конца (а) майдана находится 1 курганъ (п). Между крыльями майдана I и i находится яма. Описанный майданъ находится близъ низины. Въ небольшомъ разстояніи къ сѣверо-востоку отъ него находится такъ называемая «линія», состоящая изъ вала со рвомъ при немъ.

Переѣхавъ низменную равнину, вправо отъ дороги, въ разстояніи около 1 в. отъ церкви с. Канавы, надъ рѣчнымъ берегомъ, на высококомъ пунктѣ, имѣемъ 1 майданъ.

По направленію «линіи» къ майдану находятся 2 кургана, въ разстояніи 80—100 саж. одинъ отъ другого. Далѣе, по горѣ, за с. Канавой, вправо, видны курганы. Поднявшись на гору, близъ дороги, влѣво, въ разстояніи около 100 арш., есть 1 курганъ, а $\frac{1}{4}$ версты далѣе къ западу — майданъ; за послѣднимъ, въ небольшомъ разстояніи, близъ дороги, — майданъ, расположенный на возвышеніи, за которымъ разстиляется низина. Близъ м. Маячки, влѣво отъ дороги, находятся 2 кургана, въ разстояніи 100 саж. одинъ отъ другого. За Маячкой, поднявшись на гору, справа отъ дороги, есть 4 кургана, изъ которыхъ 2 расположены близъ дороги, а 2 — въ разстояніи 100—120 аршинъ одинъ отъ другого. Влѣво отъ дороги, въ разстояніи около 200 аршинъ, находится майданъ, расположенный на землѣ г. Ливенъ; онъ (№ 36) имѣетъ видъ майдана № 3.

Длина окружности кольцевиднаго вала (abc) майдана = 175 арш.; высота вала майдана 2 саж.; насыпь вала — черноземъ; глубина ямы m = 2 саж.; ширина вала майдана у основанія около 30 арш. Ворота майдана — на юго-востокъ. Въ разстояніи 2—3-хъ саж. отъ концовъ кольца майдана, къ юго-востоку, отходятъ двѣ дуги крыльевъ, длиною каждое по 110 аршинъ, а высотой въ 2 саж. Въ разстояніи 60 аршинъ отъ воротъ майдана, къ юго-востоку, между крыльями находится яма. Въ нѣкоторомъ разстояніи къ сѣверо-востоку отъ сѣвернаго крыла находится курганъ, а въ 100 саж. дальше, по тому же направленію — другой курганъ. Въ разстояніи около 1 версты къ востоку находится еще 1 майданъ, а въ разстояніи около $\frac{1}{2}$ версты къ юго-востоку — другой майданъ, нѣсколько меньшихъ размѣровъ, съ небольшимъ крыломъ.

Версту далѣе, вправо отъ дороги, въ разстояніи около $\frac{1}{2}$ в., есть 1 курганъ, а за нимъ, къ востоку, приблизительно на такомъ же разстояніи, — другой курганъ; версты 2 далѣе къ востоку, къ рѣкѣ и къ «линіи», находится 1 майданъ. Затѣмъ опять, въ разстояніи 3—4-хъ верстъ, находятся нѣсколько кургановъ, которые, какъ и раньше упомянутые майданы, все усиленно распахиваются.

Вблизи усадьбы генерала Авилова есть два кургана, на краю горы, гдѣ проходитъ такъ называемая «линія».

Проѣхавъ съ версту, въ полѣ, въ разстояніи $\frac{1}{2}$ в. отъ дороги, встрѣчаемъ 1 курганъ, а ближе къ дорогѣ — другой курганъ, полураспаханный. Возлѣ находящагося здѣсь хутора замѣтна такъ называемая «линія», идущая надъ краемъ горы, надъ долиной р. Орели.

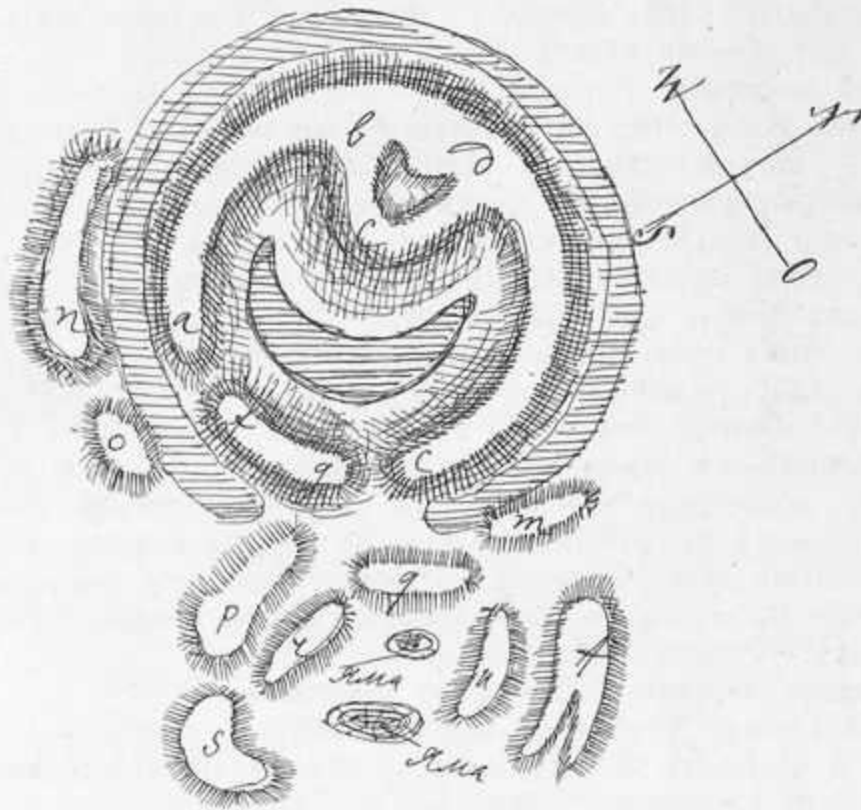
Напротивъ х. Бурты, влѣво отъ дороги, находится городище-майданъ такого вида (№ 37).

Этотъ майданъ имѣетъ ту особенность, что въ сѣверо-западной части его вала, самой широкой и самой высокой (выше 4 саж.), находится кольцеобразный выступъ bcd, въ видѣ площадки съ вогнутой серединой, окруженной валами bcd, длиною въ 62 аршина. Длина большой дуги кольцевидной насыпи майдана отъ а до е = 190 арш.; высота въ западной части около 4 саж., а далѣе — 3 саж.; къ концамъ — около 2 саж. Длина дуги вала fg = 65 арш., при высотѣ около 2 саж. Глубина ямы майдана около $2\frac{1}{2}$ —3 саж.

Вокругъ майдана, начиная отъ южныхъ воротъ, между валомъ майдана и его крыльями (п и о), находится довольно значительная низина, какъ бы отъ заплывшаго рва. Такая же низина замѣтна и въ восточной части майдана между дугой майдана *cd* и крыломъ его *m*. Длина крыла *p* = 60 арш., а крыла до = 20 арш., при высотѣ каждаго въ 1 саж.

Противъ восточныхъ воротъ майдана находятся два ряда полукружныхъ валовъ, сохранившихся въ обрывкахъ, какъ они изображены на рисункахъ; они имѣютъ отъ 25 арш. (какъ крыло *q*), до 35 арш. (какъ крыло *t*) длины, при высотѣ въ сѣверной части—около $2\frac{1}{2}$ саж., а въ южной—до 3 саж.

Къ сѣверо-востоку отъ восточныхъ воротъ майдана находится обрывокъ вала *m*, длиною въ 15 арш.

№ 37.

Между крыльями *г* и *и* находятся двѣ ямы, изъ которыхъ расположенная къ востоку длиннѣе и больше другой. Насыпь всюду состоитъ изъ чернозема.

Въ разстояніи $\frac{1}{4}$ в. къ сѣверу отъ майдана находится 1 курганъ.

Проѣхавъ по дорогѣ съ четверть версты, вправо отъ дороги, имѣемъ курганъ, за которымъ версту далѣе — другой курганъ, а за нимъ въ $\frac{1}{2}$ верстѣ — третій. Вправо отъ двухъ послѣднихъ кургановъ есть еще 2 кургана, расположенныхъ ближе къ такъ называемой «линіи».

Къ сѣверу отъ вышеописаннаго майдана, въ разстояніи около одной версты, есть 1 курганъ, а еще далѣе, приблизительно съ версту, — майданъ небольшой величины, съ крыльями. Этотъ майданъ (№ 38), имѣетъ видъ № 3.

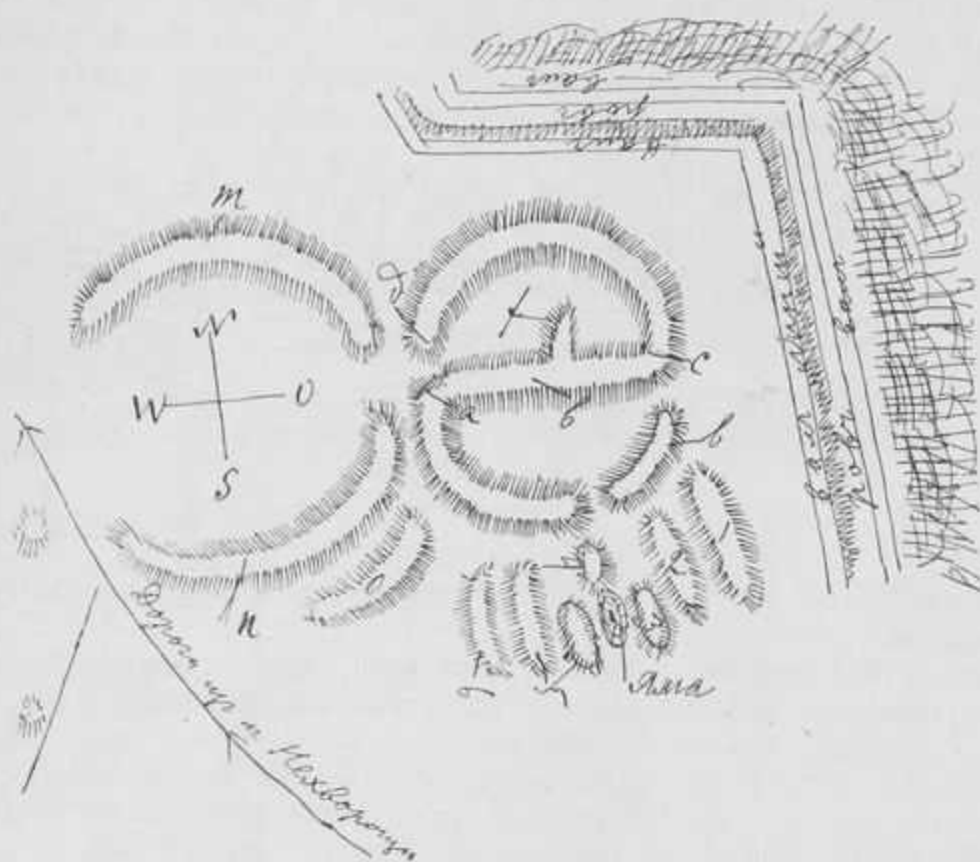
Длина окружности кольцевиднаго вала майдана (*abc*) = около 100 арш.; высота 2 или $2\frac{1}{2}$ арш.; глубина ямы около $2\frac{1}{2}$ арш.; вокругъ кольца майдана замѣтно пониженіе какъ бы отъ заплывшаго рва. Къ сѣверо-западу отъ воротъ майдана находятся 2 крыла *m* и *n*, длиною каждое по 40 арш., при высотѣ въ 2 арш.

Посрединѣ, между крыльями, есть яма. Къ востоку отъ означеннаго майдана, въ разстояніи около 1 версты, есть довольно значительныхъ размѣровъ майданъ, а далѣе, къ востоку—1 курганъ.

Подъ с. Нехворацами, влѣво, къ сѣверо-зап., близъ мельницъ, есть 1 курганъ, а съ версту къ востоку, за роцей,—другой курганъ.

За м. Нехворацами, близъ выѣзда на гору, по дорогѣ въ с. Коноваловку, находится городище-майданъ такого вида (№ 39).

Этотъ майданъ расположенъ на возвышенномъ пунктѣ, близъ такъ называемой линіи, поручь (въ 30 шагахъ) съ бастиономъ, выстроеннымъ, повидимому, изъ другого, сосѣдняго майдана, валы и яма котораго были утилизированы для военныхъ нуждъ позднѣйшаго времени. Слѣды этого майдана сохранились еще въ

№ 39.

углубленіи бастиона, который, благодаря этому, нѣсколько превосходитъ обычную величину другихъ бастионовъ, устроенныхъ, на известномъ разстояніи, по линіи вала; окружность вала этого бастиона доходитъ приблизительно до 200 арш., тогда какъ обыкновенно она значительно меньше означенной величины. Кромѣ того, и самая форма означеннаго бастиона совсѣмъ иная, сравнительно съ обыкновенной формой ихъ. Такимъ образомъ, можно полагать, что изъ двухъ, лежавшихъ рядомъ майдановъ, одинъ остался цѣлымъ, а другой пошелъ подъ постройку военныхъ сооружений болѣе поздняго времени. Что здѣсь, рядомъ, могъ быть второй майданъ,—въ этомъ убѣждаетъ насъ, кромѣ того, и наличность, въ сосѣднихъ мѣстахъ, какъ увидимъ дальше, нѣсколькихъ двойныхъ майдановъ, сложнаго типа. Изображенный на рис. 39 майданъ довольно крупныхъ размѣровъ. Длина дуги его вала отъ а до б=120 арш.; длина вала отъ с до d=85 арш.; пространство или ворота отъ б до с=20 арш. Высота вала около полуторы саж. Поперечная перего-

родка *ac* между половинами майдана=70 арш.; отъ середины ея къ сѣверу отходить узкая и невысокая перемычка *t*, не доходящая, однако, до дуги вала. Между *a* и *d* находятся вторыя, западныя ворота, отъ которыхъ, въ разстояніи около 2-хъ саж., отходятъ на западъ два крыла, обращенныхъ вогнутой стороной другъ къ другу. Длина каждаго изъ этихъ крыльевъ около 125—130 аршинъ, и высота около 2 саж. У южнаго крыла *n*, близъ начала его, т.-е. съ сѣверо-восточнаго конца, примыкаетъ небольшой отрѣзокъ вала *o*, длиной въ 30—35 арш., а высотой около 1 саж. Кромѣ того, къ югу отъ дуги *ab* вала майдана, противъ воротъ, идущихъ черезъ валь *ab* прямо на югъ, есть нѣсколько отрѣзковъ валовъ, какъ бы меньшихъ крыльевъ, имѣющихъ ту особенность, что два вала (1 и 2), длиной около 40 арш., а высотой около $1\frac{1}{2}$ арш., отходятъ къ юго-востоку отъ воротъ, а четыре другихъ вала, подъ цифрами 4, 5, 6 и 7, длиной, меньшіе, три—по 10 арш., а большій (6-й)=25 арш., при высотѣ каждаго въ $1\frac{1}{2}$ арш. Между валами 3, 4 и 5-мъ есть яма. Къ западу отъ крыла *n* находится близъ дороги, курганъ, а еще далѣе, близъ поперечной дороги, отходящей возлѣ крыла *n*, на западѣ,—еще 1 курганъ.

Версту далѣе, по той же дорогѣ, влѣво отъ послѣдней, находится курганъ;

№ 41.

а еще версту далѣе, вправо отъ дороги,—два кургана, расположенныхъ неподалеку одинъ отъ другого.

Близъ с. Коноваловки, неподалеку отъ края горы, спускающейся въ долину р. Орели, находится майданъ (№ 40), нѣсколько напоминающій форму № 6.

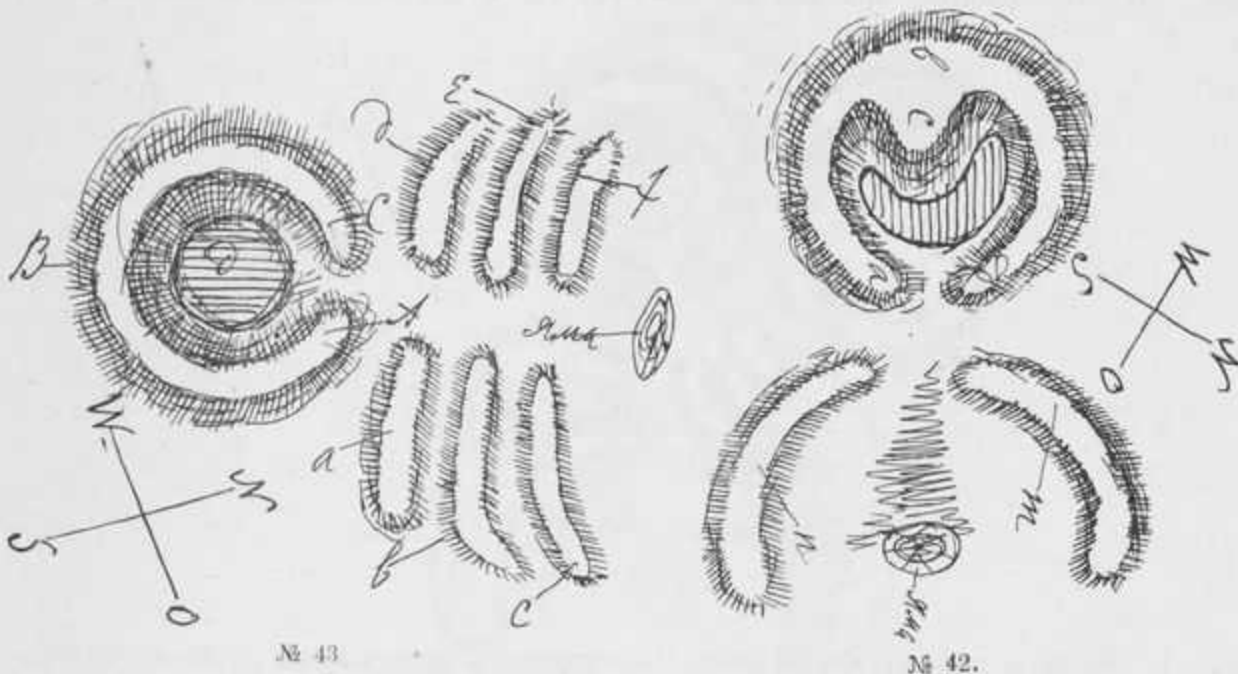
Этотъ майданъ имѣетъ ту особенность, что среди его ямы, окаймленной кольцевиднымъ валамъ находится круглая площадка вродѣ холмика, высотой аршина въ 2; кругомъ нея—небольшой валь. Длина окружности кольцевиднаго вала майдана=170 арш.; высота вала, въ общемъ, около 3 саж., а въ южной части—около 4 саж.; глубина ямы около 3 саж. Валь майдана состоитъ изъ чернозема. Ворота майдана находятся въ его сѣверной части. Отступя нѣсколько къ сѣверу отъ воротъ майдана, по обѣ стороны отъ нихъ, отходятъ два крыла, каждое изъ которыхъ состоитъ изъ двухъ дугъ валовъ, идущихъ параллельно другъ другу и отдѣляющихся одинъ отъ другого небольшимъ рвомъ *o* и *q*. Длина вала *m*=85 арш., при высотѣ въ 3 саж.; длина меньшаго крыла *n*=80 арш., при высотѣ въ 2 саж. Таковы же, приблизительно, размѣры и восточнаго крыла майдана. Интересно отмѣтить, что при разсмотрѣніи крыльевъ майдана замѣчается удивительная правильность въ уровнѣ высотъ внѣшняго и внутренняго крыльевъ, такъ что, когда смотрѣть на нихъ со стороны, изнутри, то можно замѣтить довольно правильную горизонтальную линію верхней поверхности внѣшняго вала и такую же горизонтальную правильность внутренняго, болѣе низкаго вала. Въ общемъ они имѣютъ такой видъ (№ 41).

Въ разстояніи около 50 аршинъ къ востоку отъ кольца майдана находится 1 курганъ; а въ разстояніи около 150 аршинъ къ востоку отъ крыльевъ его—

другой курганъ. Кромѣ того, въ разстояніи около 50 саж. къ западу отъ крыльевъ майдана находится 1 курганъ. Четверть версты къ сѣверу отъ вышеописаннаго майдана, шагахъ въ 200—300 отъ церкви с. Коноваловки, находится майданъ такого вида (№ 42).

Длина кольцевиднаго вала майдана abc = около 150 аршинъ; высота вала около $1\frac{1}{2}$ саж.; глубина ямы (d) около $2\frac{1}{2}$ саж. Ворота (m) майдана находятся въ сѣверной его части, и къ сѣверу отъ воротъ, въ небольшомъ отъ нихъ разстояніи, отстоятъ три крыла, съ одной стороны, и три крыла съ другой. Восточныя крылья (a , b и c) имѣютъ въ длину: a —40 арш.; c и b —60 арш.; высота этихъ крыльевъ около $1\frac{1}{2}$ саж. Ширина пространства, занимаемаго всеми тремя крыльями, около 35—40 арш. Длина западныхъ крыльевъ: d —35 арш. при высотѣ въ $1\frac{1}{2}$ саж.; e —55 арш., при высотѣ 2 саж.; f —42 арш. при высотѣ въ 2 сажени.

Прямо противъ воротъ майдана, въ разстояніи около 60 аршинъ, находится

№ 43

№ 42.

яма, а за ней, въ небольшомъ разстояніи, возвышается курганъ. Весь майданъ, равно какъ и крылья его, распахивается.

Полверсты къ сѣверу, влѣво отъ дороги, есть 4 кургана, расположенныхъ неподалеку другъ отъ друга, въ направленіи къ сѣверу.

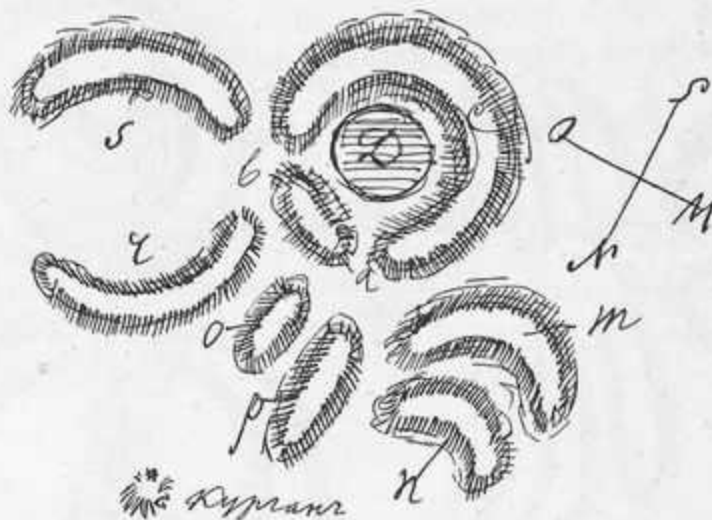
Верстахъ въ двухъ къ сѣверо-востоку отъ церкви с. Коноваловки, близъ дороги, есть майданъ такой формы (№ 43).

Длина окружности кольцевиднаго вала abd майдана = 110 арш.; высота насыпи въ юго-восточной части, гдѣ она мысообразна (bc) вдается внутрь майдана, = 4 саж., а къ концамъ вала a и d она достигаетъ до 3 саж. Глубина ямы майдана около $2\frac{1}{2}$ саж. Ворота майдана находятся въ сѣверо-восточной части его; къ сѣверо-востоку отъ указанныхъ воротъ, въ некоторомъ отъ нихъ разстояніи, отходятъ два крыла m и n , длиною, каждое, въ 40 аршинъ, а шириной около 3 саж. Высота этихъ крыльевъ около 2 аршинъ. Между крыльями, ближе къ концамъ ихъ, находится низина, оканчивающаяся ямой. Насыпь валовъ состоитъ изъ чернозема. Весь майданъ усиленно распахивается. Поднявшись загѣмъ на гору, по дорогѣ въ м. Ряское, вправо отъ означенной дороги съ версту, мы встрѣчаемъ майданъ съ крыльями. Кромѣ того, есть также майданъ небольшихъ размѣровъ,

и влѣво отъ дороги, саж. въ 100 отъ послѣдней, близъ этого майдана находится пониженная балка.

Версты двѣ далѣе, вправо отъ дороги, близъ послѣдней, есть два кургана, отстоящіе одинъ отъ другого на разстояніи около 50 саж. Здѣсь же неподалеку находится майданъ такого вида (№ 44).

Длина окружности кольцевидной насыпи (abc) майдана—около 110—115 арш. Высота вала=1 саж. въ наиболѣе высокой (южной) части, и около 2 арш. въ другихъ частяхъ. Глубина ямы D=1½ саж. Валъ этой насыпи не сплошной, а разорванный въ двухъ частяхъ для воротъ, которыя ведутъ къ соответственнымъ крыльямъ. Одни ворота (a)—направлены на сѣверо-западъ, а другія—на сѣверо-востокъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ первыхъ воротъ, по тому же сѣверо-западному направленію, находятся двѣ пары крыльевъ: восточная пара m и n и западная—o и p. Первая дугообразной формы, длиной около 40 арш., при высотѣ въ 2 арш.; вторая—30—40 аршинъ, при той же высотѣ, что и первая пара. Къ востоку отъ

№ 44.

воротъ b отходятъ двѣ дуги крыльевъ, обращенныхъ вогнутостью другъ къ другу. Длина этихъ крыльевъ каждого—40 арш., при высотѣ около 1½ аршина. Въ разстояніи около 100 арш. отъ концовъ валовъ p и n, къ сѣверо-востоку, есть 1 курганъ. Все это городище-майданъ, вмѣстѣ съ крыльями, усиленно распахивается, такъ что насыпи его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ едва замѣтны; особенно это можно сказать относительно крыльевъ.

Въ разстояніи около ¼ в. къ сѣверо-западу отъ предыдущаго майдана, неподалеку отъ спуска въ долину р. Орели, близъ дороги, находится майданъ (№ 45) имѣющій форму № 3.

Длина кольцевиднаго вала майдана=115 — 120 арш.; высота вала=2 — 2½ саж.; глубина ямы=3 саж. Выходъ или ворота майдана обращены на западъ. Въ разстояніи двухъ саж. отъ концовъ валовъ майдана и въ направленіи къ западу, отходятъ два крыла m дуговидной и n прямолинейной формы, длиной каждое по 40 арш., а высотой въ 1 саж., а мѣстами l 1½ саж. Ширина вала крыла, у основанія,—около 4—5 саж. Такъ называемая «линія», т.-е. валъ и ровъ, всюду замѣтна по краю горы надъ Орельской долиной.

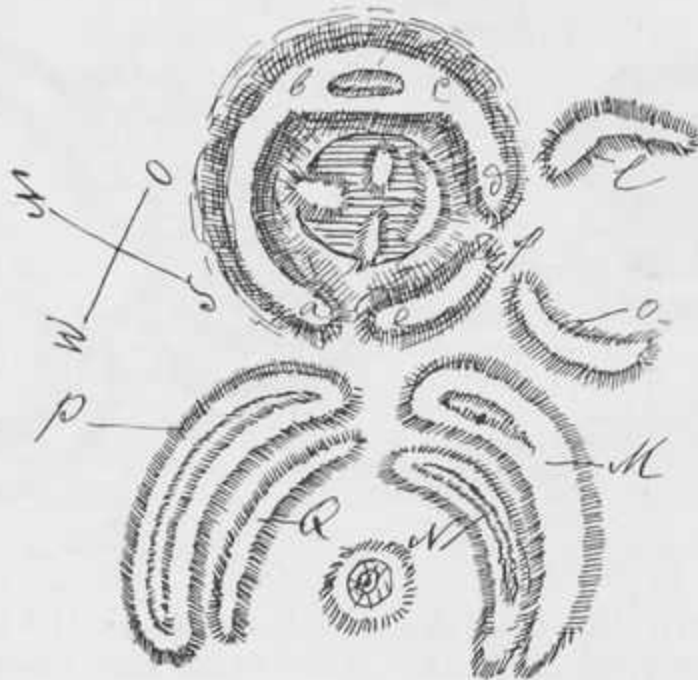
Въ разстояніи около 100 саж. къ востоку отъ описаннаго майдана, близъ дороги, находится городище-майданъ, такого вида (№ 46).

Кольцевидный валъ майдана составной; онъ состоитъ изъ двухъ частей: боль-

шей, $abcd$, имѣющей въ длину: $ab=80$ арш.; $bc=45$ арш., $cd=30$ арш., а всего— 155 аршинъ; и меньшей— ef , имѣющей длину вала въ 50 аршинъ. Высота валовъ кольцевидной насыпи отъ $3\frac{1}{2}$ до 4 саж.; наиболѣе высокое мѣсто вала находится на восточной сторонѣ, близъ продолговатаго углубленія m въ толщѣ вала. Глубина ямы майдана около 3 саж. Внутри ямы находится нѣсколько (4 штуки) небольшихъ валовъ, изъ которыхъ три идутъ въ направленіи съ востока на западъ, и одно изъ нихъ, k , расположено противъ юго-восточныхъ воротъ майдана. Насыпь валовъ майдана состоитъ изъ чернозема.

Въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ вышеозначенныхъ воротъ майдана отходятъ два крыла l и o , изъ которыхъ первое длиной въ 25 арш., а второе— въ 35 арш., при высотѣ въ 1 саж.

Въ юго-западной части майдана находятся другія ворота, къ юго-западу отъ

№ 46.

которыхъ отходятъ четыре пары огромныхъ крыльевъ, изъ коихъ одна пара, южная, имѣетъ въ длину: наружное M ,— 105 аршинъ, при чемъ въ его сѣверо-западной части есть углубленіе въ видѣ рва; и внутреннее N , состоящее какъ бы изъ двухъ валовъ, разъединенныхъ между собою неглубокимъ рвомъ. Высота вала около $2\frac{1}{2}$ саж. Ширина вала у основанія— 5 саж., а вверху— $2\frac{1}{2}$ саж. Сѣверная пара крыльевъ простирается въ длину: наружное, p , крыло—на 110 аршинъ, и состоитъ изъ двухъ параллельныхъ валовъ, разъединенныхъ неглубокимъ рвомъ; высота его 2 саж.; ширина валовъ внизу, у основанія, — 5 саж.; а сверху— $2\frac{1}{2}$ саж. Внутреннее, Q , крыло имѣетъ въ длину 50 арш., при высотѣ въ 3 сажени. Насыпь—черноземъ. Между крыльями противъ юго-западныхъ воротъ майдана, находится яма съ валикообразнымъ возвышеніемъ вокругъ отверстія.

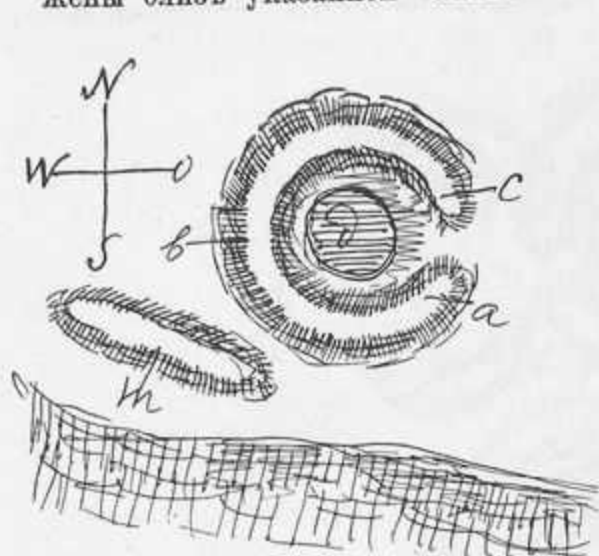
Всюду по откосу горы, надъ долиной p . Орели, видна линія древняго вала. Въ разстояніи около $\frac{1}{2}$ версты къ сѣверу отъ описаннаго выше майдана, близъ дороги, находится еще одинъ майданъ съ крыльями къ востоку. Къ востоку же отъ этого майдана, въ полѣ, есть 2 кургана, а затѣмъ около $\frac{1}{4}$ версты дальше—майданъ.

Близъ м. Ряскаго, не доѣзжая его, влѣво отъ дороги, есть нѣсколько кургановъ.

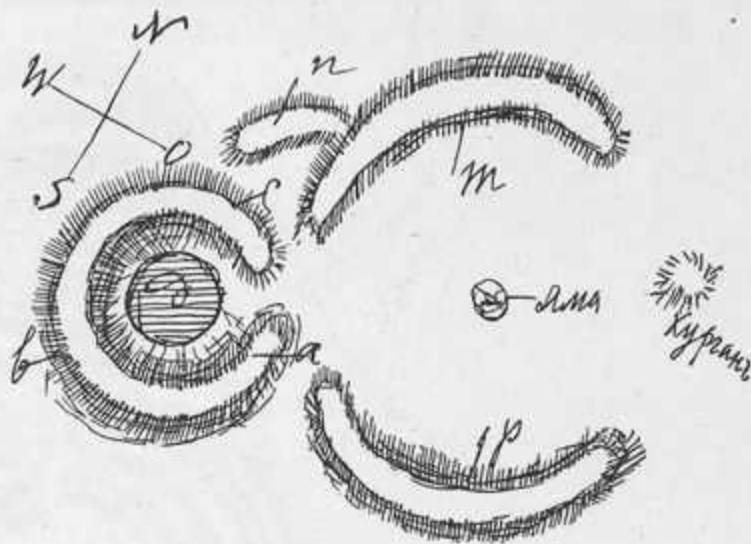
Труды, XIV Арх. Съѣзда, т. III.

Поднявшись на гору изъ Ряскаго въ Орликъ, вправо отъ дороги, есть майданъ такого вида (№ 47).

Длина окружности кольцевиднаго вала (abc) майдана около 160 аршинъ; высота вала — $2\frac{1}{2}$ арш., но эта высота по той причинѣ незначительна, что валы майдана подвергаются распахкѣ. Глубина ямы около 2 саж. Къ юго-западу отъ майдана, въ небольшомъ разстояніи, находится валь, длиной въ 30 арш., а высотой въ $2\frac{1}{2}$ арш. Въ разстояніи 50 аршинъ къ востоку есть другой майданъ, (№ 48) такой же величины, какъ и предыдущій; онъ имѣетъ ворота на западъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ воротъ майдана есть слѣды крыльевъ, которыя почти распаханы. Неподалеку отсюда, по гребню высотъ, надъ обрывомъ къ долинь р. Орели, замѣтны слѣды «линіи». Оба вышеописанные майдана расположены близъ указанной «линіи».

№ 47.

№ 49.

Проѣхавъ версты $1\frac{1}{2}$, влѣво отъ дороги, шагахъ въ 100 отъ нея, находится курганъ. По нагорью, надъ обрывомъ, всюду видна такъ называемая «линія».

Въ полуверстѣ отъ вышеописаннаго кургана, вправо отъ дороги, близъ нагорья къ долинь р. Орели, есть майданъ, съ крыльями, такого вида (№ 49).

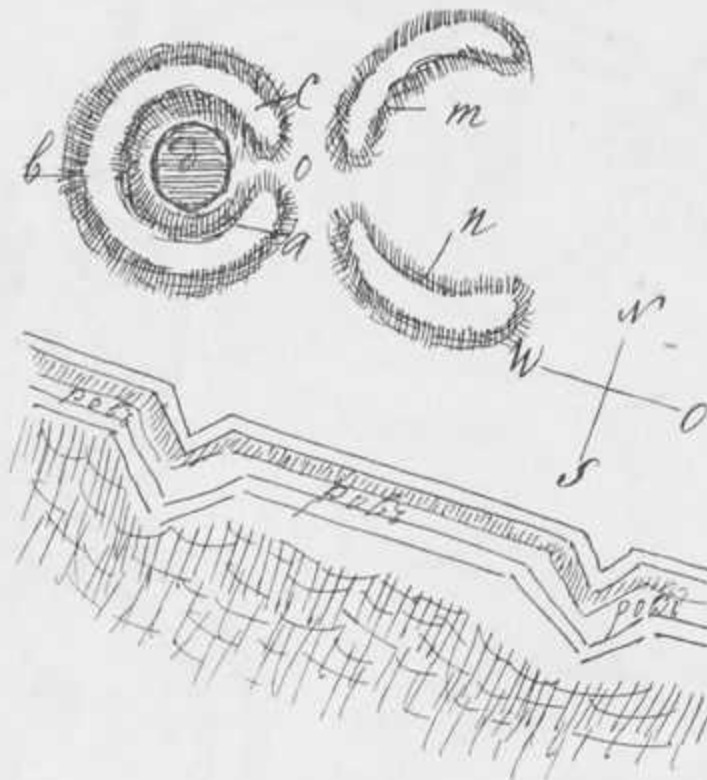
Длина окружности кольцевиднаго вала (abc) — около 130 арш.; высота вала около 1 саж.; глубина ямы (d) — около $2\frac{1}{2}$ саж. Ворота расположены въ сѣверо-восточной части его вала. Въ разстояніи около 3 саж. къ сѣверу отъ кольца майдана находится конецъ крыла (m), которое идетъ полукругомъ, въ направленіи къ сѣверо-востоку, на протяженіи около 85 аршинъ; къ нему примыкаетъ съ юго-запада небольшой отрѣзокъ вала (n), длиной въ 15 аршинъ. Высота большаго крыла у основанія — 5 саженьямъ; ширина крыла сверху — 1 саж. Другое крыло (p), отстоящее отъ предыдущаго на разстояніи около 120 аршинъ; оно имѣетъ размѣры, одинаковые съ крыломъ (m). Между крыльями есть ямы съ кольцеобразнымъ невысокимъ валикомъ вокругъ. Въ разстояніи около 100 аршинъ къ сѣверо-востоку отъ ямы находится 1 курганъ.

Проѣхавъ около $\frac{1}{2}$ версты далѣе по дорогѣ, находимъ еще 1 майданъ (№ 50) одного типа съ № 3.

Длина окружности кольцевиднаго вала — около 100 аршинъ; высота вала — около $1\frac{1}{2}$ саж.; глубина ямы около $2\frac{1}{2}$ саж.; ворота обращены на сѣверо-западъ, и въ томъ же направленіи идутъ и крылья, длиною каждое въ 60 аршинъ, а высотой въ $2\frac{1}{2}$ арш. Весь майданъ и крылья распахиваются.

Въ разстояніи около 70 саж. къ востоку еще 1 майданъ, такого вида (№ 51).

Длина окружности кольцевиднаго вала (abc) = около 80 аршинъ; высота вала около 1 саж.; глубина ямы (d) около 3 саж. Къ сѣверо-востоку отъ воротъ (o) отходятъ два крыла (m и n), длиною каждое по 35 арш., а высотой — около 2 аршинъ. Весь майданъ и его крылья усиленно распахиваются, а потому высота его насыпей раньше была болѣе значительна. Означенный майданъ расположенъ близъ такъ называемой «линіи», которая сохранилась здѣсь довольно отчетливо. Къ сѣверо-востоку отъ майдана, съ версту, есть 3 кургана, а саженьяхъ въ 70 отъ крыльевъ, близъ дороги, — курганъ. Полверсты по дорогѣ дальше, влѣво отъ нея, находится курганъ, за которымъ на нѣкоторомъ разстояніи — другой курганъ, а за нимъ — третій. Вправо, по горѣ, видна «линія», съ чередующимися черезъ извѣстное разстояніе курганами близъ нея.

№ 51.

Проѣхавъ версты 3 дальше, вправо отъ дороги, неподалеку отъ дорожного спуска въ долину р. Орели, есть небольшой майданъ такого вида (№ 52).

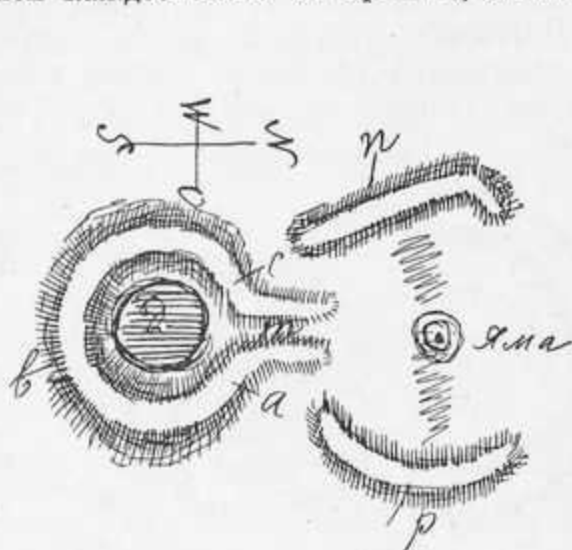
Длина окружности кольцевиднаго вала (abc) = 75 арш.; высота насыпи около 1 саж.; глубина ямы (d) около 3 саж. Ворота (m) устроены въ видѣ коридора (m) изъ двухъ валовъ. Къ сѣверо-востоку и сѣверо-западу отъ воротъ отходятъ двѣ дуги его крыльевъ (n и p), длиною каждое около 40 аршинъ, а высотой нѣсколько болѣе 1 сажени. Майданъ и крылья его распахиваются. Противъ воротъ майдана, между его крыльями, есть яма, а вправо и влѣво отъ нея — пониженіе.

Въ разстояніи $\frac{1}{2}$ версты къ сѣверу есть еще 1 майданъ такого вида (№ 53).

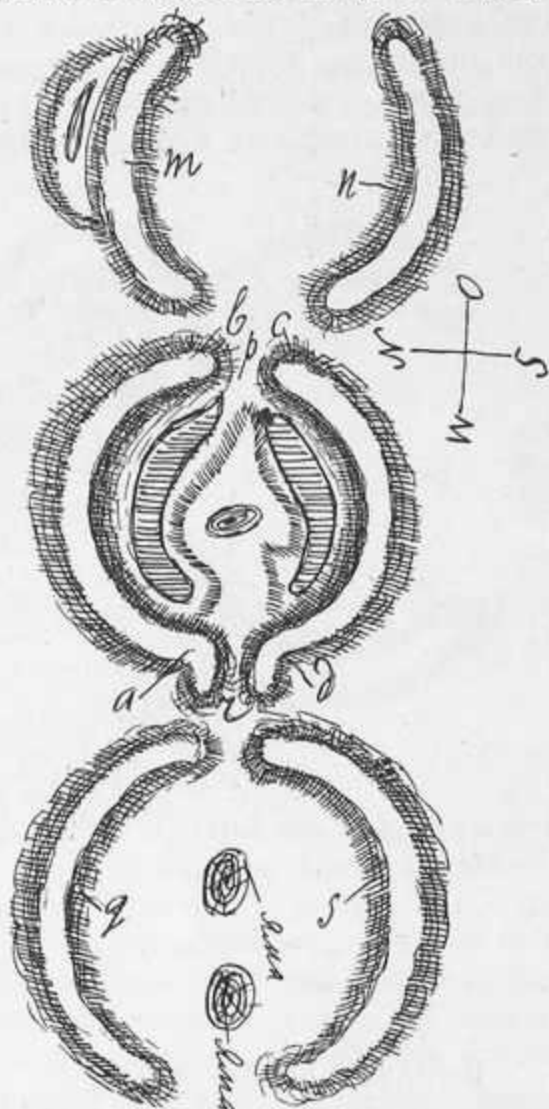
Длина окружности кольцевиднаго вала (abc) = 80 аршинъ; высота вала = 1 — $1\frac{1}{2}$ саж.; глубина ямы (D) около 3 саж.; ворота (d) обращены на западъ, а въ разстояніи около 2 саж. отъ воротъ къ сѣверо-западу и юго-западу находятся 2 крыла (m и n), длиною каждое по 35 арш., а высотой около $1\frac{1}{4}$ сажени. Разстояніе между крыльями около 20 аршинъ. Крылья идутъ не дугой, а прямой

линей. Въ разстояніи около 1 версты къ западу отъ майдана, напротивъ его крыльевъ, видно нѣсколько кургановъ. Версту далѣе къ востоку, влѣво отъ дороги, есть 1 майданъ, (№ 54) по своему виду сходный съ предыдущимъ майданомъ.

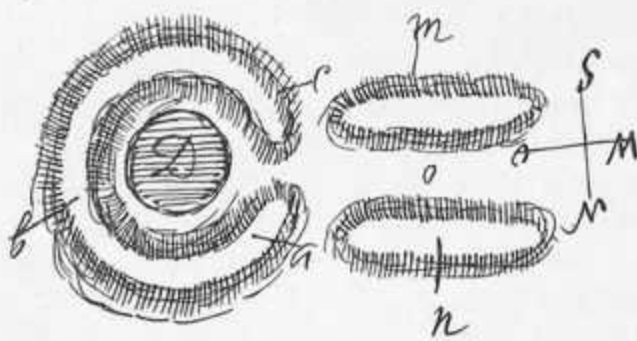
Длина окружности кольцевиднаго вала=около 85 арш.; высота вала—около $1\frac{1}{2}$ саж.; глубина ямы около 3 саж. Въ разстояніи около 2 саж. отъ воротъ, находящихся въ сѣверной части въ направленіи къ сѣверу, есть двѣ дуги крыльевъ, длиной каждое около 35 аршинъ, а высотой около 1 саж. Весь майданъ подвер-

№ 52.

№ 56.

№ 53.

гается распашкѣ. Къ сѣверо-востоку отъ него большая низина, идущая въ долину р. Орели. Вправо отъ дороги, на углу, при выѣздѣ къ рѣчной долинкѣ, есть какія то земляныя насыпи, которыя, къ сожалѣнію, за позднимъ временемъ, мнѣ не удалось осмотрѣть подробнѣе.

При спускѣ съ горы, влѣво, на взгорьи, есть майданъ (№ 55), имѣющій видъ № 3.

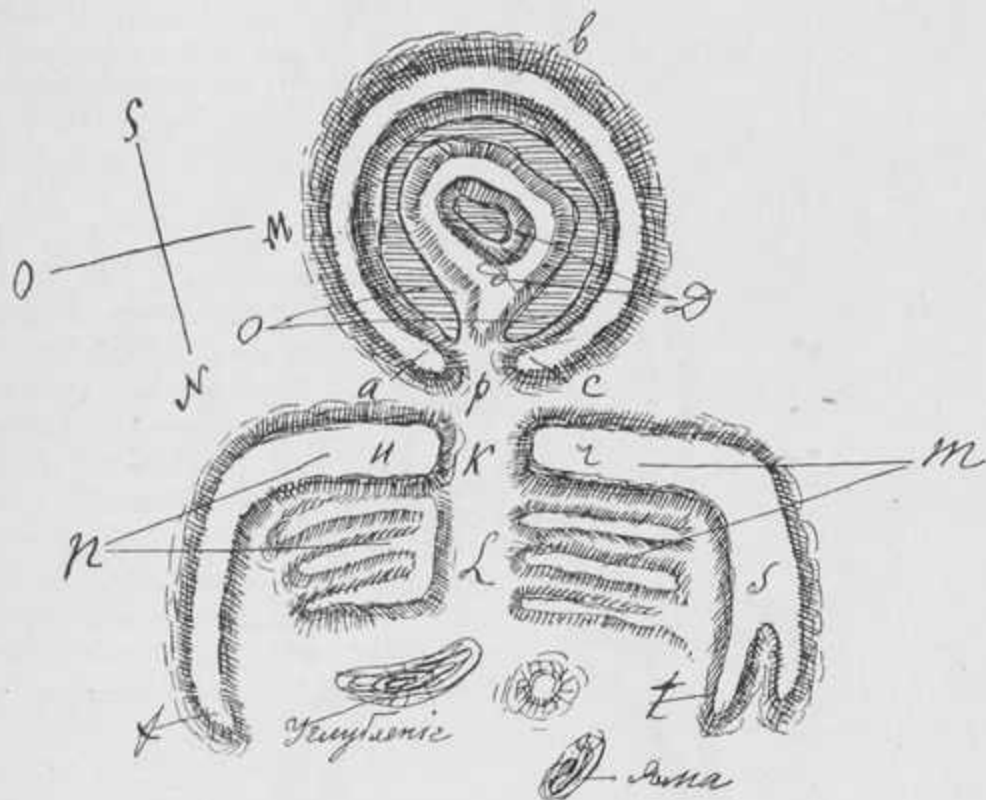
Длина окружности кольцевиднаго вала=85 аршинъ; высота вала около 1 сажени; глубина ямы— $1\frac{1}{2}$ саж. Ворота майдана расположены на сѣверо-востокъ. Къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ воротъ находятся 2 крыла въ видѣ двухъ дугъ валовъ, длиною каждое по 30 арш., а высотой — 2 аршина; между концами

крыльевъ, посрединѣ, находится возвышеніе. Къ сѣверу отъ описаннаго майдана, въ разстояніи около $\frac{1}{4}$ версты, находится еще 1 майданъ.

За с. Русскимъ-Орчикомъ, переѣхавъ его по дорогѣ въ с. Скалоновку, влѣво, есть 3 кургана, въ разстояніи $\frac{1}{2}$ версты отъ села, а вправо отъ дороги, между двумя селами, есть также 3 кургана.

Поднявшись на гору, вправо отъ дороги, есть 1 курганъ, а за нимъ, вблизи, — майданъ. На такомъ же разстояніи, влѣво отъ дороги, есть майданъ съ крыльями такого вида (№ 56).

Этотъ майданъ имѣетъ ту особенность, что посрединѣ его ямы находится мысообразное возвышеніе, идущее отъ западныхъ воротъ (г) къ восточнымъ во-

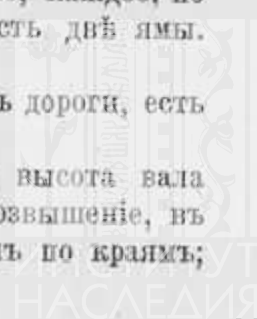

№ 57.

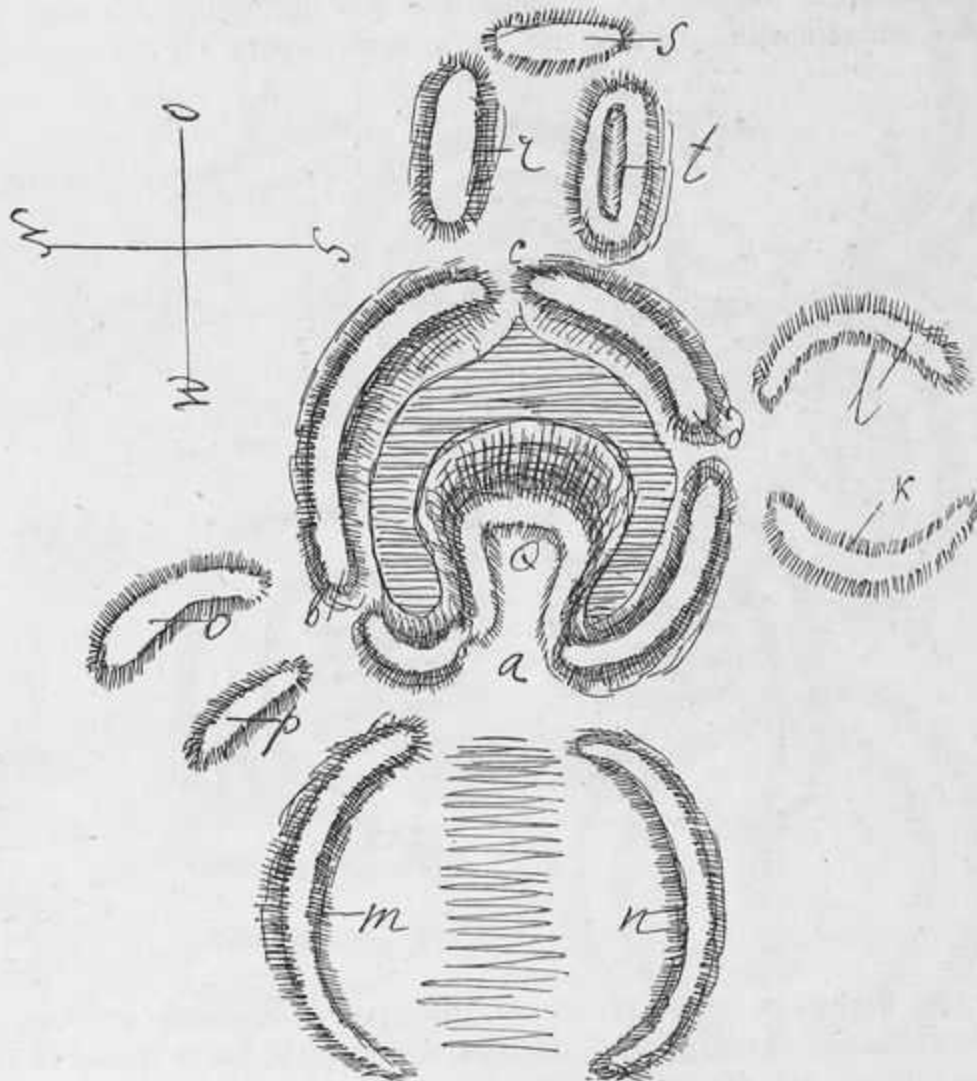
ротамъ (р), до которыхъ оно, однако, не доходитъ. Посрединѣ этого возвышенія находится углубленіе, вродѣ ямы. Кольцевидный валь майдана состоитъ изъ двухъ частей: ab —длиною въ 60 аршинъ, и cd —длиною въ № аршинъ, при высотѣ майдана въ 2 сажени; глубина ямы майдана около 2 саж. Къ востоку отходитъ пара дугообразныхъ крыльевъ (m и n), длиною каждое по 50 аршинъ, при чемъ при дугѣ m находится придатокъ въ видѣ небольшого вала, расположеннаго близъ конца вала m; высота крыла около $1\frac{1}{2}$ саж. Къ западу отъ вторыхъ воротъ (г) майдана есть пара дугообразныхъ крыльевъ (q и s) длиною, каждое, по 60 аршинъ, а высотой—2 саж. Между означенными крыльями есть двѣ ямы. Къ востоку отъ крыла (n) находится курганъ.

Въ разстояніи $\frac{1}{4}$ в. дальше отъ описаннаго майдана, влѣво отъ дороги, есть 1 майданъ такого вида (№ 57).

Длина окружности кольцевиднаго вала (abc) — 180 аршинъ; высота вала около 2 саж.; глубина ямы (o) около 2 саж. Посрединѣ ямы есть возвышеніе, въ видѣ неправильной формы площадки, окруженной невысокимъ валомъ по краямъ;

къ воротамъ (р) площадка эта даетъ выступъ или мысокъ (d); посрединѣ этой возвышенной площадки есть углубленіе (D) неправильной формы. Ворота (р) майдана находятся въ сѣверовосточной части его кольца. Къ сѣверу отъ воротъ, на значительномъ отъ нихъ разстояніи, находится крыло m, состоящее изъ дуги (rs), имѣющей на концѣ развилину изъ трехъ небольшихъ валовъ, идущихъ параллельно другъ къ другу и отдѣленныхъ одинъ отъ другого неглубокими, какъ бы заплывшими рвами. Длина крыла m, отъ r до f = 140 арш.; высота крыла m = около 1½ саж., а мѣстами доходить до 2 саж.; высота небольшихъ валовъ наполовину

№ 58.

меньше; длина каждаго изъ нихъ отъ 40 до 50 аршинъ. Такого же устройства и величины и сѣверовосточное крыло (n), съ тою лишь разницею, что дуга крыла (nf) не имѣетъ на концѣ раздвоенія. Длина прохода (KL) между крыльями = 35 аршинамъ. Прямо противъ прохода, между крыльями, есть довольно значительное, продолговатое углубленіе (Q), какъ бы отъ заплывшей ямы, а къ сѣверо-западу отъ него, въ близкомъ разстояніи, есть 1 курганъ, расположенный близъ ямы (Z).

Къ юго-востоку отъ описаннаго майдана, въ разстояніи около 100 саж., есть курганъ, расположенный вправо отъ дороги.

Проѣхавъ ¼ в. дальше по дорогѣ, саж. въ 150 вправо, находится городище-майданъ такого вида (№ 58).

Этот майданъ имѣетъ ту особенность, что вѣнецъ его вала не составляетъ сплошной линіи, а разорванъ на четыре части, между которыми расположены ворота а, b, с и d; при чемъ трое изъ этихъ воротъ (а, b и d) расположены правильно по странамъ свѣта; и только ворота (b) расположены въ направленіи сѣверо-запада. Кромѣ того, означенный майданъ обладаетъ еще и другой особенностью, а именно: отъ воротъ а до воротъ b есть выступъ въ видѣ полукруглаго мыса (Q), обведеннаго вокругъ невысокимъ валомъ. Изъ этого же мыска отходить и ворота (а) на западъ.

Длина кольцевиднаго, составнаго вала майдана слѣдующая: длина вала bd=190 арш.; ad=45 арш.; ab=30 арш., а всего 265 арш. Длина вала, окружающаго мысообразный выступъ (Q) = около 55 арш. Высота вала = около $1\frac{1}{2}$ —2 саж., глубина ямы около 3 саж. Длина двухъ крыльевъ (m и n), дугообразно отходящихъ отъ воротъ а, достигаетъ: сѣвернаго m—60, а южнаго n—70 арш., при высотѣ въ 1 саж. Длина крыльевъ k и l, дугообразно отходящихъ отъ воротъ d, =35 арш. каждое, а высота ихъ = $1\frac{1}{2}$ саж. Восточныя крылья (r и s), отходящія отъ воротъ с въ видѣ двухъ параллельныхъ валовъ, имѣютъ каждое въ длину около 35 арш., а въ высоту—2 саж.; кромѣ того, между концами означенныхъ крыльевъ (r и s) находится отрѣзокъ вала (г), длиной въ 20 арш., а высотой въ 2 саж., расположенный съ сѣвера на югъ въ такомъ порядкѣ, что вмѣстѣ съ первыми двумя крыльями онъ какъ бы запираетъ собой выходъ изъ воротъ с.

Къ сѣверо-западу отъ воротъ b расположена четвертая пара крыльевъ (o и p), состоящая изъ двухъ валовъ, изъ которыхъ одинъ идетъ на протяженіи 30, а другой — на протяженіи 35 арш., при высотѣ каждаго около 1 саж. Къ западу отъ воротъ а, между крыльями, замѣтно пониженіе.

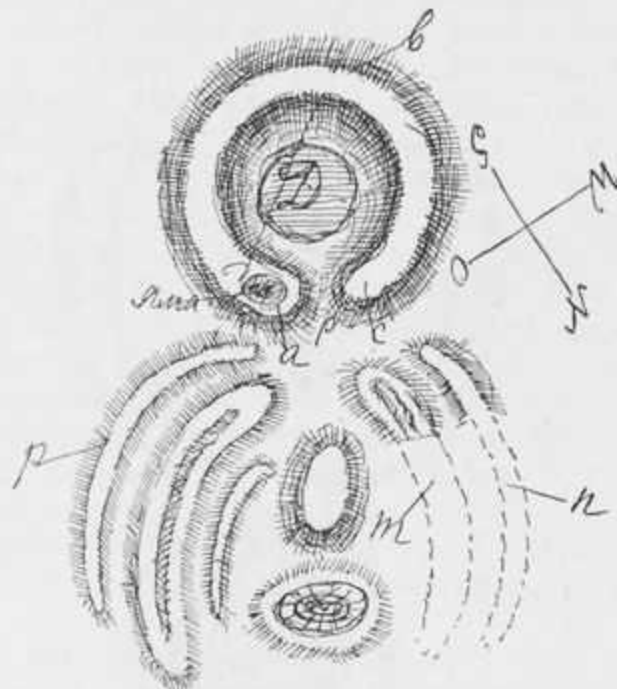
Этотъ огромный майданъ съ крыльями распаивается подъ посѣвъ хлѣба.

Подобнаго же рода по величинѣ майданъ находится въ разстояніи около 300 арш. къ юго-востоку отъ описаннаго выше майдана. Оба майдана находятся на высокихъ пунктахъ, надъ Орельской долиной, невдалекѣ отъ спуска въ нее.

Въ разстояніи 70 саж. къ востоку отъ означеннаго майдана находится 1 курганъ, за которымъ, на такомъ же разстояніи, т.-е. около 70 саж. — другой курганъ.

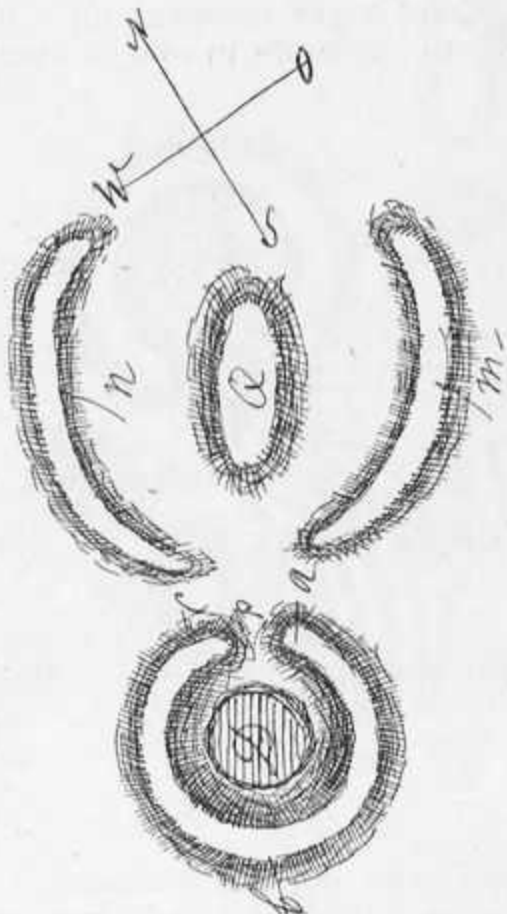
Проѣхавъ нѣсколько десятковъ саженой по дорогѣ, мы встрѣчаемъ влѣво отъ нея, въ недалекомъ разстояніи, крѣпостцу довольно значительныхъ размѣровъ, выстроенную по всѣмъ правиламъ искусства военнаго времени XVII и XVIII вв., — съ правильными линіями валовъ, бастіонами, острыми углами и проч. Это — одна изъ тѣхъ крѣпостей, какія воздвигались русскимъ правительствомъ на пограничьи со стенами, для огражденія отъ набѣговъ татаръ.

Въ разстояніи около 1 версты къ сѣверо-востоку, близъ «линій», которая сохранилась здѣсь довольно хорошо, находится обширный по величинѣ майданъ, имѣющій такой видъ (№ 59).

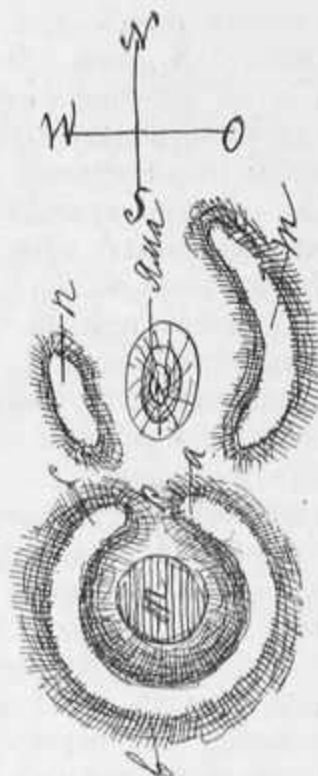

№ 59.

Длина окружности кольцевиднаго вала (abc)—150 арш.; высота вала = 3 саж.; глубина ямы (D) около $3\frac{1}{2}$ —4 саж. Въ восточной части майдана, близъ воротъ (p), находится яма (d), обращенная въ сторону крыльевъ p и a; ворота устроены въ сѣверо-восточной части его. Къ сѣверу отъ воротъ p, на известномъ разстояніи (3 саж.), есть два остатка крыльевъ (m и n), длиною каждое около 50 арш., а высотой въ $1\frac{1}{2}$ саж. Въ настоящее время, вслѣдствіе усиленной распашки, эти крылья, въ значительной своей части, исчезли; отъ нихъ осталась теперь только небольшая часть, какъ показано на рисункѣ; слѣды продолженія этихъ крыльевъ показаны на рисункѣ пунктиромъ. Между валами r и m находится курганъ, высотой въ $1\frac{1}{2}$ саж., а далѣе къ сѣверо-востоку — овальное углубленіе, вродѣ заплывшей ямы съ небольшимъ валомъ вокругъ. Ширина крыльевъ p и Q, у

№ 60.

№ 61.

основанія = 25 арш., а ширина вверху — перваго около 5 арш., а втораго (Q) — около 15 арш., при чемъ посрединѣ втораго находится неглубокое продольное углубленіе. На юго-западъ отъ кургана, близъ крыла Q, есть небольшая дуга вала (r), длиною около 30 арш., а высотой въ 1 саж. За д. Скалоновкой, отѣхавъ съ версту по дорогѣ въ с. Сомовку, вправо отъ дороги, есть 1 курганъ, а $\frac{1}{2}$ версты далѣе, влѣво, близъ дороги, — другой курганъ. Далѣе, за лѣсомъ, въ направленіи къ востоку, видно 4 кургана, идущихъ подрядъ на небольшомъ, сравнительно, разстояніи одинъ отъ другаго. Въ разстояніи около $\frac{1}{2}$ в. къ сѣверу отъ этихъ 4-хъ кургановъ, на возвышеніи, находится одинъ курганъ, а далѣе, саженьяхъ въ 100, — майданъ съ крыльями на западъ.

За этимъ майданомъ, $\frac{1}{4}$ в. къ сѣверу, находится еще 1 майданъ, съ крыльями, имѣющій такой видъ (№ 60). Длина окружности кольцевиднаго вала (abc) = около

150 аршинъ; высота вала около $1\frac{1}{2}$ саж.; ширина вала внизу, у основанія— около 6 саж.; а вверху—3 саж. Глубина ямы (D)—около 3 саж.; ворота (p) обращены на сѣверъ. Съ сѣверной же стороны, въ небольшомъ разстояніи отъ вала майдана, отходитъ пара дугообразныхъ крыльевъ (m и n), длиною въ 100 аршинъ, а шириной, у основанія, въ 5 саж., а сверху—въ 3 саж.; высота крыльевъ = 1 саж. Между крыльями, противъ воротъ майдана, есть возвышеніе Q. Разстояніе между сѣверными концами крыльевъ = 40 арш. Весь майданъ усиленно распахивается.

Въ разстояніи около 70 саж. къ сѣверу отъ крыльевъ есть курганъ, а далѣе, по тому же направленію,—4 кургана. Въ верстѣ къ юго-востоку отъ майдана находится низина, переходящая затѣмъ въ круглое болотце.

Возлѣ д. Займанской, къ сѣверо-востоку, есть 3 кургана, составляющихъ какъ бы продолженіе тѣхъ кургановъ, которые расположены къ сѣверу отъ майдана. На окраинѣ означенной деревни, въ сѣверо-восточной ея части, находится 1 курганъ. Въ разстояніи около 2 верстѣ къ сѣверо-западу отъ Сомовки, близъ р. Орели, противъ лѣса, есть 1 курганъ. Возлѣ с. Сомовки, близъ поворота столбовой, т.-е. телеграфной дороги, на гору, есть майданъ, расположенный на краю взгорья, надъ низиной. Онъ имѣетъ такой видъ (№ 61).

Длина окружности кольцевиднаго вала (abc)—около 100 арш.; высота вала—3 саж., а по направленіи къ воротамъ понижается до $2\frac{1}{2}$ сажень; ширина вала у основанія до 15 аршинъ; глубина ямы (D) около $1\frac{1}{2}$ саж. Ворота на сѣверъ; противъ воротъ находится яма, овальной формы. Съ сѣверной же стороны отходятъ и крылья майдана. Восточное крыло m имѣетъ въ длину 35 аршинъ, а въ ширину 5 саж., при высотѣ въ 2 аршина. Крыло n наполовину меньше по длинѣ. Весь майданъ распахивается. Въ разстояніи около 30 аршинъ къ югу отъ майдана есть курганъ. Далѣе, на горѣ, въ разстояніи около $\frac{1}{2}$ в. къ сѣверо-востоку отъ этого майдана, есть еще майданъ, а впереди послѣдняго — курганъ. Кромѣ того, къ востоку отъ означеннаго майдана, близъ дороги, есть еще 1 курганъ.

На возвышенномъ краю плато, близъ с. Сомовки, есть 4 или 5 кургановъ, идущихъ одинъ за другимъ въ разстояніи, приблизительно, $\frac{1}{2}$ версты одинъ отъ другого.

При вѣздѣ въ с. Сомовку, влѣво отъ дороги, есть 1 курганъ, а около 100 аршинъ далѣе, вправо отъ дороги, другой курганъ, который распахивается. Спустившись съ горы, вправо, есть низина. На отрогѣ длиннаго и узкаго шпиля или мысообразнаго холма, идущаго отъ верхняго плато къ с. Сомовкѣ, находится нѣсколько кургановъ, одинъ изъ которыхъ расположенъ близъ дороги, вправо отъ нея, а другой, на такомъ же приблизительно разстояніи,— влѣво отъ послѣдней.

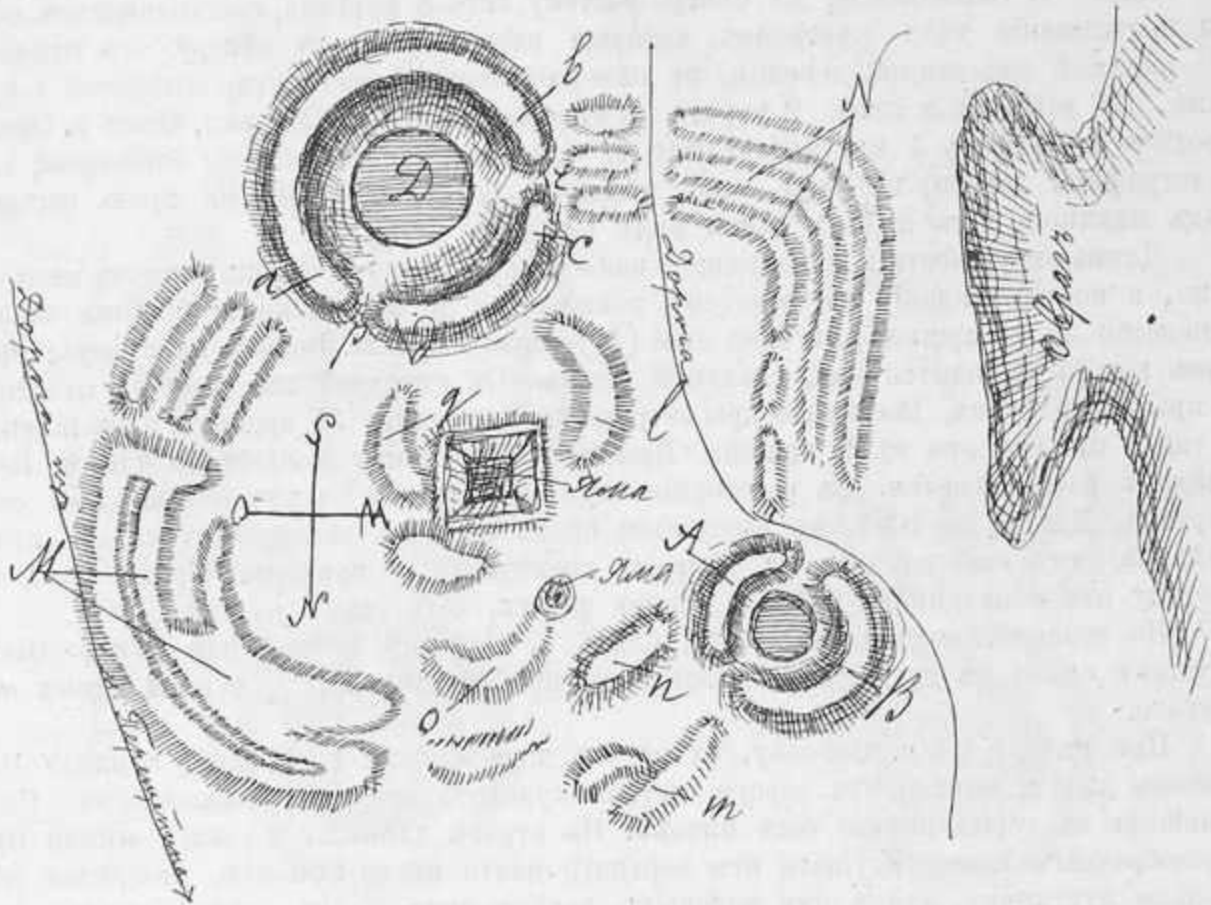
Къ юго-востоку отъ Сомовской перкви, въ полѣ, есть 3 кургана, расположенныхъ другъ возлѣ друга, при чемъ средній курганъ самый большой, поднимается на высоту $2\frac{1}{2}$ или 3 саж. Проѣхавъ $\frac{1}{2}$ версты далѣе, за означенный отрогъ, надъ самой дорогой, имѣемъ одинъ курганъ, а $\frac{1}{4}$ в. далѣе, влѣво отъ дороги,— майданъ (№ 62), имѣющій такой видъ, какъ № 3.

Длина окружности кольцевиднаго вала (abc)—90 аршинамъ; высота вала—около 2 саж., яма полузаплыла вслѣдствіе усиленной распахки майдана. Ворота обращены на сѣверо-западъ. Къ сѣверо-западу же, въ небольшомъ разстояніи отъ воротъ отходятъ два крыла, длиною по 35 аршинъ каждое, а высотой въ $1\frac{1}{2}$ аршина. Въ разстояніи около 30 саж. къ западу отъ крыльевъ майдана находится 1 курганъ; въ такомъ же разстояніи къ востоку — другой курганъ, а саж. въ 70 далѣе—третій курганъ, расположенный влѣво отъ дороги. Проѣхавъ саж. 150 далѣе, по той же дорогѣ, влѣво, не доѣзжая горы, еще 1 курганъ.

На вершинѣ горы, влѣво отъ дороги, находится нѣсколько кургановъ.

За усадьбой г. Катеринича, въ с. Семеновкѣ, есть 1 курганъ.

Послѣднимъ майданомъ, обследованнымъ мною по теченію р. Орели, былъ майданъ, расположенный напротивъ м. Перецепина. Здѣсь, на краю плато, расположеннаго на правой сторонѣ р. Орели, какъ разъ напротивъ м. Перецепина, раскинулось нѣсколько кургановъ и среди нихъ — обширный майданъ. Онъ расположенъ на вершинѣ того мысообразнаго шпиля, который постепенно понижается къ долинѣ р. Орели и составляетъ наиболѣе удобный спускъ въ рѣчную долину. Этотъ обширный и сложный по своей конструкціи майданъ расположенъ, какъ извѣстно, на очень важномъ мѣстѣ близъ удобнаго перехода съ одной стороны р. Орели на другую. Онъ имѣетъ слѣдующій видъ (№ 63).

№ 63.

Кольцеобразная насыпь майдана состоитъ изъ двухъ частей: $ab=120$ арш., и $cd=60$ арш. Слѣдовательно, длина всей кольцеобразной насыпи—180 аршинамъ. Высота вала около 3 саж., при чемъ высота меньшаго вала cd значительно ниже, почти вдвое, большаго вала. Глубина ямы (D) около 4 саж. Насыпь вала—черноземъ. Между концами означенныхъ валовъ есть двое воротъ (р и г), выходящихъ въ пространство, огороженное цѣлой системой крыльевъ съ сѣверо-восточной и сѣверо-западной сторонъ; кромѣ того, съ сѣверной стороны, это промежуточное между означенными крыльями пространство замыкаетъ еще одинъ небольшой майданъ АВ, имѣющій къ сѣверо-востоку двое крыльевъ m и n . Кромѣ того, въ пространствѣ, заключенномъ между этими двумя майданами и ихъ крыльями, есть еще нѣсколько отдѣльныхъ валовъ (q, l, o, z) и двѣ ямы, изъ коихъ одна четырехугольной, а другая—круглой формы. Первая имѣетъ по краямъ небольшой валокъ. Вторая расположена въ сѣверномъ отдѣлѣ майдана, близъ ва-

ловъ, при проходѣ между ними. Съ сѣверо-восточной стороны находится такъ называемое слитное крыло (М), состоящее изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая представляетъ три небольшихъ отрѣзка валовъ, длиною въ 30 аршинъ, а высотой въ 1 сажень; они отдѣлены другъ отъ друга неглубокими, узкими рвами; вторая часть крыла состоитъ изъ дуги, длиною въ 90 аршинъ, заключающей два параллельно идущихъ вала, высотой около $1\frac{1}{2}$ саж., раздѣленныхъ другъ отъ друга неглубокимъ ровомъ. Кромѣ того, къ этимъ валамъ примыкаетъ съ западной стороны еще одинъ отрѣзокъ вала, длиною аршинъ въ 50. Между нимъ и предыдущими валами находится широкій и глубокий ровъ. Ширина пространства, занятаго толщами трехъ вышеописанныхъ валовъ, достигаетъ 20 аршинъ. Сѣверо-западное крыло (N) майдана также носитъ сложный характеръ своего строенія, но отличается отъ предыдущаго крыла тѣмъ, что оно состоитъ изъ трехъ, идущихъ параллельно другъ другу валовъ, раздѣленныхъ между собою рвами. Оно также состоитъ изъ трехъ небольшихъ отрѣзковъ валовъ, отдѣленныхъ отъ остального крыла узкими проходами, занятыми въ настоящее время дорогой. Длина остальныхъ отрѣзковъ крыла N достигаетъ 150 аршинъ, при чемъ внутреннее крыло, представляющее въ концѣ разорванную линію своего вала, подходитъ къ меньшему майдану, имѣющему разорванную на двѣ части А и В кольцеобразную насыпь. Высота насыпей крыльевъ около 1 сажени; ширина 3 рововъ и 3-хъ валовъ этихъ крыльевъ достигаетъ 21 аршина.

Меньшій майданъ имѣетъ слѣдующіе размѣры: длина В—41 арш.; А—10 аршинамъ; высота насыпей около 2 сажени; глубина ямы майдана—1 сажени. Длина крыльевъ этого майдана: m—45 аршинамъ; n—15 аршинамъ, при высотѣ $1\frac{1}{2}$ саж.; высота насыпи О— $2\frac{1}{2}$ саж.; а длина около 25—30 аршинъ. Длина насыпей: q—15 аршинамъ, l—40 аршинамъ; при высотѣ 1 саж.; глубина большой четырехугольной ямы— $2\frac{1}{2}$ аршинамъ.

Въ настоящее время пастухи начали раскапывать эту яму, при чемъ обнаружено, что стѣнки ея состоятъ изъ обожженной до красно-кирпичнаго цвѣта глины, представляющей болѣе или менѣе крупныя компактыя куски. Какъ крылья майдана, такъ и весь меньшій майданъ подвергаются распахкѣ. Къ западу отъ этого майдана, въ разстояніи около 100 саж., находится 1 курганъ, а далѣе, по горѣ, еще 2 кургана. Къ востоку, чрезъ дорогу, есть еще 1 курганъ, съ выемкой на вершинѣ, а близъ него—другой курганъ.

Этимъ майданомъ мы закончили изслѣдованіе городищъ и майдановъ въ области р. Орели и направились въ мѣстность, расположенную къ сѣверу отъ теченія р. Орели, въ направленіи къ г. Константинограду. Мы придерживались того большого пути, который идетъ отъ м. Перещенина къ г. Константинограду, а затѣмъ на м. Карловку и г. Полтаву.

За Бердянкой, верстахъ въ 2-хъ, вправо отъ дороги, есть 1 курганъ, а затѣмъ, проѣхавъ немного далѣе, за балкой, влѣво отъ дороги,—3 кургана, расположенныхъ на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга.

Неподалеку отъ пересѣченія большой дороги съ дорогой, идущей на д. Забарецкую, влѣво отъ дороги, находятся 2 кургана, а близъ нихъ майданъ (№ 64).

Длина части кольцевидной насыпи—110 аршинамъ; дуги 35 арш.; высота вала майдана— $2\frac{1}{2}$ саженимъ, но къ воротамъ она нѣсколько понижается; высота вала 2 саж.; глубина ямы—3 саженимъ. Въ сѣверной части майдана, между валомъ, двое воротъ, изъ которыхъ открывается входъ въ два круглыхъ пространства, огражденныхъ крыльями. Сѣверо-восточныя крылья представляютъ въ длину одно въ 25 аршинъ, а другое—35 аршинъ, при высотѣ каждаго вала около 1 саж. Сѣверо-западныя крылья имѣютъ нѣсколько иной характеръ: одно крыло

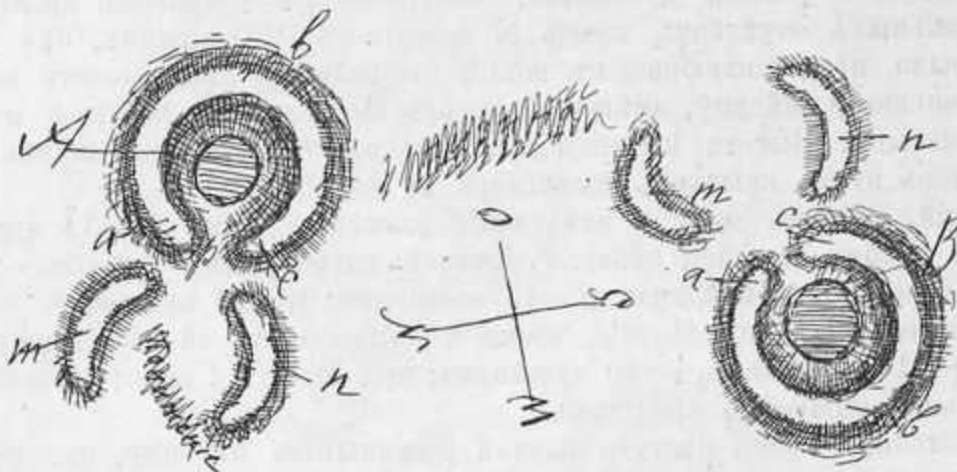
двойное и состоитъ изъ двухъ, идущихъ параллельно другъ другу валовъ, при которыхъ внѣшній имѣетъ въ длину 80 аршинъ, а внутренній — немного меньше; высота валовъ — около $1\frac{1}{2}$ сажени; между валами находится небольшой и неглубокій ровъ. Въ серединѣ, между валами находится яма; разстояніе между валами — 60 арш.

Въ разстояніи 30 сажени къ сѣверу отъ крыльевъ есть 1 курганъ, а на такомъ же разстояніи, по тому же направленію дальше, — другой курганъ, а за нимъ — третій курганъ.

Въ разстояніи около 50 саж. отъ воротъ п майдана есть курганъ, а съ $\frac{1}{4}$ версты дальше, влѣво отъ дороги, — другой курганъ.

Переѣхавъ балку близъ хутора неподалеку отъ с. Отрада, и поднявшись на гору, влѣво отъ дороги, въ разстояніи около 50 сажени, есть курганъ, а вправо отъ дороги — майданъ (№ 65) типа № 3.

Длина окружности кольцевиднаго вала = около 80 арш.; высота вала = 1 саж.; глубина ямы = $1\frac{1}{2}$ саж. Ворота майдана находятся въ сѣверовосточной части его

№ 65.

вала. Къ сѣверо-востоку и сѣверо-западу отъ воротъ идутъ два крыла, каждое длиною въ 35 арш., а высотой аршина въ два. Весь майданъ подвергается распашкѣ.

Въ разстояніи около $\frac{1}{3}$ версты далѣе къ сѣверо-западу, влѣво отъ дороги, находится другой того-же типа майданъ (№ 66).

Длина окружности кольцевиднаго вала — около 130 арш.; высота вала — около $2\frac{1}{2}$ саж.; глубина ямы 2 саж. Къ юго-востоку и юго-западу отъ воротъ, расположенныхъ на южной сторонѣ майдана, есть два крыла, длиною по 35 арш. каждое, а высотой въ $1\frac{1}{2}$ саж. Между крыльями замѣчается пониженіе.

Въ $1\frac{1}{2}$ в. къ востоку отъ этого майдана есть 1 курганъ, а $\frac{1}{2}$ в. дальше — майданъ.

Въ верстѣ отъ вышеописаннаго майдана черезъ дорогу переходитъ длинная балка. Версты черезъ 4 или 5 далѣе, вправо отъ дороги, есть цѣпь кургановъ, протянувшихся на востокъ на разстояніи около 80—100 саж. другъ отъ друга. Къ югу отъ нихъ, въ разстояніи около $\frac{1}{4}$ в., находится 1 курганъ. На западъ отъ перваго кургана, находящагося близъ дороги, въ разстояніи около $\frac{1}{2}$ версты, есть курганъ, а затѣмъ, версты двѣ далѣе, — другой курганъ.

Переѣхавъ г. Константиноградъ и выѣхавъ за с. Песчаную, влѣво, близъ дороги, находимъ 2 кургана, а версты $1\frac{1}{2}$ вправо, — 1 курганъ. Проѣхавъ съ версту далѣе, вправо отъ дороги, приблизительно въ верстѣ отъ нея, есть 1 майданъ, а противъ него курганъ; крылья этого майдана расположены на юго-востокъ,

Между означеннымъ майданомъ и дорогою пролегаетъ балка. Версты 3 далѣе, влѣво отъ дороги — курганъ.

По выѣздѣ на гору, въ направленіи къ х. Липовому, влѣво, въ разстояніи около 1 в., есть курганъ. Проѣхавъ версту, влѣво, близъ дороги, расположены два майдана, имѣющіе такой видъ (№ 67).

Размѣры майдана А слѣдующіе. Длина кольцевидной окружности майдана $abc = 110$ арш.; высота вала $= \frac{1}{2}$ саж., что обусловливается распахкой валовъ майдана; глубина ямы $= 1$ саж. Ворота (р) майдана находятся въ сѣверо-западной сторонѣ вала майдана. Къ сѣверу и западу отъ этихъ воротъ, въ небольшомъ отъ нихъ разстояніи, отходятъ два крыла m и n, длиною каждое по 40 арш., а высотой — 1 саж.; между крыльями находится пониженіе. Въ разстояніи 30 саженей къ югу отъ описаннаго майдана есть другой майданъ В, нѣсколько меньшихъ размѣровъ. Длина окружности его вала $abc = 80$ арш.; высота вала $= 2\frac{1}{2}$ арш.; глубина ямы около $2\frac{1}{2}$ арш. Ворота майдана на востокъ, и неподалеку отъ нихъ — отходятъ два крыла m и n, каждое по 30 арш. длины и около 1 саж. высоты. Къ востоку отъ этого майдана, на небольшомъ разстояніи, есть низина. Все городище подвергается распахкѣ. Проѣхавъ по дорогѣ версты двѣ, мы имѣемъ влѣво отъ дороги, въ разстояніи около 1 версты, два кургана.

Не доѣзжая м. Карловки, версты 3 или 4, вправо, неподалеку отъ дороги, есть майданъ довольно значительной величины, крыльями на востокъ. Онъ весь распахивается.

Версты за двѣ до Карловки, вправо отъ дороги, есть курганъ.

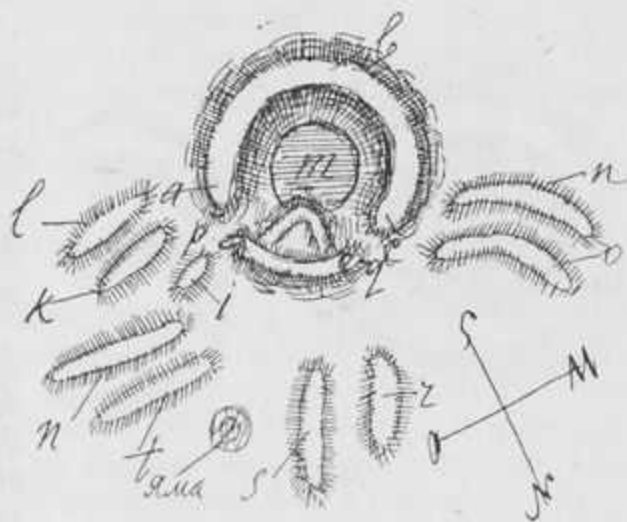
Переѣхавъ Карловку въ направленіи на Полтаву, мы встрѣчаемъ, вправо, въ разстояніи 1 версты отъ черты мѣстечка, майданъ, а при немъ — курганъ. Оба распахиваются.

Еще версту далѣе, близъ самой дороги, находится курганъ и майданъ, наполовину уже распаханные.

Проѣхавъ версты 5, за долиной, близъ обширнаго конскаго двора, расположеннаго вправо, въ разстояніи 1 версты отъ дороги, есть нѣсколько кургановъ. Версты $1\frac{1}{2}$ далѣе по дорогѣ, вправо отъ послѣдней, на такомъ же разстояніи, какъ и раньше, находится 1 курганъ.

Не доѣзжая версты $1\frac{1}{2}$ — 2 до с. Кагамлыка, близъ дороги, есть майданъ такого вида (№ 68).

Длина части кольцевиднаго вала (abc) майдана $= 100$ аршинамъ; длина вала $de = 40$ арш.; вся окружность вала, вмѣстѣ съ воротами $= 150$ арш. Въ сѣверо-восточной и сѣверо-западной частяхъ майдана находятся двое воротъ р и q. Кромѣ того, отъ дуги вала de отходитъ внутрь майдана полукружіе А, окруженное небольшимъ валикомъ. Глубина ямы (m) майдана болѣе 4 саж.; высота валовъ майдана достигаетъ $1\frac{1}{2}$ или 2 саж. Къ юго-западу отъ воротъ q (сѣверныхъ) отходятъ двѣ параллельныхъ дуги крыльевъ (n и o), каждая длиною по 30 арш., а высотой по $1\frac{1}{2}$ саж. Два другихъ крыла г и s, отходящихъ къ сѣверо-востоку отъ означенныхъ воротъ, имѣютъ: г — 20 арш., а s — 30 арш. длины, при высотѣ въ $1\frac{1}{2}$ саж.

№ 68.

Къ сѣверу отъ Абазовки, въ разстояніи, приблизительно, около 2-хъ верствъ, еще 2 кургана.

Въ разстояніи около 25 верствъ отъ Полтавы, по дорогѣ на г. Хороль, влѣво отъ этой дороги, близъ послѣдней, есть 4 кургана, расположенныхъ въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Вправо отъ дороги есть также группа (около 5 штукъ) кургановъ, изъ которыхъ одинъ, повидимому, майданъ.

Проѣхавъ съ версту въ направленіи къ долинѣ р. Голтвы, влѣво, саженой въ 100 отъ нея, имѣемъ курганъ, а затѣмъ, къ югу, — другой курганъ.

Не доѣзжая моста на р. Голтвѣ, влѣво отъ дороги, на краю первой рѣчной террасы, есть 1 курганъ.

Переѣхавъ р. Голтву и поднявшись на гору, влѣво отъ дороги, близъ послѣдней, есть 1 курганъ. Версту далѣе, также по горѣ, влѣво, есть 3 кургана и 1 майданъ; послѣдній въ направленіи къ юго-западу. На горизонтѣ видно нѣсколько кургановъ, отстоящихъ одинъ отъ другого на извѣстномъ разстояніи. Есть также еще 1 майданъ, а за нимъ къ югу — другой майданъ.

Спустившись съ горы и проѣхавъ съ $\frac{1}{2}$ версты, влѣво отъ дороги, близъ послѣдней, есть 1 курганъ, а нѣсколько далѣе, вправо отъ дороги, также близъ нея, — другой курганъ, за которымъ далѣе, — третій курганъ и 4-й. Всѣ означенные курганы распахиваются.

Въ разстояніи около $\frac{1}{4}$ в. къ сѣверу отъ этихъ кургановъ, на возвышенномъ мѣстѣ, есть 1 майданъ.

Подъ Рѣшетилковкой, влѣво отъ дороги, есть 1 курганъ, занятый въ настоящее время подъ кладбище.

Въ м. Рѣшетилковкѣ, при въѣздѣ влѣво, надъ рѣчкой, есть группа земляныхъ насыпей, извѣстныхъ подъ именемъ «бурты». Онѣ представляютъ рядъ холмовъ, высотой въ $2\frac{1}{2}$ —3 сажени; онѣ идутъ, по большей части, въ видѣ длинныхъ, параллельныхъ одинъ другому валовъ, расположенныхъ въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. Надъ рѣчной долиной, къ которой онѣ спускаются, есть валы, идущіе въ перпендикулярномъ къ первымъ направленіи, или же валы, идущіе по контурамъ берега, придерживаясь очертаній послѣдняго. Въ общемъ эти «бурты» имѣютъ довольно солидные размѣры и занимаютъ порядочное пространство. Рассказываютъ, что эти «бурты» устроены съ цѣлью добыванія селитры. Придавая полную вѣроятность послѣднему, можно, однако, предполагать, что селитрянники воспользовались для своихъ промысловъ прежде здѣсь бывшими какими-то земляными сооруженіями, которыя они затѣмъ уже и приспособили для селитрянаго производства: полагать, что для добыванія селитры надо было возводить столь крутые валы, — врядъ ли возможно. Обыкновенно, селитряныя бурты значительно меньшихъ размѣровъ и по объему, и по высотѣ.

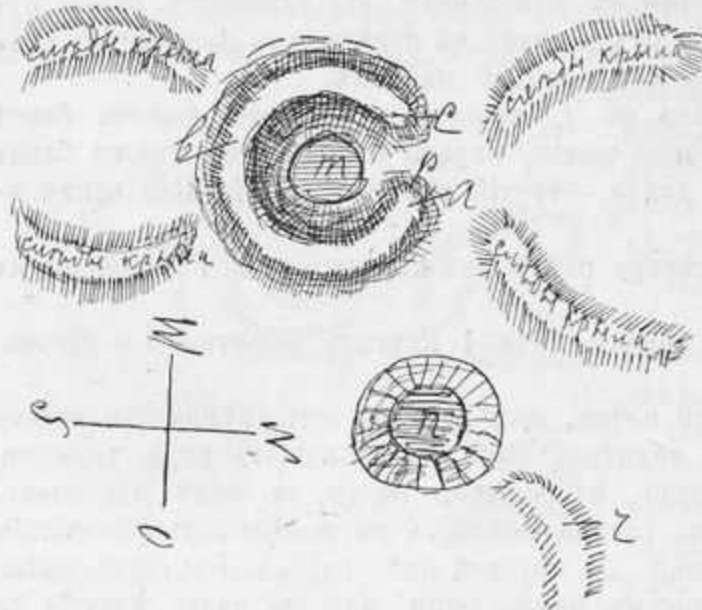
Переѣхавъ м. Рѣшетилковку и выѣхавъ къ дорогѣ на г. Хороль, на гору, мы находимъ вправо, съ версту, нѣсколько кургановъ, изъ которыхъ одинъ подходитъ къ дорогѣ; среди этихъ кургановъ есть 1 майданъ, крыльями къ западу, близъ него — курганъ. Полверсты далѣе, по правой сторонѣ той же дороги, недалекѣ отъ послѣдней, есть 1 курганъ, а версту далѣе — рядъ (4 штуки) кургановъ, расположенныхъ въ направленіи съ сѣвера на югъ, въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи. Противъ этихъ кургановъ, по лѣвой сторонѣ дороги, къ югу, верстахъ въ 2-хъ, есть 2 кургана. По выѣздѣ на гору, влѣво отъ дороги, въ верствѣ отъ послѣдней, есть 1 курганъ.

Передъ вышеописанными 4-мя курганами находится низина (болото), идущая поперекъ дороги; четверть версты далѣе, въ 50 саж. отъ нея, есть 2 кургана, расположенныхъ одинъ близъ другого. Версты $1\frac{1}{2}$ далѣе, за лощиной, вправо

отъ дороги, есть также 2 кургана, отстоящихъ съ $\frac{1}{2}$ версты отъ дороги, а влѣво отъ нея, также въ $\frac{1}{2}$ верстѣ—1 курганъ.

Проѣхавъ еще версты 2, переѣхавъ балку и хуторъ и поднявшись на гору, въ разстояніи $\frac{1}{2}$ в. вправо отъ дороги, находится майданъ, съ отверстіемъ къ югу; крыльевъ при немъ незамѣтно. Въ разстояніи 100—120 саж. къ сѣверо-западу, есть 3 кургана, расположенныхъ въ небольшомъ разстояніи одинъ отъ другого. Въ деревнѣ, лежащей далѣе по тракту, на дорогѣ есть 1 курганъ, полу-распаханный. Въ верстѣ къ сѣверо-востоку отъ этого кургана, въ полѣ есть 1 курганъ, а къ востоку отъ него—еще 2 кургана. Всѣ эти курганы распахиваются. Они находятся близъ границы, между Полтавскимъ и Хорольскимъ уѣздами.

Проѣхавъ хутора, расположенные близъ означенной границы, мы имѣемъ, влѣво отъ дороги, въ разстояніи около 100—120 саж., 1 курганъ. Переѣхавъ

№ 71.

вторую балку, съ длинной греблей, вправо отъ дороги, въ разстояніи около 100 саж., мы имѣемъ 1 курганъ, а $\frac{1}{2}$ в. далѣе, по дорогѣ, близъ нея, вправо,—1 курганъ.

Въ разстояніи около 1 в. къ югу, т.-е. влѣво отъ дороги, есть 1 курганъ, а за нимъ, къ западу, въ полверстѣ, еще 1 курганъ. На правой сторонѣ дороги, полверсты дальше, не доѣзжая около $\frac{1}{2}$ в. до спуска въ долину р. Псла,—находится 1 курганъ.

Переѣхавъ с. Песчаное, влѣво отъ дороги, въ разстояніи около $\frac{1}{2}$ версты отъ нея, есть 2 кургана; а проѣхавъ версту далѣе, при

поднятіи на пригорокъ, вправо отъ дороги, съ $\frac{1}{2}$ версты, есть майданъ такого вида (№ 71).
Длина окружности кольцевиднаго вала (abc) майдана = около 120 аршинъ; высота вала = $1\frac{1}{2}$ сажени; глубина ямы около 1 сажени. Въ сѣверной части майдана находятся ворота р. Къ сѣверу и къ югу отъ майдана, на небольшомъ разстояніи, находятся слѣды двухъ паръ крыльевъ, шедшихъ въ видѣ дугъ. Эти крылья на чертежѣ обозначены пунктиромъ. Въ небольшомъ разстояніи къ сѣверо-востоку отъ вышеупомянутаго майдана находится круглое, довольно порядочное по величинѣ углубленіе (n), какъ бы отъ ямы заплывшаго майдана; въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ него проходитъ крыло (r), длиною въ 90 аршинъ, а высотой въ 1 сажень. Вся мѣстность съ означенными майданами усиленно распахивается. Въ разстояніи 100 саж. къ востоку, ближе къ дорогѣ, есть 2 большихъ котлообразныхъ ямы.

Переѣхавъ подъ м. Бѣлоцерковкой р. Пселъ и поднявшись за мостомъ на гору, вправо отъ дороги, въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ, находится 1 курганъ; полверсты дальше, вправо отъ дороги, въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ, есть еще 1 курганъ, который распахивается. Къ сѣверу отъ моста на р. Пслѣ, на правой возвышенной сторонѣ послѣдняго, въ разстояніи около 2 верстѣ, есть еще 1 курганъ.

Переѣхавъ первую балку и поднявшись на гору, вправо, версты за $1\frac{1}{2}$, есть 1 курганъ, а влѣво, въ разстояніи около 2 верстѣ,—другой курганъ.

Проѣхавъ около $1\frac{1}{2}$ в. далѣе, мы встрѣчаемъ, влѣво отъ дороги, майданъ, сохранившій форму одной головки. Длина окружности кольцевиднаго вала майдана = 90 арш.; глубина ямы—около 1 сажени; высота вала около $1\frac{1}{2}$ сажени. Слѣдовъ крыльевъ нѣтъ. Ворота—на югъ. Весь майданъ усиленно распахивается.

Въ разстояніи нѣсколько болѣе 1 версты къ сѣверо-западу отъ этого майдана есть еще 2 майдана, по линіи на сѣверо-востокъ; они отстоятъ одинъ отъ другого приблизительно на разстояніи около 1 версты.

Противъ того майдана, который лежитъ ближе къ дорогѣ¹⁾, въ разстояніи около $1\frac{1}{2}$ в. къ юго-западу, находится 1 майданъ, а еще дальше, по тому же направленію, въ разстояніи около $1\frac{1}{2}$ — 2 в.—еще 1 майданъ.

Проѣхавъ съ версту, влѣво отъ дороги, въ разстояніи около 20 саж. отъ нея, есть 1 курганъ, а въ $\frac{1}{2}$ верстѣ къ сѣверу, т.-е. вправо отъ дороги, есть два кургана (всѣ пашутся).

Переѣхавъ черезъ балку, въ которой расположено с. Широкое, и поднявшись на гору, вправо отъ дороги, въ разстояніи около 70 саж., находится 1 курганъ, а напротивъ него, съ лѣвой стороны дороги, близъ послѣдней,—два кургана.

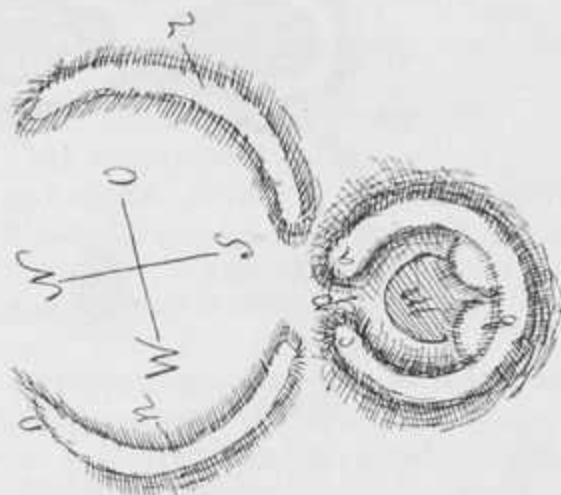
Полверсты далѣе, за низиной, идущей поперекъ дороги, есть 1 майданъ съ крыльями на сѣверъ. Крылья длиной около 50—60 аршинъ. Къ сѣверу отъ майдана, на небольшомъ, приблизительно, разстояніи, есть небольшой курганъ. Къ югу отъ майдана, съ $\frac{1}{4}$ версты, по лѣвую сторону отъ дороги, находится 1 курганъ. Къ сѣверу отъ майдана, въ разстояніи около версты, виднѣется курганъ довольно значительныхъ размѣровъ.

Проѣхавъ по означенной дорогѣ около 1 версты далѣе, мы имѣемъ вправо, въ разстояніи около 30 саж. отъ нея, 1 курганъ, а влѣво отъ дороги, въ полуверстѣ,—2 кургана.

Отѣхавъ версты четыре далѣе по той же дорогѣ, мы имѣемъ влѣво отъ дороги 1 майданъ съ крыльями, такого вида (№ 73).

Длина окружности кольцевиднаго вала (abc) майдана=130 аршинамъ; высота вала= $1\frac{1}{2}$ —2 саж.; глубина ямы (m)—около 5 саж. Ворота (p) майдана расположены къ сѣверо-востоку. Съ южной стороны вала, внутрь, къ ямѣ, отходить небольшой полукруглый выступъ (o); глубина ямы около 5 сажени. Къ сѣверо-востоку отъ майдана отходятъ двѣ дуги (п и г) крыльевъ, длиной, каждое, по 100 аршинъ, а высотой—около $1\frac{1}{2}$ саж. Къ юго-западу отъ майдана, въ разстояніи около 30 саж., есть 1 курганъ. За майданомъ, черезъ дорогу, поперекъ нея, расположена низина, въ видѣ небольшого болотца. Къ юго-западу отъ майдана, въ разстояніи около 1— $1\frac{1}{2}$ версты отъ дороги, есть 1 курганъ. Проѣхавъ около 2-хъ верстъ дальше, мы имѣемъ влѣво отъ дороги, въ разстояніи отъ послѣдней около $\frac{1}{4}$ версты — 1 курганъ, а съ версту къ западу — майданъ, а за послѣднимъ—курганъ.

Версть за 12, не доѣзжая г. Хорола, вправо отъ дороги, находится 1 майданъ, а влѣво, черезъ дорогу,—курганъ. За полверсты передъ майданомъ нахо-

№ 73.

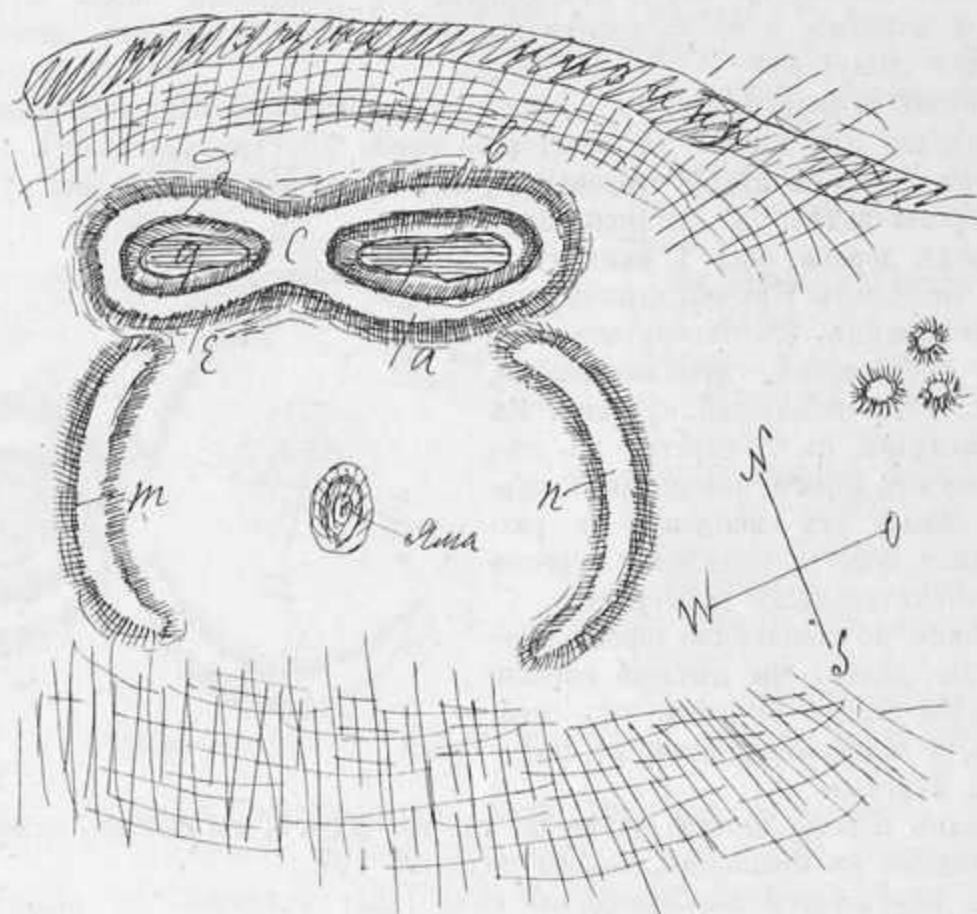
¹⁾ Четверть версты къ западу отъ него есть 1 курганъ.

дится балка. Влѣво отъ дороги есть еще 1 майданъ. Оба означенные майданы значительныхъ размѣровъ, съ крыльями.

По дорогѣ изъ г. Хорола на вокзалъ, проѣхавъ съ версту, мы имѣемъ влѣво отъ дороги, въ $\frac{1}{4}$ версты отъ послѣдней, 1 курганъ, а неподалеку отъ него— слѣды двухъ другихъ кургановъ.

Проѣхавъ первую широкую низину, идущую поперекъ дороги, влѣво, по краю горы, мы имѣемъ 2 кургана, отстоящихъ одинъ отъ другого на разстояніи около 1 версты.

Выѣхавъ на гору, передъ спускомъ въ долину р. Сулы, вправо отъ дороги, близъ послѣдней, мы имѣемъ 1 майданъ, совершенно распаханый, а вправо отъ

№ 76.

него— другой майданъ, также совершенно распаханый. Далѣе виденъ курганъ, за которымъ находится второй курганъ.

Влѣво отъ дороги, близъ нея, есть 1 курганъ (онъ распахивается), а $\frac{1}{4}$ в. дальше къ югу— другой майданъ, за которымъ далѣе, по тому же направленію, 1 курганъ. Упомянутый выше распаханый майданъ одного, типа съ № 3, имѣетъ слѣдующіе размѣры ¹⁾ (№ 74).

Длина окружности кольцевиднаго вала имѣла въ длину около 100 аршинъ; ворота майдана на сѣверо-востокъ. Къ сѣверо-востоку же отходятъ и два крыла m и n, длиною каждое до 80 аршинъ.

¹⁾ Я могъ наблюдать размѣры этого майдана по тѣмъ еще хорошо замѣтнымъ остаткамъ бугровъ, которые не выравнены еще плугомъ.

Между крыльями, ближе къ концамъ ихъ, находятся ямы. На вершинѣ распаханыхъ крыльевъ замѣчается суглинокъ.

Въ разстояніи около 150 аршинъ, къ юго-востоку, есть еще 1 курганъ, который распахивается. $\frac{1}{3}$ версты далѣе, къ юго-востоку отъ описаннаго майдана, есть 1 майданъ, небольшихъ размѣровъ, полураспаханный. Этотъ майданъ № 75 также одного типа съ № 3.

Длина окружности кольцевиднаго вала майдана—100 аршинамъ; ворота обращены на югъ; къ югу же отходятъ и два крыла, каждое длиною по 50 аршинъ. Въ разстояніи 20 саж. къ сѣверо-востоку отъ майдана находится 1 курганъ, а въ разстояніи 10 саж. отъ крыла къ юго-западу отъ него—другой курганъ. Оба вышеупомянутые курганы на пути къ полному уничтоженію вслѣдствіе усиленной распашки. Описанные майданы находятся близъ с. Хильковки (Хорол. у.), центръ которой, съ церковью, остается влѣво, если спускаться съ горы, въ направленіи къ м. Лукомью.

Спустившись съ горы, вправо, на низинѣ, въ разстояніи $\frac{1}{4}$ в.,—есть 1 курганъ, а напротивъ него, при самой дорогѣ,—другой курганъ.

Близъ х. Милькевича, вправо отъ дороги, неподалеку отъ послѣдней, находится 1 курганъ.

Подъ с. Моисеевкой, къ востоку, близъ вѣтряныхъ мельницъ, есть два кургана.

Неподалеку отъ Бурбинаго хутора, въ полѣ, находится 1 курганъ.

Къ сѣверо-западу отъ м. Лукомья (Луб. у.) находится майданъ.

Въ дополненіе къ тѣмъ свѣдѣніямъ о майданахъ, которыя сообщены нами выше, считаемъ необходимымъ прибавить краткія свѣдѣнія о майданахъ, расположенныхъ въ области р. Слѣборода, праваго притока р. Сулы. Мы начнемъ изложеніе нашихъ замѣтокъ отъ мѣстности, расположенной напротивъ села Александровки.

Такъ, на лѣвой сторонѣ р. Иржавца, напротивъ х. Мисюры, на высшемъ пунктѣ холмообразнаго плато, имѣющемъ покатые склоны и обширную, сильно пониженную низину, расположенную къ сѣверу и облегающую это плато съ трехъ сторонъ, находится большое, далеко видимое отовсюду, городище-майданъ, сложнаго типа. Оно имѣетъ такую форму (№ 76).

Основная насыпь майдана состоитъ изъ двухъ овальной формы насыпей (abc и cdc), примыкающихъ другъ къ другу и въ мѣстѣ соприкосновенія образующихъ довольно значительной величины и высоты перегородку (c). Одна изъ этихъ насыпей, именно западная, имѣетъ скорѣе форму не овальную, а грушевидную. Высота перегородки c достигаетъ $2\frac{1}{2}$ сажень; она выше всѣхъ остальныхъ валовъ майдана, достигающихъ, въ общемъ, высоты 1 или же $1\frac{1}{2}$ саж. Глубина ямы p—около $1\frac{1}{2}$ саж.; такой же, приблизительно, глубины и яма q. Длина окружности насыпи abc—около 150 аршинамъ; а длина окружности вала cde—около 125 аршинамъ. Ширина вала насыпи достигаетъ до 30 аршинъ. Крылья майдана, отходящія неподалеку отъ края каждаго изъ означенныхъ овальныхъ насыпей, достигаютъ каждое до 90 аршинъ, при высотѣ въ 1 — $1\frac{1}{2}$ саж. и при ширинѣ около 20—21 аршинъ. Ихъ особенность та, что они менѣе изогнуты, сравнительно съ обычной своей формой. Въ разстояніи около 40 аршинъ отъ перегородки c, къ югу, между крыльями, находится углубленіе въ видѣ значительной величины ямы.

Въ разстояніи около 100 саж. къ востоку отъ означеннаго майдана, на такомъ же высокомъ пунктѣ, находится группа кургановъ, расположенныхъ неподалеку одинъ отъ другого. Проѣхавъ далѣе, по дорогѣ въ Лазорки, мы встрѣтили еще нѣсколько майдановъ. Такъ, близъ с. Хорошковъ (Луб. у.), расположеннаго

на р. Слѣпородѣ, на правомъ берегу послѣдняго, въ разстояніи около $\frac{1}{2}$ версты отъ села, вправо отъ дороги, ведущей въ Лазорки, есть 1 майданъ.

На лѣвой сторонѣ р. Слѣпорода, за с. Хорошками, въ направленіи къ сс. Михновцамъ и Пятигорцамъ, на разстояніи половины пространства между означенными селами, на возвышенномъ берегу, находится 1 майданъ.

Близъ с. Черевки, на правой сторонѣ р. Слѣпорода, неподалеку отъ дороги, влѣво отъ нея, находится майданъ, а близъ него, нѣсколько къ югу—другой майданъ; подъ селомъ—курганъ.

Возлѣ х. Андрущенка, въ полѣ, влѣво отъ дороги, близъ послѣдней, находится майданъ, который въ настоящее время занятъ подъ кладбище. Крылья майдана—на сѣверь.

Близъ с. Воронинцы, влѣво отъ дороги, находится майданъ, а далѣе, въ полѣ, —курганы, числомъ 3 или 4.

За с. Воронинцами, вправо отъ дороги, въ разстояніи 100 арш., находится 1 майданъ (№ 77), имѣющій форму № 3.

Этотъ майданъ находится неподалеку отъ х. Дейкуна. Онъ представляетъ правильныя, типичныя для майдановъ очертанія. Длина окружности кольцевиднаго вала=110 арш.; глубина ямы около 2 саж.; высота вала=около 1 саж., а мѣстами достигаетъ $1\frac{1}{2}$ саж. Ширина вала майдана около 10—12 аршинъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ кольца майдана къ сѣверу отходятъ двѣ дуги крыльевъ, въ видѣ правильныхъ полукруговъ; длина cadaго изъ крыльевъ=около 140 арш.; ширина у основанія=около 15 аршинъ, а высота=2 аршинамъ. Посрединѣ между крыльями находится довольно замѣтная яма. Весь майданъ и крылья распахиваются. Полураспаханныя въ настоящее время крылья представляютъ составъ своей насыпи по цвѣту нѣсколько свѣтлѣе окружающаго ихъ чернозема; цвѣтъ этотъ имѣетъ желтоватый, какъ бы глинистый оттѣнокъ.

Къ востоку отъ означеннаго майдана находится балка, идущая на юго-востокъ.

Напротивъ описаннаго майдана, вправо отъ дороги, въ разстояніи около 1 в. или нѣсколько болѣе, находится 1 майданъ.

Напротивъ х. Примы, къ западу, въ разстояніи около версты отъ дороги, есть раскопанная могила, то-есть майданъ, съ крыльями на сѣверь, а версту далѣе, къ западу—1 курганъ.

Близъ х. Довжикъ, влѣво отъ дороги, т.-е. на западъ, въ разстояніи около 1 версты, находится 1 майданъ, а передъ нимъ, въ разстояніи отъ дороги съ $\frac{1}{2}$ в.—курганъ. Далѣе, въ разстояніи $\frac{1}{2}$ в.—другой курганъ. Есть также курганы и близъ перекрестной, на Оржицу, дороги.

Не доѣзжая до Лазорокъ, приблизительно, 1 версты, влѣво отъ дороги, т.-е. къ западу отъ нея, есть нѣсколько кургановъ, идущихъ цѣпью одинъ за другимъ. Одинъ изъ кургановъ находится и на правой сторонѣ отъ дороги, т.-е. къ востоку отъ нея.

Близъ соединенія дороги, идущей изъ Лазорокъ на Пирятинъ съ дорогой, идущей изъ упомянутаго города на Лубны, вправо, т.-е. къ востоку отъ дороги, находится 1 майданъ, съ крыльями. Онъ отстоитъ саж. на 20 отъ дороги. Къ западу отъ послѣдней есть длинная низина. Выѣхавъ изъ Лазорской дороги на большой Лубенско-Пирятинскій шляхъ, мы имѣемъ, къ востоку, въ направленіи къ рѣкѣ, два кургана, а нѣсколько далѣе, по той же сторонѣ, надъ дорогой, 1 майданъ съ крыльями къ рѣчной долиинѣ. Нѣсколько далѣе находится 1 курганъ, а за нимъ, ближе къ рѣчной долиинѣ,—2 кургана, отстоящіе другъ отъ друга саж. на 100.

Версту далѣе, вправо, надъ дорогой, находится 1 майданъ, крыльями обра-

щенный къ дорогѣ, т.-е. къ западу. Близъ означеннаго майдана, въ направленіи къ рѣчной долигѣ, находятся 2 кургана.

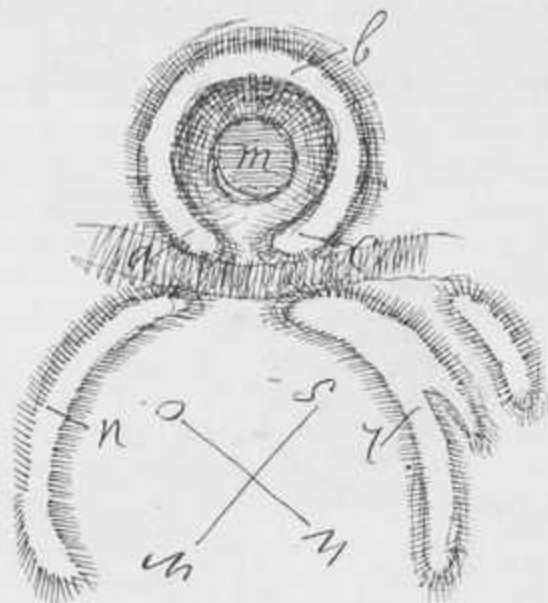
Въ концѣ левады Н. В. Стороженка, въ с. В. Круча, близъ дороги, находится небольшой курганъ съ западиной посрединѣ. Въ разстояніи около 1 версты отъ с. Великая-Круча, надъ дорогой на Лубны, вправо, т.-е. къ востоку, находятся 2 кургана, идущихъ одинъ за другимъ. Саженой 20 далѣе, къ востоку отъ послѣдняго кургана, близъ дороги, находится майданъ, крыльями обращенный къ сѣверу. Къ юго-западу отъ означеннаго майдана, черезъ дорогу, — курганъ.

Въ чертѣ с. Великая-Круча (Пирят. у.) на площади, расположенной близъ земскаго училища, надъ дорогой (изъ Пирятина), находится майданъ (№ 78) съ крыльями, одного типа съ № 3.

Длина окружности кольцевиднаго вала (abc) майдана—120 аршинамъ; глубина ямы около 3 саж.; высота вала майдана около 3 саж.; ширина вала майдана у основанія около 12 аршинъ. Отверстіе майдана на сѣверо-востокъ. По обѣ стороны отъ воротъ, въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи, отходятъ два крыла (m и n), имѣющихъ форму полукруга; длиною каждое по 70—75 арш., а высотой — около 1 сажени. Сѣверо-западное крыло почти все разрушено крестьянами, выбиравшими землю для своихъ хозяйственныхъ нуждъ. Сѣверо-восточное хотя и пострадало отъ указанныхъ причинъ, но сравнительно меньше предыдущаго крыла.

Значительное количество кургановъ и майдановъ находится и близъ г. Пирятина (Полт. губ.). Такъ, въ разстояніи $\frac{1}{2}$ версты къ западу отъ вокзала пирят. желѣзнодорожной станціи, у края проселочной дороги, идущей на х. Майорщину, находится городище-майданъ (№ 79). Основная часть городища — кольцевидный валъ, окружающій круглую яму, касается черты дороги, нависая надъ послѣдней.

Длина окружности этого кольцевиднаго вала—175 аршинамъ; высота вала—около 1 саж., а мѣстами — нѣсколько больше; глубина ямы свыше 3 саженой; діаметръ ямы около 20—25 аршинъ. Ворота майдана въ сѣверо-западной части его. Крылья майдана не плотно примыкаютъ къ кольцевидному валу майдана, а отстоятъ отъ него на 10 аршинъ. Они идутъ полукружными дугами и имѣютъ, каждое, въ длину около 110 аршинъ; высота крыльевъ, уменьшившаяся вслѣдствіе распашки, достигаетъ мѣстами 1 сажени, но къ концамъ замѣтно понижается. Ширина вала крыльевъ достигаетъ, у основанія, 30 аршинъ, а на гребнѣ — около 15 аршинъ. Вообще крылья эти представляютъ очень солидныя, по своей величинѣ, земляныя сооруженія. Правое крыло представляетъ насыпь съ едва замѣтнымъ пониженіемъ посрединѣ. Лѣвое же крыло не представляетъ собой сплошной насыпи; на разстояніи 50 аршинъ отъ своего начала оно развѣтвляется: одна часть идетъ на сѣверо-востокъ и идетъ на протяженіи 72 арш.; другой конецъ вала небольшой: онъ образуетъ отрѣзокъ, длиною около 20—25 аршинъ, а между нимъ и длиннымъ крыломъ находится пониженіе въ видѣ запылваго рва. Вы-

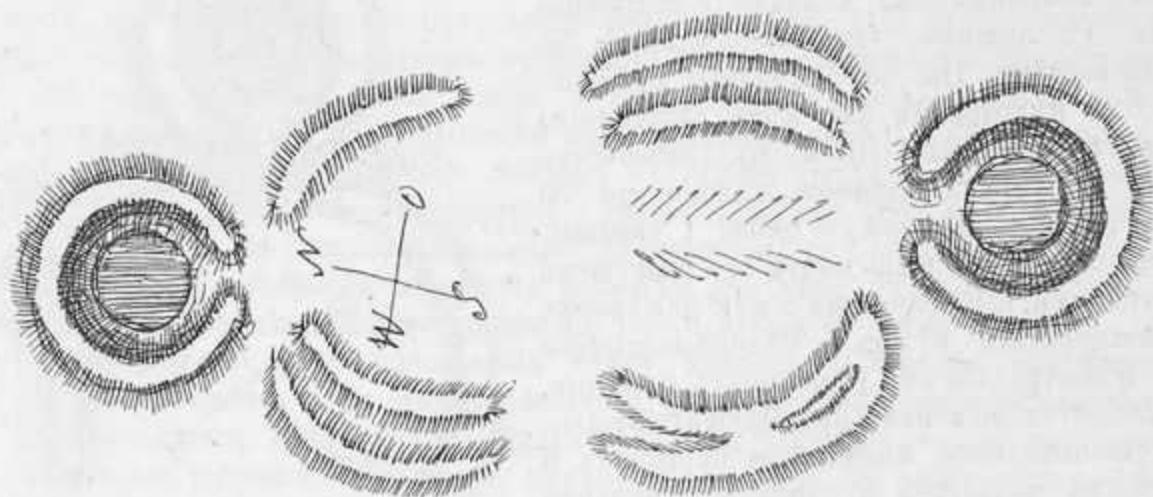

№ 79.

сота означеннаго крыла одинакова съ предыдущимъ крыломъ, т. е. — 1 сажени, при чемъ къ концамъ насыпь поднимается. Ширина крыла та же, какъ и предыдущаго. Къ западу отъ описаннаго крыла, за небольшимъ углубленіемъ, напоминающимъ собой слѣды рва, находится курганъ, сильно разсунувшійся. Къ сѣверо-западу отъ крыльевъ, въ разстояніи 100—150 аршинъ, находятся 3 котловины, весьма замѣтныя для глаза. На разстояніи около 1 версты еще далѣе на сѣверо-западъ находятся два кургана, расположенныхъ одинъ за другимъ.

Другое городище-майданъ № 80 также расположено близъ Пирятина, въ разстояніи около $\frac{1}{2}$ в. къ западу отъ паровой мельницы, по направленію дороги, идущей на Тепловку. Оно имѣетъ видъ № 3.

Длина окружности кольцевиднаго вала майдана = около 120 арш.; яма майдана имѣетъ около 12—15 аршинъ въ діаметрѣ, при глубинѣ около 2 саж.; высота вала около 1 саж. Выходъ расположенъ къ востоку или юго-востоку; крылья отдѣляются отъ городища низиной. Длина крыльевъ въ настоящее

№ 81.

время около 90 арш.; ширина крыльевъ у основанія около 20 — 25 аршинъ. Почва крыльевъ, въ своемъ составѣ, обнаруживаетъ примѣсъ желтой глины. За концами крыльевъ, къ востоку, находится небольшая низина, въ видѣ котловины.

Третій майданъ находится въ разстояніи около 2-хъ верстъ отъ предыдущаго, въ направленіи къ западу или юго-западу отъ него. Онъ состоитъ изъ двухъ майдановъ, обращенныхъ крыльями другъ къ другу, при чемъ городище, лежащее ближе къ дорогѣ, по своимъ размѣрамъ нѣсколько больше другого (№ 81).

Кольцевидный валъ майдана (abc) имѣетъ въ окружности около 120 аршинъ; высота вала около 2 аршинъ; глубина ямы около 2—2 $\frac{1}{2}$ саж. Насыпь вала всюду черноземъ. Ворота майдана обращены на сѣверо-западъ. Вокругъ кольцевидной насыпи замѣтно пониженіе, какъ бы отъ заплывшаго рва. Въ разстояніи около 10 арш. отъ кольцевидной насыпи начинаются крылья, идущія въ видѣ дугъ, въ направленіи къ сѣверу. Длина каждого изъ крыльевъ около 60 арш. Сѣверо-восточное крыло состоитъ изъ двухъ, идущихъ параллельно другъ другу валовъ; въ промежуткѣ между крыльями находится ровъ. Высота вала крыльевъ около 1 саж. Западное крыло также состоитъ изъ двухъ параллельныхъ валовъ, но при этомъ посрединѣ они имѣютъ перепонку, перегораживающую находящійся между ними ровъ. Длина вала и крыльевъ около 60 арш. Первое гнѣздо крыла, въ видѣ овала, простирается на 18 арш. въ длину. Посрединѣ площади, замыкаемой валами, находится возвышеніе, идущее въ прямомъ направленіи къ сѣверу.

Другой майданъ, обращенный крыльями къ первому, отстоитъ отъ предыдущаго на разстояніи около 50 аршинъ, считая отъ конца крыльевъ. По своимъ размѣрамъ онъ нѣсколько меньше предыдущаго; длина окружности—100 арш.; глубина ямы около $2-2\frac{1}{2}$ аршинъ; высота вала около $2-2\frac{1}{2}$ аршинъ. Ворота майдана расположены на юго-востокъ. Крылья майдана отдѣляются отъ кольца майдана пониженіемъ въ 10—15 аршинъ. Сѣверо-восточное крыло состоитъ изъ одной сплошной насыпи, длиной около 50, а шириной около 20 арш.; высота крыла около 2 аршинъ. Западное крыло состоитъ изъ двухъ валовъ, идущихъ параллельно; между ними находится пониженіе. Длина вала—около 40 аршинъ. Это западное крыло майдана отстоитъ отъ конца крыла большаго майдана на 30 аршинъ. Между концами крыльевъ меньшаго майдана находятся двѣ небольшія низины, въ видѣ котловинъ. Оба майдана помѣщены на возвышенной площади, приподнятой надъ окружающею равниной. Къ востоку отъ означенныхъ майдановъ, въ разстояніи $\frac{1}{2}$ в., есть 1 курганъ. Въ недалекомъ разстояніи къ западу отъ этихъ майдановъ находится х. Могилевича, за которымъ, къ сѣверо-западу, находится рядъ кургановъ, растянувшихся цѣпью къ сѣверу. Одинъ изъ этихъ кургановъ довольно значительной величины.

Въ разстояніи около 2 версты отъ х. Богдановича, вправо отъ дороги, идущей на м. Тепловку, есть 2 кургана; кромѣ того, влѣво отъ дороги, есть также 2 кургана, полураспаханныхъ. Полверсты дальше — еще одинъ курганъ. Далѣе, проѣхавъ съ версту, видно, вправо, нѣсколько кургановъ.

Въ разстояніи 1 вер. отъ с. Смотрижовъ, влѣво, т.-е. къ востоку, есть 2 кургана. Близъ ст. Гребенка, на землѣ Н. В. Стороженко, за полотномъ жел. дороги, находится 1 майданъ, расположенный крыльями къ полотну желѣзной дороги.

Намъ остается еще описать майданъ, видѣнный нами въ области р. Оржицы, близъ д. Лутайка, расположенной въ разстояніи 1 в. отъ с. Короваевъ (Пирят. у.).

Этотъ майданъ (№ 82) находится въ полверстѣ отъ д. Лутайка, къ востоку. Съ западной стороны отъ майдана, въ разстояніи около 100 саж., проходитъ длинная низина, въ видѣ балки, берущей начало гдѣ-то въ степи, а оканчивающейся у самой д. Лутайки. Къ с.-зап. отъ этого майдана, въ разстояніи около 100 аршинъ,—1 курганъ, а къ юго-востоку, въ разстояніи около 200 арш.— другой курганъ. Длина окружности кольцевиднаго вала 120 аршинъ; высота вала $1\frac{1}{2}$ саж.; глубина ямы около 2 саж. Длина крыльевъ около 75 арш.; высота вала крыльевъ— $1\frac{1}{2}$ саж.; ширина вала у основанія около 4 или 5 саж. Разстояніе между концами крыльевъ 100 арш. Между крыльями находится углубленіе въ видѣ заплывшей ямы.

Таковы, въ общихъ чертахъ, видѣнные нами земляныя сооруженія Полтав. губ.

Въ виду того обстоятельства, что мѣстность по теченію р. Орели обильно усѣяна майданами, мы попытаемся представить общій очеркъ ихъ существенныхъ особенностей.

Прежде всего необходимо отмѣтить, что весьма многіе изъ орельскихъ майдановъ имѣютъ большую, сравнительно съ другими майданами, величину, которая, напримѣръ, въ кольцевидной насыпи иногда доходитъ до 270 аршинъ. Однако, наряду съ крупными майданами, встрѣчаются и средніе, и даже малыхъ размѣровъ, при чемъ замѣчено, что болѣе мелкіе чередуются обыкновенно съ крупными. Послѣдніе помѣщаются обыкновенно близъ обширныхъ низинъ, обильныхъ луговыми травами.

Кольцевидная насыпь майдана, окружающая яму его, весьма часто представляетъ отступленія отъ своего обычнаго типа. вмѣсто сплошнаго кольца, имѣющаго проходъ только въ одномъ мѣстѣ, насыпь эта представляетъ въ нѣко-

торыхъ экземплярахъ рядъ отрѣзковъ валовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга обычными проходами или воротами. Эти отрѣзки бываютъ различны, какъ по величинѣ, такъ по высотѣ и формѣ. Что касается ямы майдана, то она также представляетъ, во многихъ случаяхъ, характерныя особенности, не встрѣчающіяся въ обычныхъ майданахъ обыкновеннаго типа. Такъ, яма эта имѣетъ внутри или нѣсколько холмиковъ, помѣщающихся на известномъ разстояніи другъ отъ друга (напр., близъ х. Ряскаго и х. Чуйки), или кольцевидное возвышеніе съ углубленіемъ посрединѣ, нѣчто вродѣ майдана въ майданѣ (напримѣръ, близъ сл. Фирсовыхъ хуторовъ, с. Коноваловки и с. Русскаго Орчика), или же — полукруглой формы выступъ съ углубленіемъ посрединѣ (напр., близъ с. Буртъ, Коноваловки (въ 3-хъ верстахъ), близъ с. Русскаго Орчика — также въ 3-хъ верстахъ). Въ одномъ случаѣ, — близъ м. Нехвороци, — яма майдана пересѣчена пополамъ линіей вала, какъ бы раздѣляющаго майданъ на двѣ половины.

Что касается крыльевъ майдана, то и здѣсь можно замѣтить ихъ различіе отъ обычнаго типа. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе обиліе этихъ крыльевъ и ихъ не совсѣмъ обычное расположеніе и форма. Въмѣсто одной пары крыльевъ, отходящихъ въ видѣ правильной формы дугъ, вправо и влѣво отъ прохода майдана, встрѣчаются двѣ, три, четыре, а иногда и болѣе паръ крыльевъ, расположенныхъ впереди, передъ проходомъ или воротами майдана, по обѣ стороны отъ него. Таковы майданы близъ х. Чуйки, сс. Бурты, Ряскаго, Мячки, Нехвороци, Русскаго Орчика и проч. При этомъ крылья майдана бываютъ расположены не только вправо и влѣво отъ отверстія или же воротъ майдана, но и параллельно его кольцу, какъ бы защищая собою то пространство, которое находится между началомъ крыла и кольцами майдана, напримѣръ, у майдана близъ с. Бѣлановки. Иногда крылья представляютъ ту особенность, что они являются какъ бы составленными изъ нѣсколькихъ, часто разорванныхъ, параллельныхъ валовъ, заключающихъ между собой ложбинообразныя углубленія, напримѣръ, близъ такъ называемыхъ Зміевскихъ хуторовъ. Въ другихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, близъ Фирсовыхъ хуторовъ, Коноваловки и проч., пространство между началомъ крыльевъ и кольцомъ вала защищается, съ одной стороны, двумя отрѣзками валовъ, а, съ другой, — курганомъ, какъ бы замѣняющимъ собой недостающее крыло. Кромѣ того, 2 кургана находятся также и противъ крыльевъ майдана, напротивъ воротъ его. У другихъ майдановъ того же типа можно видѣть двѣ пары дуговидныхъ крыльевъ, идущихъ двумя параллельными дугами. Иногда, какъ у майдана близъ Рус. Орчика, крылья дуговидной формы, но съ большими придатками, въ видѣ трехъ небольшихъ валовъ, расположенныхъ параллельно одинъ другому, начиная отъ внутренняго конца крыла. Иногда крылья отходятъ отъ майдана изъ двухъ противоположныхъ сторонъ (близъ с. Рус. Орчикъ). Въ другихъ случаяхъ крылья расположены противъ каждаго изъ воротъ майдана (напр., близъ м. Нехвороци), при чемъ одни крылья представляютъ рядъ параллельныхъ отрѣзковъ валовъ, а другія — два обыкновенныхъ полукружныхъ крыла, при чемъ возлѣ одного изъ нихъ, съ наружной стороны, замѣчается небольшой валъ, идущій параллельно крылу майдана.

Почти какъ правило можно замѣтить, что если противъ одного изъ отверстій майдана находятся *два пары* параллельныхъ крыльевъ, то противъ другого отверстія — только *одна пара* крыльевъ, да и то небольшихъ размѣровъ (напримѣръ, близъ с. Ряскаго, Русскаго Орчика и проч.).

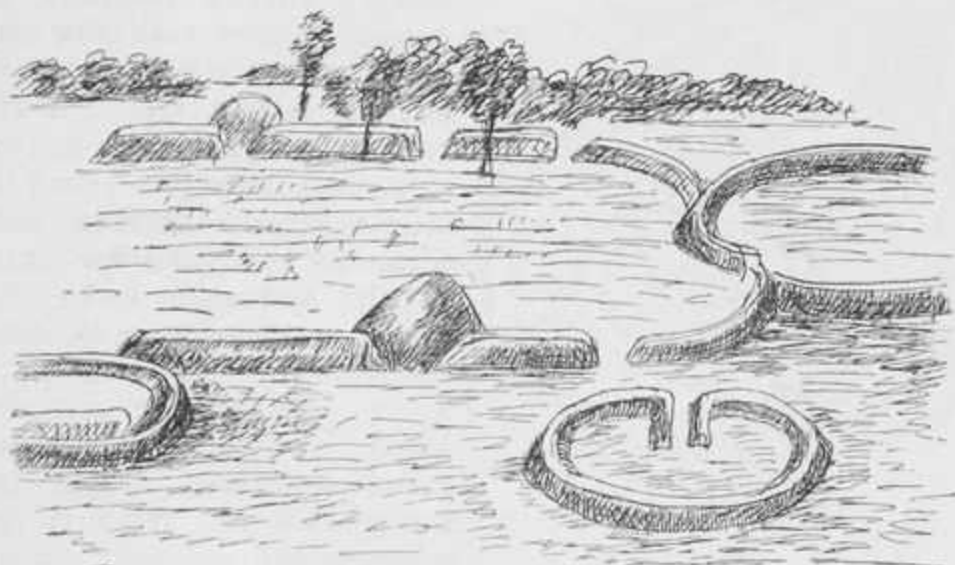
Любопытно отмѣтить, что во многихъ майданахъ крылья начинаются не близъ кольца майдана, а на довольно значительномъ отъ него разстояніи — саж. на 2, на 3, на 7 и даже болѣе.

У нѣкоторыхъ майдановъ наблюдаются въ небольшомъ, сравнительно, разстояніи передъ крыльями курганъ, или же нѣсколько ихъ, за которыми, по тому же направленію, въ полѣ—другіе курганы.

Весьма многіе майданы расположены близъ линіи древняго вала, нѣкоторые же изъ нихъ—въ самой линіи означеннаго вала.

Подводя итогъ тѣмъ даннымъ о майданахъ, которыя были добыты нами во время экскурсіи, мы получаемъ слѣдующіе выводы:

1. Майданы, находящіеся къ западу отъ средняго теченія р. Сулы, имѣютъ, по большей части, *средній размѣръ*, и расположены на ровныхъ, нѣсколько возвышенныхъ мѣстахъ, часто близъ пониженныхъ луговыхъ пространствъ или же овраговъ. Въ отношеніи конфигураціи замѣчается шаблонное однообразіе: кольцевидная, правильной формы, круглая центральная насыпь съ ямой посрединѣ и

*Древняя земляная сооруженія въ Голландіи.
въ мѣстѣ Оло, въ Сѣвер. Америкѣ.*

№ 82.

при ней обыкновенно—одна или двѣ пары дугообразныхъ крыльевъ. Ориентировка относительно странъ свѣта различная.

2. Майданы въ степи къ западу отъ р. Оржицы, близъ м. Драбова и его окрестностей, въ нѣкоторыхъ экземплярахъ представляютъ особенности, не встрѣчающіяся въ другихъ майданахъ, а именно: *вмѣсто* одного крыла майданъ имѣетъ большой величины курганъ. Нѣкоторые изъ майдановъ этой мѣстности сохраняютъ вокругъ основанія своей насыпи слѣды заплывшаго рва. Величина этихъ майдановъ выше средней, т.-е. окружность кольцевидной насыпи превосходитъ 160 аршинъ. Крылья при майданѣ велики. Толща вала также весьма значительна—мѣстами до десяти саженей. Насыпь всюду—тучный черноземъ.

3. Майданы, расположенные близъ значительныхъ степныхъ равнинъ, какъ, на примѣръ, близъ с. Яненковыхъ-Пологовъ (Переяс. у.), имѣютъ большіе размѣры и такую же высоту своихъ насыпей. Кромѣ того, находящіеся при нихъ крылья отличаются сложнымъ характеромъ своего строенія, равно какъ и значительной величиной.

4. Такую же крупную величину и сложность строенія имѣютъ майданы и близъ днѣпровскихъ луговъ, плавней, обильныхъ кормовыми травами.

5. Майданы, расположенные въ районѣ близъ г. Золотоноши и близъ мм.

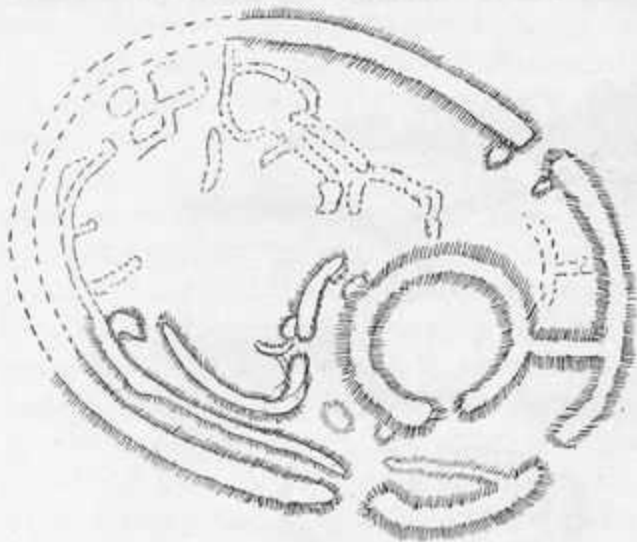
Крапивнаго и Ирклеева, отличаются среднимъ размѣромъ своихъ насыпей и обычнымъ, несложнымъ типомъ находящихся при нихъ крыльевъ, по большей части дугообразной формы.

6. Область р. Орели, представляющая прекрасныя пастбищныя пространства на обѣихъ своихъ сторонахъ, обладаетъ огромнымъ количествомъ майдановъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ; они представляютъ много особенностей, какъ въ отношеніи величины формы, такъ и въ отношеніи сложности своего строенія, равно какъ и въ отношеніи своей густоты и тѣсной связи съ такъ называемыми длинными валами.

7. Майданы, находящіеся между Полтавой и Константиноградомъ, представляютъ среднюю величину, по объему, и тѣ же обычные черты, несложнаго характера, черты майданныхъ насыпей, какъ и въ другихъ частяхъ Полтав. губ.

8. Майданы, по теченію р. Слѣ-порода, имѣютъ обычный типъ майдановъ: средней величины центральная насыпь, пара крыльевъ правильной формы; находятся на высокихъ мѣстахъ, неподалеку отъ луговинъ или же долины рѣки; на водораздѣлѣ между двумя рѣчками попадаются двойные майданы, съ большими крыльями при нихъ.

Въ настоящее время въ нашихъ рукахъ имѣются данныя, позволяющія предполагать, что майданы представляютъ собой остатки древнихъ сооружений, восходящихъ къ доисторическимъ временамъ. Такъ, разсматривая изображенія древнихъ сооружений первобытнаго населенія сѣверной Аме-

№ 83.

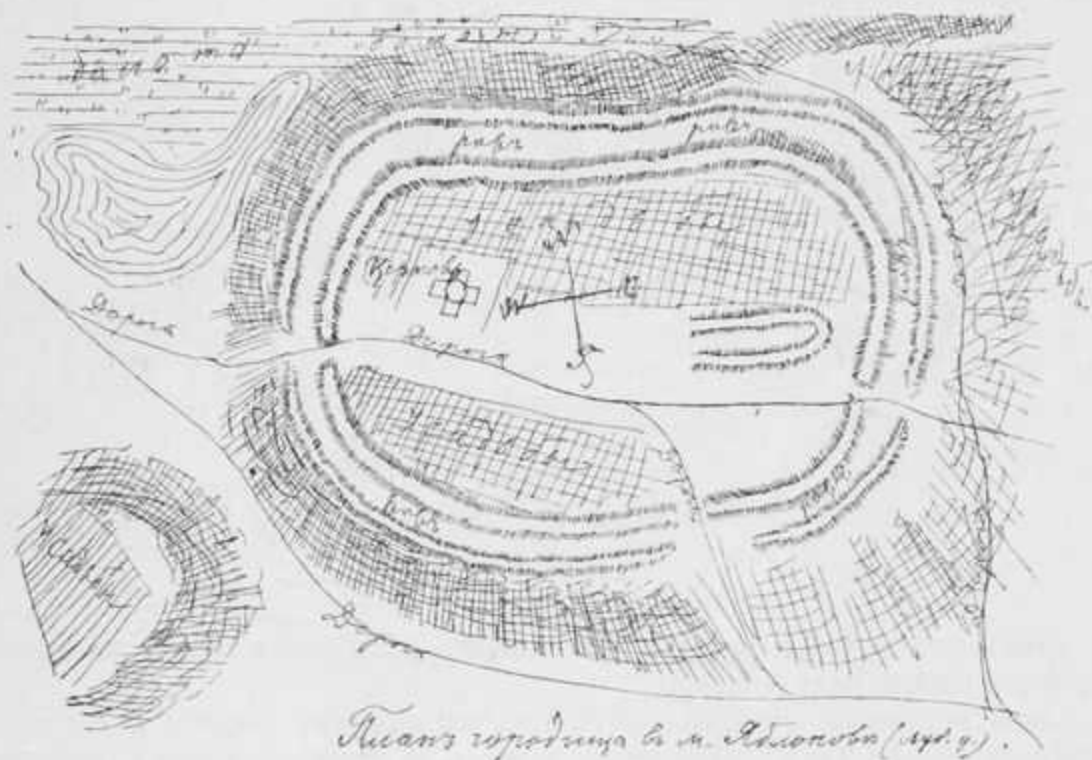
рики, въ штатѣ Огіо, близъ Гопетона, мы поражаемся сходствомъ конструкціи такъ называемыхъ майдановидныхъ насыпей и ихъ тѣсной связью съ находящимися близъ нихъ огромными длинными валами (№ 82).

Кромѣ того, разсмотрѣніе сооружений первобытной культуры въ Африкѣ, именно въ ея восточной части, близъ Замбези (№ 83 сооруженіе Зимбабіэ), еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что сооруженія, имѣющія въ своей основѣ циркулярный или же луновидный характеръ, восходятъ ко временамъ глубокой древности. На мысль возводить жилища такого типа могли натолкнуть человѣка тѣ многочисленныя, серпообразной формы, съ полукруглыми при нихъ полудугами, песчаныя насыпи, образованныя постоянно дующими вѣтрами въ обширныхъ равнинахъ какъ Африки, такъ и средней Азіи, на границѣ съ моремъ безпредѣльныхъ степей, издавна служившихъ колыбелью безчисленныхъ кочевниковъ, безконечной волной отлившихъ на западъ, къ равнинамъ восточной Европы.

Что касается городищъ болѣе или менѣе крупныхъ размѣровъ, то такія попадаются, въ болѣе крупныхъ населенныхъ пунктахъ означеннаго края. Изъ числа видѣнныхъ нами городищъ этого рода, мы остановили свое вниманіе на городищахъ: въ м. Яблоновѣ, Крапивномѣ, Ирклеевѣ, Жовнинѣ, Китай-Городѣ, Царичанкѣ, Константиноградѣ и проч.

Въ м. Яблоновѣ, расположенномъ на р. Оржицѣ, сохраняются еще довольно отчетливо, почти во всѣхъ своихъ частяхъ, остатки древнихъ земляныхъ укрѣпленій, типичныхъ по своему мѣстоположенію и по своей конструкціи (№ 84).

Городище помѣщается на мысообразномъ, довольно высокомъ (саж. 25—30) выступѣ, круто нависающемъ надъ долиной р. Оржицы. Особенно крутой обрывъ съ сѣверо-восточной части городища, которое съ этой стороны было дѣйствительно неприступнымъ, такъ какъ отвѣсный обрывъ достигаетъ здѣсь высоты слишкомъ 20 саженьей. Наиболѣе доступная часть городища находилась въ его восточномъ отдѣлѣ, гдѣ широкій ровъ и нависающіе надъ нимъ валы отдѣляли его отъ прилегающаго плато, которое по высотѣ нѣсколько ниже площади городища. Съ юго-западной стороны городище нависаетъ надъ дорогой, проложенной по склону къ рѣкѣ. Въ общемъ, городище имѣетъ форму овала, длинный діаметръ котораго расположенъ съ запада на востокъ. По контурамъ площади городища находилось два концентрическихъ вѣнца валовъ съ значительной величины рвомъ между ними.

№ 84.

Ширина рва достигаетъ 4 или 5 саженьей. Верхній валъ городища, увѣличивающій верхніе края его площади, значительно выше и мощнѣе ниже лежащаго, помѣщающагося непосредственно за рвомъ, опоясывающимъ внѣшнюю подошву верхняго вала. Длина окружности этого вала—около 400 саженьей, а высота достигаетъ мѣстами 3-хъ и 4-хъ саженьей. Валъ и ровъ, въ своей значительной части, прекрасно сохранились и въ разрѣзѣ обнаруживаютъ насыщенный характеръ; въ толщѣ валовъ попадаются: щебень, куски костей, угли, черепки, зола и пр. Только въ нѣкоторыхъ частяхъ валъ разровненъ жителями, утилизировавшими его подъ свои хозяйственные нужды; такъ, въ юго-восточной части городища, на разровненной изъ такихъ валовъ и находящагося близъ нихъ рва площадкѣ нижняго вѣнца вала устроено въ настоящее время училище. Въ длину городища, въ направленіи съ востока на западъ, пролегаетъ дорога, близъ западнаго конца которой расположена церковь. Въѣздъ въ городище съ юго-востока, отъ плетины. Этотъ въѣздъ, повидимому, устроенъ недавно; древнія ворота, по всей вѣроятности, находились въ восточной части вала, такъ какъ здѣсь внутри вала сохра-

нились остатки еще других валовъ, очевидно, имѣвшихъ цѣлью лучше защищать входъ въ городище.

Второй валъ расположенъ по склону городища, нѣсколько ниже, тотчасъ-же за ровомъ, опоясывающимъ первый вѣнецъ валовъ его. Этотъ валъ нѣсколько ниже перваго; онъ внѣшней своей стороною сливается съ контурами спусковъ городища. Внутренняя часть городища почти вся застроена домами мѣстныхъ обывателей; только юго-восточная часть его, между двумя дорогами, идущими — одна съ востока, а другая — съ юго-востока, оставлена пустой, равно какъ и западная часть, тотчасъ же за церковью, близъ дороги, идущей къ берегу р. Оржицы; послѣдняя образуетъ у самаго края городища, у подошвы его сѣверо-западнаго края, нѣсколько озеръ.

№ 84.

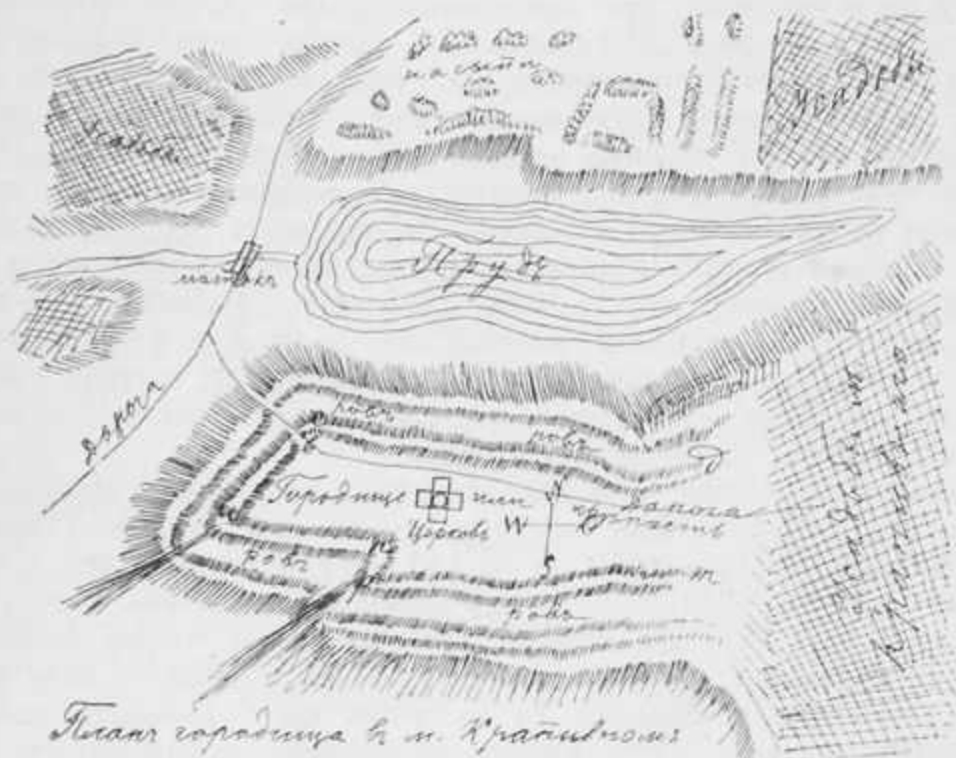
Съ вершины городища, которая доминируетъ надъ окружающею мѣстностью, открывается широкій видъ вокругъ.

Довольно интересное городище находится на нижнемъ теченіи р. Слѣпорода, въ с. Александровкѣ. Такъ, здѣсь среди долины, въ которой течетъ р. Слѣпорода, вправо отъ церкви, т.-е. къ востоку, возвышается надъ селомъ огромная, отдѣльно стоящая, съ крутыми обрывистыми боками, гора, въ сѣверной части которой, по рассказамъ мѣстныхъ стариковъ, стоялъ когда-то монастырь. Эта холмовидная гора протянулась въ направленіи съ сѣвера на югъ. Она не вездѣ имѣетъ одинаковую высоту; въ южной части она ниже, покатиствѣ: здѣсь находится подъемъ на вершину, и на послѣдней въ настоящее время стоятъ вѣтряныя мельницы. Подъемъ на гору очень крутъ, и во время зимы невозможно бываетъ ни вѣхать на гору, ни спуститься съ нея. За мельницами, къ сѣверу, гора повышается и, наконецъ, превращается на верху горы въ чрезвычайно ровную, овальной формы, продолговатую площадку, круто спускающуюся на востокъ и на западъ. Въ сѣверной части горы, тамъ, гдѣ она начинаетъ спускаться къ долинѣ, вырыто углубленіе, въ видѣ широкаго, аршинъ въ 25—30, рва, перерѣзывающаго гору поперекъ съ сѣвера на югъ. Здѣсь-то, въ этомъ прорѣзанномъ углубленіи и стоялъ, по преданію, когда-то монастырь, № 84 ¹⁾.

¹⁾ По разсказу 80-лѣтняго старика, Марка Фодоренка, то мѣсто, гдѣ стоялъ монастырь, точно извѣстно (при чемъ старикъ указалъ на него рукой),—оно находилось какъ разъ во впа-

Подходя къ этой впадинѣ, площадь горы имѣетъ надъ самой впадиной насыпанное въ видѣ вала возвышеніе, весьма замѣтное и въ настоящее время. Кромѣ того, слѣды рва и небольшого вала при немъ замѣтны еще на восточной сторонѣ этой горной площадки; возлѣ рва, параллельно послѣднему, находится нѣсколько ямкообразныхъ углубленій (а, b, c, d, e, f и пр.) съ небольшими валиками вокругъ. Подобныя же ямкообразныя углубленія находятся и на западной сторонѣ горы, нависшей надъ селомъ, при чемъ углубленій этихъ здѣсь больше, и они, по размѣрамъ, нѣсколько обширнѣе тѣхъ, которыя находятся на восточной сторонѣ. На южной, отъ мельницъ, видны слѣды какихъ-то бугровъ, не вполне ясной, неправильной, формы.

Въ окрестностяхъ с. Александровки, близъ с. Мацковецъ, къ сѣверу отъ послѣднихъ, близъ устья р. Слѣпорода, былъ когда-то громадный валъ, остатки

№ 85.

котораго видны и до настоящаго времени. Этотъ валъ носить въ народѣ названіе «Зміевого вала», и о немъ среди мѣстныхъ жителей сохранились такія же преданія о Змій, запряженномъ въ плугъ и проклавшемъ огромную борозду черезъ весь свѣтъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ Полтавской и Кіевской губ. ¹⁾

днѣ, ближе къ ея восточной сторонѣ. Здѣсь, по мѣстному преданію, стояла когда-то церковь; она когда-то показывалась изъ горы: выходилъ сначала крестъ наружу; но потомъ церковь опять «сховалась у горы». И теперь, — прибавилъ упомянутый дѣдъ, — если приложить ухо къ землѣ, то чутъ, якъ звонять у церкви, якъ гавкають десь далеко собаки» и проч.

¹⁾ Вотъ это преданіе. Жили когда-то два брата: Кузьма и Демьянъ. Но вотъ появился Змій, который хотѣлъ пожрать братьевъ. Тѣ бросились бѣжать и, вида, что имъ отъ Змія трудно уйти, рѣшили спрятаться въ кузницу, гдѣ и затворились, защеппувъ двери изнутри. Въ кузницѣ были чугуныя двери. Прибѣжавши къ кузницѣ, Змій началъ лизать языкомъ двери. Четыре раза лизнулъ и пролизалъ двери. А въ это время Кузьма и Демьянъ уже готовились къ защитѣ отъ Змія; одинъ, Кузьма, держалъ въ огнѣ клещи (щипцы), а другой (Демьянъ) раздувалъ мѣхомъ огонь. Какъ только Змій просунулъ въ дыру языкъ, Кузьма схватилъ его за языкъ раска-

Третье городище, крупных размѣровъ, осмотрѣно нами въ м. Крапивномъ (Золотонош. у. Полт. г.). Здѣсь сохранились слѣды укрѣпленій въ двухъ мѣстахъ: 1) близъ спуска въ село съ горы къ плотинѣ, влѣво отъ дороги, близъ края села; 2) за плотиной, на такъ называемомъ «городищѣ», гдѣ слѣды ровъ и окоповъ сохранились довольно хорошо. Въ общемъ они имѣютъ такое расположеніе (№ 85).

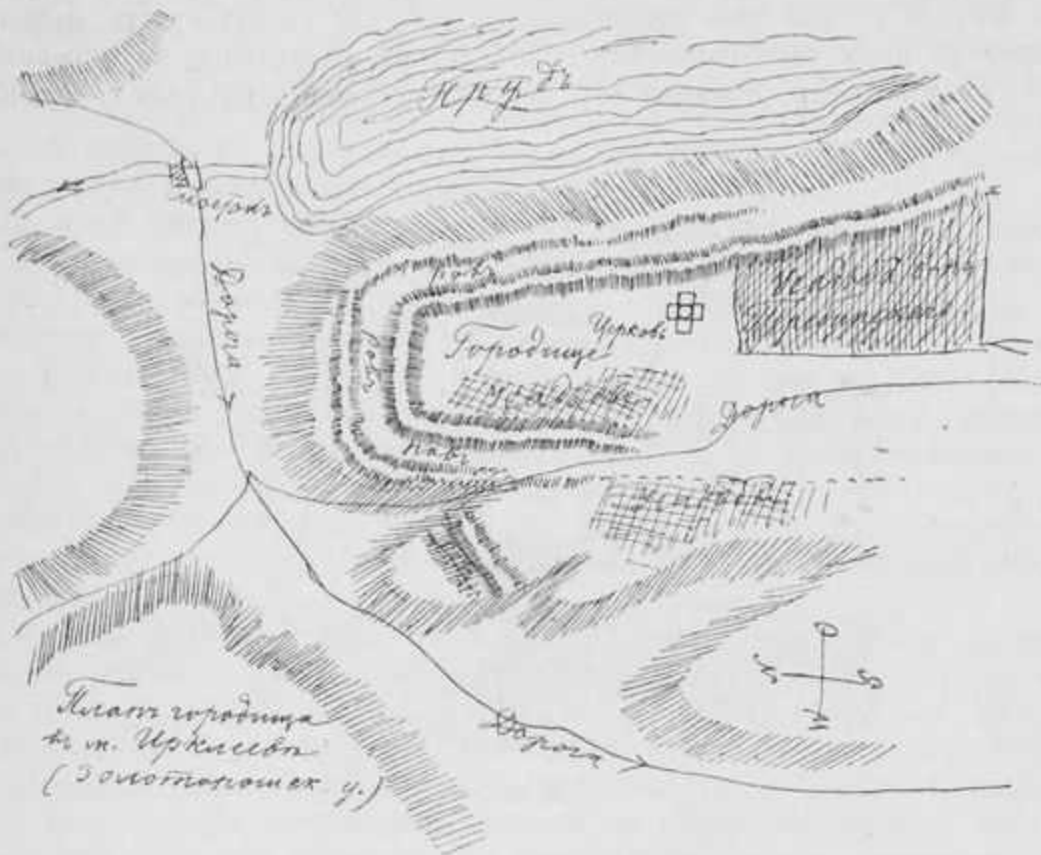
«Старая крѣпость» въ м. Крапивномъ, называемая мѣстными жителями «баштой», находится на мысообразномъ холмѣ, вдающемся въ долину небольшой рѣчки, въ направленіи съ востока на западъ. На сѣверной сторонѣ мысообразная гора эта омывается довольно большимъ прудомъ; съ запада она обрывисто спускается къ дорогѣ; съ юга — крутой обрывистый берегъ къ проходящей здѣсь долинѣ, и только съ восточной стороны она примыкаетъ небольшимъ перешейкомъ къ нагорному плато мѣстечка. Это естественное, очень удобное мѣстоположеніе мысообразнаго выступа было использовано въ древнее время съ защитительной цѣлью; здѣсь, по контурамъ возвышенности, устроенъ былъ двойной валъ со ровомъ между валами. Верхній валъ гораздо выше и мощнѣе нижняго; онъ сохранился во многихъ мѣстахъ довольно хорошо. Между тѣмъ, нижній валъ и примыкающей къ нему ровъ, вслѣдствіе размыва атмосферными водами, сохранился только мѣстами въ цѣломъ видѣ, а больше — въ обрывкахъ; въ нѣсколькихъ мѣстахъ ровъ, благодаря размыву и крутизнѣ спуска, превратился въ провалье: такихъ провальевъ нѣсколько; они особенно развиты въ сѣверной и юго-западной частяхъ городища. Валъ — насыпной, мѣстами онъ доходитъ до 2—3 сажени высоты; ровъ имѣетъ ширину мѣстами сажени 2, мѣстами — 3; глубина рва въ настоящее время не велика — всего около 1 сажени, что, конечно, объясняется тѣмъ, что онъ заплылъ, засунулся отъ времени.

Длина валовъ слѣдующая: западная линія вала, прорѣзанная дорогой, имѣетъ въ длину: отъ а до б = 100 арш. отъ б до с = 70 арш., всего — 170 аршинъ; юго-восточный отрѣзокъ вала отъ а до п = 120 арш.; восточный отъ п до р — 30 арш.; отъ р до м = 350 арш.; длина западнаго вала, отъ с до д = около 500 арш. Длина всей окружности вала = 1280 аршинамъ. Черезъ крѣпость, въ направленіи съ запада на востокъ, проходитъ дорога, образуя въ валу какъ бы двое воротъ: восточныя и западныя. Въ восточной части городища соединяется съ прилегающимъ къ нему плато узкимъ перешейкомъ, защищеннымъ, судя по остаткамъ насыпей, такими же валами, какъ и все городище. Въ срединѣ городища или, какъ его называютъ мѣстные жители, «крѣпости», находится церковь, расположенная въ разстояніи около 150 аршинъ отъ западныхъ воротъ.

Что касается укрѣпленій, расположенныхъ на отрогѣ горы, высящейся къ сѣверу отъ «крѣпости», за прудомъ, то они представляютъ собой обрывки валовъ, не составляющихъ между собой какой-либо определенной фигуры укрѣпленій: это небольшіе, длиной въ 30—40 аршинъ валы, поднимающіеся на высоту около 2 или 3 аршинъ. Они расположены частью по контурамъ отрога горы, нависая надъ его склономъ къ долинѣ, частью въ сторонѣ отъ этого контура, въ разстояніи около 30—50 аршинъ. Это какъ бы передовая цѣпь укрѣпленій, состоящая изъ узкаго, ограниченнаго двумя рядами валовъ, ретраншемента, назначеннаго, повидимому, для защиты дороги, ведущей къ пруду и крѣпости. Въ восточной части

ленными щипцами, а Демьянъ запрягъ Змія въ громадный плугъ, и начали проводить имъ борозду черезъ весь Свѣтъ, отъ восхода и до захода солнца. Достигнувъ моря, Змія, распаленный работой, началъ усиленно пить воду, опившись которой, околѣлъ. Тогда изъ головы Змія выплозло множество гада, который и расплодился по всему Свѣту.

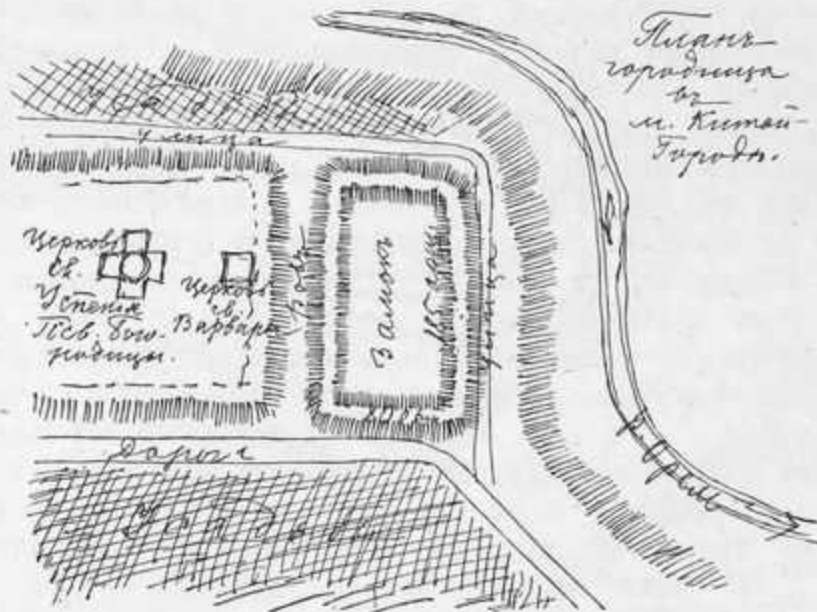
этих валовъ, близъ сельскихъ построекъ, замѣтны линіи двухъ четырехугольныхъ небольшихъ окоповъ, расположенныхъ перпендикулярно предыдущимъ; въ длину они простираются на протяженіе около 80 аршинъ, а въ ширину—около 30—35 аршинъ; валъ и ровъ при нихъ сильно осунулись. Впрочемъ, оставшіяся насыпи составляютъ только часть укрѣпленій, которыя, въ значительной степени, скрыты подъ хозяйственныя постройки жителей, раздвигающихъ свои грунты все дальше и дальше. Слѣды бывшихъ окоповъ замѣтны еще и теперь отъ мѣста соединенія двухъ четырехугольниковъ валовъ къ дорогѣ: здѣсь есть еще двѣ продолговатыя насыпи, расположенныя въ направленіи съ запада на востокъ, къ дорогѣ, идущей къ спуску съ горы въ село.

№ 86.

Въ м. Ирклевѣ (Золотонош. у.) сохраняются до настоящаго времени остатки нѣкогда бывшихъ здѣсь укрѣпленій; послѣднія, судя по картамъ Боилана, представляютъ только нѣкоторую часть древнихъ окоповъ. Наиболее уцѣлѣли древнія укрѣпленія въ срединѣ мѣстечка, въ той части его, которая представляетъ собой мысообразные выступы въ долину, образовавшуюся отъ русла рѣчки, протекающей съ сѣвера на югъ, и отъ нѣсколькихъ овраговъ, впадающихъ въ рѣчную долину съ разныхъ сторонъ. Такъ, посреди мѣстечка къ западу отъ пруда, нависая надъ послѣднимъ, расположена мысообразная гора съ хорошо сохранившимися на ней слѣдами валовъ и рововъ по контурамъ возвышенностей. Это — древняя крѣпость м. Ирклеева (№ 86). Занимая собой мысообразно выступающую между двумя оврагами въ долину рѣчки возвышенность, укрѣпленія Ирклеева представляютъ собой характерныя черты древнихъ укрѣпленій. Круто нависая надъ долиной съ трехъ сторонъ, мысообразная крѣпость Ирклеева только съ четвертой стороны, именно южной, примыкала къ плато и отдѣлялась отъ него системой разнаго рода загражденій.

Такимъ образомъ, городище съ трехъ сторонъ почти недоступно. Отвѣсъ краевъ горы настолько крутъ, что даже въ настоящее время, не смотря на то, что склоны значительно осунулись, взобраться наверхъ крайне трудно; и только по небольшимъ тропинкамъ, проложеннымъ мѣстными жителями, можно вскарабкаться на верхнюю площадь городища. Весь контуръ послѣдняго, по краямъ обрыва, обнесенъ двумя вѣнцами валовъ со рвомъ между ними, какъ это обыкновенно замѣчается и въ другихъ городищахъ подобнаго типа. Верхній валъ значительно больше, выше и лучше сохранился, чѣмъ нижній; онъ весь насыпной, представляющей въ разрѣзѣ щебень, кости, угли, золу, черепья разнаго рода и проч. Мѣстами высота вала доходитъ до $1\frac{1}{2}$ саж., въ другихъ же частяхъ она меньше; мѣстные жители успѣли уже утилизировать валъ для своихъ нуждъ, разрывая его и планируя на немъ свои постройки. Валъ хорошо сохранился въ сѣверной части городища, въ мѣстности, начиная отъ церкви, стоящей близъ сада г. Требинскаго,

№ 87.

пролегая по краямъ обрыва, вплоть до пункта, гдѣ дорога, идущая снизу, отъ плотины, достигаетъ верха горы; здѣсь валъ уже исчезъ, конечно, вслѣдствіе раскапыванья его жителями; и только въ нѣкоторыхъ еще мѣстахъ слѣды его едва замѣтны. Несомнѣнно, однако, что онъ тянулся и дальше, пролегая по контуру ложбины, обрисовывающейся съ западной стороны городища. Такимъ образомъ, принимая во вниманіе аналогичныя укрѣпленія въ другихъ мѣстахъ южной Руси, можно полагать, что Ирклевское городище охватывало пространство до того пункта, гдѣ теперь расположена площадь съ стоящей за ней каплицей, т.-е. тотчасъ за садомъ г. Требинскаго. Эту догадку мы высказываемъ на томъ основаніи, что къ указанному пункту подходитъ, съ запада, вершина оврага, опоясывающаго съ означенной стороны городище, а въ древнее время обыкновенно старались использовать всѣ прилегающія высоты, оставляя со стороны равнины возможно меньшее пространство для сосредоточенія на немъ военной силы, необходимой для отраженія нападенія враговъ.

Кромѣ означенныхъ окоповъ, есть еще небольшой отрывокъ вала и рва при немъ на томъ небольшомъ выступѣ, нынѣ совершенно оторванномъ отъ мысообразной части городища, который отходитъ съ западной стороны послѣдняго и также

вдается въ долину, по которой идетъ дорога. На самомъ краю этого мыса и находятся означенные валъ и ровъ; атмосферными водами они сильно подтачиваются и въ недалекомъ будущемъ совершенно исчезнутъ съ лица земли.

Быть можетъ, на площади означеннаго мѣстечка, кстати сказать — очень разбросаннаго, существуютъ гдѣ-либо и еще какіе-либо древніе окопы или валы, но мы, за краткостью времени, удѣленнаго для поѣздки, не могли этого провѣрить. Разспросы же мѣстныхъ жителей не дали никакихъ результатовъ въ этомъ отношеніи.

Въ м. Китай-Городѣ, расположенномъ на р. Орели, сохранились остатки бывшихъ тамъ нѣкогда древнихъ укрѣпленій. Древнѣйшая часть мѣстечка находится близъ означенной рѣки; она представляетъ собой нѣсколько приподнятую надъ рѣчной долиной площадку небольшихъ размѣровъ, окруженную невысокимъ въ настоящее время валомъ, замѣтные остатки котораго сохранились еще близъ Варваринской церкви, къ югу отъ нея. Здѣсь сохранился небольшой городокъ, обнесенный валами и носящій названіе «замка» (№ 87).

По своей формѣ Китайгородскій замокъ представляетъ собой четырехугольникъ, длинная сторона котораго, протянувшаяся съ востока на западъ, имѣетъ около 186 арш., а меньшая — около 80 аршинъ. Отъ церковнаго грунта, на которомъ помѣщаются церкви св. Варвары и Успенская, «замокъ» отдѣленъ глубокимъ (сажени $1\frac{1}{2}$ —2) ровомъ, имѣющимъ и такихъ же размѣровъ ширину. Несомнѣнно, «замочекъ» составлялъ только часть китай-городскихъ укрѣпленій, которыя охватывали значительно большее пространство земли и, конечно, включали въ свои предѣлы и нынѣшнюю Варваринскую церковь съ ея грунтомъ и часть села, въ предѣлахъ до погоста слѣдующей церкви, расположенной, быть можетъ, уже внѣ крѣпостныхъ сооружений, какъ это замѣчается въ другихъ мѣстахъ древнихъ поселеній Малороссіи.

Мѣстные старожилы передавали, что, по рассказамъ старыхъ дѣдовъ, когда непріятель напалъ на Китай-Городъ, то изъ замка давали объ этомъ знать вѣхой, и тогда надо было снѣшить, какъ можно скорѣе, укрыться подъ защиту окоповъ городка. А, между тѣмъ, защитники послѣдняго нагрѣвали въ деревянныхъ колодахъ или обрубкахъ (sic!), имѣвшихъ видъ толстыхъ пней или же ульевъ, воду, и если непріятелей, лѣзшихъ на стѣны, было много, катили и колуду, и вмѣстѣ съ ней кипятокъ, на головы нападавшихъ; если же нападавшихъ было немного, то набирали кипятку въ кружки и изъ нихъ плескали въ глаза нападавшимъ.

Кромѣ китай-городскихъ укрѣпленій и маяковъ на нихъ, были маяки и на близлежащей горѣ «Калитва». Здѣсь тогда, давно, стояли трояны (деревянное сооруженіе въ видѣ треножника изъ шестовъ), на которыхъ помѣщались вѣха и флагъ — для извѣщенія жителей объ угрожающемъ набѣгѣ непріятелей. Съ вершины означеннаго холма открывается широкій горизонтъ въ разныя стороны: на югъ видны поселенія верстъ на 30; на такое же и даже большее разстояніе видно по равнинѣ къ сѣверу и западу, благодаря тому, что правый берегъ рѣки Ворсклы значительно возвышается надъ разстилающейся, начиная отъ лѣваго берега, равниной. Такое благоприятное для наблюденій надъ окружающей мѣстностью условіе «Калитвы» было утилизировано мѣстными жителями, которые держали на вершинѣ означенной горы, на курганѣ, сторожевые маяки, предупреждавшіе объ опасности.

Слѣдующее поселеніе, тѣсно связанное и своимъ положеніемъ, и близостью къ означенной горѣ «Калитвѣ», является Царичанка, — ровесникъ, по времени возникновенія, Китай-Городу.

М. Царичанка расположено на томъ выдающемся и составляющемъ собой отрогъ г. «Калитвы» мысу, который вдается въ долину р. Орели и нѣсколько отклоняетъ ея теченіе въ сторону. Вотъ на томъ крайнемъ концѣ означеннаго мыса и расположено было древнее городище м. Царичанки. Оно носило названіе «замка» и представляло собой небольшой по величинѣ, мысообразный, нѣсколько возвышенный надъ уровнемъ орельской долины выступъ, длиной около 400 шаговъ или аршинъ и шириной около 180—200 аршинъ. Съ сѣверной стороны онъ круто обрывается къ рѣкѣ, которая дѣлаетъ здѣсь большой изгибъ и направляется затѣмъ къ низменной части мѣстечка. Такъ какъ рѣка огибаетъ этотъ мысъ также и съ востока, то валы городища нависали и съ этой стороны надъ рѣчной долиной, гдѣ рѣка протекаетъ всего въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ сажень отъ обрыва; съ юга замокъ отдѣляется провалемъ или спускомъ въ долину, и только съ запада онъ примыкалъ къ плато мѣстечка. На этомъ пространствѣ, гдѣ еще недавно были видны валы, слѣды послѣднихъ едва сохранились въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ: ихъ разровняли мѣстные жители для своихъ хозяйственныхъ надобностей. Только уцѣлѣвшія кое-гдѣ каплицы отъ некогда бывшихъ здѣсь церквей да прочно установившіяся среди мѣстныхъ жителей преданія объ особенностяхъ указаннаго мѣста, помогаютъ разобраться нѣсколько въ историческомъ значеніи означеннаго пункта мѣстечка. Здѣсь же, не-подалеку, находится и старинная церковь св. Успенія, оригинальной архитектуры.

М. Царичанка, какъ и Китай-Городъ, входятъ въ цѣпь того длиннаго вала, который, начинаясь гдѣ-то въ углу, между нижнимъ теченіемъ р. Орели и р. Днѣпромъ, идетъ на многіе десятки верстъ по правому берегу р. Орели, придерживаясь обыкновенно контура его понадбережныхъ возвышенностей.

Намъ остается еще сообщить, въ краткихъ словахъ, тѣ данныя, которыя относятся къ такъ называемымъ длиннымъ или же «змѣвымъ» валамъ. Мы наблюдали послѣдніе, во время своей экскурсіи, въ разныхъ мѣстахъ: близъ Переяславля, Лукомья и Иржавца, неподалеку отъ Днѣпра, по теченію р. Орели и проч.

Наиболѣе уцѣлѣли и, сравнительно, хорошо сохранились валы близъ Переяславля, отстоящіе отъ послѣдняго верстъ на 10—15 къ востоку. Здѣсь они образуютъ двѣ дуги, которыя, обогнувъ мѣстность въ направленіи съ юга на сѣверъ, поворачиваютъ затѣмъ нѣсколько къ сѣверо-западу и неподалеку отъ с. Строковой сливаются другъ съ другомъ и отсюда идутъ уже въ видѣ одного вала къ западу, къ долинѣ р. Трубежа, у которой и оканчивается.

Первая дуга вала (№ 88) abc начинается у днѣпровской долины, близъ с. Вьюнице. Отсюда валъ поворачиваетъ къ сѣверо-востоку, пересѣкаетъ с. Малую-Каратувль и идетъ въ томъ же направленіи къ с. Строковой, не доходя котораго валъ пересѣкаетъ русло рѣчки Гадки. Въ с. Строковой валъ проходитъ черезъ юго-западный уголъ села и затѣмъ идетъ уже въ западномъ направленіи, придерживаясь контура возвышенной площади, протянувшейся надъ болотистымъ понизьемъ, идущимъ отъ с. Строковой къ западу, къ долинѣ р. Трубежа. На этомъ пути, неподалеку отъ долины р. Трубежа, валъ пересѣкается почтовой дорогой, идущей изъ Яготина на Переяславль. Въ послѣднемъ своемъ отдѣлѣ валъ проходитъ по песчаной мѣстности, несомнѣнно, раньше занятой лѣсомъ, остатки котораго еще уцѣлѣли вокругъ вала въ томъ отдѣлѣ, который идетъ къ западу отъ Яготинско-Переяславльскаго почтоваго тракта. Длина дуги этого вала достигаетъ до 24 или же 25 верстъ.

Второй валъ ABC отстоитъ отъ перваго верстъ на 14 или 15 къ востоку. Онъ начинается неподалеку отъ м. Хоцки, верстахъ въ 4—5 отъ него, къ сѣверо-западу, у днѣпровской долины. Отсюда валъ направляется на сѣверо-во-

стокъ, пересѣкаетъ сс. Чеботьки и Натягайловку и, въ разстояніи 3—4 вер. къ сѣверо-востоку отъ послѣдней, переходитъ на возвышенное плато близъ дороги, идущей изъ Ташани на Переяславль, и отсюда, придерживаясь того же нагорнаго плато, направляется къ с. Помоклямъ, которое опоясываетъ съ сѣверо-востока и отходитъ затѣмъ отсюда въ западномъ направленіи къ с. Строковой, въ которомъ и сливается съ линіей перваго вала abc. На этомъ протяженіи валъ сохранился мѣстами очень хорошо, мѣстами же онъ совершенно распаханъ. Длина вала ABC, приблизительно, простирается до 30 верствъ.

Намъ пришлось обозрѣть части этихъ валовъ во время изслѣдованій окрестностей сс. Яненковыхъ-Пологовъ, Вергуновъ, Каратулей и проч.

№ 88.

Подъѣзжая къ с. Малая-Каратуль съ юго-востока, можно видѣть валъ, протянувшійся въ направленіи къ сѣверо-востоку. На внѣшней, т.-е. восточной сторонѣ вала, непосредственно у подошвы его, протянулся ровъ, наполовину заплывшій отъ времени. И ровъ, и валъ значительно потерпѣли отъ времени въ своихъ размѣрахъ. Въ настоящее время валъ имѣетъ въ высоту сажени полторы—двѣ, мѣстами—меньше; мощность его, т.-е. толщина, сажени 3 или 4, не больше; глубина рва различна: отъ одной сажени до двухъ аршинъ; мѣстами ровъ глубже.

Относительно этого вала сохранилось среди мѣстныхъ жителей много преданій. Вотъ какъ рассказывали они мнѣ объ этомъ. Когда то давно, въ окрестныхъ мѣстахъ появился Змій, который сильно обижалъ людей. Тогда народъ сталъ размышлять, какъ бы имъ освободиться отъ этого чудовища; стали искать такого человѣка, который бы могъ побѣдить Змія. Собрали, по обычаю, совѣтъ или «раду». На этомъ совѣтѣ свѣдущіе люди объяснили, что побѣдить Змія можетъ только тотъ человѣкъ, у котораго будетъ замѣчено, что дымъ изъ трубы его хаты всегда будетъ идти вверхъ, не смотря ни на какую погоду: вѣтеръ, слякоть и проч.

Стали наблюдать за этой примѣтой, и оказалось, что таковая имѣется постоянно надъ хатой одного мужика, по имени Никита. Тогда жители пришли къ послѣднему и стали просить его избавить народъ отъ Змія. Не смотря, однако, на усиленные просьбы, Никита упорно отказывался и не хотѣлъ вступать въ борьбу со Зміемъ. Тогда рѣшили подѣйствовать на Никиту другимъ средствомъ и послали дѣтей просить не отказать въ помощи. Дѣти явились къ Никитѣ въ большомъ количествѣ, пали передъ нимъ на колѣни и такъ жалобно стали просить богатыря сжалиться надъ ними, что Никита не выдержалъ и далъ согласіе идти противъ Змія. Но это вынужденное согласіе такъ разсердило Никиту, что онъ въ сердцахъ разодралъ пополамъ двѣнадцать сыромятныхъ воловьихъ кожъ, которыя онъ въ то время чинилъ, такъ какъ былъ кожевникомъ. Затѣмъ Никита вступилъ въ бой со Зміемъ, побѣдилъ его, запрягъ въ большой плугъ и прооралъ имъ огромную борозду до самаго Днѣпра, гдѣ Змій, уставшій отъ тяжелой работы, опился воды и околѣлъ. Есть и другіе варианты этого преданія, гдѣ Змій побѣждаютъ свв. Кузьма и Демьянъ, сумѣвшіе заманить Змія къ кузницѣ, поймать его за языкъ при помощи раскаленныхъ въ огнѣ кузнечныхъ клещей и затѣмъ, запрягши означеннаго Змія въ огромный плугъ, проорать имъ землю и насыпать на ней тотъ валъ, который носитъ названіе «зміеваго».

Таковы народныя преданія о переяславскихъ валахъ. Несомнѣнно, они ведутъ свое начало со временъ глубокой древности.

Переѣхавъ плотину и мостъ въ концѣ с. Малая-Каратуль, можно видѣть слѣва, въ полѣ, линію огромнаго вала, отчетливо вырисовывающагося своимъ возвышеннымъ гребнемъ въ направленіи къ юго-западу. Часть этого вала мы наблюдали во время переѣзда изъ Переяславля въ Глемязовъ по Золотоношскому тракту. Такъ, въ разстояніи 6—7 верстъ отъ Переяславля къ юго-востоку Золотоношскій трактъ пересѣкаетъ длинный, такъ называемый «зміевый» валъ. Онъ сохранился еще довольно хорошо и имѣетъ въ высоту сажени $1\frac{1}{2}$ или 2. На внѣшней сторонѣ вала находится ровъ, также сохранившійся сравнительно довольно сносно. Въ разстояніи около 100 или 150 саж., влѣво отъ прохода черезъ валъ или его воротъ, т.-е. къ востоку, близъ самаго вала, находится курганъ, полверсты за которымъ, также въ направленіи къ востоку,—второй курганъ, далѣе за нимъ—третій. Очевидно, это была какая-то сторожевая линія кургановъ.

Среди народа сохраняется еще и до сихъ поръ множество разказовъ какъ о возникновеніи этого вала, такъ и о размѣрахъ его и протяженіи. Мѣстные крестьяне передавали, что вышеописанный «зміевый» валъ идетъ отъ с. Строковой черезъ с. Каратуль до Вьюницъ, расположенныхъ къ юго-западу отъ г. Переяславля, а оттуда—къ р. Днѣпру. Расказывали при этомъ, что продолженіе вала есть и по ту, т.-е. правую сторону р. Днѣпра, гдѣ валъ особенно замѣтенъ близъ м. Бѣлой-Церкви. Начало вала, по тѣмъ же разказамъ, теряется гдѣ-то вдаль, къ востоку, за Пирятинскимъ уѣздомъ (sic); отсюда валъ идетъ на Яготинъ, далѣе къ Каратулямъ, а отъ послѣднихъ—къ Днѣпру. Валъ, по мнѣнію крестьянъ, устроенъ какъ граница и защита отъ нападений враговъ.

Среди крестьянъ сохраняются еще разказы о томъ, что означенный валъ и ровъ при немъ сдѣланы чудовищнымъ зміемъ, т.-е. дракономъ, запряженнымъ въ плугъ свв. Кузьмой и Демьяномъ, или же Никитой-Кожемякой. Такъ, крестьяне с. Яненковы-Пологи передавали, что этотъ валъ сдѣланъ зміемъ, котораго побѣдилъ богатырь Никита-Кожемяка.

Остатки длинныхъ валовъ сохранились и въ другихъ мѣстахъ днѣпровскаго лѣвобережья. Такъ, по словамъ жителей м. Ходекъ (Пер. у.), въ лѣсу, по дорогѣ изъ с. Пищики на Бѣликъ, сохраняется еще и до сихъ поръ валъ, протянувшійся

въ длину версты на 3 или на 4. Въ народѣ онъ слыветъ подь названіемъ «Зміевого». Къ сожалѣнію, намъ не удалось лично осмотрѣть и изслѣдовать его.

Интересны также остатки длиннаго вала, сохранившагося въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще довольно отчетливо, близъ с. Нижній-Иржавецъ, въ 3-хъ верстахъ къ западу отъ м. Лукомья (Луб. у.). Здѣсь, неподалеку отъ усадьбы г. Рыбки, начиная отъ берега нѣкогда протекавшей здѣсь рѣчки, теперь превратившейся въ небольшой прудъ, въ направленіи съ востока на западъ, тянется черезъ долину земляной валъ со ровомъ на вѣшней, т.-е. къ рѣкѣ, сторонѣ. Довольно значительный по величинѣ близъ усадьбы г. Рыбки, валъ этотъ, по мѣрѣ удаленія къ востоку, становится все меньше и меньше вслѣдствіе того, что ежегодно подвергается распахкѣ. Впрочемъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ этотъ валъ служитъ границей грунтовъ, съ тыльной ихъ части (№ 89), тамъ валъ и ровъ сохранились еще довольно сносно. Валъ этотъ можетъ быть прослѣженъ до самаго рва для спуска воды, идущей здѣсь въ небольшой балочкѣ. За ровомъ валъ опять становится довольно замѣтнымъ, хотя онъ усиленно распахивается въ настоящее

№ 89.

время подь посѣвы хлѣба. Въ толщѣ этого вала, при распахкѣ, въ томъ мѣстѣ, которое находится ближе къ горѣ, идущей къ Лукомью, были находимы во множествѣ остатки битой посуды древняго типа, въ родѣ тѣхъ, которые были находимы на городищѣ близъ с. Мацковецъ. Куски древнихъ, довольно толстыхъ, грубой выдѣлки и плохого обжига черепковъ попадались и дальше по валу, особенно близъ середины его.

Мѣстные жители крестьяне, старики, помнившіе еще крѣпостное право, передавали мнѣ, что прежде, до уничтоженія крѣпостного права и до расширенія черты поселеній означеннаго хутора, валъ и ровъ при немъ сохранялись очень хорошо: ихъ не трогали вовсе, такъ какъ ярковъ и балокъ тогда не распахивали, какъ теперь. Этотъ валъ, по словамъ стариковъ, издревле назывался «зміевымъ», такъ какъ Зміемъ былъ насыпанъ. По преданію, Змій хотѣлъ пожрать двухъ братьевъ—Кузьму и Демьяна. Послѣдніе изловчились поймать Змія; они запрягли его въ плугъ и провели по землѣ борозду, въ видѣ вала и рва при немъ. Змій, достигши воды, опился ею и околѣлъ; изъ этого Змія вышло множество разнаго гада, который расползся по всему свѣту.

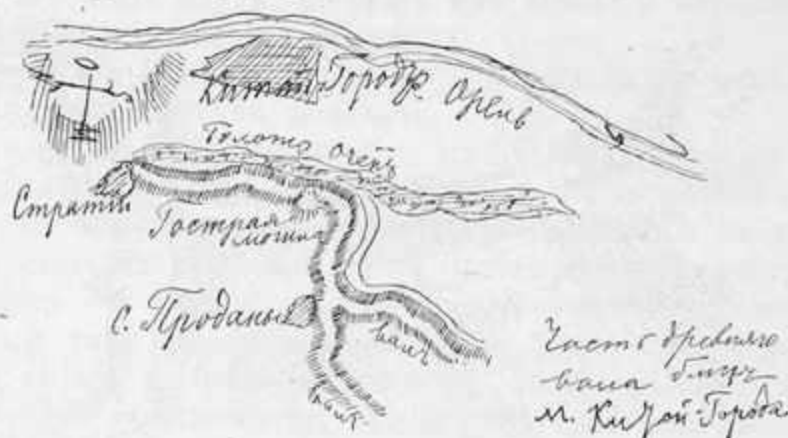
По словамъ того же старика, тотъ ровъ и валъ при немъ, который находится на краю горы къ Сулѣ и тянется въ направленіи къ Селецкой, Плехову,

ЦИТАТА
НАСЛЕДИЯ

Чутовкѣ и проч., имѣеть одинаковое происхожденіе съ вышеописаннымъ валомъ; онъ также носитъ названіе «змѣеваго».

Кромѣ вышеописанныхъ валовъ, мнѣ пришлось наблюдать линію длиннаго, такъ называемаго «змѣеваго» вала, по теченію р. Орели. Это наиболѣе интересная линія валовъ означеннаго разряда. Она прекрасно сохранилась на довольно значительномъ протяженіи. Начавшись неподалеку отъ берега р. Днѣпра, близъ м. Орликъ, длинный валъ протянулся изломанной линіей къ сѣверу, въ направленіи къ сс. Ревущинѣ, Барановичамъ, Китай-Городу и проч. (№ 90). Онъ извѣстенъ здѣсь подъ именемъ «линіи». Рядомъ съ валомъ, на внѣшней его сторонѣ, тянется большая низина, играющая роль рва: этотъ естественный водоемъ, нѣчто въ родѣ балки, утилизованъ, какъ видно, для защиты территоріи, такъ какъ рядомъ съ низиной, придерживаясь ея контуровъ, расположенъ и длинный валъ; на протяженіи этого вала попадаются курганы и майданы, которые частью входятъ въ цѣпь самаго вала, частью расположены неподалеку отъ него.

Достигши р. Орели, означенный валъ избираетъ правую, возвышенную сторону этой рѣки, которой и придерживается затѣмъ на всемъ своемъ дальнѣйшемъ

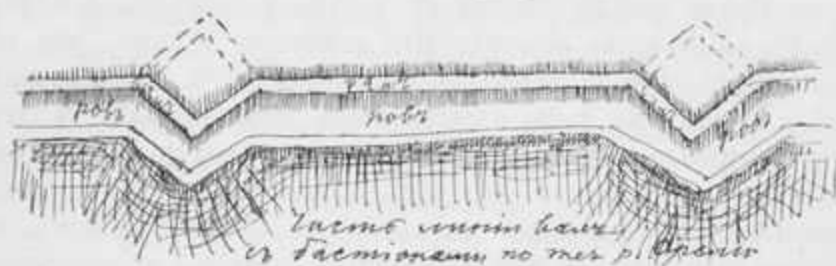

№ 90.

протяженіи. Представляя въ началѣ, какъ это можно видѣть на рисункѣ, обыкновенный типъ такъ называемаго «змѣеваго» вала, со всѣми его характерными чертами, орельскій длинный валъ, достигши теченія вышеназванной рѣки, нѣсколько измѣняетъ свой видъ и свой характеръ. Это уже не тотъ валъ, что мы видѣли раньше, а нѣсколько иной: вмѣсто обычныхъ неправильностей — уклоновъ, загибовъ, поворотовъ и проч., сообразно контуру тянущагося надъ долиной правобережнаго нагорья, мы видимъ валъ, имѣющій тенденцію сохранять болѣе или менѣе строго правильную прямолинейность на значительныхъ частяхъ своего протяженія; здѣсь, такимъ образомъ, замѣчается правильность линій, большая сохранность насыпного вала, большая правильность и систематичность конструкціи послѣдняго и сопровождающаго его рва. Если присмотрѣться къ этому валу, то нетрудно замѣтить, что онъ представляетъ собой какъ бы цѣпь идущихъ одинъ за другимъ прямолинейныхъ отрѣзковъ вала, по краямъ котораго, на извѣстномъ, по большей части, правильно размѣренномъ разстояніи, устроены четырехугольные или треугольные бастіоны, острымъ краемъ выходящіе въ пространство тянущагося впереди вала рва и соответственнымъ образомъ измѣняющіе форму этого послѣдняго (№ 91).

Это — уже правильная конструкція валовъ и рововъ при нихъ, примѣнявшаяся, очевидно, въ болѣе позднее время, въ періодъ примѣненія въ военномъ дѣлѣ огнестрѣльнаго оружія. Такое предположеніе подтверждается еще и тѣмъ, что въ

нѣкоторыхъ мѣстахъ, близъ линіи означеннаго вала, сохраняются еще и до сего времени пустыя крѣпостцы, устроенныя по всѣмъ правиламъ военнаго искусства недавняго времени. Такимъ образомъ, наблюденіе надъ конструкціей вала и рва по теченію р. Орели, на ея правомъ берегу, приводитъ насъ къ заключенію, что означенныя укрѣпленія относятся къ неособенно давнему времени. Историческія свидѣтельства, съ своей стороны, также подтверждаютъ это положеніе. Такъ, извѣстно, что съ 17 вѣка по теченію р. Орели и Самары русское правительство воздвигало рядъ укрѣпленій, со рвами и валами при нихъ, для удержанія кочевниковъ отъ нападений на русскіе предѣлы. Такимъ образомъ, значительная часть теченія р. Орели была покрыта, по берегамъ, укрѣпленіями болѣе поздняго времени. Однако, внимательно присматриваясь ко всѣмъ деталямъ этого орельскаго вала, или, какъ его зовутъ въ народѣ, — «линіи», нетрудно замѣтить въ немъ особенности, которыя выступаютъ наружу вполне ясно. Такъ, слѣдя за направлениемъ означеннаго вала по теченію Орели къ сѣверу отъ м. Царичанки, мы убѣдились, что здѣсь существовало *два вала*, изъ которыхъ одинъ *древній*, а другой — *позднѣйшаго* происхожденія, иначе говоря — *новый*. Первый неуклонно придерживается края высотъ надъ-орельскаго праваго берега, при чемъ этотъ валъ пролегаетъ не

№ 91.

только по горѣ, но и по склонамъ горъ и даже по долинамъ, если онѣ пересѣкаютъ нагорныя высоты берега. Между тѣмъ, второй валъ проходитъ исключительно по нагорной части берега, придерживаясь главнымъ образомъ командующихъ надъ окружающей окрестностью высотъ; при чемъ, если на пути такого вала встрѣчается поперекъ его протяженія какая-либо долина или же уклонъ берега, болѣе или менѣе пониженные, то валъ оставляетъ свое прежнее направленіе и отходитъ къ тѣмъ мѣстамъ, которыя обладаютъ необходимыми для его цѣли условіями. Вслѣдствіе этого, въ нѣкоторыхъ пунктахъ праваго берега р. Орели существуютъ двѣ линіи валовъ, изъ которыхъ одна придерживается исключительно краевъ или контуровъ рѣчного берега, а другая — командующихъ надъ окрестностью высотъ. Такъ, въ разстояніи 8—10 верстъ къ сѣверу отъ м. Царичанки, близъ х. Байдаковки, и особенно близъ с. Канавы, находятся двѣ линіи валовъ, изъ которыхъ одна относится къ древней порѣ, а другая — къ болѣе близкимъ къ намъ временамъ. Первая расположена по краю горы, ближе къ рѣкѣ, а вторая — выше, по гребню горы, занимая командующія высоты.

Что касается первой линіи, то она и по своей конструкціи, и по характеру своего расположенія, очень сходна съ линіей такъ называемаго «зміевого» вала по теченію рр. Сулы и Ворсклы. Сходство очень велико, и наблюдается та лишь разница, что на Сулѣ во многихъ мѣстахъ сохранились еще довольно хорошо такъ называемыя крупныя майдановидныя городища, входящія въ линію вала и играющія роль своего рода бастіоновъ. Между тѣмъ, вторая линія представляетъ всѣ типичныя черты военныхъ сооружений болѣе новаго времени: тѣ же правильныя, на извѣстныя, опредѣленныя, приблизительно саженой на 80 или 100, пригоди-

нейные отрѣзки валовъ со рвами при нихъ, тѣ же чередующіеся черезъ определенное разстояніе четырехугольные и треугольные бастіоны, та же, относительно, хорошая сохранность валовъ и рововъ и проч.

На существованіе двухъ валовъ, идущихъ въ одной и той же мѣстности, обратили вниманіе и въ народѣ. Такъ, мѣстные жители, отмѣчая существованіе двухъ линій валовъ, передавали преданіе, что виновникъ построенія другой линіи, вмѣсто прежней, старой, былъ преданъ смертной казни.

Прослѣдивъ за направленіемъ означенныхъ валовъ, мы вскорѣ убѣдились, что старый или древній валъ сохранился въ болѣе или менѣе нетронутомъ видѣ только въ такихъ выступахъ въ сторону, въ остальныхъ же мѣстахъ онъ покрытъ линіей болѣе новаго вала, который былъ устроенъ изъ стараго вала, утилизовавъ его ровъ и насыпи для своихъ цѣлей. Что это было такъ, нетрудно убѣдиться изъ детальнаго разсмотрѣнія означеннаго вала. Оказывается, что старая линія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, несмотря на крупную перестройку ея насыпи, еще сохраняетъ кое-какіе слѣды своей древней жизни, которые прорываются наружу и могутъ служить подтвержденіемъ высказаннаго нами положенія о покрытіи одной линіи вала насыпью другой, болѣе новой. Выше было нами указано, что линія древняго вала по Орели весьма сходна съ посульской и поворсклянскою линіями такъ называемыхъ «змѣвыхъ» валовъ. Мы отмѣтили только, что на этой орельской древней линіи вала мало замѣтны тѣ особенности, какія сохранились на Посульи, т.-е. здѣсь незамѣтно такъ называемыхъ майдановидныхъ городищъ, входящихъ въ цѣпь длинныхъ валовъ и являющихся своего рода древними бастіонами, игравшими въ свое время такую же роль, какъ и бастіоны новаго времени. Однако, внимательно всматриваясь въ линіи орельскихъ валовъ, мы убѣдились, что и такіе, столь характерные майдановидные бастіоны существовали въ древнее время въ линіи древняго вала. Конечно, незначительные выходы или отклоненія линіи древняго вала изъ-подъ линіи новой не давали возможности отмѣтить указанную особенность; но когда присмотрѣться къ линіи *новаго вала*, то не трудно убѣдиться, что такіе майдановидныя городища существовали въ цѣпи древнихъ валовъ, и что ихъ и въ настоящее время сохранилось достаточное количество близъ линіи означеннаго вала. Такъ, нѣкоторые изъ бастіоновъ новаго вала новой конструкціи построены, — благодаря совпаденію мѣсть, отводимыхъ подъ бастіоны, — изъ какихъ-то болѣе раннихъ земляныхъ сооружений, которыя были приспособлены и утилизированы для новыхъ нуждъ. Одинъ изъ такихъ бастіоновъ, близъ Залинѣвскихъ хуторовъ, несмотря на перестройку, сохранилъ въ себѣ настолько типичныя черты майдана, что это невольно бросается въ глаза даже неопытному наблюдателю. Очевидно, во время сооруженія новыхъ укрѣпленій, военные инженеры болѣе поздняго времени воспользовались сооружениями древней эпохи.

Кромѣ того, рядомъ съ означеннымъ майдановиднымъ бастіономъ, какъ это нами было показано раньше (см. майданы), существуетъ другой майданъ, прекрасно сохранившійся со всеми своими характерными особенностями. Затѣмъ, подтвержденіемъ высказываемаго нами положенія можетъ служить также характерная особенность начальной части этого вала, въ отдѣлѣ отъ Днѣпра до м. Китай-Города. Здѣсь валъ, какъ извѣстно, имѣетъ болѣе древній, примитивный характеръ, какъ по своей конструкціи, такъ и по своему мѣстоположенію. Далѣе, еще большимъ подтвержденіемъ существованія въ означенныхъ мѣстахъ линіи древняго вала служитъ обиліе майдановъ, разбросанныхъ въ недалекомъ разстояніи и часто въ непрерывной связи съ линіей древняго вала. Такимъ образомъ, отмѣченная нами, при изслѣдованіи другихъ мѣсть днѣпровскаго лѣвобережья, тѣсная связь между длинными валами и майданами подтверждается и въ области р. Орели.

Наконецъ, и мѣстныя преданія объ этихъ валахъ, собранныя нами во время изслѣдованія области р. Орели, также имѣютъ общія черты съ преданіями о другихъ валахъ Полтавской губ., т.-е., что валы эти устроены свв. Кузьмой и Демьяномъ при помощи чудовищной величины дракона, Змія, запряженнаго въ плугъ. Такимъ образомъ можно полагать, что возникновеніе этой защищенной длиннымъ валомъ корельской линіи относится ко временамъ глубокой древности, къ той порѣ, когда на днѣпровскомъ лѣвобережьи шла дифференцировка между осѣдлымъ міромъ и міромъ кочевымъ. Извѣстно, что каждая изъ крупныхъ рѣкъ Полтавской губ., текущихъ съ сѣверо-востока на юго-западъ, съ незапамятныхъ временъ служила защитительной линіей для осѣдавшаго по ея берегамъ населенія, которое пользовалось для этого естественными условіями такихъ рѣкъ: ихъ водами, болотами, лѣсами, растущими обыкновенно въ рѣчныхъ долинахъ, крутыми, обрывистыми берегами и проч. Осѣдавшее вблизи этихъ рѣкъ населеніе, для большаго обезпеченія своей жизни со стороны степи, воздвигало еще искусственныя загражденія, въ видѣ огромныхъ, идущихъ на цѣлыя сотни верстъ валовъ, которые помѣщались обыкновенно на краю крутыхъ береговъ рѣки, образуя, такимъ образомъ, прочную защитную линію. Таковы линіи огромныхъ, длинныхъ, такъ называемыхъ «змиевыхъ» валовъ по теченію рѣкъ: Сулы, Псла, Ворсклы и проч.

Конечно, своеобразныя условія мѣстности и теченіе каждой изъ упомянутыхъ рѣкъ были причиной того, что осѣдавшее вблизи нихъ населеніе нѣсколько разнообразно примѣняло искусственную защиту, воздвигая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣлую систему длинныхъ валовъ, опоясывавшихъ почему-либо важную для населенія мѣстность цѣлой системой, нѣсколькими ярусами такихъ валовъ. Такъ, на верхнемъ теченіи р. Сулы, нѣсколько выше впаденія въ послѣднюю р. Ромна, близъ с. В. Будки, находится обширное пространство гористой, густо заросшей лѣсами площади, опоясанной со всѣхъ сторонъ огромнымъ валомъ и заключающимъ въ себѣ нѣсколько огромныхъ городищъ и могильниковъ. Такая же обширная площадь съ длиннымъ валомъ вокругъ находится и на р. Ворсклѣ, въ ея лѣсистомъ отдѣлѣ, близъ сс. Куземина, Бѣльска и Глинска, гдѣ мѣстность представляетъ обширный многоугольникъ, верстъ на 30 въ окружности, сплошь обнесенный огромнымъ валомъ и заключающій въ себѣ два выдающихся по величинѣ своихъ насыпей городища съ обширными могильниками вблизи. Эти огромныя сооруженія, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ, насколько интересны и важны были для населенія заключенныя между ихъ оконами мѣста и какъ заботливо и усиленно пыталось мѣстное населеніе оградить ихъ путь валомъ; они указываютъ также, что опасность со стороны степи была велика, что она была постоянной, если для отвращенія или же предохраненія отъ нея потребовалось воздвигнуть такія солидныя и сложныя сооруженія. Но если населеніе выказывало такія энергичныя заботы объ огражденіи интересной для него мѣстности возможно лучше, возможно надежнѣе, то, конечно, послѣдовательно выполняя свой планъ, оно должно было для защиты ближайшихъ участковъ интересующей ихъ мѣстности воздвигнуть линію укрѣпленій и впереди нея, въ степи, пользуясь подходящими для того условіями. Понятно, что р. Орель обладая всѣми необходимыми для того деревьями, была использована населеніемъ въ указанномъ отношеніи. Оттого по теченію р. Орели, на протяженіи почти всей ея длины, мы видимъ огромную линію вала, идущаго по нагорному краю ея берега.

Вообще р. Орель играла важную роль въ древнее время. Выдвинутая далеко въ степь и близко подходя къ области С.-Донца, р. Орель представляла собой длинную линію, замыкающую и отмежевывающую днѣпровское лѣвобережье отъ степи. Это былъ порогъ степи, рубежъ болѣе или менѣе культурной жизни, край-

няя граница между осѣдлымъ и кочевымъ мірами. Представляя вокругъ себя мѣстность со всѣми типичными чертами степной территоріи, р. Орель была интересна для тѣхъ племенъ, которыя въ силу тѣхъ или иныхъ условій уходили изъ степей и были на пути къ измѣненію кочевой жизни къ болѣе или менѣе осѣдлой. Сюда-то и уходили такія племена и здѣсь-то они и осѣдали, находя всѣ необходимыя для себя условія. Такимъ образомъ, мѣстность по теченію р. Орели являлась переходной территоріей, границей, гдѣ сталкивались два міра — осѣдлый и кочевой. Рѣзко разграничивая эти два міра, р. Орель своимъ огромнымъ валомъ какъ бы подчеркивала эту грань. Принимая подъ свою защиту мѣстное населеніе, эти длинные валы должны были глубоко отразиться въ народной памяти, и послѣдняя въ легендѣ о борьбѣ съ титанической силы Зміемъ прекрасно сохранила отголосокъ этой давней борьбы осѣдлаго міра съ кочевымъ. Интересно отмѣтить, что побѣда была одержана здѣсь при помощи орудій осѣдлости — героя и плуга и надъ той силой, стихіей которой была степь. Р. Орель интересна еще и въ томъ отношеніи, что, являясь первой рѣкой со стороны степи, принимавшей на себя удары кочевниковъ, она ярче другихъ должна была выражать эту борьбу и сохранять о ней воспоминанія. Это выразилось, повидимому, въ томъ, что народная память, прочно хранившая свои древнія преданія, памятуя о неумолкавшей борьбѣ близъ означенной рѣки съ кочевниками, перенесла названіе вала, ограничивающаго, какъ бы оторвавшаго осѣдность отъ степи на названіе рѣки по той, конечно, причинѣ, что роль этого вала была болѣе доминирующей, болѣе сильной, сравнительно съ качествами рѣки. А она-то и надѣлила рѣку своимъ именемъ. Слѣдовательно *выбранный* во время самой борьбы валъ далъ названіе расположенной вблизи него рѣкѣ *Орель*. А какая была эпоха, когда созидались эти огромные орельскій, посульскій и повореклянскіе валы, можетъ служить тотъ археологическій матеріалъ, который частью ужъ использованъ изслѣдователями, частью же таится въ тѣхъ загадочныхъ древнихъ насыпяхъ, обильно разсѣянныхъ по правому берегу р. Орели, близъ ея огромнаго, такъ называемаго «зміеваго» вала и заключающихъ въ себѣ остатки скиѣской культуры съ значительной примѣсью издѣлій греческаго міра въ эпоху его наибольшаго разцвѣта.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ВЪ УСТЬѢ ДОНА.

А. Миллера.

Въ литературѣ высказывались различныя предположенія о мѣстѣ древняго Танаиса. Вопросъ этотъ и до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ, не смотря на многочисленныя случайныя находки и систематическія изслѣдованія въ низовьяхъ Дона, гдѣ сохранились слѣды древнихъ поселеній.

Стемпковский, въ началѣ прошлаго столѣтія, сдѣлалъ обследованіе праваго рукава Дона—Мертваго Донца отъ Гниловской станицы до его впаденія въ море. Въ письмахъ къ Бларамбергу ¹⁾ онъ упоминаетъ городища близъ Гниловской станицы, Сухого Чалтура и селенія Недвиговскаго. На послѣднее онъ обращаетъ особенное вниманіе, благодаря его размѢрамъ и мѣстоположенію. Основываясь на указаніяхъ Кларка ²⁾, не нашедшаго на лѣвомъ рукавѣ Дона никакихъ остатковъ Танаиса, и не допуская, чтобы греки могли основать городъ на низкой дельтѣ, Стемпковский утверждаетъ, что Танаисъ былъ на правомъ рукавѣ и въ Недвиговскомъ городищѣ видитъ его остатки.

Мнѣніе это, впоследствии, было опровергнуто самими данными археологіи. Случайныя находки въ этомъ городищѣ и весь матеріалъ, добытый раскопками Леонтьева въ 1854 г. ³⁾ и Хицунова въ 1870 г. ⁴⁾, дали намъ культуру II—IV в. по Р. Х., которая не можетъ быть отнесена къ древнему Танаису.

Въ этой позднѣйшей греческой факторіи Леонтьевъ видитъ второй Танаисъ, возобновленный послѣ разрушенія Полемономъ и процвѣтавшій во II—IV вѣкѣ по Р. Х.

Въ дальнѣйшихъ поискахъ Леонтьевъ остановился на окрестностяхъ станицы Елисаветовской, на самой дельтѣ Дона, гдѣ имъ и были открыты: большое городище у самой станицы и вокругъ — обширный курганный могильникъ.

Раскопки Леонтьева въ этой мѣстности были не продолжительны и не богаты находками, но выяснилось тогда же, что культура Елисаветовскаго городища и кургановъ — гораздо древнѣе, чѣмъ въ Недвиговкѣ. Это было подтверждено и раскопками въ 1871 г.

Излагая результаты своихъ работъ, Леонтьевъ рассматриваетъ вопросъ о Та-

¹⁾ Письма Стемпковского къ Бларамбергу о мѣстонахожденіи древняго города Танаиса. „Вѣстникъ Европы“, 1824 г., №№ 4 и 23.

²⁾ Clarke. Voyages en Russie, en Tartarie etc.

³⁾ Леонтьевъ. Арх. розысканія на мѣстѣ древняго Танаиса и въ его окрестностяхъ. Прописки. 1854 г., кн. IV.

⁴⁾ Въ отчетахъ Импер. Археолог. Комиссіи за 1871—72 г.

наисѣ вмѣстѣ съ критическимъ обзоромъ древнихъ о немъ свѣдѣній и приходитъ къ выводу, что древній Танаисъ былъ на мѣстѣ Елисаветовскаго городища, т.-е. на самой дельтѣ Дона.

Кромѣ городища и курганнаго могильника у станицы Елисаветовской, Леонтьевъ говоритъ о большомъ курганѣ на лѣвомъ берегу Лагутника, но совершенно не упоминаетъ о песчаныхъ холмахъ между Лагутникомъ и городищемъ, которые, очевидно, обследованы имъ не были.

Такимъ образомъ, если Недвиговское городище должно быть отнесено ко времени позднихъ греческихъ факторій, то Елисаветовское городище, болѣе раннее,

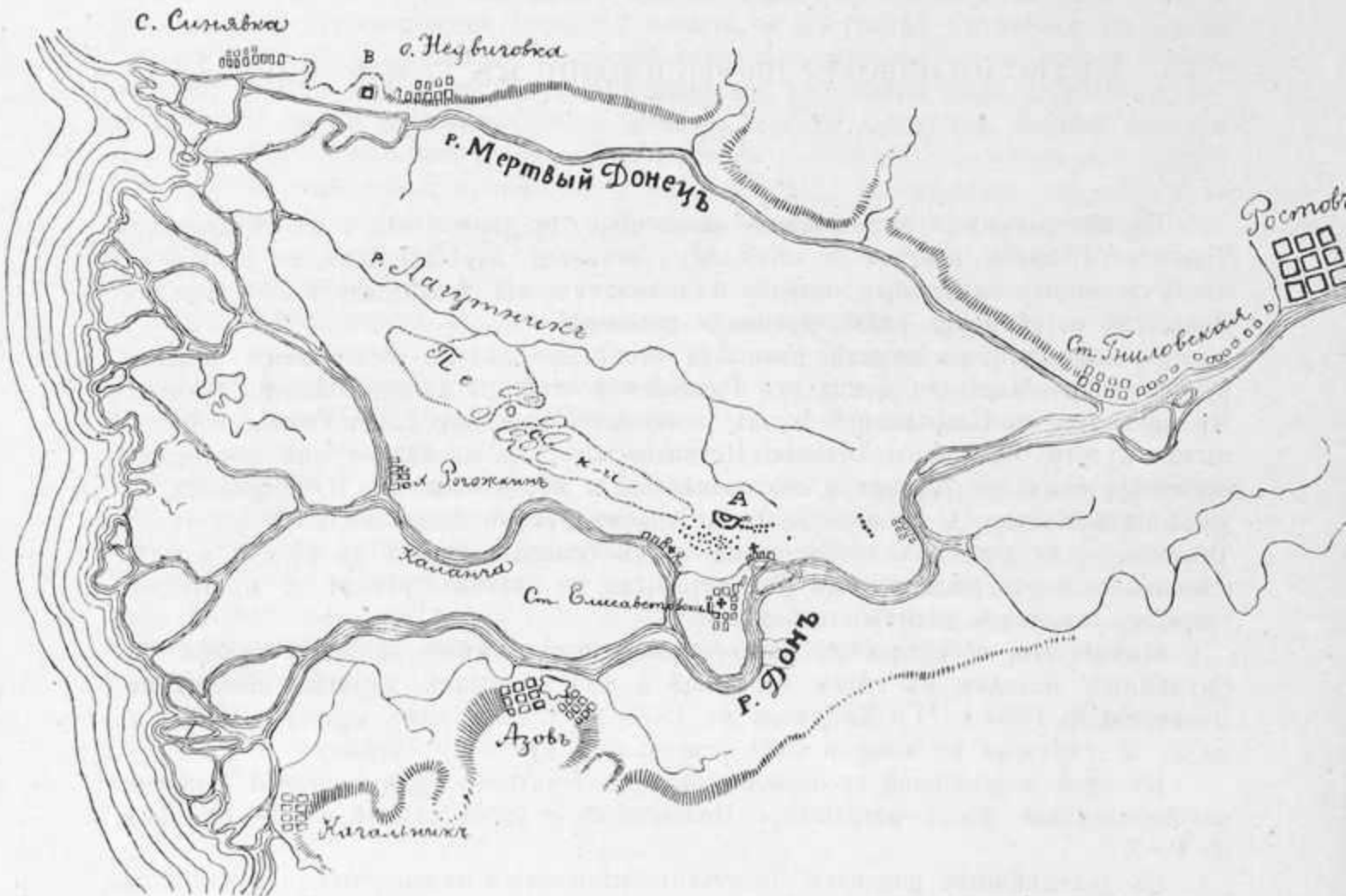

Рис. 92.

все же пока не дало матеріала, который могъ бы оставить такой большой городъ, какъ древній Танаисъ, второй по величинѣ послѣ Пантикапеи.

Въ такомъ положеніи остается вопросъ до настоящаго времени.

Приступая въ 1908 г. къ обследованію городища и кургановъ близъ станицы Елисаветовской, я осмотрѣлъ дельту Дона отъ этой станицы, черезъ Лагутникъ, до сел. Недвиговки. Сама мѣстность даетъ уже нѣкоторыя не безынтересныя указанія, тѣсно связанныя съ вопросомъ о мѣстѣ Танаиса.

Въ 25 — 30 верстахъ отъ впаденія въ море, у станицы Гниловской, Донъ дѣлится на два рукава, изъ которыхъ южный, судоходный, сохраняетъ названіе Дона, а сѣверный называется Мертвымъ или Гнилымъ Донцомъ. Оба рукава, приближаясь къ морю, раздѣляются на многочисленные протоки, образующіе у

взморья рядъ низкихъ, густо поросшихъ камышемъ, острововъ. Обширная равнина дельты Дона, во время весеннихъ разливовъ, покрывается водой на два мѣсяца, а иногда и болѣе (рис. 92). Не заливаются водой лишь песчаные холмы, тянущіеся отъ станицы къ Лагутнику, да городище, расположенное на возвышенности. Гряда песчаныхъ наносныхъ холмовъ начинается почти у самаго городища и идетъ мимо хутора Рогожкина, къ р. Лагуткину. Холмы эти, по мѣрѣ удаленія отъ городища, постепенно увеличиваются и достигаютъ размѣровъ большихъ кургановъ, вытянутыхъ съ востока на западъ, по линіи господствующихъ вѣтровъ. На этихъ холмахъ, послѣ дождей и сильныхъ вѣтровъ, обнаруживаются различные предметы древности, начиная отъ античныхъ греческихъ и кончая золотоордынскими татарскими. Находятъ черенки черно-лаковой посуды, обломки амфоръ и цѣлыя амфоры, куски черепицы и проч.

У самаго же Лагутника песчаная возвышенность образуетъ его лѣвый берегъ и весенними водами размыта такъ, что ее можно видѣть въ разрѣзѣ на глубину

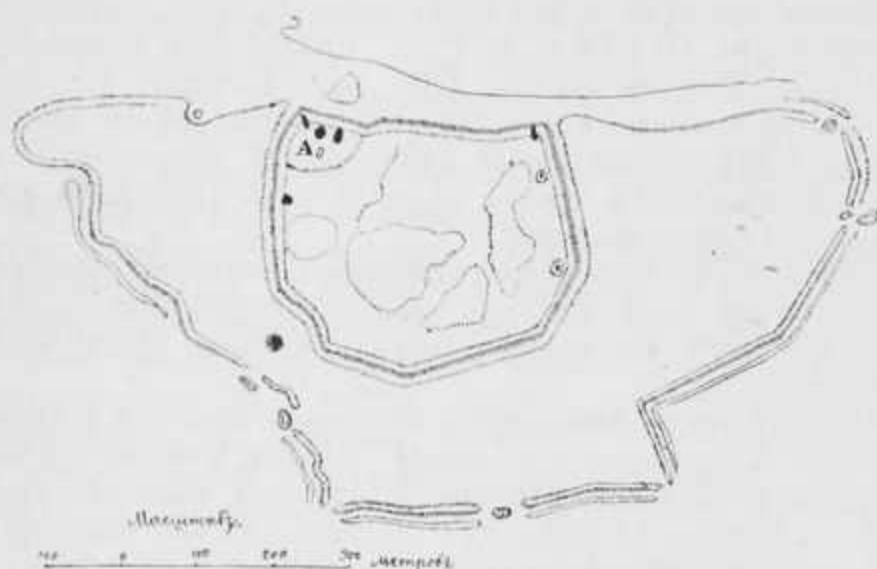

Рис. 93.

до $1\frac{1}{2}$ метровъ. Этотъ обрѣзъ представляетъ собой культурный слой съ черепками, обломками греческихъ амфоръ, золой и проч.

Общее протяженіе этихъ песковъ отъ городища и курганнаго могильника у Елисаветовской станицы до Лагутника — около 10 верствъ. Судя по находкамъ, пески эти заключаютъ въ себѣ разные остатки древнихъ поселеній разныхъ эпохъ, и фактъ этотъ намъ кажется особенно важнымъ и совершенно новымъ, съ которымъ нельзя будетъ не считаться въ дальнѣйшей разработкѣ вопроса о Танаисѣ. Слѣдуетъ имѣть ввиду и то обстоятельство, что въ древности песчаные холмы были гораздо ближе къ морю, чѣмъ теперь; быть можетъ они были границей дельты, такъ какъ дельта постепенно нарастаетъ и всѣ острова у взморья безусловно позднѣйшаго происхожденія.

Описанные холмы, понижаясь, подходятъ почти къ самому городищу, находящемуся въ 2 верстахъ отъ станицы къ сѣверу. Городище окружено землянымъ невысокимъ валомъ, имѣющимъ въ планѣ начертаніе, показанное на чертежѣ (рис. 93). Во многихъ мѣстахъ вала и во рву видны ямы, изъ которыхъ мѣстные жители извлекаютъ камень-дикарь на постройки. Внутренняя часть городища ограждена вторымъ валомъ и рвомъ, болѣе значительными. Эта часть городища, самая

высокая, изрыта во многих мѣстах ямами и траншеями. Въ выброшенной землѣ изъ ямъ, на валахъ и внутри ограды въ большомъ количествѣ встрѣчаются черенки красныхъ греческихъ амфоръ, среди которыхъ бывають и ручки съ клеймами.

Сѣверной стороной, почти прямой, городище примыкаетъ къ низкой болотистой равнинѣ, въ которой беретъ свое начало Лагутникъ. Можно думать, что эта обмелѣвшая рѣка въ древности была большимъ протокомъ-рукавомъ и проходила у сѣверной стороны городища.

Для раскопки было выбрано самое высокое мѣсто во внутренней оградѣ, показанное на чертежѣ буквой А. Прокопъ былъ сдѣланъ на площади прямоугольника длиной 9, 1 метровъ и шириной 3,1 метра. На глубинѣ 120 сантиметровъ показался чистый песокъ, не давший уже никакихъ находокъ.

Культурный слой, по находкамъ, раздѣлился на два пласта по 60 сантиметровъ толщины каждый. Въ верхнемъ слоѣ въ большомъ количествѣ находились черенки красныхъ греческихъ амфоръ, сосудовъ сѣрой глины, каменные грузила отъ сѣтей, обломки черепицы и два куска черно-лаковыхъ сосудовъ, которые могутъ быть отнесены къ III—IV в. до Р. Х. Нижний слой отличался почти полнымъ отсутствіемъ черепковъ амфоръ. Здѣсь были найдены: точильный камень, черепки очень грубаго сосуда, куски глиняной обмазки, рыба чешуя, кости, наконецъ, на самомъ днѣ, въ неглубокой ямкѣ—цѣлый широкогорлый сосудъ очень грубой работы. Встрѣчались и камни, но не въ видѣ правильной кладки, а разбросанные по всей площади раскопки.

Упомянутая здѣсь разница между нижнимъ и верхнимъ пластами культурнаго слоя городища не даетъ основанія пока видѣть здѣсь двѣ разныхъ эпохи и двѣ культуры, такъ какъ при незначительности площади изслѣдованія возможна и случайность.

Курганный могильникъ расположенъ на низкой, заливной равнинѣ между хуторомъ Обуховымъ, Городищемъ и Станицей. Къ югу и западу отъ городища находятся преимущественно малые курганы, иногда едва замѣтные; лишь немногіе изъ нихъ имѣють насыпь, превышающую 3 метра. Отъ юго-восточнаго угла городища тянется, почти по прямой линіи, группа крупныхъ кургановъ, очень густо расположенныхъ. Большинство крупныхъ кургановъ имѣють западины на верхушкахъ насыпей, указывающія на раскопку. Иногда западины эти бывають такъ малы, что кажется невозможнымъ найти погребеніе подобнымъ колодцемъ, имѣя въ виду высоту насыпи и возможность эксцентричнаго положенія могилы. Большинство же мелкихъ кургановъ, напротивъ, цѣлы и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ имѣють ямы на верхушкахъ или у подошвы насыпи.

Курганныя насыпи въ планѣ имѣють очертаніе круга. Верхушка насыпи часто бываетъ ближе къ западному краю, что объясняется постояннымъ выдуваніемъ насыпей господствующими здѣсь восточными вѣтрами. Вокругъ насыпей можно различать неглубокую кольцеобразную западину—засыпавшійся ровъ. Изслѣдованіе кургановъ начато было съ группы, находящейся къ югу отъ городища.

Курганъ 1. Діаметръ насыпи 12 метровъ, выс. $1\frac{1}{4}$ м. Вокругъ насыпи—кольцеобразная западина. Насыпь подмыта уступами на уровнѣ весеннихъ водъ. Раскопка производилась на площади круга 8 м. въ діаметрѣ, въ центрѣ насыпи. Въ толщѣ насыпи встрѣчались черенки красныхъ греческихъ амфоръ. На уровнѣ горизонта показались прослойки бѣлаго растительнаго перегноя и нѣсколько обломковъ лошадиныхъ костей. На 10 сантиметровъ ниже уровня горизонта обнаружился материкъ—желтый песокъ съ примѣсью глины, и въ немъ показались очертанія могильной ямы. Яма была ближе къ юго-восточному краю насыпи, имѣла овальную форму 3,38 метровъ въ длину (съ востока на западъ) и 1,80 метра

шириной. Прослойка бѣлаго перегноя шла параллельно краямъ ямы и спускалась внизъ. Съ углубленіемъ яма постепенно уменьшалась. Дно могилы имѣло форму

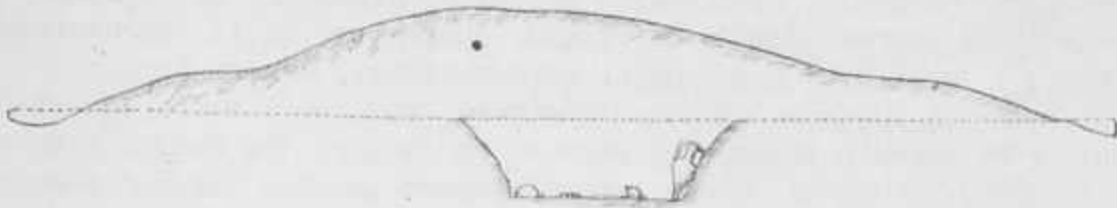

Рис. 94.

прямоугольника 2,09 метровъ длины и 90 сантиметровъ ширины. Глубина—90 сант. ниже уровня горизонта (рис. 94). Очень тонкій слой бѣлаго перегноя покрывалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и дно могильной ямы. Кости скелета были въ состояніи почти полного разрушенія. Правильное положеніе сохранили кости ногъ; остальные части скелета лежали въ беспорядкѣ. Очевидно, погребенный былъ положенъ ногами на востокъ и головой на западъ (рис. 95). У головы лежалъ продолговатый кусокъ перержавѣвшаго желѣза. На днѣ ямы, вокругъ позвонковъ, нашлось нѣсколько обломковъ мѣдной пластинки, позолоченной, съ выдавленнымъ орнаментомъ. У лѣвой руки лежалъ браслетъ изъ тонкой золотой ленты, свернутой спиралью, съ наколами по краю. Здѣсь же былъ другой браслетъ, бронзовый, спиральный, въ обломкахъ, и четыре стеклянныхъ бусы. Справа и слѣва у бедеръ было два куска перержавѣвшаго желѣза. У конца ногъ, съ лѣвой стороны, лежалъ бокомъ черно-лаковый сосудъ съ двумя ручками (рис. 96), а въ углу ямы стояла большая амфора. Рядомъ съ амфорой, въ беспорядкѣ, лежали ребра, лопатка и позвонки лошади и здѣсь же—граненая костяная ручка ножа. Погребеніе было почти на уровнѣ грунтовыхъ водъ, вслѣдствіе чего желѣзные предметы превратились въ безформенные куски ржавчины.

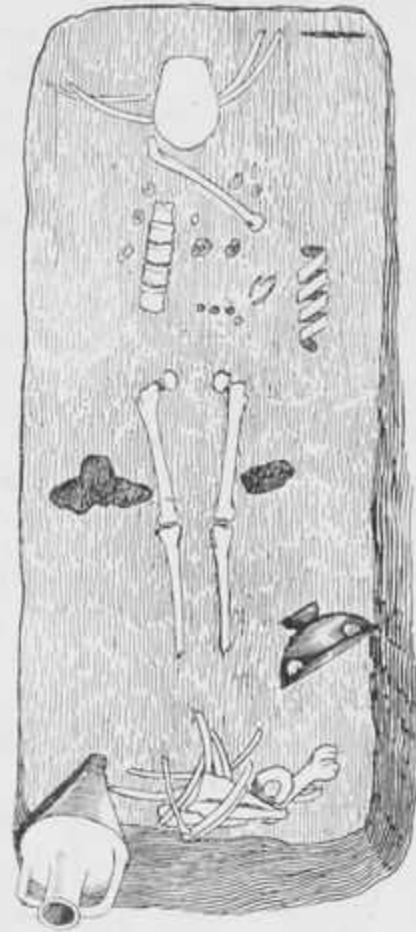

Рис. 95.

Курганъ 3-й. Діаметръ насыпи около 12 метровъ, высота—1 метръ. Вокругъ —кольцеобразная впадина. Насыпь съ уступомъ на уровнѣ весеннихъ водъ.

Въ толщѣ насыпи найдено было нѣсколько обломковъ простыхъ греческихъ амфоръ.

На уровнѣ горизонта показались очертанія могильной ямы овальной формы, 3,6 метровъ длины и 2 метровъ ширины. Дно, на глубинѣ 80 см. ниже уровня горизонта, имѣло 2 метра длины и 1 метръ ширины. На днѣ ямы сдѣланы были находки въ такомъ порядкѣ: въ восточномъ концѣ ямы нѣсколько обломковъ костей лошади и два черно-лаковыхъ сосуда въ видѣ широкой миски на подвожкѣ,

Рис. 96.

кусок перержавѣвшаго желѣза. Въ срединѣ могилы—человѣческія кости въ состояніи полного разрушенія, кусокъ перержавѣвшаго желѣза со слѣдами трубчатого отверстія (вѣроятно, наконечникъ копья) и, наконецъ, въ западномъ концѣ ямы—бронзовое круглое зеркало съ ручкой, діаметромъ въ 15 сантиметровъ (въ обломкахъ) и около него 9 золотыхъ, продолговатыхъ, полыхъ бусъ.

Курганъ 4-й. Діаметръ насыпи 10-метровъ, высота—1 метръ. Раскопка производилась на площади квадрата 6 метровъ въ сторонѣ. Въ насыпи встрѣчались отдѣльно лежавшіе камни, кусокъ перержавѣвшаго желѣза, обломки лошадиныхъ костей, древесный уголь.

На уровнѣ горизонта показались два темныхъ пятна мѣшаной земли, рядомъ.

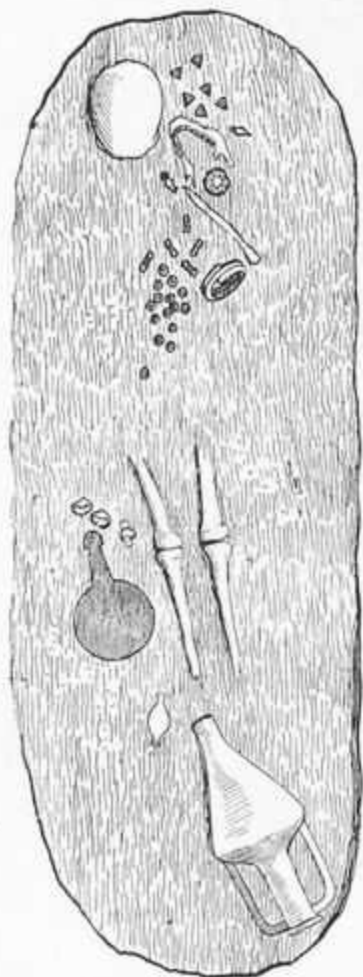

Рис. 97.

Въ одной изъ этихъ ямъ, на глубинѣ 70 сант., на материкѣ лежало нѣсколько костей лошади. Другая яма заключала въ себѣ погребеніе. Дно могилы было на 70 сант. ниже уровня горизонта и имѣло очертаніе прямоугольника, съ закругленными углами. Длина 2,30 метра, ширина—85 сантиметровъ. Направленіе ямы было на востокъ—западъ (рис. 97). Въ западномъ концѣ могилы на ея днѣ лежали: истлѣвшія кости черепа, ребра и около нихъ: золотая круглая пластинка съ грубымъ изображеніемъ головы медузы и отверстіями по краямъ, 10 треугольныхъ золотыхъ бляшекъ, двѣ золотыхъ подвѣски съ колечками, 41 круглая бляшка золотая, съ отверстіями, 7 продолговатыхъ золотыхъ бляшекъ и серебряный спиральный дутый браслетъ. У праваго колѣна найдены были: золотое кольцо безъ спая и два серебряныхъ, такой же формы. Около нихъ—бронзовое круглое зеркало (въ обломкахъ). Между концами ногъ и краемъ ямы лежала бокомъ большая простая греческая амфора и малый сосудъ красной глины.

Всего изслѣдовано было 7 кургановъ. Культура этихъ погребеній вполне однородна и относится, какъ по стилю золотыхъ украшеній, такъ и по формѣ и технике греческихъ сосудовъ, къ IV—III в. до Р. X. Къ этому выводу можно прибавить, что Хицуновъ въ одномъ изъ кургановъ «Пять Братьевъ» у хутора Колузаева, открылъ «скифскую гробницу» и что разграбленный недавно курганъ у самой станицы—далъ тоже древнюю культуру. Можно думать, что и весь этотъ курганный могильникъ относится къ IV—III в. до Р. X. Къ этому

времени примыкаютъ и нѣкоторыя находки въ городищѣ и на пескахъ вплоть до Лагутника. Все это свидѣтельствуетъ о бывшихъ здѣсь обширныхъ поселеніяхъ въ IV—III в. до Р. X., т.-е. въ періодъ древняго Танаиса.

Остается осмотрѣть лѣвый рукавъ Дона, со стороны Азова, чего до сихъ поръ со времени Кларка сдѣлано не было, и если на этомъ берегу не окажется никакихъ остатковъ древнихъ поселеній, придется согласиться съ мнѣніемъ Леонтьева, который помѣщаетъ Танаисъ на самой дельтѣ Дона.

ОЛЕГОВО ПОЛЕ.

Свящ. А. Ефимовъ.

Среди историческихъ мѣстъ города Чернигова и его окрестностей, изъ которыхъ нѣкоторыя преданы забвенію ¹⁾, наше вниманіе невольно останавливается на одной изъ окрестностей Чернигова, въ сѣверо-западномъ направленіи отъ города, представляющей собою ровное поле до 7 верстъ, приблизительно, въ окружности, тянущееся отъ Св. Троицкаго-Ильинскаго монастыря и отъ православнаго городского кладбища къ рѣчкѣ Бѣлоусу, которое въ лѣтописи извѣстно подъ названіемъ «Ольгова поля». Въ виду того, что съ этимъ наименованіемъ въ лѣтописи упоминаются нѣсколько мѣстъ, мы рѣшились остановить высокопросвѣщенное вниманіе XIV Археологическаго Съѣзда на вопросѣ о мѣстѣ находенія Ольгова поля. Мы имѣемъ намѣреніе установить первоначально историческія причины этого наименованія и указать, на основаніи лѣтописныхъ и археологическихъ данныхъ, правильность нашего положенія.

Исторія говоритъ намъ, что городъ Черниговъ съ 884 года еще сталъ принадлежать Русскимъ князьямъ, а слѣдовательно, и русскому господству, съ того момента, какъ Вѣщій Олегъ, опекунъ малолѣтняго великаго князя Игоря, сына Рюрика, за два года передъ тѣмъ овладѣвъ Кіевомъ, покорилъ и Сѣверянъ. Въ его же время, какъ значится въ лѣтописи подъ 907 годомъ, предоставленъ онъ былъ, подъ главнымъ начальствомъ Олега, управленію Сѣверскихъ князей, коимъ до того Черниговъ принадлежалъ. Ибо, по словамъ преподобнаго Нестора, «по тѣмъ городамъ сѣдяху величїи князи подъ Ольгомъ суще», каковыхъ великихъ князей тогда быть не могло, если не названы великими князьями правители Олеговы ²⁾.

Такимъ образомъ, первоначальное завоеваніе самаго Чернигова и первое правленіе городомъ связано съ первымъ правителемъ, носившимъ имя «Олега». При Олегѣ Черниговъ сталъ вести заграничную торговлю съ греками и извѣстный трактатъ 907 года, заключенный имъ съ греческими купцами, послужилъ основаніемъ къ празднованію въ семь году 1000-лѣтняго юбилея города Чернигова. Можно по справедливости сказать, что съ именемъ перваго Олега, покорившаго Сѣверянъ и положившаго начало гражданскому благоустройству города Чернигова, связывается самое лучшее воспоминаніе о дѣятельности великаго князя, имя котораго передается изъ рода въ родъ и изъ одного поколѣнія въ другое. Но Черниговъ помнить

¹⁾ Въ самомъ городѣ мѣста многихъ храмовъ, не обозначенныхъ даже никакимъ камнемъ, съ теченіемъ времени застроенныя домами: въ усадьбѣ Уѣзднаго Съѣзда, на мѣстѣ Варваринской церкви, Срѣтенской церкви, Св. Женъ Мученицъ и другихъ. Въ окрестностяхъ: мѣсто крещенія черниговцевъ, о которомъ упоминается въ кн. V-й, стр. 33.—И. С. О. Ч. Е., пресвященный Филаретъ, и въ кн. III, стр. 21, и «Ольгово поле» въ кн. V, стр. 79—80.

²⁾ Маркова: «О достопамятностяхъ Чернигова», стр. 3, Черниговъ, изд. 1882 года.

и другихъ великихъ князей съ именемъ Олега, а именно: 2) Олега Михаила Святославича, сына Святослава Ярославича (1076—1094—1097 гг.); 3) Олега Святославича Ольговича (1164 г.); 4) Олега Θεодосія Святославича, сына Святослава Всеволодовича (1202—1204 гг.); 5) Олега Георгія Святославича Игоревича, Курскаго князя, захватившаго Черниговъ въ 1226 году. Перечисленные князья съ именемъ Олега отличались противоположными качествами дѣятельности и потому находятся въ рѣзкой противоположности съ той, которая увѣковѣчила имя перваго Олега въ Черниговѣ. Своимъ непостоянствомъ и немиролюбіемъ они навлекали на себя мщеніе другихъ, имъ родственныхъ, князей, были виновниками неоднократнаго нашествія половцевъ на русскую землю и тѣхъ многихъ злключеній, которымъ подвергался городъ Черниговъ въ теченіе своего свыше 1000-лѣтняго существованія. Но, какъ бы то ни было, съ общимъ именемъ всѣхъ перечисленныхъ Олеговъ связывается названіе одного поля, находящагося за Черниговомъ, которое сохранило доселѣ въ лѣтописяхъ изъ лѣтъ древнихъ наименованій Олегова поля, на что имѣются слѣдующія лѣтописныя сказанія: «Въ лѣто 6656 (1148). Паки пойде Изяславъ къ Чернигову, съ вокупя (скупя) силу свою, и посла поя полкъ у стрѣя своего Вячеслава, изъ Угоръ приведе полкы въ помочь собѣ, и Володимерскій полкъ приведе, и съ вокупя вси свои полкы Берендѣѣ, и пойде къ Чернигову; и пришедъ ста на Олговѣ поли. И ту стояша 3 дни и не смѣша изъ Чернигова выйти, противу Изяславу, Святославъ Ольговичъ и Изяславъ и Володимеръ Давыдовичи и Всеволодичъ Святославъ. Изяславъ же ту стоя и пожже вся села ихъ, оли и до Боловоя». Далѣ говоритъ Изяславъ брату своему Ростиславу: «брате! являю ти, на Олговичи есми къ Чернигову ходилъ и на Олговѣ есми стоялъ»³⁾. Въ другомъ мѣстѣ лѣтописи говорится: «Се паки Изяславъ пришедъ опять къ Чернигову, ставъ на Олговѣ полѣ»⁴⁾.

Правда, въ лѣтописи еще упоминается Ольгова могила⁵⁾ и Ольжичи, когда говорится: «Олегеъ же пришедъ въ Ольжичъ, пославъ къ Ростиславу река ему: брате гдѣ ми велише встать? Ростиславъ и повеле ему у Олговы стати, самъ же стояше у Шелвова селца подъ боркомъ»⁶⁾. Но здѣсь имѣется рѣзкое различіе въ томъ отношеніи, что въ первыхъ двухъ сообщеніяхъ лѣтописныхъ ясно говорится объ опредѣленномъ Ольговомъ полѣ подъ Черниговомъ. На основаніи приведенныхъ лѣтописныхъ сказаній можно опредѣлить и мѣстоположеніе Олегова поля. Оно тянется отъ Троицко-Ильинскаго монастыря до рѣчки Бѣлоуса, и далѣе, черезъ рѣчку, захватывая села — Кіенку, Ильговъ, Старый Бѣлоусъ, Подусовку и село Коты, а отъ послѣдняго по направленію къ Александровской площади и до ровчаковъ, возлѣ Елецкаго монастыря. На этой площади, размѣрами болѣе семи верстъ въ окружности, стояли неоднократно войска великихъ князей Киевскихъ и Черниговскихъ Олеговъ (преимущественно Олега Святославича) и за этой мѣстностью упрочилось наименованіе, сохранившееся въ лѣтописяхъ. Извѣстный историкъ Д. И. Иловайскій видитъ именно въ этой мѣстности историческое «Ольгово поле», на что указываетъ въ слѣдующихъ словахъ: «изъ ближнихъ сель, судя по лѣтописи, самымъ значительнымъ было Бѣловесъ или Бѣлоусъ; оно лежало на западъ отъ Чернигова за такъ называемымъ «Ольговымъ полемъ» на рѣкѣ Бѣлоусъ, правомъ притокомъ Десны. На этомъ Ольговомъ полѣ, обыкновенно, располагалась станомъ та непріятельская рать, которая, во время княжескихъ

³⁾ Карамзинъ. „Исторія Государства Россійскаго“, т. II, стр. 225. Полное собраніе лѣтописей, т. II; III. Ипат. лѣтопись, стр. 37, С.-Петербургъ, изд. 1843 г.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 38.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 60, подъ 1151 годомъ.

⁶⁾ Ипат. лѣтопись, стр. 89, подъ годомъ 1161.

междуусобій, подступала къ Чернигову съ кievской стороны»⁷⁾. Въ 1858 году одинъ изъ старожиловъ г. Чернигова, Грембецкій, утверждалъ, что онъ еще помнитъ, какъ этимъ именемъ называлось пространство отъ Троицкаго монастыря до деревни Гущина и до береговъ рѣки Бѣлоуса⁸⁾. Слѣдующія топографическія и археологическія данныя могутъ служить въ пользу нашего мнѣнія. Изъ селъ, расположенныхъ вблизи Бѣлоуса, останавливаетъ на себѣ невольное вниманіе село Льговъ или Ильговъ, въ какомъ названіи мы склоняемся видѣть древнее наименованіе Ольгово. Въ говорѣ народномъ названіе Льговъ слышится различно: А. О. И.—Льговъ. Чаще всего въ говорѣ слышится нѣчто среднее между А—О, трудно уловимое соединеніе а и о и рѣже всего Ильгово. Это село отстоитъ въ 5 верстахъ отъ Кіенки и въ 3 верстахъ отъ Бѣлоуса. Ранѣе оно было хуторомъ Кіенской экономіи или Трехсвятской и принадлежало Черниговской каедрѣ. Со словъ священника К. Карпинскаго, обследовавшаго эту мѣстность, видно, что, судя по оставшимся землянымъ памятникамъ, на этомъ урочищѣ въ до-татарскія времена было большое поселеніе. Нынѣшняя деревня Льговъ расположена на новомъ мѣстѣ, на сухомъ ровцѣ «Льговочкѣ». На памяти стариковъ это былъ небольшой протокъ очень хорошей воды, занесенный нынѣ иломъ и землею. Этотъ протокъ впадалъ въ Бѣлоусъ, между селами Бѣлоусомъ и Кіенкою. Вверхъ по этому ровцу, верстахъ въ двухъ за деревнею, расположено и самое древнее урочище Льговъ, давшее названіе всей мѣстности. Здѣсь, по обѣ стороны ровца «Льговочки», ясно замѣтны остатки громаднaго селища. Земля — перегнойный черноземъ, мѣстами очень глубокой, черенья вездѣ масса; тянется это селище почти на полторы версты до казеннаго лѣса. По словамъ старожиловъ, кромѣ черенковъ, при пахотѣ, находили прежде много бусъ, пряслиць глиняныхъ и изъ краснаго шифера; изрѣдка попадались и желѣзныя вещи: стремена, топоры и безформенные остатки кусковъ желѣза; находили и крестики, судя по описанію — энколпионы, и даже каменные маленькіе крестики. На этомъ селищѣ, въ концѣ его, замѣтны остатки насынной гребли чрезъ «Льговочку». Недалеко отъ этого мѣста, говорятъ, были найдены остатки какой-то стѣны, при копаніи ямъ, для посадки деревьевъ въ саду. Стѣна эта оказалась очень твердой кладки, такъ что ни одного кирпича не могли оторвать. Остатковъ рововъ или валовъ не замѣтно; вѣроятно, все отъ времени уничтожено сохою, какъ уничтожены и многочисленные курганы, бывшіе сейчасъ же за селищемъ на западѣ къ казенному лѣсу. Еще на памяти стариковъ были замѣтны очертанія многихъ кургановъ, говорятъ — до 100; теперь и слѣдовъ ихъ нѣтъ; только мѣстами изрѣдка гдѣ попадаетъ черепокъ, да народная память зоветъ это урочище «Курганки». Въ казенномъ лѣсу можно еще замѣтить среди зарослей очертанія нѣсколькихъ небольшихъ кургановъ, тогда какъ два большихъ кургана сохранились безъ поврежденія. Въ верстѣ отъ селища, на югъ, на болѣе возвышенной мѣстности, на самомъ верху этого кряжа, также было нѣсколько кургановъ, изъ которыхъ еще и теперь замѣтны очертанія одного большого и двухъ поменьше его. На склонѣ этого кряжа, къ селищу, въ недавнее время раскопаны (для пашни) три большихъ кургана, при чемъ, при раскопкѣ, находили черенья, обгорѣлыя кости и уголья, пряжечки, какія-то металлическія ржавыя колечки, бусы и проч. Все это говоритъ за то, что на урочищѣ «Льговѣ» было древнее поселеніе, по присутствію вблизи многихъ кургановъ. Его процвѣтаніе можно отнести къ Сѣверянской эпохѣ, а уничтоженіе — ко временамъ татарщины. Противъ села, на правомъ крутомъ берегу рѣки Бѣлоуса, на урочищѣ

⁷⁾ «Исторія Россіи», т. I, стр. 282. Москва, изд. 1906 года.

⁸⁾ Маркевичъ, стр. 148—149; см. «Труды XIII Археологическаго Съѣзда» 1905 года, т. II, стр. 28.

«Остраховщина», которое представляет прибрежную песчаную возвышенность, ясно замѣтны остатки громаднаго селища. Первоначальный видъ мѣстности испорченъ отъ выдуванія песковъ вѣтромъ, но и теперь можно опредѣлить, что селище это тянется на протяженіи полторы версты по горѣ надъ лугомъ, при рѣкѣ Бѣлоусѣ. Мѣстность эта засажена лозою, но, гдѣ поверхность обнажена, видны цѣлыя груды черепковъ, попадаются бусы, пряслицы, крестики и проч. Тотчасъ же за селищемъ къ Чернигову—урочище «Курганки». Здѣсь, какъ помнятъ старики, было много кургановъ, изъ которыхъ въ цѣломъ видѣ не сохранилось теперь ни одного, но очертанія многихъ замѣтны. И теперь въ остаткахъ кургановъ видны также черепки, уголья и кости. Конецъ этого селища примыкаетъ къ болотной возвышенности «грядѣ». Въ этомъ мѣстѣ Бѣлоусъ представляет самую узкую и удобную для переправы мѣстность, на всемъ своемъ протяженіи, начиная отъ устья. Недалеко отъ этого мѣста, между хуторомъ Трехсвятскимъ и Кіенкою, на лѣвой сторонѣ есть мѣстность, называемая «пристанью». Селище «Остраховщина» и при немъ урочище «Курганки», какъ передаютъ старожилы, до времени, когда отъ распашки образовались сыпучіе пески, представляло ровную открытую площадь вплоть до Троицкаго монастыря, который отсюда по прямому направленію будетъ не болѣе двухъ верствъ. На какомъ протяженіи тянулись за селищемъ курганы и на какомъ пространствѣ они расположены были, опредѣлить трудно, ибо мѣстность сильно испорчена выдуваніемъ песка и заросла лозою, но, приблизительно, слѣды кургановъ ясно замѣтны на протяженіи болѣе версты къ Чернигову. Ровная открытая мѣстность до Троицкаго монастыря носитъ на себѣ также слѣды древнихъ могильныхъ памятниковъ, уничтоженныхъ долговременною распашкою земли, слѣды которыхъ въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка еще были ясно видны.

Исслѣдуя далѣе топографію мѣстности Олегова поля, мы находимъ остатки такихъ же кургановъ въ мѣстности, заросшей нынѣ молодымъ лѣсомъ, принадлежащимъ г. Спановскому. Особенно же вниманіе наше останавливается на двухъ курганахъ, расположенныхъ въ юго-западномъ направленіи ограды православнаго кладбища. Хотя нѣкоторыми вещами, обрѣтенными при рытіи, главнымъ образомъ, могилъ на православномъ кладбищѣ (существующемъ съ 1805 года) и нельзя установить большой давности ихъ, во всякомъ случаѣ, нахожденіе здѣсь отдѣльныхъ кургановъ въ незапамятныя времена—даетъ основаніе предполагать, что эти остатки могильныхъ кургановъ—свидѣтели далекаго прошлаго, именно тѣхъ битвъ, какія велись на Олеговомъ полѣ подъ Черниговомъ³⁾. Смѣемъ думать, что приведенными лѣтописными сказаніями, топографическими и археологическими данными, мы достаточно подтвердили тотъ неоспоримый историческій фактъ, что указываемая нами мѣстность вполне заслуживаетъ наименованія «Олегова поля», каковое весьма желательно было бы утвердить навсегда за этой пригородной мѣстностью, въ память исполнившагося тысячелѣтія города Чернигова.

³⁾ Весьма любопытенъ тотъ фактъ, что знаменитая Черниговская золотая гривна, подробно описанная митрополитомъ Кіевскимъ Евгеніемъ (см. „Труды“ и лѣт. М. О. Исторіи и Древностей, ч. VI, въ 1833 году), была найдена въ 1821 году у деревни Бѣлоусовой, верстахъ въ семи отъ Чернигова, какъ говорится объ этомъ у академика Срезневскаго въ сочиненіи его „О древней русской палеографіи“. Безъ сомнѣнія, мѣсто находки золотой гривны совпадаетъ съ „Ольговымъ полемъ“.

ДНЕВНИКЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНИЙ ВЪ ЗЪНЬКОВСКОМЪ УѢЗДѢ, ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ, ВЪ 1906 ГОДУ.

В. А. Городцовъ.

Изслѣдованіе Бѣльскаго городища.

Планъ 1 (рис. 97) и профиля (рис. 98).

Бѣльское городище расположено на правомъ берегу р. Ворсклы, верстахъ въ 150 отъ ея впаденія въ р. Днѣпръ. Окружность городища имѣеть около 30 верстъ. Начинаясь въ с. Куземино, валъ его идетъ высокимъ берегомъ р. Ворсклы до с. Глинска, откуда поворачиваетъ сначала на СЗ. къ с. Лазькамъ, а потомъ—на ССЗ., слѣдуя правымъ берегомъ пересыхающей рѣчки Сухой Груни, до хут. Марченки, минуя который, дѣлаетъ поворотъ на СВ. и далѣе на В., къ с. Куземину.

Въ самомъ центрѣ городища расположено обширное село Бѣльскъ.

Очерченная площадь имѣеть клиновидную форму, вытянутую съ С. на Ю. Наибольшая длина ея равна $10\frac{1}{2}$, а наибольшая ширина 6 верстамъ. Очевидно, для приданія большей тактической силы укрѣпленію его усилили добавочными фортами или городищами значительно меньшихъ размѣровъ, расположенными по линіи общей ограды. Одно изъ нихъ, самое большое и, вмѣстѣ, самое сохранный, находится на берегу р. Ворсклы, къ востоку отъ села Бѣльска, второе, нѣсколько меньшее и сильно разрушенное городище расположено къ западу отъ Бѣльска, на берегу р. Сухой Груни, и, наконецъ, третье, самое малое, — на берегу р. Ворсклы, въ селѣ Куземино. Въ дальнѣйшемъ описаніи изслѣдованій мы будемъ называть общее городище—Большимъ, а прочія—Восточнымъ, Западнымъ и Кузекинскимъ.

Помимо названныхъ второстепенныхъ укрѣпленій, Большое Бѣльское городище усиливалось валомъ, проходившимъ отъ Западнаго городища, высотами южнѣе села Бѣльска къ берегу р. Ворсклы. Отъ этого вала, въ настоящее время, сохранились лишь незначительные остатки; большая же часть его распахана на памяти мѣстныхъ старожиловъ. Наконецъ, небольшой участокъ земляного вала сохранился въ самомъ селѣ Бѣльскѣ, но его отношеніе къ прочимъ укрѣпленіямъ остается невыясненнымъ.

Изъ всѣхъ городищъ самымъ сильнымъ по своимъ профилямъ является Западное городище. Оно, несомнѣнно, было и болѣе обитаемымъ; съ нимъ много связано сказаній и легендъ и его болѣе всего разрушили; на немъ остановился и нашъ выборъ для производства научныхъ изслѣдованій и раскопокъ.

Форма Западнаго городища похожа на форму Большаго городища: она также клиновидна и нѣсколько вытянута съ сѣвера на югъ. Наибольшая длина площади городища равна 600, а наибольшая ширина—500 саж. Поверхность довольно ровная съ общимъ уклономъ къ долинѣ р. Сухой Груни. При ближайшемъ осмотрѣ, на площади городища легко замѣчаются небольшія возвышенія, названныя нами «зольниками». Эти зольники, повидимому, представляютъ остатки многолѣтнихъ стоянокъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, вслѣдствіе чего въ нихъ отложилось большое количество разнаго рода домашнихъ отбросовъ. Къ крайнему

Рис. 97.

сожалѣнію, многіе изъ нихъ сильно истощены, а мѣстами, вѣроятно, и совсѣмъ уничтожены плугомъ. Рѣзче бросаются въ глаза изслѣдователя, да и вообще всякаго посетителя, глубокія и обширныя ямы въ самыхъ валахъ городища и отходящія отъ ямъ земляныя валы, совершенно схожіе съ валами майдановъ.

Избравъ главнымъ предметомъ изслѣдованіе Западнаго Бѣльскаго городища, мы задались цѣлью, по возможности, выяснитъ причину и время появленія майданныхъ образованій въ валахъ городища, причину и время появленія зольниковъ и установить отношеніе тѣхъ и другихъ какъ къ землянымъ укрѣпленіямъ Западнаго, такъ и Большаго городища, а затѣмъ перенести изслѣдованіе на курганы, обильно усаженные въ окрестныя поля и даже помѣстившіеся на площади Большаго городища. Впослѣдствіи къ намѣченнымъ работамъ пришлось присоединить изслѣдованіе зольниковъ въ с. Должикѣ и раскопать три кургана у хут. Блажки, съ цѣлью проверки, не имѣютъ ли они отношенія къ случайно открытому крестьянами богатому кладу готскихъ вещей.

Изслѣдованіе Западнаго городища.

Траншея I, планъ 2 (рис. 99 и рис. 100).

Траншея заложена на гребнѣ вала, шагахъ въ 150 къ сѣверу отъ восточнаго вѣзда въ городище, какъ разъ на краю старой майданной ямы. Траншея предназначалась для

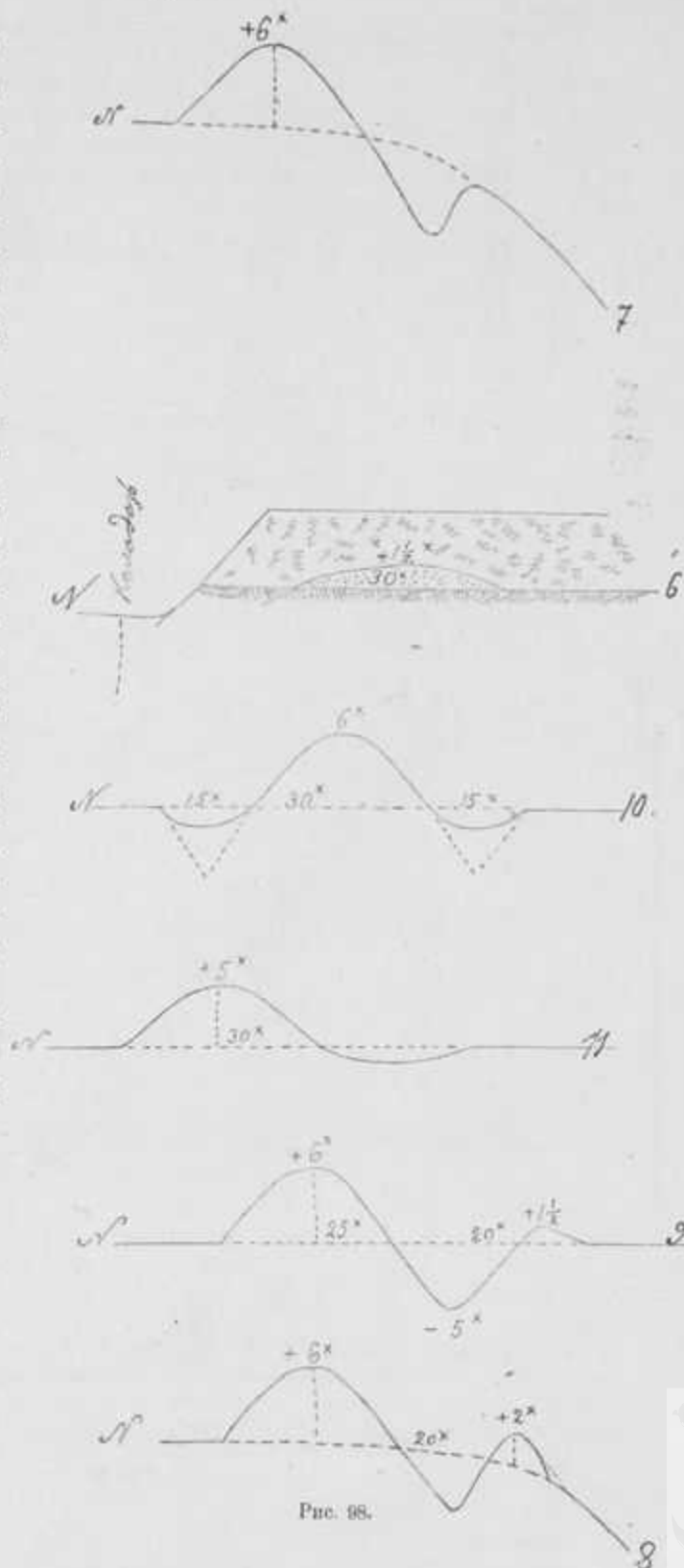
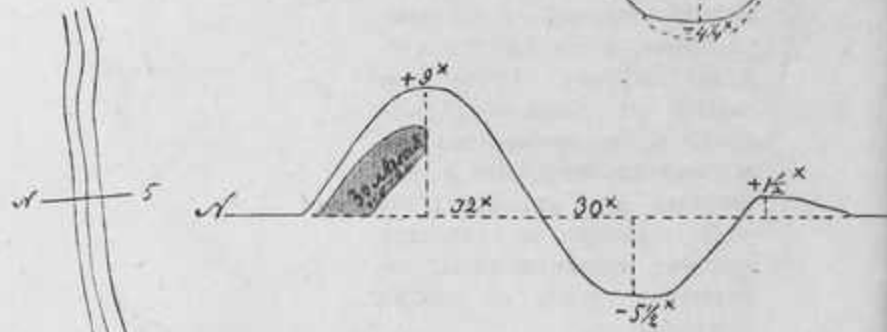
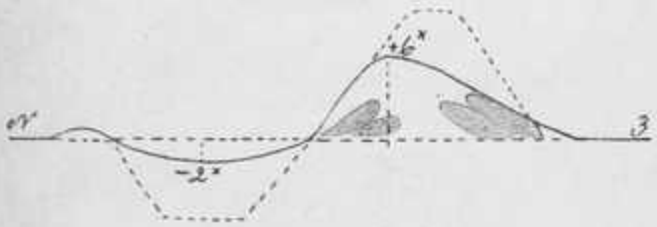
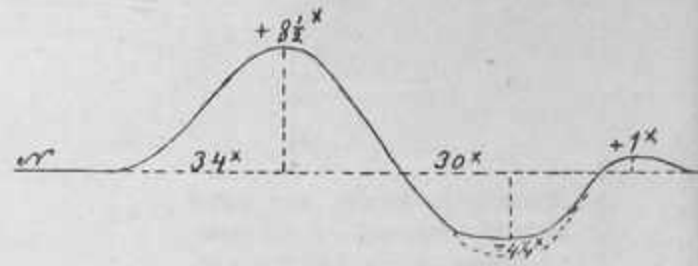
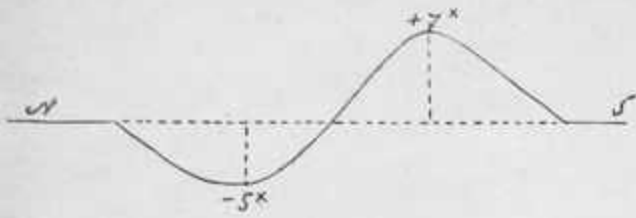

Рис. 98.

Масштабъ 100 саж. въ 1 дюймѣ.

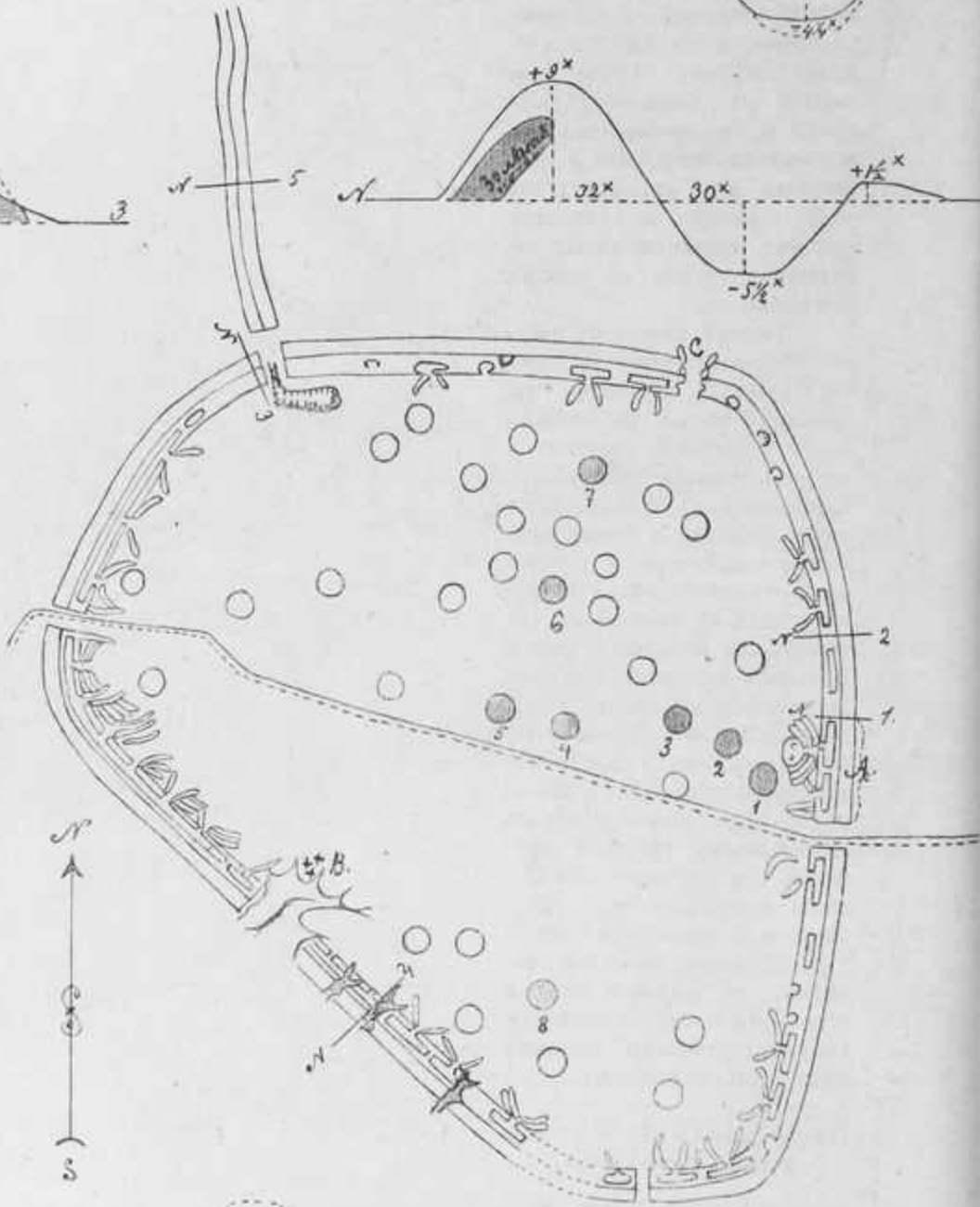
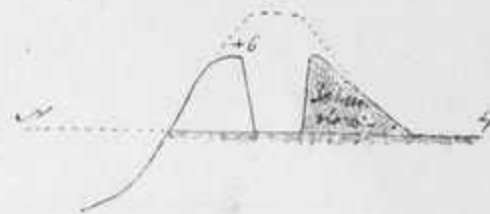

Рис. 99.

турности говорить за то, что валъ, въ данномъ пунктѣ, насыпанъ уже послѣ того, какъ человекъ здѣсь долго жилъ; а такъ какъ зольный культурный слой наблюдается и во всѣхъ естественныхъ разрѣзахъ вала, то слѣдовательно и все городище получило свой окончательный видъ послѣ того, какъ человекъ долго прожилъ на его площади. Зольные слои почти повсюду насыпались лишь съ внутренней стороны вала; исключеніе представляетъ сѣверный участокъ, отъ котораго отходить валъ Большого городища (см. пл. 2, рис. 99, проф. 3); на этомъ участкѣ зольныя прослойки наблюдаются и съ внутренней, и съ внѣшней стороны.

Что касается отношенія вала къ майданной ямѣ, то отчетливо устанавливалось позднѣйшее происхожденіе послѣдней. Для ямы сначала былъ срубанъ, приблизительно на три аршина, весь гребень вала; послѣ чего на вершинѣ вала получилась четырехугольная площадка въ 90 аршинъ длины и 20 аршинъ ширины. Далѣе углублялись канавой, суживая ее книзу и оставляя нетронутымъ плотный слой глины, составлявшій внѣшній массивъ вала. Взятая изъ ямы земля только незначительною частью была отложена по внутреннему скату вала, а всею остальною частью поступила въ отсыпи, расположенныя въ формѣ невысокихъ валовъ, идущихъ отъ выхода изъ ямы внутрь двора городища (рис. 100, а, а, а). Повидимому, совершенно также возникли и все прочія майданныя сооруженія, совершенно исказившія первоначальный видъ вала. При этомъ изъ него извлекался только золистый слой, а внѣшній глиняный массивъ вала всюду оставался нетронутымъ.

Траншея II, рис. 100.

Вторая траншея заложена недалеко отъ первой, поперекъ майданной ямы. Ею установлено, что дно послѣдней ямы доходило только до черноземнаго материковаго пункта, т.-е. до горизонта, что впоследствии дно ямы засорилось черной почвой на 1 арш. 7 верш.; въ этой почвѣ удалось найти одинъ обломокъ тонко-стѣнной глиняной посуды современнаго типа и два обломка посуды типовъ, свойственныхъ культурѣ зольниковъ городища и золистому слою вала. Все три обломка, несомнѣнно, попали въ новѣйшую почву ямы случайно: первый благодаря близости современныхъ населенныхъ пунктовъ, а вторые благодаря близости почвы, насыщенной такими остатками.

Траншея III, рис. 100.

Траншея заложена поперекъ дна рва; она служитъ какъ бы продолженіемъ траншеи I и назначалась для выясненія профили рва. Траншея имѣла 8 аршинъ длины, при 2 арш. ширины. Ею выяснено, что первоначально ровъ имѣлъ, при тридцатиаршинной ширинѣ по верху, $5\frac{1}{2}$ аршинъ глубины и болѣе 8 аршинъ ширины по низу. Дно ровное, лёссовое, получившее темноватую окраску, вѣроятно, отъ застойной воды и осаждавшейся на днѣ рва черной почвы. Этой почвы отложилось два аршина. Въ ней найдено нѣсколько обломкомъ глиняной посуды древняго типа, свойственнаго городищу.

Траншея IV, рис. 100

Въ настоящее время Западное городище имѣетъ четверо воротъ, расположенныхъ довольно правильно по четыремъ странамъ свѣта. Изъ этихъ воротъ, двое: сѣверныя и южныя, недавняго происхожденія; происхожденіе западныхъ воротъ — загадочно; вокругъ всѣхъ нихъ шелъ непрерывный ровъ, отъ котораго сохранились еще ясные слѣды. Несомнѣнно древними представляются только одни восточныя

ворота, ведущія внутрь Большого городища. Противъ этихъ воротъ не сохранилось никакихъ наружныхъ признаковъ существованія рва. Съ цѣлью точнѣе рѣшить вопросъ объ отсутствіи или существованіи его и была заложена описываемая траншея. Она приходилась какъ разъ противъ середины воротъ и поперекъ средней части предполагаемаго рва.

Траншея доведена на глубину 3 аршинъ. Прорѣзался однородный слой черной влажной почвы, совершенно одинаковый съ слоемъ почвы, прорѣзанной на днѣ рва въ траншеѣ III. Это вполне доказывало существованіе рва и противъ восточныхъ воротъ, почему дальнѣйшее углубленіе траншеи признано излишнимъ. Въ траншеѣ найдены два большихъ обломка глиняной посуды древнѣйшаго городищенскаго типа.

Въ результатѣ устанавливалось, что ровъ охватывалъ городище кругомъ. Осталось только невыясненнымъ, отдѣлялъ ли ровъ отходящіе отъ Западнаго городища валы Большого городища. Въ настоящее время, эти валы отдѣлены отъ валовъ Западнаго городища оврагами, уничтожившими все признаки, по которымъ было бы возможно составить правильное сужденіе объ отношеніи валовъ обоихъ городищъ.

Траншея V, рис. 100.

Траншея заложена предъ выходомъ изъ обследованной майданной ямы. Она предназначалась для выясненія характера наслоенія почвы въ данномъ пунктѣ, интересномъ уже потому, что черезъ него совершилась вся дѣятельность какъ по сооруженію, такъ и по возможной эксплуатаціи майданнаго сооруженія.

Яма вырыта на глубину $2\frac{1}{2}$ аршинъ; на 2 арш. 7 верш. шелъ густой черноземъ, ниже — лёссъ (глей). Черноземный слой наслоенъ покойно, безъ признаковъ какого-либо особаго воздѣйствія на него человѣка; въ немъ встрѣчено нѣсколько обломковъ посуды и осколковъ костей животныхъ, обычныхъ въ поверхностномъ культурномъ слое городища.

Траншея VI, рис. 100.

Траншея заложена въ открытомъ мѣстѣ, внѣ майданнаго сооруженія. Цѣль траншеи — проверить, точно-ли наслоеніе траншеи V имѣетъ нормальный характеръ.

Яма вырыта на ширину $1\frac{3}{4}$ аршина; на $1\frac{1}{2}$ аршина шелъ густой черноземъ, ниже — лёссъ (глей). Въ черноземѣ, наслоенномъ покойно, безъ признаковъ какого-либо особаго воздѣйствія на него человѣка, встрѣчены обломки глиняной посуды и осколки костей, но въ незначительномъ количествѣ.

Въ общемъ характеръ наслоенія описываемой траншеи схожъ съ наслоеніемъ траншеи V. Большая мощность чернозема въ траншеѣ V могла зависѣть или отъ естественной конфигураціи мѣстности, представлявшей въ настоящее время заросшую впадину, или отъ присутствія на мѣстѣ траншеи искусственной выемки внутренняго рва, существованіе котораго въ городищѣ необходимо допустить, потому что въ насыпи вала находится много культурной почвы, взятой, очевидно, со двора городища и, конечно, правдоподобнѣе всего, близъ вала, гдѣ и располагалась траншея V.

Траншея VII, рис. 100.

Траншея заложена поперекъ двухъ смежныхъ майданныхъ валовъ, въ ихъ противоположныхъ концахъ отъ выхода изъ ямы, съ цѣлью изученія почвы валовъ и ея содержимаго. Вся почва въ валахъ, какъ и ожидалось, представлялась

крайне перепутанною: черноземъ, золистый черноземъ и лёссъ, разбитый на крошки, наблюдались чуть не на каждомъ верхкѣ разрѣза. Въ этой смѣшанной почвѣ встрѣтились обломки глиняной посуды и осколки костей животныхъ, одинаковые съ тѣми, какіе встрѣчались въ зольномъ слоѣ чернозема въ разрѣзѣ вала городища и на поверхности зольниковъ. Было ясно, что вся масса почвы майданныхъ валовъ взята изъ городищенскаго вала.

На горизонтѣ найдена длинная доска, вершка 4 шириною и около $\frac{1}{2}$ вершка толщиною. Доска ветхая, прогнившая, но все же настолько крѣпкая, что ее съ трудомъ можно было перерубить заступомъ, такъ какъ конецъ ея уходилъ за предѣлы траншеи.

Продолжая траншею вглубь, пришлось прорѣзать слой нормальнаго для городища чернозема, достигавшаго здѣсь $2\frac{1}{2}$ аршинъ толщины, и обычно подстилающей его лёссъ. Такимъ путемъ выяснено, что толща чернозема, засыпаннаго майданными валами, равна мощности чернозема открытаго мѣста, охваченнаго этими валами (траншея V), а это лучше всего доказываетъ недавность происхожденія майданнаго сооруженія, такъ какъ всѣ старыя насыпи, будь то валы укрѣпленій или курганы, глубоко врастаютъ въ черноземъ; такъ, напримѣръ, зольники изслѣдуемаго городища, представляющіе, несомнѣнно, древніе остатки, вросли на глубину не менѣе $\frac{1}{2}$ аршина.

Траншея VIII, рис. 100.

Площадка, охваченная майданными валами, представляется выпуклою, напоминающая форму обыкновеннаго зольника. На самой вершинѣ выпуклости выкопаны, вѣроятно, одновременно съ майданомъ двѣ квадратныхъ довольно обширныхъ ямы съ выкидомъ земли, расположеннымъ вокругъ каждой изъ нихъ.

Траншея VIII заложена на краю одной изъ этихъ ямъ. Прорѣзая слой выпуклости до грунтоваго чернозема, легко было убѣдиться, что выпуклость, дѣйствительно, представляетъ зольникъ, изобилующій костями животныхъ и обломками глиняной посуды. Эти остатки найдены и въ выкидѣ земли изъ старой ямы, что указываетъ на происхожденіе ямъ въ позднѣйшее время и во всякомъ случаѣ послѣ того, какъ холмъ зольника получилъ свою окончательную форму.

Болѣе обширнаго изслѣдованія зольника не произведено, какъ потому, что лучшая центральная часть его уже испорчена старыми ямами, такъ и еще болѣе потому, что желательнo было повести изслѣдованіе этихъ, почти незнакомыхъ остатковъ въ нетронутыхъ цѣлыхъ пунктахъ.

Обзоръ майданныхъ сооруженій въ городищѣ.

Рядъ вышеописанныхъ траншей, прорѣзанныхъ съ цѣлью выясненія времени и назначенія одного изъ громаднѣйшихъ майданныхъ сооруженій, выяснилъ, что появленіе этого сооруженія относится къ позднему времени. Громадная майданная яма разрѣзала валъ вдоль, но не серединой, а ближе къ внутренней сторонѣ, насыпанной изъ золистой культурной почвы, взятой, несомнѣнно, со двора городища и, именно, изъ зольниковъ. Внѣшній же массивъ вала, состоящій изъ чистаго лёсса, остался нетронутымъ. Очевидно, создателей майдана интересовалъ, именно, зольный слой и они его вынули изъ вала и расположили довольно симметрично, сравнительно небольшими валами, начинающимися у выхода изъ образовавшейся ямы въ валу городища. Все сооруженіе указывало на систематичность и обдуманность работы.

Изучая весь валъ Западнаго городища, мы нашли подобныя сооруженія повсюду. На ряду съ ними имѣются ямы, по своей формѣ, размѣрамъ и расположенію схожія съ майданными, но безъ валовъ, сопровождающихъ послѣднія; выбранная же изъ такихъ ямъ земля лежитъ по внутреннему и отчасти вѣшнему скатамъ вала. Въ этихъ случаяхъ очевиднымъ является, что копавшіе яму преслѣдовали цѣли изыатія извѣстнаго количества, а, можетъ быть, и сорта земли изъ вала, а не планировки ея въ формѣ валовъ на новомъ мѣстѣ. Между прочимъ, такая яма лежитъ по сосѣдству съ изслѣдованнымъ нами майданомъ, немного сѣвернѣе его (пл. 2, рис. 99).

Типичныхъ майдановъ нами подсчитано 24; изъ нихъ 23 имѣютъ валы, направленные внутрь городища, и 1 съ валами, направленными наружу. Ямы многихъ майдановъ слились, представляя какъ бы одну траншею. Вдоль западнаго фаса городища одна изъ такихъ траншей тянется на длину около 200 сажень. При этомъ майданные валы замѣтно тѣснятъ другъ друга, часто принимаютъ совершенно необычную планировку, а иногда пересѣкаются. Въ послѣднихъ случаяхъ является возможность установить послѣдовательность сооруженія майдановъ. Первый майданъ къ сѣверу отъ восточныхъ воротъ (см. пл. 2, рис. 99 и 100) имѣлъ два широко расходящіеся вала: видимо, при насыпкѣ этихъ валовъ прилегающая площадь была свободною. Но при насыпкѣ валовъ второго майдана, въ которомъ нами произведены раскопки, пришлось засыпать конецъ одного вала перваго майдана, потому что этотъ конецъ стѣснилъ работу во второмъ майданѣ.

Не менѣе любопытныя детали наблюдались въ майданахъ южнѣе западныхъ воротъ городища, гдѣ майданныя ямы слились въ одну траншею. Тамъ иногда отъ выхода изъ ямы валъ направляется почти перпендикулярно. Отъ этого вала отходятъ въ сторону меньшіе валы. Такое сочетаніе валовъ указываетъ, что создатели майдана имѣли ближайшею цѣлью расположить извлеченную изъ городищенскаго вала почву по кратчайшей линіи и что только избытокъ этой земли понуждалъ растягивать ее вбокъ, а это какъ бы указываетъ на то, что создатели майдана тяготились избыткомъ вынутой изъ вала земли, а слѣдовательно эта земля не составляла главной цѣли раскопки валовъ; при такихъ условіяхъ, явись болѣе легкій способъ пустить всю эту землю на воздухъ, ее непременно пустили бы, лишь бы она не мѣшала рыть яму, посредствомъ которой, очевидно, предполагалось достигнуть главной цѣли. Вотъ почему при нѣкоторыхъ ямахъ совсѣмъ нѣтъ валовъ и вынутая земля брошена по ближайшимъ скатамъ городищенскаго вала. Удаленіе же земли изъ большинства ямъ въ видѣ валовъ показываетъ, что такой способъ былъ легче. Первый способъ являлся, несомнѣнно, обыкновеннымъ ручнымъ, второй же, нужно полагать, сопровождался примѣненіемъ какихъ-либо другихъ силъ, неручныхъ, а такими силами, даже въ самомъ недавнемъ прошедшемъ, были силы домашнихъ животныхъ. Если допустить, что удаленіе земли изъ майданныхъ ямъ производилось посредствомъ волокушъ, запряженныхъ волами, то легко объяснятся смыслъ, формы и планировка майданныхъ валовъ. Непонятными останутся лишь тѣ случаи, когда майданные валы удалены или, вѣрнѣе, оторваны отъ первоначальныхъ насыпей, изъ которыхъ они получили свое начало. Но такія явленія можно объяснить разными сторонними причинами, напр., болѣе интенсивной отмывкой земли дождевыми и весенними водами, болѣе сильнымъ воздѣйствіемъ современнаго человѣка, старательно выглаживающаго неровности земли, мѣщающія земледѣлію, и т. п.

Помимо майданныхъ большихъ ямъ, такъ сильно изуродовавшихъ древніе валы городища, существуютъ еще небольшія рытвины и ямы. Онѣ такъ же,

какъ и большія майданныя ямы, располагаются съ внутренней стороны городищенскаго вала, т.-е. врѣзаются въ рыхлый золистый слой, минуя неодолимый наружный лёссовый массивъ вала. Эти рытвины и ямы, по словамъ мѣстныхъ крестьянъ, принадлежатъ современнымъ кладонскаателямъ.

У жителей с. Бѣльска существуетъ непоколебимая вѣра въ то, что въ земляныхъ валахъ Западнаго городища скрыты несмѣтныя сокровища, добыть которыя многіе желаютъ; поэтому кладонскаательство здѣсь развито чрезвычайно сильно. Нѣкоторые кладонскаатели вооружаются ручными буровыми, которыми сверлятъ насыпи, и, случайно напавши на какой-нибудь камень, тотчасъ же принимаются копать. Небольшія ямины въ валу и составляютъ памятники ихъ дѣятельности.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о майданѣ съ валами, проведенными не внутрь, а наружу городища (пл. 2, с., рис. 99). Этотъ майданъ плохо сохранился: черезъ него прорѣзаны сѣверныя ворота для ѣзды, во время уборки полей и прогона скота на водопой къ ближайшимъ прудамъ, а валы разорваны и размывы водою, стекающею послѣ сильныхъ дождей и весенняго таянія снѣга, по ложбинѣ заплывшаго рва, и представляютъ видъ четырехъ продолговатыхъ холмиковъ. Главный интересъ этого майдана заключается въ томъ, что онъ ясно доказываетъ позднѣйшее происхожденіе майдановъ и, именно, въ то время, когда городище не только успѣло запустѣть, но когда наружный ровъ его, въ данномъ пунктѣ, почти совсѣмъ заплылъ и не представлялъ препятствія для свободнаго движенія, необходимаго при разсыпаніи майданной земли. Слѣдовательно, майданы съ городищемъ никакой, кромѣ чисто случайной, связи не имѣютъ, что и вполнѣ подтверждается совершеннымъ отсутствіемъ майдановъ въ Восточномъ Бѣльскомъ городищѣ, сооруженныхъ, несомнѣнно, одновременно съ описываемымъ Западнымъ городищемъ.

Въ валахъ Большаго Бѣльскаго городища майданы также отсутствуютъ, но въ нихъ, въ одномъ пунктѣ, имѣется длинная продольная яма безъ сопровождающихъ ее майданныхъ валовъ. Эта яма начинается у вѣзда, близъ хут. Выкча, (планъ 1, рис. 97), и идетъ на западъ вдоль всей хуторской усадьбы. Яма и выброшенная изъ нея земля на скаты вала заросли и представляются старыми, вѣроятнѣе всего, Современными майданнымъ сооруженіямъ Западнаго городища.

Профили Западнаго городища.

(См. соотвѣств. чертежи).

Для составленія профилей предполагалось на каждомъ фасѣ сдѣлать по одному искусственному разрѣзу вала и рва, но это оказалось невыполнимымъ, такъ какъ требовало много времени и средствъ, вслѣдствіе чего пришлось ограничиться менѣе точными профилями, составленными при помощи рулетки и трехаршинной рейки.

Профиль № 1, составленная по искусственному разрѣзу, представляется самою вѣрною. Въ чертежѣ вала преднамѣренно не обозначены слои земли, налегающіе на внутренней скатъ вала, получившіе свое начало въ позднѣйшее время изъ майданныхъ ямъ и поэтому имѣющихъ къ первоначальной профили вала лишь случайное отношеніе. Очертанія рва реставрированы. Послѣ чего получаютъ ширина вала 32, высота 9, ширина рва 30, глубина $5\frac{1}{2}$, высота наружнаго вала (глазиса) $1\frac{1}{2}$ аршина.

Профиль № 2 представляетъ участокъ вала между двумя майданными ямами и отвѣчаетъ современному очертанію вала и рва. Валъ на $\frac{1}{2}$ арш. ниже, чѣмъ въ

1-й слой.

На 2-мъ участкѣ найденъ обломокъ костяной подѣлки въ видѣ застежки и ручка глиняной чарки. На глубинѣ 4—5 вершковъ открыты куски обожженной глины, служившіе обмазкой какого-то сооруженія; лицевыя стороны кусковъ гладкія, а оборотныя—пересѣчены отпечатками прутьевъ, къ которымъ когда-то глина примазывалась.

На уч. 3—одна глиняная плоская рогатая застежка (цурка — по-малороссійски) и одна глиняная пуговица (гузыкъ — по-малороссійски) въ видѣ пряслицы конической формы съ одной скважиной въ срединѣ.

На уч. 4—глиняная пуговица (гузыкъ) конической формы, очень малыхъ размѣровъ.

На уч. 8—блоковидная глиняная застежка (цурка). Встрѣчены куски обожженной глины, служившіе обмазкой какого-то сооруженія.

На уч. 9—двѣ глиняныхъ пуговицы (гузыка) и одно днище греческой амфоры.

На уч. 10—одна глиняная пуговица.

Обломки глиняной посуды и кости животныхъ встрѣчались во всѣхъ участкахъ въ изобиліи. Первые принадлежали къ греческимъ амфорамъ, грубымъ горшкамъ съ орнаментомъ по обрѣзу верхняго края и шейкѣ, въ видѣ рубчиковъ, скважинъ и грубыхъ лѣпныхъ шнурковъ съ защитнымъ узоромъ, большимъ горшкомъ съ черной гляцевитюю поверхностью, мискамъ, чашечкамъ и т. п.

Кости принадлежали домашнимъ животнымъ: коровѣ, овцѣ, свинѣ и лошади.

2-й слой.

На уч. 6 найдена глиняная пуговица и открытъ цѣлый остовъ молодого барашка, лежавшаго на боку съ поджатыми ногами.

На уч. 7—цѣлый черепъ свиньи.

На уч. 8—обломокъ костяной псаліи съ концомъ, обработаннымъ въ форму копыта, и цѣлый черепъ свиньи.

На уч. 9 и 10—по одной глиняной пуговицѣ.

Обломки посуды и кости животныхъ встрѣчались такъ же часто, какъ и въ 1-мъ слой, и принадлежали тѣмъ же видамъ.

3-й слой.

На уч. 5 найдены остатки небольшого кострища, состоящаго изъ чистой золы и мелкихъ угольковъ. Близъ кострища найдена стеклянная синяя бусинка, а нѣсколько въ сторонѣ—глиняная пуговица.

На уч. 4 и 10—по одной глиняной пуговицѣ.

На уч. 5—остатки обожженной глины.

Обломки глиняной посуды и кости животныхъ такъ же часты и тѣхъ же видовъ, какъ и въ первыхъ слояхъ.

4-й слой.

На уч. 9, на глубинѣ 1 арш. 6 вершковъ, открытъ цѣлый остовъ барашка.

5-й слой.

На уч. 7, на глубинѣ 1½ арш., обнаженъ прослоекъ желтаго песка, покрытаго золою и углемъ; прослоекъ занималъ около одной квадратной сажени.

6-й слой.

На уч. 3 найдена костяная застежка (цурка) замѣчательной сохранности, съ простымъ рѣзнымъ орнаментомъ.

Траншея закончена на глубинѣ 2 арш., по грунтовому чернозему.

Культурные остатки, въ видѣ обломковъ глиняной посуды и осколковъ костей во всѣхъ слояхъ, принадлежали однимъ и тѣмъ же видамъ.

Изъ костей животныхъ опредѣлены:

	Челюсти	Длинная ножна.	Астрагалы.	Фаланги	Копытная.
Коровы	3	6	4	22	1
Овцы }	28	10	7	9	— Кромѣ того, 2 цѣлыхъ остова.
Козы }	—	—	—	—	— 1 рогъ.
Свиньи	18	5	4	6	— 2 цѣлыхъ черепа.
Лошади	5	3	9	15	2.
Собаки	3	—	—	—	—

Кромѣ того, въ слояхъ траншеи неоднократно встрѣчалась раковина сухопутнаго моллюска *Helix fruticum*.

Траншея II, рядомъ съ I.

Длина траншеи 33, ширина 3 и глубина 2 аршина.

Найдены глиняныя пуговицы на уч. 1, 2, 3, 5, 6, 7 и 8. На уч. 4, на глубинѣ вершковъ 8 отъ поверхности, найденъ обломокъ греческаго чернофигурнаго сосуда, на которомъ сохранились ноги двухъ бѣгущихъ людей. На уч. 1, на глубинѣ 12 вершковъ, открытъ цѣлый остовъ овцы.

Въ траншеѣ найдены обломки глиняной посуды и осколки костей въ томъ же количествѣ, какъ и въ траншеѣ I.

Опредѣлены:

	Челюсти	Длинная ножна	Астрагалы	Фаланги	Копытная
Коровы	11	3	8	24	4
Овцы }	17	3	7	1	1 (1 цѣлый остовъ).
Козы }	—	—	—	—	3 рога козы.
Свиньи	18	4	2	2	1
Лося	—	—	—	1	—
Лошади	7	4	6	9	6
Собаки	7	—	—	—	—

Амфорныхъ днищъ найдено 3.

На уч. 2 и 8 встрѣчались куски обожженной глины, служившими обмазкой какого-то сооруженія.

Траншея III.

Траншея длиною въ 33, шириною въ 3 и глубиною въ 2 арш.

Труды XIV Арх. Съѣзда, т. III.

1 и 2 слои.

На уч. 3-мъ найдены: точильный брусокъ и половина проволочнаго бронзоваго браслета съ шарикомъ на концѣ.

На уч. 5-мъ, на глубинѣ 10 вершковъ, открытъ цѣлый остовъ молодой свиньи.

На уч. 6, на глубинѣ 10 вершковъ, открытъ цѣлый остовъ овцы и найдены, на разныхъ глубинахъ, двѣ глиняныхъ пуговицы, изъ нихъ одна съ двумя от-верстіями.

На уч. 7—двѣ глиняныхъ пуговицы.

На уч. 8—обломокъ костяной псаліи.

На уч. 9—обломокъ костяной псаліи и гра-нитный жерновокъ (терка).

На уч. 10 и 11— пять глиняныхъ пуговицъ и желѣзное шило.

На глубинѣ 6 вершковъ, въ уч. 9 и 10 открытъ толстый пластъ обожженной глины. На той же глу-бинѣ встрѣчаются куски жженой глины и въ дру-гихъ сосѣднихъ участкахъ.

Слой 3 и 4.

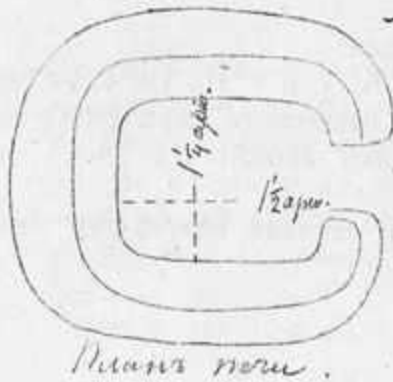
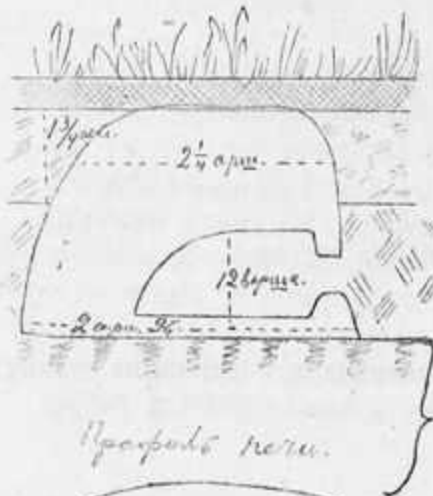

Рис. 102.

Глиняныя пуговицы найдены на участкахъ 1, 4, 6, 7, 9 и 11. На уч. 2-мъ найденъ обломокъ бронзовой гривны или браслета съ витымъ орна-ментомъ.

На уч. 9 и 10 открыта глинобитная печь. Одинъ бокъ ея срезанъ ранѣе, чѣмъ выяснилось, что имѣется дѣло съ цѣлымъ памятникомъ. Остав-шаяся цѣлою большая часть печи сохранилась пре-красно (рис. 102).

Въ планѣ печь четырехугольная съ округлен-ными углами; въ длину имѣеть 2 арш. 9 верш., въ ширину—2 арш. 3 вершка.

Печь представляетъ видъ массивнаго соору-женія изъ обожженной глины. Ея стѣны и верхъ очень толсты, но подъ (полъ)—тонкій. Затопъ обра-щенъ на югъ.

Высота печи—1 арш. 4 вершка; подъ имѣлъ въ длину $1\frac{1}{2}$, а въ ширину— $1\frac{1}{4}$ аршина. Трубы, повидимому, совсѣмъ не было.

Печь стояла на грунтѣ материковаго чернозема, но она явилась уже тогда, когда материкъ покрылся культурнымъ слоемъ городища на толщину 1 аршина; такъ что печь стояла въ землянкѣ, небольшую часть которой намъ удалось про-слѣдить, но остальная большая часть оказалась перерытою подъ болѣе позднія землянки той же эпохи. Вокругъ печи найдено много костей, битой глиняной посуды, амфоръ, а также двѣ костяныхъ псаліи съ концами, обработанными въ форму конскаго копыта, и нѣсколько другихъ вещей.

Не далеко отъ печи, несомнѣнно, существовала, сравнительно съ зольникомъ, болѣе поздняя яма. Она прослѣжена на 5 аршинъ вдоль траншеи III и въ ней найдены вещи и кости животныхъ, совершенно аналогичныя съ найденными вокругъ глинобитной печи.

Во всѣхъ трехъ вырытыхъ траншеяхъ попадалось повсюду много обожженной

глины. Некоторые куски ясно указывали на то, что они служили для обмазки стѣнъ какого-то, вѣроятно же всего, жилого помещенія. На ряду съ обожженной глиной встрѣтились куски обугленного дерева.

Изъ костей животныхъ опредѣлены:

	Челюсти	Длинные нозья	Астрагалы	Фаланги	Копытныя	
Коровы . . .	3	3	7	13	3	
Овцы } . . .	12	6	4	2	—	Одинъ рогъ и цѣлый остовъ овцы.
Козы } . . .	—	—	—	—	—	Одинъ рогъ, обрубленный у корня.
Свиньи . . .	20	4	3	4	—	Одинъ цѣлый остовъ свиньи.
Лошади . . .	3	9	5	14	1	
Собаки . . .	4	—	—	—	—	

Траншея IV.

Траншея 33×3×2 аршина.

Въ верхнемъ слоѣ, на уч. 4 найдены двѣ чугунныя картечныя пули. Случай находокъ подобныхъ пуль на площади Западнаго городища не рѣдки: куплено у крестьянъ 5 пуль, найденныхъ въ южной части городища.

На уч. 6 найденъ обломокъ бронзовой трехгранной стрѣлы, т. наз. скиѣскаго типа. Въ отсыпи нашихъ работъ найдена цѣлая бронзовая стрѣла того же типа.

Изъ костей опредѣлены:

	Челюсти	Длинные нозья	Астрагалы	Фаланги	Копытныя	
Коровы	4	4	3	9	—	2 и 1 рогъ.
Овцы }	11	3	3	2	—	
Козы }						
Свиньи	3	—	4	—	—	
Лошади	—	—	2	3	—	
Собаки	2	—	—	—	—	

Траншея V.

Размѣры: 33×3×2 аршина.

Глиняныя пуговицы найдены на уч. 2 (двѣ), 5, 6 (двѣ), 7, 8, 9 (двѣ), 10 и 11 (три). На уч. 3 найдена чугунная картечная пуля и миниатюрный глиняный сосудикъ древняго типа. На уч. 5 и 7 найдены, среди обломковъ жженой глины, около 15 штукъ глиняныхъ загадочныхъ подѣлокъ. Изъ нихъ 9 штукъ лежали сложенными въ пирамидку (рис. 103). Формы подѣлокъ преобладаютъ блоковидныя, хотя есть цилиндрическія, укороченныя цилиндрическія съ овальной вершиной и даже четырехгранныя, какъ кирпичъ, съ которымъ схожи и размѣры. Всѣ эти предметы сдѣланы изъ плохой, слабо обожженной глины. На-

Рис. 103.

значеніе ихъ крайне загадочно, но они совершенно схожи съ найденными Шлиманомъ въ развалинахъ Гиссарлика.

На уч. 6 и 8, недалеко отъ вышеописанной глинобитной печи, найдено по одному полному остову овецъ.

Въ зольникѣ № 1 особенно изобиловали обломки глиняной посуды, преимущественно мѣстной выработки, то довольно хорошей, то варварски грубой и неряшливой. Особый интересъ представляли обломки большихъ горшковъ съ черною глянцевиною поверхностью и обломки чашекъ въ формѣ греческихъ фіаловъ. Изъ привозной посуды найдено восемь дницъ амфоръ, обломки древнегреческой росписной и чернолаковой посуды и много обломковъ боковыхъ стѣнокъ и ручекъ, повидимому, амфоръ.

Изъ костей животныхъ опредѣлены:

	Челюсти	Длинные кости	Астрагалы	Фаланги	Копытныя
Коровы	9	8	4	16	—
Овцы }	20	2	8	4	— Два цѣлыхъ остова.
Козы }	—	—	—	—	— 1 рогъ, отрубленный у корня.
Лошади	—	3	—	7	—
Собаки	4	—	—	—	—

Зольникъ № 2, планъ 2 (рис. 99) и проф. 5.

Траншея I.

Размѣры: 30×3×2 аршина.

1-й слой.

На уч. 1 найдены 2 глиняныя пуговицы конической формы.

На уч. 3—1 глиняная пуговица и 1 бронзовая стрѣлка скинскаго типа.

На уч. 4—1 глиняная пуговица.

На уч. 5—2 бронзовыхъ стрѣлки скинскаго типа.

На уч. 6 — обломокъ человѣческаго черепа и 1 глиняная пуговица.

На уч. 7 — двѣ глиняныя пуговицы.

Куски обожженной глины встрѣчались, но въ небольшомъ количествѣ. Назначеніе ихъ здѣсь не понятно.

4-й слой.

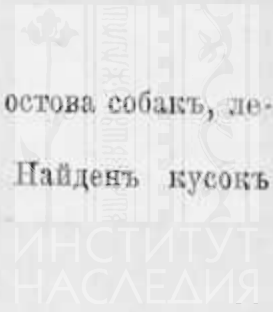
Глиняныя пуговицы найдены на уч. 1, 3, 4. На уч. 3 встрѣчена лобная кость человѣка; на уч. 6 — собачій черепъ; на уч. 4, на глубинѣ 1½ аршина, открытъ прослойкъ желтой глины (лѣсса), а въ немъ лежалъ шлакъ желѣзной руды.

Обломки глиняныхъ сосудовъ тѣ же, какъ и въ первыхъ случаяхъ. Найдена рогатая ручка чарки. Но съ углубленіемъ внизъ зольника вещей попададо меньше.

5-й слой.

На уч. 6, на глубинѣ 1 арш. 12 вершковъ, найдены два остова собакъ, лежавшихъ рядомъ.

Обломки глиняной посуды ранѣе встрѣченныхъ типовъ. Найдены кусокъ шлака желѣзной руды.

6-й слой.

Вещей не найдено. Изрѣдка встрѣчались кости животныхъ и обломки глиняной посуды.

Траншея закончена на глубинѣ 2 арш., по лёссу, составляющему подпочву.

Изъ костей животныхъ опредѣлены:

	Челюсти	Длинные ножики	Астралаги	Фаланги	Копытная
Коровы	27	10	16	42	3 и 1 рогъ.
Овцы }	16	6	8	1	—
Козы }	—	—	—	—	3 рога.
Оленя	—	—	—	—	1 рогъ.
Лося	—	—	—	1	—
Свиньи	18	11	—	2	—
Лошади	14	2	7	21	4 Черепъ съ обломан. частями.
Собаки	19	—	—	—	— Семь череповъ.
Человѣка	1, молочные зубы, бедро и части черепа.				

З а м ѣ ч а н і е.

Культура зольника № 2 однородна съ культурой зольника № 1. Верхніе слои зольниковъ богаче находками; отсюда естественно полагать, что культура народа прогрессировала и развивалась до оставленія зольниковъ, а вмѣстѣ съ ними, вѣроятно, и всего городища.

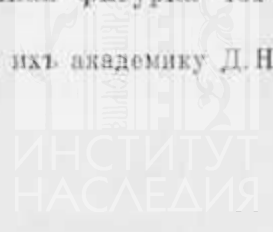
Присутствіе въ слояхъ зольника цѣлыхъ остововъ животныхъ и отдѣльных костей человѣка загадочно. Собаки, повидимому, употреблялись въ пищу, такъ какъ кости ихъ въ большинствѣ случаевъ лежатъ разбросанно и единично, какъ кости другихъ животныхъ, несомнѣнно употреблявшихся въ пищу. Собаки принадлежали двумъ породамъ: мелкой, не болѣе лисицы, и болѣе крупной, съ среднюю современную дворняжку ¹⁾).

Траншея II.

Размѣры: 30×3×1½. Траншея проведена перпендикулярно къ срединѣ траншеи I.

Глиняныя пуговицы найдены на уч. 1 (три), 2 (двѣ), 3 (двѣ), 9 (одна). На уч. 2 найденъ обломокъ точильнаго бруска; на уч. 4 - три цѣлыхъ горшечка, стоявшихъ рядомъ; на глубинѣ 10 вершковъ желѣзное шило, мѣдное колечко и костяная псалія; на уч. 5—бронзовая стрѣлка, глиняная бусина и бусина изъ бѣловатой смальты, половинка бусины изъ египетской голубой смальты (на глубинѣ 1 арш.), обломки чернолаковой посуды и раковина *Surgaea moneta*; на уч. 6—куски желѣзныхъ шлаковъ, обломокъ чернолаковой греческой посуды; на уч. 7, на глубинѣ 1½ аршина, кружокъ, выточенный изъ обломка чернолаковой греческой посуды; на уч. 8—кусокъ чернолаковой греческой посуды; на уч. 9 — костяная ручка желѣзнаго ножа, съ верхнимъ концомъ, обработаннымъ въ формѣ головки льва или вообще кошки; на уч. 10 — глиняная фигурка чет-

¹⁾ Черепъ собаки, свиней и овецъ даны для научнаго изслѣдованія изъ академику Д. Н. Анучину. Авторъ.

вероногаго животнаго съ отбитой головой; на уч. 3 — желѣзный предметъ и цѣлый остовъ овцы, лежавшей на боку.

Обломки глиняной посуды встрѣчены въ изобиліи; много обломковъ греческихъ амфоръ; прослѣжены попытки производства мѣстныхъ амфоръ, но очень неудачныя.

Встрѣчены куски обожженной глины, иногда формованные въ видѣ блоковидныхъ и цилиндрическихъ предметовъ, точильные камни, желѣзные и мѣдные шлаки.

Изъ костей животныхъ особенно обратили на себя вниманіе кости свиней. Свиньи, очевидно, были домашнія; среди ихъ костей встрѣчены принадлежавшія всѣмъ возрастамъ, начиная съ самаго юнаго.

Опредѣлены:

	Челюсти	Длиныя ножныя	Астрагали	Фаланги	Конягилы
Коровы	19	14	18	40	7
Овцы }	22	8	6	11	— Одинъ цѣлый остовъ.
Козы }					3 рога.
Свиньи	28	12	5	1	
Лошади	4	18	12	24	3
Собаки	10	—	—	—	— Одинъ цѣлый остовъ.
Утки	—	—	—	—	— Черепъ.
Раковины:					

Cypraea moneta и *Helix fruticum*.

Траншея II закончена на глубинѣ 1½ аршина, по грунтовому чернозему; дно ея было тщательно зачищено. Первое отложеніе зольника совершилось на ровной мѣстности. Нижній слой зольника, обозначившійся болѣе темнымъ тонкимъ прослойкомъ, легко отдѣлялся отъ материка. Въ прослойкѣ найдены: кости коровы, обломокъ греческой чернолаковой посуды, одна костяная пуговица съ двумя отверстіями для пришивки, а на самомъ горизонтѣ, на уч. 2-омъ, открытъ небольшой костеръ, діаметромъ менѣе 1 аршина. Съ теченіемъ времени зольникъ нарасталъ быстрѣе въ срединѣ, чѣмъ по краямъ, вслѣдствіе чего и получился его холмообразный видъ (см. рис. 5 профиль).

Траншея III.

Траншея состоитъ изъ трехъ отрѣзковъ.

Размѣры: 30×3×1½ аршина.

На уч. 1 найденъ обломокъ греческой посуды; на уч. 3 — привѣска изъ раковины *Cypraea moneta*; на уч. 4 — бронзовая стрѣла; на уч. 7 — бронзовая стрѣла; на уч. 8 — въ первомъ слою, — обломки греческой чернолаковой посуды; на уч. 10 — бронзовая стрѣла, на глубинѣ ½ аршина.

Глиняныя пуговицы и глиняные кружки встрѣчались на всѣхъ участкахъ. Амфорныхъ днищъ найдено 10; грузилообразныхъ крупныхъ глиняныхъ подѣлокъ—18; точильныхъ камней—3.

Обращаютъ вниманіе грузилообразныя подѣлки изъ обожженной глины, иногда съ глубокими, но не сквозными дырами, сдѣланными какъ бы пальцемъ въ сырой глинѣ. Назначеніе ихъ загадочно. Ихъ нельзя принимать за грузила, потому что онѣ не имѣютъ сквозныхъ дыръ, необходимыхъ въ грузилахъ для привязи къ сѣтямъ; нельзя принимать и за болванки для лѣпки глиняной посуды, такъ какъ среди нихъ большинство блоковидной, а иногда четырехгранной формы. Подобныя подѣлки найдены Шлиманомъ въ Гиссарликѣ, въ развалинахъ Троя.

Изъ костей животных опредѣлены:

	Челюсти	Длинная ножица	Астрагалы	Фаланги	Копыта
Коровы	11	9	14	41	1
Овцы }	11	6	10	2	—
Козы }	—	—	—	—	— 1 рогъ.
Свиньи	14	8	1	2	—
Лошади	10	4	2	30	—
Собаки	3	—	—	—	—
Утки	—	—	—	—	— Черепъ.
Раковины:	Сургаea moneta и Unio — рѣчная.				

Траншея закончена на глубинѣ 1¹/₂ арш., по грунтовому чернозему. Въ самомъ нижнемъ слое зольника найдены: одна глиняная пуговица и челюсть лошади.

Зольникъ № 3, см. планъ 2 (рис. 99) и проф. 7.

Траншея I.

Траншея проведена черезъ середину зольника. Размѣры ея 15×6×2³/₄ арш. Найдено много глиняныхъ пуговицъ и глиняныхъ кружковъ, одно металлическое (серебряное?) колечко, два желѣзныхъ ножа и одно днище амфоры.

Особенный интересъ возбуждаютъ встрѣченныя нѣсколько разъ створки рѣчныхъ раковинъ Unio; очевидно, ихъ явленіе въ зольникахъ не случайно.

Траншея закончена на глубинѣ 2³/₄ аршина, по грунтовому чернозему. Вся пройденная толща состоитъ преимущественно изъ золы, костей животныхъ, битой посуды и др. На самомъ днѣ траншеи найдены глиняный кружокъ, кусокъ дерева, лежавшій горизонтально, на поверхности материка, и костяная псалия съ концами, обработанными въ формѣ головки животного. Подобная, но бронзовая псалия нами куплена у одного крестьянина, нашедшаго ее по близости зольника I, на поверхности пашни. Конецъ бронзовой псалии изображаетъ голову орла съ клювомъ, характерно загнутымъ въ кольцо.

Въ наслоеніи зольника замѣчены остатки какъ бы небольшихъ костровъ, залегавшихъ въ разныхъ горизонтахъ.

Изъ обломковъ глиняной посуды обращали вниманіе рога теля ручки глиняныхъ чарокъ и обломки большихъ сосудовъ съ широкими краями горла, отогнутыми горизонтально.

Опредѣлены:

	Челюсти	Длинная ножица	Астрагалы	Фаланги	Копыта
Коровы	12	23	15	63	5
Овцы }	26	1	14	10	— Одинъ цѣлый черепъ.
Козы }	—	—	—	—	— 2 рога.
Лося	—	—	—	1	— 1 рогъ, опиленный.
Свиньи	43	—	2	5	—
Лошади	9	9	4	24	—
Собаки	21 (8 изъ нижнихъ слоев).				
Раковины:	Сургаea и Unio pictorum.				

Траншея П.

Размѣры: $18 \times 3 \times 2\frac{3}{4}$ арш.

1-й слой.

Найдены: 1) бронзовыя стрѣлы на уч. 1, 2 и 5; 2) глиняныя пуговицы — на уч. 2 и 4; желѣзный ножъ на уч. 4.

2-й слой.

Бронзовая стрѣла—на уч. 3; бронзовая головная булавка на уч. 4; желѣзное шило — на уч. 5; глиняныя пуговицы — на уч. 1 (двѣ), 2 (двѣ) и 4; глиняныя застежки (цурки) — на уч. 5 (двѣ).

3-й слой.

Найдены: глиняныя пуговицы на уч. 3 и 6; глиняныя застежки (цурки)—на уч. 5 и 6; обломокъ желѣзнаго браслета — на уч. 3; обломокъ привѣски изъ раковины *Pecten*—на уч. 6; бусина стеклянная — на уч. 4; обломокъ костянаго молотка—на уч. 3; бедряная кость человѣка—на уч. 2; остовы двухъ свиней — на уч. 3 и 4.

4-й слой.

Найдены: глиняныя пуговицы на уч. 4, на уч. 6 (три) и 7; мѣдное спиральное кольцо съ расплюснутыми концами — на уч. 4; жел. ножъ — на уч. 5; ко- стяная подѣлка на уч. 4; прослой обожженной глины съ золою и углемъ — на уч. 5 и 6.

Неоднократно замѣчалось и вновь замѣчено, что у череповъ крупныхъ жи- вотныхъ — коровъ, лошадей, старыхъ свиней и др.—особеннымъ способомъ отру- балась передняя часть морды (сошникъ), а самые черепа рубились вдоль, на двѣ равныя части.

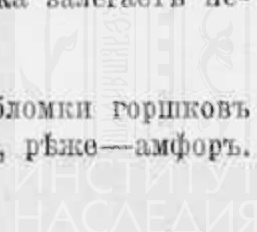
5, 6 и др. слои.

Найдены: глиняныя пуговицы на уч. 3 (двѣ), 5 и 6 (двѣ) и 2; бронзовая стрѣла—на уч. 3; бронзовая бляшка — на уч. 3; обломокъ бронзовой вещицы — на уч. 3; обломокъ бронзовой булавки — на уч. 4; желѣзная гвоздевидная бу- лавка—на уч. 5; куски желѣзной руды—тамъ же; костяное шильце—на уч. 3; костяная стрѣла — на уч. 5; костяная застежка — на уч. 2; раковины-привѣски *Surgaea moneta*—на уч. 2 (два экз.); раковины *Unio*—на уч. 2; лучевая кость человѣка — на уч. 5, на глубинѣ 1 арш. 13 вершковъ; бусина изъ египетской смальты—на уч. 3, на глубинѣ 2 арш.; глиняная статуэтка человѣка—на уч. 3, на глубинѣ 3 арш.; локтевая кость человѣка—въ томъ же участкѣ и на той же глубинѣ; обломокъ росписной амфоры — на уч. 2, на той же глубинѣ.

Траншея заложена по грунтовому чернозему, въ сѣверномъ концѣ—на глу- бинѣ 2, а въ южномъ—на глубинѣ $2\frac{3}{4}$ арш. Въ основѣ зольника залегають не- большой естественный холмикъ.

На самомъ днѣ траншеи найдены кости свиньи.

Среди многочисленныхъ глиняныхъ обломковъ преобладали обломки горшковъ (иногда весьма большихъ), мисокъ, чарокъ съ рогаыми ручками, рѣже—амфоръ.

Изъ костей животныхъ опредѣлены:

	Челю- сти	Дли. нож.	Астра- галл	Фаланги	Копыт- ная
Коровы	6	13	7	50	9 Два рога.
Овцы	24	6	11	4	—
Козы					
Олень	—	—	—	1	— Четыре рога.
Лося	—	—	—	1	— Одинъ рогъ.
Лошади	9	13	7	15	7
Собаки	12	—	—	—	— Два сломанныхъ черепа.
Человѣка	бедренная, локтевая и лучевая кости.				
Раковины:	Unio, Surgaea moneta, Pecten.				

Зольникъ № 4, см. планъ 2 (рис. 99) и проф. 8.

Зольникъ имѣеть видъ расплывчатого холмика. Первоначально онъ былъ рельефнѣе, но его вершина уничтожена пахотою вершковъ на 10, что ясно обозначилось въ нашемъ разрѣзѣ дугами (а, а) наслоеній.

Траншея I.

Траншея заложена черезъ центръ зольника съ З. на В. Размѣры ея 30×3×2 арш.

Найдены: глиняныя пуговицы на уч. 1 (двѣ), 2, 3 (двѣ), 8, 9, 10; глиняныя застѣжки блоковидной и рогатой формы — на уч. 1, 6 (двѣ); привѣска изъ раковины Pecten — на уч. 8.

По снятіи перваго слоя, во многихъ мѣстахъ, наблюдались небольшіе прослойки чистой золы съ примѣсью мелкаго угля. Зола свѣтлосѣраго цвѣта. Совершенно такого цвѣта зола получается и послѣ нашихъ костровъ, ежедневно сожигаемыхъ для приготовленія кипятку къ чаю, при чемъ нами сжигались сучки вишневаго и другихъ мѣстныхъ деревь.

На глубинѣ 1½ аршина, на уч. 8, 9 и 10, открыта площадка, состоящая изъ кусковъ опавшей глиняной обмазки какого-то сооруженія. Куски имѣли одну сторону гладкою, а другую—неровною, съ отпечатками прутьевъ, толщиною въ палецъ, къ которымъ глина примазывалась. Многіе изъ кусковъ шлакированы дѣйствіемъ сильнаго жара. Иногда шлакированіе образовывалось внутри кусковъ, что указываетъ на весьма сильный жаръ и горѣніе прутьевъ, вмазанныхъ внутрь глиняной замазки.

Составлена профиль по линіи траншеи, рис. 8 (рис. 98).

aa—пунктирная линія, обозначающая выпуклость зольника до распашки его.

bb — первоначальный холмикъ, отложившійся на материковомъ черноземѣ.

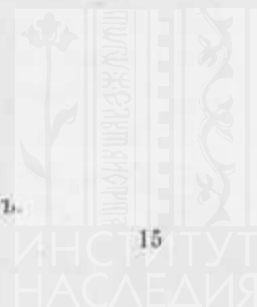
Холмикъ состоитъ изъ золистой однородной почвы съ незначительнымъ количествомъ заключенныхъ въ немъ кусковъ глиняной посуды и костей животныхъ.

cc — остатки глинобитной постройки.

Траншея закончена по грунтовому чернозему, на глубинѣ 2 аршинъ.

Изъ костей животныхъ опредѣлены:

	Челю- сти	Дли. нож.	Астра- галл	Фаланги	Копыт- ная
Коровы	6	5	4	9	1
Овцы	15	2	5	—	—
Козы					
Свиньи	22	12	4	1	—
Лошади	6	4	4	14	7
Собаки	3	—	—	—	—
Раковины	Pecten, Unio.				
Рыбы	челюсть леща—Abramis brama—и 1 позвонокъ.				

Траншея II.

Размѣры: 30×3×2 аршина.

Найдены: глиняная пуговица на уч. 8; верхняя челюсть взрослого человѣка— на уч. 6, на глубинѣ 1½ арш.

Ниже 1½ аршина залегаетъ слой съ обломками черной, глянцевитой, иногда изящной глиняной посуды съ инкрустированнымъ геометрическимъ орнаментомъ.

На глубинѣ 1¾ аршина, на горизонтѣ материкового чернозема, найденъ кусокъ обожженной глиняной плитки съ глубоко вырѣзаннымъ орнаментомъ въ формѣ волюты. Рядомъ съ нимъ найдены куски глиняныхъ большихъ грузилообразныхъ подѣлокъ блоковидной и цилиндрической формъ. На той же глубинѣ, но въ другомъ участкѣ, найдены второй кусокъ глиняной плитки съ вырѣзаннымъ орнаментомъ.

Глинобитное сооруженіе, обнаруженное въ траншеѣ I, второю траншеею было захвачено лишь немного, изъ чего позволительно заключить, что большая часть его остается еще не обнаженной.

Изъ костей животныхъ опредѣлены:

	Челюсти	Длинные ноздря	Аспрагама	Фаланги	Копытные
Коровы	10	3	7	25	2 1 большой рогъ.
Овцы }	24	6	5	2	— 1 рогъ.
Козы }	—	—	—	—	—
Лося	—	—	—	1	—
Свиньи	35	16	2	—	— 1 цѣлый черепъ.
Лошади	4	8	6	19	7
Собаки	2	—	—	—	— 1 цѣлый остовъ.
Бобра	1	—	—	—	—
Человѣка	1	—	—	—	—
Раковина Unio 1 экземпляръ.					

Глиняная посуда.

Изъ обломковъ глиняной посуды для зольника особенно характерны съ инкрустированнымъ геометрическимъ орнаментомъ (табл. I, рис. 1—3); ихъ встрѣчалось очень много, тогда какъ въ зольникахъ 1, 2, 3 они совсѣмъ отсутствовали. Не менѣе характерны также глиняныя застѣжки то блоковидной, то плоской рогатой формъ (табл. II, рис. 10—15). Въ с. Бѣльскѣ подобныя застѣжки еще недавно, да и теперь носятъ на куцынахъ (кафтанахъ) и называются цурками. Въ послѣднее время цурки все болѣе и болѣе вытѣсняются гузыками (узелками ремешка) и обыкновенными крючками. Очень много попадалось отломанныхъ рогатыхъ ручекъ глиняныхъ чарокъ; нѣкоторыя изъ нихъ орнаментированы инкрустированными (табл. I, рис. 4) и простыми узорами, другія же имѣютъ блестящій черный цвѣтъ, похожій на цвѣтъ греческаго черного лака.

Сравнительно очень много встрѣчено обломковъ грузиловидныхъ глиняныхъ подѣлокъ, то блоковидной формы, то конически подѣокругленной, въ видѣ фески (табл. II, рис. 25—27). Назначеніе ихъ и здѣсь непонятно.

Зольникъ № 5, см. планъ 2 (рис. 99) и проф. 9 (рис. 98).

Зольникъ представляетъ едва замѣтное возвышеніе. На поверхности его лежатъ обломки глиняной посуды и осколки костей животныхъ.

Траншея I.

Траншея заложена черезъ середину зольника съ С. на Ю. Размѣры ея: $30 \times 3 \times 1\frac{1}{2}$ аршинъ.

1-й слой.

Золы въ первомъ слое мало. На уч. 10 найдено желѣзное четырехгранное шило; на уч. 9—глиняная пуговица.

2-й слой и проч.

Золистость почвы наблюдается лишь въ сѣверной части траншеи. Вещей, кромѣ обломковъ глиняной посуды и костей животныхъ, не найдено.

Обломки глиняной посуды не представили ничего новаго; среди нихъ встрѣчены обломки амфоръ, скиѣскихъ чарокъ, иногда съ рогатыми ручками, но господствовали обломки грубыхъ горшковъ.

Изъ костей животныхъ опредѣлены:

	Челюсти	Длинные ножны	Астрагали	Фаланги	Кончатныя
Коровы	5	13	2	12	4
Овцы	17	2	4	5	—
Козы					
Свиньи	21	16	2	2	—
Лошади	1	15	3	15	4
Собаки	6	—	—	—	— 2 цѣлыхъ черепа.
Бобра	1	—	—	—	—

О бобрахъ въ с. Бѣльскѣ еще сохраняется преданіе, по которому эти звѣри жили въ болотахъ (бочагахъ) р. Сухой Груни, теперь окончательно пересохшихъ. Траншея закончена по грунтовому чернозему, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршина.

Зольникъ № 6, см. планъ 2 (рис. 99) и проф. 10 (рис. 98).

Зольникъ представляетъ хорошо выраженный холмъ, около 50 шаговъ въ діаметрѣ.

Траншея I.

Траншея заложена почти въ срединѣ зольника. Размѣры ея: $18 \times 3 \times 1\frac{3}{4}$ арш.

Найдены: глиняныя пуговицы на уч. 1 (три), 2 (двѣ), 3 (четыре), 4 (три), 6 (семь); больше всего пуговицъ найдено на глубинѣ отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ аршинъ; бронзовая булавка съ отломаннымъ концомъ найдена на уч. 3, на глуб. $1\frac{1}{2}$ арш.; желѣзная стрѣла со втулкой для насада — на уч. 6, на глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш.; ко- стяная застежка (цурка) и подѣлка въ формѣ костяного наперстка — на уч. 6; костяное шило — на уч. 5; глиняная чарка необыкновенно малыхъ размѣровъ — на уч. 6, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш.

На участкѣ 4 открыто много кусковъ обожженной глины.

На участкѣ 6 обнаруженъ край ямы, повидимому, очень обширной, глубиною въ $1\frac{1}{2}$ аршина; въ ней много золы, найдена 1 глиняная пуговица, нѣсколько обломковъ глиняной посуды и костей животныхъ. Это, вѣроятно все, жилая яма. Къ сожалѣнію, изслѣдованіе не могло быть закончено по неуверенности въ рабочихъ¹⁾.

Траншея закончена по грунтовому чернозему коричневатаго отгѣнка.

Изъ костей животныхъ опредѣлены:

	Челюсти	Длинные ножныя	Астрагала	Фаланги	Копытныя
Коровы	9	5	8	34	5 1 фаланга стесана.
Овцы	23	18	9	6	1 6 цѣлыхъ череповъ.
Козы					
Свиньи	38	11	6	4	— 1 рогъ.
Оленя	—	2	—	—	— 3 черепа и 1 цѣлый остовъ.
Лошади	—	3	3	10	3
Собаки	6	—	—	—	— 2 цѣлыхъ черепа.
Птицы	—	1	—	—	—

Раковина *Helix fruticum*, на глуб. 12 вершковъ.

Человѣка малая берцовая кость.

Кость человѣка найдена на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш. Концы ея отгнили; общимъ видомъ отъ другихъ костей не отличается.

На уч. 2, на глубинѣ 8 вершковъ, открыты остовы, повидимому, положенные неполными, овцы, собаки и свиньи, на уч. 3, на той же глубинѣ, остовъ стараго барана, и на уч. 1, на глубинѣ $1\frac{1}{4}$ аршина, остовъ свиньи.

Судя по извлеченнымъ многочисленнымъ обломкамъ глиняной посуды, самыми обычными въ зольникѣ были горшки грубой работы, затѣмъ большіе чашки (миски), чарки и рѣже—греческія амфоры.

Встрѣчены обломки глиняныхъ грузиловидныхъ загадочныхъ предметовъ, имѣвшихъ форму шапочекъ или фесокъ; у одного экземпляра имѣлась сбоку несквозная дыра. Встрѣчены также блоковидныя глиняныя застежки (цурки).

Траншея II.

Размѣры $18 \times 3 \times 1$ арш.

Найдены: глиняныя пуговицы на уч. 4, 5 и 6; донышко стекляннаго сосуда — на уч. 2, на глубинѣ 4 вершковъ.

Изъ костей животныхъ опредѣлены:

	Челюсти	Длинные ножныя	Астрагала	Фаланги	Копытныя
Коровы	4	3	12	7	3
Овцы	8	11	1	2	— 2 большихъ рога.
Козы					
Свиньи	7	3	1	1	—
Лошади	—	1	1	3	2
Собаки	3	—	—	—	—
Раковина	<i>Helix fruticum</i> 1 экз.				

¹⁾ Благодаря смутнаго времени, рабоче постоянно волновались и въ одинъ день, требуя прибавки платы, забастовали совсѣмъ.

На уч. 2, на глубинѣ 8 вершковъ, открытъ неполный остовъ свиньи.

На уч. 4, на глубинѣ 4 вершковъ, найдена лобная кость человѣка.

Траншея закончена на глубинѣ 1 аршина, не доведенною до грунта, по причинѣ отказа рабочихъ продолжать работу, почему пришлось поспѣшно зарыть траншею, а когда снова началась работа, то изслѣдованіе пришлось перенести на слѣдующій зольникъ, чтобы скорѣе закончить развѣдку, оставляя болѣе детальныя работы до будущаго болѣе благоприятнаго времени.

Зольникъ № 7, см. планъ 2 рис. (99) и проф. 11 (рис. 98).

Зольникъ представляетъ ярко выраженный холмъ, аршинъ 50 въ діаметрѣ.

Траншея I.

Размѣры ея: $18 \times 3 \times 1\frac{1}{2}$.

1-й слой.

На уч. 2 и 3 найдены глиняныя пуговицы.

2-й слой.

Глиняныя пуговицы найдены на уч. 5 и 6 (двѣ); каменный брусокъ—на уч. 3. На уч. 2—много жженой глины. На крайнихъ участкахъ траншеи слои зольника получили листоватое строеніе. Въ каждомъ слойкѣ—массы сгнившаго камыша, остатки древесины, угольки и др.

3, 4, 5 слои.

Найдены: глиняныя пуговицы на уч. 1, 2 (три), 4 и 6; обломки греческой посуды—на уч. 2.

Траншея закончена по грунтовому чернозему, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршина.

Обломки глиняной посуды встрѣчены въ большомъ количествѣ: они принадлежали, главной массой, разбитымъ горшкамъ, чашкамъ, чаркамъ, амфорамъ и мелкимъ греческимъ сосудикамъ.

Изъ костей животныхъ опредѣлены:

	Челюсти	Длинные пожия	Астрагала	Фаланги	Кончатныя
Коровы	5	4	6	10	2
Овцы	1	—	3	—	—
Козы	—	—	—	—	—
Свиньи	7	—	—	—	—
Олени	—	—	—	1	—
Лошади	3	1	1	4	1
Хорька	1 черепъ.				
Раковины	Pecten и другого морскаго моллюска.				

Зольникъ № 8, см. планъ 2 рис. (99).

Зольникъ расположенъ въ южной части городища, близъ южныхъ воротъ. Онъ представляетъ едва замѣтное возвышеніе на скатѣ, обращенномъ къ югу. На поверхности зольника лежатъ обнаженныя кости животныхъ и обломки глиняной посуды, на ряду съ которыми собрано три глиняныхъ пуговицы.

Траншея I.

Размѣры $30 \times 3 \times 1\frac{1}{4}$ аршина.

Найдены: глиняныя пуговицы на уч. 2 и 7.

Почва зольника содержитъ золы немного; немного въ ней и предметовъ древняго быта въ видѣ обломковъ глиняной посуды и костей животныхъ.

Траншея закончена по грунтовому чернозему, на глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш. Въ разрѣзѣ ея наблюдались прослой золы и кусковъ обожженной глины, служившей для обмазки стѣнъ или для другихъ подобныхъ цѣлей. Количество той и другихъ небольшое.

Изъ костей животныхъ опредѣлены:

	Челюсти	Длинные ножныя	Астрагалы	Фаланги	Копытныя
Коровы	5	6	6	12	2
Овцы	6	—	3	—	—
Козы	—	—	—	—	—
Свиньи	5	—	—	2	—
Лошади	2	4	1	7	4
Овражка . . . (суслика) — черепъ.					

Найдены двѣ половинки коровьихъ череповъ, характерно разбитыхъ вдоль.

Среди обломковъ глиняной посуды оказалось одно амфорное дно, нѣсколько амфорныхъ ручекъ и обломковъ боковыхъ стѣнокъ; найдено днище отъ сосуда рюмочной формы, сдѣланнаго изъ черной глянцевитой глины, и рога телячьихъ ручекъ отъ чарокъ.

Погребенія на площади Западнаго городища.

(См. планъ 2 (рис. 99) В).

Во время производства раскопокъ на площади Западнаго городища, одинъ казакъ с. Бѣльска, Костоглотъ, заявилъ, что на его полѣ, въ чертѣ городища, близъ вала, противъ хутора Марченкова, выплываются плугомъ человѣческія кости. Впервые это случилось лѣтъ десять тому назадъ, когда былъ выоранъ цѣлый черепъ человѣка. Послѣ этого долго костей не попадалось. Но въ послѣдніе два года ихъ стало сразу попадать очень много. Всего выплано череповъ 6, а костей — безъ счѣта.

При осмотрѣ мѣстности выяснено, что она представляетъ изъ себя трехугольный мысъ съ крутыми скатами. По словамъ казака Костоглота, на этомъ мысѣ и выплывались плугомъ кости людей. Для провѣрки его показаній заложена траншея въ 4 аршина длины и 2 аршина ширины.

На глубинѣ 6 вершковъ, подъ пахотнымъ слоемъ, открытъ цѣлый прекрасно сохранившійся костякъ женщины, безъ черепа, который за нѣсколько дней предъ этимъ былъ выплыванъ и разбитъ плугомъ. Костякъ лежалъ на спинѣ, съ вытянутыми ногами и съ скрещенными на груди руками, головою на С.-З. Онъ весь былъ окруженъ слоемъ бересты. Вещей при немъ никакихъ не оказалось.

Судя по состоянію костей и положенію покойника, можно полагать, что погребеніе это не старо и, очень возможно, христіанское.

По увѣренію Костоглота, и другіе открытыя имъ покойники лежали головою въ ту-же сѣверо-западную сторону и были обвиты берестой.

Дальнѣйшихъ раскопокъ, за недостаткомъ времени, не производилось.

Исслѣдованіе Большого городища.

Планъ 1 (рис. 97).

Исслѣдованіе Большого городища заключалось въ осмотрѣ валовъ и площади городища и раскопкѣ одного зольника, называемаго Царицыной могилой (курганомъ).

Валь Большого городища, на протяженіи отъ хутора Высѣчи до дороги изъ с. Бѣльска въ с. Лазьки, имѣетъ довольно хорошую сохранность, хотя высота его всюду понижена, ровъ сильно заплылъ, мѣстами же и ровъ и валь совершенно сглажены. На протяженіи усадьбы хутора Высѣча, валь прорѣзанъ длинною продольною ямою (канавою).

Измѣренія, сдѣланныя по разрѣзу дороги, у хут. Высѣча, дали высоту вала въ 5 аршинъ, ширину въ 30 аршинъ, см. профиль 11 (рис. 98). Ровъ въ этомъ мѣстѣ почти заплылъ. Ширина его, вѣроятно же всего, достигала аршинъ 25.

Валь, отъ воротъ Лазьковской дороги до Западнаго городища, видѣнъ повсюду, кромѣ мѣстъ, пересѣченныхъ глубокими балками и оврагами, гдѣ укрѣпленія уничтожены безъ остатка. Отъ Западнаго городища валь также оторванъ промывиною. Оторванъ отъ этого городища и сѣверный участокъ вала, идущій къ с. Куземину. На послѣднемъ участкѣ сохранность вала и рва—лучше, чѣмъ на Лазьковскомъ участкѣ, хотя ровъ въ большинствѣ случаевъ сильно размытъ и расширенъ, а валь пониженъ и распаханъ.

Въ с. Куземинѣ валь и ровъ сохраняются только въ помѣщичьихъ усадьбахъ, на улицахъ же и крестьянскихъ дворахъ отъ нихъ, въ большинствѣ случаевъ, не осталось никакого наружнаго слѣда.

Выходя изъ с. Куземина, валь идетъ лѣсомъ, по гребню высокаго праваго берега р. Ворсклы. Сохранность его очень хорошая.

Въ юго-восточномъ углѣ села Куземина находится небольшое Куземиновское городище, расположенное на береговомъ террасовидномъ уступѣ; валы его примыкаютъ къ валу Большого городища.

Южнѣ Восточнаго городища большой валь оторванъ отъ послѣдняго и скоро вступаетъ въ лѣсъ, идя все время по гребню берега р. Ворсклы и, немного не достигнувъ с. Глинска, круто поворачиваетъ къ хут. Высѣча. Сохранность вала, въ большинствѣ случаевъ, очень хорошая. Валь, начиная отъ Восточнаго городища, на большомъ протяженіи сопровождается двумя рвами, расположенными по обѣ его стороны, см. профиль № 10 (рис. 98).

Обширная площадь Большого городища бѣдна культурными памятниками. Знатокъ ея, бѣльскій обыватель В. П. Шутка, увѣряетъ, что въ громаднѣхъ балкахъ, пересѣкающихъ въ разныхъ направленіяхъ площадь городища, сохранились остатки древнихъ плотинъ, державшихъ воду внутри городища. По словамъ же мѣстныхъ крестьянъ, на нѣкоторыхъ участкахъ ихъ пашень, попадаетъ много обломковъ глиняной посуды и костей животныхъ. Весьма возможно, что это — остатки зольниковъ.

Мы проѣхали всю площадь городища вдоль и поперекъ и нигдѣ не замѣтили даже культурнаго слоя, а зольниковъ отыскивали только четыре: одинъ въ с. Куземинѣ и три—южнѣ Западнаго городища. Куземиновскій зольникъ намъ былъ указанъ студентомъ П. П. Ефименко. Этотъ зольникъ пришелся какъ разъ подъ насыпью вала. Онъ обнаженъ случайно: одному крестьянину потребовалось рас-

ширить дворъ, для чего былъ срѣзанъ продольно наполовину валъ, примыкавшій къ его двору, при этомъ и былъ обнаженъ яркій разрѣзъ зольника, см. профиль 6 (рис. 98). Длина зольника въ разрѣзѣ равнялась 30 арш., а высота — $1\frac{1}{2}$ аршинъ. Въ слояхъ его, при нашемъ осмотрѣ, были замѣчены тѣ же обломки глиняной посуды и кости животныхъ, какія обычно сопровождали зольники Западнаго городища.

По словамъ крестьянина, владѣльца Куземинскаго зольника, при рытвѣ колодца, приходившагося на мѣстѣ размытаго участка вала, были найдены такіе же обломки глиняной посуды и кости животныхъ на глубинѣ 15 аршинъ. Это, вѣроятно же всего, указываетъ на засыпку глубокихъ овражковъ и рытвинъ, когда насынался валъ древними инженерами.

Постоянное же присутствіе въ почвѣ насыпей валовъ культурныхъ остатковъ, свойственныхъ зольникамъ, и, наконецъ, нахожденіе цѣлаго зольника въ основѣ вала невольно возбуждаютъ вопросъ, современны ли валы Бѣльскихъ городищъ культурѣ зольниковъ или они возникли позже и когда именно?

Обломки глиняной посуды, найденные нами въ слояхъ рва западнаго городища, оказавшіеся совершенно одинаковыми съ обломками зольничной посуды, даютъ основаніе для утвердительнаго отвѣта. Если же это дѣйствительно такъ, то слѣдуетъ полагать, что хотя Бѣльскія укрѣпленія явились въ эпоху культуры зольниковъ, но уже послѣ того, какъ древнѣйшіе изъ зольниковъ успѣли сформироваться.

Зольники, расположенные южнѣе Западнаго городища, служатъ какъ бы продолженіемъ группы зольниковъ названнаго городища; они расположены вдоль вала, см. пл. 1 (рис. 97) и 3. Самый большой изъ нихъ назывался Цариной могилой (курганомъ); этотъ зольникъ и былъ подвергнутъ нами изслѣдованію.

Зольникъ № 9, Царина могила, см. планъ 1 (рис. 97), планъ 2 (рис. 99) и рис. 104.

Зольникъ Царина могила находится въ полуверстѣ къ югу отъ Западнаго городища, близъ вала Большаго городища, у «Приворотня». Это — хорошо сформированный и рѣзко выраженный холмъ, со всѣхъ сторонъ окруженный естественными ложбинами, особенно глубокими у юго-западной стороны.

Поверхность холма усѣяна обломками посуды и костей животныхъ. Почва сѣрая, состоитъ какъ бы изъ одной только золы.

Траншея I.

Размѣры: $33 \times 3 \times 2$ аршина; номерація участковъ ведена съ З на В.; каждый участокъ занималъ 1 квадратную сажень площади траншеи.

1-й слой.

Найдены: глиняныя пуговицы на уч. 2, 3, 5, 7, 8, 10 и 11 два; обломки греческой чернолаковой посуды — на уч. 5 и 7; два костяныхъ предмета и одна бусина — на уч. 6.

На уч. 8 появились куски жженой глины.

Почва чрезвычайно золистая, легкая и мягкая, какъ тончайшая пыль.

2-й слой.

Найдены: обломки бронзоваго кольца, кусокъ чернолаковой греческой посуды — на уч. 5; раковина *Unio* — на уч. 3.

3-й слой и др.

Найдены: глиняные пуговицы на уч. 4 и 5; обломки греческой чернолаковой посуды—на уч. 5, 6, 8 и 11; костяная ручка желѣзнаго ножа и кусочки извести—на уч. 2.

На уч. 5 обозначилась и очень ярко яма, квадратной формы, въ 2 аршина ширины и длины и 5 вершк. глубины. Яма выполнена прослоями чистой золы и распавшагося на мелкія частицы древеснаго угля.

На уч. 1, 2, 3 и 9 прорѣзаны прослойки кусковъ обожженной глины. Каждый кусокъ прекрасно сглаженъ и даже какъ бы зашлифованъ съ одной стороны и шероховатъ—съ другой.

На уч. 9 обломокъ чернолаковой посуды найденъ на глубинѣ $1\frac{3}{4}$ аршина, а на уч. 4—на глубинѣ 2 арш., т.-е. на днѣ зольника.

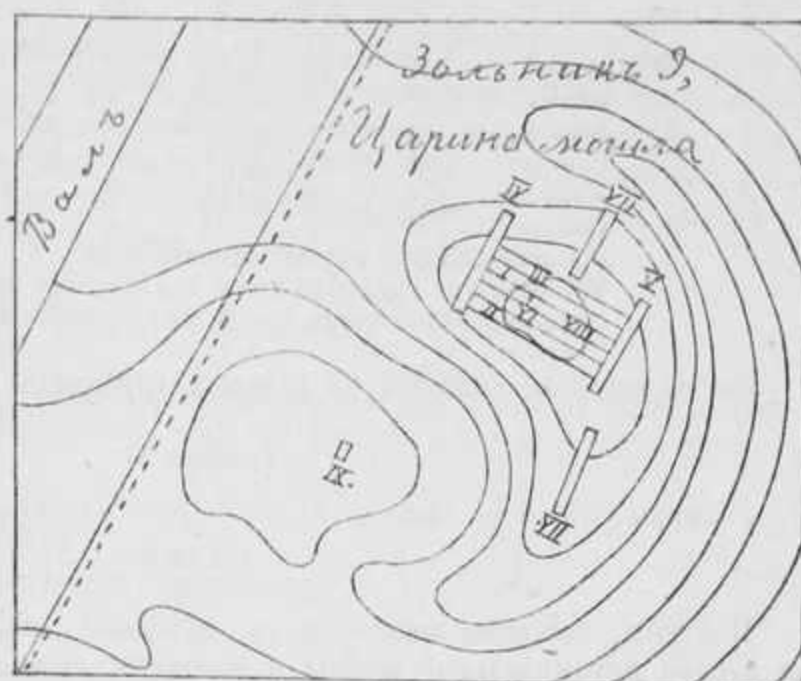
Въ послѣднемъ уровнѣ, на уч. 8, найдены двѣ бронзовыя трехгранныя стрѣлы.

Составленъ чертежъ продольной профили траншеи. Наслоеніе, въ общемъ, очень покойное; слой выгнуты правильно (рис. 104, профиль № 1).

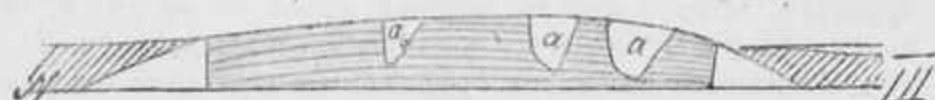
Обломки глиняной посуды и кости животныхъ встрѣчены въ большомъ количествѣ. Первые вполне схожи съ тѣми, которые

свойственны зольникамъ Западнаго городища, хотя среди нихъ встрѣчалось много обломковъ греческихъ амфоръ и другихъ формъ сосудовъ; такъ, однихъ амфорныхъ днищъ собрано 9.

Труды XIV Арх. Съѣзда, т. III.

Профиль траншеи № I.

Профиль траншеи № III.

Рис. 104.

Изъ костей животныхъ опредѣлены:

	Челюсти	Длинные ножныя	Астрагала	Фаланги	Кончатныя
Коровы . .	11	29	34	79	4 и 2 рога.
Овцы } . .	28	4	9	7	— 1 рогъ.
Козы } . .	—	—	—	—	— 1 рогъ.
Свиньи . .	25	16	4	—	—
Лошади . .	5	1	13	12	2
Собаки . .	10	—	—	—	— 2 цѣлыхъ черепа.

Грызуновъ двухъ видовъ: суслика и др.

Тетерева три грудныхъ кости и нѣсколько другихъ.

Раковины: Unio, одинъ экз. и одна морская раковина.

Кости тетерева найдены на разныхъ глубинахъ траншеи и даже на днѣ ея.

Траншея II.

Размѣры: 33×3×2 арш.

1-й слой.

Найдены: костяное шило—на уч. 1; бронз. стрѣлы—на уч. 6 и 8; стеклянная бусина пирамидальной формы и обломокъ греческой чернолаковой посуды—на уч. 2; кусокъ мѣдной руды—на уч. 4.

2-й слой и слѣд.

Найдены: глиняныя пуговицы—на уч. 2 (двѣ) и 9; обломки греческой чернолаковой посуды—на уч. 7, на глубинѣ 12 в., на уч. 2, на глуб. 1 арш. 6 в., и на др.; бронзовыя стрѣлы — на уч. 9, на глубинѣ 12 вершковъ, и въ разныхъ пунктахъ, всего 5 стрѣлъ; мѣдный шлакъ — на уч. 8; обломокъ греческой лампочки—на уч. 7; обломокъ костяной подѣлки—на уч. 2.

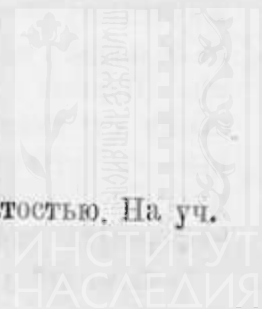
Количество обломковъ греческой посуды настолько значительно, что, видимо, она конкурировала съ мѣстною. Черная глянцевитая посуда — рѣдка. Мѣстная грубая посуда удерживаетъ свои обычные качества и формы. Амфорныхъ днищъ найдено 2.

Изъ костей животныхъ опредѣлены:

	Челюсти	Длинные ножныя	Астрагала	Фаланги	Кончатныя
Коровы . .	6	16	8	48	3 1 половинка черепа съ рогомъ.
Овцы } . .	10	6	2	—	— 1 рогъ.
Козы } . .	—	—	—	—	—
Свиньи . .	7	9	—	—	—
Собаки . .	2	—	—	—	—
Бобра . . .	1	—	—	—	—

Суслика и другихъ двухъ видовъ мелкихъ грызуновъ.

Наслоение траншеи покойное, съ отчетливо выраженною слоеватостью. На уч. 10 выяснено присутствіе кладонскательной небольшой ямы.

Траншея III.

Размѣры: 30×3×2 арш.

1, 2 и 3 слои.

Найдены: глиняныя пуговицы—на уч. 1 (двѣ), 3, 4, 6 и 10; первый шейный позвонокъ человѣка—на уч. 8, на глубинѣ 3 вершковъ; обломокъ бронзовой стрѣлы—на уч. 1; обл. чернолаковой греческой посуды—на уч. 8; костяная рукоятка ножа—на уч. 6; стеклянная бусина плоской ромбической формы—на уч. 5; обломокъ точильнаго бруска—на уч. 6; три обломка желѣзныхъ вещей—на уч. 1; обломокъ второго точильнаго бруска—на уч. 8.

4-й слой и слѣдующіе.

Найдены: два куска чернолаковой греческой посуды и кости птицы (тетерева)—на уч. 6; бронзовая стрѣла—на уч. 10; кусокъ мѣдной руды и стеклянная бусина—на уч. 1.

На уч. 7 прорѣзанъ небольшой слой жженой глины.

Изъ костей животныхъ опредѣлены:

	Челюсти	Длинные ножны	Астрагалы	Фаланги	Копытныя	
Коровы . . .	10	9	21	44	—	
Овцы } . . .	18	11	—	—	—	2 рога.
Козы } . . .	—	—	—	—	—	
Свиньи . . .	11	—	—	—	—	
Лося . . .	—	—	—	—	—	1 роговая подѣлка.
Лошади . . .	5	4	13	17	4	
Собаки . . .	1	—	—	—	—	

Грызуновъ—кости встрѣчались часто.

Птицы, вѣроятно, тетерева нѣсколько костей.

Раковина морская, спирально-коническая въ видѣ привѣски.

Человѣка первый шейный позвонокъ—атлантъ.

4-й слой и слѣд.

Найдены: бронзовыя стрѣлы на уч. 1, 3 (двѣ); бронзовая бляшка, окисшая до неузнаваемости ея первоначальной формы, съ остатками приставшей къ ней довольно тонкой ткани—на уч. 7; бронзовая вещь, окисшая до неузнаваемости ея формы—на уч. 5; глиняныя пуговицы на уч. 8; желѣзное шило—на уч. 5; костяное шило—на уч. 8; стеклянная бусина—на уч. 8; морская спирально-коническая раковина, въ видѣ привѣски — на уч. 5; кусокъ чернолаковой греческой посуды и кусокъ обработаннаго рога лося—на уч. 3; дно греческой амфоры, обработанное въ чашечку—на уч. 5.

На послѣднемъ участкѣ, на глубинѣ 1¼ арш., прорѣзанъ небольшой прослойкъ кусковъ обожженной глины, съ выглаженными однѣми сторонами и шероховатыми—другими.

Составленъ чертежъ продольной профили траншеи (рис. 104, проф. III). На слоеніе очень покойное. Разрѣзъ почвы представляется ленточно-окрашеннымъ

въ цвѣта: черно-углистый, сѣро-золистый и болѣе или менѣе темно-золистый. Всего подсчитано болѣе 25 прослойковъ. Они тонки, ярки, съ тенденціей выклиниваться и вновь появляться. Въ трехъ пунктахъ (а а а) существовали нарушенія слоевъ зольника. Это—или случайныя ямы, или, еще правдоподобнѣе, ямы позднѣйшихъ кладоискателей. Въ слояхъ, выполнившихъ эти ямы, никакихъ находокъ не сдѣлано.

Траншея IV.

Размѣры: 30×3×2 арш.

Найдены: бронзовыя стрѣлы—на уч. 1, 4, 5; обломки чернолаковой посуды—на уч. 2, 5; глиняная головка ушастой птицы (табл. II, рис. 24)—на уч. 9; раковина въ видѣ привѣски—на уч. 8; нижняя челюсть человѣка, на глубинѣ 3 вершковъ, на уч. 4.

Траншея закончена по грунтовому лёссу, на глубинѣ 2 арш. Лёссъ рыхлый, нерѣзко отдѣляется отъ налегающаго на него материковаго чернозема.

Амфорныхъ днищъ, въ траншеяхъ III и IV, найдено 5.

Изъ костей животныхъ III и IV траншеей опредѣлены:

	Челюсти	Длинные ножныя	Астрагалы	Фаланги	Копытныя
Коровы. . .	14	17	18	81	7 1 рогъ.
Овцы } . .	26	8	3	1	— 2 рога.
Козы } . .	—	—	—	—	—
Свины. . .	10	6	—	—	—
Лося . . .	—	—	—	—	— 1 рогъ.
Лошади. . .	9	9	9	17	3
Собаки. . .	2	—	—	—	— 1 черепъ сломанный.
Человѣка . .	1	—	—	—	—
Тетерева . .	—	—	—	—	— 1 черепъ.

Раковины: *Helix Fruticum*, морская раковина въ видѣ привѣски, 2 экзempl.

Составленъ чертежъ продольной профили траншеи IV (рис. 104). Наслоеніе очень покойное. Въ основѣ зольника, очевидно, лежитъ естественное возвышеніе А, на которомъ и отложилась вся масса культурнаго матеріала.

Траншея V.

Размѣры: 27×3×1¹/₄ арш.

Найдены: глиняныя пуговицы — на уч. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9; бронзовыя стрѣлы—на уч. 1 (три), 5; морская раковина, въ видѣ привѣски—на уч. 2; ко- стяная рукоятка ножа—на уч. 5; остатки бронзовой, сильно окисшей бляшки — на уч. 3.

На участкѣ 2 замѣчено много крупинокъ мѣла или извести; прорѣзанъ прослойкъ изъ кусковъ обожженной глины, изъ нихъ нѣкоторыя имѣютъ одну сторону сглаженною, а другую — шероховатую.

Судя по обломкамъ съ дырами, глиняныя сосуды, не исключая и греческихъ, повидимому, часто сшивались посредствомъ дыръ, просверленныхъ на краяхъ изломовъ.

Амфорныхъ днищъ найдено 5; формы ихъ то коническія, то съ раструбомъ и всегда съ углубленіемъ для стержня гончарнаго круга, на которомъ формовались сосуды.

Изъ костей животныхъ опредѣлены:

	Челюсти	Длинные кости	Астрагала	Фаланги	Копытные
Коровы	18	24	19	90	8 1 рогъ.
Овцы }	29	2	4	5	— 1 рогъ.
Козы }	—	—	—	—	— 1 рогъ.
Свиньи	13	13	—	—	—
Оленя	—	—	—	3	—
Лошади	8	8	17	34	2
Собаки	6	—	—	—	— 4 цѣлыхъ черепа.
Грызуновъ	нѣсколько череповъ и др. костей.				
Рыбы	1 небольшой позвонокъ.				
Раковины морскія въ видѣ привѣсокъ.					

Кости нерѣдко обуглены.

Траншея кончена на глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш., по грунтовому чернозему. Въ концахъ траншеи культурный слой утоньшается, достигая только вершковъ 11 толщины.

Слоистость зольника отчетливо выражена лишь на самомъ холмѣ, отходя же на скаты, эта слоистость становится мало замѣтною; причиной такого явленія служить уменьшеніе углистыхъ черныхъ прослоекъ, напоминающихъ остатки костровъ, которые, на болѣе высокой средней части зольника, выражены очень ярко. При наличности остатковъ костровъ непонятнымъ является присутствіе въ слояхъ зольника кусковъ обожженной глины, служившей обмазкой какихъ-то сооружений. Для большого зданія, въ видѣ, напр., дома, глиняныхъ кусковъ, сохранившихся въ почвѣ, мало; назначеніе же ихъ для печей какъ будто бы противорѣчить открытымъ кострамъ.

Траншея VI.

Размѣры: $33 \times 3 \times 1\frac{1}{4}$ аршина.

1 и 2 слои.

Найдены: глиняныя пуговицы — на уч. 1 (двѣ), 3, 8 и 10; бронзовыя стрѣлы—на уч. 1 (двѣ), 10; стеклянныя бусины—на уч. 1 и 10; бронзовое колечко—на уч. 5; кусокъ толстаго стекла на уч. 4, на глубинѣ 10 вершковъ; кусокъ мѣди съ $\frac{1}{4}$ фунта вѣсомъ—на уч. 2; дно амфоры—на уч. 6.

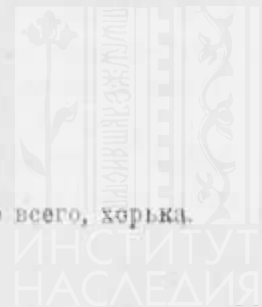
3 слой и др.

Найдены: костяная ручка съ остатками желѣзнаго ножа — на уч. 6; дно амфоры, обработанное въ форму чашечки—на уч. 5.

Изъ костей опредѣлены:

	Челюсти	Длинные кости	Астрагала	Фаланги	Копытные
Коровы	2	3	3	4	— 1 рогъ.
Овцы }	4	1	1	—	—
Козы }	—	—	—	—	— 1 рогъ.
Свиньи	4	—	1	—	—
Лошади	4	2	6	2	1
Собаки	1	—	—	—	—

Мелкихъ плотоядныхъ 2 челюсти, повидимому, одного звѣрка, вѣроятно всего, хорька.

Траншея VII.

Размѣры: 30×3×1 арш. Траншея состоитъ изъ двухъ отрѣзковъ, расположенныхъ частью на сѣверномъ, частью на южномъ склонѣ. Участки номерованы съ С. на Ю.

Найдены: глиняныя пуговицы—на уч. 1, 3 (двѣ), 4 и 9; бронзовыя стрѣлы—на уч. 1, 2 (двѣ), 3 и 8; морская раковина, привѣска—на уч. 3.

Изъ костей животныхъ опредѣлены:

	Челюсти	Длинные ножныя	Астрагалы	Фаланги	Копытныя
Коровы . . .	6	6	6	13	—
Овцы } . . .	8	—	—	—	—
Козы } . . .	—	—	—	—	—
Свиньи . . .	4	—	1	—	—
Лошади . . .	5	3	10	10	—
Собаки . . .	1	—	—	—	—
Морская раковина.					

Траншея VIII.

Размѣры: 24×3×2 аршина.

Найдено: глиняныхъ пуговицъ 5; бронзовыхъ стрѣлъ—19; бусинъ—3; обломковъ желѣзныхъ предметовъ—3, бронзовыхъ кусковъ, повидимому, предназначенныхъ для переливки—3; амфоронныхъ днищъ—1.

Изъ костей животныхъ опредѣлены:

	Челюсти	Длинные ножныя	Астрагалы	Фаланги	Копытныя
Коровы . . .	6	20	16	16	4
Овцы } . . .	22	4	6	4	—
Козы } . . .	—	—	—	—	—
Свиньи . . .	8	—	1	4	—
Лошади . . .	4	2	8	10	—
Собаки . . .	6	—	—	—	— цѣлый черепъ.
Грызуновъ нѣсколько череповъ и отд. челюстей.					
Рыбы, 2 позвонка.					

Траншея IX.

Размѣры: 3×3×3 аршина. Траншея заложена на самомъ низкомъ мѣстѣ котловины, прилегающей къ юго-западной подошвѣ зольника. Съ проведеніемъ вала Большого городища на днѣ этой котловины должна была, непременно, застаиваться вода. Для разъясненія вопроса, не было ли въ этой котловинѣ постоянной воды, въ видѣ пруда, и была предпринята раскопка описываемой траншеи.

Траншея закончена по слою материкового лёсса, на глубинѣ 3-хъ аршинъ. Выше лёсса залегалъ слой чернаго вязкаго чернозема. Положительныхъ признаковъ присутствія въ котловинѣ постоянной воды, въ родѣ, на примѣръ, остатковъ

ракушекъ, торфа и другихъ водныхъ отложений, не оказалось, хотя, несомнѣнно, вода въ котловинѣ задерживалась.

Въ черноземѣ котловины почти съ самаго верхняго слоя начали попадаться обломки глиняной посуды, хотя и не часто.

На глубинѣ 1 арш. 14 вершковъ, въ сыроватомъ, слегка глинистомъ черноземѣ, найдены три куса обожженной глины, съ одною стороною гладкою и другою — съ слѣдами примазыванія глины къ стѣнкамъ, состоящимъ изъ прутьевъ.

На глубинѣ 3 арш., на самой подошвѣ чернозема, найдены два небольшихъ, сильно потертыхъ и окатанныхъ обломковъ глиняной посуды. Такой глубокой горизонтъ залежанія ихъ даетъ право этимъ предметамъ претендовать на принадлежность къ неолитической эпохѣ, но, повидимому, они болѣе поздняго времени и попали такъ глубоко въ почву случайно.

Восточное городище.

Восточное городище находится верстахъ въ двухъ къ востоку отъ села Бѣльска, на правомъ берегу р. Ворсклы. Размѣры его нѣсколько больше Западнаго городища. В. П. Шутка окружность вала измѣрилъ въ 5383 шага. Сохранность вала и рва, въ большинствѣ случаевъ, удивительно хорошая. Въ наиболѣе сохранныхъ мѣстахъ валъ представляется съ одинаковыми заложениями, какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны, и довольно узкимъ гребнемъ; ровъ же — правильной треугольной формы. За ровомъ, почти на всемъ протяженіи, идетъ второй валъ, въ формѣ гласиса, небольшихъ размѣровъ (см. профили 8 и 9). Въ среднемъ можно оцѣнивать валъ въ 6 арш. высоты и арш. 25 ширины; ровъ — въ 5 арш. глубины и арш. 20 ширины, наружный валъ (гласисъ) въ 1—2 арш. высоты.

Около $\frac{2}{3}$ всей площади городища, въ настоящее время, покрыто лѣсомъ, остальная же часть служитъ пашнею. Про какія-либо находки древностей въ городищѣ ничего неизвѣстно. Оно принадлежитъ двумъ частнымъ владѣльцамъ и не пользуется большою популярностью. При осмотрѣ его нами замѣчены въ юго-западной части городища, въ лѣсу, одинъ невысокій, расплывчатый холмикъ, вѣроятно всего, — зольникъ. Въ другихъ же пунктахъ такихъ явленій не замѣчено. Специальныхъ изслѣдованій городища не производилось.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ КУРГАНОВЪ.

Курганы въ Оснягахъ, за Грунью.

(См. планъ 1 (рис. 97).

Поле Осняги находится въ верстѣ къ ЮЮЗ. отъ Западнаго городища, на противоположномъ берегу долины р. Сухой Груни. По всему полю разсѣяно много небольшихъ кургановъ. Отъ постоянной пахоты нѣкоторые изъ нихъ почти сравнялись съ общою поверхностью, но средніе и болѣе крупныя еще хорошо видны. На послѣднихъ часто видны заросшія ямы — ясныя признаки позднѣйшей дѣятельности кладонскателей.

Для изслѣдованій нами избраны ближайшіе курганы къ Западнему городищу, съ которымъ тѣсно связывалась и самая цѣль изслѣдованій, — именно, желательно было выяснитъ, не къ одному-ли времени и не одной-ли народности принадлежать городища и окрестныя курганы.

Курганъ № 1.

Высота кургана—2 аршина.

Діаметръ—около 45 аршинъ.

Окружность основанія—около 135 аршинъ.

Насыпь сильно распахана. Слѣды рва едва замѣтны.

Раскопка ведена колодцемъ въ 8×8 арш.

Въ насыпи, на глубинѣ 4 вершковъ, найдены обломки глиняной посуды (чарки) съ высокой ручкой; совершенно такіе же обломки много разъ были находимы въ зольникахъ. На глубинѣ 12 вершковъ — глиняный черепокъ грубой посуды, совершенно схожій съ зольничными.

На горизонтѣ открытъ слой сожженныхъ стеблей пшеницы съ зернами въ колосьяхъ. Образцы зеренъ взяты. На остаткахъ соломы и, какъ позже выяснилось, надъ краемъ погребальной ямы, лежали куски большого глинянаго сосуда зольничнаго типа, съ орнаментомъ изъ грубыхъ рѣзныхъ линий, косо расположенныхъ по краю сосуда, и ряда скважинъ.

Съ горизонта обозначилась яма квадратной формы съ округленными углами, въ 5 арш. длины и ширины, глубиною въ $1\frac{3}{4}$ аршина. Средняя часть дна ямы застлана дубомъ. Ближе къ южной стѣнѣ лежалъ какъ бы небрежно брошенный ветхій черепъ, теменемъ вверхъ; никакихъ костей около него не оказалось.

Въ разстояніи аршинъ двухъ отъ черепа лежали грудой 8 бронзовыхъ стрѣлъ съ остатками древокъ, желѣзныя удила съ костяными псаліями въ видѣ круглыхъ палочекъ, костяная застежка и небольшой глиняный сосудикъ съ высокой шейкой и геометрическимъ орнаментомъ; внутри сосудика найдены двѣ бѣлыхъ бусинки (бисеръ).

Яма сверху покрывалась деревомъ, остатки котораго хорошо сохранились на краяхъ ямы.

Погребеніе ограблено посредствомъ лазейки сверху насыпи.

Курганъ № 2.

Высота кургана $1\frac{3}{4}$ аршина.

Діаметръ—около 40 аршинъ.

Округлость основанія около 120 аршинъ.

Курганъ распаханъ. Остатки рва замѣтны. Раскопка ведена колодцемъ въ 8×8 аршинъ.

Въ насыпи никакихъ предметовъ не найдено.

На горизонтѣ всюду лежали небольшіе куски дерева, по удаленіи которыхъ открыта яма квадратной формы съ округленными углами, длиною и шириною въ 5 аршинъ и глубиною въ $1\frac{3}{4}$ аршина.

На днѣ, въ срединѣ ямы, лежали куски отбитаго бока большого глинянаго сосуда, какіе не разъ встрѣчались въ зольникахъ, и глиняная пуговица (гузыкъ), а около нихъ лежали вмѣстѣ 9 золотыхъ бляшекъ (табл. III, рис. 5). Сверху все это покрывалось дубовыми плахами, положенными въ два ряда, накрестъ другъ другу, представлявшими остатки осѣвшаго внизъ накатника, нѣкогда покрывавшаго яму сверху.

Никакихъ костей въ ямѣ не оказалось. Курганъ ограбленъ посредствомъ лазейки,—сверху насыпи.

Курганъ № 3.

Высота кургана $1\frac{1}{2}$ аршина.

Диаметръ—около 40 аршинъ.

Окружность—около 120 аршинъ.

Насыпь сильно распахана. Вокругъ кургана замѣтны слѣды рва. Раскопки ведены колодцемъ въ 8×8 аршинъ.

Съ горизонта открылась яма четырехугольной формы съ округленными углами, въ $3\frac{3}{4}\times 3\times 1\frac{3}{4}$ аршина. Длинная ось ямы ориентирована съ ССВ. на ЮЮЗ.

Въ ямѣ, на глубинѣ 4 вершковъ отъ горизонта, у края ея, лежала бедренная кость овцы; на глубинѣ $1\frac{1}{4}$ аршина — обломки глинянаго сосуда грубаго типа, обычнаго въ зольникахъ Бѣльскихъ городищъ; верхній край его украшенъ защитнымъ орнаментомъ, ниже котораго помѣщенъ рядъ сквозныхъ дыръ (табл. 1, рис. 5). Обломки этого сосуда встрѣчались разбѣянными до самаго дна ямы; на глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш. найденъ цѣлый глиняный сосудъ, въ видѣ чашки довольно большихъ размѣровъ; обломки подобныхъ чашекъ являются обычными въ зольникахъ; на той же глубинѣ открыты обломки большого сосуда съ широкимъ вѣнчикомъ, отогнутымъ горизонтально—въ видѣ широкихъ полей шляпы, встрѣченныя въ значительномъ количествѣ въ зольникѣ № 1 Западнаго городища.

На днѣ ямы отысканъ обломокъ желѣзнаго предмета и двѣ глиняныя пуговицы, обычной зольничной формы, а сверху того—остатки дубовыхъ плахъ, покрывавшихъ, очевидно, яму сверху и уже впоследствии упавшихъ внизъ.

Никакихъ костей въ ямѣ не оказалось. Вѣроятно же всего, остатки покойника и болѣе цѣнныя вещи, сопровождавшія его, похищены грабителями вскорѣ послѣ погребенія. Ограбленіе произведено черезъ насыпь, сверху внизъ. Почва, выполнившая грабительскую яму, отличалась болѣею плотностью, такъ что ее едва можно было отбирать лопатами.

Произведено измѣреніе толщи чернозема подъ насыпью кургана и въ открытомъ сосѣднемъ полѣ. Толщина слоя подъ курганомъ равна 70 см.; толщина слоя въ открытомъ полѣ равна 88 см. Нижняя граница черноземнаго слоя выражена не ярко и поэтому вполне точное опредѣленіе толщины очень затруднительно.

Курганъ № 4.

Высота кургана—2 аршина.

Диаметръ—около 40 аршинъ.

Основаніе около 120 аршинъ.

Насыпь сильно распахана и какъ-будто бы вытянута съ ССВ. на ЮЮЗ. Ровъ едва-едва замѣтенъ. Раскопка ведена колодцемъ въ 8×8 арш.

Въ насыпи, на глубинѣ 4 вершковъ, найденъ бронзовый предметъ, служившій оправой или бляшкой, вѣроятно же всего, узды, сдѣланный въ видѣ головки орла съ длиннымъ загнутымъ клювомъ (табл. III, рис. 19).

На горизонтѣ, недалеко отъ края впоследствии открытой ямы, лежала плюсневая кость лошади и повсюду обозначился сѣрый налетъ въ видѣ бѣлой золы отъ сожженной соломы; ниже обнаружилось пятно четырехугольной ямы, въ $7\frac{1}{2}\times 6\frac{1}{4}\times 2$ аршина. Сверху яма покрывалась толстыми бревнами, расколотыми на двѣ половины. Бревна — изъ береста и дуба; нѣкоторыя изъ нихъ носили ясные слѣды обугливанія. Бревенчатая пластины лежали двумя рядами накрестъ другъ другу. Яма ориентирована довольно точно по странамъ свѣта; причемъ

длинная ось ее приходилась съ З. на В. Дно ямы ровно выглажено; его попортили лишь слегка ходы и гнѣзда небольшихъ грызуновъ. Въ срединѣ находилась квадратная площадка, въ 4 аршина длины и ширины, окруженная со всѣхъ сторонъ ровиками, вершковъ 4 шириною и около вершка глубиною.

Подобные ровики давно были замѣчены въ скиѣскихъ могилахъ, но назначеніе ихъ въ большинствѣ случаевъ оставалось не выясненнымъ. Въ настоящемъ же случаѣ, они, несомнѣнно, назначались для деревянныхъ брусковъ, остатки которыхъ хорошо сохранились. На этихъ брускахъ были настланы доски, покрытыя лубомъ и камышомъ.

Таково устройство ямы. Со временемъ пластины, покрывавшія яму сверху, сгнили и опустились внизъ. Когда это случилось, то грабители проникли въ яму сверху и большинство содержимаго похитили, засыпавъ яму черноземомъ, давшимъ крѣпкій пластъ.

Въ слоѣ грабительской ямы, на глубинѣ 1 арш. ниже горизонта, лежалъ разбитый глиняный сосудъ. Надъ дномъ ямы, на бревенчатыхъ пластинахъ, лежали грудой половина черепа, двѣ длинныя ножныя и три реберныхъ кости коня. Грабители, несомнѣнно, уничтожили часть этихъ костей, такъ какъ оставшіяся кости лежали у стѣнки ихъ грабительской ямы. При костяхъ найдена бронзовая бляшка въ формѣ головки козули (табл. III, рис. 18).

У восточнаго края могильной площадки, нетронутаго грабителями, лежали одна бедренная и двѣ пары большихъ и малыхъ берцовыхъ костей, въ такомъ отношеніи другъ къ другу, какъ бы онѣ принадлежали человѣку, лежавшему на правомъ боку, въ слегка скорченномъ или согнутомъ положеніи, головою на С.

Отъ верхней головки бедра къ ступнямъ ногъ лежалъ желѣзный мечъ съ рукояткой, обложенной золотою бляхой. Клинокъ меча распался и рукоятка сильно попортилась. Длина меча съ рукояткой равнялась 66, ширина же 6,1 (табл. III, рис. 4).

Около рукоятки лежали вмѣстѣ 90 бронзовыхъ стрѣлъ съ остатками древокъ, направленныхъ къ сѣверу, т.-е. къ головѣ покойника. Стрѣлы двухъ близкихъ другъ къ другу типовъ: 1) съ одною вытянутою гранью въ формѣ шипа и 2) со всѣми гранями, вытянутыми въ формѣ шиповъ (табл. III, рис. 21 и 22). Сохранность стрѣлъ прекрасная. Всѣ онѣ носятъ какъ бы слѣды позолоты.

Нѣсколько стрѣлъ (4) собрано и въ другихъ пунктахъ погребальной площадки. Кромѣ же этихъ предметовъ, въ ямѣ ничего не оказалось.

Курганъ № 5.

Высота— $2\frac{1}{2}$ аршина.

Діаметръ—около 36 аршинъ.

Основаніе сливалось съ основаніемъ сосѣдняго кургана № 6, съ которымъ онъ составлялъ одинъ, такъ называемый, чубатый курганъ о двухъ вершинахъ.

Оба кургана распахиваются. Слѣды ихъ рововъ еще замѣтны. Раскопка ведена колодцемъ въ 8×8 аршинъ.

Съ горизонта открылась яма въ $6\frac{1}{4} \times 5\frac{3}{4} \times 1\frac{3}{4}$ аршина, ориентированная длиною осью съ СВ. на ЮЗ. Въ самой срединѣ погребальной ямы отчетливо вырисовывалась яма грабителей, имѣвшая круглую форму и значительно меньшіе размѣры.

Погребальная яма была покрыта дубовыми и берестовыми плахами, опустившимися внизъ, на дно ямы, и на горизонтѣ оставившими лишь свои концы. Пластины лежали въ два ряда, крестъ-на-крестъ.

На глубинѣ 1 арш. отъ горизонта, въ грабительской ямѣ, найдены слѣдую-

ція человѣческія кости, лежавшія безъ всякаго порядка: обломки таза, локтевой и лучевой костей, спинные позвонки, зубы, обломки черепа и обломки двухъ реберъ. Съ той же глубины стали попадаться вещи, а именно: обломокъ желѣзнаго ножа, двѣ бронзовыя стрѣлы, двѣ бусины.

У самага дна ямы, въ сѣверовосточной ея половинѣ, собрано: 18 золотыхъ трехугольныхъ бляшекъ (табл. III, рис. 6); 13 золотыхъ бляшекъ въ формѣ зайчиковъ (табл. III, рис. 10); 6 золотыхъ бляшекъ въ формѣ человѣческихъ масокъ, изъ нихъ три сломаны (табл. III, рис. 7 и 8); 4 золотыхъ бляшки, въ видѣ пальметъ (табл. III, рис. 9); 1 золотая серьга формы колта, украшенная сканью (табл. III, рис. 11); бусы изъ сердолика, египетской голубоватой смальты и стеклянныя (синія и желтыя) съ бѣлыми глазками; изъ нихъ замѣчательна одна сердоликовая бусина, въ формѣ раковины *Surgaea moneta* (табл. III, рис. 32); 28 бронзовыхъ трехгранныхъ стрѣлъ; 1 бронзовая бляшка въ видѣ орлиного клюва (табл. III, рис. 19); 1 бронзовое кольцо, украшенное тремя группами шариковъ, расположенныхъ въ формѣ пирамидокъ (табл. та же, рис. 16); 2 одинаковыхъ бронзовыхъ бляшки съ остатками сохранившихся ремешковъ (табл. та же, рис. 26); 1 бронзовая четырехугольная пряжка, украшенная головкою птицы, съ остатками ремня (табл. та же, рис. 30); желѣзная пряжка; деревянная рукоятка ножа, обтянутая желѣзнымъ листомъ; обломокъ массивнаго желѣзнаго предмета; днище глинянаго сосуда грубой техники, обычной для зольниковъ городища.

Вещи находились на днѣ ямы и часто въ кротовинахъ, которыми оказалось прорѣзаннымъ дно во многихъ мѣстахъ.

Въ южной части ямы найдены обломки двухъ человѣческихъ череповъ и другія кости, вѣроятно, принадлежавшія двумъ субъектамъ.

Въ югозападной части ямы открыты ноги одного костяка, лежавшаго, повидимому, на спинѣ, вытянуто, головою на СВ.; у праваго колѣна его стоялъ раздавленный землею терракотовый краснофигурный арибаль, съ изображеніемъ крылатаго существа, отъ котораго сохранились только концы крыльевъ и нѣсколько крупныхъ бусинъ, изъ которыхъ одна — дыневидной формы изъ египетской голубоватой смальты; у ступни правой ноги — двѣ бронзовыя пряжки и колечко.

По расчисткѣ дна ямы обнаружена, въ срединѣ ея, правильная квадратная площадка, въ 4 аршина длины и ширины, обведенная со всѣхъ сторонъ ровиками, въ $\frac{1}{2}$ вершка глубиною и въ 4 вершка шириною. Поверхность площадки покрыта лубомъ, отъ котораго сохранился бархатистый черный тлѣнъ, а иногда и самая кора или древесина луба. Края луба залицовывались досками, вложенными въ боковые ровики. Такимъ образомъ ложе имѣло видъ рамы. Мѣстами, особенно около остатковъ костяка, лежали перетлѣвшіе стебли камыша.

Въ ямѣ было похоронено два или даже три покойника.

Курганъ № 6.

Высота кургана — $2\frac{1}{4}$ арш.

Діаметръ — около 40 арш.

Основаніе слито съ основаніемъ кургана № 5.

Раскопка ведена колодцемъ въ 8×8 аршинъ.

На горизонтѣ колодца появилось дерево, найдены кость животнаго, кусокъ ржаваго желѣза и зубъ лошади.

Съ того же уровня обнаружена погребальная яма, четырехугольной формы въ $6 \times 4\frac{1}{4} \times 1\frac{3}{4}$ арш., ориентированная съ ЮЗ. на СВ. Въ ямѣ, на глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш.

отъ горизонта, найдены днище и части горлышка греческаго сосуда — энохое и сильно истлѣвшіе обломки костей человѣка.

Дно ямы выглажено и обведено двумя параллельными желобками, проходившими другъ отъ друга на разстояніи $3\frac{3}{4}$ арш., и сами они имѣли такую же длину. Квадратная площадь, заключенная между ровиками, покрыта лубомъ, прикрѣпленнымъ въ ровикахъ досками.

На днѣ ямы ни костей, ни вещей, кромѣ отбитаго горлышка греческаго флакона, ничего не найдено. Погребеніе было, въ древности, ограблено сквозною траншеею, направленною съ ЮЗ. на СВ., т.-е. какъ разъ по длинѣ ямы. Любопытно то, что, разграбивъ и уничтоживъ костякъ и его имущество, грабители не тронули луба, служившаго подстилкой покойникамъ: очевидно, ограбленіе было сдѣлано тогда, когда лубъ еще не сгнилъ.

Курганъ № 7.

Высота кургана $1\frac{1}{4}$ аршина.

Діаметръ—около 35 аршинъ.

Основаніе—около 110 аршинъ.

Вокругъ основанія замѣтны слѣды рва.

Насыпь сильно распахана. Раскопка велась колодцемъ въ 8×7 арш.

Въ насыпи, на глубинѣ $\frac{1}{2}$ арш., встрѣчены кости коня или вола.

Съ горизонта открыта яма въ $6\frac{1}{4}\times 5\times 2$ арш., четырехугольной формы. Въ ямѣ, на глубинѣ 1 арш. отъ поверхности горизонта, встрѣтились разбросанныя кости человѣческаго скелета; на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршина,—бронзовое кольцо и обломокъ клинка желѣзнаго меча или кинжала. По дну ямы собрано: 5 бусинъ, 14 мелкихъ трехгранныхъ бронзовыхъ стрѣлъ, второй обломокъ меча или кинжала, нѣсколько обломковъ желѣзныхъ предметовъ, круглый камень около 1 дюйма въ діаметрѣ, обломки предмета, повидимому, изъ низкопробнаго серебра и обломокъ грубой глиняной посуды.

Дно ямы покрыто лубомъ; канавы не оказалось.

Погребеніе ограблено колодцемъ сверху насыпи, при чемъ грабители, дойдя до дна, не потревожили луба.

Курганъ № 8.

Высота кургана 3 арш.

Діаметръ—около 50 арш.

Основаніе—около 150 арш.

Вокругъ основанія замѣтны слѣды рва. Насыпь неправильной формы. Раскопка ведена колодцемъ въ 8×8 аршинъ.

Въ насыпи, на глубинѣ 1 аршина, найдена кость овцы; на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш.—кость человѣка, куски сгнившаго дерева и обломокъ греческаго кирпичнаго краснаго сосуда, вѣроятно, кувшина или энохое.

Съ горизонта обнажена обширная грабительская яма, совпавшая какъ разъ съ погребальной ямой. Дальнѣйшія раскопки прекращены, такъ какъ въ ямѣ покойника ничего не ожидалось.

Курганъ № 9.

Высота—2 арш.

Діаметръ—около 40 арш.

Основаніе—около 120 арш.

Вокругъ основанія замѣтны слѣды рва. Насыпь распахана. Раскопки велись колодезь въ 8×7 арш.

Въ насыпи, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш., появились сгнившіе куски дерева.

Съ горизонта открылась яма въ $6\frac{3}{4} \times 5 \times 1\frac{3}{4}$ арш., четырехугольной формы, ориентированная съ ЮЗ. на СВ.

Въ ямѣ, на глубинѣ 4 в. отъ горизонта обнажились концы накатника изъ толстыхъ плахъ, уложенныхъ поперекъ ямы. На той же глубинѣ найдены обломки таза и бедра человѣка, пястная кость коровы; на глубинѣ 10 вершковъ, — нѣсколько кусковъ разбитой чаши (фіала) греческой работы; на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш. обломки клинка желѣзнаго княжала.

На днѣ ямы стоялъ срубъ изъ четырехъ толстыхъ бревенъ, отесанныхъ на два или даже на четыре канта, въ 6×4 вершка въ разрѣзѣ. Подъ брусьями, на особыхъ лежняхъ, настланъ полъ изъ досокъ въ 8×1 вершокъ въ разрѣзѣ. На полу найденъ желѣзный ножъ съ костяною рукояткою, обломокъ желѣзнаго кольца; внѣ сруба, у южной стѣнки, взято 5 каменныхъ шариковъ, около 1 дюйма въ діаметрѣ. Подъ поломъ средняя полоса съ ЮЗ. на СВ. шириною около 1, а длиною около 3 аршинъ, посыпана известью.

Погребеніе ограблено сверху насыпи, что легко было видѣть и по плотности почвы, выполненной яму грабителей. Деревянный полъ грабителями нисколько не потревоженъ.

Курганы Чепеля на Саранчевскомъ полѣ.

Чепелевскіе курганы почти смежны съ раскопанными нами курганами въ Оснягахъ. Они находятся въ $\frac{1}{2}$ верстѣ къ западу отъ хут. Марченкова.

Курганъ № 10.

Высота кургана — $2\frac{1}{2}$ арш.

Діаметръ — около 40 аршинъ.

Основанія — около 120 аршинъ.

Насыпь распахана, кажется вытянутою съ В. на З. Вокругъ основанія — замѣтны слѣды рва. Раскопки ведены колодцами въ 8×8 аршинъ.

Въ насыпи, на глубинѣ $2\frac{1}{4}$ аршинъ, открытъ прослоекъ угля и золы. На горизонтѣ сожженъ соломенный костеръ.

Погребальная яма въ $4 \times ? \times 1\frac{3}{4}$; длинная ось ея ориентирована съ ЮЮЗ на ССВ. Въ почвѣ, выполненной яму, на глубинѣ 3—4 вершковъ — обломки бедра, плечевой кости и черепа человѣка. Замѣтны остатки сгнившихъ деревьевъ, но въ незначительномъ количествѣ.

Дно ямы ровное; въ немъ вырѣзаны два глубокихъ ровика въ $2\frac{3}{4}$ арш. Длиною на разстояніи около $2\frac{1}{2}$ арш. Площадка ямы, между ровиками, покрыта лубомъ, концы котораго были зацементированы деревянными брусьями на днѣ ровиковъ. Въ СЗ. углѣ ямы лежали кости коровы и сравнительно большой желѣзный ножъ. Въ ЮЗ. углѣ — осколки раздавленнаго горшка и много мелкаго угля. Горшокъ зольничнаго типа, безъ орнамента. Въ срединѣ ямы — обломки второго подобнаго горшечка, но меньшихъ размѣровъ.

Погребеніе ограблено, посредствомъ ямы, направленной сверху насыпи.

Курганъ № 11.

Высота кургана— $2\frac{1}{2}$ аршина.

Диаметръ—около 45 арш.

Основаніе—около 135 арш.

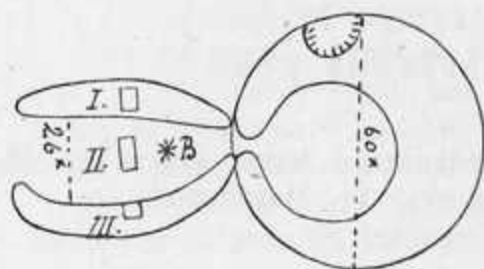
Вокругъ основанія замѣтны слѣды рва. Насыпь распахана. Раскопки колодцомъ въ 8×8 арш.

На горизонтѣ обозначилась яма, четырехугольной формы, въ $4\frac{1}{2} \times 4 \times 1\frac{1}{2}$ арш., ориентированная длиною осью съ ЮЮЗ. на ССВ. Яма покрыта деревомъ. Дно ямы ровное; въ немъ вырѣзано два глубокихъ ровика въ 3 аршина длиною и на разстояніи 2 аршинъ другъ отъ друга. Дно покрыто лубомъ. На полу ямы оказались обломки двухъ скифскихъ глиняныхъ чарокъ, обломки какихъ-то желѣзныхъ предметовъ, двѣ бусины и желѣзныя удила съ двумя желѣзными псаліями, послѣднія лежали на сгнившихъ деревьяхъ, повидимому, служившихъ накатникомъ ямы, опустившимся на дно.

Погребеніе ограблено сверху насыпи обычнымъ порядкомъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ МАЙДАНОВЪ НА САРАНЧЕВСКОМЪ ПОЛѢ.

На Саранчевскомъ полѣ, въ современныхъ владѣніяхъ Чепеля и Марченкова,

находится 6 майдановъ. Въ одномъ изъ этихъ майдановъ (рис. 105, В), въ текущемъ 1906 году, сыномъ владѣльца Чепеля, во время пахоты, найдены двѣ серебряныя монеты, изъ которыхъ одну удалось купить намъ. Эта монета, по общему характеру, можетъ принадлежать къ западно-европейскимъ XVI—XVII вв. по Р. Х. Майданъ мы рѣшили изслѣдовать.

Майданъ № 1, планъ 1 (рис. 97 и рис. 105).

Рис. 105.

Высота кольца майдана около 2 арш.

Диаметръ — 60 арш.

Окружность основанія — 186 арш.

Вокругъ основанія замѣтны слѣды рва.

Внутри майдана—чашечное углубленіе, расположенное нѣсколько эксцентрично, по отношенію внѣшней окружности майдана. Изъ

внутренняго углубленія имѣется одинъ выходъ, отъ котораго отходятъ два внѣшнихъ вала, длиною около 50 и высотой около 1 аршина. Между этими валами и были найдены Чепелемъ 2 серебряныя монеты (рис. 105, В). Одинъ изъ внѣшнихъ валовъ—почти прямой; другой же—изогнутъ. Оба они нѣсколько отдѣлены отъ кольцевиднаго вала.

Траншея I.

Траншея заложена поперекъ прямого внѣшняго вала. На глубину 1 аршина прорѣзался слой насыпной земли, состоящей изъ смѣси чернозема съ крупинками желтаго лёсса. Ниже шель характерный материковый черноземъ, безъ всякихъ признаковъ какаго-либо воздѣйствія человѣка на характеръ наслоенія его.

Траншея II.

Траншея проведена поперекъ площади, охваченной боковыми внѣшними валами майдана, приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ были найдены монеты.

Начиная сверху и до подпочвеннаго лёсса шелъ чистый материковый черноземъ. Никакихъ культурныхъ бытовыхъ остатковъ не встрѣчено.

Траншея III.

Траншея заложена поперекъ изогнутаго бокового вала. На глубину 12 верш. прорѣзалась почва, смѣшанная изъ чернозема и лесса; ниже открывался материковый черноземъ.

Смѣшанная почва внѣшнихъ боковыхъ валовъ извлечена, по всѣмъ признакамъ, изъ внутренней котловины майдана. Къ сожалѣнію, эта котловина, какъ и весь кольцевидный валъ, была засѣяна хлѣбомъ и ихъ не удалось раскопать.

Майданъ № 2, пл. 1 (рис. 97) и рис. 106.

Не имѣя возможности въ первомъ майданѣ выяснитъ отношеніе боковыхъ внѣшнихъ валовъ къ кольцевидному, нами работа перенесена на сосѣдній майданъ № 2, на которомъ и было прорѣзано четыре траншеи.

Майданъ состоитъ изъ кольцевиднаго и трехъ наружныхъ валовъ. Высота кольцевиднаго вала равна 2, диаметръ — 60 и окружность основанія 180 аршинамъ. Вокругъ основанія видны ясныя слѣды рва. Внутри кольцевиднаго вала находится сравнительно широкая круглая впадина съ однимъ выходомъ наружу. Отъ выхода отходятъ два наружныхъ вала, одинъ изогнутый и другой менѣе изогнутый, почти прямой. Первый валъ имѣетъ въ длину 70 арш., въ высоту $2\frac{1}{2}$ —3 аршина, т.-е. на $\frac{1}{2}$ —1 аршинъ выше кольцевиднаго; менѣе изогнутый валъ имѣетъ 65 арш. длины и около $2\frac{1}{4}$ арш. высоты. Первый валъ однимъ концомъ налегаетъ на скатъ кольцевиднаго вала, второй едва прикасается къ нему. Третій боковой валъ расположенъ въ сторонѣ отъ выхода, сильно изогнутъ, имѣетъ въ длину 27 арш. и въ высоту около 3 арш.; одинъ его конецъ лежитъ на насыпи кольцевиднаго вала, что здѣсь особенно ясно выразилось, такъ какъ боковой валъ состоитъ преимущественно изъ лёссово-желтой глины, а кольцевидный изъ чистаго чернозема.

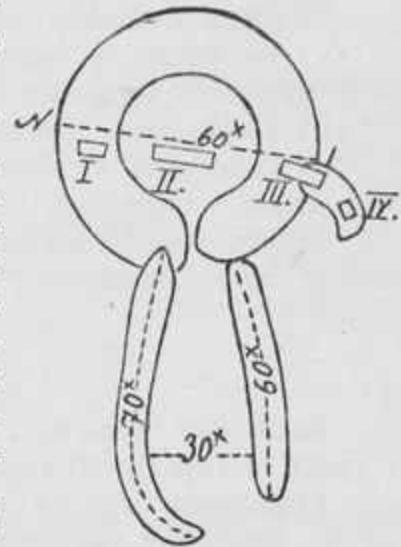

Рис. 106.

Траншея I.

Траншея заложена на гребнѣ кольцевиднаго вала; ею требовалось выяснитъ характеръ насыпи вала. Траншея закончена по материковому чернозему, на глубинѣ 2 арш. Перерѣзана насыпь, состоящая изъ черноземной почвы, по своему характеру совершенно сходная съ насыпями изслѣдованныхъ кургановъ. Никакихъ предметовъ въ насыпи не найдено.

Траншея II.

Заложена поперекъ внутренней котловины; посредствомъ нея предполагалось отыскать погребальную яму, которая должна находиться въ центрѣ кургана. Траншея прорѣзана на глубину 2 арш.; шелъ черный грунтъ безъ всякихъ культурныхъ остатковъ въ ней.

Траншея III.

Траншея заложена на меньшемъ боковомъ валѣ, въ томъ пунктѣ, гдѣ налегаетъ на кольцевидную насыпь. Цѣль траншеи заключалась въ выясненіи характера отношенія обоихъ валовъ. Когда былъ прорѣзанъ верхній слой глинистой почвы бокового вала, открылась черноземная насыпь кольцевиднаго вала, совершенно одинаковаго характера съ насыпью, прорѣзанною траншеей I. Въ разрѣзѣ было отчетливо видно, что насыпь бокового вала налегаетъ на насыпь кольцевиднаго вала, а слѣдовательно происхождение обѣихъ насыпей неодновременно, а именно верхняя насыпь бокового вала моложе нижней.

На уч. 6—1 желѣзное четырехгранное шильце.

На уч. 7—1 глин. пуговица, обломокъ мѣднаго небольшого предмета, астрагалъ овцы съ отполированными сторонами и два глиняныхъ кружка.

На уч. 8—1 глин. пуговица.

Обломки глиняной посуды встрѣчались въ изобиліи: они принадлежали:

а) большимъ грубымъ горшкамъ съ орнаментами по вѣнчику и шейкѣ, въ видѣ простыхъ насѣчекъ и лѣпныхъ шнуровъ съ защитнымъ узоромъ;

б) небольшимъ чашкамъ, тарелкамъ и банкамъ;

с) амфорамъ; на нѣсколькихъ обломкахъ боковыхъ стѣнокъ оказались сквозныя дыры, служившія, можетъ быть, для сшиванія разбитаго сосуда.

Сверхъ того, встрѣчены довольно безформенные куски обожженной глины, иногда шлакированные.

2-й слой.

Глиняныя пуговицы найдены на уч. 1 (двѣ), 2 (двѣ), 4 (двѣ), 5 (двѣ), 7 (двѣ), 8 (одна), 10 (одна).

Бронзовыя стрѣлки скинскаго типа—на уч. 4 (одна) и на уч. 5 (двѣ). На уч. 3—бронзовая головная булавка и на уч. 6—обломокъ желѣзнаго предмета.

Кромѣ того, на уч. 2 найдены два обломка одной нижней челюсти челювѣка, а на уч. 5—молочный зубъ ребенка.

Обломковъ глиняной посуды и костей животныхъ встрѣчено очень много. По обломкамъ посуды хорошо устанавливаются разные виды (табл. 1¹). Амфорныя ручки встрѣчены двухъ сортовъ: плоскія и круглыя. Орнаментъ на мѣстной посудѣ—бѣдный; формовка грубая; обжиганіе неровное: иногда хорошее и выше средняго, иногда слабое.

3-й слой.

На уч. 1—кремневый скребокъ, вѣроятно, служившій для огнива.

¹) На таблицѣ представлены типы сосудовъ, встрѣченныхъ цѣлыми и въ обломкахъ на всемъ Бѣльскомъ городищѣ. Авторъ.

Траншея IV.

Траншея заложена на противоположномъ концѣ того же короткаго бокового вала. Траншея доведена до материковаго чернозема. Прорѣзалась насыпь, состоящая преимущественно изъ лёсса, смѣшаннаго съ небольшимъ количествомъ чернозема.

На вопросъ, почему одни изъ боковыхъ валовъ налегаютъ концами на насыпи кольцевидныхъ валовъ, а другіе какъ бы лежатъ внѣ связи съ ними, должно отвѣтить, что первоначально всѣ боковые валы налегали концами на кольцевидные валы, но болѣе рыхлые изъ нихъ впоследствии были отмыты весенними и дождевыми водами. Въ изслѣдуемомъ майданѣ это особенно ясно: валы съ глинистой почвой, какъ болѣе компактные, сохранились лучше и концы ихъ лежатъ на центральной насыпи; черноземный валъ, какимъ оказался прямой боковой валъ, оказался сильно отмытымъ и почти изолированнымъ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ ЗОЛЬНИКОВЪ ВЪ ОСНЯГАХЪ И НА САРАНЧОВСКОМЪ ПОЛѢ.

Зольникъ № 10.

Зольникъ находится въ полѣ Осняги, близъ кургана № 9. Это совершенно сгладившійся зольникъ. О немъ намъ сообщилъ владѣлецъ земли, заявивъ, что, во время пахоты, на мѣстѣ зольника каждый годъ выпахивается много битой глиняной посуды и костей животныхъ и земля золистая (пенельная). При осмотрѣ легко было убѣдиться въ справедливости показаній, такъ какъ и обломки посуды и кости сами бросались въ глаза; они совершенно схожи съ встрѣченными въ городищенскихъ зольникахъ. Раскопокъ на мѣстѣ зольника не произведено, такъ какъ онъ казался очень истощеннымъ.

Зольникъ № 11.

Зольникъ находится на Саранчовскомъ полѣ, во владѣніи Чепеля, которымъ и былъ указанъ. Зольникъ имѣетъ видъ едва примѣтнаго возвышенія, шаговъ 15 въ діаметрѣ.

Траншея I.

Размѣры $8 \times 2 \times \frac{1}{2}$ аршина.

Найдены: мелкіе обломки глиняной посуды обычнаго зольничнаго типа, въ небольшомъ количествѣ. Другихъ какихъ-либо вещей и даже костей животныхъ совсѣмъ не оказалось. Зольникъ состоялъ почти изъ одной золы сѣраго цвѣта и имѣлъ видъ правильнаго круглаго холма, 8 вершковъ высоты. Съ теченіемъ времени онъ весь вросъ въ черноземъ и только въ настоящее время, благодаря плуга, увидалъ вновь дневной свѣтъ.

Что касается отношенія этихъ двухъ зольниковъ къ городищамъ и ближайшимъ курганамъ, то можно полагать, что они всѣ были современны другъ другу и возникали по однороднымъ причинамъ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ КУРГАНОВЪ ВЪ «СКОРОБОРЪ».

Планъ 1 (рис. 97) и рис. 107.

Скороборъ или Скоробиръ находится верстахъ въ двухъ къ западу отъ Западнаго Бѣльскаго городища и представляетъ изъ себя вершину всего поля, прости-

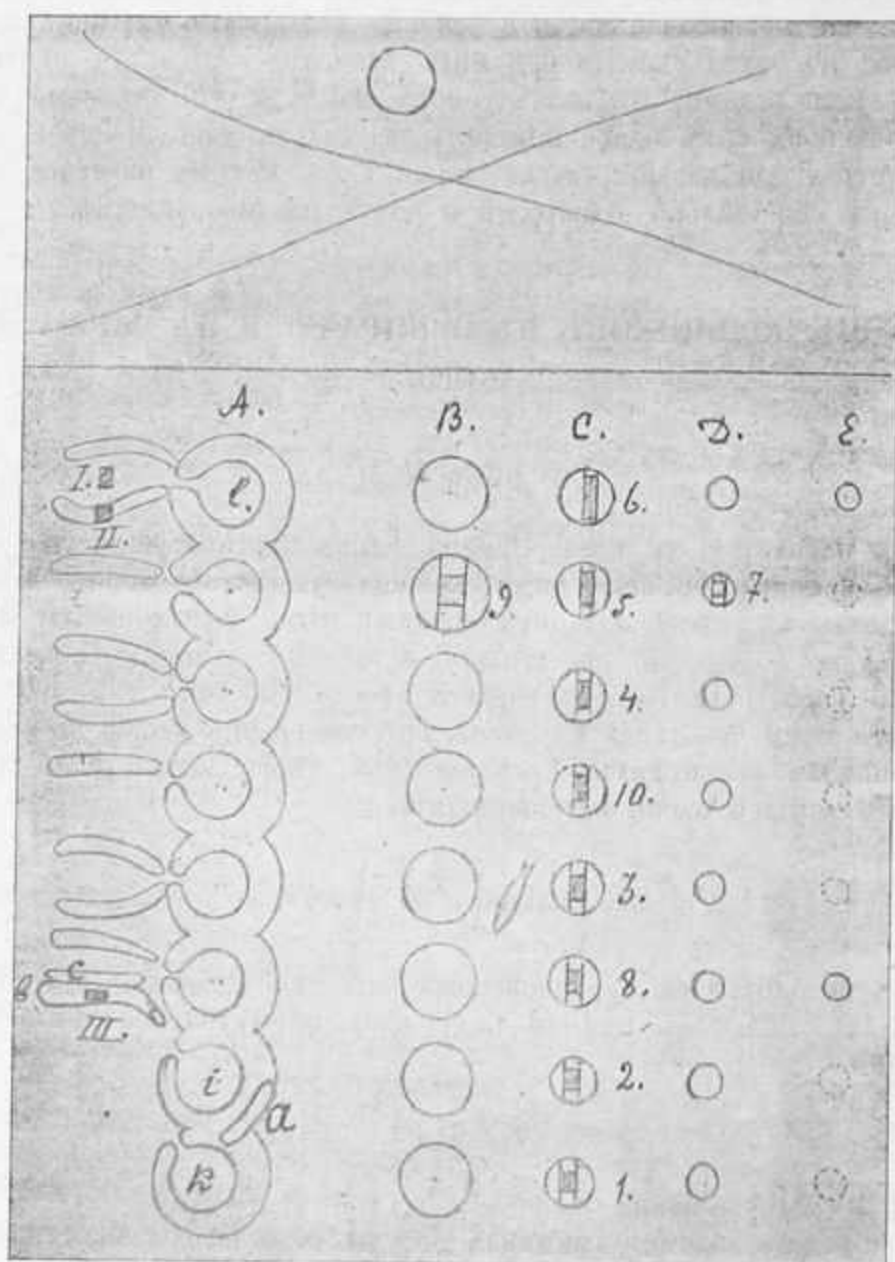

Рис. 107.

рающуюся къ западу отъ городища, за Грунью. Съ этой вершины открывается обширный кругозоръ во всѣ стороны, а Западно Бѣльское городище видно, какъ на ладони. Отъ Скоробора къ нему идетъ ровный пологій скатъ, усыянный курганами, но болѣе всего послѣднихъ сосредоточилось на самомъ Скороборѣ. Высшій пунктъ его занимаютъ остатки громаднѣйшаго кургана, разрушеннаго майданнымъ

способомъ, а затѣмъ перерытаго и перевернутаго на разные лады ¹⁾). Эти гигантскія руины, занявшія площадь болѣе одной версты въ окружности ²⁾, и носятъ имя Большого Скоробора. Рядомъ съ ними располагаются такія же руины второго разрушеннаго кургана меньшихъ размѣровъ, называемыя Малымъ Скороборомъ. Очень правдоподобнымъ представляется, что оба кургана въ первоначальномъ своемъ видѣ окружались валами; остатки такого вала лучше сохранились въ Маломъ Скороборѣ.

Отъ Большого Скоробора на сѣверо-востокъ, по направленію къ Западному Вѣльскому городищу, расположены курганы правильными рядами. Всѣхъ рядовъ— пять; въ каждомъ изъ нихъ по восьми кургановъ, всего же кургановъ сорокъ. Въ первомъ рядѣ находятся самыя большіе курганы, въ второмъ—меньше, въ третьемъ еще меньше и въ пятомъ—самыя малые, въ большинствѣ сглаженные плугомъ до неузнаваемости, хотя они еще на памяти мѣстныхъ крестьянъ были видны. По длинѣ всѣ ряды равны между собою.

Курганы перваго ряда настолько велики, что слились своими основаніями (рис. 107, А). Они имѣли одинаковые размѣры, крутые скаты къ СВ., т.-е. къ Западному городищу, и пологіе—въ противоположную сторону Большого Скоробора. Въ настоящее время они имѣютъ видъ майдановъ, съ выходами въ сторону Большого Скоробора.

Во второмъ ряду В курганы меньше и поэтому стоятъ отдѣльно другъ отъ друга. Всѣ они приблизительно одинаковыхъ размѣровъ, съ крутыми скатами къ СВ. и пологими къ ЮЗ. По наружному виду кажутся цѣлыми.

Въ третьемъ ряду С курганы стоятъ еще изолированнѣе, размѣры ихъ невелики, скаты круче къ СВ. и положе къ ЮЗ.

Курганы четвертаго ряда D кажутся совсѣмъ изолированными. Насыпи ихъ значительно пострадали отъ пахоты, но все же видно, что и у нихъ скаты были круче къ СВ. и положе къ ЮЗ.

О формахъ кургановъ пятаго ряда уже невозможно составить правильнаго сужденія: изъ нихъ отчетливо видны только два кургана, прочіе же совсѣмъ сглажены.

Число «сорокъ», необычная и, несомнѣнно, преднамѣренная планировка этихъ рядовыхъ кургановъ, ихъ очевидная связь съ разрушеннымъ гигантскимъ курганомъ Большого Скоробора,—невольнo наводятъ на мысль, что всѣ они возникли по одному поводу и состоятъ въ связи другъ съ другомъ.

Мы полагали повести изслѣдованіе этой мѣстности возможно шире, но, къ сожалѣнію, постоянная неувѣренность въ рабочихъ, встрѣченныя опустошенія кургановъ древними грабителями, заставили воздержаться отъ большихъ работъ.

¹⁾ Разрушеніе Скоробора ведется уже давно. По свидѣтельству польскаго историка Яблунскаго, въ Скороборѣ поляки выработывали селитру, пользуясь землею древнихъ насыпей. Позже и до настоящаго времени, благодаря преданію о скрытыхъ несмѣтныхъ сокровищахъ, постоянно ведутся и ведутся раскопки кладонскателями, такъ что нерѣдко можно видѣть свѣжія и довольно большія ямы въ отсыпяхъ земли, также недавно выброшенной изъ какой-нибудь сосѣдней ямы. Въ результатъ все это сообщило мѣстности хаотическій характеръ, который, въ настоящее время, еще усиливается кустарниками и деревьями, обильно поросшими на холмахъ, въ котловинахъ и ямахъ. Для точнаго представленія объ отношеніи всѣхъ неровностей другъ къ другу необходимъ инструментальный планъ, способный объяснить и помимо этого очень многое. *Доп.*

²⁾ Столь огромные курганы сохранились кое-гдѣ еще въ цѣломъ видѣ; такъ, близъ с. Спасскаго, Новомосковскаго уѣзда, стоитъ курганъ, имѣющій 170 сажень въ діаметрѣ и 500 сажень въ окружности. При разрушеніи подобнаго кургана раскинутая земля должна занять площадь не менѣе каждаго изъ Скороборовъ. *Доп.*

Раскопкамъ подвергнуты всѣ курганы 3-го ряда, одинъ курганъ 2-го и одинъ 4-го ряда; майданы же 1-го ряда подвергнуты лишь легкой рекогносцировочной шурфовкѣ.

Курганъ № 1, рис. 107, рядъ С.

Высота кургана $1\frac{1}{2}$, діаметръ — 40, основаніе—120 аршинъ. Вокругъ основанія замѣтны слѣды рва. Раскопка ведена колодцемъ въ 7×7 аршинъ.

При ориентированіи колодца наблюдалось, чтобы центръ колодца непременно совпадалъ съ центромъ окружности кургана и былъ ориентированъ съ ЮЗ. на СВ.; при этихъ условіяхъ погребальная яма математически точно совмѣщалась съ колодцемъ, что выгодно ускорило работу.

Въ насыпи ничего не найдено. Почва обычная, черноземная.

Съ горизонта открылась яма четырехугольной формы съ округленными углами въ $5\frac{1}{4}\times 4\times 1\frac{3}{4}$ арш.; длинная ось ея точно ориентирована съ ЮЗ. на СВ. Яма покрыта дубовыми плахами, на которыхъ найдены двѣ кости овцы.

Въ ямѣ, на глубинѣ 8 вершковъ, найденъ черепокъ отъ глиняной черной глянцевитой посуды, обычной въ зольникахъ городища.

Дно ямы прорѣзано поперекъ тремя ровиками, въ которые вложены дубовые брусья въ 6 вершковъ шириною, въ 2 вершка толщиною и въ 2 аршина 12 вершковъ длиною.

На брусья положены дубовыя доски. Подъ серединой досчатой настилкой посыпана известь. На досчатомъ полу, въ разныхъ пунктахъ, найдены: зубъ и позвонокъ человѣка, желѣзный топорикъ и желѣзный кинжалъ, распавшійся на куски.

Погребеніе ограблено посредствомъ лазейки сверху насыпи.

Курганъ № 2, рис. 107, рядъ С.

Высота кургана $1\frac{3}{4}$, діаметръ — 40, основаніе—120 аршинъ. Вокругъ основанія замѣтны слѣды рва. Раскопка ведена колодцемъ въ 7×7 арш.

Съ горизонта открылась яма въ $5\frac{1}{4}\times 4\times 1\frac{3}{4}$ арш., ориентированная длиною осью съ ЮЗ. на СВ. Яма покрыта толстыми дубовыми плахами, на которыхъ лежала кость овцы.

На двѣ ямы прорѣзаны поперекъ три ровика; въ нихъ вложены дубовые брусья, а на брусья настланъ дубовый досчатый полъ; на полу стоялъ цѣльный глиняный горшокъ типа самаго обычнаго въ зольникахъ городища; недалеко отъ горшка найдено, на доскахъ пола, зеленое пятно мѣдной окиси отъ поддона мѣднаго сосуда, очевидно, долго стоявшаго въ ямѣ и затѣмъ похищеннаго.

Кромѣ того, въ разныхъ пунктахъ пола, встрѣчены разрозненные кости человѣка и одинъ обломокъ какого-то мѣднаго, сильно окисшаго предмета.

Погребеніе ограблено черезъ насыпь, сверху внизъ.

Курганъ № 3, рис. 107, рядъ С.

Высота кургана $1\frac{1}{2}$, діаметръ—40, основаніе 120 аршинъ. Вокругъ основанія замѣтны слѣды рва. Раскопка ведена колодцемъ въ 7×7 арш.

Въ насыпи найдены обломки трехъ сосудовъ: чашки и двухъ чарокъ; всѣ изъ черной глянцевитой глины.

Съ горизонта открыта яма въ $5 \times 3\frac{1}{2} \times 1\frac{1}{2}$ арш. Сверху яма покрыта дубовыми плахами. Дно застлано лубомъ, на которомъ найденъ бронзовый небольшой браслетъ. Никакихъ костей не оказалось.

Погребеніе ограблено посредствомъ лазейки, направленной сверху на СВ. край ямы.

Курганъ № 4, рис. 107, рядъ С.

Высота кургана $1\frac{1}{2}$, діаметръ—40, основаніе 120 аршинъ. Раскопка ведена колодцемъ въ 7×7 аршинъ.

Въ насыпи найденъ обломокъ глиняной чашки.

Съ горизонта открыта яма въ $4\frac{1}{2} \times 4 \times 1\frac{1}{2}$ арш. Яма покрыта дубовыми плахами, составлявшими половины расколотыхъ бревенъ 10 вершковъ въ діаметрѣ. Дно прорѣзано тремя ровиками, въ которые вложены дубовые брусья, 3 аршинъ 10 вершковъ длиною. На брусья положенъ лубъ въ видѣ пола, шириною въ 3 арш. 10 вершковъ и длиною въ 3 арш. 4 вершка.

Погребеніе ограблено посредствомъ лазейки, направленной сверху внизъ, на СВ. край ямы. Что-то помѣшало грабителямъ проникнуть въ ЮЗ. часть ямы, гдѣ найдены остатки колчана, сдѣланнаго изъ кожи съ мѣхомъ; въ колчанѣ лежали стрѣлы то съ бронзовыми наконечниками, то съ наконечниками, вырѣзанными прямо на древкахъ по образцу бронзовыхъ. Около колчана лежали желѣзные удила съ желѣзными псаліями. Посреди пола, ближе къ ЮЗ. стѣнѣ ямы, покоились, повидимому, не потревоженные грабителями кости черепа и зубы ребенка; близъ нихъ лежало множество мелкаго бисера изъ египетской смальты, одна янтарная бусина, одна стеклянная и др., два сломанныхъ бронзовыхъ браслета, двѣ бронзовыя булавки, два небольшихъ серебряныхъ гвоздика и одна глиняная небольшая пуговица (гузыкъ).

Курганъ № 5, рис. 107, рядъ С.

Высота кургана $1\frac{1}{2}$, діаметръ—40, основаніе—120 аршинъ. Вокругъ основанія замѣтны слѣды рва. Раскопка ведена колодцемъ въ 7×7 арш.

Съ горизонта открыта яма въ $5\frac{1}{4} \times 3\frac{1}{2} \times 3\frac{3}{4}$ аршина, почти эллиптической формы, съ длинною осью, направленною съ ЮЗ. на СВ. Яма сверху покрыта деревомъ. Дно застлано лубомъ, подъ которымъ замѣчены слѣды извести. Изъ вещей найденъ одинъ только желѣзный кинжалъ; около кинжала—много извести.

Погребеніе ограблено обычнымъ способомъ, сверху внизъ.

Курганъ № 6, рис. 107, рядъ Б, и рис. 108 и 109.

Высота кургана $1\frac{1}{2}$, діаметръ—40, окружность основанія—120 арш. Вокругъ основанія замѣтны слѣды рва. Раскопки ведены колодцемъ, въ 7×7 арш.

Въ насыпи, на глубинѣ 8 вершковъ, найдено отбитое днище большого глинянаго сосуда.

Съ горизонта открылась яма въ $4\frac{1}{4} \times 3\frac{1}{4} \times 1\frac{3}{4}$ аршина. Сверху яма покрыта деревомъ. Дно застлано досками, на трехъ брускахъ, вложенныхъ въ ровики. На доскахъ лежали два костяка, повидимому, мужчины и женщины (рис. 108 и 109). Оба субъекта очень молодые. Женскій костякъ сильно истлѣлъ. Покойники лежали рядомъ, вытянуто, на спинѣ, головою на ЮЗ. Руки костяка, который можно

было принять за мужской, лежали кистями на животѣ. Въ головахъ его стояла большая глиняная чашка; на груди много извести.

На шеѣ женскаго костяка собрано большое количество мелкихъ бусъ и взята желѣзная булавка, гвоздевидной формы, сломавшаяся на нѣсколько кусковъ, на лѣвой ключицѣ взята глиняная пуговица, конической формы, съ однимъ отверстиемъ, служившая, очевидно, для застегиванія ворота. У колѣна правой ноги лежали остатки колчана, окрашеннаго въ яркокрасную краску, а въ немъ четыре бронзовыхъ наконечника стрѣлъ, всѣ различныхъ формъ.

Курганъ не былъ ограбленъ.

Курганъ № 7, рис. 107, рядъ D.

Высота— $\frac{3}{4}$, діаметръ—34, основаніе—100 арш.

Раскопки ведены колодцемъ въ 7×7 арш.

Съ горизонта открыта яма въ $4\frac{1}{4} \times 3\frac{3}{4} \times 1\frac{1}{2}$ арш., покрытая сверху деревомъ и ориентированная съ ЮЗ. на СВ.

Въ ямѣ, на глубинѣ 12 верш. ниже горизонта, найденъ сложенный глиняный горшокъ изъ черной глины. Дно ямы покрыто дубовыми досками. На доскахъ найдены: обломокъ мѣднаго браслета, обломокъ желѣзнаго предмета (жел. головн. булавки?) и кусокъ сѣры.

Погребеніе ограблено посредствомъ лазейки сверху внизъ.

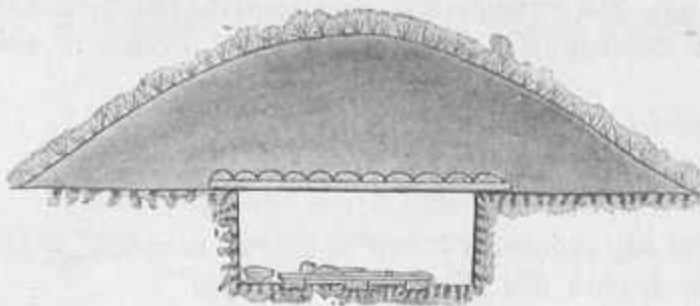

Рис. 108.

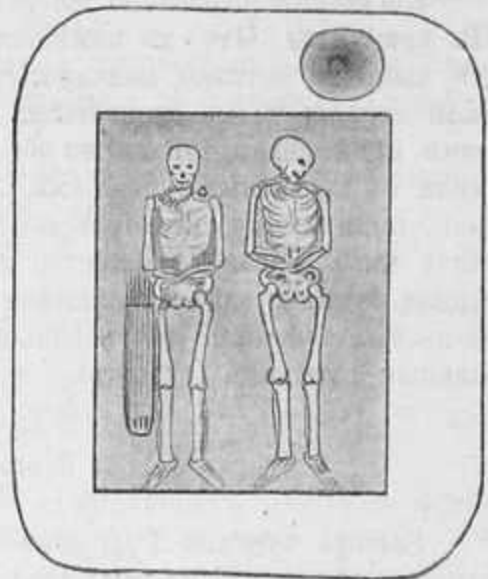

Рис. 109.

Курганъ № 8, рис. 107, рядъ С.

Высота кургана $1\frac{1}{2}$, діаметръ — 40, основаніе—120 арш. Раскопка произведена колодцемъ въ 7×7 арш.

Съ горизонта открыта яма въ $5 \times 3\frac{3}{4} \times 1\frac{1}{2}$ арш., покрытая сверху деревомъ, на которомъ лежала свѣтлосѣрая зола и угольки. Ориентировка ямы обычная.

Въ ямѣ, на глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш. отъ горизонта, въ СВ. части ямы, найдены обломки небольшого глинянаго сосудика чернаго цвѣта съ глянцевиитою поверхностью; недалеко отъ обломковъ посуды лежали человѣческія кости въ полномъ безпорядкѣ.

Поперекъ дна ямы прорѣзаны три ровика, въ которые вложены деревянные бруски, покрытые дубомъ. На дубѣ найдена раковина *Syrpaea moneta* и пережженный кусокъ желѣза.

Погребеніе ограблено посредствомъ лазейки сверху внизъ.

Курганъ № 9, рис. 107, рядъ В.

Высота— $3\frac{1}{2}$, діаметръ—50, основаніе—150 аршинъ.

Вокругъ основанія замѣтны слѣды рва. Раскопка ведена колодцемъ въ 8×8 арш. Съ горизонта открыта яма, въ $6\frac{1}{4} \times 4 \times 2\frac{1}{4}$ арш., четырехугольной формы, съ округленными углами, покрытая деревомъ и ориентированная съ ЮЗ. на СВ. Погребеніе ограблено начисто, посредствомъ широкой лазейки сверху внизъ.

Курганъ № 10, рис. 107, рядъ С.

Высота кургана $1\frac{1}{4}$, діаметръ—40, основаніе—120 аршинъ. Раскопка ведена колодцемъ въ 7×7 аршинъ.

Съ горизонта открыта яма въ $5\frac{1}{4} \times 4 \times 1\frac{1}{2}$ арш., покрытая бревенчатымъ накатникомъ, на которомъ лежали часть тазовой кости и одна фаланга коровы.

На днѣ ямы прорѣзано три ровика съ вложенными въ нихъ деревянными брусками; на послѣднихъ настланъ досчатый помостъ. На помостѣ лежали пучкомъ дровки стрѣлъ, изъ которыхъ только четыре имѣли бронзовые наконечники, а прочія были деревянные съ заостренными концами, обработанными по образцу металлическихъ стрѣлъ.

Около стрѣлъ найдены желѣзные удила съ желѣзными псаліями и костяными украшеніями, истлѣвшими почти до неузнаваемости первоначальной ихъ формы. Недалеко стояла глиняная чарка и лежалъ желѣзный ножъ. Вся середина помоста занята разбросанными истлѣвшими костями.

Яма ограблена черезъ лазейку, сверху внизъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ МАЙДАНОВЪ ВЪ СКОРОВОРЬ.

Рис. 107, рядъ А.

При осмотрѣ майдановъ легко видѣть, что ямы ихъ имѣютъ то продолговатую четырехугольную форму, вытянутую сообразно погребальныхъ курганныхъ ямъ съ СВ. на ЮЗ., то овальную. Вынутая изъ этихъ ямъ земля частію сброшена на скаты майдана, частію удалена въ боковые валы. Расположеніе послѣднихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. У крайняго съ восточной стороны майдана (рис. 107, *k*), боковой валь *a* направленъ не въ сторону Большого Скоробора, какъ всѣ прочіе, а по сѣверо-восточному скату сосѣдняго майдана. Изъ второго майдана *i* земля удалена въ одинъ довольно высокій валь *b*, въ совершенно оторванный отъ входа и расположенный противъ третьяго майдана, вплотную съ однимъ изъ его боковыхъ валовъ *c*. Третій и четвертый майданы имѣютъ по два боковыхъ вала, расположенныхъ обычнымъ порядкомъ. Пятый майданъ имѣетъ одинъ, шестой—два, седьмой—одинъ, восьмой—два боковыхъ вала.

Недалеко отъ восьмого майдана сыномъ владѣльца г. Черненко была найдена, во время пахоты, серебряная монета съ именемъ польскаго короля Сигизмунда III.

Позднѣйшее происхожденіе майдановъ изъ древнихъ кургановъ здѣсь не возбуждало ни малѣйшаго сомнѣнія¹⁾. Предпринятой небольшою шурфовкой намъ

¹⁾ При видѣ этихъ раскопанныхъ кургановъ невольно поражаетъ, какимъ образомъ нѣкоторые изслѣдователи принимали ихъ за городища, съ которыми они рѣшительно никакого сходства не имѣютъ. *Авт.*

хотѣлось выяснитъ только характеръ почвы въ боковыхъ валахъ и на пространствахъ между этими валами, гдѣ могли отложиться какіе-нибудь культурные остатки времени появленія майдановъ.

Траншея I, рис. 107.

Траншея заложена между боковыми валами майдана *l*.

На глубину 1 арш. 3 вершковъ залегалъ типичный грунтовый черноземъ; ниже шель лёссъ. Никакихъ культурныхъ остатковъ не встрѣчено.

Траншея II, рис. 107.

Траншея заложена съ гребня бокового вала того же майдана.

До грунтового чернозема прорѣзалась насыпная почва; въ ней найдены обломки ржавого желѣза и обломки глиняной посуды зольничнаго типа. Почва сильно перемѣшанная, состоящая изъ чернозема и кусочковъ лёсса.

Траншея III.

Траншея заложена съ гребня бокового высокаго вала майдана *i*.

На глубину $2\frac{1}{2}$ арш., до грунтового чернозема, прорѣзалась насыпная почва. Въ верхнихъ слояхъ преобладалъ лёссъ, въ нижнихъ—черноземъ. Въ общемъ же вся почва являлась перемѣшанною и сильно перепутанною; въ ней встрѣчены куски сгнившаго дерева, совершенно одинаковые съ кусками деревьевъ, обычно встрѣчаемыхъ въ могильныхъ ямахъ изслѣдованныхъ кургановъ. Почва, несомнѣнно, взята изъ середины кольцевиднаго вала майдана *i*, и то явленіе, что валъ *b* отдѣляется отъ кольцевиднаго вала, правильнѣе всего объяснять размывомъ рыхлой почвы, легкой на скатѣ разрушеннаго кургана.

Траншея IV, рис. 107.

Траншея заложена съ гребня бокового вала, отходящаго отъ развалинъ Большого Скоробора, по направленію къ первому рядовому майдану.

Почва прорѣзана до грунтового чернозема; она состояла изъ чернозема, настолько плотно сложившагося, что его едва-едва мы могли преодолѣть, хотя толща насыпи равнялась всего лишь $\frac{3}{4}$ арш. Въ насыпи найдены небольшіе обломки глиняной посуды, повидимому, древняго типа. Насыпь лежитъ сверху всего слоя грунтового чернозема, нисколько не вросши въ него, что указываетъ на самое недавнее происхожденіе этого вала, имѣвшаго видъ майданныхъ боковыхъ валовъ.

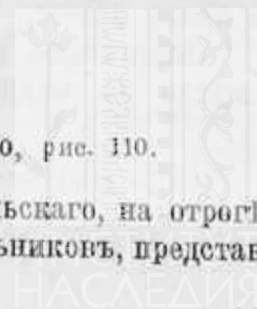
Траншея V, рис. 107.

Траншея заложена въ разстояніи шаговъ 20 отъ траншеи IV. Прорѣзанъ типичный грунтовый черноземъ, ниже котораго залегалъ лёссъ. Никакихъ культурныхъ остатковъ не встрѣчено.

С. ДОЛЖИКЪ.

Изслѣдованіе зольниковъ въ имѣніи Р. П. Трипольскаго, рис. 110.

Въ разстояніи около $\frac{1}{2}$ версты къ югу отъ дома г. Трипольскаго, на отрогѣ, спускающемся къ долину р. Сухой Груни, расположено 19 зольниковъ, представ-

Траншея I.

Размѣры $18 \times 3 \times 1\frac{1}{2}$ аршина. Въ слояхъ траншеи найдены только обычные обломки посуды и костей.

Зольникъ № 3.

Зольникъ одинаковаго вида и размѣровъ съ предшествующими.

Траншея I.

Размѣры $18 \times 3 \times 1\frac{1}{2}$ аршина. Въ слояхъ траншеи найдены лишь обычные обломки глиняной посуды и кости животныхъ.

Изъ костей 2-го и 3-го зольника опредѣлены:

	Челюсти	Длинные ножны	Астрагалы	Фаланги	Копытные
Коровы. . .	2	1	3	2	2
Овцы. . .	10	3	3	—	—
Козы. . .	—	—	—	—	—
Свиньи. . .	4	4	—	—	—
Лошади. . .	4	2	1	3	—
Собаки. . .	1	—	—	—	—
Раковины <i>Surgaea moneta</i> .					

Въ результатѣ зольники оказались не богатыми, но, тѣмъ не менѣе, вполне характерными. Явленіе цѣлой группы этихъ памятниковъ въ открытомъ полѣ указываетъ, что памятники этого рода должны разсматриваться и независимо отъ городищъ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ ВЪ С. САРАНЧЕВОМЪ, ВЪ ИМѢНІИ В. Е. ВРУСНИЦКОЙ.

Курганъ № 1.

Курганъ расположенъ въ луговой долинѣ р. Сухой Груни, въ разстояніи около 1 версты отъ зольниковъ имѣнія г. Трипольскаго.

Высота кургана 2, діаметръ—40, основаніе—120 аршинъ. Насыпь полуторная. Ровъ отчетливо видѣнъ. Раскопка ведена колодцемъ въ 7×7 аршинъ.

Въ насыпи найдены обломки глиняной посуды зольничнаго типа, обломки костей человѣка и костей коровы и овцы.

Съ горизонта открыта яма въ $6 \times 4\frac{1}{2} \times 1\frac{3}{4}$ арш., ориентированная съ ССВ. на ЮЮЗ.

Въ ямѣ, на глубинѣ вершковъ 8, въ ССВ. концѣ, найденъ цѣлый остовъ рѣчной черепахи, а на днѣ ямы—кремень, обломки глиняной посуды, остатки дерева, угольки и обломки костей человѣка.

Погребеніе ограблено сверху внизъ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ ВЪ ХУТ. БЛАЖКИ, БЛИЗЪ С. СТУПКИ. Рис. 111.

Хуторъ Блажки расположенъ на правомъ берегу р. Мокрой Груни. Отъ хутора идетъ высокій подъемъ на материковый берегъ долины Мокрой Груни, образующій мысъ, называемый Блажковской горою.

Бока Блажковской горы, обращенные къ Мокрой Грунѣ, сильно разрушаются дождевою и весеннею водами, при чемъ не разъ вымывались древнія вещи, въ родѣ металлическихъ бляшекъ, кусковъ проволоки и т. п. Въ 1903 же году изъ горы вымыто такихъ вещей сразу большое количество, говорятъ, около пуда вѣсомъ. Вещи разошлись по рукамъ и затерялись. Изъ желанія скупить, что сохранилось, отъ этихъ вещей, побудило съѣздить на мѣсто находки. У хуторянъ на рукахъ ничего не оказалось, о нихъ сохранились только одни рассказы. Намъ удалось купить три предмета у крестьянина с. Маниловки (Маниловки) Петра Грина, сынъ котораго первымъ увидалъ выпавшій изъ берега кладъ.

Купленные вещи оказались серебряными, готскаго стиля: одна фибула, одна пряжка и одна пуговица (табл. III, рис. 1—3).

Разсказываютъ, что, когда разнеслась молва о находкѣ, то взрослые парни и мужики побѣжали съ лопатами на гору искать вещи, изрыли порядочно берегъ, но уже ничего не нашли.

Вещи, несомнѣнно, лежали кладомъ. Интересно, что почва, изъ которой выпалъ кладъ, имѣетъ темный золистый цвѣтъ, обычный въ культурныхъ жилахъ слояхъ. При расчисткѣ его, на глубинѣ около 1½ аршина, найдены осколки двухъ косточекъ. Въ настоящее время кусокъ культурнаго слоя имѣетъ протяженіе вдоль берега не болѣе 10 арш. Къ сожалѣнію, на этомъ мѣстѣ, за отсутствіемъ владѣльца, мнѣ не удалось произвести раскопокъ.

По Блажковской горѣ повсюду разбросаны курганы. Особенно интересными изъ нихъ казались небольшіе курганчики, расположенные тѣсною группой на самомъ мысѣ горы, у мельницы: эти курганы не походили на обычные скиѣскіе и поэтому являлась надежда найти ихъ готскими или вообще позднѣйшими, сравнительно со скиѣскими.

Рис. 111.

Курганъ № 1. Рис. 111.

Высота кургана 1, діаметръ — 14, окружность основанія — 45 аршинъ. Раскопка введена колодцемъ въ 5×5 аршинъ.

Съ горизонта открыто два погребенія.

Погребеніе 1, вводное.

На глубинѣ 8 вершковъ ниже горизонта, въ ямѣ болѣе древняго погребенія, оказалось вводное погребеніе. Покойникъ лежалъ въ деревянномъ гробу-колодѣ, на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, головою на В. На шеѣ его лежалъ желѣзный

совершенно истлѣвшій предметъ (пряжка?); у праваго колѣна наконечникъ желѣзнаго копыя, распавшагося на куски, и четыре ребра небольшого животнаго, въ родѣ овцы.

Ростъ костяка 2 арш. $3\frac{1}{2}$ верш.

Погребеніе 2-е.

Съ горизонта открыта яма, четырехугольной формы, съ округленными углами, въ $4\frac{1}{2} \times 2\frac{3}{4} \times 1$ аршинъ, ориентированная съ СВ. на ЮЗ., сверху покрытая толстыми бревнами.

Въ почвѣ, выполнившей яму и на днѣ послѣдней найдены кости разстроеннаго человѣческаго костяка, обломокъ большой глиняной чашки и небольшого кувшина или чарки.

Погребеніе ограблено и, несомнѣнно, ранѣ вводнаго погребенія въ курганѣ.

Курганъ № 2.

Высота кургана $1\frac{1}{4}$, діаметръ—20, основаніе—60 аршинъ.

Съ горизонта открыта яма четырехугольной формы, въ $3\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{2} \times 1$ аршинъ, покрытая толстыми бревнами, ориентированная съ СВ. на ЮЗ.

На днѣ ямы найдены: большой глиняный горшокъ, распавшійся на мелкіе куски, и небольшой глиняный сосудикъ, въ видѣ стакана. Эти два предмета стояли, очевидно, нетронутыми никѣмъ; прочее же содержимое ямы оказалось потревоженнымъ и ограбленнымъ.

Курганъ № 3.

Высота $1\frac{1}{2}$, діаметръ—19, основаніе—60 аршинъ.

Съ горизонта обозначилась яма, въ $4 \times 2\frac{3}{4} \times 1\frac{1}{2}$ аршина, покрытая толстыми бревнами.

Въ почвѣ, выполнившей яму, и на днѣ собрано шесть бронзовыхъ стрѣлъ, одна бусина, обломокъ бронзоваго кольца, желѣзный предметъ въ видѣ шила и сломанная большая глиняная чашка на высококомъ стакановидномъ поддонѣ. Прочее все оказалось ограбленнымъ.

Дно ямы съ двумя поперечными ровиками для деревянныхъ брусковъ, остатки которыхъ въ нихъ сохранились.

По словамъ блажковскихъ крестьянъ, человѣческія кости иногда выпадаютъ и прямо изъ берега Блажковской горы; такъ, въ текущемъ (1906) году, весною, Антонъ Блажко видѣлъ черепъ и кости руки, обнаженные изъ берега, близъ раскопанныхъ нами кургановъ.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ И НѢКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ ИЗЪ ДОБЫТАГО ИЗСЛѢДОВА- ВАНІЯМИ МАТЕРІАЛА.

Систематизируя весь добытый матеріалъ, можно видѣть, что наиболѣе древними изъ изслѣдованныхъ памятниковъ являются зольники; затѣмъ слѣдуютъ городища и курганы, повидимому, являющіеся современными лишь наиболѣе позднимъ наслоеніямъ зольниковъ; къ еще болѣе позднему времени относятся вещи готскаго типа изъ Блажковскаго клада, и, наконецъ, послѣднее мѣсто должны занять погребенія, изъ которыхъ одно встрѣчено на площади Западнаго Бѣльскаго горо-

дища, а другое въ одномъ изъ блажковскихъ кургановъ (кург. № 1, погр. 1). Что же касается майданныхъ сооружений, то они, составляя въ отношеніи всѣхъ поименованныхъ археологическихъ памятниковъ случайное явленіе, относятся къ наиболѣе позднему времени.

Произведенными изслѣдованіями выяснено, что первое отложеніе зольники получили или на совершенно ровной мѣстности, или на природныхъ холмикахъ, каковыя изрѣдка наблюдаются на естественныхъ поверхностяхъ черноземныхъ полей и степей. Послѣдующій ростъ зольниковъ совершается всюду одинаково, путемъ наслоенія, болѣе мощнаго въ центрѣ, чѣмъ въ периферіи, вслѣдствіе чего въ результатѣ получался широкій расплывчатый холмъ. Въ разрѣзѣ такого холма ясно выступаетъ листовато-слоистая структура, при чемъ всѣ верхніе слои даютъ дугообразныя линіи, прочерченныя черезъ всю профиль холма. Всякое нарушеніе такого наслоенія, обыкновенно совершаемое человекомъ, легко узнается. Такимъ образомъ свободно замѣчаются и засыпанныя ямы современныхъ кладонскателей, и ямы, служившія, повидимому, землянками древняго человека, поселившагося, однако, уже послѣ того, какъ зольникъ сформировался.

Наслоеніе зольниковъ совершалось главнымъ образомъ на счетъ золы и землистыхъ, вѣроятно, пылевыхъ отложеній, главнымъ образомъ придающихъ листоватость структурѣ холма. Иногда наряду съ этими веществами наблюдались остатки перегниваемаго камыша, мелкихъ сучковъ и щепокъ, а въ исключительныхъ случаяхъ удавалось находить мелкія раковины сухопутныхъ моллюсковъ. Всѣ эти признаки указываютъ на большую медленность роста зольниковъ, что подтверждается также и огромнымъ количествомъ отложенныхъ во всѣхъ горизонтахъ разныхъ бытовыхъ, въ особенности кухонныхъ отбросовъ. Обыкновенно въ каждомъ слое зольника заключены многочисленныя обломки посуды и кости животныхъ; рѣже встрѣчаются обломки глиняной штукатурки (обмазки), кусковъ глинобитныхъ сооружений, разныхъ мелкихъ подѣлокъ и украшеній. Всѣ эти предметы какъ бы тяготеютъ къ центру зольниковъ, къ подошвѣ же они сразу становятся рѣдкими. Наряду съ бытовыми предметами въ нѣкоторыхъ зольникахъ встрѣчаются цѣлыя и части остововъ мелкихъ домашнихъ животныхъ, въ видѣ овецъ, свиней и собакъ, а также отдѣльныя кости человека.

Назначеніе зольниковъ остается загадочнымъ. В. В. Хвойко, изслѣдовавшій ихъ въ Пастерскомъ городищѣ, Кіевской губерніи, пришелъ къ заключенію, что зольные холмы служили мѣстами трупосожженій. Мнѣ пока неизвѣстны тѣ признаки, по которымъ уважаемый изслѣдователь могъ прийти къ подобному заключенію, но въ изслѣдованныхъ мною зольникахъ никакихъ признаковъ трупосожженія совершенно не существовало. Г. Зарѣцкій высказывалъ мысль, что зольники были мѣстами жертвоприношеній, въ доказательство чего имъ указывалось на случаи находокъ въ зольникахъ цѣлыхъ остововъ животныхъ, въ видѣ свиней и др. Однако, противъ этого говоритъ слишкомъ покойное и медленное нарастаніе зольниковъ, а также и то, что животныя могли быть помещены въ зольники, когда уже послѣдніе существовали, а это указываетъ на существованіе зольниковъ ранѣе, чѣмъ появились въ нихъ признаки жертвоприношеній.

Въ настоящее время у Караногайцевъ Ставропольской губерніи существуетъ обычай, въ силу котораго каждая семья считаетъ долгомъ сыпать золу въ одно определенное мѣсто («тобэ»), обыкновенно шагахъ въ пяти отъ кибитки или хижины. Благодаря такому обстоятельству, получается все болѣе и болѣе нарастающій холмъ золы, составляющій гордость хозяевъ, такъ какъ, чѣмъ больше холмъ, тѣмъ больше почета главѣ семьи. Наибольшіе изъ нихъ иногда замѣняютъ минареты и съ вершины ихъ муллы сзываютъ правовѣрныхъ на молитву.

Но еще любопытнѣе, что совершенно такой же обычай сыпать печную золу въ холмы сохранился въ нѣкоторыхъ селахъ Полтавской губерніи. Такъ, въ с. Положен, Ташаньской волости, Переяславскаго уѣзда, жители, не исключая духовенства, изстари имѣютъ обычай ссыпать золу и домашній соръ въ опредѣленные мѣста (на берегу р. Оржицы), гдѣ мало-по-малу образуются холмы, видомъ напоминающіе курганы. Обыкновенно каждый домъ имѣетъ свой холмъ, но иногда однимъ холмомъ пользуются и многіе родственные или дружественные дома. Зольные холмы называютъ «попелищами» и «смитныками» (отъ «смитня» — соръ). Въ попелищахъ иногда хоронятъ сдохшихъ кошекъ, собакъ и другихъ мелкихъ животныхъ.

Весьма возможно, что и древніе зольники явились результатомъ подобныхъ обычаевъ.

Площадь распространенія древнихъ зольниковъ весьма обширна. Такъ, въ настоящее время они извѣстны на берегахъ р. Кумы, въ Ставропольской губерніи, р. Мерлы (Харьковской губ.), р. Ворсклы (Полтавской губерніи) и р. Днѣпра (Кіевской губерніи). Нѣтъ сомнѣнія, что, при болѣе внимательномъ отношеніи, регистрація этихъ памятниковъ быстро возрастетъ и площадь распространенія ихъ увеличится.

Судя по нѣкоторымъ признакамъ керамики, полтавскіе зольники должны имѣть какое-то отношеніе къ «сорнымъ кучамъ» Австріи, гдѣ ихъ считаютъ остатками особаго вида кранножей, или сухопутныхъ свайныхъ построекъ. Выясненіе отношенія зольниковъ и сорныхъ кучъ составляетъ весьма интересную археологическую задачу.

Первое появленіе полтавскихъ зольниковъ относится къ глубокой древности, предшествовавшей появленію Бѣльскихъ городищъ. Последнее хорошо доказывается какъ находженіемъ цѣлаго зольника подъ насыпью вала, такъ и поступленіемъ зольничной почвы въ составъ насыпи городищенскихъ валовъ. Планировка зольниковъ также показываетъ на значительную независимость ихъ отъ городищъ. Одиночныя и цѣлыя группы зольниковъ находятся въ открытыхъ поляхъ. Однако, эти зольники, насколько извѣстно, нигдѣ не достигаютъ такихъ крупныхъ размѣровъ и не содержатъ столько бытовыхъ остатковъ, какъ въ городищахъ. Присутствіе такихъ же развитыхъ и богатыхъ содержаніемъ зольниковъ въ Пастерскомъ городищѣ позволяетъ заключить, что зольники не только продолжали формироваться во время жизни городища, но и получили въ свои верхніе слои самыя богатые культурные вклады. Довольно вѣскимъ доказательствомъ одновременности, по крайней мѣрѣ, позднѣйшихъ наслоеній зольниковъ съ Западнымъ Бѣльскимъ городищемъ служитъ то, что въ культурномъ слоѣ и на днѣ рвовъ послѣдняго содержатся только предметы, одинаковые съ зольниками. Такое явленіе вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и на одновременность конца ихъ существованія. Этотъ конецъ послѣдовалъ очень давно, такъ какъ подошвы вала и зольниковъ успѣли глубоко врасти въ землю, а рвы — обмелѣть или даже совсѣмъ сравняться съ горизонтомъ современной поверхности почвы.

Что касается конструкціи валовъ и рвовъ городища, то она представляется не повсюду одинаковою. Наиболѣе сильною профилю можно считать ту, которая слагается изъ большого вала, наружнаго рва и второго, меньшаго вала (см. № 1 и № 2). Укрѣпленіями такой профили окружены Восточное и Западное городища, составлявшія главные опорные пункты всего огромнаго Бѣльскаго городища. Значительно слабѣе профиль, состоящая изъ одного вала и двухъ рвовъ, расположенныхъ по обѣ стороны вала (см. № 10). Эта профиль наблюдается въ большомъ городищѣ, вдоль высокаго и крутого берега р. Ворсклы, дававшего сильную природную защиту.

Никаких остатков сторожевых башенъ и подобныхъ сооружений нигдѣ не наблюдалось, хотя весьма вѣроятнымъ представляется, что широкій гребень вала, очевидно, приспособленный для свободнаго движенія по немъ войскъ во время боя, имѣлъ деревянную стѣну или тынъ, необходимые какъ для защиты воиновъ отъ стрѣлъ и другихъ метательныхъ снарядовъ противника, такъ и для скрытія отъ послѣдняго разныхъ передвиженій защитниковъ.

Представляется весьма вѣроятнымъ, что Бѣльское городище на всемъ своемъ тридцативерстномъ протяженіи сопровождалось непрерывнымъ ровомъ, черезъ который сообщеніе производилось посредствомъ мостовъ. Для Западнаго городища это установлено положительно.

Таковы въ общемъ свѣдѣнія, какія намъ удалось получить при изученіи конструкций описываемыхъ памятниковъ и отношенія ихъ къ естественнымъ наслоеніямъ почвы. Теперь намъ остается взглянуть на тѣ культурныя явленія, какими сопровождалась эти памятники.

Изъ подобныхъ явленій наиболее загадочнымъ и любопытнымъ представляются находки въ зольникахъ костей человѣка. Такія кости найдены въ пяти зольникахъ, гдѣ онѣ залежали одиночно и на разныхъ глубинахъ; среди нихъ оказались обломки череповъ, нижнихъ челюстей, позвонковъ и костей рукъ и ногъ. По степени сохранности человѣческія кости нисколько не отличались отъ костей животныхъ, съ которыми онѣ залежали въ одинаковыхъ условіяхъ, поэтому, казалось-бы, что одной и той же причинѣ онѣ обязаны и своимъ появленіемъ въ зольникахъ; но кости животныхъ носятъ всѣ признаки кухонныхъ отбросовъ, тогда какъ на костяхъ человѣка такихъ признаковъ ни разу не наблюдалось; не наблюдались также и признаки ихъ сожженія или обугливанія. Обыкновенно находка каждой человѣческой кости сопровождалась самымъ тщательнымъ изученіемъ всѣхъ сопровождавшихъ ее условій и всякій разъ приходилось рѣшать, что кость попала въ зольникъ благодаря какой-то необъяснимой случайности.

Присутствіе въ нѣкоторыхъ зольникахъ землянокъ также заслуживаетъ вниманія. Явленіе подобныхъ сооружений можетъ быть только позднимъ. Между тѣмъ, въ землянкѣ зольника № 1, въ Западномъ городищѣ, найденъ обломокъ чернофигурной греческой посуды VI в. до Р. Хр. Этотъ фактъ важенъ въ томъ отношеніи, что указываетъ на еще болѣе глубокую древность зольника, въ которомъ помѣстилась землянка съ довольно массивною глинобитною печью. Отношеніе къ землянкамъ кусковъ глиняной штукатурки, остатковъ камыша и дерева, встрѣчавшихся въ нѣкоторыхъ зольникахъ, не выяснилось: возможно, что всѣ эти предметы представляютъ остатки землянокъ, но возможно также, что они принадлежали другимъ постройкамъ и въ зольники попали, какъ ненужный хламъ. Любопытно, что штукатурка иногда покрывалась орнаментомъ (рис. 112), но чаще сглаживалась. Куски штукатурки встрѣчались только въ городищенскихъ зольникахъ, гдѣ залежали на разныхъ глубинахъ спорадически. Иногда ихъ бывало

Рис. 112.

много и тогда они располагались прослойками, но не пластами, въ видѣ, напри- мѣръ, пола или спеціальной настилки.

Остовы животныхъ находились на разныхъ глубинахъ. Всѣ они принадле- жали только малымъ животнымъ: свиньѣ, овцѣ и собакамъ. Причина явленія ихъ въ зольникахъ не опредѣлилась. Весьма возможно, что разъясненіе этой причины облегчитъ рѣшеніе вопроса о назначеніи и роли самихъ зольниковъ. Количество встрѣченныхъ остововъ не особенно значительно: найдено 7 остововъ овецъ, 2 остова свиней и 2 остова собакъ.

Гораздо болѣе встрѣчалось отдѣльныхъ костей животныхъ. Всѣ эти кости нами внимательно пересматривались, изучались и отчасти регистрировались. Большинство изъ этихъ костей представлялись расколотыми и носили характер- ный видъ кухонныхъ отбросовъ. Черепа крупныхъ животныхъ, въ родѣ лошадей, коровъ, старыхъ свиней, обыкновенно расчленялись на три части: сначала отру- бался конецъ морды (сошникъ), затѣмъ черепная коробка разрубалась продольно на двѣ половины. На коровьихъ черепахъ иногда оставались не сбитыми костя- ные отростки роговъ: очевидно, мясо варилось въ большихъ сосудахъ. Для под- счета костей разныхъ видовъ нами отбирались челюсти, астрагалы, фаланги, ко- пытныя, пястные и плюсневые, причѣмъ послѣднія двѣ группы регистрировались подъ одной рубрикой «ножныхъ костей». Выборъ на эти кости палъ потому, что онѣ у разныхъ видовъ животныхъ характернѣе и рѣзче выражены, чѣмъ другія кости. При подсчетѣ за единицу принимались цѣлые и крупные обломки костей. Такимъ образомъ намъ удалось подсчитать для девяти зольниковъ Западнаго и Большого городищъ:

	Челюсти	Ножныя кости	Астрагалы	Фаланги	Копытныя	
Лошади	109	130	149	336	63	
Коровы	222	256	256	840	80	11 роговъ.
Овцы	422	124	133	71	2	} 34 рога.
Козы						
Олени	—	2	—	5	—	1 рогъ.
Лося	—	—	—	4	—	3 обрубка рога.
Свиньи	379	146	44	34	1	
Собаки	134	—	—	—	—	
Бобра	3	—	—	—	—	
Хорька	3 чер.	—	—	—	—	

Кромѣ того, встрѣчались кости двухъ видовъ мелкихъ грызуновъ и найдены 2 черепа утки, 1 черепъ, 2 грудныя и нѣсколько другихъ костей тетерева, че- шуйки и кости леща (единичные экземпляры) и нѣсколько раковинъ рѣчного моллюска *Unio*, сухопутнаго моллюска *Helix fruticum* и др., морскихъ моллюсковъ *Surgaea moneta*, *Pecten* и др., привезенныхъ, повидимому, изъ Средиземнаго моря и служившихъ подвѣсками въ ожерельяхъ.

Приведенный списокъ встрѣченныхъ въ зольникахъ животныхъ, хотя и не даетъ основанія для какихъ-либо точныхъ заключеній, тѣмъ не менѣе, основываясь на немъ, мы получаемъ нѣсколько весьма важныхъ свѣдѣній, не подлежащихъ никакому сомнѣнію. Прежде всего, становится очевиднымъ, что въ основѣ благо- состоянія челоуѣка стояло скотоводство, а не охота и рыболовство, а это указы- ваетъ на быть довольно высокій, культурный. Судя по челюстямъ, какъ болѣе надежному признаку собраннаго матеріала, среди домашнихъ животныхъ пре- обладали мелкія, а именно: овцы, козы и свиньи; коровъ держалось больше, чѣмъ

лошадей; много также держалось собакъ. Послѣднія принадлежали къ двумъ породамъ: мелкой и крупной; преобладала мелкая. Охота и рыболовство играли ничтожную роль. Присутствіе среди трофеевъ охоты лося и тетерева свидѣтельствуеъ о лѣсности мѣстности. То же подтверждаетъ и бобръ. Вѣроятно, въ то время, какъ и въ настоящее, лѣсами покрывались балки и берега рѣкъ, болѣе же высокія мѣстности имѣли степной характеръ и служили пастбищами для многочисленнаго домашняго скота.

Такимъ образомъ, освѣщенный костеносный матеріалъ помогаетъ намъ возстановить цѣлыя картины хозяйственнаго быта и природы того времени, а это вполне оправдываетъ тотъ трудъ, который потраченъ на изученіе матеріала, казалось бы, неимѣющаго прямого отношенія къ предмету археологін.

По количеству экземпляровъ, послѣ костей первое мѣсто занимаютъ обломки керамическихъ издѣлій. Въ составъ ихъ входятъ глиняныя статуэткы, цѣлые сосуды и обломки ихъ, принадлежности костюма, въ видѣ пуговиць и разныхъ видовъ застежекъ, совершенно загадочныя издѣлія въ видѣ цилиндровъ, блоковъ и др., а также, наконецъ, и вышеописанныя куски штукатуркы. Большинство этихъ предметовъ представляетъ продуктъ мѣстнаго производства, но не мало встрѣчается и привозныхъ греческихъ издѣлій.

Статуэтокъ найдено четыре; двѣ изъ нихъ представляютъ человѣка и двѣ животныхъ. Одна статуэткы (табл. II, рис. 21) оказалась совершенно цѣльною. Это вполне варварское произведеніе искусства: человѣкъ представленъ въ формѣ цилиндра, въ 5 сантим. высоту. Верхняя часть головы характерно сжата и напоминаетъ двурогій кокошникъ. Глаза и носъ однимъ щипкомъ; надъ глазами прорисованы брови, а подъ носомъ наколоты двѣ дырочки—ноздри; рта, подбородка, шеи и рукъ нѣтъ; голова слита съ туловищемъ, а ноги выражены небольшой выемкой въ основаніи цилиндра. Совершенно одинаковыя глиняныя статуэткы найдены Шлиманомъ въ Троѣ¹⁾.

Отъ второй человѣческой статуэткы сохранилась голова и отчасти плечи (табл. II, рис. 22). Обломокъ этотъ сильно выѣтренъ и не сохранилъ никакихъ мелкихъ подробностей; онъ принадлежалъ статуэткѣ значительно большихъ размѣровъ и болѣе совершенной формовкы: голова, шея и плечи фигуры хорошо выражены; верхняя часть головы такъ же сжата и такъ же напоминаетъ двурогій кокошникъ, какъ и у первой статуэткы.

Въ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ, среди многочисленныхъ древне-греческихъ статуэтокъ, имѣется одна изъ развалинъ Пантикапіи, представляющая женщину, повидимому, въ варварскомъ костюмѣ; на головѣ ея изображенъ кокошникъ, напоминающій головныя уборы Вѣльскихъ статуэтокъ.

Небольшія статуэткы животныхъ плохо сохранились: у одной изъ нихъ, представляющей четырехное животное, отбита голова, двѣ ноги и часть хвоста (табл. II, рис. 23); отъ другой сохранилась только голова (тамъ-же, рис. 24).

Изучая громадное количество обломковъ глиняной посуды, легко было возстановить какъ главные типы сосудовъ (табл. I), такъ и технику ихъ производства. Въ послѣднемъ отношеніи сосуды дѣлятся на три категоріи: 1) грубые — вполне варварской техники (табл. I, рис. 5, 7, 9 и 11); 2) сосуды болѣе совершенной черноглиняной техники (табл. та же, рис. 10) и 3) сосуды греческой техники. Сосуды первой категоріи были особенно распространены. Они преимущественно представляли видъ простыхъ горшковъ, кружекъ, баночекъ, тарелокъ и т. п. Горшки (табл. I, рис. 5 и 9)—небольшіе съ низкой шейкой, слабо выраженными

¹⁾ D-r Henrich Schliemann. „Atlas Trojanischer Altertümer“, Taf. 20, № 589.

Труды XIV Арх. Съѣзда, т. III.

плечами, слегка выпуклыми боковыми стѣнками и плоскими днами. Орнаментъ чаще всего состоитъ изъ рубчиковъ, защипокъ по обрѣзу горла и сквозныхъ дырочекъ, расположенныхъ ниже обрѣза горла; рѣже встрѣчается лѣнной шнурокъ, помѣщаемый на шейкѣ сосудовъ; поверхность его обыкновенно украшается защитнымъ или другимъ подобнымъ орнаментомъ, а конецъ нерѣдко и очень характерно спускается внизъ (табл. I, рис. 9).

Баночекъ и миниатюрныхъ сосудцевъ (табл. I, рис. 6 и 11) встрѣчалось много. По общему типу они схожи съ миниатюрными сосудцами древнѣйшихъ средне-русскихъ городищъ. Наибольшіе изъ нихъ могли служить кружками для питья, но наименьшіе, повидимому, служили дѣтскими игрушками. Въ этомъ особенно убѣждаетъ крошечная чарочка, въ 12 миллиметровъ высоты, сдѣланная по образцу чарокъ съ высокими ручками. Такой сосудецъ могъ служить только игрушкой.

Цѣлыхъ глиняныхъ тарелокъ не найдено, но обломки ихъ встрѣчались нерѣдко, что указываетъ на обычное употребленіе ихъ. Тарелки представляли форму дисковъ съ краями или совсѣмъ не приподнятыми, или приподнятыми лишь слегка. Три обломка такихъ тарелокъ оказались съ сквозными дырами, расположенными равномерно по всему диску.

Совершенно такія же тарелки были найдены г. Зарѣцкимъ въ зольникахъ Харьковской губ. Назначеніе предметовъ загадочно. Въ одномъ случаѣ въ тарелку было передѣлано дно большого горшка, боковыя стѣнки котораго оказались отбитыми и заглаженными.

Всѣ описанные виды керамики дѣлались отъ руки изъ грубой глины и имѣли обжигъ слабый или средней.

Типы черноглиняной посуды гораздо разнообразнѣе и въ техническомъ отношеніи выше; глина чище и однороднѣе, обжиганіе сильнѣе; черная поверхность сосудовъ всегда тщательно сглажена, часто глянцевиата, а иногда блестяща; въ послѣднемъ случаѣ цвѣтъ ихъ приближается къ цвѣту греческихъ чернолаковыхъ сосудовъ; выработка, однако, производилась безъ помощи гончарнаго круга. Въ составъ черноглиняныхъ сосудовъ входятъ горшки крупныхъ размѣровъ, большія чашки или миски, малыя чаши иногда на высокихъ поддонахъ, круглодонныя чаши въ видѣ греческихъ фіаловъ, тарелки и въ особенности чарки (табл. I, рис. 11). Сосуды въ большинствѣ случаевъ остаются безъ всякихъ украшеній, но, повидимому, древнѣйшіе изъ нихъ получали обильный и прекрасно выполненный инкрустированный орнаментъ, состоящій изъ разнообразныхъ геометрическихъ фигуръ, вычерченныхъ глубокими линиями и штрихами по сырой глинѣ, заполненными послѣ бѣлой известковой мастикой (табл. I, рис. 1—4). Изученіе этого орнамента заслуживаетъ серьезнаго изученія, такъ какъ относится къ глубокой древности. Древнѣйшая инкрустированная бѣлой мастикой керамика известна въ древностяхъ Египта V-го тысячелѣтія до Р. Хр. Позже такая посуда распространилась по берегамъ Средиземнаго моря. Въ Зап. Европѣ и на Кавказѣ она сопровождаетъ самыя раннія культуры желѣзной эпохи, возрастъ которыхъ оцѣнивается XIV-мъ — IX-мъ вѣками до Р. Хр. По своимъ формамъ и технике инкрустированная Бѣльская посуда ближе всего подходитъ къ Кавказской.

Заслуживаютъ вниманія также и высокія ручки сосудовъ, украшенные развѣтвленіями, напоминающими рога (рис. 113). Такія ручки встрѣчаются въ большомъ количествѣ и преимущественно въ нижнихъ, т.-е. болѣе древнихъ слояхъ зольниковъ. Посуда съ рогатыми ручками въ Зап. Европѣ давно обратила на себя вниманіе. Находки ея тамъ отмѣчены въ «сорныхъ кучахъ» Австріи и террамарахъ С. Италіи.

Обломковъ греческой посуды встрѣчено меньше, хотя, должно замѣтить, рас-

предѣленіе ихъ по зольникамъ не было равномернымъ, а, наоборотъ, въ однихъ зольникахъ такихъ обломковъ встрѣчалось много, въ другихъ мало и въ третьихъ совсѣмъ не оказывалось. Чаще всего встрѣчались обломки амфоръ. Въ нѣкоторыхъ зольникахъ они своимъ количествомъ конкурировали съ обломками посуды двухъ первыхъ категорій. Всѣ амфоры остродонныя, безъ клеймъ. Встрѣчались обломки амфоръ, расписанныхъ темнобурыми и красными полосами, весьма похожихъ на милетскія амфоры VII вѣка до Р. Хр., открытыя проф. Штерномъ на островѣ Березани. Очень часто находились обломки боковыхъ стѣнъ съ сверлинами, расположенными по краямъ излома. Это, очевидно, сверлины, служившія для сшиванія разбившейся посуды. Подобныя сверлины встрѣчались и въ обломкахъ посуды двухъ первыхъ категорій.

Меньше попадалось обломковъ чернолаковой мелкой посуды. Среди нихъ имѣются образцы высокой техники. Но самымъ интереснымъ является единственный обломокъ одного чернофигурнаго греческаго сосуда, дающій намъ точную дату. На обломкѣ сохранились ноги двухъ бѣгущихъ человѣческихъ фигуръ.

Руководясь обломками, можно установить слѣдующіе виды греческой посуды: прохусы, аски, котиллы, фіалы и лампы. Отъ послѣднихъ встрѣчались большіе куски, иногда сильно законченные и потертые, что указываетъ на продолжительное пользованіе ими.

Всѣ образцы греческой посуды, несомнѣнно, цѣнились высоко. Такъ, нерѣдко утилизировались даже ея обломки и намъ удалось найти два отбитыхъ днища амфоръ и одну крышечку съ отбитой ручкой наверху, подправленные и обточенные въ форму небольшихъ сосудиковъ; два чернолаковыхъ обломка, переделанные въ формы кружковъ, и двѣ амфорныя ручки — въ другія формы.

Къ принадлежностямъ костюма нами относятся всѣ глиняныя подѣлки, въ формѣ такъ называемыхъ пряслицъ, которыя мы считаемъ болѣе правильнымъ называть пуговицами (табл. II, рис. 1—8 и 16—20), а также и особой формы глиняныя подѣлки, имѣвшія, несомнѣнно, назначеніе служить застежками, или, какъ называютъ малороссы, «цурками» (табл. та же, рис. 10—15).

Опредѣленіе назначенія первыхъ нами сдѣлано по слѣдующимъ признакамъ: 1) нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ форму плоскихъ кружковъ съ двумя отверстіями (табл. II, рис. 16 и 19), что прямо указываетъ на назначеніе ихъ служить пришивными пуговицами; 2) къ этой формѣ непосредственно примыкаетъ форма совершенно такихъ же плоскихъ кружковъ, но уже съ однимъ отверстіемъ (табл. та же, рис. 17); очевидно, и они служили пуговицами, такъ какъ другого назначенія имъ и приписать невозможно; 3) далѣе, къ послѣдней формѣ примыкаетъ цѣлый рядъ формъ: сначала плоскихъ съ одной стороны и конически выпуклыхъ съ другой (табл. та же, рис. 2), затѣмъ вогнутыхъ съ одной стороны и выпуклыхъ съ другой (рис. 3 и 4); выпуклыхъ слабо съ обѣихъ сторонъ (рис. 5); и, наконецъ выпуклыхъ сильно съ обѣихъ сторонъ (рис. 6—8). Изъ формъ третьей группы особенно интересна форма съ вогнутымъ чашевиднымъ углубленіемъ съ плоской стороны. Эти углубленія служили для помѣщенія въ нихъ узла, ремешка или шнура, посредствомъ которыхъ пуговица прикрѣплялась къ одеждѣ. Въ Малороссіи, а, между прочимъ, и въ Полтавской губерніи, до сихъ поръ существуютъ узелки-застежки, называемые «гузыками», или «гудзыками».

Рис. 113.

Доказательствомъ того, что всѣ разсматриваемые предметы не служили пряслицами, служить, во-первыхъ, то, что отверстія ихъ дѣлались слишкомъ узкими, а слѣдовательно непригодными для веретенъ, и, во-вторыхъ, то, что большинство изъ орнаментированныхъ предметовъ имѣютъ украшенія только на одной сторонѣ (табл. II, 6—7), которая, очевидно, служила лицевой, каковая у пряслиць отсутствуетъ, вслѣдствіе чего ихъ стороны украшаются одинаково. Украшенный послѣднимъ способомъ мы нашли только одинъ предметъ (табл. та же, рис. 9), отличающийся и болѣе широкимъ отверстіемъ; возможно, что онъ служилъ пряслицей.

Весьма интересно отмѣтить, что совершенно схожія съ бѣльскими глиняныя пуговицы съ однимъ и двумя отверстіями, а также съ чашечнымъ углубленіемъ на лицевой сторонѣ имѣются, повидимому, въ столь же большомъ количествѣ, въ развалинахъ Трои¹⁾ и итальянскихъ террамаръ²⁾.

Назначеніе совершенно другого вида подѣлокъ (табл. та же, рис. 10—15) — служить застежками опредѣлено по аналогіи съ костяными застежками-костыльками, найденными въ зольникахъ Бѣльскаго городища и во многихъ другихъ мѣстностяхъ. Костяные костыльки, признаваемые всѣми за застежки, представляютъ видъ палочекъ съ круговою вырѣзкою (желобками) по срединѣ, для привязи ихъ къ одеждѣ. Подобные костыльки встрѣчаются въ Ю. Россіи среди культуръ глубокой древности, относящейся къ началу металлическаго періода. Но они существовали и въ болѣе позднее время, а мѣстами существуютъ до сихъ поръ. Болѣе пышнымъ пережиткомъ ихъ служатъ металлическіе костыльки современныхъ гусарскихъ мундировъ. Крестьяне Полтавской губерніи называютъ ихъ «цурками». Описываемыя глиняныя подѣлки оказались, какъ по общей формѣ, такъ и размѣрамъ схожими съ костяными застежками (табл. II, рис. 12—15); отсюда было сдѣлано заключеніе, что они служили для той же цѣли, тѣмъ болѣе, что другого назначенія имъ невозможно дать. Эти подѣлки круглы, съ желобками или перехватами въ срединѣ; иногда концы ихъ сильно расширены и снабжены, очевидно, для большей красоты, чашечными углубленіями. Нѣкоторые экземпляры (рис. 12) являются сильно сношенными, что указываетъ на продолжительное употребленіе.

Къ круглымъ застежкамъ тѣсно примыкаютъ плосковатыя съ рожками на концахъ (рис. 10 и 11). Назначеніе ихъ вполне выясняется аналогіей съ первыми. Замѣчено, что плоскія застежки чаще встрѣчаются съ инкрустированной керамикой и поэтому должны относиться къ болѣе значительной древности.

Вполнѣ загадочными представляются крупныя глиняныя подѣлки то въ формѣ четырехгранныхъ брусковъ (кирпичей), то въ видѣ цилиндровъ, иногда съ однимъ округлымъ концомъ, то, наконецъ, въ видѣ продолговатыхъ блоковъ. Два экземпляра (табл. II, рис. 25 и 26) оказались съ орнаментомъ; нѣсколько сломанныхъ экземпляровъ имѣли глубокія, но не сквозныя отверстія, проткнутыя въ сырой глинѣ пальцемъ. Цѣлыми такія подѣлки встрѣчались рѣдко, обыкновенно же онѣ имѣютъ видъ обломковъ. Размѣры ихъ вообще крупныя, до 5 и болѣе вершковъ высоты. Однажды найдено ихъ девять штукъ сложенными въ пирамидку (рис. 103). Нѣкоторые изслѣдователи приписывали подобнымъ предметамъ назначеніе служить правилами для выработки глиняной посуды, но такому заключенію въ нашихъ находкахъ противорѣчатъ четырехгранная и блоковидная формы, а также и орнаментация даже такихъ формъ (табл. II, рис. 25), которыя, казалось бы, наиболѣе

¹⁾ D-r H. Schliemann. „Atlas Trojanischer Altertümer“, Taf. 98 Fig. 2035, 2306; Taf. 99, Fig. 2129, 2191, 2152; Taf. 94, Fig. 1990—1995; Taf. 97, Fig. 2027 и др.

²⁾ Профессоръ Модестовъ. „Введеніе въ Римскую исторію“, табл. XXIX.

соответствовали для назначенія служить правилами. Полную аналогію этимъ предметамъ мы находимъ опять-таки въ древностяхъ Трои, гдѣ эти предметы встрѣчаются также часто ¹⁾).

Основываясь на общемъ характерѣ зольничной керамики, ее слѣдуетъ приурочить ко времени до Р. Хр. Болѣе древній отдѣлъ ея характеризуется присутствіемъ образцовъ съ инкрустированнымъ орнаментомъ, а болѣе поздній—обильнымъ присутствіемъ греческой чернолаковой посуды. Весьма возможно, что чернофигурная греческая посуда VI вѣка до Р. Хр. указываетъ не начало, а только средину времени изучаемой керамики, а вмѣстѣ съ нею и южно-русскихъ зольниковъ.

Издѣлія изъ камня, кости и металла менѣе обильны. Въ составъ каменныхъ издѣлій входятъ точильные бруски, круглые, вѣроятнѣе всего, метательные камни и жерновки-терки.

Точильные бруски фабриковались изъ сланцевыхъ кристаллическихъ породъ камня; имѣли изящный видъ съ овальнымъ или четырехугольнымъ поперечнымъ разрѣзомъ и съ сверлиною на одномъ концѣ. Къ сожалѣнію, цѣлыхъ экземпляровъ намъ не удалось найти. По своему типу они относятся къ обычнымъ скинскимъ брускамъ.

Метательные камни встрѣчаются нерѣдко. Величина ихъ хотя и различна, но ясно дѣлится шары на двѣ группы: 1) крупныхъ, болѣе куриного яйца и мелкихъ, съ грецкій орѣхъ. Чаще встрѣчаются первые. Форма ихъ не всегда округла, иногда она представляется даже угловато-округлою. Назначеніе всѣхъ этихъ камней, вѣроятнѣе всего, заключалось въ томъ, чтобы служить пращами, болласами, арканами и т. п.

Жерновки-терки имѣютъ видъ или плоскихъ камней, пришлифованныхъ съ одной стороны, или шаровъ съ однимъ сглаженнымъ и пришлифованнымъ бокомъ. Возможно, что камни эти служили для растиранія хлѣбныхъ зеренъ. Формы ихъ для древнихъ культуръ Россіи обычны.

Издѣлія изъ кости не обильны, но довольно разнообразны. Обрабатывались, преимущественно, вѣтви лосиныхъ роговъ, ножныя кости лошадей и другихъ крупныхъ животныхъ. Вѣтви роговъ отрубались (табл. II, рис. 30) или отпиливались (табл. та же, рис. 29 и 31). Изъ отрѣзковъ ихъ вырабатывались уздечныя псаліи, а изъ обрѣзковъ кости—иглы, шила, пуговицы, застежки—цурки (табл. III, рис. 36—37), наконечники стрѣлъ, ложечки для извлеченія мозга изъ костей, рукоятки шиль, ножей, молотки (табл. III, рис. 38), игральныя кости, привѣски и др.

Псаліи и ручки ножей иногда украшались головками животныхъ и коньцями. Прочія издѣлія обрубались, полировались, сверлились, а иногда покрывались геометрическимъ орнаментомъ. Въ общемъ типы издѣлій вполне отвѣчаютъ скинскимъ типамъ костяныхъ издѣлій.

Памятниками металлической индустріи являются мѣдные и желѣзные руды и шлаки, а также издѣлія изъ этихъ металловъ и серебра.

Мѣдная руда и выплавки изъ нея были найдены въ зольникѣ № 9 — Цариной могилѣ. Количество ихъ незначительно. Судя по неотточеннымъ, только что вышедшимъ изъ формъ экземплярамъ бронзовыхъ стрѣлъ (табл. III, рис. 27—29), найденнымъ въ значительномъ количествѣ въ томъ же зольникѣ, мѣдь, именно, и назначалась для выработки этихъ и другихъ мелкихъ предметовъ, въ видѣ найденныхъ въ зольникахъ колець, булавокъ, иглъ, браслетовъ, псалій и др.

Желѣзные руды и шлаки встрѣчались чаще и въ большемъ числѣ зольниковъ.

¹⁾ D-r H. Schliemann. „Atlas Trojanischer Altertümer“, Taf. 32, Fig. 768, 769, 770; Taf. 43, Fig. 1076.

Изъ желѣзныхъ издѣлій найдены ножи, шила, головныя булавки, одинъ наконечникъ стрѣлы со втулкой для насада на древко, гвозди и др.

Серебряныхъ вещей найдено двѣ; это — кольца съ неспаянными концами, сдѣланныя изъ низкопробнаго серебра. Золотыхъ вещей совсѣмъ не оказалось, хотя, по увѣренію мѣстныхъ жителей, одинъ небольшой золотой слитокъ былъ найденъ крестьяниномъ при пахотѣ поля на дворѣ Западнаго городища.

Издѣлія изъ стекла, разнаго рода пастъ и морскихъ раковинъ въ видѣ бусъ, привѣсокъ и обломковъ посуды носятъ привозный характеръ. Всѣ они, вѣроятно всею, получались черезъ посредство греческихъ черноморскихъ колоній. Наибольшій интересъ представляютъ бусы. Типы ихъ совершенно сходны съ пантикапейскими и ольвійскими.

Заканчивая на этомъ обзоръ предметовъ, добытыхъ въ зольникахъ, мы можемъ сказать, что древность послѣднихъ весьма значительна и соотвѣтствуетъ не одному, а нѣсколькимъ столѣтіямъ, и что городища могутъ быть современны только концу образованія зольниковъ.

Не къ большей древности, чѣмъ древность городищъ, относятся и всѣ изслѣдованные нами курганы, расположенные какъ въ ближайшихъ къ городищамъ окрестностяхъ, такъ и въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ. Количество кургановъ во всемъ изслѣдованномъ районѣ весьма велико. Къ сожалѣнію, самыя крупныя изъ нихъ раскопаны и представляютъ видъ или такъ называемыхъ майдановъ состоящихъ изъ кольцеваго вала и одного, двухъ и нѣсколькихъ боковыхъ, или груды безпорядочно разбросанной земли. Изъ уцѣлѣвшихъ курганныхъ насыпей многія оказываются распаханными и сглаженными. Цѣлыя и лучше сохранившіеся курганы могутъ быть подраздѣлены на двѣ группы: 1) курганы съ вершиной надъ центромъ основанія и 2) курганы съ вершиной надъ СВ-ной полою. Насыпи располагаются одиночно, парами, группами и, въ одномъ случаѣ (въ Скороборѣ) стройною системою. Случается нерѣдко, что два или нѣсколько кургановъ сливаются подошвами и представляютъ видъ «чубатыхъ могилъ».

Всего нами раскопано 22 кургана. Внутреннее строеніе ихъ оказалось въ общемъ одинаковымъ. Насыпи состояли почти изъ одного чернозема съ включеніемъ въ него незначительныхъ количествъ лѣсса. Въ центрѣ окружности каждаго кургана находится обширная четырехугольная, большею частью съ округленными углами, яма. Дно ямы тщательно выглажено; въ срединѣ его прорѣзано два, три или четыре ровика; въ первыхъ двухъ случаяхъ ровики расположены лѣсенкой параллельно другъ другу, въ послѣднемъ — въ видѣ четырехугольной рамы; въ первыхъ случаяхъ въ ровики вкладывались деревянные брусья, на которые настилался досчатый полъ или натягивался лубъ, при чемъ концы луба защемлялись крайними брусьями; во второмъ случаѣ полъ застилался только лубомъ, края котораго закрывались брусьями или досками, втиснутыми въ ровики. Въ одной ямѣ досчатый полъ ямы огораживался бревнами въ видѣ сруба. Весьма возможно, что досчатые и лубяные полы покрывались тканями или коврами, отъ которыхъ могло не сохраниться слѣда. Три раза наблюдалась посыпка дна, подъ поломъ, известью; одинъ разъ — остатки камыша, лежавшіе сверхъ пола.

На досчатомъ полу или лубяной настилкѣ полагались покойники со всѣми сопровождавшими ихъ вещами, кромѣ большихъ сосудовъ, которые ставились у стѣнъ ямы, за ложемъ покойниковъ.

Изъ 22 раскопанныхъ нами кургановъ цѣлымъ оказался только одинъ; остальные же всѣ были потревожены, при чемъ кости покойниковъ оказывались перепутанными, а иногда и совсѣмъ выброшенными. Въ цѣломъ погребеніи найдено два костяка: мужчины и женщины; при нихъ оказались небогатыя предметы быта,

но замѣчена весьма любопытная подробность, что колчанъ съ стрѣлами былъ положенъ не съ мужчиной, а съ женщиной. По болѣе сохранившимся остаткамъ костей въ ограбленныхъ курганахъ можно было положительно установить, что покойники полагались не только по два, но и по три и головами не только на ЮЗ., но и прямо противоположно — на СВ.

Когда покойники и вещи ихъ были уложены, то яма закрывалась бревнами, расположенными въ одинъ или два ряда; въ послѣднемъ случаѣ — одинъ рядъ накрестъ другому. Затѣмъ бревна засыпались землей или закладывались дерномъ, на которыхъ иногда сожигался костеръ изъ хлѣбныхъ колосьевъ съ зернами. Послѣ надъ всѣмъ этимъ насыпался курганъ.

Ограбленіе кургановъ совершалось повсюду одинаковымъ способомъ: грабители рыли сверху кургана круглую яму-лазейку, въ видѣ воронки, направляя ее или на югозападный или на юговосточный край бревенчатой настилки; уничтожали или обходили эту настилку и обирали покойниковъ, унося часто не только вещи, но и кости; затѣмъ засыпали лазейку, придавая кургану его первоначальный видъ. Послѣднее обстоятельство ясно указываетъ, что ограбленіе совершалось не кладочискателями, а грабителями, т.-е. лицами, ответственными за святотатство. Такими же ответственными лицами могли быть только современники покойниковъ, что и подтверждается точностью направленія лазеекъ, безошибочно приводившихъ въ подземныя жилища покойниковъ: такая точность возможна лишь для людей, знавшихъ всѣ детали погребеній.

Иногда грабители, видимо, торопились или чѣмъ-нибудь стѣснялись и поэтому оставляли въ могилахъ много цѣнныхъ вещей; однако, чаще всего они успѣвали ободрать все начисто.

Собранныя нами вещи происходятъ изъ небольшихъ кургановъ и выше описанное цѣльное погребеніе сохранилось также въ маломъ курганѣ.

Прослѣжена одна любопытная черта грабительскихъ ямъ, а именно почва, выполнившая эти ямы, всегда отличалась особенною плотностью. Подобное явленіе замѣчалось и въ другихъ грабительскихъ ямахъ южнорусскихъ кургановъ. Вѣроятно всего, одинаковыя послѣдствія вызваны одинаковыми причинами. Представляется правдоподобнымъ, что причиной явленія служило ограбленіе кургановъ въ дождливое время, когда выброшенная изъ кургана земля смачивалась и вновь поступала въ курганъ нѣсколько измененною и вязкою, какъ грязь.

Изъ вещей въ курганахъ были найдены: желѣзный мечъ съ золотою рукояткою, два желѣзныхъ кинжала, желѣзный топоръ-молотъ, желѣзные ножи и удила, нѣсколько десятковъ золотыхъ нашивныхъ бляшекъ, одна золотая серьга, нѣсколько бронзовыхъ и желѣзныхъ головныхъ булавокъ, бронзовые браслеты, кольца, пряжки, бляхи, бронзовыя и деревянныя стрѣлы, серебряные гвоздики, разнаго рода бусы и подѣлки изъ камня и глины, послѣднія въ видѣ сосудовъ мѣстной выработки и привозной греческой (табл. III).

Что касается общаго характера вещей, то прежде всего слѣдуетъ отмѣтить сходство его съ характеромъ вещей изъ зольниковъ городища. Особенно близка керамика. Курганная керамика не содержала лишь самыхъ древнихъ типовъ; такъ, въ ней не оказалось ни черной посуды съ бѣлымъ инкрустированнымъ орнаментомъ, ни древнѣйшей, ни черно-фигурной греческой посуды; но она содержала красно-фигурные лекноы и фіалы изъ простой, слегка подкрашенной глины сравнительно поздней классической техники.

Найденныя золотыя бляшки и серьга (табл. III, рис. 5—11), бронзовыя украшения (табл. III, рис. 12—14 и 16—19), а также бусы (табл. та же, рис. 15 и 31—34) носятъ сравнительно поздній скіфо-античный характеръ. Желѣзный

мечъ съ золотою рукояткою (рис. 4) оказался совершенно тождественнымъ съ найденнымъ гр. А. А. Бобринскимъ въ одномъ изъ скиѣскихъ кургановъ Смѣлы; общая форма его близка также и къ извѣстному Чертомлыцкому мечу, но бѣднѣе украшеніями. Навершье рукоятки меча изображаетъ двѣ головы животнаго (вѣроятно, тельца), выполненные очень схематично и сильно попорченныя въ могилѣ. Самая рукоятка покрыта рубчатымъ орнаментомъ, а на нижнемъ перекресткѣ изображено животное съ головою, повернутою назадъ.

Желѣзные кинжалы и топоръ имѣютъ формы поздняго скиѣскаго оружія. То же слѣдуетъ сказать и про желѣзныя удила съ желѣзными псаліями. Желѣзные ножи оказались трехъ типовъ: 1) ножи съ костяными рукоятками, совершенно одинаковые съ зольничными; 2) одинъ ножъ съ круглой рукояткой, обтянутой желѣзнымъ листомъ, и 3) одинъ ножъ съ желѣзной плоской рукояткой, выкованной съ клинкомъ изъ одного куска металла.

Наконечники бронзовыхъ стрѣлъ оказались болѣе разнообразныхъ типовъ, чѣмъ зольничные, и размѣрами многіе изъ нихъ были крупнѣе. Но особенный интересъ представляютъ деревянныя стрѣлы. Онѣ сдѣланы изъ длинныхъ, хорошо вытѣсненныхъ древокъ, концы которыхъ обработаны по типу металлическихъ (бронзовыхъ) стрѣлъ. Деревянныя стрѣлы намъ удалось добыть въ двухъ курганахъ и довольно цѣлыми доставить въ Москву¹⁾. Подобныя стрѣлы существуютъ до настоящаго времени и у самоѣдовъ Сибири и служатъ для охоты по бѣлкамъ и птицамъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что въ нѣсколькихъ курганахъ были найдены каменные шары (пращи) и глиняныя пуговицы (гузыки); при чемъ одна изъ послѣднихъ, найденная въ цѣломъ погребеніи (табл. III, рис. 40), оказалась на лѣвой ключицѣ, близъ шеи, что подтверждаетъ вѣрность опредѣленія назначенія этого рода предметовъ служить, именно, пуговицами.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о майданахъ. Эти сооруженія, какъ не разъ уже упоминалось выше, прямого археологическаго отношенія къ изслѣдованнымъ памятникамъ не имѣютъ, поэтому мы ограничимся только общимъ замѣчаніемъ о нихъ.

Осмотрѣнный и частью обслѣдованный районъ Зѣньковскаго уѣзда изобилуетъ майданами; и намъ кажется нигдѣ нѣтъ другого района, столь удобнаго для рѣшенія вопроса объ этихъ сооруженіяхъ. Именно въ этомъ районѣ можно прослѣдить всѣ детали того способа, которымъ возводились самые типичные майданы, и убѣдиться, что каждая, даже мельчайшая деталь положительно свидѣтельствуетъ, что эти майданы, состоящіе изъ основнаго кольцевиднаго вала съ воронкой внутри и боковыми болѣе или менѣе радіально расположенными валами, представляютъ курганы, разрушенные кладонскателями при помощи волокушъ. Эти детали свидѣтельствуютъ также, что тѣми же волокушами и съ тою же кладонскательскою цѣлью разрывались и валы Западнаго Бѣльскаго городища.

Что же касается другихъ формъ разрушенія кургановъ, сопровождаемыхъ, какъ Скороборъ, перепутанными и беспорядочно сгруженными холмами земли, или какъ въ тѣхъ случаяхъ, не встрѣченныхъ въ изслѣдованномъ районѣ, гдѣ внѣшніе валы, по отношенію главнаго кольцевиднаго вала, лежатъ отдѣльными между собою параллельными рядами, то происхожденіе такихъ формъ, къ слову сказать, извѣстныхъ только по чертежамъ сомнительной точности²⁾ слѣдуетъ объяснить

¹⁾ Хранятся вмѣстѣ со всеми другими предметами въ Историческомъ Музеѣ, Скиѣскомъ залѣ. *Доторъ*.

²⁾ Е. Мельникъ-Антоновичъ. „Майданові городища на Україні“. Записки Українскаго Нау-

5.

6.

7.

8.

9.

1.

2.

3.

4.

11.

10.

СИБИРОСИА
Институт археологии
и этнографии РАН

БИБЛИОТЕКА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

БИБЛИОТЕКА
Министерства Крайоведческой
и Музейной работы

другими причинами, а именно: или раздѣлкою курганныхъ насыпей для селитряныхъ майдановъ, или раскопкою ихъ при помощи не волокушъ, а телѣгъ и тачекъ, какъ сдѣланъ великолѣпнѣйшій Чертомлыкскій майданъ, явившійся въ свѣтъ результатомъ извѣстныхъ раскопокъ И. Е. Забѣлина ¹⁾.

Относительно времени разрушенія кургановъ при помощи волокушъ не лишнимъ считаемъ привести здѣсь слѣдующія свѣдѣнія, любезно сообщенныя намъ въ текущемъ 1909 году С. А. Мазараки, который узналъ, что въ селеніи Коржи, Роменскаго уѣзда, Полтавской губ., на землѣ помѣщика Новицкаго, въ началѣ тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія, были раскопаны курганы при помощи волокушъ съ цѣлью розыска кладовъ и остатки раскопанныхъ такимъ образомъ кургановъ въ настоящее время опредѣляютъ видъ самыхъ типичныхъ майдановъ съ однимъ кольцевиднымъ и двумя боковыми, радіально отходящими и нѣсколько изогнутыми другъ къ другу валами.

Въ тѣхъ же тридцатыхъ годахъ и также при помощи волокушъ были раскопаны курганы на землѣ помѣщика Жуковскаго въ селеніи Николаевкѣ, того же Роменскаго уѣзда. Остатки и этихъ кургановъ представляютъ тотъ же видъ типичныхъ майдановъ съ двумя боковыми валами. С. А. Мазараки лично осматривалъ какъ Коржанскіе, такъ и Николаевскіе разрушенные курганы — майданы и спрашивалъ очевидцевъ о техникѣ раскопокъ, которые рассказали, что партія рабочихъ, вооруженная лопатами, разрывала вершину и средину кургана, а выброшенную ими землю особые погонщики оттягивали волокушами, въ которыя было запряжено по парѣ воловъ. Оттягиваніе земли легче и удобнѣе по одной дорогѣ, поэтому каждая пара воловъ направлялась по одному проторенному направленію, вслѣдствіе чего и получались боковые валы, отходящіе въ сторону отъ кольцевиднаго вала, представляющаго нераскопанныя полы кургановъ.

Слѣдуетъ къ этому присовокупить, что С. А. Мазараки, раскопавши въ Малороссіи много майдановъ, и безъ приведенныхъ свѣдѣній, полученныхъ имъ самимъ недавно, пришелъ къ совершенно вѣрному заключенію, что майданы представляютъ остатки кургановъ, разрушенныхъ при помощи волокушъ ²⁾.

Относительно времени разрушенія майданнымъ способомъ Зѣньковскихъ кургановъ, трудно сказать что-нибудь положительное; достовѣрно одно, что оно совершено за памятью старожиловъ. Весьма возможно, что монеты XVI и XVII вѣка по Р. Хр., найденныя близъ Бѣльскихъ майдановъ, были первоначально утеряны создателями майдановъ.

коваго Товариства в Киѣвѣ, кн. III, стр. 91, рисунки въ первомъ горизонтальномъ ряду—второй третій и четвертый; во второмъ ряду—четвертый.

¹⁾ Сторонникамъ мнѣнія объ особенномъ назначеніи майдановъ слѣдовало бы на Чертомлыкскій майданъ обратить побольше вниманія. Въ 1908 году этотъ майданъ уже являлся поросшимъ ковылемъ, т.-е. имѣлъ печать большой древности. *Авт.*

²⁾ Докладъ С. А. Мазараки въ засѣданіи Имп. Московскаго Археологическаго Общества, 19 января 1907 г. Сверхъ сего С. А. Мазараки передавалъ мнѣ лично, что имъ раскопано всего не менѣе 18 майдановъ, которые всѣ оказались курганами, распаханными при помощи волокушъ.

Асторъ.

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНИЙ НА МѢСТѢ
РАЗВАЛИНЪ г. МАДЖАРЪ въ 1907 году.

В. А. Городцовъ.

Развалины, приписываемыя г. Маджарамъ, или Мажарамъ, находятся при впаденіи р. Буйволы въ р. Куму, въ Ставропольской губерніи, во владѣніяхъ заштатнаго города Св. Креста, с. Покойнаго и недавно (въ 1884 г.) возникшаго Мамай-Маджарскаго Воскресенскаго монастыря. Памятниками нѣкогда бывшаго города,

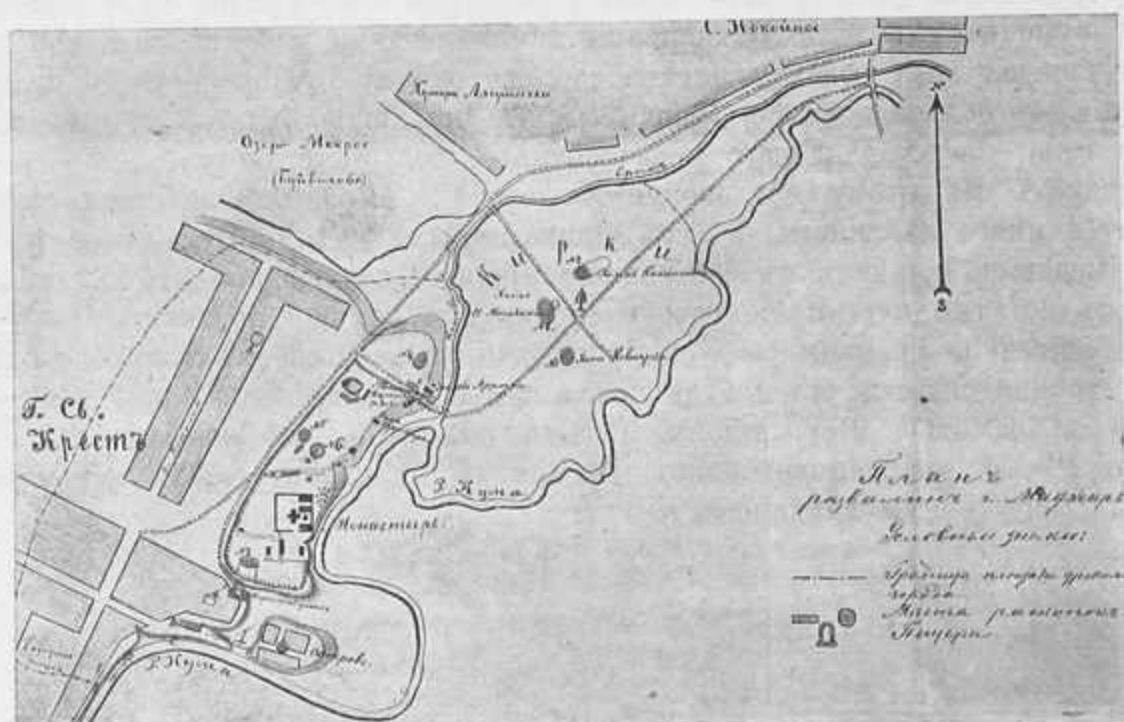

Рис. 113.

въ настоящее время, являются холмы, ямы и разбросанные между ними древней формы кирпичи и надгробныя плиты. По этимъ остаткамъ легко опредѣляется площадь бывшаго города (рис. 113). Въ составъ ея вошли: 1) почти вся долина между р. Кумой и Ерикомъ, называемая «Кирками» и «Садами» Покойницкихъ крестьянъ; 2) всѣ монастырскія земли, и 3) сѣверная часть г. Св. Креста, простирающаяся отъ Базарной площади до берега оз. Мокраго, представляющаго естественно запруженное устье р. Буйволы.

Площадь древняго города вытягивалась по лѣвому берегу р. Кумы версты на три или нѣсколько болѣе (южная граница, застроенная городами, не ясна) въ

длину и не болѣе одной версты въ ширину. Его длинная ось шла съ СВ. на ЮЗ. По своему физическому характеру занимаемая имъ площадь легко дѣлится на двѣ части: нагорную и луговую. Нагорная часть представляетъ возвышенный берегъ р. Кумы; ея почва состоитъ изъ лёсса, достигающаго аршинъ двадцати мощности, весьма удобнаго какъ для подземныхъ сооружений, въ видѣ пещеръ, ходовъ, погребовъ, такъ и для выработки сырцоваго кирпича. Отличаясь пористостью, лёссовая почва быстро поглощаетъ влагу и вслѣдствіе этого представляетъ весьма гигиеничную почву для жилыхъ строеній. Чтобы судить о послѣднемъ ея свойствѣ, слѣдуетъ сказать, что на всей нагорной площади, за исключеніемъ лощинъ и котловинъ, нигдѣ не могъ отложиться темный культурный слой и почва, занимавшаяся нѣсколько столѣтій городомъ восточнаго азіатскаго типа, осталась чистою.

Совершенно другую картину представляетъ вторая луговая часть. Ея почва слагается изъ сыроватыхъ илистыхъ наносовъ и грязныхъ культурныхъ отложений, достигающихъ весьма значительной (мѣстами трехъ и болѣе аршинъ) мощности. Слѣдя по разрѣзамъ многочисленныхъ каналовъ, прорытыхъ для орошенія садовъ и виноградниковъ, легко замѣтить чрезвычайно любопытное явленіе, а именно, что культурный слой простирается вглубь ниже лѣтняго уровня современныхъ водъ р. Кумы и Буйволы. Это, несомнѣнно, указываетъ на то, что ранѣе основанія здѣсь города и во все время его жизни, физическія условія данной мѣстности были иными, при чемъ воды р. Кумы и сопровождающихъ ее Ерика и Буйволы катились въ болѣе глубокихъ руслахъ. Этотъ, на первый взглядъ, странный фактъ объясняется медленностію теченія рѣкъ и обиліемъ несомыхъ ими осадковъ, вслѣдствіе чего происходитъ сначала засореніе и подъемъ руслъ, затѣмъ заболочиваніе и полное затопленіе долинъ. Такъ, р. Буйвола, нѣкогда свободно вливавшаяся въ р. Куму, въ настоящее время сама себя загородила плотиной и затопила на много верстъ свою поемную долину, образовавъ обширное озеро «Мокрое»; такъ и р. Кума, отрѣзавъ себя своими наносами отъ Каспійскаго моря, подняла воды значительно выше прежняго.

Но какъ бы ни были низки древнія воды Кумы и Буйволы, все же вліяніе ихъ на образованіе культурнаго слоя повсюду и весьма ясно выражено. Этотъ слой отличается отъ подстилающихъ его естественныхъ илистыхъ образований поемной долины лишь болѣе темной, нерѣдко углистой окраской и присутствіемъ въ немъ разныхъ предметовъ быта, въ видѣ весьма часто встрѣчающихся монетъ, обломковъ посуды, разбитыхъ и разрубленныхъ костей домашнихъ животныхъ, преимущественно овецъ, и т. п. Изучая эти остатки по вновь проводимымъ въ садахъ и виноградникахъ каналамъ¹⁾, можно прийти къ положительному заключенію, что весь культурный слой до современнаго уровня грунтовыхъ водъ и даже нѣсколько ниже, принадлежитъ одному и тому же поселенію, существовавшему непрерывно нѣкоторый періодъ времени, отчасти обозначенный удивительнымъ множествомъ татарскихъ монетъ XIV вѣка, что, наконецъ, поселеніе луговой части входило въ составъ поселенія нагорной части. Преданіе связало остатки этого поселенія съ уничтоженнымъ городомъ Маджарами.

Кромѣ того, кочующіе въ ближайшихъ областяхъ инородцы называютъ эти

¹⁾ Мы наблюдали великолѣпные разрѣзы почвы въ большомъ монастырскомъ каналѣ, сооруженномъ въ 1907 году, за нѣсколько недѣль ранѣе нашего пріѣзда. Было очень жаль, что, при столь крупныхъ земляныхъ работахъ, произведенныхъ въ такой извѣстной мѣстности, не присутствовалъ ни одинъ археологъ или простой любитель старины, благодаря чему, несомнѣнно, погибло большое число памятниковъ. Авторъ.

остатки развалинами города хана Мамая, почему и мѣстные русскіе и армянскіе жители называютъ разные предметы, находимые въ области развалинъ, мамаевскими. Такъ, въ г. Св. Крестѣ (Карабаглѣ) и с. Покойномъ можно слышать и о мамаевскихъ деньгахъ и о мамаевскихъ кирпичахъ, и многомъ другомъ, что обыкновенно находятъ въ развалинахъ древняго города.

Допуская, что въ названіи «Маджары» имѣется дѣло съ видовымъ, а въ названіи «мамаевскій» или Мамая—съ родовымъ именемъ существовавшаго здѣсь поселенія, слѣдуетъ а priori заключить, что скрывающіяся въ этихъ двухъ названіяхъ преданія не противорѣчатъ другъ другу и что въ данномъ случаѣ, дѣйствительно, дѣло касается остатковъ города Маджаръ, существовавшаго на р. Кумѣ въ разцвѣтъ татарскаго могущества, первый ударъ которому былъ нанесенъ русскими при довольно злополучномъ ханѣ Мамаѣ.

Нѣкоторые ученые отождествляютъ имя татарскаго города Маджаръ съ именемъ хазарскаго города Скамандаръ (Скамендеръ) и благодаря этому полагаютъ, что основаніе города Маджаръ слѣдуетъ относить къ VIII вѣку по Р. Хр. и приписывать хазарамъ. Однако, съ этимъ невозможно согласиться ни по тѣмъ археологическимъ даннымъ, какія добыты раскопками, ни по лингвистическимъ законамъ, основываясь на которыхъ Гаркави, одинъ изъ лучшихъ нашихъ лингвистовъ-оріенталистовъ, не нашелъ возможнымъ рассматриваемыя названія производить отъ одного корня.

Самыя раннія историческія свѣдѣнія о г. Маджарахъ восходятъ только къ XIII вѣку по Р. Хр., когда о немъ упоминаетъ извѣстный западно-вропейскій путешественникъ Рубрукъ и восточный писатель Абдуль-Гази-Баядуръ-ханъ, авторъ «Исторіи татаръ». Позже о Маджарахъ упоминаетъ Абдуль-Феда, авторъ «Географіи», Русская лѣтопись, по поводу убіенія въ 1319 г. въ татарской ордѣ Тверскаго великаго князя Михаила, и др. По послѣднимъ свѣдѣніямъ видно, что Маджары въ XIV вѣкѣ являлись весьма крупнымъ культурнымъ центромъ всѣхъ тюркскихъ народовъ, освѣвшихъ въ области сѣвернаго Кавказа. Маджары были резиденціей знаменитаго татарскаго хана Джанибека и въ это время въ его стѣнахъ жили представители различныхъ народовъ и вѣроученій. Тамъ проживали арабскіе и бухарскіе магометане—проповѣдники, испанскіе евреи изъ Андалузій и русскіе купцы, имѣвшіе въ городѣ православную церковь.

Многочисленныя находки, сдѣланныя въ разное время на развалинахъ Маджаръ, вполне подтверждая всѣ историческія свидѣтельства, еще болѣе расширяютъ кругъ дѣловыхъ культурныхъ сношеній маджарцевъ съ другими народами. Такъ, среди этихъ находокъ фигурируютъ персидскія и китайскія монеты, значительное количество китайскаго фаянса и туркестанской глиняной посуды, иногда отличающейся высокой техникой формовки и орнамента, а также и другіе предметы.

Но эти историческіе и археологическіе памятники, освѣщая довольно полно жизнь города во время расцвѣта его жизни, совершенно не даютъ указаній на время и причины его возникновенія и заупустѣнія. Всѣ татарскія монеты съ именемъ Маджаръ относятся исключительно къ XIV вѣку, а изъ многочисленныхъ монетъ, найденныхъ на площади Маджарскихъ развалинъ, подавляющее большинство, независимо отъ мѣста ихъ чеканки, принадлежитъ къ тому же XIV вѣку и лишь въ исключительныхъ случаяхъ къ XV и XVI вѣкамъ. Къ XVI вѣку относятъ и нѣкоторыя надписи на надгробныхъ плитахъ. Очевидно, въ теченіе этого вѣка городъ или его развалины были обитаемы, хотя обитатели этого времени уже не пользовались тѣми богатствомъ и популярностью, какими пользовались ихъ предшественники въ XIV вѣкѣ.

Что касается памятниковъ XVII вѣка, то они въ развалинахъ Маджаръ совер-

шенно отсутствуют и можно считать несомненнымъ, что въ это время городъ не существовалъ.

Итакъ, по всемъ наиболее достовернымъ имѣющимся въ нашемъ распоряженіи памятникамъ, можно говорить о существованіи Маджаръ только въ XIII, XIV, XV и XVI вѣкахъ, при чемъ, въ продолженіе двухъ первыхъ вѣковъ городъ возвышается, а въ продолженіе двухъ вторыхъ вѣковъ — падаетъ. Весьма возможно, что въ послѣдніе годы своего существованія городъ принялъ видъ незначительнаго селенія или даже представлялъ священное, но уже запустѣвшее мѣсто, куда стекались правовѣрные потомки для совершенія религиозныхъ обрядовъ и поклоненія предкамъ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые изъ окрестныхъ инородцевъ и до сего дня.

Съ начала XVIII вѣка развалины Маджаръ начинаютъ посѣщать ученые изслѣдователи и путешественники и едва ли существуютъ въ Россіи другія подобныя развалины, которымъ удѣлялось бы болѣе вниманія, чѣмъ Маджарскимъ, хотя эти развалины и не отличались ни особенно научными, ни культурными достоинствами и свойствами. Такое вниманіе объясняется сохранностью рѣзко бросавшихся въ глаза каменныхъ зданій древняго города, которыя просуществовали чуть-чуть не до настоящихъ дней. Интересно замѣтить, что пока эти зданія, борясь со всеми невзгодами времени, гордо поднимались надъ поверхностью почвы, до тѣхъ поръ, повидимому, никому не приходила мысль о серьезномъ научномъ изслѣдованіи ихъ. Но какъ только послѣдніе изъ нихъ были совершенно уничтожены¹⁾, то тотчасъ же раздались голоса въ пользу крайней необходимости научныхъ изслѣдованій интереснѣйшихъ остатковъ, какъ будто бы эти научныя изслѣдованія, пользуясь съ громаднымъ трудомъ добытыми отдѣльными обломками, могутъ возстановить лучше формы цѣлаго, безжалостно уничтоженнаго чуть не вчерашній день; какъ будто бы археологъ по открытому имъ фундаменту въ силахъ лучше возстановить всѣ детали минарета, подъ сводами котораго раздавалось эхо отъ голосовъ лицъ, съ любопытствомъ слѣдящихъ за его раскопками, или точнѣе опредѣлить границы могильника, еще недавно обставленнаго памятниками, покрытыми надписями, точно указывающими не только могильники, но и отдѣльныя могилы. При воззваніяхъ къ изслѣдованію теперь очень жалкихъ остатковъ Маджаръ невольно вспоминается русская пословица: «что имѣемъ, не хранимъ; потерявши, плачемъ».

Въ 1709 году, Ферраръ, лекаръ крымскаго хана, повидимому, первымъ изъ ученыхъ посѣтилъ развалины Маджаръ; затѣмъ ихъ посѣщали: въ 1717 году — Шаберъ; въ 1724—29 годахъ — Герберъ; въ 1734 г. — Лерхе; въ 1734 — экспедиція, высланная для изслѣдованія Сѣв. Кавказа астраханскимъ губернаторомъ Татищевымъ; въ 1772 г. — академикомъ Гмелинымъ; въ 1773 г. — академикомъ Гюльденштеттомъ; въ 1780—1793 гг. — академикомъ Палласомъ; въ 1789 г. — графомъ Поттоцкимъ; въ 1804 г. — академикомъ Шмидтомъ; въ 1807 и 1809 гг. — Клапротомъ; въ 1817 г. — профессоромъ Манасеинымъ; въ 1820 г. — академикомъ Кепеннымъ; въ 1848—1856 гг. — землемѣромъ Архиповымъ; въ 1906 г. — председателемъ Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи Г. Н. Прозрителевымъ и,

¹⁾ Окончательное уничтоженіе остатковъ кирпичныхъ зданій было произведено уже въ девятисотыхъ годахъ, когда г. Св. Крестъ былъ объявленъ доступнымъ для свободныхъ поселеній. Вновь прибывшіе многочисленныя (говорятъ, около 15000) поселенцы, крайне нуждаясь въ строительномъ матеріалѣ, естественно обрушились на старыя постройки, извлекая изъ нихъ камни и кирпичи, и окончательно стерли съ лица земли всѣ кирпичныя сооруженія Маджаръ.

наконецъ, въ 1907 г.—нами, какъ членомъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и XIV Археологическаго Създа.

Ферраръ упоминаетъ о видѣнныхъ имъ, на мѣстѣ заглохшаго города Маджаръ, каменныхъ зданійхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли греческія и латинскія надписи.

Герберъ даетъ рисунки 42 каменныхъ зданій, изъ которыхъ нѣкоторыя pochodятъ на храмы, минареты и башни съ обозначенными въ нихъ входами.

Академикъ Палласъ и графъ Потоцкій подтверждаютъ свидѣтельство Гербера, говоря о видѣнныхъ ими каменныхъ мавзолеяхъ или башняхъ.

Клапротъ отмѣчаетъ на берегу р. Кумы кладбища съ магометанскими надгробными памятниками.

Но самыя обстоятельныя свѣдѣнія о маджарскихъ развалинахъ даетъ Архиповъ и Прозрителевъ, познакомившій насъ съ мало извѣстными трудами перваго и собравшій много другихъ свѣдѣній, касающихся находокъ въ чертѣ маджарскихъ развалинъ.

Архиповъ, состоя въ должности ставропольскаго губернскаго землемѣра, произвелъ инструментальную съемку развалинъ г. Маджаръ и составилъ чрезвычайно интересное и важное описаніе ихъ.

Къ сожалѣнію, выполненный имъ генеральный планъ мѣстности еще не разысканъ, но описаніе извѣстно и мы воспользуемся имъ при посредствѣ выдержекъ, доставленныхъ г. Прозрителевымъ въ докладѣ Императорскому Московскому Археологическому Обществу. По этимъ выдержкамъ видно, что генеральный планъ развалинъ Маджаръ заключалъ въ себѣ 43 полныхъ квартала и 7 кварталовъ, вошедшихъ на планъ не вполне. Въ предѣлахъ всѣхъ нанесенныхъ кварталовъ было обозначено: 426 различныхъ кургановъ (холмовъ); 168 углубленій малаго, 4 средняго и 6 большаго размѣровъ; 32 окопа малой и средней величины и 6 окоповъ болѣе значительныхъ размѣровъ; 1 кладбище, расположенное возлѣ рѣки, на горѣ; 1 водопроводъ, 1 углубленіе, имѣвшее видъ правильнаго восьмиконечнаго креста, и 4 основанія каменныхъ башенъ.

По поводу послѣднихъ, Архиповъ замѣчаетъ, что по слышаннымъ имъ разсказамъ старожидовъ, башни были разобраны (погибли) около 1807 и 1808 гг.; ранѣе же онѣ имѣли видъ круглыхъ каланчей съ узкими окнами вверху и четырьмя дверьми внизу; тогда какъ на рисункѣ Гербера,—замѣчаетъ Архиповъ,—башни изображены съ одною дверью. Сдѣланы онѣ, какъ и всѣ зданія, изъ кирпича и отдѣланы зелеными изразцами. При осмотрѣ одного углубленія, изъ котораго незадолго былъ вынутъ кирпичъ, Архиповъ замѣтилъ, что оно имѣло около сажени глубины и походило на древній очагъ, складенный изъ кирпича. «Отломивъ руками небольшой кусокъ глины съ двумя или тремя осколками разсыпавшихся кирпичей, я, — говоритъ изслѣдователь, — нашелъ подъ ними красный горшечный черепокъ, наполненный углемъ и золою. Болѣе ничего не находилось, кромѣ земли, засыпавшей отверстіе отысканнаго очага, или печи. Въ этомъ же углубленіи, кромѣ разныхъ костей, сдавленныхъ, какъ полагать должно, прессомъ, я видѣлъ въ стѣнѣ дикій камень, съ высѣченною на немъ буквою зеть, Z».

Еще болѣе вниманія Архиповъ удѣляетъ описанію водопровода, случайно открытаго около 1840 г. «Провожатый мой, — говоритъ онъ, — провелъ меня къ мѣсту древняго водопровода, который нѣкогда былъ выложенъ кирпичемъ, — и я увидѣлъ только глубокую канаву съ высоко набросанными по краямъ ея грядами земли. Крестяне, открывшіе-- за семь или восемь лѣтъ до меня—одно изъ подземныхъ зданій, нечаянно открыли прекрасный сводъ водопровода. По словамъ про-

водника, все население вышло смотреть на дивное открытие — и сотни человек, с дружным ожесточением и соревновательностью, принялись за разборку сводов и оснований, доставивших им несметное количество строевого материала превосходной прочности и отделки. Свод, говорят, был так высок, что скорее можно было предполагать здесь подземный ход, нежели водопровод, или что-либо подобное¹⁾. Предварительно осмотрев бывший водопровод, или подземелье, — продолжает Архипов, — я тотчас же приступил к инструментальному определению его, измерению и нанесению на план. Оказалось, что он, в главном протяжении своем, направлялся от северо-запада на юго-восток. При начале его, я нашел небольшой неразрытый курган, от которого идет и поныне невысокий вал к северо-западу, длиной 20 саж. 1 арш. и 2 англ. дюйма; он оканчивается у глубокой и правильной четырехугольной ямы. Другая такая же яма лежит в одной или двух саж. к северо-востоку; от нее начинается и самый водопровод в направлении к юго-востоку, по небольшой линии, шириной 5 саж. 1 арш. и 2 дюйма. Отсюда он продолжается на СВ. ($52^{\circ} 15'$) по прямой линии в 31 саж., 1 арш. и 2 четверти. Здесь составляет крутой перелом вправо, почти под прямым углом ($89^{\circ} 30'$) к ЮВ. ($37^{\circ} 15'$), по весьма прямой и самой длинной линии, шириной 275 саж. 2 арш. 2 четв. и 5 дюйм. Наконец, последняя линия идет к обрывисто-песчаному берегу Кумы, под тупым углом ($171^{\circ} 45'$), влево к ЮВ. ($65^{\circ} 30'$); длина ее 24 саж. 1 четв. и 2 дюйма. Поверхность воды нынешнего течения реки от поверхности дна водопровода находилась в расстоянии $2\frac{1}{4}$ арш. Вся длина водопровода, по 4 линиям, заключается в 323 саж. 2 арш. 2 четв. и 2 англ. дюймах».

Говоря о найденных на площади развалин предметах, Архипов упоминает о барельефах, карнизах, отличающихся правильностью рисунков орнамента, надгробных плитах с надписями и арабесками, и, наконец, о том, что, при переделке, в 1855 году, старой церкви в сел. Праскове было вынуто из фундамента ее более 400 камней с надписями и все они были перетесаны и употреблены снова на постройку.

Фигура площади развалин г. Маджарь Архиповым определялась в виде неправильного многоугольника, расположенного между 44 и 45 градусами северной широты и между 61 и 62 градусами восточной долготы, на левой стороне р. Кумы на ВСВ. от заштатного города Св. Креста у южного берега озера Буйвалинского, что и должно считать совершенно правильным.

Н. Г. Прозрителев делает сводку всем известным ему сведениям, касающимся находок и других явлений, связанных с областью маджарских развалин. Среди этих сведений, несомненно, наиболее ценными являются почерпнутые из землевных работ.

«В архиве Ставропольской губернской чертежной, в делах, частью предназначенных к уничтожению, — говорит г. Прозрителев в своей записке Императорскому Археологическому Обществу, — я нашел старые планы».

«В разное время и по разным поводам местность по р. Кумь, в пределах Ставропольской губ., подвергалась землевным изысканиям. Главным образом тут возникали споры между крестьянами, поселившимися на свободных в прошлое время землях, и помещиками, получившими от правительства громадные количества земли в свое владение. Таким большим владельцем

¹⁾ Часть этого кирпича, по архивным данным, — говорит Г. Н. Прозрителев, — пошла на постройку Екатериноградской крепости. *Доп.*

былъ князь Вяземскій, получившій изъ «дикопоросшихъ земель» 25666 десятинъ, вполнѣдствіи перешедшихъ къ Скаржинскому».

«Вотъ между этими владѣльцами и возникали споры изъ-за межи, для разрѣшенія которыхъ снаряжались партіи землеѣровъ, оставившихъ въ своихъ работахъ большой матеріалъ для изученія этой части Сѣвернаго Кавказа. Надо замѣтить, что съемки эти отличаются особенной тщательностью. Вотъ въ этихъ то работахъ землеѣры натолкнулись на массу кургановъ и остатки различныхъ построекъ, разбросанныхъ на разстояніи 25—40 верстъ вдоль Кумы на спорной землѣ. Хотя и не обязанные къ тому, но эти труженники наносили въ своихъ чертежахъ и планахъ и видѣнные ими тамъ остатки прошлаго, называя ихъ, вѣроятно, въ силу сохранившагося у населенія преданія. На «геометрическомъ специальномъ планѣ Кавказскаго намѣстничества Моздокскаго уѣзда» 1788 г., на землѣ помѣщика Скаржинскаго показаны: р. Кума, р. Буйвола, сел. Покойное и Прасковей, но еще нѣтъ сел. Армянскаго, или г. Святого Креста, поселеннаго нѣсколько позже... На этомъ планѣ показаны дороги черезъ «Малые Мажары» (Бурговъ-Мажары) и Кавказскій Усвятъ на Моздокъ, также дорога вдоль Кумы; нанесена и обходная дорога на время разлива Кумы».

...«На «геометрическомъ уменьшительномъ планѣ дачи села Покойнаго» 1814 г. нанесены «развалины Мажарскія», на лѣвой сторонѣ Кумы, также и на планѣ 1811 г., гдѣ уже есть сел. Армянское».

...«Въ знакахъ своихъ землеѣры нарисовали при названіи... «развалины Мажарскія» остатки зданій съ арками». «На «планѣ 1846 г. дачи Мокробуйволинской степи», землеѣръ Немировичъ-Данченко показалъ, при впаденіи Малой Буйволы въ р. Куму озеро (лиманъ) длиною въ 4 версты и шириною въ 1 версту, приблизительно, и въ углу, образуемомъ Кумою и этимъ озеромъ, показаны «Мажарскія развалины»... Озеро не доходитъ до Кумы, а отдѣляется болотами и изъ него вытекаютъ два ручья: Кумской и Канава, обтекающіе болота и впадающіе въ Куму»...

«Озеро это отмѣчаетъ и г. Архиповъ въ своихъ тщательныхъ съемкахъ и описаніяхъ 1843—1856 г. А между тѣмъ,—замѣчаетъ г. Прозрителевъ,— на найденномъ мною планѣ 1809 г. озера или лимана этого не показано. Мокрая Буйвола доходитъ до Кумы, а слѣдовательно образованіе его позднѣйшее».

Изъ разнаго рода бытовыхъ находокъ, указываемыхъ г. Прозрителевымъ, заслуживаютъ вниманія:

1. Металлическіе кресты, по размѣрамъ приблизительно такіе, какіе у насъ употребляются при богослуженіи; эти кресты, по рассказамъ, найдены были въ 50 годахъ XIX столѣтія въ саду армянина Арзиманова (Казарова).

2. Многочисленные кирпичи и остатки разнаго рода древнихъ сооруженій. На кирпичи г. Прозрителевъ обратилъ особенное вниманіе и, совершенно правильно, раздѣлилъ ихъ на два сорта: строительныхъ и отдѣлочныхъ. Строительные кирпичи, по его словамъ, отличаются высокими качествами, имѣютъ форму квадратныхъ пятивершковыхъ плитокъ толщиною нѣсколько больше одного вершка. Отдѣлочный кирпичъ имѣетъ форму брусковъ, клинообразно суженныхъ къ задней грани. Передняя, лицевая ихъ грань покрывается зеленой глазурью.

«О количествѣ оставшагося въ развалинахъ кирпича можно судить уже потому,—говоритъ онъ,— что въ селахъ Покойномъ, Прасковей и гор. Св. Крестѣ значительная часть домовъ построена изъ этого кирпича, въ Св. Крестѣ даже построена изъ него армяно-грегоріанская церковь. Основанный лѣтъ 15 тому назадъ среди этихъ развалинъ Воскресенскій монастырь также воспользовался этимъ прекраснымъ матеріаломъ, но, несмотря на все это, и теперь осталась его

цѣлая масса. Всѣ, кто только желаетъ, выкапываютъ этотъ кирпичъ для собственныхъ надобностей»¹⁾).

Изъ сооружений отмѣчаются землянка, открытая въ курганѣ (холмѣ) въ луговой части маджарскихъ развалинъ, на участкѣ крестьянина Журавлева; стѣны землянки были сложены изъ сырцового кирпича.

Явленіе это очень интересное и вполне подтвердившееся раскопками другихъ холмовъ, содержавшихъ остатки зданій, сложенныхъ изъ сырцового кирпича или, по-мѣстному, самана.

3. Человѣческія кости, могилы, склены и надгробныя плиты. По словамъ г. Прозрителева, «среди развалинъ встрѣчается много гробницъ - могилъ, выложенныхъ сырцовымъ кирпичемъ... Осмотрѣнные нами склены на монастырской землѣ (у кирпичнаго завода) имѣютъ въ вышину $1\frac{1}{4}$ арш., въ ширину 15 вершковъ. Форма склена — гробовидная; склепъ имѣетъ кирпичныя стѣнки — въ вышину одного кирпича (большой мѣры), а крыша его образовывалась наклоненіемъ болѣе длинныхъ кирпичей, при чемъ промежутки закладывались снова кирпичами меньшаго размѣра. Вѣроятно, такой сырецъ изготовлялся специально для этой цѣли, такъ какъ величина его значительно больше обожженаго кирпича».

«Находимые здѣсь камни свидѣтельствуютъ объ обычаѣ ставить на могилахъ памятники; на нѣкоторыхъ прекрасно сохранились надписи и украшенія. Памятники, имѣющіе надписи, сдѣланы изъ очень крѣпкаго не мѣстнаго камня, и хорошо отдѣланы. Въ настоящее время такой камень добывается близъ города Пятигорска на разстояніи 120—130 верстъ отъ этого мѣста. Форма этихъ могильныхъ камней, — судя по уцѣлѣвшимъ, видѣннымъ мною кускамъ, это — доска отъ $\frac{3}{4}$ до 1 арш., верхняя часть которой выдается угломъ; края плиты хорошо обтесаны. По насѣчкѣ съ задней стороны камня надо думать, что работали острыми клевками, какими теперь работаютъ каменщики-персіане, а не русской киркой. Большого размѣра плиты раздѣлены полосками на три части: рисунокъ, надпись и рисунокъ, а у меньшихъ — всѣ отдѣленія заняты надписями, но задняя часть представляетъ или арабески, или изображеніе, вѣроятно, мечетей и минаретовъ или другихъ построекъ».

4. Монеты. Среди монетъ, изображенныхъ въ статьѣ г. Прозрителева, главную массу составляютъ татарскія, и, повидимому, въ видѣ исключенія, встрѣчаются монеты римскія или подражанія имъ.

При осмотрѣ одного обширнаго монетнаго собранія у одного изъ горожанъ Св. Креста я видѣлъ также единичные экземпляры римскихъ монетъ, найденныхъ по берегамъ р. Кумы, въ окрестностяхъ города. Фактъ нахожденія такихъ монетъ имѣетъ особую цѣнность, въ виду открытыхъ нами въ г. Св. Крестѣ погребеній II—III в. по Р. Хр., когда римскія монеты имѣли полную возможность проникнуть на берега р. Кумы.

Заслуживаетъ вниманія также и полное отсутствіе находокъ арабскихъ диргемовъ. Ихъ не оказалось ни въ упомянутомъ монетномъ собраніи, гдѣ подавляюще господствовали татарскія и персидскія монеты, ни среди изображеній монетъ, изданныхъ г. Прозрителевымъ. Въ виду большого распространенія во всѣхъ предѣлахъ Россіи арабской монеты, отсутствіе ея на развалинахъ г. Мажаръ можно принимать за довольно вѣское доказательство отсутствія въ этомъ мѣстѣ въ то время (IX—XI в. по Р. Хр.) не только города, но и сколько-нибудь значительнаго поселенія.

¹⁾ Г. Н. Прозрителевъ. „Мажары“. Ставрополь, 1905 г., стр. 10.

Въ своей напечатанной работѣ г. Прозрителевъ дѣлаетъ также попытку объяснить транскрипцію и происхождение названія Маджарь. Такъ, онъ говоритъ: «Что касается названія этого города «Мажары», то покойный Бентковскій слово «Маджары» читаетъ «Мадьяры» (Madyar) и думаетъ, что здѣсь жили венгры, но мѣстные жители называютъ «Мажары», а народъ «Мажарцами» и такое названіе удержалось и на старыхъ картахъ въ названіи «сѣверо-мажарская дача», почему догадка Бентковского можетъ быть и не вѣрна, что произношеніе же какъ *дж* (Маджары) возможно объяснить вліяніемъ поселившихся здѣсь въ 1799 году армянъ, образовавшихъ гор. Св. Крестъ, которые дѣйствительно называютъ «Маджары», тогда какъ русское населеніе говоритъ «Мажары».

Къ этому замѣчанію, однако, слѣдуетъ прибавить, что В. К. Савельевъ, извѣстный ориенталистъ, читаетъ на монетахъ имя города какъ Маджарь, а не Мажарь ¹⁾. С. К. Кузнецовъ, въ засѣданіи Императ. Московскаго Археологическаго Общества, 3 марта 1908 года, производилъ названіе «маджарь» отъ тюркскаго «медчарь», означающаго мѣсто сбора войскъ, и отъ татарскаго «маджарь» — каменное строеніе. Маджарцы, какъ племя, обитавшее близъ устьевъ р. Волги и на р. Кумъ, въ 1551 году состояли союзниками Русскихъ и вмѣстѣ воевали противъ чувашей и другихъ инородцев ²⁾.

Таковы въ общемъ свѣдѣнія, при которыхъ мною было принято предложеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества произвести предварительныя (рекогносцировочныя) изслѣдованія и раскопки въ области развалинъ погибшаго города Маджарь.

По прибытіи на мѣсто маджарскихъ развалинъ, мною было употреблено шесть дней для рекогносцировки мѣстности, осмотра и описанія памятниковъ, связанныхъ съ развалинами, и сбора свѣдѣній о тѣхъ или другихъ уже потерянныхъ находкахъ. Въ производствѣ всѣхъ этихъ работъ мнѣ оказалъ особенную помощь Мамай-Маджарскій Воскресенскій монастырь, братски пріютившій меня подъ кровомъ своей гостиницы и давшій въ лицѣ честныхъ и расторопныхъ послушниковъ вполне надежныхъ проводниковъ. Остальное время посвящено исключительно раскопкамъ. Вся же работа продолжалась отъ 1 до 30 іюня включительно.

I.

РАЗВАЛИНЫ ВЪ ЧЕРТѢ ВЛАДѢНІЙ ГОР. СВ. КРЕСТА.

Развалины, приписываемыя преданіемъ древнему городу Маджарамъ, становятся замѣтными на Базарной площади гор. Св. Креста (см. планъ, рис. 114). Онѣ имѣютъ видъ невысокихъ, сильно расплывшихся, заѣзжанныхъ холмовъ и заплывшихъ ямъ. Отъ Базарной площади по направленію къ СВ. эти остатки являются все болѣе и болѣе выраженными и, наконецъ, по обѣимъ сторонамъ улицы Базарной они выступаютъ вполне отчетливо, давая полную возможность установить западную и отчасти сѣверную границы бывшаго города. Эта граница, начинаясь отъ Базарной площади, идетъ нѣсколько западнѣе и почти параллельно улицѣ Базарной къ берегу озера Мокраго, гдѣ поворачиваетъ на востокъ, слѣдуетъ

¹⁾ В. К. Савельевъ. «О городахъ Маджарь и Булгарь по монетамъ». „Тр. IV Арх. Съезда“, т. I, стр. 20 (Прибавленія).

²⁾ Статьи Шестакова и Мажаровскаго въ I томѣ „Трудовъ IV Арх. Съезда“.

сначала берегомъ озера, а затѣмъ спускается въ поемную долину озера, упираясь въ р. Ерикъ (Канаву, Каналь).

На свято-крестовскомъ участкѣ древнихъ развалинъ находки древностей случаются очень часто. По свидѣтельству обывателей улицы Базарной, возникшей около 1900 года, какъ на площади этой улицы, такъ и на прилегающихъ земляхъ, всюду, гдѣ приходилось рыть землю, встрѣчаются человѣческія кости, мѣдныя и серебряныя монеты, плитчатой формы кирпичи, надгробные памятники и др. древніе предметы. Монеты, послѣ сильныхъ дождевыхъ ливней, находятъ на размытыхъ поверхностяхъ холмовъ, по дорогамъ и въ поляхъ. Мнѣ пришлось видѣть въ рукахъ обывателей этой улицы много (вѣроятно, болѣе сотни) найденныхъ такимъ образомъ монетъ и всѣ онѣ оказались татарскими, относящимися, судя по купленной части ихъ и опредѣленной В. К. Трутовскимъ, къ XIV вѣку.

На порогѣ дома крестьянина Егора Дьячкова (см. планъ, пунктъ F) лежитъ древняя надгробная плита, высѣченная изъ сѣраго раковистаго камня въ видѣ доски съ полукруглымъ верхомъ. На одной сторонѣ ея замѣтны слѣды восточной (вѣроятно, татарской) надписи. Эта плита была вырыта изъ земли при постройкѣ дома Дьячкова въ сѣверномъ концѣ Базарной улицы.

Сосѣдъ Дьячкова, кузнецъ (коваль), Григорій Старасюковъ сообщилъ, что въ 1902 г., когда онъ строилъ свой домъ, то, при рытьѣ подвала, попалъ на склепъ, сдѣланный изъ обожженаго плитчатаго кирпича, расположеннаго надъ ямой, такимъ образомъ, что внизу лежали четыре кирпича, затѣмъ на нихъ положено два и еще выше одинъ кирпичъ; ниже кирпичей въ небольшой ямѣ, засыпанной черной землей, оказались дѣтскія кости и мѣдный котелъ, треснувшій и при выниманіи распавшійся на двѣ части. Всѣхъ котла равнялся 26 фунтамъ; форма его была почти полушарною съ небольшимъ немного выдающимся дномъ. Снаружи котелъ украшался ломанною линіею, въ видѣ городковъ и какими-то знаками, напоминающими надпись. Почти весь котелъ Старасюковъ употребилъ на кузнечное дѣло. Мнѣ удалось видѣть только одинъ оставшійся кусокъ края котла, съ сохранившимся на немъ орнаментомъ.

Найденное въ южномъ концѣ Базарной улицы великолѣпно отполированное мраморное надгробіе въ видѣ четырехскатной крыши куплено Арзиманомъ за три рубля. Я осмотрѣлъ этотъ камень и совѣтовалъ владѣльцу сдать его въ какой-нибудь археологическій музей на храненіе. Камень сохранился превосходно, но на немъ нѣтъ ни надписей, ни орнамента; вся отдѣлка его строго геометрическая.

Въ оврагѣ, отдѣляющемъ сѣверо-восточную окраину г. Св. Креста отъ монастырскихъ владѣній (см. планъ), у кирпичнаго завода, открыта пещера или подземный ходъ. При осмотрѣ моемъ устье пещеры было сильно засорено, хотя черезъ него можно было свободно проникнуть внутрь. Пещера вырыта въ лёссѣ, имѣетъ полукруглый сводъ и напоминаетъ Кіевскія пещеры; ширина ея незначительна, а высота въ ростъ человѣка. Въ нее проникали шаговъ на 15, но далѣе, вслѣдствіе сильнаго засоренія, идти казалось опаснымъ. Направленіе пещеры на пройденномъ пространствѣ идетъ съ С. на Ю. Отъ современной поверхности берега пещеры находятся на глубинѣ аршинъ восьми. Открывшіе эту пещеру крестьяне дѣлали расчистку ея; при этомъ, по ихъ увѣренію, ничего найдено не было.

На дворѣ ямщика Якова (см. планъ, пунктъ A), при рытьѣ погреба, была открыта могильная яма съ пятью покойниками, лежавшими вытянуто, на спинѣ; изъ нихъ одинъ былъ старый и четыре молодыхъ; среди костей ихъ собрано съ пригоршню различной формы и цвѣта, часто глазчатыхъ, стеклянныхъ бусъ. Часть ямы сохранилась въ стѣнѣ погреба. Я осмотрѣлъ ее; дно ея находится на глу-

бинѣ 1 $\frac{1}{4}$ арш. отъ поверхности современной почвы и длинная ось ориентирована съ В. на З.

На южномъ берегу оврага, у артезианскаго городского колодца (см. въ планѣ, пунктъ В), при добываніи глины, горожане выкапываютъ много человѣческихъ костей. При осмотрѣ мѣста кости лежали открыто на поверхности выброшенной изъ ямъ земли. Среди нихъ мною найдено весьма интересное бронзовое кольцо, служившее, очевидно, застежкой; типъ кольца весьма древній.

Въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца, во время нашихъ работъ, послѣ сильнаго ливня, произошли большіе обвалы лѣваго высокаго и обрывистаго берега р. Кумы, послѣ чего на днѣ послѣдней (въ пунктахъ С и D плана) купающіеся стали находить цѣлые и разбитые глиняные сосуды, при осмотрѣ оказавшіеся весьма древними.

Въ началѣ весны текущаго 1907 года одинъ горожанинъ при добываніи глины, приблизительно въ пунктѣ Е плана, открылъ остатки стѣнъ дома, сложенныхъ изъ плитчатаго обожженаго мамаевскаго кирпича, который онъ, разобравши стѣны, продалъ новымъ поселенцамъ города. По поводу этого явленія нѣкоторые изъ мѣстныхъ старожиловъ припомнили, что лѣтъ 50 тому назадъ подобныя кирпичныя стѣны домовъ были видны въ разныхъ мѣстахъ города.

Осмотрѣна старая армяно-грегоріанская церковь. По преданію, она вся сложена изъ кирпича и камней, взятыхъ съ развалинъ древняго города Маджары. Церковь небольшая. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ осыпалась штукатурка, дѣйствительно видны древніе плитчатые кирпичи и голубые или зеленые изразцы. На дворѣ церкви хранится капитель большой колонны. Капитель высѣчена изъ сѣраго камня и относится къ образцамъ высокаго архитектурнаго искусства; она найдена гдѣ-то на маджарскихъ развалинахъ, въ чертѣ армянскихъ земельныхъ владѣній.

Въ армянскомъ кварталѣ г. Св. Креста случаются находки глиняныхъ сосудовъ, зарытыхъ въ землю аршина на два. Одинъ изъ такихъ сосудовъ я видѣлъ у О. Арзиманова. Это—весьма древній сосудъ, совершенно схожій съ найденными въ р. Кумѣ, въ мѣстахъ вышеупомянутыхъ обваловъ берега ¹⁾. Сосуды эти представляютъ родъ кувшиновъ съ одною ручкою; сдѣланы изъ темной глины; на поверхностяхъ имѣютъ простыя украшенія въ видѣ линій, прочерченныхъ или вокругъ шеекъ, или отъ шеекъ внизъ ко дну. Послѣдняя группировка линій очень характерна.

II.

РАЗВАЛИНЫ ВЪ ЧЕРТѢ ВЛАДѢНІЙ ВОСКРЕСЕНСКАГО МАМАЙ - МАДЖАРСКАГО МОНАСТЫРЯ НА ЛѢВОМЪ БЕРЕГУ Р. КУМЫ И ЕРИКА (КАНАВЫ).

Нагорная площадь, занятая монастырскою усадьбою и пустошами, покрыта многочисленными холмами и ямами, составляющими остатки древняго города. На холмахъ и въ ямахъ повсюду видны обломки, а иногда и цѣлые плитчатые кирпичи и голубовато-зеленые изразцы. По словамъ монаховъ, много древнихъ кир-

¹⁾ Какъ описываемый здѣсь, такъ и сосуды, извлеченные изъ р. Кумы въ мѣстахъ береговыхъ обваловъ, поступили черезъ Г. Н. Прозрителева въ Музей Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи. *Доп.*

ничей употреблено, въ видѣ щебня, на монастырскія постройки, а въ послѣдніе годы немало этого матеріала забрано новыми поселенцами г. Св. Креста, собирающими каждый обломокъ кирпича и камня для своихъ новыхъ построекъ. При разныхъ земляныхъ работахъ на монастырской землѣ неоднократно выкапывались человѣческія кости и бывали часто находимы серебряныя и мѣдныя татарскія деньги и другія вещи, которыя расходились по рукамъ и снова терялись. Мною куплена одна довольно крупная серебряная монета, найденная при рытьѣ ямы у монастырской школы (см. планъ), оказавшаяся, по опредѣленію В. К. Трутовскаго, персидскою, XVI вѣка по Р. Хр.

У кирпичнаго завода отъ добыванія глины образовалась большая яма. Повидимому, она пришлась на мѣстѣ общественнаго кладбища, такъ какъ на площади этой ямы было вырыто множество костей покойниковъ. Объ этихъ погребеніяхъ, какъ выше говорилось, упоминаетъ Г. Н. Прозрителевъ. При осмотрѣ мѣстности, мнѣ удалось видѣть въ обрѣзѣ ямы два погребальныхъ склепа, около которыхъ валялись грудой выброшенныя человѣческія кости.

Склепъ № 1.

Склепъ сдѣланъ изъ сырца. Дно его отъ поверхности земли находилось на глубинѣ 2 аршинъ. Длина его внутри равнялась $2\frac{1}{2}$ арш., но часть склепа была уже срѣзана, ширина достигала 1, а высота 12 вершковъ. Склепъ ориентированъ длинною осью съ З. на В. Стѣны склепа облицованы сырцомъ, приложеннымъ къ стѣнкамъ ямы плашмя; крыша, двухскатная, сложена изъ сырца, поставленнаго ребромъ. Близъ склепа лежали кости взрослого человѣка.

Склепъ № 2, рис. 115.

Второй склепъ представлялъ яму, глубиною въ $1\frac{1}{2}$ аршина отъ современной почвы, съ уступомъ или заплечиками на 1 аршинъ выше пола. Съ уступа выведенъ сводъ такимъ образомъ, что сырцовые кирпичи, положенные плашмя, съ каждымъ рядомъ выступали надъ дномъ ямы, образовавъ въ результатѣ двухскатную ступенчатую крышу. Стѣны склепа остались не облицованными. Длинная ось его ориентирована съ З. на В. Высота склепа около 1, а ширина $\frac{3}{4}$ арш. Значительная часть его была срѣзана.

Въ чертѣ монастырскихъ владѣній часто находили надгробные камни и плиты, изъ которыхъ къ настоящему времени сохранились лишь слѣдующіе:

1. Надгробный камень, найденный при проведеніи монастырской канавы, отдѣляющей его владѣнія отъ усадьбы О. Арзиманова. Камень имѣетъ видъ большой плиты, длиною въ 2 арш. 13 в., шириною въ одномъ концѣ 1 арш. 4 в., въ другомъ — 1 аршинъ, толщиною въ 2 вершка. Сверху среднюю продольно идетъ четырехугольный гребень, суживающійся кверху тремя ступеньками; высота гребня 3 вершка. Камень лежитъ въ канавѣ, отчасти вросшимъ въ землю.

2. Въ монастырскомъ фруктовомъ саду на дорожкѣ лежитъ верхняя часть

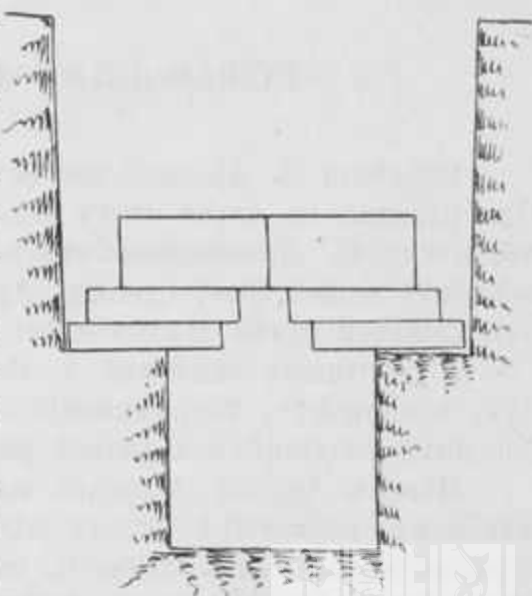

Рис. 115.

надгробной плиты, высотой въ 9, шириною въ $10\frac{1}{2}$, толщиной въ $1\frac{5}{8}$ вершка. Съ обѣихъ сторонъ плита покрыта растительнымъ орнаментомъ. Съ одной стороны, кромѣ того, видна фигура такъ называемой печати Соломона, состоящая изъ двухъ правильныхъ треугольниковъ, сложенныхъ такъ, что углы ихъ образуютъ какъ бы лучи звѣзды.

3. Рядомъ съ описаннымъ обломкомъ плиты лежитъ вторая надгробная плита, съ отбитымъ верхомъ. На лицевой сторонѣ — татарская надпись въ три строки; на обратной — слѣды стертая растительнаго орнамента. Длина плиты $12\frac{1}{2}$, ширина $7\frac{1}{2}$, толщина $1\frac{5}{8}$ в.

4. На порогѣ дома монастырской просфорни лежитъ интересный камень, служившій основаніемъ для надгробной плиты. Камень, правильно четырехугольный, имѣетъ видъ плиты съ высѣченнымъ на верхней плоскости высокимъ корытцемъ, служившимъ для укрѣпленія въ немъ нижней части надгробной плиты. Длина камня 1 арш. $2\frac{1}{2}$ в., ширина — $11\frac{3}{8}$ вер. и толщина — $1\frac{1}{2}$ вершка; высота стѣнокъ корытца $1\frac{1}{2}$ вершка; корытце имѣетъ правильную четырехугольную форму, съ хорошо вытесанными стѣнками.

5. Во время производства работъ мнѣ рассказала одна пожилая крестьянка села Покойнаго, что, во время ея дѣтства, недалеко отъ монастырскаго кирпичнаго завода, стояла высокая кирпичная мамаевская каланча, въ которую она съ другими сверстниками ходила, чтобы послушать эхо, раздававшееся подъ высокими сводами зданія. Я просилъ указать мѣсто, гдѣ стояло это зданіе, но рассказчица не могла припомнить его точно, замѣтивъ, что съ того времени уже все измѣнилось: прежде на всей площади ничего, кромѣ развалинъ, не было, а теперь всюду городьба, сады и новыя постройки. Она припомнила, что среди развалинъ въ то время часто видали дикихъ сайгаковъ и дрофъ, ходившихъ стадами, а теперь про нихъ и не слышно: все ушло въ степи.

III.

РАЗВАЛИНЫ ВЪ ЧЕРТѢ ВЛАДѢНІЙ О. АРЗИМАНОВА.

Владѣнія О. Арзиманова непосредственно примыкаютъ къ монастырскимъ. Про находки въ чертѣ этихъ владѣній имѣется особенно много толковъ. Говорятъ, что отецъ О. Арзиманова сталъ и богатъ (милліонеромъ), благодаря находкамъ золотыхъ вещей, что, однако, Арзимановы положительно отрицаютъ и отрицаніе ихъ кажется болѣе правильнымъ.

У мѣстныхъ жителей г. Св. Креста и с. Покойнаго существуетъ преданіе или, правильнѣе, воспоминаніе, что гдѣ-то у рубежа монастырскихъ и арзимановскихъ владѣній находились развалины каменной православной церкви.

Монахъ Андрей сообщилъ мнѣ, что онъ съ дѣтства жилъ въ Мамай-Маджарскомъ монастырѣ и отъ мѣстныхъ старожиловъ слышалъ, что православная церковь мамаевскихъ временъ стояла у межевой канавы, въ чертѣ арзимановскихъ владѣній, шагахъ въ 100 отъ моста черезъ Каналь. Въ этомъ мѣстѣ еще недавно находились остатки стѣны, сложенной изъ сѣраго камня (въ основѣ) и жженныхъ плитчатыхъ кирпичей; эти остатки имѣли около $1\frac{1}{2}$ аршина высоты и аршинъ 6 длины. Стѣна разобрана новыми поселенцами г. Св. Креста.

При осмотрѣ мѣстности я видѣлъ тамъ, гдѣ, по указанію Андрея, стояла стѣна древняго зданія, обломки плоскихъ кирпичей, тесанныхъ камней и мелкіе

куски извести, покрывшіе пространство около арш. 10 въ діаметрѣ. Мѣсто же поросло кустарникомъ и лѣсомъ.

Черезъ нѣсколько дней мнѣ сообщили, что мѣсто бывшей православной церкви приходилось немного далѣе, чѣмъ указанное монахомъ Андреемъ, именно въ саду, близъ дома О. Арзиманова, что это мѣсто точно извѣстно крестьянкѣ Евфросиніи Ивановнѣ Коротаевой, каковая и была мнѣ представлена, и, въ присутствіи трехъ монаховъ, во главѣ которыхъ находился о. благочинный монастыря, она указала едва замѣтный холмикъ, отчасти срубанный глубокою канавою, идущею отъ дома Арзиманова, въ разстояніи шаговъ ста отъ него, и рассказала слѣдующее: лѣтъ 60 тому назадъ работникъ Арзиманова, теперь совершенно хилый и ослѣпшій крестьянинъ с. Покойнаго, разбирая на указанномъ холмикѣ кирпичи отъ какого-то древняго зданія, нашелъ среди щебня два золотыхъ на-престольныхъ креста, одну золотую чашу и нѣкоторыя другія церковныя вещи. Все это взялъ старикъ Арзимановъ, отецъ современнаго владѣльца, заплативъ работнику деньгами за счастливую находку. Послѣдній же, какъ хорошій знакомый Коротаевой, неоднократно говорилъ ей о своей находкѣ и указывалъ мѣсто, увѣряя, что если бы раскопать его, то можно было бы найти и другія драгоценности.

О. Арзимановъ, выслушавъ отъ меня приведенный рассказъ Коротаевой, заявилъ, что факта находки золотыхъ крестовъ не было, и охотно согласился на мою просьбу произвести въ его владѣніяхъ раскопки, но съ условіемъ, что за найденное золото и серебро я заплачу полностью. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показалъ мнѣ нѣсколько мѣдныхъ татарскихъ монетъ, сложенную грудю цѣлыхъ и обломковъ древнихъ кирпичей и изразцовъ, найденныхъ въ его владѣніи, при обработкѣ виноградника, и одинъ надгробный камень, извлеченный изъ земли, недалеко отъ его дома. Длина камня 2 арш. 6 верш., ширина — 9 вершковъ и толщина — 7 вершковъ.

IV.

РАЗВАЛИНЫ ВЪ ЧЕРТВѢ ВЛАДѢНІЙ С. ПОКОЙНАГО ВЪ «КИРКАХЪ».

(См. планъ).

«Кирки» представляютъ низменную, луговую часть развалинъ древняго города. Въ этой части еще недавно было много холмовъ и ямъ, но въ послѣднее время значительная часть ихъ спланирована для садовъ и виноградниковъ. Самое имя «Кирки» мѣстность получила отъ развалинъ кирпичныхъ зданій, въ которыхъ мѣстные крестьяне видѣли остатки нѣмецкихъ храмовъ (кирокъ), будто бы оставшихся послѣ нѣмецкихъ колонистовъ, занимавшихъ эту землю въ царствованіе Екатерины II.

Постоянныя земляныя работы, то съ цѣлью выравниванія поверхности тучной и чрезвычайно плодородной почвы, то съ цѣлью ея орошенія въ сухое время года, даютъ ежегодно много находокъ разнообразныхъ древнихъ вещей. Особенно часто встрѣчаются мѣдныя татарскія монеты. Ихъ находятъ всюду и такъ много, что крестьяне пришли къ окончательному заключенію о существованіи въ «Киркахъ» мамаевского «казначейства». Находки серебряныхъ монетъ случаются гораздо рѣже. Не часты находки и другихъ металлическихъ вещей. Обыкновенно изобилуютъ кирпичи, изразцы, нерѣдки находки жернововъ и тесаныхъ камней, слу-

жившихъ, можетъ быть, для фундамента зданій или даже для тротуаровъ, если только такая роскошь допустима для татаръ XIV—XVI вѣковъ.

Каждый владѣлецъ участка земли въ «Киркахъ» обыкновенно обзаводится своимъ куренемъ (шалашомъ) и проживаетъ въ немъ почти все лѣто. Внутри или около этихъ куреней складываются и тѣ кирпичи, камни и другіе предметы, какіе попадаютъ во время работы. Когда же ихъ наберется много, то они отправляются въ с. Покойное.

Обходя курени, я во всѣхъ нихъ видѣлъ такіе запасы и, сверхъ сего, въ куренѣ Михаила Логачева (онъ же Дохлый) мною осмотрѣна капитель каменной колонны, высотой въ 9 верш., въ діаметрѣ $6\frac{1}{2}$, а по квадратному верху 9 верш. Колонна украшена трехугольными глубокими каннелюрами. Въ томъ же куренѣ лежала половина ручного жернова, съ сквознымъ отверстіемъ въ центрѣ; діаметръ жернова равенъ 1 арш. $9\frac{1}{2}$ вершкамъ, толщина у внѣшняго края—5 вершковъ; къ центру, съ рабочей (внутренней) стороны жерновъ утоньшается, образуя чашечное углубленіе; отъ отверстія отходятъ два желобка, служившіе для ссыпанія смолотой муки. Въ куренѣ кр. Кострикина оказалось два ручныхъ небольшихъ жерновка, одинъ совершенно цѣлый ¹⁾, а другой въ видѣ половины. Изъ нихъ первый имѣлъ въ діаметрѣ 10 верш. Въ центрѣ его находилось круглое отверстіе, отъ котораго шли крестообразно короткіе четырехугольные желобки, назначеніе которыхъ не ясно. Діаметръ второго жерновка— $8\frac{1}{4}$ верш. Этотъ жерновокъ имѣлъ, кромѣ центрального, еще боковое отверстіе, указывающее, что жерновъ былъ верхнимъ, при чемъ боковое его отверстіе служило для утвержденія рычага, которымъ приводило въ движеніе жерновъ. Такіе жернова ручныхъ мельницъ существуютъ еще и теперь у крестьянъ Рязанской и, вѣроятно, другихъ смежныхъ губерній.

При новой монастырской оросительной канавѣ стоитъ на ребрѣ большой, еще не отдѣланный жерновой камень, извлеченный изъ канавы при отрывкѣ ея.

Въ с. Покойномъ изъ предметовъ, вывезенныхъ изъ «Кирокъ», мною осмотрѣны:

1. У крестьянина Максима Кривоногова (Голушкина) совершенно цѣлая надгробная плита съ трехугольнымъ верхомъ. Ни надписей, ни орнамента на плитѣ не имѣется; высота ея равна—1 арш. и $\frac{1}{2}$ верш., ширина—7, толщина— $1\frac{1}{2}$ верш. Плита служитъ порогомъ дома.

2. У того же крестьянина, подъ угломъ амбара, служитъ подпорой угла капитель многогранной каменной колонны, высотой около 8 вершковъ.

3. У крестьянина Василя Малюгина имѣется сильно попорченный обломокъ надгробной плиты; на лицевой сторонѣ ея видны слѣды восточной надписи или растительнаго орнамента. Измѣреній не сдѣлано.

4. У крестьянина Василя Семенова лежитъ на дворѣ надгробный камень въ видѣ плиты съ выдающимся гребнемъ посрединѣ. Длина камня равна 1 арш. 5 в., ширина—1 арш., толщина— $3\frac{5}{8}$ в., ширина гребня—9 вершковъ.

5. У крестьянина Ивана Журавлева хранится жерновъ, діаметромъ въ 1 арш. 12 верш., съ круглой сверлиной въ центрѣ.

6. У крестьянина Григорія Шевченко на порогѣ дома лежитъ половина жернова съ сильно выступающими краями, діаметромъ въ 1 арш. 4 в., съ круглой сверлиной въ центрѣ.

7. У крестьянина Никиты Масалыкина находится цѣлый жерновъ, имѣющій въ центрѣ круглое отверстіе, и четыре длинныя крестообразно отходящіе желобка; съ нижней стороны жернова имѣются по краямъ три выступа съ горизонтальными

¹⁾ Этотъ жерновъ былъ купленъ для Имп. Моск. Арх. Общества и затѣмъ сданъ на храненіе въ Музей Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи. *Дет.*

небольшими сверлинами для болтовъ, которыми закрѣплялся жерновъ въ неподвижномъ положеніи, что необходимо для нижнихъ жернововъ ручныхъ мельницъ.

8. У крестьянина Ивана Кунаева на порогѣ дома лежитъ половина жернова, съ круглой сверлиной въ центрѣ; рабочая поверхность его къ срединѣ выпукла, а къ краямъ вогнута; края тоньше середины; діаметръ 1 арш. $12\frac{1}{2}$ верш. У него же имѣется и второй обломокъ жернова.

9. У крестьянки Степаниды Журавлевой на дворѣ, вмѣсто стола служитъ прекрасно сохранившійся жерновъ, имѣющій въ центрѣ одну, а у краевъ двѣ меньшихъ круглыхъ сверлины; къ центру идутъ четыре желобка, образующіе косою крестъ (рис. 116). Діаметръ — 1 арш. 4 в., толщина — 1 в.

10. У крестьянина Семена Ежова лежитъ на порогѣ дома цѣлый жерновъ съ четырехугольнымъ отверстіемъ въ центрѣ; діаметръ $1\frac{1}{2}$ арш.

11. У крестьянина Василя Калеванова имѣется два жернова.

12. Крестьянинъ Романъ Лясковка купилъ жерновъ у кр. Никиты Падоки.

13. Обломки малыхъ жернововъ имѣются у многихъ крестьянъ.

14. Вытесанные камни, безъ орнамента и надписей, имѣются у крестьянина Манюки, Григорія Кунаева, Михаила Заварчина и другихъ.

15. Кирпичи и изразцы имѣются у всѣхъ крестьянъ, владѣющихъ землею въ «Киркахъ». Обыкновенно изъ древняго кирпича складываютъ фундаментъ избъ и стѣны изгородей. По словамъ крестьянъ, въ «Киркахъ» случалось разрывать стѣны кирпичныхъ домовъ, внутри сплошь облицованныхъ голубыми изразцами.

Находимые въ «Киркахъ» надгробные камни съ орнаментомъ и надписями Покойницкіе крестьяне иногда ставили на могилахъ своихъ покойниковъ. Въ 1907 г. отъ мѣстнаго исправника послѣдовало распоряженіе взять съ кладбища эти камни и впредь до отправки въ Музей Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи хранить въ покойницкомъ волостномъ правленіи, гдѣ они и были мною осмотрѣны. Всего здѣсь оказалось восемь надгробныхъ плитъ и одинъ уголъ карниза.

16. Обломокъ надгробной плиты, высотой въ $9\frac{1}{2}$, шириною въ $8\frac{1}{2}$ и толщиной въ 3 вершка; на лицевой сторонѣ татарская надпись.

17. Надгробная плита, высотой въ $13\frac{1}{2}$, шириною въ $5\frac{1}{2}$ и толщиной въ $1\frac{1}{4}$ вершка; на лицевой сторонѣ — татарская надпись, на оборотной — растительный орнаментъ.

18. Обломокъ надгробной плиты, высотой въ 10, шириною въ $7\frac{1}{2}$, толщиной въ $1\frac{1}{8}$ вершка; на лицевой сторонѣ — татарская надпись, на оборотной — растительный орнаментъ.

19. Обломокъ верха надгробной плиты, высотой въ 8, шириною у основанія въ $10\frac{1}{2}$, толщиной въ 3 вершка; на лицевой и оборотной сторонахъ — растительный орнаментъ.

20. Обломокъ надгробной плиты, высотой въ 11, шириною въ 8 и толщиной въ $1\frac{1}{2}$ вершка; на лицевой сторонѣ — остатки татарской надписи, на оборотной — обычный растительный орнаментъ.

21. Обломокъ надгробной плиты, высотой въ 14, шириною въ 9, толщиной

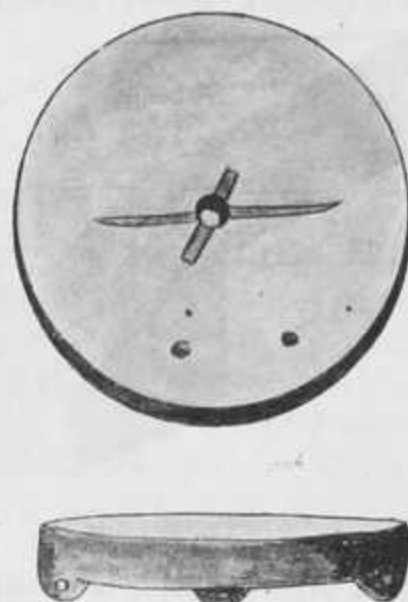

Рис. 116.

въ 2 вершка; на лицевой сторонѣ—татарская надпись, на оборотной—растительный орнаментъ.

22. Надгробная плита съ отбитымъ верхомъ, высотой въ 1 арш. $2\frac{1}{2}$ вершка, шириною въ $8\frac{1}{2}$, толщиною въ $2\frac{1}{2}$ вершка; на лицевой сторонѣ—татарская надпись, на оборотной—растительный орнаментъ и крестообразное углубленіе, высѣченное позже на орнаментѣ.

23. Надгробная плита, высотой въ 1 арш. $3\frac{1}{2}$ вершка, шириною въ $7\frac{1}{2}$, толщиною въ $2\frac{1}{3}$ вершка; на лицевой сторонѣ—татарская надпись, на оборотной—обыкновенный растительный орнаментъ.

24. Уголь карниза, длиною въ 1 арш. 12 верш., украшенный рельефнымъ орнаментомъ (рис. 117).

25. Крестьянинъ Алексѣй Багринцевъ заявилъ мнѣ, что онъ сдалъ камни съ надписями, найденные имъ при земляныхъ работахъ въ «Киркахъ», въ городѣ Ставрополь, одному священнику.

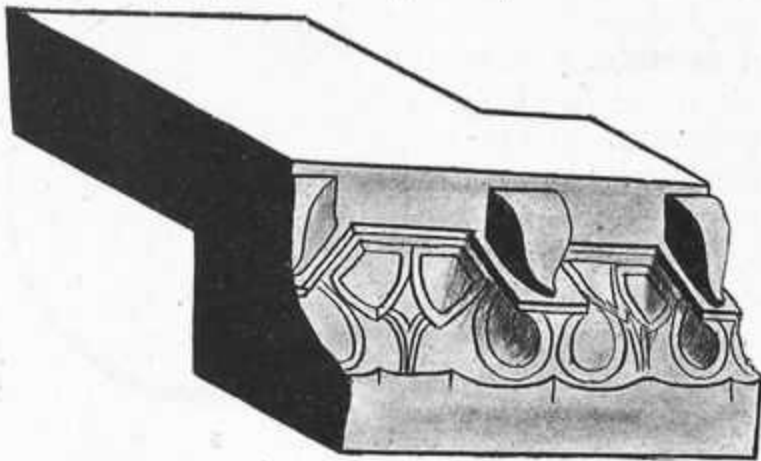

Рис. 117.

26. По словамъ крестьянъ много камней съ надписями и безъ надписей, добытыхъ въ «Киркахъ», употреблено на постройку церкви. По мнѣнію ихъ, камень, изъ котораго сдѣланы «мамаевскіе жернова и плиты», привозился изъ окрестностей села Бурлацкаго, отстоящаго отъ маджарскихъ развалинъ на 53 версты; ближе нигдѣ такого камня не встрѣчается.

27. У многихъ крестьянъ имѣются мѣдныя и серебряныя монеты. При осмотрѣ всѣ онѣ оказались татарскими, обычнаго типа, и лишь одна серебряная монета была «Псковскою деньгою» XV вѣка, каковая вмѣстѣ съ нѣкоторыми татарскими монетами была приобретена мною для коллекцій Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества ¹⁾.

V.

По окончаніи осмотра Маджарскихъ развалинъ и всѣхъ доступныхъ памятниковъ, связанныхъ съ развалинами, мною былъ составленъ прилагаемый при семъ схематическій планъ мѣстности, въ основу котораго положенъ межевой планъ владѣній с. Покойнаго и намѣчена схема раскопокъ, направленныхъ къ выясненію: 1) значенія холмовъ, ямъ и долинъ между холмами, принимаемыми нѣкоторыми изъ предшествующихъ изслѣдователей за улицы погибшаго города; 2) формы и ритуала погребеній у монастырскаго кирпичнаго завода; 3) вѣрности показаній о мѣстѣ нахожденія остатковъ развалинъ каменной христіанской церкви въ усадьбѣ О. Арзиманова, и, наконецъ, 4) причины явленія человѣческихъ костей въ береговой почвѣ и въ рѣкѣ Кумѣ близъ городскаго артезіанскаго колодца.

Предполагалось также расчистить пещерный ходъ у городскаго кирпичнаго завода, что, однако, по независимымъ причинамъ, выполнить не удалось.

¹⁾ Хранятся вмѣстѣ съ другими предметами, добытыми раскопкою въ Маджарахъ, въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ. Авторъ.

VI.

РАСКОПКИ ВЪ «КИРКАХЪ».

Холмъ № 1 (см. планъ).

Холмъ находится во владѣніяхъ крестьянина Никиты Масалыкина. Рядомъ съ этимъ холмомъ расположено нѣсколько другихъ болѣе обширныхъ холмовъ, а у подошвы съ одной стороны имѣется котловина, наполненная водою, а съ другихъ сторонъ — незначительныя впадины. Высота холма равна 2, окружность — 72 аршинамъ.

Траншея 1.

Длина траншеи 48, ширина $2\frac{1}{2}$ и глубина отъ 3 до $2\frac{1}{4}$ аршинъ, до грунтовыхъ водъ. Траншея прямая, заложена по подошвѣ холма. Раскопка велась по-слою. Предметы каждаго слоя отбирались въ отдѣльныя группы.

Сверху и до низу въ траншеѣ шель темный (грязный), слегка золистый культурный слой, который проникалъ и ниже обнаженныхъ на днѣ траншеи грунтовыхъ водъ. Всѣ бытовые памятники, извлеченные изъ разныхъ слоевъ траншеи, оказались принадлежащими къ одной культурѣ, датированной татарскими монетами. Монетъ найдено шесть; всѣ мѣдныя; изъ нихъ двѣ залежали на глубинѣ 7 вершковъ, двѣ — на глубинѣ 1, одна — на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ и одна — на глубинѣ $2\frac{1}{4}$ аршинъ.

Въ разныхъ слояхъ, не исключая и самыхъ нижнихъ, найдены цѣлыя и разбитыя обожженные кирпичи и обломки камней. Всѣ кирпичи оказались одинаковой формы и техники. Отобранные 10 кирпичей дали слѣдующіе размѣры:

Кирпичи:	Въ верхкахъ.		
	Длина.	Ширина.	Толщина.
№ 1.	5.	5.	1.
№ 2.	$4\frac{7}{8}$.	$4\frac{7}{8}$.	1.
№ 3.	$5\frac{1}{8}$.	$5\frac{1}{8}$.	$1\frac{1}{8}$.
№ 4.	$5\frac{1}{8}$.	$5\frac{1}{8}$.	1.
№ 5.	$5\frac{3}{8}$.	$5\frac{3}{8}$.	$1\frac{1}{8}$.
№ 6.	$5\frac{3}{8}$.	$5\frac{3}{8}$.	1.
№ 7.	$5\frac{3}{8}$.	$5\frac{3}{8}$.	1.
№ 8.	$5\frac{1}{8}$.	$5\frac{1}{8}$.	$1\frac{2}{8}$.
№ 9.	5.	5.	1.
№ 10.	$5\frac{1}{8}$.	$5\frac{1}{8}$.	1.

Плоскости кирпичей, обыкновенно, гладкія; но иногда на одной изъ широкихъ плоскостей замѣчается нѣкоторая желобчатость.

Обломки глиняной посуды попадались сравнительно рѣдко и всѣ они принадлежали, независимо отъ глубины ихъ нахождения въ почвѣ, къ однороднымъ типамъ. Обращено особенное вниманіе на распространеніе въ горизонтахъ культурнаго слоя обломковъ эмалированной и китайской фаянсовой посуды, но и они оказались на всѣхъ глубинахъ. Нахожденіе китайскаго фаянса было совершенно неожиданнымъ сюрпризомъ. По своему типу эта посуда оказалась схожею съ китайской

посудой, найденной въ Московскомъ Кремлѣ при постановкѣ памятника Александру II ¹⁾).

Обломки стекла находились еще рѣже; они также залегали на всѣхъ глубинахъ. Такъ, одинъ осколокъ, повидимому, сосуда былъ найденъ на глубинѣ 2¹/₄ арш., т.-е. на уровнѣ грунтовыхъ водъ, а обломокъ крупной бусины ²⁾ извлеченъ съ глубины трехъ аршинъ и залегалъ ниже грунтовыхъ водъ.

Найдено три обломка, судя по ихъ формѣ, различныхъ жерновковъ, небольшихъ размѣровъ, діаметромъ около 9 вершковъ.

Металлическія вещи оказались очень рѣдкими. Изъ желѣзныхъ вещей найдены: 1) наконечникъ копья, дверная петля, часть, повидимому, чугунаго литого котла и нѣсколько предметовъ, до того перержавѣвшихъ, что въ нихъ уже нельзя было узнать какую-либо опредѣленную форму. Безспорно, любопытнѣйшимъ предметомъ является копье, которое, очевидно, предназначалось специально для пробитія кольчугъ, почему острію его придана форма тонкаго круглаго конуса (гвоздя). Длина копья равняется 8,5, а діаметръ втулки—2,5 см.

Изъ костяныхъ подѣлокъ найдены три астрагала съ стесанными гранями, служившіе для игръ, одна подѣлка изъ рыбьей кости и одинъ обломокъ фигурной подѣлки неизвѣстнаго назначенія.

Кости животныхъ встрѣчались довольно часто. Изъ нихъ опредѣлены и подсчитаны:

Кости.	Челюсти	Ножица	Фаланги	Астрагала	Копытныя	Рога
Лошади	5	3	12	2	9	—
Коровы	8	6	32	2	4	4
Овцы }	94	109	31	25	—	8
Козы }						
Свиньи одинъ кобаній клыкъ.						3
Собаки	2	1	—	—	—	—

Любопытно, что у лошадей отрубались переднія части череповъ совершенно такъ же, какъ это дѣлалось скинами Полтавской губ.

Траншея, проходя черезъ восточную подошву холма, захватывала концами и прилегающія къ нему впадины. При этомъ замѣчено, что вещей находится меньше въ насыпи холма, имѣющей болѣе свѣтлую, желтоватосѣрую окраску, чѣмъ за предѣлами этой насыпи, въ темномъ культурномъ слоѣ. Въ разрѣзѣ траншеи было видно, что холмъ получилъ начало въ то время, когда культурный слой имѣлъ полное свое развитіе. Такъ, ниже насыпи холма, до грунтовыхъ водъ, идутъ горизонтальные, часто золистые прослои, очевидно, никогда и никѣмъ не рытые. Котловины, сопровождающія холмъ, образовались не посредствомъ выемки почвы, а благодаря повышенію почвы холмами, ранѣе появленія которыхъ, судя по горизонтальному простиранію культурнаго слоя черезъ весь разрѣзъ траншеи, мѣстность была совершенно ровною.

Насыпь холма состоитъ изъ лёссовой почвы и представляетъ хорошо извѣстный мѣстнымъ жителямъ продуктъ разложенія самана или сырцового кирпича, отдѣльные куски котораго удалось найти еще нераспавшимися.

¹⁾ Импер. Россійскій Историческій Музей; Московская зала.

²⁾ Эта бусина сдѣлана, повидимому, не изъ стекла, а изъ горнаго хрустала. *Авт.*

Траншея 2.

Длина траншеи 48, ширина $2\frac{1}{2}$ и глубина 3 и по концамъ 2 аршина. Траншея заложена параллельно съ первою, на разстояніи отъ нея на $\frac{1}{4}$ аршина. Работа ведена въ переваль.

На всѣхъ глубинахъ встрѣчались предметы совершенно однородной культуры и одинаковые съ предметами траншеи 1-й.

Обнажена восточная стѣна зданія, сложенная изъ сырца (самана), отъ продолжительнаго находенія въ сыроватой землѣ сильно размякшаго и разопрѣвшаго, благодаря чему стѣна рѣзалась лопатой легче, чѣмъ обыкновенный грунтъ. Цементомъ кладки служилъ глиняный растворъ болѣе темнаго цвѣта. Форма и размѣры саманныхъ кирпичей были тождественны съ формою и размѣрами обожженныхъ кирпичей; они даже имѣли на одной изъ своихъ широкихъ плоскостей ту характерную желобчатость, какая наблюдается и у обожженныхъ кирпичей.

У обнаженныхъ угловъ зданія оказались камни и обожженные кирпичи, лежавшіе безъ видимаго порядка. Подъ южнымъ угломъ оказалась кирпичная кладка въ видѣ фундамента, который, однако, не пошелъ подъ всю стѣну.

Отчищенная стѣна имѣла 11 арш. 12 вершковъ длины и 1 арш. толщины, при высотѣ отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ аршинъ. По этой стѣнѣ легко были открыты и другія стѣны зданія.

При отрывкѣ траншеи найдены:

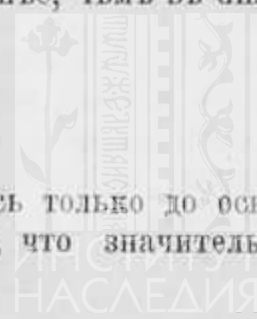
1. Кирпичи и камни, залегавшіе разсѣянно на всѣхъ глубинахъ.
2. Шесть мѣдныхъ татарскихъ монетъ, залегавшихъ на разныхъ глубинахъ, ниже основанія открытаго зданія.
3. Обломокъ небольшого жернова, — взятъ у основанія стѣны зданія снаружи.
4. Отбитый бокъ желѣзнаго или чугуннаго большого котла, — у южнаго угла зданія снаружи.
5. Куски фаянсовой и эмалированной посуды, а также обломки поливныхъ изразцовъ; найдены на всѣхъ глубинахъ.
6. Изъ костей животныхъ опредѣлены:

	Челюсти	Ножныя	Фаланги	Астрагалы	Копытныя	Рога
Лошади	5	5	8	—	—	—
Коровы	1	8	29	8	1	—
Овцы }	42	129	7	16	—	12
Козы }						
Кости овецъ вообще изобилуютъ.						
Собаки	2	—	—	—	—	—

Въ насыпи холма вещей и костей встрѣчается гораздо менѣе, чѣмъ въ ниже залегающемъ культурномъ слоѣ.

Обнаженіе стѣнъ зданія.

При отчисткѣ стѣнъ открытаго зданія раскопка доводилась только до основанія его, не проникая въ ниже залегающій культурный слой, что значительно сокращало работу.

Находки вещей въ почвѣ холма рѣдки, но число ихъ сразу увеличилось при отчисткѣ пола зданія.

Зданіе имѣло въ планѣ видъ четырехугольника, длиною, по внѣшнему очертанію, въ 14, шириною въ $11\frac{3}{4}$ аршина. Внутри оно дѣлилось капитальной стѣною на двѣ комнаты. Входъ въ зданіе, насколько удалось выяснитъ, былъ одинъ у юго-восточнаго угла зданія (рис. 118). Предъ нимъ, снаружи, лежали три тесаныхъ камня, а нѣсколько въ сторонѣ—три другихъ камня, не носившихъ никакихъ слѣдовъ обработки. Возможно, что всѣ эти камни служили для ступенекъ порога.

Нѣсколько выше, надъ тесаными камнями, лежалъ круглый каменный катокъ правильной цилиндрической формы; длина его достигала 1 арш. 6 верш., а діаметръ—6 вершковъ. Въ обоихъ концахъ, въ направленіи оси, имѣлись углубленія цилиндрической формы, глубиною около 1 вершка ¹⁾.

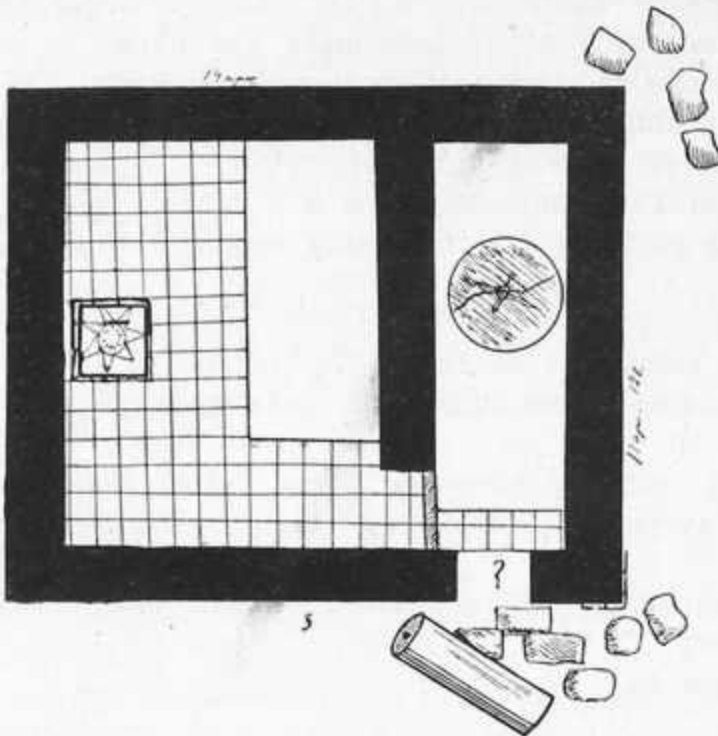

Рис. 118.

Одинъ изъ горожанъ г. Св. Креста, бывший въ Маньчжуріи во время русско-японской войны, объяснилъ, что описываемый катокъ служилъ для молотбы хлѣба. — По его словамъ, совершенно такіе каменные катки, какъ по размѣрамъ, такъ и по формѣ, имѣются въ живомъ употребленіи на всемъ пространствѣ отъ Мукдена до Портъ-Артура. Въ концевыя углубленія вбиваются деревянные, а иногда желѣзныя оси, на которыя накладываются петли веревокъ; посредствомъ этихъ веревокъ катокъ, вертясь, влачится по снопамъ и молотитъ зерно.

Въ «Киркахъ» такіе молотильныя катки находились нѣсколько разъ.

Отчищенные стѣны зданія (дома) возвышались надъ поломъ отъ 1 до

$1\frac{1}{2}$ арш., но мѣстами были обрушены до основанія. Толщина ихъ равнялась 1 арш. Первая комната имѣла видъ узкаго четырехугольника, длиною въ 9 арш. 12 в. и шириною въ 3 арш. Полъ комнаты гладкій, утрамбованный и смазанный глиной. Предъ выходною дверью поднимался вершковъ на пять порогъ, обложенный сверху обожженными кирпичами. Ширина порога была въ 10 вершковъ (въ два кирпича); онъ шелъ вдоль всей стѣны и служилъ порогомъ и для второй комнаты, къ полу которой онъ спускался также уступомъ, вершковъ 5 высотой.

Въ срединѣ комнаты, у восточной стѣны, на обрушившихся кускахъ обожженныхъ кирпичей и обожженной глины лежалъ большой жерновъ, подъ тяжестью налегавшей земли расколовшійся на пять кусковъ. Верхняя плоскость его сильно стерта и была вогнутою. Въ центрѣ имѣлась круглая сверлина, къ которой подходили четыре длинныхъ желобка, служившихъ для ссыпки смолотой муки. Снизу жерновъ имѣлъ три выступа (уха) съ горизонтальными сверлинами для болтовъ, что дѣлало его похожимъ на одинъ изъ ранѣе описанныхъ жернововъ (рис. 116). При

¹⁾ Катокъ хранится въ Музеѣ Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи. *Лит.*

отчислѣ жерновъ стоялъ нѣсколько въ наклонномъ положеніи и казался совершенно цѣлымъ. Діаметръ его равнялся $1\frac{1}{4}$ арш., а толщина приблизительно $1\frac{1}{2}$ в. На полу комнаты найдены двѣ татарскія монеты, нѣсколько обожженныхъ кирпичей, одинъ обломокъ изразца съ голубовато-зеленой поливой и глиняный подсвѣчникъ, имѣвшій видъ небольшого блюда съ возвышающейся въ срединѣ подставкой для свѣчи. Одинъ край блюда былъ отбитъ. Въ общемъ подсвѣчникъ походилъ на современные.

Вторая комната была почти квадратною: длина ея равнялась 9 арш. 12 в., а ширина 9 арш. Вдоль стѣны, служившей перегородкой между обѣими комнатами, находились нары для сна. Эти нары представляли видъ четырехугольнаго возвышенія, длиною въ $7\frac{1}{2}$, шириною въ $1\frac{1}{2}$ и высотой въ $\frac{3}{4}$ аршина, насыпаннаго изъ лёсса, снаружи обложеннаго саманнымъ кирпичемъ. Совершенно такія нары, называемыя «тахты», я видѣлъ у армянъ г. Св. Креста. Онѣ въ употребленіи у многихъ жителей Кавказа.

Весь полъ, находившійся въ одномъ уровнѣ съ поломъ первой комнаты, былъ тщательно выложенъ обожженными кирпичами. У западной стѣны, какъ разъ противъ середины ея, подъ-лицо съ поломъ, лежала каменная квадратная плита, въ $10\frac{1}{2}$ вершковъ длины и ширины, съ двумя сквозными сверлинами и орнаментомъ въ видѣ звѣзды съ восемью трехугольными лучами¹⁾. Между краями плиты и поломъ были проложены голубые изразцы формы продолговатыхъ брусковъ; часть ихъ не сохранилась. Въ общемъ все это дѣлало на красномъ кирпичномъ полу красивое пятно. Между западною стѣною и плитою на полу лежало много мелкихъ угольковъ. Плита свободно поднималась вверху. Очевидно, для этой цѣли служили вышеотмѣченные сверлины, черезъ которыя могъ пропускаться ремень или шнуръ. Подъ плитою открывалось углубленіе въ видѣ расширяющагося книзу конуса. Діаметръ его отверстія равнялся 7, а глубина 18 вершкамъ. Стѣны его были искусно сложены изъ кусковъ обожженаго кирпича. Внутри углубленія, кромѣ земли, наполнившей его почти до верха, ничего не было. Назначеніе его непонятно: оно могло служить погребкомъ для храненія съѣстныхъ продуктовъ и для другихъ цѣлей.

На полу найдены: 1) у сѣверной стѣны шесть овечьихъ астрагаловъ, изъ которыхъ четыре имѣли стесанныя грани; 2) въ срединѣ пола въ разныхъ пунктахъ—одна мѣдная татарская монета, обломки и цѣлые мозаичные (мелкіе) изразцы разныхъ формъ (круглой, трехугольной, четырехугольной, шестиугольной), покрытые синеватою, голубой, зеленой и бѣлой поливой, несомнѣнно служившіе настѣнными украшеніями, обломки простой глиняной, фаянсовой и стеклянной посуды, круглый глазокъ перстня изъ стекла бирюзоваго цвѣта, одинъ обломокъ образцоваго зеркала, свинцовая подвѣска (ворворка), желѣзный замокъ съ отломанной дужкой и др.; 3) у южной стѣны—обломки большихъ желѣзныхъ гвоздей, металлическая, сильно окисшая бляха, бусина изъ зеленого стекла, сильно проржавѣвшій желѣзный ножъ и др.

Въ общемъ, при отрывкѣ дома найдено 48 мѣдныхъ татарскихъ монетъ и болѣе сотни разныхъ бытовыхъ предметовъ.

Монеты находили не только въ почвѣ холма, но и въ самыхъ стѣнахъ дома, въ ихъ саманной кладкѣ. По поводу послѣднихъ случаевъ мѣстные жители, проживающіе, преимущественно, въ саманныхъ домахъ, сообщили, что и въ настоящее время очень часто мѣдныя деньги попадаютъ въ саманъ; это происходитъ отъ того, что въ изготовленіи самана принимаютъ участіе всѣ члены семьи, не

¹⁾ Хранится въ Музеѣ Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи. Авторъ.

исключая дѣтей, особенно часто теряющихъ свои деньги въ саманной глинѣ, перемѣшиваемой ногами.

Среди бытовыхъ предметовъ очень интересными являются обломки глиняной посуды, вылѣпленной въ формахъ, съ рельефнымъ отчетливымъ орнаментомъ, представляющимъ птицъ, растенія, разныя геометрическія фигуры и даже восточныя надписи. По своему типу эта посуда вполне схожа съ самаркандской или, вообще, туркестанской, откуда она, вѣроятно же всего, и получилась. А что этотъ сортъ посуды былъ не мѣстнаго происхожденія, то доказывается сравнительною рѣдкостью его въ маджарской керамикѣ вообще.

Не менѣе интересны и обломки фаянсовой посуды, покрытой то зеленоватой, то голубоватой, то свѣтлосѣрой и бѣлой поливой, иногда гладкой, но чаще разнообразно орнаментированной. Лучшіе образцы этой посуды, несомнѣнно, вывезены изъ Китая, болѣе же худшіе, пестро и часто безвкусно раскрашенные, повидимому, привозились изъ Туркестана или изъ Персіи, по крайней мѣрѣ, на это указываютъ остатки восточныхъ надписей, сохранившихся на одномъ обломкѣ; возможно даже допустить, что сортъ этотъ вырабатывался и на Сѣверномъ Кавказѣ.

Имѣя подъ руками большое число обломковъ простой глиняной посуды, можно было возстановить главные виды ихъ формъ. Преобладали чашевидныя формы, на высокомъ или ясно выраженномъ поддонѣ; затѣмъ кувшины то съ широкимъ, кососрѣзаннымъ, то съ узкимъ и вытянутымъ горломъ. Послѣдніе напоминали металлическіе кавказскіе хунчаны. Нерѣдко встрѣчались крышки въ видѣ прямого или выпуклаго кружка съ шарикомъ на верху. Но самую главную массу составляли обломки обыкновенныхъ кухонныхъ горшковъ, иногда имѣвшихъ весьма крупныя размѣры.

Костей животныхъ въ холмѣ встрѣчалось очень мало, но онѣ становились обычными, какъ только прорѣзались слои почвы внѣ холма. Преобладали кости овецъ.

По окончаніи отчистки дома приступлено къ разбору кирпичнаго пола второй комнаты; при этомъ выяснено, что полъ лежалъ не на горизонтѣ мѣстной почвы, а на слоѣ привезеннаго со стороны лесса, достигавшаго вершковъ 4-хъ толщины.

Около дома, въ разстояніи аршинъ 10 отъ восточной стѣны, имѣется круглая ямина, наполненная водою. Существовала-ли въ такомъ видѣ эта яма во время обитанія дома (въ XIV вѣкѣ), трудно сказать. Но любопытно отмѣтить, что при прорытіи къ водѣ ступенекъ, владѣлецъ земли, Н. Масалыкинъ, нашелъ кости зарытаго покойника, лежавшаго на глубинѣ не больше $\frac{3}{4}$ аршина.

Холмъ № 2-й.

Холмъ находится во владѣніяхъ Покойницкаго старшины крестьянина Петра Колесникова. Холмъ имѣетъ длинную форму и входитъ въ систему цѣлаго ряда холмовъ; рѣшено раскопать только одинъ юго-западный конецъ его.

Траншея № 1.

Длина 48, ширина $2\frac{1}{2}$ аршина и глубина до грунтовыхъ водъ (отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 аршинъ). Траншея направлена поперекъ холма, захвативъ прилегающую къ нему небольшую впадину.

По снятіи перваго слоя, на холмѣ обнажены остатки сгнившаго камыша въ незначительномъ количествѣ. Ниже, на глубинѣ вершковъ 12, ясно обрисовались двѣ стѣны зданія, сложенныя изъ самана. Обѣ онѣ находились въ состояніи разрушенія.

Траншея изобиловала находками мѣдныхъ татарскихъ монетъ, обломками прекрасно сохранившихся костей домашнихъ животныхъ, обломками глиняной посуды, кирпичемъ и др. Болѣе предметовъ находилось въ культурномъ слое, подстилающемъ холмъ и распространяющемся далѣе предѣловъ холма, чѣмъ въ слояхъ холма. Въ этой траншеѣ вновь были получены доказательства, что вся толща культурнаго слоя содержитъ однородную культуру, относящуюся къ одному сравнительно незначительному періоду времени. Такъ, изъ многочисленныхъ монетъ нѣкоторыя были найдены на уровнѣ грунтовыхъ водъ и, несмотря на это,

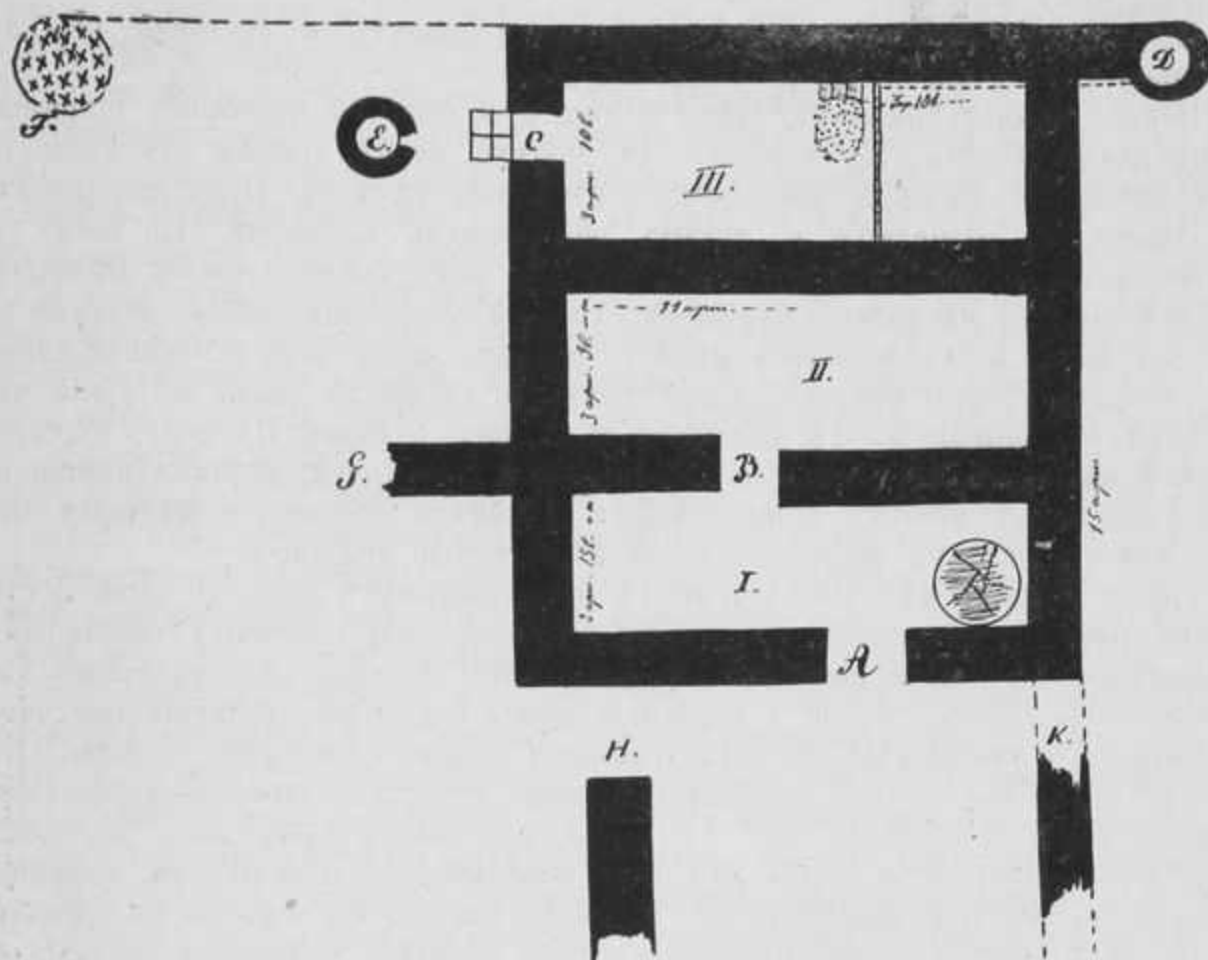

Рис. 119.

онѣ оказывались одного типа со всеми прочими, находимыми рѣшительно во всехъ горизонтахъ культурнаго слоя.

Изъ костей животныхъ нами опредѣлены:

Кости.	Челюсти	Ножныя кости	Фаланги	Астрагалы	Копытные	Рога
Лошади	4	4	7	3	1	—
Коровы	2	5	19	8	1	1
Овцы }	13	140	20	6	—	3
Козы }						
Собаки	3	—	—	—	—	—
Птицы	2	черепъ утки (?)				

Дальнѣйшія раскопки были направлены къ очисткѣ остатковъ зданія, каковое имѣло въ планѣ видъ четырехугольника, длиною, по внѣшнему очертанію, 15 и

шириною 13 арш. (рис. 119); оно носило всё признаки жилого помещенія или дома. Внутри зданіе дѣлилось на три комнаты и снаружи имѣло два входа А и С. Первый входъ велъ изъ примыкающаго, недоислѣдованнаго зданія въ I и II комнаты; второй ходъ открывался въ III комнату, не сообщавшуюся съ остальными. Предъ этимъ входомъ снаружи имѣлся порожекъ, выложенный четырьмя обожженными кирпичами.

Стѣны зданія возвышались надъ поломъ отъ 1 до 2 арш., но мѣстами были совершенно разрушены. Замѣчено, что верхнія части остатковъ стѣнъ болѣе пострадали, чѣмъ нижнія.

Полы всѣхъ комнатъ лежали въ одномъ горизонтѣ и состояли изъ лѣсса, тщательно сглаженного сверху.

Первая комната имѣла 11 арш. длины и 2 арш. 15 вершковъ ширины въ одномъ концѣ и нѣсколько меньше — въ другомъ концѣ. Вправо отъ входа находился небольшой жерновъ, разбитый на нѣсколько кусковъ. Подъ жерновомъ лежало нѣсколько разбитыхъ и цѣлыхъ обожженныхъ кирпичей. По всему полу лежали мелкіе угольки и зола; среди нихъ, на полу, найдены шесть мѣдныхъ татарскихъ монетъ, нѣсколько желѣзныхъ гвоздей, желѣзный пробой, обломки большого чугуна котла, обломки мѣднаго сосуда и др. Изъ описанной комнаты вела дверь во вторую комнату, представляющую въ планѣ такой же узкій четырехугольникъ, длиною въ 11, шириною въ 3 арш. 9 верш. На полу, въ срединѣ второй комнаты лежало нѣсколько обожженныхъ кирпичей, обломки изразцовъ и куски изразцовой мозаики, а въ разныхъ пунктахъ собраны 9 мѣдныхъ татарскихъ монетъ, обломки чугуна котла и желѣзные гвозди.

Третья комната имѣла въ длину 11 и въ ширину 3 арш. 10 верш. У стѣны противъ входа помѣщались насыпанныя изъ лѣсса нары (тахты), облицованныя обожженными кирпичами, разбитыми на двѣ части. Ширина наръ равнялась 3 арш. 10 вершкамъ. Предъ нарами, у ви́шней стѣны, находилось разрушенное небольшое кирпичное сооруженіе съ значительнымъ количествомъ угля и золы. Вѣроятно, это былъ очагъ. Отъ него, подъ нарами, проходила дымовая труба (канъ), направлявшаяся къ печи D (рис. 119), сооруженной снаружи дома. Къ сожалѣнію, значительная часть трубы оказалась разрушенною и общая ея сохранность была плохюю, почему нельзя было сдѣлать съ нея ни точнаго чертежа, ни промѣровъ.

На полу третьей комнаты найдены четыре мѣдныхъ татарскихъ монеты, обломки каменнаго предмета, украшеннаго рѣзнымъ орнаментомъ, костяной орнаментованный предметъ неизвѣстнаго назначенія, обломки фаянсовой китайской посуды, двѣ свинцовыхъ подвѣски (ворварки), обломки бронзоваго зеркала, мѣдный пробойчикъ, желѣзные гвозди и др.

Внѣ дома на продолженіи юго-западной стѣны открыта печь. Это весьма любопытное сооруженіе предстало предъ нами совершенно цѣлымъ. Въ невысокой, толстой стѣнѣ, сложенной изъ самана, имѣлась пустота въ видѣ усѣченнаго конуса, нѣсколько суженнаго книзу. Это и была печь. Стѣнки ея сначала были выложены обломками битой посуды; затѣмъ густо смазаны слоемъ глины, достигавшимъ $1\frac{1}{2}$ сантиметра толщины, покрытымъ глубокимъ орнаментомъ, состоящимъ изъ параллельныхъ и волнообразныхъ линій, нанесенныхъ зубчатой лопаткой. Глина обмазки была сильно обожжена и имѣла красный кирпичный цвѣтъ. Высота печи равнялась 1 аршину 4 вершкамъ, діаметръ вверху—8, внизу—18 верш. На днѣ печи лежали слой уголь и зола.

Подобныя печи, называемыя «тандырь», существуютъ у современныхъ армянъ г. Св. Креста, сосѣднихъ татаръ и другихъ жителей Кавказа. Для топки такой печи дрова, а чаще солома кладутся сверху на дно. Когда стѣны тандыря сильно

накалятся, то на нихъ пекутъ хлѣбъ, «лавашъ» по-армянски. Съ этою цѣлью берутъ кусокъ тѣста, скатываютъ его въ видѣ круглой лепешки и ловкимъ размахомъ руки прилепляютъ къ стѣнкѣ тандыря. Когда хлѣбъ испечется, то его снимаютъ особымъ желѣзнымъ крюкомъ, называемымъ «акишъ». Армянскіе акиши имѣютъ въ длину около 1½ аршина; одинъ конецъ ихъ обрабатывается въ видѣ крюка, а другой — въ видѣ лопатки. Когда нужно снимать лаваша, то сначала ихъ отдираютъ отъ стѣны тандыря лопаткой, а затѣмъ берутъ на крюкъ и вынимаютъ наружу.

Любопытно, что обломки глиняной обмазки тандыря съ характернымъ орнаментомъ намъ попадали и при раскопкѣ перваго холма, но мѣстонахожденія тандыря мы тамъ не опредѣлили.

Противъ выхода изъ комнаты III, въ разстояніи аршинъ 3-хъ отъ стѣны, открытъ погребокъ, подобный ранѣе открытому въ первомъ холмѣ (Е, рис. 119). Онъ представлялъ видъ круглой ямы съ стѣнками, выложенными изъ кусковъ обожженнаго кирпича; глубина погребка 12, діаметръ вверху 6, внизу — 13 вершковъ. Отверстіе его закрывалось пятью кирпичами, изъ коихъ четыре лежали надъ отверстіемъ въ одной плоскости, а пятый положенъ сверху. Внутри его ничего не найдено.

Въ разстояніи аршинъ 10 отъ описаннаго погребка, по линіи юго-западной стѣны, открыта впадина, замѣтная и съ поверхности современной почвы (F, рис. 119). Вся она выполнялась множествомъ разбитыхъ костей животныхъ, преимущественно овецъ, обломковъ глиняной посуды, и другими всевозможными отбросами, среди которыхъ найдено 36 мѣдныхъ татарскихъ монетъ. Повидимому, впадина представляла сорную яму, куда сваливались домашніе отбросы. Почва ея отличалась особенной чернотой и въ разрѣзѣ казалась блестяще-жирною.

Стѣна, отдѣляющая комнаты I и II, выходила и наружу (G, рис. 119). Весьма возможно, что она служила стѣною наружной террасы.

При расчисткѣ стѣны (H и K, рис. 119) недоислѣдованнаго зданія были найдены обугленные дубовыя деревья, обломки чугуна котла и др.

При раскопкѣ описываемыхъ строеній найдено всего 69 татарскихъ мѣдныхъ монетъ, залежавшихъ на различныхъ глубинахъ, обломковъ красной песчанниковой полированной плиты, обломковъ мраморной плиты, обломки изразцовъ, покрытыхъ зеленовато-голубой и оливковой поливой, обломки стеклянныхъ сосудовъ, фаянсовой и обливной посуды разныхъ цвѣтовъ и орнаментовъ, куски мозаики, сдѣланной изъ мелкихъ геометрически-фигурныхъ изразцовъ, покрытыхъ зеленой, синей и желтой поливой, укрѣпленныхъ на бѣломъ известковатомъ цементѣ, нѣсколько мелкихъ металлическихъ вещицъ, желѣзныхъ гвоздей, одна мѣдная чаша безъ дна и др. Гвозди попадали двухъ сортовъ: съ круглыми грибовидными шляпками и съ шляпками, состоящими изъ расплющенного конца, загнутаго подъ прямымъ угломъ. Интересно замѣтить, что большіе желѣзные костыли съ такими крюкообразными шляпками были не разъ находимы въ курганахъ на берегахъ р. Донца и Кальміуса, гдѣ ими забивались крышки гробовъ-колодъ.

Изъ костей животныхъ опредѣлены:

	Челюсти	Ногаи	Фаланги	Астрагалы	Копытныя	Рога
Лошади	4	4	14	6	1	—
Коровы	6	10	28	2	2	6
Овцы }	64 ^а	212	40	20	—	6
Козы }						
Рыбы: щитки осетровъ и позвонокъ весьма крупной рыбы.						

Холмъ № 3-й.

Холмъ или, правильнѣе, цѣлая группа холмовъ находятся во владѣніяхъ крестьянина Василя Ковшарева. Эта группа представляетъ особый интересъ въ томъ отношеніи, что представляется даже въ современномъ видѣ связанною въ систему двора. Всего холмовъ въ группѣ четыре. Они расположены попарно и связаны валомъ.

Не имѣя времени для производства полной раскопки и желая выяснить, дѣйствительно ли въ данномъ случаѣ имѣется дѣло съ отдѣльнымъ дворомъ, мы рѣшили ограничиться только развѣдочной раскопкой, съ каковою цѣлью и были проведены I—V траншеи.

Траншея I.

Длина траншеи 5, ширина—2 арш. Траншея заложена поперекъ вала для изученія ея внутренняго строенія.

Подъ тонкимъ растительнымъ слоемъ, покрывавшимъ валъ сверху, обнажилась желтовато-темная лёссовая почва, шедшая на толщину всего вала. Высота послѣдняго равнялась 12 вершк., а основаніе—3 аршинамъ. Профиль вала имѣла видъ низкой отлогой дуги. Въ почвѣ его никакихъ остатковъ не найдено, но въ подстилающемъ черномъ культурномъ слоѣ найдена одна татарская мѣдная монета и обычные обломки посуды и костей домашнихъ животныхъ.

Такимъ образомъ, выяснилось, что валъ сдѣланъ изъ перенесеннаго со стороны лёсса, смѣшаннаго съ болѣе темной, вѣроятно, мѣстной почвой, что онъ могъ служить изгородью, каковыя въ настоящее время всюду практикуются мѣстными жителями, что, наконецъ, первоначальная его форма была другою, имѣя, вѣроятнѣе всего, видъ стѣны или сложенной изъ самана, отъ времени совершенно разложившагося, или сбитой изъ глины съ примѣсью соломы, навоза и т. п., отчего желтоватый слой лёсса могъ получить болѣе темную окраску. Валъ охватываетъ четырехугольную гладкую площадку, имѣющую въ длину 40 и въ ширину 25 шаговъ.

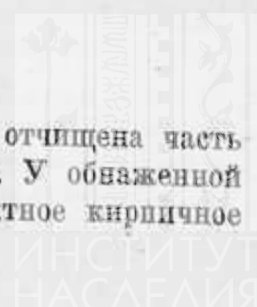
Траншея II.

Траншея заложена на другомъ холмѣ съ цѣлью выясненія его содержанія. Траншея имѣла въ длину 30, ширину—2 аршина. Оба конца ея загнуты подъ прямымъ угломъ. Траншеею прорѣзана вся почва холма до горизонта на глубину около $1\frac{1}{2}$ арш. Почва состояла изъ саманной глины, содержащей иногда не совсѣмъ распавшіеся куски саманнаго кирпича. Въ верхнихъ слояхъ холма находки совершенно отсутствовали, но въ нижнихъ, на глубинѣ отъ $1\frac{1}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ арш., въ разныхъ пунктахъ найдены: мѣдный пробой, кусокъ мозаичнаго изразца, обломокъ жернова небольшихъ размѣровъ и кусокъ мраморной полированной плиты.

Въ результатъ устанавливалось, что холмъ, дѣйствительно, представляетъ остатки сырцоваго сооруженія.

Траншеи III, IV и V.

Траншеи проведены черезъ третій холмъ. Посредствомъ ихъ очищена часть сырцоваго зданія (дома), раздѣленнаго на двѣ неравныя комнаты. У обвѣженной стѣны большей комнаты, на глинобитномъ полу, открыто любопытное кирпичное

сооруженіе, представлявшее ящикъ, сложенный изъ четырехъ обожженныхъ кирпичей, поставленныхъ на ребро и связанныхъ цементомъ. Сверху ящикъ былъ покрытъ пятымъ, свободно поднимавшимся кирпичемъ. Основаніемъ ящика служилъ пьедесталъ, сложенный изъ трехъ рядовъ обожженныхъ кирпичей, въ формѣ уступчатой пирамиды. Кладка пьедестала выполнена также на цементѣ. Все это сооруженіе представилось намъ совершенно цѣлымъ, но внутри его ничего не оказалось. Между тѣмъ, по поводу его одинъ рабочій, мѣстный землевладелецъ, сообщилъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при спланированіи одного холма подъ виноградникъ, ему съ братомъ посчастливилось найти совершенно такой же кирпичный ящикъ и внутри его большое количество мѣдныхъ «мамаевскихъ» монетъ.

При отчисткѣ обнаженной части дома, были найдены: одна татарская монета, три свинцовыхъ подвѣски, обломки мозаичныхъ изразцовъ зеленоватаго и голубого цвѣта, мѣдное спиральное кольцо, жел. гвозди, обломки чугунной посуды, обломки глиняной посуды, лѣпленной въ деревянныхъ формахъ съ рельефнымъ геометрическимъ орнаментомъ, обломки глиняной простой, обливной и фаянсовой посуды, обломки изразцовъ зеленого и голубаго цвѣтовъ, обломки жернова и др.

Стѣны отчищенной части зданія сильно пострадали. Мѣстами онѣ обрушились цѣлыми пластами, при чемъ сырцовые кирпичи въ такихъ пластахъ лежали не плашмя, какъ бы слѣдовало, а на ребрѣ.

VII.

РАСКОПКИ ВЪ УСАДЬБѢ О. АРЗИМАНОВА.

Траншея I.

Длина траншеи 32, ширина— $2\frac{1}{2}$ арш. Траншея заложена близъ дома О. Арзиманова, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по показанію крестьянки Коротаевой, были развалины христіанской церкви и гдѣ, будто бы, найдены были золотые кресты.

Погребеніе 1.

На глубинѣ 6 вершковъ отъ поверхности почвы открытъ костякъ взрослога челоуѣка, лежавшій на спинѣ, головою на СЗЗ., съ кистью лѣвой руки на животѣ. Благодаря совершенной неожиданности встрѣчи съ погребеніями, черепъ покойника былъ отдѣленъ отъ костяка ранѣе вскрытія послѣдняго и поэтому измѣреніе роста не было произведено. Надъ грудью костяка лежало нѣсколько обломковъ костей крупнаго, вѣроятно, домашняго животнаго. У ступней ногъ лежали вмѣстѣ 48 татарскихъ серебряныхъ монетъ XIV вѣка. Эти деньги, повидимому, лежали въ обуви покойника; многія изъ монетъ спаялись окисью другъ съ другомъ въ столбики и разъединены были только въ теплой водѣ; сохранность многихъ изъ нихъ отличная.

Погребеніе 2, дѣтское.

Подъ костякомъ погребенія 1-го, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршинъ, открыто второе дѣтское погребеніе. Костякъ лежалъ вытянуто, склоненнымъ на правый бокъ, съ кистью лѣвой руки на животѣ, головою на З; ростъ 1 арш. 4 в.

Погребеніе 3.

На глубинѣ 1 арш. отъ поверхности почвы открытъ костякъ, лежавшій совершенно необычно, спиною вверхъ, головою на В.; кистью правой руки покойникъ какъ бы закрывалъ лицо, упираясь на кисть лѣвой руки и колѣно правой ноги (рис. 120). Около таза его найденъ большой (съ голову) булыжникъ, а недалеко у лѣвой ноги, — второй булыжникъ, нѣсколько меньшей величины; тутъ же лежали двѣ половинки нижней челюсти коровы.

Вся поза покойника выражала борьбу человѣка, какъ бы заживо погребеннаго при ударахъ камнями.

Погребенія 4 и 5, дѣтскія.

На глубинѣ не болѣе $\frac{1}{4}$ аршина открыты, при заравниваніи траншеи, на краю ея, два дѣтскихъ костяка, лежавшихъ рядомъ, вытянуто, одинаково склоненныхъ на правый бокъ и съ лѣвыми руками, согнутыми въ локтяхъ, головами на З.; покойники казались одинаковаго возраста; ростъ ихъ не превышалъ $1\frac{1}{4}$ арш.

Рис. 120.

Траншея II.

Траншея имѣла въ длину 16, въ ширину $2\frac{1}{2}$ арш.; она проведена перпендикулярно къ траншеѣ I-й въ пунктѣ, гдѣ, по указанію Коротаевой, были найдены остатки церкви и кресты.

Въ траншеѣ, доведенной до материка, найдено одно погребеніе, нѣсколько обломковъ обожженныхъ кирпичей, простой глиняной посуды и осколковъ костей лошади, коровы и овцы.

Погребеніе 6.

На глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш. открытъ костякъ младенца, лежавшій на спинѣ, головою на З. Костякъ очень ветхъ, такъ что никакихъ другихъ подробностей нельзя было прослѣдить.

Дальнѣйшіе поиски церкви въ данномъ пунктѣ признавались излишними. Очевидно, церковь здѣсь не находилась.

Въ разстояніи шаговъ 400 отъ разрытой площади, въ той же усадьбѣ, находится рядъ плосковатыхъ холмовъ. По словамъ владѣльца, при пахотѣ, близъ холмовъ рабочіе часто находили разныя старинныя вещи. Вслѣдствіе такого заявленія и было рѣшено произвести раскопки на одномъ изъ этихъ холмовъ.

Холмъ № 4.

Въ холмѣ открыта часть четырехугольнаго зданія, длиною въ 14 арш. 8 в. и шириною въ 14 арш. Внутри зданіе раздѣлялось на двѣ комнаты шириною въ 3 и 8 арш. Большая часть этого зданія оказалось срубанною при сдѣлывкѣ

участка для пахоты. Стѣны зданія были сложены изъ сырца, имѣли въ толщину не 16, какъ въ предшествующихъ зданіяхъ, а 20 вершковъ.

При расчисткѣ зданія найдены: мѣдная татарская монета, обломокъ мѣдной вещицы, обломки желѣзной скобы, каменное грузило, обломки простой и поливной глиняной посуды, глиняный горшечекъ съ поломаннымъ бокомъ и нѣкоторые другіе предметы.

VIII.

РАСКОПКИ ВЪ МОНАСТЫРСКИХЪ ВЛАДѢНІЯХЪ.

Кладбище у кирпичнаго завода.

Траншея I.

Траншея имѣла въ длину 32, въ ширину $2\frac{1}{2}$ аршина; заложена близъ южнаго края ямы, изъ которой добывалась глина для кирпичнаго завода. Въ траншеѣ открыто пять погребеній.

Погребеніе 1.

На глубинѣ 8 вершковъ отъ поверхности почвы открытъ верхъ склепа, сложеннаго изъ сырцоваго кирпича, положеннаго на уступъ ямы въ два ряда плашмя, затѣмъ въ одинъ рядъ на ребро и одинъ рядъ плашмя.

Подъ сводомъ открыто узкое отверстіе ямы, расширяющейся книзу. Эта часть ямы имѣла въ длину 2 арш. 10 в., ширину сверху—12 и глубину 8 вершковъ.

На днѣ ямы лежалъ костякъ, какъ бы силою втиснутый въ нее, имѣя нѣсколько склоненное на правый бокъ положеніе и немного подогнутыя въ колѣнахъ ноги; правая рука его была вытянута, лѣвая — согнута подъ прямымъ угломъ; костякъ ориентированъ головою на З. Въ ямѣ, выше свода склепа, лежали двѣ фаланги лошади и обломокъ кости крупнаго животнаго. Около же покойника оказалось множество раковинъ сухопутнаго моллюска изъ рода *Helix*.

Погребеніе 2, дѣтское.

На глубинѣ 12 вершковъ открытъ верхъ склепа изъ сырцоваго кирпича длинной формы (10×5 в.), уложеннаго діагонально, ребромъ. Подъ склепомъ оказалась яма, сдѣланная подкопомъ подъ сѣверный ея бокъ. Длина ямы—2 арш. 2 в., ширина—9 в. и глубина ниже свода на 1 арш., а вся—въ 2 арш.

На днѣ ямы лежалъ дѣтскій костякъ, головою на З. Костякъ плохой сохранности, вслѣдствіе чего детали положенія не могли быть прослѣженными.

Погребеніе 3, дѣтское.

Въ простой ямѣ, на глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш., открытъ костякъ ребенка, лежавшій на спинѣ, головою на З. Костякъ плохой сохранности. Около него лежали фаланга коровы и челюсть овцы.

Погребеніе 4.

На глубинѣ 1 аршина открытъ верхъ склепа, сдѣланнаго изъ пяти-вершковаго сырцоваго кирпича, положеннаго четырьмя горизонтальными рядами такъ, что одинъ рядъ вершка на $1\frac{1}{2}$ выступалъ надъ ямой, а послѣдній рядъ кирпичей уже упирался въ ея противоположный бокъ. Подъ сводомъ склепа открылась узкая яма, имѣвшая подкопъ подъ сѣверный бокъ. Длина ямы достигала 2 арш. 9 в., ширина—9 вершковъ. На днѣ лежалъ костякъ, склоненный на правый бокъ, съ нѣсколькими согнутыми въ колѣнахъ ногами, съ кистями рукъ, сложенными у подбородка.

Погребеніе 5, дѣтское, рис. 121.

На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш. открытъ верхъ склепа, сложеннаго изъ сырцоваго кирпича. Стѣны склепа были обставлены десятивершковыми кирпичами, а сводъ выведенъ изъ пятивершковыхъ кирпичей въ видѣ двускатной крыши. Кирпичи свода стояли на ребрѣ, упираясь однимъ угломъ въ бокъ ямы, другимъ—въ выступъ, застланный кирпичами, и третьимъ—другъ въ друга. Устойчивость и прочность такого свода обуславливалась тѣмъ, что кирпичи были плотно прижаты другъ къ другу и со всѣхъ сторонъ сдавлены насыпанною на нихъ землею. При вскрытіи сводъ оказался совершенно цѣлымъ. Склепъ имѣлъ въ длину 2 арш. 3 в. и въ ширину 9 в. На днѣ лежалъ дѣтскій костякъ на спинѣ, нѣсколько склоненный на правый бокъ, съ ногами, немного согнутыми въ колѣнахъ, съ кистями рукъ, сложенными у подбородка, головою на З.

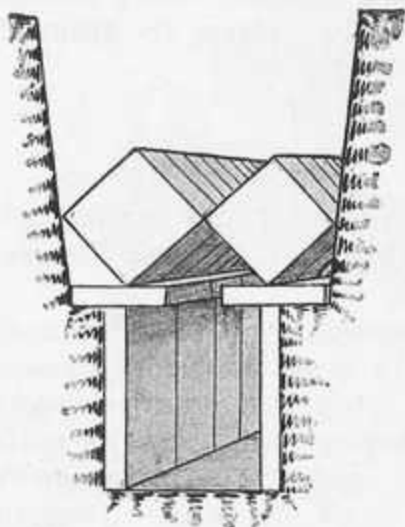

Рис. 121.

Траншея II.

Длина траншеи равна 30, ширина — $2\frac{1}{2}$ арш. Траншея заложена вдоль восточнаго бока ямы, изъ которой добывалась глина для кирпичнаго завода.

На глубинѣ 4 вершковъ отъ поверхности современной почвы найдена мѣдная татарская монета.

Ниже въ грунтѣ открыто два погребенія.

Погребеніе 6.

На глубинѣ 12 вершковъ открытъ верхъ склепа, сдѣланнаго изъ длиннаго сырцоваго кирпича, положеннаго на выступахъ ямы на ребро такъ, что одна сторона каждаго кирпича упиралась въ бокъ ямы, другая налегала на выступъ, а третья смыкалась съ кирпичемъ, поставленнымъ также на противоположномъ выступѣ ямы. Это — одинъ изъ простѣйшихъ сводовъ. Ниже свода яма имѣла въ длину $1\frac{1}{2}$, а въ ширину и глубину по $\frac{1}{2}$ арш.

На днѣ ямы лежалъ дѣтскій костякъ головою на З.

Погребеніе 7.

Надъ ямой могилы разобрана настилка, сложенная изъ обломковъ обожженаго кирпича и другога щебня, среди которыхъ найдена мѣдная татарская монета.

На глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш. открытъ верхъ склепа, сдѣланнаго изъ сырцоваго кирпича, сложеннаго какъ въ погребеніи 1. Ниже свода яма шла подкопомъ подъ сѣверный бокъ. Длина ямы по дну равнялась 2 арш. 14 в., ширина, на высотѣ выступа, служившаго основаніемъ свода, — 8, а по дну — 13 вершковъ. Дно ямы было немного выше въ западномъ концѣ, чѣмъ въ восточномъ. На днѣ лежалъ костякъ молодой женщины (съ прорѣзающимися зубами мудрости), склоненный на правый бокъ, съ нѣсколько подогнутыми въ колѣнахъ ногами и кистью лѣвой руки на тазу, головою на 3.

Холмъ № 5.

Холмъ находится въ срединѣ монастырскаго земельного участка и является самымъ высокимъ. По преданію, въ этомъ холмѣ зарытъ кладъ. Съ цѣлью поиска послѣдняго, монахи раскопали средину холма. Пользуясь выкопанной ими ямой, мы легко и скоро отчистили хорошо сохранившіяся сырцовыя стѣны четырехугольнаго зданія, имѣвшаго въ длину 15, въ ширину 12 аршинъ. Вся средина его была разрушена и лишь въ углахъ сохранились остатки глинобитнаго пола, на поверхности котораго найдены: желѣзный сильно проржавленный предметъ неизвѣстнаго назначенія и обломки, повидимому, одного красноглинянаго тонкостѣннаго кувшинчика. Стѣны зданія имѣли въ толщину 20 в.

Яма 1.

Около холма 5 находилась обширная яма, подчетыреугольной формы, съ сильно заплывшими боками и дномъ. Длина ея равнялась приблизительно 25, ширина 5 и глубина $2\frac{1}{2}$ аршинамъ. Для изслѣдованія ея проведена одна траншея, имѣвшая въ длину 20, ширину $2\frac{1}{2}$ и глубину $2\frac{1}{4}$ аршина. Прорѣзанный слой состоялъ изъ темной культурной почвы, налегавшей на желтый грунтовый лёссъ. Въ разныхъ горизонтахъ темной почвы найдены въ незначительномъ количествѣ обломки костей домашнихъ животныхъ и черепки глиняной посуды. Съ глубины $1\frac{1}{2}$ до 2 арш. въ срединѣ ямы встрѣчено много человѣческихъ костей, лежавшихъ безъ видимаго порядка. Эти кости, судя по черепамъ, принадлежали четыремъ человѣкамъ: двумъ взрослымъ и двумъ дѣтямъ. Вмѣстѣ съ человѣческими костями лежали головы двухъ собакъ и обломки костей домашнихъ животныхъ: лошади, коровы и овцы.

Черепя дѣтей были раздавлены тяжестью земли, черепа же взрослыхъ людей сохранились хорошо. Среди груды всѣхъ названныхъ костей найдены двѣ мѣдныя серьги, напоминающія своею формою знакъ вопроса. Одна изъ нихъ, совершенно цѣльная, оказалась приставшею къ черепу, другая же лежала въ сторонѣ отъ череповъ и оказалась нѣсколько разогнутою; на концѣ первой была напущена бусина и навита тонкая мѣдная проволока, на второй — бусина и проволока отсутствовали.

Сравнивая по внѣшнему виду кости животныхъ и людей, можно замѣтить слѣдующее:

1. Кости животныхъ, за исключеніемъ череповъ собаки, были расколоты и вообще вполне походили на кости кухонныхъ отбросовъ; кости же людей носили выразительный характеръ могильныхъ костей.

2. Кажется правдоподобнымъ, что кости людей въ яму сброшены изъ другого мѣста, но онѣ не принадлежали сброшеннымъ въ яму неразложившимся покойникамъ. Судя по формѣ вышеописанныхъ серегъ, бывшихъ въ большой модѣ въ XIV вѣкѣ, слѣдуетъ полагать, что кости принадлежали покойникамъ именно этого вѣка.

Назначеніе ямы осталось невыясненнымъ. Что касается формы, то она первоначально была четырехугольная съ крутыми боками. Мѣстные современные жители дѣлаютъ подобныя ямы для своихъ погребовъ. Возможно, что для этой цѣли служили изслѣдованныя и другія подобныя ей ямы, сопровождающія древнія развалины на протяженіи всей ихъ нагорной части.

Холмъ № 6.

Холмъ находится недалеко отъ предшествующихъ холма и ямы; имѣетъ средніе размѣры и по внѣшнему виду ничѣмъ не отличается отъ другихъ; избранъ

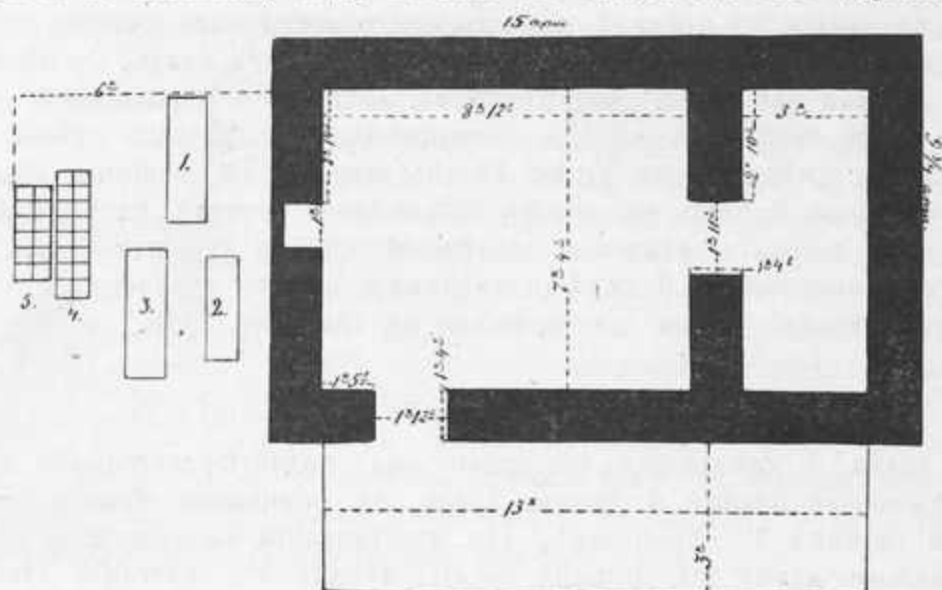

Рис. 122.

нами для изслѣдованія только потому, что представлялся наиболѣе типичнымъ. Къ холму примыкала яма.

Въ холмѣ открыты остатки глинобитнаго зданія, длиною въ 15, шириною въ $9\frac{1}{2}$, арш. (рис. 122). Стѣны сохранились очень хорошо и мѣстами достигали до 2-хъ аршинъ высоты. Снаружи имѣлась одна дверь въ 1 арш. 12 в. ширины. Эта дверь вела въ комнату, длиною въ 8 арш. 12 в. и шириною въ 7 арш. 4 в.; въ южной стѣнѣ этой комнаты имѣлась ниша въ 1 арш. ширины и около 1 арш. глубины въ стѣнѣ. Изъ описанной комнаты открывалась дверь во вторую комнату; ширина двери равнялась 1 арш. 11 верш.; длина второй комнаты равнялась 7 арш. 4 в., а ширина—3 аршинамъ. Толщина стѣнъ достигала 20 вершковъ. Полы обѣихъ комнатъ были глинобитными и совершенно гладкими.

Снаружи зданія, вдоль восточной стѣны, въ уровнѣ половъ зданія, имѣлась площадка, тщательно смазанная глиной; длина ея равнялась 13, а ширина—3 аршинамъ. Весьма вѣроятно, что площадка эта служила верандой и имѣла надъ собою навѣсъ, защищавшій отъ дождя и солнца.

При очисткѣ зданія найдены: двѣ мѣдныя татарскія монеты, мѣдный колпачекъ, служившій, вѣроятно же всего, украшеніемъ кисти, обломки желѣзныхъ

гвоздей, отдѣлочные кирпичи, имѣвшіе лицевыя грани, вмѣсто цвѣтной поливы, просто полированными.

Съ южной стороны зданія открыто пять погребеній, которыя своей планировкой указывали на связь ихъ съ зданіемъ.

Погребеніе 1.

На глубинѣ 1 арш. отъ поверхности пола зданія открытъ верхъ склепа, сложеннаго изъ сырцоваго кирпича, положеннаго на закраинахъ могильной ямы тремя рядами, выступающими къ срединѣ одинъ надъ другимъ.

Подъ сводомъ склепа открывалась болѣе узкая, нѣсколько расширенная къ низу яма; на днѣ ея лежалъ костякъ взрослого человѣка, склоненный на правый бокъ, съ немного поджатыми ногами, съ кистью лѣвой руки у подбородка и кистью правой руки на груди, головою на З. При покойникѣ никакихъ вещей не оказалось.

Погребеніе 2.

На глубинѣ 1 аршина отъ поверхности пола зданія открытъ верхъ склепа изъ сырцоваго кирпича, сложеннаго горизонтальными пластами, въ три ряда.

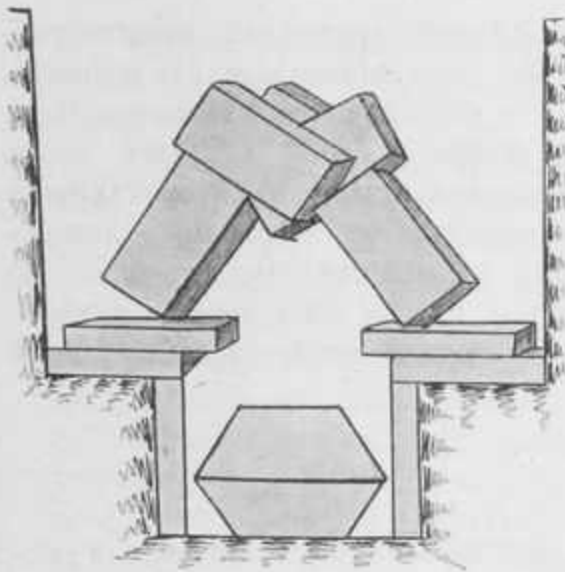

Рис. 123.

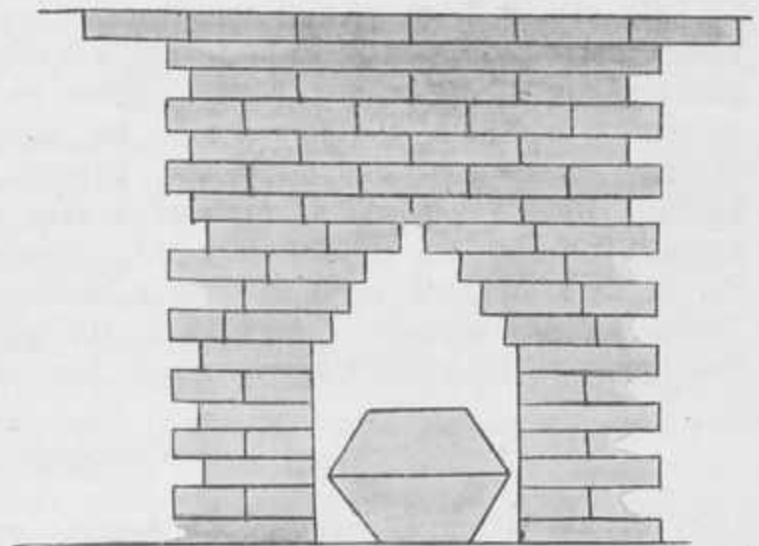

Рис. 124.

Подъ сводомъ склепа открыта яма длиною около $1\frac{3}{4}$ арш., шир. въ 10 и глубиною въ 7 вершковъ. На днѣ ямы покоился костякъ ребенка лѣтъ трехъ отъ рода, лежавшій вытянуто, головою на З.

Погребеніе 3.

На глубинѣ 4 вершковъ отъ поверхности пола зданія открытъ верхъ склепа, сдѣланнаго изъ сырцоваго кирпича оригинальнымъ способомъ (рис. 123). Кирпичи имѣли 9 вершковъ длины, 5 вершковъ ширины и отъ $1\frac{1}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ вершка толщины. Подъ верхомъ склепа яма оказалась также обложенною сырцовыми кирпичами, а дно ея тщательно выглаженнымъ. На днѣ стоялъ досчатый гробъ, сбитый большими желѣзными гвоздями. На крышкѣ гроба лежали астрагалъ коровы и нѣсколько обломковъ костей крупнаго животнаго. Въ гробу лежалъ покойникъ на спинѣ съ вытянутыми конечностями, головою на З.; ростъ его равнялся 2 арш.

2 в.; около костяка оказалось большое количество раковинъ сухопутнаго моллюска (Helix). По поводу находенія въ гробу этихъ раковинъ мнѣ сообщили рабочіе, что на берегахъ р. Кумы многіе жители, не исключая русскихъ, ѣдятъ этихъ моллюсковъ, варя ихъ въ супу.

Погребеніе 4, рис. 124.

На уровнѣ пола зданія, въ разстояніи 4 аршинъ отъ южной его стѣны, открыта настилка, сдѣланная изъ обожженныхъ кирпичей обычной формы, покрывавшая площадь въ 3 аршина длины и 1 арш. ширины. Подъ настилкой обнажился склепъ, сдѣланный весьма прочно изъ сырца, положеннаго горизонтальными пластами и имѣвшаго въ длину 3 арш. 6 верш., въ ширину—2 арш. и въ высоту—1 арш. 14 верш. Въ склепѣ стоялъ досчатый гробъ. На крышкѣ его лежалъ зубъ лошади. Гробъ сбитъ желѣзными гвоздями. Внутри гроба лежалъ костякъ, вытянуто, на спинѣ, головою на З., съ кистью лѣвой руки на животѣ и съ правой ногой, положенною на лѣвую ногу; ростъ 2 арш. 6 верш. Въ склепѣ проникала, повидимому, дождевая вода, отложившая на днѣ его характерный слой почвы.

Погребеніе 5.

На уровнѣ пола зданія, соприкасаясь съ кирпичной настилкой предшествующаго погребенія, обнажена настилка изъ обломковъ обожженаго кирпича и щебня, имѣвшая четырехугольную форму, длиною въ $2\frac{1}{4}$ и шириною въ 1 аршинъ. Подъ настилкой обнажена могильная яма. Въ нижней половинѣ ямы открытъ верхъ склепа, сложеннаго изъ сырцовога кирпича, расположеннаго горизонтальными рядами. Подъ склепомъ, на глубинѣ 2 арш. отъ поверхности настилки, лежалъ костякъ ребенка, на спинѣ, нѣсколько склоненный на правый бокъ, головою на З., съ кистью лѣвой руки на тазу и правою ногою, слегка согнутою въ колѣнѣ. Ростъ костяка равнялся 1 арш. 3 в. На груди его лежали четыре обломка костей отъ крупнаго животнаго (коровы или лошади).

Погребеніе 6.

Въ разстояніи 16 аршинъ къ востоку отъ описанныхъ пяти погребеній совершенно изолированно находилось шестое погребеніе.

На глубинѣ около 2 аршинъ отъ поверхности почвы, въ грунтовой ямѣ безъ склепа, лежалъ костякъ, склоненный на правый бокъ и нѣсколько поджатыми ногами и кистью лѣвой руки у таза, головою на З. Костякъ принадлежалъ юному человѣку безъ зубовъ мудрости. Надъ костякомъ лежала фаланга лошади.

По близости съ описаннымъ погребеніемъ открыта яма овальной формы, діаметромъ около 3 аршинъ и глубиною около 2 аршинъ. Вся она выполнялась темной землей, содержавшей обломки костей коровы, лошади, куски сырцовога кирпича и нѣсколько обломковъ, повидимому, одного разбитаго глинянаго сосуда краснаго (кирпичнаго) цвѣта. Назначеніе ямы и отношеніе ея къ зданію и погребеніямъ осталось загадочнымъ.

Яма 2.

Глубокая яма располагалась въ разстояніи аршинъ 10 къ юго-западу отъ зданія. Форма ея подчетыреугольная, съ заросшими боками и заплывшимъ дномъ. Для изслѣдованія на днѣ ея заложена траншея въ 15 арш. длиною и $2\frac{1}{2}$ арш.

шириною, которая доведена до грунта, при чемъ прорѣзанъ слой наносной почвы около 2 арш.; первоначальная же глубина ямы равнялась приблизительно 5 арш. Въ прорѣзанномъ слоѣ наноса встрѣчались, но въ незначительномъ количествѣ, обломки глиняной посуды, костей животныхъ и др. На самомъ днѣ ямы найдена сильно окисшая мѣдная татарская монета.

Назначеніе и этой ямы осталось невыясненнымъ. Возможно, что она служила или погребомъ при домѣ, или зимнимъ загономъ для скота. Въ томъ и другомъ случаѣ она должна была покрываться какою-нибудь кровлею.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ ДОЛИНЫ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ КАКЪ БЫ УЛИЦУ ДРЕВНЯГО ГОРОДА ¹⁾).

Долина идетъ поперекъ монастырскихъ владѣній (см. въ планѣ M—N). По обоимъ берегамъ ея расположены холмы. Въ настоящее время она служитъ тальвегомъ для стока атмосферныхъ осадковъ.

Траншея I.

Траншея заложена вдоль долины, приблизительно въ срединѣ монастырскихъ владѣній. Длина ея равнялась 32, ширина $2\frac{1}{2}$ и глубина $1\frac{1}{4}$ арш. Раскопка ведена послойно.

Въ первомъ слоѣ, вершка 4 глубиною, не содержалось никакихъ культурныхъ остатковъ, кромѣ очень мелкихъ и рѣдкихъ обломочковъ глиняной посуды; это—позднѣйшій растительный слой.

Ниже залежавшіе слои имѣли грязно-темный цвѣтъ и содержали много обломковъ глиняной посуды и костей животныхъ. Глиняная посуда принадлежала къ простѣйшимъ типамъ и только въ самомъ низу темнаго слоя найдены мелкіе куски фаянсовой посуды. Кости принадлежали лошади, коровѣ, овцѣ (рѣже, чѣмъ въ «Киркахъ»), собакѣ (1 челюсть), рыбѣ (ребра и одинъ позвонокъ). Изъ металлическихъ вещей найдены: пять мѣдныхъ татарскихъ монетъ, обломокъ бронзоваго зеркала, два желѣзныхъ, сильно испорченныхъ ржавчиною, ножа, желѣзный или, вѣрнѣе, стальной мѣтчикъ, служившій для пробиванія дыръ въ металлическихъ листахъ, обломки желѣзнаго котла, желѣзные гвозди и др.

Замѣчено, что слой почвы, содержащій культурные остатки, имѣетъ орѣховатую структуру и трудно отрывается. Вѣроятно же всего, онъ представляетъ изъ себя ссохшуюся и отъ времени уплотнившуюся грязь. Встрѣчающіеся въ этомъ слоѣ кирпичи представляются сильно оббитыми и сношенными, а обломки посуды — мелкими.

Траншея II.

Вдоль долины, съ южной стороны ея, рядомъ съ выкопанной траншеей, тянулся невысокій, но хорошо замѣтный валикъ, длиною въ 35 шаговъ. Предполагая, что валикъ представляетъ остатки земляной городьбы, рѣшено было изслѣдовать его, для чего и была заложена вторая траншея, захватывавшая половину валика и часть долины.

¹⁾ Во время производствъ этихъ изслѣдованій прибылъ Г. Н. Прохрителевъ, принявшій живое участіе во всѣхъ дальнѣйшихъ работахъ. *Лет.*

Длина траншей равнялась 28, ширина— $2\frac{1}{2}$ и глубина— $1\frac{1}{2}$ арш.

Проведеніемъ траншей выяснено, что валикъ насыпанъ изъ желтаго лёсса. Возможно, что онъ былъ глинобитнымъ, но онъ не былъ изъ самана или сырцовога кирпича, такъ какъ для этой цѣли, по замѣчанію опытныхъ мастеровъ, составъ глины былъ несоотвѣтствующимъ. Подъ валикомъ почва оказалась совершенно другого характера, чѣмъ въ долинѣ. Въ траншеѣ это обозначилось ярко выраженной чертой, отъ которой въ сторону долины шла черная, грязная, а въ сторону забора — желтая, пыльная почва. Очевидно, за черту вала, какъ при его живомъ существованіи, такъ и позже грязь не попадала. Тотъ же фактъ, что въ основѣ темнаго слоя долины и насыпнаго вала залегала свѣтлая почва, указываетъ на отсутствіе здѣсь тальвега для стока воды, образовавшагося несомнѣнно уже позже, съ возникновеніемъ искусственныхъ сооружений. Такое обстоятельство какъ бы подтверждаетъ, что долина, дѣйствительно, представляетъ изъ себя заросшую улицу.

Изъ предметовъ древности въ траншеѣ найдены: четыре мѣдныхъ татарскихъ монеты, желѣзный наральникъ, обломокъ желѣзнаго кольца и звено желѣзной цѣпи, половинка бронзоваго зеркала, обломокъ литейной каменной формы, обломокъ большой бусины миллифіоровой итальянской техники, обломокъ днища глинянаго сосуда, покрытаго желтой поливой, и др.

Траншея III.

Траншея заложена поперекъ долины, съ цѣлью опредѣленія ширины ея. Длина траншеи — 10, ширина— $1\frac{1}{4}$, глубина— $1\frac{1}{4}$ арш. Въ почвѣ встрѣчены, какъ и въ предшествующихъ двухъ траншеяхъ, обычные обломки глиняной посуды и поломанныя кости домашнихъ животныхъ.

Грязный слой долины имѣлъ въ ширину только 5 аршинъ, что для городской улицы, если она представляетъ таковую, необычно мало. Тѣмъ не менѣе, обѣ стороны грязнаго слоя выразились въ разрѣзѣ траншеи ярко и ошибки въ опредѣленіи ширины его не могло быть.

Холмъ № 7.

Холмъ расположенъ у южной границы монастырскихъ владѣній. Холмъ представлялъ четырехугольное продолговатое возвышеніе, съ плоскатою поверхностью, вытянутое параллельно обрыву высокаго берега р. Кумы. Вокругъ его видны были остатки валика, охватывающаго правильную четырехугольную площадь, вытянутую перпендикулярно къ береговому обрыву и имѣвшему въ длину 100 и ширину 45 шаговъ.

Въ холмѣ открыты остатки зданія, сооруженнаго изъ сырцовога кирпича; въ длину оно имѣло, по внѣшнему обрѣзу, $23\frac{1}{4}$, въ ширину— $11\frac{1}{2}$ арш. Внутри оно раздѣлялось на три комнаты, имѣя въ восточной стѣнѣ одинъ выходъ наружу; снаружи вдоль южной стѣны имѣлась пристройка въ видѣ веранды, а у восточной стѣны—массивное глинобитное сооруженіе, вмѣщавшее въ себѣ три печи и дымовыя трубы (рис. 125).

Толщина всѣхъ стѣнъ зданія была одинаковою, въ 16 вершковъ. Комната I имѣла въ длину 9 арш. и въ ширину—5 арш. 11 вершковъ. Вдоль сѣверной стѣны ея помѣщались глинобитныя нары (тахты), съ наружной стороны выложенныя сырцовымъ кирпичемъ. Ширина наръ достигала 3 арш. 8 в., а высота 11 в. Вдоль всѣхъ прочихъ стѣнъ шли глинобитныя лавки, шириною въ 14 и высотой

въ 11 вершковъ. Близъ наръ на полу найдено нѣсколько обожженныхъ кирпичей и угли, занимавшіе площадь около 1 арш. въ діаметрѣ.

При очисткѣ пола найдены: одна мѣдная татарская монета, обломки мозаичныхъ изразцовъ, глазокъ перстня и подвѣска серьги—оба изъ стекла бирюзового цвѣта, куски разбитыхъ голубыхъ изразцовъ, куски обливной глиняной посуды и др.

Комната II имѣла въ длину 9 арш., въ ширину — 6 арш. 14 в. Вдоль сѣверной стѣны ея помѣщались глинобитныя нарѣ (тахты), шириною въ 2 аршина 6 вершковъ и высотой въ 11 вершковъ; снаружи нарѣ были обложены сырцовымъ кирпичемъ. Вдоль всѣхъ стѣнъ шли глинобитныя лавки, шириною въ 14

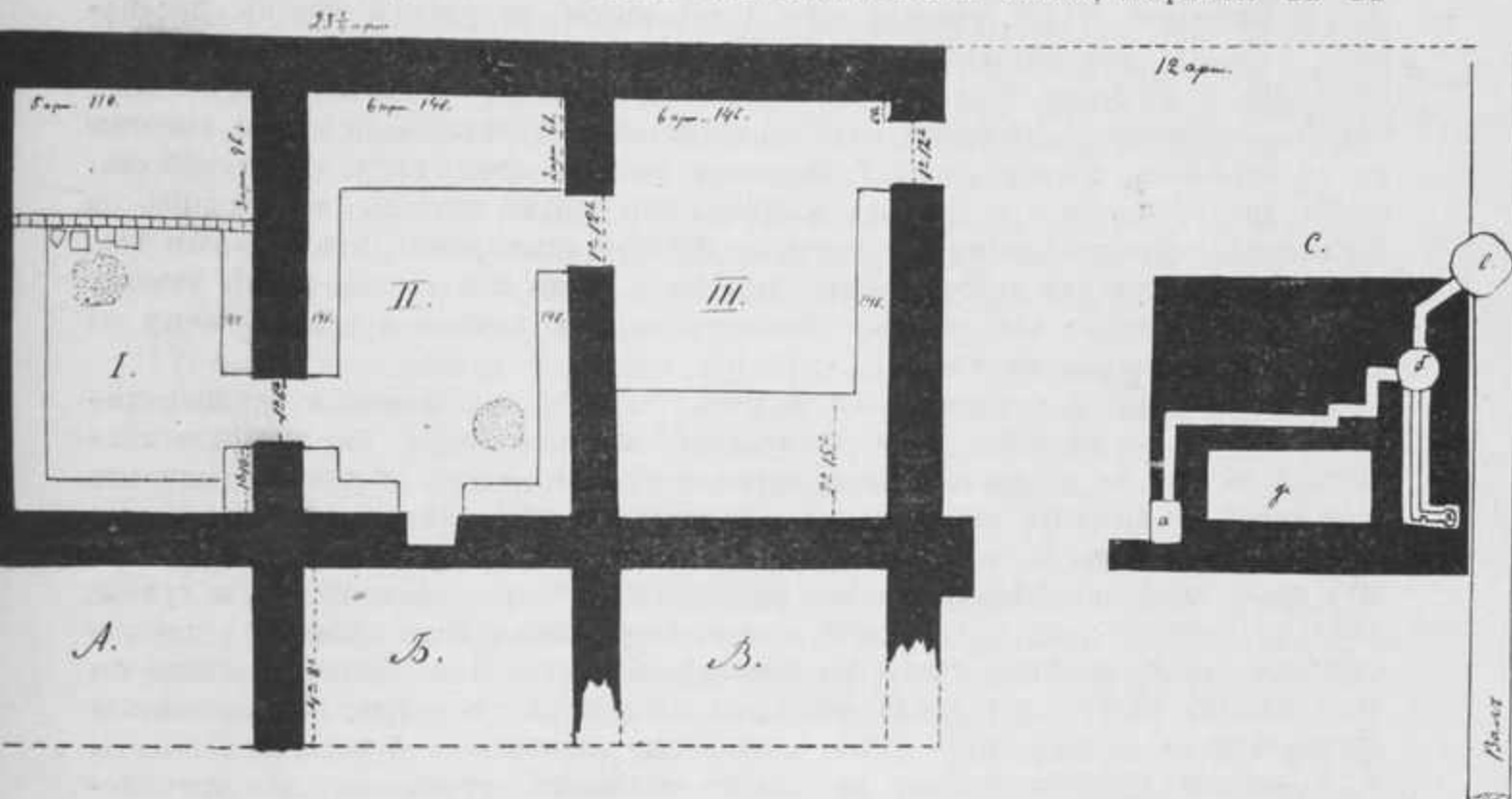

Рис. 125.

и высотой въ 11 вершковъ. Въ юго-восточномъ углу на полу оказалось много мелкаго угля, занимавшаго площадь около 1 арш. въ діаметрѣ. Въ южной стѣнѣ прорѣзана ниша около 1 арш. ширины, и $\frac{3}{4}$ арш. глубины. Въ сторону первой комнаты вела дверь, шириною въ 1 арш. 6 вершк. Въ дверяхъ имѣлся порогъ, сдѣланный изъ обожженаго кирпича на цементѣ. Порогъ образовывался возвышеніемъ, сложеннымъ изъ двухъ рядовъ кирпича, положенныхъ одинъ на другой. Отъ порога въ стороны обѣихъ комнатъ шла, понижаясь, настилка изъ обожженныхъ кирпичей, положенныхъ плашмя въ одинъ рядъ. Полы же въ обѣихъ комнатахъ были глинобитными.

Въ сторону третьей комнаты вела болѣе широкая дверь, именно въ 1 арш. 12 вершковъ, безъ порога.

На полу комнаты, въ разныхъ пунктахъ, найдены: обломокъ бронзоваго зеркала, одинъ желѣзный гвоздь, три обломка чугунаго котла, нѣсколько обломковъ глиняной посуды съ яркозеленой поливой, глиняное прясло и др.

Комната III имѣла въ длину 9 арш., въ ширину—6 арш. 14 в. Вдоль южной стѣны ея помѣщались глинобитныя нарѣ (тахты), шириною около 3 арш. и высотой въ 11 вершковъ; отъ нихъ вдоль восточной стѣны шла глинобитная лавка.

шириною въ 14 и высотой въ 11 вершковъ. На полу и нѣсколько выше найдены: у сѣверной стѣны большой кусокъ мозаичной татарской надписи, представляющей, повидимому, отрывокъ молитвы, и обломокъ чугунаго котла.

Вдоль южной стѣны, снаружи, повидимому, находилась веранда, о которой мы упомянули выше. Эта веранда дѣлилась тремя глинобитными стѣнами на три участка (А, Б и В); изъ нихъ окончательно расчищенъ былъ только участокъ А; участки же Б и В отчищались лишь на половину, ближайшую къ стѣнѣ. Ширина веранды равна $4\frac{1}{2}$, а длина— $23\frac{1}{4}$ арш. Полы во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ веранды глинобитные и находятся въ одномъ уровнѣ съ полами комнатъ зданія. На полу участка А найденъ обломокъ жернова.

У восточной стѣны, противъ выхода изъ зданія, на уровнѣ половъ послѣдняго, найдены: два обломка жернова, половинка костяного футляра, вѣроятно, игольника, и желѣзная игла. Далѣе открыто въ высшей степени интересное глинобитное сооруженіе С, имѣвшее видъ глинобитной четырехугольной тумбы, высотой въ 16 вершковъ, длиной около 7, шириною около 6 аршинъ. Въ этой тумбѣ оказалось двѣ печи *a* и *в* и тандырь *б*. Печи, или только подтопы, соединялись съ тандыремъ горизонтальными колѣнчатыми трубами (дымарями), отъ котораго шла третья горизонтальная труба *г*. Вся тумба была сбита изъ глины, кромѣ участка *д*, который, очевидно, изъ экономіи засыпанъ простою почвою и только сверху замазанъ толстымъ слоемъ глины.

Печь (*a*) имѣла четырехугольную форму около 1 арш. длины и $\frac{3}{4}$ арш. ширины; высота ея не могла быть установлена, но, повидимому, она не была значительною; дно ея находилось ниже горизонта почвы; стѣны и дно состояли изъ обожженной до краснаго цвѣта глины. Около устья печи найденъ небольшой глиняный кувшинчикъ, а внутри печи — много золы сожженаго камыша. Отъ печи шла труба колѣнами. Первое колѣно направлялось вдоль западной стѣны тумбы, имѣя въ длину 2 арш. 6 в. Второе колѣно поворачивало подъ прямымъ угломъ и тянулось черезъ середину тумбы на протяженіи 5 арш. 1 в. Далѣе слѣдовали четыре малыхъ колѣна, изъ коихъ послѣднее входило въ тандырь. На протяженіи двухъ первыхъ колѣнъ труба имѣла одинаковые размѣры въ 5 вершковъ высоты и 4 вершка ширины и шла въ одномъ горизонтѣ; труба же на протяженіи послѣднихъ четырехъ колѣнъ имѣла 5 вершк. высоты и 6 вершк. ширины, т.-е. была на два вершка шире; шла она также въ одномъ горизонтѣ, но ея горизонтъ былъ выше горизонта трубы первыхъ двухъ колѣнъ, такъ что въ пунктѣ соединенія ихъ образовывался порогъ, вершка 2 высотой. Стѣнки трубы на всемъ протяженіи состояли изъ сырцовыхъ квадратныхъ кирпичей пятивершковой мѣры; верхъ же покрывался длинными сырцовыми кирпичами, имѣвшими въ ширину 5, а въ длину 10 вершковъ.

Трубы внутри являлись сильно закопченными.

Печь находилась на противоположномъ углу глинобитной тумбы С. Она оказалась въ разрушенномъ видѣ и представляла изъ себя овальной формы углубленіе, смазанное толстымъ слоемъ глины, имѣвшимъ въ длину $1\frac{1}{2}$ и въ ширину $1\frac{1}{4}$ арш. Все дно ея было наполнено углемъ отъ сожженныхъ дровъ. Отъ печи къ тандырю шла труба двумя колѣнами, около 1 аршина длины каждое. Труба вырѣзана въ грунтѣ, въ видѣ канавки, и сверху покрыта длинными сырцовыми кирпичами. Отверстіе этой трубы входило въ тандырь ниже отверстія трубы первой печи.

Тандырь *б* имѣлъ форму, совершенно схожую съ тандыремъ зданія, открытаго во второмъ холмѣ. Высота его равнялась 1 арш. 4 в., діаметръ отверстія—8 вершкамъ, діаметръ дна—14 вершкамъ. Вся внутренность его обмазана слоемъ

глины, покрытымъ орнаментомъ изъ параллельныхъ прямыхъ и волнообразныхъ линий, проведенныхъ зубчатою лопаткою. Въ нижней части тандыря, непокрытой орнаментомъ, имѣлось три отверстія, расположенныхъ одно выше другого. Самое низкое изъ нихъ въ 5 верш. высоты и 6 верш. ширины, соответствовало трубѣ первой печи; среднее, нѣсколько меньшаго размѣра, соответствовало трубѣ второй печи, и, наконецъ, самое высокое, въ 5 вершковъ высоты и ширины, вело въ третью дымовую трубу, описаніе которой слѣдуетъ ниже. Надъ отверстиемъ первой трубы былъ вмазанъ обожженный кирпичъ, образовавъ полку, на которой стояли рядомъ двѣ глиняныя копилки; обѣ онѣ имѣли грушевидную форму въ 8 см. высоты. Для вкладыванія монетъ каждая изъ нихъ снабжена прорѣзью. Одна копилка при выниманіи распалась на куски; въ ней ничего не оказалось. Вторая копилка вывута совершенно цѣлою; въ ней, судя по звуку, также ничего не было; но этому не повѣрилъ одинъ изъ рабочихъ и, воспользовавшись удобной минутой, разбилъ копилку на куски, которые удалось вновь склеить. Въ копилкѣ, дѣйствительно, ничего не оказалось.

Почему эти вещи попали въ печь, совершенно непонятно. Если бы въ нихъ находились деньги, то тогда можно было бы допустить, что онѣ въ критическую минуту спрятаны владѣльцемъ; но прятать эти вещи безъ денегъ, повидимому, не было никакого смысла.

Труба 2, выводившая дымъ изъ тандыря наружу, имѣла въ длину 3 арш. 5 вершковъ; въ концѣ она дѣлала поворотъ и заканчивалась округлымъ рукавомъ, въ который, несомнѣнно, вставлялась круглая вертикальная труба. Стѣнки и верхъ этой трубы отдѣланы особенно тщательно и прочно. Стѣнки обложены сырцовымъ кирпичемъ, образуя каналъ въ 5 вершковъ ширины и высоты. Сверху на стѣнки наложены сырцовые кирпичи, имѣвшіе въ длину 10 и въ ширину 5 вершковъ. Сверху этихъ кирпичей весь верхъ трубы заложенъ сырцовыми пятивершковыми кирпичами, поставленными на ребро, что и придавало трубѣ особенную устойчивость, въ данномъ случаѣ весьма необходимую, такъ какъ труба проходила близко къ поверхности тумбы, по которой должны были двигаться люди.

При разборкѣ печей и трубы найдены: костяная рукоятка ножа, лезвіе желѣзнаго ножа, лежавшее отдѣльно отъ рукоятки, нѣсколько кусковъ желѣзныхъ шлаковъ, кусокъ алой матеріи, оказавшійся вмазаннымъ въ глину; сверхъ того изрѣдка встрѣчались кости животныхъ и даже рыбъ, очевидно, представлявшія кухонные отбросы; но въ общемъ находки, какъ и слѣдовало ожидать, являлись весьма рѣдкими.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ замѣтить, что какъ глинобитное сооруженіе, такъ и пространство, отдѣляющее его отъ зданія, вѣроятно все, находилось подъ одной крышей съ зданіемъ и представляло какъ бы четвертую комнату или сѣни одного дома.

Для изслѣдованія вала, окружавшаго зданіе, и внутренней площади огороженнаго пространства проведено двѣ траншеи.

Траншея I.

Траншея имѣла въ длину 21, въ ширину— $2\frac{1}{2}$, и глубину—1 арш.

Подъ растительнымъ слоемъ, мощностью въ 4 вершка, залегала культурная почва, мощностью также вершка въ 4, ниже шель грунтовый лёссъ. Въ культурной почвѣ найдены въ небольшомъ количествѣ разбитыя кости домашнихъ животныхъ, обычные обломки глиняной посуды, одинъ обломокъ фаянсовой посуды голубоватаго цвѣта.

Траншея II.

Траншея заложена поперекъ вала, окружавшаго усадьбу зданія. Ею выяснено, что валъ состоитъ изъ почвы, взятой изъ сопровождавшей его канавы, отъ времени почти совершенно заплывшей.

Траншея III.

Въ заключеніе изслѣдованія была вырыта небольшая траншея на береговомъ обрывѣ. Поводомъ къ заложению этой траншеи послужило обнаженіе въ естественномъ обвалѣ берега большого количества золы и разнаго рода кухонныхъ отбросовъ.

Раскопкой выяснено, что въ данномъ мѣстѣ находилась печь (тандыр), совершенно разрушенная обваломъ почвы. Стѣны печи были смазаны слоемъ глины, покрытымъ обычнымъ орнаментомъ изъ прямыхъ и волнообразныхъ линий, нанесенныхъ зубчатою лопаткою.

IX.

РАСКОПКИ ВО ВЛАДѢНІЯХЪ ГОР. СВ. КРЕСТА.

(См. въ планѣ, лит. В)

Раскопки могильника на берегу р. Кумы у городского артезианскаго колодца.

Траншея I.

Длина траншеи 32, ширина $2\frac{1}{2}$ и глубина $2\frac{1}{2}$ арш. Въ траншеѣ открыто два погребенія.

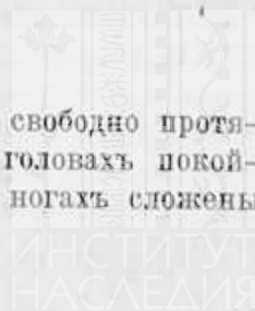
Погребеніе 1.

На глубинѣ $1\frac{3}{4}$ арш., въ ямѣ, открытъ сильно разстроенный костякъ; его конечности и большая часть черепа отсутствовали; остальные же кости лежали грудой, безъ всякаго порядка; среди нихъ найдено прясло, или застежка, сдѣланная изъ бѣлаго мрамора.

Въ разстояніи $1\frac{1}{4}$ арш. къ югу отъ остатковъ покойника, въ томъ же горизонтѣ, лежалъ остовъ цѣлаго коня на лѣвомъ боку съ сильно поджатыми ногами и подтянутой къ колѣнямъ переднихъ ногъ головой, что придавало животному видъ, какъ будто оно было спеленутымъ. Подъ черепомъ лежали желѣзныя удила, сильно окисшія и сломавшіяся на три части. Отношеніе остова коня къ остаткамъ покойника не установлено, но, вѣроятно же всего, конь сопровождалъ человѣка при погребеніи.

Погребеніе 2.

На глубинѣ 2 арш., въ ямѣ, лежалъ костякъ на спинѣ, съ свободно протянутыми конечностями, съ головою на В; ростъ 2 арш. 1 в. Въ головахъ покойника лежали обломки черепа, повидимому, молодого ягненка; въ ногахъ сложены

овечьи кости передней ноги съ лопаткой и небольшой желѣзный ножъ, а рядомъ съ ними стоялъ большой кувшинъ съ нѣскольکو попорченнымъ въ древности горломъ; у пояса, съ лѣвой стороны, лежали три глиняныхъ прясла или застежки, изъ которыхъ одна необожжена, одна имѣетъ форму усѣченного конуса съ чашевиднымъ углубленіемъ на широкомъ основаніи; третья украшена узоромъ, но только съ одной стороны.

Траншея II.

Длина траншеи—28, ширина 3 арш. Въ траншеѣ открыто четыре погребенія.

Погребеніе 3.

На глубинѣ 6 верш. открытъ костякъ, лежавшій на спинѣ, съ вытянутыми ногами, съ кистью правой руки у подбородка и кистью лѣвой руки на тазу; головою на З.; вещей при костякѣ не оказалось; костякъ оказался лучшей сохранности, чѣмъ предшествующіе; ростъ 1 арш. 15 в.

Погребеніе 4, дѣтское.

На глубинѣ 12 верш.—костякъ ребенка, лежавшій головою на В.; въ головахъ стоялъ глиняный горшечекъ баночной формы, на груди сломавшееся прясло или застежка.

Погребеніе 5 и 6, рис. 126.

На глубинѣ 12 верш. отъ поверхности почвы, въ ямѣ, лежалъ костякъ въ сильно скорченномъ положеніи, на правомъ боку, головою на ЮВ.; у головы его найдены остатки сильно истлѣвшаго бронзоваго колечка и небольшой глиняный горшокъ, грубой техники, раздавленный почвою.

Какъ разъ подъ описаннымъ костякомъ лежалъ второй костякъ также въ согнутомъ положеніи, на правомъ боку, съ головою же, повернутой на лѣвую щеку и ориентированной на СЗ., т.-е. противоположно первому.

Траншея III.

Длина траншеи 32, ширина 3 и глубина $2\frac{1}{2}$ аршина. Въ траншеѣ открыто семь погребеній.

Погребеніе 7.

На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш., въ ямѣ, открытъ костякъ, лежавшій на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, головою на ЮЮЗ., съ кистью лѣвой руки на тазу. У лѣвой щеки стоялъ глиняный кувшинъ съ зигзаговымъ орнаментомъ на шейкѣ;

Рис. 126.

на тазу кусочки перержавѣвшаго желѣза, вѣроятно, наконечника стрѣлы; у праваго бедра — два желѣзныхъ наконечника стрѣлъ со втулками для насада на древко; на ступняхъ ногъ положена глиняная чашечка кверху дномъ.

Погребеніе 8, дѣтское.

На глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш., въ ямѣ, открытъ костякъ ребенка, лежавшій на спинѣ, въ вытянутомъ положеніи, головою на С.; въ ногахъ его стояли глиняные кувшинъ и чашечка; кувшинъ былъ грубой работы и подъ тяжестью земли распался на части.

Погребеніе 9, дѣтское.

На глубинѣ $1\frac{3}{4}$ арш. открытъ дѣтскій костякъ, лежавшій на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, головою на С.; въ головахъ его стояла глиняная чашечка, покрытая орнаментомъ.

Погребеніе 10.

На глубинѣ 2 арш. открытъ костякъ взрослога человѣка, лежавшій на спинѣ съ вытянутыми конечностями, головою на З.

Погребеніе 11.

На глубинѣ 2 арш. — костякъ, въ вытянутомъ положеніи, на спинѣ, слегка склоненный на лѣвый бокъ, съ кистью правой руки на тазу. Ростъ 2 арш. 2 в. У праваго колѣна лежалъ сильно истлѣвшій желѣзный ножъ, а недалеко отъ него — желѣзный крючекъ (застежка).

Погребеніе 12 и 13.

На глубинѣ $2\frac{1}{4}$ арш., въ ямѣ, лежали два костяка рядомъ, оба обращены головою на ЮЮЗ. Костякъ, лежавшій къ восточной стѣнѣ ямы, принадлежалъ мужчинѣ, покоился на спинѣ, съ вытянутыми конечностями; у правой щеки его стоялъ глиняный кувшинъ; противъ кисти правой руки лежала точильная плита, на ступеняхъ ногъ — глиняная чашечка, опрокинутая кверху дномъ; ростъ костяка — 2 арш. 2 в.

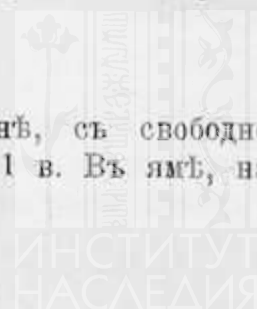
Второй костякъ принадлежалъ женщинѣ, лежавшей нѣсколько склоненною на правый бокъ, въ сторону перваго покойника; правая нога ея оказалась сильно согнутою въ колѣнѣ, лѣвая — была также согнута, но значительно меньше. Около ушныхъ отверстій черепъ имѣлъ зеленую окраску отъ соприкосновенія съ мѣдными вещами (вѣроятно, серьгами), каковыя отъ времени уничтожились.

Траншея IV.

Длина траншеи 32, ширина 3, глубина $2\frac{1}{4}$ аршина. Въ траншеѣ открыто девять погребеній.

Погребеніе 14.

На глубинѣ $1\frac{1}{4}$ арш. открытъ костякъ, лежавшій на спинѣ, съ свободно протянутыми конечностями, головою на ЮЮЗ.; ростъ 2 арш. 1 в. Въ ямѣ, на 1 арш. выше покойника, лежало ребро коровы.

Погребение 15, рис. 127.

На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш.,—костякъ, на спинѣ, въ скорченномъ положеніи, съ поджатыми ногами, колѣнами вверху, головою на З.; верхковъ на пять выше,

Рис. 127.

надъ грудью покойника, лежалъ разбитый большой глиняный сосудъ, грубой техники.

Погребение 16 и 17 (рис. 128).

На глубинѣ 2 арш., въ ямѣ,—два костяка, повидимому, мужчины и женщины, юнаго возраста (оба безъ зубовъ мудрости), головами къ Ю.

Костякъ, лежавшій у восточнаго бока ямы, былъ немного склоненъ на лѣвый бокъ: лѣвая рука его—вытянута, правая—нѣсколько согнута въ локтѣ съ кистью на тазу; ноги скрещены.

Второй костякъ лежалъ склоненнымъ на правый бокъ, лицомъ къ первому костяку; правая рука его была вытянута нѣсколько впередъ: на ней покоился первый костякъ; лѣвая рука и ноги были немного согнутыми.

Въ ногахъ покойниковъ стояли въ рядѣ два глиняныхъ кувшина и одна глиняная чашка; въ послѣдней находились кости овцы; между кувшинами, на землѣ, лежали кости передней ноги, отрѣзанной съ лопаткою и принадлежавшей также овцѣ.

Погребение 18, 19 и 20.

На глубинѣ 2 арш. 10 верш., въ обширной ямѣ, найдены кости трехъ покойниковъ въ разбросанномъ и перепутанномъ видѣ. Судя по сохранившему свое первоначальное положеніе позвонкамъ, покойники лежали головою на З. Среди костей отысканы: обломокъ бронзоваго зеркала, мѣдное колечко, сломавшееся на двѣ части, желѣзный предметъ, нѣсколько бусинъ и два куска мѣла.

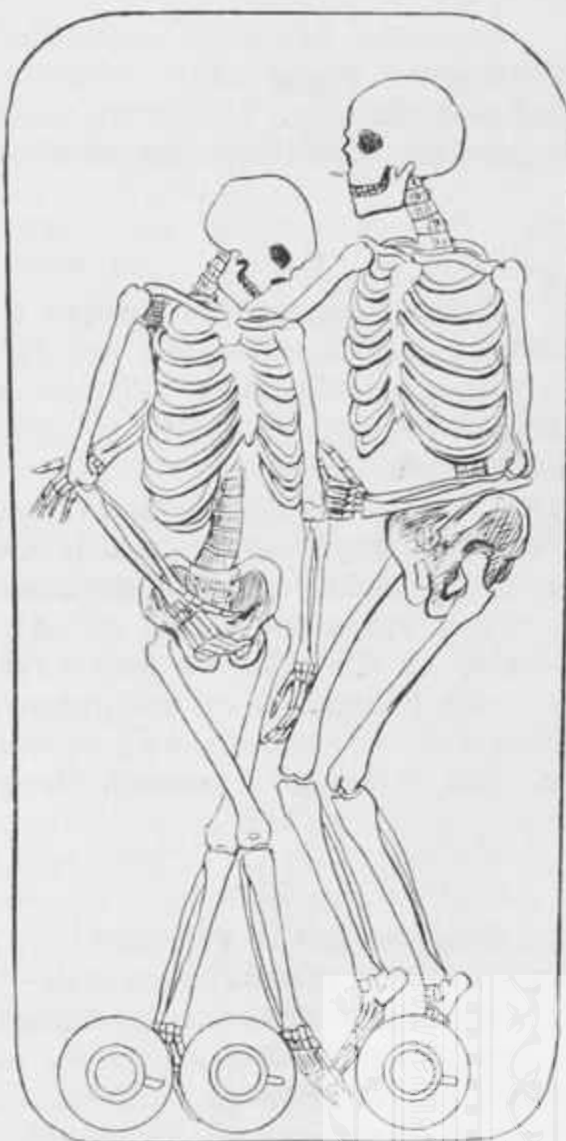

Рис. 128.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

Погребеніе 21.

На глубинѣ 2 арш. 10 вершковъ, на днѣ ямы, лежалъ конскій черепъ; ниже его открылись перепутанныя кости взрослога человѣка; среди нихъ найдены двѣ золотыхъ пронизки, нѣсколько гешировыхъ и другихъ бусинъ, нѣсколько желѣзныхъ стрѣлъ со втулками для насада на древки, желѣзный ножъ, кусочки дерева и обломки грубаго глинянаго сосуда.

Погребеніе 22.

На глубинѣ 1 аршина (въ боку траншеи IV) открытъ костякъ, лежавшій въ скорченномъ положеніи, съ колѣнами, несомнѣнно, поднятыми вверхъ, но впоследствіи упавшими на бокъ; головою на З. На шеѣ костяка найдено ожерелье, состоявшее изъ стеклянныхъ бутылочной формы бусъ и двухъ спиральныхъ колечекъ; съ правой стороны таза—глиняное прясло или застежка.

Раскопки зольника.

Зольникъ находится среди домовъ въ участкѣ г. Св. Креста, называемомъ «Островомъ» (см. планъ). Зольникъ представляетъ холмъ высотой около 1 арш. и діаметромъ около 30 шаговъ. Въ разрѣзѣ холма, сдѣланномъ выемкой для дороги, видны зола, кости животныхъ и обломки глиняной посуды.

Траншея I.

Длина траншеи 15, ширина 3 и глубина 1 арш. Траншея заложена по подошвѣ зольника, захвативъ его небольшой край.

Въ разрытой части зольника найдены кости лошадей, коровъ, овецъ и одна челюсть собаки. Всѣ кости представляютъ видъ осколковъ; количество ихъ весьма значительно. Не менѣе обильны и обломки глиняной посуды. По этимъ обломкамъ легко узнавались разныя формы чашъ, обыкновенныхъ горшковъ и кувшиновъ. Вся посуда принадлежала къ одному виду керамики, имѣла черный, иногда блестящій цвѣтъ снаружи и только въ исключительныхъ случаяхъ покрывалась простымъ орнаментомъ. По общему виду и многимъ деталямъ посуда схожа съ добытой въ ближайшемъ могильникѣ со скорченными и вытянутыми костяками; она схожа также и съ позднѣйшей керамикой зольниковъ Полтавской губерніи. Интересно, что здѣсь, какъ и въ полтавскихъ зольникахъ, найдены кружки, сдѣланные изъ обломковъ глиняной посуды.

Траншея II.

Траншея имѣла въ длину 15, ширину $3\frac{1}{2}$ и глубину $1\frac{1}{4}$ арш.; она проведена черезъ вершину зольника.

Въ слояхъ зольника, пройденныхъ траншеей, найдены тѣ же остатки, какъ и въ первой траншеѣ. Къ костямъ животныхъ прибавились остатки рѣчныхъ раковинъ *Unio*, найденныя единичными экземплярами. Эти раковины, и также единичными экземплярами, были найдены и въ полтавскихъ зольникахъ. Изъ вещей отыскались двѣ подѣлки изъ кости, одинъ обломокъ точильнаго бруска и одинъ кружокъ, выточенный изъ обломковъ глиняной посуды, съ начатой, но неоконченной сверлиной въ серединѣ.

Въ общемъ все содержимое зольника носитъ весьма древній характеръ и, очень возможно, что онъ оставленъ людьми, хоронившими на сосѣдномъ берегу своихъ покойниковъ въ скорченномъ и вытянутомъ положеніи. Это содержимое, какъ и вся внѣшность зольника совершенно схожи съ зольниками Бѣльскаго городища Полтавской губерніи, но въ изслѣдованномъ зольникѣ очень характерно полное отсутствіе костей свиньи. Это обращаетъ на себя особенное вниманіе, указывая на принадлежность его народу какого-нибудь азіатскаго вѣроисповѣданія, запрещающаго употребленіе въ пищу свинины.

По поводу обычая сыпать золу въ кучи мнѣ пришлось выслушать отъ мѣстныхъ жителей слѣдующее.

По увѣренію ихъ, совершенно такой обычай существуетъ у карногайцевъ въ аулахъ Біашъ¹⁾, Уштабъ, Каратабъ и, вѣроятно, другихъ. Каждая семья считаетъ долгомъ сыпать золу въ опредѣленномъ мѣстѣ, обыкновенно шагахъ въ пяти отъ кибитки (у кочевниковъ), или хижины (у осѣдлыхъ). Мало-по-малу получается все болѣе и болѣе растущій холмъ, который составляетъ гордость хозяевъ: чѣмъ больше холмъ, тѣмъ больше почета главѣ семьи. Въ тѣхъ аулахъ, гдѣ нѣтъ минарета, тамъ муллы входятъ на самый высокій зольникъ и кричатъ съ него, призывая правовѣрныхъ на молитву. Въ холмы съ золою сыпаютъ и домашній соръ. Зольные холмы карногайцы называютъ «тобъ».

Описанный обычай извѣстенъ всѣмъ бывавшимъ въ карногайскихъ аулахъ свято-крестовцамъ. Но для болѣе точной повѣрки сего факта я познакомился съ недавно перешедшимъ въ христіанство карногайцемъ изъ аула Біашъ Дмитріемъ Китеришевымъ, который вполне подтвердилъ все вышеизложенное.

Не менѣе интересное сообщеніе сдѣлалъ одинъ изъ моихъ рабочихъ, сынъ псаломщика, года два тому назадъ переселившійся въ г. Св. Крестъ изъ села Положеи, Ташаньской волости, Переяславскаго уѣзда, Полтавскій губерніи. У его бывшихъ односельчанъ, не исключая и духовенства, существуетъ изстари обычай сносить золу и домашній соръ въ опредѣленные мѣста, гдѣ мало-по-малу образуются холмы, видомъ напоминающіе древніе курганы. Обыкновенно каждый домъ имѣетъ свой холмъ, но иногда въ одинъ и тотъ же холмъ сыпать золу изъ 3, 4, 5 и даже 6 домовъ; но эти дома должны быть или родственными, или ужь очень хорошими сосѣдями. Зольные холмы называютъ «попелищами» и «смитныками» (отъ «смитня» соръ). Въ попелищахъ иногда хоронятъ сдохшихъ кошекъ, собакъ и другихъ мелкихъ животныхъ.

Подводя итоги результатамъ полученнымъ настоящими изслѣдованіями, возможно придти къ заключенію, что на мѣстѣ, занимаемомъ развалинами, существуетъ два культурныхъ наслоенія, стоящихъ пока совершенно изолированно. Изъ нихъ древнѣйшее, представленное могильникомъ со скорченными костяками и зольникомъ, относится къ весьма удаленному отъ насъ времени, каковое, основываясь на формахъ желѣзныхъ втульчатыхъ стрѣлъ и стеклянныхъ бусинъ, слѣдуетъ отнести ко II—III вѣкамъ по Р. Хр. Дальнѣйшее изслѣдованіе могильника, отличающагося столь оригинальными особенностями, весьма желательно.

Второе, болѣе позднее, культурное наслоеніе въ среднемъ относится къ XIV вѣку

¹⁾ Ауль Біашъ находится въ 40 верстахъ къ востоку отъ г. Св. Креста и 12 верстахъ отъ Ачикулакской ставки; прочіе аулы недалеко отъ Біаша. *Авт.*

но Р. Хр. Оно характеризуется вполне типичным городским бытом и, весьма вероятно, что, согласно преданію, принадлежит погибшему городу Маджарамъ. Эта культура также мало известна и поэтому заслуживает внимательнаго изученія. Но ея значеніе не слѣдуетъ преувеличивать: Маджары—не Ольвія и не Пантикапея, стоявшія столѣтіями во главѣ культуры обширнѣйшаго края; предъ нами—татарскій городъ, лишь временно выдвинувшійся и затѣмъ скоро павшій, вѣроятнѣе всего, жертвой обычныхъ азіатскихъ фанатизма и жестокости.

ОТЧЕТЪ ОБЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНИЯХЪ ВЪ ПОЛТАВ- СКОЙ ГУБ. ВЪ 1907 ГОДУ.

С. А. Мазараки.

Изслѣдованія кургановъ Аксютинскаго типа въ Полтавской губ. начаты были мной съ кургановъ Роменскаго уѣзда. Я осмотрѣлъ курганы у с. Плавиниць, хутора Сербина, въ лѣсу, въ 4-хъ верстахъ отъ с. Хмѣлова, отъ мѣстечка Смѣлого до границъ Конотопскаго уѣзда и отъ с. Волошиновка до границъ Лохвицкаго уѣзда. Довольно значительныя группы курганы образуютъ у с. Плавиници, хутора Сербина и с. Хмѣлова. Отъ м. Смѣлого къ границамъ Конотопскаго у. и отъ с. Волошиновки до границъ Лохвицкаго у. курганы разсѣяны по полю въ значительномъ другъ отъ друга разстоянн; многіе изъ нихъ достигаютъ высоты 9 и болѣе арш. У с. Плавиниць мною раскопано 5 кургановъ, у хутора Сербина—3 и въ лѣсу у с. Хмѣлова—1 курганъ. Курганы у с. Плавиниць образуютъ группу, числомъ около 40, изъ нихъ 16 расположены на горѣ и 24—на дугу; высота кургановъ 2—5 арш. На правомъ высокомъ берегу Сулы у хутора Сербина 16 кургановъ; высота кургановъ 2—5 арш.; у с. Хмѣлова группа кургановъ въ лѣсу, числомъ 27; высота—2—4 арш.

Лохвицкій уѣздъ. Въ 12 верст. отъ с. Волошиновки, у Римова болота, тянется рядъ кургановъ, которые у с. Брагинцы, Лохвицкаго уѣзда, образуютъ значительную группу, расположенную частью внизу на болотѣ, частью на горѣ. У с. Брагинцы группа около 40 кургановъ—на лѣвомъ берегу р. Глиной (Глиная беретъ начало въ Римовомъ болотѣ и впадаетъ въ Лѣсогоръ, притокъ Удая), высота кургановъ 2—10 арш. Мной раскопано 2 кургана, 1, высотой 7 арш., на горѣ, другой, высотой 4 арш., на болотѣ.

Гадяцкій уѣздъ. Въ Гадяцкомъ уѣздѣ у селъ Хитцы и Цинки—группы небольшихъ кургановъ, а у с. Броварки, на лѣвомъ берегу Псла, —большая группа, числомъ около 120 насыпей, крупныхъ и мелкихъ, по характеру тождественная съ Аксютинской группой. Нѣкоторые курганы имѣютъ высоту 15—18 арш. Курганы принадлежатъ къ типу Аксютинскихъ. Погребеніе въ ямахъ со склепами и на поверхности въ склепахъ; сожженіе въ неглубокихъ ямахъ и сожженіе на поверхности. 6 лѣтъ тому назадъ въ этой группѣ мной было раскопано нѣсколько кургановъ, а годъ спустя въ этой группѣ была сдѣлана раскопка генераломъ Бранденбургомъ и В. В. Хвойко. Кромѣ кургановъ Аксютинскаго типа, мной были сдѣланы раскопки славянскихъ могильниковъ по рѣкѣ Ромень, Роменскаго уѣзда.

Село Плавиници, Роменскаго уѣзда.

Курганъ № 1. Высота 2 арш. Раскопка произведена ямой, въ 10 арш. длины и ширины. Насыпь изъ земли верхняго слоя, могила въ грунтѣ, глубина 3 арш., ширина $2\frac{1}{2}$ и длина $3\frac{1}{2}$ арш.; въ западной сторонѣ могилы подкопъ; дно ямы окружено канавкой въ $\frac{1}{2}$ арш.; кости скелета разбросаны, черепъ разбитъ, въ порядкѣ лежали кости ногъ. Судя по ихъ положенію, покойникъ лежалъ головой на югъ. У подкопа найдено 5 бронзовыхъ стрѣлъ.

Курганъ № 2. Высота 3 арш. Раскопанъ ямой въ 12 арш. длины и ширины. Когда была пройдена насыпь, обнаружился слѣдъ могильной ямы, по краямъ которой сохранилось дерево отъ настилки склепа. Яма имѣла 4 арш. длины, 3 — ширины и $3\frac{1}{2}$ глубины. Въ западной стѣнѣ подкопъ; костякъ лежалъ головой на югъ; дно ямы окружено канавкой; по угламъ ямы стояли дубовые столбы, на днѣ лежали куски дерева отъ проваливашагося склепа. Въ юго-восточномъ углу найдены удила и костяная псалія; въ юго-западномъ — небольшой глиняный горшокъ.

Курганъ № 3. Высота 3 арш. Раскопанъ ямой въ 12 арш. длины и ширины. Яма длины $3\frac{1}{2}$, ширины $2\frac{1}{2}$, глубины 3 арш. Дно ямы окружено канавкой; въ сѣверо-восточномъ углу кости барана и желѣзный ножъ, у сѣверной стѣнки — горшокъ грубой работы; въ западной сторонѣ ямы подкопъ; костякъ лежалъ головой на югъ.

Курганъ № 4. Высота $2\frac{1}{2}$ арш., яма 4 арш., длина 3 арш., ширина, глубина 3 арш. По угламъ ямы дубовые столбы; склепъ изъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ, дно ямы окружено канавкой въ $\frac{1}{2}$ арш. ширины и длины. Костякъ головой на югъ, руки лежали параллельно туловищу, въ юго-восточномъ углу копье и 2 метательныхъ дротика, у восточной стѣны могилы желѣзное удило и костяная псалія, на высотѣ тазовыхъ костей съ лѣвой стороны костяка — деревянный разрушившійся колчанъ и 16 бронзовыхъ стрѣлъ, въ сѣверо-восточномъ углу грубой работы горшокъ.

Курганъ № 5. Высота 4 арш., яма. 4 арш. длины, 3 ширины, $3\frac{1}{2}$ глубины. Дно ямы окружено канавкой; дубовый склепъ изъ толстыхъ бревенъ; костякъ головой на югъ; у западной стѣны подкопъ; у южной стѣны могилы — 6 бронзовыхъ стрѣлъ. Раскопанъ ямой въ 12 арш. длины и ширины.

Курганы у хутора Сербина, Роменскаго уѣзда.

Курганъ № 1. Высота 5 арш. Могильная яма 4 арш. длины, 3 арш. ширины и $3\frac{1}{2}$ арш. глубины. Склепъ изъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ. Костякъ лежалъ головой на югъ. На рукахъ бронзовые браслеты, у шеи — ожерелье изъ бусъ, у лѣвой ключицы — большая бронзовая шпилька. Въ юго-западн. углу горшокъ грубой работы, а у южной стѣны разрушившійся бронзовый тонкій сосудъ, въ формѣ миски.

Курганъ № 2. Высота 3 арш. Длина ямы 4 арш., ширина 3 арш. и глубина $2\frac{1}{2}$ арш. Дно ямы окружено канавкой въ $\frac{1}{2}$ арш. глубины и ширины. Верхняя застилка изъ тонкаго дубоваго дерева. Костякъ лежалъ головой на югъ, руки параллельно туловищу. Съ правой стороны костяка, на уровнѣ таза, желѣзный мечъ; съ лѣвой стороны, на высотѣ локтя, 11 бронзовыхъ стрѣлъ. Въ юго-западн. углу бронзовый прорѣзной колокольчикъ. Подкопъ въ западной сторонѣ могилы.

Курганъ № 3. Высота $2\frac{1}{2}$ арш. Длина ямы 4 арш., ширина 3 арш. и глубина 2 арш. Дно ямы окружено канавкой. Кости лежали въ безпорядкѣ у входа въ подкопъ. Подкопъ въ западной сторонѣ могилы. Въ сѣверо-восточномъ углу — большой разбитый глиняный сосудъ и кости свиньи и барана.

Курганы въ 4 в. отъ с. Хмѣлова.

Курганъ № 1. Высота 4 арш., длина ямы 4 арш., шир. 3 и глубина 2 арш. Дно ямы окружено канавкой; кости въ безпорядкѣ. У южной стороны лежали 3 бронзовыхъ стрѣлки и часть желѣзныхъ удиль. Курганъ былъ ограбленъ черезъ раскопъ, который шелъ сверху внизъ, съ запада на востокъ.

Лохвицкій у., с. Брагинцы.

Курганъ № 1 на горѣ. Высота 7 арш. Курганъ я срезалъ на 2 арш. и копалъ ямой въ 14 арш. длины и ширины. Могильная яма $4\frac{1}{2}$ арш. длины, 3 шир. и 4 глубины. Яма шла, все суживаясь, и у подошвы могилы имѣла 3 арш. длины и 2 шир. Могила была со склепомъ изъ нетолстыхъ бревенъ. Костякъ лежалъ головой на югъ, ноги согнуты, правая рука, немного согнутая въ локтѣ, лежала у тазовыхъ костей, а лѣвая, сильно согнутая въ локтѣ, кистью касалась лицевыхъ костей; кости черепа, кисти и ступни сильно окрашены въ красный цвѣтъ. Костякъ хорошей сохранности.

Курганъ по дорогѣ изъ Волошиновки къ Римову болоту,
Лохвицкаго у.

Высота 5 арш. По снятіи насыпи обозначилась яма въ 4 арш. длины, $3\frac{1}{2}$ шир. и 3 глубины. Края ямы шли не отвѣсно, а все суживаясь, и у подошвы яма имѣла $2\frac{3}{4}$ арш. дл. и 2 арш. шир. Костякъ головой на югъ, ноги скорчены, руки въ локтяхъ согнуты, кисти рукъ лежали у подогнутыхъ къ грудной клѣтки колѣнъ, черепъ, лицевыя кости, а также кисти рукъ и ступни сильно окрашены въ красный цвѣтъ. Костякъ хорошей сохранности. Могила со склепомъ изъ тонкаго дерева.

Курганъ на дугу у Римова болота, Лохвицкаго у.

Высота 4 арш. Могильная яма 4 арш. длины, $2\frac{1}{2}$ шир. и 2 глубины. Склепъ изъ дубовыхъ бревенъ. Костякъ лежалъ головой на югъ. Въ сѣв.-вост. углу разбитый глиняный сосудъ и кости животныхъ. Съ лѣвой стороны костяка, на уровнѣ локтя, 4 бронз. стрѣлки, а у восточной стороны ямы части удиль. Подкопъ въ восточной сторонѣ могилы.

Изъ славянскаго могильника по р. Ромну мною вырѣзаны два погребенія. Эти погребенія доставлены мной на Выставку Съѣзда въ Черниговъ.

МАЙДАНЫ.

Роменскій уѣздъ, Полтавской губ. Раскопки 1906 г.

С. А. Мазараки.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, заинтересовавшись назначеніемъ, какое могли имѣть насыпи, извѣстныя въ литературѣ подъ именемъ «майдановъ», а въ народѣ «робленыхъ могилъ», я произвелъ раскопку котловинъ или впадинъ трехъ майдановъ. Во всѣхъ трехъ оказались скиѣскія погребенія; въ двухъ, гдѣ котловины не доходили до основанія кургана, могилы не были нарушены, а въ третьемъ осталась сохранившейся сѣверная часть могилы. Лѣтомъ 1906 года я рѣшилъ возможно подробнѣе изслѣдовать майданы Роменскаго уѣзда. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось выполнить задачу изслѣдованія майдановъ, какъ мнѣ хотѣлось, и пришлось ограничиться раскопкой четырехъ однотонныхъ майдановъ, подвергнувъ раскопкѣ впадины и высокіе валы. Раскопки этого мѣста окончательно убѣдили меня въ томъ, что майданы—это распаханые крупные курганы. Въ какихъ уѣздахъ были распаханы курганы и какое назначеніе имѣли майданы, трудно сказать на основаніи тѣхъ данныхъ, какія добыты мною небольшими раскопками. Майданы Роменскаго у. занимаютъ западную, юго-западную и южную степную часть уѣзда и занимаютъ самые возвышенные пункты данной мѣстности. Выходъ обращенъ всегда на югъ или востокъ; большинство майдановъ расположено въ 7, 10 и 15 верстахъ отъ рѣки; исключеніе составляютъ изрѣдка разбросанные по лѣвому берегу рѣки Сулы майданы, которые отстоятъ на одну и двѣ версты отъ рѣки.

Среди обширныхъ группъ скиѣскихъ кургановъ на правомъ нагорномъ берегу Сулы нѣтъ кургановъ, обращенныхъ въ майданы. Большинство майдановъ Роменскаго у. имѣютъ очень глубокую котловину, на 6 и на 7 арш. ниже основанія кургана, такъ что въ такихъ майданахъ трудно рассчитывать найти остатки погребеній. На основаніи сдѣланныхъ мною изслѣдованій, внѣшніе валы насыпаны изъ земли, взятой изъ внутренней котловины майдана; никакихъ слѣдовъ заплывшихъ рововъ нѣтъ и если всю массу земли внѣшнихъ валовъ возвратитъ во внутреннюю котловину, то впадина будетъ заполнена съ избыткомъ и мы получимъ видъ полного кургана безъ впадинъ. Внѣшніе валы произошли отъ раскопки кургановъ при помощи волокушъ. У мѣстныхъ жителей не сохранилась память о селитряныхъ майданахъ.

Среди небольшой числомъ группы скиѣскихъ кургановъ, на лѣвомъ берегу рѣки Ромня, вдоль селенія Николаевки находятся 4 майдана.

№ 1. Окружность кольцевиднаго вала 380 арш., высота 12 арш.; кругомъ вала хорошо сохранившаяся канава, какой обыкновенно бываютъ окружены крупные курганы нашей мѣстности. Глубина выемки или впадины 7 арш. ниже основанія насыпи. Въ виду того, что все было подъ посѣвомъ, я вынужденъ былъ ограничиться раскопкой внутренней впадины и кольцевого вала. Насыпь вала— верхній черноземъ, въ которомъ въ обилии попадались куски битой посуды: ручка амфоры, кости и зубы животныхъ. Оползшая и затянувшая впадину земля вала также содержала куски битой посуды.

Майданъ имѣлъ два внѣшнихъ вала и выходъ на югъ. Оползшая земля рѣзко отдѣлялась отъ глины. По очисткѣ земли получилась квадратная, вырытая въ глинѣ, яма, 15 арш. въ поперечникѣ; дно ямы ровное и никакихъ предметовъ остатковъ дерева или костей не было.

Майданъ № 2. У хутора Мишурнина, на лѣвомъ берегу Сулы, небольшая группа кургановъ, числомъ 11, среди которой два майдана. Майданъ, изслѣдованный мной, имѣлъ два внѣшнихъ вала. Кольцевидный валъ высотой 3 арш., окружность 80 арш. Углубленіе не доходило до основанія кургана; выходъ на югъ. Раскопка внутренней котловины обнаружила въ центрѣ котловины нетронутое погребеніе. Могильная яма имѣла 9 арш. длины, 2 арш. ширины и 2¹/₂ арш. глубины. Дно ямы было окопано канавой въ 6 вершковъ ширины и глубины. Костякъ лежалъ въ полномъ порядкѣ, головою на югъ; кости сильно разрушились. Въ сѣверо-восточномъ углу стоялъ глиняный сосудъ; у шейныхъ позвонковъ костяка лежали бусы и у лѣвой ключицы бронзовый гвоздь (фибула). Въ юго-восточномъ углу два желѣзн. удила. Въ разрѣзахъ внѣшнихъ валовъ ни погребеній, ни предметовъ не было найдено. Раскопка этого майдана ясно показала, что это былъ разрытый скиѣскій курганъ.

Майданъ № 3. Среди широко разбросанныхъ степныхъ кургановъ, между селеніемъ Талалаевка и Слободня,—два майдана. Высота вала изслѣдованнаго майдана—4 арш., окружность—75 арш.; выходъ на востокъ; два внѣшнихъ вала. При очисткѣ впадины отъ оползшей съ вала земли обнаружилась, какъ и въ майданѣ № 1, яма въ 7 арш. длины и ширины. Впадина майдана 6 арш. ниже основанія насыпи. Несмотря на самую тщательную раскопку, ни въ ямѣ, ни въ землѣ, заполнявшей яму, ни костей, ни черепковъ, никакихъ другихъ предметовъ не найдено. При разрѣзѣ кольцевиднаго вала у выхода найдена часть сосуда, украшеннаго по краямъ дырочками. Внѣшніе валы и пространство между валами не могло быть изслѣдовано, т. к. находилось подъ посѣвомъ.

Майданъ № 4, въ дачѣ селенія Лакни: высота 4 аршина, окружность 80 арш.; выходъ на востокъ; глубина впадины 5 арш. Въ землѣ, заполнявшей впадину, и въ насыпи вала, никакихъ предметовъ и слѣдовъ погребенія не обнаружено.

Осмотръ большого числа майдановъ и небольшая раскопка даютъ мнѣ право думать: 1) что всѣ майданы—распаханные курганы, 2) по внѣшнему виду можно опредѣлять, какіе—селитряные и какіе—раскопы въ цѣляхъ кладонскательства, 3) что большинство степныхъ майдановъ могло служить защитными мѣстами отъ набѣговъ и зимнихъ непогодъ при заселеніи степи. До сихъ поръ встрѣчаются хутора, гдѣ хозяйственные постройки сооружены въ кольцевомъ валу и среди внѣшнихъ валовъ майдана.

ПОЛЕ ПОГРЕБЕНІЙ ВЪ РОМЕНСКОМЪ У., ПОЛТАВСКОЙ Г.

В. Безпальчевъ.

Въ 1898 г. крестьянинъ с. Малыхъ Будокъ, Курмановской вол., Роменскаго у., выпахалъ на ружной (церковной) землѣ с. Малыхъ Будокъ двѣнадцать горшковъ разной величины. Они находились на глубинѣ не болѣе 5—6 вер. отъ поверхности. Одинъ изъ этихъ горшковъ былъ сохраненъ, а остальные разбиты. По словамъ нашедшаго, въ большихъ горшкахъ были пережженные кости; другихъ предметовъ не оказалось.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ сего 1906 г. это поле было изслѣдовано при любезномъ участіи г. Н. Е. Макаренко.

Поле находится у дороги, идущей изъ с. Бесѣдовки въ с. Коровинцы (Роменск. у.), и представляетъ ровную площадь съ незначительнымъ уклономъ отъ Ю. на С. Никакихъ кургановъ или могильныхъ насыпей, замѣтныхъ для наблюдателя, не имѣеть.

Присматриваясь очень внимательно, можно было замѣтить два, едва видимыхъ, возвышенія, какъ бы слѣды бывшихъ кургановъ, близъ мѣста первоначальной находки. Эти возвышенія были раскопаны траншеями шириной до 4 арш. Первая траншея была заложена близъ мѣста, указаннаго находчикомъ. Длина 6 арш. Кромѣ двухъ паръ нижнихъ челюстей лося, въ ней ничего не найдено.

Траншея № 2 заложена на Ю. отъ № 1, въ разстояніи 2 арш., длиной 6—7 арш. Раскопанъ второй, едва примѣтный бугоръ. Въ немъ найдены: черепки глиняной посуды, плохого обжига, съ зубчатымъ орнаментомъ по краю вѣнчика, человѣческія обожженные кости, кости домашнихъ животныхъ, нѣсколько паръ нижнихъ челюстей лося и цѣльный горшокъ, наполненный до половины обожженными человѣческими костями. Среди нихъ никакихъ предметовъ не оказалось. Размѣръ горшка нѣсколько меньше сохранившагося отъ первоначальной находки. По очисткѣ траншеи ясно опредѣлились слѣды деревянныхъ столбовъ, расположенныхъ четырехугольникомъ неправильной формы, числомъ до 8 шт. Горшокъ стоялъ на землѣ непосредственно, подставки или подкладки подъ нимъ не было.

Такъ какъ оба бугра, о которыхъ сказано выше, были раскопаны и другихъ возвышенностей въ виду не имѣлось, то при дальнѣйшимъ выборѣ мѣсть раскопокъ пришлось останавливаться на пятнахъ желтоватаго цвѣта, выдѣлявшихся на фонѣ чернозема.

Отступя на С. отъ траншей №№ 1 и 2 на разстояніи, примѣрно, 10 саж., раскопаны два пятна. Діаметръ этихъ пятенъ примѣрно, около 2-хъ саж. каждое.

Въ траншеѣ № 3, ближайшей къ № 1, при углубленіи на 2 штиха (верш. 5—6), найдено три горшка, тѣсно поставленные другъ около друга. Размѣры почти одинаковые, но обжигъ ихъ разный. Болѣе темнаго обжига горшокъ оказался

вполнѣ цѣлымъ, а другіе два, одинъ красноватаго оттѣнка, а другой—сѣроватаго, оказались раздавленными. На двухъ не было никакихъ орнаментовъ, а сосудъ сѣроватаго цвѣта имѣлъ по краю вѣнчика зубчатый орнаментъ. Всѣ три сосуда содержали въ себѣ пережженные человѣческія кости. Въ одномъ изъ нихъ, среди костей, найдена сильно поврежденная огнемъ глиняная маленькая бусина и фрагментъ желѣзной пряжки.

Въ траншеѣ № 4 найдены разбитые глиняные сосуды, повидимому, небольшого размѣра, орнаментированные по краю вѣнчика зубчиками. Очищенное дно траншеи на глубинѣ 2 штиховъ, т. е. 5—6 вер., представляло поверхность большаго очага. Земля была пережженная, смѣшанная съ углемъ. Изслѣдованіе перенесено на лѣвую сторону отъ дороги и раскопано 4 желтоватыхъ пятна, но безъ всякихъ результатовъ, хотя, повидимому, почва была тронута.

Одновременно съ этой же стороны отъ дороги былъ раскопанъ незначительный курганъ. Въ немъ найдено два костяка, сильно разложившіеся. Черепа и берцовыя кости были желтовато-оранжеваго цвѣта. Никакихъ предметовъ при нихъ не оказалось. Одинъ изъ костяковъ былъ въ безпорядкѣ, а другой, непотревоженный, лежалъ на спинѣ, руки вдоль туловища, головой на сѣверъ.

Изслѣдованіе поля закончено еще 4-мя траншеями безъ какихъ-либо находокъ.

По сообщенію мѣстныхъ жителей, находки глиняныхъ сосудовъ, разныхъ размѣровъ, бывали и раньше. Однимъ изъ нихъ былъ доставленъ сосудъ глиняный до 4 вер. выш., изъ сѣровой глины. Всѣ находки отправлены въ Петербургъ.

НОВЫЯ СИСТЕМАТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ВЕРХНЕ-САЛТОВСКАГО КАТАКОМБНАГО МОГИЛЬНИКА 1908 ГОДА.

В. Бабенко.

На бывшемъ въ Харьковѣ XII Археологическомъ Сѣздѣ при докладѣ о раскопкахъ въ сл. Верхнемъ Салтовѣ, Харьковской губерніи, было высказано нѣкоторыми археологами мнѣніе, что Верхне-Салтовскій катакомбный могильникъ во многомъ напоминаетъ могильники Сѣвернаго Кавказа и что тотъ и другіе принадлежатъ одной эпохѣ времени.

Для болѣе обстоятельнаго изученія названнаго могильника и для сравненія его съ кавказскими мною были предприняты текущимъ лѣтомъ систематическія раскопки и изслѣдованія могильниковъ въ сл. Верхнемъ Салтовѣ. Всѣ производившіяся до сихъ поръ раскопки въ Верхнемъ Салтовѣ носили совершенно случайный характеръ. Могилы раскапывались лишь тамъ, гдѣ было удобнѣе производить раскопки, при томъ совершенно въ различныхъ мѣстахъ: разбросанно, преимущественно въ обрывахъ овраговъ, въ водомоинахъ и въ готовыхъ канавахъ.

Такой способъ веденія раскопокъ можно признать не вполне цѣлесообразнымъ: при немъ невозможно было выяснитъ ни расположенія могилъ, ни ихъ точнаго устройства.

Для болѣе обстоятельнаго изученія Верхне-Салтовскаго могильника я рѣшилъ взять для изслѣдованія цѣлыя его площади. Одна изъ такихъ площадей мною взята была въ самой низкой части могильника, а другая—въ самой возвышенной. Какъ та, такъ и другая площади взяты были въ одномъ и томъ же первомъ могильникѣ¹⁾. Раскопки же другихъ двухъ новыхъ могильниковъ пока оставлены до болѣе благоприятнаго случая въ силу того, что второй—весьма бѣденъ, а третій расположенъ въ мѣстности, покрытой садами, что дѣлаетъ раскопки почти невозможными.

При послѣднихъ моихъ раскопкахъ перваго могильника принятъ былъ и совершенно иной способъ нахождения могилъ. Сплошныя площади въ нѣсколько десятинъ изрѣзывались довольно глубокими и широкими траншеями на всемъ протяженіи могильника, на опредѣленномъ разстояніи другъ отъ друга, при чемъ такой способъ нужно признать вполне систематическимъ, такъ какъ не можетъ быть пропуска отдѣльныхъ могилъ.

Изрѣзанныя такимъ образомъ траншеи обнаруживаютъ въ себѣ цѣлыя ряды

¹⁾ Въ Салтовѣ оказалось еще два отдѣльныхъ новыхъ могильника; см. о раскопкахъ ихъ въ „Трудахъ XIII Археол. Сѣзда“, т. I, стр. 382.

могильныхъ проходовъ, расположенныхъ на довольно одинаковомъ разстояніи и ориентированныхъ въ одномъ направленіи.

Траншеи, прорѣзанныя въ низменной части могильника у подошвы возвышенности, открыли нѣсколько рядовъ могильныхъ проходовъ, отличавшихся незначительной длиной и шириной. Катакомбы находились на неособенно большой глубинѣ—отъ 2 до 3 метровъ отъ земной поверхности. Размѣры катакомбъ незначительны: $1\frac{1}{2}$ — 2 метра длины, $1—1\frac{1}{2}$ метра ширины и 1 метръ высоты. Погребенія въ катакомбахъ оказались преимущественно одиночныя и изрѣдка парныя. При погребеніяхъ найдены немногочисленные предметы, совершенно аналогичные съ прежними. Сосуды оказались разрушенными въ силу влажности, наблюдавшейся во всѣхъ катакомбахъ. Проходы ориентированы съ SE на NW, погребенія съ NE на SW.

Несравненно больше новаго матеріала дали раскопки возвышенной части могильника, находящейся на самой вершинѣ приднецкихъ горъ.

Здѣсь изрѣзана была траншеями наибольшая площадь могильника, гдѣ оказалось до 20 могильныхъ проходовъ, ориентированныхъ уже съ E на W и отличавшихся особенно большой длиной, доходившей въ иныхъ случаяхъ до 15 аршинъ. Катакомбы оказались на довольно значительной глубинѣ — отъ 3 до 5 метровъ отъ поверхности земли. Могильные проходы шли нѣсколькими глубокими уступами въ видѣ ступеней лѣстницы. Проходныя отверстія, ведущія въ катакомбы, были заложены каменными плитами или кусками дерева. Размѣры катакомбъ — 2 и болѣе метровъ длины и ширины и до двухъ метровъ высоты. Стѣнки катакомбъ были изящно обдѣланы, а иногда и побѣлены (рис. 126).

Какъ на особенность этихъ катакомбъ, слѣдуетъ указать на то, что въ нѣсколькихъ случаяхъ встрѣчались общія могилы въ нѣсколько соединенныхъ однимъ проходомъ катакомбъ, при чемъ однѣ изъ нихъ располагались противъ прохода, а другія—по бокамъ его. Подобное расположеніе могилъ часто встрѣчалось въ могильникахъ Сѣвернаго Кавказа около Чми ¹⁾ (рис. 127). Погребенія въ катакомбахъ преимущественно коллективныя — отъ 3 до 4 въ каждой, совмѣстно мужскія и женскія, а иногда и дѣтскія. Всѣ погребенія ориентированы съ N на S.

На ряду съ этими могилами встрѣтилась одна могила съ погребеніемъ коня, при остовѣ котораго оказался богатый наборъ конской сбруи, состоявшій изъ низкопробнаго серебра круглыхъ или листовидныхъ пластинокъ, рѣзанныхъ изъ тонкихъ листовъ, большихъ и малыхъ бляшекъ, головного убора—умбъ, имѣвшаго видъ выпуклой пластины съ вырѣзными краями, переходящей на вершинѣ въ полую трубку. При наборѣ сбруи были извлечены куски ремней съ нашитыми на нихъ бляшками, а также пара желѣзныхъ стремянъ съ узкой, плоской подложкой, прикрѣпленной къ удлиненнымъ желѣзнымъ дугамъ, съ плоской петлей для привѣшиванія, желѣзныя удила съ высокими трезелевыми частями и нѣсколько овальныхъ и полуовальныхъ пряжекъ и колець. Это погребеніе лошади оказалось въ особой могилѣ, не имѣющей съ другими никакой связи. Могила имѣла видъ узкой траншеи; костякъ лошади находился въ положеніи съ подогнутыми ногами и приподнятой кверху головой. Подобное погребеніе коня съ наборомъ сбруи, совершенно тождественной, находимо было и въ могильникахъ Сѣвернаго Кавказа—въ Кобани, около Чми и Балты ²⁾. Могильный инвентарь катакомбъ съ человѣческими погребеніями довольно богатъ и разнообразенъ и напоминаетъ,

¹⁾ См. „Матеріалы по археологій Кавказа“ граф. П. С. Уваровой, вып. VIII, стр. 113, рис. 102.

²⁾ См. указан. „Матеріалы“. Табл. LXVI.

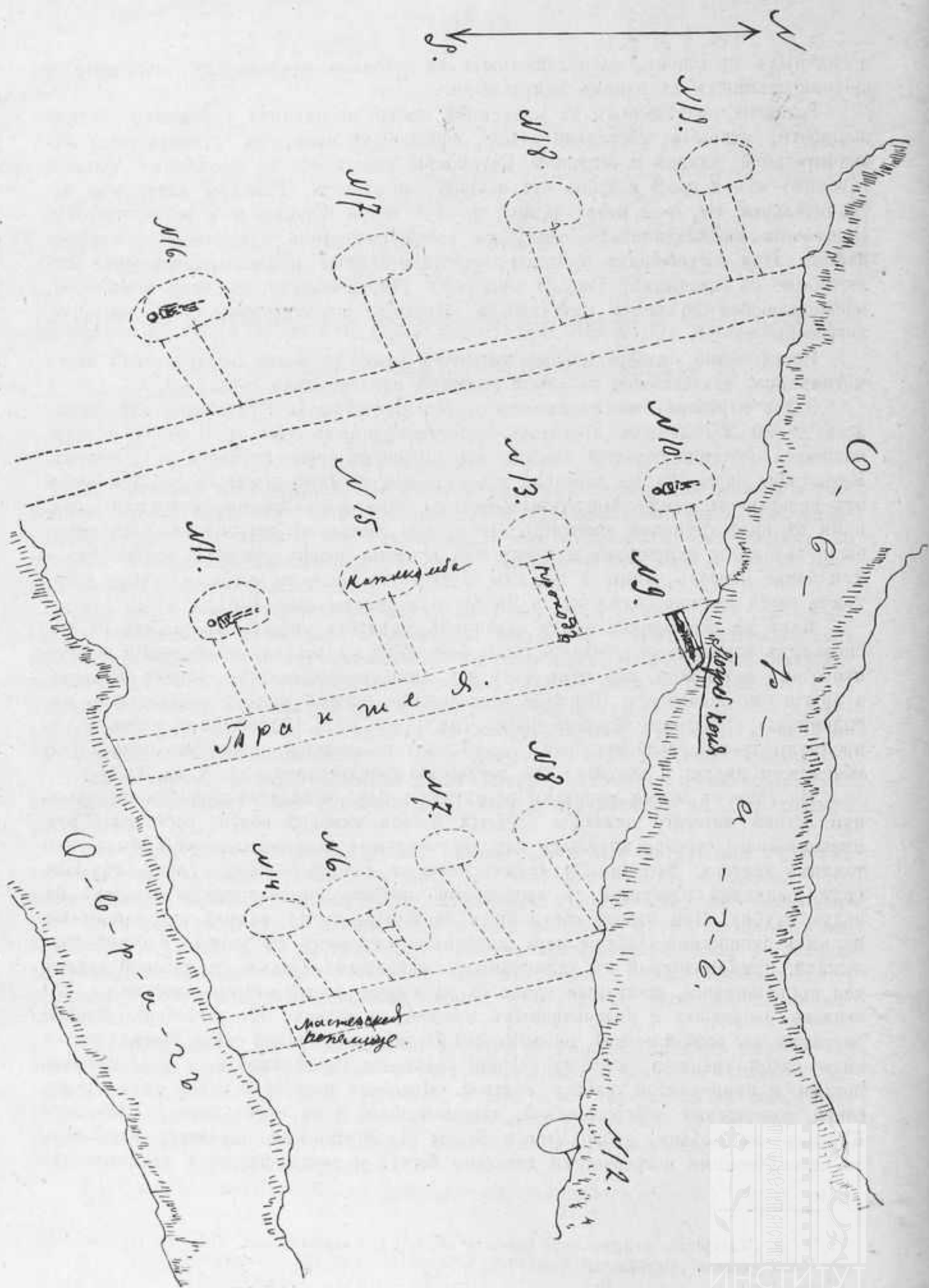

Рис. 126.

съ нѣкоторыми оттѣнками, особенно замѣтными въ бусахъ, катакомбный инвентарь Чми, Кобани и Балты.

Предметы изъ бронзы представлены въ видѣ легкихъ проволочныхъ браслетъ, плоскихъ трехугольныхъ бляшекъ, колесообразныхъ привѣсокъ, проволочныхъ перстней съ камнями, нѣсколькихъ пряжекъ и наконечниковъ отъ поясовъ, фигурчатыхъ привѣсокъ въ видѣ лошади и птицы и др. вещицъ, подобныхъ экземплярамъ могильниковъ Кобани, Чми и Корца.

Изъ жельза: масса ножей обыкновенной прямой формы, отточенныхъ съ одной стороны и со стержнемъ для насадки, но безъ черенковъ, которые, судя по слѣдамъ, были деревянные, небольшіе кинжалы съ остатками отъ ноженъ, обдѣлан-

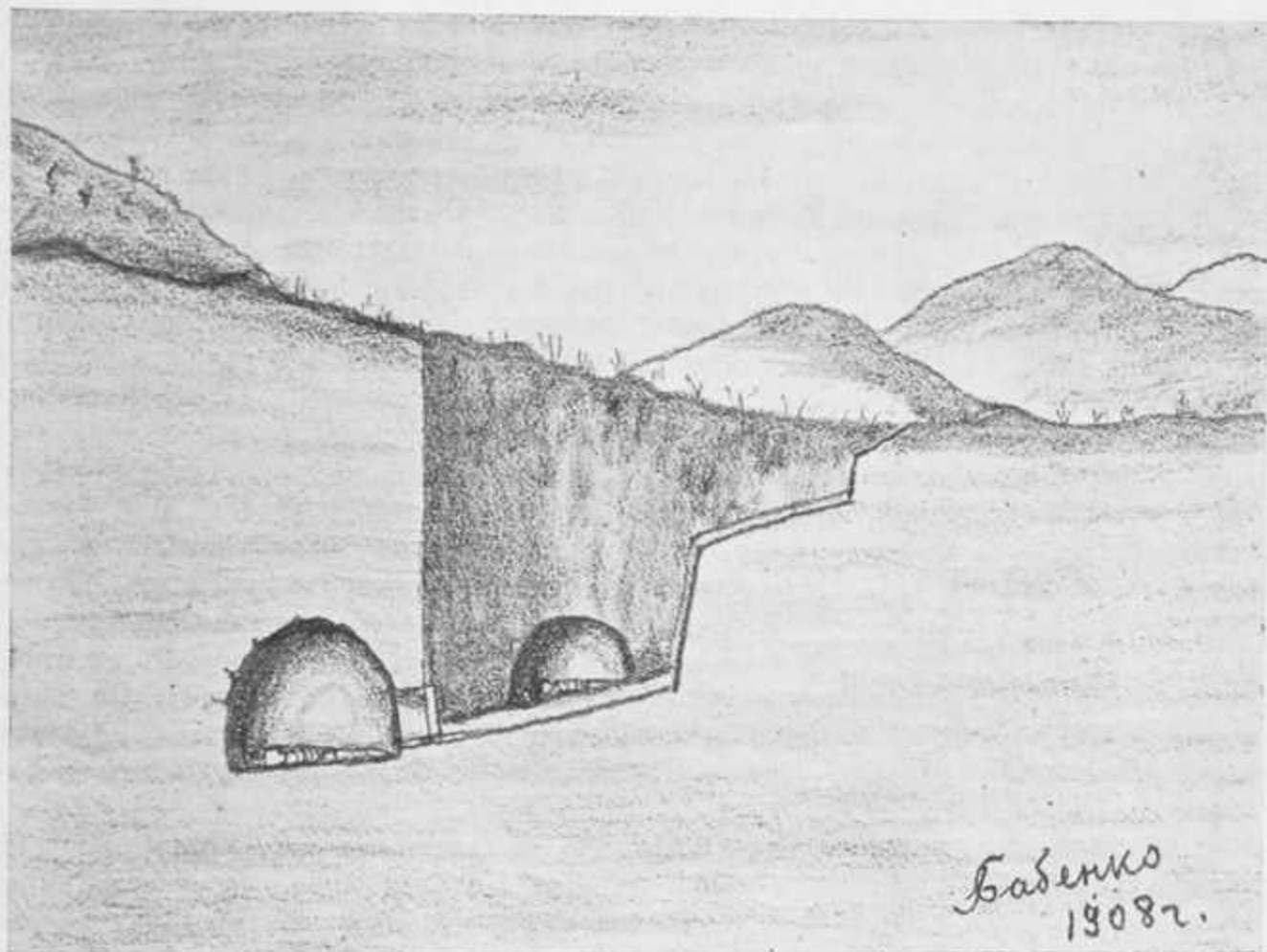

Рис. 127.

ныхъ серебряной или бронзовой оправой, боевые топорики типа кавказскихъ могильниковъ съ рѣзущей съ одной стороны частью и молоточной съ другой, плоскія лопаточки съ загибами для насадки, совершенно аналогичныхъ съ кавказскими.

Изъ серебра представляются наборы поясовъ и обуви въ видѣ весьма тонкихъ штампованныхъ пластинокъ, или совершенно гладкихъ, или покрытыхъ самымъ разнообразнымъ рисункомъ, не находящимъ себѣ сравненія ни въ животномъ, ни въ растительномъ царствѣ. Сюда же можно отнести нѣсколько аббасидскихъ диргемовъ, чеканенныхъ изъ серебра и служившихъ украшеніемъ головного убора. Монеты эти датируютъ Салтовскій могильникъ, подобно Кавказскимъ диргемамъ, VII—VIII вѣка по Р. Хр.

Изъ стекла имѣются разнообразныя и многочисленныя бусы. По своему

цвѣту и составу стеклянныя бусы различаются—прозрачныя, синія, расписныя, круглой и удлиненной формы, иногда съ шишечками и глазками; значительное число золоченыхъ бусъ въ видѣ соединенныхъ столбиками шариковъ, большое количество бусъ изъ разноцвѣтной смалты съ глазками и вставками, полосатыя и зеленныя съ разводами, подобно бусамъ изъ Рутхи и Балты. Бусы въ видѣ луницъ и рожковъ. Встрѣчались бусы изъ цѣлой синей массы, покрытыя глубокими извилистыми нарѣзами. Къ числу этихъ бусъ слѣдуетъ причислить бусы изъ сердолика, изъ известковой массы со слѣдами окраски и поливы, разложившихся отъ времени. Салтовскія бусы, хотя и не столь разнообразны, какъ кавказскія, но вполне сходны съ послѣдними, какъ по формѣ, такъ по цвѣту и составу.

Кромѣ того, при погребеніяхъ встрѣчались круглыя раковины со сверлинами посредніе, звѣринныя зубы, служившіе амулетами, кости домашнихъ животныхъ, остатки бересты, древесный уголь и глиняные сосуды.

Сосуды Верхне-Салтовскихъ катакомбъ глиняныя не отличаются особою изысканностью формъ и очень напоминаютъ такіе же сосуды кавказскихъ могильниковъ. По цвѣту сосуды состоятъ частью изъ свѣтлой глины, частью изъ глины, потемнѣвшей отъ медленнаго копченья или обжига. По составу сосуды принадлежатъ къ достаточно хорошо отмученной глинѣ и лѣплены при помощи круга и безъ него. По формамъ всѣ сосуды дѣлятся на кружки небольшихъ размѣровъ съ низкимъ узкимъ горломъ, или болѣе раскидистымъ, съ совершенно гладкими стѣнками, на которыхъ замѣтны иногда слѣды сглаживающихъ глину мазковъ и съ незначительными ручками въ видѣ небольшихъ петель (табл. IV, 6). Кувшины съ сильно расширеннымъ корпусомъ, переходящимъ въ узкое горло, заканчивающемся иногда вытянутымъ носкомъ для удобства выливанія жидкости (табл. IV, 4, 5). На наружныхъ стѣнкахъ иногда замѣтны слѣды прямыхъ черточекъ или темной покраски (табл. та же, 9). Одинъ изъ сосудовъ имѣетъ форму низкаго горшка (табл. та же, 7), съ рѣзко выдающейся шейкой и съ откинутымъ бортомъ; другой небольшой сосудъ имѣетъ форму банки и отличается своею грубой обдѣлкой.

Въ одной изъ катакомбъ найдено небольшое горлышко отъ разбитаго стекляннаго сосуда зеленоватаго цвѣта, съ утолщеннымъ круглымъ бортомъ. По своей формѣ и цвѣту стекла горлышко это аналогично съ прежде добытымъ стекляннымъ сосудомъ, очень напоминающимъ кавказскіе стеклянные сосуды изъ катакомбъ Балты и Чми.

Оружіе и орудія Салтовскихъ катакомбъ состоятъ: изъ желѣзныхъ топоровъ значительныхъ размѣровъ, удлиненной формы, съ овальной, не выдающеюся втулкою и молоточною частью, какъ и въ кавказскихъ желѣзныхъ топорахъ, желѣзныхъ небольшихъ кинжаловъ со стержнемъ для насадки рукояти и съ остатками обдѣланныхъ серебромъ ноженъ, желѣзныхъ ножей узкой и удлиненной формы и желѣзныхъ лопаточекъ небольшихъ размѣровъ плоской формы съ загибами, образующими втулку для насадки, какъ экземпляръ изъ Кобанскаго могильника.

Зеркала изъ бѣловатаго сплава, круглой формы съ незначительною петелькой на обратной поверхности, покрытой рельефнымъ рисункомъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ рядовъ концентрическихъ круговъ, пересѣченныхъ лучеобразно линиями или же покрытыхъ волнистымъ орнаментомъ, перемѣшаннымъ правильно расположенными наплывами точекъ. Металлическія зеркала Салтовскихъ катакомбъ (табл. IV, 18), подобно кавказскимъ Кобани, Чми и Балты, принадлежатъ къ Комунтскому типу съ переходомъ отъ болѣе классическихъ формъ къ болѣе варварскимъ (табл. IV, 14).

Бронзовые браслеты, общаго позднѣйшаго типа, изъ гладкой, тонкой, круглой проволоки, безъ спаевъ, съ краями, заходящими другъ за друга, или расходящимися

изъ гладкой, болѣе толстой проволоки съ напылами на обоихъ концахъ или же изъ крученой проволоки.

Перстни изъ полукруглой бронзовой проволоки съ расширеніями посрединѣ или же съ гнѣздами для стеклянныхъ и сердоликовыхъ вставокъ, подобно находкамъ въ Комунтѣ, Чми и Дергавсѣ ¹⁾.

Серьги при послѣднихъ раскопкахъ въ Верхнемъ Салтовѣ найдены двухъ типовъ: бронзовыя, въ видѣ небольшихъ удлиненныхъ колецъ съ неподвижными грушевидными подвѣсками, и серебряныя, состоящія изъ незначительнаго проволочнаго кольца съ подвижной подвѣской въ видѣ дугообразныхъ шариковъ и столбиковъ (рис. 128—130). Серьги эти аналогичны съ прежними и напоминаютъ серьги, находимыя въ катакомбахъ Чми ²⁾.

Изъ мелочей въ Салтовскихъ катакомбахъ найдены: круглая ажурная привѣска съ завитками и другая съ фигуркой коня въ кругѣ, фигурки скачущей лошади и летящей птицы, бронзовыя вазочки, составленныя изъ двухъ равныхъ половинокъ, бронзовая коробочка трехугольной формы съ рельефнымъ рисункомъ; бронзовый золоченый сосудъ въ видѣ фляжки съ тремя ушками для подвѣшивания. Последняя находка составляетъ нѣкоторое отличіе отъ прежнихъ раскопокъ; бронзовыя спиральки, ухвертки изъ бронзовой круглой проволоки, очень миниатюрныхъ размѣровъ и съ петлей на срединѣ ручки; бронзовыя перекладины съ тремя петлями для прикрѣпленія цѣпочекъ; звѣриные клыки со сверлинами для нанизыванія на нить, вѣроятно, служившіе амулетами, какъ въ Кобани, Чми и Балтѣ; круглыя раковины со сверлинами посрединѣ, замѣнявшія, вѣроятно, пуговицы и проч.

Рис. 128.

Рис. 129.

Рис. 130.

Бусы въ изслѣдованныхъ катакомбахъ весьма разнообразны: сердоликовыя, болѣею частью круглыя, хотя имѣются и граненыя; бусы изъ прозрачнаго бѣлаго стекла изъ синей и темной смалты съ рѣдкими вставками глазковъ, одинаковой формы и дѣла, какъ въ катакомбахъ Кобани и Балты; имѣются и цилиндрической формы бусы изъ разноцвѣтнаго стекла съ рисункомъ или же изъ одноцвѣтнаго съ извилистыми впадинами; золотистаго цвѣта бусы въ нераздѣльныхъ столбикахъ, крупныя бусы изъ черной смалты съ грубыми неясно выраженными расплывчатыми голубыми съ бѣлыми зрачками-глазками, напоминающія въ болѣе грубой формѣ экземпляры изъ Рутхи и Балты ³⁾. Бусы въ формѣ рогатокъ изъ синей смалты, подобныя экземплярамъ изъ катакомбъ Кобани, Балты и Рутхи; значительное количество плоскихъ четырехугольныхъ бусъ изъ темно-синей и многоцвѣтной смалты ⁴⁾. Среди описываемыхъ бусъ, обыкновенно простыхъ круглыхъ формъ, имѣются въ Салтовскихъ катакомбахъ и такія, которыя требуютъ болѣе усовершенствованную технику; къ такимъ бусамъ относятся экземпляры съ раз-

¹⁾ См. указан. „Матеріалы“ табл. LIV, 1 и 7—10.

²⁾ Тамъ же, табл. LVIII, 5 и въ „Трудахъ“ XIII Съѣзда, т. I, стр. 400, рис. 119.

³⁾ См. тамъ же, табл. XC, 1, M и II.

⁴⁾ Рис. 114 и 112, стр. 137.

давшуюся среднею частью и круглыми бисерообразными оконечностями, подобныя тѣмъ, которыя имѣлись въ катакомбахъ Чми и Балты. Въ числѣ бусъ слѣдуетъ упомянуть и о привѣскахъ, литыхъ изъ одинаковаго съ ними сплава и принадлежащихъ также къ числу ожерельевъ и игравшихъ, по всему вѣроятію, роль талисмановъ, какъ рожки и луницы. Встрѣчались и плоскія пластинки изъ синей смалты, просверленныя насквозь тремя отверстіями. Подобныя пластинки, вѣроятно, служили скрѣпами для рядовъ ожерельевъ. Подобнаго рода находки имѣлись въ Кобани и Балтѣ.

Уборы конской сбруи гораздо многочисленнѣе, хотя и не отличаются особеннымъ разнообразіемъ; состоятъ они изъ серебряныхъ бляхъ, рѣзанныхъ изъ тон-

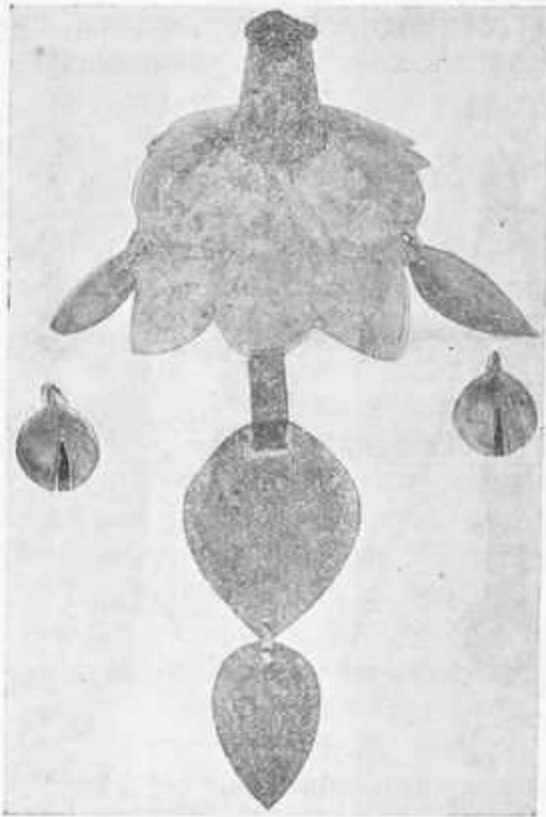

Рис. 131.

кихъ листовъ, съ совершенно гладкою поверхностью, въ верхней части которой пробиты по два отверстія для прикрѣпы къ ремнямъ. Бляхи эти имѣются при погребеніяхъ коня въ большомъ количествѣ, какъ въ описываемыхъ катакомбахъ, такъ и въ Кобани и Балтѣ. Онѣ большею частью круглой формы, но имѣются и листообразныя, у которыхъ верхнее круглое отверстіе замѣняется въ иныхъ экземплярахъ продольнымъ прорѣзомъ¹⁾. Къ конской сбруѣ слѣдуетъ причислить и родъ серебряныхъ — умбъ, находимыхъ какъ въ Салтовскихъ катакомбахъ, такъ и въ Балтскихъ и Кобанскихъ и принимаемыхъ за принадлежность головного убора. Умбы эти представляютъ выпуклую тонкую пластинку съ боковыми выемками, увѣчанную круглою, довольно высокою, полою, открытою на вершинѣ трубкою (рис. 131). Кромѣ серебряныхъ бляхъ и умбъ въ Верхнемъ Салтовѣ, какъ и на Кавказѣ, извлекались и бронзовыя, покрытыя позолотой. Сюда же принадлежатъ и болѣе мелкія бляшки, находимыя въ значительномъ количествѣ при

конскихъ остовахъ. Бляшки эти, судя по заклепкамъ и подкладочнымъ пластинкамъ, не могли служить ничѣмъ инымъ, какъ наборомъ ременной сбруи, сохранившей слѣды кожи, и представляются въ видѣ вырѣзныхъ фигуръ, оваловъ, трехлиственниковъ, удлиненныхъ пряжекъ. Къ той же конской сбруѣ слѣдуетъ причестъ и литые серебряные бубенцы съ прорѣзами снизу и съ ушками для пришиванія. Для звону внутри бубенцовъ вложены желѣзные шарики.

Къ желѣзнымъ принадлежностямъ сбруи принадлежатъ: *удила*, сильно пострадавшія отъ ржавчины и имѣвшія высокія прямыя тrenzелевыя части; *стремена* овальной высокой формы съ четырехугольной прорѣзной петлей наверху, съ нижнею немного выгнутою вверхъ пластиною, перерѣзанною снизу крупнымъ шнуромъ; *пряжки* полуовальной или круглой формы съ простымъ длиннымъ шнуркомъ для застѣжки. Какъ весь наборъ конской сбруи, такъ и принадлежности ея

¹⁾ См. указ. „Матеріалы“, табл. LXVI, 1, 2, 3, 4, 5, 6.

Салтовскихъ катакомбъ вполне совпадаютъ съ такими же наборами и принадлежностями сбури Кобани и Балты.

Сопоставляя нынѣ матеріалы, добытые изъ Салтовскихъ раскопокъ и раскопокъ Чми, Балты, Кумбулты и др., можно прийти къ тому заключенію, что описаніе и рисунки многочисленныхъ различныхъ предметовъ и устройства могилъ, помѣщенныхъ въ «Трудахъ XII и XIII-го Археологическихъ Съѣздовъ» о раскопкахъ въ Верхнемъ Салтовѣ и въ «Матеріалахъ по археологіи Кавказа», о могильникахъ Сѣвернаго Кавказа во многомъ имѣютъ большое сходство, такъ что описаніе однихъ раскопокъ можетъ служить описаніемъ другихъ и помѣщенные при нихъ таблицы снимковъ предметовъ первыхъ могутъ иллюстрировать вторыхъ.

Начнемъ сравненія съ разсмотрѣнія общаго расположенія могильниковъ и устройства самихъ катакомбъ, а затѣмъ перейдемъ къ сравненію тѣхъ предметовъ, которые находимы были какъ въ Салтовскихъ могильникахъ, такъ и Кавказскихъ, преимущественно такихъ, которые имѣютъ между собою наиболѣе сходства.

Сравнивая расположеніе могильниковъ въ Верхнемъ Салтовѣ и на Кавказѣ около Чми, Балты и др., находимъ, что какъ тѣ, такъ и другіе расположены по склонамъ горъ, оврагамъ или же балкамъ, преимущественно по южнымъ склонамъ вблизи рѣкъ ¹⁾.

Грунтъ, въ которомъ найдены Салтовскія и указанныя Кавказскія могилы, состоитъ обыкновенно изъ плотнаго глинистаго слоя; по своему устройству могилы эти скорѣе напоминаютъ древнія катакомбы. Катакомбы эти, какъ въ Салтовѣ, такъ и около Чми и Балты, расположены одна возлѣ другой и одна надъ другой, представляя отъ подошвы возвышенностей до ихъ вершинъ нѣсколько катакомбныхъ ярусовъ ²⁾.

Самыя верхнія помѣщались на глубинѣ двухъ—трехъ аршинъ отъ земной поверхности, самыя нижнія — на глубинѣ 8—10 аршинъ.

Почти каждая катакомба тѣхъ и другихъ могильниковъ начиналась узкимъ и длиннымъ проходомъ въ видѣ открытой траншеи. Проходы большинства катакомбъ ориентированы къ югу или же юго-востоку. Размѣры проходовъ весьма различны: отъ одного до десяти аршинъ длины (въ Салтовѣ одна имѣлась въ 15 арш.) и отъ $\frac{3}{4}$ арш. до 1 арш. ширины и различной глубины, смотря по положенію катакомбъ.

Проходы эти обыкновенно оказывались засыпанными землей и отверстія, ведущія въ катакомбы, заложены были каменными плитами, а въ Салтовѣ, кромѣ того, кусками глины или деревомъ. За этими отверстиями, ведущими въ могильныя помѣщенія, открывались катакомбы, размѣры которыхъ были отъ одного до трехъ аршинъ длины и ширины и отъ одного до двухъ арш. высоты.

На полу катакомбъ помѣщались самыя погребенія, въ видѣ истлѣвшихъ или полунстлѣвшихъ человѣческихъ костяковъ. Число костяковъ въ каждой катакомбѣ, какъ въ Салтовѣ, такъ и въ указанныхъ кавказскихъ могильникахъ, преобладало отъ одного до трехъ и рѣже болѣе; изъ нихъ можно было различить мужскіе, женскіе и изрѣдка дѣтскіе. При мужскихъ костякахъ встрѣчались остатки оружія,

¹⁾ См. у Гр. Уваровой: стр. 112, 129, и у А. М. Покровскаго въ «Труд. XII Арх. Съѣзда», т. I, стр. 465.

²⁾ См. В. А. Бабенко: «Что дали новаго послѣднія раскопки въ В.-Салтовѣ», «Труды XIII Археолог. Съѣзда», стр. 384, и «Матеріалы по археол. Кавказа», в. VIII, стр. 112.

кожаныхъ поясовъ, украшеній въ видѣ бляхъ и пряжекъ; при женскихъ остовахъ—серьги различныхъ формъ и состава, ожерелья изъ разнообразныхъ бусъ, браслеты, перстни, фибулы, подвѣски различныхъ формъ, а иногда и изображенія животныхъ и проч.

У входа въ катакомбахъ часто извлекались кости домашнихъ животныхъ и глиняные сосуды, различной формы и техники производства.

И въ Верхнемъ Салтовѣ, какъ и въ могильникахъ Сѣвернаго Кавказа, часто на ряду съ человѣческими погребеніями встрѣчаются могилы съ конскими костями. Могилы эти находимы были отдѣльно отъ катакомбъ и имѣли видъ небольшихъ узкихъ траншей—въ 3 метра длины, въ 75 сант. ширины и 1½ метра глубины. Лошадь въ такихъ могилахъ засыпалась землей въ стоячемъ или съ подогнутыми ногами положеніи, при чемъ при костякахъ лошадей иногда находилась украшенная сбруя.

Такое же сходство обнаруживается при сравненіи Салтовскаго могильнаго инвентаря со многими предметами изъ могильниковъ Чми, Кумбулты, Кобани, Дзивгиса и Балты. Всѣ вещи Верхне-Салтовскихъ могильниковъ не только повторяютъ типы указанныхъ кавказскихъ катакомбныхъ могилъ, но иногда представляютъ полное съ ними тождество, какъ въ матеріалѣ, такъ и въ technikѣ.

Сравнимъ всѣ предметы по отдѣльнымъ группамъ.

а) *Сосуды* Салтовскихъ и Кавказскихъ катакомбъ раздѣляются на глиняные и стеклянные. Глиняные сосуды тѣхъ и другихъ раскопокъ не отличаются особою изысканностью формы и обработки, исключая, конечно, выдающихся росписныхъ сосудовъ изъ Ладзы. Остальные принадлежатъ къ общей формѣ болѣе позднихъ сосудовъ Кавказа. По своему матеріалу, изъ котораго сосуды приготовлены, они состоятъ изъ болѣе или менѣе хорошо отмученной глины и лѣплены при помощи круга или безъ него. По своей формѣ Салтовскіе и Кавказскіе сосуды чаще напоминаютъ кружки небольшихъ размѣровъ съ узкимъ горломъ и слабо выраженнымъ корпусомъ¹⁾ (табл. IV, 1—3, 6).

Второй видъ сосудовъ—кувшины различныхъ размѣровъ, отъ 15 до 20 сант. высоты. Корпусъ такихъ сосудовъ очень расширенъ и рѣзко переходитъ въ узкое удлиненное горлышко, заканчивающееся иногда носкомъ, предназначеннымъ для удобства выливанія жидкости. Стѣнки сосудовъ снаружи иногда покрыты незатѣйливымъ орнаментомъ (табл. IV, 4, 5, 8—13).

Какъ исключеніе, представляютъ собою кавказскія глиняныя миски, а въ Салтовѣ—глиняные горшки (тамъ-же, 7).

По цвѣту сосуды тѣхъ и другихъ мѣстностей различаются: имѣются изъ свѣтлосѣрой глины, частью изъ глины, пожелтѣвшей или потемнѣвшей отъ медленнаго копченія или обжига, частью же настолько черны, что можно предположить прибавку графита или темную покраску.

На ряду съ этими сосудами въ Салтовѣ и на Кавказѣ попадались изрѣдка сосуды довольно изящной работы и хорошаго обжига, совершенно краснаго цвѣта (табл. IV, 10—13).

Что же касается стеклянныхъ сосудовъ, то въ катакомбахъ Балты, Кобани и Чми такіе считаются многочисленными, въ Салтовѣ же пока встрѣтился одинъ экземпляръ цѣлаго шарообразнаго сосуда (табл. IV, 19) и во второмъ случаѣ при раскопкахъ этого года только верхняя часть такого сосуда. Многочислен-

¹⁾ „Матер. по археол. Кавказа“, вып. VIII, табл. CXIV, 1, и „Труды XII Арх. Съезда“, т. I, табл. XXIII, 110, 111, 112, 117; табл. XXIV, 113, 114, 115.

ность стеклянныхъ сосудовъ Кавказа составляетъ нѣкоторое отличие отъ Салтовскихъ катакомбъ, но все же по составу, цвѣту стекла и по формѣ Салтовскій сосудъ и часть другого вполне аналогичны съ Кавказскими.

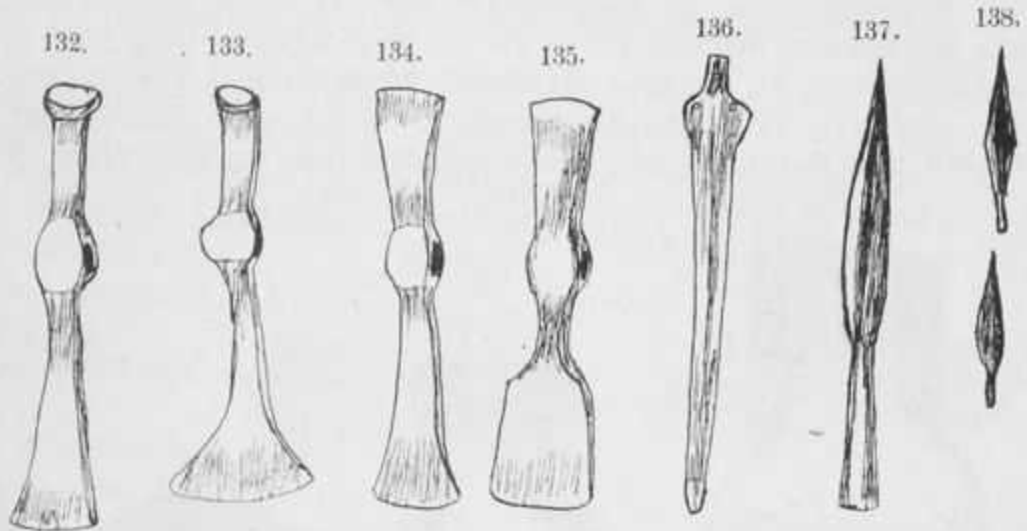
Еще рѣже въ Салтовѣ встрѣчались металлическіе сосуды. Только при послѣднихъ моихъ раскопкахъ найденъ бронзовый сосудъ въ видѣ фляжки, сплюснутой полуэвальной формы съ тремя ушками для подвѣшиванья, но этотъ сосудъ не имѣетъ ничего общаго по формѣ съ флягами, найденными въ кладѣ у ст. Казбекъ ¹⁾.

б) *Оружіе* Салтовскихъ могильниковъ, точно такъ же, какъ и Кавказскихъ, состоитъ преимущественно изъ боевыхъ топоровъ совершенно своеобразнаго типа,

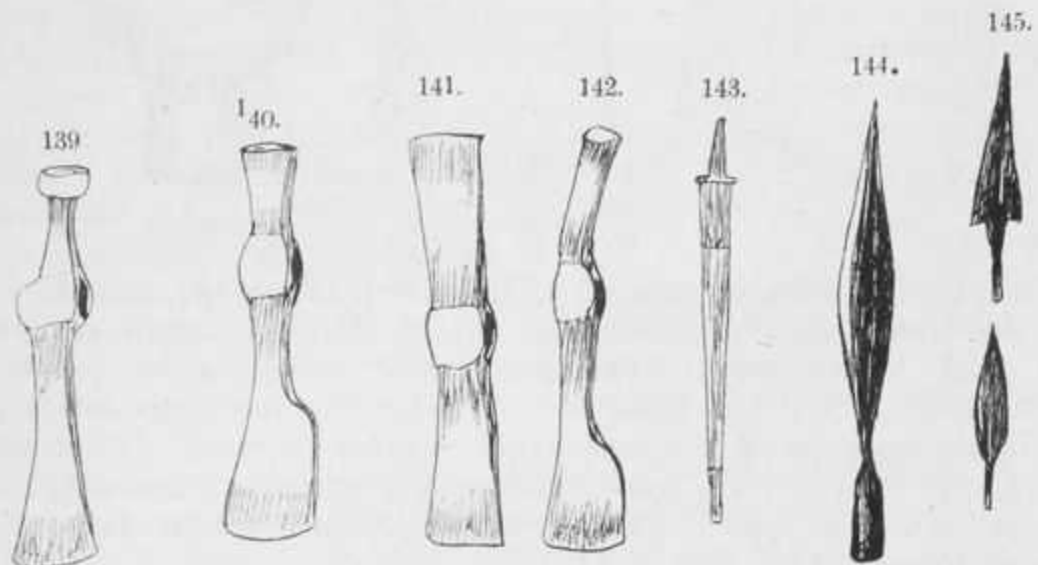
носящихъ какъ по формѣ, такъ и по обработкѣ восточный характеръ, и изъ кинжаловъ, которые впервые нашли примѣненіе на востокѣ и которые употреблялись и носились тамъ также, какъ носятъ и до сихъ поръ на Кавказѣ.

Желѣзные топоры тѣхъ и другихъ могильниковъ имѣютъ удлиненную форму, обращенную съ одной стороны въ рѣзущую плоскую часть и съ другой—въ молоточную, хотя, впрочемъ, имѣлись экземпляры и съ обоюдо — рѣзущими частями. Топоры эти насаживались на древко своею круглою расширенною втулкой ²⁾ (рис. 132—135 и 139—142).

Желѣзные кинжалы въ названныхъ могильникахъ попадались гораздо рѣже. Всѣ они имѣли деревянные ножны съ серебряной или мѣдной оковкой (рис. 136 и 143). Гораздо чаще встрѣчались желѣзные ножи, а въ Салтовскихъ могилахъ

Оружіе Сѣвернаго Кавказа.

Салтовское оружіе.

¹⁾ См. „Матер. по археол. Кавказа“, вып. VІІІ, стр. 140, рис. 120.

²⁾ Тамъ же, табл. XLVІІ, 7—8; т. LXXIV, I, и „Труды XII Съѣзда“, т. I, табл. XX, 3—6.

даже по нѣскольку при каждомъ погребеніи. Ножи эти въ свою очередь влагались въ ножны съ металлической обдѣлкой.

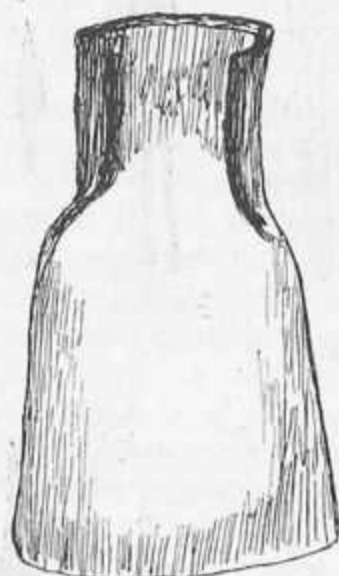
Стрѣлы въ Салтовѣ трехгранной и плоской формы и найдены въ большемъ количествѣ, чѣмъ на Кавказѣ. Наконечники стрѣлъ по своей формѣ и своими короткими втулками для насадки совершенно одинаковы съ Кавказскими (рис. 138 и 145). Въ Салтовѣ, какъ и на Кавказѣ, при стрѣлахъ иногда замѣчались остатки деревянныхъ кольчугъ съ желѣзными гвоздями и скрѣпами.

Копья въ Салтовѣ составляютъ рѣдкое явленіе. Встрѣтившіеся два экземпляра имѣли—одно плоскую, другое—трехгранную форму, типа кавказскихъ копій (рис. 137 и 144).

Короткіе мечи въ Салтовскихъ могильникахъ совершенно отсутствуютъ, но ихъ замѣняютъ прямыя сабли съ одной рѣзущей стороной и, какъ въ Кавказскихъ мечахъ, съ длинной желѣзной перекладной у рукоятки.

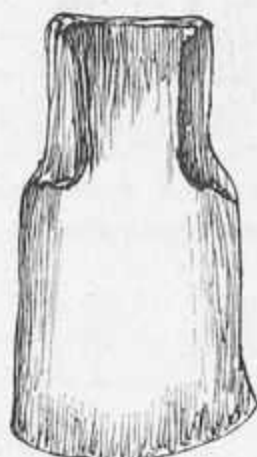
*Сабли*¹⁾ вкладывались, какъ и мечи, въ деревянные ножны съ серебряной или бронзовой обдѣлкой, рукоятки тоже имѣли такія же оковки. Своими

146.

Кавказская.

147.

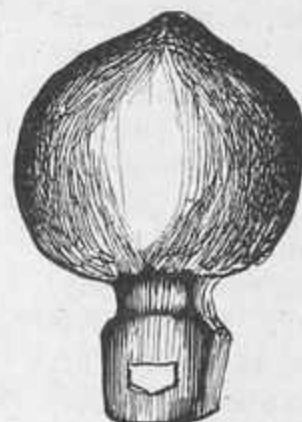
Салтовская.

148.

Кавказское.

149.

Салтовское.

немногочисленными саблями Салтовскіе могильники имѣютъ отличительную черту отъ Кавказскихъ, отличающихся короткими и широкими мечами. Къ оружію слѣдуетъ причислить и нѣкоторыя орудія, находимыя въ большомъ количествѣ въ Салтовѣ и рѣже на Кавказѣ—это небольшія желѣзныя *плоскія лопатки*, назначеніе которыхъ по сохранившимся слѣдамъ обдѣлки Салтовскихъ катакомбъ состояло въ томъ, что ими обдѣлывались стѣны катакомбъ (рис. 146 и 147)²⁾. *Желѣзные наперстки* одинаковой шарообразной формы какъ въ Салтовѣ, такъ и на Кавказѣ (рис. 148 и 149).

с) *Принадлежности конской сбруи*, находимыя при богатыхъ погребеніяхъ лошади, обнаруживаютъ особыя черты сходства погребеній коня въ Верхнемъ Салтовѣ, гдѣ не только погребеніе, но и весь конскій уборъ совпадаетъ съ такимъ же погребеніемъ изъ могильника около станціи Балты (рис. 131)³⁾.

¹⁾ См. „Труды XII Съѣзда“, т. I, табл. XX, 1—2.

²⁾ См. тамъ же, № 8 и въ „Матер. по археол. Кавказа“, вып. VIII, т. LXVII, 10.

³⁾ „Матер. по арх. Кавказа“, в. VIII, стр. 132, въ указанн. Труд., т. XXII, 92—102 и „Труды XIII Съѣзда“, т. I, стр. 401.

Конская сбруя такихъ погребеній, какъ въ Салтовѣ, такъ и въ могильникахъ Балты, состояла частью изъ серебрянаго или бронзоваго съ позолотой убора и частью изъ желѣзныхъ принадлежностей сбруи. Подобные головные уборы лошадей употребляются и до сихъ поръ въ закаспійскомъ краѣ.

Прижки обыкновенно прямолинейныя или полукруглыя съ простымъ длиннымъ шинькомъ для застѣжки и мелкія принадлежности конской сбруи одинаковы, такъ же какъ въ Салтовѣ, такъ и на Кавказѣ (табл. IV, 16 и рис. 150—155).

Удила въ Салтовѣ возможны только для азіатской породы лошадей и схожи по деталямъ съ удилами Балты и Кобани и имѣютъ высокія прямыя тrenzелевыя части.

d) *Туалетныя принадлежности и другія украшенія одежды* Верхне-Салтовскаго катакомбнаго могильника также повторяютъ типы Кавказскихъ.

Самое большое сходство представляютъ серьги, браслеты, поясные наборы, причемъ Верхне-Салтовскіе наконечники ремня съ изображеніемъ человѣческой фигуры повторяютъ почти въ точности добытый графиней П. С. Уваровой экземпляръ въ одной изъ могилъ Дзивгиса ¹⁾.

Точно также и металлическія зеркала, часто встрѣчающіяся въ Салтовѣ, повторяютъ варианты кавказскихъ зеркалъ.

Вообще же нужно замѣтить, что изъ предметовъ личнаго убранства, находящихся при костякахъ въ могильникахъ Верхне-Салтова и Сѣвернаго Кавказа, имѣютъ еще болѣе сходства. Украшенія эти имѣлись преимущественно при женскихъ погребеніяхъ и по своему типу тѣ и другія отличаются замѣчательнымъ тождествомъ.

Но при сравненіи рѣзко бросается въ глаза и отличіе кавказскихъ могильниковъ отъ Верхне-Салтовскихъ, состоящее въ сравнительной бѣдности послѣдняго. Даже количество и разнообразіе бусъ ничтожно на ряду съ тѣмъ, что попадается въ могильникахъ Кавказа. Въ особенности могилы около Комунты отличаются своимъ богатствомъ украшеній, большинство которыхъ состоитъ изъ золота и изящныхъ бронзовыхъ фигуръ. Въ Салтовѣ же за все время производившихся раскопокъ пришлось встрѣтить только въ нѣсколькихъ случаяхъ издѣлія изъ золота въ видѣ золотыхъ серегъ.

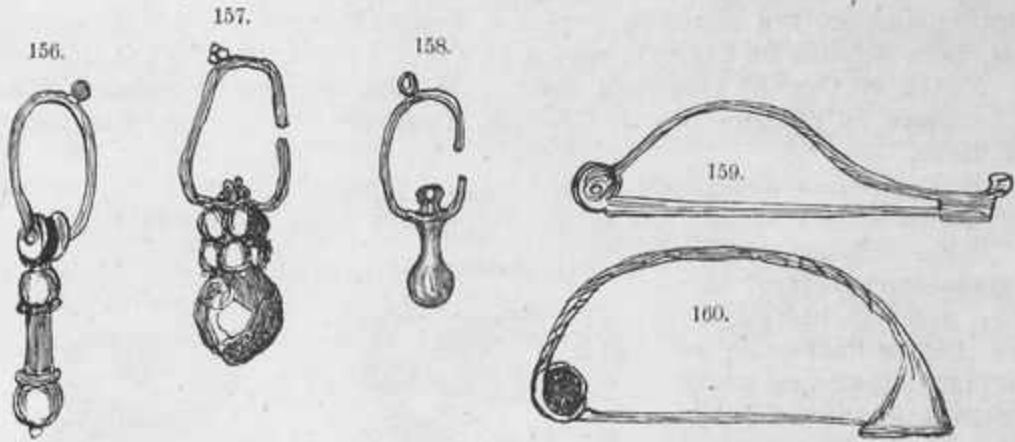
Серьги Салтовскихъ катакомбъ, какъ золотыя, такъ и серебряныя и бронзовыя по внѣшнему виду очень напоминаютъ такіе же экземпляры серегъ Кобани, Балты, Чми и Дергавса ²⁾. Какъ Салтовскія, такъ и названныхъ мѣстъ Кавказа серьги различаются двухъ типовъ—большія съ подвижными подвѣсками изъ сложенныхъ дугообразныхъ шариковъ, или столбиковъ съ шариками и меньшія изъ бронзы съ неподвижными подвѣсками съ головками или бусинами, посаженными на проволоку (рис. Салтовскихъ серегъ 128—130 и кавказскихъ 156—158).

¹⁾ См. тѣ же «Матеріалы», стр. 174.

²⁾ См. тѣ же «Матеріалы», табл. XLVIII, 5; LXV, 24; LII, 7; LXV, 25 и тѣ же «Труды XII Съезда», табл. XXI, 22—25, XIII Съезда, стр. 400, рис. 118, 119.

Фибулы дугообразной формы указывают то же сходство Салтовских могильниковъ съ Кавказскими. Всѣ онѣ арбалетной формы и состоятъ изъ пластинчатой дуги, которая по краямъ суживается и образуетъ влагалище для прикрѣпленія подвижной иглы. Иглы наворачиваются на круглую проволоку (рис. 159 - 161¹⁾).

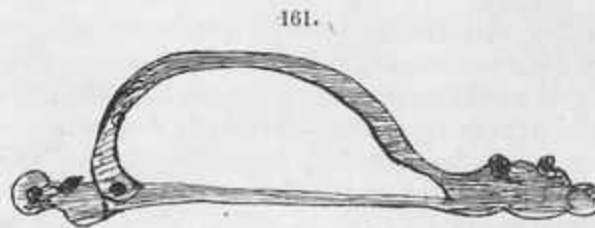

Кавказскія.

Кавказскія.

Привѣски бронзовые и стеклянные въ могильникахъ Верхне-Салтова составляютъ какъ бы повтореніе кавказскихъ.

Многіе изъ нихъ имѣютъ видъ бронзовыхъ ажурныхъ кружковъ, изъ коихъ наиболѣе часто встрѣчаются въ Салтовѣ кольца съ нѣсколькими соколиными головками или же просто колесообразныя, одного типа съ Кобанскими и др. могильниками. Въ Салтовѣ часто встрѣчались подвѣски съ изображеніемъ коня въ кругѣ²⁾.

Салтовскія.

Стеклянные привѣски какъ тѣхъ, такъ и другихъ могильниковъ имѣютъ видъ луницъ или рожковъ. Другія же подвѣски, встрѣчающіяся въ сравниваемыхъ могильникахъ, составляютъ часть туалетныхъ принадлежностей и состоятъ изъ бронзовыхъ ухвертокъ, длинныхъ плоскихъ и острыхъ иглъ и проч. Изрѣдка имѣлись сложныя подвѣски, прикрѣпленныя на нѣсколькихъ цѣпочкахъ въ видѣ ажурныхъ кружковъ и туалетныхъ металлическихъ коробочекъ съ трубочками отъ кисточекъ.

Сходство Салтовскихъ катакомбъ съ кавказской культурой находимъ даже въ мелочахъ; такъ, напр., при раскопкахъ Салтовскихъ могильниковъ напали неоднократно на рядъ мелкихъ бронзовыхъ спиралекъ и бронзовыхъ трубочекъ, прерываемыхъ сердоликами или стеклянными бусами. Подобнаго же рода спиральки и трубочки находимы были въ могильникахъ Кобани и др.

Бусы въ Салтовѣ имѣются въ огромномъ количествѣ и изъ самаго разнообразнаго матеріала, между которымъ преимущественно является стекло, сердоликъ

¹⁾ См. въ тѣхъ же „Матер.“, табл. LXV, 25; LXXXVIII, 10, 11, и въ „Труд. XII Съѣзда“, стр. 400, № 120.

²⁾ См. тѣ же „Труды XII Съѣзда“, табл. XXI, 43—46, 41—42, 37, 39; и тѣ же „Материалы“, стр. 221, № 188, табл. LIV, 5.

СОСУДЫ КАВКАЗСКІЕ.

1.

2.

3.

САЛТОВСКІЕ.

4.

5.

6.

7.

8.

9.

ИЗЪ РУТХИ.

10.

11.

12.

13.

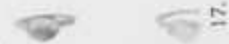
14.

15.

16.

17.

КАВКАЗСКІЕ.

18.

19.

САЛТОВСКІЕ.

Бібліотека
національної
академії наук України

и стеклянная разноцвѣтная смалта, однимъ словомъ, совершенно аналогичны по составу и формѣ съ бусами Сѣвернаго Кавказа.

Всѣ Салтовскія бусы, какъ и Кавказскія, различаются не только по матеріалу, но и по величинѣ, формѣ и цвѣту.

Стеклянные бусы имѣются шарообразныя, цилиндрическія, конусообразныя; цвѣта бѣлаго, синяго, фіолетоваго, золотистаго и серебристаго. Золоченныя бусы представляются въ видѣ нѣсколькихъ шариковъ, соединенныхъ столбиками. Бусы изъ прозрачнаго стекла встрѣчаются круглыя и многогранныя. Бусы изъ разноцвѣтнаго стекла украшены шишечками, глазками или просто состоятъ изъ слоевъ цвѣтнаго стекла.

Величина бусъ довольно различна: есть очень крупныя со вкрапинами въ видѣ глазныхъ зрачковъ; мелкія одноцвѣтныя бусы имѣютъ форму современнаго бисера. Бусы изъ синей смалты имѣютъ, преимущественно, плоскую форму съ однимъ или же нѣсколькими отворстіями, представляя собою скрѣпки рядовъ ожерелья; имѣлись бусы костяныя и даже коралловыя. Однимъ словомъ, всѣ перечисленные экземпляры бусъ находимы были какъ въ Салтовѣ, такъ и въ Кобани, Балтѣ, Чми, Дзивгисѣ, Рутхѣ, Корцѣ и др. мѣстностяхъ Кавказа и всѣ онѣ одного и того же происхожденія, но откуда происходятъ эти бусы и какимъ образомъ онѣ попали въ Салтовъ и на Кавказъ¹⁾? Рѣшить этотъ вопросъ весьма трудно и надъ нимъ задумывался не одинъ ученый, и не одинъ оставлялъ его безъ отвѣта, проработавъ надъ нимъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Металлическія зеркала изъ бѣловатаго сплава Верхне-Салтовскихъ могильниковъ по рисункамъ можно отнести къ Комунтскому типу съ переходомъ отъ болѣе классическихъ формъ къ формамъ болѣе некультурнымъ. Всѣ они съ одной стороны полированы, а съ обратной стороны имѣютъ ушко и вокругъ него рельефный рисунокъ, состоящій изъ нѣсколькихъ рядовъ концентрическихъ круговъ, перевитыхъ зигзагами, косыми линейками и звѣздообразными лучами, или же просто покрыты волнистымъ орнаментомъ съ перемежающимися, правильно расположенными наплывами въ видѣ точекъ (табл. IV, 14 и 18).

Больше же всего въ Салтовѣ оказалось бронзовыхъ *браслетовъ*, состоящихъ изъ гладкой круглой проволоки, безъ спаевъ, съ краями, заходящими другъ за друга или оканчивающимися загнутыми петлями. Подобные экземпляры браслетовъ попадались довольно часто, даже по нѣскольку на одной рукѣ. Изъ рѣже находимыхъ — браслеты изъ плоской или витой проволоки съ утолщеніями на концахъ, изображающихъ звѣриныя головы или же покрытыхъ нарѣзами. Всѣ салтовскіе браслеты одного типа съ кавказскими, находимыми, кромѣ перечисленныхъ мѣстъ, въ Дергавсѣ и Корцѣ²⁾.

Сюда же слѣдуетъ отнести и рѣдкіе экземпляры серебряныхъ шейныхъ обручей, состоящихъ изъ витыхъ проволокъ съ петельками на концахъ, совершенно аналогичныхъ кавказскимъ (Чми).

Перстни Салтовскихъ катакомбъ, подобно кавказскимъ находкамъ около Балты, Комунты, Чми и Дергавса, представляются изъ полукруглой бронзовой или серебряной проволоки съ расширеніями или гнѣздами для вставокъ изъ стекла или сердолика. Перстни эти имѣлись какъ при женскихъ, такъ при мужскихъ и дѣтскихъ погребеніяхъ, иногда по нѣскольку на каждомъ пальцѣ³⁾.

¹⁾ См. указан. „Матеріалы“, табл. XC, 1; XCI, 3, 17; и „Труды XII Съезда“, табл. XXI, 78, 79; XIII Съезда, стр. 399, рис. 105 и 107.

²⁾ См. тамъ же, табл. LIII, 2—3; LXXV, 10 и „Матер.“ XII Съезда, табл. XXI, 26—28.

³⁾ См. указан. „Матер.“, табл. LIV, 1, 7—10 и „Труды XII Съезда“, табл. XXI, 30—32.

Монеты Верхне-Салтовских могильниковъ, замѣнявшія собою, вѣроятно, подвѣски, датируютъ эти могильники, какъ и монеты Сѣвернаго Кавказа, VIII вѣкъ по Р. Хр. Почти всѣ найденныя монеты имѣютъ пробитыя отверстія для привѣшиванія и представляютъ собою серебряныя аббасидскіе или сассанидскіе диргемы VI—IX вѣковъ по Р. Хр. Нѣкоторыя изъ монетъ имѣютъ, кромѣ надписей, и изображенія.

Въ нѣкоторыхъ могилахъ Верхне-Салтова, какъ и въ кавказскихъ, извлекались остатки шелковой и шерстяной матерій, куски ремней отъ поясовъ и обуви, кружки, вырѣзанные изъ раковинъ со сверлинами посрединѣ, служившіе, вѣроятно, застежками, а также нѣкоторые предметы, которые можно считать за амулеты, — звѣриныя зубы и когти съ просверленными отверстіями для привѣшиванія, бронзовыя фигурки лошадей со всадникомъ или безъ него, фигурки льва, кабана, птицъ и проч. Кромѣ того, въ могилахъ встрѣчались отдѣльныя кости животныхъ — быка, барана, скорлуна яиць и т. п. Послѣднія принадлежности погребальнаго ритуала въ свою очередь имѣются и въ кавказскихъ могильникахъ.

Такимъ образомъ, несомнѣнно что древніе обитатели Верхне-Салтова являются въ числѣ другихъ народовъ переселенцами съ Кавказа. Археологическія данныя о Салтовскихъ могильникахъ лишь дополняютъ историческія свѣдѣнія о переселеніи древнихъ народовъ съ Кавказа въ Европу, въ томъ числѣ и въ салтовскія придонекія мѣстности.

Несомнѣнно и то, что могильники, подобные кавказскимъ, должны быть не только въ одномъ Салтовѣ, но и въ другихъ, прилегающихъ по Дону и Донцу мѣстностяхъ. Послѣднія мои археологическія изысканія въ придонекскихъ краяхъ дали нѣкоторое подтвержденіе этимъ предположеніямъ. Аналогичныя съ салтовскими имѣются находки въ другихъ мѣстахъ, прилегающихъ къ Донцу въ предѣлахъ Харьковской губерніи, преимущественно въ Волчанскомъ уѣздѣ. При раскопкахъ Волчанскаго городища, въ сл. Молодой, Нижнемъ Салтовѣ и др. селеніяхъ были находимы или цѣлые сосуды или фрагменты отъ нихъ, по своей формѣ и техникѣ производства совершенно аналогичные съ салтовскими сосудами.

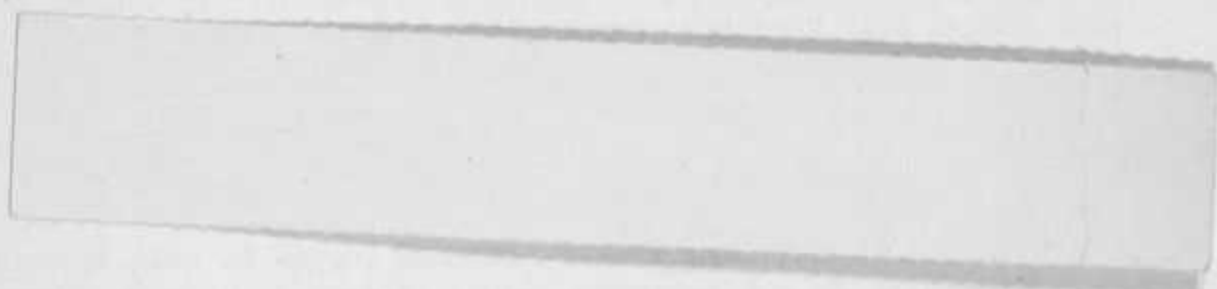
Самое расположеніе Салтовскихъ могильниковъ въ горахъ придонекской возвышенности указываетъ на то, что древніе обитатели салтовскихъ мѣстностей были одноплеменники обитателей другихъ горъ, быть — можетъ, кавказскихъ. Народъ этотъ въ силу какихъ-либо случайностей вынужденъ былъ покинуть свою горную страну и перейти въ степныя пространства юга Россіи, но по своему характеру совершенія ритуала погребенія долженъ былъ искать другихъ возвышенностей, какими и явились для нихъ салтовскія горы — отрасли придонекскаго кряжа. Однимъ словомъ, всѣ данныя и предположенія приводятъ насъ къ общему выводу, что Верхне-Салтовскіе могильники принадлежали, вѣроятно, одному изъ народовъ древняго Кавказа и одной эпохѣ времени позднѣйшихъ могильниковъ Сѣвернаго Кавказа, а именно VII и VIII вѣку по Р. Хр.

Сопоставляя лѣтописныя извѣстія съ высказаннымъ мнѣніемъ, приблизительно въ тѣ же вѣка владѣло всѣми южными областями нынѣшней Россіи, отъ Каспійскаго моря и Сѣвернаго Кавказа до Дуная, малоизвѣстное намъ Козарское племя, собиравшее дань съ русскихъ племенъ до ихъ общаго объединенія. Раскопки Верхне-Салтовскихъ могильниковъ, сходныхъ съ кавказскими, все болѣе и болѣе приближаютъ насъ къ уясненію козарской культуры.

Мое убѣжденіе подтверждено въ только что вышедшихъ трудахъ почтеннаго проф. Д. Я. Самоквасова, гдѣ онъ въ главѣ о козарскихъ могилахъ высказываетъ мнѣніе, что открытые мною салтовскіе могильники имѣютъ громадную важность для русской исторіи и археологіи, такъ какъ по своему устройству и

содержанію эти могильники тождественны съ катакомбными могильниками Сѣвернаго Кавказа, изслѣдованными имъ въ 1882 году. Салтовскіе и Кавказскіе катакомбные могильники — одного погребальнаго обряда, одинаково датированы монетами VII — IX столѣтій и содержатъ одинъ и тотъ же бытовой матеріалъ, несомѣнно принадлежатъ одному народу, — козарамъ сказаннаго времени, владѣвшимъ тогда южною Россіей и собиравшимъ дань съ разрозненныхъ русскихъ племень.

Для болѣе точнаго рѣшенія вопроса о козарской культурѣ необходимо продолженіе систематическихъ раскопокъ и изысканій въ болѣе широкихъ размѣрахъ какъ всѣхъ салтовскихъ могильниковъ и мѣстнаго городища, носившаго въ лѣтописныхъ матеріалахъ названіе «Каменнаго города», такъ и другихъ городищъ, лежащихъ по рѣкѣ Донцу. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ, за недостаткомъ средствъ, раскопки и изслѣдованія въ Салтовѣ велись довольно медленно и въ незначительныхъ размѣрахъ. Пока изслѣдованія сосредоточены только на главномъ могильникѣ, а открытые два другихъ могильника остаются малоизслѣдованными, въ томъ числѣ Салтовское городище. Раскопки ведутся главнымъ образомъ мною и при томъ болѣею частью на свои скудныя средства. Болѣе обстоятельное изслѣдованіе потребуетъ помощи со стороны заинтересованныхъ археологическихъ учреждений, изъ которыхъ первымъ могло бы принять близкое участіе Московское Императорское Археологическое Общество. При его содѣйствіи возможно было бы прийти къ окончательному выясненію отношенія верхне-салтовскихъ памятниковъ древности къ древностямъ Сѣвернаго Кавказа и къ разрѣшенію вопроса о козарской культурѣ.

ДНЕВНИКЪ РАСКОПОКЪ I-го КАТАКОМБНАГО МОГИЛЬНИКА ВЪ СЛ.
ВЕРХНЕМЪ САЛТОВЪ 1908 ГОДА.

В. Бабенко.

Катакомба № 1-й. Проходъ вскрытъ почти у самой катакомбы, оказавшейся заваленной землей.

Длина катакомбы 2 метр., ширина 1,50 метр. и высота 1,20 метр.

Въ катакомбѣ оказалось два погребенія.

I-е—1,50 метр. длины,—имѣло въ грудной части различныя бусы отъ ожерелья, на пальцахъ руки — перстень съ камнемъ; съ боку костяка найденъ металлическій небольшой сосудъ въ видѣ урочки; часть горлышка отъ разбитаго стекляннаго сосуда.

Около черепа лежала пара серебряныхъ серегъ съ подвижными подвѣсками.

II-е погребеніе мужское; костякъ его имѣлъ 1,62 метр. длины. Около черепа лежала пара крупныхъ серебряныхъ серегъ того же типа, что и при первомъ погребеніи. Въ поясной части костяка найдены пряжки и нѣсколько бляшекъ съ колечками отъ набора пояса. На пряжкахъ и бляшкахъ ясно замѣтно изображеніе звѣриныхъ головъ. Тутъ же лежали нѣсколько бубенцовъ и металлическая пуговица.

Съ боку погребенія — обломки желѣзныхъ ножей.

Въ головахъ погребеній стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ кружки.

Катакомба № 2-й оказалась рядомъ съ первой. Проходъ ориентированъ съ S на N и тянулся на протяженіи 3 метр., въ 60 сант. ширины.

Катакомба — 1,70 метр. длины, 1,60 метр. ширины и 1,70 метр. высоты. Погребеній оказалось два, ориентированныхъ съ E на W головами.

Около I-го погребенія найдено нѣсколько бусъ, металлическое зеркало съ геометрическимъ орнаментомъ на оборотѣ, спиральки и проч.

Около II-го погребенія — обломки желѣзныхъ ножей, спиральки изъ бронзовой проволоки.

Въ головахъ стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ кружки и около него лежала берцовая кость молодого быка.

Катакомба № 3-й. Проходъ въ могилу вскрытъ былъ со стороны оврага на протяженіи 3 метровъ, въ 52 сант. ширины.

Катакомба имѣла овальную форму въ 1,50 метр. длины, 1,20 метр. ширины и 1,30 метр. высоты.

На днѣ катакомбы расположено два погребенія съ плохо сохранившимися костяками, ориентированными съ S на N головами.

При погребеніяхъ найдены были слѣдующіе предметы: ожерелье изъ разно-

образныхъ бусъ и проволочныхъ спиралей, ряды которыхъ соединялись плоскими бусами съ нѣсколькими отверстиями для нитей; нѣсколько литыхъ бронзовыхъ бубенцовъ со звономъ, пара бронзовыхъ серегъ съ неподвижными подвѣсками, бронзовый перстень, привѣска въ видѣ кольца съ соколиными головками, браслетъ изъ бронзовой проволоки и бѣловатаго металла зеркало съ крестообразнымъ рисункомъ на оборотѣ.

Катакомба № 4-й. Проходъ въ катакомбу ориентированъ на NW въ 2,50 метр. длины и въ 70 сант. ширины.

Катакомба оказалась на глубинѣ 2,50 метр. отъ поверхности; размѣры ея: 1,80 метр. длины, 1,20 метр. ширины и 1,50 метр. высоты.

На полу катакомбы расположено было два погребенія, изъ коихъ первое, женское, въ 1,42 метр. длины, имѣло ожерелье изъ мелкихъ сложныхъ бусъ въ видѣ жемчуга, между которыми попадались и другія бусы, нѣсколько крупнѣе первыхъ. Тутъ же лежала круглая бронзовая привѣска съ соколиными головками; на правой рукѣ имѣлся бронзовый браслетъ; сбоку костяка найденъ металлическій сосудъ, состоящій изъ двухъ раскрывающихся частей.

II-е погребеніе, мужское, въ 1,62 метр. длины. Около лѣваго плеча лежали литые бронзовые бубенцы, съ боку около костей правой руки — желѣзный кинжалъ до 30 сант. длины со слѣдами дерева отъ истлѣвшихъ ноженъ съ металлической оковкой. Около костей ступни — кусочки ремней отъ обуви и металлическій ея наборъ.

Катакомба № 5-й. Могила оказалась рядомъ съ предыдущей, имѣла тѣ же самые размѣры и ориентировку.

Въ проходѣ зарытъ былъ глиняный сосудъ, совершенно разрушившійся отъ влаги.

Погребеній въ катакомбѣ имѣлось тоже два. При костякахъ оказались: крупная буса изъ темной смалты со вкрапленными цвѣтными глазками, нѣсколько мелкихъ цвѣтныхъ бусъ, вѣроятно, отъ браслета; небольшой металлическій дѣтскій браслетъ, металлическая урночка, аналогичная съ тою, какая была извлечена изъ предыдущей могилы; бронзовыя бляшки отъ набора пояса, изъ коихъ одна съ изображеніемъ звѣриной головы; тутъ же лежали куски желѣзныхъ ножей.

II-я группа могилъ.

Катакомба № 6-й. Могилы II-й группы изслѣдованы были въ сѣверной части I-го могильника.

Здѣсь оказалось восемь катакомбъ, расположенныхъ приблизительно правильными рядами.

I-я могила изъ этой группы (№ 6) находилась на довольно значительной глубинѣ, достигавшей 5 метр. Проходъ въ катакомбу шелъ въ глубину большими уступами на протяженіи 6 метр. и въ 80 сант. ширины. Особенность этой могилы заключалась въ томъ, что въ проходѣ съ боку оказалась вторая небольшая катакомба. Въ этой катакомбѣ оказалось дѣтское погребеніе, при которомъ найдены: пара металлическихъ серегъ и нѣсколько бусъ.

Главная катакомба гораздо большихъ размѣровъ, чѣмъ боковая — 2,60 метр. длины, 2,10 метр. ширины и 2 метр. высоты.

Въ проходѣ извлечено было нѣсколько желѣзныхъ ножей и обломки кинжаловъ въ истлѣвшихъ ножнахъ съ серебряной оковкой.

Въ самой катакомбѣ оказалось пять погребеній съ плохо сохранившимися костяками, изъ коихъ одно дѣтское.

При погребеніяхъ въ головахъ стояло два глиняныхъ сосуда, — одинъ въ видѣ кружки, другой — въ видѣ горшка съ ручкой.

Около костяковъ извлечена масса всевозможныхъ предметовъ украшеній и убранства одежды: разнообразныя бусы отъ ожерельевъ, серебряныя бляшки съ различнымъ орнаментомъ, изъ коихъ нѣкоторыя имѣли изображеніе человѣческихъ фигуръ со сложенными на груди руками и проч.

Катакомба № 7-й. Проходъ шелъ въ глубину большимъ уступомъ. Катакомба находилась на глубинѣ 3 метр. и имѣла 2,20 метр. длины и 1,60 метр. ширины. На полу ея расположено было одно мужское погребеніе, костякъ котораго имѣлъ особенно большіе размѣры — до 1,80 метр. длины.

При погребеніи найдены ряды сложныхъ бусъ, два браслета, бубенцы, бляшки и обломки желѣзнаго ножа.

Катакомба № 8-й. Могила эта имѣла видъ узкой и длинной траншеи въ 1,80 метр. длины, 50 сант. ширины, 1,60 метр. глубины.

Въ траншеѣ этой оказалось погребеніе коня.

По положенію остова видно, что лошадь была силою втиснута въ траншею съ подогнутыми ногами и приподнятой кверху головой.

Костякъ ориентированъ съ Е на W (головой).

Подъ черепомъ оказался замѣчательной сохранности головной уборъ сбруи, состоявшій изъ низкопробнаго серебра выпуклой пластинки съ полою трубкой наверху для насадки султана — въ родѣ умбъ. По краямъ этой пластинки прикрѣплялись круглыя и листовидныя бляхи, числомъ до 25. Остальная часть сбруи унизана была мелкими и крупными трехугольными бляшками и литыми изъ серебра крупными бубенцами со звономъ. Тутъ же лежали желѣзныя удила съ высокими трензелевыми частями.

Подъ остовомъ оказались: пара желѣзныхъ стремянъ съ плоскими подножками и полуовальной формы дужками, нѣсколько желѣзныхъ пряжекъ и колець.

Катакомба № 9-й. Проходъ въ катакомбу тянулся на очень значительномъ протяженіи, свыше 10 метр. длины и 45 сант. ширины.

Катакомба тоже имѣла огромные размѣры — 2,80 метр. длины, 2,20 метр. ширины и 1,80 метр. высоты.

Костяки оказались совершенно истлѣвшими, почему трудно было судить о числѣ погребеній.

При истлѣвшихъ костякахъ найдены: различной формы и состава бусы, металлическіе бубенцы, круглая бляшка, обломки дѣтскаго браслета, серьги, остатки ремней и бляшекъ отъ набора пояса. Подъ костяками извлечены куски истлѣвшей берестовой коры отъ подстилки.

Посрединѣ катакомбы стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ кувшина съ узкимъ горлышкомъ, переходящимъ въ изящный носокъ для удобства выливанія жидкости.

Катакомба № 10-й. Проходъ въ могилу шелъ уступами. Катакомба оказалась обрушена въ силу затека весенней воды.

Костяки занесены слоемъ ила и лежали въ безпорядкѣ, почему о числѣ ихъ трудно было судить. Приблизительно же установлено три погребенія, при которыхъ найдены слѣдующіе предметы: хорошо сохранившійся звѣриный зубъ со сверлиной для привѣшиванія, служившій, вѣроятно, амулетомъ; части кожанаго пояса съ наборомъ ажурныхъ бляшекъ, пряжка и наконечникъ; круглое металлическое зеркало съ выпуклыми кругами и напльвами въ видѣ точекъ на обратной сторонѣ; подвѣски въ видѣ фигурки птицы, пара ухвертокъ, три серебряныхъ сасанидскихъ диргема, нѣсколько бронзовыхъ бубенцовъ и 4 проволочныхъ браслета. Тутъ же лежалъ узкій, длинный кинжалъ въ ножнахъ съ серебряной эковкой.

Въ головахъ погребеній стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ горшка съ ручкой.

Катакомба № 11-й. Проходъ въ могилу также шелъ нѣсколько уступами и тянулся на протяженіи 4 метровъ длины, 65 сант. ширины. Катакомба имѣла 2,20 метр. длины, 1,80 метр. ширины и 1,60 метр. высоты.

На полу катакомбы расположено было три погребенія, ориентированныхъ съ N на S. Костяки плохой сохранности.

Костякъ I-го погребенія имѣлъ около правой плечевой части круглую со сверлиной раковину, въ поясной части — бляшки съ изображеніемъ звѣриныхъ головъ, нѣсколько желѣзныхъ ножей.

II-е погребеніе имѣло въ грудной части разнообразныя бусы. При погребеніяхъ въ одномъ мѣстѣ оказалась красная краска.

Катакомба № 12-й оказалась въ обрывѣ оврага и была разрушена теченіемъ весенней воды.

Погребеній осталось въ цѣломъ видѣ одно и при немъ оказались: ожерелье изъ сложныхъ бусъ, соединенныхъ въ нѣсколько рядовъ при помощи плоскихъ бусъ, два желѣзныхъ кивжала и обломки ножей, одна бляшка съ изображеніемъ человѣческой головы и куски бронзовыхъ спиралекъ.

Катакомба № 13-й. Проходъ въ могилу шелъ глубокими уступами. Катакомба оказалась обрушенной. При погребеніяхъ, о числѣ которыхъ не представлялось возможности судить, найденъ желѣзный боевой топоръ съ одной рѣзущей частью и другой молоточной, обломки желѣзныхъ ножей и неопредѣленного желѣзнаго предмета съ металлической обдѣлкой.

Около одного изъ череповъ найдены: бронзовая серьга съ подвижной подвѣской, пара бубенцовъ; около костей руки — бронзовый браслетъ и три круглыхъ металлическихъ бляшки.

Кромѣ того, изъ этой катакомбы извлечены были: круглая раковина со сверлиной, бронзовыя и желѣзныя скрѣпы съ гвоздями и проч.

Въ углу катакомбы стоялъ глиняный сосудъ и около него — берцовая кость быка.

Катакомба № 14-й (I-я). Проходъ въ могилу вскрытъ былъ колодцемъ у самаго входнаго отверстія въ катакомбу и отличался отъ предыдущихъ своею значительной шириной, достигавшей 85 саж.

Катакомба оказалась на глубинѣ 4 метровъ отъ поверхности. Размѣры ея: 1,90 метр. длины, 1,60 метр. ширины и 1,50 метр. высоты.

На полу расположено было два погребенія, изъ коихъ одно женское, — костякъ 1,60 метр. длины, и второе дѣтское, — костякъ 45 сант. длины.

При костякѣ перваго погребенія найдены обломки желѣзныхъ ножей, серебряная серьга съ подвижной подвѣской; на пальцахъ — два перстня съ камнями; сбоку костяка — разбитое металлическое зеркало безъ всякаго орнамента; тутъ же лежали бубенцы, трехугольныя съ точечнымъ орнаментомъ металлическія пластинки, ухвертка, звѣринный зубъ со сверлиной; на ногахъ — куски кожи и серебряныя пластинки отъ набора обуви. Около костяка дѣтскаго погребенія лежали — дѣтскій браслетъ, мелкія бусы и золоченыя пластинки, пара дѣтскихъ серегъ.

Въ углу катакомбы при входѣ стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ низкой кружки съ широкимъ горлышкомъ.

Катакомба № 15-й (II-я). Проходъ шелъ на протяженіи 6 метровъ, 50 сант. ширины.

Катакомба 1,80 метр. длины, 1,70 метр. ширины и 1,60 метр. высоты.

Костяки погребеній плохой сохранности. О числѣ погребеній возможно было судить по болѣе сохранившимся 3 черепамъ.

При истлѣвшихъ костякахъ найдены: три бронзовыхъ браслета, изъ коихъ одинъ витой, металлическое зеркало, имѣющее съ обратной стороны линейный орнаментъ, бронзовое кольцо, разнообразныя бусы отъ ожерелья, три раковины со сверлинами и обломки желѣзныхъ ножей.

Катакомба № 16-й (III-я). Въ проходѣ, который имѣлъ такіе же размѣры, какъ и въ предыдущей могилѣ, въ различныхъ мѣстахъ извлечено масса разнообразныхъ бусъ, нѣсколько бубенцовъ и обломки желѣзнаго ножа.

При погребеніяхъ въ катакомбѣ найдены: сложныя бусы отъ ожерелья, бронзов. браслетъ изъ плоской проволоки, двѣ металлическихъ пуговицы, спиральки, привѣска въ видѣ рожковъ. При погребеніяхъ въ углу стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ кувшина съ узкимъ горлышкомъ и очень расширеннымъ дномъ.

Катакомба № 17-й (IV-я). Проходъ въ могилу имѣлъ 4 метра длины, 55 сант. ширины.

Катакомба—2 метр. длины, 1,80 метр. ширины, 1,60 метр. высоты.

На полу катакомбы оказалось три погребенія. При первомъ погребеніи найдены особенно крупнаго размѣра бусы и масса другихъ мелкихъ бусъ, двѣ половинки металлическаго шарика, бляшки удлиненой формы отъ набора обуви и отъ набора пояса.

Около 2-го и 3-го погребеній извлечены масса мелкихъ бусъ, дѣтскій перстень и браслетъ, плоскія и многогранныя бусы изъ синей смалты, бронзовые литые бубенцы и проч.

Въ углу при входѣ въ катакомбу стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ кружки плохой сохранности.

Катакомба № 18-й (V-я). Катакомба эта вскрыта была просто сверху и въ ней оказалось одно дѣтское погребеніе, при которомъ стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ небольшого горшка съ узкимъ горлышкомъ и лежалъ рядъ мелкихъ бусъ, два маленькихъ и одинъ побольше бубенцовъ, пряжка, бляшки отъ набора пояса. На рукахъ—плоскій бронзовый браслетъ и другой изъ круглой тонкой проволоки.

Катакомба № 19-й (VI-я). Проходъ въ могилу шелъ на протяженіи 5 метровъ, въ 60 сант. ширины. Катакомба оказалась большею частью обрушенной и послѣ расчистки имѣла 2,30 метр. длины, 2,10 метр. ширины и 2,20 метр. высоты. На полу оказалось три погребенія съ плохо сохранившимися костяками.

При 1-мъ погребеніи найдены разнообразныя бусы, бронзовыя спиральки, бляшки, куски ремня и пряжки отъ обуви.

При 2-мъ погребеніи лежалъ рядъ литыхъ бронзовыхъ бубенцовъ.

При 3-мъ погребеніи трехугольныя бляшки съ колечками и наконечникъ — отъ набора пояса.

Катакомба № 20-й (VII-я). Проходъ длиною 5,50 метр. длины и 55 сант. ширины.

Катакомба—1,80 метр. длины, 1,70 метр. ширины и 1,60 метр. высоты.

Проходъ въ могилу заложенъ былъ кусками камней.

На полу лежали рядомъ три погребенія. При плохо сохранившихся костякахъ найдена масса бусъ отъ ожерельевъ, бронзовыя серьги, перстни, браслеты, бляшки, и серебряный аббасидскій диргемъ.

Въ углу при входѣ стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ низкой кружки, плохо сохранившійся.

Катакомба № 21-й (VIII-я). Эта могила представляла особый интересъ, какъ по своему устройству, такъ и по извлеченнымъ изъ нея вещамъ.

Проходъ въ катакомбу тянулся на довольно значительномъ разстояніи — до 10 метр. и въ 65 сант. ширины. Дно прохода имѣло видъ частыхъ уступовъ,

шедшихъ въ глубь по направленію къ входному отверстию катакомбы, которое заложено было большой каменной плитой въ 80 сант. высоты, 50 сант. ширины и 15 сант. толщины.

Катакомба оказалась хорошей сохранности съ уцѣлѣвшими стѣнками и сводомъ. На полу оказалось два мужскихъ погребенія. Около 1-го погребенія найдено: два кольца съ подвижными привѣсками, привѣска въ видѣ скачущей лошади, на костяхъ руки—бронзовый браслетъ съ насѣчками по концамъ и проч.

2-е погребеніе имѣло: бронзовый золоченый сосудъ въ видѣ фляжки съ ушками для привѣшиванія. Сбоку костяка лежалъ желѣзный широкій кинжалъ или, скорѣе, мечъ съ желѣзною рукоятью. Последнія двѣ находки встрѣтились впервые за все время производившихся до этого раскопокъ.

Тутъ же лежалъ желѣзный боевой топоръ съ одной рѣзущей частью и другой молоточной, а также желѣзная плоская лопатка съ загибами для насадки на древко.

Въ головахъ погребеній стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ кувшина съ узкимъ горлышкомъ и около него кости барана и быка. Подъ сосудомъ оказалась масса древеснаго угля и скорлупа яицъ.

Катакомба № 22-й (IX-я). Проходъ въ могилу тоже тянулся на значительномъ протяженіи—около 8 метр.

Катакомба имѣла 2 метр. длины, 1,70 метр. ширины и высоты.

На полу оказалось тоже два погребенія съ плохо сохранившимися костяками, около которыхъ въ различныхъ мѣстахъ найдены: масса разнообразныхъ бусъ, большое бронзовое кольцо съ подвижной привѣской, металлическія пуговицы, масса литыхъ бронзовыхъ бубенцовъ и проч. Сосудъ оказался раздавленнымъ обваломъ земли.

№ 23. ОСТАТКИ ОЧАГА ИЛИ МАСТЕРСКОЙ.

Большой интересъ представляетъ собою открытый при рытьѣ траншеи остатокъ какого-то очага или, скорѣе, мастерской. Вблизи могилы № 21 расчищено было темное пятно въ $1\frac{1}{2}$ саж. въ квадратъ.

При снятіи слоевъ этого пятна оказалась сильно пережженная земля и глина, между которыми попадалась масса древеснаго угля, слитки желѣзныхъ массъ, фрагменты и черепки отъ глиняной посуды весьма грубой работы и плохого обжига. На глубинѣ 2-хъ аршинъ отъ поверхности извлечены обломки желѣзныхъ ножей и др. предметовъ, черепки отъ посуды гораздо лучшей работы и хорошаго обжига, куски истлѣвшаго дерева и древеснаго угля. По аналогичнымъ черепкамъ съ черепками, находимыми на поверхности мѣстонахожденія могильника, и съ посудой, извлекаемой изъ могилъ, впервые открытый очагъ этотъ можно отнести къ той же эпохѣ, къ какой принадлежитъ и самый могильникъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ СИСТЕМАТИЧЕСКИХЪ РАСКОПОКЪ ВЪ ВЕРХНЕМЪ САЛТОВѢ.

В. А. Бабенко.

Открытый мною въ 1900 году Верхне-Салтовскій катакомбный могильникъ оказался настолько обширнымъ, что для обстоятельнаго его изслѣдованія потребовались довольно значительныя средства и время на производство систематическихъ раскопокъ.

На основаніи первоначально добытаго матеріала трудно было съ точностью судить, какой эпохѣ и кому принадлежалъ названный могильникъ, почему явилась необходимость продолжить раскопки въ болѣе обширныхъ размѣрахъ.

Трудъ систематическаго изслѣдованія я рѣшилъ принять на себя, при чемъ только на основаніи десятилѣтнихъ моихъ наблюденій въ настоящее время возможно прійти къ болѣе опредѣленному выводу—какому народу принадлежалъ открытый могильникъ и сосѣднее Салтовское городище.

Уже на основаніи первоначально добытаго матеріала нѣкоторые ученые археологи и историки выводили предположеніе, что открытая въ В.-Салтовѣ древняя культура наиболѣе подходитъ къ хозарской.

Впослѣдствіи же проф. Д. И. Багалъй въ своемъ курсѣ русской исторіи по этому вопросу приходитъ къ болѣе опредѣленному заключенію. Онъ говоритъ, что, если пойти въ область предположеній, если сдѣлать попытку установить, къ какому народу могъ принадлежать Салтовскій могильникъ, появляется мысль о той Хозаріи, которой сѣверяне, поляне и древляне уплачивали дань, которая имѣла могущественный городъ Саркель. Населеніе ея было полуосѣдлое и полукучевое; у хозаръ были города, была уже городская жизнь; но, съ другой стороны, даже населеніе столицы уходило на кочевья. Кромѣ того, подъ могущественной эгидою царства хозарскаго могли существовать отдѣльныя гнѣзда славяно-русскихъ поселеній. Такимъ образомъ, можно предполагать, что и тотъ городъ, который былъ у Салтовскаго могильника и остаткомъ котораго является нынѣшнее Салтовское городище, представляетъ изъ себя одинъ изъ городовъ старой Хозаріи. А что здѣсь былъ городъ, мы имѣемъ документальное доказательство. Въ Московскомъ Архивѣ Министерства юстиціи удалось найти одинъ документъ XVII вѣка о поселеніи здѣсь черкасъ, т.-е. выходцевъ—малороссіянъ. Оказывается, что эти черкасы, по словамъ московскаго воеводы, поселились на старомъ Салтовскомъ городищѣ, «гдѣ былъ прежь сего каменный городъ»¹⁾.

Сопоставленіе документальныхъ данныхъ съ археологическимъ матеріаломъ

¹⁾ Проф. Д. И. Багалъя „Русская исторія“, часть 1-я до половины XIII ст., стр. 66, 1909 г.

является вѣрнѣйшимъ факторомъ для установленія связи древней салтовской культуры съ хозарской.

Такимъ образомъ, явилась необходимость болѣе подробнаго изученія степени развитія древней культуры, открытой въ Верхнемъ-Салтовѣ. Такое же изученіе возможно лишь путемъ продолженія систематическихъ раскопокъ.

Съ этой именно цѣлью мною и были продолжены археологическія изысканія въ Верхнемъ-Салтовѣ, при чемъ за послѣдніе два года (1909—10 г.) мнѣ удалось добыть много дополнительнаго и новаго матеріала, при детальномъ изученіи котораго оказалось возможнымъ прийти къ совершенно опредѣленному выводу по вопросу существованія древней хозарской культуры въ Верхнемъ-Салтовѣ.

При производствѣ послѣднихъ раскопокъ Салтовскаго могильника было обращено особое вниманіе, какъ на распланировку проходовъ и катакомбъ, такъ и на технику устройства могилъ. Общій планъ расположенія могилъ оказывается замѣчательно правильнымъ: могилы расположены правильными рядами, находящимися другъ отъ друга совершенно на равномъ разстояніи; могильные проходы въ свою очередь дѣлились на одинаковомъ разстояніи. Ориентировка проходовъ и катакомбъ по отношенію къ частямъ свѣта поразительно правильна, какъ бы по компасу.

Самое устройство могилъ поражаетъ своею правильностью въ техническомъ смыслѣ: стѣнки проходовъ сдѣланы какъ бы по отвѣсу совершенно горизонтально и параллельно по отношенію другъ къ другу. Полъ катакомбы имѣетъ правильную форму квадрата или овала и имѣетъ горизонтальную поверхность. Стѣнки правильно сведены въ полукруглые или куполообразные своды. На стѣнахъ замѣчались правильно выдѣланные карнизы и круги.

Если же обратимъ вниманіе на различныя издѣлія предметовъ изъ металловъ, стекла, мастики, кости, глины и проч., то послѣднія еще болѣе поражаютъ совершенствомъ техники производства. Замѣчательно искусна была работаковки, литья, штамповки металловъ, выдѣлки кости, мастики, витье изъ маталлической проволоки спиралей, а въ особенности удивительно чисто гончарное производство своею выдѣлкою на кругѣ посуды съ орнаментировкой и покраской наружныхъ поверхностей и клеймленіемъ днищъ.

Самое обиліе и богатство различныхъ предметовъ указываетъ на состоятельность погребенныхъ.

Различіе погребеній по богатству предметовъ позволяетъ думать, что народность, оставившая послѣ себя могильникъ, дѣлилась по классамъ.

Предметы легкаго вооруженія, находимые въ нѣкоторыхъ могилахъ, указываютъ на существованіе особаго военного класса. Богатые наборы серебряной и золоченой сбруи при особенно богатыхъ погребеніяхъ, встрѣчающихся лишь изрѣдка, напоминаютъ существованіе, вѣроятно же всего, начальниковъ или правителей.

Все же вмѣстѣ взятое свидѣтельствуетъ о высокой степени культурнаго развитія народа, памятниками культуры котораго являются изслѣдуемые въ настоящее время катакомбные могильники и городище, относящіеся къ VII—IX вв. по Р. Х.

Въ эту же эпоху времени съ подобнымъ высокимъ характеромъ развитія на югѣ Россіи господствовали, какъ извѣстно, хозары.

Слѣдовательно, и салтовская древняя культура наиболѣе подходитъ къ хозарской, чѣмъ къ болѣе бѣдной культурѣ печенѣговъ, торковъ, половцевъ и др. При послѣдующихъ моихъ раскопкахъ, изслѣдованіяхъ и сравненіяхъ, надѣюсь, мнѣ удастся закончить вопросъ о древнихъ поселенцахъ салтовскихъ земель въ періодъ VII—IX столѣтій по Р. Х.

ДНЕВНИКЪ РАСКОПОКЪ, ПРОИЗВЕДЕННЫХЪ ВЪ 1909 ГОДУ.

Раскопки I-го катакомбнаго могильника.

Для раскопокъ избрана такая мѣстность могильника, гдѣ наиболѣе густо расположены катакомбы, что было выяснено мною при прежнихъ моихъ раскопкахъ. Расчетка обрушившагося склона горы дала цѣлый рядъ могильныхъ проходовъ, находящихся почти на равномъ разстояніи другъ отъ друга. Такихъ проходовъ въ этомъ мѣстѣ оказалась цѣлая группа въ количествѣ 9. Вторая группа въ три могилы найдена была нѣсколько ниже.

Для наглядности представляется схематическій набросокъ мѣстонахождения всѣхъ 12-ти катакомбъ (рис. 161).

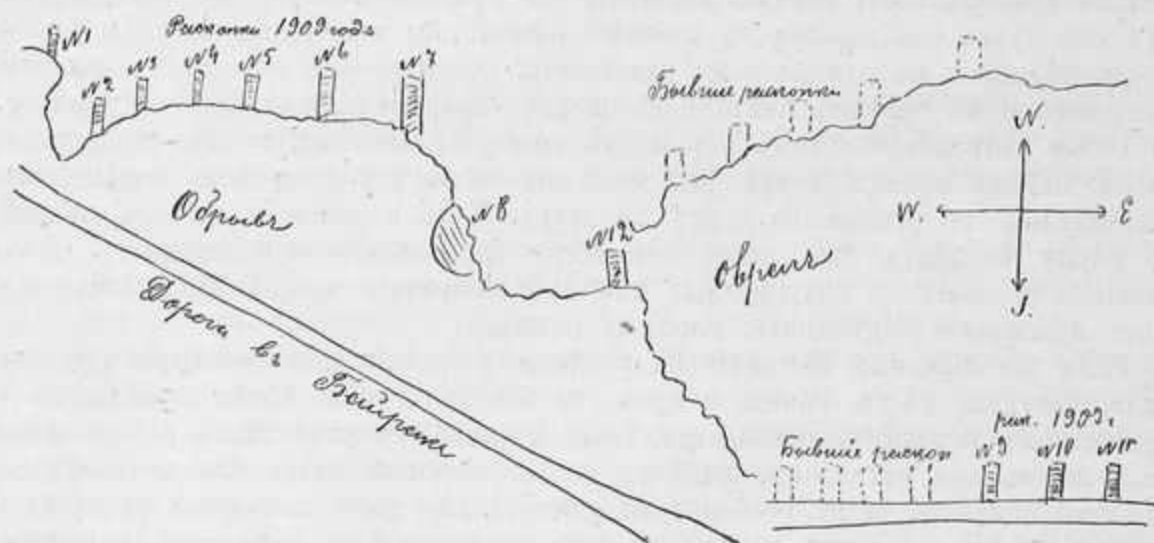

Рис. 161.

Катакомба 1-я.

Могильный проходъ тянулся на протяженіи 4 метровъ въ 60 сантиметровъ ширины.

Катакомба имѣла 2 метра длины, по 1,80 метр. ширины и высоты.

Погребеній два, изъ нихъ одно взрослое, другое дѣтское. Костяки плохой сохранности.

Около перваго погребенія найдены серебряныя треугольной формы бляшки съ подвижными колечками отъ набора пояса.

Въ ногахъ этого погребенія лежали серебряныя тонкія пластинки продолговатой и сердцевидной формы съ простѣйшимъ орнаментомъ съ лицевой стороны и кусочки ремней, очевидно, все отъ набора обуви.

Около втораго дѣтскаго погребенія лежали пара литыхъ бронзовыхъ бубенцовъ, привѣска въ формѣ печати и просверленные кости мелкихъ животныхъ, изображающихъ собою амулеты, а также кусочки бронзовой спирали съ сохранившимися внутри нитями.

Въ переднемъ лѣвомъ углу катакомбы въ головахъ стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ кувшина съ очень расширеннымъ корпусомъ и съ суженнымъ горлышкомъ, переходящимъ въ носокъ для удобства выливанія жидкости. Сосудъ имѣетъ 22 сантим.

высоты и 19 сант. въ діаметрѣ расширенной части корпуса. Около сосуда лежала кость отъ конечности быка и мелкія позвоночныя кости барана.

Могильный проходъ ориентированъ съ S на N, костяки съ E на W головами.

Катакомба 2-я.

Катакомба эта найдена на незначительной глубинѣ отъ поверхности почвы въ 1,50 метр. Размѣры ея 95×80 с., въ 60 сант. высоты.

На полу расположено было два дѣтскихъ погребенія, ориентированныхъ съ E на W головами. Могильный проходъ съ S на N.

Костякъ перваго погребенія 75 сант. длины, втораго—80 сант.

Около перваго погребенія при черепѣ лежала пара большихъ бронзовыхъ серегъ съ подвижными серебряными подвѣсками, состоящихъ изъ 3-хъ наложенныхъ на стержень шариковъ.

Въ грудной части костяка лежала масса мелкихъ желтоватыхъ, въ родѣ жемчужныхъ, бусъ отъ ожерелья, на рукѣ дѣтскій проволочный браслетъ и около остатки неопредѣленнаго истлѣвшаго желѣзнаго предмета съ приставшей матеріей.

Около втораго погребенія найдены: на рукѣ бронзовый проволочный браслетъ, литой бронзовый бубенчикъ и шарообразная пуговица.

Катакомба 3-я.

Могильный проходъ имѣлъ 4,50 метр. длины, въ 50 сант. ширины, глубиною въ 3 метра, ориентированъ съ S на N.

Катакомба—85 ст. \times 55 ст. и 42 ст. высоты.

Въ катакомбѣ одно мужское погребеніе, ориентир. съ E на W головой.

Костякъ совершенно истлѣлъ.

При погребеніи найденъ полный наборъ пояса, состоящій изъ бронзовыхъ штампованныхъ бляшекъ сердцевидной формы съ подвижными колечками и безъ нихъ, трехъ бронзовыхъ пряжекъ и застежекъ, а также найдена пара крупныхъ литыхъ изъ бронзы бубенцовъ со звономъ и слитокъ заржавѣвшаго желѣза.

Слѣва въ переднемъ углу стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ кувшина съ расширеннымъ корпусомъ, переходящимъ въ узкое горлышко съ носикомъ. Сосудъ снаружи покрытъ черной лакировкой. Высота сосуда 19 ст., въ діаметрѣ 18 ст.

Катакомба 4-я.

Катакомба эта оказалась всего въ 80 ст. отъ предыдущей къ E и вскрыта была сверху. Полъ катакомбы находился на глубинѣ 1,40 метр. отъ поверхности почвы. Размѣры катакомбы 80 ст. \times 70 с.

Погребеніе одно—дѣтское, ориентировано съ E на W головой; костякъ 60 сантиметровъ длины.

Въ грудной части костяка лежалъ рядъ мелкихъ желтоватыхъ и слѣжныхъ, какъ бы жемчужныхъ, бусъ отъ ожерелья.

Около черепа лежала пара бронзовыхъ серегъ. На рукѣ надѣтъ былъ бронзовый проволочный браслетъ.

Въ поясной части костяка лежали литые бронзовые бубенцы и кусочки спирали изъ бронзовой проволоки.

Катакомба 5-я.

Могильный проходъ въ видѣ узкой траншеи имѣлъ 1,80 метр. длины, въ 60 сант. ширины; полъ прохода вначалѣ находился на глубинѣ 1,50 метр.

Катакомба имѣла размѣры: 80 ст. \times 50 ст. и 40 ст. высоты.

Погребеніе одно: дѣтское, ориентировано съ Е на W головой. Костякъ 60 сант. длины.

Около погребенія найдены слѣдующіе предметы: рядъ бусъ изъ известковой массы, сердолика, сложные изъ шариковъ, столбиками, нѣсколько бубенцовъ со звономъ, кусочекъ спирали и серебряная пластинка.

Катакомба 6-я.

Рис. 162.

Могильный проходъ въ видѣ узкой и длинной траншеи тянулся на разстояніи 4,50 метр., въ 65 сант. ширины; начало прохода на глубинѣ 3 метровъ; дно постоянно углублялось по направленію къ катакомбѣ.

Проходное отверстіе въ катакомбу заложено круглой каменной плитой въ 60 сант. въ діаметрѣ и 10 сант. толщины.

Катакомба оказалась со всѣхъ сторонъ обрушенной, такъ что точные размѣры ея было трудно опредѣлить. По очисткѣ отъ завалившейся земли катакомба имѣла довольно обширные размѣры. Потолокъ ея съ трудомъ можно было достать рукой и въ ней могло помѣститься свободно 20 человекъ.

Въ катакомбѣ оказалось два погребенія—мужское и женское; ориентированы въ свою очередь съ Е на W головами.

Первое мужское погребеніе, судя по найденнымъ при немъ предметамъ вооруженія и принадлежностей конской сбруи, принадлежало воину.

При немъ въ головахъ двѣ кости отъ конечностей быка, большое (11 ст. въ діам.) металлическое зеркало съ растительнымъ орнаментомъ на оборотѣ (рис. 162).

Сбоку лежалъ желѣзный боевой топоръ съ молоточной частью, желѣзный кинжалъ въ истлѣвшихъ деревянныхъ ножнахъ съ бронзовой обдѣлкой, 19 ст. длины.

Въ поясной части костяка—бронзовая пряжка отъ набора пояса (рис. 163), обломки желѣзнаго ножа и рядъ круглыхъ бубенцовъ.

Около костей ногъ сложены были предметы отъ набора конской сбруи—пара желѣзныхъ стремянъ съ плоскими ажурными подножками, желѣзные удила съ высокими трезелевыми частями, желѣзная пряжка и кольцо. Тутъ же лежала желѣзная плоская лопатка съ загибами для насадки на дерево.

Второе женское погребеніе около черепа имѣло пару золотыхъ серегъ, состоя-

щихъ изъ удлинненныхъ проволочныхъ колець съ неподвижною пирамидкою книзу изъ трехъ дутыхъ шариковъ, увязанныхъ мелкою зереню.

Въ грудной части костяка лежало ожерелье изъ сложенныхъ столбцами неподвижныхъ золотистыхъ бусъ.

На костякѣ рукъ надѣто было нѣсколько браслетовъ изъ бронзовой проволоки и на суставахъ пальцевъ бронзовые перстни. Въ поясной части костяка найдены остатки шелковой матеріи, ажурная треугольной формы пряжка съ фигурами по угламъ и бляшки отъ набора пояса.

Справа костяка лежалъ сложный туалетный наборъ, состоящій изъ 2-хъ кисточекъ въ металлической оправѣ, 2-хъ металлическихъ коробочекъ, ухвертокъ, иглъ, булавокъ, подвѣшенныхъ на бронзовыхъ цѣпочкахъ, соединенныхъ на общемъ кольцѣ (рис. 164).

На ногахъ найдены тонкія серебряныя орнаментированныя пластинки и небольшая пряжка отъ украшенія обуви.

Въ переднемъ лѣвомъ углу, при входѣ въ катакомбу, стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ кружки, съ фигурной ручкой, напоминающей фигуру звѣря. Въ сосудѣ лежала скорлупа яицъ.

По сложному устройству могильнаго прохода и катакомбы, а также по обилію найденныхъ предметовъ, могила эта представляетъ собою типъ погребенія богатаго, знатнаго воина.

Катакомба 7-я.

Могильный проходъ имѣлъ 2,50 метр. длины, 65 сант. ширины; ориентированъ съ S на W.

Катакомба — 1,80 метр. длины, 1,60 ширины и 1,50 метр. высоты.

На полу катакомбы расположено два погребенія взрослыхъ и третье дѣтское. Костяки всѣхъ трехъ погребеній силой обвала сдвинуты съ прежнихъ своихъ положеній.

Рис. 163.

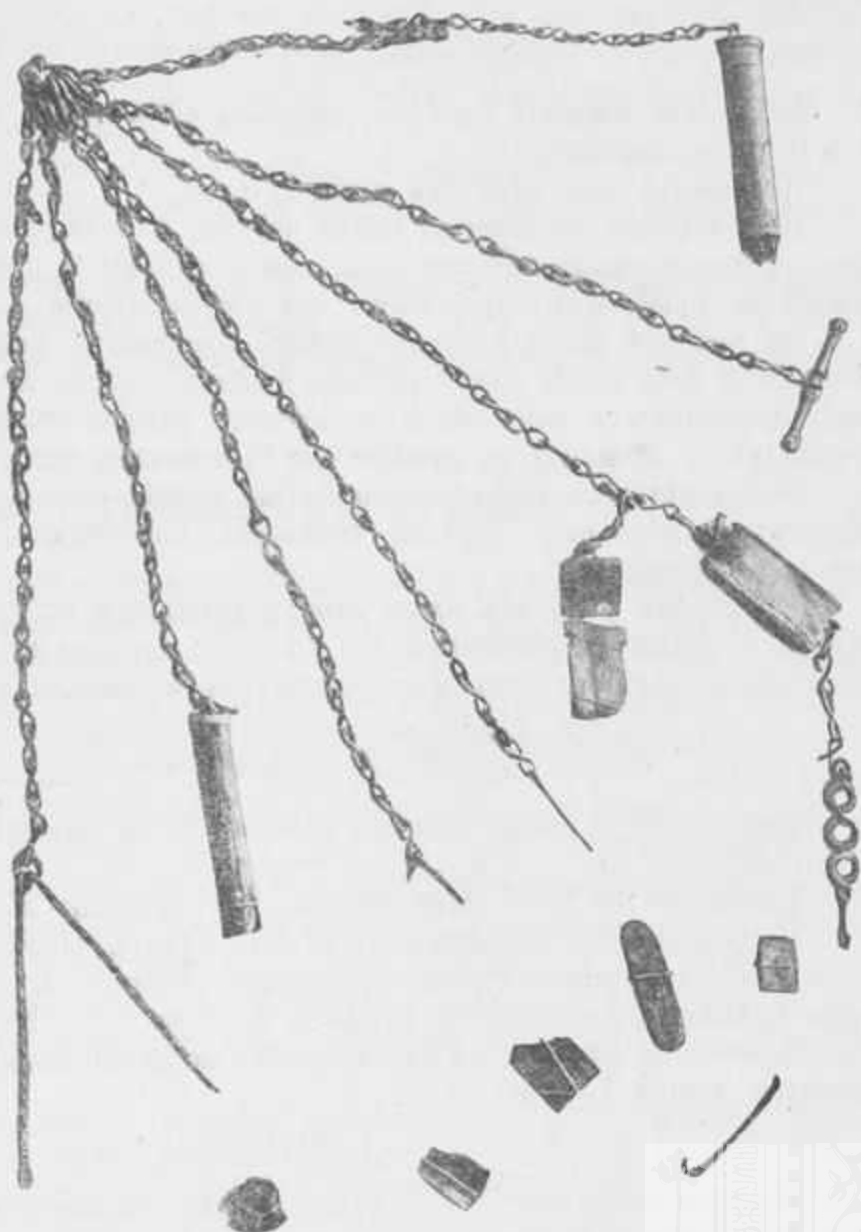

Рис. 164.

Сосудъ въ видѣ небольшого горшка совершенно раздавленъ обваломъ.

При первомъ погребеніи найдены разнообразной формы и состава бусы, бронзовый перстень и желѣзный ножъ въ истлѣвшихъ ножнахъ.

Около второго — серебряный диргемъ съ придѣланнымъ бронзовымъ ушкомъ для подвѣшиванія, привѣски изъ слонстаго камня съ продѣтымъ кольцомъ, перстень съ камнемъ, шарообразные глухіе бубенцы, битые изъ бронзовыхъ пластинокъ, металлическое зеркало, круглая металлическая пластинка съ ушкомъ для прикрѣпленія, на ногахъ бронзовыя орнаментированныя пластинки и оловянные пряжки отъ набора обуви.

При дѣтскомъ погребеніи найдены: перстень, куски спирали, литой бронзовый со звономъ и нѣсколько глухихъ бубенчиковъ. Въ ногахъ лежала желтая лопатка. Въ головахъ найдены фрагменты небольшого глинянаго сосуда и около бычачья кость.

Катакомба 8-я.

Катакомба вскрыта съ боку, размѣры ея 2 метра длины, 1,80 метр. ширины и 1,70 метр. высоты.

Погребеній два; одно изъ нихъ дѣтское.

При первомъ погребеніи, около черепа, найдено ожерелье изъ разнообразныхъ бусъ — сердоликовыхъ, мозаичныхъ, синей смалты и проч., пара серебряныхъ диргемовъ съ пробитыми отверстіями для привѣшиванія.

Въ поясной части костяка: наборъ бронзовыхъ бляшекъ съ подвижными колечками и безъ нихъ; сбоку костяка лежали обломки желѣзныхъ ножей въ истлѣвшихъ деревянныхъ ножнахъ и около нихъ лежало нѣсколько литыхъ бронзовыхъ бубенцовъ со звономъ; на рукахъ три бронзовыхъ браслета.

Около дѣтскаго погребенія найдены мелкія сложныя бусы, дѣтскій бронзовый браслетъ и небольшая круглая бронзовая пластинка съ пробитыми отверстіями для прикрѣпленія.

Въ лѣвомъ углу отъ входа стоялъ глиняный сосудъ съ расширеннымъ корпусомъ и узкимъ горлышкомъ, въ 14 сант. высоты и 14 сант. въ діаметрѣ корпуса; подъ сосудомъ лежали скорлупы отъ куриныхъ яицъ.

Катакомба 9-я.

Проходъ въ 2 метра длины; начало его на глубинѣ 3 метровъ отъ поверхности почвы.

Катакомба въ 1,70 метр. длины, 1,50 ширины и 1,50 метр. высоты.

Погребеніе одно; костякъ его 1,65 метр. длины, ориентированъ съ Е на W головой.

При погребеніи найдены: бронзовый перстень и обломки второго, а также рядъ мелкихъ разнообразной формы и состава бусъ. Въ головахъ стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ кружки съ посаженнымъ на днище корпусомъ, высота его 16 сант., діаметръ днища 14 сант.

Катакомба 10-я.

Проходъ съ S на N въ 3 метра длины, 65 сант. ширины.

Катакомба 1,70 метр. \times 1,60 метр. и 1,50 метр. высоты.

Погребеніе одно; костякъ 1,68 метра длины, ориентированъ съ Е на W.

При погребеніи лежали: бронзовая привѣска съ изображеніемъ лошади, литые бронзовые бубенцы, пара крупныхъ бусъ темной смалты со вкрапленными свѣтлыми глазками, куски бронзовой спирали и раздавленный полый шарикъ.

Катакомба 11-я.

Проходъ отличался отъ предыдущихъ особенно большою длиною, доходившей до 7 метровъ и 3,50 метр. глубины. Самой же катакомбы не оказалось; очевидно, могила эта оставлена была неоконченной.

Катакомба 12-я.

Прокопъ былъ вскрытъ съ боку; катакомба оказалась на глубинѣ 3,50 метр. и совершенно была завалена землею.

Погребеніе одно и около него найдены въ грудной части костяка рядъ сердоликовыхъ, цвѣтного стекла, мозаичныхъ, и какъ бы бисерныхъ бусъ отъ ожерелья. Около черепа—серебряная серьга съ подвижной подвѣской изъ нанизанныхъ на стержень шариковъ. Вмѣстѣ съ бусами лежали 2 бронзовые ажурныя привѣски — одна въ формѣ колеса, другая — изображающая фигуру птицы въ кругѣ и одна привѣска изъ синей смалты въ видѣ полулунія.

Сбоку лежало металлическое орнаментированное зеркало.

На рукахъ надѣты бронзовые браслеты, на пальцахъ—бронзовые перстни, одинъ изъ нихъ съ камнемъ.

Въ поясной части костяка лежали куски бронзовой спирали, литые бронзовые бубенцы со звономъ и обломки желѣзнаго ножа.

На ногахъ—куски ремней и бронзовые бляшки отъ обуви. Сосудъ былъ раздавленъ обваломъ.

ДНЕВНИКЪ РАСКОПОКЪ ВЪ 1910 ГОДУ.

Мѣстомъ для раскопокъ мною былъ избранъ тотъ же I-й могильникъ, при чемъ для нахождения могильныхъ проходовъ пришлось рыть 3 траншеи, каждая свѣше 20 сажень длиною, въ 2 аршина ширины и глубины. Первая траншея дала три прохода, вторая - четыре и третья—три. Могильные проходы, по очисткѣ отъ засыпанной земли, имѣли видъ длинныхъ и узкихъ коридоровъ, идущихъ постепенно вглубь покато или уступами и заканчивались вертикальною стѣною. Внизу этой стѣны открывалось отверстіе въ катакомбу. Полъ катакомбы расположенъ нѣсколько ниже пола прохода. Самая катакомба имѣла сводчатый видъ. Всѣ проходы ориентированы съ Е на W катакомбы, своей длиною съ N на S. Погребенія положены въ правильно вытянутомъ положеніи лицомъ къ верху и ориентированы по длинѣ катакомбы, т.-е. съ N на S головами. Погребеніе совершалось въ одеждѣ, отъ которой остались куски истлѣвшей ткани и много нашивокъ и украшеній.

Костяки положены на подстилкахъ изъ берестовой коры или слоя древеснаго угля.

Въ головахъ у костяковъ, по большей части въ переднемъ лѣвомъ углу, ставился глиняный сосудъ и около него кости животныхъ, быка или барана. Около самыхъ костяковъ лежали предметы украшеній, орудіе или оружіе, а въ иныхъ наборы конской сбруи.

Катакомба 1-я.

Проходъ въ катакомбу вскрытъ у самой вертикальной задней стѣны, при чемъ полъ его находился на глубинѣ 3,50 метра. Катакомба въ 2,20 метр.

длины, 1,80 метр. ширины и 1,70 метр. высоты. Въ проходѣ на различной глубинѣ найдены круглыя металлическія пластинки отъ набора конской сбруи.

Внутри катакомбы, при входѣ, оказались въ свою очередь такія же пластинки, хорошо сохранившіяся, а также пара желѣзныхъ стремянъ, пряжки и кольца отъ набора конской сбруи. Тутъ же лежали желѣзные гвозди и скобки отъ обдѣлки сѣдла. Весь наборъ сбруи лежалъ при мужскомъ погребеніи, костякъ котораго отличался особенно большой длиной, достигавшей 1,80 метр.; ориентированъ костякъ съ N на S головой. Въ головахъ погребенія стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ небольшого кувшина съ расширеннымъ внизу корпусомъ, постепенно переходящимъ въ горлышко, оканчивающееся вѣнчикомъ, выведеннымъ въ изящный носокъ. На

Рис. 165.

днѣ сосуда имѣлось клеймо, изображающее собою стрѣлу и лукъ (рис. 165). Сосудъ имѣлъ 15 сант. высоты и 13 сант. въ діаметрѣ корпуса. Сбоку сосуда лежала берцовая кость быка.

Въ поясной части костяка найдены: куски ремней съ прикрѣпленными бронзовыми орнаментированными бляшками, пряжка, кольцо съ подвижнымъ наконечникомъ, литой бронзовый бубенчикъ.

Около черепа лежали: обломки серьги, пара плоскихъ костяныхъ пластинокъ и пара костяныхъ наконечниковъ съ зарубками и со слѣдами орнаментировки.

На ногахъ тонкія серебряныя бляшки отъ набора обуви.

Катакомба 2-я.

Катакомба эта вырыта просто сверху; полъ ея находился на глубинѣ 3 метровъ отъ поверхности почвы; размѣры ея 2 метра длины и 1,80 метр. ширины.

На полу правильно положенъ былъ одинъ костякъ, ориентированный съ E на W головой; длина его 1,62 метр.; при немъ найденъ только истлѣвшій желѣзный ножъ и въ головахъ глиняный сосудъ въ видѣ высокаго горшка изъ плохо отмученной глины, весьма грубой работы и слабого обжига. По вѣнцу горшка исчерченъ тупымъ орудіемъ простѣйшій линейный орнаментъ (рис. 165). По своей формѣ и Technikѣ производства сосудъ этотъ рѣзко отличается отъ обыкновенно находимыхъ въ могильникѣ сосудовъ. Высота сосуда 16 сант., діам. 13 сант. Погребеніе это, неимѣющее никакихъ предметовъ, кромѣ ножа и своеобразной формы сосуда, позволяю себѣ отнести къ болѣе ранней эпохѣ времени, чѣмъ остальные погребенія могильника,

а такъ какъ въ Салтовѣ замѣчены были изрѣдка и раньше такого же рода погребенія, то изъ этого можно заключить, что Салтовскій могильникъ принадлежитъ нѣсколькимъ эпохамъ.

Катакомба 3-я.

Проходъ ориентированъ съ Е на W, имѣлъ 2 метр. длины и 65 сантим. ширины. Катакомба 1,70 метр. длины, 1,50 метр. ширины и высоты.

Погребеній два; ориентированы съ N на S головами.

Первое погребеніе дѣтское; костякъ его 90 сантим. длины.

Второе погребеніе женское, костякъ 1,55 метр. длины.

При первомъ погребеніи, около черепа, лежалъ рядъ мелкихъ бусъ изъ синей смалты, на рукѣ дѣтскій браслетъ, въ поясной части—бронзовыя спиральки и литые бронзовые бубенцы.

При второмъ — масса разнообразныхъ бусъ изъ известковой массы, разноцвѣтнаго стекла, между которыми выдѣлялись стеклянныя бусы, отлитыя изъ

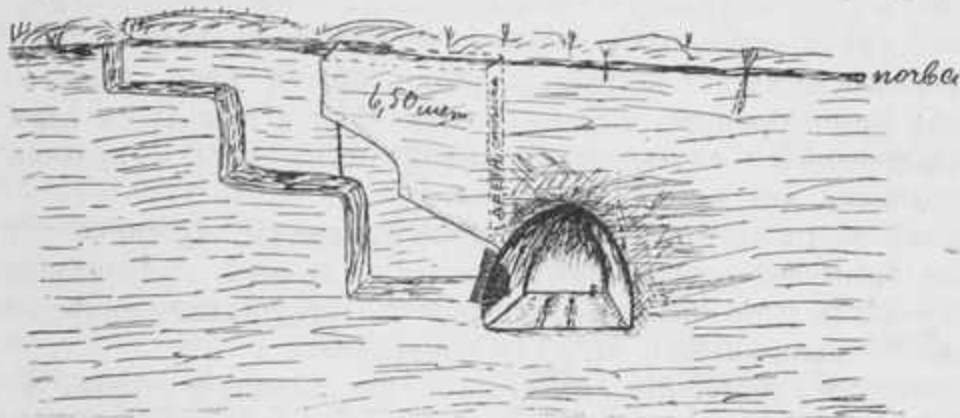

Рис. 166.

стеклянной массы всевозможныхъ цвѣтовъ, напоминающихъ мозаику. Около черепа лежали пара бронзовыхъ серегъ съ подвижными подвѣсками въ видѣ цилиндровъ съ шариками и серебряныя диргемы съ лицевыми изображеніями. Около тазовыхъ костей лежалъ желѣзный ножъ и круглая металлическая пластинка; на рукахъ бронзовыя браслеты.

Въ лѣвомъ переднемъ углу стоялъ глиняный большой сосудъ въ видѣ кувшина съ шарообразной формы корпусомъ и широкимъ горлышкомъ. На днѣ сосуда—снаружи замѣченъ бѣловатый известковый налетъ и внутри лежала скорлупа отъ куриныхъ яицъ. Сосудъ имѣлъ 21 сантим. высоты и 20 сантиметровъ въ діаметръ корпуса.

Катакомба 4-я.

Катакомба № 4-й отличалась отъ всѣхъ другихъ прежде раскопанныхъ Салтовскихъ могилъ какъ выдающимся по богатству погребеніемъ, такъ и техникой устройства могилы. По обилію и богатству найденныхъ при погребеніи предметовъ и положенной въ катакомбѣ роскошной золоченой конской сбруи, а также и по весьма сложному устройству самой могилы, погребеніе это, можно думать, принадлежало знатному вѣтязю или правителю.

Проходъ въ катакомбу отличался большой длиной и глубиной; длина его доходила до 10 метровъ, глубина—6,50 метр. отъ поверхности почвы.

Поль въ проходѣ углублялся нѣсколькими большими уступами; входъ въ

катакомбу заложенъ былъ огромной плитой — 1, 20 метр. \times 1, 10 метр. \times 4 сантим.; катакомба имѣла 2 м. \times 2 метр. и 1, 80 метр. высоты; полъ ея былъ на 30 сантим. ниже пола прохода (рис. 166).

Проходъ ориентированъ съ Е на W; катакомба длиною поперекъ съ N на S.

На довольно толстомъ слоѣ древеснаго угля, наложеннаго большими кусками, было два погребенія, мужское и женское.

При въ входѣ въ катакомбу въ переднемъ лѣвомъ углу лежалъ полный наборъ роскошной конской сбруи, состоящей изъ множества большихъ круглыхъ и листовидныхъ золоченыхъ металлическихъ пластинокъ съ остатками отъ ремней сбруи, а также масса трехугольной и сердцевидной формы мелкихъ золоченыхъ бляшекъ. Отдѣльно лежалъ головной уборъ лошади въ видѣ золоченной трубки съ навершиемъ для насадки султана. Эта головная часть убора окружена была листовидной формы золочеными пластинками, прикрѣпившихся вокругъ головного убора. Тутъ же лежали: костяной орнаментированный навершень сѣдла, металлическая обдѣлка отъ сѣдла съ оттискомъ двухъ фигуръ обезьянъ. Ближе ко входу лежала пара желѣзныхъ стремянъ съ плоскими подножками, желѣзные удила съ высокими трензелевыми частями, желѣзные пряжки и кольца.

Около перваго мужского погребенія, сбоку правой руки, лежалъ желѣзный боевой топоръ; около тазовыхъ костей — полуистлѣвшія ножны съ серебряной обдѣлкой и со вложенными внутрь тремя ножами и въ ногахъ плоская желѣзная лопатка съ загибами для насадки на древко.

Въ поясной части костяка лежали литые бронзовые бубенцы разныхъ размѣровъ, куски бронзовой спирали, металлическія пряжки и бронзовая урночка, состоящая изъ двухъ одинаковыхъ полушарій съ верхушками, скрѣпленными вокругъ шипами съ нанизанными на нихъ спиралями.

Второе, женское, погребеніе имѣло около разрушеннаго черепа и на черепѣ шесть серебряныхъ диргемовъ отъ набора головного украшенія; около шейныхъ позвонковъ лежали рядами довольно крупныя сердоликовыя, горнаго хрустала и мозаичнаго стекла бусы отъ ожерелья.

На рукахъ надѣто было по нѣсколько бронзовыхъ проволочныхъ браслетовъ; на лѣвой рукѣ, на суставѣ, найденъ перстень съ камнемъ. Сбоку погребенія лежали разбитыя металлическія зеркальца, на поляхъ — серебряныя бляшки отъ убора обуви.

Въ головахъ погребеній, около стѣнки катакомбы, стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ высокаго кувшина съ расширеннымъ внизу корпусомъ и съ суженнымъ горлышкомъ и ручкой. Стѣнки сосуда снаружи покрыты черной блестящей краской, по которой проведены вдоль корпуса блестящія линіи. На днищѣ сосуда клеймо въ видѣ креста въ кругѣ. Высота сосуда 22 сантим., въ діаметрѣ корпуса 17 сантим.

Катакомба 5-я.

Могильный проходъ тянулся на протяженіи 2, 50 метр. съ Е на W. Катакомба 1, 90 метр. длины, 1, 50 метр. ширины и высоты. Погребеніе одно, ориентировано съ N на S головой.

Около погребенія, кромѣ обломковъ желѣзнаго ножа, металлической пуговицы, ничего не оказалось.

Въ переднемъ лѣвомъ углу стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ кувшина съ расширеннымъ корпусомъ, въ верху котораго имѣлся вѣнецъ изъ исчерченныхъ пунктирныхъ линій. Горлышко отбито. Высота сосуда 17 сантим. и діаметръ корпуса 18 сантим. На днищѣ сосуда замѣтенъ бѣловатый известковый налетъ.

Катакомба 6-я.

Катакомба вскрыта просто сверху и оказалась на глубинѣ 2,50 метр. отъ поверхности почвы, въ 1,60 метр. длины, 1,40 метр. ширины и 150 метр. высоты.

Погребеніе дѣтское; костякъ плохой сохранности; ориентированъ съ N на S головою.

Около разрушеннаго черепа найдена пара бронзовыхъ небольшихъ серегъ съ неподвижными подвѣсками.

Въ грудной части костяка лежалъ рядъ разнообразныхъ мелкихъ бусъ отъ ожерелья и 2 круглыя ажурныя привѣски, — одна привѣска въ видѣ кривого кинжала, нѣсколько литыхъ бронзовыхъ бубенцовъ и бронзовыя спиральки.

На лѣвой рукѣ — дѣтскій бронзовый браслетъ.

Въ головахъ погребенія стоялъ небольшой глиняный горшокъ, исчерченный снаружи параллельными линиями и неправильными кружками; на днѣ сосуда — клеймо въ видѣ рельефнаго креста въ окружности. Высота горшка 8 сант., діаметръ корпуса — 10 ст.

Катакомба 7-я.

Проходъ въ могилу имѣлъ 4,50 метр. длины, 62 сантим. ширины.

Катакомба 1,80 метр. длины, 1,60 метр. ширины и 1,70 метр. высоты.

Погребеній два; костяки плохой сохранности, ориентированы съ N на S головами.

Около перваго погребенія, въ головахъ, лежала обдѣланная костяная пластинка въ видѣ ножа и два костяныхъ орнаментированныхъ наконечника.

Около тазовыхъ костей лежали желѣзные гвозди и обломки ножа.

Около втораго погребенія около черепа найдены пара серебряныхъ серегъ съ подвижными подвѣсками въ видѣ столбиковъ съ шариками по концамъ, а также бисерныя бусы мозаичной работы.

Около тазовой части костяка лежала спираль изъ бронзовой проволоки, на- низанная на нить; къ послѣдней прицѣплены цѣпочки съ подвѣской въ видѣ кружка съ соколиными головами и литой бронзовый бубенчикъ.

На ногахъ у обоихъ погребеній лежали куски ремней, серебряныя бляшки и оловяныя пластинки отъ набора обуви.

Въ переднемъ лѣвомъ углу стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ низкой кружки съ ажурной ручкой, напоминающей фигуру звѣря.

Катакомба 8-я.

Проходъ въ катакомбу имѣлъ 7 метр. длины и 60 сант. ширины. Катакомба оказалась совершенно обрушенной и на полу ея расположено было три погребенія, костяки которыхъ плохо сохранились.

При первомъ погребеніи, около черепа, найдены: масса мозаичнаго стекла бусъ отъ ожерелья, серебряный диргеми и гладкая круглая съ пробитыми отверстіями пластинка.

Около втораго — ожерелье изъ нѣсколькихъ рядовъ мелкихъ разнообразныхъ бусъ, соединившихся плоскими бусами съ тремя отверстіями, а также рядъ серд- ликовыхъ крупныхъ бусъ. Сбоку костяка лежало металлическое зеркало съ орна- ментомъ, на пальцахъ рукъ надѣты бронзовые перстни съ камнями, на ногахъ куски ремней и оловяныя пряжки отъ набора обуви и серебряныя орнаменти- рованныя пластинки.

Около третьяго, въ тазовой части костяка, лежала ажурная пряжка и желѣзные ножи.

Сосудъ раздавленъ обваломъ.

Катакомба 9-я.

Проходъ имѣлъ 4,50 метр. длины и 62 сант. ширины.

Катакомба—1,80 метр. длины, 1,60 метр. ширины и 150 метр. высоты.

Погребеній—два; костяки плохо сохранились.

Около перваго погребенія найдены бубенцы и куски истлѣвшаго желѣзнаго панцыря съ прикрѣпленными круглыми металлическими бляшками, а также обломки желѣзнаго ножа.

Около втораго погребенія лежали бронзовые литые бубенцы, куски бронзовой спирали и на рукахъ бронзовые проволочные браслеты.

Рис. 167.

Катакомба 10-я.

Проходъ въ катакомбу тянулся на разстояніи 3,50 метр., шириною въ 60 ст.

Катакомба оказалась совершенно обрушенной.

Погребеній два, женское и дѣтское. Костяки совершенно истлѣли.

Около женскаго погребенія, подъ остатками отъ черепа, лежали рядами бусы изъ известковой массы, мозаичной стекловидной массы и голубой синей и лиловой стеклянной массы; на рукахъ надѣты были бронзовые браслеты и на одномъ изъ пальцевъ перстень съ камнемъ.

Дѣтское погребеніе около черепа имѣло ожерелье изъ сложныхъ золотистаго цвѣта бусъ, на пальцахъ—дѣт-

скій перстень и обломокъ втораго, около тазовой части лежали куски бронзовой спирали.

Глиняный сосудъ, въ видѣ кувшина, раздавленъ обваломъ.

Катакомба 11-я.

Проходъ—въ 5 метр. длины, шель въ глубь уступами.

Катакомба въ 1,80 метр. длины, 1,50 метр. ширины и 1,30 метр. высоты.

На полу катакомбы расположено было въ вытянутомъ положеніи одно погребеніе, ориентированное съ востока на западъ головой, по длинѣ катакомбы.

Длина костяка 1,75 метр.

Около черепа найдена пара серебряныхъ серегъ, масса крупныхъ и мелкихъ бусъ изъ сердолика и разноцвѣтнаго стекла, литые бронзовые бубенцы и на рукѣ перстень съ камнемъ.

Катакомба 12-я.

Катакомба эта вырыта была сверху, имѣла размѣры: 1,65 метр.×1,42 метр.; полъ ея находился на глубинѣ отъ 2,70 метр. поверхности почвы.

На полу катакомбы оказалось одно скорченное погребеніе, впервые встрѣтившееся въ Салтовскихъ раскопкахъ; костякъ 1,72 метр. длины, т.-е. гораздо длиннѣе самой катакомбы, ориентированъ съ N на S головой (рис. 167).

При погребеніи никакихъ предметовъ не оказалось.

Катакомба 13-я.

Вскрыта сверху и заключала одно дѣтское погребеніе, ориентированное съ E на W головой.

При погребеніи лежалъ рядъ мелкихъ бусъ, бубенцы, куски бронзовой спирали и дѣтскія серьги.

ДНЕВНИКЪ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХЪ РАСКОПОКЪ, ПРОИЗВЕДЕННЫХЪ
СЪ 15 ПО 29-е АВГУСТА 1910 ГОДА.

Катакомба 13-я.

Проходъ въ катакомбу шель уступами на протяженіи 7 метр. въ 55 сант. ширины. Входъ въ катакомбу заложенъ былъ каменной плитой размѣрами 75×55×10 сант.

Полъ катакомбы былъ ниже пола прохода на 20 сантиметр. Размѣры катакомбы 2,20 метр. длины, 180 м. ширины и 2 м. высоты. На полу катакомбы, на толстомъ слое древеснаго угля, расположено было три погребенія, изъ которыхъ первое — дѣтское, костякъ 72 сант. длины, второе — женское, костякъ котораго 1,68 ст. длины и третье — мужское; костякъ его плохой сохранности.

Первыя два погребенія ориентированы съ N на S головами, третье совершенно наоборотъ — съ S на N головой.

Около перваго погребенія, дѣтскаго, вблизи черепа лежали: небольшая бронзовая серьга съ неподвижной привѣской, ажурная круглая привѣска, низкопробнаго серебра треугольныя пряжки и рядъ сердоликовыхъ бусъ отъ ожерелья.

Около женскаго погребенія: рядъ мозаичныхъ и плоскихъ бусъ, серебряная серьга, бронзовая пуговица; на рукахъ браслеты и перстень. Сбоку костяка найдены обдѣланныя костяныя пластинки.

Около мужскаго погребенія: куски проволочной спирали, литые бронзовые бубенцы, половинки полыхъ металлическихъ шариковъ; бронзовая пластинка съ фигурнымъ оттискомъ. Сбоку погребенія лежали: желѣзный кинжалъ, наконечники стрѣлъ, обломки ножа въ истлѣвшихъ ножнахъ, желѣзныя и бронзовыя пряжки, желѣзная обдѣлка какого-то футляра. Справа отъ входа стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ кружки и около него бычачья кость.

Катакомба 14-я.

Проходъ 6 метр. длины и 65 ст. ширины.

Катакомба—1,80 метр. длины, 1,60 м. ширины и 1,50 метр. высоты.

Погребеній три, костяки которыхъ совершенно истлѣли.

Около погребеній лежали рядами въ большомъ количествѣ разнообразныя бусы—сердоликовыя, горнаго хрустала, плоскія изъ синей смалты, какъ бы жемчужныя, сложныя бусы съ плоскими соединительными бусами, известковыя, мозаичныя и особенно крупныя со вкрапленными глазками. Между бусами найдены круглыя перламутровыя пластинки съ просверленными отверстиями и круглыя раковины со сверлиной. Тутъ же найдены бронзовыя золоченыя серьги, серебряный диргемъ, металлическое зеркало, литые бронзовые бубенцы, куски проволочной спирали. Около костей рукъ—перстни, витой массивный бронзовый браслетъ, половинка большого бронзоваго шарика; на ногахъ—серебряныя пластинки отъ набора обуви и куски ремней отъ обуви.

Сбоку погребеній лежали обломки желѣзныхъ ножей.

Кромѣ того, въ проходѣ найдена металлическая пластинка со скобами.

Катакомба 15-я.

Вблизи предыдущей катакомбы вскрыта была небольшая катакомба, находившаяся на незначительной глубинѣ—всего на 1,20 метр. отъ поверхности почвы. Въ этой катакомбѣ оказалось одно дѣтское погребеніе, костякъ котораго имѣлъ 75 сант. длины; ориентированъ съ Е на W головой.

Около разрушеннаго черепа лежали рядомъ мелкія бусы изъ синей смалты, плоскія и круглыя, изъ желтоватой мастики. Въ грудной части костяка лежали литые бронзовые бубенцы и куски проволочной спирали. Около таза—металлическая ухвертка, серебряная круглая пластинка съ пробитыми отверстиями и желѣзный истлѣвшій ножъ; сбоку погребенія лежала металлическая привѣска въ видѣ птичьихъ головъ съ длинными шеями.

Катакомба 16-я.

Проходъ въ катакомбу шелъ нѣсколькими глубокими уступами на протяженіи 6,50 метр., шириною 6,65 сантиметровъ.

Катакомба оказалась занесена наносной землей и по расчисткѣ имѣла 1,80 метр. длины, 1,50 м. ширины и 1,30 м. высоты. Костяки двухъ погребеній были сдвинуты со своего прежняго положенія.

Около перваго костяка въ тазовой части лежали рядомъ металлическія треугольныя бляшки съ подвижными колечками и пара двойныхъ пряжекъ отъ набора пояса.

Около втораго погребенія вблизи черепа лежали пара серебряныхъ серегъ съ подвижными привѣсками въ видѣ столбиковъ съ шариками, разныя бусы и на одномъ изъ пальцевъ правой руки низкопробнаго серебра перстень съ камнемъ. Около ногъ лежалъ серебрянный наборъ обуви.

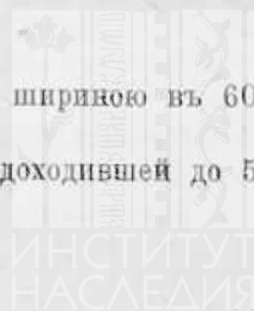
Въ проходѣ найдены три желѣзныхъ ножа, обломокъ желѣзнаго шарообразнаго предмета и черепокъ отъ посуды.

Въ заднемъ лѣвомъ углу катакомбы стоялъ кубастый большой сосудъ въ видѣ кувшина съ очень расширеннымъ корпусомъ и около него бычачья кость.

Катакомба 17-я.

Проходъ шелъ глубокими уступами на протяженіи 7 метр., шириною въ 60 сантиметровъ.

Катакомба находилась на довольно значительной глубинѣ, доходившей до 5 метровъ отъ поверхности почвы.

Отъ другихъ катакомбъ эта отличалась своими огромными размѣрами — 2,50 метр. длины, 2,20 м. ширины и 2,80 м. высоты.

На полу, на довольно толстомъ слое древеснаго угля, расположено было три погребенія съ плохо сохранившимися костяками, изъ которыхъ одинъ отличался ростомъ въ 1,78 м. длины. Возлѣ перваго погребенія, около тазовыхъ костей, лежалъ серебряный наборъ пояса, обломки желѣзныхъ ножей и желѣзной сабли, наконечники стрѣлъ, обломки желѣзнаго кольца. На ногахъ серебряный наборъ обуви съ кусками ремней.

Около глинянаго сосуда въ головахъ лежали желѣзные удила съ высокими трензелевыми частями, куски ремней съ серебряннымъ наборомъ, очевидно, отъ уздечки съ застегнутой бронзовой пряжкой.

Около втораго погребенія, вблизи разрушеннаго черепа, лежали рядами разнообразныя бусы отъ ожерелья, бронзовыя съ серебряной подвѣской серьги, пара серебряныхъ диргемовъ, колесообразная ажурная привѣска, бронзовая ухвертка, перекладина къ цѣпочкѣ. На рукахъ—два бронзовыхъ перстня.

Около третьяго погребенія по всѣмъ направленіямъ костяка лежали битые изъ пластинокъ, полые внутри, бронзовые шарики и половинки отъ нихъ, литые бронзовые бубенцы, куски бронзовой спирали и кусокъ красной краски. Сбоку погребенія лежало металлическое, орнаментированное съ оборотной стороны зеркало въ кожаномъ футлярѣ.

Въ переднемъ лѣвомъ углу катакомбы стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ кружки съ ручкой и около него мелкія кости барана и большая берцовая кость быка.

Катакомба 18-я.

Проходъ имѣлъ 3,50 метр. длины и 62 сант. ширины.

Катакомба—1,85 м. длины, 1,60 м. ширины и 1,70 м. высоты.

Погребеній два—мужское и женское; ориентированы съ N на S головами.

При мужскомъ погребеніи лежали литые бронзовые бубенцы, проволочная спираль, наконечникъ пояса, бронзовыя бляшки и круглая металлическая пластинка съ отверстиями для прикрѣпленія. Сбоку погребенія лежали: желѣзный боевой топоръ съ молоточной частью, желѣзная лопатка съ загибами для насадки на древко и желѣзный небольшой кинжалъ.

Около черепа втораго погребенія лежали рядами сердоликовые и лиловаго стекла бусы, ожерелье изъ соединенныхъ двухъ рядовъ жемчужныхъ сложныхъ бусъ, пара серебряныхъ серегъ съ подвижными подвѣсками; на рукахъ надѣты были бронзовые проволочные браслеты и нѣсколько перстней. Около тазовыхъ костей найдена металлическая ухвертка.

Въ переднемъ лѣвомъ углу стоялъ разбитый глиняный сосудъ въ видѣ кувшина.

Катакомба 19-я.

Катакомба вскрыта была просто сверху и имѣла 1,75 метр. длины и 1,60 метр. ширины.

Погребеній два, женское и дѣтское. Костяки очень плохой сохранности.

При женскомъ погребеніи найдены около черепа сложныя золотистаго цвѣта бусы, нѣсколько неправильной формы бусъ горнаго хрустала.

Около тазовыхъ костей лежали бронзовые бубенцы и бронзовый наконечникъ съ неподвижнымъ кольцомъ.

На рукахъ бронзовый проволочный браслетъ и пара перстней. Около дѣтскаго погребенія лежали рядами мелкія бусы изъ синей смалты, битый изъ бронзовой пластинки шарикъ съ поперечнымъ прорѣзомъ и ушкомъ для привѣшиванія, на рукахъ—дѣтскій, изъ плоской бронзовой проволоки, браслетъ.

Катакомба 20-я.

Проходъ 3,50 м. длины и 58 ст. ширины.

Катакомба 1,85 м. длины, 1,70 м. ширины и 1,50 м. высоты.

Погребеній два—мужское и женское.

Около перваго погребенія, въ тазовой части костяка, лежали: бронзовая пряжка и обломки отъ набора пояса, желѣзное кольцо и куски желѣзной цѣпи, а также обломки желѣзныхъ ножей. Тутъ же лежалъ одинъ крупный и нѣсколько мелкихъ литыхъ бронзовыхъ бубенцовъ. Около втораго женскаго погребенія лежали рядами разнообразныя бусы отъ ожерелья, бронзовая шарообразная пуговица и обломки металлическаго перстня.

Въ углу лежали обломки раздавленнаго сосуда и около нихъ берцовая кость быка.

Катакомба 21-я.

Проходъ 4,50 метр. длины и 53 сант. ширины.

Катакомба находилась на глубинѣ 3,50 метр. отъ поверхности почвы и имѣла 2 метра длины, 1,70 метр. ширины и 1,65 метр. высоты.

Изъ двухъ погребеній одно мужское, а другое—женское; костякъ перваго погребенія 1,75 метр. длины и втораго—1,68 метр. длины.

Около мужскаго погребенія лежали литые бронзовые бубенцы, обломки желѣзныхъ ножей, желѣзный боевой топорикъ съ молоточной частью и желѣзная лопатка съ загибами для насадки.

При женскомъ погребеніи оказались: обломки серебряной серьги, серебряный диргемъ, масса мелкихъ бусъ отъ ожерелья и нѣсколько крупныхъ изъ темной смалты со вкрапленными глазками, а также металлическая круглая пластинка и бронзовая урничка, состоящая изъ двухъ раскрывающихся одинаковыхъ частей.

КАМЕНЬ БУИЛЬ НА ДОНУ.

Слѣды древне-русскаго язычества въ При-Донскомъ краѣ.

Свящ. Ст. Звѣрева.

Въ ряду памятниковъ сѣдой старины, уцѣлѣвшихъ на границахъ древняго Черниговскаго княжества, обнимавшаго нѣкогда и часть нынѣшней Воронежской губерніи¹⁾, интересно отмѣтить, готовый исчезнуть съ лица земли, древній камень Буиль. Камень этотъ лежитъ на правомъ берегу рѣки Дона въ семи верстахъ отъ уѣзднаго города Павловска, Воронежской губ.; внизъ по теченію этой рѣки. Своею громадой и необычайнымъ внѣшнимъ видомъ этотъ камень и въ настоящее время невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе, особенно при взглядѣ на него съ рѣки. Путешественники по Дону заносили его въ свои записныя тетради, описывали его въ своихъ путевыхъ очеркахъ, а изслѣдователи изучали его составъ и измѣряли его величину. Возвышаясь надъ Дономъ при самой низкой водѣ на $6\frac{1}{2}$ сажень, камень Буиль, по словамъ Михалевица, имѣетъ въ длину до 60 сажень и въ ширину 25 сажень. Масса эта, говоритъ тотъ же изслѣдователь, врѣзывается въ Донъ, при глубинѣ ея отъ 4 до 6 сажень (рис. 168 и 169)²⁾.

Въ мѣстныхъ документахъ конца XVII вѣка находимъ интересную записку, относящуюся къ этому камню. Въ «тетради записной, какъ пошли пѣвчіе дьяки подѣ Азовъ» (1696 г.) подѣ 4 мая значится: «маія въ 4 день въ понедѣльникъ послѣ обѣда проплыли камень *словомъ Буиль* въ Дону»³⁾. Прибрежный утесъ отмѣчается здѣсь, какъ выдающаяся достопримѣчательность при-Донскаго края, на ряду съ рѣдкими монастырями и городами по берегамъ рѣки Дона, и называется собственнымъ именемъ — *Буиль*. Это имя дало названіе и близъ лежащимъ населеніямъ (однодворческое село *Буилово* или, какъ въ настоящее время, — *Русская Буйловка, Хохлацкая Буйловка*), возникшимъ первоначально, судя по городищамъ, вокругъ находящихся, въ очень отдаленныя, первобытныя времена.

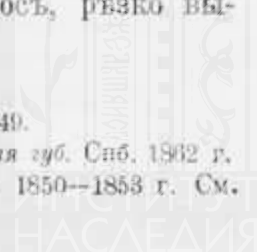
Е. Л. Марковъ, посѣтившій интересующую насъ мѣстность въ 1893 году, такъ описываетъ камень Буиль:

«Среди поднимающихся отовсюду бѣлыхъ мѣловыхъ кряжей праваго берега Дона и яркозеленыхъ покатоствей его, среди желтыхъ отмелей и косъ, рѣзко вы-

¹⁾ Голубинскій. „Исторія русской церкви“, томъ I, первая половина, стр. 549.

²⁾ Михалевицъ. „Матеріалы для географіи и статистики Россіи“. Воронежская губ. Спб. 1862 г.

³⁾ Напечатана въ *Воронежскихъ актахъ*, изд. Н. И. Второвымъ. Воронежъ. 1850—1853 г. См. Нам. кн. Воронежской губ. на 1894 г. Отд. III, стр. 138.

дающихся на голубомъ фонѣ воды, у самой подошвы берегового склона, на которомъ стоитъ теперь слобода Хохлацкая Буйловка, поднимается совсѣмъ голый малиново-сѣрый утесъ, смѣло шагнувшій въ русло рѣки. Его чистѣйшій финляндскій гранитъ совсѣмъ такой же, изъ какого высѣчены колонны Исаакіевскаго собора, обросъ сверху зеленовато-сѣдыми лишаями, сообщающими ему издали его странную окраску и *придающими ему видъ какой-то священной древней руины*. Утесъ этотъ постепенно поднимается отъ берега ступенями своего рода, возвышаясь своимъ громаднымъ горбомъ надъ шумящею подъ нимъ пучиною Дона саженей на семь. Съ его темени, рѣзко обрывающагося къ сторонѣ рѣки, все-таки можно сойти, при нѣкоторомъ желаніи, на обглоданные и обточенные волнами передніе камни утеса, которыхъ вершины давно уже погребены подъ водою и которые протягиваются отъ несокрушимой груди этого гранитнаго чудовища на встрѣчу волнамъ рѣки, словно могучія лапы звѣря, спокойно отдыхающаго на его берегу. Гранитный колоссъ этотъ расколонтъ во всѣхъ направленіяхъ, — будто старое лицо, изборожденное глубокими морщинами, — расселинами и трещинами. Онъ словно сталъ дробиться на свои громадные составные кристаллы вездѣ, гдѣ на него по очереди дѣйствовали то лѣтняя жара, то осенняя сырость, и гдѣ волны Дона не успѣли зализать его въ гладко отполированные круглые жевлаки. Вершину горба составляетъ огромная столообразная глыба, нѣсколько округленная по сторонамъ и отдѣляющаяся отъ массивнаго нижняго тѣла утеса замѣтною трещиною. Сверху она тоже плоская какъ столъ, такъ что на ней можно бы было покойно протянуться на солнечномъ припежѣ. Видъ отсюда очень характерный. Гранитная скала эта, съ своими обнаженными каменными ребрами, кругомъ обсыпанная своимъ собственнымъ прахомъ, выступаетъ грознымъ мысомъ какъ разъ противъ теченія Дона на такомъ крутомъ колѣнѣ его, что волны рѣки прямо бьютъ въ грудь утеса»¹⁾.

Современные крестьяне, населяющіе обѣ Буйловки, утѣрали названіе этого древняго камня, собравшаго нѣкогда около себя значительныя поселенія.

«— Что это за камень такой? — спрашивалъ Е. Л. Марковъ у одного мѣстнаго старика.

— Камень? Да такъ онъ отъ природы такой... дикой камень, а больше ничего. Изъ земли вотъ растеть... Кто его знаетъ, какой!

— Какъ же вы называете его?

— А никакъ не называемъ. Камень да камень, а больше ничего...

— *Буилъ*-камень, что-ли?

— Н-ѣ-т-ъ! Какой *Буилъ*... просто камень. *Буйвоново* — это наше село прозывается, — тономъ убѣжденія поправилъ меня старикъ», — замѣчаетъ Марковъ.

Очевидно, въ воззрѣніяхъ современныхъ крестьянъ съ «камнемъ Буиломъ» уже не связывается никакого особеннаго представленія. Изъ народной памяти уже исчезли легенды и сказанія о камнѣ, лѣтъ двѣсти тому назадъ, быть можетъ, еще державшіяся на устахъ мѣстнаго населенія, знавшаго, что камень «*словеть Буилъ*» и сообщавшаго объ этомъ заѣзжимъ гостямъ-путешественникамъ на Дону.

Чѣмъ же могъ быть этотъ камень *Буилъ* въ древности?

Буилъ — Буйло, — это то же, что буйволъ, по объясненію словаря Даля. Камень-Буйволъ, — такъ въ переводѣ на современный русскій языкъ назывался въ древности интересующій насъ камень.

Обращаясь къ литературѣ подобнаго рода памятниковъ, мы вступаемъ въ

¹⁾ Е. Л. Марковъ. Поѣздка къ камню Буилу. Памятная книжка Воронежской губ. на 1894 г., стр. 129—130, отд. III.

область древних свидѣтельствъ и народныхъ сказаній о язычествѣ русскихъ славянъ, объ ихъ святилищахъ и обрядахъ, ихъ богослуженіи, о русскихъ простонародныхъ праздникахъ и суевѣрныхъ обычаяхъ. Аналогичные съ камнемъ-Буиломъ памятники находятся, какъ оказывается, даже вблизи интересующей насъ мѣстности, въ бассейнѣ той же рѣки Дона, на пространствѣ между верховьями этой рѣки и рѣки Оки. Приведемъ пока только одни ихъ названія въ этой мѣстности: *Конь-камень*, *Свинья-камень*, *Баранъ-камень*, *Башъ* и *Башиха*...¹⁾

Всѣ этого рода памятники не разъ были предметомъ научнаго обслѣдованія. Снегиревъ, Срезневскій, Сахаровъ, Афанасьевъ и др. изслѣдователи славяно-русскаго язычества открывали, указывали и освѣщали эти памятники. Языческому культу камня посвящена часть реферата, представленнаго однимъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей, Н. И. Троицкимъ, въ 1892 году въ бюро Международнаго Конгресса по до-исторической археологіи и антропологіи въ Москвѣ и напечатаннаго въ I томѣ «Трудовъ» Конгресса, подъ заглавіемъ: «Слѣды язычества на пространствѣ между верховьями рѣкъ Оки и Дона. Культъ огня, дерева и камня»²⁾. Въ указанномъ рефератѣ не только перечислены и описаны вышеназванные памятники, но и дано сильное объясненіе связаннаго съ ними культа.

Въ Тульскомъ краѣ, — говорится здѣсь, — твердо сохранилось за однимъ камнемъ названіе «*Свинья-камень*». Этотъ камень находится близъ села Спасъ-Конино, въ Алексинскомъ уѣздѣ. Здѣсь есть и другой камень — «*Конь*». Названіе села «Спасъ», — несомнѣнно, позднѣйшее, нежели прозваніе деревни въ приходѣ этого села — «*Конино*». Послѣднее, безъ сомнѣнія, указываетъ на давнее пребываніе находящагося здѣсь и теперь *Коня-камня*, по которому давались названія поселеніямъ и въ другихъ мѣстахъ Тульского края. Такъ, въ приходѣ села Дупень, Чернскаго уѣзда, находятся два «*Коня-камня*» и по нимъ названы двѣ деревни: одна — «*Большой-Конь*», другая — «*Малый-Конь*»... Лучшій представитель священныхъ «*Коней-камней*», — говорится въ томъ же изслѣдованіи, — есть, безспорно, *Конь-камень* на возвышенномъ берегу рѣки Красивой Мечи, при впаденіи ея въ р. Донъ, въ селѣ Козьѣ, Ефремовскаго уѣзда.

Необходимо имѣть въ виду, — говоритъ изслѣдователь, — что своей фигурой эти «*Кони-камни*» нисколько не напоминаютъ коня; слѣдовательно, это названіе усвоено имъ не въ прямомъ и даже не въ поэтическомъ значеніи, а въ переносномъ (символично-религіозномъ). Насельники Дона — почитатели камней³⁾ видѣли въ камнѣ, какъ и въ конѣ, спасеніе человѣку. Конь и камень вмѣстѣ служили убѣжищемъ и защитой первобытнымъ людямъ, почему такъ сильно и было развито *почтеніе коня* у до-историческихъ племенъ. Таковымъ оно было и здѣсь, на всемъ пространствѣ между верховьями рѣкъ Оки и Дона.

Названные камни не мѣстнаго происхожденія; по своему образованію и происхожденію, — это суть валуны, занесенные сюда съ сѣвера движеніемъ ледниковъ. Нашъ камень-Буиль разсматривается геологами такъ же, какъ одинъ изъ осадковъ въ извѣстный періодъ образованія земли (см. «Изслѣдованіе осадковъ мѣловой

¹⁾ Названіе *Башъ*, сходное съ татарскимъ *Баши* и *Бакши*, есть, конечно, измѣненное татарское и значить „глава“, „владыка“. Несомнѣнно, это названіе позднѣйшее, явившееся въ татарскій періодъ (XIII—XIV вв.) и замѣнившее собою прежнее — „конь“, или др. подобное.

²⁾ Перепечатанъ въ «Памятной Книжкѣ Тульской губ. на 1893 г.», отд. VIII, стр. 189—202. Указана литература предмета.

³⁾ Въ Номоканонѣ при Большомъ Требникѣ, изд. въ 1651 году, указываются „у насъ, въ величій Росіи, вокругъ страны нашей земли живущіе языцы, не вѣдущіи Бога... кланяющіеся болванамъ, деревьямъ, водамъ, камнямъ“ — Слав.-русск. рукописи В. М. Ундольскаго. М. 1870 г. № 33, стр. 47—48.

и др. формацій» профессора *Леваковского*. Труды «Общества испытателей природы», при Императорскомъ Харьковск. Университетѣ. 1879 г., кн. 7-я).

Какъ явленіе необычайное для первобытнаго челоѣка, обитавшаго въ бассейнѣ р. Дона, диковинные камни по берегу р. Дона рано приковали къ себѣ его вниманіе. Давая камнямъ имена, первобытный насельникъ Дона, очевидно, одухотворялъ эти камни въ своемъ представленіи, надѣлялъ сверхъ-естественной силой и чтилъ въ нихъ эту силу. Почитатели «каменей-коней», — говоритъ Троицкій, — видѣли въ нихъ представителей силы производительной, спасительной, вообще благопріятствующей въ жизни, — той силы, которая еще въ незапамятныя до-историческія, какъ и въ давно прошедшія историческія времена олицетворялась въ конѣ, животномъ, исполненномъ пыла и энергіи. Относительно названія «Свинья-камень» должно замѣтить, что по поэтическимъ воззрѣніямъ славяно-русовъ (А. Н. Афанасьевъ, «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу». Томъ I. Москва. 1865 г., стр. 767—768), «свинья, какъ животное, которое роетъ землю, является символомъ, во-первыхъ, плуга, бороздящаго нивы, и, во-вторыхъ, вихря, возметающаго прахъ по полямъ и дорогамъ; а какъ животное, необыкновенно плодящееся, свинья ставится въ близкую связь съ творческими силами весенней природы».

Преданіе мѣстныхъ жителей, какъ это видно изъ вышеназваннаго реферата, — окружаетъ обыкновенно священные камни легендами и, между прочимъ, сохраняетъ воспоминаніе о томъ, что при этихъ камняхъ когда-то приносились жертвы. Такъ, въ селѣ Башевѣ, Одоевскаго уѣзда, Тульской губ., «Башамъ-камнямъ» какъ прежде приносили, такъ и теперь крестьяне приносятъ своего рода жертвы, чтобы снискать ихъ покровительство въ хозяйствѣ: приносятъ обыкновенно деньги, одежду, пищу, иногда — овечью шерсть или шерстяныя нити съ молитвой о томъ, чтобы овцы не подвергались заразнымъ болѣзнямъ. Даже вообще, — кто что желаетъ получить отъ «Башей», тотъ то имъ и приноситъ. Желаящій денегъ приноситъ деньги, желаящій имѣть овецъ известной шерсти — приноситъ такой шерсти или такого же рода нитей и т. п. Изъ-подъ этихъ камней крестьяне берутъ землю, какъ полезную для размноженія скота и отъ порчи колдуна. Дѣлается это, по возможности, скрытно, и преимущественно — женщинами, которыя являются на поклоненіе «Башамъ» издалека. *Осколки отъ камней-башей почитаются* врачевствомъ отъ зубной боли.

Въ виду всего вышеизложеннаго, естественно предположить, что и нашъ камень - *Буилъ* имѣлъ въ древности священное значеніе. Отсутствіе легендъ и народныхъ сказаній объ этомъ камнѣ, о религіозномъ культѣ, съ нимъ связанномъ, исчезновеніе въ быту мѣстнаго населенія пережитковъ этого культа, отмѣченныхъ, напримѣръ, въ Башевѣ, легко объясняется тѣмъ, что населеніе данной мѣстности въ періодъ историческій часто мѣнялось, а по временамъ — совсѣмъ исчезало: «еще бо и быши грады красны и нарочиты зѣло видѣніемъ, — говоритъ діаконъ Игнатій, проѣзжавшій съ митрополитомъ Пименомъ въ этой мѣстности въ 1389 году, — точію мѣста: пустошь все и не населено, не бѣ бо видѣти челоѣка, точію пустыня велія и звѣрей множество»¹⁾. Послѣдніе поселенцы пришли въ Русскую Буйловку въ 1723, 1724 годахъ. «Однодворческое село Буйлово, — значитъ въ церковной лѣтописи, — поселено на *дикопоросиныхъ земляхъ* по данымъ 1723 и 1724 годовъ изъ бывшей переписной Азовской губерніи»²⁾.

Но нельзя сказать, чтобы въ окрестностяхъ камня Буила исчезли всякіе слѣды древняго религіознаго культа, связаннаго нѣкогда съ этимъ камнемъ. На

¹⁾ *Болховитиновъ, Евг.* Описание Воронежской губерніи. Воронежъ. 1800 г.

²⁾ Рукопись церковнаго архива, сообщ. свящ. Д. И. Поповымъ.

городищахъ вблизи камня Буила уцѣлѣли до настоящаго времени священные очаги, годъ отъ году все болѣе вывѣтривающіеся, какъ и самыя городища, никѣмъ еще научно не обследованныя. Священникъ села Русской Буйловки, Дмитрій Ивановичъ Поповъ (составитель вышеназванной лѣтописи), первый нѣсколько лѣтъ тому назадъ обратилъ вниманіе на эти городища, сталъ собирать фрагменты перво-бытной посуды на городищахъ. Онъ замѣтилъ, что въ каждомъ городищѣ неизмѣнно попадаются въ большихъ кучкахъ осколки камня Буила. Осколками были какъ бы обложены нѣкоторыя мѣста городищъ; на остальномъ пространствѣ камень Буиль нигдѣ не встрѣчался въ городищахъ.—Въ текущемъ 1908 г. (іюль) я осмотрѣлъ городища вблизи камня Буила, и дѣйствительно на каждомъ предполагаемомъ священномъ очагѣ въ городищѣ находился въ большомъ количествѣ камень Буиль въ осколкахъ. Конечно, присутствіе камня Буила у очаговъ, при которыхъ совершались жертвоприношенія древними насельниками городищъ, мо-

Рис. 168.

жетъ свидѣтельствовать о священномъ значеніи и самого камня, возлагавшагося на языческіе алтари.

Что касается подробностей культа, связаннаго съ камнемъ Буиломъ, то, по отсутствію положительныхъ данныхъ, трудно сказать объ этомъ что-либо определенное. Е. Л. Марковъ, посвятившій нашему памятнику большую статью «Поѣздка къ камню Буилу», путемъ филологическихъ ¹⁾ и др. изысканій приходитъ къ выводу, что подъ именемъ *Буила* могъ легко разумѣться *Ярило*, — богъ весенняго оплодотворяющаго солнца, имя котораго до сихъ поръ хорошо памятно русскому народу и котораго онъ продолжалъ чествовать своими всенародными празднествами почти до нашихъ дней.

¹⁾ *Буй* въ древне-русскомъ языкѣ служитъ синонимомъ слову — *Яръ*. Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» князь Всеволодъ называется — *яръ-туръ* или *буй-туръ*. Въ памяти нашего народа, — приводитъ Марковъ слова Аванасьева, — сохранились отрывочныя воспоминанія о *ярь-турѣ* — свѣтломъ, весеннемъ плодотворителемъ быка бога-громовника. Эпитетъ *ярой* указываетъ на творческія силы весны и родитъ тура съ именемъ древне-славянскаго божества Ярила (Перуна-оплодотворителя). Е. Л. Марковъ. Поѣздка къ камню Буилу. Памятная книжка Воронежской губ. на 1894 г. отд. III, стр. 139—140.

Нужно замѣтить, что въ Воронежской губерніи праздники въ честь языческаго бога Ярилы продолжались до второй половины XVIII столѣтія. Въ житіи св. Тихона, епископа Воронежскаго, рассказывается, что въ 1765 году, въ *поне-дѣльникъ Петрова поста* ¹⁾, на одной изъ площадей города Воронежа происходило такое торжество. Множество мужей и женъ, старыхъ и малыхъ, дѣтей изъ всего города на то мѣсто собралось. «Между симъ множествомъ народа, — говоритъ святитель Тихонъ въ своемъ увѣщаніи паствѣ, — я увидѣлъ иныхъ почти безчувственно пьяныхъ, между иными — ссоры, между иными — драки, *примѣтилъ плясанія женъ пьяныхъ со скверными пѣснями*» ²⁾... Выраженіе «идти на Ярилку» и до сихъ поръ можно услышать въ Воронежѣ. «Идти на Ярилку» — это значитъ идти на народное гулянье, устраиваемое обыкновенно весною на Мясной площади гор. Воронежа.

Камень Буль могъ обоготворяться въ древности и какъ страшная буйволо-

Рис. 169.

образная скала, грозно торчащая на рѣзкой излучинѣ р. Дона. На эту скалу быстрымъ теченіемъ рѣки направлялось всякое судно, которому лежалъ путь черезъ эту излучину.

«Да судá здѣсь и теперь разбиваются, — говорили Маркову старики, жители Хохлацкой Буйловки. — Видите и теперь — быстрина здѣсь какая, на что ужъ вода тихая; а въ половодье тутъ бѣда одна: чисто какъ изъ-подъ мельничнаго колеса несетъ, барки какъ щепки vorочаетъ, ничѣмъ не удержишь, нанесетъ ее со всего размаху, да и стукнетъ, все равно, какъ яйцо объ столъ... Тутъ ей и капуть... Вонъ видите: одна и теперь валяется, съ весны застряла... На что сказать: пароходъ; ужъ, кажется, — силища! а весною случается, два парохода одну барку съ

¹⁾ О бѣсовскихъ потѣхахъ въ первый понедѣльникъ Петрова поста упоминается въ Стоглавѣ (гл. 41, вопр. 27, изд. Кожанчикова, стр. 191). Въ этотъ день заканчивались празднества въ честь Ярилы (Снегиревъ, IV, 59. — Голубинскій, т. I, вторая половина, стр. 742).

²⁾ Житіе иже во святыхъ отца нашего Тихона, еписк. Ворон. и Задонскаго. Изд. седьмое. Сиб. 1874 г., стр. 48—50.

хлѣбомъ черезъ силу проведутъ мимо нашего камня: такъ, смотришь, и тащутъ ихъ прямо на него... Самое жъ тутъ стремя Донское».

Я потому заговорилъ на Археологическомъ Съѣздѣ о камнѣ Буилѣ, чтобы просить издать мою замѣтку и представленные снимки съ этого древняго священнаго камня въ «Трудахъ» Съѣзда; ибо онъ долженъ современемъ исчезнуть, такъ какъ нѣкій подрядчикъ-каменщикъ изъ Новой Сотни, подъ г. Острогожскомъ, И. В. Глуценковъ, купилъ въ недавнее время этотъ камень у крестьянъ Хохлацкой Буйловки. Съ 22 октября 1907 г. непрерывно идетъ усиленная разработка камня Буила съ такимъ расчетомъ, чтобы, по условію, въ теченіе девяти лѣтъ свезти отсюда этотъ камень. Крестьянамъ обязался онъ заплатить всего за девять лѣтъ 1800 руб., по 200 р. въ годъ, по два рубля на каждую крестьянскую душу.

Такъ расцѣнено въ наши дни древнее языческое божество!

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ВЪ С. МЕЗИНЪ, ЧЕРНИГ. ГУБ.

(Предварительное сообщеніе).

О. Волковъ.

Всѣ посѣтителѣ археологической выставки Черниговскаго Съѣзда не могли не обратить вниманія на цѣлую кучу костей мамонта посреди залы доисторическихъ древностей. Эти кости заинтересовали, разумѣется, и меня, а присутствіе вмѣстѣ съ ними кремней, носящихъ несомнѣнные слѣды обработки, побудило меня посѣтить мѣстность, гдѣ онѣ были найдены, и заняться болѣе внимательнымъ изслѣдованіемъ залежи, ихъ заключающей. Въ результатѣ я могу доставить себѣ завидное удовольствіе поздравить Съѣздъ съ открытіемъ новой у насъ палеолитической стоянки, открытіемъ, не только счастливо совпавшимъ со Съѣздомъ, но, до извѣстной степени, и сдѣланнымъ благодаря этому Съѣзду.

Въ началѣ нынѣшняго лѣта во дворѣ у одного изъ жителей с. Мезина (или по народному произношенію *Мизиня*), Кролевец. у., казака Сысоя Кошеля, при устройствѣ погреба въ толщѣ желтой глины (лѣсса) начали попадаться въ довольно большомъ количествѣ кости мамонта. Когда слухи объ этомъ достигли Чернигова, то, благодаря заботливости одного изъ членовъ Предварительнаго Комитета Съѣзда, во дворѣ Кошеля была раскопана небольшая часть склона горы, примыкающей къ усадьбѣ, и оттуда было извлечено значительное количество костей мамонта, находящихся на выставкѣ, а также и довольно много кремневыхъ осколковъ. Приѣхавши лѣтомъ въ Черниговъ и осмотрѣвши эти находки, я убѣдился, что найденные осколки, если и не были орудіями, то во всякомъ случаѣ получились при выдѣлкѣ орудій, такъ какъ почти на каждомъ изъ нихъ можно было замѣтить ударные бугорки (*bulbes de percussion*) и что, слѣдовательно, въ присутствіи несомнѣнно четвертичной фауны, есть всѣ основанія предполагать въ мезинской залежи настоящую палеолитическую стоянку на берегахъ Десны и ея бывшаго притока. Воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что мнѣ предстояло провести большую часть лѣта вблизи с. Мезина, въ д. Псаровкѣ, я, по прибытіи туда, немедленно же отправился въ Мезинъ, вмѣстѣ съ моимъ тогда слушателемъ, а теперь профессорскимъ стипендіатомъ, С. И. Руденкомъ, и послѣ небольшихъ пробныхъ развѣдокъ мы скоро убѣдились въ полной справедливости моихъ предположеній.

Къ сожалѣнію, обязательства, принятые нами относительно сбора этнографическихъ коллекцій для Э. О. Р. Музея имени Имп. Александра III, составляющихъ почти весь этнографическій отдѣлъ выставки, не позволили намъ употребить на раскопку столько времени, сколько было бы необходимо для ея полного окончанія. Мы должны были ограничиться изслѣдованіемъ сравнительно небольшого только

пространства, и эта раскопка дала намъ результаты, о которыхъ я и буду имѣть честь доложить Съѣзду въ настоящемъ сообщеніи.

Палеолитическія находки въ Россіи, какъ извѣстно Съѣзду, чрезвычайно немногочисленны. Въ эпоху совмѣстнаго существованія въ Европѣ мамонта съ прочей четвертичной фауной и человѣка и развитія палеолитической культуры, вся сѣверная половина нынѣшней Россіи была погребена подъ громаднымъ сѣвернымъ ледникомъ и, слѣдовательно, предполагать въ ней существованіе палеолитическаго человѣка было такъ-же мало основаній, какъ почти во всей Англии, въ Скандинавіи, въ Голландіи и въ сѣверной Германіи, и сомнѣнія въ возможности палеолита въ сѣв. Россіи, высказанныя давно уже Ворсо и Гревинкомъ, ничуть не были ни легкомысленными, ни преждевременными. Относительно южной Россіи почти до послѣдней четверти прошлаго столѣтія вопросъ о палеолитѣ не только не былъ выясненъ, но не былъ даже возбужденъ, и когда съ 1873 г. въ с. Гонцахъ, Полтав. губ., были открыты кремневые орудія вмѣстѣ съ костями мамонта, то изслѣдователи оказались настолько неподготовленными, что разобраться въ этой находкѣ было очень трудно и описаніе ея въ «Трудахъ III Археологич. Съѣзда» въ Кіевѣ ¹⁾ отличается полной неудовлетворительностью, а результаты, собранные потомъ въ Лубенскомъ Музеѣ г-жи Скаржинской и находящіяся теперь въ Полтавскомъ Музеѣ, ожидаютъ еще своей детальной разработки. Почти въ такомъ же положеніи оказались и находки величайшаго пионера русской археологіи, графа А. С. Уварова, въ с. Карачаровѣ ²⁾. Нѣсколько болѣе опредѣленные результаты дали изслѣдованія И. С. Полякова ³⁾ и затѣмъ А. И. Кельсіева ⁴⁾ въ с. Костенкахъ Воронежской губ., къ сожалѣнію и до сихъ поръ еще незаконченныя. Еще болѣе незаконченными остались едва начатыя еще въ 1879 г. изслѣдованія палеолитическихъ отложеній въ Крымскихъ пещерахъ К. С. Мережковскаго ⁵⁾, не смотря на то, что собранныя имъ коллекціи палеолитическихъ каменныхъ орудій, хранящіяся въ Антропологич. Кабинетѣ Спб. Университета, поражаютъ и своимъ количествомъ и богатствомъ превосходныхъ экземпляровъ. Наконецъ, только раскопки В. В. Хвойки ⁶⁾ на Кирилловской ул. въ Кіевѣ дали вполнѣ опредѣленную, но въ концѣ-концовъ далеко не вполнѣ разработанную картину палеолитической эпохи въ Россіи. Если каменные орудія, найденныя съ цѣлой массой осколковъ, и оказались удивительно немногочисленными, если обработка кости и была доказана только нѣсколькими обломками, то все-таки общій характеръ Кіево-Кирилловской стоянки могъ считаться уже достаточно выясненнымъ, чтобы отнести эту стоянку къ концу европейскаго палеолита и именно къ мадленской его эпохѣ ⁷⁾. Сдѣланныя еще позже, къ сожалѣнію, очень немногочисленныя, но за то превосходно обслѣдованныя геологически находки г. Н. Крыштафовича въ Новой Александріи ⁸⁾

¹⁾ Ф. Каминскій, «Слѣды древнѣйшей эпохи камен. вѣка по р. Сулѣ» («Труды III Арх. Съѣзда», т. I, 1878).

²⁾ А. С. Уваровъ, «Археологія Россіи. Каменный вѣкъ», гл. III, М. 1881.

³⁾ И. С. Поляковъ, «Антропологическая поѣздка въ центр. и восточ. Россію» (Зап. Акад. Наукъ, т. XXXVII, кн. I).

⁴⁾ А. И. Кельсіевъ, «Палеолитическіе кухонные остатки въ с. Костенкахъ, Воронеж. у.» М. 1883.

⁵⁾ К. С. Мережковскій, «Отчетъ о предвар. изслѣдованіяхъ каменнаго вѣка въ Крыму» («Изв. И. Р. Геогр. Общ.», т. XVI, вып. 2, 1880).

⁶⁾ В. В. Хвойко, «Каменный вѣкъ средняго Приднѣпровья» («Труды XI Археолог. Съѣзда» въ Кіевѣ, т. I, 1901).

⁷⁾ Хв. Вовк., «Палеолитичні знахідки на Кирилівській ул. у Києві» («Матеріяли до укр.-руськ. етнологіі», I, стр. 12).

⁸⁾ Н. I. Крыштафовичъ, «Послѣтретичныя образованія въ окрестностяхъ Новой Александріи». Варш. 1896.

подтвердили мнѣнія, высказанныя относительно кievской стоянки. Этимъ и исчерпывается пока все, что намъ извѣстно о палеолитическомъ человѣкѣ въ Россіи.

Такимъ образомъ, находка въ с. Мезинѣ является только пятой или шестой на всемъ пространствѣ Европейской Россіи и по одному этому заслуживаетъ уже самаго внимательнаго къ себѣ отношенія. Внимательность эта требуетъ прежде всего возможно точнаго опредѣленія ея геологическаго положенія. С. Мезинъ находится на самомъ краю довольно обширной возвышенности, слегка покатой на востокъ и круто обрывающейся, образуя собой правый берегъ р. Десны. По изслѣдованіямъ проф. П. Я. Армашевскаго береговья отложенія этого довольно высокаго плато (отъ 43 до 45^m) въ окрестностяхъ Мезина состоятъ:

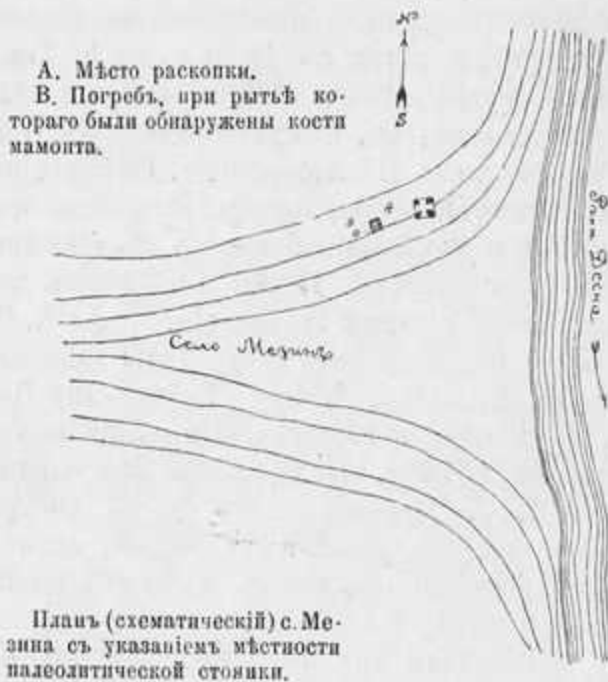

Рис. 170.

1) изъ толщи мѣла, верхняя спайная поверхность котораго возвышается надъ уровнемъ Десны до 40 фут.;
 2) изъ болѣе или менѣе тонкихъ пластовъ или прослоекъ третичныхъ зеленовато-сѣрыхъ глауконитовыхъ и охристо-желтыхъ песковъ;
 3) изъ слоя валунныхъ образованийъ и
 4) изъ иногда тонкаго, иногда же очень мощнаго слоя лёсса, слегка прикрытаго тонкимъ поверхностнымъ слоемъ растительнаго перегноя¹⁾.
 Мощныя отложенія мѣла въ верхнихъ своихъ частяхъ представляются въ высокой степени неровными. На протяженіи одного километра по берегу ихъ можно видѣть то на уровнѣ Десны, то высоко вверху, иногда подъ самымъ слоемъ растительнаго перегноя, едва ихъ прикрывающаго, послѣ чего они спускаются, потомъ опять поднимаются, образуя въ общемъ крайне изрытую поверхность. Соответственно такому рельефу поверхности мѣловыхъ отложеній, расположились и сравнительно очень тонкіе третичные пески, которые только мѣстами, какъ, напр., между Мезиномъ и Радичевомъ получаютъ сильное развитіе, переходя другъ въ друга въ горизонтальномъ направленіи, при чемъ иногда замѣтно перепластованіе этихъ породъ²⁾; такъ, напр., зеленовато-сѣрые глауконитовые пески, залегающіе обыкновенно подъ охристо-желтыми, въ Мезинѣ оказываются надъ ними. Особенно же сильно отразилось вліяніе неровностей мѣловаго слоя на валунныхъ образованияхъ: возлѣ Псаровки образованія эти находятся на очень значительной высотѣ и достигаютъ большой мощности, тогда какъ въ Мезинѣ ихъ или незамѣтно вовсе, или они представлены небольшими прослойками валунныхъ суглинковъ.

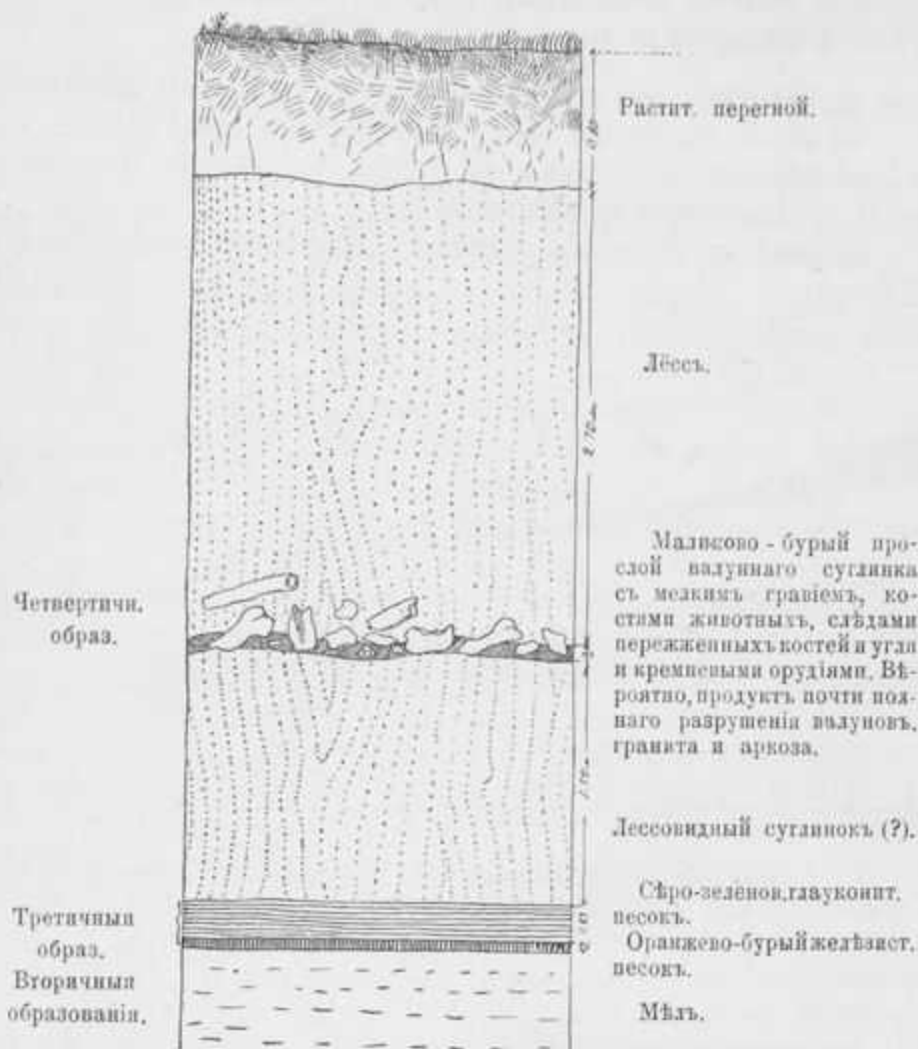
Поверхность имѣющаго такое строеніе плато правой стороны Десны, въ болѣе низкихъ мѣстахъ, постоянно подвергаясь дѣйствию весеннихъ водъ, мало-по-малу размывается небольшими ручейками, вымывающими мало замѣтныя въ началѣ

¹⁾ Армашевскій. „Геологическій очеркъ Черниговской губ.“ Кіевъ, 1883 г. (изъ VII т. „Записокъ“ Общества Естествениспытателей при Кіевск. унив.), стр. 26.

²⁾ Ibid, стр. 96.

ямки, превращающіяся потомъ въ громадные овраги, составляющіе истинное бѣдствіе для мѣстнаго населенія, приближающіеся мало-по-малу къ Деснѣ, прорывающіе берегъ и образующіе поперечныя ея теченію долины. Въ числѣ ихъ есть и очень давнія большія долины, вымытыя когда-то болѣе или менѣе значительными рѣчками, на бывшемъ днѣ которыхъ, и въ особенности на дельтахъ, и помѣщаются вынѣшнія наддесенскія села. Въ одной изъ такихъ рѣчныхъ долинъ, возлѣ самаго выхода ея къ берегу Десны, расположено и с. Мезинъ (рис. 170), часть

домовъ котораго примыкаетъ къ сѣверной сторонѣ долины, образуемой первой береговой террасой бывшей рѣчки. Надъ ней возвышается вторая терраса и затѣмъ начинается уже плато. На первой же террасѣ находится церковь, за нею къ западу—церковный огородъ, а за нимъ начинается уже усадьба С. Кошеля. Усадьба эта тянется вдоль улицы, у самой террасы, составляющей край долины, и, слѣдовательно, сѣверной своей стороной упирается въ скатъ обрыва нижней террасы, такъ, что, когда понадобилось выкопать погребъ, то яму для него копали не въ глубину, а въ горизонтальномъ направленіи, вкапываясь въ гору на подобіе туннеля. Такимъ образомъ, и найдены были кости ма-

Геологическій разрѣзъ палеолитической стоянки въ с. Мезинѣ.

Рис. 171.

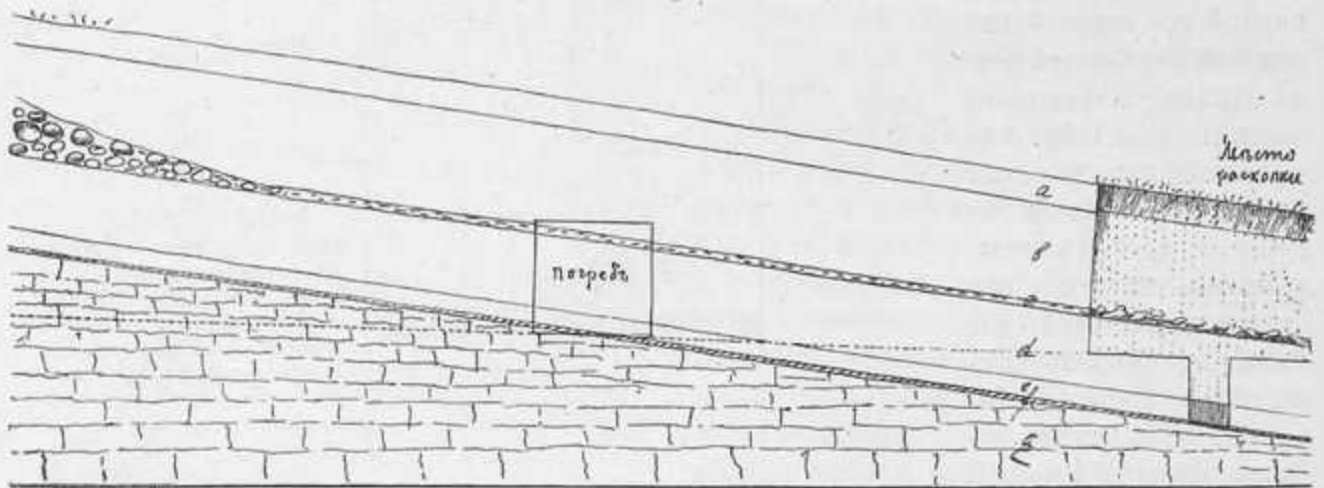
монта, лежавшія нѣсколько выше общаго уровня усадьбы. Когда же потомъ захотѣли добыть образцы костей для Арх. Съѣзда, то начали рыть траншею нѣсколько ниже погреба по направленію къ церкви, въ мѣстѣ, гдѣ еще прежде были замѣчены кости мамонта при нивелировкѣ мѣста для постройки дома. Въ этомъ мѣстѣ сдѣлана была небольшая прямоугольная выемка, метра на 1½ вглубь ската террасы, на верху которой расположенъ садикъ и пасѣка г. Кошеля¹⁾.

Приѣхавши въ Мезинъ и осмотрѣвши мѣстность, мы нашли наиболѣе удобнымъ расчистить прежде всего сдѣланную раньше выемку, отчасти занесенную

¹⁾ Хв. Вовк, Палеолітичні знахідки в с. Мезині на Чернігівщині (Зап. Укр. Наукового Товариства в Київі, IV, Київ, 1909).

уже глиной, смытой сверху во время бывшихъ передъ тѣмъ ливней. Расчистка эта сейчасъ же и обнаружила намъ археологическій слой, видѣвшійся полоской на всѣхъ трехъ стѣнкахъ выемки и довольно рѣзко выдѣлявшійся отъ лёсса, какъ своимъ малиново-красноватымъ цвѣтомъ, такъ и очень замѣтными черными пятнышками кремневыхъ осколковъ, угля, обломками костей, между которыми торчали мѣстами еще невынутыя большія кости мамонта. Желаніе выяснитъ геологическое положеніе этого культурнаго слоя заставило насъ сдѣлать прежде всего небольшой колодезь вглубь, доведенный нами до поверхности пласта мѣла. При этомъ обнаружился слѣдующій разрѣзъ (рис. 171):

- a) пахотная земля—песчаный суглинокъ съ растителн. перегноемъ . . . 0^м,80
- b) лёссъ съ небольшими мергельными сростками 2^м,70
- c) красноватая глина съ обломками костей, осколками кремня и т. п.
(археологическій слой) 0^м,10—0^м,15
- d) желтая глина (повидимому, лёссъ или лёссовый суглинокъ) . . . 1^м,05

Схематическій разрѣзъ палеолитической стоянки въ с. Мезинѣ по напр. съ СЗ на ЮВ.

Рис. 172.

- e) зеленовато-сѣрый мелкій песокъ съ зернышками глауконита . . . 0^м,23
- f) оранжево-желтый песокъ 0^м,07
- g) мѣль —

Большія кости мамонта торчали изъ желтой глины (лёсса) надъ археологическимъ слоемъ или лежали непосредственно въ немъ самомъ.

Такимъ образомъ, мы могли окончательно убѣдиться, что найденный нами культурный слой, несомнѣнно, принадлежитъ къ постплиоценовымъ образованіямъ, залегаетъ на третичныхъ отложеніяхъ и относится, по всей вѣроятности, къ послѣдниковой эпохѣ. При этомъ ясно было видно, что онъ находится *in situ*, а не занесенъ водою съ какого-нибудь другого мѣста. Относительно послѣдниковаго образованія этого слоя можно будетъ говорить съ полной опредѣленностью только послѣ точнаго опредѣленія его литологическаго состава, которое намъ обѣщано однимъ изъ специалистовъ. Пока же можно только сдѣлать предположеніе, основываясь на оригинальномъ малиново-красноватомъ цвѣтѣ этого слоя и сопоставляя этотъ фактъ съ фактомъ существованія на томъ же побережьѣ р. Десны «валун-

наго суглинка малиново-бурого цвѣта», о которомъ упоминаетъ въ своей работѣ проф. П. Я. Армашевскій и который, по его мнѣнію, можетъ быть продуктомъ неполнаго распада мелкихъ валуновъ. Такіе валуны, очень часто ярко краснаго цвѣта, попадаются въ очень большомъ количествѣ и притомъ въ состояніи почти полной уже дезагрегации въ ближайшихъ окрестностяхъ Мезина, а именно, мы нашли цѣлую залежь ихъ въ разрѣзѣ возлѣ с. Псаровки на очень большой высотѣ. Образование краснаго валуннаго суглинка, составляющаго предполагаемый субстратъ нашего культурнаго слоя, могло произойти путемъ вывѣтриванія валуновъ на мѣстѣ или же путемъ снесенія уже готоваго суглинка съ сосѣднихъ возвышенностей. На основаніи этихъ соображеній мы и позволяемъ себѣ дать предполагаемый *схематическій* разрѣзъ нашей мѣстности по направленію ея склона, т.-е. съ СЗ. на ЮВ. (рис. 172).

Какъ было уже сказано, въ культурномъ слоѣ съ перваго же взгляда можно было различить (см. табл. V, I) обломки костей, кремневые осколки, кусочки угля и т. п. Производя дальнѣйшую раскопку, на первый разъ въ очень небольшихъ размѣрахъ, мы нашли довольно большое количество костей разныхъ животныхъ, очень много кремневыхъ осколковъ и небольшое количество очень хорошо обдѣланныхъ каменныхъ орудій.

Найденныя кости были опредѣлены, благодаря благосклонному вниманію акад. Насонова, препараторомъ Зоологическаго Музея Академіи Наукъ, д-ромъ Функсономъ, причѣмъ оказались остатки слѣдующихъ животныхъ:

Elephas primigenius, *Rhinoceros tichorhinus*, *Lepus variabilis* (?), *Equus caballus foss.*, *Ursus (arctos?)*¹⁾, *Leucocyon lagopus*, *Canis lupus Sp.*, *Cervus tarandus* (табл. V, 1 и 2).

Что касается кремневыхъ орудій, то множество осколковъ указывало уже, что выдѣлка орудій происходила на мѣстѣ. Сдѣланныя нами находки вполне подтверждаютъ это предположеніе. Довольно большое количество нуклеусовъ, масса мелкихъ осколковъ, а главное—характеръ кремня, несомнѣнно, мѣстный, показываютъ, что орудія приготовлялись тутъ-же, на мѣстѣ, изъ кремневыхъ сrostковъ, чрезвычайно легко добываемыхъ и теперь изъ неглубокихъ слоевъ мѣла. Кремень этотъ очень темный, не особенно блестящій, а иногда даже съ нѣсколькими землистымъ оттѣнкомъ, съ небольшими бѣловатыми и сѣрыми крапинками. Осколки его и орудія, изъ него сдѣланныя, почти совершенно лишены патины и имѣютъ такой свѣжій видъ, какъ будто они сдѣланы на дняхъ. Величина каменныхъ орудій Мезинской стоянки очень незначительна, такъ же, какъ и во всѣхъ находкахъ въ Россіи и во всѣхъ мѣстонахожденіяхъ мадленской эпохи въ Западной Европѣ. Такъ же, какъ и вездѣ, въ подобныхъ находкахъ больше всего осколковъ и болѣе или менѣе длинныхъ пластинокъ (*lames*), на которыхъ всегда можно замѣтить ударный бугорокъ съ его характерными особенностями.

Нуклеусовъ на этотъ разъ нами найдено было немного, всего около 10 штукъ. Всѣ они не особенно велики (отъ 30 до 67 мм. длины), что зависитъ не только отъ небольшихъ размѣровъ кремневыхъ сrostковъ изъ мѣстнаго мѣла, но и отъ общаго характера мадленской эпохи, которымъ они отличаются (рис. 173а и б). Отбивныхъ плоскостей они имѣютъ немного—отъ 2-хъ до 4-хъ, рѣдко до 5-ти, иногда отбитыхъ съ двухъ противоположныхъ концовъ.

Въ соотвѣтствіи съ размѣрами нуклеусовъ довольно короткими размѣрами отличаются и *пластинки* (*lames*). Наиболѣе длинныя не превышаютъ 67 мм., наиболѣе же короткія доходятъ до 15—20 мм. длины и отъ 1^м,5 до 3—4

¹⁾ При болѣе обширныхъ раскопкахъ въ 1909 г., кромѣ упомянутыхъ представителей пост-пліоценовой фауны, найдено было еще очень много костей *Bos moschatus*, *Bos priscus* и пр.

mm. ширины. Почти все имѣютъ ясный ударный бугорокъ (табл. V, 4—11). Судя по ихъ количеству, а равно и по количеству осколковъ, можно думать, что палеолитическіе обитатели нынѣшняго Мезина должны были поступать какъ неокаледонійцы и нѣкоторыя другія первобытныя племена, которыя при ѣдѣ или при работѣ съ большой ловкостью отбиваютъ себѣ пластинки кремня, рѣжутъ ими и послѣ нѣсколькихъ минутъ работы бросаютъ и откалываютъ себѣ новыя. Очень правдоподобно также, что нѣкоторыя изъ этихъ пластинокъ употреблялись какъ матеріалъ для выдѣлки маленькихъ орудій геометрическихъ формъ, о которыхъ мы скажемъ далѣе.

Скребки (grattoirs) найдены были въ небольшомъ количествѣ, но очень хорошей отдѣлки, и по своей формѣ вполне мадленскаго типа (рис. 174). Все они не особенно длинны (30—48 mm.) и не очень широки (20—21 mm.). Ретушь видна только на одномъ концѣ, а именно—на верхнемъ отбивномъ, какъ на болѣе прочномъ, другой же конецъ или обломанъ или оканчивается неправильнымъ

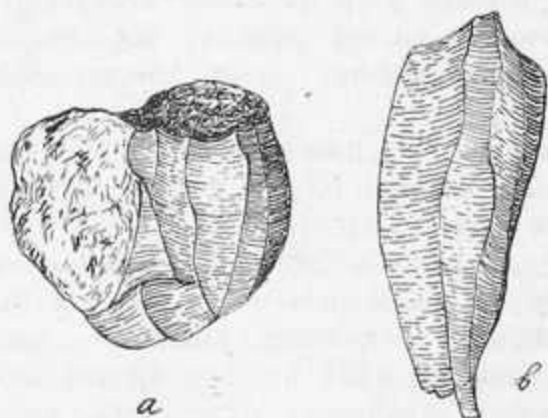

Рис. 173.

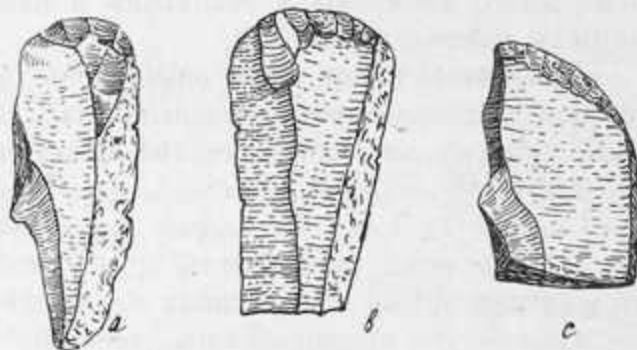

Рис. 174.

остриемъ. Одинъ изъ скребокъ, оригинальной и болѣе рѣдкой формы (grattoir lateral), имѣетъ ретушь въ боковомъ направленіи, образующую закругленный боковой край (рис. 174, c), тогда какъ съ другой стороны кремня тоже боковая ретушь сходится съ первой, образуя довольно острый уголъ.

Проколки (perçoirs) на этотъ разъ были очень немногочисленны. Одинъ довольно большой экземпляръ, видимо, сломанный или притупленный при работѣ (табл. V, 4), очень хорошей отдѣлки ¹⁾.

Рѣзцы (burins) въ раскопкѣ 1908 года были довольно рѣдки — не болѣе 6 штукъ, но по большей части прекрасно отдѣланы (табл. V, 12—22). Между ними особенно интересенъ одинъ очень хорошо ретушированный съ заостренного края, а съ нижняго конца тоже подправленный въ видѣ бокового скребка. Другой (табл. V, 8) представляетъ собою довольно рѣдкую форму рѣзца съ загнутымъ верхнимъ краемъ (burin busqué).

Пилочка — найдена только одна (69 mm. длины и 26 mm. ширины). Она представляетъ собой сравнительно довольно толстую пластинку, нижняя сторона которой плоская, съ очень сильно выраженнымъ ударнымъ бугоркомъ на верхнемъ концѣ, съ довольно тонко ретушированнымъ остриемъ и съ однимъ тщательно зазубреннымъ боковымъ краемъ.

Маленькія кремневые орудія геометрическихъ формъ были найдены въ до-

¹⁾ Въ раскопкахъ 1909 г. былъ обнаруженъ цѣлый рядъ маленькихъ, очень тонко ретушированныхъ проколокъ, снабженныхъ небольшимъ вогнутымъ скребкомъ.

вольно значительномъ количествѣ; они имѣютъ по большей части заостренную форму и почти вовсе не отдѣланы, за исключеніемъ одного удивительно красиваго и тонко отдѣланнаго орудія, которое смѣло можно назвать каменнымъ instrument de précision (табл. V, 11). Къ сожалѣнію, нѣсколько испорченное, это маленькое орудіе, ретушированное съ замѣчательной тщательностью, очень напоминаетъ собой одну изъ формъ, изображенныхъ А. де Мортилье ¹⁾, съ тою только разницей, что у него ретушированъ не только болѣе толстый край, но и острый, хотя только при концахъ. Обыкновенно у такихъ орудій ретушировался только одинъ болѣе толстый край, которому и придавалась дугообразная форма, острый же край оставался нетронутымъ, что и даетъ всему орудію видъ сегмента круга. У нашего же орудія ретушированъ болѣе толстый (тупой) край, который и остался прямымъ, а острый край, который, вѣроятно, и при отбитіи имѣлъ нѣсколько выпуклую форму, только получилъ окончательную ретушь (больше сверху и меньше снизу) для приданія ему вида вполне правильной дуги. Такимъ образомъ, наше орудіе отличается тѣмъ, что у него острый край изогнутъ дугообразно, а тупой совершенно прямъ. Верхняя часть испорчена тѣмъ, что отъ нея отбитъ небольшой кусочекъ, отсутствіе котораго нарушаетъ сходство верхняго конца съ нижнимъ. Орудія эти съ помощью нитки употреблялись въ видѣ крючка удочки.

Этимъ небольшимъ количествомъ орудій и исчерпывается то, что найдено нами вмѣстѣ съ костями мамонта и другихъ четвертичныхъ животныхъ въ Мезинѣ. Но и это ограниченное количество результатовъ непродолжительной раскопки даетъ намъ право съ увѣренностью считать Мезинскую стоянку несомнѣнно палеолитическою, и отнести ее, съ большей вѣроятностью, къ мадленской эпохѣ. Оно позволяетъ намъ надѣяться, что раскопки будущаго 1909 года дадутъ болѣе богатые результаты ²⁾ и большій матеріалъ для изученія нашего палеолита.

Въ заключеніе настоящаго сообщенія остается еще бросить взглядъ на интересъ, представляемый Мезинской стоянкой въ сравненіи съ прочими, до сихъ поръ извѣстными палеолитическими стоянками нашего отечества. Такъ же точно, какъ и прочія стоянки, она расположена на высокомъ правомъ берегу большой рѣки и, не особенно отличаясь отъ нихъ геологически, залегаетъ надъ третичными образованиями подъ достаточно мощнымъ слоемъ лёсса. Подобно прочимъ палеолитическимъ стоянкамъ, Мезинская заключала въ себѣ остатки чуть-ли не цѣлаго стада мамонтовъ, которые собирались въ такого рода мѣстахъ подъ вліяніемъ пока совершенно неизвѣстныхъ намъ условій и очень возможно, что обуславливали въ данномъ мѣстѣ, по крайней мѣрѣ, временное пребываніе человѣка, такъ какъ очень трудно предположить, чтобы человѣкъ могъ стаскивать трупы убитыхъ имъ мамонтовъ на свою стоянку. Остатки прочихъ животныхъ указываютъ, впрочемъ, что

¹⁾ G. et A. de Mortillet, Musée préhistorique, Pl. XXXIV, fig. 320.

²⁾ Съ большимъ удовольствіемъ въ моментъ приготовленія настоящей статьи къ печати мы можемъ уже констатировать, что успѣхъ раскопки 1909 года далеко превзошелъ всѣ наши ожиданія. Благодаря большому количеству времени и средствъ и еще болѣе благодаря методической тщательности работы моего помощника, студента с.-петерб. университета П. П. Ефименка, были найдены, кромѣ цѣлой массы костей вымершихъ животныхъ, такихъ, какъ *Ovibos moschatus* и *Bos priscus*, еще цѣлый рядъ костей волка, сильно напоминающаго домашнюю собаку; кромѣ того, было найдено и то, чего можно было ожидать въ виду большого количества рѣзцовъ (bâtons),—издѣлія изъ мамонтовой кости, довольно многочисленныя и нѣкоторыя удивительно художественной работы. Къ этому надо еще прибавить цѣлую массу каменныхъ орудій чрезвычайно тонкой отдѣлки и т. п. Къ сожалѣнію, достойная лучшей участи осторожность Черниговской Губ. Земской Управы, не нашедшей возможнымъ ассигновать на нашу раскопку такой ничтожной суммы, какъ 200 руб., лишила насъ удовольствія и возможности передать всѣ Мезинскія находки 1909 г. въ земскій музей имени Тарновскаго, гдѣ бы имъ слѣдовало быть по всей справедливости.

въ пищу охотнику того времени недостатка не было. Изъ этихъ животныхъ наиболѣе останавливаетъ на себѣ наше вниманіе сѣверный олень, кости котораго до сихъ поръ не были еще обнаружены ни въ одной изъ нашихъ стоянокъ.

Что касается каменныхъ орудій, то пока о нихъ можно только сказать, что, несмотря на свою малочисленность, они были найдены въ Мезинѣ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ въ прочихъ стоянкахъ, и отличаются совершенно ясно выраженными, вполне опредѣленными формами мадленской эпохи. Мы позволяемъ себѣ, впрочемъ, нѣсколько сомнѣваться въ томъ, что и прочія наши стоянки, какъ, напр., Кіево-Кирилловская, Гонцевская и др., были въ дѣйствительности такъ бѣдны орудіями, какъ можетъ казаться по результатамъ раскопокъ, и допускаемъ предположеніе, что эта бѣдность могла быть только результатомъ недостаточной освѣдомленности изслѣдователей, искавшихъ «грубо обдѣланныхъ камней» или какихъ-то «обуховъ» изъ мамонтовыхъ бивней... До извѣстной степени, впрочемъ, можно думать, что въ прочихъ стоянкахъ орудій болѣе сложныхъ было и меньше, хотя, напр., отсутствіе рѣзцовъ (*burins*) въ Кіево-Кирилловской стоянкѣ просто удивительно, особенно въ виду присутствія, хотя и въ небольшомъ количествѣ, рѣзной кости. Несомнѣнно также, что наиболѣе употребительнымъ и главнѣйшимъ орудіемъ нашихъ стоянокъ были простые осколки, служившіе вмѣсто ножей. Это заставляетъ насъ думать собранные въ очень большомъ количествѣ и, очевидно, очень старательно, осколки кремня изъ стоянки въ Гонцахъ, хранящіеся темерь въ Полтавскомъ Земскомъ Музеѣ въ коллекціяхъ г-жи Скаржинской, между которыми, при довольно быстромъ, впрочемъ, осмотрѣ, мы почти вовсе не замѣтили сколько-нибудь ясно выраженныхъ формъ палеолитическихъ орудій.

Такимъ образомъ, мы пока можемъ только сказать, что наша Мезинская стоянка, будучи во многихъ отношеніяхъ очень аналогичной, между прочимъ, отличается отъ нихъ только присутствіемъ овцебыка (*Ovibos moschatus*) и сѣвернаго оленя (*C. tarandus*) и большей опредѣленностью, а равно и количествомъ каменныхъ орудій. Что касается овцебыка и въ особенности сѣвернаго оленя, то очень возможно, что ихъ присутствіе обуславливалось сравнительно болѣе сѣвернымъ положеніемъ Мезина, вѣроятно, находившагося въ свое время уже въ чертѣ зимняго пребыванія сѣвернаго оленя и бывшего въ недалекомъ разстояніи отъ тундры лѣвой нижней стороны Десны, гдѣ въ то время могъ расти и олений мохъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одной изъ статей, по поводу находокъ В. В. Хвойки, мы выражали увѣренность, что дальнѣйшія и болѣе тщательныя раскопки нашихъ постиліоценовыхъ отложеній дадутъ новый матеріалъ для исторіи палеолитическаго челювѣка на Украинѣ. Такою же увѣренностью, но съ еще большею рѣшительностью я кончаю и нынѣшнее свое сообщеніе, которое я позволилъ себѣ сдѣлать только въ видѣ сообщенія *предварительнаго*, въ ожиданіи раскопокъ будущаго года.

«МИХАИЛА ЕГОРОВИЧА МАРКОВА РАЗНЫЯ СОЧИНЕНІЯ КЪ ПОЯСНЕНІЮ
ИСТОРИИ ЧЕРНИГОВА».

М. Бережковъ.

МАТЕРІАЛЫ И ЗАМѢТКИ.

Благодаря конференціи Института князя Безбородко, не разъ ходатайствовавшей предъ Управленіями Румянцевскаго Музея и Общества Исторіи и Древности въ Москвѣ о высылкѣ для моихъ занятій въ г. Нѣжинѣ рукописей М. Е. Маркова, я имѣлъ возможность ознакомиться съ ними и снять нѣсколько копій съ нихъ. Нынѣ, по порученію председателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, графини П. С. Уваровой, приготова копиі съ рукописей Маркова къ изданію, имѣю честь представить ихъ высокоуважаемому Обществу, въ его распоряженіе. Сожалѣю только, что не успѣлъ дать лучшихъ, исчерпывающихъ примѣчаній къ трудамъ почтеннаго черниговскаго историка, болѣе стройно изложенныхъ примѣчаній и цитатъ.

Небольшой очеркъ жизни и дѣятельности М. Е. Маркова предпосланъ мной выпискамъ: теперь я могъ сказать кое-что о Марковѣ болѣе опредѣленное, чѣмъ въ прежней моей статьѣ о немъ, напечатанной въ 1903 году въ «Сборникѣ Истор. Фил. Общества при Институтѣ кн. Безбородка, въ Нѣжинѣ», т. IV, подъ заглавіемъ: «М. Е. Марковъ и его рукописный сборникъ о Черниговской старинѣ».

М. Е. МАРКОВЪ (1760—1819).

Въ началѣ минувшаго вѣка, въ Черниговѣ, надъ изученіемъ мѣстной исторіи, трудился Михаилъ Егоровичъ Марковъ.

Великоруссъ по происхожденію, проведеній молодые годы въ военной службѣ на Кавказѣ, онъ во вторую половину жизни служилъ въ Малороссіи въ разныхъ палатахъ намѣстническаго управленія, а въ 1800 году былъ назначенъ на должность директора училищъ Малороссійской губерніи, какъ человекъ «извѣстный губернатору въ знаніи и любленіи наукъ, порядка и добродѣтели»; въ 1805 году Марковъ открылъ въ Черниговѣ и гимназію, для устройства которой много и съ успѣхомъ потрудился: «онъ былъ одинъ изъ самыхъ достойныхъ директоровъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ»¹⁾. Свободное отъ прямой директорской службы

¹⁾ Приводимъ этотъ отзывъ изъ интересной статьи М. И. Сухомлинова, «Училища и народное образованіе въ Черниговской губерніи». (Журн. Мин. Нар. Просв. 1864, кн. январь, въ отдѣлѣ педагогики и дидактики). Иной взглядъ на директора Маркова былъ высказанъ директоромъ

время М. Е. Марковъ употреблялъ на занятія черниговской и вообще малорусской стариной; онъ очень заинтересовался ею, очутившись въ новой для него средѣ жизни и отдавшись впечатлѣніямъ этой среды съ любознательностью образованнаго человѣка. Помимо любознательности, онъ и по долгу службы считалъ себя обязаннымъ заниматься изученіемъ мѣстной старины и современнаго состоянія края: извѣстно, что, по уставу гимназій Александра I, учителямъ поручалось подѣлѣніемъ директора вести историческія, топографическія, статистическія записки о губерніяхъ, также по метеорологіи, земледѣлію и общему хозяйству¹⁾. Не легкая задача ставилась учителямъ, но безспорно полезная, дѣловитая. Нужно, вѣдь, сознаться, что и тогда, и теперь у насъ недостаточно распространены свѣдѣнія о Россіи; къ стыду и ко вреду себѣ, мы мало учимся, и въ школахъ и внѣ школы, знать собственную страну, зачастую обходимся самыми поверхностными свѣдѣніями о ней. Невольно повторить стихи знаменитой комедіи Александровскаго времени:

Не то, чтобы въ наукѣ далеки:
Въ Россіи, подѣ великимъ штрафомъ,
Намъ кѣждаго признать велятъ
Историкомъ и географомъ.

Но такая рѣчь не про Маркова: на своемъ мѣстѣ онъ былъ трудолюбивымъ и дѣйствительно свѣдущимъ, что касается родиносвѣдѣнія — педагогомъ и писателемъ. Въ отношеніи талантливости, онъ уступалъ А. Ф. Шафонскому, своему старшему современнику (1740 — 1811), одному изъ немногихъ образованныхъ малороссіянъ того вѣка, составителю топографическаго описанія Черниговскаго намѣстничества, гдѣ вмѣстѣ данъ замѣчательный общій очеркъ исторіи и быта Малороссіи; но Марковъ не уступалъ Шафонскому въ любви къ мѣстной и вообще къ русской исторіи, а начитанностью по русской исторіи, быть-можетъ, превосходилъ его. Ему были известны труды Татищева, Болтина, Миллера и другихъ; лѣтописи Никоновская, Кенигсбергская и инныя; лѣтописи малорусскія въ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ Рубана, Туманскаго, — и онъ могъ давать руководящія совѣты молодому Д. Н. Бантышу-Каменскому, какъ писать малороссійскую исторію. Въ особенности старательно Марковъ собиралъ свѣдѣнія про Черниговъ; ему и удались наибольшее статьи о Черниговѣ. Четверть вѣка онъ прожилъ въ Малороссіи (въ Новгородѣ-верскѣ, а больше въ Черниговѣ), и узналъ ее не по книгамъ только и сообщеніямъ другихъ, но и по личнымъ своимъ наблюденіямъ, посѣщая разныя мѣста края, въ качествѣ директора училищъ.

Больше, однако, онъ зналъ и писалъ по книжному. Его статьи о Черниговѣ и всѣ вообще историко-археологическіе труды не свободны отъ важныхъ недостатковъ, свойственныхъ вообще провинціальнымъ историкамъ-археологамъ того вѣка, болѣе или менѣе начитаннымъ въ книгахъ, какія обращались случайно въ провинціяхъ. Старину любили, но далеко не отчетливо знали; научный методъ не былъ еще выработанъ, что и понятно: вѣдь онъ не дается готовымъ, сразу; его

Андріашевымъ въ „Матеріалахъ для исторіи учебн. заведеній Черниговск. дирекціи“: Марковъ представляется ему „чиновникомъ въ худшемъ значеніи слова“. Но П. М. Добровольскій, по статьѣ котораго мы знаемъ отзывъ дир. Андріашева, высказываетъ убѣжденіе, что М. Е. Марковъ былъ честнѣйшій и гуманнѣйшій по тому времени человѣкъ, самый ревностный исполнитель всѣхъ своихъ обязанностей. („Черниг. Губери. Вѣдомости“, за 31 декабря 1902). Ниже мы должны будемъ цитовать и другую статью г. Добровольскаго, въ поддержку добраго имени директора Маркова предъ судомъ потомства.

¹⁾ Полн. собр. законовъ Росс. Имперіи, т. XXVIII, № 21, 501: Высоч. утвержден. 5 ноября 1804 г. Уставъ учебн. заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ, въ § 52.

приходится выработать за самымъ дѣломъ, улучшать, поправлять его вмѣстѣ съ работой; слишкомъ много довѣряли сказаніямъ позднѣйшихъ лѣтописей; очень много занимались такъ называемыми народными преданіями, привязанными къ мѣстнымъ урочищамъ, вдавались въ произвольныя догадки, бесполезныя толкованія словъ и т. п., а вещественные памятники старины, бывшіе у всѣхъ на глазахъ, оставляли безъ надлежащаго вниманія, не умѣли цѣнить ихъ, потому что еще не было правильнаго понятія о научной задачѣ археологіи; мало обращались къ архивнымъ документамъ, предпочитали имѣть дѣло съ лѣтописями и держались лѣтописнаго способа изложенія. Все это замѣтно и у Маркова. Но при всемъ томъ онъ имѣетъ свою несомнѣнную заслугу, вмѣстѣ съ Шафонскимъ, по изученію Черниговскаго края въ его прошломъ и въ его современности XVIII вѣка и первой четверти XIX-го, оба они собрали и записали про Черниговъ многое, дѣйствительно достойное памяти; они положили начало историко-археологическому и статистическому описанію его; въ областной историографіи они занимаютъ теперь почетное мѣсто ¹⁾.

Почти всѣ рукописныя сочиненія М. Е. Маркова поступили въ собраніе графа Н. П. Румянцева. Въ 1815 году, лѣтомъ, они видѣлись въ Черниговѣ, вмѣстѣ осматривали городъ; Марковъ наскоро успѣлъ приготовить небольшую записку о памятникахъ древности въ Черниговѣ и поднесъ ее графу; послѣ того они обмѣнялись нѣсколькими письмами; Марковъ былъ очень доволенъ вниманіемъ ученаго вельможи, искренно выражался ему въ одномъ письмѣ, что одобрительныя письма графа Румянцева считаетъ патентомъ себѣ, въ память потомству. И это въ сущности правда.

Скончался Михаилъ Егоровичъ 11 августа 1819 года,—и лишь только скончался, какъ возникло дѣло о неисправной отчетности по гимназіи: оказались упущенія, растрата денегъ; виновными признаны не одинъ покойный директоръ, но и члены гимназическаго совѣта; часть растраты возмѣщена изъ имущества бывшаго директора, другая впоследствии сложена со счетовъ ²⁾. Честный человекъ, Марковъ не былъ остороженъ въ расходованіи казенныхъ денегъ; поживи онъ дольше, онъ, быть можетъ, успѣлъ бы привести въ порядокъ всю отчетность: и, навѣрное, постарался бы упорядочить ее, покрыть недочеты въ казну; но онъ не успѣлъ этого сдѣлать, заболѣлъ и скорѣе умеръ. Грустная исторія, грустный конецъ жизни почтеннаго русскаго человекѣка...

Обращаемся къ его сочиненіямъ. Рукописный сборникъ статей его въ Румянцевскомъ музеѣ (№ 271, по описанію Востокова) заключается въ двухъ переплетенныхъ фолиантахъ, въ 578-мъ занумерованныхъ листовъ; на корешкѣ переплета отгиснуты слова, которыя и у насъ поставлены заглавіемъ настоящаго очерка: «Мих. Егор. Маркова разныя сочиненія къ поясненію исторіи Чернигова».

На 1 листѣ заглавіе первой статьи: «Переписка къ сочиненію малороссійской исторіи»; статья вчернѣ и не легко читаемая; чернила сильно полиняли, много помарокъ, приписокъ по сторонамъ. Съ 37 л. по 49 л. идетъ «Продолженіе переписки между Г. ** и Харьковскаго Общества наукъ членомъ Марковымъ, относительно къ сочиненію Малороссійской исторіи». Ученымъ корреспондентомъ Мар-

¹⁾ Роли Шафонскаго и Маркова раздѣлились такъ, что первый описалъ намѣстничество Екатериинскаго времени, а второй — губернію (Малороссійскую, какъ она именовалась при Павлѣ I, или Черниговскую со времени Александра I), впрочемъ, бывшія въ разномъ составѣ уѣздовъ. Тѣмъ интереснѣе для дѣла: оба описателя дополняютъ другъ друга.

²⁾ Изложеніе подлиннаго дѣла изъ архива Харьков. Университета отъ 1819 года, за № 1603 дано П. М. Добровольскимъ: „Черниг. Губерн. Вѣдомости“ за 8 ноября 1903.

кова, подъ двумя звѣздочками означеннымъ, оказывается Дмитрій Николаевичъ Бантышъ-Каменскій, собиравшійся тогда, въ началѣ вѣка, писать исторію Малой Россіи, обращающійся къ Маркову за совѣтами, разъясненіями; изъ его предисловія къ «Исторіи» и изъ самаго текста ея видимъ, что онъ дѣйствительно воспользовался нѣкоторыми указаніями Маркова. Статья на-бѣло, двумя столбцами: на одномъ—вопросы Бантыша-Каменскаго, на другомъ—отвѣты Маркова ¹⁾).

На листахъ 50—52, «О черниговскомъ воеводствѣ», небольшая статья, по объясненію автора,—выписка изъ книги гербовъ воеводствъ езуита Каспера Нѣсецкаго, печатанной 1728 года во Львовѣ; присоединенъ списокъ воеводъ и каштеляновъ черниговскихъ. Статья вчернѣ.

Листы 53—58, «О епархіяхъ черниговской, переяславской и новгородсѣверской». Краткія справки о сихъ епархіяхъ, со спискомъ архіереевъ, но далеко неполнымъ, по Никоновской лѣтописи, по Никодиму Селлію и по другимъ, вѣроятно, книгамъ.

Листы 59—67, «О началѣ раскольничьихъ слободъ въ Черниговской губерніи и о состояніи оныхъ». Черновая статья. По мѣстамъ видно пользованіе книгой извѣстнаго Андрея Іоанновича Журавлева, «Полное историческое извѣстіе о старообрядцахъ», СПб. 1794; сравн. листъ 60 рукописи Маркова и стран. 110—111 третьей части книги Журавлева, гдѣ въ тождественныхъ выраженіяхъ говорится о преступленіяхъ, чинившихся раскольниками-слобожанами надъ профзжавшими чрезъ стародубскіе лѣса. На листѣ 66—похвальный отзывъ о заслугахъ протоіерея А. І. Журавлева въ дѣлѣ воссоединенія старообрядцевъ съ православною церковію. Свѣдѣнія о раскольничьихъ селеніяхъ, о скитахъ, церквахъ и часовняхъ заимствованы Марковымъ, вѣроятно, изъ этой же книги; могъ онъ найти ихъ достаточно и въ Черниговѣ; нынѣ, по сравненію съ тѣми богатыми данными, какія есть въ книгахъ М. И. Лилеева («Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ» и «Матеріалы для исторіи раскола»), свѣдѣнія, сообщаемыя Марковымъ, представляются уже далеко недостаточными.

Листы 68—88, вчернѣ, «Зрѣлище войны государя Петра I съ шведскимъ королемъ Карломъ XII, въ предѣлахъ нынѣшней Черниговской губерніи». Статья отчасти по Голикову. Авторъ очень занятъ личностью гетмана Мазепы, старается изобразить его дѣйствія и характеръ сколько можно живѣе, осязательнѣе, понять его надлежащимъ образомъ.

На листѣ 90, «Объясненіе о сочиненіяхъ исторіи Черниговскаго княжества и Описанія Черниговской губерніи». Маленькая замѣтка, въ родѣ краткой программы, вѣроятно, для графа Румянцева, въ которой Марковъ объясняетъ, какъ онъ хочетъ писать или пишетъ предполагаемые труды.

На листахъ 91—96 три письма М. Е. Маркова къ графу Н. П. Румянцеву, отъ 1815 года ²⁾.

Листы 97—107, «О памятникахъ древности въ Черниговѣ». Бѣловая рукопись, съ золотымъ обрѣзомъ, вѣроятно, та самая записка, которую Марковъ поднесъ графу Румянцеву въ Черниговѣ ³⁾.

¹⁾ Въ приложеніяхъ къ сему очерку печатаемъ эту статью сполна какъ образчикъ научныхъ приемовъ и тѣхъ вопросовъ, коими задавались Д. Н. Бантышъ-Каменскій и М. Е. Марковъ по исторіи Малороссіи. Виднѣются и другіе историки малорусскіе XVIII вѣка. Приложение № II.

²⁾ Были напечатаны въ моей прежней статьѣ о М. Е. Марковѣ. Теперь предлагается ко вторичному изданію здѣсь, въ приложеніяхъ, ради нѣкоторой цѣлостности сборника матеріаловъ о Марковѣ. Письма не длинны. Приложение № III.

³⁾ Записка также издается здѣсь въ приложеніяхъ. Она не безынтересна краткостью изложенія, которая не всегда удается нашему автору; иногда онъ бываетъ очень пространенъ въ рѣчи; иногда становится теменъ, выражается туго, не легко. Приложение № IV.

Листы 108—140, «О достопамятностяхъ Чернигова, сочиненіе Михаила Маркова 1814 и 1815 годовъ». Бѣловая рукопись золотообрѣзная. Напечатано въ министерскомъ журналѣ «Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія» за 1816 годъ, № 41, безъ подписи автора и безъ имени его въ заглавіи. Было перепечатано въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн.», годъ третій, № 1: Бодянской, повидимому, не зная о первомъ изданіи. Была еще перепечатка въ 1882 году, въ Черниговѣ, съ единственнаго-де экземпляра, въ Черниговѣ сохранившагося: рецензію на это послѣднее изданіе далъ покойный профессоръ П. В. Голубовскій въ «Кіевск. старинѣ», 1883, томъ VI. (Миѣ лично оно неизвѣстно).

Листы 141—168, «О городахъ и селеніяхъ въ Черниговской губерніи, упоминаемыхъ въ Несторовой лѣтописи и въ продолжателяхъ оной, до 1206 года», бѣлая золотообрѣзная рукопись. Напечатана въ томъ же «Періодич. сочиненіи о успѣхахъ нар. проsv.» за 1815 годъ, № 40; были отдѣльные оттиски статьи, съ посвященіемъ министру, графу А. К. Разумовскому.

Эта статья и предыдущая суть лучшія, наиболѣе обработанныя статьи нашего автора.

Листы 169—307, «Матеріалы для историческаго, географическаго и топографическаго описанія Черниговской губерніи». Сверху рукописи отмѣчено карандашомъ: «прислано отъ Маркова»; на листѣ 170 новый заголовокъ: «Замѣчанія на § 3 шестой части землеописанія Россійской Имперіи господина Зябловскаго о Черниговской губерніи, съ дополненіемъ». Большая статья Маркова представляетъ дополненія и поправки къ статьѣ о Черниговской губерніи въ названной книгѣ, какъ бы въ замѣну ея. (Профессоръ С.-Петербур. Педагогическ. Института, Евдокимъ Зябловскій, издалъ свою книгу въ 6-ти частяхъ, въ Спб. 1810 г. Во введеніи большой списокъ пособій и картъ. Тому же автору принадлежитъ «Новѣйшее землеописаніе Россійской Имперіи» 1807 года и другіе труды географическіе).

Листы 308—347, «Историческое, географическое и топографическое описаніе города Чернигова, съ его повѣтомъ», бѣловая, въ золотомъ обрѣзѣ рукопись не Маркова, а другого переписчика, по мѣстамъ съ ошибками.

Листы 348—372, «О состояніи южной части Русскаго государства со времени нашествія татаръ, и подъ владѣніемъ Литвы и Польши, до возвращенія многихъ земель оной съ названіемъ малороссійскихъ, со включеніемъ нѣкотораго обзорѣнія бывшихъ здѣсь древнихъ княжествъ». Черновой набросокъ статьи.

Листы 373—376, «Изъ Кромера о княжествахъ кіевскомъ, черниговскомъ и сѣверскомъ». Черновыя выписки.

Листы 377—571, «Исторія Черниговскаго княжества», большая статья, компилятивный очеркъ внѣшней исторіи княжества и смѣны черниговскихъ князей, и, наконецъ, на листахъ 572—578, «Родословіе князей черниговскихъ». Сверху опять отмѣтка карандашная: «прислано отъ Маркова».

Такимъ образомъ, въ сборникѣ поочередно идутъ черновыя и бѣловыя статьи, иногда представляющія собой только редакціонныя да стилистическія отмѣны: авторъ часто повторяется. Впрочемъ, и то сказать: М. Е. Марковъ иное могъ писать только для себя, не рассчитывая посылать ни къ графу Румянцеву, ни въ редакціи журналовъ; можетъ быть, нѣкоторые черновики статей его были уже по кончинѣ его пересланы въ собраніе Румянцевское. Имѣя это въ виду, не можемъ прилагать какой-либо взыскательной критики къ его сочиненіямъ.

Въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн.», годъ четвертый, книга I, была издана безымянная историко-публицистическая статья, подъ заглавіемъ: «Замѣчанія, до Малой Россіи принадлежащія». Разсматривавшій въ свое время, по порученію Общества, эту статью Д. Н. Бантышъ Каменскій выразилъ предположеніе или слухъ,

что авторомъ этой статьи былъ директоръ Марковъ. Съ своей стороны, я высказался въ моей первой статьѣ о Марковѣ, что не онъ былъ авторомъ записки: скорѣе можно приписать ее перу Шафонскаго. Я и доселѣ остаюсь при этомъ мнѣніи¹⁾.

Въ 1815 г. Марковъ посылалъ - было для напечатанія двѣ статьи въ Московское Общество Ист. и Древностей; но Общество не успѣло или не пожелало печатать ихъ, — и, пока авторъ сносился съ нимъ по сему предмету, статьи были уже отпечатаны въ министерскомъ журналѣ, какъ было выше отмѣчено (т.-е. «Статьи о достопамятностяхъ Чернигова и о городахъ и селеніяхъ Черниг. губ., въ лѣтописи упоминаемыхъ»). Черезъ годъ онъ отправилъ въ то же Общество «Замѣтку о турьемъ рогѣ», но и та осталась въ архивѣ Общества, не была имъ издана; а она имѣетъ интересъ по своему предмету и по воспоминанію автора объ одномъ эпизодѣ кавказской его службы²⁾.

И въ Харьковѣ, и въ Петербургѣ отправлялъ Марковъ опыты своихъ историческихъ упражненій. Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» (1817 г. №№ 9 и 10) была начата печатаніемъ его статья «Введеніе въ Малороссійскую исторію, или краткое описаніе южной части Россійскаго государства во времена древнія: какъ она находилась подъ владѣніемъ Литвы и Польши, какъ возвратилась Россіи и получила названіе Малороссіи». Статья осталась далеко неконченной. Въ 1818 г. Марковымъ была прислана статья въ Харьковское Общество наукъ, подъ заглавіемъ: «Замѣчанія о первоначальной исторіи Малороссіи»: (смотри о семъ у Д. И. Багалѣя, въ «Запискахъ Харьков. Университета» за 1902 г., въ книгѣ 3-й, на стран. 53—56); какая была судьба статьи, — неизвѣстно. Въ изданіи И. Мартынова «Лицей» (за 1806 г., часть II, кн. первая) напечатано «Письмо въ Черниговскую гимназію о древности города Чернигова, съ мнѣніемъ о произведеніи названія его, Т. К., съ отвѣтомъ на сіе письмо М. М.». Чье было письмо, не можемъ сказать; а что касается отвѣта, то вполне раздѣляемъ догадку А. Лазаревскаго, что онъ принадлежитъ М. Е. Маркову: и по слогу, и по всѣмъ признакамъ отвѣтъ несомнѣнно имъ сдѣланъ. Прибавимъ, что отвѣтъ данъ основательный, тогда какъ письмо содержитъ очень наивныя этимологическія толкованія, совсѣмъ не историко-археологическія. Выходитъ, что по времени это — самыя раннія печатныя страницы Маркова. (Указанія на статьи Маркова въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» и въ «Лицеѣ» Мартынова мы встрѣтили въ книгѣ А. Лазаревскаго, «Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края», вып. I, подъ №№ 36 и 54).

Кажется, теперь перечислено все, что было написано и напечатано М. Е. Марковымъ въ историко-археологическомъ родѣ. Не касаемся веденныхъ имъ журналовъ по управленію училищами, гдѣ, говорятъ, много интереснаго для исторіи училищъ Черниговской губерніи: это — иной спеціальныи вопросъ, которымъ, впрочемъ, уже занимались другіе. Скажемъ въ заключеніе: Марковъ любилъ писать, и онъ имѣетъ свое имя, свое положеніе въ ряду второстепенныхъ провинціальныи писателей Александровскаго времени, скромно работавшихъ надъ излюбленными, посильными для нихъ вопросами.

¹⁾ Желających выикнуть въ этотъ вопросъ отсылаю къ моей статьѣ въ «Сборникѣ Истор. Фил. Общ. при Институтѣ ки. Безбородка», томъ IV. Не повторяя соображеній и доводовъ, тамъ высказанныхъ, скажу только еще разъ, что «Замѣчанія» очень интересны, дѣловиты и очень смѣлы: сравниваются порядки управленія Малороссіей въ царствованіе Екатерины II и Павла I, сочувствіе автора — екатерининскому времени, а не павловскому, Румянцеву, а не Безбородкѣ.

²⁾ Статья издается здѣсь въ приложеніяхъ подъ № VI. Она стала извѣстна мнѣ изъ труда Г. Е. Соколова, Библиотека Импер. Общ. Ист. и Др. вып. 2-й; тамъ она отмѣчена подъ № 708 бумагъ и рукописей XIX вѣка. Приношу благодарность Обществу за присылку мнѣ рукописи въ Нѣжинѣ.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

- I. Формулярный список М. Е. Маркова отъ 1800 года.
- II. Изъ переписки его съ Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ.
- III. Три письма его къ графу Румянцеву.
- IV. О памятникахъ древности въ Черниговѣ.
- V. Еще нѣсколько мелкихъ выписокъ изъ сборника статей М. Е. Маркова.
- VI. О турьемъ рогѣ.

I. *Послужной списокъ М. Е. Маркова.* (Изъ журнала директора училищъ за 1800 годъ, подъ 23 июня, въ Архивѣ Черниговской гимназіи).

«Въ Приказъ Общественнаго призрѣнія поданъ рапортъ № 6: вслѣдствіе предложенія онаго Приказа, даннаго предмѣстнику моему отъ 21 февраля, подъ № 132, послужной о мнѣ списокъ, съ показаніемъ, гдѣ я и какимъ наукамъ обучался, для отсылки въ Комиссію о учрежденіи школъ, при семъ представляю».

«Надворный совѣтникъ Михаилъ Георгіевъ сынъ Марковъ, 40 лѣтъ, изъ дворянъ, имѣющій во владѣніи дворовыхъ шесть человекъ, въ пансіонѣ пастора Мелтинга 2 года, а потомъ въ гимназіи Академіи Наукъ 4 года, обучался Россійской грамматикѣ, языкамъ нѣмецкому и французскому, ариметикѣ, геометріи, рисовать, географіи, исторіи всеобщей и естественной и поэзіи».

«Вступилъ въ службу въ Комисаріатской штатъ чиномъ капралскимъ 1773 года октября 28; капитанармускимъ чиномъ произведенъ того-жъ года ноября 29; сержантскимъ 1774 г. февраля 17, въ которомъ чинѣ 1777 года командированъ былъ къ генералу-маіору Михаилу Сергѣевичу Потемкину, для производства счетовъ переводимыхъ суммъ на армію, и съ нимъ же въ 1780 г. іюля 7 отряженъ былъ въ Комиссію о разграниченіи Новороссійской губерніи съ Полскою украинною, для сочиненія плановъ; съ 1781 г. мая 7 находился при прежней должности».

«1782 г. августа 8 дня опредѣленъ аудиторомъ въ С. Петербургской драгунской полкъ; 1783 г. въ майѣ мѣсяцѣ произведенъ былъ квартирмейстеромъ въ Томской пѣхотной полкъ, и былъ въ походахъ въ іюнѣ мѣсяцѣ того-жъ года за Кубанью, при Солимановомъ бродѣ, а послѣ находился при генераль-поручикѣ Павлѣ Сергѣевичѣ Потемкинѣ, въ правленіи дѣлъ секретныхъ и пограничныхъ, въ каковой должности употребленъ былъ за конференцъ-секретаря въ комиссіи заключенія трактата съ Его Высочествомъ, царемъ Грузинскимъ Иракліемъ, а потомъ съ нимъ же генераль-поручикомъ Потемкинымъ находился 1784 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Грузіи, при сочиненіи журнала похода бывшихъ съ нимъ войскъ чрезъ Кавказскія горы и министерскихъ дѣлъ въ Тифлисѣ. По возвращеніи же оттуда, будучи при немъ правителемъ канцеляріи, и дежурь-маіоромъ при генераль-маіорѣ Шемякинѣ, былъ въ неоднократныхъ походахъ и сраженіяхъ съ горскими народами; а по отбытіи генер.-поруч. Потемкина изъ Кавказской губерніи, по ордеру покойнаго генераль-фельдмаршала князя Потемкина Таврическаго 1787 г. іюля мѣсяца, опредѣленъ былъ къ губернатору той губерніи, для управленія бывшей при немъ секретной экспедиціи по дѣламъ персидскимъ, грузинскимъ и прочихъ сосѣдственныхъ Кавказскому краю владѣній, за что и награжденъ былъ въ 1788 г. сент. 11 чиномъ капитанскимъ, а въ 1789 г. октября 16, за болѣзнями, государственною Военною Коллегіею, по прошенію, оставленъ, съ чиномъ секундъ-маіора».

«Въ 1790 г. іюня 5 дня опредѣленъ въ С. Петербургскую верхнюю расправу прокуроромъ; 1794 г. ноября 29 дня въ бывшую Новгородсѣверскую губернію губернскимъ прокуроромъ, гдѣ и награжденъ чиномъ коллегскаго ассесора, съ дачею преимущественно предъ прочими старшинства въ семь чинѣ, съ 1790 г. іюня 5.

«По обращеніи же той губерніи въ составъ Малороссійской, 1797 г. апр. 23 д. опредѣленъ совѣтникомъ въ Малороссійскую казенную полату ¹⁾ 1799 г.» іюня... дня награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника, а сего года маія 7 д. поручена должность директора Малороссійской губерніи народныхъ школъ».

Въ графѣ подъ заглавіемъ «кромѣ директорской должности не отправляетъ ли каковой и по другому мѣсту» сказано: «отправляю должность совѣтника въ Малороссійской казенной полатѣ». ²⁾

«Въ штрафахъ и подозрѣніяхъ не былъ; въ отпускахъ не былъ. Женатъ на дочери надворнаго совѣтника Тинкова Христинѣ; дѣтей имѣю сына и двухъ дочерей».

*II. Продолженіе переписки между Г** и Харьковскаго Общества наукъ членомъ Марковымъ, относительно къ составленію Малороссійской исторіи. (I, листы 37—49).*

1. «Какіе народы, кромѣ полянъ, жительствовавшихъ на Днѣпрѣ, въ окрестностяхъ Кіева, и сѣверянъ, жившихъ по Деснѣ, Семи и Сулѣ, на сѣверъ отъ Кіева обитали въ сторонѣ, извѣстной нынѣ подъ названіемъ Малой Россіи, до появленія въ оной козаковъ?»

«Въ 3 пунктѣ прежнихъ моихъ замѣчаній подъ именемъ предшествовавшего здѣсь козакамъ, и съ ними обитавшаго народа, я разумѣлъ не иной же какой народъ, какъ Русской, но другаго отъ козаковъ состоянія, не включая даже вѣдлившихся между онымъ литовцевъ и поляковъ, а тѣмъ менѣе давно исчезнувшихъ разныхъ татарскихъ племенъ, коимъ, по сокрушеніи ихъ первыми великими князьями, даны были мѣста подъ поселеніе: ибо о сихъ, кому желательно, можно видѣть въ древнихъ лѣтописяхъ, а на примѣръ: при короляхъ польскихъ Сигизмундѣ I и Стефанѣ Баторіѣ козаки распространились къ сѣверу до Переяславля, и они нашли здѣсь дворянство, помѣстья и торговой народъ, управляемыхъ урядами и чиновниками Польскаго Кіевского воеводства. Послѣ 1634 года, въ которомъ Россія уступила навсегда Польшѣ земли бывшихъ княжествъ Черниговскаго и Сѣверскаго, они распространились на оныя, и здѣсь встрѣтили тужь народонаселенность въ различныхъ состояніяхъ, управляемыхъ польскими воеводами, каштелянами и другими ихъ урядниками, особыя права отъ русскихъ, законы литовскіе и проч. Козаки и тамъ, и тутъ поселялись на свободныхъ земляхъ и не касаясь дворянскихъ помѣстьевъ и вотчинъ, и составляли особое отдѣленіе, судились между собою отъ своихъ старшинъ и имѣли свои уряды. Послѣ, когда гетманъ Хмельницкой, предъ вступленіемъ въ подданство Руской державѣ, здѣлался

¹⁾ Въ 1799 г. М. Е. Марковъ просилъ высшее начальство о назначеніи на должность прокурора Малороссійской губерніи; но просьба его была отклонена: смотр. «Труды Чернигов. губ. Архив. Комиссіи», вып. 5, въ приложеніи: «Сенатскій Архивъ», стр. 21.

²⁾ Затѣмъ Марковъ, оставя службу въ Казенной палатѣ, проходилъ должность совѣтника въ Губернскомъ правленіи совмѣщая ее съ директорской; но съ 1804 г. долженъ былъ отказаться отъ сего совмѣстительства, и остаться только при должности директора.

самовластнымъ, и отчуждился совсѣмъ повиновенія Польшѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ влилъ не только въ козаковъ, но и во весь Руской народъ, между ими обитавшій, духъ нѣкоторой вольности, тогда все что ни было среди ихъ польское: суды и урядники, дворянство ихъ и духовенство, какъ равно и команды воинскія—было истреблено и разсѣяно, и уряды козацкіе стали управлять всѣми прочими состояніями какъ по городамъ, такъ по земству. Слѣдовательно какимъ же образомъ всему тому, какъ и всѣмъ прочимъ состояніямъ ¹⁾, въ исторіи малороссійской не быть включенными, и содержать ей только состояніе козацкое и ихъ военныя дѣла».

2. «Какія были древнія границы Малороссіи, и какія во времена Богдана Хмельницкаго? Въ географическомъ словарѣ Россійскаго государства древнія границы Малой Россіи означены слѣдующимъ образомъ: «границы Малой Россіи распространялись въ старину на сѣверъ по рѣку Угру съ Бѣлою Русью; на востокъ по вершину Донца и Оки съ половцами и печенѣгами; на полдень съ Херсонесомъ Таврическимъ; на западъ по рѣку Горынь съ червонною Русью». Когда Малая Россія имѣла сіи границы?

«Касательно свѣденія о древнихъ границахъ Малой Руси, то есть тѣхъ временъ, которыя историки означаютъ неопредѣляемымъ словомъ «издревле», надлежитъ прежде прибѣгнуть къ догадкѣ, что подало къ тому названію причину писателямъ. Ибо чтобъ оное было по какому-либо учрежденію правительства или по другимъ какимъ постановленіямъ государственнымъ, сего нигдѣ не видно. А мою догадку основываю на нижеслѣдующемъ.

«Названіе «Руси» въ сѣверной части государства еще было ново, какъ чрезъ 20 лѣтъ по основаніи онаго князь Олегъ перенесъ изъ Новаго города въ Кіевъ престоль великокняжеской. Безъ сомнѣнія, что всѣ важнѣйшіе Варяго-Руссы, пришедшіе съ Рюрикомъ, и воинство ихъ послѣдовали за дворомъ, ибо и не естественно, чтобъ Олегъ, шествуя для завоеваній, ввѣрилъ себя одному новому подвластному народу; а при томъ и въ Несторовой лѣтописи значить: «и сѣдѣ Олегъ княжа въ Кіевѣ, и рече Олегъ: се буди мати градомъ рускимъ; и бѣша у него варяги и словене, и прочіи, и прозвашася Русью», съ котораго времени названіе Руси стало болѣе распространяться въ южной части государства, гдѣ государи русскіе не одно столѣтіе продолжали имѣть свою резиденцію; и сіе доказывается тѣмъ, что чрезъ два вѣка съ половиною видно въ лѣтописяхъ, что кто ѣхалъ изъ сѣверныхъ областей въ южныя, то прибавлялось: «поѣхалъ въ Русь, въ Черниговъ, въ Русь-Владимиръ», что на Волыни, или такъ же въ Кіевѣ. Въ половинѣ 12 столѣтія извѣстна изъ Русской исторіи междуусобная брань князя ростовскаго и суздальскаго, Юрѣя Владимировича, съ кіевскимъ великимъ княземъ, Изяславомъ Мстиславичемъ, за обладаніе кіевскимъ престоломъ, съ котораго двоекратно одинъ другого свергали. Съ того времени важность и сила сего престола пришли въ упадокъ: многіе окружные князья не хотѣли оному повиноваться, но лестенъ былъ только потому, что почитался столицей всего государства, и каждый изъ князей надѣялся, что возшевши на престоль на оной можетъ возвратити ему прежнюю власть и величіе, потому старались онымъ овладѣть. Но что надежда та была тщетная, позналъ совершенно сынъ вышеозначеннаго князя Юрѣя, Андрей, который послѣ захватыванія сего престола по кончинѣ его родителя (на ономъ скончавшагося) разными князьями, возшедь на оной скоро его оставилъ, и возвратясь въ свои родовыя владѣнія ростовскія и суздальскія тамъ, во Владимирѣ, при рѣкѣ Клязьмѣ построенномъ городѣ, учредилъ въ

¹⁾ Въ подлинникѣ описки: «какъ и о всѣхъ прочихъ состояніяхъ».

1157 году другой великокняжеской престолъ, отстраня всякую зависимость онаго отъ престола кievскаго, и владѣнія свои назвалъ Бѣлою Русью. Тогда и долго послѣ названіе «бѣлаго» означало нѣчто великое и знаменитое, не преставаая однакожь быть принадлежащимъ и цвѣту своего вида. И дѣйствительно, владѣнія тѣхъ Бѣлорусскихъ князей были гораздо обширнѣе и сильнѣе, нежели кievскихъ, въ упадкѣ ихъ престола, такъ что онымъ первые иногда и располагали по своей волѣ. Послѣ чего весьма кажется естественно произойти въ южной части, къ коей въ особенности издавна присвоено было имянованіе Руси, прилагательному слову отъ историковъ «Малой». Но это предоставляется опытиѣйшему разсмотрѣнію, ибо есть единственное мое съ исторіею соображеніе, ни на какихъ впрочемъ доказательствахъ не утверждающееся (1). Впрочемъ касательно границъ той Малой Руси, означаемыхъ въ Географическомъ словарѣ, они не сходны съ историческою картиною, послѣ того какъ уже на ней Бѣлая Русь стала видна. Означая ихъ къ сѣверо-востоку по рѣку Угру и вершины Оки, слѣдовательно включаютъ въ часть Малой Руси удѣльныя владѣнія вятичевскія князей черниговскихъ и сѣверскихъ; но изъ числа оныхъ Таруза на лѣвой сторонѣ Оки далеко выше Угры, а Одоевъ далеко на правой отъ вершинъ первой. Къ западу означая границы по рѣку Горынь умалчиваютъ о нихъ въ сей сторонѣ къ сѣверу, которыя должны быть гораздо ниже, нежели на лѣвой, ибо на правой владѣнія полоцкихъ князей простирались по самую рѣку Припять. Къ югу и востоку г. Болтинъ границы Малой Руси, подъ именемъ великаго княжества Кievскаго, со всею основательностію гораздо сокращеннѣе означаетъ, нежели показаны они въ словарѣ; однако какъ бы то ни было понеже причина названія древней Малой Руси есть особливая отъ той, которая послѣ подала случай къ таковому-жъ, гораздо естественнѣе и сей послѣдней только прилично принадлежать къ настоящей исторіи Малороссійской, то въ оной слѣдуетъ быть упомянуто о первомъ происхожденіи названія Малой Руси, единственно для отстраненія только мнѣнія тѣхъ, кои полагаютъ, что оно сливается съ настоящимъ. А впрочемъ касательно изслѣдованія границъ оной, это есть дѣло писателей исторіи Русской. Въ разсужденіи границъ Малороссіи во времена Богдана Хмельницкаго я разумѣю, что вопросъ о нихъ требуетъ отвѣта въ томъ времени, когда уже онъ съ козаками вступилъ въ подданство царю Алексѣю Михайловичу, и получилъ по его грамотѣ Украину въ свое управленіе, ибо тогда названіе Малороссіи, по принятіи онаго въ титулъ царскій, стало быть дипломатическимъ и относительнымъ на всѣ тѣ земли, кои возвратились здѣсь Руской державѣ (2). Разграниченіе ихъ съ Польшею послѣдовало въ 1657 году, но г. Рубанъ описываетъ черты онаго не только ошибочно, но безтолково и несообразно даже съ натуральнымъ мѣстоположеніемъ. А они положены были отъ устьевъ Днѣпра на сѣверо-западъ до вершины Горыни, и сею рѣкою до Припяти, а съ лѣваго берега послѣдней отъ пункта противъ устья первой до Быхова, и отъ сего чрезъ Днѣпръ и рѣку Сожь подъ Рославль. Къ востоку границы Малороссіи означены на картѣ Маковой 1750 года точками, и они сходны съ польскимъ атласомъ, который я имѣю, въ Авгсбургѣ печатанной въ то время, когда лѣвая сторона Днѣпра была подъ владѣніемъ Польши».

3. «Изъ какихъ княжествъ и земель кромѣ Кievскаго, Черниговскаго и Новгородсѣверскаго, состояла Малая Россія?»

«Я принимаю названіе Малороссіи принадлежавшимъ первоначально всѣмъ тѣмъ землямъ южной части Государства, которыя съ 1319 года отторгнуты были отъ онаго литовцами, и потомъ по частямъ достались полякамъ. Слѣдовательно, кромѣ княжествъ Кievскаго и по лѣвой сторонѣ Днѣпра — Черниговскаго и Сѣверскаго, сихъ послѣднихъ двухъ опустошенныхъ и разрушенныхъ, въ половинѣ 13 столѣтія,

татарами, и Переясловскаго, тогда жъ и той же участи бывшаго подверженнымъ, но послѣ кievскими великими князьями возобновленнаго, подъ названіемъ удѣльнаго отъ ихъ престола, еще на правой сторонѣ были княжества Галицкое, Владимирское и Луцкое, не говоря о множествѣ среди жъ оныхъ, прежде бывшихъ удѣльныхъ, и таковыхъ же отъ древлянскихъ или полѣскихъ земель по сторонамъ рѣки Припети къ первымъ присоединенныхъ, какъ уже не имѣвшихъ тогда, какъ литовцы отхватили сей край, особыхъ своихъ князей. Но впрочемъ я полагаю то названіе Малороссіи съ того времени только по приличію онаго такой части Государства, которая въ меньшемъ пространствѣ отторгнута подъ чуждое владѣніе отъ цѣлостнаго тѣла онаго, и въ томъ основываюсь на греческихъ 15 столѣтія писателяхъ, кои отторженнымъ литовцами отъ Государства землямъ давали названіи Малой Россіи, какъ ниже будетъ значить, конечно по той же причинѣ, тѣмъ болѣе что какъ въ исходѣ того столѣтія великой князь Іоаннъ Васильевичъ лѣвую сторону Днѣпра отъ литовцовъ отобралъ, то греки оную не причисляли къ Малороссіи».

4. «Отъ кого и когда имянно Малороссія получила сіе наименованіе?»

«Что касается до сего, чтобъ опредѣлительнымъ образомъ сказать, отъ кого и когда дано названіе Малороссіи, сіе означить трудно. Приличность сего названія существовала, но никто онаго не произносилъ и не писалъ; литовцы и поляки его не употребляли: однимъ нравились частныя русскія названія по бывшимъ княжествамъ каждой области, другимъ всецѣлостное слово Русь, но не Русь Малая: ибо сіе послѣднее наименованіе не сходно бѣ было съ ихъ природною кичливостію, а изъ историковъ сосѣднихъ о семъ краѣ, во время между началомъ 14-го и окончаніемъ 15-го столѣтій, никто не писалъ. Въ 1342 г., когда полякамъ за два предъ тѣмъ года досталась сѣверная часть бывшаго нашего при вершинахъ Днѣстра Галицкаго княжества, они учредили изъ онаго воеводство, и назвали воеводство Руское, а просто имяновали часть сію Русью. Нѣмецкіе географы нашего времени одни къ сей только части прибавляютъ названіе Малая, а другіе ко всѣмъ ¹⁾ тѣмъ землямъ, коими поляки вскорѣ послѣ того отъ литовцовъ завладѣли: къ югу за вершины Днѣстра, а къ сѣверу вверхъ по рѣкѣ Бугу, вливающейся въ Вислу, до югозападной Литвы. Напротивъ поляки, когда имъ въ первой половинѣ 17 столѣтія принадлежала уже вся южная часть Рускаго государства, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, и оная была обращена ими въ разныя воеводства, какъ-то: Кіевское, Руское, то-есть Галицкое, Волыньское, Подольское, Подляшское, Брацлавское и наконецъ Черниговское, то они изъ всѣхъ сихъ воеводствъ учредили провинцію, подъ названіемъ Руской, но не Малороссійской, и сего послѣдняго слова у нихъ совсѣмъ нѣтъ ни въ грамотахъ, ни въ конституціяхъ, ни въ гербовникѣ земель. Но греки, когда въ концѣ 15 столѣтія стали писать нѣчто о русскихъ земляхъ, они тотчасъ употребили прибавленіе къ той части изъ нихъ, которая была во владѣніи Польши, Малая Россія: слѣдовательно, ежели бѣ были у нихъ писатели въ то время, когда еще литовцы сею стороною владѣли, т.-е. около половины 14 столѣтія, конечно бѣ съ того самаго времени видѣли мы въ нихъ Малороссію. По симъ обстоятельствамъ кажется отъ искусства пера зависить какъ представить начало и ходъ сего названія, до введенія онаго въ акты Гетьманомъ Хмельницкимъ въ 17 столѣтіи, и утвержденія онаго титуломъ царя Алексѣя Михайловича».

5. «Какъ раздѣлена была съ начала Малая Россія? По мнѣнію Г. А. Полетики, оная, во времена польскаго владѣнія, состояла изъ двухъ воеводствъ Кіевскаго и

¹⁾ Такъ я читаю слова, въ подлинникѣ написанныя, кажется, по ошибкѣ „а другія по всѣмъ“ и пр.

Черниговскаго, а тѣ воеводства раздѣлялись на староства и повѣты: въ Кіевскомъ воеводствѣ были три староства, они жъ и повѣты, въ коихъ производились градскіе и земскіе суды, а именно: Кіевское, Житомирское и Овручское; не судовыя же староства находились въ Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Носовкѣ и Лубнахъ; въ Черниговскомъ воеводствѣ, состоявшемъ изъ одного Черниговскаго полка и изъ части Нѣжинскаго, было одно староство Черниговское и два повѣта Черниговской и Новгородсѣверской; въ Стардубѣ такъ же было староство судовое и повѣтъ, а въ Могилевѣ староство несудовое; но тогда сіи два города принадлежали къ Смоленскому воеводству» (3).

«Противъ мнѣнія Г. Полетики, что во время польскаго владѣнія Малороссія состояла изъ двухъ воеводствъ Кіевскаго и Черниговскаго, и первое ограничивалось на правой сторонѣ Днѣпра только тремя староствами Кіевскимъ, Житомирскимъ и Овручскимъ, я имѣю Вамъ вотъ что сказать: 1-е, если со времени Богдана Хмельницкаго относить названіе Малороссіи ко всѣмъ землямъ, кои пристали къ сословію козаковъ, чего и миновать нельзя, то они занимали часть и Волыніи, и почти всю Подолію, слѣдовательно гораздо далѣе староствъ Овручскаго и Житомирскаго. 2-е: воеводства Кіевское и Черниговское между своими учрежденіями имѣли времени болѣе полутора ста лѣтъ. 3-е: при староствѣ Стародубскомъ судовомъ несудовое было не въ Могилевѣ, а въ Мглинѣ. Впрочемъ, какъ я принимаю Малороссіею всѣ Рускія земли, бывшія подъ владѣніемъ Польши, то о раздѣленіи ея съ начала имѣю включить, что поляки, овладѣвъ въ 1340 году сѣвѣрною частію Галицкаго княжества, чрезъ два года, какъ выше сказано, учредили изъ оной воеводство Руское, которое по 1438 годъ распространили къ югу, за вершины Днѣстра. По кончинѣ въ 1430 году Литовскаго великаго князя Витольда, они, оторвавъ отъ Литвы часть волынскихъ русскихъ земель, учредили изъ нея въ 1434 году Подольское воеводство, къ востоку отъ Рускаго, и въ 1436 къ сѣверу отъ онаго же Бѣльское, въ вершинахъ рѣки Буга, въ Вислу впадающей; въ 1471 году, присвоивъ отъ литовцевъ Кіевское намѣстничество, въ кое сими послѣдними обращены были земли Кіевскаго собственно княжества, здѣлали изъ него воеводство, точно съ тѣми подраздѣленіями, какъ Г. Полетика означаетъ. Волыньское, Подляжское (sic), Брестское и Брацлавское воеводства учреждены уже были поляками, по совершенномъ соединеніи въ 1569 году Литвы съ Польшею. Что жъ касается до воеводства Черниговскаго, то земли онаго полякамъ достались поздно, не изъ рукъ литовскихъ, а отобранныя отъ сихъ послѣднихъ великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ, уже по уступкѣ отъ Россіи, когда государство сіе, по извѣстной плачевной кончинѣ царевича Дмитрія Углицкаго ¹⁾ потрясено было вновь самозванцами; тогда поляки, ихъ подкрѣпившіе, въ 1611 году завладѣли землями на лѣвой сторонѣ Днѣпра бывшаго Черниговскаго княжества, и возшедшій на обезсиленный престолъ царь Михаилъ Федоровичъ принужденъ былъ имъ уступить оныя сперва по Деулинскому въ 1618 г. трактату на 14 лѣтъ съ половиною, а потомъ въ 1634 по Вяземскому навсегда, и они въ слѣдующемъ 1635 г. учредили здѣсь воеводство, раздѣливъ оное на староство и повѣты, точно такъ какъ Г. Полетика пишетъ, исключая, что онъ вмѣсто Мглина внесъ Могилевъ».

6. «Какъ назывался поставленный королемъ Баторіемъ надъ козаками гетманъ? Миллеръ, которой съ отмѣннымъ знаніемъ отечественной и польской исторіи соединялъ нѣмецкую акуратность, удивительно какимъ образомъ могъ перенутать

¹⁾ Въ подлинникѣ по обмолвкѣ сказано „Ростовскаго“.

первыхъ козацкихъ гетмановъ. О Венцеславѣ Хмельницкомъ пишетъ онъ слѣдующее: «Преемникъ Дашкевича и Ланскоронскаго упоминается въ 1534 году Венжикъ или Венцеславъ Хмельницкій» и проч. Далѣе: «послѣ него слѣдовалъ князь Димитрій Вишневецкій, котораго въ 1568 году молдаване выбрали-было своимъ господаремъ; слѣдующій за нимъ козацкій предводитель Свирговскій попался въ 1574 году туркамъ въ руки» и проч. Теперь слѣдуетъ вопросъ: какимъ образомъ Венцеславъ Хмельницкій могъ заступить мѣсто въ 1534 г. Вишневецкаго и Ружинскаго, когда первой изъ нихъ извѣстенъ былъ еще въ 1568 году, а послѣдній, по Миллеровымъ запискамъ, получилъ въ 1576 году отъ Баторія полное воинское учрежденіе? И если не при Ружинскомъ дарованы были тѣмъ королемъ разныя преимущества, то не имѣете ли Вы свѣденія, при которомъ гетманѣ? Въ Малороссійскомъ лѣтописцѣ Туманскаго означены гетманы слѣдующимъ порядкомъ: 1 Ланскоронскій, 2 Хмельницкій, 3 Вишневецкій, 4 Ружинскій, 5 Свирговскій. Трудно знать, котораго писателя должно придерживаться».

«Постановленнаго королемъ Стефаномъ Баторіемъ надъ козаками гетмана я разумѣю быть Богданка, какъ въ трехъ разныхъ рукописяхъ я видѣлъ, но ни въ одной Богдана Ружинскаго, а только въ Сочиненіяхъ и переводахъ Академіи Наукъ 1760 года внесенъ вмѣсто Богданка Богданъ Ружинскій. Статся можетъ, что сей отбросилъ самъ знатность польской своей фамиліи, во изъявленіе козакамъ привязанности своей къ нимъ, и принялъ названіе, сближающее съ ихъ обычаями и свойствами, подобно какъ въ наши времена Гер. Ор., или козаки по простодюдимости своей его полуимянемъ прозвали, что у нихъ иногда водилось въ именованіи старшинъ; однако жъ я полагаю болѣе, что Богданко не было имя, а фамилія, ибо ни одинъ козацкой гетманъ во всѣхъ спискахъ безъ прозванія не написанъ, и ни одинъ только съ именемъ безъ прозванія. Противъ свѣдѣній г. Миллера и его извѣстной акуратности я не смѣю сказать ни одного слова; но ежели по сіе время, со всею тщательностію многихъ, не можно приобрѣсти въ отношеніи къ Малороссіи полныхъ и неопровергаемыхъ свѣденій, то легко станется, что и г. Миллеръ не больше имѣлъ успѣха. Князь Димитрій Вишневецкій здѣланъ былъ гетманомъ въ 1511 году отъ короля Сигизмунда I: въ какихъ же онъ долженъ быть лѣтахъ въ 1568 году, когда, говорятъ, что онъ избранъ былъ молдавскимъ господаремъ? Конечно, онъ тогда былъ подъ сто лѣтъ. Мнѣ встрѣчается мысль, что не былъ ли то князь Михаиль Вишневецкій совсѣмъ не гетманъ, а одинъ изъ вельможъ польскихъ, которой около того времени удалился къ запорожскимъ козакамъ, и о коемъ г. Болтинъ, въ примѣчаніяхъ своихъ на Леклерка, въ 1 части на 345 стр. пишетъ. Онъ извѣстенъ и въ исторіи Россійской. Господинъ Туманскій мнѣ былъ коротко знакомъ; онъ тщательно старался собирать всюду историческіе своего отечества отрывки, но въ отношеніи къ Малороссіи всегда жаловался на недостатокъ въ свѣдѣніяхъ и разногласія въ оныхъ; онъ старался придерживаться г. Миллера, со всѣмъ тѣмъ онъ въ порядкѣ гетмановъ съ нимъ разнитъ. Наконецъ присовокупляю, что ежели бъ я былъ въ состояніи заняться предпріятымъ Вами трудомъ, я бъ послѣдовалъ рукописямъ малороссійскимъ: три я видѣлъ, но вездѣ послѣ Ланскоронскаго слѣдуютъ князь Димитрій Вишневецкій, князь Евстафій Ружинскій, Венцеславъ Хмельницкій, Свирговскій и далѣе Богданко и проч., и сему послѣднему не присвоилъ бы фамиліи Ружинскаго» (4).

7. «Г. Полетика пишетъ о первыхъ козацкихъ полкахъ слѣдующее: «до Хмельницкаго въ Малой Россіи были козацкіе полки, учрежденные отъ польскаго короля Стефана Баторія, а именно: на той сторонѣ Днѣпра Чигиринской, Корсунской, Черкаской, Уманской, Ладыжинской, Богуславской и Кіевской, а на сей

сторонѣ Днѣпра—Переясловской, Полтавской и Миргородской. Козаки не имѣли съ начала никакого другаго названія, кромѣ козацкаго войска, которое все состояло изъ холостыхъ людей; но когда въ козаки стали вписываться и женатые люди, тогда холостые не чая бытъ въ нихъ таковой охоты и исправности въ воинскихъ дѣлахъ, на сіе вознегодовавъ отлучились, и пошедши въ низъ по Днѣпру сыскали для своего пребыванія мѣста ниже пороговъ, подѣлали на островахъ засѣки, и стали тамъ жить, и отъ сего произошло названіе Сѣчи и Запорожскаго войска, которымъ названіемъ не только они сами себя имяновали, но и въ публичныхъ актахъ именуемы были. Напротивъ того женатые козаки, жившіе по городамъ и по селамъ въ Малороссіи, назывались козацкимъ городовымъ или городовымъ запорожскимъ войскомъ, и какъ оное сѣчеваго гораздо многочисленнѣе было, то и раздѣлено на полки королемъ Стефаномъ Баторіемъ: даны имъ полковники и старшины, а надо всѣми ими устроенъ главный полководецъ, называемый гетманъ» и проч. Основательно ли сіе мнѣніе Г. Полетики? Точно ли было при Баторіи столько полковъ, и изъ сколькихъ тысячъ оныя состояли? По мнѣнію его, полки сіи, согласно съ королевскимъ учрежденіемъ, должны были только состоятъ изъ 20,000 человекъ, но въ самомъ дѣлѣ простирались отъ 30 до 40 тысячъ» (5).

«Полки, учрежденные Стефаномъ Баторіемъ, точно были тѣ десять, какъ пишетъ Г. Полетика, равно что король сей число козаковъ, за ихъ усердную службу, умножилъ до 20,000; но было ли ихъ больше, сего мнѣ начитывать не случилось, а впрочемъ оно и не сумнительно. У меня въ одной рукописи значить, что послѣ, когда козаки изъ-подъ Константинополя возвратились со многими корыстями, а предъ тѣмъ были въ Азій, и разорили Трапезонтъ и Синопъ, то онъ, устрася ихъ размноженія, сталъ оказывать имъ знаки недоброхотства, и принималъ мѣры къ ихъ не только уменьшенію, и истребленію: чрезъ годъ послѣ вышеозначеннаго учрежденія полковъ, что было въ 1576 году, онъ отрубилъ голову гетману ихъ Подковѣ; слѣдовательно они должны были стараться умножить свое сословіе. Въ прочемъ касательно причинъ раздѣленія козаковъ на сѣчевыхъ запорожскихъ и на городовыхъ, я не имѣю ничего противуположить свѣденію и мнѣнію Г. Полетики, тѣмъ болѣе что они и гораздо сообразнѣе, нежели какъ мнѣ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ читать случилось, и что сіи послѣднія въ маломъ чемъ разнятся. Происхожденіе слова «сѣчи» отъ «засѣкъ» я нахожу гораздо сходнѣе, нежели выводилъ нѣкто, въ прочемъ почтенной и свѣдущій мужъ отъ нѣмецкаго слова Sitz» (6).

8. «Какіе именно учреждены были Баторіемъ чины козацкіи, и въ чемъ состоялъ данный симъ королемъ казакамъ гербъ?»

«Чины козацкіе учреждены были войсковые. 1. Обозной, въ вѣдомствѣ котораго была вся войсковая артиллерія, раздѣлявшаяся на главную, полковую и сотенную; въ послѣдствіи времени онъ былъ президентомъ въ канцеляріи генеральной артиллеріи, и по всѣмъ дѣламъ Малороссіи главной членъ въ Генеральной войсковой канцеляріи. 2. Генеральной судья, который по гетманѣ былъ второй между гражданскими чиновниками; ихъ было два: старшій былъ предсѣдателемъ въ Генеральномъ судѣ, а младшій вторымъ по немъ членомъ; послѣдній учрежденъ послѣ, а королемъ Баторіемъ только первый; впрочемъ онъ лично ничего не могъ повелѣвать, а имянемъ суда. 3. Войсковой писарь, которой былъ членъ Генеральной канцеляріи, по дѣламъ же докладывалъ только тогда, какъ самъ гетманъ въ ней присутствовалъ, и то по важнѣйшимъ; Канцелярія жъ была вся въ его вѣденіи и надзираніи. 4. Войсковой есауль: сей по гетманѣ былъ первымъ начальникомъ надъ всѣмъ козацкимъ войскомъ, кромѣ запорожскаго, въ мирное-жъ время присутствовалъ и въ Генеральной канцеляріи. 5. Войсковой бунчужный былъ

хранитель одной из гетманских клейнодъ, бунчугъ называемой, данной отъ короля козакамъ съ турецкаго обычая; онъ такъ же времянами присутствовалъ въ канцелярїи, но съ повелѣнїя гетманскаго. 6. Войсковою хорунжїей, хранитель войсковаго знамя. Всѣ вышеозначенные чиновники назывались генеральными. Наконецъ надъ каждымъ полкомъ учреждены были тѣмъ же королемъ полковники, и надъ ротами полка сотники; полковники были начальниками полка, такъ же городовъ, гдѣ ихъ полкъ расположенъ былъ, и земскихъ дѣлъ; сотники таковыя жъ были начальники въ своей ротѣ или сотнѣ. Здѣсь только говорено о чиновникахъ, королемъ учрежденныхъ; но гетманы послѣ прибавили еще старшинъ войсковыхъ и въ полкахъ чиновниковъ частныхъ, сообразно войсковымъ генеральнымъ. Гербъ же данной войску изображалъ козака въ искривленной высокой шапкѣ, или калпакѣ, съ ружьемъ на плечѣ, и при поясѣ съ рогомъ для пороха» (7).

9. «Сколько въ Черниговскомъ и Нѣжинскомъ полкахъ было войска при Хмельницкомъ? Въ лѣтописи Рубановой показано по 9,000 человекъ въ каждомъ, а въ другихъ лѣтописяхъ, также у Коховскаго по 900 человекъ. Такъ же Рубанъ показываетъ, что регистровыхъ козаковъ въ 1650 году было 57,889, а Коховской, Шереръ и другіе только отъ 35 до 37 тысячъ; господинъ же Полетика упоминаетъ, что тогда было у Хмельницкаго 20 или 21 полкъ, а не 15, какъ свидѣтельствуешь Рубанъ».

«Неизвѣстно мнѣ утвердительно на чемъ либо достовѣрномъ, сколько въ Черниговскомъ и Нѣжинскомъ полкахъ было козаковъ при Хмельницкомъ; но я склоняюсь вѣрить числу по показанію г. Рубана, какъ равно и регистровыхъ козаковъ въ 1650 году: въ рукописяхъ о послѣднихъ по большей части мнѣ случилось читать, что ихъ было до 60,000 и въ просительныхъ пунктахъ гетмана Хмельницкаго, по коимъ онъ вступилъ въ подданство царю Алексѣю Михайловичу, значить, что прошено и утверждено быть козацкому войску изъ 60,000 человекъ, что гораздо сходнѣе съ показаніемъ Рубана, нежели Коховскаго и др. При томъ въ 1651 году были въ дѣйствиіи часть противъ польскаго гетмана Калиновскаго, другая подъ Каменцомъ Подольскимъ, а вообще 80,000 козаковъ. Между тѣмъ Хмельницкой уже въ 1650 году былъ въ войнѣ съ поляками: то какую бы имѣть могъ удобность къ числу войскъ, показываемыхъ Коховскимъ и др. присовокупить 50,000 человекъ, а посему можно судить и о числѣ войскъ въ полкахъ Черниговскомъ и Нѣжинскомъ, сходно ли полагать въ нихъ по 900 человекъ. Въ числѣ полковъ Рубанъ весьма ошибся, чтобъ было ихъ 15, г. Полетика меньше, и то прибавя изъ полковъ, учрежденныхъ при Юрїи Хмельницкомъ. При Богданѣ Хмельницкомъ точно было 19 полковъ: 12 на правой и 7 на лѣвой сторонахъ, а имянно: Уманской, Бѣлоцерковской, Корсунской, Каневской, Черкасской, Чигиринской, Брацлавской, Богусловской, Ладыжинской, Крапивянской, Кальницкой, Острянской, Кіевской, Черниговской, Нѣжинской, Переяславской, Миргородской, Гадячской и Полтавской». (8).

10. «Какъ называлось то мѣсто, гдѣ въ 1652 году Тимошей Хмельницкій разбилъ короннаго гетмана Калиновскаго: Батавою, или Браклавомъ, или урочище Батово?»

«Т. Хмельницкій разбилъ Калиновскаго въ воеводствѣ Брацлавскомъ подъ Батовымъ, которое я полагаю мѣстечкомъ, тогда бывшимъ, а не урочищемъ; ибо естлибъ только было урочище, сходнѣе бы писать «при урочищѣ», а напротивъ по большей части пишутъ подъ Батовымъ». Нынѣ на мѣстѣ томъ деревня Батосъ ¹⁾ Подольской губерніи въ Гайсинскомъ повѣтѣ, при рѣкѣ Бугъ» (9).

¹⁾ Батогъ?

11. «Сколько имянно было жителей въ Малороссіи во время присоединенія оной къ Россійскому государству при Хмельницкомъ?»

«Сего вопроса я думаю никто рѣшить не можетъ; и гдѣ можно найти изчисленіе сіе? Самъ Хмельницкой можетъ быть зналъ число козаковъ. Ревизія 1764 года нашла въ Малороссіи, (которое названіе уже тогда принадлежало одной лѣвой сторонѣ Днѣпра, и на правой только Кіеву съ небольшою его округою, между нижними водами Стугны и Ирпени, въ Днѣпрѣ текущихъ), всего миллионъ и съ небольшимъ двѣ тысячи мужеска пола, считая въ томъ числѣ всѣ состоянія, кромѣ духовенства».

12. «Гетманъ Мазепа былъ ли полякъ, какъ нѣкоторые писатели полагаютъ, или малороссіянинъ, родившійся въ Нѣжинскомъ повѣтѣ, въ коемъ сестра его имѣла жительство? И взятый въ плѣнъ съ Наливайкою полковникъ Мазепа былъ ли его предокъ, или нѣтъ? О семъ послѣднемъ упоминаю я потому, что основываясь на немъ, полагаю гетмана Мазепу малороссіяниномъ; къ тому жъ Нордбергъ и Прокатовичъ даютъ ему то жъ происхожденіе».

«Голчковъ, въ дополненіяхъ къ дѣяніямъ Петра Великаго, производитъ его изъ польскихъ дворянъ, присовокупляя романъ, что онъ воспитаніе получилъ у езуитовъ, былъ пажемъ при королѣ, и послѣ за соблазненіе дочери одного вельможи, посаженъ былъ привязанный на бѣшенную лошадь, которая занесла его въ станъ козаковъ изувѣченнаго, и онъ излеченный принятъ былъ въ ихъ сословіе. Но мнѣ случалось слышать отъ покойнаго Д. С. С. Шафонскаго, что онъ родомъ шляхтичъ же, но изъ Украины Бѣлоцерковскаго повѣта бывшаго села Мазеповки. По всѣмъ тѣмъ сумнительно сего придерживаться, ибо сходнѣе полагать, что Мазепа, основавъ означенное селеніе, далъ ему названіе отъ своей фамиліи, нежели чтобъ онъ имѣлъ оную отъ родоваго селенія. Весьма станется, что послѣ гибели его сестра жила въ Нѣжинѣ; но я любопытствовалъ у многихъ тамъ стариковъ: никто ни о ней, ни о какихъ родственникахъ Мазепиныхъ не слыхивалъ, а время не такъ отдаленно, чтобы пересказы, а особливо о человѣкѣ, столько занимательномъ, не остались въ память по сіе время. Въ гербовникѣ дворянскомъ польскомъ фамиліи Мазепъ нѣтъ; но родъ его, естли это нужно, я открыть не отчаиваюсь. Полковникъ Мазепа, взятый въ 1597 году поляками въ плѣнъ съ другими Лободою, когда гетманъ Наливайко схваченъ, былъ ли его предокъ, не могу сказать» (10).

1. Бантышъ-Каменскій свое вступленіе въ „Исторію Малой Россіи“ начинаетъ какъ разъ съ пункта о названіи „Малая Русь“, причемъ на первомъ мѣстѣ цитуетъ своего корреспондента Маркова: „О времени, когда Малая Россія получила сіе наименованіе, различно повѣствуютъ: нѣе писатели полагаютъ, что сіе произошло при возвышеніи Владимірскаго княженія и упадкѣ Кіевского, въ исходѣ XII столѣтія; другіе, что страна сія такъ стала именоваться, находясь подъ литовскимъ владычествомъ, для отличія отъ „Великой Россіи“; въ древнихъ же хартіяхъ упоминается въ первый разъ о Малой Россіи въ 1335 году, а именно въ грамотѣ Георгія князя Владиміро-Волынскаго, сохранившейся въ Кенигсбергскомъ архивѣ“ и проч. Трудно было молодому историку составить точное, опредѣленное понятіе о семъ предметѣ. (И до сихъ поръ въ русской исторической наукѣ все еще недостаточно разобранъ вопросъ о происхожденіи и постепенномъ распространеніи названій Руси, Руси Великой, Малой, Бѣлой и иныхъ, въ связи съ расширеніемъ государственной территоріи и съ ростомъ народнаго русскаго самосознанія. Вопросъ заслуживаетъ нарочитаго изслѣдованія). Что касается Маркова, то въ общемъ онъ высказалъ вѣрную мысль: южная Русь стала называться „Малою Русью“ по сравненію съ сѣверной „Великою Русью“, которая уже въ до-монгольское время дѣйствительно стала сильнѣе и значительнѣе ея въ отношеніи народонаселенія, въ экономическомъ и въ политическомъ отношеніи особенно. Только въ XII вѣкѣ еще не было этихъ названій; они являются въ XIV вѣкѣ, на первый разъ въ греческихъ и латинскихъ документахъ, въ Византіи и на самой Руси одновременно. (Памятники древне-русск. каноническаго права XIII—XV вв. въ „Русск. Историч. библіотекѣ“,

т. VI, гдѣ приложены подлинныя греческія грамоты и постановленія императоровъ и патріарховъ Византійскихъ въ отношеніи и Великой, и Малой Россіи. Латинскія же грамоты Юрія II Львовича князя галицкаго къ прусскимъ магистрамъ, въ одной изъ коихъ онъ пишется княземъ всея малыя Руси, изданы у Карамзина, И. Г. Рос. т. IV, примѣч. 276. Сравни въ „Исторіи Россіи“ Д. И. Иловайскаго, томъ II, стр. 77—79, съ соотв. примѣчаніями).

Въ названіи сѣверной Руси „Бѣлою“ Марковъ слѣдуетъ Татищеву, который прилагаетъ это названіе къ землѣ Суздальской-Ростовской время Юрія Долгорукаго и Андрея Боголюбскаго, но безъ достаточно вѣскихъ основаній, что было замѣчено послѣ Карамзинымъ: И. Г. Р. т. II, прим. 262 и 384; Татищевъ, „Исторія Россійская съ древнѣйш. врем.“, книга I, часть I, стр. 519—520, въ главѣ „Древнее раздѣленіе Руссіи“. Сравни замѣчанія о той же „Бѣлой Руси“ въ журналѣ „Живая старина“ за 1890 годъ, вып. III, В. И. Ламянскаго и проф. Потебни.

2. И эта мысль Маркова вѣрна: имя Малороссіи въ разные времена имѣло разные объемы и значеніе, бытовое и государственное.

3. Григорій Андреевичъ Полетика, знаменитый общественный дѣятель малороссійскій своего времени (1725—1784) и писатель, предполагаемый авторъ „Исторіи руссовъ“ (по Лазаревскому), оставилъ, между прочимъ, „Записку, какъ Малая Россія во время владѣнія польскаго раздѣлена была и о образѣ ея управленія“. Эта и другія его записки историко-политическаго содержанія нынѣ хранятся въ рукописномъ отдѣленіи Библиотеки унив. св. Владиміра (Н. П. Василенко, „Къ исторіи малорусской исторіографіи и малорусск. обществ. строя“; „Кіевская старина“, 1894, ноябрь, стр. 247—248). Повидимому, Бантышъ-Каменскій одинъ изъ первыхъ воспользовался сочиненіями Полетики; онъ не разъ цитуетъ его въ „Исторіи Малой Россіи“, хотя въ предварительномъ обзорѣ источниковъ рукописныхъ и печатныхъ не называетъ ни одного изъ его сочиненій подъ точнымъ заглавіемъ.

4. Списки малороссійскихъ гетмановъ до Б. Хмельницкаго основательно разбираются у М. А. Максимовича, одного изъ лучшихъ историковъ малорусскихъ, по критическому направленію, по талантливости изложенія. Сочиненія его, т. I, стр. 241 и слѣдующія (въ статьѣ подъ заглавіемъ „Извѣстія о южно-русскихъ лѣтописяхъ, изданныхъ Н. Бѣлозерскимъ“. Кіевъ, 1856). И ниже мнѣ придется не одинъ разъ сослаться на этого изящнаго и основательнаго критика, который существенно помогаетъ разбираться въ тѣхъ самыхъ вопросахъ, кои занимали Бантышъ-Каменскаго и Маркова, какъ и послѣ многихъ иныхъ историковъ Малороссіи и доселѣ занимаютъ. (Юго-западный Отдѣлъ И. Русск. Географич. Общества оказала существенную пользу дѣлу науки изданіемъ въ трехъ томахъ сочиненій М. А. Максимовича, Кіевъ, 1876—1880).

Не стану касаться здѣсь сочиненій авторовъ, упоминаемыхъ въ перепискѣ Бантыша-Каменскаго и Маркова: они перечисляются въ началѣ „Исторіи Малой Россіи“. А въ дальнѣйшія подробности входить о нихъ не могу, да и не считаю нужнымъ въ настоящихъ бѣглыхъ замѣчаніяхъ.

5. О козацкихъ полкахъ при Стефанѣ Баторіи смотр. у Максимовича, т. I, стр. 657—658) Онъ принимаетъ также 10 полковъ, кои исчисляются Полетикой, принимаются и Марковымъ, и съ тѣмъ же количествомъ реестровыхъ козаковъ, т. е. 20 тысячъ.

6. Кажется, намекъ на Шафонскаго, который производитъ „сѣчь“ не отъ „засѣки“, что конечно, вѣрно, а отъ нѣмецкаго слова *sitz*: смотр. Опис. Черниг. Намѣстнич., стр. 51.

7. Это—слишкомъ общія замѣтки М. Е. Маркова. До него объ этомъ предметѣ болѣе обстоятельно и точно писали Рубанъ и Шафонскій.

8. Списокъ 19 полковъ козацкихъ при гетманѣ Б. Хмельницкомъ, предлагаемый Марковымъ, есть такой же, что у Шафонскаго. Топограф. опис. Черн. нам., стр. 58—59. Сравни Максимовича Сочин. I, 664—669. Цифра козаковъ въ 900 человекъ въ полкахъ Черниговскомъ и Нѣжинскомъ кажется очень малою для Маркова; но Максимовичъ находитъ ее правильной: смотр. его замѣчанія въ I томѣ, на стр. 469 и 665.

9. Въ текстѣ „Исторіи Мал. Россіи“ Бантыша-Каменскаго мѣстность битвы опредѣляется такъ: „у мѣстечка Батога на Бугѣ, близъ Ладыжина“: часть I, стр. 182 (по кіевскому изданію 1903 г.).

10. Бантышъ-Каменскій, какъ видно, убѣдился соображеніями Маркова: въ „Исторіи“ онъ ничего не говоритъ о происхожденіи Маазны изъ нѣжинскаго повѣта, ни о проживаніи сестры его въ Нѣжинѣ.

III. Три письма М. Е. Маркова къ графу Н. П. Румянцеву, отъ 1815 года.
(I, листы 91—96).

1. «Сіяте́льнѣйшій графъ, Милостивый Государь! Поднеся Его Сіятельству Господину Министру Народнаго Просвѣщенія, сочиненіе мое о городахъ и селеніяхъ въ Черниговской губерніи, упоминаемыхъ въ Несторовой лѣтописи и продолжателяхъ оной, и имѣвъ щастіе получить одобреніе онаго, Вашему Сіятельству, яко высокому любителю и протектору изслѣдованій древностей отечественныхъ осмѣливаюсь поднести списокъ съ того отрывка моихъ упражненій, и сугубо счастливымъ себя почту, ежели и Ваше Сіятельство удостоите оное милостивою атенсією, и позволите, при глубочайшей моей преданности и высокопочтаніи, именоваться, сіяте́льнѣйшій графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства все-нижайшимъ слугою, Михаилъ Марковъ. Іюня 26 дня 1815 года. Черниговъ». (Позади листа отмѣтка: «іюля 20 отвѣтъ, что по прочтеніи тетради нашель Его Сіятельство много хорошаго и заслуживающаго вниманія не токмо М. Просв., но и того, чтобы другіе оной воспользовались; одно несовершенство токмо то, что въ лѣтописяхъ не означены страницы, на кои онъ ссылается и затрудняетъ сличеніе; впрочемъ благодарень»).

2. «Чѣмъ живяе чувствую цѣну милостиваго Вашего Сіятельства благоволенія къ сочиненію моему о географическихъ древностяхъ Черниговскихъ, изъявленнаго въ высокопочтеннѣйшемъ письмѣ Вашего Сіятельства, которое я имѣлъ щастіе получить отъ 20 числа іюля изъ С. Петербурга, тѣмъ болѣе ощущаю въ себѣ ревности угодить Вашему Сіятельству посильными моими трудами и съ душевною признательностію приѣмлю благосклоннѣйшее Ваш. С—ства замѣчаніе, что конечно бѣ было болѣе употреблено мною поясненія въ томъ сочиненіи, естлибъ я означилъ страницы книгъ, изъ коихъ бралъ мои доказательства. Я осмѣливаюсь донести, что имѣлъ въ предметѣ ссылаясь болѣе на древнія извѣстныя лѣтописи, что во оныхъ противъ каждой почти статьи означень на маренесѣ ¹⁾ годъ, то упоминая оной читалъ и сличеніе близкимъ и незатруднительнымъ, а такимъ образомъ упустилъ ссылаясь и на историковъ новыхъ временъ означить страницы».

«Вашему Сіятельству угодно было, проѣзжая Черниговъ, пригласить меня къ осмотрѣнію достопамятностей во ономъ; но я столько мало былъ къ тому готовъ, что едва могъ, сколько позволяла ночь времени сдѣлать эту записку о нѣкоторыхъ изъ нихъ, по мѣрѣ моей тогда извѣстности, кою имѣлъ честь поднести Ваш. Сіятельству. Въ послѣдствіи времени я ее пополнилъ и исправилъ, сколько моихъ способностей доставало, собравъ вѣденія, какія только можно было получить, и по щастію, что донеся моему начальнику о лестномъ случаѣ, меня къ тому воззвавшемъ, получилъ его одобреніе, то и осмѣливаюсь Вашему Сіятельству поднести такимъ образомъ составившееся другое мое сочиненіе о достопамятностяхъ Чернигова, которое всеижайшее прошу принять, какъ приношеніе отъ глубочайшей преданности и высокопочтанія, коими преисполненный» и т. д. «Сентября 23 дня 1815 года. Черниговъ».

3. «Съ неописаннымъ восхищеніемъ имѣлъ я щастіе получить милостивое Вашего Сіятельства писаніе отъ 22 числа октября, видѣвъ изъ онаго, что и другое

¹⁾ „Маренесъ“, отъ латинско-польскаго „marginēs“, значить „край“, поле въ книгѣ, на бумагѣ.

мое сочиненіе принесло В. С—ству удовольствіе. Преблагополучнѣйшимъ себя считаю, что опыты трудовъ моихъ удостоиваются въ особенности высокаго Ваш. С—ства вниманія. Послѣ сего могу ли я хотя одинъ свободный часъ терять, чтобъ не посвящать оной подобнымъ упражненіямъ? Одобрющія ихъ письма Ваш. Сіятельства будутъ моими патентами, въ память потомству моему».

«Милостивая и снисходительная благосклонность, каковою угодно было В. С—ству удостоить меня въ Черниговѣ, и которая подала мнѣ случай объяснить В. С—ству о безкуражности по службѣ моей ¹⁾ осмѣливаетъ меня симъ донести со всею откровенностію, что какъ труды по должности моей не приносили мнѣ никакого одобренія, то я рѣшился представить главному моему начальнику изъ числа моихъ упражненій тѣ два сочиненія въ доказательство, что и самаго свободного времени я не теряю. По случаю жъ что Его Сіятельство г. Министръ Просвѣщенія о обѣихъ ихъ отозвался ко мнѣ, что находитъ ихъ полезными для занимающихся отечественною исторію, и что они конечно будутъ пріятны любителямъ оной, то я за лучший долгъ себѣ поставилъ представить ихъ Ваш. С—ству. Сіятельнѣйшій Графъ! Вы по великодушію своему и благотворительности изволите требовать увѣдомленія моего относительно ихъ напечатанія, съ способомъ къ тому отъ милостивѣйшихъ щедротъ своихъ. Осмѣливаюсь донести, что сколь желаніе мое ни велико предать ихъ тисненію, и я получилъ уже ихъ отъ Харьковскаго цензурнаго комитета, съ надписаніемъ одобренія къ напечатанію, но отъ собственнаго моего состоянія о томъ и помыслить невозможно безъ помощи пренумерацій ²⁾, ибо оное все находится въ бѣдномъ одномъ наипаче по нынѣшнему времени жалованьѣ, то приступая къ пренумераціи и посвящаю мои тѣ сочиненія Ваш. Сіятельства благодарительскому покровительству».

«Со всеглубочайшимъ высокопочитаніемъ осмѣливаюсь именоваться Сіятельн. Графъ, М. Г. Ваш. Сіятельства нижайшимъ и преданнѣйшамъ слугою, Михаилъ Марковъ. Октября 29 дня 1815. Черниговъ».

IV. О памятникахъ древности въ Черниговѣ (I, лист. 97—107).

«О древнихъ укрѣпленіяхъ города. Самаго древняго наружнаго укрѣпленія остатки видны начавъ изъ сада Елецкаго монастыря идущими полемъ, позади прежней кладбищенской церкви Воскресенія, въ сѣверную сторону, къ рѣчкѣ Стрижню, которую перешедъ продолжаютъ къ востоку чрезъ Петербургскую дорогу, позади огородовъ, и пересѣкая Московскую за домомъ воспитанія бѣдныхъ идутъ далѣе, и на лугу, у Синяго моста, оканчиваются».

¹⁾ Т.-е. о необезпеченности жалованьемъ за службу.

²⁾ Т.-е. подписка, приглашенія подписчиковъ.

Впрочемъ, оба сочиненія М. Е. Маркова были напечатаны, безо всякаго пособія со стороны гр. Румянцева или иныхъ частныхъ подписчиковъ, въ министерскомъ журналѣ „Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народн. просвѣщ.“, на казенный счетъ.

Свиданіе Маркова съ гр. Румянцевымъ въ Черниговѣ, должно быть, было лѣтомъ того же 1815 г. Характерно для ученаго графа это требованіе, чтобы аккуратно дѣлать цитаты изъ лѣтописей; въ отношеніи М. Е. Маркова оно и справедливо: онъ не былъ точенъ, не привыкъ быть точнымъ въ указаніяхъ на свои источники, при всемъ добросовѣстномъ пользованіи ими.

Жалованье черниговскому директору, конечно, было не большое; однако, не вѣрно было бы представлять его совсѣмъ недостаточнымъ человѣкомъ: у него въ Черниговѣ былъ свой домъ, по кончинѣ его, на аукціонѣ цѣнныхъ вещей, ему принадлежавшихъ, было выручено пять тысячъ рублей. Впрочемъ, и то сказать: понятія о достаткѣ и бѣдности всегда были и будутъ относительными и весьма субъективными понятіями, т.-е. вмѣстѣ и моральными.

«Второе укрѣпленіе, въ лѣтописцахъ извѣстное подъ именемъ окольнаго града, простиралось по правой сторонѣ рѣчки Стрижня, откуда къ востоку внутреннее пространство сего укрѣпленія, оканчивавшагося у Елецкаго монастыря, было прямою чертою въ длину на 550 сажень, а въ поперешникѣ при рѣчкѣ 500 сажень, откуда суживаясь въ конечности своей имѣло не болѣе 150 сажень; вся жь окружность его была три версты съ половиной. Начиналось оно въ 250 саженьяхъ подавшись отъ Десны, съ пункта гдѣ въ оную впадаетъ рѣчка Стрижень, и по оной шло къ сѣверу, какъ выше значить на 500 сажень, а потомъ обращалось на 100 сажень къ сѣверо-западу, на 20 къ западу, и наконецъ шло къ юго-западу, почти въ параллель сѣверозападнаго бока бывшей крѣпости въ послѣднія времена, искривленною линіею, до сказаннаго монастыря на 525 сажень, а потомъ продолжалось мимо онаго по лѣвой сторонѣ въ низъ подъ гору на 135 сажень, къ предмѣстью Подолу, отъ сего жь мѣста обращалось на востокъ въ лѣво по горѣ на 340, потомъ къ югу на 90, и наконецъ на востокъ на 40 сажень» (1).

«Здѣсь, на послѣднихъ сорока саженьяхъ, поляками здѣлано было пятистороннее малое возвышенное укрѣпленіе, котораго южная сторона состояла изъ выше-сказаннаго протяженія, западная и сѣверная стороны по 25, сѣверовосточная изъ 20, восточная изъ 15 сажень. Укрѣпленіе малое сіе, при російскихъ воеводахъ бывшихъ, называлось Малымъ верхнимъ городкомъ, и одинъ изъ нихъ, Иванъ Загряжской, въ 1667 году обнесъ его рвомъ, здѣлалъ земляной въ немъ пороховой погребъ и потаенной выходъ къ рѣчки Стрижню, а потомъ, въ 1691 году, по челобитью жилыхъ солдатъ и стрѣльцовъ, другой воевода, Богданъ Полюбинъ, построилъ въ немъ деревянную церковь во имя князя Михаила и боярина его Федора, которая стояла по 1766 годъ. О семь городкѣ упоминается толко въ опроверженіе нѣкоторыхъ мнѣній, что будто здѣсь былъ дѣтинецъ или внутренній градъ, упоминаемой въ лѣтописцахъ въ 1078».

«Означенное древнее укрѣпленіе имѣло четверо воротъ: 1-я съ западной стороны у самаго Елецкаго монастыря, возлѣ колокольни, отъ которыхъ нынѣ предположена улица Покровская; 2 и 3 съ сѣверо-западной стороны, одни по улицѣ Гончей, а другія по Любецкой, что нынѣ Красная; 4 съ восточной стороны отъ рѣчки Стрижня, близъ нынѣшняго моста».

«Сіе укрѣпленіе въ древности было уменьшено съ югозападной стороны на 200 сажень, и здѣланъ былъ новой поперешной валъ позади Красной улицы, гдѣ нынѣ назначена улица Святославская. Уменьшенная крѣпость имѣла въ своей окружности не съ большимъ двѣ съ половиною версты. Отрѣзанная часть къ Елецкому монастырю называлась Третьякъ, потому что третью часть укрѣпленія составляла».

«Дѣтинецъ, или внутренній градъ, былъ въ юговосточномъ углу того древняго укрѣпленія, или окольнаго града; сѣверозападной онаго валъ былъ отъ такового жь послѣдняго восточнымъ угломъ въ 250-ти, а западнымъ въ 130 саженьяхъ; югозападной же валъ отстоялъ отъ такового жь втораго окольнаго града въ 70 саженьяхъ. Первой или сѣверозападной валъ до 1670 года былъ разоренъ, и едва видны были его остатки подъ строеніями Борисоглѣбскаго монастыря: возобновилъ его черниговскій полковникъ Дунинъ Борковскій, и по возобновленіи означеннаго дѣтинца названъ оной новымъ городомъ, а пространство между старымъ и возобновленнымъ валомъ названо старымъ городомъ; въ послѣднія жь времена первой назвался крѣпостью, а послѣдній предмѣстьемъ. Крѣпость та имѣла трои ворота: 1-я на западъ, Любецкія называвшіяся, иногда и кіевскими, по дорогамъ изъ нихъ на Любичъ и Кіевъ; 2-я къ сѣверу назывались въ послѣдующія времена Николскими и Прогорѣлыми: первыми назывались по церкви противъ нихъ св.

Николая, а другими—по сторѣни ихъ въ 1750 году; какое жь названіе они имѣли, и были ли тутъ во времена княжествъ, неизвѣстно; 3-и водяныя къ востоку, по положенію ихъ къ рѣчкѣ Стрижню» (2).

Замѣчаніе историческое въ отношеніи къ означеннымъ укрѣпленіямъ. Выше было сказано, что въ лѣтописцахъ упоминается въ 1078 году о окольномъ и внутреннемъ градѣ или дѣтинцѣ. Случай сей нижеслѣдующій: Черниговомъ владѣлъ тогда князь Всеволодъ Ярославичъ; племянники его, вышегородской князь Борисъ и ростовской Олегъ, дѣти предмѣстника его, князя Святослава Ярославича, возшедшаго на кіевской престолъ и въ 1076 году умершаго, подступя къ Чернигову дядю своего выгнали сей взявъ приближише къ старшему своему брату, Кіевскому великому князю Изъяславу, которой обще съ нимъ и пришелъ на освобожденіе Чернигова, и съ ними Всеволодовъ сынъ Владимиръ. Князья Борисъ и Олегъ тогда были въ отлучкѣ, но и безъ нихъ жители не хотѣли уже предаться прежнему князю; тогда, во время осады города, сынъ его Владимиръ, зашедь отъ Стрижня, выломилъ восточныя врата и зажегъ окольную градъ, изъ коего жители ушли во внутренній. Нѣкоторые мнятъ, что сіи восточныя врата суть тѣ, кои назывались водяныя, и что Владимиръ ихъ выломилъ, но сіе не сходно съ обстоятельствами, поелику естлибъ они были тѣ, то негдѣ быть въ крѣпости внутреннему граду; сверхъ того, по теченію рѣчки Стрижня, возлѣ самыхъ оныхъ не удобно подойти съ войсками; да и градъ бы тотъ былъ столь малъ, что имѣя, какъ и необходимо, внутреннихъ охранителей, не могъ бы принять жителей изъ окольнаго града. А потому и является, что врата къ востоку были другія, и они конечно тѣ, кои сѣвернѣе ихъ были, близъ нынѣшняго моста: первое, что тожъ мѣстоположеніе ихъ къ рѣчкѣ Стрижню и на востокъ было, а другое—болѣе пространства было между ими и Стрижнемъ».

О монастыряхъ. Монастырь Успенской Елецкой въ юго-западномъ концѣ города. Съ самаго начала въ 1060 году построена была тутъ церковь Успенія Богоматери княземъ Святославомъ Ярославичемъ, по случаю оказавшагось въ семъ мѣстѣ, на еловомъ деревѣ, образа Богоматери, и принятаго явленнымъ. Мѣсто сіе, какъ и весь отъ него внизъ по Деснѣ возвышенный кряжъ, издревле называлось Болдыными горами, которое названіе и по днесь сохраняется въ возвышенности за городомъ, гдѣ архіерейской домъ, бывшій Троицкой Ильинской монастырь. Съ 1069 году укрывался въ Черниговѣ, около трехъ лѣтъ, преподобный Антоній, покровительствованный черниговскимъ княземъ Святославомъ, отъ гнѣва кіевского великаго князя Изъяслава, подозрѣвавшаго его въ возмущеніи противъ него подданныхъ. Онъ далъ совѣтъ князю Святославу построить тутъ монастырь, которой тогда жь и воздвигнутъ и названъ по церкви Успенскимъ, и Елецкимъ—по образу, на елѣ найденному; онъ былъ обнесенъ деревянною стѣною, а церковь покрыта была оловянными листами. Въ 1240 году монастырь сей татарами былъ разоренъ, а потомъ возобновленъ въ 16 столѣтіи русскими воеводами, управлявшими Черниговомъ, послѣ уступки онаго отъ Польши въ 1499 году; при королѣ польскомъ Сигизмундѣ третьемъ, полководецъ его Горностай въ первыхъ годахъ 17 столѣтія, выжегши почти весь городъ, сожегъ и монастырь, такъ что верхи церковныя и стѣны оной разрушились, и въ семъ состояніи онъ находился до 1671 года, такъ что стѣны церкви были отъ земли не выше полторы сажени, обсыпанныя землею и мусоромъ и заросшія даже деревьями, а въ означенномъ годѣ, при гетманѣ Самойловичѣ, приступлено было къ возобновленію церкви и монастыря, и въ 1679 году стараніемъ архимандрита Іоаннікія Галытовскаго строеніе окончано; каменная ограда здѣлана въ началѣ 18 столѣтія».

«Во время возобновленія сей церкви найденъ предъ церковными дверьми

древній гробъ, здѣланной изъ каменныхъ красноватыхъ плитъ, также внутри церкви подъ хорами съ правой и лѣвой стороны каменныхъ же нѣсколько склеповъ, но которые были въ разрушенномъ состояннн, и ничего въ нихъ не найдено; также сысканъ былъ въ 1676 году глубоко въ землѣ зарытой круглой изъ олова вылитой образъ: земля рыта была подъ фундаментъ трапезной церкви Бориса и Глѣба; на образѣ изображено было съ одной стороны воплощеніе Христово, съ другой—Василій Великій, съ надписью: *o ayios Βασηλειος*».

«Образа, найденнаго на ели, нынѣ не находится въ монастырѣ: съ разореніемъ онаго пропалъ и онъ, а вмѣсто его находится списокъ съ него, привезенной въ 1676 году изъ Владимира, которой будучи купленъ черниговскимъ жителемъ Константиномъ Мазапетой, отданъ въ монастырь» (4).

«2. Бывшій монастырь Троицкой Ильинской, а нынѣ, съ 1790 года, архіерейской домъ, въ верстѣ отъ города прямою чертою, провальями загражденною. Происхожденіе его таково: въ 1069 году, какъ выше было сказано, что преподобный Антоній укрывался въ Черниговѣ, онъ возлюбилъ уединенное мѣсто въ лѣсу на упомянутыхъ Болдиныхъ горахъ, и выкопавъ пещеру въ ней обиталъ. Князь Святославъ Ярославичъ, много его уважавшій, въ томъ же году возлѣ оной заложилъ для него церковь во имя пророка Іліи, и оную спѣшно выстроилъ, а какъ вскорѣ присовокупилось и еще нѣсколько пустынниковъ, и подѣлали пещеры возлѣ Антоніевой, то онъ соорудилъ тутъ же на горѣ и монастырь. Состояніе онаго съ 1072 года, въ которомъ Антоній опять переселился въ Кіевъ, безвѣстно по нашествію татаръ, въ которое онъ и съ церковію разоренъ, и въ опустошеннн пребывалъ 419 лѣтъ. Въ 1649 году возобновилъ его черниговской полковникъ Степанъ Подобайло, какъ равно и церковь, которой находилось одно только основаніе, но въ 1689 году гетманъ Мазепа монастырь выстроилъ въ нѣкоторомъ разстоянн отъ прежняго далѣе на западъ, на ровномъ и просторномъ мѣстѣ, съ каменною оградою и съ церковію святыхъ Троицы, куда прежннй и перенесенъ въ 1695 году, будучи названъ Троицкимъ Ильинскимъ. Послѣ чего церковь Іліи осталась одна внѣ монастыря съ пещерами при оной съ лѣвой стороны, въ которой находятся безъ служенія три малыя церкви, сънаружи невидныя, основанныя съ возобновленіемъ для памятника пещеръ въ 1802 году архіепископомъ Викторомъ. Означенная же церковь Іліи отдѣляется отъ новаго монастыря оврагомъ, чрезъ которой сдѣланъ мостъ. Колокольня сооружена въ новѣйшія времена: въ 1774 году сдѣлалъ ее вчернѣ архимандритъ Іоиль, а въ 1785 году архимандритъ Поликарпъ начисто отдѣлалъ. Въ церкви находится образъ Богоматери, которой почитается съ 1662 года чудотворнымъ, а писанъ онъ въ 1658 году дубенскимъ живописцемъ Григоріемъ Дубневичемъ, также мощи, рука святаго Онуфрія. Достопамятностей другихъ никакихъ не имѣеть; между утварями замѣчательна толко серебряная лампада, присланная царевною Софіею Алексѣевою. Настоящій видъ внутренности церковной данъ нынѣшнимъ архіепископомъ Михаиломъ» (5).

«*О церквахъ.* Самая древнѣйшая церковь есть Спасопреображенской соборъ, въ бывшей крѣпости. Церковь сія заложена княземъ Мстиславомъ Владимировичемъ, владѣвшимъ Черниговомъ съ 1024 по 1036 годъ, въ которомъ скончался; но при немъ она не выше была выведена, какъ около двухъ сажень, а достроеніе ея остается на догадкѣ, что можетъ быть кіевскимъ великимъ княземъ Ярославомъ, подъ властію котораго Черниговъ находился по прежнему съ 1036 по 1054 годъ, такъ о немъ пишутъ, что былъ весьма усерденъ къ построенію и украшенію церквей. Однако достойно замѣчанія, что въ сей церкви съ правой стороны на одномъ столбѣ высѣчены греческія буквы *Φ. і.*, которыя естли составляютъ замѣту времени, то счетъ ихъ 510, и съ приложеніемъ тысячъ, (мало употребляе-

мыхъ въ счисленіи годовъ), выходитъ отъ Рождества Христова 1002 годъ; но впрочемъ какъ лѣтопись Нестора, которой о времени заложенія церкви свидѣтельствуется, не подвержено сомнѣнію, то легко станется, что понеже мраморъ, изъ котораго состоитъ тотъ столбъ, ни откуда въ тогдашнія времена доставляемъ быть не могъ, какъ изъ Греціи, какъ полагать должно, то надпись еще положена тамъ, и можетъ быть составляетъ нумеръ камней. Церковь сія съ особливимъ тщаніемъ о красотѣ ея строена была. Стѣны ея состоятъ изъ дикаго кремнистаго камня, соединеннаго въ швахъ своихъ крѣпчайшимъ цементомъ красноватаго вида; столбы внутри изъ красноватаго жъ мрамора, съ капителями и базами изъ желтаго; внизу ихъ восемь въ два ряда вдоль церкви, они поддерживаютъ своды съ правой и лѣвой стороны, но не церковные, а бывшихъ хоръ до половины церкви, а на оныхъ уже другіе столбы, четвероугольные, кои сводъ поддерживаютъ. Куполовъ 5-ть, изъ коихъ главнаго средняя высота отъ полу 15 сажень. Съ лѣвой стороны находилась круглая башня изъ дикаго камня и кирпичныхъ плитъ: сія башня называлась красной теремъ. Церковь сія въ прекрасномъ своемъ видѣ существовала по 1240 годъ, въ которой разорена татарами. Есть преданіе, что при подступленіи ихъ къ Чернигову княгиня Домникія, избѣгая чтобъ не попасть въ ихъ руки, съ помянутаго терема бросилась и убила: она должна быть супруга князя Мстислава Глѣбовича, тогда Черниговомъ владѣвшаго, и которой вышелъ татарамъ на встрѣчу, подъ городомъ имѣлъ съ ними сраженіе, и былъ ими разбитъ, такъ что едва въ бѣгствѣ нашель спасеніе (6). Опустошенная тогда пожаромъ церковь сія пребывала до 1675 года безъ поправленія (7), а во ономъ нѣкоторымъ образомъ возобновилъ ее черниговской полковникъ Дунинъ Борковской; но во время пожара въ 1750 году она сгорѣла, и упали верхи ея; теремъ также обвалился до половины. Въ 1770 году опять ее поправилъ преосвященной Феофилъ Игнатовичъ, и по сторонамъ изъ кирпича здѣлалъ два придѣла, изъ терема жъ здѣлалъ колокольню; но со всѣмъ тѣмъ церковь имѣла обгорѣлый видъ, столбы въ ней были въ трещинахъ, и покрыта была досками. Въ 1790 году послѣдовало повелѣніе о ея исправленіи, сколько можно сходнѣе ея древней архитектурѣ, и въ 1798 г. она приведена въ настоящій видъ и освящена; придѣлы ея разобраны, а въ симметрію бывшаго терема здѣлана съ правой стороны таковая жъ башня» (8).

«Въ церкви сей погребены въ 1036 году основатель оной князь Мстиславъ Владимировичъ; въ 1076 году кievскій великій князь, а прежде бывший черниговскій Святославъ Ярославичъ; въ 1078 году сынъ его князь Борисъ, нападавшій на Черниговъ, какъ выше было сказано: онъ въ то же время убитъ былъ на войнѣ съ дядьями, близъ нынѣшняго города Нѣжина, которые отъ Чернигова пошли къ нему на встрѣчу (9). Въ 1150 году перенесено въ сію жъ церковь тѣло кievскаго великаго князя Игоря Олговича, отъ рода черниговскихъ князей, которой въ 1147 году убитъ въ Кіевѣ подданными, и причтенъ во святые: оно положено въ красномъ теремѣ (10). О погребеніи означенныхъ князей въ церкви Спаса повѣствуютъ толко лѣтописи, а признаковъ никакихъ нѣтъ, кромѣ какъ при послѣднемъ исправленіи церкви упавшій камень съ верху пробилъ полъ, и подъ онымъ открылись склепы, изъ которыхъ также одинъ тогда пробить былъ, но въ немъ толко усмотрѣно нѣсколько костей, а между тѣмъ кусокъ матеріи, которой за всѣмъ истлѣніемъ виденъ былъ, что состоялъ изъ золотой парчи» (11).

«2. Бориса и Глѣба возлѣ вышесказанной соборной церкви. Въ лѣтописцахъ упоминается, что въ 1123 году, въ церкви Бориса и Глѣба погребенъ черниговской князь Давидъ Святославичъ, но та ли самая сія церковь, ни откуда свѣденія получить не можно (12). Изъ польскихъ рукъ она досталась въ 17 столѣтіи въ видѣ католическихъ церквей, и при ней былъ доминиканскій монастырь каз-

нодѣйскаго конвенту, весьма съ обширными строеніями, которой въ 1672 году архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ обращенъ въ грекороссійской. При церкви было два верха, а означенной архіерей придѣлалъ третій—въ трапезѣ, и церковь освятилъ во имя Бориса и Глѣба; колокольня возлѣ сей церкви состоящая къ сѣверозападу сдѣлана въ 1701 году, на которой, выше колоколовъ, была и церковь для учениковъ латинской школы, въ монастырѣ бывшей, а возлѣ другая трапезная, придѣланная къ колокольнѣ. Монастырь былъ окруженъ каменною стѣною: но какъ въ 1796 году обратить велѣно постройки онаго для присудственныхъ мѣстъ, то всѣ постороннія строенія разобраны съ уничтоженіемъ монастыря, и оставшаяся при колокольнѣ пристройка трапезной церкви обращена подъ архивъ и казначейство».

«При рытіи земли подѣ фундаментъ колокольни найденъ былъ серебряной идолъ такой величины, что гетманъ Мазепа сдѣлалъ изъ нихъ (sic) въ Борисоглѣбскую церковь царскія врата» (13).

«Въ церкви сей почиваютъ мощи архіепископа черниговскаго Феодосія Углицкаго, правившаго епархіею съ 1693 по 1696 годъ.»

«Прежде находились въ сей церкви серебряное чеканеное паникадило въ 24 фунта и 86 золотниковъ и напрестолная гробница, кои однакожь не древнія были, а сдѣланныя во время учрежденія монастыря; но нынѣ оныхъ не находится».

«3. Церковь святыхъ Пераскевіи, стоящая на краю Красной площади. Видъ ея хотя отчасти и готической, но она построена поляками, и къ отдаленной древности не принадлежитъ; при ней съ 1676 года учрежденъ былъ дѣвичей монастырь, которой въ 1785 году уничтоженъ, и въ кельяхъ онаго съ 1789 г. находилось Народное училище».

«Сверхъ того упоминается въ нѣкоторыхъ лѣтописцахъ о церкви въ Черниговѣ Благовѣщенія, въ 1186 году построенной княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ (14). Остается память въ бывшей крѣпости церкви большой каменной трехпрестольной, которая стояла въ восточномъ углу оной, и которой основаніе еще видно было въ 18 столѣтіи, но когда разобрана, неизвѣстно: только жившій около 30 лѣтъ на семь мѣстъ комендантъ, открывъ внезапно погребъ, нашелъ въ немъ множество кровельныхъ свинцовыхъ и оловянныхъ листовъ, которыми видно покрыта была церковь, и которая въ древности не иначе на то быть употребляемы, какъ отъ княжескаго иждивенія, подобно какъ въ Елецкомъ монастырѣ Успенская церковь, строенная княземъ Святославомъ Ярославичемъ, была покрыта. По обычаю здѣсь воздвигать церкви на мѣсто старыхъ въ прежнее наименованіе можно отчасти заключать, что не была ли означенная церковь — Благовѣщенія, въ разсужденіи, что въ 1676 г. построена была полковникомъ Дунинымъ Борковскимъ, не далеко отъ оной, деревянная церковь Благовѣщенія, а потомъ въ бывшей не далеко жъ каменной церкви Воскресенія, строенной въ 1682 году, а въ 1772 г. перенесенной на прежнее кладбище, находимъ придѣлъ Благовѣщенія жъ» (15).

«О нѣкоторыхъ предмѣстіяхъ города историческое замѣчаніе. 1. Бобровица въ восточной сторонѣ. Мѣстоположеніе онаго заслуживаетъ замѣчанія потому, что въ 1152 году упоминается въ лѣтописцахъ на семь, кажется, мѣстъ Гургичевъ, по нижеслѣдующему обстоятельству. Во владѣніе князя Изъяслава Давидовича ростовскій князь Юрій Владимировичъ, въ отмщеніе оному за непостоянство его въ союзахъ то съ нимъ, то съ соперникомъ его, кievскимъ великимъ княземъ Изъяславомъ Мстиславичемъ, между коими онъ перекидывался, приходилъ на разореніе Чернигова; онъ шелъ отъ Глухова, и перешедъ рѣчку Свинь остановился у Березова, а потомъ подвинулся къ Гургичеву, и какъ тогда былъ день недѣльной или воскресной, то онъ въ оной ничего не предпринялъ противъ Чернигова,

а на другой день пошелъ, и сталъ не дошедши Семыня; тогда бывшіе съ нимъ половцы, подступя къ Чернигову, начали оной жечь и разорять. Такъ пишутъ лѣтописцы. Рѣчка Свинь находится отъ Чернигова, по дорогѣ на Глуховъ, въ 10 верстахъ; нынѣ она больше называется Замглай, которое перешло на нее отъ болота сего наименованія, изъ коего она вытекаетъ; а Березовъ, нынѣ село Березанка, находится близъ той рѣчки, къ сторонѣ Чернигова и близъ дороги Глуховской; отъ села сего до Бобровицы около 7 верстъ, а Бобровица отъ Чернигова около 3-хъ. Какъ же Бобровица изъ стари въ простолюдуствѣ называется Юрьевкою, а Юрій и Гургій одно и тоже, то предмѣстье сіе конечно не иное, какъ тотъ Гургичевъ, а потому должно заключать, что рѣчка Стрижень въ древности называлась Семынѣ, тѣмъ болѣе что слово Стрижень едва ли и могло быть собственнымъ именемъ, ибо «стрижнемъ» вообще называютъ малые истоки водные при болшихъ рѣкахъ (16). А что касается до происхожденія названія Бобровицы, оно могло учиниться во времена владѣнія козаковъ, отъ особой ихъ статьи, называвшейся бобровниками, какъ и есть преданія старожиловъ, что они тутъ жили» (17).

«2. Лѣсковица въ южной сторонѣ города, подлѣ Елецкаго монастыря. Названіе сіе оное урочище получило, какъ увѣряютъ, отъ бывшихъ тутъ въ древности лѣсовъ; между тѣмъ есть преданія, что тутъ живаль сынъ князя Давида Святославича, владѣвшаго Черниговомъ съ 1096 по 1123 годъ, князь Николай Святоша, которой по постриженіи въ монашество въ 1105 году, предоставляя Киевопечерской лаврѣ всѣ свои волости, отдалъ и Лѣсковицу. Сіе достойно вѣроятія потому что Лавра, по отборѣ деревень отъ монастырей, имѣла тутъ принадлежащей себѣ пріѣзжей дворъ».

«О могильныхъ курганахъ въ городѣ и западной части онаго. Въ городѣ находились два болшихъ кургана, отъ древности остававшихся, одинъ безимянной за старымъ землянымъ валомъ, которой нынѣ разрытъ, а другой которой называютъ черною могилой, и притомъ выводятъ, что тутъ погребенъ князь Черный, отъ коего яко бы Черниговъ получилъ свое наименованіе: курганъ сей находится въ саду Елецкаго монастыря. Оставляя сіе заключеніе, которое походитъ на баснословное, остается сказать изъ лѣтописей, въ коихъ значить, что въ 1215 году погребенъ черниговской князь Всеволодъ Святославичъ у церкви Богородицы, а какъ князю сему всѣ историки даютъ названіе Чермнаго, то можетъ быть не онъ ли погребенъ подъ симъ курганомъ, при церкви Успенія Богородицы, и преданія переименовали названіе Чермнаго въ Черный, а мечтатели нѣкоторые, безъ справки со временемъ, стали выводить и названіе Чернигова отъ послѣдняго слова» (18).

«О курганахъ внѣ города нельзя иначе полагать, что они произошли въ татарское нашествіе, поелику во всѣхъ нападеніяхъ на Черниговъ междуусобствовавшими князьями является, что болшаго кровопролитія не происходило, ибо всегда оныя толко оканчивались разореніемъ города и окрестностей, князья жъ тотчасъ прибѣгали къ примиренію, ибо нападенія всегда производимы были съ превосходными силами, противъ которыхъ черниговскіе князья не могли выставять имъ равныхъ, то какъ тѣ курганы находятся въ той сторонѣ, гдѣ дорога изъ Переяславля, а татара оттуда шли къ Чернигову, и князь Мстиславъ Глѣбовичъ ихъ съ войсками своими встрѣтилъ подъ городомъ, гдѣ и произошло отчаянное сраженіе и кровопролитное, такъ какъ въ лѣтописцахъ значить, что изъ города съ тарановъ кидали огромныя каменя на татаръ, то конечно оное и произвело тѣ курганы» (19).

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Очевидно, Марковъ пишетъ, имѣя подъ руками планъ Чернигова. Въ то время производилась планировка города, и онъ могъ имѣть планы старыхъ укрѣпленій Чернигова, подлинныя или въ копіяхъ, напр., тотъ планъ самаго начала XIX вѣка, который теперь находится въ Архивной Комиссіи, что подаренъ ей княземъ Куракинымъ. Тамъ же, въ Архивной Комиссіи, намъ показывали планъ старой Черниговской крѣпости изъ собранія г. Любарскаго. Въ архивъ Городской Думы былъ найденъ планъ Чернигова отъ 1790 года, по свидѣтельству г. Хижнякова: смотри его статью подъ заглавіемъ „Черниговская старина“, въ журналѣ „Кіев. Старина“ за 1899 годъ, въ томѣ 65-мъ. Въ Черниговской гимназіи хранится прекрасный атласъ, называемый „Книга собранныхъ картъ и разнымъ малороссійскимъ городамъ плановъ, сочиненная генваря дня 1778 году“. Атласъ подаренъ княземъ Н. П. Голицынымъ; къ сожалѣнію, планъ Чернигова вырванъ изъ этого атласа, неизвѣстно когда, къмъ.

2. Съ этимъ описаніемъ древнихъ черниговскихъ укрѣпленій сравните то, что въ печатной статьѣ Маркова о достопамятностяхъ Чернигова; настоящая статья и та относится между собой какъ двѣ редакціи—сокращенная и болѣе подробная.

3. Марковъ, на мой взглядъ, даетъ здѣсь вполнѣ вѣрное соображеніе на счетъ обстоятельствъ осады Чернигова въ 1078 году: Владимиръ Мономахъ, по всей вѣроятности, вступилъ въ околный градъ, а не въ дѣтинець, и слѣдовательно вступилъ болѣе сѣверными воротами.

Замѣтимъ ошибку Маркова, которую онъ послѣдовательно вездѣ повторяетъ на счетъ князя Бориса Вячеславича, внука Ярослава: онъ называетъ его невѣрно „Святославичемъ“: Олегу Святославичу онъ приходился двоюроднымъ братомъ, а не роднымъ. Въ эту ошибку Марковъ былъ введенъ печатнымъ изданіемъ Кенигсбергскаго или Радзивиловскаго списка лѣтописи, въ Библиотекѣ Россійской Исторической: на страницѣ 126 тамъ ошибочно названъ Борисъ *Святославичъ*, тогда какъ напечатать нужно было бы „Вячеславичъ“: такъ въ подлинникѣ и въ новѣйшемъ свѣтопечатномъ изданіи академика Шахматова.

4. О монастырѣ Елецкомъ есть двѣ новѣйшія монографіи — П. М. Добровольскаго и О. А. Еюмова. Объ иконѣ Богоматери Елецкой, о монастырѣ и о церквахъ черниговскихъ вообще — интересны критическія замѣчанія протоіерея П. Лебединцева, По поводу 900-лѣтія Черниговской епархіи („Кіевская Старина“ за 1892 годъ, книжки сентябрь — декабрь). Сравни статью проф. Лашкарева, Церкви Чернигова и Новгорода Сѣверска. („Труды XI Археолог. Съѣзда“ въ Кіевѣ, 1899 г., томъ II).

5. М. Е. Марковъ лично и съ нѣкоторыми затрудненіями осматривалъ нѣкоторыя изъ древнихъ иноческихъ пещеръ въ Болдиныхъ горахъ: смотри въ сочиненіи его о достопамятностяхъ Чернигова, I, л. 124—125; тамъ же замѣчанія объ Антоніевскихъ пещерахъ и Онуфріевскихъ, л. 122 и 125.

О возобновителѣ Троицкаго Ильинскаго монастыря, черниговскомъ полковникѣ Стефанѣ Пободайло (такъ правильнѣе писалась его фамилія, чѣмъ Подобайло), смотр. у архіеп. Филарета въ „Истор. статистич. описаніи Черниг. епархіи“, V, 62, и въ Сочиненіяхъ М. А. Максимовича, I, стр. 742—743. А Н. А. Маркевичъ въ списокѣ черниговскихъ полковниковъ пропустилъ его: „Историч. и статистич. описаніе Чернигова“, 1852 г. въ Приложеніи I.

6. О княгинѣ Домникіи и о Красномъ теремѣ Марковъ много разъ заговариваетъ: смотри I, л. 126—127 II, л. 326; л. 345 и проч.

Сказаніе о княгинѣ Домникіи, бросившейся съ терема и убившейся, напоминаетъ рязанское сказаніе о княгинѣ Епраксіи. Черниговское сказаніе варьируется: вмѣсто Домникіи является Церна или Черна, оплакивающая друга, убитаго татарами, и сама гибнущая: такъ оно называется въ книжкѣ И. Г. Кулжинскаго, „Малороссійская деревня“, М. 1827, на стр. 82—87; причѣмъ авторъ добавляетъ, что ему недавно попала въ руки „полусогнившая рукопись древняго лѣтописца“, изъ которой-де онъ узналъ о нашествіи татаръ на Черниговъ и о гибели Церны (можетъ быть, это просто литературный оборотъ рѣчи?). Другой черниговскій литераторъ сочинилъ рассказъ о княгинѣ Черной, дочери сѣверянскаго князя, которая гибнетъ во время нападенія на Черниговъ князя древлянскаго, не желая быть его женой. (С. Котляровъ, „Черниг. Губ. Вѣдом.“ 1851, приложеніе къ № 6). Всѣ эти рассказы не имѣютъ историческаго значенія, а развѣ лишь нѣкоторое литературное значеніе.

7. Едва ли это вѣроятно; это даже совсѣмъ невѣроятно, чтобы соборный храмъ, послѣ татарскаго нашествія и пожара, оставался цѣлые вѣка „безъ поправленія“. Полежимъ, что архіерейская кафедра въ XIII вѣкѣ была переведена изъ Чернигова въ Брянскъ: но развѣ въ Спаскомъ соборѣ не было богослуженія? Развѣ не въ немъ были поставлены гробницы мучениковъ

князя Михаила Всеволодовича и боярина его Феодора? Шафонский, так же как и Марковъ, бездоказательно пишетъ, что Спасская церковь, послѣ нашествія татаръ Батыевыхъ, оставалась болѣе 400 лѣтъ впустѣ. (Опис. Черниг. намѣстнич., 273).

Въ чемъ состояло возобновленіе Спасскаго собора полковникомъ Дунинымъ Борковскимъ, объ этомъ не пишутъ Шафонскій и Марковъ; записка о древности Спасскаго собора, составленная въ 1783 г. для князя Потемкина - Таврическаго черниговскимъ архимандритомъ Героевемъ, также только въ общихъ выраженіяхъ говоритъ о „святотѣ усердіи и щедрости“ бывшего полковника, а потомъ генеральнаго обознаго Василія Дунина Борковскаго. Но—замѣчу—она говоритъ о „запустѣнн собора черезъ триста лѣтъ“ (а не четыреста, какъ Шафонскій). Записка въ очень краткомъ и, очевидно, не въ полномъ видѣ напечатана въ брошюрѣ графа Милорадовича, „Описаніе черниг. соборовъ Спасопреображ. и Борисоглѣбскаго“, Черн. 1890. Кажется, въ этой именно запискѣ впервые обращено было вниманіе и на то, что одна изъ колоннъ собора имѣла на себѣ обозначеніе двухъ греческихъ буквъ ($\varphi \epsilon$), что толковали въ смыслѣ 510, въ чемъ готовы видѣть дату основанія собора; но это, по моему мнѣнію, довольно праядный домыселъ и не интересный; уже Шафонскій, пользовавшійся этою запискою черниговскаго архимандрита, заподозрилъ правильность такого толкованія.

О личномъ характерѣ благотворителя и возстановителя черниговскихъ церквей, В. А. Дунина Борковскаго, интересны преданія, записанныя у историковъ Д. Н. Бантыша-Каменскаго и Н. А. Маркевича: „Истор. Малоросс“. II, 310; Черниговъ, „Историч. и статист. описаніе“, 46. (Послѣдній цитируетъ перваго).

8. Точно ли Марковъ говоритъ, что епископъ Теофилъ въ 1770 г. сдѣлалъ по сторонамъ собора изъ кирпича два придѣла? Шафонскій свидѣтельствуетъ, что въ его время оба наружные придѣла были уже отломаны: Опис. Черниг. намѣстнич., 275. (Описаніе составлено въ 1786 году; епископъ Теофилъ Игнатовичъ управлялъ Чернигов. епархіей 1770—1788 г. Ужели такъ недолго существовали придѣлы?)

9. Это—ошибочное представленіе у Маркова и у Шафонскаго (по Болтину), что Нѣжатина или Нежатина нива приходится на мѣстѣ города Нѣжина, что будто тамъ происходила знаменитая битва 3 октября 1078 года. По Новгород. I лѣтописи и по отмѣткѣ Владимира Мономаха въ „Поученіи“ она была „у Чернигова“. И наши историки князь Щербатовъ, Карамзинъ, Арцыбашевъ, преосв. Филаретъ Гумилевскій, Максимовичъ, Иловайскій—представляютъ мѣсто битвы именно подъ Черниговомъ, а не подъ Нѣжиномъ. Этотъ послѣдній въ XII вѣкѣ назывался „Уневѣжъ“, „Унѣжъ“, а города Нѣжатинъ и Неятинъ—опять особые города, одинъ—въ Переяславскомъ княжествѣ, другой—въ Кіевскомъ.

10. Въ Ипатьевск. сп. лѣтописи сказано просто „въ теремѣ“, а не „въ красномъ теремѣ“, что есть неудачное толкованіе М. Е. Маркова. И тутъ подъ теремомъ разумѣется не какая-нибудь пристройка у собора, а сѣнь или балдахинъ надъ мощами блаженнаго князя-мученика Игоря Ольговича, въ Спасскомъ соборѣ положеннаго.

11. То же свидѣтельствуетъ поручикъ Должиковъ (членъ-соревнователь Москов. Общ. Исторіи и Древностей, послылавшій изъ Чернигова нѣкоторыя археологическія сообщенія въ Общество: смотри „Труды и Лѣтописи Общ. Ист. и Др.“, часть III, книга II, стр. 103—107. Сравни тамъ же 136—149).

Что склепы для погребенія князей и иныхъ лицъ подъ поломъ Спасскаго собора дѣйствительно были, что тамъ даже до новѣйшаго времени хоронились лица почетныя, объ этомъ свидѣтельствуетъ распоряженіе епархіальнаго черниговскаго начальства отъ 1785 года о закрытіи навсегда соборнаго склепа: въ этомъ году протоіерей Іоаннъ Левицкій подалъ рапортъ епископу Теофилу, въ которомъ объяснялъ, что соборный склепъ, крайне обветшалый, издаетъ запахъ, что въ силу указаннаго запрещенія и могущаго быть вреда отъ тяжелыхъ испареній его слѣдуетъ засыпать. Преосв. Теофилъ и консисторія согласились съ представленіемъ прот. Левицкаго. („Черниг. губери. Вѣдом.“ за 1903 г. августа 28 число: документъ изъ архива Черниг. Дух. Консисторіи, сообщ. свящ. А. Екимовъ).

12. Въ Степенной книгѣ есть разсказъ про кончину и погребеніе, Давида Святославича въ Борисоглѣбской церкви. Другой этого имени церкви, кажется, не было въ Черниговѣ.

13. Объ этомъ загадочномъ извѣстіи прошу взять во вниманіе мою замѣтку здѣсь ниже, въ одномъ изъ замѣчаній къ приложенію.

14. Лѣтопись по Ипатьев. списку, стр. 439.

15. Интересныя соображенія о сей церкви даются архіеп. Филаретомъ, „Истор. статистич. Опис. Черниг. епархіи“, кн. V, стр. 60—63.

16. Дѣйствительно и въ народномъ языкѣ, и въ научной терминологіи „стрижень“ берется въ нарицательномъ смыслѣ. Позволю себѣ здѣсь привести нѣсколько строкъ изъ книги А. Русова, „Описаніе Черниговской губерніи“ (въ которой глава о гидрографіи губерніи особенно инте-

ресна). Онъ, напримѣръ, пишетъ: „правые притоки Ипути протяженіемъ не велики, а по большей части состоятъ изъ одного стрижня безъ боковыхъ притоковъ“ (I, 8). Или еще: „въ Остерскомъ уѣздѣ болота, изливающія свои воды въ Десну, не имѣютъ опредѣленныхъ стрижней для теченія своего“ (I, 14—15). Общее замѣчаніе о народной терминологіи въ отношеніи водъ и о народной тонкой наблюдательности, выразившейся въ словѣ, г. Руссовъ формулируетъ такъ: „въ тѣхъ собственныхъ именахъ рѣчекъ, которыхъ мы привели уже около двухъ сотъ, и тѣхъ, которыя будутъ приводиться еще ниже, съ массою собственныхъ именъ болотъ, шпилей, овраговъ, лѣсовъ и т. д., такъ же какъ и въ нарицательныхъ географическихъ терминахъ въ родѣ: „рѣчка, теклища, бурчакъ, течія, стрижень, старуха, гала, млаки, виры, лепешки“ и проч. и проч. запечатлѣлась масса наблюдательности изслѣдователей, не писавшихъ и не печатавшихъ своихъ трудовъ“... (I, стр. 26).

Сравни въ Словарѣ живого русскаго языка В. Даля слова: „стрежь, стрежень, стрежень“ и т. подобныя. Сюда же идетъ слово „стержень“—одного корня съ тѣми.

17. О Бобровицѣ или Юрьевкѣ соображенія Маркова кажутся основательныя.

18. Въ другомъ мѣстѣ Марковъ вполне вѣрно и для дѣла существенно замѣчаетъ, что надъ князьями христіанами могильныхъ кургановъ не насыпали, что и Черная могила въ Черниговѣ насыпана до исхода X-го столѣтія, до введенія здѣсь христіанской вѣры: „О достопамятностяхъ Чернигова“, въ печати. изд. Бодянскаго, стр. 12 и 25.

19. Конечно, и эти курганы гораздо древнѣе татарскаго времени, сказать вѣрнѣе — времени языческаго.

V. *Еще нѣсколько выписокъ изъ сборника М. Е. Маркова.*

1. *О названіи Чернигова.* «Названіе Чернигова остается на догадкахъ. Греки издревле страну сію называютъ Черною Россією, основываясь на Геродотѣ, что прежде нежели названіе славянъ возникло, обиталъ на сихъ мѣстахъ народъ, которой не носилъ иной одежды, кромѣ черной. А въ прочемъ заключенія, кои нѣкоторые дѣлаютъ въ отношеніи къ названію, какъ-то: отъ князя Чернаго, отъ чернаго лѣса и проч. едва-ли заслуживаютъ, чтобъ объ нихъ и распространяться: князя Чернаго не бывало, а былъ Черный, и то чрезъ нѣсколько вѣковъ по возсуществованіи Чернигова; лѣсъ славяне называли «дебрь», а дебрей сихъ или лѣсовъ было ли у нихъ названіе какъ нынѣ «черной, красной», совсѣмъ безвѣстно». (II, лист. 308—309).

«Митрополитъ Сестреничъ, приводя изъ Геродота греческія стадіи и дни разстоянія, а Плиніевы шаги въ употребляемое нынѣ измѣреніе, вноситъ на мѣста между Десны и Днѣпра въ ихъ времена, гдѣ Черниговъ, антропофаговъ или людоедовъ, а отъ оныхъ по обѣимъ сторонамъ Сейма до Дона, и къ югу до Остра и вершинъ рѣкъ Сулы, Псьола и Донца—меланхленовъ, или носящихъ черную одежду народовъ неизвѣстнаго происхожденія, и повѣствуетъ, что Черниговъ находился на границахъ послѣднихъ, и что городъ сей—наидревнѣйшій въ Россіи, присовокупляя, что греки и поднесъ Черниговскую страну называютъ Черною Россією, сходно славянскому названію Чернигова. Нѣкоторые по преданіямъ народнымъ полагаютъ, что Черниговъ названъ по чернымъ лѣсамъ, присовокупляя еще, что въ лѣсу водились орлы, и производили сильный крикъ, который на сарматскомъ языкѣ называется «говъ»; другіе яко бы по князю, называвшемуся Чернымъ, ссылаясь даже на могильные курганы, изъ которыхъ одинъ въ саду Елецкаго монастыря, дѣлаютъ мѣстомъ его погребенія. Но какъ издавна признаны Геродотовы антропофаги мордвою, по Волгѣ и въ устьяхъ Оки обитающею, а меланхленами—черемисы, отъ Суры рѣки внизъ по Волгѣ до Камы поселенные, то все вышеозначенныя мнѣнія сомнительны; но однакожь ближайше полагать можно названіе по черному лѣсу, ибо и въ позднѣйшія времена извѣстно, что Черниговъ окруженъ былъ густыми лѣсами, а лѣсъ славяне называли гай, то изъ двухъ

словъ «черной гай» и безъ участія орловъ могло произойти названіе Чернигову, первому селенію у сѣверянъ, конечно не вдругъ городомъ здѣлавшемуся» (II, листъ 378 на оборотѣ, въ примѣчаніи къ тексту).

Повидимому, М. Е. Марковъ считаетъ возможнымъ окончательно остановиться на этомъ словопроизводствѣ «Чернигова» отъ «чернаго гая» или чернолѣсья.

2. *О сѣверянахъ.* «Хотя и принято, что сѣверяне такъ названы отъ полянъ по мѣстоположенію своему отъ нихъ къ сѣверу, но были области гораздо сѣвернѣе ихъ, которыя полянамъ были извѣстны, однако они ихъ не называли сѣверянами. Сверхъ того, ежели сѣверяне простирались до Сулы рѣки, то племя сіе вообще отъ полянъ ближее должно бы называться восточнымъ, нежели сѣвернымъ. А не правдоподобнѣе ли бы было, что ежели славяне суть — потомки сарматъ, то устремлявшіеся изъ нихъ походами своими къ югу соплеменниковъ своихъ остававшихся на прежнихъ мѣстахъ называли сѣверянами, и потомки ихъ отъ Дуная возвращавшіеся къ странамъ полочнымъ, подъ именемъ славянъ занявшіе мѣста по Деснѣ, Сейму и Сулѣ, по обширности своей области наслѣдовали названіе сѣверянъ послѣ предковъ своихъ на сихъ мѣстахъ» (II, листъ 379 на оборот. примѣчаніе). Въ другомъ мѣстѣ Марковъ выражается о сѣверянахъ, какъ «о добрыхъ язычникахъ и о добрыхъ христіанахъ», и замѣчаетъ, что переселеніе Чуди въ страну Черниговскую «не произвело въ сѣверянахъ никакой разстройки»: повидимому, авторъ хочетъ сказать, что оно не повліяло на чистоту типа сѣверянъ. (Листъ 395, въ статьѣ «Исторія княжества Черниговскаго»).

3. *О Бѣлой вежѣ.* «Бѣлая вежа былъ во времена Черниговскаго княжества городъ, населенной выходцами козарскими отъ устья Днѣпра. Въ 966 году великій князь кievской, Святославъ Игоревичъ, сокрушивъ козаръ, обезсиленныхъ печенегами въ нѣдрахъ ихъ, разорилъ главной оныхъ городъ въ вершинахъ Донца, Саркель, построенной для нихъ греческимъ императоромъ Теофиломъ въ девятомъ столѣтіи, которой славяне называли Бѣлою вежею, по бѣлымъ каменнымъ стѣнамъ, оной окружавшимъ, и многихъ изъ нихъ переселилъ въ свои города, въ томъ числѣ къ устью Днѣпра, гдѣ жилище ихъ названо по прежнему ихъ главному городу, Бѣлою вежею, откуда они паки въ 1117 году кievскимъ великимъ княземъ Владимеромъ Всеволодовичемъ переселены къ вершинамъ Остра, и положили основаніе городу подъ тѣмъ же названіемъ. Наконецъ въ 1148 году упоминается Бѣлая вежа, что кievской великой князь Изъяславъ Мстиславовичъ, воюя противъ черниговскихъ князей, взялъ оную съ городами Багмачемъ, Унѣжью и Всеволожемъ; слѣдовательно всѣ сіи города были близки, какъ и нынѣ Бѣлая вежа, Бахмачъ при западной границѣ ковотопскаго повѣта съ борзенскимъ, и сходные съ Всеволожемъ и Унежемъ Сиволожъ и Омбишь находятся одинъ отъ другаго недалеко. слѣдовательно можно полагать, что первые города превратились въ послѣднія села. Но до вѣрнѣйшаго розысканія не утвердительно» (I, листъ 299 — 300). Сравни. II, л. 387, во введеніи въ исторію княжества Черниговскаго, гдѣ также говорится про Саркель или Бѣлую вежу не въ низовьяхъ Дона, а на вершинахъ Донца, гдѣ нынѣ Бѣлгородъ (Курскій); оттуда-де, отъ Бѣлой вежи, имя сего Бѣлгорода. Сравни. также статью о Бѣлой вежѣ въ сочиненіи «О городахъ и селеніяхъ Черниговской губерніи», и слѣдующее мѣсто во «Введеніи въ малороссійскую исторію»: «чтобы обезсилить козаръ совершенно, Святославъ великое множество ихъ переселилъ внутрь своего государства; Черниговской губерніи въ Козелецкомъ повѣтѣ при рѣкѣ Острѣ село Козары и при вершинѣ оной въ борзенскомъ Бѣлыя Вѣжи по преданіямъ почитаются остатками сихъ переселенцевъ». («Украин. вѣстн.» 1817, № 9, на стр. 265).

Что по южной границѣ Черниговскаго княжества въ XII в. были поселенія

разныхъ инородцевъ, это несомнѣнно доказываютъ не славянскія названія городовъ и селеній по рѣкѣ Остру и далѣе къ востоку: Бахмачъ, Унѣжъ, Бѣлая вежа, Козары и т. п. Нашъ историкъ въ данномъ случаѣ вѣрно догадывается объ историческомъ фактѣ. Но онъ напрасно повторяетъ ошибочныя представленія о трехъ Бѣлыхъ вежахъ Татищева и Болтина: смотр. Карамзина «И. Г. Р.» I, примѣч. 387. Сравн. «Историч. изслѣдованіе о мѣстоположеніи древн. росс. тмутараканскаго княженія», гр. Мусина-Пушкина, Спб. 1794 г., на стран. 32—33, гдѣ также идетъ рѣчь о трехъ Бѣлыхъ вежахъ, согласно съ Татищевымъ и Болтинымъ. Кстати должно отмѣтить, что М. Е. Марковъ имѣлъ вѣрное представленіе о положеніи Тмуторокани, владѣніе черниговскихъ князей на устьяхъ рѣки Кубани (II, лист. 397—398); въ данномъ случаѣ онъ не слѣдуетъ своимъ авторитетамъ—Татищеву и Болтину. Зналъ ли онъ изслѣдованіе графа Мусина-Пушкина, не видно мнѣ: по крайней мѣрѣ, я не успѣлъ досмотрѣть этого въ сочиненіяхъ Маркова; онъ могъ вникнуть въ вопросъ о Тмуторокани и уяснить его себѣ по князю Щербатову, который, какъ извѣстно, вполне вѣрно опредѣлялъ положеніе этой украины русскаго міра на восточномъ побережьѣ Азовскаго моря, по рѣкѣ Кубани. То же окончательно доказалъ гр. Мусинъ-Пушкинъ въ названномъ изслѣдованіи, которое представляетъ очень внимательный, образцовый комментарий къ знаменитой надписи на тмутороканскомъ камнѣ, порѣшившей вопросъ о топографіи Тмуторокани.

4. *О Красномъ теремѣ.* «Къ Спасо-Преображенскому собору примыкался Красный теремъ, каковой обыкновенно бывалъ при дворцахъ князей, слѣдовательно и сей послѣдній тутъ находился, ибо есть и преданія, что при нашествіи татаръ нѣкоторая княгиня черниговская, Домникія, можетъ быть супруга князя Мстислава Глѣбовича, избѣгая попасть въ руки оныхъ, взшла на теремъ и съ онаго бросясь убила» (II, л. 326 на обор.)

«Въ сіе время новгородсѣверскій князь Святославъ Ольговичъ, съ согласія Черниговскихъ князей, испросилъ у князя Юрія позволеніе гробъ брата его, бывшаго великаго князя Игоря, погребеннаго въ 1147 году на Копыревѣ концѣ, перенести въ Черниговъ, котораго перевезя положили въ церкви Спаса-Преображенія, въ Красномъ теремѣ, гдѣ причтенъ во святые, съ празднованіемъ ему 25 іюня. Примѣчаніе: при возобновленіи сей церкви въ 17 столѣтіи, остатки сего Краснаго терема находились въ придѣланной съ лѣвой стороны круглой башнѣ изъ дикаго камня и кирпича, до половины разоренной; ее преосвященной Теофілъ починя обратилъ въ колокольню; она и по сіе время называется теремомъ, и съ правой стороны придѣлана у церкви, въ симетрію той колокольни, другая подобная башня» (II, л. 478—479).

«Съ лѣвой стороны внѣ церкви находилась придѣланная къ церкви круглая башня изъ дикаго камня и кирпича; она до половины была разорена. Сія башня называлась во времена князей Красной теремъ, да и нынѣ еще названіе сіе не погасло; въ немъ погребенъ кievскій великій князь Игорь Ольговичъ, причтенный во святые, которой убитъ взбунтовавшимся тамъ народомъ въ 1147 году, а въ 1150 году перенесенъ въ Черниговъ братомъ его, черниговскимъ княземъ Святославомъ Ольговичемъ. Народныя-жъ есть преданія, что во время нашествія Батыя нѣкоторая княгиня черниговская, Домникія, съ терема сего сбросилась, чтобъ не впасть въ руки враговъ и убила. Усердіемъ преосвященнаго Теофіла Игнатовича, въ 1770 г. посвященнаго, церковь сія сколько можно была исправлена... Теремъ также былъ починенъ и покрытъ, и обращенъ въ колокольню... Въ параллель башнѣ, теремомъ называвшейся, съ правой стороны придѣлана другая; обѣ онѣ круглыя, съ корпусными верхами» и т. д. (II, лист. 345—346).

Князь Владимиръ Всеволодовичъ Мономахъ въ извѣстномъ своемъ «Поученіи»

припоминаетъ, что однажды въ Черниговѣ, «на Красномъ дворѣ» онъ угощаль обѣдомъ отца своего и двоюроднаго брата, Олега Святославича (Лѣтоп. по Лавр. сп., стр. 239). Отъ «Краснаго двора» близко переходъ къ выраженію «Красный теремъ», — обычныя выраженія, свойственныя древнерусскому языку, въ коемъ «красный» равнялось «красивому, прекрасному». Но здѣсь являются два вопроса: давно ли лѣвая башня при Спасскомъ соборѣ называется «краснымъ теремомъ», и къмъ именно называется такъ: книжными ли людьми, или самимъ мѣстнымъ населеніемъ? И во-вторыхъ: далеко ли отъ Спасскаго собора находился дворецъ черниговскихъ князей? Изъ выписанныхъ мѣстъ въ сочиненіяхъ М. Е. Маркова не видно, чтобы онъ имѣлъ ясное представленіе о «красномъ теремѣ»: то онъ является у него какъ будто частью княжескаго дворца, въ непосредственномъ со-сѣдствѣ съ соборомъ Спаса; то теремъ-башня представляется пристройкой при со-борѣ, въ которой-де былъ похороненъ князь Игорь Ольговичъ. Маркову не удалось рѣшить этихъ вопросовъ; скорѣе, можно сказать, онъ затемнилъ дѣло, а не раз-яснилъ.

Марковъ могъ знать «Поученіе» Мономаха, изданное графомъ Мусинымъ-Пуш-кинымъ въ 1793 году, и выраженіе «красный дворъ» передѣлать въ «красный теремъ». Иначе трудно объяснить происхожденіе и употребленіе у него этого на-званія.

5. *О серебряномъ идолѣ.* «Состоя около 200 лѣтъ въ спокойномъ пребываніи, Черниговъ сдѣлался однимъ изъ наилучшихъ и обширнѣйшихъ городовъ, а тор-говля его съ греками и съ нихъ подать примѣтно что сдѣлали его и богатымъ: ибо въ 1701 году, при копаніи земли подъ колокольню, при бывшемъ Борисо-Глѣбскомъ монастырѣ, найденъ былъ въ землѣ славянскій идолъ изъ чистаго се-ребра такой величины, что гетманъ Мазепа изъ него въ церковь того монастыря сдѣлалъ царскія двери» (I, лист. 144 на обор. Сравни. также л. 104, л. 112, л. 130 на оборотѣ).

И Шафонскій, въ «Опис. Черниг. намѣстничества», говорилъ о находкѣ «среб-наго идола» (стран. 264), и послѣдующіе за нимъ и Марковымъ мѣстные архе-ологи повторяли почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ преданіе о томъ, что при копаніи фундамента подъ соборную колокольню былъ найденъ «серебряный идолъ» одинъ, или даже два, перелитые по приказанію гетмана Мазепы на цар-скія врата Борисоглѣбскаго храма: о двухъ именно идолахъ говоритъ Н. Мар-кевичъ («Историческое и статистическое описаніе Чернигова», 1852 года, на стран. 42), и профессоръ Домбровскій, авторъ брошюры «Очеркъ города Черни-гова и его области въ древн. и нов. время», Кіевъ, 1846, на стр. 33—34; по-слѣдній прибавляетъ такое замѣчаніе, что утрата находки—вещь невознаградимая, что безъ этой утраты, быть-можетъ, мы имѣли бы болѣе понятія объ атрибутахъ божествъ, которымъ поклонялись древніе сѣверяне язычники и т. п. Но что же такое въ самомъ дѣлѣ были эти найденные и перелитые идолы? Почему ихъ не сберегли, если были убѣждены, что это — идолы, такая древность, такая рѣдкость? Нѣтъ ли тутъ какого недоразумѣнія во всемъ этомъ «преданіи»? Чтобы это былъ «славянскій идолъ», въ этомъ вполнѣ позволительно усомниться. Не была ли это статуя новѣйшаго издѣлія, занесенная въ Черниговъ поляками, которые владѣли имъ въ первой половинѣ XVII-го вѣка, напримѣръ, статуя католическаго святого или же какого-нибудь классическаго божества, героя, но также новаго издѣлія? Въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ жили доминиканскіе монахи; нѣкоторыя вещи цер-ковныя остались послѣ нихъ и доселѣ хранятся въ ризницѣ Чернигов. кафедраль-наго собора. (Филаретъ, архіеп. Черн., «Истор. статистич. опис. Черниг. епархіи», кн. V, стр. 31—32). Найденная какая-нибудь статуя могла также принадлежать

этимъ доминиканцамъ, и ее, какъ предметъ чужого культа, поспѣшили перелить, обозвавши ее, по недолгомъ размышленіи, «идоломъ», или же въ насмѣшку такъ обозвавши, съ малороссійскимъ юморомъ.

Такъ представляется мнѣ это дѣло.

6. *О князьяхъ, похороненныхъ въ Черниговѣ.* По свѣдѣніямъ и соображеніямъ Маркова, здѣсь погребены были тѣла слѣдующихъ князей:

«1. Мстислава Владимеровича, въ церкви Спаса Преображенія, 1036 году».

«2. Святослава Ярославича, въ оной же, 1076».

«3. Бориса Вячеславича ¹⁾, князя Вышегородскаго, потомъ Тмутараканскаго, 1078».

«4. Глѣба Святославича, прежде бывшаго князя Тмутараканскаго, убитаго въ Заволочѣ, близъ Ямбурга, которой отцемъ своимъ княземъ Святославомъ отпращенъ былъ управлять великимъ Новгородомъ, когда кievскій вел. князь Изяславъ Ярославичъ ушелъ въ Польшу отъ возмущенія кievлянъ. Погребенъ за церковью тою же, 1078».

«5. Олега Святославича; погребенъ при той же церкви, 1115».

«6. Давида Святославича; погребенъ при церкви Бориса и Глѣба, въ 1123 году».

«7. Глѣба Ольговича, курскаго князя, 1139; при которой церкви погребенъ, неизвѣстно».

«8. Игоря Ольговича, бывш. кievск. великаго князя, убитаго въ 1147 году отъ подданныхъ, коего тѣло перенесено въ Черниговъ, 1150. Погребенъ при церкви Спаса, въ Красномъ теремѣ».

«9. Владимира Давидовича, 1151, при которой церкви погребенъ, неизвѣстно».

«10. Изяслава Давидовича, 1160».

«11. Святослава Ольговича, 1164».

«12. Святослава Владимеровича, князя Щижскаго, 1166».

«13. Ярослава Всеволодовича, 1200».

«14. Владимира Всеволодовича, 1201».

«15. Игоря Святославича, князя черниговскаго, не владѣтельнаго».

«16. Олега Святославича, 1204».

«Всѣхъ сихъ семи князей, при которыхъ церквахъ погребены, неизвѣстно».

«17. Всеволода Святославича, 1214, при церкви Богородицы, гдѣ нынѣ Елецкой Успенской монастырь».

«18. Михаила Всеволодовича, въ 1246 году, гдѣ погребенъ былъ въ Черниговѣ, неизвѣстно, но послѣ тѣло его нетлѣнное перенесено въ Москву, и положено въ церкви, въ Кремлѣ созданной во имя его и боярина Феодора, а оттуда въ 1775 г. перенесено въ Архангельскій соборъ».

«19. Ростислава Михайловича, 1252, о мѣстѣ погребенія неизвѣстно». (II, лист. 316—317).

Списокъ Маркова и другихъ мѣстныхъ историковъ, которые пробовали составлять эти списки похороненныхъ въ Черниговѣ князей, не полны и не точны. Требуется болѣе обстоятельное дослѣдованіе.

Не извѣстно, почему Марковъ сомнѣвается, что останки князя Михаила Всеволодовича и боярина Феодора погребены не въ Спасскомъ соборѣ: гдѣ же въ такомъ случаѣ они были погребены?

Въ свое время Государыня Екатерина II требовала свѣдѣній о похороненныхъ князьяхъ въ Черниговѣ, Новгородсѣверскѣ и въ Переславлѣ южномъ. (Сочиненія

¹⁾ Въ подлинникѣ: „Бориса Святославича“,—обычная ошибка у Маркова на счетъ отчества сего князя. (Его сбита здѣсь ошибка въ печати. изд. Кенигсбергскаго списка лѣтописи).

Императрицы Екатерины II, съ примѣч. акад. Пыпина, т. XI, стр. 408; снес. 463—464). Конечно, желаніе Ея тогда же было исполнено; въ 1792 году былъ составленъ префектомъ Чернигов. семинаріи, Преображенскаго собора протопопомъ Іоанномъ Левицкимъ, «Реестръ князьямъ черниговскимъ и другимъ нѣкоторымъ, погребеннымъ въ Черниговѣ, съ показаніемъ времени ихъ кончины и мѣста, гдѣ погребены, и съ означеніемъ лѣтописцевъ, о семъ свидѣтельствующихъ». Въ реестрѣ цитуются именно Кенигсбергская и Никоновская печатныя лѣтописи, Исторія князя Щербатова и рукопись Боболинскаго Черниг. дух. семинаріи. Напечатанъ въ приложеніяхъ къ лѣтописи Грабянки, изд. И. Самчевскимъ, К. 1854.

Есть списки поручика Должикова, Н. А. Маркевича, архіепископа Филарета. Но, повторяю, — нѣтъ точнаго и полнаго списка князей, погребенныхъ въ Спаскомъ соборѣ и въ другихъ черниговскихъ церквахъ. И некрологія, и генеалогія черниговскихъ князей все еще не достаточно отчетливо представлены, и оставляютъ желать лучшаго, даже послѣ обширнаго и усерднаго труда Р. В. Зотова, «О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику и о черниговскомъ княжествѣ въ татарское время». («Лѣтопись занятій Археографической Комиссіи», выпускъ девятый, Спб. 1893).

7. *Князь Всеволодъ Ярославичъ, отецъ Владимира Мономаха.* «Князь Всеволодъ, принявъ Черниговское княжество въ 1073 году, былъ 43-хъ лѣтъ. Онъ весьма немногіе годы наслаждался спокойствіемъ, разрушеннымъ скоро его племянниками, дѣтми великаго князя Святослава, но которое, по свойствамъ его, было необходимо ему: будучи тихаго и нестяжательнаго нрава, богобоязливъ и просвѣщенъ ученіемъ, онъ менѣе любилъ заниматься княжескимъ достоинствомъ своимъ, сколько свободою мыслей среди своего семейства; зная языкъ греческой, латинской, венгерской и нѣмецкой, пріятнѣйшимъ имѣлъ для себя упражненіемъ чтеніе книгъ и дѣланіе изъ оныхъ своихъ разныхъ замѣчаній и выписокъ». (II, лист. 419 на обор., въ «Исторіи черниговск. княжества»).

Читая эту благодушную характеристику древнерусскаго князя, отца Мономахова, невольно думаешь: точно ученый новаго времени, въ родѣ почтеннаго Михаила Егоровича! Какая наивная идеализація!

8. *Бояринъ Феодоръ Половъ или Половой, вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Всеволодовичемъ пострадавшій въ Ордѣ.* «Будучи извѣстенъ, что всѣ русскіе князья сей участи подверглись (т.-е. поѣздкѣ въ Орду къ хану), онъ туда отправился съ бояриномъ своимъ Феодоромъ Полѣвымъ, но оттуда въ 1247 г. принесены въ Черниговъ только ихъ обезглавленные тѣла: Батый, не могши преклонить оныхъ выполнить нѣкоторой идолопоклоннической обрядъ, предалъ ихъ мученической смерти». (II, л. 314—315). «Находившійся при немъ бояринъ Федоръ Половой, мужъ твердый и добродушный, подкрѣпилъ его духъ своими благоразумными представленіями... Сынъ же боярина Федора Половаго вскорости переселился въ Тверь, и былъ родоначальникъ въ Россіи фамилій Шетневыхъ, Садыковыхъ и Зюзиныхъ» (II, л. 567—568).

Въ «Запискахъ касательно Россійской исторіи» Императрицы Екатерины II также замѣчено: «писатели сказываютъ, что у боярина Феодора былъ сынъ Борисъ Феодоровичъ Половой; сей пришелъ изъ Чернигова въ Тверь, по убіеніи отца его, у Батыя въ Ордѣ, и отъ сего Бориса пошли роды Половыхъ и Шетневыхъ». Сочиненія Императр. Екатерины II, съ примѣчаніями академика Пыпина, томъ X, 253. (Справляться въ родословныхъ русскихъ книгахъ).

VI. *О Турьемъ рогъ, упоминаемомъ въ старинныхъ русскихъ пѣсняхъ.*
(Рукопись Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ).

«Высокопочтеннѣйшему Московскому Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ».

«Если я и не былъ столько счастливъ, чтобъ знать судьбу моихъ рукописей, содержащихъ достопамятности Чернигова и изслѣдованія о древнихъ въ здѣшней губерніи городахъ и селеніяхъ, упомянутыхъ въ Несторовой лѣтописи, которыя въ прошломъ году осмѣлился я представить высокопочтеннѣйшему Московскому Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, какъ посильные труды свои, изъ единственнаго усердія услужить оному можетъ-быть хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ, по выбраннымъ мною предметамъ о здѣшной странѣ, не останавливаясь я однакожъ въ томъ же расположеніи сообщить и еще одно мое замѣчаніе на благоразсмотрѣніе Общества».

«Я читалъ въ третей части Собранія образцовыхъ сочиненій русскихъ въ стихахъ, въ концѣ баллады «Свѣтлана и Мстиславъ», въ примѣчаніи на упомянутой въ послѣдней строкѣ «Турей рогъ», о которомъ объяснено, что это рогъ бычачій, который употребляли на пиршествахъ вмѣсто чаши, и что русскіе пили изъ него медъ. Но мнѣ пришло на память, по военной моей въ молодости службѣ, одно обстоятельство, по которому можетъ-быть иначе не должно ли будетъ опредѣлить о рогѣ томъ».

«Когда Грузинской царь Ираклій въ 1783 году отдался подъ покровительство Россіи, то командовавшему кавказскимъ корпусомъ генералъ-поручику Потемкину, въ штатѣ котораго я находился, предписано было съ частію войскъ отправиться въ Тифлисъ, велѣдъ за отправленными туда царскими регаліями, и увѣрить царя въ благоволеніи къ нему Монархини. По предварительному сношенію съ Грузинскимъ дворомъ, учреждены были отъ онаго означенному генералу приличныя сему случаю встрѣчи, кромѣ отправленныхъ изъ Тифлиса съ царевичами, и всюду по пути чрезъ кавказскія горы, гдѣ только находились жилища осетинскихъ и другихъ горскихъ народовъ, подвластныхъ Грузіи, которыхъ, гдѣ горы не покрыты вѣчными снѣгами, мы находили довольно у подошвъ гранитныхъ и аспидныхъ скалъ, не рѣдко подавлявшихъ оныя во время землетрясеній, но которыя однакоже не устрашали столько сей заматерѣвшій въ грубыхъ своихъ и дикихъ обычаяхъ народъ, чтобъ не основывать вновь таковыхъ же жилищъ и на тѣхъ же мѣстахъ. Такимъ образомъ, при многихъ изъ сихъ селеній мы встрѣчаемы были ихъ князьками или старшинами, и при нихъ всегда находилось чучело звѣря, называемаго туромъ, которое такъ было сдѣлано, что съ помощію продѣтой сквозь шею палки, поддерживаемой двумя горцами съ обѣихъ сторонъ, стояло какъ бы живой звѣрь. Странность сія удивляла насъ; но по любопытству нашему узнали мы, что у нихъ обычай древній имѣть чучело означеннаго звѣря, для встрѣчи съ онымъ особъ знаменитыхъ. Въ продолженіи пути мы видѣли сихъ звѣрей живыхъ, быстро перескакивающихъ съ одной вершины на другую сблизившихся горъ, или низвергавшихся внизъ, и опять съ невѣроятною скоростію вбѣгивающихъ на оныя, пока скрывались отъ взоровъ нашихъ: въ низъ они упадаютъ рогами, и ударяясь ими о землю, тотчасъ вспрыгиваютъ на ноги, и стремятся въ новой бѣгъ столь быстро, что и въ близкомъ разстояніи невозможно порядочно рассмотреть ихъ фигуры. Въ Тифлисъ за царскимъ столомъ намъ подавали мясо сего звѣря, различно приготовленное, и оно имѣло вкусъ дикихъ козъ, но гораздо пріятнѣе. А какъ мы болѣе онаго нигдѣ

не находили, то узнали, что оно и не подается нигдѣ, кромѣ царскаго стола, и что убившій сего звѣря—ибо поймать его живаго, по вышеизъясненной быстротѣ его и легкости, никому не случалось—долженъ былъ отвозить онаго въ Тифлисъ, и доставлять единственно царскимъ поварамъ, за что отъ казны давалось и награжденіе. Рога сихъ звѣрей находили мы у нѣкоторыхъ чиновниковъ точно въ такомъ употребленіи, какъ въ старину и у насъ они были: только грузины пили въ нихъ не медъ, а вино; мы находили такъ же на обратномъ пути ихъ и у горскихъ князьковъ. Они не больше, какъ на четверть, прямы и пусты, толщиной при комлѣ вершка въ два и овальны; далѣе рогъ начинаетъ изгибаться улиткообразно и пустота оказывается поуже, и наконецъ острѣетъ, пока совсѣмъ прекращается, не простираясь далѣе, какъ до половины къ конечности рога. Звѣрь сей есть родъ дикихъ барановъ, и вотъ можетъ быть сего животного тотъ вышеупомянутой турій рогъ, а не бычачей. Рога сіи могли у насъ въ Кіевѣ получаться по сосѣдству нашего Тмутараканскаго княжества съ Кавказскими горами, а понеже были рѣдки, то и употреблялись вмѣсто ковшей (покаловъ) у князей и бояръ».

«М. Марковъ».

(Было написано, но зачеркнуто: «Статской Совѣтникъ, Черниговской Губернской Директоръ училищъ Марковъ. Юля 5 дня 1816 года. Черниговъ». Сверху листка помѣтка: «подано 2 октября 1816». Заглавіе, приписанное послѣ: «О турьемъ рогѣ, упоминаемомъ въ старинныхъ русскихъ пѣсняхъ»).

Случилось, что именно въ самомъ Черниговѣ нашелся предметъ, который заинтересовалъ нашего археолога-историка.

Въ 1873 году Д. Я. Самоквасовымъ былъ раскопанъ большой курганъ въ саду Елецкаго монастыря, извѣстный подъ именемъ «Черной могилы»; среди другихъ вещей въ курганѣ оказались два такъ называемые турьи рога, оправленные въ серебро съ чеканенными изображеніями въ звѣриномъ стилѣ. Древность сего кургана профессоръ Самоквасовъ опредѣлилъ IX-мъ вѣкомъ; академикъ Н. П. Кондаковъ относить его ко второй половинѣ X-го вѣка, а самую вещь, т.-е. турьи рога, считаетъ мѣстною кіевскою работою: смотр. статью Д. Я. Самоквасова, съ рисунками турьихъ роговъ и Черной могилы, въ «Древней и Новой Россіи» за 1876 годъ, въ томѣ I, подъ заглавіемъ: «Древнія земляныя насыпи и ихъ значеніе для науки», замѣчанія Н. П. Кондакова—въ книгѣ изданія его и графа И. Толстого, «Русскія древности въ памятникахъ искусства», выпускъ 5, на стран. 14—20, также съ рисунками.

Конечно, предположеніе Маркова о томъ, что турьи рога могли доставляться на Русь съ Кавказа, само по себѣ очень вѣроятно: древняя Русь любила покупать кавказскія и вообще азіатскія издѣлія: оружіе, посуду, разныя узорочья, ткани и проч. Но оказывается, что и въ самомъ Кіевѣ, съ первыхъ временъ его исторической жизни, существовали мастерскія художественныхъ произведеній, по византійскимъ и восточнымъ образцамъ; въ частности обдѣлка роговъ въ серебро могла производиться въ Кіевѣ тѣмъ легче, что, вѣдь, дома, въ самой Русі, при обиліи лѣсовъ и всякаго рогатаго звѣря въ нихъ, было очень достаточно рогового матеріала, такъ что можно было даже обходиться и безъ привозныхъ роговъ кавказскаго тура-барана.

КОММИССІЯ ЭКОНОМІИ ОПИСНЫХЪ НА Е. И. В. МАЕТНОСТЕЙ; ПРИЧИНЫ ЕЯ УЧРЕЖДЕНІЯ И ЕЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

В. А. Барвинскаго.

Разсматривая современное состояніе украинской исторической науки, мы, не смотря на значительно подвинувшуюся впередъ разработку ея, все же должны признать, что многія явленія внутренней исторіи Украины до сихъ поръ еще не изучены и не изслѣдованы, между тѣмъ какъ въ русской исторіи даже нѣкоторые второстепенной важности вопросы останавливали на себѣ вниманіе историковъ. Нечего и говорить, что это обстоятельство существеннымъ образомъ отражается на нашихъ историческихъ представленіяхъ о прошлой жизни украинскаго народа, оставляя совершенно въ тѣни или въ невѣрномъ освѣщеніи капитальные вопросы народной жизни. Причину этого нужно искать какъ въ недостаточномъ количествѣ лицъ, посвятившихъ себя изученію украинской исторіи, такъ равно и въ состояніи источниковъ, которые, будучи разбѣяны по различнымъ мѣстамъ, не мало затрудняютъ изслѣдователей. Извѣстная схема «обще-русской» исторіи, по которой исторія украинскаго народа, какъ самостоятельнаго цѣлага, достойнаго отдѣльнаго изученія, начинается лишь съ XV ст., сыграла также свою отрицательную роль въ этомъ отношеніи. Схема эта, нужно замѣтить, въ научномъ отношеніи совершенно несостоятельна и доживаетъ свои послѣдніе дни ¹⁾).

Мы имѣемъ въ виду въ настоящемъ сообщеніи пополнить нѣсколько одинъ изъ пробѣловъ въ украинской исторіи, остановившись на одномъ эпизодѣ ея и при томъ эпизодѣ немаловажномъ, который, однако, совершенно обойденъ молчаніемъ въ исторической литературѣ. Мы будемъ говорить здѣсь о Коммиссіи Экономіи, учрежденіи, дѣйствовавшемъ около 8 лѣтъ въ Гетманщинѣ, объ одной изъ любопытныхъ страницъ въ украинской исторіи. Учрежденіе Коммиссіи Экономіи нужно разсматривать, какъ попытку со стороны Россійскаго правительства вмѣшаться во внутреннюю жизнь Гетманщины, повести ее по другому руслу, слѣдовательно, измѣнить ходъ историческаго процесса. Такимъ образомъ, мы кладемъ лишь небольшой камень въ будущее стройное зданіе украинской исторіи.

О причинѣ учрежденія Коммиссіи Экономіи и объемѣ ея дѣятельности, повторяемъ, нѣтъ свѣдѣній въ исторической литературѣ за исключеніемъ краткаго упоминанія о ней у А. М. Лазаревскаго, который, говоря о м. Красномъ Колядинѣ,

¹⁾ См. блестящую критику ея въ статьѣ М. С. Грушевскаго „Звичайна схема „русскої“ історіи й справа раціонального укладу історіи східнього словянства“ въ сборникъ „Статті по славяновѣднню“, вып. I, СПб. 1904.

замѣчаетъ: когда была учреждена Комиссія Экономіи, невѣстно, «цѣль ея заключалась въ приведеніи въ извѣстность свободныхъ посполитыхъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, вѣроятно, и скупли»¹⁾). Этимъ и ограничиваются наши свѣдѣнія о Комиссіи Экономіи въ печатной литературѣ. Чтобы уяснить себѣ обстоятельно цѣль ея учрежденія и познакомиться съ ея дѣятельностью, необходимо обратиться къ рукописнымъ источникамъ. Мы воспользовались для указанной цѣли документами Харьковскаго Историческаго Архива и рукописнаго отдѣленія бібліотеки университета св. Владиміра, гдѣ находятся бумаги покойнаго А. М. Лазаревскаго, но, конечно, не могли исчерпать всего относящагося къ нашему вопросу матеріала, который находится также и въ другихъ архивахъ, помимо Кіева и Харькова²⁾). Вопросъ о Комиссіи Экономіи въ виду его важности заслуживаетъ отдѣльной монографіи. Не отказываясь отъ мысли дать въ будущемъ таковую, мы въ настоящемъ сообщеніи постараемся собрать все важнѣйшія данныя, рисующія происхожденіе и значеніе этого учрежденія, опуская излишнія подробности и детали.

Учрежденіе Комиссіи Экономіи стоитъ въ связи съ политикой Россійскаго правительства по отношенію къ Украинѣ и съ положеніемъ дѣлъ въ Гетманщинѣ. Россійское правительство прекрасно учитывало все обстоятельства даннаго момента и въ зависимости отъ этого занимало опредѣленную позицію среди борьбы общественныхъ силъ на Украинѣ. Особенно зорко слѣдило правительство за владѣльческимъ классомъ, который выросъ на его глазахъ, выдѣлился изъ массы рядового козачества и превратился въ крупную общественную силу. Оно готово было поддерживать его въ классовой борьбѣ съ посполствомъ и козачествомъ, помогать ему въ созданіи экономического могущества, надѣляя его за службы маетностями, гарантируя подневольный трудъ подданныхъ, не препятствуя мобилизаціи въ его рукахъ поземельной собственности, но въ то же время, когда того требовали обстоятельства, оно выступало въ роли обвинителя старшины въ угнетеніи простого народа и защитника этого послѣдняго, играя, такимъ образомъ, на демагогическихъ струнахъ. Такъ поступало всякій разъ Россійское правительство, когда владѣльчскій классъ пытался громко заявлять о «справахъ и вольностяхъ» и обнаруживать автономистическія стремленія. Съ особенною силою это сказалось въ послѣдовавшихъ послѣ крушенія авантюры Мазепы репрессіяхъ. Подозрительность по отношенію къ владѣльческому классу центральное правительство проявляло и въ то время, когда для нея никакихъ серьезныхъ основаній не было. Послѣ паденія Полуботка украинская старшина окончательно оставила въ сторонѣ политическіе вопросы и занялась устроеніемъ своихъ экономическихъ дѣлъ, стремясь создать себѣ первенствующее положеніе въ обществѣ. Правительство, зная болное мѣсто старшины—именно—способъ приобрѣтенія ею богатства, удачно направляло свои удары въ эту сторону. Оно имѣло полное основаніе не бояться послѣ опыта 1709 года никакихъ авантюръ старшинской партіи, зная, что онѣ не будутъ поддержаны мас-

¹⁾ Опис. Стар. Мал., т. III, стр. 243.

²⁾ Въ Архивъ Черниг. Губ. Правленія находится немало документовъ по исторіи Лѣвобережья вообще и по нашему вопросу въ частности, которые остались на мѣстѣ при перевозкѣ архива Малор. Кол. въ Харьковъ въ 1880 г. Въ настоящее время историко-филологическимъ обществомъ при Харьковскомъ Университетѣ возбуждено ходатайство о передачѣ въ Харьк. Ист. Архивъ и этихъ дѣлъ. Нельзя не пожелать въ интересахъ науки успѣха обществу въ этомъ начинаніи, такъ какъ мѣсто храненія остатковъ Архива Малор. Кол. въ Черниговѣ, т. е. Мазепинъ дворець, совершенно не удовлетворяетъ требованіяхъ рациональнаго архивохранилища, въ чемъ мы имѣли случай лично убѣдиться во время пребыванія въ Черниговѣ на XIV Археологическомъ Съѣздѣ. (См. статью П. С. Ефименка „Архивъ Малор. Кол. при Харьк. Университетѣ, „Кіев. Стар.“ 1882 г., кн. I, стр. 198).

совымъ народнымъ движеніемъ; все-таки оно принимало свои мѣры. Такъ, въ 1732 году Кабинетъ Министровъ обращалъ вниманіе правителя Малороссіи Румянцева на то, «какое множество въ Малой Россіи деревень по универсаламъ гетманскимъ и полковой старшины тамошнимъ обывателямъ до ласки войсковой роздано—того ради надлежитъ подъ рукою секретно увѣдомиться, какіе тѣ люди... можно ли впредь на ихъ вѣрность имѣть надежду и изъ нихъ по какимъ-либо случаямъ не подозрителенъ ли кто?»¹⁾ Периодъ междугетманства въ суровое деспотическое правленіе Анны Иоанновны былъ тяжелымъ временемъ для Гетманщины. Учредивъ Канцелярію Министерскаго Правленія, Россійское правительство лишило старшину политическаго вліянія и получило возможность контролировать раздачу маетностей, которая теперь зависѣла отъ Министерскаго Правленія. Но на этомъ Россійское правительство не могло совершенно успокоиться; у старшины оставался еще одинъ источникъ, изъ котораго она подновляла свои экономическія силы—это, именно, скупляя грунтовъ въ свободныхъ войсковыхъ маетностяхъ, не возбуждающая никакихъ пререканій съ державцами. Сюда-то, именно, обратило свое вниманіе Россійское правительство, желая окончательно забрать въ свои руки владѣльческій классъ, сдѣлать его своимъ послушнымъ орудіемъ. Это были причины, вызвавшія учрежденіе Коммиссіи Экономіи; ближайшимъ же поводомъ послужило донесеніе миргородскаго полковника Капниста о покупкѣ грунтовъ въ свободныхъ войсковыхъ маетностяхъ бунчуковымъ товарищемъ Остроградскимъ. «На что де смотря, — доносилъ Капнистъ, — могутъ и другіе владѣльцы неправдывою скуплею свободніи села и деревны себѣ въ подданство привлекать»²⁾. Россійское правительство, исходя изъ той мысли, что свободныя маетности представляютъ не что иное, какъ государственныя имѣнія и, слѣдовательно, скуплею грунтовъ наносится ущербъ государственнымъ интересамъ, рѣшило положить конецъ этому явленію. Сенатскимъ указомъ 19 января 1742 года было предложено Войсковой Генеральной Канцеляріи произвести слѣдствіе о скупляхъ въ свободныхъ маетностяхъ черезъ нарочныхъ офицеровъ и старшинъ, сколько куплено грунтовъ, по какой цѣнѣ, имѣются ли купчія крѣпости и, кромѣ того, вмѣстѣ съ Генеральнымъ Судомъ рассмотреть по правамъ малороссійскимъ и гетманскимъ пунктамъ, «надлежало-ль владѣльцамъ въ свободныхъ маетностяхъ дворы и грунта у посполитыхъ скупать и онымъ за ними во владѣніи быть должно ль и о томъ донести Правительствующему Сенату съ обстоятельствомъ и съ приложеніемъ своего мнѣнія»³⁾, а впредь—добавлялъ указъ—во всѣхъ войсковыхъ селахъ и деревняхъ посполитыхъ людей дворовъ, грунтовъ покупку и подъ разнообразными видами укрѣпленіи оной Канцеляріи запретить». 26 марта 1742 года сенатскимъ указомъ была учреждена въ Глуховѣ для смотрѣнія надъ описными и свободными маетностями «особливая Коммиссія» изъ 2-хъ членовъ—одного—великороссійскаго полковника Вас. Ладыженскаго, а другого—изъ украинской старшины, которымъ предписывалось «вѣдать тѣ маетности, сколько въ нихъ дворового числа мужиковъ, какихъ доходовъ въ годъ бываетъ, имѣть исправніе вѣдомости, содержать мужиковъ во всякомъ добромъ и порядочномъ смотреніи и защищеніи и ни до какихъ обидъ и налогъ и до владѣнія оными подданными и ихъ самихъ въ ненадлежащія работы и другіи употребленіи отнюдь не допускать»⁴⁾; для этой цѣли во всѣ

¹⁾ Сб. Им. Русск. Истор. Общ., т. 120, стр. 24.

²⁾ Рукописи Лазаревскаго въ Библиотекѣ университета св. Владиміра. Акты поземельныя (скупля) № 10.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ П. С. З. XI, 8535.

полки были назначены особые смотрители из великороссийских офицеров съ жалованіемъ въ 60 рублей въ годъ. Для изслѣдованія скупи въ свободныхъ маетностяхъ во всѣ полки, кромѣ Гадяцкаго, гдѣ таковыхъ маетностей не было, были командированы нарочныя лица — одинъ великороссийскій офицеръ и одинъ изъ старшины; на ихъ обязанность возлагалось изслѣдовать, по сущей справедливости, сколько грунтовъ въ свободныхъ маетностяхъ — начиная съ 1730 года — находится налицо, сколько куплено по кучимъ урядовымъ, сколько безъ нихъ и т. п. ¹⁾; подсчетъ скупи производился по дворамъ. Данныя этого слѣдствія были провѣрены на основаніи указа Сената 27 августа 1743 года и исправлены полковой и сотенной старшиной въ присутствіи лицъ, производившихъ слѣдствіе, и представлены въ Генеральную Канцелярію, которая, «сочиня экстрактъ», отправила его въ Сенатъ въ 1746—7 годахъ.

На основаніи этихъ матеріаловъ можно представить успѣхи скупи, начиная съ 1730 года, показать движеніе населенія сравнительно съ ревизіей 1729 года: сколько лицъ ушло неизвѣстно куда, переписалось въ казаки и т. п. Великороссийскіе офицеры, исполнявшіе это порученіе, были оставлены смотрителями надъ свободными маетностями въ полкахъ. Они, такимъ образомъ, должны были проводить въ жизнь предначертанія Коммиссіи. Для руководства въ дѣятельности Коммиссія Экономіи получила особую инструкцію отъ Министерскаго Правленія. Къ сожалѣнію, этотъ важный источникъ не извѣстенъ намъ полностью. Въ свою очередь Коммиссія Экономіи составила для надлежащаго исполненія смотрителямъ 28 марта 1743 года инструкцію въ 25 пунктахъ. Коммиссія находилась подъ главной дирекціей Министерскаго Правленія, которое должно было имѣть надъ ней надзоръ, какъ говоритъ сенатскій указъ 6 мая 1745 ²⁾ года, и въ затруднительныхъ случаяхъ по ея просьбѣ давать всякое наставленіе, лишь въ исключительныхъ случаяхъ доводя дѣло до свѣдѣнія Сената. Согласно указу, въ вѣдѣніе Коммиссіи Экономіи поступили свободныя и описныя маетности, села и города, кромѣ такихъ, которые пользовались магдебургскимъ правомъ. Слѣдовательно, въ вѣдѣніи ея находились свободные посполитые вообще, при чемъ, подъ этимъ терминомъ слѣдуетъ разумѣть собственно посполитыхъ и мѣщанъ. Съ учрежденіемъ Коммиссіи Экономіи свободныя маетности стали имѣть два начальства: одно мѣстное національное, другое — экономическое. Мѣстное начальство сотенное и полковое — имѣло къ нимъ отношеніе только по дѣламъ общегосударственнымъ т.-е. нарядамъ, расположеніямъ на конепстентовъ и судебнымъ дѣламъ, всѣмъ же прочимъ завѣдывала Коммиссія Экономіи, представителемъ которой являлся смотритель; по присяжной своей должности, какъ говорится въ 22 пунктѣ инструкціи, онъ долженъ былъ поступать «добропорядочно, обидъ и налогъ никому не чинить и взятокъ ни съ кого не брать, какъ честному и доброму офицеру принадлежить» ³⁾. Чтобы оградить свободныя маетности отъ вмѣшательства украинской администраціи, смотрителямъ предписывалось не исполнять указовъ, идущихъ въ разрѣзъ съ инструкціей, и доводить о таковыхъ до свѣдѣнія Коммиссіи. Для защиты свободныхъ посполитыхъ отъ притѣсненій смотрителямъ вмѣнялось въ обязанность тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы «въ расположеніяхъ и нарядахъ и въ отбываніи прочихъ общенародныхъ повинностей противъ другихъ владѣльческихъ маетностей излишняго ничего налагаемо не было, въ противномъ случаѣ требовать отъ пол-

¹⁾ Харьк. Ист. Арх. Черн. отд. № 1723.

²⁾ Ibidem, № 29940.

³⁾ Х. И. А. Черн. отд. № 30068.

ковыхъ и сотенныхъ канцелярій равномернаго расположенія», доводя до свѣдѣнія Коммиссіи¹⁾. Духъ царствованія Анны Іоанновны сказался въ 7 пунктѣ инструкціи, гдѣ предписывалось лицѣ, «объявившихъ слово и дѣло, ничего не разспрашивая, подъ наикрѣпчайшимъ карауломъ представлять въ Глуховъ». Въ п. 25 смотрителямъ предписывалось «о дѣлахъ, которые тайности подлежатъ, въ партикулярныхъ писмахъ отнюдь никому не писать, ниже къ тому, отъ кого отправленъ».

Теперь постараемся хотя въ краткихъ чертахъ обрисовать кругъ дѣятельности Коммиссіи Экономіи, насколько позволяютъ намъ наши источники. На первомъ планѣ стоялъ вопросъ аграрный. Согласно инструкціи, смотрители должны были тщательнымъ образомъ навести справки, нѣтъ ли за кѣмъ въ неправильномъ владѣніи свободныхъ посполитыхъ, а также пахатныхъ земель, сѣнныхъ покосовъ и т. п. (п. 3-й); если онѣ перешли къ частнымъ владѣльцамъ то имѣютъ-ли тѣ, на нихъ крѣпости. Кромѣ того, провѣрить, не владѣютъ ли генеральная старшина, полковники и сотники сверхъ назначеннаго числа дворами; отъ поповъ и монастырей, владѣющихъ скуплями, надлежало потребовать крѣпостей. Когда сотникъ Лукомскій Пиковецъ завладѣлъ ратушной сѣножатью, Коммиссія Экономіи велѣла потребовать отъ него крѣпостей, въ случаѣ непредставленія таковыхъ, произвести разслѣдованіе съ помощью старожилъ и отобрать отъ него землю²⁾. При слѣдствіи о скупляхъ Коммиссія Экономіи имѣла въ виду скуплю послѣ 1730 года, т.-е. когда было окончено генеральное слѣдствіе о маетностяхъ. Отъ всѣхъ лицъ, владѣющихъ ратушными грунтами, Коммиссія требовала крѣпостей; если же таковыхъ не оказывалось, грунты отбирались и приписывались къ ратушамъ, равно какъ и грунты свободныхъ посполитыхъ, скупленные послѣ запретительнаго указа 1742 года. Коммиссія Экономіи должна была отбирать грунты у духовныхъ лицъ — юридическихъ и физическихъ, — купленные ими или доставшіеся другимъ путемъ послѣ 1728 года, т.-е. запрещенія, выраженнаго въ рѣшительныхъ пунктахъ при избраніи Апостола. Вообще Коммиссія при жалобахъ о неправильномъ завладѣніи грунтами придерживалась такого принципа: если свободные посполитые были записаны среди другихъ въ ревизіи 1729 года и въ освидѣтельствovanіи и лица, завладѣвшія ихъ грунтами, не могли представить законныхъ купчихъ, или же представляли таковыя, но заключенныя послѣ 1742 года, то грунты отбирались въ вѣдомство Коммиссіи и приписывались къ ратушамъ. Такое постановленіе вынесла Коммиссія по дѣлу сотника Чигриндубровскаго Бутовскаго, который привлекъ въ свое подданство 7 дворовъ свободныхъ посполитыхъ, называя ихъ своими «подсудьками» и, такимъ образомъ, записалъ въ ревизію, а нѣкоторымъ посполитымъ самъ написалъ купчія на грунты, якобы выданныя самими продавцами³⁾.

Многіе посполитые во время турецкой войны, чтобы избѣжать похода, «поддались подъ протекцію» со своими грунтами державцамъ (въ одномъ Киевскомъ полку оказалось до 60 дв. такихъ протекціонистовъ), грунтовъ же своихъ не укрѣпляли; Коммиссія опредѣлила такіе грунты отобрать въ свое вѣдомство, если ихъ владѣльцы, посполитые⁴⁾, записаны въ ревизіи 1729 года (указъ 31 іюля 1745 года). Если владѣльцы имѣли урядовыя, т.-е. законнымъ порядкомъ совершенныя купчія на свободные грунты до изданія запретительнаго указа 1742 года, таковыя грунты не отбирались, хотя бы продавцы заявляли жалобы, что денегъ

¹⁾ Ibidem, п. 15.

²⁾ Ibidem, № 29940.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Ibidem. № 29940.

они не получали; они могли добиваться удовлетворенія судебнымъ порядкомъ. Отобранные грунты Коммиссія отдавала родственникамъ того лица, кому они прежде принадлежали, если самого хозяина не было въ живыхъ или же «охочимъ людямъ малороссійской породы» для отбыванія повинностей съ предоставленіемъ на нѣкоторое время льготы отъ платежа оклада¹⁾. «Пришлымъ охочимъ людямъ изъ малороссіянъ, — читаемъ мы въ указѣ Коммиссіи отъ 16 іюля 1745 г., — желающимъ поселиться на пустовскихъ грунтахъ, приказать ратушной старшинѣ принимать и подъ дворы мѣста отводить по пропорціи имуществъ и, чтобъ имъ было охотнѣе на первой случай, съ таковыхъ чинша и другихъ зборовъ не брать 1 годъ²⁾». Вѣднію Коммиссіи Экономіи подлежало удовлетвореніе просьбъ грузинскихъ князей, получившихъ дворы и подданныхъ изъ свободныхъ войсковыхъ маестностей, о замѣнѣ «нищетныхъ» дворовъ болѣе состоятельными³⁾. Въ такихъ случаяхъ Коммиссія Экономіи предварительно поручала смотрителямъ изслѣдовать, какое имущество имѣютъ посполитые теперь и съ какими были отданы въ подданство и какой они платятъ окладъ владѣльцу, а потомъ уже принимала извѣстное рѣшеніе. Встрѣчались просьбы со стороны грузинъ о перемѣнѣ дворовъ и тогда, когда въ этомъ не было необходимости. Напр., подданные кн. Эристовой, не имѣя никакихъ угодій, платили, какъ оказалось по справкѣ, 3 — 4 р. въ годъ оклада, и, слѣдовательно, владѣльцамъ не было повода жаловаться, Коммиссія Экономіи удивленно спрашивала смотрителя капитана Аристова, «почему такой немалой окладъ платятъ и какимъ художествомъ или купечествомъ бавятся?»⁴⁾ (указъ 7 іюня 1745 года). При отдачѣ дворовъ грузинамъ во владѣніе Коммиссія слѣдила за тѣмъ, чтобы не были отданы мѣщане и лица, занимающіяся купечествомъ; на Украинѣ была не рѣдкостью отдача мѣщанъ въ подданство: достаточно вспомнить, что при Разумовскомъ цѣлые города попадали въ частное владѣніе. Въ 1745 году въ г. Ромнѣ мѣщане и лучшіе посполитые оказались розданными грузинамъ, вслѣдствіе чего некому было отбывать ратушныхъ повинностей и избирать должностныхъ лицъ; по этому поводу Ком. Экономіи велѣла смотрителю Аристову произвести разслѣдованіе, нѣтъ ли изъ числа отданныхъ въ подданство «бывшихъ у присяги и на урядахъ и объявить роздатчику, что если и въ будущемъ будутъ отводить въ подданство мещанъ и купечествомъ бавящихся, то будутъ судить за ослушаніе⁵⁾» (указъ 8 марта 1745 года).

Если свободные посполитые били челомъ о козачествѣ установленнымъ порядкомъ въ Генеральной Войсковой Канцеляріи, то при слѣдствіи по этому дѣлу присутствовалъ и депутатъ отъ Ком. Экономіи. Въ такихъ случаяхъ Ком. Экон. придерживалась такого принципа: «если ищущіе козачества — посполитые свободные и въ ревизіи 1729 г. состоятъ посполитыми и грунта подъ собою имѣютъ посполитскіе, а не козачіи и во время описи написаны въ вѣдомство ратуши, то оныхъ въ козачье званіе отнюдь не допускать и велѣть имъ отбывать всякіе общенародные повинности»⁶⁾ (указъ 1746 г.). Если свободные посполитые жили на козацкихъ грунтахъ, доставшихся имъ по наслѣдству или другому какому случаю, а своихъ грунтовъ не имѣли, то Ком. Экономіи оставляла ихъ въ покоѣ и не привлекала въ подданство⁷⁾. Если же козаки и другіе владѣльцы владѣли

1) Ibidem, № 30068.

2) Ibidem, № 29940.

3) Ibidem, № 14775.

4) Ibidem.

5) Ibidem, № 29940.

6) Ibidem, № 17177.

7) Ibidem.

посполитскими грунтами, доставшимися имъ по скуплѣ, или за долги, или по смерти и записанными въ ревизіи 1729 года, то Ком. Экон. требовала купчихъ и, если онѣ были совершены до 1742 г., грунты не отбирались; если же владѣлецъ не представилъ крѣпостей и не пожелалъ отбывать повинностей, грунтъ отбирался къ ратушѣ; если купчая была заключена послѣ 1742 г., грунтъ безусловно отбирался въ вѣдомство ратуши ¹⁾).

Ком. Экон. не препятствовала существованію выборнаго начала въ свободныхъ маетностяхъ, которое проявлялось въ выборѣ вольными голосами войтовъ и лицъ мѣщанскаго самоуправленія, лишь бы избираемые лица не были подозрительны. Такъ, напр., указомъ 1 ноября 1746 г. Ком. Экон. велѣла привести къ присягѣ въ г. Лубнахъ въ соборной церкви посполитаго Волка, выбраннаго въ войты въ Засульѣ, «а присяжный листъ и на войтовство выборъ прислать въ Ком. Экон., чтобы онъ въ отправленіи всякихъ указныхъ дѣлъ поступалъ добropорядочно безъ всякаго упущенія, опасаясь штрафа» ²⁾). Ком. Экон. старалась ввести нѣкоторыя правила въ порядокъ выборовъ: именно, указомъ 22 ноября 1745 г. она установила извѣстный цензъ, дающій право на участіе въ выборахъ, къ которымъ допускались мѣщане и цеховые люди, имѣющіе у себя дворы и грунта и протчіе промыслы, которымъ бы въ томъ можно было вѣрить» ³⁾). Въ концѣ года, по постановленію Комиссіи, слѣдовало собрать мѣщанъ и цеховыхъ, имѣющихъ цензъ въ ратушѣ, и спросить, довольны ли они старшиною; въ случаѣ недовольства произвести выборы и слѣдить при этомъ, чтобы въ нихъ не принимали участія посторонніе, а также не имѣющіе ценза и не отбывающіе общенародныхъ повинностей. Всякій долженъ подать голосъ за того, за кого хочетъ; подписные листы и выборныхъ кандидатовъ нужно прислать для опредѣленія и привода къ присягѣ въ Ком. Экон. Вообще старшинѣ, по мнѣнію Комиссіи, слѣдуетъ быть на должности годъ; передъ оставленіемъ должности необходимо произвести ревизію ратушныхъ суммъ и, что слѣдуетъ, взыскать, а новоизбранной старшинѣ наикрѣпчайше подтвердить, «чтобъ они будучи въ тѣхъ званіяхъ поступали во всемъ по силе указовъ и правъ, нимало никому никакой обиды и озлобленія не чинили, опасаясь неопустительнаго штрафа и наказанія» ⁴⁾).

Дѣла финансовыя, т.-е. заботы о возможно большемъ полученіи доходовъ изъ ввѣренныхъ ей смотрѣнію маетностей стояли на первомъ планѣ у Ком. Экон. Министерское Правленіе въ 7 пунктѣ своей инструкціи, которая полностью, какъ мы уже указывали, намъ неизвѣстна, поручало Комиссіи Экономіи «смотреть, чтобъ въ описныхъ свободныхъ маетностяхъ денежныя, хлѣбныя и протчіе всякіе доходы собираемы были добropорядочно безъ всякой доимки» ⁵⁾). Исполняя такое порученіе, Ком. Экон. затребовала отъ всѣхъ подвѣдомственныхъ ей ратушъ свѣдѣнія, какіе прежде собирались доходы, сколько и куда они употреблялись и требовала присылки книгъ расходныхъ и приходныхъ, а для дальнѣйшаго счетоводства посылала зашнурованныя книги ³⁾). Кроме того, по требованію Комиссіи, ратуши должны были ежемѣсячно доставлять рапорты о приходахъ и расходахъ по установленной формѣ. На требованіе Ком. Экон. о присылкѣ свѣдѣній—отъ ратушной старшины свободныхъ маетностей южныхъ полковъ, по нашимъ источникамъ, большею частію поступали отвѣты въ такомъ смыслѣ, что «на ратушѣ какъ на-

¹⁾ Ibidem, № 30506.

²⁾ Ibidem, № 14775.

³⁾ Ibidem, № 29940.

⁴⁾ Ibidem, № 30506.

⁵⁾ Ibidem.

передъ сего до Ком. Экон. никакихъ приходовъ не было, такъ и нынѣ нѣтъ» (Ромны, Лохвица, Чигириндуброва, Глинскъ, Лукомля и друг.); въ м. Чорнухахъ—поведерковое и ваговое—единственные ратушные доходы—были въ арендѣ и деньги шли на церковь, въ м. Дѣвицѣ доходы получались лишь съ одного мельничнаго кола ¹⁾. 13-й и 14-й пункты инструкціи смотрителямъ рекомендуютъ прилагать стараніе, чтобы рыбныя ловли, сѣнные покосы, мельницы и др. угодыя, а также лавки приносили наибольшій доходъ въ казну Ея Императорскаго Величества,—для этой цѣли слѣдуетъ сдавать ихъ на откупъ съ торговъ съ записками, о чемъ объявлять тамошнимъ и стороннимъ жителямъ. Однимъ изъ главныхъ источниковъ дохода были шинки. Смотрители обязаны были слѣдить, чтобы въ своб. маестностяхъ не было шинковъ постороннихъ лицъ—и вообще искать «наилучшей къ интересу Е. И. В. прибыли». Исполняя свой долгъ — содѣйствовать приращенію казны Е. И. В., 10 августа 1746 г. Ком. Экон. опредѣлила такую цѣну на водку: 75 к. за ведро, носатка изъ 5 вед. — 3 р. 85 к., а въ полкахъ Миргородскомъ, Полтавскомъ, Переяславскомъ, Прилуцкомъ и Лубенскомъ слѣдуетъ прибавить на ведро за провозъ, такъ какъ водка доставлялась изъ Шентаковской волости въ Стародубскомъ полку. Министерское Правленіе велѣло, ежели возможно, продавать водку даже по болѣе высокой цѣнѣ ²⁾ — все ради того же интереса Е. И. В.

Относительно вопроса о томъ, какія подати платили своб. посполитые въ казну Ком. Экон., мы точныхъ свѣдѣній не имѣемъ, да и кромѣ того, нужно замѣтить, во всѣхъ своб. маестностяхъ не было въ этомъ отношеніи одинаковой нормы: въ однѣхъ платили чиншъ, въ другихъ исполняли работы, въ иныхъ давали и натуральныя дани. Въ Поченской, Шентаковской и Бакланской волостяхъ описные подданные платили покуничныя деньги со свадебъ—съ пашеннаго бобыля 25 коп., съ тяглаго по 50 к., съ выводныхъ свадебъ по 1, по 2 и по 3 р. ³⁾; вѣроятно, были еще и другіе доходы. Въ описныхъ Полтавскихъ маестностяхъ—Минихполю, Ковалевкѣ, Оедоровкѣ и др., вмѣсто натуральныхъ податей,—пѣтухами, мареною, червцемъ и печерицами, была установлена Коммиссіей Эконом. денежная: за пѣтухи, за дрокъ, за марену, за червецъ съ каждаго двора за каждую вещь особая плата, за орѣхи по 5 к., за хмѣль по 10 к., въ виду недовольства посполитыхъ ее пришлось временно отмѣнить ⁴⁾. Ком. Экон., желая ввести порядокъ въ податное дѣло и тѣмъ поднять доходность отъ своб. маестностей, составила проектъ реформы, принявъ за основаніе платежныя силы населенія. Сущность проекта заключалась въ слѣдующемъ: посполитые, имѣющіе у себя «довольную пашенную землю и рабочій скотъ должны платить до 3 р., а не имѣющіе пахотной земли, живущіе одними дворами и питающіеся отъ своихъ художествъ до 1 р. в годъ», «а кои не имѣютъ грунтовъ и промысловъ, а питаются одною работою і закономъ, оныхъ по разсмотрѣнію имущества—ниже рубля» ⁵⁾. Этотъ проектъ, представленный Коммиссіей 21 марта 1746 г., 28 августа былъ утвержденъ Министерскимъ Правленіемъ. Однако, Коммиссіи не пришлось привести его въ исполненіе. Коммиссія составила примѣрную смѣту, но Сенатъ еще въ 1746 г. велѣлъ впредь до указа по ней не собирать; тоже было подтверждено и 14 марта 1749 года ⁶⁾. Смотритель Полтав-

¹⁾ Ibidem, № 175.

²⁾ Ibidem, № 14775.

³⁾ Ibidem, № 595.

⁴⁾ Ibidem, Полт. Отд., св. 15, № 1.

⁵⁾ X. И. А. Черн. отд. № 1766.

⁶⁾ Ibidem.

скаго полка Котляревскій не только сочинилъ смѣту оклада, но даже и собралъ его въ размѣрѣ 1093 р. 25 к. Ком. Экон. 28 мая 1746 г. велѣла объявить ему за ослушаніе выговоръ, а деньги вернуть ратушамъ и употреблять на консистентовъ и др. расходы ¹⁾.

Все же доходы Ком. Экон. были значительны и ея услугами по части ссудъ приходилось пользоваться, какъ мы увидимъ, и Войск. Ген. Канц. Для знакомства съ доходами и расходами Ком. приведемъ такія данныя: къ 1 іюня 1750 г. въ остаткѣ денежной казны было 4156 р. 69³/₄ к. 2-го числа принято за проданное ратушное сѣно 1331 р. 44 к. 18-го числа принято отъ смотрителя Лубенскаго полка чиншевыхъ денегъ — 60 р.; 25-го числа за казенное вино принято 11 р. 69¹/₄ к. Итого за іюнь мѣсяць поступило 5559 р. 83 к. Расходы: 2-го числа выдано комиссару для строенія домовъ великороссійскихъ членовъ — 150 р., 2-го на постройку гетманскаго дома — 500 р., 2-го на пристройку и починку въ Министерскомъ дворѣ — 100 р., 13-го на постройку гетманскаго дома — 500 р., Итого 1250 р. Къ 1 іюля въ остаткѣ должно быть 4309 р. 83 к. ²⁾.

Ком. Эконом. служила своего рода ссуднымъ банкомъ для бѣдной деньгами Войск. Ген. Канц. Такъ, напр., по разрѣшенію Мин. Прав. Ком. Экон. дала займы В. Г. К. 17 мая 1749 г. 3900 р. для отдачи въ контору гр. Алексѣя Разумовскаго въ счетъ 20000 р., Высочайше ему пожалованныхъ. 7 іюня 1749 года Ком. Экон. дала займы В. Г. К. на счетъ Канц. Малор. Скарба 2000 р. для уплаты отставнымъ чинамъ и рядовымъ Молдавскаго гусарскаго полка. 8 марта 1750 г. было дано займы Ком. Эконом. 4000 р. для уплаты 3 компанейскимъ полкамъ ³⁾.

Теперь посмотримъ, въ чемъ проявлялись заботы Ком. Экон. по отношенію къ вѣрннымъ ея попеченію свободнымъ посполитымъ. Судя по ея заявленіямъ, онѣ должны были стоять у нея на первомъ планѣ. Комиссія Экон. неоднократно предписывала смотрителямъ обходиться съ посполитыми добропорядочно и обидь никакихъ не чинить, взятокъ не брать. Въ дѣйствительности, картина была совсемъ не та, какую рисовала въ своихъ заявленіяхъ Комиссія, и ей иногда приходилось признаваться въ этомъ. Въ указѣ 31 мая 1745 г. она писала: «небезуловательно, что въ описныхъ и свободныхъ маетностяхъ управляющіе и смотрители, войты, бурмистры и др. отъ описныхъ подданныхъ берутъ выклады и взятки» ⁴⁾; въ виду этого она снова запрещала дѣлать притѣсненія подъ опасеніемъ жестокаго штрафа. Смотритель, поручикъ Кищинскій, какъ жаловались своб. посполитые с. Чаусъ, увеличилъ размѣръ денежнаго и хлѣбнаго оклада, вносимаго ими, а въ 1746 г., вопреки сенатскому указу, взималъ съ нихъ окладъ и себѣ часть его удерживалъ: взялъ 57 р., а въ вѣдомости показалъ 41 р. 60 к.; кромѣ того, бралъ деньгами «на себя и свойственниковъ и разною пашнею, всякіе естніе и питейные вещи принуждены оны были, покупая, ему давать», исполнять ему «партикулярные работизны» и сторожевую повинность и т. п. ⁵⁾. Смотритель Миргородскаго полка Цыбулевскій пользовался даровымъ трудомъ описныхъ подданныхъ для своихъ домашнихъ потребностей, какъ, напр., для варенія пива и т. п. ⁶⁾. Въ своихъ заботахъ объ охранѣ своб. поспол. отъ обидъ и притѣсненій Ком. Экон. руководствовалась, конечно, не благомъ посполитыхъ, не симпатіей къ ихъ положенію, а побужденіями другого порядка. Она хотѣла этимъ ярко подчеркнуть,

¹⁾ Ibidem, № 12693.

²⁾ Ibidem, № 5723.

³⁾ Ibidem, № 29940.

⁴⁾ X. И. А. Черн. отд. № 28956

⁵⁾ Ibidem, № 18165.

противопоставить свою позицію всему окружающему, она хотѣла показать въ глазахъ посполитыхъ все преимущество и превосходство Россійскихъ установленій и порядковъ надъ мѣстными украинскими. Она, очевидно, стремилась къ тому, чтобы взоры посполства въ владѣльческихъ маестностяхъ съ завистью и надеждою обращались къ свободнымъ маестностямъ, гдѣ въ счастіи и довольствіи подѣ мудрымъ управленіемъ Ком. Экон. живутъ ихъ собратья, и съ нетерпѣніемъ ожидали того часа, когда порядки Гетманщины падутъ и посполитые вступятъ въ новую жизнь подѣ сѣбно русскихъ законовъ. На первомъ планѣ Ком. Экон. стояло также желаніе извлечь какъ можно больше выгоды изъ свободныхъ маестностей для казны Е. И. В. Однако, въ исключительныхъ случаяхъ, при народныхъ бѣдствіяхъ, какъ, напр., голодѣ, ей приходилось дѣлать уступки и мириться съ положеніемъ вещей. Въ мартѣ 1745 г. Комиссія разрѣшила Шептаковскому старостѣ выдать подданнымъ, пришедшимъ въ разореніе вслѣдствіе неурожая 1744 г., для прокормленія рожь и овесъ для посѣва съ тѣмъ, чтобы хлѣбная ссуда была возвращена не далѣе ноября ¹⁾). Бакланскіе посполитые, «за скудостію гладнаго времени», не уплатили поборныхъ окладныхъ и чиншевыхъ денегъ всего 224 р. 48½ к. за 1749 г. и и поэтому просили отсрочки «до новины». Ком. Экон. вынуждена была представить имъ просимую льготу, въ обезпеченіе же взяла съ нихъ расписку. ²⁾

Ком. Экон. старалась поставить себя въ независимое положеніе по отношенію къ мѣстной украинской администраціи, образовать какъ бы особое государство въ государствѣ. Подчиненная Министерскому Правленію непосредственно, сносясь съ В. Г. К., какъ равное учрежденіе съ равнымъ, такъ называемыми «промеморіями», она усиленно стремилась къ тому, чтобы сотенная и полковая старшина не имѣли никакого касательства къ свободнымъ маестностямъ. Она всячески старалась дискредитировать украинскую администрацію среди подчиненнаго ей населенія, выставляя ее въ видѣ народныхъ грабителей и обидчиковъ, и такимъ образомъ пробудить въ немъ чувство живѣйшей признательности къ Россійскому правительству и ненависти къ порядкамъ своей родины — мачехи. По представленію Ком. Экон. Министерское Правленіе 29 іюля 1749 года требовало отъ В. Г. К. подтвердить Березинскому и Менскому сотникамъ, «дабы они мещанамъ и посполитымъ ведомства Ком. Экон. и малейшихъ обидъ не чинили и никакова до нихъ дѣла не имели, мещанскихъ дворовъ в отмѣнность запретительнаго указа отнюдь не покупали, съ мещанъ и съ посполитыхъ никакихъ покуничныхъ денегъ и взятковъ не брали, мещанъ и посполитыхъ мимо смотрителя подѣ сотенныя караулы не брали, а ежели до кого мещанъ и посполитыхъ подлежать будетъ правильная претенсія, оныхъ... присылки требовать по надлежащему порядку отъ смотрителя» ¹⁾). Ком. Экон. совершенно хотѣла отстранить сотниковъ отъ вмѣшательства въ своб. маестности даже по дѣламъ общегосударственного характера. Въ 1744 г. Ком. Экон. стала отрицать за сотниками право «чинить расположеніе по указамъ и нарядамъ полк. канц—ін», по мнѣнію же Ком. Экон. эти дѣла слѣдуетъ предоставлять войтамъ и смотрителю, «а сотникамъ ни подѣ какимъ видомъ дѣла не имѣть», такъ какъ «отъ нихъ сотниковъ войтамъ и другимъ посполитымъ чинятся многіе озлобленія і несносныя побои... і ежели такого имъ, сотникамъ, запрещенія учинено не будетъ, свободные посполитые, не стерпя напрасныхъ побой і несносныхъ утесненій, оставя свои дома, разойдутца в другіе места» ²⁾). По этому

¹⁾ Ibidem. № 595.

²⁾ Ibidem, № 18165.

³⁾ Ibidem. № 17175.

⁴⁾ Ibidem. № 24266.

поводу возгорѣлась цѣлая переписка между заинтересованными учрежденіями. Смотритель Нѣжинскаго полка, капитанъ Поляковъ, выражая общее настроеніе Ком. Экон., вопреки инструкціи, сталъ не допускать свободныхъ посполитыхъ къ сотенному Конотопскому суду, «а посполитые, уповаю на оную поноровку, что хотяй якую кому здѣлають обиду, бои и протчое, то нѣ къ суду не допуская, а нѣ наказанія не дая, еще и пуще стали обиди дѣлать» ¹⁾). Такимъ образомъ, политика Ком. Экон., искусно сѣя рознь между такими социальными группами, какъ козачество и посполство, доводило дѣло даже до столкновеній между ними ²⁾). Нечего и говорить, что отношенія между мѣстной администраціей и Ком. Экон. были большею частію враждебнаго характера. Смотритель Поляковъ бранилъ матерно сотника и старшину сотенную и говорилъ многимъ посполитымъ: «Дурные де мужики, что сотника не убють!» ³⁾).

Ком. Экон. прекратила свое существованіе въ концѣ 1750 года; въ точности мы не знаемъ дня и мѣсяца, когда послѣдовало ея уничтоженіе. Прекратила она свое существованіе вслѣдствіе возстановленія гетманства, при которомъ она становилась логической нелѣпностью. Еще 9 іюля 1750 года В. Г. К. обратилась «съ извѣстіемъ» въ Министерское Правленіе съ просьбой представить ей отъ Ком. Экон. вѣдомости о доходахъ и расходахъ въ самомъ скоромъ времени; доходовъ она просила безъ указа никуда не употреблять ⁴⁾). 10 августа Министерское Правленіе предписало Комиссіи Экономіи послать указы смотрителямъ и управителямъ, ей подчиненнымъ, чтобы они въ силу гетманскихъ универсаловъ маетности «со всеми доходы по обстоятельнымъ описямъ отдали опредѣленнымъ отъ В. Г. К., а сами съ приходными и расходными книгами и документами ѣхали въ Глуховъ и явились въ Министерское Правленіе» ⁵⁾). Но, уже не ожидая оффиціального указа объ уничтоженіи Ком. Экон., въ нѣкоторыхъ мѣстахъ украинская администрація стала считаться съ уничтоженіемъ Ком., какъ съ совершившимся фактомъ. «Въ полтавскихъ свободныхъ и описныхъ маетностяхъ.—доносилъ 27 іюля смотритель Голенищевъ-Кутузовъ,—подданные сотниками за силу указовъ В. Г. К., минуя мене, вовсе отобраны и мене ни въ чемъ не слушаютъ» ⁶⁾). Послѣ уничтоженія Ком. Эконом. свободныя маетности снова поступили въ вѣдѣніе украинской власти: ими стала непосредственно завѣдывать Канцелярія Малороссійскаго Скарба. Теперь мы въ правѣ поставить вопросъ каковы же были результаты восьмилѣтней дѣятельности Ком. Экон.? Прежде всего мы должны замѣтить, что это было типичное бюрократическое учрежденіе съ глубокой вѣрой въ свои канцелярскія силы. Бумажные указы, распоряженія, запрещенія—вотъ съ помощью какихъ мѣръ Ком. Экон. думала выполнить свою задачу. Конечно, ея планы потерпѣли полное крушеніе. На бумагѣ Комиссія Экономіи провозглашала защиту и охраненіе своб. посполитыхъ отъ обидъ, въ дѣйствительности же ея подручные притѣсняли населеніе; мало того, она учила не уважать мѣстные порядки, не давая взаменъ ихъ ничего новаго, сѣяла рознь между посполствомъ и козачествомъ. Крайнее непониманіе окружающей дѣйствительности выказала она, выступивъ на борьбу съ скуплей грунтовъ въ своб. маетностяхъ съ тѣмъ же бумажнымъ оружіемъ въ рукахъ. Усиленная скупля грунтовъ вызывалась глубокими экономическими причинами, бороться

¹⁾ Ibidem № 24957.

²⁾ Ibidem. № 19107.

³⁾ Ibidem. № 24957.

⁴⁾ Ibidem, № 18165.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ Ibidem.

съ которыми путемъ изданія указовъ было бесполезно. Скупля грунтовъ была однимъ изъ слѣдствій денежнаго хозяйства, отразившимся въ народной жизни. Владѣльческій классъ для веденія сельскаго хозяйства, рассчитаннаго на нужды рынка, сталъ нуждаться въ землѣ, и, вотъ, начинается лихорадочная скупля грунтовъ; наиболѣе удобной почвой для нея были, конечно, свободныя маетности. Ком. Экон. посмотрѣла на эту задачу просто и такъ же просто разрѣшила ее. Съ изданіемъ запретительнаго указа скупля грунтовъ не прекратилась: она лишь сдѣлалась невидимой для Ком. Экон. и не столь явной; вмѣсто урядовыхъ купчихъ покушники довольствовались простыми расписками, а свободныя маетности продолжали постепенно таять. Запретительный указъ 1742 года не былъ законодательнымъ путемъ отмѣненъ и послѣ уничтоженія Комиссіи, но онъ никого уже не стѣснялъ, — такъ трудно и даже невозможно было бороться съ неизбѣжнымъ ходомъ экономическаго развитія. При Румянцевѣ отъ своб. мает. сохранились лишь жалкіе остатки: «малымъ числомъ дворовъ во всякомъ полку, — писалъ онъ въ своемъ извѣстномъ докладѣ¹⁾, — а именно 1717 дв.» всего въ итогѣ. Такъ быстро промелькнула на историческомъ горизонтѣ Комиссія Экономіи, не оставивъ по себѣ никакого замѣтнаго слѣда. Скупля земли, прямой захватъ ея, угнетеніе простого народа власть имущими, «невымовныя здирства», — словомъ, всѣ эти старья, какъ мѣръ, проявленія соціальной борьбы, царили попрежнему; сохранились они въ полной силѣ и тогда, когда Гетманщина, потерявъ свою самостоятельность, превратилась въ одну изъ составныхъ частей Россійской имперіи съ общими государственными установленіями.

Приложеніе.

№ 1-й.

«Указъ для описи тѣхъ имѣющихся въ Малой Россіи свободныхъ маетностей и для бытія въ тѣхъ маетностяхъ у смотренія опредѣлено въ Ком. Экон. послать тѣхъ офицеровъ за недовольствомъ оныхъ по росписанію; въ томъ числѣ въ полкъ Лубенскій посылаются Вы. При чемъ будучи Вамъ поступать по оному Правит. Сената указу и чинить по нижеслѣдующему:

1.

По приложеннымъ при семъ даннымъ изъ В. Г. К. тѣмъ свободныхъ маетностей вѣдомостямъ и имянно изъ ревизіи 729 г. копіи всѣ тѣ своб. мает — ти, местечка, села и деревни съ показаніемъ, при какихъ оныя урочищахъ имѣютъ свое поселеніе и кто въ нихъ жители и сколько изъ нихъ гдѣ грунтовыхъ и безгрунтовыхъ или мещанъ и что какихъ угодей освидѣтельствовать и переписать вновь по имяно, сколько где явитца дворового числа мужиковъ со всякимъ обстоятельствомъ и прилѣжно при томъ наблюдать, дабы отнюдь ничего проронено и опущено не было, а живущихъ въ тѣхъ маетностяхъ козаковъ, сколько гдѣ оныхъ будетъ дворового ж числа писать по имянамъ же особливо какъ.

¹⁾ Сб. Русск. Ист. Общ., т. X, стр. 17.

2.

При той описи накрѣпко развѣдать и отъ кого надлежитъ взять вѣрные за руками вѣдомости, какие тѣхъ маетностей обыватели и куда именно напередъ сего платили и нинѣ платятъ годовые поборы и на кого и какие отбываютъ работы и что тѣхъ поборовъ въ году бываетъ въ зборѣ и тако жъ какие принадлежащие къ тѣмъ маетностямъ имѣются угоды, мельницы, шинки, дворы, пашенные земли, сѣнокосы, лѣса и прочіе грунта и что съ нихъ собирается доходовъ и какие жъ имянно и куда оныя употребляются; имѣются ль на то при тѣхъ маетностяхъ какие писменные крѣпости и, буде где имѣются, то, оныя освидѣтельствовавъ, брать точныя копии и, то все прилѣжно осмотра, подъ каждою маетностью со всякимъ изъяснениемъ означивать порознь имянно жъ.

3.

При томъ же наиприлѣжнише развѣдать и взять же отъ кого надлежитъ съ яснымъ показаніемъ извѣстїи, не имѣется ль за кѣмъ неналежно во владѣнїи тѣхъ свобод. мает—ей подданныхъ, тако жъ незахвачено ль кѣмъ принадлежащихъ къ тѣмъ маетностямъ какихъ угодей, яко-то: пашенныхъ земель сѣнныхъ покосовъ, лѣсовъ, мельницъ, рыбныхъ ловель и прочего и не построено ль кѣмъ неналежно на тѣхъ угодьяхъ какихъ хуторовъ, мельницъ, шинковъ, и прочихъ заводовъ и ежели исъ того, что за кѣмъ явится, о томъ со всякимъ же обстоятельствомъ безъ опущения жъ изслѣдовать, почему оное къ тѣмъ маетностямъ прежде сего принадлежало и какимъ случаямъ и въ которыхъ годѣхъ и почему жъ отъ того въ стороннѣе владѣнїе отошло и имѣется ль у тѣхъ владѣльцовъ на то какіе крѣпости, съ которыхъ ежели оныя при томъ объявлени будутъ, брать к тому точныя за руками копии и, учиня исъ того о всякомъ мѣстѣ порознь съ яснымъ показаніемъ обстоятельныя вѣдомости, подать въ Ком. Экон. немедленно.

4.

Которыя въ томъ же полку имѣются маетности, опредѣленные на ранги малорос. генер. старшинѣ и великорос. В. Г. К. и В. Г. Суда членамъ и прочимъ, также полковникамъ и полковымъ старшинамъ и сотникамъ и другимъ чинамъ, то оныя по приложеннымъ при сей же инструкціи имяннымъ даннымъ изъ В. Г. К. вѣдомостямъ освидѣтельствовавъ, переписать же дворы и жителей по имянамъ и всякіе къ дому принадлежности и доходы и работы порознь обстоятельно ж и, буде за кѣмъ сверхъ надлежащаго указаго числа явится что излишнеѣ, оное переписать особливо и о томъ въ Ком. Экон. съ обстоятельствомъ немедленно репортовать, такъ же и козаковъ въ тѣхъ маетностехъ, ежели гдѣ явятся, переписать же особно по имянамъ, сколько гдѣ дворового числа будетъ.

5.

Которыя исъ тѣхъ же своб. мает—ей по удостоеніемъ В. Г. К. назначены нѣкоторымъ генералнымъ также полковникомъ и полк. старшинамъ и бунчуковымъ товаришамъ и прочимъ чинамъ и съ требованіемъ указу представлено въ Прав. Сенатъ, а резолюціи еще не получено, оныя освидѣтельствовать же и переписать и, буде за кѣмъ изъ оныхъ явится что во владѣнїи, о томъ требовать отъ

тѣхъ владѣльцовъ, почему они тѣмъ владѣютъ, указовъ и, буде отъ кого оныя объявлены будутъ, съ оныхъ у нихъ взять за руками копні и о томъ означивать імянно; буди же отъ кого на то, почему за ними во владѣніи, указовъ объявлено не будетъ, а таковыхъ слѣдовать, для чего и почему и давно ль тѣми маестностями завладѣли и что какихъ доходовъ и работъ отъ подданныхъ въ годъ получали и изслѣдовавъ, представить Ком. Экон., а тѣхъ владѣльцовъ, кто чемъ безъ указу владѣетъ, до владѣнія того не допускать и козаковъ, буди въ тѣхъ же маестностяхъ имѣются, переписать же по імянамъ, сколько дворового числа будетъ.

6.

Ежели въ тѣхъ своб. маестн. явятца отъ нѣкоторыхъ владѣльцовъ или отъ монастырей и отъ прочихъ скупли посполитыхъ дворовъ и грунтовъ и прочихъ угодей, то о томъ чинить слѣдствие и требовать крѣпостей и, буде на то отъ тѣхъ покушниковъ какіе купчие крѣпости будутъ, съ оныхъ брать за руками вѣрныя копні, а которые купчихъ не имѣютъ, о таковыхъ подъ тѣми статьями подписывать, что владѣютъ безъ купчихъ.

7.

Понеже въ Малоросіи ж изъ своб. же маест — ей имѣются нѣкоторые в роздаче грузинскимъ князьямъ и дворянамъ, а по імянному Е. И. В. указу велено оныхъ грузинскихъ князей и дворянъ перевести къ поселению въ Аренбургскія крѣпости, токмо пока оныхъ точно перевести повелено будетъ, тѣ маестности и нинѣ состоятъ въ ихъ владѣніи, того ради тѣ всѣ розданыя имъ маестности по тому же со всякимъ обстоятельствомъ, какъ въ 1 и 2 пунктахъ означено, по тѣмъ же ревизіи 729 г. вѣдомостямъ освидѣтельствовать и вновь переписать безъ всякаго жъ упущения.

8.

Въ сочиненіи той о своб. маест. переписи и въ произвожденіи прочихъ принадлежащихъ къ тому обстоятельству имѣть Вамъ всеприлѣжное старание, чтобъ оную, какъ скоро возможно, безъ всякаго продолжения привести со всѣми къ надлежащему окончанію и для того нигдѣ не за чемъ напрасно не медлѣть.

9.

Учinia ту опись и прочіе къ тому обстоятельства, какъ о томъ выше сего показано, содержать у себя и о томъ немедленно в Ком. Экон. репортовать, а самому быть въ томъ полку до указу безотлучно и тѣ описныя своб. маестности содержать въ своемъ смотреніи добпорядочно и все описанное хранить и какіе до тѣхъ маестностей доходы напередъ сего денежныя и хлѣбныя и прочіе собраны были, оныя, (кромѣ принадлежащихъ въ скарбъ войсковой), собирать въ казну и всякіе имѣющіеся тамо заводы содержать непремѣнно по прежнему, а тѣ всѣ доходы записывать въ приходныя и расходныя книги и, по примѣру тамошнихъ приходовъ и расходовъ сочиня въ переплетѣ, присылать при доношеніяхъ своихъ для прошнурования и запечатанія въ Ком. Экон., собранныя же денежныя и хлѣбныя и прочіе всякіе доходы содержать въ добромъ смотреніи и береженіи въ безопасныхъ отъ всякихъ случаевъ мѣстахъ, дабы онымъ нимаго никакова вреда и убытка приключится не могло, а коликое число какихъ доходовъ въ зборѣ будетъ

и исъ того, что и куда въ расходъ употребется, о томъ въ Ком. Экон. присылать обстоятельные репорты помѣсячно, а по прошествіи года о томъ же присылать годовые вѣдомости; токмо о расходѣхъ всегда прилѣжно смотрѣть, чтобъ отнюдь оныхъ ничего неналежно и излишне употреблено не было, опасаясь въ томъ отвѣта и взысканія по указамъ.

10.

Въ собраніи тѣхъ доходовъ, всякими возможностями старание полагать и надъ опредѣленными всеприлѣжнише смотрѣть, чтобъ тѣ доходы какъ денежныя и хлѣбныя, такъ и прочія собираемы были добропорядочно безъ всякой доимки и при томъ бы сборѣ, кромѣ надлежащихъ въ казну излишнихъ никакихъ, а паче взятковъ не слѣдовало, претя при томъ тѣмъ, на кого тотъ сборъ положенъ, ежели хотя мало противно поступлено будетъ, жесточайшимъ истязаніемъ и казнью.

11.

Ежели въ тѣхъ мает—яхъ, гдѣ имѣются принадлежащія къ тѣмъ мает—ямъ шинки, оныя содержать по прежнему, ища наилучшей къ интересу Е. И. В. і прибыли, и при томъ накрѣпко смотрѣть, чтобъ въ тѣхъ мает—хъ стороннихъ шинковъ т.-е. полковничьихъ, старшинскихъ и другихъ владѣльцовъ, до которыхъ тѣ маетности не принадлежатъ, не было, а живущимъ въ тѣхъ маетностяхъ и другихъ местечкахъ, селѣхъ и деревняхъ козакамъ и прочимъ, которымъ по силѣ указовъ шинковать и по ярмонкамъ куфами, ведрами и квартами вино и прочія напитки продавать дозволено, никакова запрещенія не чинить, а поступать такъ, какъ напередъ сего поступано было неотмѣнно, не чиня никакихъ примѣтокъ подъ опасеніемъ за то штрафа по указамъ.

12.

Имѣющіеся въ тѣхъ мает—хъ мельницы прилѣжно осмотрѣть, въ добромъ ли оныя порядкѣ и укрѣпленіи состоятъ и нѣтъ ли опустѣлыхъ и попорченныхъ и, ежели опустѣлыя и попорченные явятца, объ оныхъ доносить въ Ком. Экон., а при томъ имѣть прилѣжное старание, дабы оныя исправить и привести въ доброе состояние и какіе напредъ сего надлежащія съ тѣхъ мельницъ доходы собираемы были, по тому же і нинѣ собирать въ казну безъ всякаго упущенія, буде же гдѣ заспособно разсудится, такія ж мельницы безъ отягощенія и обиды обывателемъ построить вновь, о томъ со всякимъ обстоятельствомъ и съ приложеніемъ своего мнѣнія доносить въ Ком. Экон.

13.

Ежели имѣются въ тѣхъ маетностяхъ рыбныя ловли, освѣдѣтельствовать и, куда съ тѣхъ рыбныхъ ловель рыба употребляется, заподлинно развѣдать и отъ кого надлежитъ взять достовѣрныя извѣстія и потому такое надлежащее разсмотрѣніе и опредѣленіе з добрымъ экономическимъ порядкомъ учинить, чтобъ всегда с того наилучшая къ интересу Е. И. В. могла слѣдовать прибыль и для того оныя по троекратной публикаціи старатца отдать на откупъ.

14.

Ежели въ тѣхъ маестностяхъ которые статьи, яко-то: мелницы, рыбныя ловли, сѣнные покосы, шинки, лавки и прочия угоды отдаются на откупъ в годъ, а иные во время ярмонковъ изъ оброковъ, оныя прилѣжно разсмотрѣть и обстоятельно развѣдать, за достойную ли цену оныя на откупъ отдаваны, и которыми сроки доходятъ, тѣ объ отдаче впредь троекратно тамошнимъ и стороннимъ жителемъ публиковать и хто по публикациямъ явится, дать торгъ съ записками, а при томъ торгъ всемѣрно стараться и искать къ интересу Е. И. В. прибыли и въ Ком. Экон. со обстоятельствомъ доносить.

15.

Прилѣжнейше имѣть смотрение, абы тѣхъ мает—ей на подданныхъ во всѣхъ по силѣ указовъ расположенияхъ и нарядахъ и во отбываніи прочихъ общенародныхъ повинностей противъ другихъ владѣльческихъ маестностей излишняго ничего налагаемо не было и тѣмъ бы они отягощенія не имѣли, ежели же онымъ какое излишнеѣ отягощеніе послѣдуетъ, о томъ представлять въ полковые и сотенныя канцеляріи и о такихъ излишествахъ требовать равномѣрнаго расположения и тѣмъ подданнымъ полегченія; буде же по тѣмъ представлениямъ отъ кого будетъ умедлено или никакова исполненія не учинено, о томъ о всемъ с яснымъ показаніемъ представлять же въ Ком. Экон. немедленно; напротивъ жъ того, по силѣ указовъ Е. И. В. изъ В. Г. К. и полковыхъ и сотенныхъ канцелярій во всемъ, что касается къ нарядомъ и общенароднымъ тягостемъ, велеть исполненіе чинить немедленно, какъ о томъ присланными указами повелено будетъ.

16.

Тѣхъ маетн—ей между подданными въ ихъ партикулярныхъ ссорахъ разбирать по прежнему ихъ малороссійскому обыкновенію въ ратушахъ ратушной старшинѣ, токмо безъ всякихъ накладовъ и взятковъ, а которые тѣхъ мает—ей подданные будутъ имѣть свои претенсіи на малорос. владѣльцовъ и на козаковъ—онымъ велеть бить челомъ въ сотен. и полк. правленіяхъ или въ В. Г. Судѣ по порядку, какъ о томъ указами повелено, а по челобитьямъ сторонныхъ владѣльцовъ и козаковъ въ завладѣніи тѣхъ маетн—ей подданными земель и прочихъ угодей чинить Вамъ слѣдствіи и, изъ того сочиня обстоятельныя выписки и краткіе экстракты, с приложеніемъ мнѣнія подавать въ Ком. Экон., а тѣхъ земель и прочихъ угодей, яко описныхъ, безъ указу никому не отдавать.

17.

Буде въ тѣхъ мает—яхъ явится кто бъ какова званія ни былъ въ важныхъ Е. И. В. дѣлахъ или хто скажетъ за собою Е. И. В. слово и дѣло, оныхъ, не распрашивая и нимало не удерживая, присылать при доношеніяхъ своихъ подъ наикрѣпчайшимъ карауломъ въ Глуховъ въ Ком. Экон., а на доношеніяхъ и конвертахъ подписывать о секретномъ дѣлѣ.

18.

Буде въ тѣхъ маетн—яхъ подданные пойманы или приличены будутъ—хто въ воровствахъ и въ разбояхъ и въ смертныхъ убійствахъ, оныхъ по силѣ указовъ для слѣдствія и розысковъ и учиненія рѣшенія отсылать въ полковые канцеляріи безъ всякаго замедленія.

19.

Для вышеописанной описи о своб. мает—яхъ свидѣтельства и переписки употреблять Вамъ изъ обрѣтающихся въ тѣхъ мает—яхъ при ратушахъ писарей и писцовъ или ихъ тамошнихъ обывателей способныхъ к тому людей с перемѣною человѣка по 2 или по 3, смотря по обстоятельству дѣль; по окончаніи же той переписки при правленіи Вашемъ имѣть такихъ же писцовъ съ перемѣною жъ человѣка по 2 изъ свободныхъ же людей, которыхъ требовать отъ ратушной старшины, токмо оныхъ собою не брать и излишнихъ не употреблять.

20.

Буде, что въ тѣхъ мает—яхъ усмотрено будетъ къ лучшему приращенію Выс. Е. И. В. интереса, о томъ крайнеѣ прилагать старание и о всемъ с яснымъ показаніемъ и обстоятельствомъ представлять въ Ком. Экон.

21.

Понеже ко исправленію всѣхъ принадлежащихъ и случающихся въ тѣхъ мает—яхъ дѣль и порядковъ и прочихъ обстоятельствъ подробно въ сей инструкции описать невозможно, того ради во всякомъ тамошнемъ правленіи и въ сборѣ всякихъ доходовъ поступать Вамъ по присяжной своей должности со изысканіемъ ползи и приращенія Выс. Е. И. В. интереса, уповая за то Выс. Е. И. В. милости; напротивъ же того, ежели хотя мало что въ тѣхъ мает—яхъ вами пренебрежено или опущено будетъ и отъ того въ интересѣ Е. И. В. послѣдуетъ какой убытокъ, въ томъ должны будете дать отвѣтъ и понести штрафъ по силѣ Е. И. В. указовъ.

22.

Будучи въ тѣхъ маетностяхъ поступать добropорядочно со всякимъ прилежаніемъ, какъ честному и доброму офицеру принадлежить, обидѣ и налогъ никому никакихъ не чинить и взятковъ ни съ кого ни за что ни подъ какимъ видомъ не брать и въ неподлежащие себѣ дѣла отнюдь не вступать, опасаясь за то штрафа по военному артикулу.

23.

На всякие при описи тѣхъ маетн—ей дѣла и для бытія Вашего въ тѣхъ маетн—яхъ у смотрения на покупку пицей бумаги, сургуча, свѣчь, чернила и прочихъ канцелярскихъ потребностей опредѣляется Вамъ нинѣ на первой случай на Лубенской полкъ изъ доходовъ Ком. Экон. денегъ 5 р., которые Вамъ, принявъ въ той Ком. с роспискою, употреблять на показанные расходы безъ излишества, имѣя тому записки и росписки имянно и затѣмъ, великое число останется, въ Комм. Экон. репортовать, токмо тѣхъ денегъ на ненадлежащие расходы отнюдь не употреблять.

24.

Для бытія Вашего въ тѣхъ маетн—яхъ у смотрения надлежитъ Вамъ имѣть квартиру въ такомъ мѣстѣ ис тѣхъ маетностей, которое бы какъ внутри тѣхъ маетностей, такъ и отъ полк. канц—ри и отъ Глухова для способнѣйшаго и ско-

рѣйшаго всякихъ по тѣмъ маети—ямъ дѣлъ исправления било въ посредственномъ разстояннїи, чего для гдѣ такой кварталѣ за способно быть усмотрите, имѣете о томъ представить въ Ком. Экон. и ожидать на то указу.

25.

О дѣлахъ, которые тайности подлежатъ въ государственныхъ дѣлахъ, оного отнюдь въ партикулярныхъ писмахъ никому не писать, ниже къ тому отъ кого отправленъ, кромѣ настоящіе реляции, а ежели какое препятствие отъ кого въ томъ или иномъ будетъ его по дѣлу, то писать волно куда за благо хто разсудитъ, толко упоминая о врученномъ ему дѣлѣ генерално, отъ чего оному повреждение есть, такъ же, ежели случатся дѣла посторонніе, тайности подлежащіе, а въ реляціяхъ къ тому, отъ кого отправленъ, писать будетъ за какимъ подозрѣніемъ невозможно, то волно писать кому въ томъ повѣритъ, а о врученномъ своемъ дѣлѣ никако инакъ толко, какъ вышеписано, подѣ жестокимъ наказаніемъ по винѣ преступления.

Подполковникъ *Вас. Лодыженскій*

Бунчуковый товаришъ *Иванъ Пироужий.*

Дана марта 28 д. 1743 года».

(Харьк. Ист. Арх. Черв. отд. № 30068.)

№ 2-й ¹⁾).

По указу Е. И. В. Ком. Экон. описныхъ на Е. И. В. малорос. маети—ей по доношенію обрѣтающагося в Переясл. и Прилуц. полкахъ капитана Кобылина, которымъ онъ о разно приключаемыхъ при чинимомъ имъ войсковимъ свободнымъ маетностямъ свидѣтельствѣ і переписи дѣлахъ в 13 п. представляя, требуетъ указу, приказали послать къ нему указъ, а в ономъ на тѣ ево пункта написать ему в резолюцію слѣдующей, а имянно на 1) объявляемыхъ от полк і сотенной старшины і прочихъ владѣльцовъ на купленные у козаковъ грунта старинныхъ і никакихъ крѣпостей, такъ же і посполитихъ, которые в томъ послѣдовали до 730 г. і тѣ посполитіе в рев. 1729 г. по которой нинѣ свидѣтельство і перепись чинитца, не написаны, не токмо не списывать, но о нихъ от нихъ і не требовать, ибо о скупляхъ у посполитихъ людей грунтовъ присланнымъ в прош. 1742 г. ис Прав. Сената указомъ велено слѣдствие учинить начавъ от 1730 г. какъ генер. ревизія о маетностяхъ окончилась, а брать такіе крѣпости і копїи, списывать о такихъ скупляхъ поспол. людей, которые учинились с начала 1730 г. і которые тѣхъ скуплей продавцы в помянут. 1729 г. ревизїи написаны; буде же при томъ явятца, что за кемъ во владѣнїи из грунтовъ или другихъ какихъ угодїй до ратушъ надлежащихъ, о такихъ, хотя і давнихъ годовъ от тѣхъ владѣльцовъ крѣпостей требовать непременно и брать с оныхъ за руками точніе копїи і со всякимъ яснимъ показаніемъ прислать к разсмотрѣнїю в Ком. Экон.,

¹⁾ Мы помѣщаемъ здѣсь лишь наиболѣе важныя по своему содержанію отвѣты Ком. Экон. на недоумѣнные вопросы—пункты кап. Кобылина.

какъ о томъ і данною інструкцію в 3 п. повелено; а которіе на такіе на уго-
днѣя ратушннѣя никакихъ крѣпостей не объявлять, таковыхъ до владѣннѣя не допус-
кать и приписывать по прежнему к ратушамъ, при томъ же накрѣпко смот-
рѣть, что ежели которіе скуплѣя явятца послѣ 741 г., то оніе, не приемля на
нихъ никакихъ и урядовыхъ купчихъ, (понеже в томъ году указомъ Сената всѣ
скуплѣя запрещени), отбирать по прежнему к свободнымъ владѣннѣямъ і причислять
к ратушамъ и отдавать всѣ темъ, чіе оное на перед того было или ихъ наслѣдникомъ;
также ежели при свидѣтельствѣ і переписи явятца, что нѣкоторые посполитіе с
ихъ грунтами и в рев. 1729 г. не показаны, но какимъ нибудь случаемъ обой-
дени, оніе подлинно посполитіе, а не козачого званія и нинѣ жителство імѣють
в свободныхъ маестностяхъ, таковыхъ по достовѣрному освѣдѣтельствваніи пи-
сать посполитими і причислять к ратушамъ, токмо о томъ, что они сверхъ той
ревизіи показались імянно... на (3) которыя разннѣя не владѣлцы владѣють грунта-
ми по продажѣ от посполитихъ людей, а тѣ продажи хотѣя прежде или послѣ рев.
1729 г. послѣдовали, но въ томъ от продавцовъ тѣмъ владѣлцомъ даны досто-
вѣрннѣя урядовнѣя купчнѣя, у таковыхъ тѣхъ грунтовъ по тѣмъ продажамъ и куп-
чимъ, что в оныхъ написано, до указу не отбирать, а что за кѣмъ явятца
сверхъ продажи и купчихъ, то все отбирать и отдавать тѣм, гдѣ оное наперед
того было, или ихъ наслѣдникомъ ис тѣмъ тѣхъ посполитихъ приписывать к ра-
тушамъ; что же тѣ продавцы объявляют, яко бы за тѣ продажннѣя ими грунта де-
негъ не получали, о томъ тѣмъ продавцамъ с тѣми покупщиками вѣдатца су-
домъ, гдѣ надлежитъ, а которіе живутъ за теми ж владѣлцами токмо подъ про-
текцію, а грунтами владѣють посполитими—они ж и в рев. 1729 г. написаны,
таковыхъ всѣхъ, несмотря ни на какіе ихъ представленія и отговорки, от тѣхъ
владѣлцовъ отбирать и, написавъ в посполитіе, ко владѣннѣю ими і ихъ грунта-
ми никого ни подъ какимъ видомъ не допускать, но велеть имъ отбывать поспо-
литскую повинность равно с прочннми при ратушахъ, потому ж которіе хотѣя
и на владѣлческихъ мѣстахъ живутъ, а грунтами посполитскими ж владѣють и
в рев. 1729 г., дѣды и отцы ихъ или они сами написаны, ежели с тѣхъ грун-
товъ посполит. повинн. отбывать не похотятъ, до владѣннѣя тѣми грунтами не до-
пускать же, но, отобравъ вси, причислять к ратушамъ и отдавать желающимъ
кто с того посполитс. должность отбываль и буде и оніе живущнѣя за владѣл-
цами ту же надлежашую посполитс. должность отбывать пожелають, то тѣ грун-
та оставлять в ихъ владѣннѣя, токмо в томъ брать у таковыхъ с надлежашимъ
подкрѣпленнѣемъ на ратушахъ писменннѣя обязательства;—на (4) пустовскннѣя послѣ
умершихъ зшедшихъ посполитихъ пляцы и грунта приходящимъ и желающимъ на
онихъ жить отдавать; токмо при том накрѣпко смотреть того, чтобъ на тѣ пля-
цы и грунта принимаемы были одннѣя свободныя, малоросійскннѣя, а бѣглихъ и
крѣпостныхъ великор. и слободскихъ полковъ отнюдь не принимать подъ опа-
сеннѣемъ за то отвѣта по указамъ, а когда вишеупомян. шедшіе посполитіе на
прежннѣя свои жилища возвратятца, таковымъ вмѣсто тѣхъ поселившихся на ихъ
пляцахъ пришелцовъ отводить другннѣя такіе же пустовскннѣя мѣста; по нихъ посе-
лившихся с тѣхъ ихъ мѣстъ не ссилать а полевіе такихъ шедшихъ грунта, к
которымъ никого вовладѣннѣя взять и надлежашей повинности отбывать охотни-
ковъ не сищеть ся, причисляя к ратушамъ, отдавать желающимъ из скопщннѣя
по тамошнему обикновению без опущеннѣя и что ис чего владѣннѣя взято будетъ, за-
писывать в приходъ імянно—на (5) за кѣмъ на отбѣжскихъ посполитихъ мѣ-
стахъ и грунтахъ какіе явятца двори, лавки, солодовннѣя, винокурннѣя, хутори и
прочннѣя угодннѣя, а указовъ и никакихъ на то достовѣрннѣя урядовыхъ крѣпостей
от тѣхъ, хто тѣмъ владѣеть, объявлено не будетъ, оніе ж отбѣжскннѣя мѣста и

грунта напередъ сего были тѣхъ посполитихъ, которіе в рев. 1729 г. написани, а ратушніе хотя бы и прежде того, то о таковыхъ заподлинно освидѣтелствовахъ и описавъ всехъ имянно, на тѣхъ людей, хто тѣмъ владѣть, власть в казну надлежачей с того платеж и повинности без опущения, даби никто казеннимъ напрасно не владѣль и не користовался и буде тѣ люди в томъ упрямствомъ своимъ ничего с того платить и отбывать не похотятъ, то у нихъ тѣ мѣста и грунта, яко неналежно ими владѣние, отобравъ, приписывать к ратушамъ и в Ком. Экон. о всемъ обстоятелно писать... на (7) которіе ис посполитихъ по наслѣдню или по какому другому случаю живутъ на козацкихъ грунтахъ, а поспол. грунтов за собой ничего не имѣютъ, до таковыхъ никакихъ от ратушъ требованій имѣть не надлежитъ и буде они по тѣмъ грунтамъ в козацкомъ званіи находятца или козацкую службу отбываютъ, то ихъ и писать козаками, токмо ежели изъ нихъ хто въ рев. 729 г. написанъ, о томъ при свидѣтельствѣ и переписи отмѣчать, имянно показывая, что оной перешель и живетъ на козацкихъ грунтахъ, потому которіе посполитіе у козаковъ грунты нанимаютъ или в ихъ дворахъ живутъ, а своихъ собственныхъ поспол. дворовъ и грунтовъ не имѣютъ — к посполству не привлекать, а писать козацкими подсуѣдками, токмо при томъ подъ видомъ того не происходило какова от посполитской должности укривательства, в чемъ надлежитъ имѣть прилѣжное смотрение неослабно и ежели, что ис того послѣдует, то со обстоятелствомъ о томъ доносить в Ком. Экон.... (9) хто козаки и прочіе владѣльцы по скуплѣ и за долги, а иніе по смерти и по збѣгѣ какими посполитскими грунтами, которіе по рев. 1729 г. написаны, завладѣли, на то за нихъ требовать достовѣрныхъ урядовихъ крѣпостей; при чемъ и которіе грунта по тѣмъ крѣпостямъ явятца доставшиися им до 742 г., у таковыхъ тѣхъ грунтовъ до указу не отбирать, но тѣхъ крѣпостей для разсмотрения при обстоятелномъ извѣстіи прислать в Ком. Экон. точніе копіи, буде же от тѣхъ владѣльцовъ никакихъ достовѣр. урядовыхъ крѣпостей на то объявлено не будетъ, а тѣ грунта подлинно посполитые и во владѣніе к нимъ пришли послѣ рев. 1729 г., оне ж владѣльцы с тѣхъ грунтовъ надлежачей к ратуше повинности отбывать не похотятъ, то тѣхъ ко владѣнію тѣхъ грунтовъ не допускать, но, отобравъ, отдавать другимъ, хто с того всякую повинность отбывать будет, а впредъ того на крѣпко от ратушъ смотрѣть чтобъ никто свобод. поспол. грунтомъ ни подъ какимъ видомъ неналежно отнюдь не владѣль, и о скупляхъ, послѣдовавшихъ с начала 1742 г., поступать, какъ в I п. написано, а своеручнимъ партикулярнимъ и словеснимъ приказамъ ни в чемъ и в дѣйство не производить, (10) которіе владѣльцы объявлять не будутъ на владѣніе ими послѣ умерш. посполитихъ людей грунта крѣпости и купчихъ тѣ, почему оне умершіе владѣли, а у онихъ владѣльцовъ на тѣ крѣпости и купчие, какимъ образомъ оне к нимъ достались, писменныхъ достовѣрныхъ урядовихъ крѣпостей неимѣется, а завладѣли какимъ нибудь случаемъ неналежно, к тому же тѣ грунта подлинно посполитіе и во владѣніи к нимъ пришли послѣ 729 г., также которіе такими ж посполитими грунтами владѣютъ по духовнымъ и своеручнымъ писменнымъ и словеснымъ приказомъ и по арестамъ, таковыхъ ко владѣнію техъ грунтовъ недопускать, но, отобравъ, отдавать наслѣдникомъ и свойственникомъ или другимъ стороннимъ, которіе б с того ратушную повинность отбывали, а буде ко взятю техъ грунтовъ и ко отбыванію с нихъ повинн. никого охотнихъ не сищется, то тѣ грунта приписывать к ратушамъ и имѣть старание, чтобъ с нихъ могла быть надлежачая прибыль безъ опущения... (12) которіе полковихъ и сотеннихъ старшинъ и прочего козаческаго званія дѣти и внучата поставлени попами ж и живутъ подлинно на дѣдовскихъ и отцевскихъ своихъ грунтахъ, так же и по женамъ такими ж ко-

зачіими грунтами владбють, а посполитихъ грунтов, а особливо послѣ рев. 1729 г. и никакихъ за собою не имбють, до таковыхъ ничемъ к ратушамъ не интересоватся, понеже они по темъ своимъ козачіимъ грунтамъ до посполитской повинности не надлежать—(13) об отданныхъ от посполитихъ на поминовение в монастыри и на церкви и попамъ всякихъ угодіяхъ поступать, какъ о томъ в данныхъ в 728 г. изъ Верх. Т. Сов. гет. Апостола рѣшител. пунктахъ повелено, не премѣнно и о всемъ вишепис—омъ такови жъ указы для извѣстія и надлежащего в такихъ же случаяхъ исполнения послать и къ протчимъ обрѣтающимся в малорос. полкахъ у такого жъ свидѣтельства и переписи войсков. свобод. маетностей обер-афицерамъ, а при томъ для лучшаго имъ усмотрения ис показаннаго капит. Кобылина доношения сообщить точніе копіи. декаб. 14 д. 1743 г. подполковникъ Вас. Лодыженскій. Бунч. тов. Ів. Пироцкій.

(Ibidem № 30506.)

КЪ ИСТОРИИ НОВГОРОДА-СЪВЕРСКАГО.

Д. П. Миллера.

При составленіи программы подготовительныхъ работъ для Черниговскаго Съезда было высказано пожеланіе, чтобы ко времени Съезда было произведено изученіе прошлаго городовъ и сель Черниговщины. Къ сожалѣнію, какъ это часто бываетъ, пожеланіе это осталось невыполненнымъ. Передъ нами только краткій очеркъ исторіи г. Чернигова,—очеркъ, прекрасно написанный, не оставляющій безъ вниманія ни одного изъ важнѣйшихъ факторовъ мѣстной жизни, но все же—онъ одинъ. А, между тѣмъ, Черниговщина, въ смыслѣ обследованія своего прошлаго, находится въ гораздо болѣе счастливыхъ условіяхъ, нежели другія мѣстности имперіи. Надъ ея исторіей работали Шафонскій, преосвященный Филаретъ, а въ наши дни—незабвенный А. М. Лазаревскій. Ими положено солидное начало, и мѣстнымъ изслѣдователямъ черниговской старины, казалось бы, оставалось только продолжить сдѣланное и дополнить новыми данными. Къ сожалѣнію, этого не сдѣлано...

Такой пробѣлъ въ выполненіи программы даетъ намъ смѣлость выступить кое съ какими новыми матеріалами, относящимися къ исторіи одного изъ старѣйшихъ городовъ Черниговщины, — Новгорода-Сѣверскаго. Предлагаемые матеріалы относятся къ первой половинѣ XVIII в. и дополняютъ тѣ свѣдѣнія о Новгородѣ-Сѣверскомъ этого времени, какія даны А. М. Лазаревскимъ.

Новгородъ-Сѣверскъ, издавшій когда-то въ своихъ стѣнахъ черниговскихъ Ольговичей, принимавшій Басманова и перваго самозванца, по Деулинскому перемирію отданъ былъ полякамъ, въ 1632 г. вновь отнятъ русскими войсками, которыя «литовскихъ людей побили всѣхъ и городъ сожгли», а черезъ два года, въ 1634 г., въ силу Поляновскаго договора, опять отданъ Польшѣ. Памятникомъ кратковременнаго пребыванія здѣсь поляковъ остался доминиканскій «кляшторъ», просуществовавшій до 1648 г., когда волна народной революціи вынесла поляковъ изъ Украйны, и магдебургское право, грамота на которое, выданная Сигизмундомъ III, погибла во время разоренія города русскими войсками въ 1632 г. Это отсутствіе грамоты на магдебургію дало покойному А. М. Лазаревскому поводъ даже усомниться въ дѣйствительности существованія когда-либо у Новгорода магдебургскаго права, но позднѣйшее обследованіе вопроса, произведенное проф. Д. И. Багалъемъ, доказало, что Новгородъ былъ при полякахъ «упривиліюваннымъ» городомъ, и магдебургское право ему принадлежало¹⁾. Какъ

¹⁾ Багалъй. „Новый историкъ Малороссіи“, стр. 66—72.

бы то ни было, фактъ тотъ, что въ концѣ XVII и въ первую половину XVIII в. магдебургскимъ правомъ новгородцы уже не пользовались, и это значительно ухудшало ихъ положеніе.

По изгнаніи поляковъ Новгородъ-Сѣверскій сталъ сотеннымъ городомъ Стародубскаго полка. Здѣсь жилъ сотникъ и прочая сотенная старшина, начальству коей по закону подлежали одни казаки, но въ дѣйствительности, можно сказать, все населеніе сотни. Новгородское мѣщанство, насколько то позволялъ произволъ казачьей старшины, управлялось магистратомъ, во главѣ котораго стоялъ войтъ. Для содержанія магистрата и облегченія общенародныхъ повинностей новгородскихъ мѣщанъ, къ магистрату было приписано нѣсколько сель. Еще въ 1720 г. въ одномъ изъ универсаловъ Скоропадскаго упоминаются магистратскія села: Комонь, Дробышовъ, Юхновъ, Рыковъ, Лѣсконоги, Ленъковъ, Очкинъ, Нефедовка и Араповичи. Но уже при Апостолѣ села эти стали отбираться отъ магистрата, а при Разумовскомъ у магистрата забраны были и послѣдніе остатки его владѣній. Подъ бокомъ у горожанъ былъ богатый Спасскій монастырь, владѣвшій рядомъ сель.

Новгородъ-Сѣверскій расположенъ на Деснѣ. Десна и была кормилицей и полицей значительной части его населенія. По Деснѣ пригонялись изъ Брянскаго и Трубчевскаго уѣздовъ плоты, приходили струги и байдаки съ разными товарами. Изъ пригоняемаго лѣса новгородцы строили байдаки, на которыхъ и отправляли внизъ по рѣкѣ горячее вино, конопляное масло, а также мѣлъ и известь, выдѣлываемую на «свапныхъ майданахъ», которыхъ было много возлѣ магистратскихъ сель Араповичъ, Дробышова и Комоня. Была и кое-какая торговля: торговали пенькою, разными шленскими и московскими товарами. Курили горѣлку на своихъ винокурняхъ и занимались ремеслами: въ городѣ было много сапожниковъ, шапочниковъ и портныхъ.

Жить, казалось-бы, можно было сносно, но новгородцамъ жилось чрезвычайно плохо. И виноваты были въ этомъ не они, а то общественное беззарядье, которое въ тотъ вѣкъ царило въ Россіи вообще, а гетманщинѣ въ особенности.

Довимало новгородцевъ начальство. Въ 1715 г. въ Новгородъ сотникомъ по особому царскому указу былъ назначенъ разстрига-протопопъ Лисовскій въ воздаяніе за какую-то его нарочитую вѣрность. Передъ людьми, кои получили свою инвестиру изъ Высочайшихъ рукъ, мѣстное начальство было безсильно, и свобода имъ была полная, а свободу эту они обычно употребляли во зло своимъ подкоманднымъ, для собственнаго «лакомства». Не успѣлъ пріѣхать въ Новгородъ Лисовскій, какъ уже начались жалобы на его тиранства и грабительства. Лисовскій самовольно забиралъ деньги изъ городской кассы, отнималъ обывательскихъ и войсковыхъ лошадей, боемъ и «взянемъ» (тюрьмою) вымогалъ у мѣщанъ деньги, заводилъ «аренды» въ ратушныхъ селахъ, вымогалъ взятки за увольненіе отъ походовъ. Разстрига-протопопъ не щадилъ даже церквей и духовенства: у одного ктитора забралъ церковныя деньги да такъ и не отдалъ, заставлялъ прихожанъ выбирать въ попы кандидата, съ котораго предварительно взялъ «мзду довольную», и пр. и пр.

Жаловались новгородцы гетману, но что могъ сдѣлать гетманъ Скоропадскій съ человѣкомъ, назначеннымъ самимъ царемъ? Жаловались и царю, но и тутъ ничего не добились. Въ 1719 г. послѣ новыхъ жалобъ «ясновельможный» осмѣлѣлъ и назначилъ надъ Лисовскимъ слѣдствіе. Оказалось, что ратушный судъ Лисовскимъ почти уничтоженъ, что онъ запрещалъ мѣщанамъ собираться въ ратушу для обсужденія общественныхъ дѣлъ, что онъ расправлялся съ новгородцами собственными кулаками, а когда не надѣялся на свою физическую силу, то мучилъ людей пытками. Одного заслуженнаго казака рѣшилъ повѣсить и по-

вѣсилъ бы, если бы не былъ остановленъ квартировавшими въ Новгородѣ солдатами. И надъ слѣдователемъ, и надъ гетманомъ Лисовскій только смѣялся, заявляя, что онъ гетману не подсуденъ, и продолжалъ попрежнему насильничать. «Дальше Богъ вѣдаетъ, что съ нами будетъ,—писали въ это время новгородцы гетману.— Боимся и на рынокъ выходить, всегда въ печали будучи, не безпечны здоровья своего пребываемъ, и одного часу отраднаго не имѣя... Должно быть, придется не одному смертью пострадать, а умаленіе здоровья своего отъ рукъ его (Лисовскаго) многіе уже узнали»... Къ счастью для новгородцевъ, оказалось, что бывшій протопопъ, а ихъ сотникъ — двоеженецъ. Въ дѣло вмѣшался Синодъ, и Лисовскаго убрали.

Грабителемъ оказался и преемникъ Лисовскаго — Христочевскій, Высочайше пожалованный на сотничество изъ придворныхъ пѣвчихъ. Уже первый мѣсяцъ своего сотничества онъ ознаменовалъ побоями, грабительствомъ и разными обидами. За это Христочевскій былъ скинутъ съ сотничества, но, нѣсколько времени спустя, вновь водворился въ Новгородѣ и правилъ имъ до 1738 г.¹⁾—Къ грабительству и произволу управляющихъ присоединялась тяжесть повинностей, ставшая особенно замѣтной послѣ «шведской руины». Отъ поборовъ и натуральныхъ повинностей, падавшихъ исключительно на мѣщанство, укрыться можно было только переходомъ въ другіе общественные классы. И вотъ началось бѣгство изъ рядовъ «славетнаго» мѣщанства. Кто побогаче, тѣ стали вписываться въ казаки... Положимъ, что ни дѣды, ни отцы ихъ казаками не были, и правъ на включеніе въ компуть они никакихъ не имѣли, но въ то время право пріобрѣталось деньгами. Чтобы стать казакомъ, лицомъ привилегированнымъ, избавленнымъ отъ всякихъ иныхъ, кромѣ военной службы, работъ и повинностей, нужно было дать взятку сотнику, а иногда и кому повыше. И давали охотно, кто только могъ дать. Кто побѣднѣе, тѣ отходили подъ протекцію разныхъ сильныхъ владѣльцевъ, которые и «щитили» ихъ собою отъ мѣщанскихъ податей и повинностей, а совсѣмъ уже бѣдные переходили въ «подсудки» или въ наемники къ новгородскимъ же казакамъ и урядникамъ и, благодаря этому, также становились свободными отъ мѣщанскихъ повинностей. Число мѣщанъ постепенно уменьшалось, а оставшимся съ каждымъ годомъ все труднѣе и труднѣе становилось нести лежавшія на горожанамъ повинности. Уже при Скоропадскомъ новгородцы обращались къ гетману съ жалобой на свое стѣсненное положеніе, и результатомъ ея былъ универсалъ 1719 г., которымъ было велѣно «протекціантамъ», живущимъ во владѣльческихъ дворахъ, чинить гражданамъ вспоможеніе во всѣхъ общенародныхъ повинностяхъ. Но, какъ извѣстно, гетманскій универсалъ при Скоропадскомъ былъ только листомъ бумаги, не больше. Тяжелое положеніе новгородцевъ не стало болѣе легкимъ, когда отъ нихъ въ 1722 г. былъ отобранъ Рыковъ. Правда, въ слѣдующемъ же году Рыковъ былъ возвращенъ, но за то черезъ семь лѣтъ, въ 1730 г., былъ отобранъ Очкинъ, а, между тѣмъ, здѣсь было около 100 мужичьихъ дворовъ, отъ которыхъ новгородское мѣщанство получало солидную помощь.

Въ Аннинское время къ обычнымъ повинностямъ новгородскихъ мѣщанъ прибавились и чрезвычайныя, вызванныя военными обстоятельствами. Въ виду турецкой войны, въ Брянскѣ на р. Деснѣ завели верфь и на ней ускоренно строили суда, которыя, спустившись Днѣпромъ въ Черное море, должны были дѣйствовать противъ Турціи. Суда эти, — говоритъ проф. Ключевскій, — строились по системѣ тяпъ-ляпъ и по окончаніи войны были признаны никуда не годными. Но эта

¹⁾ Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи. Т. I, стр. 202—207.

импровизированная флотилія причинила массу хлопотъ и огорченій мѣщанамъ Новгорода-Сѣверскаго, мимо котораго она проходила. На новгородцевъ возложены были въ нѣкоторомъ родѣ интендантскія обязанности. Здѣсь были учреждены три комиссіи. Одна занималась свозомъ и пріемомъ указнаго провіанта съ ревизскихъ душъ Бѣлгородской губерніи. Она заставила новгородскихъ мѣщанъ строить складочныя «магазинны» и сараи, въ которыхъ хранился свезенный хлѣбъ. Поставки производились въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и употреблялись на нихъ только работники отъ новгородскихъ мѣщанъ, конечно, безъ всякой заплаты. Другая комиссія занималась отправкой собраннаго провіанта на байдакахъ Десною въ днѣпровскіе «магазинны». Обязанность починять и исправлять байдаки была возложена на тѣхъ же мѣщанъ. Матеріалу для починокъ не полагалось: его должны были доставлять сами же новгородцы, съ которыхъ въ это время было взято дерева, драни и прочихъ матеріаловъ «многія тысячи». Вozить хлѣбъ для погрузки въ байдаки на собственныхъ подводахъ обязаны были опять-таки новгородцы «безъ всякой изъ другихъ мѣстъ помощи и платы». Третья комиссія занималась скупкою провіанта. Новгородцевъ заставляли перемолачивать скупленный хлѣбъ въ муку и перепекать въ сухари. Они же обязаны были и принимать на пристани привозимый провіантъ, нагружать его въ байдаки и отправлять въ Переволочную и въ другія мѣста. Починка этихъ байдаковъ также лежала на обязанности новгородскихъ мѣщанъ.

Интендантами поневолѣ пребывали новгородцы въ теченіе ряда лѣтъ, пока тянулась война. Это, однако, не избавляло ихъ и отъ другихъ повинностей, вызываемыхъ военными обстоятельствами. Когда мимо Новгорода проходила пресловутая флотилія, почти ежедневно на нее приходилось давать по сто и по полтораста работниковъ «не токмо что зъ мужеска, но и зъ женска полу», и всякіе припасы и матеріалы для флотиліи отъ города дѣлали, и все испорченное мѣщанами починивалось. За флотиліей слѣдовали команды на байдакахъ съ провіантомъ, воинскими припасами, пулями, порохомъ, пушками и бомбами, плоты съ лѣсомъ и съ разными припасами на строеніе въ Очаковѣ церквей и хоромъ. Для нихъ съ новгородцевъ было взято безденежно до нѣсколькихъ тысячъ дерева, и на тѣ плоты взято изъ горожанъ работниковъ не мало, изъ которыхъ иные «запроважены» были до Кіева, а иные до самой Переволочной. Байдаки при слѣдованіи мимо Новгорода не рѣдко разбивались о корчи. Тогда новгородцевъ наряжали вытаскивать изъ воды муку и пересушивать ее въ сухари. Они же обязаны были чинить побитые байдаки, грузить ихъ и отгонять, куда прикажутъ. «И въ то военное время слѣдующими р. Десною командами всѣ имѣвшіеся на Деснѣ мѣщанскіе дубы, лодки и прочія водныя суда безъ остатку позабраны безденежно».

Къ обидамъ отъ собственнаго начальства, къ непомѣрной тягости поборовъ и натуральныхъ повинностей, вызванныхъ войною, прибавлялось и еще одно «божеское наказаніе»: въ Новгородѣ почти постоянно стояли винтеръ-квартирою разные «консистенты»: въ 1738 г.—штабъ и рота Луцкаго драгунскаго полка, въ 1741 г.—штабъ и рота Московскаго драгунскаго полка, въ 1743 г.—штабъ и рота Нарвскаго драгунскаго полка, въ 1744 г.—штабъ стараго охочекомоннаго Чеснокова полка, въ 1746 г.—штабъ и рота тверскихъ драгунъ. Разумѣется, новгородцы жаловались на постоянныя «обиды», причиняемыя постояльцами, какъ жаловались и жители остальныхъ городовъ и селъ гетманщины, гдѣ только стояли «консистенты». Кражи, грабежи, жестокіе побои—были обычными явленіями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ квартировали войсковыя части.

Умолкла «гроза военной непогоды», но и въ мирное время новгородцамъ жи-

лось отнюдь не безпечально. Какъ свободный городъ, не пользующійся магдебургскимъ правомъ, попалъ Новгородъ подъ вѣдѣніе учрежденной въ 1742 г. комиссіи экономіи, и пришлось ему тогда испытать «знатныя тяжести и изобижденія». Въ числѣ членовъ комиссіи былъ подполковникъ Лодыженскій, который былъ золь на новгородскихъ мѣщанъ за то, что они «ему въ подданство по свободности г. Новгорода не пришли». Въ 1743 г. Лодыженскій выпросилъ-было себѣ въ подданство 50 дворовъ новгородскихъ мѣщанъ; новгородцы запротестовали, отстаивая передъ высшимъ краевымъ начальствомъ свое право на свободу, и добились-таки того, что Лодыженскому стать новгородскимъ помѣщикомъ не удалось... Отсюда и пошло «недоброхотство» Лодыженскаго къ новгородскому мѣщанству. Когда изъ Сената пришелъ указъ объ отдачѣ гадячскому полковнику Галецкому 150 дворовъ изъ свободныхъ посполитыхъ, Лодыженскій предложилъ отдать новгородцевъ. Начались просьбы и жалобы. Мѣщане доказывали, что ихъ, «яко издревле будучихъ свободныхъ», въ партикулярное подданство отдать нельзя. Дѣло разсматривалось и въ комиссіи экономіи, и въ министерской канцеляріи и въ концѣ концовъ окончилось въ пользу новгородцевъ. И за такую свою строптивость новгородцы сильно поплатились, ибо за все время существованія комиссіи терпѣли они горькія отягощенія разными «работизнами» и другими тяжкими напастями.

Изъ нихъ каждагодно выбирались счетчики, которые должны были круглый годъ жить на свои средства въ Глуховѣ безвыѣздно, занимаясь порученною имъ работою; кромѣ того, изъ новгородцевъ же брались въ Глуховѣ сборщики, писцы и сторожа. Не оставлялись въ покоѣ и новгородскіе «художники». Такъ, въ 1744 г. изъ Новгорода было выслано въ Глуховѣ семь человекъ плотниковъ для устройства триумфальныхъ воротъ; потомъ потребовались гончары, которые въ числѣ шести человекъ приставлены были къ устройству и починкѣ печей въ министерскомъ домѣ; потомъ взяли пять человекъ новгородскихъ стекольщиковъ для устройства фонарей и пр.

Издавна лежала на новгородцахъ повинность по отношенію къ мельницѣ порохового завода. Гдѣ именно находился заводъ, — не знаемъ, но знаемъ, что изъ Новгорода во всякое время года, лѣтомъ и зимою, чаще всего въ осеннее бездорожье, на мельницу наряжались пѣшіе и конные работники, на обязанности которыхъ лежала и доставка на мельницу дерева и разныхъ необходимыхъ для нея принадлежностей. Работниковъ и подводчиковъ мѣщанство большею частью нанимало за деньги. Въ 1746 г., кромѣ обычныхъ нарядовъ, послано было въ концѣ августа 10 человекъ съ подводами для починки мельницы, на которыхъ издержано не мало мѣщанскихъ денегъ, ибо на конныхъ и пѣшихъ работниковъ приходилось расходовать по 30 руб. въ мѣсяцъ. Въ 1747 г., въ самую распутицу, на мельницу послано было 20 работниковъ съ инструментами для починки крышъ и другихъ работъ; уплатить имъ пришлось по полтора рубля въ мѣсяцъ каждому.

Мельница порохового завода находилась, конечно, въ вѣдомствѣ генеральной артиллеріи. Ей же, полагать нужно, принадлежала и Полевицкая степь, дававшая сѣно для артиллерійскихъ лошадей. Нарядъ на «полевицкія сѣножати» издавна былъ одною изъ очень тяжелыхъ повинностей новгородскихъ мѣщанъ. Сюда ежегодно наряжали изъ Новгорода косарей «по не малому числу». Такъ, въ 1747 г. туда послано 50 косарей, нанятыхъ по 50 коп. въ недѣлю; пробыли они тамъ мѣсяцъ, и это обошлось новгородскимъ мѣщанамъ во 100 руб. Затѣмъ опять видимъ нарядъ на тѣ же сѣножати 25 подводъ съ работниками, которымъ пришлось уплатить 50 руб., а всего наряды на Полевицкую степь въ одномъ только 1747 г. обошлись мѣщанамъ въ 210 руб.

Наряды по указамъ комиссіи экономіи были вообще разнообразны. Такъ, въ

1749 году по указу комиссіи высылалось изъ Новгорода по 35 работниковъ и больше въ с. Карачевку для выгрузки перевезеннаго по Деснѣ казеннаго дерева для постройки въ Глуховѣ хоромъ. Работники эти заняты были порученнымъ имъ дѣломъ цѣлыхъ пять мѣсяцевъ. Потомъ велѣно было выслать 316 подводъ для перевозки выгруженнаго дерева въ Глуховъ, что обошлось новгородцамъ въ 347 руб.

Не забудемъ еще, что, кромѣ комиссіи, натуральныя повинности накладывала на новгородскихъ мѣщанъ и полковая канцелярія. Такъ, по распоряженіямъ канцеляріи, новгородцамъ приходилось отправлять до самаго Глухова колодниковъ разнаго рода ка мѣщанскихъ подводахъ.

Комиссія экономіи перестала существовать, но тяжесть натуральныхъ повинностей не сдѣлалась легче. Вотъ маленькій перечень мѣщанскихъ нарядовъ за первую половину 1751 г.

Январь. Нарядъ 50 подводъ для перевозки отъ с. Пироговки до Глухова тесу.

Февраль. Нарядъ 50 подводъ отъ города и принадлежащихъ ему сель для перевозки въ Глуховъ дерева на починку тамошняго острога. Выслано, кромѣ того, по указу генеральной войсковой канцеляріи 5 мѣщанъ въ распоряженіе сотника Судіенка для постройки «вапенныхъ» заводовъ возлѣ сель Мезина и Псаровки.

Мартъ. Нарядъ 25 подводъ изъ г. Новгорода и 40 подводъ изъ принадлежавшихъ городу сель для перевозки дерева для починки глуховскаго острога. Новый нарядъ рабочихъ «не по малому числу» на «вапенные» заводы по требованіямъ сотника Судіенка.

Май. Выслано 8 чел. для поднятія затонувшихъ возлѣ Новгорода байдаковъ. Выслано 4 работника для починки и конопаченія поднятыхъ байдаковъ. Нарядено для нагрузки двухъ байдаковъ 15, а затѣмъ еще 17 работниковъ, потомъ для отправки байдаковъ въ с. Мезинъ дано 3 лоцмана и 10 работниковъ. Люди эти находились на работѣ болѣе двухъ недѣль на своихъ харчахъ. Выслано по указу Генеральной Канцеляріи изъ города и принадлежащихъ ему сель 30 работниковъ для отправки плотовъ въ с. Мезинъ да 80 для сплава плотовъ отъ Пироговской пристани до устья р. Сейма. Работники эти обрѣтались въ командировкѣ «черезъ не малое время», ни отъ кого не получая платы.

Июнь. Нарядъ 12 мѣщанъ для пересушки казенныхъ рогожъ. (Нужно замѣтить, что къ смотрѣнію за казенными рогожами, оставшимися въ «магазиннахъ» послѣ военнаго времени, всегда было опредѣляемо по нѣскольکو человекъ). Выслано 6 работниковъ для починки и покрытія казенныхъ амбаровъ. Нарядено два работника для обивки байдаковъ. Выслано по требованію сотника 30 подводъ въ с. Есмань.

Июль. Выслано по требованію сотника въ с. Мезинъ для устройства «вапеной шопы» и рубки дровъ 40 работниковъ. Нарядъ мотивированъ тѣмъ, что сотникъ, будто бы, никакъ не могъ сыскать работниковъ по найму. Новгородцы работали совершенно бесплатно и, что обиднѣе всего для нихъ, какъ разъ въ самое такое время, когда рабочія руки до зарѣзу нужны въ полѣ. Наконецъ, 17 іюля былъ полученъ ордеръ Генеральной Войсковой Канцеляріи о высылкѣ изъ Новгорода 48 да изъ принадлежавшихъ городу сель 30 подводъ для перевозки отъ Пироговской пристани въ Глуховъ дерева, а по новому ордеру — для перевозки въ Глуховъ «вапна» (известь). Новый нарядъ, совпавшій какъ разъ съ усиленными полевыми работами, былъ для многихъ прямо-таки полнымъ разореніемъ. Конечно, явились протестанты какъ изъ горожанъ, такъ и селянъ, которые указывали начальству, что если имъ ѣхать въ нарядъ, то за ихъ одиночествомъ придуть они къ «послѣднѣйшей нищетѣ», ибо ни косить, ни убирать хлѣбъ за нихъ некому. Но протестанты должны были умолкнуть и отправиться, куда ихъ посы-

лали. Горожане, принимая въ расчетъ ихъ безвыходное положеніе, постановили уплатить всякой подводѣ въ недѣлю по рублю, а вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовать передъ гетманомъ о «милостивомъ респектѣ»: отпустить новгородскихъ подводчиковъ, когда они разъ привезутъ «ванно» въ Глуховъ, а на ихъ мѣсто опредѣлить другихъ. Какой конецъ воспріяло это ходатайство, — не знаемъ, но знаемъ, что и раньше новгородцы доносили «по командѣ» черезъ Стародубскую полковую канцелярію о своемъ тяжеломъ положеніи, «токмо по тому доношенію жаднаго респекту отъ полковой канцеляріи не учинено».

Каковы же были результаты столь незаконнаго распоряженія силами и средствами населенія? Довольно печальные. «Многіе города Новгородѣ обыватели — если вѣрять свидѣтельству новгородскаго войта и «мѣйскаго» уряда — пришли къ крайней нищетѣ и такому несостоянію, что иные, задолжавъ людямъ и оставляя дворы свои впустѣ, а другіе, продавъ ихъ, сами въ сторону волочатся, а прочіе, продавши, живутъ въ тѣхъ же дворахъ уже какъ подсудьбки». Тяжесть общенародныхъ повинностей заставляла многихъ мѣщанъ и «художниковъ», убѣгая отъ поборовъ и нарядовъ, уходить подъ протекцію сильныхъ персонъ и такимъ образомъ укрываться отъ податей. Иные позаписывались съ мѣщанскими «грунтами» въ казаки. Защищаемые сотеннымъ начальствомъ или владѣльцами, такіе горожане не несли никакихъ тяготъ вмѣстѣ съ прочими мѣщанами, а между тѣмъ они числились въ мѣщанской ревизіи, и мѣщане обязаны были отбывать за нихъ всѣ подати и повинности. Въ концѣ концовъ новгородскіе мѣщане, купечество и промышленники пришли въ «умаленіе». Мѣстное купечество «оскудѣло въ дѣйстви своемъ», а вмѣсто него размножилось торговыхъ великороссійскихъ купцовъ-раскольщиковъ, жившихъ въ дворахъ новгородскаго сотника и другихъ владѣльцевъ и никакихъ службъ, дачъ и повинностей гражданскихъ не отбывавших¹⁾.

Въ 1752 г., доведенные до истощенія, новгородцы вспомнили о своихъ старыхъ привилегіяхъ и обратились къ гетману съ просьбой о возстановленіи у нихъ магдебургскаго права. И просьба была услышана.

Поправила ли магдебургія экономическое положеніе новгородскаго мѣщанства, — сказать, по отсутствію документальныхъ данныхъ, не можемъ. Извѣстно только, что ко времени учрежденія намѣстничествъ Новгородъ-Сѣверскій былъ однимъ изъ лучшихъ городовъ Малороссіи, и это дало ему право стать главнымъ центромъ цѣлаго намѣстничества — Новгородъ-Сѣверскаго.

¹⁾ Арх. Мал. Коллегіи. Доношеніе Новгородъ-Сѣверскаго войта Афанасія Томилевскаго и бурмистровъ въ Генеральную Войсковую Канцелярію 1751 г.

ЦѢПНАЯ БИТВА 636 г. ВЪ ПАЛЕСТИНѢ *

И. Я. Стеллеукий.

Цѣпная, или Ярмукская, битва принадлежитъ къ числу крупнѣйшихъ событій всемірной исторіи, какъ послужившая для исламитовъ-побѣдителей ключемъ къ завоеванію востока и запада, до предѣловъ Франціи. Первостепенной важности событіе это въ исторіи остается, однако, темнымъ пятномъ: то ему дается тенденціозное освѣщеніе (арабскими историками), то оно замалчивается вовсе (византійскими). Возстановить, въ строгомъ соотвѣтствіи исторической правдѣ, всѣ обстоятельства страшнаго погрома, положившаго начало конца міровой имперіи Юстиніана—задача настоящаго очерка.

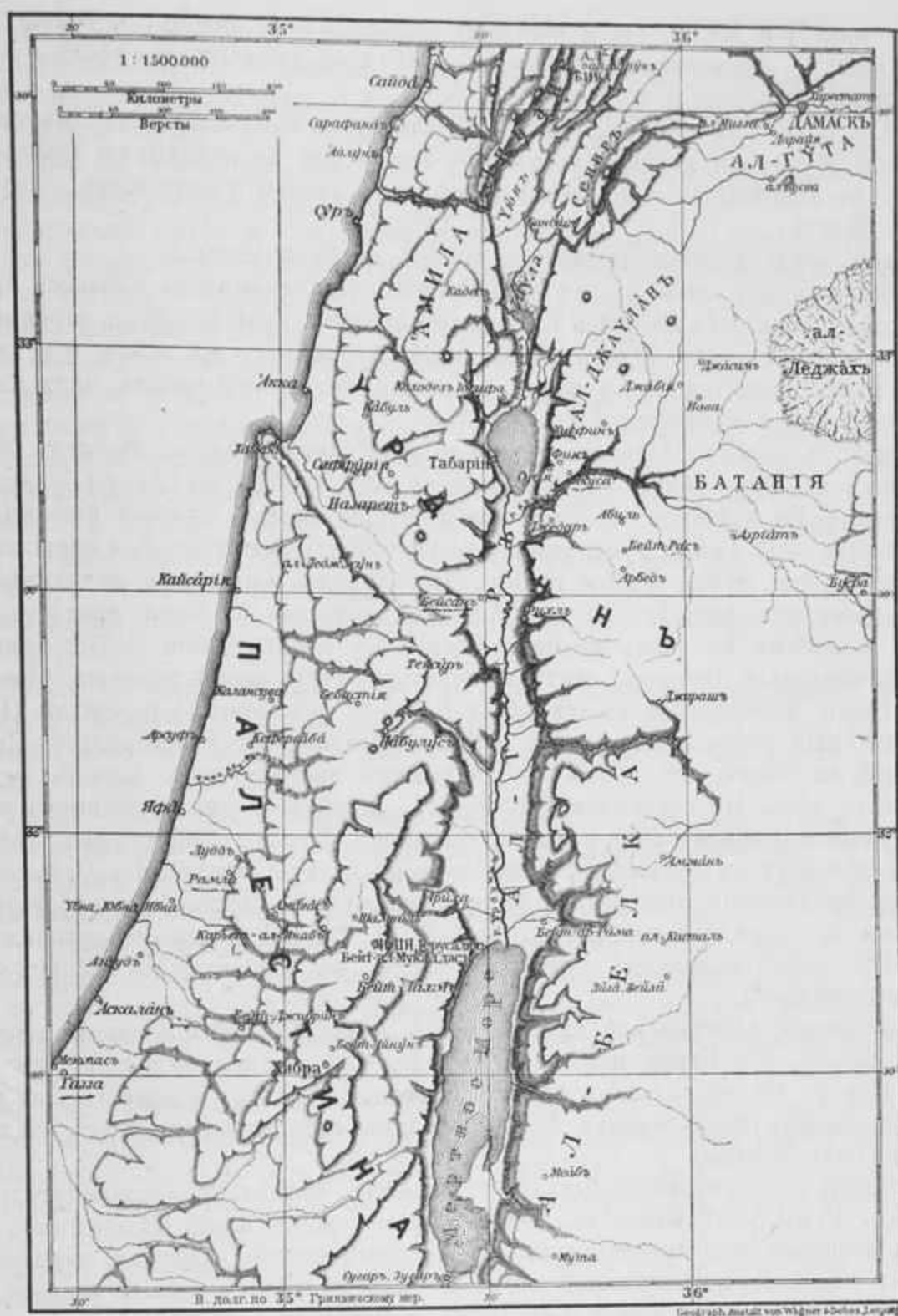
Абу-Бекръ, первый халифъ, 6 апр. 634 года провозгласилъ священную войну. Конечною цѣлью ея было, по словамъ Белазурія ¹⁾, покореніе міра, ближайшею—грабежъ добычи у сосѣдей—румовъ (византійцевъ). «Тогда выступилъ бурный потокъ сей изъ предѣловъ Аравіи и разлился по вселенной. Сирія и Палестина первыя испытали силу фанатизма Магометова, и тѣмъ скорѣе подверглись игу чуж-

* Читано въ засѣданіи Московскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества, 21 апр. 1909 г.

¹⁾ Арабскіе историки цитированы по книгѣ Н. А. Мѣдника: „Палестина отъ завоеванія ея арабами до крестовыхъ походовъ по арабскимъ источникамъ“. Въ русск. переводѣ Н. А. Мѣдника. Изсл. I. Изд. И. П. Ш. О. 1903, т. XVIII (2).

ЛИТЕРАТУРА ПРЕДМЕТА.

1. Le Beau. Histoire de Bas-Empire, t. XI, liv. LVIII, p. 237.
2. G. le Bon. La civilisation des arabes, ouvrage illustré. Paris. 1884, p. 132.
3. Sedillot. Histoire des arabes. Paris. 1854.
4. Guerin. Description géographique, historique et archéologique de la Palestine. Trois. parti. Galilée. T. I. Paris, p. 294.
5. Ockley. Hist. sarac. I, 271.
6. Theophanes. Chronographia, recensvit Carolus, de Book. Vol. II. Leipzig.
7. Plin. Histoire naturelle. I, v. C. XVI.
8. Abulfede. Tabula Syriae, edit. Koehler, p. 148.
9. Сирійскій фрагментъ. ZOMG, 1875.
10. (А. Н. Муравьевъ) Исторія святаго града Іерусалима отъ временъ апостольскихъ до нашихъ дней. Спб. 1844, ч. I.
11. Г. Финлей. Греція подъ римскимъ владычествомъ со времени завоеванія римлянами до паденія имперіи ихъ на Востокъ. Пер. С. Никитенко. М. 1877.

дому, что еще не успѣли оправиться отъ опустошеній персидскихъ. Малая дружина императора, который не ожидалъ, послѣ своихъ славныхъ побѣдъ, столь сильнаго нападенія съ юга, отъ пренебрегаемыхъ имъ сарацинъ, не могли защитить безлюдныхъ городовъ»¹⁾.

Первое столкновеніе сарацинъ съ румами произошло въ области Ал-Белка, у селенія Мута, лежащаго къ востоку отъ южнаго берега Мертваго моря. (См. карт.).

¹⁾ (А. Н. Муравьевъ). Ibid., с. 288.

Амру, Халидъ ¹⁾ и Язидъ были вождями отдѣльныхъ отрядовъ; корейшитъ Абу-Убейда (Обейдъ), сподвижникъ Магомета, любимецъ первыхъ халифовъ,—главнокомандующимъ.

Начало военныхъ дѣйствій было для сарацинъ неблагоприятно: въ сраженіи при селеніи Мута они понесли поражение, не смотря на отчаянную храбрость, доходившую до подрѣзыванія поджилковъ лошадямъ, чтобы уничтожить самую возможность бѣгства.

Однако, эту побѣдою торжество румовъ и закончилось.

«Кровь и пламя знаменовали дальнѣйшій путь исламитовъ. Сбылось предсказаніе ангела Агари, скитавшейся нѣкогда въ пустынь аравійской, съ отрокомъ своимъ Измаиломъ: что онъ будетъ мужъ дикій, и руки его на всѣхъ, и рука всѣхъ на немъ и что вселится съ оружіемъ предъ лицомъ братій своихъ, чадъ Авраамовыхъ, плотскихъ и духовныхъ» ²⁾).

Въ новомъ походѣ сарацинскія войска раздѣлились: часть, обогнувъ Мертвое море, пошла на Газу; другая, подъ командой Абу-Убейды, на Босру (Бусру), сильную пограничную крѣпость, столицу христіанской имперіи арабовъ-гассанидовъ.

Разбитые подъ Газой, румы успѣли сосредоточить значительныя силы въ мѣстности Аджнединъ, между Рамле и Беть-Джибриномъ. Сарацины, наученные опытомъ осторожности, затребовали подкрѣпленій, каковыя и были присланы Абу-Убейдой, взявшимъ къ этому времени Босру. Въ происшедшей битвѣ румы, которыми командовалъ Θεодоръ, братъ императора, были вновь разбиты, бѣжали на сѣверъ страны и заперлись въ городахъ: Бейсанѣ (Скиѳополь) и Фихлѣ (Пелла).

Постоянныя побѣды исламитовъ сильно обезпокоили престарѣлаго Ираклія. Посѣдѣвшій въ бояхъ, онъ понималъ, съ какимъ врагомъ подъ конецъ ему пришлось имѣть дѣло. На созванномъ въ Хомсѣ, своей резиденціи, военномъ совѣтѣ, онъ настойчиво рекомендовалъ политику уступокъ. Лучше, говорилъ онъ, лишиться половины доходовъ съ провинціи, чѣмъ потерять самую провинцію. Однако, большинствомъ предложеніе императора было отвергнуто и постановлено бороться съ исламитами до послѣдней крайности (Табарій, с. 167). Главнокомандующимъ румскихъ войскъ былъ назначенъ опять же Θεодоръ, въ воспоминаніе заслугъ его въ персидской войнѣ ³⁾).

Командованіе сарацинской арміей, послѣ аджнединской побѣды, не смотря на протесты Омара, Абу-Бекръ поручилъ Халиду. Сдѣлавшись халифомъ, къ концу того же 634 г., Омаръ первымъ дѣломъ смѣстилъ Халида, заявивъ: «Онъ у меня никогда не будетъ правителемъ» ⁴⁾. Въ правахъ главнокомандующаго былъ возстановленъ Абу-Убейда.

Сарацины подступили къ Фихлу, умышленно оставленному непріятелемъ, и заняли его. Румы укрѣпились въ Бейсанѣ, этой «жемчужинѣ Палестины», еще и теперь славящемся необыкновеннымъ плодородіемъ своего «краснаго чернозема» и изобиліемъ воды. Путемъ сложной системы запрудъ, румы затопили значительную часть Иорданской долины между Бейсаномъ и Фихлемъ, обративъ ее въ непроходимое болото.

Не понимая, въ чемъ дѣло, сарацины держались насторожѣ. Когда, въ одну

¹⁾ Ошибочно многіе историки, и г. Череванскій въ своей книгѣ: „Послѣдній вздохъ Византии“, Спб. 1909 г., считаютъ Халида главнокомандующимъ въ сирійскую войну.

²⁾ (А. Н. Муравьевъ). Ibid, с. 287.

³⁾ Theophanes. Chronographia, recensvit Carolus de Boek, vol. II, с. 263.

⁴⁾ Омаръ былъ озлобленъ противъ Халида изъ-за одной женщины, враждебной ему, Омару, но на которой Халидъ, убивъ ея мужа, женился (Табарій, с. 182).

глухую ночь, румскія войска, обойдя болото, атаковали Фихль, ожидая застать не-
приятеля врасплохъ, то встрѣтили энергичный отпоръ. Послѣдовавшее цѣлодневное
сраженіе подъ Фихлемъ румами было проиграно. Они отступили ночью, за тем-
нотою сбились съ дороги и увязли въ болотѣ, гдѣ на утро сарацинами было
уничтожено, по свѣдѣніямъ Асира (с. 482), до 80 тысячъ ихъ войска. 25 янв.
635 г. сарацины заняли Бейсанъ.

Фактически Сирія и Палестина остались безъ войска, почему весь 635 годъ
ушелъ на формированіе румами новыхъ армій. Сарацины безпрепятственно подвигались
на сѣверъ и успѣли захватить города: Дамаскъ, Баальбекъ, Хомсъ, Хаму,
Мембиджъ, Латакію и города по р. Оронту до Антиохіи, послѣдняго убѣжища
Ираклія въ Сиріи. Осторожные исламиты понимали, однако, что ихъ завоеваніе
было слишкомъ легкимъ, чтобы быть прочнымъ, и потому, когда прослышали о
высадкѣ новыхъ румскихъ войскъ и о сформированіи двухъ армій, — сирійской,
для завлеченія неприятеля вглубь Сиріи, и палестинской, подъ командой сла-
баго Константина-Ираклія, сына императора¹⁾, для нападенія съ тыла, — тотчасъ
отступили къ Иордану и укрѣпились въ горахъ Джаулана, на правомъ скалистомъ
берегу р. Ярмука, впадающаго въ Иорданъ южнѣе Тиверіадскаго озера.

Выборъ мѣста для рѣшительнаго сраженія былъ сдѣланъ гениально, самымъ
убѣдительнымъ образомъ свидѣтельствуя о большихъ военныхъ талантахъ поклон-
никовъ Магомета.

Видя, что враги ускользнули изъ рукъ, Ираклій распустилъ войска на
зимовку, расквартировавъ ихъ въ приморскихъ городахъ отъ Газы до Триполи.
Никакихъ мѣръ къ поднятію боеспособности арміи за это время предпринято
не было.

Ранней весной 636 г. огромная румская армія тронулась въ походъ. На пути
къ ней примкнулъ царь арабскаго племени гассанидовъ, Джабала, съ 12-тысяч-
нымъ отрядомъ наѣздниковъ. Джабала, какъ христіанинъ, былъ всегдашнимъ
союзникомъ Ираклія въ его восточныхъ войнахъ. Теперь, видя надвигающуюся
съ ю.-в. грозу и понимая, что судьба его царства тѣсно связана съ судьбою
имперіи Ираклія, онъ тѣмъ охотнѣе вступилъ въ ряды защитниковъ неприкосно-
венности территоріи послѣдней. Лично Ираклій очень цѣнилъ Джабалу и весьма
ему довѣрялъ. Даже сравнивалъ его съ алмазомъ, говоря: «алмазь можно рѣзать
только алмазомъ». Лестное мнѣніе, котораго не оправдалъ коварный арабъ.

Съ присоединеніемъ отряда Джабалы, общая численность румской арміи
достигла внушительной цифры: если и не 240 тысячъ, какъ увѣряютъ почти все
арабскіе писатели, то 150 т. во всякомъ случаѣ²⁾.

Цифра, подавляющая въ сравненіи съ численностью сарацинскаго войска:
maximum 46 тысячъ.

Однако, въ своей огромности румская армія таила элементы слабости и
разложенія.

¹⁾ Историки зачастую принимаютъ императора за его сына, въ виду, въ особенности, сход-
ства именъ. Заблужденіе, противъ котораго со всею очевидностью говорятъ уже два император-
скихъ моллидовула VII ст., съ изображеніемъ Иракліевъ—отца и сына. На первомъ изображены,
на обратной сторонѣ, бюсты бородатаго императора и его молодого сына (послѣдній меньшихъ
размѣровъ), носящіе типичные признаки императорскихъ изображеній VII ст. Полная надпись,
по сравненію съ монетами, гласила бы: *domini nostri Heraclius et Heraclius Constantinus piissimi
Augusti*, какъ предполагаетъ Шлюмбергеръ.

Другой, притомъ лучше сохранившійся, моллидовулъ Ираклія съ сыномъ въ несколько иного
типа. Самая надпись короче: *DON HERACLIUS CONSTA VG.* „Изв. Русск. Арх. Инст. въ Конст.“,
т. XII, 1908. Табл. IV, фиг. 7 и 8.

²⁾ Sedillot. *Histoire des arabes*. Paris, 1854, p. 108.

Труды XIV Арх. Съѣзда, т. III.

Во-первыхъ, она была слишкомъ разношерстна по своему этническому составу. Ядро арміи составляли, конечно, греко-римляне. Имъ цѣли борьбы, болѣе или менѣе, были близки и понятны. Но въ армію, въ качествѣ крупнаго составнаго элемента, входили также курды, армяне, арабы и другіе инородцы, къ задачамъ и интересамъ византійской монархіи относившіеся, въ лучшемъ случаѣ, равнодушно.

Во-вторыхъ, румская армія страдала отсутствіемъ надлежащей дисциплины.

Среди высшаго команднаго состава арміи шла напряженная борьба за власть и вліяніе, царили интриги и раздоры. Офицеры не питали должнаго уваженія къ высшему начальству и распускали солдатъ, которые творили безчинства и предавались мародерству не хуже непріятельскихъ.

Все это были зловѣщіе признаки, сулившіе впереди мало хорошаго.

Сарацинская армія представляла полный контрастъ. Здѣсь были всѣ за одного и одинъ за всѣхъ, какъ люди одной религіи и одной народности. Военное начальство держало въ своихъ рукахъ сердца подчиненныхъ и образцовая дисциплина въ войскѣ была дѣломъ совѣсти и глубокаго самоотверженія¹⁾. Сарацины начала эпохи завоеваній—это своего рода японцы древности, высокій душевный подъѣмъ которыхъ и боевое одушевленіе превращали для нихъ войну съ ея случайностями въ какое-то побѣдное шествіе триумфатора.

Общая неблагопріятная ситуація для арміи румовъ еще ухудшалась отсутствіемъ доблестнаго вождя.

Ееодоръ сложилъ званіе главнокомандующаго послѣ пораженія при Фихлѣ — Бейсанѣ, а сколько-нибудь подходящаго замѣстителя ему не было. Въ концѣ концовъ, назначенъ былъ рядовой полководецъ, извѣстный лишь тѣмъ, что воевалъ въ Египтѣ и, будто бы, отличившійся въ персидской войнѣ. Имени его исторія достовѣрно не знаетъ. Вартанъ, Верданъ, Ваанъ, Маханъ, Тезарикъ, Ееодоръ, Саккеларій, Мануиль—варіируютъ его византійскія и арабскія хроники. Всего правдоподобнѣе послѣднее, принимаемое такими авторитетами, какъ Theophanes, Oskley, Le Beau и др.²⁾.

Въ маѣ 636 года армія румовъ придвинулась къ тѣснинамъ Ярмука.

Извѣстіе объ этомъ, по византійскимъ источникамъ, повергло сарацинъ въ уныніе.

Даже наблюдались, будто бы, попытки убраться, откуда пришли. Болѣе стойкіе и мужественные ободряли малодушныхъ. Лучше, говорили они, погибнуть въ борьбѣ за эту прекрасную страну, чѣмъ вернуться въ пустыню, чтобы вновь влечь убогое и однообразное, исполненное лишеній существованіе. Впрочемъ, голоса малодушныхъ были единичны и терялись въ общемъ порывѣ сразиться хотя бы и съ втрое сильнѣйшимъ врагомъ.

Согласно инструкціи императора, румскій главнокомандующій, подойдя къ Ярмуку, прежде всего долженъ былъ озаботиться присканіемъ такого мѣста для военнаго лагеря, «откуда удобно было бы отражать, но трудно бѣжать».

Такую позицію найти было не трудно.

¹⁾ Рассказываютъ, что когда, въ разгарѣ сраженія, гонецъ подалъ Халиду указъ Омара о сложении имъ полномочій главнокомандующаго, Халидъ хладнокровно положилъ полученный указъ въ колчанъ и, чтобы не вызвать смятенія въ войскѣ, спокойно продолжалъ командованіе, пока не одержалъ побѣды.

²⁾ Позже этотъ Мануиль, армянинъ по происхожденію, также безслѣдно исчезъ съ историческаго горизонта, какъ неожиданно на немъ появился. По византійскому преданію, онъ бѣжалъ съ поля битвы при Ярмукѣ на Синай, гдѣ принялъ монашество. По арабской версіи, былъ убитъ подъ Дамаскомъ послѣ ярмукаго погрома.

Ярмукъ, притокъ Иордана, беря начало въ Хауранѣ, прорѣзаетъ мрачныя скалы Джаулана и впадаетъ въ Иорданъ южище Тиверіадскаго озера. Самый западный горный притокъ Ярмука есть Нахръ-Руккадъ (рѣка сиящихъ), очень бурный зимою, но совершенно пересыхающій лѣтомъ и обращающійся въ глубокой и пыльный оврагъ, называемый у арабовъ «Якуса» и — «Рѣка пыли» — у Теофана.

О мѣстѣ расположенія сарацинской арміи историкъ Евсевій и такъ называемый «Сирійскій фрагментъ» (ZOMG. XXIX, 1875 г., с. 74), согласно говорятъ, что она стала лагеремъ «въ трехъ километрахъ къ западу отъ впаденія Руккада въ Ярмукъ, близъ деревушки Якусы»¹⁾. Такимъ образомъ, линия сарацинскаго лагеря вогнутымъ полукругомъ тянулась отъ селенія Якусы въ с.-в. направленіи. Впереди лагеря, въ нѣсколькихъ верстахъ, находился своего рода тупикъ, образуемый подъ тупымъ угломъ слияніемъ Руккада съ Ярмукомъ.

Позиція — о какой румскіе военачальники едва ли смѣли мечтать. Ее-то и заняли румы, при чемъ, дѣйствительно, отрѣзанной съ востока и юга пропастями Руккада и Ярмука, имѣющей передъ собою живую стѣну непріятеля, румской арміи одно оставалось: побѣдить или погибнуть.

Безъ сомнѣнія, рѣшимость поставить армію въ такія, въ сущности, исключительно неблагоприятныя условія могла быть продиктована вождямъ только со-

Рис. 1.

мнѣніемъ въ боеспособности арміи и глубокимъ недоверіемъ къ ея стойкости и патриотизму.

Защищенная съ трехъ сторонъ пропастями, со стороны непріятельскаго лагеря румская армія отгородилась «окопомъ».

Укрѣпившись, обѣ арміи принялись ждать подкрѣпленій. Около трехъ мѣсяцевъ прошло въ бездѣйствіи, если не считать партизанскихъ стычекъ и обоюдныхъ вылазокъ. Сражались холоднымъ оружіемъ. Вооруженіе сарацинъ заключалось въ короткомъ прямомъ мечѣ или длинномъ ятаганѣ, всегда висѣвшихъ на поясѣ, опускаясь по лѣвому бедру. Кромѣ того, имѣлись: кинжалъ, топоръ, съ однимъ лезвіемъ, иногда въ видѣ кирки, съ острымъ концомъ въ видѣ жала, булава, два копья: одно метательное, нерѣдко на веревкѣ, аршина въ полтора длиною (рис. 1), другое обыкновенное, въ ростъ человѣка и больше. Необходимымъ дополненіемъ къ вооруженію сарацина были колчанъ и стрѣлы.

Оружіе обычно украшалось художественнымъ орнаментомъ, исполненнымъ съ большимъ тщаніемъ и искусствомъ.

Наконецъ, въ бою воины прикрывались простыми щитами, обтянутыми верблюжьей кожей. Нѣкоторые военачальники носили шлемы и броню, состоящую изъ желѣзныхъ колецъ и составлявшихъ одну сорочку. Но они не были во всеобщемъ употребленіи.

Сарацинъ любилъ и своего коня, какъ лучшаго друга, и потому убиралъ его съ такимъ же тщаніемъ, какъ самого себя.

Одежда сарацина эпохи завоеваній была именно одежда восточнаго чело-

¹⁾ Деревня съ такимъ названіемъ существуетъ донынѣ и обозначается на всѣхъ картахъ.

вѣка, характернымъ представителемъ котораго является въ наше время бедуинъ, прямой потомокъ арабовъ-завоевателей. Длинный кафтанъ или кумбазъ, доходившій ниже колѣнъ и очень крѣпко подпоясывавшійся поясомъ. Поверхъ—широкій плащъ или абай, съ прорѣхами вмѣсто рукавовъ, дѣлавшійся изъ верблюжьей шерсти или легкой шерстяной матеріи (рис. 2). Обувь состояла изъ короткихъ сапожковъ, съ загнутыми вверхъ носками и кистями, свисавшими спереди. Въ эти сапоги опускались и шаровары. На головѣ носилось кефіе, большой черный платокъ, иногда бѣлый, которымъ въ пути и въ бою закутывались рты. Поверхъ кефіе накладывался акаль, толстый жгутъ изъ верблюжьей шерсти. При этомъ

Рис. 2.

нерѣдко также носили тюрбанъ или чалму. Чалму носили и румскіе солдаты, одежда которыхъ, въ виду отсутствія униформы и по климатическимъ условіямъ, мало чѣмъ разнилась отъ сарацинской. Благодаря этому, дерущіеся нерѣдко смѣшивались и должны были перекликаться, чтобы узнать своихъ (Табарій, с. 163).

Оружіе румовъ изяществомъ и роскошью отдѣлки превосходило сарацинское. Вообще, румское, сверкавшее на солнцѣ позолотой оружіе, блестящій ковскій уборъ, богатые, украшенные гіацинтами шлемы и стройныя военныя эволюціи производили, по словамъ мусульманскихъ писателей, сильное впечатлѣніе на сарацинъ, тогда еще неофитовъ въ военномъ искусствѣ.

Ираклій все еще не терялъ надежды избѣжать кровопролитія и спасти Сирію, почему конфиденціально приказалъ Мануилу завязать съ сарацинами переговоры о мирѣ. Послѣдніе отвѣчали на это усиленными

вылазками и попытками переманить Джабалу на свою сторону. Потерпѣвъ въ этомъ неудачу, сарацины напали ночью на лагерь гассанидовъ, разгромили его, многихъ перерѣзали, другихъ взяли въ плѣнъ, съ своей стороны потерявъ военноплѣнными трехъ офицеровъ.

Наконецъ, получилось извѣстіе о приближеніи восьмитысячнаго сарацинскаго отряда, подъ начальствомъ Саида, и о сраженіи подъ Амманомъ (Филадельфіей). Правитель названнаго города встрѣтилъ сарацинъ во главѣ пятитысячнаго отряда, но былъ убитъ, а отрядъ его поголовно вырѣзанъ. Съ поднятыми на копья головами враговъ вернулись сарацины съ поля битвы въ свой лагерь, увѣренные болѣе чѣмъ когда-либо въ своей непобѣдимости.

Нужно замѣтить, что одновременно шли подкрѣпленія и къ румамъ.

Пока что, враждующія стороны вступили въ переговоры о военноплѣнныхъ. Инициатива принадлежала сарацинамъ. Посломъ былъ отправленъ Халидъ. Вопреки непремѣнному условію румскаго главнокомандующаго — явиться единолично, Халидъ прибылъ въ лагерь въ сопровожденіи вооруженной свиты человекъ въ сто. Румскій лагерь, по арабскимъ источникамъ, состоялъ изъ тридцати парчевыхъ шатровъ, по всей вѣроятности, принадлежавшихъ военачальникамъ, обнесенныхъ особыми оградами. Посреди лагеря стояла пурпурная палатка главнокомандующаго.

На требованіе, прежде, чѣмъ войти, сложить передъ палаткой оружіе, Халидъ также отвѣтилъ отказомъ, прибавивъ, что считаетъ себя въ правѣ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Мануилъ не возражалъ и сарацины, вооруженные съ головы до ногъ, вступили въ его палатку. Когда Ираклій узналъ объ этомъ, то замѣ-

тиль съ горечью: «Вотъ оно, начало униженія! Отнынѣ—погибла Сирія... Горе румамъ, рожденнымъ на горе» (Табарій, с. 168).

Мануиль принялъ парламентаріевъ, сидя на возвышеніи. Хотя для прибывшихъ также были приготовлены особыя сидѣнья, но тѣ предпочли усѣсться на голой землѣ.

На вопросъ Мануила, почему они это сдѣлали, Халидъ отвѣчалъ, что Аллахъ даровалъ имъ землю также для того, чтобы на ней сидѣть, такъ какъ она богаче богатѣйшаго изъ ковровъ христіанъ. Мануиль на это замѣтилъ, что простота и благородство сарацинъ вызываютъ удивленіе и что онъ искренно сожалѣетъ, что до сихъ поръ они, румы, имѣли превратное понятіе о своихъ врагахъ, считая ихъ народомъ дикимъ, невѣжественнымъ и неумнымъ.

«Мы такими и были, отвѣчалъ Халидъ.—Но всемогущій Аллахъ послалъ намъ Магомета, Своего Пророка, который научилъ насъ познавать истину въ заблужденіи».

Покуда бесѣда шла о предметахъ отвлеченныхъ, обѣ стороны сохраняли спокойствіе и держались корректно. Но незамѣтно противники начали горячиться, обмѣниваясь колкостями.

«Я увѣренъ, заявилъ вдругъ Халидъ, что тебя скоро отведутъ съ веревкою на шеѣ къ Омару, который велитъ тебя повѣсить». Мануиль вскочилъ оскорбленный.

«Ты дерзаешь говорить такъ, зная, что я не трону тебя, какъ посла. Но въ моей власти плѣнники, которыхъ я велю казнить публично».

«Нѣтъ, ты не сдѣлаешь этого!—въ свою очередь вскочилъ Халидъ.—Клянусь Аллахомъ, Магометомъ и св. храмомъ Мекки, что убью тебя собственноручно тотчасъ же, какъ велишь это сдѣлать. А мои друзья изрубятъ всякаго, кто приблизится къ нимъ». Сарацины молча обнажили мечи. Тогда Мануиль успѣшилъ замять инцидентъ. Исламиты успокоились и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали переговоры. Въ заключеніе, были приведены военноплѣнные и переданы Халиду. Въ знакъ признательности, послѣдній предложилъ Мануилу роскошную палатку изъ парчи. Съ своей стороны, Мануиль отвѣтилъ подарками, которые Халидъ отклонилъ.

«Всѣ ваши сокровища, сказалъ онъ, не могутъ идти въ цѣну свободы трехъ доблестныхъ офицеровъ нашей арміи».

Совѣщаніе окончательно убѣдило обѣ стороны въ неминуемости генеральной битвы. Съ нетерпѣніемъ только ждали прибытія подкрѣпленій.

Тѣмъ временемъ случился эпизодъ, ярко характеризующій глубокую деморализацію румской арміи.

Какъ то, послѣ одной особенно жаркой партизанской схватки, группа румскихъ офицеровъ отбилась отъ лагеря и попала въ селеніе Якусу, жители котораго держали сторону румовъ. Изнуренные воины зашли въ ближайшую хижину утолить жажду и отдохнуть. Хозяйка дома, съ младенцемъ на рукахъ, радушно приняла гостей. На прощанье, обезумѣшіе отъ зноя, крови и вина, пришельцы изнасиловали беззащитную женщину, зарѣзали кричавшаго ребенка и безнаказанно скрылись. Рыдая, схватила несчастная мать голову сына и явилась съ нею къ Мануилу, моля о защитѣ и правосудіи. Поглощенный иными заботами, главнокомандующій даже не удосужился выслушать потерпѣвшую.

Тогда мужъ поруганной задумалъ адскую месть.

Войдя въ тайныя сношенія съ обѣими враждующими сторонами, онъ каждой повѣдалъ свой планъ, основанный на предательствѣ и обѣщавшій истребленіе противника. Мануиль скоро довѣрился хитрецу и предоставилъ въ полное его

распоряженіе отрядъ лучшихъ солдатъ, съ правомъ жизни и смерти. Предатель привелъ ввѣренный ему отрядъ на берегъ Ярмука, къ самому «гиблomu» мѣсту. Неожиданно на ничего не подозрѣвавшихъ солдатъ наскочилъ изъ засады конный отрядъ сарацинъ. Румы стойко выдержали натискъ. Тогда, симулируя бѣгство, сарацины отступили и, заранѣе открытымъ имъ бродомъ, перебрались черезъ рѣку.

Румы никакого брода не знали и, повинувшись приказанію начальника-предателя,—преслѣдовать отступавшихъ,—бросились въ рѣку съ мѣста, гдѣ стояли, попали въ омутъ и всѣ до одного погибли.

Приемъ былъ продѣланъ много разъ съ тѣмъ же результатомъ, и не одна тысяча отборнаго румскаго войска нашла безславную могилу въ мутныхъ волнахъ шумнаго Ярмука.

Наконецъ, прибыли долго жданныя подкрѣпленія—побѣдоносный отрядъ извѣстнаго Саида. Ликованіе сарацинъ было омрачено, однако, радостью непріятеля также по поводу прибытія къ нему значительнаго отряда вспомогательныхъ войскъ.

Румы первые перешли въ наступленіе. Выйдя изъ окоповъ, они выстроились къ битвѣ. «И выступили румы, повѣствуетъ историкъ Табарія (с. 163), такимъ грознымъ строемъ, подобнаго которому никто никогда не видывалъ». Впереди войска выступало духовенство съ крестами въ рукахъ. Оно благословляло воинство на брань, убѣждало крѣпко стоять за вѣру, царя и отечество и указывало, что пораженіе румовъ грозитъ не только бѣдствіями государству, но и гибелью христіанству.

«И вышелъ Халидъ, продолжаетъ тотъ же историкъ, во главѣ такого строя, какимъ сарацины еще не выстраивались до этого».

Центръ и фланги Абу-Убейда расположилъ отдѣльными отрядами, дабы войско казалось многочисленнѣе. Командовали — Халидъ, Амру и Абу-Сафьянъ. Халидъ ободрялъ войска. «Если, говорилъ онъ, мы сегодня побѣдимъ и отбросимъ румовъ за окопы, то наша побѣда обезпечена. Если же обратимся въ бѣгство, то дѣло наше погибло».

Въ тѣ стародавнія времена существовалъ странный, бывший общепринятымъ, военный обычай: прежде начала сраженія обмѣниваться ругательствами ¹⁾. Такъ было и теперь. Изъ среды румовъ выѣхалъ всадникъ, «человѣкъ могучій», по опредѣленію Бекрія. Подобно библейскому единоборцу время Саула (1 ц. 17, 1—4, 8), румскій витязь поносилъ сарацинъ, надменно вызывая на поединокъ.

На кличъ Абу-Убейды: «кто сразится съ нимъ?» — выступилъ Кайсъ-ибн-ал-Мекшухъ, ловкій джигитъ и поэтъ. Выступилъ онъ въ легкой туникѣ, съ однимъ копьемъ наперевѣсъ, тогда какъ вооруженіе противника составляли копье, шлемъ и кольчуга. Побѣда рума казалась обезпеченной, но сарацинъ взялъ ловкостью. Неожиданно извернувшись, онъ съ силою ударилъ великана копьемъ въ грудь и тотъ замертво свалился съ коня.

«Клянусь Аллахомъ, вскричалъ Абу-Убейда, насъ ждетъ побѣда!»

«Мусульмане, обратился мулла Абу-Сафьянъ къ войску. — Знайте, что рай Магомета впереди васъ, а діаволь и адскій огонь — позади»...

Бурной лавиной устремились сарацины въ атаку. Начался бой, «подобнаго которому, по замѣчанію одного арабскаго историка, послѣ не бывало».

Румы держались стойко, не взирая на ослѣплявшія ихъ тучи пыли, нависшіяся вѣтромъ со стороны ущелья Якусы. Перейдя затѣмъ въ наступленіе,

¹⁾ „Враги сперва обмѣниваются ругательствами, затѣмъ пускаютъ стрѣлы, потомъ скло-няютъ копья и колютъ ими, наконецъ, обнажаютъ мечи“ (Белазурій, стр. 192).

контръ-атакой румская кавалерія смяла и разстроила ряды сарацинъ, обративъ ихъ въ безпорядочное бѣгство. Исламиты бѣжали, не взирая ни на ярость Халида, тщетно силившагося остановить бѣгущихъ, ни на священное желтое знамя Пророка, развѣвавшееся на вѣтру. Остановить бѣгущихъ въ силахъ оказались однѣ женщины, находившіяся въ тылу. Съ воплями, криками и слезами ярости набросились послѣднія на бѣгущихъ въ паническомъ страхѣ мужей, братьевъ и отцовъ своихъ. Хинда, жена Абу-Сафія, схватила коновязь и до-крови развѣкла лицо бѣглецу-мужу. Хувейрія, его дочь, и дочь Абу-Бекра, жена Зубейра, дѣйствовали не менѣе энергично. Онѣ вынудили мужей тутъ же поклясться, что снова обратятся на врага и смоятъ позоръ свой его кровью. Не полагаясь на ихъ клятву, онѣ, движимыя отчаяніемъ, первыми бросились въ атаку, своимъ примѣромъ пристыжая и увлекая мужчинъ (Нававій, Исхакъ, Белазурій). Такъ, подстрекаемые женщинами, трижды въ теченіе дня атаковали сарацины румовъ и трижды были отброшены съ большимъ урономъ.

Ночью, при колеблющемся свѣтѣ факеловъ, Абу-Убейда обошелъ поле сраженія. Собственноручно перевязывалъ раненыхъ, всячески ободрялъ и утѣшалъ ихъ. «Врагъ нашъ, говорилъ онъ, поверженъ въ такую же печаль, какъ и мы, но онъ лишень нашихъ надеждъ».

Рано утромъ, едва забрезжилъ свѣтъ, бой загорѣлся снова и длился съ прежнимъ ожесточеніемъ. На этотъ разъ отличились румскіе стрѣлки. Въ короткій срокъ они вывели изъ строя до 700 человекъ раненыхъ въ оба глаза, не считая прочихъ. Сарацины этотъ день прозвали «днемъ ослѣпленныхъ».

На третій день побойца численное превосходство румовъ уже начинало брать рѣшительный перевѣсъ надъ мужествомъ горсти храбрецовъ, какъ неожиданная измѣна союзника румовъ, гассанида Джабалы, придала дѣлу иной оборотъ.

Сразу румы даже не сообразили происшедшаго. Когда Джабала поскакалъ въ сторону неприятельскаго лагеря, они подумали, что послѣдній устремился въ атаку, пустились за нимъ и даже выбили сарацинъ изъ ихъ позицій. Но, спустя немного, Джабала, рука объ руку съ Халидомъ, напалъ на своихъ бывшихъ союзниковъ и отбросилъ ихъ за окопъ¹⁾.

Печальный инцидентъ съ Джабалой показалъ румамъ, что побѣда начала ускользать отъ нихъ. Тѣмъ не менѣе, сознаніе высокой исторической важности момента и вытекающихъ изъ него неисчислимыхъ послѣдствій укрѣпляло мужество греко-римлянъ и заставляло ихъ всѣми силами стремиться къ побѣдѣ. Больше всего теперь румскіе военачальники опасались измѣны и бѣгства. Чтобы предотвратить самую возможность таковыхъ, сорокъ тысячъ пѣхотинцевъ, «обреченныхъ на смерть», по согласному утвержденію арабскихъ историковъ, были «скованы цѣпями», а другія сорокъ — связаны распущенными тюрбанами. Конница оставалась свободной.

Близился кризисъ. Румы напрягали послѣднія усилія, стремясь прорвать неприятельскій центръ и тѣмъ самымъ открыть выходъ изъ начинавшаго ихъ страшить

¹⁾ Арабскіе писатели объясняютъ измѣну Джабалы его неувѣренностью въ конечной побѣдѣ румовъ и надеждой своимъ поступкомъ снискать расположеніе халифа и обезпечить если не цѣлостность гассанидскаго царства, то хотя личныя матеріальныя выгоды. Но гассаниды жестоко ошибся въ расчетахъ. Не только его имперія была разрушена, но и лично къ нему халифъ Омаръ отнесся сурово и съ осужденіемъ. Тогда Джабала раскаялся въ содѣянномъ, расорился съ халифомъ, покинулъ навсегда мусульманскія земли и окончилъ жизнь свою въ Константинополѣ. Пятымъ царемъ племени арабовъ-гассанидовъ былъ безызвѣстный въ исторіи Арета, царь Дамасскій.

туника. Центр не выдержал стремительного натиска и подался. Румы прорвались. Очутившись в неприятельском лагере, они уже было овладели палаткой главнокомандующаго, как неожиданно напавшая толпа фанатиков человекъ въ 500, обречших себя смерти, дружно поддержанная подоспѣвшими Халидомъ и Джабалой, принудила ихъ отступить.

Ловкимъ маневромъ Халидъ отрѣзалъ отступление неприятельской конницы, которая, обратившись въ безпорядочное бѣгство, устремилась прямо на ряды сарацинъ. Послѣдніе передъ нею разступились и она разсѣялась въ разныя стороны. Связанная пѣхота осталась беззащитной, покинутой на произволь судьбы.

Наступила ночь и съ нею заключительный актъ кровавой трагедіи. За трое сутокъ румское войско было въ конецъ изнурено и измучено. Многіе были близки къ галлюцинаціямъ и сумасшествію. Ежеминутно имъ чудилось нападеніе неодолимаго врага.

Случилось, что въ ту же роковую ночь къ мѣсту сраженія прибылъ съ деньгами для румскихъ солдатъ правитель Дамаска, Мансуръ, уроженецъ Сиріи и тайный врагъ Ираклія (Евтихій, с. 263).

При заревѣ множества факеловъ, съ трубными звуками, кликами и барабаннымъ боемъ, приближался Мансуръ съ своимъ отрядомъ къ лагерю румовъ. Сама собой напрашивается поразительная аналогія съ извѣстной библейской сценой. «И затрубили три отряда трубами и разбили кувшины и держали въ лѣвой рукѣ своей горящія головы, а въ правой рукѣ своей трубы, и трубили, и кричали... И стоялъ всякій на своемъ мѣстѣ вокругъ стана; и сталъ бѣгать весь станъ, и кричали, и обратились въ бѣгство» (Суд. 7, 20—21).

И румы, подобно древнимъ маданитянамъ, вообразивъ, что неприятель зашелъ въ тылъ, «стали бѣгать и кричать», но бѣжать-то имъ и нельзя было, и некуда. Они стали тѣсниться, какъ испуганное стадо овецъ, стали «лѣзть другъ на друга», по выраженію Бекрія, и подаваться въ сторону, казалось имъ, безопасную отъ врага, т.-е. въ сторону ничѣмъ не огражденной пропасти Якусы или Нахръ-Руккадъ. Связанные солдаты начали кучами валиться въ пропасть. Иной, струсившій, рассказываетъ Табарій (с. 163—4), падалъ въ пропасть и одинъ увлекалъ за собой десятерыхъ, которые не могли удержать его. Всякій разъ, когда падало двое, остальные оказывались слишкомъ слабыми, чтобы удержаться... И попадали въ Якусу сто двадцать тысячъ: восемьдесятъ тысячъ связанныхъ и сорокъ тысячъ отдѣльныхъ воиновъ; въ эту цифру не входятъ тѣ всадники и пѣхотинцы, которые были на полѣ брани.

Викарій, многіе изъ духовенства и знатнѣйшіе изъ румовъ, не въ силахъ будучи перенести позора происшедшаго, сѣли, закутанные въ бурнусы, и были изрублены сарацинами. На утро лагерь румовъ былъ разграбленъ. Богатая добыча досталась побѣдителю: на каждаго воина пришлось по 1500 диргемовъ, не говоря прочемъ. Абу-Убейда занялъ палатку Мануила.

«Пересчитать погибшихъ можно было, лишь измѣряя кучи труповъ палкою, говоритъ Бекрій. — До нашего времени, замѣчаетъ онъ († 1094), не было убито ни въ одной битвѣ болѣе выдающихся людей, чѣмъ при Ярмукѣ».

Въ исторіи эта удивительная по трагизму и кровопролитію битва, замолчанная тенденціозно историками византійскими, сохранила наименованіе «Цѣиной». Она оставила неизгладимый слѣдъ въ исторіи народа-завоевателя, послуживъ фундаментомъ его славы и могущества и источникомъ народныхъ сказаній, легендъ, поэтического творчества. Извѣстенъ вдохновенный гимнъ героя поединка, Кайсъ-ибн-ал-Мекшуха, по поводу ярмукскаго триумфа сарацинъ ¹⁾.

¹⁾ Въ переложеніи съ арабскаго А. С.

Не знаешь развѣ ты, какъ съ помощью Аллаха
Разбили румовъ мы въ долину Ал-Ярмука?
Тамъ пало войско ихъ позорной жертвой страха
И тотъ примѣръ для всѣхъ да будетъ впредь наука.

Съ постыдной трусостью не довелось намъ знаться:
Безстрашные, какъ львы, дралися мы съ врагами.
А румы, чтобы имъ въ бою не разбѣжаться,
Сковались, хитрецы, желѣзными цѣпями.

Алла и Мохаммедъ! Вотъ было положенье,
Когда, стѣсенные, на берегу, надъ кручей,
Тѣ кучье рабы, въ постыднѣйшемъ смѣшеньи,
Низверглись въ Ал-Ярмуку всей неразрывной кучей!

Такъ листья падаютъ осеннею порою,
Какъ падали они, таща одинъ другого.
И солнце, покраснѣвъ, сокрылось за горою,
Стыдась быть зрителемъ безчестія такого.

Такъ сами для себя нашли они могилу
Межъ тѣми славными крутыми берегами.
Но быстрая вода позора ихъ не смыла:
На смѣхъ вѣкамъ лежать, повитые цѣпями.

Послѣ ярмукаго погрома Дамаскъ сдался на капитуляцію почти безъ боя,
а Иерусалимъ самъ раскрылъ передъ Омаромъ ворота: дальнѣйшее сопротивление
представлялось бесполезнымъ.

ВЛАДИМІРЪ БОНИФАТЬЕВИЧЪ АНТОНОВИЧЪ.

1830—1908.

И. А. Лимниченко.

И многихъ нѣтъ уже въ живыхъ,
Тогда веселыхъ, молодыхъ,
И смутенъ ихъ могильный сонъ,
Не слышенъ имъ вечерній звонъ...

Какъ на длинномъ, долгомъ и тяжеломъ пути переселенія народовъ куда-то въ безконечную, манящую свѣтомъ, тепломъ и несчетными богатствами страну, то одинъ, то другой, отстаетъ и падаетъ—кто отъ старости, кто отъ болѣзни и слабости, кто отъ безнадежнаго отчаянья достигъ когда-либо завѣтной цѣли—такъ и у насъ, на четырехлѣтнихъ этапахъ нашего общаго пути изученія родного края, мы не досчитываемся нашихъ старыхъ друзей и соратниковъ, и если утрата отцовъ и близкихъ сверстниковъ намъ безконечно тяжела, то мы ей не удивляемся—средняя продолжительность жизни русскаго ученаго, неспособнаго добру и злу внимать равнодушно, борца за отвлеченную истину, а вмѣстѣ съ тѣмъ и борца за лучшее будущее народа, который онъ горячо любитъ и которому служить всѣми своими, вѣчно напряженными, нервами, крайне незначительна; волнуясь и спѣша, русскій ученый сгораетъ часто въ томъ цвѣтущемъ возрастѣ, въ которомъ западно-европейскій ученый только окончательно опредѣляетъ направленіе своей ученой дѣятельности.

И мы, входя въ залъ нашего ученаго собранія, каждый разъ тревожно оглядываемся,—найдемъ ли здѣсь тѣхъ старыхъ друзей, которыхъ мы привыкли видѣть въ нашихъ, для многихъ уже вошедшихъ въ пріятную привычку, раздѣленныхъ трехлѣтнимъ промежуткомъ, свиданіяхъ, и грустью охватывается душа, когда за послѣднимъ входящимъ закрывается дверь, и мы не видимъ тѣхъ, кто такъ, или иначе, по любви, дружбѣ, научнымъ симпатіямъ и глубокому уваженію, былъ намъ особенно дорогъ.

Я не увижу больше въ нашей средѣ моего дорогого друга А. И. Маркевича... Кто изъ насъ не помнитъ его монументально грузной фигуры, его широкаго, добродушнаго лица, непокорной шапки густыхъ русыхъ волосъ—такъ и кажется, что вотъ онъ взойдетъ въ залъ своей медленной развалистой походкой, прищурясь, разыскивая друзей и знакомыхъ, привѣтливо улыбнется и крѣпко пожметъ руку, повторяя свою неизмѣнную фразу: «жизнь наша есть рядъ нескончаемыхъ мученій»? Кто не помнитъ того горячаго интереса, который онъ всегда высказывалъ ко всѣмъ нашимъ работамъ, его ласковаго и теплаго участія ко всѣмъ юнымъ, начинающимъ, которыхъ онъ умѣлъ приласкать и подбодрить, какъ не-

многіе?.. И его нѣтъ тамъ, гдѣ присутствіе его было бы такъ важно, тамъ, куда его—сѣверянина родомъ, влекли его научныя и родныя симпатіи; онъ, старый, шестидесятникъ, не дожилъ до новой эры въ родной исторіи, онъ, старый сѣверянинъ, не приметъ участія въ научной тризнѣ въ центрѣ своей родной Сѣверщины.

И я не увижу здѣсь моего милаго и незабвеннаго В. И. Сизова, этого вѣчно юнаго студента, пылкаго, страстнаго, горячаго, вѣчно увлекающагося, ученаго-художника, поклонника и цѣнителя всякой красоты; я не услышу его заразительнаго молодого смѣха, не увижу его въ экстазѣ стоящимъ передъ старой вышивкой, ветхой картиной, потускнѣвшимъ уборомъ, съ какимъ то неподражаемымъ наслажденіемъ повторяющимъ: «какъ это интересно, какъ это стильно!»

Не дожилъ до юбилея любимаго предмета своихъ занятій одинъ изъ лучшихъ знатоковъ древняго прошлаго Сѣверщины, авторъ единственной научной исторіи сѣверской земли, мой университетскій товарищъ П. В. Голубовскій, сумѣвшій черезъ сотни лѣтъ допросить отжившаго кочевника, Чернаго Клобука, и разгадать его родство съ поганымъ Половчиномъ, Торкомъ и Берендѣемъ.

Не дожилъ до нашего торжества и русскій бенедиктинецъ, академикъ отъ рожденія, человекъ, колоссальныя знанія котораго равнялись только его безграничной скромности, ученый, сумѣвшій въ разнообразныхъ областяхъ знанія дать крупныя вклады въ науку, требовательный къ себѣ и своимъ трудамъ до такой степени, что его ученое и литературное наслѣдство, работы, при его жизни не увидавшія свѣта, можетъ быть, превышаютъ своими размѣрами тѣ тысячи страницъ, которыя онъ издалъ при жизни, — Н. П. Дашкевичъ, оставившій намъ, кромѣ многаго цѣннаго, обнародованнаго имъ при жизни, еще три тома неизданныхъ изслѣдованій по исторіи южной Руси.

И нѣтъ среди насъ Н. Е. Бранденбурга, такъ усердно искавшаго въ Сѣверщинѣ и Кіевщинѣ слѣдовъ набѣдника-кочевника, глубоко убѣжденнаго, что мы сумѣемъ въ недалекомъ будущемъ распознать по могильнымъ остаткамъ стараго Печенѣжина отъ его наслѣдника по обладанію южной стени — поганаго Половчина.

Нѣтъ и тщетно искавшаго на островѣ Рюгенѣ остатковъ древнихъ славянъ и на Балтійскомъ поморьи залежей славянской соли, словака А. А. Кочубинскаго, и многихъ другихъ, сказавшихъ и наукѣ и жизни послѣднее прости...

И не прошло еще и года, какъ наше ученое братство лишилось одного изъ самыхъ старыхъ и вѣрныхъ своихъ сочленовъ, знаменитаго, маститаго ученаго, одного изъ крупнѣйшихъ изслѣдователей родной исторіи, отца археологическаго изученія родной Малороссіи — Владиміра Бонифатьевича Антоновича.

Для поминковъ по крупномъ общественномъ ученомъ или литературномъ дѣятелѣ нужно время. Необходимо собраться съ мыслями, перечитать и передумать все, имъ написанное или сдѣланное, учесть и работу предшественниковъ для того, чтобы оцѣнить, что новаго внесъ покойный, оцѣнить и характеръ эпохи, ея настроенія, вліанія, подъ которыми сложился обликъ поминаемаго.

Правда, такая оцѣнка всего легче въ отношеніи дѣятелей науки. Специалистъ въ той же области, въ которой работалъ поминаемый, знаетъ хорошо и работы предшественниковъ покойнаго, его собственные труды, чужія оцѣнки писаній почившаго и давно установилъ на нихъ и свой собственный взглядъ. Онъ давно разобрался въ нихъ критически, опредѣлилъ то, что составляетъ въ нихъ научный плюсъ, прочное достояніе науки, и то, что должно быть отвергнуто, какъ недостаточно обоснованное или опровергнутое фактами. Необходимо прибавить, что оцѣнка значенія научнаго дѣятеля всегда полнѣе и безпристрастнѣе оцѣнки дѣятелей въ другихъ областяхъ — крупнымъ научнымъ дѣятелемъ можетъ быть лишь тотъ ученый, труды котораго отличаются безспорными научными каче-

ствами, а для оцѣнки ихъ мы имѣемъ несравненно больше прочныхъ основаній, чѣмъ для оцѣнки значенія дѣятелей общественныхъ и литературныхъ. Разница въ политическихъ убѣжденіяхъ, несходство въ эстетическихъ воззрѣніяхъ дѣлаетъ критиковъ послѣднихъ двухъ родовъ часто на непримиримые лагери. Въ наукѣ возможны принципиальныя разногласія по вопросамъ общимъ — относительно теорій-гипотезъ, но и такія теоріи могутъ быть обсуждаемы безпристрастно, съ точки зрѣнія ихъ доказательности.

Правда, и научныхъ дѣятелей не рѣдко обвиняютъ въ томъ, что ихъ научные труды отличаются тенденціозностью, предпринимаются на защиту какой-нибудь теоріи, стараются своими выводами поддержать ту или иную политическую партію. Но для научной критики совершенно безразлично, съ какой цѣлью поднять тотъ или иной научный трудъ, какой политической партіи онъ служитъ своими выводами; если факты въ немъ не подтасованы, если выводы неизбежно вытекаютъ изъ представленныхъ доказательствъ — трудъ признается научнымъ. Какое употребленіе сдѣлаетъ изъ этихъ выводовъ самъ авторъ, или кто другой — дѣло не научной критики — и авторъ и всѣ другіе, строящіе какія-либо теоріи или поддерживающіе какіе-либо общіе взгляды, на основаніи научныхъ выводовъ, выходятъ изъ сферы научной на другой путь — и критика приложеній научныхъ выводовъ принадлежитъ уже другимъ, не специально научнымъ критикамъ.

Я постараюсь здѣсь очертить, насколько могу по личнымъ воспоминаніямъ, какъ университетскій ученикъ покойнаго, и по его научнымъ трудамъ, какъ одинъ изъ его преемниковъ по изученію родной исторіи, нравственный и общій ученый обликъ почившаго знаменитаго кievскаго историка, Владимира Бонифатьевича Антоновича.

Въ 1875 году я поступилъ въ число студентовъ историко-филологическаго факультета университета св. Владиміра. Университетскіе фуксы съ перваго дня университетской жизни, еще и въ глаза не видавъ ни одного изъ своихъ профессоровъ, не прослушавъ ни одной лекціи, какимъ-то «верхнимъ чутьемъ» отлично знаютъ наиболѣе популярныхъ лекторовъ, отличительныя качества ихъ чтеній, снисходительность или строгость на экзаменахъ, принадлежность ихъ къ той или иной партіи, даже рядъ анекдотовъ о привычкахъ и странностяхъ профессоровъ-оригиновъ. Первый мѣсяцъ аудиторіи переполнены, лекціи слушаются съ жадностью, торопливо записываются; лекторы награждаются аплодисментами; ихъ осаждаютъ запросами объ ученыхъ пособіяхъ; бібліотекари университета не успѣваютъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ на книги; между студентами идутъ нескончаемыя дебаты относительно достоинствъ чтеній того или другого профессора, смѣлая и рѣшительная критика общихъ научныхъ положеній, къ которымъ примыкаетъ тотъ или иной лекторъ; устанавливаются симпатіи или антипатіи и къ лекторамъ и къ отдѣльнымъ наукамъ.

Проходить этотъ первый пылъ, и картина мѣняется. Аудиторіи пустѣютъ; но коридоры университетскихъ зданій еще шумятъ, какъ улья на пасѣкѣ; университетская обстановка потеряла прелесть новизны, объединившей всѣхъ новичковъ разнообразныхъ темпераментовъ, направленій и симпатій. Одни, для которыхъ университетъ только неизбежный длинный мостъ для входа въ жизненную карьеру, стараются, по вкусу каждаго, развлеченіями, скоротать скучную «аждацию» того момента, когда передъ ними поднимется шлагбаумъ настоящей активной жизни, заглядывая въ *alma mater* лишь для *rendez-vous* съ товарищами такого же типа, для совмѣстнаго составленія меню предстоящаго вечера, или забѣгая въ университетскую *aula* на минутку, чтобы получить листочки литографированныхъ лекцій, которымъ предстоитъ мирно спать на полкѣ вплоть до наступленія самаго

неприятнаго для нихъ періода университетской жизни—экзаменовъ—контрамарки для входа на одинъ изъ пролетовъ ненавистнаго моста... Другіе труженники, съ гимназической скамьи, зарабатывающіе дневное пропитаніе скучнѣйшимъ въ мірѣ трудомъ повторенія и толкованія гимназическихъ уроковъ лѣнивымъ или тупымъ юнцамъ, въ рѣдкія свободныя минуты забѣгаютъ въ аудиторіи, скорбя иногда о невозможности серьезной работы, для которой есть охота, но нѣтъ времени и денегъ. И лишь немногіе, по тѣмъ или инымъ причинамъ сохранившіе и охоту и возможность работать, остаются неизмѣнными слушателями лекторовъ, у которыхъ они могутъ научиться тому, чего не дадутъ никакія лекціи, никакіе конспекты и даже чтеніе самыхъ солидныхъ научныхъ трудовъ, — научному критическому методу и техническимъ приемамъ научной работы. Съ развитіемъ критическаго сознанія слушатели начинаютъ разбираться въ достоинствахъ чтеній, и немногіе, дѣйствительно жаждущіе научной работы, собираются въ аудиторіяхъ лекторовъ, въ которыхъ научаются цѣнить крупныя ученые достоинства, не всегда соединенныя съ блестящими лекторскими талантами.

Вступивъ въ университетъ, мы имѣли уже, подобно предшественникамъ и преемникамъ, извѣстное представленіе о нашихъ будущихъ профессорахъ. Мы знали (а это насъ, будущихъ историковъ, особенно интересовало), что среди профессоръ-историковъ нашего факультета особеннымъ уваженіемъ и популярностью пользуется В. Б. Антоновичъ, тогда еще только доцентъ, несмотря на довольно зрѣлый уже возрастъ (ему было тогда за сорокъ) — уставъ 63 года, требовавший для экстра-ординатуры, а тѣмъ болѣе ординатуры, степени доктора, соблюдался въ этомъ отношеніи строго, и сѣдовласые старцы-магистры выслуживали всѣ сроки въ званіи доцента, въ то время какъ теперь безнадежныя магистры возводятся по старшинству службы даже въ ординарные, подписывая бронзовые векселя на докторство.

В. Б. считался уже тогда крупнымъ авторитетомъ въ области южно-русской исторіи, и намъ предстояло заниматься у него въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ и писать ему зачетную полукурсовую работу. Разумѣется, мы съ особеннымъ интересомъ ожидали его первой лекціи.

Наконецъ, она состоялась. Въ аудиторіи 2-го этажа, средней по размѣру, собрался весь нашъ первый курсъ — нѣсколько десятковъ человекъ — число для нашего, всегда бѣднаго слушателями факультета, довольно значительное. Прошла *akademische Viertelstunde*, и въ аудиторію, слегка прихрамывая (В. Б. отъ природы имѣлъ дефектъ въ одной ступнѣ)¹⁾, вошелъ небольшого роста господинъ,

¹⁾ Этотъ физическій недостатокъ В. Б. чуть было не сдѣлался причиной его гибели на Виленскомъ Археологическомъ Съѣздѣ. Засѣданіе Съѣзда происходило въ торжественномъ зданіи Виленской I-ой гимназіи, занимающей часть обширнаго и весьма любопытнаго по постройкѣ іезуитскаго коллегіума (вмѣсто лѣстницы вверхъ ведетъ наклонная плоскость, по которой ученики коллегіума должны были ползти на колѣняхъ, дабы реальнымъ примѣромъ убѣдиться въ трудности пути къ совершенству; въ колоссальныхъ стѣнахъ продѣланы потайные хода, изъ которыхъ надзиратели какъ *deus ex machina*, точно изъ земли выростали передъ неожиданными ихъ появленіями и потому на свободѣ предававшимися какимъ-либо шалостямъ школьниками). Открытіе Съѣзда обставлено было очень торжественно; Съѣздъ открытъ специально для этой цѣли прибывшій въ Вильно вел. князь Сергій Александровичъ съ супругой Елисаветой Феодоровной. Первый научный докладъ на этомъ засѣданіи былъ предоставленъ знаменитому киевскому археологу и историку, В. Б. Не знаю, была ли каедрa для лектора еще остаткомъ іезуитскаго періода или остроумный современный столяръ старался придать ей особую оригинальность, но это было монументальное возвышеніе, на которое приходилось карабкаться по цѣлому полдесятку ступеней. Восхожденіе В. Б. на эту деревянную гору совершилъ благополучно. Но не такъ благополученъ былъ спускъ. На первой же ступенькѣ лекторъ, вѣроятно, смущенный овациями, вызванными

худощавый, съ густыми русыми волосами, подстриженными въ скобку и зачесанными слѣва направо, небольшими усами съ кончиками, опущенными внизъ, голубовато-сѣрыми глазами, бритыми худыми щеками, наружности вообще весьма скромной и невзрачной, съ видомъ застѣнчивости и подчасъ даже какъ будто чѣмъ-то угнетеннаго, одѣтый въ черный сюртукъ работы портного далеко не первой марки. (Изъ-подъ воротника рубахи его выглядывалъ небольшой черный, нерѣдко сдвинутый на бокъ, галстучекъ-бабочка). Невзрачная наружность и скромный костюмъ В. Б. бывалъ для него нерѣдко причиной комическихъ недоразумѣній. Въ Кіевѣ въ 70-хъ годахъ большимъ авторитетомъ пользовался молодой клиницистъ В. Т. Покровский, такъ безвременно (37 лѣтъ) погибшій отъ тифа. Слабый здоровьемъ отъ природы (на него иногда нападала спячка и онъ спалъ иногда по 1½—2 сутокъ подъ-рядъ), В. Б. рѣшилъ обратиться за медицинскимъ совѣтомъ къ своему коллегѣ, медицинской звѣздѣ. По скромности, онъ не рѣшился просить В. Т. Покровскаго къ себѣ на домъ, и отправился къ нему на приемъ. Не догадавшись, или не желая нарушать очереди, онъ не послалъ профессору своей карточки, а терпѣливо просидѣлъ нѣсколько часовъ въ биткомъ набитой пациентами приемной популярнаго доктора. Наконецъ, наступила и его очередь. Нѣсколько рѣзкій въ обращеніи, бывшій семинаристъ, В. Т., осмотрѣвъ больного, по наружности и костюму дѣйствительно смахивавшаго на средней руки торговца, или пиджачнаго мастерового, профессоръ строгимъ тономъ запросилъ его: «ты, братецъ, вѣроятно, пьешь?» — «Нѣтъ!» — отвѣтилъ совершенно опѣшившій ученый. — «Врешь, вѣроятно, запиваешь? Какимъ мастерствомъ занимаешься?..» — «Читаю лекціи», — отвѣтилъ еле слышнымъ голосомъ совершенно растерявшійся доцентъ. — «Гдѣ?» — вскочилъ въ свою очередь совершенно сконфуженный докторъ. — «Въ университетѣ». — «Какъ-же ваша фамилія?» — «Антоновичъ»... Картина... Разумѣется, В. Т. П. на слѣдующій-же день отправился съ визитомъ къ В. Б. съ извиненіемъ за недоразумѣніе. Сцена эта, рассказанная мнѣ самимъ В. Б., объясняется тѣмъ, что В. Б. какъ доцентъ, не былъ членомъ Совѣта, и поэтому обоимъ профессорамъ—доценту и ординарному — не приходилось встрѣчаться. Передавая мнѣ этотъ случай, В. Б. прибавилъ, застѣнчиво улыбаясь: «У меня такая наружность, что когда я прихожу къ комунибудь въ первый разъ, я привыкъ къ вопросу слуги—отъ кого, на это у меня всегда готовъ отвѣтъ нѣтъ: я самъ отъ себя»... Такихъ случаевъ, конечно, было много, тѣмъ болѣе, что пользовавшійся крупной извѣстностью ученый имѣлъ знакомства очень разнообразныя и къ нему заѣзжали съ визитомъ многіе очень высокопоставленныя особы, до великихъ князей включительно, и къ его скромному домику на углу Кузнечной и Желянской, подчасъ, къ великому изумленію сосѣдей, внезапно подѣзжала карета съ звѣздоносцемъ-генераломъ, генераль-губернаторомъ или командующимъ войсками... Правда добраться до В. Б. было не

его чтеніемъ, споткнулся и полетѣлъ внизъ головой, даже не протянувъ изъ инстинкта самосохраненія—такъ неожиданно было его паденіе—рукъ впередъ. Спасъ его случай. Масса публики не могла помѣстяться на стульяхъ, стоявшихъ рядами противъ кафедры, и пришлось приставить рядъ стульевъ по стѣнѣ, ближайшей къ кафедрѣ. Ближе къ лектору сидѣлъ покойный профессоръ Новороссійскаго университета, А. И. Маркевичъ, фигура размѣровъ весьма внушительныхъ (глухой на одно ухо, онъ обыкновенно старался выбрать мѣсто поближе къ лектору). Эта близость одесскаго ученаго къ кафедрѣ и спасла въ буквальномъ смыслѣ жизнь В. Б. Маркевичъ успѣлъ подскочить и принять на свой необычный животъ, какъ на матрацъ, падающаго головой внизъ лектора. Но мы, всѣ присутствовавшіе въ залѣ, пережили моментъ очень тяжелый—кто видѣлъ В. Б., падающимъ внизъ съ такой значительной высоты, уже представилъ его лежащимъ на полу съ раздробленной головой. И мы глубоко съ облегченіемъ вздохнули, увидавъ В. Б. невредимымъ въ могучихъ объятіяхъ А. И. Маркевича.

легко: приходилось звонить по получасу, пока, наконецъ, на нещадный звонъ примитивнаго звонка изъ подворотни выбѣгала какая-нибудь босоножка Гапка и заявляла, что «панъ кудысь выйшовъ».

Разскажу еще одинъ изъ подобныхъ случаевъ, прекрасно рисующей скромность, тактъ и отсутствіе обидчивости этого, такъ мало по внѣшности показнаго ученаго. Заходитъ однажды В. Б. къ такому же, какъ онъ, доценту, впоследствии дослужившемуся до званія попечителя, И. П. Хрущову, читавшему намъ исторію русской литературы. Хрущовъ, представлявшій свою супругу не иначе, какъ съ предикатомъ — «моя жена, дочь сенатора Полѣнова», — очень хотѣлъ слыть аристократомъ и гораздо болѣе чѣмъ профессурѣ придавалъ значеніе своей должности инспектора института благородныхъ дѣвицъ: «теперь, по крайней мѣрѣ, — заявлялъ онъ съ безцеремонной наивностью, — я могу бывать въ порядочномъ обществѣ» (за эту нелѣпость, высказанную имъ въ моемъ присутствіи, тогда еще ребенка, въ домѣ моего отца, онъ получилъ, правда, хорошій урокъ отъ одного изъ товарищей, бывшаго вмѣстѣ съ нимъ у насъ въ гостяхъ). У Хрущова В. Б. засталъ какого-то француза, съ которымъ аристократъ-инспекторъ оживленно бесѣдовалъ, стараясь перещеголять его настоящимъ, по его убѣжденію, парижскимъ проносомъ. Французъ, имѣвшій, вѣроятно, нѣсколько большее, чѣмъ самъ Хрущовъ, представленіе объ ученomъ значеніи В. Б., нѣсколько разъ, пользуясь паузой разговора съ болтливымъ хозяиномъ пытался обращаться къ В. Б. съ вопросами. — Хрущовъ, съ своей напыщенностью и рѣдкой наивностью, не представлявшій себѣ возможности у такого скромнаго хохлика знакомства съ французскимъ языкомъ — прерогативы однихъ истинныхъ аристократовъ — не давая В. Б. опомниться, тотчасъ же переводилъ ему на отечественный языкъ рѣчь француза. В. Б., скромно улыбаясь, наклономъ головы благодарилъ добровольца-толмача. Случилось хозяину выйти въ другую комнату за папиросами для гостей. Каково же было его удивленіе, когда, вернувшись, онъ услышалъ В. Б., бесѣдующаго съ иностранцемъ на превосходномъ настоящемъ французскомъ языкѣ, пробы безконечно высшей, чѣмъ русско-парижскій жаргонъ самого хозяина-аристократа. Растерявшійся доцентъ-инспекторъ, съ наивнымъ изумленіемъ воскликнулъ: «какъ, вы говорите по-французски?» Французскую литературу В. Б. зналъ превосходно и поглощалъ массу французскихъ романовъ: «чѣмъ они глупѣе, тѣмъ они мнѣ больше нравятся» — признавался мнѣ В. Б., — очевидно, чтеніе ихъ было для него отдыхомъ отъ настоящей серьезной утомительной работы.

Когда В. Б., постоянно находившагося въ подозрѣніи въ сношеніяхъ съ закордонными украинофилами, вызвали однажды въ жандармское правленіе для допроса по какому-то дѣлу, и начальникъ правленія Новицкій (впоследствии одесскій градоначальникъ) началъ съ вопроса: «кто ваши знакомые?» — В. Б. принялся диктовать: «его императорское высочество наслѣдный принцъ итальянскій, великій князь...» — Новицкій въ смущеніи прекратилъ допросъ. А дѣло въ томъ, что незадолго передъ тѣмъ наслѣдный принцъ Италіи, теперешній король, Викторъ-Эммануилъ, и одинъ изъ нашихъ великихъ князей, посѣтивъ Кіевъ, первый сдѣлалъ визитъ крупнѣйшему на Руси знатоку южно-русской исторіи и мѣстной археологіи.

Но вернемся къ лекціямъ В. Б. Глуховатымъ тихимъ голосомъ, изрѣдка покашливая, лекторъ началъ свою лекцію. Несмотря на слабыя голосовыя средства, рѣчь его, благодаря ясности и раздѣльности дикціи (съ замѣтнымъ малорусскимъ акцентомъ), была слышна во всей аудиторіи. Впоследствии мнѣ не разъ приходилось слышать В. Б. говорящимъ въ помѣщеніяхъ, весьма значительныхъ по размѣру, и его спокойная, безъ особенныхъ повышений и пониженій, рѣчь,

тѣмъ не менѣе доходила до самыхъ отдаленныхъ слушателей, въ то время, какъ рѣчи ораторовъ съ значительными голосовыми средствами, порою, пропадали для части зала.

В. Б. читалъ обыкновенно на первомъ курсѣ общій очеркъ удѣльно-вѣчевого періода, до нашествія татаръ, затѣмъ исторію литовской Руси и эпизодическіе краткіе курсы по исторіи казачества, исторію церковной уніи въ юго-зап. Руси, обзоръ источниковъ малорусской исторіи, а впослѣдствіи и краткіе курсы по русской археологіи.

Лекціи его по исторіи удѣльно-вѣчевого періода не отличались особенной новизной взглядовъ, но изложеніе его было чрезвычайно просто и ясно. Онъ дѣлалъ краткій обзоръ источниковъ, переходилъ затѣмъ къ вопросу о происхожденіи Руси, при чемъ явно склонялся въ сторону ея туземнаго происхожденія (Гедеоновъ-Иловайскій); объединеніе Руси, по его убѣжденію, шло не съ сѣвера на югъ, а съ юга на сѣверъ; кіевскіе князья, благодаря появленію у нихъ дружины, стали сильнѣе другихъ и подчинили себѣ рядъ княженій. Излагая далѣе теорію родового и общиннаго быта въ древней Руси (Соловьевъ и Аксаковъ), В. Б. опять примыкалъ къ послѣднему. Затѣмъ шло изложеніе исторіи отдѣльныхъ княжествъ, при чемъ лекторъ оспаривалъ федеративную теорію Костомарова, указывалъ на то, что княженія въ дѣйствительности не соответствовали племенамъ, на территоріи одного племени выросло по нѣскольку княжествъ, а иногда одно княжество захватывало нѣсколько племенъ. Съ появленіемъ труда И. Е. Забѣлина, «Исторіи русской жизни», В. Б. посвятилъ его взглядамъ цѣлую лекцію—его теорію лѣса и поля онъ опровергалъ съ большимъ воодушевленіемъ, очень живо и остроумно. Яркихъ характеристикъ, блестящаго изложенія, новыхъ, вполне самостоятельныхъ теорій въ этомъ курсѣ не было. Въ качествѣ пособія онъ всегда рекомендовалъ «Русскую исторію» Бестужева-Рюмина, ставя ее очень высоко. Изложеніе его было всегда строго-научнымъ, безъ всякихъ отступленій, красивыхъ образныхъ фразъ, осторожно-критическимъ. И, тѣмъ не менѣе, лекціи почему-то насъ всегда очень интересовали; отсутствіе блестящихъ ораторскихъ способностей у лектора было причиной тому, что его аудиторію посѣщали только его присяжные слушатели, но зато послѣдніе посѣщали ихъ усердно и тщательно ихъ записывали. Помимо литографированныхъ лекцій, нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и я, имѣли и собственныя записи—спокойную раздѣльную рѣчь В. Б. записывать было легко.

Курсы по исторіи казачества отличались большою сжатостью, суммарностью изложенія и строгой фактичностью. Они насъ значительно разочаровали—отъ этихъ курсовъ лектора, имѣвшаго репутацію лучшаго, послѣ Костомарова, знатока малорусской исторіи, мы ожидали очень многого. Спеціальныя курсы были важны для специалистовъ—изъ нихъ особенно важенъ былъ курсъ обзора источниковъ по исторіи юго-западной Руси; въ немъ сказывалось близкое знакомство и самостоятельная критическая работа надъ памятниками прошлаго Малороссіи. Значительной самостоятельностью въ нѣкоторыхъ частяхъ отличался и курсъ исторіи литовской Руси,—первая часть его послужила темой для докторской диссертациі В. Б. Наибольшее значеніе въ преподаваніи В. Б. имѣли его практическія занятія. Они состояли въ рефератахъ студентовъ на заданныя профессоромъ темы. Въ этихъ задачахъ была несомнѣнно опредѣленная цѣль и продуманная система, которую мы поняли только значительно позже. Рефераты вращались въ сферѣ изученія источниковъ туземныхъ и иностранныхъ, преимущественно касавшихся южной Руси, или отдѣльныхъ сторонъ быта той же части Руси. Темы на медаль преслѣдовали одну стройную систему—изученія исторіи

отдѣльныхъ земель западной и юго-западной Руси. Лучшіе изъ рефератовъ и всѣ работы, удостоенныя награжденіемъ медалей, печатались въ «Университетскихъ Запискахъ» или въ отдѣльныхъ сборникахъ статей студентовъ университета. Изъ нихъ съ теченіемъ времени за болѣе чѣмъ тридцатилѣтнюю преподавательскую дѣятельность В. Б. составила цѣлая историческая бібліотека.

Блѣдность университетскихъ курсовъ В. Б. объясняется не отсутствіемъ таланта у этого выдающагося ученаго, а его далеко не рядовой біографіей и тѣми условіями, среди которыхъ ему пришлось жить и работать. Біографія В. Б.—не обычная карьера скромнаго ученаго: въ его жизни была глубокая душевная драма, переломъ всего міросозерцанія; какъ его патронъ, старый Владиміръ, онъ изъ язычества перешелъ къ христіанству, порвалъ съ унаслѣдованными традиціями, отрекся отъ старой вѣры, отъ національности и сословія, къ которому принадлежалъ по рожденію, и это отреченіе было если и самымъ тяжелымъ и мучительнымъ моментомъ его жизни, то вмѣстѣ съ тѣмъ и эпохою его просвѣтлѣнія, совлеченіемъ тѣла грѣховнаго, плоти—во имя новаго Бога, въ Котораго онъ увѣровалъ всей наболѣвшей душой, Которому рѣшилъ служить дѣломъ, словомъ и помышленіемъ, и Которому остался вѣренъ до послѣдняго часа жизни ¹⁾.

Подъ какими вліяніями произошелъ этотъ душевный переворотъ въ молодомъ человѣкѣ, ставшемъ изъ католика—православнымъ, изъ шляхтича—демократомъ,

¹⁾ Въ своихъ замѣчательныхъ, къ сожалѣнію, неоконченныхъ автобіографическихъ запискахъ («Литературно-науковий Вістник», Кіевъ, 1908, VII—IX), продиктованныхъ незадолго до смерти женой (на малорусскомъ языкѣ), В. Б. съ полной откровенностью излагаетъ свою, весьма необычную генеалогію.

Въ концѣ XVIII в. въ мѣст. Паволочи, Сквирскаго у., Кіевск. губ., проживалъ князь Любомирскій (имени его В. Б. не могъ узнать); отъ одной мѣстной крестьянки (малоросски) Л. имѣлъ двухъ сыновей и дочь Каролину; Л.—католикъ и дѣтей своихъ окрестилъ по католическому обряду. Свою любовницу Л. выдалъ замужъ за русскаго православнаго шляхтича Зубовскаго, потребовавъ отъ него перехода въ католичество и записи на свое имя дѣтей, прижитыхъ Любомирскимъ. Овдовѣвъ, бывшая любовница Любомирскаго, вышла вторымъ бракомъ за шамбеляна его королевской милости и ѣкоего Тржебинскаго.

Каролину Зубовскую (выбѣрачную дочь Любомирскаго) выдали очень молодою замужъ за пожилого польскаго шляхтича, Ипполита Гурскаго. Отъ него Каролина имѣла двухъ сыновей и дочь Монину—мать В. Б. (родившуюся въ 1802 г.). Монина, получившая хорошее образованіе, служила гувернанткой въ какомъ-то шляхетскомъ домѣ, въ которомъ познакомилась съ жившимъ въ томъ же домѣ въ качествѣ гувернера Бонифатіемъ Антоновичемъ, литвиномъ по происхожденію, за котораго вскорѣ и вышла замужъ. Однако, Монина года черезъ 3—4 разошлась съ мужемъ и впоследствии сошлась съ венгерскимъ эмигрантомъ Иваномъ (Наномъ) Джидаемъ, отъ котораго и имѣла сына Владиміра, по ея законному мужу носившаго фамилію Антоновича.

Такова сложная генеалогія В. Б., носившаго въ своей крови элементы русскіе, польскіе и венгерскіе, шляхетско-магнатскіе и крестьянско-демократическіе.

Официальнымъ годомъ рожденія В. Б. считался до сихъ поръ 1834 г. (см. біограф. словарь проф. унив. Св. Владиміра). Однако, одинъ изъ біографовъ В. Б. (Ляскоронскій, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1908, іюнь), со словъ его родныхъ доказываетъ, что В. Б. родился не въ 1834, а въ 1830 г. (въ м. Чернобылѣ Кіевск. губ.). Ребенокъ родился слабымъ, и родные поспѣшили окрестить его; но въ Чернобылѣ не было ксендза католическаго, и ребенка окрестилъ униатскій священникъ. Позже, уже въ м. Махновкѣ, родители А—ча обратились къ католическому патеру съ просьбой приобщить В. Б. къ католической церкви. Крещеніе это произошло въ 1834 г., каковая дата и значится въ официальномъ документѣ.

Послѣ домашняго образованія В. Б. учился въ одесской 2-й гимназій, которую окончилъ въ 1850 г., откуда поступилъ на медицинскій факультетъ унив. Св. Владиміра, полный курсъ котораго былъ имъ пройденъ въ 1855 г. (получилъ ли В. Б. званіе лекаря—миѣ не извѣстно), но въ 1855 г. онъ поступилъ снова въ тотъ же университетъ на факультетъ историко-филологическій, оконченный имъ въ 1860 г. Съ этого года начинается его преподавательская и научная дѣятельность.

изъ медика — историкомъ, — на это могли бы дать отвѣтъ только его товарищи и будущіе соратники, изъ которыхъ нѣкоторые еще пережили покойнаго историка. Знаю только изъ устъ одного изъ такихъ товарищей, нынѣ уже покойнаго, Андрея Даниловича Юркевича (учитель классическихъ языковъ, братъ извѣстнаго философа Панфила Даниловича), что именно онъ былъ крестнымъ отцомъ молодого студента при переходѣ его изъ католицизма въ православіе.

Но важнѣе этихъ внѣшнихъ вліяній для насъ, конечно, внутренніе мотивы такого рѣшительнаго отреченія отъ всего унаслѣдованнаго прошлаго, а, къ счастью, для объясненія ихъ мы имѣемъ драгоценный памятникъ — искреннюю исповѣдь самого автора. И это единственное свидѣтельство тѣмъ драгоценнѣе, что впоследствии, подъ вліяніемъ иныхъ обстоятельствъ, В. Б. былъ крайне скупъ на подобныя изліянія — во всѣхъ послѣдующихъ его многочисленныхъ работахъ и статьяхъ (за исключеніемъ косвенныхъ намековъ въ одной) авторъ, ушедшій весь въ работу и самого себя, крайне мнительный и подчасъ даже черезчуръ осторожный, избѣгалъ касаться этого рокового для него періода жизни.

Поводъ къ исповѣди былъ слѣдующій. По окончаніи истор.-филолог. факультета В. Б., кромѣ преподавательской работы, сталъ участвовать въ разныхъ временныхъ изданіяхъ и работать въ кievскомъ центральномъ архивѣ. Выступленіе его на литературную и научную почву совпало со временемъ подготовки польскаго возстанія. Антоновичъ изъ шляхтича ставшій демократомъ и изъ поляка — малороссомъ и православнымъ, сознательно вернувшись къ вѣрѣ и національности предковъ, не могъ относиться сочувственно къ польскому возстанію; онъ видѣлъ въ немъ дѣло не общенародное, а специально-сословное, шляхетское, въ идеалахъ польской шляхты — возстановленія Рѣчи Посполитой отъ моря до моря — онъ видѣлъ угрозу тяжелаго бѣдствія для малорусскаго народа, долго стонавшаго подъ властью шляхты, для которой малорусскій народъ былъ низшей расой, бѣдломъ, да еще схизматическимъ и относительно положенія котораго въ прошломъ онъ помнитъ выраженіе одного иностранца, посѣтившаго Польшу въ эпоху ея политическаго могущества: «паны купаются здѣсь въ морѣ роскоши, а народу живется хуже, чѣмъ въ аду». Заигрыванія съ малорусскимъ народомъ подготовившей возстаніе польской шляхты, гримировавшейся малороссами, сочинявшей на малорусскомъ языкѣ гимны, въ которыхъ оплакивалась ея несчастная участь «підъ московскимъ карауломъ, у ярмі», золотыя грамоты, въ которыхъ народу малорусскому за участіе въ возстаніи по возстановленіи Рѣчи Посполитой, обѣщались разныя льготы, казались ему преступнымъ лицемѣріемъ, обманомъ, — онъ не вѣрилъ въ демократизмъ польской шляхты и боялся новаго закрѣпощенія народа, только что получившаго землю и волю. Для него истинные друзья народа не ломаютъ себѣ голову надъ далекимъ будущимъ, но если они люди дѣла, и если имѣютъ средства, то стараются о народномъ просвѣщеніи, объ улучшеніи матеріальнаго быта крестьянъ, объ отысканіи лучшихъ средствъ для достиженія той и другой цѣли; они готовы сто разъ сознаться публично, что ошиблись въ своихъ заключеніяхъ о той или другой народной потребности, чѣмъ навязать народу то, въ чемъ онъ не нуждается, или то, чего онъ не хочетъ («Исповѣдь», основ. 1862. I, р. 88).

И онъ вмѣстѣ съ упрекомъ польской шляхтѣ бросилъ такой-же жестокой укоръ и малорусскому боярству, оставившему вѣру и національность, ополячившемуся и забывшему о народныхъ интересахъ (i. в. 88—9—).

Такія рѣзкія изобличенія, конечно, должны были до крайности раздражить польскихъ патриотовъ, шляхтичей, замыслы которыхъ были съ такой ясностью разоблачены молодымъ ученымъ, и одинъ изъ польскихъ писателей, Падавица,

въ отвѣтъ на горячія статьи малорусскаго патриота, ставшаго для польскихъ повстанцевъ очень опаснымъ противникомъ, нанесъ ему жестокое оскорбленіе, обозвавъ молодого дѣятеля, такъ сознательно, искренне и безкорыстно отстаивавшаго свою новую вѣру, позорнымъ именемъ «перевертня». Съ рѣдкимъ достоинствомъ и необыкновенной силой и страстью отвѣчаетъ молодой новіціатъ на это оскорбленіе («Исповѣдь», р. 94).

«Да, г. Падалица, вы правы! Я, дѣйствительно, «перевертень», — но вы не приняли во вниманіе того обстоятельства, что слово «отступникъ» не имѣетъ само по себѣ смысла; что для составленія себѣ понятія о лицѣ, къ которому приложенъ этотъ эпитетъ, нужно знать, отъ какого именно дѣла человекъ отступился и къ какому именно присталъ, иначе слово это лишено смысла—это пустой звукъ. Дѣйствительно, вы правы. По волѣ судьбы, я родился на Украинѣ шляхтичемъ; въ дѣтствѣ имѣлъ всѣ привычки паничей и долго раздѣлялъ всѣ сословныя и національныя предубѣжденія людей, въ кругу которыхъ воспитывался; но когда пришло для меня время самосознанія, я хладнокровно оцѣнилъ свое положеніе въ краѣ, я взвѣсилъ его недостатки, всѣ стремленія общества, среди котораго судьба меня поставила, и увидѣлъ, что его положеніе нравственно безвыходно, если оно не откажется отъ своего исключительнаго взгляда, отъ своихъ заносчивыхъ посягательствъ на край и его народность; я увидѣлъ, что поляки-шляхтичи, живущіе въ южно-русскомъ краѣ, имѣютъ предъ судомъ собственной совѣсти только двѣ исходныя точки: или полюбить народъ, среди котораго они живутъ, проникнуться его интересами, возвратиться къ народности, когда-то покинутой ихъ предками и неусыпнымъ трудомъ и любовью, по мѣрѣ силъ, вознаградитъ все зло, причиненное ими народу, вскормившему многія поколѣнія вельможныхъ колонистовъ, которому эти послѣдніе за кровь и потъ платили презрѣніемъ, ругательствами, неуваженіемъ его религіи, обычаевъ, нравственности, личности,—или-же, если для этого не хватаетъ нравственной силы, переселиться въ землю польскую, заселенную польскимъ народомъ, для того, чтобы, наконецъ, избавиться самому передъ собою отъ грустнаго упрека въ томъ, что и я тоже колонистъ, тоже плантаторъ, что и я посредственно или непосредственно (что, впрочемъ, все равно) питаюсь чужими трудами, заслоняю дорогу къ развитію народа, въ хату котораго я залѣзъ непрошенный, съ чужими ему стремленіями, что и я принадлежу къ лагерю, стремящемуся подавить народное развитіе туземцевъ и что невинно раздѣляю отвѣтственность за ихъ дѣйствія. Конечно, я рѣшился на первое, потому что сколько ни былъ испорченъ шляхетскимъ воспитаніемъ, привычками и мечтами, мнѣ легче было съ ними разстаться, чѣмъ съ народомъ, среди котораго я выросъ, который я зналъ, котораго горестную судьбу я видѣлъ въ каждомъ селѣ, гдѣ только владѣлъ имъ шляхтичъ,—изъ устъ котораго я слышалъ не одну печальную, раздирающую сердце пѣсню, не одно, честное, дружественное слово (хотя я былъ и паничъ), не одну трагическую повѣсть объ истлѣвшей въ скорби и безплодномъ трудѣ жизни... который, словомъ, я полюбилъ больше своихъ шляхетскихъ привычекъ и своихъ мечтаній. Вамъ хорошо извѣстно, г. Падалица, и то, что прежде чѣмъ я рѣшился разстаться съ шляхтою и всѣмъ ея нравственнымъ достояніемъ, я испробовалъ всѣ пути примиренія; вы знаете и то, какъ были съ вашей стороны встрѣчены всѣ попытки уговорить вельможныхъ къ человѣчному обращенію съ крестьянами, къ заботѣ о просвѣщеніи народа, основанномъ на его собственныхъ національныхъ началахъ, къ признанію южно-русскимъ, а не польскимъ того, что южно-русское, а не польское; вы были, вѣдь, свидѣтелемъ, какъ подобныя мысли возбудили, вначалѣ, свистъ и смѣхъ, потомъ гнѣвъ и брань, и, наконецъ, ложные доносы и намеки о колѣвщинѣ.

Послѣ этого, конечно, оставалось или отречься отъ своей совѣсти, или оставить ваше общество: я выбралъ второе и надѣюсь, что трудомъ и любовью заслужу когда-нибудь, что украинцы признаютъ меня сыномъ своего народа, такъ какъ я все готовъ раздѣлить съ ними. Надѣюсь тоже, что, со временемъ, среди польскаго шляхетскаго общества, живущаго въ Украинѣ, поворотъ къ народу и сознание необходимости трудиться на его пользу—раньше или позже—станетъ нравственной потребностью не только отдѣльныхъ лицъ—какъ теперь, а вообще всѣхъ, кто въ силахъ будетъ обсудить свое положеніе и свои обязанности, и не предпочтетъ мечты насущному, вызванной собственной совѣстью, дѣлу. Итакъ, г. Падалица, вы правы! я—«перевертень», и я горжусь этимъ, такъ точно, какъ я гордился бы въ Америкѣ, еслибъ сталъ аболиціонистомъ изъ плантатора, или въ Италиі, еслибъ, просвѣтивъ свой образъ мыслей, я изъ паниста сдѣлался честнымъ, трудолюбивымъ слугой общенароднаго дѣла».

Своему девизу—служить всѣми силами своей родинѣ, своему народу, В. Б. остался вѣренъ всю жизнь. Но для этой цѣли онъ избралъ не путь публицистики, которой отдалъ дань только въ первые молодые годы своей дѣятельности, для которой не чувствовалъ себя созданнымъ по своему природному характеру, а путь науки—разработку мало еще затронутой народной исторіи, выясненія характерныхъ особенностей склада народной жизни, ея идеаловъ въ прошломъ и, быть можетъ, постройки будущей жизни его на національныхъ основахъ—для него общественное самоуправленіе было постоянной цѣлью, къ которой стремился украинскій народъ. Онъ удалился въ свой кабинетъ, въ свой архивъ, и результатомъ его неустанной работы было обнародованіе многихъ тысячъ актовъ о прошломъ малорусскаго народа, и десятковъ крупныхъ трудовъ, написанныхъ на основаніи этихъ актовъ. Но и въ этой тихой и творческой работѣ его ждали многія разочарованія и незаслуженныя обиды. Искренность его обращенія, казалось, не подлежала сомнѣнію. Многочисленные труды его, преслѣдовавшіе упорно одну опредѣленную цѣль, скоро создали ему репутацію крупнаго ученаго. Скромное матеріальное положеніе редактора изданій центральнаго архива, а затѣмъ доцента университета, даже для враговъ его исключали возможность обиднаго предположенія, что онъ продалъ своего Христа за жалкіе серебрянники. Малорусская интеллигенція признала, признаетъ и будетъ признавать его своимъ—онъ имъ былъ и по происхожденію отъ отдаленныхъ предковъ, и по своимъ искреннимъ убѣжденіямъ. Но не такъ на него смотрѣли стоявшія тогда во главѣ правленія лица. Для нихъ онъ скоро сталъ не союзникомъ, а тайнымъ, ловкимъ, умѣющимъ скрывать нити своихъ замысловъ, опаснымъ врагомъ, для однихъ—главою сепаратическаго украинофильства, мечтавшимъ и работавшимъ тайно, какъ заговорщикъ, надъ возстановленіемъ самостоятельности Малороссіи, для другихъ—даже скрытымъ полякомъ, удивительно ловко скрывавшимъ свою настоящую фізіономію подъ маской малоросса, но въ тайнѣ работавшимъ надъ возстановленіемъ Рѣчи Посполитой. За нимъ постоянно и упорно слѣдили, вскрывали его переписку, вызывали его для объясненій, куда слѣдуетъ, подсылали къ нему ловкихъ агентовъ, выдававшихъ себя то за ярыхъ украинофиловъ, то за делегатовъ Ржонда. И онъ жилъ вѣчно подъ страхомъ репрессій, наказаній, тяжелыхъ и обидныхъ объясненій, высылки изъ той обстановки, въ которой только и могъ работать на пользу той цѣли, которой онъ всецѣло отдался. И это сдѣлало его крайне скрытымъ, уклончивымъ, осторожнымъ въ писательствѣ, личныхъ разговорахъ и лекціяхъ университетскихъ и публичныхъ,—для послѣднихъ онъ, если не могъ отъ нихъ отказаться, выбиралъ темы самыя безобидныя, въ которыхъ самая придирчивая критика не могла бы найти матеріала для обвиненія въ тайныхъ замыслахъ.

В. Б. дожидь до времени, когда Русь, хотя и очень робкими шагами, вступила на тотъ путь, о которомъ онъ вмѣстѣ съ своими сверстниками, людьми 60-хъ годовъ, могъ только втайнѣ мечтать — путь превращенія патріархальнаго государства въ правовое. Но онъ былъ уже слишкомъ старъ, дряхль и боленъ для того, чтобы принимать активное участіе въ новомъ движеніи. Еще значительно раньше въ его политическихъ убѣжденіяхъ мы замѣчаемъ извѣстное разочарованіе въ одномъ положеніи, которое онъ отстаивалъ съ самаго начала своей научно-публицистической дѣятельности. Для него общественное, или, лучше сказать, общинное, самоуправленіе было раньше краеугольнымъ камнемъ идеаловъ малорусскаго народа. Вы найдете эту мысль, въ той или другой формѣ проведенной въ его многочисленныхъ трудахъ;—изъ свободныхъ общинъ, по его мнѣнію, выросло казачество;—нѣмецкимъ правомъ, замѣнившимъ общинное устройство городовъ западной и юго-западной Руси, онъ объяснял ихъ упадокъ;—въ народныхъ движеніяхъ —гайдамачинѣ—онъ видѣлъ стремленіе малорусскаго народа вернуться къ этому исконному общинному строю. Но еще задолго до смерти, въ одномъ публичномъ чтеніи его, посвященномъ памяти Богдана Хмельницкаго, мы видимъ въ немъ признаки разочарованія, если не самимъ идеаломъ общинной жизни, то примѣнимостью его къ малорусскому народу—и онъ, съ такой-же, быть можетъ, болью, съ какой онъ отказался когда-то отъ однихъ идеаловъ, въ незыблемости которыхъ окончательно разочаровался, но и съ тою-же искренностью сознается въ своемъ увлеченіи,—разсматривая разныя попытки малорусскаго народа создать прочныя формы государственнаго правленія, онъ находитъ ихъ все неудачными и кончаетъ признаніемъ, что малорусскій народъ —народъ не государственный,—неспособный на творчество прочныхъ укладовъ государственной жизни, — но въ этомъ положеніи, однако, маститый ученый говоритъ далеко не то, что составляло основную мысль славянофильства.

Если мы видѣли, что пока трудно сказать, за отсутствіемъ воспоминаній современниковъ, подъ чьими влияніями сложились политическія убѣжденія покойнаго историка, и мы можемъ только предполагать въ числѣ другихъ влияній его тѣсную близость къ нѣкоторымъ товарищамъ, работавшимъ впоследствии на одной съ нимъ нивѣ—Драгомановымъ, Житецкимъ, Кистяковскимъ, Ѡ Рыльскимъ и А. Д. Юркевичемъ, то, что касается характера его ученой дѣятельности, мнѣ кажется, я не ошибусь, приписывая ихъ влиянію одного изъ университетскихъ профессоровъ, дѣятельность котораго до сихъ поръ недостаточно освѣщена, а ученая физіономія котораго нѣкоторыми биографами В. Б. даже представлена въ совершенно искаженномъ видѣ—проф. Н. Д. Иванишева. Изъ лекцій нѣкоторыхъ университетскихъ преподавателей В. Б. могъ вынести, конечно, немного, какъ, напр., отъ Ставровскаго, профессора исторіи, написавшаго, кажется, за всю жизнь одну работу: «Разсужденіе о значеніи среднихъ вѣковъ въ отношеніи къ новѣйшему времени». Не видимъ въ его трудахъ и слѣдовъ влиянія талантливаго проф. Павлова, — но влияніе Иванишева на И. Б. несомнѣнно. Ему Антоновичъ обязанъ и своей первоначальной карьерой—Иванишевъ, въ качествѣ главнаго редактора изданій центрального архива, пригласилъ Антоновича работать надъ актами, и, вѣроятно, подъ его же влияніемъ, его, убѣжденнаго сторонника мысли объ общинѣ, какъ исконномъ началѣ русской жизни, создались и первые историческіе идеалы Антоновича. Иванишевъ, вѣроятно, и направилъ Антоновича на вопросы о происхожденіи казачества и вопросы о происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ юго-западной Руси. И въ той же исповѣди В. Б. мы находимъ отголосокъ укоровъ Иванишева западно-русскому дворянству. «отрекшемуся отъ своей вѣры и презрѣвшему свою народность», и Иванишевъ, какъ и Антоновичъ, подвергся

за свои возрѣнія жестокимъ нападкамъ польскихъ публицистовъ, Савинскаго и Падалицы.

И приходится только сожалѣть, что В. Б., углубившись въ изученіе актовaго матерьяла, оставилъ въ сторонѣ весьма важную черту работъ широко образованнаго учителя—его сравнительный методъ при изученіи каждаго вопроса русской и славянской исторіи.

Въ ряду трудовъ В. Б. его работы по археологіи занимаютъ особое мѣсто—археологическія работы были его любимымъ занятіемъ, а особенности его характера, специальная подготовка совершенно исключительнаго свойства, какъ бы сами влекли его къ этой области науки.

Свои археологическія изслѣдованія В. Б. сосредоточилъ главнымъ образомъ, какъ и свои историческіе труды, на Малороссіи (губерн. Кіевской, Волынской, Подольской, Черниговской, Полтавской); раскопки въ другихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, на Кавказѣ, имѣли, повидимому, для В. Б. иную цѣль, чѣмъ его многочисленныя изслѣдованія въ предѣлахъ Малороссіи. Въ послѣдней онъ хотѣлъ установить путемъ курганныхъ находокъ отличительныя черты и предѣлы расселенія отдѣльных племенъ, жившихъ нѣкогда на территоріи юго-западной Руси. Къ своимъ изслѣдованіямъ онъ приступилъ лишь послѣ самаго тщательнаго изученія исторической географіи данной мѣстности. Историческая географія давала ему исходный пунктъ для археологическихъ изслѣдованій, а археологическія изслѣдованія подтверждали ему или исправляли историко-географическія показанія. Если въ землѣ древлянъ эти изслѣдованія облегчались существованіемъ огромной массы однороднаго курганнаго матерьяла, то изслѣдованія въ кіевской землѣ, поражающей археолога рѣдкимъ разнообразіемъ курганныхъ типовъ, принадлежали къ наиболее труднымъ; но и здѣсь ему удалось опредѣлить специфическій типъ полянскаго погребенія, Въ Полтавской губерніи онъ искалъ типы сѣверо-скинскаго погребенія, отличнаго отъ южно-скинскаго Екатеринославской губерніи.

Немногіе изъ русскихъ археологовъ обладали такой превосходной археологической подготовкой, какъ В. Б. Въ этомъ отношеніи ему оказало большую услугу его раннее медицинское образованіе, превосходное знакомство съ анатоміей чело-вѣка и отчасти со сравнительной анатоміей, основательное изученіе антропологіи, палеонтологіи и геологіи. Въ послѣднемъ отношеніи, насколько я знаю, онъ въ началѣ пользовался указаніями лучшаго въ свое время знатока палеонтологіи и геологіи юго-западнаго края, проф. А. С. Роговича, котораго нерѣдко сопровождалъ въ его палеонтологическихъ экскурсіяхъ (изъ крайне цѣнныхъ коллекцій проф. Роговича одна находится въ Кіевскомъ университетѣ, другая—въ Горномъ институтѣ, въ Петербургѣ). Сравнительная анатомія животныхъ—слабое мѣсто нашихъ естественниковъ; между тѣмъ значеніе ея для археологическихъ изслѣдованій очень велико,—въ курганахъ часто находятся кости разнообразныхъ животныхъ, иногда породъ рѣдкихъ въ данной мѣстности, или даже вымершихъ; антропологія—неизмѣнная спутница археологіи. Съ другой стороны, наши естественники и медики, имѣя дѣло лишь со свѣжими костями, часто теряются при опредѣленіи костей, испытавшихъ дѣйствіе времени и стихій въ курганахъ. Помню, какъ однажды на предпринятой В. Б. археологической экскурсіи въ окрестностяхъ м. Триполья (Кіевск. губ.), кромѣ многихъ студентовъ, въ числѣ которыхъ былъ и я, присутствовалъ докторъ Пастернацкій, впоследствии извѣстный профессоръ медико-хирургической академіи. Разсматривая куски перебитыхъ костей въ одномъ изъ кургановъ, Пастернацкій призналъ ихъ обломками ручныхъ костей. Подходить В. Б. и, внимательно осматрѣвъ кости, со своей обычной деликатностью скромно замѣчаетъ, что онъ, конечно, не смѣетъ спорить со специалистомъ, но что, по его

миѣнію, это—остатки костей ножныхъ. Зашелъ споръ обоихъ ученыхъ, и въ концѣ концовъ Пастернацкій сдался на анатомическіе доводы В. Б. Также легко справлялся В. Б. и съ камнемъ преткновенія естественниковъ опредѣленіемъ принадлежности животныхъ костей тому или иному животному индивидууму. Всѣ способы антропологическаго изслѣдованія были, конечно, превосходно знакомы В. Б.

Въ курганныхъ группахъ В. Б. останавливался на основаніи тщательнаго изученія топографіи мѣстности на отдѣльныхъ курганахъ, иногда менѣе выдающихся по своему внѣшнему виду, и эти именно курганы и давали наиболѣе цѣнные результаты. Это заставляло нѣкоторыхъ думать, что В. Б. таилъ про себя нѣкоторые признаки, такъ сказать, курганной іерархіи, извѣстные только ему; между тѣмъ, какъ это вѣдовство состояло только въ наблюдательности и тщательномъ изученіи особенностей мѣстности, какъ признавался онъ самъ.

Раскопки представляли для В. Б. такую же неотразимую привлекательность, какъ охота для страстнаго охотника. Это былъ его лѣтній отдыхъ и болѣе чѣмъ лѣтнее развлеченіе. На раскопкахъ В. Б. выказывалъ удивительную для своего, по внѣшнему виду, слабаго организма неутомимость и выносливость. Онъ могъ жить недѣлями подъ открытымъ небомъ, питаясь, чѣмъ Богъ послалъ, переносить и грязь и холодъ, дождь и слякоть. Съ восходомъ солнца онъ былъ уже на работахъ и ни одна лопата, выброшенной земли не оставлялась имъ неразслѣдованной; когда въ курганѣ наконецъ обнаруживался признаковъ могилы, В. Б. спускался въ нее и цѣлыми часами чуть не по зернышку очищалъ ея внутренность, такъ сказать, анатомируя ея содержаніе, пока не обнажалъ всего скелета со всеми ему сопутствовавшими предметами, оставляя каждый предметъ на его мѣстѣ, чтобы получить нетронутую картину древняго погребенія.

Неизмѣнный участникъ всѣхъ нашихъ Археологическихъ Съѣздовъ, В. Б. на каждомъ предлагалъ результаты своихъ археологическихъ розысканій, и его цѣнные доклады ожидались всегда съ особеннымъ интересомъ и были всегда, такъ сказать, *clous* каждого Съѣзда. Достаточно припомнить 2-й Кіевской Съѣздъ, на которомъ В. Б. прочелъ свое классическое изслѣдованіе:—«О курганныхъ типахъ Кіевской земли»—блестящіе результаты его многолѣтнихъ раскопокъ въ Кіевщинѣ. Археологическія карты Кіевской и Волинской губ., составленныя В. Б.—образецъ всѣхъ бывшихъ и будущихъ работъ подобнаго рода.

Я помню В. Б. еще на Кіевскомъ I-омъ Съѣздѣ 1874 г. На этомъ Съѣздѣ, посвященномъ главнымъ образомъ разработкѣ вопросовъ, въ которыхъ онъ уже тогда былъ крупнымъ авторитетомъ, В. Б. проявилъ особенно энергичную дѣятельность, не только въ качествѣ подготовителя работъ Съѣзда и его секретаря, но и въ качествѣ оппонента по массѣ вопросовъ, особенно ему близкихъ. Но и для всѣхъ послѣдующихъ Съѣздовъ онъ всегда подготовлялъ, по своему-ли почину, или по порученію Предварительнаго Комитета Съѣзда, трудъ, перворазрядный по значенію археологическаго матерьяла и классическому изслѣдованію, и представлялъ собою, такъ сказать, послѣднюю инстанцію въ рѣшеніи многихъ археологическихъ вопросовъ.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ, особенно въ послѣдніе годы жизни, когда его здоровье требовало пребыванія въ тепломъ климатѣ, В. Б. совершалъ продолжительныя заграничныя поѣздки, знакомясь вездѣ съ археологическими коллекціями, участвуя въ археологическихъ заграничныхъ Съѣздахъ. Его археологическій кругозоръ, такимъ образомъ, всегда стоялъ на высотѣ европейской археологической науки, благодаря чему его собственные археологическіе труды имѣли обще-культурное археологическое значеніе, а не были простымъ описаніемъ результатовъ мѣстнаго археологическаго изслѣдованія, — его выводы имѣли въ

виду обще-археологическую перспективу и займутъ важное мѣсто въ ряду крупныхъ работъ европейскихъ археологовъ.

Надѣюсь, что я только отвѣчу общему желанію предложеніемъ собрать во-едино и издать разбросанные въ разныхъ изданіяхъ, равно какъ и ненапечатанные труды В. Б. по родной археологіи. Императорское Московское Археологическое Общество, незамѣнимымъ сотрудникомъ котораго В. Б. состоялъ десятки лѣтъ, конечно, возьметъ на себя починъ въ этомъ дѣлѣ.

Я старался главнымъ образомъ дать здѣсь характеристику нравственной фізіономіи покойнаго ученаго. Чтобы очертить значеніе научныхъ работъ В. Б., потребовалось-бы втрое больше времени, — скажу только, что, кажется, не было ни одной важной стороны въ жизни малорусскаго народа, которой онъ оставилъ безъ разсмотрѣнія: исторія сословій (казаки, шляхта, города, крестьяне), исторія народныхъ движеній — гайдамачина, значеніе православія въ исторіи южной Руси, народныя повѣрія, преданья и пѣсни — всему этому онъ посвятилъ крупные и цѣнные труды. И все-таки я считаю его труды по археологіи южной Руси лучшимъ изъ его трудовъ — осторожность въ выводахъ, удивительная тщательность работы, поразительная наблюдательность, отъ которой не ускользали никакія мелкія подробности, стройность и систематизація матерьяла и сравнительный методъ, недостаткомъ котораго отчасти грѣшатъ другія его работы, дѣлаютъ его археологическіе труды лучшими изъ русскихъ, и не только русскихъ работъ въ этой области.

Крупный слѣдъ оставилъ В. Б. въ исторіи русской науки и русскаго просвѣщенія, и память объ этомъ «добромъ страдальцѣ» за родную землю «не вмре, не загине».

СЕМЬЯ ФРОЛОВЫХЪ НА ДОНУ.

(Страничка изъ исторіи Дона въ XVII—XVIII вв.).

Л. М. Савеловъ.

Знакомясь съ донскими актами за послѣднія 25 лѣтъ XVII вѣка и первыя 30—40 лѣтъ XVIII в., изслѣдователь постоянно наталкивается на членовъ семьи Фроловыхъ, избравшихся въ этотъ періодъ, и почти непрерывно, на всѣ главныя должности войскового уряда: начиная съ войскового атамана и кончая атаманами зимовыхъ или легкихъ станицъ, отправляемыхъ ко Двору, — вездѣ сидятъ сыновья и внуки знаменитаго въ лѣтописяхъ Дона атамана Фрола Минаева, родоначальника фамиліи Фроловыхъ; эту эпоху мы смѣло можемъ назвать эпохою Фроловыхъ, какъ послѣдующую — эпохою Ефремовыхъ. Въ это время на Дону начинается складываться сплоченный старшинскій классъ и первыми, положившими начало этого выдѣленія старшины изъ остальной казачей массы, были, несомнѣнно, Фроловы. Правда, они не достигли того вліянія, какое, напримѣръ, имѣли атаманъ Данило Ефремовъ и сынъ его Степанъ, но обстоятельства въ ихъ время были нѣсколько не тѣ, — при Фроловыхъ только начиналось обособленіе мѣстной власти въ рукахъ отдѣльныхъ атамановъ и подчиненіе ея центральному правительству, тогда какъ при Ефремовыхъ подчиненіе круга власти атамана было уже полное: при Ефремовыхъ атаманъ уже назначался правительствомъ¹⁾, которое его всячески поддерживало, тогда какъ при Фролѣ Минаевѣ атаманы избирались кругомъ, который былъ еще, болѣе или менѣе, самостоятеленъ. Но, не смотря на это, вліяніе Фроловыхъ было настолько сильно, что давало себя чувствовать даже такимъ сильнымъ уже въ то время на Дону старшинамъ, какъ Данила Ефремовъ и Иванъ Матвѣевичъ Краснощекъ, которые просили не назначать никого изъ Фроловыхъ атаманомъ, такъ какъ въ случаѣ подобнаго назначенія житье имъ будетъ плохое, хотя второй изъ нихъ былъ даже женатъ на внучкѣ Фрола Минаича.

Впервые имя родоначальника семьи Фроловыхъ — Фрола Минаева или Минаича мы встрѣчаемъ въ то время, когда на Дону жизнь была ключемъ, когда тамъ стало больше прежняго появляться множество бездомнаго народа, вносящаго много неурядицы въ жизнь и безъ того неспокойныхъ донцовъ.

Вторая половина XVII столѣтія въ жизни московскаго государства была исключительною; населенію приходилось переживать тяжелыя времена — съ одной стороны возникновеніе раскола и страшныя гоненія приверженцевъ церковной старины, съ другой — цѣлый рядъ войнъ, что повлекло за собой непомнѣнное и не-

¹⁾ Первый разъ назначенъ былъ атаманъ въ 1723 г.
Труды XIV Арх. Съѣзда, т. III.

посильное для населенія повышеніе налоговъ и неудачную монетную реформу, что особенно сильно отозвалось на тяглой части населенія; то и другое сильно повлияло и на уходъ населенія на Донъ,—уходила, конечно, болѣе энергичная часть и, вливаясь въ среду казачества, она несомнѣнно мало вносила въ эту среду успокоенія; послѣ же Андрусовскаго договора 1666 г., когда правобережная Украина была вновь закрѣплена за Польшею, часть малороссійскаго казачества также двинулась на берега тихаго Дона. Всѣ эти элементы увеличивали, такъ называемую, казацкую голытьбу, которая искала выхода своимъ силамъ, желала, наконецъ, и улучшенія своего голоднаго положенія, волновалась и при первомъ удобномъ случаѣ подымалась и слѣдовала за первымъ попавшимся, но болѣе энергичнымъ, предприимчивымъ вожакомъ. Къ этому-то времени возникаетъ среди казачества грандіозное движеніе, поднятое Степаномъ Разинымъ, охватившее громадный районъ и потребовавшее серіознаго вмѣшательства центрального правительства.

Въ это время мы встрѣчаемъ впервые и имя Фрола Минаева.

Военныя удачи Разина, его ореолъ чуть ли не народнаго героя, конечно, не могли остаться безъ сильнаго влиянія на горячія головы казацкой молодежи, и мы думаемъ, что не избѣгъ этого даже и Фроль Минаевъ, человекъ уже зрѣлыхъ лѣтъ, такъ какъ первое извѣстіе о немъ даетъ основаніе считать его въ это время принадлежавшимъ къ сподвижникамъ Степана.

Въ 4 томѣ собранія Госуд. Грамотъ и договоровъ (стр. 255) есть слѣдующія строки: «А съ Царицына Стенька пошелъ на Саратовъ, а на Донъ отпустилъ отъ себя казаковъ Донскихъ и Московскихъ стрѣльцовъ съ казною, которую награбилъ въ Астрахани, ... а въ атаманѣхъ съ нимъ послалъ изъ Донскихъ казаковъ Якушка Гаврилова да Фролка Минаева».

Эта записъ даетъ намъ право считать Фрола Минаева въ числѣ соратниковъ Разина и весьма возможно, что это порученіе, несомнѣнно доказывающее расположеніе и довѣріе Разина къ Фролу, и спасло послѣдняго отъ участи его покровителя и начальника. Какія причины заставили Фрола Минаева покинуть своего буйнаго атамана, мы не знаемъ, но сдѣлалъ онъ это весьма своевременно, такъ какъ уже въ 1673 г. мы встрѣчаемъ его, въ качествѣ станичнаго атамана ¹⁾, и принимающимъ затѣмъ участіе въ походѣ казаковъ подъ Азовъ, а затѣмъ видимъ его въ Москвѣ, гдѣ онъ является къ патриарху Іоакиму, который благословилъ его и его товарищей образами, т.-е. мы видимъ его въ совершенно иномъ положеніи, чѣмъ въ 1670 г.

Въ 1675 г. Фроль Минаичъ въ званіи уже походнаго атамана вошелъ въ составъ отряда князя Каспулата Муцаловича Черкаскаго, отправленнаго въ Крымъ ²⁾.

16 июля умеръ знаменитый на Дону войсковою атаманъ Корнилій Яковлевъ ³⁾ и въ 1680 г. войсковою кругъ избралъ на его мѣсто своимъ атаманомъ Фрола Минаевича, въ каковомъ званіи тотъ и пробылъ, почти непрерывно, до своей кончины т.-е. до 1700 г., будучи ежегодно перебираемъ войсковымъ кругомъ.

Конецъ XVII и первая четверть XVIII столѣтій были особенно тяжелы на Дону, гдѣ только еще начинала складываться въ то время общественная жизнь, начинали проявляться первые признаки гражданственности, первые признаки устрое-

¹⁾ Повидимому, Ф. М. былъ станичнымъ атаманомъ въ моментъ выступленія казаковъ въ походъ, почему и названъ такъ; во время военныхъ дѣйствій не было собственно должности станичнаго атамана.

²⁾ Въ 1676 г. имя Фрола Минаича находилось въ секретномъ спискѣ старшины, которымъ выдавалось содержаніе отъ Московскаго правительства.

³⁾ Надгробная плита въ Старочеркасскомъ соборѣ. Въ „Донскихъ Области. Вѣдомостяхъ“ за 1904 г. (№№ 43 и 44) напечатана ст. А. П. Данилова—„Атаманъ Корнилій Яковлевъ“.

нія и порядка, которому не желали подчиняться пришлые, буйные элементы, явившіеся на Донъ, конечно, не для того, чтобы подчиняться чьей бы то ни было волѣ, хотя бы даже и волѣ самаго атамана, избраннаго казачьимъ кругомъ. Погибъ на плахѣ Степанъ Тимофеевичъ Разинъ, — на смѣну его идутъ Васька Усь, Федька Шелудякъ и др.; временныя удачи ихъ шаекъ, легкая и богатая добыча, все это, конечно, отуманивало юныя головы казачьей молодежи, не желавшей признавать за кѣмъ-нибудь власти надъ собой. Увлеченіе молодежи передавалось и старымъ, испытаннымъ въ дикомъ полѣ, казакамъ и они также приставали къ этимъ самозваннымъ молодцамъ-атаманамъ.

Самъ Флоръ Минаевичъ говаривалъ: «теперь у насъ вольницы много, унимать намъ ихъ нельзя, потому что всѣмъ намъ, старшинамъ, отъ голутьбы теперь стало тѣсно»¹⁾.

При такомъ положеніи вещей на Дону атаманская булава была тяжелымъ доспѣхомъ. Атаманъ, избираемый и смѣняемый войсковымъ кругомъ, долженъ былъ обладать громаднымъ тактомъ и умѣніемъ обращаться съ волелюбивою казачьею голытьбою; каждую минуту долженъ былъ онъ помнить, что одинъ невѣрный шагъ, одно необдуманное слово — и ему придется проститься не только съ атаманскою булавою, но, можетъ быть, и съ своею собственною головою. Съ другой же стороны, приходилось оглядываться и на Московское правительство, которое все больше и больше прибирало къ своимъ рукамъ казачество и крайне подозрительно смотрѣло не только на казачью массу, но и на ея предводителей-атамановъ, каждую минуту опасаясь измѣны и всякаго «воровства». И на такую подозрительность правительство имѣло безусловное право, такъ какъ сплошь и рядомъ казачьи шайки, не довольствуясь набѣгами на Кабарду, Азовъ, Крымъ и другія мѣстности, не входившія тогда еще въ предѣлы Россіи, направлялись на Волгу, гдѣ грабили не только купеческіе, но даже и царскіе караваны. Бывали случаи, когда казачьи партіи углублялись внутрь страны и заходили далеко въ предѣлы государства, грабя и убивая мирныхъ жителей. Такъ, 27 сентября 1670 г. партія казакоевъ, подъ начальствомъ брата Стеньки Разина, Фролки, подступила къ городу Коротояку, лежащему на Дону въ предѣлахъ нынѣшней Воронежской губ., гдѣ и простояла «съ полдень до вечера, въ Окопахъ».

Какъ мы видимъ, атаманъ, кромѣ военныхъ доблестей, долженъ былъ обладать еще и дипломатическими способностями; ему приходилось лавировать между правительствомъ и казачествомъ: угодить казачеству — возстановить противъ себя Москву, угодить Москвѣ — поднимутся противъ тебя казаки, что разъ и случилось съ самимъ Фроломъ Минаевичемъ, когда онъ въ 1683 г. принялъ сторону правительства, потребовавшего выдачи чернеца Іосифа, который распространялъ на Дону «воровскія письма». Дѣйствія атамана тогда сильно не понравились казачеству, которое едва по-своему не раздѣлалось съ своимъ атаманомъ²⁾.

Но Фролъ Минаевичъ прекрасно выходилъ изъ всѣхъ этихъ затрудненій; пользуясь любовью и почетомъ среди своихъ донцовъ, онъ, тѣмъ не менѣе, не разъ оказывалъ существенныя заслуги и московскому правительству³⁾. Въ 1689 г.

¹⁾ Соловьевъ. „Исторія Россіи“. III. 932.

²⁾ Соловьевъ. „Исторія Россіи“. III. 930—932.

³⁾ Такъ, въ 1683 году, вследствие появленія подложной грамоты отъ имени Іоанна Алексѣевича, казачество вздумало было идти на Москву, но страсти улеглись благодаря разумнымъ рѣчамъ Фрола Минаевича и его авторитету. Конечно, подобныя вспышки не всегда кончались мирно и, какъ мы указали выше, въ вопросѣ о выдачѣ Московскому правительству чернеца Іосифа едва не пришлось пострадать атаману отъ разбушевавшихся казаковъ.

донскіе казаки, подъ непосредственнымъ начальствомъ своего атамана, принимали участіе во второмъ походѣ князя В. В. Голицына на Крымъ.

Но самую крупною заслугою Фрола Минаевича была помощь его царю Петру Алексѣвичу во время второго Азовскаго похода, въ которомъ онъ принялъ участіе, имѣя подъ своимъ начальствомъ 5000 донскихъ казаковъ. Атаману было поручено съ 40 казачьими лодками выйти рѣкою Каланчею въ море и атаковать непріятельскія суда; то же долженъ былъ сдѣлать и самъ Петръ съ 9 галерами.

21 мая Фролъ Минаевичъ ¹⁾ стремительно ударилъ на турецкій флотъ и нанесъ ему страшное пораженіе. Часть флота была сожжена, а часть успѣшила уйти въ море. Казаки захватили при этомъ громадную добычу какъ деньгами, такъ и всякими припасами; кромѣ того, эта побѣда имѣла громадное нравственное значеніе для русской арміи и для ея верховнаго вождя. Петръ былъ очень доволенъ атаманомъ, что видно изъ его грамотъ, данныхъ войску донскому послѣ 1696 г., гдѣ царь постоянно вспоминаетъ объ услугахъ, оказанныхъ войскомъ подъ Азовомъ. Но особенно отличилъ Петръ старика Минаича въ 1699 г. при спускѣ флота въ Азовѣ. Царь помнилъ, кто былъ главнымъ виновникомъ паденія этой турецкой твердыни, и почтилъ его первымъ салютомъ съ вновь построенныхъ кораблей. Не долго прожилъ Фролъ Минаевичъ послѣ триумфа, устроеннаго ему царемъ Петромъ: въ первой половинѣ слѣдующаго, 1770 года, донцы хоронили своего доблестнаго атамана, принявшаго передъ кончиною схиму съ именемъ Филарета.

Фролъ Минаевичъ имѣлъ нѣсколькихъ сыновей, которые приняли фамилію Фроловыхъ. Извѣстны: Максимъ, Василій и Иванъ. Кромѣ этихъ трехъ извѣстны еще Фроловы, которыхъ также, съ большимъ вѣроятіемъ, можно считать его сыновьями,—это: Тихонъ, упоминаемый подъ 1673 г., какъ казакъ станицы, въ коей Фролъ Минаевичъ былъ атаманомъ и съ которымъ тотъ ѣздилъ въ Москву за жалованьемъ; Аксенъ, упоминаемый въ 1713 г., какъ походный атаманъ, а въ 1717 г. какъ атаманъ зимовой станицы, каковыми въ значительномъ большинствѣ случаевъ назначались родственники и близкіе атамана, которымъ въ это время состоялъ сынъ Фрола Минаевича—Василій; Федоръ, бывший въ 1705 г. старшиной и избранный вмѣстѣ съ Максимомъ Фроловымъ для «береженія Царицына отъ воровъ и бунтовщиковъ» и, наконецъ, полковникъ Степанъ Фроловъ, на котораго въ 1738 г. жаловались старшины Ефремовъ и Краснощековъ, что онъ чинитъ имъ, совмѣстно съ другими Фроловыми, въ томъ числѣ и съ атаманомъ Иваномъ Фроловымъ, различныя обиды и просили о назначеніи атаманомъ кого-либо помимо Фроловыхъ—«потому что,—какъ писалъ Краснощековъ,—отъ Фроловыхъ теперь несносныя обиды мы претерпѣваемъ; если же они получаютъ себѣ вѣчное атаманство, то намъ житье будетъ плохое» ²⁾.

Старшимъ сыномъ Фрола Минаевича, повидимому, былъ Максимъ, о которомъ мы встрѣчаемъ указаніе еще въ 1691 г., когда онъ сопровождалъ Ивана Басова, ѣхавшаго на Терекъ съ царскими грамотами.

Въ атаманство отца Максимъ Фроловичъ ѣздилъ въ Москву съ легкой станицей; въ 1703 г., въ званіи полковника, участвовалъ въ Лифляндскомъ походѣ и былъ «на зимовкѣ въ Псковѣ и Ладогѣ, и служилъ великому государю, съ пріѣзду и до отпуску, вѣрно со всякимъ тщаніемъ, за что денежнымъ жалованьемъ пожалованъ противъ его братіи, которые были на той, великаго государя, службѣ въ прошломъ 1702 году, со многою прибавкою».

Въ 1709 и 1710 гг. Максимъ Фроловъ занимаетъ постъ войскового атамана.

¹⁾ Елагинъ. „Исторія Русскаго флота. Періодъ Азовскій“. Стр. 41, 42.

²⁾ Соловьевъ. „Исторія Россіи“. 4. 1380.

Во время его атаманства донскіе казаки, подъ личнымъ его начальствомъ, принимали участіе въ Великой Сѣверной войнѣ. Дѣятельность Максима за время съ 1711 по 1716 г. намъ неизвѣстна, въ 1716 же г. онъ вновь избранъ атаманомъ¹⁾, но умеръ въ томъ же году и атаманская булава переходитъ ко второму сыну Фрола Минаевича — Василию Фроловичу.

Къ этому времени значеніе круга значительно было уже поколеблено и атаманъ начинаетъ нуждаться въ поддержкѣ центрального правительства, что мы заключаемъ изъ того, что Максимъ Фроловичъ обратился послѣ своего избранія съ письмомъ къ Меншикову, въ которомъ проситъ его подать ему руку помощи и похлопотать, чтобы его избраніе кругомъ было подтверждено государемъ «Указомъ на письмѣ».

Впервые имя Василія Фроловича мы встрѣчаемъ подъ 1695 и 1696 годами, когда онъ участвовалъ, подъ начальствомъ своего знаменитаго отца, въ азовскихъ походахъ.

Въ 1708 г. Василій Фроловичъ принимаетъ участіе въ дѣйствіяхъ противъ Булавина, и, между прочимъ, онъ, когда Булавинъ ворвался въ Новочеркасскъ, видя невозможность держаться, отошелъ съ вѣрными казаками къ Азову, чѣмъ вызвалъ особое благоволеніе Петра В.; въ 1713 году мы его видимъ походнымъ атаманомъ въ Финляндіи; въ 1715 г. онъ впервые получаетъ атаманскую булаву, но на этотъ разъ не надолго, такъ какъ уже въ слѣдующемъ году ему пришлось передать ее брату Максиму, который, какъ мы уже знаемъ, умеръ въ томъ же 1716 г. и атаманскій постъ, послѣ короткаго перерыва, занялъ опять Василій Фроловичъ и на этотъ разъ уже надолго.

За свою службу Василій Фроловичъ получилъ украшенный алмазами портретъ Петра I при грамотѣ, въ которой говорилось: «И мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, васъ, войскового атамана и все Войско Донское, за вышепоказанныя службы жалуемъ и милостиво похваляемъ...»

Василій Фроловичъ умеръ на атаманствѣ въ 1723 г. — это былъ послѣдній атаманъ по избранію круга. Женатъ онъ былъ на нѣкоей Варварѣ Ивановнѣ, о которой мы встрѣчаемъ извѣстіе подъ 1742 г., когда послѣдовалъ Высочайшій указъ на имя атамана Данилы Ефремова, въ которомъ повелѣвалось не чинить ей никакихъ обидъ и налоговъ, но «за службы какъ мужа ея, бывшаго атамана Василія Фролова, такъ и сына Ивана Фролова показывать ей всякое благодѣяніе».

У Василія Фроловича извѣстенъ сынъ Иванъ²⁾, бывшимъ походнымъ атаманомъ въ Низовомъ корпусѣ съ 1732 по 1736 гг. и тогда же попавшій въ плѣнъ къ татарамъ. Послѣ возвращенія изъ плѣна мы постоянно видимъ Ивана Васильевича въ званіи походнаго атамана въ 1738 г. на Царицынской Линіи, въ 1739 г. — въ Валахін, въ арміи графа Миниха. Приблизительно около этого времени Иванъ Васильевичъ получилъ чинъ *арміи* бригадира, что являлось вторымъ только примѣромъ на Дону и было мечтой честолюбивыхъ донцовъ того времени, такъ какъ этотъ чинъ ставилъ его носителя внѣ власти атамана Войска Дон-

¹⁾ Въ 4 т. «Исторіи Россіи» Соловьева (стр. 837) приведено письмо Максима, въ которомъ онъ проситъ Меншикова подать ему руку помощи и похлопотать, чтобы его избраніе кругомъ было подтверждено государемъ «Указомъ на письмѣ»; это — прекрасная иллюстрація къ тому, что мы говорили въ нашей статьѣ (Лѣтопись Ист. Ред. Общ., вып. 3, стр. 8) о паденіи въ это время значенія круга.

²⁾ Вѣроятно, его (другого сына мы не знаемъ) псылалъ отецъ въ 1722 г. въ Москву «ради изученія въ школѣ книгъ латинскаго и нѣмецкаго писанія и другихъ политическихъ наукъ». Повидимому, этотъ фактъ интересенъ самъ по себѣ; изъ него мы можемъ заключить, что въ это время донская старшина начинала уже понимать необходимость образованія.

ского; кромѣ того И. В. имѣлъ жалованный кафтанъ отъ императора Петра II и саблю отъ императрицы Анны Иоанновны

Единственная дочь Ив. Вас. была замужемъ за однимъ изъ виднѣйшихъ донцовъ, бригадиромъ Михаиломъ Сидоровичемъ Себряковымъ.

Самый младшій сынъ Фрола Минаевича—Иванъ Фроловичъ былъ старшиной и походнымъ атаманомъ, имѣлъ дочь за знаменитымъ на Дону Иваномъ Матвѣвичемъ Краснощековымъ, имя котораго и теперь еще упоминается въ казачьихъ пѣсняхъ, и сыновей Ивана и Федора.

Служба старшаго изъ нихъ—Ивана Ивановича—началась въ 1732 г., когда онъ за службы дѣда и отца былъ по Высочайшему повелѣнію произведенъ въ Старшины; тогда же Ив. Ив. билъ челомъ передъ военной коллегіей, чтобы его командировали въ Низовый корпусъ походнымъ атаманомъ, «дабы онъ могъ пожалованное ему старшинство заслужить».

Просьба Фролова была уважена и послѣдовалъ Высочайшій указъ, гласившій, что «ежели онъ, Фроловъ, по усмотрѣнію войскового атамана и старшинъ, надъ командированными въ Низовой корпусъ казаками команду содержать можетъ, опредѣлить по желанію его походнымъ атаманомъ». Въ 1735 г. Иванъ Ивановичъ былъ назначенъ войсковымъ атаманомъ и пробылъ въ этой должности до 1738 г., когда сдалъ ее Данилѣ Ефремову; съ этимъ вмѣстѣ окончилось и вліяніе Фроловыхъ на внутреннія дѣла Дона; на смѣну ихъ появились энергичные и умные Ефремовы, правившіе Дономъ деспотически нѣсколько десятковъ лѣтъ, пока не хватили черезъ край и не вызвали со стороны правительства крупныхъ мѣръ, выразившихся, между прочимъ, въ арестѣ атамана Степана Даниловича Ефремова и въ присужденіи его къ смертной казни, замѣненной, впрочемъ, ссылкой въ Перновъ, гдѣ онъ прожилъ десять лѣтъ.

Второй сынъ Ивана Фроловича—Федоръ Ивановичъ—былъ походнымъ атаманомъ и убитъ 1 августа 1739 г. подъ Хотиномъ ¹⁾.

Послѣднія извѣстія о потомкахъ Фрола Минаевича мы имѣемъ подъ 1740 г., когда, уволенный отъ должности войскового атамана, Иванъ Ивановичъ былъ произведенъ въ бригадиры, и подъ 1742 г. указанный выше указъ о вдовѣ Василіи Фроловича.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Фролъ Минаевичъ и его ближайшіе потомки около полустолѣтія вліяли на судьбы Дона и составили цѣлую эпоху въ его исторіи, уступивъ затѣмъ свое мѣсто семьѣ Ефремовыхъ.

Во второй половинѣ XVIII ст. мы уже не встрѣчаемъ среди донской старшины имени Фроловыхъ ²⁾.

¹⁾ Погребенъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ, при чемъ была положена плита съ слѣдующею надписью: «Славнаго донскаго войска старшина и походный полковникъ Федоръ Ивановъ Фроловъ въ государственной службѣ подъ городомъ турецкимъ Хотиномъ на генеральной баталіи августа 1-го дня отъ непріятели во главу усѣченъ; тщаніемъ донскихъ казаковъ глава его съскана въ непріятельскомъ разбитомъ лагерѣ, въ шатрѣ командующаго сержантера и присовокуплена къ тѣлу, которое, по его желанію, здѣсь въ святой лаврѣ погребено сентября 18, 1739 г.»

²⁾ Теперь на Дону существуетъ нѣсколько родовъ Фроловыхъ, но нѣтъ никакихъ данныхъ считать ихъ происходящими отъ Фрола Минаевича (семь небольшихъ родословій различныхъ Фроловыхъ мы помѣстили въ Дворянскомъ Адресъ-Календарѣ за 1899 годъ).

О ДНѢ КОНЧИНЫ СВ. ТЕОДОСІЯ УГЛИЦКАГО, АРХІЕПИСКОПА ЧЕРНИГОВСКАГО.

Свящ. К. Карпинскій.

Болѣ десяти лѣтъ уже минуло со времени причтенія къ лику святыхъ новоявленнаго чудотворца, святителя Теодосія Углицкаго, архіепископа Черниговскаго, но и теперь, какъ и ко времени канонизаціи, всѣ житія и біографіи Святителя далеко не могутъ удовлетворить чувства благочестивой любознательности скудостью своихъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности св. Теодосія. Причину этого видятъ въ томъ, что «всякія усилія открыть какіе-либо памятники, могущіе приподнять таинственную завѣсу, скрывающую отъ насъ время жизни св. Теодосія и пролить яркій свѣтъ на темную область, пока остаются тщетными».

Поэтому-то мы не знаемъ ни родины святителя, ни времени его рожденія, имѣемъ лишь скудныя, болѣе предположительныя, свѣдѣнія о его воспитаніи и первыхъ годахъ монашества; время долговременнаго игуменства его въ Выдубицкомъ монастырѣ почти не обследовано, да и изъ времени его архимандритства въ Елецкой обители и самого епископства имѣется очень немного историческихъ документовъ и даже прежде о годѣ и мѣсяцѣ, а въ послѣднее время о днѣ кончины Святителя велись продолжительные споры, приведшіе, вслѣдствіе разнорѣчивыхъ данныхъ, къ ошибочному заключенію—признанію днемъ кончины св. Теодосія 5-е число февраля.

Не хотѣлось вѣрить, что уже болѣе не отыщется никакихъ памятниковъ изъ жизни Святителя вообще, а въ частности, по спорному вопросу, о днѣ кончины, и это оправдалось. Опубликованное въ недавно-вышедшемъ «Сборникѣ Церковно-Археологической Комиссіи при Черниговскомъ Епархіальномъ Древле-хранилищѣ» слово, сказанное Стефаномъ Яворскимъ, игуменомъ Кіево-Никольскаго монастыря и префектомъ академіи, при погребеніи свят. Теодосія устанавливаетъ точную дату кончины св. Теодосія не 5-го числа февраля, какъ принято, а 7-го числа февраля.

Въ надгробномъ словѣ этомъ знаменитый ораторъ того времени ярко очертилъ, «сіяющую яко дуга небесная» (радуга), высокую личность Святителя, какъ пастыря и церковнаго дѣятеля. Хотя очеркъ этотъ сдѣланъ въ общихъ чертахъ и съ обычными схоластическими приѣмами того времени, но, въ виду скудости свѣдѣній изъ жизни Святителя, онъ является неоцѣнимымъ памятникомъ для восполненія біографіи св. Теодосія, такъ какъ даетъ и нѣкоторыя новыя свѣдѣнія о добродѣтельной жизни Святителя, стяжавшей ему славу святого угодника Божія еще при жизни. Но самое важное значеніе слово это имѣетъ для установленія точной даты кончины свят. Теодосія. Здѣсь о днѣ кончины ясно и увѣренно

сказано: «Преставилесья от временной сей жизни къ вѣчной в *день седмий февруарія*. День седмый власнѣ есть день отпочинку, бо и самъ Богъ в седмый день почи от всѣхъ дѣлъ своихъ, щожъ то знаменуетъ той *седмый день твоего преставленія*, ежели не вѣчный твой по трудахъ земныхъ небесныхъ отпочинокъ!»¹⁾

Не довѣрять проповѣднику и оспаривать дату эту, по предположенію, что число 7 понадобилось ему для проведенія параллели между днемъ кончины и седмымъ днемъ, какъ днемъ покоя,—дату, указанную въ словѣ, сказанномъ при многочисленномъ собраніи присутствовавшей знати при погребеніи, по меньшей мѣрѣ, оскорбительно для знаменитаго проповѣдника.

Если безпристрастно взвѣсить и тѣ данныя, которыя имѣлись и ранѣе для сужденія о днѣ кончины свят. Θεодосія, до опубликованія слова Стефана Яворскаго, то и тогда, предъ днемъ канонизаціи святителя Θεодосія, когда рѣшался этотъ спорный вопросъ, безошибочнѣе можно было отнести день кончины его не къ пятому числу февраля, а седьмому.

Данныя эти слѣдующія. За дату 5 февраля есть только единственное свидѣтельство свят. Димитрія Ростовскаго: въ «дневныхъ запискахъ» его подъ 1696 годомъ записано: «Февр. 5-го преосвященный архіепископъ черниговскій, Θεодосій Углицкій, преставися»²⁾.

«Да не будетъ ми лгати на святаго». Святитель Димитрій, пророчески предвидя, что «дневныя записки» его въ будущемъ могутъ смутить кого-либо неточностью записей, оговаривается не разъ въ этихъ же запискахъ предупредительно, что онъ записывалъ о нѣкоторыхъ событіяхъ по слуху и по прошествіи долгаго времени, и этимъ какъ бы даетъ понять, что довѣрять хронологическимъ датамъ его записокъ нужно не такъ, какъ его богодухновеннымъ трудамъ.

Что свят. Димитрій, будучи во время кончины св. Θεодосія игуменомъ Петро-Павловскаго Глуховскаго монастыря, могъ хорошо знать день смерти свят. Θεодосія, было бы тогда неоспоримо, если бы онъ или присутствовалъ при кончинѣ, или имѣлъ объ этомъ официальное извѣщеніе, а такъ какъ онъ объ этомъ событіи записалъ по слуху, то официальныя свѣдѣнія, конечно, имѣютъ болѣе вѣроятія. А они всѣ указываютъ день преставленія свят. Θεодосія въ 7 день февраля. Въ «ходѣ дѣла о поставленіи въ архіепископы черниговскіе Іоанна Максимовича послѣ смерти Θεодосія Углицкаго» написано: «лѣта отъ мірозданія 7204 (1696) мѣсяца февруарія 7 дне, благоволеніемъ Всетворца нашего Бога, по общему челоуѣческіи жизни предѣлу, во странѣ Малыя Россіи Черниговскія епархіи преосвященный Θεодосій, архіепископъ Черниговскій и Новгородскій, преставися»... (Архивъ Ю. З. Россіи, ч. I, т. 5, стр. 436).

Эта же самая дата смерти свят. Θεодосія указана и въ ставленной грамотѣ, выданной патріархомъ Адріаномъ 10 января 1697 года новорукоположенному черниговскому архіепископу Іоанну Максимовичу, только здѣсь ошибкою писца вмѣсто «февруарія», написано «іаннуарія 7 дне». (Грамота хран. въ Троицк. Чернигов. мон. и копія ея въ рукописн. книгахъ того же мон.).

Не довѣрять этимъ официальнымъ документамъ никакъ невозможно, такъ какъ, безъ сомнѣнія, время кончины св. Θεодосія отмѣчено въ нихъ на основаніи официальныхъ донесеній изъ Малороссіи. Если утверждаютъ, что свят. Димитрій хорошо зналъ день кончины свят. Θεодосія, живя въ Глуховскомъ монастырѣ, то какъ могъ не знать точно дня смерти Іоаннъ Максимовичъ, будучи въ это время архимандритомъ Елецкимъ? И какъ онъ, подписываясь въ «ходѣ

¹⁾ „Сборникъ Чернигов. Епарх. Древлехр.“ 1908 г., стр. 30.

²⁾ Соч. св. Димитрія, митр. Ростовскаго, изд. Кіево-Печер. лавры, 1895 г., часть I, стр. 492.

дѣла» и читая неправильную дату кончины своего архипастыря, предъ которымъ онъ всю жизнь благоговѣлъ, могъ умолчать?

И еще одинъ документъ говоритъ болѣе въ пользу даты 7 февраля—это письмо гетмана Ивана Мазепы свят. Ѳеодосію, написанное 9 февраля 1696 года; въ немъ гетманъ извѣщалъ архіепископа о смерти великаго государя Іоинна Алексѣевича. (Лѣтопись С. Величко, т. III, стр. 367).

Если предполагали, что отъ 5-го до 9-го февраля не могла дойти до гетмана вѣсть о смерти св. Ѳеодосія изъ Чернигова до Бобрюка, на разстояніи не болѣе 90 верстъ, что невѣроятно, то тѣмъ болѣе письмо это свидѣтельствуемъ въ пользу даты кончины 7-е февраля.

Впрочемъ, старались примирить обѣ эти даты тѣмъ, что 5-го февраля послѣдовала кончина, а 7-го состоялось погребеніе Святителя; на томъ и порѣшили этотъ спорный вопросъ. Но, даже и не строго судя, примиреніе этихъ датъ есть ничто иное, какъ слабая, неосновательная попытка доказать, не имѣя ни одного доказательства, день погребенія Святителя Ѳеодосія, и тѣмъ какъ-бы признать и дату, указанную св. Димитріемъ, и официальную дату. Во-первыхъ, какъ и въ настоящее время, а въ древнее время тѣмъ болѣе, никогда архіереевъ, безъ особыхъ на то причинъ, такъ скоро не погребали, а во-вторыхъ, не могли состояться погребеніе безъ извѣщенія о томъ гетмана и безъ присутствія епископа, а гетманъ, какъ видимъ, живя только въ 90 верстахъ, 9-го февраля еще ничего не зналъ о смерти Святителя, что могло случиться только оттого, что за одинъ день гонецъ не могъ достигнуть до мѣстопробыванія гетмана, а тѣмъ болѣе до Кіева, до митрополита.

Теперь, благодаря открытому свидѣтельству Стефана Яворскаго въ надгробномъ словѣ, сказанномъ имъ при погребеніи св. Ѳеодосія, увеличилось еще однимъ неоспоримымъ доказательствомъ, что Святитель Ѳеодосій Углицкій, новоявленный небесный нашъ молитвенникъ, «преставился о Господѣ» именно седьмого числа мѣсяца февраля, въ пятокъ недѣли о мытарѣ и фарисеѣ, въ день памяти св. Пароенія еп. Ламисакійскаго и преп. Луки Елладскаго.

Погребеніе же Святителя Ѳеодосія состоялось лишь въ мартѣ мѣсяцѣ, что видно изъ заглавія «Слова», гдѣ имѣется помѣта: «Лѣта Божьяго 1696. Мартъ», а какого числа—это пока сокрыто отъ насъ. Можетъ быть, это было 1-го числа марта, въ недѣлю первую поста, а можетъ быть, даже и 17-го марта, въ сороковой день по кончинѣ, что вѣроятно, такъ какъ существуетъ преданіе, что гробъ свят. Ѳеодосія стоялъ открытымъ въ продолженіе сорока дней и ежедневно надъ самымъ гробомъ его служились панихиды. А почему погребеніе св. Ѳеодосія состоялось по прошествіи столь долгаго времени—это пребываніе тѣла его нетлѣнымъ, о чемъ Стефанъ Яворскій въ словѣ такъ картинно говоритъ: «сердце гербовое небоподобное, въ немъ же благоволи Богъ жити, когда нынѣ при заходѣ смертною врожною червленъется барвою¹⁾», знакъ то есть погоды небесной, вѣчной, преставшемуся Пастырю»...

Итакъ, какъ видѣли мы изъ приведенныхъ справокъ, всѣ данныя говорятъ за признаніе днемъ кончины св. Ѳеодосія 7-е число февраля, кромѣ сомнительной записи св. Димитрія, а, между тѣмъ, постановлено считать днемъ его преставленія все-таки 5 числа февраля. Почему? За этотъ день, будто-бы, говорить еще издавна установившійся обычай совершать поминовеніе по почившемъ Святителѣ именно въ этотъ день.

Имѣя достовѣрныя свѣдѣнія объ обычаяхъ совершать поминовеніе Святителя

¹⁾ Т.-е. природнымъ червленъетъ цвѣтомъ. «Сборн. Черн. Еп. Др.», стр. 16.

Θеодосія въ день 5 февраля только съ 1-й половины XIX вѣка, мы не можемъ опираться на нихъ и утверждать, что такъ было и ранѣе, въ XVIII вѣкѣ. Несомнѣнно, что въ первые годы по кончинѣ, когда память св. Θеодосія была болѣе жива, было и болѣе почитателей дня его кончины и нѣтъ основанія утверждать, что это совершалось въ 5 день февраля, особенно въ святительствованіе Іоанна Максимовича; но съ теченіемъ времени число почитателей дня его кончины уменьшилось. Въ день же 5 февраля совершается празднованіе въ честь иконы Б. М. Елецкой-Черниговской и въ древнее время ко дню этому было большое стеченіе богомольцевъ, которые, конечно, считали святымъ долгомъ помолиться и у гроба съ нетлѣнными мощами св. Θеодосія; поэтому-то день годовичнаго поминовенія самъ собою могъ перейти, или былъ перенесенъ, на 5-е февраля.

Болѣе вѣроятнымъ, и даже несомнѣннымъ, надо признать предположеніе, что день годовичнаго поминовенія св. Θеодосія могъ быть перенесенъ съ 7-го на 5 число февраля по распоряженію одного изъ владыкъ послѣ канонизаціи свят. Димитрія Ростовскаго (1757 г.), когда сдѣлались извѣстными его «дневныя записки» съ датою кончины св. Θеодосія 5 февраля, которымъ, какъ письменному памятнику, дано болѣе вѣры, чѣмъ народному преданію; другіе-же официальные документы, указывающіе день кончины св. Θеодосія 7-е февраля, были въ то время неизвѣстны.

Возможно было мириться съ признаніемъ днемъ кончины св. Θеодосія 5 февраля, а не 7-го, когда вопросъ этотъ былъ спорный; теперь-же, когда въ добавленіе къ ранѣе извѣстнымъ свѣдѣніямъ, прибавилось еще одно свидѣтельство, стоящее внѣ всякаго сомнѣнія, надо признать днемъ кончины св. Θеодосія день 7-й февраля.

КЪ ИСТОРИИ ЗАПАДНО-РУССКИХЪ ТИПОГРАФИЙ XVII ВѢКА.

С. И. Масловъ.

Около двухъ лѣтъ назадъ проф. С. Т. Голубевъ опубликовалъ свои наблюденія надъ различными экземплярами Евангелія, изданнаго Львовскимъ Братствомъ, съ датой 28 ноября 1690 года. Какъ удалось установить, не всѣ экземпляры, имѣющіе эту дату, дѣйствительно вышли въ свѣтъ въ 1690 году; нѣкоторые изъ нихъ изданія другого, болѣе поздняго, и относятся къ концу 1703 или началу 1704 года. Это искаженіе даты въ изданіи 1703—1704 года, также сознательный анахронизмъ въ предисловіи, гдѣ возсылается молитва за короля Іоанна (Яна III Собѣскаго), скончавшагося за семь лѣтъ передъ тѣмъ (30 іюня 1696 года), были допущены Братствомъ, какъ догадывается изслѣдователь, въ виду бурныхъ политическихъ событій, какія переживало тогда польское государство. Въ это именно время происходила ожесточенная борьба за польскую корону между королемъ Августомъ II и его соперникомъ, Яковомъ Собѣскимъ. И вотъ Братство, опасаясь помѣстить въ своемъ изданіи молитву за Августа II, который не сегодня-завтра могъ лишиться престола, рѣшило прибѣгнуть къ хитрости и, допустивъ означенныя искаженія, легко обошло затруднительный вопросъ ¹⁾.

Подобный случай выставленія завѣдомо невѣрной, архаизированной даты на позднѣйшемъ изданіи удалось наблюдать и намъ въ той же области юго-западной старопечати XVII ст. Наши наблюденія относятся къ «Евангелію Учительному» извѣстнаго южно-русскаго писателя, іеромонаха, впоследствии архимандрита Черниговскаго Елецкаго монастыря, Кирилла Транквилліона-Ставровецкаго.

«Евангеліе» Транквилліона пользовалось въ XVII и XVIII вв. большой популярностью и выдержало три изданія. Первое вышло въ свѣтъ въ 1619 году.

При бѣгломъ обзорѣ различныхъ экземпляровъ съ выходомъ 1619 года кажется, будто всѣ они тождественны между собой: въ нихъ одно и то же заглавіе, гласящее, что книга *сзсѣакиа трдолобіемъ іеромонаха Кирилла Транквилліона, проповѣдника слова Бжго; его власнымъ старанамъ, коштомъ ѿ накладомъ здрѣкѣ на свѣтъ нѣко* (т. е. впервые) *выдана за позколѣніемъ старшихъ к маѣтности ѿ мѣти кнѣгинѣ Вышнекъкой Михайлокой к Роумановѣ (року) ѿ сзданія мірдъ зрѣки, а ѿ всплсцініа гна зѣхѣи мѣа ноембра дѣ*; далѣе, во всѣхъ экземплярахъ какъ будто одинъ и тотъ же шрифтъ и орнаментъ; киноварь помѣщена въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ книги; текстъ совпадаетъ не только страница въ страницу, но даже строка

¹⁾ С. Голубевъ. Объяснительные параграфы по исторіи западно-русской Церкви. К. 1906, стр. 33—38. *Его же*. Нѣсколько страницъ изъ новѣйшей исторіи Киевской Духовной Академіи. К. 1907, стр. 32—43.

въ строку. Однако, при болѣе тщательномъ сопоставленіи, обнаруживаются столь значительныя отличія, что экземпляры съ выходомъ 1619 года приходится предварительно разбить на двѣ группы. Назовемъ эти группы буквами А и В.

Прежде всего, экземпляры типа А на всемъ протяженіи отличаются отъ экземпляровъ типа В начертаніемъ многихъ отдѣльныхъ словъ, напримѣръ:

Рис. 170.

А.	В.	
проповѣтника	пропокиника	Загл. л.
вышнекекоѣ	вынекекоѣ	ib.
кѣхъ кѣдецъ	кѣхъ кѣдецъ	I. 1.
тщеславіе, ѿ гордына	тщеславіе ѿ гордына	I. 1.
з кѣсамн товарнѣтко маютъ	з кѣсамн товарнѣтко маютъ	I. 228.
моужестко	мѣжестко	I. 291.
злѣ кѣсндетса	злѣ кѣсндетса	ib.

Далѣе, экземпляры типа А отличаются отъ экземпляровъ типа В счетомъ листовъ во второй части «Евангелія». Первые имѣютъ 181 листъ, вторые 180 листовъ. Это различіе происходитъ вслѣдствіе того, что въ экземплярахъ типа А въ концѣ помѣщенъ подробный списокъ опечатокъ; въ экземплярѣ же типа В этого списка нѣтъ, а перечисленные въ немъ опечатки всѣ исправлены въ текстѣ книги, напримѣръ:

А.	В.	
палатѣ	пналатѣ	I. 99.
не хитроѣ	на хитрого	I. 120.
исцѣлѣти недѣлги, ѿ кѣсы ѿзгонити.	исцѣлѣти недѣлги, Второе грѣхѣи ѿпѣцѣти ѿ кѣсы ѿзгонити	I. 136.

Эти наблюдения дают полное право заключить, что «Евангеліе» типа *B* отъ начала до конца представляет перепечатку «Евангелія» типа *A*.

Обращаясь затѣмъ къ сравнительному изученію типографскихъ особенностей, не трудно замѣтить, что шрифтъ и орнаментъ «Евангелія» типа *B* не тождественны со шрифтомъ и орнаментомъ «Евангелія» типа *A*, хотя всегда подражаютъ имъ въ

Рис. 171.

рисункѣ или, по крайней мѣрѣ, въ общихъ очертаніяхъ заставокъ и другихъ фигуръ¹⁾. Такимъ образомъ, «Евангеліе» типа *B* не только позднѣйшая перепечатка, но и вышло изъ другой, не рохмановской типографіи, при чемъ эта типографія старалась по возможности точно воспроизвести первое изданіе.

Для рѣшенія вопроса, кто и когда произвелъ эту оригинальную поддѣлку, мы сопоставили «Евангеліе» типа *B* съ различными книгами, вышедшими изъ другихъ южно-русскихъ и западно-русскихъ типографій XVII и XVIII ст. При этомъ обнаружилось, что вполне сходный шрифтъ и орнаментъ имѣютъ изданія, принадлежащія типографіи Могилевскаго Богоявленскаго Братства, возникшей въ восьмидесятихъ годахъ XVII вѣка²⁾. Мало того. Въ бібліотекѣ С.-Петербургской

¹⁾ Ср., напримѣръ, заглавный и строчный шрифты на снимкахъ рис. 170 и 171. (ч. I, л. 291) въ особенности въ заглавіи—буквы *У, Е, В, С, М* и *Я*. См. тамъ же фигурные инициалы и заставки (заставка экземпляровъ *B* представляетъ обратное, не вполне точное воспроизведеніе заставки экземпляровъ *A*). На снимкахъ рис. 172 и рис. 173. (ч. I, л. 1) заставки разнятся болѣе сильно и сходны только въ общихъ очертаніяхъ (и тамъ и тамъ продолговатый прямоугольникъ съ расположенными въ определенномъ порядкѣ придатками по сторонамъ). Въ такомъ же отношеніи находятся головки на л. 363 об. (ч. I): сохраняя сходство въ общихъ очертаніяхъ и расположеніи отдѣльныхъ элементовъ, онѣ рѣзко разнятся по заключеннымъ въ нихъ изображеніямъ: въ одномъ случаѣ это ангелъ, въ другомъ—лицо съ бородой и усами.

²⁾ Ср., напримѣръ, заглавный и строчный шрифты, нѣкоторые инициалы и головки «Евангелія» типа *B* съ соответствующими элементами *Діоктры* 1698, *Неба Нового* 1699, *Перла Многоцѣннаго* 1699 и др.

Духовной Академіи сохранился (№ 383) весьма рѣдкій экземпляръ «Евангелія» Гранквилліона, изданный въ этой типографіи въ февралѣ 1697 года на средства ея арендатора Максима Воцанки¹⁾. При сравненіи «Евангелія» типа В съ «Евангелиемъ» 1697 года обнаруживается полное тождество обоихъ изданій, и вопросъ о мѣстѣ, времени и виновникѣ поддѣлки получаетъ вполне опредѣленное рѣшеніе²⁾. Ока-

Рис. 172.

Рис. 173.

зывается, что «Евангеліе» типа В, вопреки своей датѣ, издано не въ Рохмановѣ 9 ноября 1619 года стараніемъ, коштомъ и накладомъ автора, но вышло въ свѣтъ почти на 80 лѣтъ позже, въ февралѣ 1697 года въ Могилевѣ стараніемъ и коштомъ Максима

¹⁾ Ср. А. Родоскій. Описание старопечатныхъ и церковно-славянскихъ книгъ С.-Петербургской Духовной Академіи. Томъ I, № 404 („Христіанское Чтеніе“ 1893, т. I.). Въ библиотекѣ Хлудова хранится только заглавный листъ этой книги. См. А. Поповъ. Описание рукописей и каталогъ книгъ А. И. Хлудова. М. 1872, II, № 69.

²⁾ Ср. снимки рис. 173 и 174, 171 и 175.

ству¹⁾). Возможно, что, приступая къ новому изданію «Евангелія Учительнаго» и стремясь обойти стѣснительный пунктъ договора, по которому арендаторъ былъ обязанъ вносить часть выручки отъ проданныхъ экземпляровъ въ братскую казну, Воцанка обратился къ поддѣлкѣ и такимъ образомъ скрылъ отъ Братства точное число изданныхъ имъ книгъ Транквилліона.

Рис. 175.

Во всякомъ случаѣ, чѣмъ бы ни руководился Воцанка, фактъ поддѣлки остается, на нашъ взглядъ, несомнѣннымъ, и изслѣдователь, приступая къ анализу литературной дѣятельности и особенностей языка Транквилліона, долженъ имѣть въ виду существованіе поддѣльныхъ экземпляровъ «Евангелія» и быть весьма осторожнымъ при выборѣ первопечатнаго текста для изученія²⁾.

¹⁾ *Θ. Жудро*. Исторія Могилевскаго Богоявленскаго Братства. Могилевъ на Днѣпрѣ. 1890. стр. 98—99.

²⁾ При составленіи нашего очерка мы пользовались слѣдующими экземплярами «Евангелія Учительнаго» съ датой 1619 года:

А. Библіотеки Имп. Академіи Наукъ 7. 7. 4.

Библіотеки Кіевской Духовной Академіи В. ХVІІІ. 2/07.

Имп. Публичной Библіотеки I. 4. № 13 а.

В. Имп. Публичной Библіотеки I. 4. № 14 б.

На снимкахъ рис. 172, 173 и 174 представлена цѣлая страница «Евангелія» въ уменьшенномъ видѣ (3/5). Снимки рис. 170, 171 и 175 воспроизводятъ часть страницы приблизительно въ натуральную величину.

ЛУБЕНСКІЙ ПОЛКОВОЙ ЕСАУЛЬ ГРИГОРІЙ НИКИФОРОВИЧЪ ТАВОЛГА.

С. Д. Щербака.

Покойный историкъ А. М. Лазаревскій въ своихъ работахъ «Лубенщина и князья Вишневецкіе» и «Историческіе очерки Полтавской Лубенщины» далъ прочную основу для изученія исторіи лубенскаго полка. Спустя десять лѣтъ появился трудъ В. Л. Модзалевскаго, посвященный дальнѣйшему изслѣдованію старой Лубенщины, именно описанію сотенъ Лохвицкой, Сенчанской, Чорнуской и Куренской, наконецъ, въ недавнее время Н. В. и А. В. Стороженки сообщили собранный ими обширный архивный матеріалъ, касающійся исторіи Пирятинской сотни. Какъ А. М. Лазаревскій ¹⁾, такъ и В. Л. Модзалевскій ²⁾ оба составили списокъ лицъ полковой лубенской старшины, и тотъ и другой изслѣдователь въ своемъ перечнѣ упоминаютъ Григорія Додоку и Григорія Таволгу, послѣдовательно, будто бы, занимавшихъ урядъ полкового есаула; между тѣмъ, изъ сопоставленія бывшихъ въ моемъ распоряженіи документовъ явствуетъ, что Григорій Таволга и Григорій Додока одно и то же лицо, при чемъ Таволга фамилія, а Додока лишь прозвище. Въ 1695 году были подтверждены Высочайшей грамотой государей Петра и Іоанна Алексѣевичей полковому лубенскому есаулу Григорію Таволгѣ универсалъ гетмана Мазепы 1690 года на село Повстинъ Пирятинской сотни и листъ генеральнаго есаула Андрея Гамалѣя о дозволеніи ему брать розмѣровую часть съ мельницы на рѣкѣ Удаѣ подъ Пирятиномъ. Однако, есауль Таволга не удовольствовался пожалованнымъ ему имѣніемъ, а постарался нѣсколько расширить свои владѣнія. Правда, избранный имъ путь для увеличенія своей земельной собственности былъ вполне законный: именно онъ приобрѣлъ въ томъ же селѣ Повстинѣ отъ Свято-Троицкаго Густынскаго монастыря «дворъ з будинкомъ старимъ, гай по надѣ Удаемъ, пахотное поле и сѣножатки для робеня сѣна». Въ означенной купчей упоминается, что проданный Свято-Троицкимъ Густынскимъ монастыремъ Таволгѣ грунтъ достался этой обители по завѣщанію отъ Якова Кострака, сохранился и текстъ этого завѣщанія въ собраніи рукописей нынѣ покойнаго проф. В. Б. Антоновича ³⁾. Таволга не долго провладѣлъ селомъ Повстиномъ, такъ какъ въ 1710 году гетманъ Иванъ Скоропадскій даетъ подтверждающій универсалъ на это село пол-

¹⁾ «Историческіе очерки Полтавской Лубенщины» XVII—XVIII вв. Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣвонисца, книга II-ая, Кіевъ 1896, стр. 76.

²⁾ «Очерки по исторіи Лохвицкой, Сенчанской, Чорнуской, Куренской и Варвинской сотенъ, вошедшихъ въ составъ Лохвицкаго уѣзда». Кіевъ, 1906, стр. 196.

³⁾ См. «Палеографическій Изборникъ». Матеріалы по исторіи южнорусскаго письма въ XV—XVIII вв., изданные Кіевскою Комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Выпускъ I, Кіевъ, 1899, № 64, стр. 21.

ковому лубенскому судѣ Максиму Троцкому ⁴⁾). Лишь когда Таволга по старости лѣтъ оставилъ службу, т.-е. не ранѣе 1719 года, гетманъ Скоропадскій, взявъ отнятаго у него села Повстина, предоставилъ ему село Шкураты. Какъ видно Таволга въ то время сильно нуждался въ средствахъ существованія: до насъ дошелъ документъ отъ 1718 года, который гласитъ, что онъ искалъ покровительства у бунчуковаго товарища Лукьяна Леонтьевича Свѣчки ⁵⁾). Казалось бы, ставъ державцею села Шкуратовъ, Таволга былъ обезпеченъ; однако, население его оказалось настолько безпокойнымъ, что ему пришлось отказаться отъ владѣнія этимъ селомъ. Въ слѣдствіи о маетностяхъ Лубенскаго полка, хранящемся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеѣ, въ собраніи рукописей Лукашевича, подъ № 1160, на стр. 31 об. въ перечнѣ населенныхъ мѣстъ Пирятинской сотни о селѣ Шкуратахъ читаемъ слѣдующее: «село Шкураты войсковое нератушное и ни на какій урядъ не надлежавшее за гетманства Мазепинога отъ полковника Свѣчки перво дано писарови полковому Леонтыю Кичкаровскому, потомъ атаману городовому Тимофею Куриленку, а за гетманство Скоропадскаго по его унѣверсалу бывшему полковому асаулу Григорію Таволгѣ, а при его кончинѣ (т.-е. по смерти гетмана Скоропадскаго) отдано полковникомъ паномъ Марковичомъ за его листомъ товаришу войсковому Моисѣю Худолѣю подъ такую кондицію, чтобъ означенному асаулѣ Таволгѣ, престарѣлому и заслуженному члѣвкѣ въ его нуждѣ чинилъ вспоможеніе, по которому пѣна Марковичевому листу и нѣнѣ онъ Худолѣй владѣеть, хотя помянутый Таволга давно уже умре». (См. также 120-й томъ «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», Юрьевъ, 1905, стр. 227); указанный же листъ полковника Марковича гласилъ слѣдующее: «самъ войтовѣ села Шкуратовъ сотнѣ Пирятинской з посполитимы людмы нехай будетъ вѣдомо, ижъ панъ Григорій Додока, бившій асаулъ полковій лубенскій, не поединократне прошлихъ лѣтъ прекладалъ нам жалостне, что ви при старосте лѣтъ его не отдавалисте ему обиклого подданническаго послушенства, а подъ образомъ его держави отъ всякихъ повинностей свободными zostавилисте и просилъ насъ, ижъ би яко не имѣеть тамъ жаднихъ заводовъ былъ отъ держави того села уволенъ, чого ради любо оное на время до дворца нашего короваювского были опредѣлили: однако вѣдаючи волю покойного насневелможного его мѣсти пѣна гетмана на томъ состоявшуюся, жеби пѣну Моисеевѣ Худолѣю знатному товаришевѣ войсковому такое селце было в полку нѣшомъ опредѣлено, того ради теперъ село вѣше Шкурати надаемъ ему пѣну Ходолѣевѣ во владѣніе, которому аби есте такъ войтъ того села, яко и посполитіе люде належитое отдавали послушенство, а онъ, пѣнъ Худолѣй, помянутому пѣну Додоцѣ, яко престарѣлому и в войску заслужоному члѣвковѣ в нуждѣ его домашной долженъ з того села вспоможеніе свѣдчити и в приязни своей содержать, что аби до далшой воисковой ласки непремѣнно было приказуемъ. Данъ въ Ромнѣ року 1722 июля 12 дня»; (см. «Слѣдствіе о маетностяхъ Лубенскаго полка», Московскій Публичный и Румянцевскій Музей, собраніе рукописей Лукашевича № 1160, стр. 166). Отсюда видно, что Марковичъ въ своемъ универсалѣ употребилъ лишь прозвище, подъ которымъ Таволга слылъ въ народѣ. Что, дѣйствительно, Григорій Таволга былъ заслуженнымъ человѣкомъ, видно, между прочимъ, изъ того, что еще въ 1696 году онъ принималъ на ряду съ другими участіе въ походѣ подъ Азовъ, гдѣ малорусская старшина, подъ опытнымъ руководствомъ наказнаго гетмана Якова Лизо-

⁴⁾ О Троцкихъ см. Модзалевскій о. с., стр. 161 — 166 и для генеалогической справки см. гр. Г. А. Милорадовичъ. «Родословная книга черниговскаго дворянства», Спб. 1901, т. II, стр. 201.

⁵⁾ См. Стороженки «Фамильный Архивъ». Кіевъ, 1908, т. VI, стр. 514.

губа, оказала значительныя услуги Петру I и ей было дано государево жалованье (см. Бѣлгородскій столъ столбець 1460 лл., 24—29 Московскій Архивъ Министерства Юстиціи. Не лишне также упомянуть, что въ 1707 году Григорій Таволга былъ наказнымъ лубенскимъ полковникомъ (см. Стороженки «Фамилійный Архивъ», Кіевъ, 1908, т. VI, стр. 230).

Приложеніе I-ое.

Музей Скаржинской, село Кругликъ, № 1694.

Божією милостію мы Пресвѣтлѣйшіе Державнѣйшіе Великие Государи Цари и великие князи Іоаннъ Алексѣевичъ Петръ Алексѣевичъ всеа Великия и Малыя [и Бѣлыя Росіи Самодержци] пожаловали лубенского полку ясаула Григорія Таволгу велѣли ему (дать) нашего Царского Величества жалованную грамоту на село Повстинъ да на мельницу ниже (описанную). В нынѣшнемъ 203 году генваря в 5 день билъ челомъ Намъ Великимъ Государемъ Нашему Царскому Величеству онъ Григорій: [в прошлыхъ де годѣхъ служилъ отецъ его Григорьевъ и онъ Григорій отцу нашему великихъ государей блаженныя памяти великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцу і намъ великимъ государемъ (нашему царскому) величеству служить онъ Григорій, за тѣ де отца его Григорьевы службы по нашему великихъ государей нашего царского величества указу подданной нашъ войска Запорожского обоихъ сторонъ Днепра гетманъ Іванъ Степановичъ Мазепа подтвердилъ ему листомъ в сотнѣ Пиратинской село Повстинъ, а генеральной ясауль Гамалѣй листомъ же мельницу на мѣской греблѣ ст(оячую) на рекѣ Удае один жерновъ да колесо ступное, а нашей де великихъ государей жалованной грамоты ему Григорію на то село и на мельницу не дано и чтобъ мы великие государи наше царское величество пожаловали его Григорія велѣли ему на то вышенисанное село і на мельницу дать нашу царского величества жалованную грамоту, а в листахъ каковы онъ Григорей объявилъ в приказе Малыя Росіи написано: в первомъ подданного нашего войска Запорожского обоихъ сторонъ Днепра гетмана Івана Степановича Мазепы генваря 8 дня прошлого 198 году поволить онъ гетманъ лубенского полку полковому ясаулу Григорію Таволгѣ в сотнѣ пиратинской селомъ Повстинымъ владѣти і отъ людей посполитыхъ [опричь козаковъ, которые для своихъ в войску услугъ имѣютъ быть при давныхъ волностяхъ] послушание и повинность употреблять, во второмъ генерального ясаула Андрѣя Гамалѣя ноября 11 (30) 1690 году, что по изволенію господина гетмана позволяетъ онъ Андрѣй ему Григорію с мельницы на мѣской гребле на рекѣ Удае с одних жерновов і с ступного колеса Степана мельника часть розмѣровую брать на свой пожитокъ и желаетъ, дабы іс старшины і с тѣхъ людей, которые будутъ имѣти во всемъ полку владѣние мельницъ, никто не былъ противень повелѣнію господина гетмана и писанію его Андрѣеву и мы Пресвѣтлѣйшіе Державнѣйшіе Великие Государи Цари і великие князи Іоаннъ Алексѣевичъ Петръ Алексѣевичъ всеа великия и малыя і бѣлыя Росіи Самодержци наше царское величество, слушавъ того ево Григорьева челобитья и подданного нашего войска Запорожского обохъ сторонъ Днепра гетмана Івана Степановича Мазепы и генерального ясаула Андрѣя Гамалѣя листовъ, пожаловали его Григорья за вѣрныя і радѣтельные отцу нашему великихъ государей блаженныя памяти великому Государю

Царю і великому князю Алексію Михайловичю всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу и брату нашему блаженныя памяти великому государю царю і великому князю Ѳеодору Алексѣевичю всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцу і намъ великимъ государемъ нашему царскому величеству отца его и за ево Григорьевы службы велѣли ему селомъ Повстинымъ с посполитими людми, которіе посполитіе люди із давнихъ лѣтъ в войсковой росписи не написаны и на нашей царского величества службѣ в походѣхъ не были, владѣть і послушание і повинность обирать, а вышепомянутой мелницы ѡдинъ жерновъ и с ступного колеса розмѣровую часть употреблять, а иностраннимъ людемъ, которіе с нимъ смежны, обид ни в чемъ никакихъ не чинить, на что и сию нашу великихъ государей нашего царского величества жалованную грамоту дать ему указали на память наслѣдникомъ ево, а козаки, в томъ вышеписанномъ селѣ живущіе і в войсковомъ списке обретающіяся, имѣють быть при своихъ волностяхъ ненарушимо, і то мы великіе государи наше царское величество силою сеи нашей царского величества жалованной грамоты ему Григорью і наслѣдникомъ ево укрепляемъ і утверждаемъ, потому что онъ ту нашу царского величества милость и жалованье получилъ за ево вѣрныя и знатныя къ намъ великимъ государемъ к нашему Царскому Величеству службы і чтобъ впредь, смотря на тѣ его службы і вѣрное радѣніе, наслѣдники родъ ево также намъ великимъ государемъ нашему царскому величеству і нашимъ государскимъ наслѣдникамъ служили, а для вящего утверженія нашей Царского величества милости сею нашу великихъ государей нашего Царского величества жалованную грамоту утвердить нашего Царского величества печатію повелѣли; писана сѣ наша Царского величества жалованная грамота в нашемъ царствующемъ велицемъ граде Москве лѣта от создания мира 7203 (1696) генваря кг (23) дня. Государствованія нашего 13 году.

Великихъ государей ихъ Царского величества
Діакъ (затерлось).
На об.: справилъ
Іванъ Чередѣевъ.

Приложеніе 2-ое.

Мы ниже подписаные игумень мѣт р я общежителнаго Сѣт о Троецкого Густинского Прилуцкого из братіями вѣдомо чинымъ тымъ нашимъ доброволнимъ записомъ каждому праву и суду, ижъ за сполнимъ и згоднимъ совѣтомъ нашимъ общимъ продалисмо кгрунтъ свой монастырскій, который намъ наданный былъ ѡт небожчика Акова Кострака ѡбывателя бывшаго Повстинского, и тамъ же в конецъ села Повстина положене свое мѣтеъ надъ рѣкою Удаемъ: дворъ з будинкомъ старимъ и гай по надъ Удаемъ, а поле для пахана в каждой руцѣ и сѣножатки для робены сѣна, и якъ самъ небожчикъ Аковъ заживалъ того кгрунта, и намъ на тестаментѣ виразилъ, такъ и мы совершенно ѡный кгрунтъ пустилисмо продажею нашею его мѣт и славетному цѣну Григорию Таволзѣ, асаулу полковому Лубенскому, державци того села Повстина, а сожителеви Пирятинскому за готовіе гроши ѡтобраними руками нашими конѣ сто доброй монети чеховой, ѡт которого то вже помененного проданого кгрунту Костраковского себе отдаляючи, не повинны смо туда болшъ втручатись, такъ мы теперешнѣ законники, яко и по насъ наступуючие сукцессорове игумени и братіа Густинскіе не матимутъ жад-

ного приступу чинити до помененного кгрунту, на что для лѣпшого потверженн
при сем нашем записѣ и тестамент Костраковскій его милости п и у Григорию для
покойного держана вручаем, котрым кгрунтом всеѣм Костраковским волно будет
его м лти п н у Григорию Таволзѣ, асаулу полковому Лубенскому, якъ хотячи
диспоноват, продати и заменяти и даровати, не обавляючись нѣ от кого ере-
шкоти так ѿт нашей стороны яко и ѿт крвних близкихъ и далших Костраков-
ских, котораа добротного его м лти п н а асаула полкового лубенского купла
кгрунта више наменена у каждого суду и права при своей цалой моци и валѣ-
ору захована быти мает.

Сим нашим записом яко би правним декретом при звыклой монастырской
печати и подписом руки нашей игуменской ствержаем и потребуючей сторонѣ
его м лти п н у Григорию Таволзѣ, асаулу полковому Лубенскому у вѣчност и
спокойное держане подаем. Писано в Густинѣ мнѣгру С то Троецкомъ ѿбщежи-
телном Прилуцком року Б жого 7114 (1704) мца мая 6 (5) дня

Иеромонах Іѡвѣ Мартиничъ

Игуменъ Густинской рукою власною

Иером. Серафимъ Евстафичъ Намѣсникъ Густинскій

Именем всеѣх ѿлѣ братиѣх подписалемся

Иером. Рафаил Прокопович писар сею запису рукою власною.

Мѣсто

печати.

(Изъ архива С. Д. Щербака).

ДѢЛО О КРАЖѢ УКРАШЕНІЙ СЪ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ ВЪ ЕЛЕЦКОМЪ ЧЕРНИГОВСКОМЪ МОНАСТЫРѢ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА. *)

С. Д. Щербака.

11-го Августа 1768 года поступила въ Черниговскій магистратъ жалоба отъ архимандрита Успенскаго Елецкаго монастыря Панкратія съ братіей на черниговскихъ мѣщанъ, занимавшихся шинкованіемъ, Мирона Масловскаго и жену его Анастасію, проживавшихъ на слободѣ Московской подъ крѣпостью, на Мотрону Мирониху, жившую въ шинку вдовствующей г-жи Екатерины Борковской возлѣ Дѣвичьяго монастыря, на жену Михаила Друкаря Анастасію, мѣстожителство которой точно не указано, и на Никиту Шевца и жену его Зиновію, по прозванію Черновну, проживавшихъ въ новопоставленной возлѣ Пятницкаго «шпиталя» избѣ въ приѣмѣ ими отъ іеродіакона Дорофея и сбытѣ уворованныхъ послѣднимъ съ чудотворной иконы Елецкой Божіей Матери привѣсокъ: червонцевъ и коралловыхъ монистъ, возложенныхъ на икону богомольцами, серебрянаго лому съ лампъ въ большой Успенской церкви и на хорахъ церковныхъ, матеріи съ ризъ и епитрахилей, галуна золотого и серебрянаго съ ризъ же, двухъ блюдь оловяныхъ, трехъ полотенецъ (рушниковъ), сверхъ того около 8 фунтовъ воска и нѣсколько пригорщей ладона. Кромѣ вышеозначеннаго Дорофея, изъ монашествующихъ въ дѣлѣ фигурируютъ: іеродіаконъ Мартирій, при соучастіи котораго было передано шинкарю Мирону Масловскому блюдо іеродіакономъ Дорофеемъ, монахъ Самсонъ, отнесшій, по порученію іеродіакона Дорофея, шинкаркѣ Настѣ Друкаркѣ около двухъ фунтовъ воска, послушникъ Прокоповичъ, присутствовавшій при закладѣ за тридцать копѣекъ іеродіакономъ Дорофеемъ шинкарю Мирону Масловскому червонца, снятаго имъ съ чудотворной иконы, и, наконецъ, іероманашъ Продіонъ, уставщикъ праваго клироса, который, придя въ гости къ шинкаркѣ Настѣ Друкаркѣ, опозналъ у нея церковный рушникъ и способствовалъ возвращенію ею въ монастырь полученныхъ отъ іеродіакона Дорофея вещей. Означенныя лица не были подвергнуты допросу въ монастырѣ. Изъ дѣла не видно, чтобы и магистратъ Черниговскій потрудился восполнить это упущеніе. Повѣреннымъ монастыря передъ магистратомъ былъ сперва намѣстникъ монастыря Тарасій, а затѣмъ, за смертью его писарь монастырскій, Иванъ Чернискій, представившій отъ Черниговскаго Елецкаго монастыря довѣренность и допущенный къ веденію дѣла ма-

*) См. Дѣло Черниговскаго городского магистрата, опись 1-ая, связка 7-ая, Москов. Архивъ Минист. Юстиціи.

гистратомъ. Монастырскія власти, представляя жалобу въ магистратъ Черниговскій на іеродіакона Дорофея, приложили въ копія и снятый съ него въ монастырѣ допросъ. Оказывается, что іеродіаконъ Дорофей далъ такое показаніе: въ бытность его въ дому шинкаря Мирона Масловскаго, жена его Анастасія стала просить у него обломковъ серебра на дукать; онъ ей пообѣщаль и снялъ впоследствии въ ризницѣ архимандрита ланчужокъ серебряный съ лампы и штучку серебряную съ той же лампы и ей отнесъ; вторично по ея же просьбѣ въ той же ризницѣ взялъ балабушку серебряную, надутую болшиною съ волоскій орѣхъ и штучку серебряную отъ привѣснаго къ паникадилу хрустальнаго яйца и ей также отдалъ. Къ этому серебру онъ добавилъ еще восемь коронокъ, отломанныхъ имъ отъ лампъ, висѣвшихъ въ большой Успенской церкви и на хорахъ церковныхъ. Часть серебра была употреблена Масловской на выдѣлку двухъ дукатовъ; понадобившійся ей на позолоту матеріаль былъ добытъ имъ же: именно онъ доставилъ ей одинъ изъ червонцевъ, висѣвшихъ въ видѣ привѣска на чудотворной иконѣ. Кромѣ того онъ принесъ ей разновременно разной парчи и покрывало буркового цвѣта, сорванное имъ съ вышитыхъ (гаптованныхъ) Страстей Христовыхъ. Часть парчи пошла на шапки, изъ остальныхъ доставшихся ей кусковъ парчи и всего покрывала она сшила себѣ юбку. Доставилъ ей также галунъ серебряный и золотой, отодравши съ ризъ, хранившихся въ ризницахъ архимандрита и братской, снявъ нѣсколько занізокъ коралловыхъ монистъ съ чудотворной иконы, ей же, Масловской, отдалъ, вручилъ ей самъ, кромѣ того, одно полотенце, а другое передалъ ей черезъ малолѣтняго ея сына. Далѣе іеродіаконъ Дорофей показалъ, что Анастасія Масловская изъ принесеннаго имъ ей куска краснаго масалбеса, размѣромъ въ одинъ аршинъ, и двухъ крашениновыхъ подшивокъ къ ризамъ пошила себѣ кафтанъ. Мужу Масловской, Мирону, по показанію іеродіакона Дорофея, достались: блюдо цѣнованное, червонецъ подъ закладъ тридцати копѣекъ, взятый обратно Дорофеемъ и имъ подкинутый въ церкви, и двѣ пуговицы серебряныхъ. Къ другой шинкаркѣ, Мотронѣ, іеродіакономъ Дорофеемъ, по его словамъ было отнесено: матеріи красной клѣтчистой на двѣ мужскихъ шапки, два клинка изъ ризъ архимандричихъ золотой парчи на красномъ полѣ, пригодныхъ на два верха для мелкихъ женскихъ шапокъ, старой маковой матеріи, въ длину и ширину на полъ-локтя, наконецъ три фунта воска и ладону пригорща. Третьей шинкаркѣ Настѣ, женѣ Михаила Друкаря, іеродіаконъ Дорофей за напитую горѣлку отослалъ черезъ монаха Самсона воску два фунта, а ладону двѣ четвертки и рушникъ, шитый заполочью, отдалъ самъ; сверхъ того за напитую горѣлку вновь отдалъ коронку серебряную. Наконецъ, изъ показанія іеродіакона Дорофея видно, что имъ отдано шинкарю Никитѣ Шевцу и женѣ его Зиновіи, прозваніемъ Черновнѣ, фунтовъ до трехъ воску и пригорща ладону за горѣлку.—Получивъ донесеніе монастырскихъ властей о пропажѣ и учиненный допросъ іеродіакону Дорофею, Черниговскій магистратъ приступилъ къ разслѣдованію дѣла. Допрошенная магистратомъ Черниговскимъ Анастасія Масловская во многомъ подтвердила показаніе іеродіакона Дорофея, при чемъ указала, что сдѣланные ею изъ части серебра дукаты золотилъ золотарь Ѳедоръ, что одинъ дукать проданъ ею родственницѣ мѣщанина Игната Коритки за одинъ рубль (изъ дѣла видно, что это была козачка Половецкая), а другой подаренъ ей сестрѣ своей, Наталіи Петровой Коровиной. Куски парчи также не были оставлены ею въ первоначальномъ видѣ, но посредствомъ выжиганія сдѣлано было ею десять чарокъ серебряныхъ: пять она продала мѣщанину Ивану Римару за четыре рубля, а другія пять большого размѣра за пять рублей сорокъ копѣекъ провіантъ-комисару Нелюбову; мониста, частью по собственному почину, частью черезъ отдачу іеродіакону Дорофею по его требованію, воз-

вращены ею въ монастырь, равно какъ и галіонки. Блюда же, полученные отъ іеродіакона Дорофея и хранившіяся въ погребѣ, похищены оттуда неизвѣстнымъ лицомъ. Изъ показанія шинкаря Мирона Масловскаго выяснилось, что іеродіаконъ Дорофей дѣйствительно принесъ къ нему и отдалъ блюдо цѣнованное, которое у него уворовано, что закладывалъ ему за тридцать копѣекъ червонецъ, приди съ послушникомъ Прокоповичемъ, но въ послѣдствіи іеродіаконъ Дорофей взялъ этотъ червонецъ обратно; кромѣ того, за напитокъ у него на семь копѣекъ горѣлку отдалъ серебряную пуговицу, а когда, приди второй разъ и напивъ на четыре копѣйки горѣлки, іеродіаконъ Дорофей не имѣлъ чѣмъ заплатить, то онъ, Масловскій, самъ вырвалъ у него съ рясы серебряную пуговицу. Никита Швець отрицалъ вовсе взятіе воска и ладона у іеродіакона Дорофея, но показаніе жены его Зиновіи Швець вполне подтвердило свѣдѣнія, добытыя монастырскими властями при допросѣ іеродіакона Дорофея: именно Зиновія Швець показала, что іеродіаконъ Дорофей принесъ ей херувимскаго ладону два небольшихъ куска для больного ребенка и около полфунта воска. Настя Друкарка показала, что ей іеродіаконъ Дорофеемъ было принесено одинъ фунтъ воска, одинъ фунтъ ладону, рушникъ, шитый заполочью, полученный за напитокъ на двѣ копѣйки горѣлку, и два куска коронки серебряной. Узнавъ, что вещи краденныя, она ихъ возвратила въ монастырь. Также и шинкаря Мотрона показала, что за напитокъ горѣлку получила красной клѣтчастой матеріи на двѣ мужскихъ шапки, золотой клѣтчастой на красномъ полѣ парчи на два верха женскихъ шапокъ, маковой матеріи полъ-локтя и полтора фунта воску. Изъ красной клѣтчастой матеріи ею пошито было два очипка и продано за шестнадцать копѣекъ, золотая парча была продана ею на базарѣ за двадцать копѣекъ, маковая матерія — за три копѣйки, ладонъ — за двадцать копѣекъ, а воскъ она употребила себѣ на свѣчи. Вслѣдствіе встрѣтившихся нѣкоторыхъ противорѣчій въ показаніяхъ обвиняемыхъ іеродіакону Дорофею были даны очныя ставки съ слѣдующими лицами: Миронъ и Анастасіей Масловскими, Никитой и Зиновіей Швецами и Анастасіей Друкаркой. Изъ дополнительнаго на очныхъ ставкахъ показанія іеродіакона Дорофея оказалось, что Миронъ Масловскій не зналъ о принесенныхъ женою его Анастасіи краденыхъ изъ монастыря вещахъ. Относительно червонца характерное показаніе на очной ставкѣ съ іеродіаконъ Дорофеемъ далъ шинкарь Миронъ Масловскій: именно онъ заявилъ, что хотя іеродіакона Дорофея и спрашивалъ, откуда онъ получилъ червонецъ, но отвѣтъ іеродіакона гласилъ: «не спрашуй, а только дай мнѣ тридцать копѣекъ, а его озми въ закладъ». При очной ставкѣ съ іеродіаконъ Дорофеемъ шинкарь Никита Швець сознался, что воскъ отъ іеродіакона Дорофея получилъ и сдѣлалъ изъ него три свѣчи, цѣною по пять копѣекъ. Зиновія Швець подтвердила свое первоначальное показаніе и лишь добавила, что не знала, что херувимскій ладонъ и полфунта воска было проданы. Будучи поставленъ на очную ставку съ Настей Друкаркой, іеродіаконъ Дорофей показалъ, что за напитокъ у нея горѣлку отдалъ ей воску одинъ фунтъ, ладону одинъ фунтъ и заложилъ церковный рушникъ. Въ принятіи всѣхъ этихъ вещей шинкаря Настя Друкарка созналась, при чемъ объяснила, что всѣ вещи эти возвращены ею въ монастырь при такихъ обстоятельствахъ: изъ воску она ссучила свѣчу и отдала въ церковь Успенскую Елецкую, рушникъ, опознанный у нея іеромонахомъ Иродіономъ, возвращенъ черезъ его посредство въ монастырь; ему же поручила она отдать и ладонъ, взятый ею у іеродіакона Дорофея. — Добывъ вышеозначенный слѣдственный матеріалъ, произведя черезъ свѣдующихъ лицъ очнику похищеннаго изъ монастыря для удовлетворенія предъявленнаго къ подсудимымъ монастыремъ гражданскаго иска, наконецъ, собравъ еще свѣдѣнія о семейномъ по-

ложеніи Анастасіи Масловской магистратъ Черниговскій приступилъ къ постановленію рѣшенія. Но предварительно магистратъ поставилъ себѣ преюдиціаль- ный вопросъ о подсудности дѣла: правильно ли было направлено къ нему дѣло монастырскими властями. Изъ указа императора Петра I Святѣйшему Синоду отъ 15 марта 1721 года пункта 3-яго магистратъ усмотрѣлъ, что дѣло поступило къ нему въ порядкѣ законномъ. Пунктъ этотъ гласить: «ежели жъ какая духовная персона зато будетъ въ явномъ какомъ злодѣйствѣ о таковыхъ слѣдовать въ гражданскомъ судѣ, токмо для снятія чина присылать въ духовное правительство». Поэтому магистратъ Черниговскій обратился къ преосвященному Θεовилу, епископу Черниговскому и Новгородѣверскому, съ просьбой о снятіи сана съ пребывающаго въ Черниговскомъ Елецкомъ монастырѣ іеродіакона Дорофея и передачѣ его въ распоряженіе свѣтскихъ властей для исполненія приговора о немъ. вмѣсто слѣдовавшаго ему по статуту каранья горномъ, равно какъ и его уложенію за церковную татьбу смертной казни безъ милосердія, магистратъ Черниговскій, руководясь Высочайшей грамотой, 1760 года октября 19 состоявшейся, замѣнилъ іеродіакону Дорофею смертную казнь вѣчной ссылкой въ Нерчинскъ и постановилъ для исполненія приговора отослать его въ Глуховъ. Относительно Анастасіи Масловской магистратъ Черниговскій находитъ, что хотя видъ и существо принятыхъ Масловской вещей явно обнаруживало воровское ихъ происхожденіе: такъ, червонецъ былъ продыравленъ, монистамъ у монаха быть не подобало, цѣлый епитрахиль и двѣ подбивки съ подъ ризъ сами по себѣ представляли видъ церковной одежды, однако, ссылаясь на то, что преступленіе учинено ею впервые, что она принадлежитъ къ простому и невѣжественному люду, что семейство ея останется безъ призора материнскаго: замѣнить смертную казнь или ссылку, слѣдуя уложенію главы 21-й, публичнымъ наказаніемъ плетью и заключеніемъ въ тюрьмѣ на одинъ годъ. Сверхъ того Масловская обязана возмѣстить весь причиненный монастырю матеріальный ущербъ, уплативъ за каждую вещь въ видѣ штрафа вдвое. О Миронѣ Масловскомъ магистратъ Черниговскій усматривалъ, что преступленіе учинено имъ впервые, что лишь блюдо цѣнованное было принято Масловскимъ какъ воровское, ибо онъ его переломалъ и спряталъ въ погребѣ, постановилъ, слѣдуя праву статутному, раздѣлъ 14-ый, артикулъ 7-ой, пунктъ 1-й, отъ уголовной кары освободить, присудивъ лишь гражданскій искъ съ навязкой (штрафомъ) за блюдо въ размѣрѣ два рубля. Не были приговорены къ уголовному наказанію ни Никита Швець, ни жена его Зиновья. Магистратъ присудилъ ихъ лишь къ возврату воска и ладана съ навязкой, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что какъ вещь была малая, то и примѣчать имъ было не въ нуждѣ, что вещь воровская. Съ Настіи Друкарки за воскъ, ладонъ и рушникъ магистратъ не присудилъ монастырю даже навязки, руководясь тѣмъ, что вещи эти возвращены ею тотчасъ въ монастырь, какъ только она узнала, что онѣ воровскія. Лишь за серебряную коронку, возвращенную ею въ монастырь во время производства дѣла, магистратъ Черниговскій счелъ нужнымъ взыскать навязку за 15½ золотниковъ, за каждый золотникъ по 15 копѣекъ. Что касается Матроны шинкарки, магистратъ Черниговскій нашелъ, что достаточно будетъ взыскать съ нея цѣну принятыхъ ею вещей отъ іеродіакона Дорофея по показанной ею самой оцѣнкѣ въ виду непредставленія таковой монастыремъ, съ навязкой, такъ какъ іеродіаконъ Дорофей не показалъ, чтобы она знала о воровскомъ происхожденіи вещей; по ея сознанію, она получила всѣ тѣ вещи за налитую горѣлку. Кромѣ того, магистратъ Черниговскій нашелъ нужнымъ обязать подишской Мирона Масловскаго, Настію Друкарку и Матрону шинкарку о непріемѣ ими впрядь никакихъ воровскихъ вещей.

9 октября 1771 года вышеозначенное рѣшеніе Черниговскаго магистрата съ экстрактомъ изъ дѣла и описью всѣхъ изложенныхъ документовъ пошло при рапортѣ на высокое благоразсмотрѣніе суда генеральнаго. Дальнѣйшихъ свѣдѣній не сохранилось о движеніи дѣла, но все же изъ подписи войта Шарого, помѣченной 21 сентября 1772, усмотрѣть можно, что дѣло вернулось въ магистратъ около этого времени, повидимому, для исполненія приговора магистратскаго суда, который касался возмѣщенія нанесеннаго Елецкому Успенскому Черниговскому монастырю матеріальнаго ущерба.

ОПИСАНИЕ ОДНОГО ПОЛЬСКАГО СБОРНИКА ПОРТРЕТОВЪ XVII ВѢКА.

Я. П. Смирнова.

Въ огромной коллекціи гравюръ и рисунковъ, собранной королемъ Станиславомъ-Августомъ и хранящейся нынѣ въ С.-Петербургѣ въ библиотекѣ Императорской Академіи Художествъ, портреты размѣщены въ пятидесяти первыхъ томахъ, — или, точнѣе, ящикахъ въ формѣ книгъ, — по одной системѣ, проведенной хранителемъ королевскаго собранія, историкомъ и антикваріемъ Альбертранди, черезъ всѣ эти томы и закрѣпленной первыми четырьмя томами рукописнаго каталога, составленнаго тѣмъ же Альбертранди къ 1788 году, какъ видно по датѣ, на заглавныхъ листахъ ихъ означенной *). Портреты, числомъ до 6222 штукъ (по каталогу Уткина **), размѣщены, такъ сказать, «по чинамъ» изображаемыхъ ими лицъ, начиная отъ папъ, императоровъ, королей и т. д. до «знаменитыхъ бунтовщиковъ», «чудаковъ» и «неизвѣстныхъ». Портреты поляковъ (и русскихъ) введены въ соответственные отдѣлы общей системы, такъ что отыскивать ихъ приходится по разнымъ томамъ каталога.

Итакъ, эта часть собранія, будучи къ 1788 г. систематизирована, позднѣе пополнялась вставками новыхъ приобрѣтеній въ соответственныя по принятой системѣ мѣста и съ надлежащими приписками въ основномъ каталогѣ 1788 года.

Однако, въ составѣ коллекціи Станислава-Августа оказывается еще два тома, — опять-таки ящики въ формѣ книгъ, но иного, меньшаго, формата, чѣмъ 50 томовъ систематизированной части собранія, — два отдѣльныхъ тома, носящіе особое заглавіе „*Polonogum Icones*“ и не вошедшіе въ каталогъ 1788 года. Принадлежность и этихъ двухъ томовъ Станиславу-Августу доказывается его королевскими гербами на корочкахъ ящичковъ, а система монтировки портретовъ и многочисленныя приписки тою же рукой, какъ и въ основномъ собраніи, т.-е., вѣроятно, рукою Альбертранди, показываютъ, что и эта особая, спеціально польская, часть собранія портретовъ приведена въ порядокъ тѣмъ же хранителемъ королевской коллекціи рисунковъ. Въ Варшавѣ въ 1791 г. у короля было еще два какихъ-то портфеля съ портретами, если вѣрить точности показанія о 54-хъ томахъ портретовъ двухъ французскихъ библиографовъ, Fortia de Piles и Boisgelin de Kerdu **), но указать и эти два тома теперь мы не можемъ.

*) См. „Труды XIII-го Археолог. Съѣзда“. 1905, томъ II. Москва. 1908, стр. 396, прим. 2.

***) Объ этомъ, болѣе соответствующемъ теперешнему составу коллекціи, каталогѣ см. „Труды XIII Археолог. Съѣзда“, т. II, стр. 398; на стр. 51 въ 22 томѣ его записаны „*Polonogum Icones*“ безъ перечисленія 375 портретовъ (въ I т. — 115, во II — 260) по отдѣльности.

****) См. „Труды XIII Археологич. Съѣзда въ Екатеринославѣ“. Томъ II, стр. 392, 395, прим. 2.

Въ первомъ томѣ „*Polonorum Icones*“ содержатъ портреты королей Польши, членовъ ихъ семействъ и отдѣльные гравюры и рисунки, такъ или иначе относящіяся ко времени правленія того или другого короля: напр., аллегоріи, трофеи и пр.; общая система расположенія гравюръ хронологическая, по королямъ, исключая, разумѣется, гравюръ, представляющихъ цѣлыя серіи королей; тутъ же проэскты (карандашемъ) 15 статуй королей Польши съ замѣтками Станислава-Августа.

Во второмъ томѣ размѣщены портреты прочихъ поляковъ въ алфавитномъ уже порядкѣ, опять-таки съ нѣкоторыми отступленіями, — напр., въ началѣ лежитъ цѣлая серія рисованныхъ карандашемъ епископовъ Варминскихъ, — и ошибками противъ алфавита.

Первоначальный составъ этихъ двухъ томовъ опредѣляется нумераціей, представленной чернилами на листахъ — точнѣе, полулистахъ (размѣръ около 0,367 м. = 14¹/₂“ ширины и 0,55 м. = 20³/₄“ высоты), — бѣлой бумаги фабрики Honig'a и Сыновей, на которые наклеены портреты: въ первомъ томѣ размѣчено такимъ образомъ 36 листовъ, во второмъ 193. Позднѣе вставлялись, конечно, новыя приобрѣтенія, даже въ С.-Петербургѣ, и на одномъ листѣ оберточной бумаги во II-мъ томѣ написано по-русски: «вновь наклеено 61 портретъ»; дополненному составу второго тома соответствуетъ и карандашная помѣта 260.

Къ этому II-му тому имѣются два каталога: болѣе старый съ алфавитнымъ распредѣленіемъ портретовъ и нумераціей ихъ отъ 37 до 150, куда входятъ уже и описываемые ниже рисунки, и болѣе новый, каллиграфически писанный въ тетради синей бумаги и носящій на первой страницѣ разрисованное заглавіе: „*Obrazu Polaków*“. Первоначальный, явно отличающійся тщательностью письма, составъ второго каталога нумеруетъ отъ 1 до 193 листы съ наклеенными на нихъ портретами, лежащіе въ этомъ ящикѣ, и нѣсколько иныхъ портретовъ, оставленныхъ безъ №№, которые висѣли въ рамкахъ за стекломъ; списокъ всѣхъ этихъ портретовъ составленъ въ алфавитномъ порядкѣ; далѣе идетъ отдѣльный списокъ, хронологическій, къ 28 портретамъ епископовъ Варминскихъ; эти послѣдніе портреты рисованы карандашемъ и наклеены по четыре на листъ; послѣднимъ въ серіи является еп. Адамъ-Станиславъ Грабовскій (1740—1766 г.); наиболѣе естественнымъ поэтому предполагать, что составленіе всей серіи такъ или иначе зависѣло отъ историческихъ склонностей преемника послѣдняго, извѣстнаго ученаго, поэта и писателя, епископа Игнатія Красицкаго († 1801); на время поступленія всей этой серіи во владѣніе короля указываетъ, быть можетъ, дата «15 Aprilis 1783», поставленная надъ припискою о недостаткѣ епископа, правившаго съ 1538 г., дата, написанная столь обычнымъ въ коллекціи крупнымъ почеркомъ самого короля; тѣмъ же почеркомъ на обложкѣ этихъ портретовъ написано: „*Icones Episcoporum Warmiensium*“. Особо перечисляетъ ихъ и первый каталогъ.

Отсюда слѣдуетъ, что первоначальная часть особаго каталога польскихъ портретовъ составлена была послѣ 1783 года; въ этомъ списокѣ не значились, однако, тѣ портреты поляковъ, которые попали въ разные отдѣлы пятидесяти томовъ общаго собранія гравюръ, и потому къ каллиграфически писанной основной части каталога польскихъ портретовъ приписаны были позднѣе и менѣе тщательно имена и этихъ поляковъ со ссылками на томы «общаго собранія»: „*w ogólnym zbiorze*“.

Почему эти „*Polonorum Icones*“ не вошли въ общій составъ 50 томовъ портретовъ, а заняли два особыхъ ящика иного вида и формата, мнѣ неизвѣстно; возможно, что объясненія тому и находятся уже въ обширной литературѣ о Станиславѣ-Августѣ, или окажутся въ его «Мемуарахъ», подготовляемыхъ нынѣ къ изданію С. М. Горяиновымъ. Не зная времени составленія этой особой коллекціи польскихъ портретовъ и не находя въ ней самой какихъ-либо опредѣленныхъ на то

указаній, я не имѣю, къ сожалѣнію, достаточно времени, чтобы производить далекіе поиски въ соответствующей литературѣ, и не имѣю надежды рѣшить этотъ вопросъ самостоятельно.

Не зная происхожденія этой особой коллекціи польскихъ портретовъ, мы считаемъ необходимымъ указать на другой сборникъ, для котораго эта коллекція „Polonorum Icones“ сама послужила источникомъ, а именно на „Zbiór Portretów Rysowanuch Sławnych Polaków“, какъ значится на тщательно вырисованной этикеткѣ на переплетѣ большого альбома (высота 19¹/₈”, ширина 12”), въ рукописномъ Отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки (Polon. XIII. F. 1).

Альбомъ этотъ состоитъ изъ 60 листовъ, вклеенныхъ на фальцахъ въ переплетъ, съ нарисованными перомъ и тушью копіями, иногда сокращенными, гравированныхъ и рисованныхъ портретовъ изъ числа составляющихъ „Polonorum Icones“ короля Станислава-Августа.

Подъ портретами королей (первые 20 листовъ *) предполагалось дать обстоятельную историко-синхронистическую таблицу, разграфленную на семь столбцовъ **), изъ которыхъ заполнены, однако, лишь немногіе, да и то у нѣкоторыхъ лишь портретовъ. Если эта часть альбома, какъ малочисленностью портретовъ, такъ и единообразіемъ ихъ, отличается отъ перваго тома сборника „Polonorum Icones“, то слѣдующіе 40 портретовъ скопированы по большей части несомнѣнно именно изъ втораго тома этого сборника Станислава-Августа, такъ какъ не только воспроизводятъ тѣ же самые портреты, которые находятся въ этомъ томѣ, но копируютъ и подписи граверовъ и объясненія подъ портретами, и притомъ не только такія, которыя принадлежатъ самимъ портретамъ, но даже и пояснительныя приписки Альбертравди на поляхъ монтировки. Разница лишь въ томъ, что вмѣсто 193 портретовъ первоначальнаго состава II-го тома (см. выше, стр. 388) въ альбомѣ оказывается лишь 40 портретовъ ***), и въ томъ числѣ 18 копій съ тѣхъ рисунковъ перомъ, которые описываются въ настоящей статьѣ.

*) Вотъ ихъ списокъ: 1) безыменный, явно фантастическій, портретъ челоуѣка въ латахъ съ рогами на шлемѣ, очевидно, одного изъ воображаемыхъ родоначальниковъ королей польскихъ, 2) Владиславъ Германъ, 3) Владиславъ II, 4) Болеславъ Кривоустый, 5) Болеславъ IV Кудреватый, 6) Казиміръ II Справедливый, 7) Лешекъ V Бѣлый, 8) Мечиславъ III, 9) Болеславъ V Стыдливый, 10) Лешекъ VI Черный, 11) Пшемиславъ, кн. Великопольскій, 12) Вацлавъ, король Чешскій, 13) Стефанъ Баторій, 14) Сигизмундъ III, 15) Владиславъ IV, 16) Янъ-Казиміръ, 17) Михаилъ Вишневецкій, 18) Іоаннъ III Собѣскій, 19) Фридрихъ-Августъ II и 20) Фридрихъ-Августъ III.

**) Подъ первымъ портретомъ столбцевъ только шесть; а у прочихъ по семи: 1) имя и родители, 2) жена, 3) Гнѣзненскіе архіепископы, 4) министры, 5) воеводы, 6) иноземные монархи, 7) замѣчательныя событія.

***) Считаю не лишнимъ дать ихъ перечень, гдѣ звѣздочкою отмѣчаемъ копіи съ портретовъ, описываемыхъ ниже, и сохраняемъ написаніе именъ въ подписяхъ альбома.

21) Venceslaus à Leszno Leszczyński, 22) Jan Zamoyski, 23) Jan Kaski, 24) Cypryanus Zohowski, митрополитъ Кіевскій, съ гравюры Тарасевича, 25) Alexander Hilarius de Lubno Polubiński, 26) Mathias Casimirus Sarbiewski, 27) Franciscus Boboli, 28) Andreas Maximilianus de Pleszowice Fredro, 29) Adamus in Czasniki de Casanow, 30) Jan Hevelius, 31) *Stanislaus Miński, 32) Konstantyn Brzostowski, 33) Joannes Zamoyski, 34) Gerard Donhof, 35) Stanislaus Jablonowski, 36) Jan Branicki (по миниатюрѣ, вклеенной въ „Polonorum Icones“) 37) Nicolaus Copernicus, 38) *Ioannes a Mielec Mielecki, 39) Joannes Carolus Chodkiewicz, 40) Marcin Białobrzescki, 41) *Petrus de Sycyna Kocha-Mielecki, 42) Mikolaj Rej ze Naglowic, 43) *Wierzynek, 44) *Stanislaus Rescius Polonus, 45) *Alexandrowski, 46) *Joannes Boratyński, 47) Petrus Widawski Węzyk z Widawy, 48) *Gracyan Hospodar Wołoski, 49) *Marmaziuk Bulgar, 50) *Jeremian Hospodar Wołoski, 51) Pietro Dorozenko Generale de Cosacchi Zaporoviensi (Lerch sc.), 52) *Wsiewoloda, syn Włodzimierzów, 53) *Marya zeta terazniejszego Cesarza Tureckiego, 54) *Drzysłamski Rotmistrz z chudzey Roty, 55) *Ки. Янушъ Остеражскій, 56) Bochdan Chmielnicki (Chalcographus sculpsit), 57) *Станиславъ Броневскій, 58) *Franciscus de Weselini, 59) *Woyciech Dębołęcki z Konwiad, 60) *Явойшовскій козакъ.

Неизвестный нам составитель альбома, следовательно, или сознательно исключил некоторые из портретов, нами описываемых, или же часть копий не попала в альбом. Для нас важно то, что описываемые нами портреты были во время копировки их не в первоначальном их виде на листах сборника, а уже монтированными во II-мъ томѣ „*Polonogum Icones*“. Помимо альбома Публичной библиотеки намъ известно существованіе еще двухъ копій со сборника „*Polonogum Icones*“, гдѣ, однако, сами портреты не срисованы, а списаны лишь подписи подъ ними. Оба находятся во Львовской библиотекѣ Института Оссолинскихъ и известны намъ лишь по краткому описанію ихъ въ каталогѣ рукописей этого музея *), да изъ случайной цитаты изъ одной изъ этихъ, конечно, рукописей, приведенной въ исторіи казаковъ Лисовскаго гр. Маврикіемъ Дзедушицкимъ **); а такъ какъ цитата эта оказывается копіей подписи подъ однимъ изъ описываемыхъ ниже портретовъ, то становится очевиднымъ, что обѣ львовскія, приписываемыя Нарушевичу, рукописи должны представлять собою ничто иное, какъ копіи историческихъ подписей во II-мъ томѣ „*Polonogum Icones*“; этимъ оправдывается и имя Нарушевича, такъ какъ длинныя историческія подписи, находящіяся подъ многими польскими портретами въ собраніи Станислава-Августа, составлены были, надо думать, именно этимъ ученымъ сподвижникомъ короля.

Итакъ, эти два отдѣльныхъ тома спеціально польскихъ портретовъ въ королевскомъ собраніи, такъ наз. „*Polonogum Icones*“, приведенные въ порядокъ послѣ 1783 года, заключаютъ въ себѣ, преимущественно II-й томъ, и тѣ отдѣльные листы съ рисованными перомъ портретами, которые описываются въ настоящей статьѣ. Къ сожалѣнію, о предыдущей исторіи ихъ мнѣ ничего неизвестно; надѣмся, что лица, лучше насъ освѣдомленныя, укажутъ или отыщутъ, отъ кого и когда получена была королемъ эта, занимающая насъ теперь, серія портретовъ.

Сообразно принятому для II-го тома алфавитному порядку и эти рисованные перомъ портреты внесены въ упомянутый выше особый каталогъ польскихъ портретовъ по алфавиту именъ изображаемыхъ на нихъ лицъ; впрочемъ, порядокъ этотъ не всегда выдержанъ, а иногда установленъ неправильно, напр., *Marmadziuk Bułgar* помѣщенъ подъ букву В, а не М, *Janussius Dux in Ostrogia* подъ I, а не подъ О.

Никакихъ указаній на происхожденіе этихъ портретовъ въ каталогѣ не находится; тамъ отмѣчается только при каждомъ изъ нихъ, что онъ рисованъ перомъ, и при одномъ лишь № 30 (см. стр. 401) прибавлена, кромѣ того суровая, но справедливая, оцѣнка художественнаго достоинства портрета: „*Drzysławski Rot-*

*) Katalog rękopismów biblioteki Zakładu Nar. Im. Ossolińskich, wydał D-r. Wojciech Kętrzyński.

Tom II. 1886, str. 398: „№ 344. Kodeks papierowy, pisany iedną ręką w końcu XVIII wieku; fol.; k. 210: 1) Artykuły do dykeyonarza sławnych Polaków porządkiem abecadłowym ułożone, k. 5—200. 2) Wypisy z metryki litewskiej etc.], k. 1—4, 201—211. Na k. 4' czytamy: „Pułkownik od gwardyi cesarskiej, szambelan Napoleona Wielkiego, Krasiński, ofiaruję ten manuskrypt Naruszewicza pokrewnemu swojemu Janowi Hr. Tarnowskiemu na dowód przyjaźni Krasiński“. Nie jest to jednak autograf Naruszewicza“.

Tom III. 1890—1908, str. 83. „№ 608. Kodeks papierowy, pisany jedną ręką w początku XIX wieku; 4°; k. 291. Życie sławnych Polaków przez Naruszewicza, k. 1—290. Nie jest to autograf, lecz kopia; kart białych, niezapisanych jest bardzo wiele, nie omal co druga lub trzecia“.

**) Krotki rys dziejów i spraw Lisowczyków, skreślił Maurycy Hr. Dzieduszycki.

Tom II. Lwów. 1844, in 8°, str. 121, nota 102: „Znajduje się między rękopismami ks. im. Ossol. w T. VIII. in 4° odpis pracy Naruszewicza pod tyt.: „Życia sławnych Polaków“; jest to spis alfabetyczny wielu znakomitych w dziejach naszych osób, i o każdej krótka wiadomość. Jest tam nasz kapelan, którego nie wiem dla czego Dębogłędzким nazywa“. Слѣдуетъ копія текста, къ нему относящагося; см. ниже (стр. 399) при описаніи портрета Демболенскаго.

mistrz prowadził wojnę z Turkami, rysowany piórem. Lichota*, оцѣнка, которую по справедливости можно было бы распространить и на всѣ остальные.

Такимъ образомъ и относительно прежняго вида и происхожденія описываемыхъ ниже портретовъ намъ приходится ограничиться лишь собственными заключеніями изъ разсмотрѣнія самихъ портретовъ.

Къ сожалѣнію, однако, теперешнее ихъ состояніе ставитъ къ этому немало-важныя препятствія, такъ какъ портреты наклеены по большей части на толстую бумагу и тексты, рѣже портреты же, находившіеся на обратной сторонѣ, теперь приходится смотрѣть на свѣтъ, при чемъ на полный разборъ написаннаго даже въ тѣхъ случаяхъ, когда разбирать что-либо удастся, потребовалось бы гораздо болѣе времени, чѣмъ мы могли тому удѣлить. Прибѣгать къ какимъ-либо рѣшительнымъ средствамъ, вродѣ смачиванія бензиномъ, или окончательно отклеить портреты отъ монтировки мы не имѣли, какъ само-собою разумѣется, ни возможности, ни права; это сдѣлаютъ когда-либо другіе, если значеніе описываемаго сборника будетъ признано достаточно важнымъ.

Описываемые ниже портреты (и отчасти рисунки) всѣ, кромѣ одного, находятся во II-мъ томѣ „*Polnopolium Icones*“; иныхъ, принадлежащихъ къ той же серіи, намъ не встрѣчалось въ иныхъ отдѣлахъ королевскаго собранія, насколько намъ случалось ихъ видѣть.

Эти тридцать одна страница принадлежали нѣкогда несомнѣнно къ одному и тому же сборнику, содержавшему не одни лишь портреты и рисунки, но также, помимо подписей подъ портретами, и иной текстъ литературнаго по преимуществу характера и крайне пестраго содержанія, насколько я могу судить о немъ при отмѣченныхъ выше, затрудняющихъ чтеніе его, обстоятельствахъ.

Ясно, что портреты входили въ составъ одного изъ тѣхъ шляхетскихъ домашнихъ сборниковъ самаго смѣшаннаго содержанія, которые подъ наименованіями „*Silva Regum*“ и т. п. столь распространены были въ старой Польшѣ.

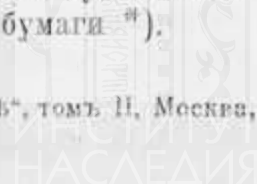
Едва ли сборникъ этотъ имѣлъ самъ по себѣ какое-либо литературное или историческое значеніе, такъ какъ тогда ни самъ король Станиславъ-Августъ, ни тѣмъ болѣе его ученые сподвижники, Альбертранди и Нарушевичъ, не рѣшились бы вырывать изъ него отдѣльныя страницы ради портретовъ, къ тому же столь плохихъ.

Такъ какъ верхнія части страницъ и поля ихъ отрѣзаны, а оставшіяся части полей заклеены монтировкой, то мы не знаемъ даже приблизительно первоначальныхъ размѣровъ сборника; на оставшихся видимыми среднихъ частяхъ страницы, тщательно обчерченныхъ награфленною рамкой около 6 дюймовъ ширины и $9\frac{1}{2}$ дюймовъ высоты, никакихъ признаковъ прежней нумераціи рисунковъ и портретовъ мы не находимъ. Есть, правда, карандашныя помѣты въ верхнихъ правыхъ углахъ нѣсколькихъ страницъ: 4, 5, 6, 7, 8, но эта нумерація, очевидно, позднѣйшая, когда поля со старою пагинаціей, если таковая была, были уже отрѣзаны, и карандашныя помѣты устанавливаютъ дѣйствительно правильный порядокъ.

Способъ монтировки отдѣльныхъ страницъ, изъ какого-то сборника попавшихъ въ портретное собраніе Станислава-Августа, былъ таковъ.

Въ большинствѣ случаевъ, когда интересно признавалась одна лишь сторона страницы, другую сторону ея перечеркивали на крестъ чернилами и, намазавъ ее сплошь клеемъ, наклеивали на листы, — вѣрнѣе, полулисты, — бѣлой бумаги голландской фабрики Nonig'a, какъ то видно по водянымъ знакамъ бумаги *).

*) См. о ней „Труды XIV Археологическаго Съезда въ Екатеринославѣ“, томъ II, Москва, 1908, стр. 399.

Размѣры этихъ листовъ около 0,367 м., т.-е. $14\frac{1}{2}$ дюймовъ, ширины и 0,55 м., т.-е. $20\frac{3}{4}$ дюймовъ, высоты; справа, въ срединѣ или у верхняго угла, къ листамъ подклеенъ язычекъ изъ тонкой, сложенной вдвое, зеленой шелковой ленточки, чтобы удобно перекладывать листы, не мара я ихъ угловъ. Вокругъ лицевой стороны наклеенной страницы точно по рамкѣ, размѣромъ, въ общемъ, $6" \times 9\frac{1}{2}"$, начерченной около портрета и подписи подъ нимъ, наклеивали новую рамку около $1\frac{3}{16}$ д. шириною изъ толстой бѣлой бумаги, а на нее еще одну рамку въ $\frac{5}{8}"$ шириной изъ толстой синей бумаги, а потомъ по бѣлымъ, оставшимся съ обѣихъ сторонъ синей рамки, краямъ бѣлой рамки чертили еще черную рамку толстыми черными чертами.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда должны были быть видимы обѣ стороны страницы, въ бѣломъ листѣ монтировки прорѣзалось отверстіе, точно соответствующее начерченной на обѣихъ сторонахъ страницы рамкѣ; страница подклеивалась противъ него краями и обклеивалась, затѣмъ, съ обѣихъ сторонъ листа такими же рамками монтировки, какъ описано выше.

На синей полосѣ рамки, по большей части вверху, написаны чернилами рукою Альбертранди библиографическія указанія или иныя замѣчанія объ изображенныхъ лицахъ; на бѣлой бумагѣ снизу пишется иногда имя изображеннаго лица, а справа вверху соответственная буква.

На правомъ верхнемъ углу бѣлаго листа чернилами написанъ №, подъ которымъ листъ и портретъ значится въ вышеупомянутомъ (см. стр. 388) особомъ, болѣе новомъ и болѣе полномъ, каталогѣ: „Obrazy Polaków“.

Къ этимъ помѣтамъ, одновременнымъ, вѣроятно, съ монтировкой портретовъ, позднѣе, вѣроятно, уже въ Петербургѣ, прибавились еще двѣ нумераціи карандашемъ. Одна на бѣлой бумагѣ у нижняго праваго угла портретовъ современна, надо думать, каталогизаціи всего собранія академикомъ Уткинымъ *); а другая на оборотной сторонѣ листовъ, идущая съ конца къ началу алфавитнаго порядка ихъ, проставлена, надо думать, еще позднѣе.

Монтированные такимъ способомъ портреты, взятые изъ какого-то рукописнаго сборника, являются теперь лишь отдѣльными составными частями одного цѣлаго, образуемаго вторымъ томомъ „Polonorum Icones“, и потому то копія съ этихъ портретовъ и съ подписей подъ ними и вошли безъ особыхъ отмѣтъ въ альбомъ Публичной бібліотеки (см. выше, стр. 389) и въ рукописи бібліотеки Оссолинскихъ (см. выше, стр. 390).

Рукопись, изъ которой были взяты эти листы съ портретами, содержала въ себѣ не одни лишь портреты, но и разнообразныя историческія и литературныя тексты, и потому объемъ ея могъ быть довольно значительнымъ; мы не можемъ даже быть увѣрены въ томъ, что изъ нея взяты были всѣ листы съ портретами и рисунками: такъ какъ нѣкоторые портреты и рисунки оказываются перечеркнутыми и заклеенными, то возможно, что изъ сборника брались лишь листы съ портретами историческихъ, польскихъ, или чѣмъ-либо связанныхъ съ Польшею, личностей, портреты же, явно фантастическія или же не относившіяся къ Польшѣ, а равно и рисунки иного содержанія, могли быть и оставлены въ рукописи, какъ не представлявшіе интереса для Станислава-Августа.

Имѣя передъ собой лишь отдѣльные листы изъ сборника цѣлаго и явно случайнаго содержанія, мы не можемъ, конечно, возстановить прежней послѣдовательности листовъ этихъ, тѣмъ болѣе, что поля страницъ, гдѣ могла быть пагинація, теперь отрѣзаны или заклеены.

*) См. „Труды XIII Археологическаго Съѣзда въ Екатеринославѣ“, т. II, стр. 398.

На нѣкоторыхъ листахъ, внутри рамки, награфленой вокругъ портретовъ, оказываются, однако, мелкія цифры, проставленныя карандашемъ и указывающія, очевидно, на порядокъ, который должны были сохранять соответствующія страницы, но который, при распредѣленіи портретовъ по алфавиту, сохраненъ не былъ. Вотъ эти цифры:

- 4 — на л. 45 съ изображеніемъ козака Явойшовскаго.
- 5 — на л. 45 об. съ началомъ декрета о Пекарскомъ.
- 6 — на л. 115 съ портретомъ Пекарскаго и продолженіемъ декрета о немъ, на л. 115 об. съ окончаніемъ декрета карандашной пагинаціи нѣтъ.
- 7 — на л. 51 съ портретомъ Карнковскаго.
- 8 — на л. 51 об. съ похвалою Карнковскому.

Если первыя три цифры этой пагинаціи соответствуютъ первоначальному порядку страницъ сборника, то относительно двухъ послѣднихъ оказывается иное; дѣло въ томъ, что теперешній л. 51 оказывается склееннымъ изъ двухъ листовъ сборника: на первомъ [51 а] нарисованъ одинъ большой портретъ, обозначенный Альбертранди, какъ портретъ Карнковскаго, и на оборотной сторонѣ его [51 а об.] написаны польскіе стихи; на второмъ листѣ [51 б] на одной, нынѣ заклеенной, сторонѣ нарисованъ какой-то Ротера, а на другой [51 б об.] написана похвала Карнковскому; отсюда ясно, что первоначальный порядокъ страницъ былъ иной и, такъ какъ похвала Карнковскому, несомнѣнно, находилась рядомъ съ его портретомъ, то портретъ приходился, по всей вѣроятности, на оборотной сторонѣ одного листа, а похвала на передней сторонѣ слѣдующаго. Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ карандашная пагинація вѣрна лишь относительно порядка листовъ, но не страницъ.

Отсутствіе въ этой пагинаціи трехъ первыхъ цифръ (1. 2. 3) остается для меня непонятнымъ: онѣ тоже устанавливали, надо думать, порядокъ страницъ въ тѣхъ случаяхъ, когда обѣ стороны листовъ сборника должны были оставаться видимыми при монтировкѣ ихъ на листы „*Polonogum Icones*“.

Эти же случаи помѣщенія портретовъ на обѣихъ сторонахъ листовъ сборника даютъ основаніе для постановки вопроса, не были ли портреты и въ самомъ сборникѣ расположены такъ же по алфавиту, какъ теперь въ портфель.

Хотя въ указанномъ выше случаѣ мы и видѣли, что непосредственно за Явойшовскимъ въ сборникѣ шелъ Пекарскій, но эпитетъ послѣдняго „*Kroloboysa*“, сохраненный, быть можетъ, по старой подписи, въ карандашной подписи Альбертранди, допускаетъ предполагать и здѣсь соблюденіе, хотя, конечно, и не особенно строгое, алфавитнаго порядка, который могъ далѣе продолжаться Карнковскимъ, такъ какъ въ старинныхъ алфавитныхъ указателяхъ, какъ извѣстно, алфавитный порядокъ наблюдался не такъ строго, какъ теперь, и достаточно было, чтобы вмѣстѣ собраны были лишь начальныя буквы фамилій (см., напримѣръ, алфавитный указатель къ „*Monumenta Sarmatarum*“ Старовольскаго, Краковъ, 1655 г.).

Вотъ прочіе случаи помѣщенія на двухъ сторонахъ одного листа разныхъ портретовъ (или рисунковъ):

- л. 7. Boratyński — л. 7 об. Marmadziuk Bulgar.
- л. 10. Broniewski — л. 10 об. Bezoar.
- л. 22. Dębołęcki — л. 22 об. Sesostriis Dux [заклеенъ].
- л. 30. Drzystawski — л. 30 об. Helisabeth Regina Angliae [заклеена].
- л. 36. Herbult — л. 36 об. NN [заклеенъ].
- л. 42. Janzaraga — л. 42 об. Ferensbach.

- л. 57. (Sycyna) Kochanowski—л. 57 об. [=58] Sędziwuj.
 л. 88. Miński—л. 88. об. Matłaszewski.
 л. 90. Mielecki—л. 90 об. Brdzy co z bzuchu zyie [заклеено].
 л. 160. Struś—л. 160 об. Rozimunda [заклеена].
 л. 181. (Ostafiey) Wołowicz—л. 181 об. Rescius.

Теперешнее положеніе страницъ можетъ и не соотвѣтствовать прежнему и то, что теперь приходится на лицевой сторонѣ листовъ, прежде могло быть на обратныхъ и наоборотъ; иногда эпитеты могли быть приняты за имена (на лл. 7 об. и 10 об.), обозначеніе Sycyna (л. 57) можетъ объяснить сосѣдство Кохановскаго съ Сендзивуемъ; кн. Янушъ Острожскій помѣщенъ и Альбертранди подъ букву I, а не O, что позволяло бы соединять (л. 181) Воловича съ Решке; но при всѣхъ этихъ натяжкахъ все-таки остается то затрудненіе, что на другихъ листахъ сборника есть портреты, мѣста которыхъ приходятся при алфавитномъ, хотя бы и не строгомъ, порядкѣ между сосѣдними на исчисленныхъ выше листахъ портретами; такъ, между Фаренсбахомъ и Янычарагой должны бы были находиться Граціанъ, Гербуртъ и Голубокъ, а между, хотя бы и Остафіемъ, Воловичемъ и Решке—Подкова.

Такимъ образомъ, мы не рѣшаемся утверждать, что порядокъ портретовъ въ сборникѣ былъ алфавитнымъ, хотя бы и съ различными отступленіями; но все же только предположеніе о желаніи составителя сборника держаться порядка алфавитнаго можетъ дать хоть какое-либо объясненіе къ столь страннымъ сопоставленіямъ портретовъ, какъ хорунжій Држиставскій и королева Елизавета Англійская, пасторъ Матлашевскій и воевода Минскій. Поэтому, а также и потому, что и теперешній порядокъ портретовъ также алфавитный, хотя также не особенно строгій, и я полагаю наиболѣе удобнымъ въ своемъ описаніи портретовъ размѣстить ихъ строго по алфавиту, польскому, разумѣется; однако, такъ какъ при этомъ придется раздѣлить нѣкоторые портреты, находящіеся на одномъ и томъ же листѣ, на разныхъ сторонахъ его, и такъ какъ при описаніи отдѣльныхъ портретовъ въ алфавитномъ порядкѣ не будетъ уже основанія сообщать то небольшое, что я могъ разсмотрѣть на обратныхъ, заклеенныхъ, сторонахъ ихъ, то я даю въ дополненіе находящагося выше перечень остальныхъ листовъ въ ихъ теперешнемъ порядкѣ.

Имена изображенныхъ лицъ я сокращаю здѣсь до одного того имени, по которому они внесены въ нижеслѣдующее описаніе; а относительно оборотныхъ сторонъ листовъ опускаю повтореніе указанія на то, что всѣ онѣ заклеены, почему мои отмѣты о содержаніи ихъ столь кратки и не точны.

- томъ I. 25. Andreas Batory, на оборотѣ польскій текстъ: Proverbia Polonorum.
 л. 34. Gracyan—л. 34 об. Какіе-то латинскіе стихи короткими строками; а послѣ нихъ заглавіе: In Joannem Calvinum и латинскіе стихи, болѣе длинныя.
 л. 38. Holubek—л. 38 об. Текстъ съ заглавіемъ: Principis Cuius (?) non vera.
 л. 44. (Janussius) in Ostrogia—л. 44 об. Польскій прозаическій текстъ.
 л. 46. Jeremian—л. 46 об. Латинскіе стихи, текстъ: De Martini Lutheri vita, et morte.
 л. 50. Kakarot—л. 50 об. Польскіе стихи.
 л. 59. Jozafat Kunczewicz—л. 59 об. Латинскій текстъ: Aulcarum Mulierum Vitia.
 л. 75. Łaski—л. 75 об. Латинскій текстъ: Modus vivendi in Aula.
 л. 83. Mamyra—л. 83 об. Латинскій текстъ: Fidelis canis exempla.
 л. 91. Michał—л. 91 об. Стихотвореніе, латинское [?].
 л. 116. Podkowa—л. 116 об. Латинскія строчки, кончающіяся каждая словами: Quid inde?

- л. 165. Szuiski—л. 165 об. Польскій текстъ; первая строка: *Daia (?) z Indyi*
1615. 14 Octobris Clumunt Egymer pisał, ze...
- л. 172. Weselini—л. 172 об. Стихи польскіе: *Genus Mulierum Malum Mantuani Itali.*
- л. 173. Wereszczak—л. 173 об. Латинскій текстъ съ заглавіемъ: *Romano - Italice-Gallico*; ниже его крупно написанное польское двустишіе.
- л. 174. Wieliczka—л. 174 об. Стихи латинскіе короткими строчками, а ниже: *Cur pulices plus mulieres quam viros infestent.*
- л. 175. Wierzynek—л. 175 об. Латинскіе стихи.
- л. 182. Wsiewołoda—л. 182 об. Мелко написанный латинскій текстъ съ двумя крупными польскими стихами въ концѣ.

Такимъ образомъ, всего на разныхъ листахъ двухъ томовъ особой коллекціи „*Polonogum Icones*“ наклеено 32 листа изъ какого-то сборника разнообразнаго содержанія, написаннаго одною рукой и на одинаковой, желтоватой теперь, бумагѣ съ одинаковыми водяными знаками. Знакъ этотъ, хотя и ясно разсматривается на листахъ 7, 10 и 181, но непонятенъ; онъ имѣетъ круглую форму, около 0,03 м. въ діаметрѣ, изображеніе же внутри его весьма не ясно; оно то кажется птицею, то напоминаетъ верхнюю часть стоящаго, подбоченясь, человѣка; отыскать подобный знакъ мнѣ не удалось.

Однако, и по бумагѣ и по письму столь компетентные въ палеографіи люди, какъ Н. П. Лихачевъ и С. Л. Пташицкій, относили рукопись къ XVII-му вѣку; а разборъ имѣющихся въ подписяхъ подъ портретами хронологическихъ данныхъ позволяетъ датировать ее первою половиною XVII в.; но объ этомъ подробнѣе рѣчь будетъ ниже.

Теперь же приступаемъ къ описанію портретовъ въ алфавитномъ порядкѣ.

Описанію этому должно, однако, предпослать нѣкоторыя объяснительныя замѣчанія, дабы не приходилось постоянно повторяться.

Всѣ портреты помѣщены внутри награфленой на страницѣ рамки, въ общемъ въ 6 дюймовъ ширины и $9\frac{1}{2}$ высоты; она обыкновенно дѣлится горизонтальною чертою на двое: вверху помѣщается портретъ, внизу—подпись къ нему. Обрамленіе монтровки толстыми чертами идетъ точно по этимъ тонко награфленнымъ рамкамъ, по которымъ и вырѣзаны старые портреты.

Мы выбрали для изданія изъ тридцати шести двадцать портретовъ, или имѣющихъ наибольшій интересъ для насъ, русскихъ, или же представлявшихъ, почему-либо, болѣе интересными, чѣмъ прочіе, намъ лично.

Четыре мы сочли достойными воспроизведенія въ болѣе крупномъ видѣ, около $\frac{3}{4}$ линейнаго уменьшенія, прочіе же уменьшены еще болѣе, около $\frac{1}{2}$ по сторонѣ или въ $\frac{1}{4}$ дѣйствительной величины. Размѣщеніе портретовъ на таблицахъ не могло поэтому быть выдержано въ какомъ-либо опредѣленномъ порядкѣ. Воспроизводя лишь часть портретовъ, мы описываемъ прочіе настолько подробно, чтобы и по описанію можно было установить тождество изображенія въ этомъ сборникѣ съ какими-либо иными портретами. Производить тщательные поиски за оригиналами портретовъ описываемаго сборника мы считали лежащимъ внѣ задачи описанія, но не изслѣдованія; да, сверхъ того, недостаточными оказываются для того и наши личныя знанія и петербургскія бібліотеки. Мы поставили себѣ цѣлью только сдѣлать извѣстными описываемые портреты нашимъ польскимъ коллегамъ.

Копируя текстъ при портретахъ, мы сохраняли въ точности правописаніе оригинала, а потому и не считаемъ нужнымъ въ изданіи дѣлать какія-либо поправки, замѣняя, на примѣръ, въ соответственныхъ мѣстахъ простое е нужнымъ тамъ ѳ или z — ż, и т. п.; не мѣняемъ также и v въ u или наоборотъ; не измѣняемъ

знаковъ препинанія; мѣстами приходилось, лишь изъ типографскихъ соображеній, раскрывать сокращенія; потому же приходится отказаться и отъ сохраненія въ наборѣ того же числа строкъ, какъ въ подлинникѣ: нѣкоторыя копіи надгробныхъ надписей писаны очень мелко и ихъ строки не умѣстились бы въ строки печатныя.

Въ нижеслѣдующемъ описаніи римская нумерація соответствуетъ нашему порядку описанія портретовъ; крупныя жирныя цифры воспроизводятъ нумерацію чернилами отдѣльныхъ листовъ второго тома коллекціи „Polonogum Icones“; обыкновенныя цифры означаютъ нумерацію карандашемъ (Уткинымъ, см. выше, стр. 387) отдѣльныхъ портретовъ этого ящика, а цифры съ предшествующимъ знакомъ № передаютъ новѣйшую нумерацію, проставленную карандашемъ на оборотѣ листовъ.

Первымъ по принятому нами алфавитному порядку описанія оказывается единственный портретъ, помѣщенный въ I-омъ томѣ коллекціи „Polonogum Icones“, очевидно, по родству изображеннаго лица съ королемъ Стефаномъ Баторіемъ.

I. (томъ I. 25; № 79) ANDREAS BATORY. [6" × 9¹/₂".]

Портретъ, принадлежащій къ числу самыхъ плохихъ, нарисованъ внутри круглой рамки съ четырьмя, накрестъ, орнаментальными перехватами, причемъ въ среднемъ верхнемъ помѣщена монограмма изъ буквъ: S, D и I. Голова, въ кардинальской шапкѣ, повернута въ ³/₄ вправо; широкое лицо характерно сильно суживающимся и уходящимъ назадъ подбородкомъ; маленькая острая бородка и такіе же усы; носъ горбатый; на плечахъ пелерина.

Внутри рамки идетъ подпись: ANDREAS de Somlo BATORY CARDIN.

А объяснительный польскій текстъ подъ портретомъ гласитъ:

Będać Biskupem Warmińskim Biskupstwo resignował a iachał | po śmierci brata swego na Siedmigródzkie Woiewodctwo. ale y tam | do tego nieprzyszedł bo miał wielki przeszkody od P. P. Węgieńskich | y tamże w Węgrzech w lichey chałpie od ledaiake^o chłopa siekierą | zabity: głowę y zywota y Panstwa zbył dla Ambiciei.

Кардиналь и епископъ Варминскій, Андрей Баторій былъ племянникомъ короля Стефана Баторія и дѣйствительно погибъ, разбитый Михаиломъ, воеводой Семиградскимъ, въ окрестностяхъ Клаузенбурга при попыткѣ, вопреки волѣ императора, утвердиться на наследственномъ престолѣ *).

Портретъ скопированъ, очевидно, съ какого-то печатнаго, судя по рамкѣ и по монограммѣ (быть можетъ, гравера), оригинала, отыскать который мнѣ, впрочемъ, не удалось.

Портретъ Андрея Баторія, находящійся въ упомянутой выше (см. стр. 388) серіи карандашныхъ портретовъ епископовъ Варминскихъ (XXIII 243: Andreas Bathoreus Card: Episc. Varm: MDLXXXIX—MDXCVIII) совсѣмъ иной: безъ шапки, все лицо длинное, сходства съ описываемымъ имѣетъ мало и, лишь зная тождество обоихъ лицъ, можно усмотрѣть и общія въ обоихъ портретахъ черты. Болѣе схожи съ описываемымъ рисункомъ гравированные портреты, представляющіе Андрея Баторія уже мертвымъ, подъ саваномъ, съ пробитымъ надъ бровью лбомъ; сходство ихъ выражается въ болѣе широкомъ лицѣ, но здѣсь нѣтъ, конечно, кардинальской шапки и, кромѣ того, подбородокъ, не той, однако, формы, какъ на ри-

*) См. Grosses vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste... verlegt Johann Heinrich Zedler, Halle und Leipzig. Bd. III, 1733, Sp. 683—684; Encyklopedyja Powszechna S. Orgelbanda. Tom II, Warszawa, 1860, str. 1014—1017.

сункѣ, обросъ короткою бородой, а тонкіе усы значительно длиннѣе *); несомнѣнно однако, что тотъ гравированный оригиналъ, который неумѣло копироваль составитель описываемаго сборника, представлялъ значительно болѣе сходства съ прочими портретами Андрея Баторія, нежели то оказалось въ копіи.

Разница въ опредѣленіи дня его смерти (9 ноября или 30 октября 1599 года) объясняется счетомъ то по новому, то по старому стилю.

II. (л. 10 об.; 12; № 222). ВЕЗОАР. [6 $\frac{1}{8}$ "×9 $\frac{1}{2}$ "].

Верхняя часть рамки занята рисункомъ, подъ чернильными штрихами котораго сохранился и предварительный набросокъ карандашемъ; представленъ олень, повернутый головою влѣво (отъ зрителя) и поставленный въ направленіи по діагонали поля зрѣнія, причемъ заднія ноги его стоятъ выше переднихъ и онъ видимъ какъ бы сверху; наклоненною головою онъ поѣдаетъ змѣю, но не втягиваетъ ее въ себя ноздрями, какъ говорится въ текстѣ, написанномъ въ девять строкъ.

Везоар lekarstwo tak drogie iako zloto, ktore takowym | sie sposobem rodzi: kiedy sie Jelen z starscie a we sto lat ma ro | gi zrzucac, przychodzi do iamy kedy weza czuie y węchem abo | nozdrzami onego wyciaga y pożera zacyz od onego iadu opu | chnie, a wielkim pędem bieząc do wody w biegu rogi mu spa | daia, a sam w rzeke ciekaca az po uszy wchodzi, y tchnac | w oney wodzie, lzy mu z obudwu oczu plyną, y spiekaia się | iakoby iakie perly wielkie v oczu, y potom odpadaią od oczu | w one wodę: co potom z wielką trudnością zaiduią.

Какъ рисунокъ, такъ, вѣроятно, и текстъ, заимствованы изъ—какого-либо рукописнаго или печатнаго сборника зоологическаго или медицинскаго содержания. Басня о цѣлебной силѣ безоара была столь распространена и столь общеизвѣстна, что нѣтъ нужды повторять ее здѣсь.

III. (л. 7; 13; № 220). J. BORATYŃSKI. [6"×9 $\frac{1}{2}$ "].

На смятомъ и порванномъ нѣкогда, но затѣмъ тщательно разглаженномъ и подклеенномъ такой же бумагой, листъ представленъ человекъ съ горбатымъ носомъ, большими, горизонтально закрученными усами, съ чубомъ на бритой головѣ; голова повернута въ $\frac{3}{4}$ влѣво (отъ зрителя); въ правой рукѣ передъ грудью — булава; на плащѣ на правой рукѣ какой-то бантъ.

Подклеенные куски бумаги тщательнымъ образомъ подрисованы; подклеена и вся нижняя часть съ подписью поверхъ первоначальной, которая, насколько

*) На одной гравюрѣ (0,123_m × 0,153_m) портретъ помѣщенъ въ овальной орнаментальной (по иному рисунку, чѣмъ на описанномъ портретѣ) рамкѣ, въ которой читается: „Andreas Bathorius Aus Siebenburgn. Cardinal“; рана надъ правымъ глазомъ; внизу подписано: „occubuit IX Novembr. anno M. D. XCIX“ (Собрание Станислава-Августа, Portf. II № 32; Собран. Импер. Эрмитажа кн. 228 № 110 на фонѣ надъ головою 33, что указываетъ на принадлежность гравюры какой-то книгѣ или сборнику).

На другой (размѣры 0,12×0,132, безъ болѣе широкой подписи внизу) по тому же, очевидно, общему оригиналу голова представлена въ другую сторону и потому рана оказывается надъ лѣвымъ глазомъ; внизу подпись прописными буквами: „Andreas Bathorius, cardinalis, Transilvaniae | princeps, Siculorum comes, in festo Simonis et Judae, per Michaelem Weivodam Walachiae ad Cf | binium profligatus in angustiis, et saltibus ver- | sus Moldaviam tendentibus, per Siculos una cum | suis. Ipse vero ab opillione quodam. Securi in | fronte et occipitio percussus, strenue tamen se- | defendendo obtuncatus est. XXX Mi Octo- | bris Anno. M. D. XCIX.“ (Импер. Эрмитажъ, кн. 228 № 111).

можно разглядѣть на свѣтъ, была того же содержанія, какъ верхняя, но писана иною, повидимому, рукой: тою же самой, какъ подпись подъ портретомъ Мармадзюка, находящемся на другой сторонѣ этого же листа.

На листѣ монтировки послѣ подписи: J. Boratyński, написано было: *vo u e z la lettre B o ù il inscrit*, но потомъ зачеркнуто. Это замѣчаніе указываетъ, повидимому, что листъ этотъ сперва помѣщенъ былъ не подъ буквою В, какъ теперь, а подъ иною: вѣроятно, подъ М, сообразно имени Marmadziuk Bulgar при портретѣ, находящемся на оборотѣ этого же листа (см. ниже XXIII).

Joannes Boratyński.

Praelio in Ungaria suis superatis, equi ventrem ingressus, in eo ser- | vatus est, posteroq[ue] die suis cadaver quaerentibus vicesq[ue] do- | lentibus, ex equo latens se prodidit, ab iisdem inde extractus.

Портретъ Боратынскаго и подпись подъ нимъ скопированы съ описаннаго изображенія въ альбомѣ Императорской Публичной библіотеки (Polon. XIII. F. 1, fol. 46), и при томъ совершенно точно, безъ какихъ-либо измѣненій: даже сокращенія оказываются въ тѣхъ же двухъ словахъ, какъ и въ подписи подъ оригиналомъ.

Имя и рассказъ опредѣляютъ изображенное на портретѣ лицо Іоанномъ, въ православіи Степаномъ (Стецко), Боратынскимъ герба Корчакъ, прославившимся вмѣстѣ съ братомъ своимъ Андреемъ въ 1514, 1517 и 1518 гг. во время войны съ Москвою, потерпѣвшимъ въ 1527 г. упоминаемую въ текстѣ неудачу въ Венгрии и получившимъ въ 1534 году отъ короля староство Рогатинское *).

Въ Венгрію Боратынскій пошелъ въ 1527 г. съ польскимъ наемнымъ отрядомъ на помощь боровшемуся за корону св. Стефана Іоанну II Заполи и тщетно предостерегалъ того отъ рѣшительной битвы; раненый Боратынскій былъ принятъ за мертвого и ограбленъ и лишь черезъ день отозвался изъ груди мертвыхъ тѣлъ, когда венгры вернулись за тѣлами убитыхъ; его долго лечили отъ ранъ, а, между тѣмъ, на родинѣ, куда конюхъ его принесъ вѣсть о гибели господина, его имущество было подѣлено зятями.

Такъ излагаетъ исторію эту Мартинъ Бѣльскій въ его хроникѣ подъ 1518 г.; Папроцкій зналъ, что Боратынскій лежалъ у трупа коня (*przy ścierwie końskiem*); составитель же подписи подъ описываемымъ портретомъ слѣдовалъ, очевидно, какому-то иному писанному или, вѣроятнѣе, устному источнику, гдѣ исторія спасенія Іоанна Боратынскаго излагалась и менѣе вѣроятно и менѣе лестно для рыцаря. Можно думать, что, если бы составитель сборника черпалъ изъ указываемыхъ нами источниковъ, то онъ не преминулъ бы упомянуть и о подвигахъ Боратынскаго на Московской войнѣ и особенно о чудесномъ всадникѣ, показавшемъ ему бродъ черезъ Двину подъ Полоцкомъ въ 1518 году**).

Указаній на иные портреты Іоанна Боратынскаго мнѣ не встрѣчалось.

*) Paprocki, Herby Rycerstwa Polskiego. 1584, wyd. Turowskiego, 1858, str. 685; Simonis Starovolsci Sarmatae Bellatores. Colon. Agripp. 1631 pp. 145—146, LXXIII; Niesiecki. Korona Polska, wydanie Bobrowskiego. II, str. 235—236; L[eopold] H[ubert] — Encyklopedyja Powszechna, IV. 1860, str. 68—69.

***) Литература о венгерскихъ дѣлахъ 1527—28 гг. указана у Finkel'a, Bibliografia Historji Polskiej подъ №№ 25816—25. Старовольскій и Гваньини, т. е. Матей Стрыйковскій, (*Kronika Sarmacye Europskiej*, изд. 1768 г., str. 283—284) говорятъ лишь о московскихъ походахъ Боратынскихъ, о Венгерскомъ же не упоминаютъ вовсе. Мартинъ Бѣльскій (*Kronika*, по изданію 1764 г., str. 473, 485, 487, 506) временемъ битвы указываетъ 6 марта 1528 г., а мѣстомъ „у Тиссы“, тогда какъ

IV. (л. 10; 11; № 223) STANISLAUS BRONIEWSKI. [6¹/₈"×9¹/₂"].

Погрудное изображеніе рыцаря въ dospѣхахъ, безъ шлема; лицо повернуто въ три четверти влѣво; лѣвая рука видна лишь открытою ладонью передъ грудью; волосы коротко острижены; острая бородка и короткіе усы.

Viuens designauī locum hunc, in quo mortuus quiescerem et quiesco | sane lubens. Post tot aerumnas quibus redundauit vita mea, Militia | quam colui acerba fuit, seruitus etiam acerbior, quam captus, in prae- | lio apud Scythas seruiui. Acerbissimus autem ingratus eorum animus, | qui malam benemerito gratiam retuleru[n]t. Scire quis si cupis. Sum Sta | nislauus Broniewski de Biezdiedza Martini filius, qui Curiae | Reginae Helisabethae Casimiri p[rae]fuit. Praefectus Lubacouiens[is]. Ipse ego Re- | gibus Sigismundo, et huius filio Sigismundo Augusto, cum studium meu[m] in- | ter | Aulicos probassem, aliquot etiam praefecturis fui honestatus. Nosti qui | sim, vel potius fuerim. Ego qui tu sis non noui, Verum si te tu ipse | nosti: sat es beatus. Abi. vixit annis LXXV. Mortuus anno a Chr[ist]o | nato. 2 et 8 supra 1. et 5. Die octaua mensis Nouembris.

Какъ портретъ, такъ и подпись скопированы въ альбомѣ Публичной бібліотеки (fol. 57); отступленія въ подписи незначительны *) и потому явно указываютъ на то, что оригиналомъ являлся описываемый портретъ.

Наоборотъ, значительно болѣе отступленій въ изданіи этой же надгробной надписи въ книгѣ Старовольскаго **), гдѣ она напечатана дважды: одинъ разъ (pag. 70), какъ находящаяся въ Краковѣ въ костелѣ св. Франциска, а другой разъ (pag. 765) среди надписей неопредѣленныхъ. Оба списка Старовольскаго, нѣсколько разнящіеся одинъ отъ другого, оказываются болѣе грамотными, чѣмъ копія описываемаго сборника, ошибочно разрѣшающая нѣкоторыя сокращенія подлинника.

Указаніе Старовольскаго оказалось совершенно вѣрнымъ: надгробный памятникъ Станислава Броневскаго понынѣ существуетъ во Францисканскомъ монастырѣ въ Краковѣ. Судя по рисунку его въ изданіи „Pomniki Krakowa“ ***), tab. 173, онъ представляетъ собою обычный въ XVI в. типъ памятника въ видѣ каменной доски въ болѣе или менѣе пышной рамѣ, вставленной въ стѣну костела; сравнивая надпись, насколько можно ее разобрать на рисункѣ Церховъ, съ копіей ея въ описываемомъ сборникѣ, мы находимъ копію весьма близкой къ оригиналу: она списана точнѣе, чѣмъ у Старовольскаго. Портрета Станислава Броневскаго на памятникѣ этомъ нѣтъ; овальный щитъ въ верхней части памятника занятъ его гербомъ; однако Папроцкій сообщаетъ, что при памятникѣ находилось знамя съ латинскою эпитафіей, которую онъ и приводитъ; на этомъ траурномъ знамени помѣщено было,

Стрыйковскій (Kronika, изд. 1766, str. 741) опредѣляетъ день битвы 25 сентября 1527 г. у Токача, но не упоминаетъ объ участіи въ ней Боратынскаго. Выписка объ Андрѣе и Янѣ Боратынскихъ имѣется въ рукописномъ сборникѣ Якуба Дерьякубовича 1741 г. (Ketrzynski, Katalog reskopismów biblioteki zakładu Nas. Im. Ossolińskich, I, 1881, str. 180); въ одномъ спискѣ, конца XVI или начала XVII в., неизданныхъ польскихъ сочиненій (ibidem, str. 310) упоминается и „Boratyński o sprawie wojennej“.

*) Въ строкѣ 5-ой retulerit, въ 7-ой—Lubaiens, въ 8-ой—meum, въ 11-ой Cristo.

**) Sim. Starowolsci Monumenta Sarmatarum. 1655, pag. 70: 5-ая строка—scrire quis sim si cupis, 6-ая—Broniowski, 7-ая—Elisabethae, Lubaczouien, 8-ая—huius F., 9-ая—quis, 12-ая Nouemb.; pag. 765: 1-ая стр.—vm. vivens—vivus, сл. mortuus—нѣтъ, 6-ая—Biesdzierzycce, 11-ая—ipsum, 12-ая—sat est. Beatus abi. и далѣе ничего нѣтъ.

***) Pomniki Krakowa Maksymiliana i Stanisława Cerchów z tekstem Feliksa Kopery. Krakow, Warszawa, str. 227, tabl. 173. Первое слово надписи VIWS, т.-е. vivus, PRAEFECT, LUBACOVIEEN надо читать Praefect[i] Lubacovien[is] и относить къ Мартину.

конечно, какъ то было тогда въ обычаѣ, и изображеніе погребеннаго; оно-то и послужило оригиналомъ, съ котораго срисованъ былъ портретъ Броневскаго, сохраненный намъ сборникомъ.

Личность Станислава Броневскаго не достаточно точно опредѣлена въ его надгробной надписи; замѣтимъ лишь, что онъ былъ (см. Paprocki, 1858, str. 575; Niesiecki. II, str. 307—308) сыномъ Мартина Броневскаго, старосты Любачевского и бургграфа Краковскаго, а самъ — хорунжимъ Пшемысльскимъ и старостою Медыкскимъ.

V. (л. 90 об.) BRDZY CO Z BRZUCHU ZYIE (заклеено).

Рисунокъ, надъ которымъ находится эта, сдѣланная весьма затѣйливымъ шрифтомъ, надпись, занимаетъ всю страницу и представляетъ безбородаго человѣка, въ низкой шляпѣ съ перомъ, въ нѣмецкомъ платьѣ, который везетъ передъ собою (влѣво) на тачкѣ свое собственное, безобразно выдающееся впередъ, брюхо.

Первоначально видна была и сторона съ этимъ рисункомъ, который былъ, впрочемъ, какъ ненужный, накрестъ перечеркнутъ чернилами, но затѣмъ онъ былъ заклеенъ большимъ листомъ бѣлой бумаги во всю величину листовъ монтировки, очевидно, будучи сочтенъ непристойнымъ; и теперь его видно лишь на свѣтѣ.

Оригиналомъ служила несомнѣнно какая-либо нѣмецкая сатирическая гравюра XVI-го еще, вѣроятно, вѣка; того же содержанія, но иной композиціи, гравюру, относимую къ 1520-ымъ гг., можно видѣть, напримѣръ, въ изданіи Eug. Diederichs'a: *Deutsches Leben der Vergangenheit in Bildern*, Iena. 1908, S. 191, Abb. 640, съ объясненіемъ, что это — пьяница, превратившій свое брюхо въ винный мѣхъ.

VI. (л. 24; 28; № 206) WOICIECH DEBOŁĘCKI [6"×9⁵/₈"]. (См. табл. IX, рис. 3).

Голова вправо въ профиль, съ длиннымъ усомъ, острой торчащей впередъ бородой, длиннымъ и острымъ съ горбомъ носомъ; на головѣ, шеѣ и плечахъ плотно прилегающій къ нимъ гладкій, повидимому мѣховой или бархатный, капюшонъ; лицо, менѣе всего приличествующее духовной особѣ, нарисованное къ тому же особенно безобразно и, видимо, не безъ намѣренія.

X. Woiczech Dębołęcki z Konoiad Franciszkan | Archikapellan Ferdynanda wtorego Cesarza Chrzescianskie^o. Potym | Praefectus Capellae Musicorum Summi Pontificis. Elearow Pol | skich ktorych Lisowszykami zwano duchowny przewodnik, o czym | y ksiąszce zacną wydał. Musyk przedni tak do kosciola ia | ko y do pokoju o czym swiadczą iego wydania rozne figury, ale | osobliwie karty w ktorych sztuczne inuencye.

На монтировкѣ написано еще: вверху Są iego dzieła drukowane po Polsku gdzie wiele ciekawim (?), и внизу — Vir eruditus sed in scriptis ridiculus et Paradoxus.

Въ альбомѣ Публичной библіотеки (л. 59) имѣется копія, какъ этого портрета, такъ подписи подъ нимъ, причемъ въ копіи послѣдней особенно интересна ошибка въ чтеніи слишкомъ фигурно написаннаго въ издаваемомъ здѣсь оригиналѣ указанія на мѣсто рожденія Демболенскаго и внесеніе въ подпись строки, приписанной на монтировкѣ портрета: Vir eruditus, etc; то и другое ясно указываютъ, что оригиналомъ для составителя альбома были именно „Polonorum Icones“ короля Станислава-Августа; прочія разночтенія чисто орфографическаго характера *).

*) Строка 1-я—Konwiad, 2-я wtorego и chrześciańskiego, 3-я Capella, 4-я ktorych, 5-я książka и kościola, 7-я ktorych; а въ концѣ послѣ inuencye слѣдуетъ еще Vir eruditus, etc.

Эта характерная ошибка въ чтеніи слова Konojad, какъ Konwiad, повторяется, но въ нѣсколько измѣненной формѣ и въ одномъ изъ упомянутыхъ выше (см. стр. 390) львовскихъ алфавитныхъ сборниковъ біографій знаменитыхъ поляковъ; тутъ, насколько мы можемъ заключать по копіи гр. Дзедушицкаго, текстъ подлинни имѣетъ еще болѣе отступленій отъ оригинала, а потому является предположеніе, что онъ копированъ не съ самихъ „Polonorum Icones“, а уже съ альбома польскихъ портретовъ, хранящагося нынѣ въ Публичной бібліотекѣ: къ сожалѣнію, каталогъ Кентржицкаго списка именъ не даетъ и потому мы далѣе предположеній идти не можемъ. Намъ остается сожалѣть, что объ этихъ двухъ сборникахъ намъ приходится судить по копіи лишь одной біографіи Демболенцкаго*).

Впрочемъ, отсутствіе въ заключеніи латинской фразы: Vir eruditus, etc., указываетъ скорѣе или на самостоятельную копировку съ „Polonorum Icones“, при которой латинская фраза, какъ новѣйшая приписка, была опущена, или же на копировку съ описываемыхъ портретовъ еще тогда, когда они не были теперешнимъ образомъ монтированы.

По поводу текста гр. Дзедушицкій сдѣлалъ замѣчаніе о томъ, что должность архикапеллана здѣсь ошибочно отдѣляется отъ духовнаго главенства надъ «Лисовчиками»**). Мнѣ думается, что будь Демболенцкій, хотя бы временно, архикапелланомъ императора, о томъ упоминалось бы, конечно, и въ другихъ о немъ данныхъ, чего, однако, нѣтъ, насколько я могъ познакомиться съ литературою о немъ***). Не встрѣчалось мнѣ и упоминанія о томъ, чтобы онъ стоялъ во главѣ папской капеллы, однако, въ Римѣ Демболенцкій, несомнѣнно, былъ, или бывалъ; правда, пребываніе это предположительно объясняютъ его должностью «генерала по выкупу плѣнныхъ въ восточномъ округѣ»; въ Римѣ онъ занимался писаніемъ «научнаго» трактата „Historia Antediluviana“, который онъ къ 1631 г. и довелъ до 370 года по потопѣ; есть извѣстіе, что эту научную работу тамъ такъ цѣнили, что уволили его отъ обязанности пѣть часы въ хорѣ: послѣднее какъ бы подтверждаетъ утверженіе текста вашего сборника, только это было, конечно, уже послѣ странствій его съ бандами «Лисовчиковъ» по Европѣ въ 1619—1623 гг., описанныхъ имъ въ книгѣ „Przewagi Elearów Polskich“, изданной сперва въ 1623 г. въ Познани, перепечатанной въ 1830 г. въ Пулавахъ и въ 1859 г. въ Краковѣ.

Музыкальные таланты и дѣятельность Демболенцкаго выразились въ изданіи имъ въ 1616 г. въ Торнѣ нотъ концерта на пять голосовъ: „Benedictio mensae cum gratiarum actione a 5 facta pro capitulo provinciali FF. Minorum Conuent. Francisci Leopoli pro F. S. Ioannis Bapt. in anno Dom. 1616 celebrato... per Adalbertum Dembolencki a Konojady Ord. S. Francisci Min. Conv. Magistrum capellae ejusdem

*) Hr. Maurycy Dzieduszycki. Krotki rys dziejów i spraw Lisowczyków. Tom II, 1844, p. 121, nota 102. Вотъ разночтенія: стр. 1-я: Książdz, Deboledzki, Kowiad, 2-я archikapelan, сл. wtorego — нѣтъ, chrześcianskiego potém, 4-я których Lisowszykami, poprzednik o czem, 5-я i książkę, 6-я o ezém świadczą, różne, 6-я w których, inweneye.

**) II, стр. 121, n. 102: „Nie przytacza Naruszewicz (см. выше, стр. 390) zkad czerpal te wiadomosci? mylnie jednak rozróznia urząd Archikapelana od duchownego nad Lisowczykami postanowienia“.

***) Кромъ указаннаго сочиненія гр. Дзедушицкаго я смотрѣлъ еще краткую статью С. В. въ „Encyklopedyja Powszechna“ t. VII, 1861, стр. 57—58, очерки жизни его при перевѣданіи Каз. Іос. Туровскимъ книги Демболенцкаго о „Лисовчикахъ“ въ 66-мъ выпускѣ „Biblioteki Polskiej“ (Краковъ, 1859) и статью Юліана Бартошевича: „Książdz Wojeiech z Konojad Dembołęcki“ (Biblioteka Warszawska. LIII, 1854, 1, стр. 459—481); см. еще Niesiecki Korona Polska. II, стр. 329; Wielka Encyklopedyja Powszechna Ilustrowana, t. XV, 1895, стр. 314—315, В. Chmielewski; Н. Biegeleisen Ilustrowane Dzieje Literatury Polskiej, Wiedeń. IV, стр. 190—193, и библиографическія указанія въ Bibliografia Polska Estreicher'a, t. XV, Kraków, 1897, стр. 91—92.

capituli". О свѣтской музыкѣ его упоминаній мы не встрѣчаемъ, но и таковыя произведенія болѣе чѣмъ вѣроятны для столь плохого монаха, какимъ былъ, судя по опубликованнымъ Бартошевичемъ жалобамъ на него, Демболенцкій.

Упоминаемая въ подписи подъ его портретомъ «изданныя имъ разныя фигуры» обозначаютъ музыкальныя его сочиненія, т.-е. мелодіи; но «карты, въ которыхъ—разныя художественныя изображенія», означаютъ, видимо, какія-то графическія его композиціи и, всего вѣроятнѣе, карты игральныя, которыя или дѣйствительно сочинены были духовнымъ наставникомъ «Лисовчиковъ» или ему, по крайней мѣрѣ, приписывались. На существованіе такихъ особыхъ «козацкихъ картъ» указываетъ сатирическое объясненіе ихъ, изданное нѣкимъ Никодимомъ Небыльскимъ, сперва въ Вѣнѣ по-латыни, а потомъ въ 1621 г. въ польскихъ стихахъ; насколько я могу судить по доступнымъ мнѣ упоминаніямъ объ этой книгѣ, она трактуетъ о томъ же, что подробно описалъ Демболенцкій въ своей книгѣ объ «Элеарахъ Польскихъ», т.-е. о козакахъ Лисовскаго *). Игральныя же карты съ рисунками изъ военной жизни бывали въ тѣ времена не рѣдки, почему и показаніе описываемаго сборника заслуживаетъ полного довѣрія, если только тутъ подъ «картами» разумѣются дѣйствительно карты игральныя.

Какъ эти новыя, повидимому, данныя о Войцехѣ Демболенцкомъ, такъ и самый портретъ его, заслуживаютъ на мой взглядъ вниманія историковъ польской литературы; мнѣ же упоминаній объ иныхъ портретахъ его встрѣчать не приходилось; не имѣю я и данныхъ для провѣрки достовѣрности этого портрета, т.-к. о наружности Демболенцкаго знаю лишь одно, весьма, однако, недостаточное замѣчаніе у Бартошевича **). Общій характеръ лица, однако, вполне соответствуетъ бурной и разносторонней дѣятельности этого автора парадоксальныхъ заключеній о допотопной древности польскаго языка и націи, которыя онъ развивалъ въ извѣстнѣйшей изъ его книгъ: „Wywod jedynowładnego państwa świata“, etc., Warszawa, 1633, и которыя и имѣлъ, конечно, въ виду Альбертранди въ припискѣ на монтировкѣ портрета: „Vir eruditus, sed in scriptis ridiculus et paradoxus“.

Таковъ же онъ и на портретѣ, едва ли не единственномъ.

VII. (л. 30; 36; № 198) DRZYSTAWSKI. [6"×9½"]. (см. табл. VII, рис. 3).

Изображенъ рыцарь въ шлемѣ съ перьями; плечи и грудь покрыты пластинчатыми латами; голова, съ длинными усами, повернута въ три четверти вправо.

D r z y s t a w s k i Rotmistrz z chudey rotę z odartej chorągwie | na harcu iednascie Turkow zgobil pod Budzyniem, na ostatek | iednego Mamaluka łeb na pałaszu do namiotu przyniosł, y wysu | szyl na słońcu a potym [na plac do potrzeby nosil y tym Nieprzyia | cioły straszyl y siła bitew wygrawał. O czym iesli chcesz wiedziec |

*) „Bibliografia Polska“ Estreicher'a (XXIII, cz. III, t. XII, Kraków. 1910, p. 108) приводитъ заглавіе книжки: „Deklaratja abo Obiaśnienie Kart Kozackich“... przez Nycodema Niebylskiego. Naprzod w Wiedniu po Lacinie, a teraz znowu po Polsku, przez samegoż Authora przelożone, y nowo na druk podane Roku Pańskiego 1621, in 4°, k. 7.

Содержаніе книжки W. Al Maciejowski (Piśmiennictwo Polskie. III. 1852, str. 681—682) налагаетъ такъ: „...dzieje, czyli raczej czyny tudzież korzyści jakie stąd spadły przez nich na Austryę opisując rymopis, wyraża rzecz w kartkach: niby, że kozacy ci grając tylko w karty albo baraszkując, korzyści wielki Ferdynandowi Cesarzowi przyniesli“.

Обширная литература о „Лисовчикахъ“, на просмотръ которой я не имѣлъ времени, указана у Финкеля: Bibliografia Historyi Polskiej, №№ 7922, 7933—7935, 16789—16794, 26309—26311.

***) Въ жалобахъ на Демболенцкаго въ 1628 году его же собратья по Ордену „dodali jeszcze, że jest księdzem bez korony Kapłańskiej, że głowę ogolił po świecku, że ciało i twarz całą miał osydane krostami; w reszcie że morbum gallicum concepit“ (Biblioteka Warszawska. 1854. I.

czytaj kronikę ruską Fiedora Piskiewica z Pieczuchwost. Pa | mietam ia ieszcze tego Junaka kiedym sluzyl na Cecorze.

Мнѣ не удалось найти иныхъ упоминаній объ этомъ витязѣ, такъ какъ копію портрета его и подписи въ альбомѣ Публичной Библіотеки (fol. 54) нельзя считать ничѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ данныхъ описываемаго сборника; разночтенія въ подписи ея по большей части чисто орфографическія *), а измѣненіе имени мѣста подвиговъ Држиставскаго противъ турокъ, вмѣсто „pod Budzyniem“ въ „pod Bądzyniem“, является совершенно ошибочнымъ и лишнимъ, такъ какъ и безъ него подъ Будзынемъ изъ числа многихъ поселеній, носящихъ это или близкое къ нему имя**), здѣсь надо разумѣть, вѣтъ всякаго сомнѣнія, турецкій «Будинъ», т.-е. западную половину теперешняго Будапеста, венгерскій Buda или нѣмецкій Ofen, находившійся въ турецкихъ рукахъ съ 1541 по 1686 годъ. Сражаться съ турками подъ его стѣнами Држиставскій могъ въ одинъ изъ походовъ или въ одну изъ осадъ его австрійскими войсками; въ ближайшее къ Цецорскому походу (1620 г.) время приходятся походы подъ Буду австрійскаго эрцгерцога Матіаса въ 1598, 1602, 1603 и 1604 годахъ; относительно перваго изъ нихъ имѣется указаніе на присутствіе въ австрійскомъ лагерѣ тысячнаго польско-козацкаго отряда подъ начальствомъ Яна Стадницкаго ***).

Къ сожалѣнію, намъ не удалось отыскать даже упоминаній о «русской хроникѣ Федора Пискевича изъ Печихвостовъ» ****), на которую ссылается составитель текста подъ портретомъ Држиставскаго, бывшій, надо думать, и рисовальщикомъ портретовъ. Автобіографическое замѣчаніе его о томъ, что онъ «видаль еще Држиставскаго, когда служилъ на Цецорѣ», показываетъ, какъ намъ кажется, что авторъ былъ моложе Држиставскаго, а потому, относя битвы подъ Будзынемъ къ 1598 или 1602—4 гг., подъ Цецорскимъ походомъ надо разумѣть здѣсь скорѣе несчастный для поляковъ походъ противъ турокъ осенью 1620 года, когда погибъ самъ гетманъ Станиславъ Жолкѣвскій ****), нежели удачный походъ гетмана Іоанна Замойскаго противъ татаръ въ 1595 году.

Выраженіе: «я помню еще этого юнака, когда я служилъ на Цецорѣ», указываетъ, повидимому, на значительное время, прошедшее съ тѣхъ поръ до момента составленія авторомъ подписи подъ портретомъ Држиставскаго, и является, такимъ образомъ, однимъ изъ хронологическихъ критеріевъ о времени описываемаго сборника.

VIII. (л. 30 об.). HELIZABETH REGINA ANGLIAE (заклеено).

Перечеркнутый и заклеенный портретъ королевы, нарисованной въ профиль, влѣво, съ наклономъ надѣтою короною на головѣ, можно разсмотрѣть лишь на

*) Строка 1-ая—Drzysłamski, cudzey, 2-ая—iedenaście Turków zgotil pod Bądzyniem, 5-ая—iesli 6-ая—Piskiewicza, 7-ая—pamiętam, ieszcze, sluzyl.

**) Słownik geographiczny Królestwa Polskiego I, 1830, str. 166 (Będzin), 417 (Budzin), 449 (Budzyń), 439 (Buda).

***) Hammer. Histoire de l'Empire Ottoman. Trad., par L. L. Hellert. VII. 1837, p. 347—348; VIII, 1837, p. 18—20, 35, 66; Ign. Aur. Fessler. Die Geschichte der Ungarn. VII, 1849, S. 425—7, 487—92, 495—6.

****) Печихвосты, Pieczuchwosty, близъ Жолквы въ Галиціи, и понынѣ населены преимущественно малороссами (русинами), см. Słownik Geographiczny, VIII, 1887, str. 74.

*****) См. спеціальную статью К. Гурскаго „O wyprawie i klęskę Cecorskiej“ (Biblioteka Warszawska, 1886, III, str. 325—353, z 2 mapami); современные дневники изданы Амвр. Грабовскимъ (Starożytności Historyczne Polskie, I. 1840, str. 129—146), Войццикимъ (Biblioteka Starożytna Pisarzy Polskich. Warszawa. 1854, t. III, str. 222—247; t. IV, str. 207—216) и др.; турецкими источниками пользовался Hammer, Histoire de l'Empire Ottoman. VIII, 1837, pp. 257—260; указанія на прочую обширную литературу см. у Finkel'я №№ 2648, 3586, 7895, 7897, 26317, 26319—21, 29703. Надписи на памятникахъ Жолкѣвскому (см. Finkel, № 1099, 1100) на мѣстѣ его гибели и въ костелѣ Жолквы см. у Старовольскаго („Monumenta Sarmatarum“, 1655, pag. 476—477, 755—756).

свѣтъ, съ трудомъ. Подъ портретомъ вслѣдъ за выписаннымъ выше заглавіемъ слѣдуютъ какіе-то латинскіе стихи, изъ которыхъ я могъ разобрать лишь послѣдній стихъ, написанный значительно крупнѣе прочихъ, но для печати неудобный.

IX. (л. 42 об.; 51; № 182). FARENSBACH [6¹/₁₆"×9⁹/₁₆"].

Нарисованъ рыцарь безъ шлема, въ большомъ воротникѣ, одѣтый въ узкую мягкую одежду, или, можетъ быть, и въ панцырь; обѣ руки опущены; лицо, съ бородой и усами, повернуто въ ³/₄ влѣво.

F E R E N S B A C H .

Pytam czemu wilk z owcą zawsze w gniewie chodzą?
Czemu sie psi zaiącom przeciwnemi rodzą?
Pewnie ta iest przyczyna, ze ci veisciaią
Swym drapiestwem podlejszych owi sie zchraniaią.

На монтировкѣ сверху: „Heros praecclarus tempore Sig. III“, а внизу карандашемъ повторено имя изображеннаго, причемъ, однако, сперва вмѣсто г написано было z.

Стихотвореніе, авторъ котораго остается мнѣ неизвѣстнымъ, написано здѣсь, надо думать, не случайно и такъ или иначе относится къ Фаренсбаху, просто-ли, какъ къ военному человѣку, жившему, слѣдовательно, по тому времени, добромъ мирныхъ гражданъ, или же специально, какъ къ кондотьеру, котораго, какъ волка, прельщала въ войнѣ только добыча.

Характеристика изображеннаго лица въ припискѣ на монтировкѣ «славнымъ героемъ временъ Сигизмунда III-го» показываетъ, что Альбертранди портретъ этотъ считалъ изображеніемъ Георгія Фаренсбаха, воеводы Венденскаго (1551—1602), прославившагося во время войны съ Москвою, при Стефанѣ Батори, подъ Велижемъ, Великими Луками, Опочкою и др.; неудачный же штурмъ имъ Псково-Печерскаго монастыря и самими осаждавшими, не говоря уже объ осажденныхъ, объяснялся сверхъестественною помощью монастырю, тогда уже славившемуся чудотворною иконой Божіей Матери Печерской; жилъ Георгій Фаренсбахъ долгое время и при Сигизмундѣ III: въ 1600 году онъ занялъ принадлежавшіе шведамъ замки въ Эстляндіи и въ 1602 г. былъ убитъ при осадѣ поляками Феллина. На польскую службу поступилъ онъ въ 1580 г., а ранѣе того воевалъ во Франціи, въ Бельгіи, въ Швеціи, въ Венгріи, въ Москвѣ (плѣнникомъ) противъ татаръ и въ Гданскѣ во время возстанія города противъ Польши *).

*) О Георгіи Фаренсбахѣ кромѣ старой, изданной въ 1609 г. въ Замостьѣ, книжки: „Vita illustris ac magnifici Herois Georgii Farenbach, Palatini olim Venden., etc., etc., quam David Hilchen... in perpetuam cultus et observantiae testificationem descripsit“..., см. еще написанный Теод. Шиманомъ биографіи: краткую въ „Allgemeine Deutsche Biographie“, Bd. VI, 1877, S. 563—569, и болѣе пространную, „Jürgen Farenbach. Ein Bild baltisches Kriegerlebens.“—въ сборникѣ „Charakterköpfe und Sittenbilder aus der baltischen Geschichte des sechzehnten Jahrhunderts, von Theodor Schiemann“. Mitau, 1877, 8°, SS. 49—76; статью Gustav Baron von Manteuffel въ Wielka Encyklopedia Powszechna Ilustrowana. XXI, Warszawa. 1898, str. 66—68.

Въ книжкѣ Hilchen'a данъ рисунокъ герба Фаренсбаха съ соответственнымъ стихотворнымъ описаніемъ, въ которомъ нашлемникъ толкуется, какъ „Moschus, post terga revinctus“, хотя у соответственнаго бюста не видно связанныхъ назади рукъ, да и бритое съ усами лицо въ высокомъ колпакѣ, съ кистью на загнутомъ книзу остромъ концѣ, болѣе походитъ на поляка, козака, венгра и т. п., чѣмъ на бородачей-москвитовъ. Гербъ и краткую исторію Фаренсбаховъ см. у Нѣсецкаго, IV, 1839, str. 16—19.

Къ сожалѣнiю, мнѣ неизвѣстно портретовъ Георгiя Фаренсбаха *), чтобы съ увѣренностью сказать, что портретъ описываемаго сборника представляетъ именно его, а не какого-либо иного Фаренсбаха, напримѣръ, сына Георгiя, Вольмара, также игравшаго въ началѣ XVII в. нѣкоторую роль въ исторiи Польши, напр., сдачею шведамъ части Ливонiи въ 1617 г. **). Вѣроятноже, разумѣется, предполагать, что портретъ представляетъ Георгiя, какъ человѣка, болѣе прославленнаго; смѣшать отца съ сыномъ составитель сборника, современный, какъ увидимъ ниже, сыну, едва ли могъ, что бывало, однако, у авторовъ позднѣйшихъ; такъ въ хранящейся въ Императорской публичной библиотекѣ (Miscell. F. IV 59) рукописи: *Herbarz Pruski* 1763 г., на стр. 383 подъ заглавiемъ „*Farensbechowie*“ называется лишь *Georgius Farensbech*, дается его характеристика, но сообщается и объ измѣнѣ 1617 г. со ссылкой на исторiю Павла Пясецкаго (fol. 361), слѣдуетъ сентенция, — равно приложимая и къ отцу и къ сыну, — „*Farensbechius ob armorum strepitum [Legum vocem exaudire non potuit*“, а потомъ сообщаются подробности героическаго характера въ духѣ описываемаго нами сборника, почему мы ихъ здѣсь и приводимъ.

*Georgius Farensbechius Baro ita membrorum robore valebat, ut extento medio digito robustissimum quemquam etiam loco demoveret, equum currentem arrepto freno sustineret, tormentum murale solus praepelleret. De eodem quondam Chodkiewiczus dixit: Si tales sex Equites sub signis haberem, minimum dubitarem Constantino-polim ingredi, ut Turcarum Imperatori catenas injicerem ***).*

X. (л. 34; 42; № 192). GRATIANUS, *Hospodar Wołoski* [6^{1/16}"×9^{1/2}"].
(См. табл. VIII, рис. 2).

Надъ портретомъ на монтировкѣ написано:

Vide de illo Piasecki, Sobioski de Bell. Turcico.

Представленъ человѣкъ съ горбатымъ носомъ и длинными усами и бородою, въ профиль влѣво, на головѣ мягкая широкополая шляпа съ направленнымъ впередъ перомъ; одѣтъ въ мягкую одежду европейскаго покроя, съ прорѣзами; вокругъ шеи кружевной, стоячiй воротникъ. Подпись подъ портретомъ тщательно выписана, особенно хитро выведена первая строка и заглавная буква текста.

*) Неизвѣстно портретовъ Георгiя Фаренсбаха и специалисту по исторiи искусства Прибалтiйскаго Края, Вильг. Нейману, какъ сообщилъ онъ письмомъ отъ 29 мая 1911 г. бар. А. Е. Фелькерау, одолжившему меня этою справкою.

**) Два письма къ нему 1617 и 1619 г. изданы въ „*Źródła do dziejów polskich wydawane przez Mikołaja Malinowskiego i Alexandra Przedzieckiego*“. Tom II. Wilno. 1844, str. 351—352. Въ библиографiи Финкеля подъ №№ 3560, 3577, 7395, 7396 имѣются въ виду то Георгiй, то Вольмаръ. „*Chronica Gestorum in Europa singularium a Paulo Piasecio... conscripta ad annum Christi 1648. Cracoviae 1645*“ (по цензурной помѣткѣ), р. 337, сообщаетъ, что *Georgius (sic) Farensbach* послѣ битвы подъ Ценорой уведень былъ турками въ Константинополь и сидѣлъ тамъ три года *in turge nigra*, какъ называли поляки Семибашенный Замокъ.

***) Упомянемъ, кстати, что въ рукоп. этой, помимо рисунковъ прусскихъ гербовъ, изображены еще, между прочимъ, на стр. 55 головы прусскихъ боговъ: *Patollo, Patrumpos, Porgunos*; на стр. 567 портреты (по плеча) смотрящихъ другъ на друга Кейстута (бритаго) и Витольда (бородатаго); на стр. 598 гербъ языческихъ пруссаковъ—двѣ короны, другъ надъ другомъ, нижняя вверхъ ногами, съ двумя парящими надъ нимъ ангелами; на той же стр. „*Habit albo ubiag starych Prusaków Poganów*“; на стр. 601 рисунокъ морскаго чудовища 1558 г. Возможно, что то же сочиненiе представляетъ собою рукопись Miscell. F. IV. 46: „*De Prussiarum familiarum insignibus*“, также съ рисунками гербовъ, которой мы не имѣли времени посмотреть. Эти двѣ рукописи и суть, вѣроятно, т. в. ms. *Zaluscianum* Мишсха и его источникъ 1620 г., упомянаемый въ статьѣ [Станислава] Д[зядулевича] „*Herbarz*“ въ *Wielka Encyklopedia Powszechna Ilustrowana*. XXVII—XXVIII, Warszawa. 1901, str. 787.

GRACYAN HOSP. WOŁOSKI.

Był to takiej siły ze gdy kulą żelazną cisnął nieostała sie | asz pultrzeciū milach to iest z Jass gdzie stolica asz ku Blo | sczywodom maietnosci Czerncow Smotryckich. Urodził sie Wlochē | we Franciey wychowany y na galerach od Turkow ziety y pobi-surma- | niony nato Panstwo przez Osmana był wsadzony. Tenze był | przyczyną tak wielkiej woiny in Anno 1621 z Turkiem bo gdy | był Posły Carskie pozabiiał listy od Porty dane podrapał Udał | sie do Polakow: oddaiąc im y sąm siebie y Wołoską ziemię. O czym | czytai szeroce dosć w Legaciey Xcia Zbarawskie^o pisaną Wierszem | przez Twardowskie^o zkrzypney y insze diaryusze swieze.

Въ Альбомѣ Публичной Библіотеки (Pol. XIII, F. 1, на л. 48) находится копія этого портрета и подписи подъ нимъ, но приписка Альбертранди надъ портре- томъ не скопирована; въ подписи же къ портрету, помимо орографическихъ, ока- зывается рядъ и болѣе существенныхъ различій *).

Иныхъ портретовъ Волошкаго господаря Гаспара Граціана (1619—1620) мнѣ, къ сожалѣнію, неизвѣстно и потому я не могу судить о степени сходства съ ними, если только они вообще существуютъ, издаваемого здѣсь портрета.

Что касается текста подъ портретомъ, то прежде всего бросается подозри- тельное сходство его по содержанію и по формѣ съ подписью подъ портретомъ другого господаря Іереміи (см. ниже XV); поэтому сравненіе этихъ текстовъ мы пока отлагаемъ и переходимъ къ содержащимся въ текстѣ подробностямъ о Граціанѣ.

Къ сожалѣнію, важнѣйшей для установленія степени достовѣрности сообщаемыхъ свѣдѣній детали о какомъ-то «владѣніи чернецовъ Смотрицкихъ, въ 2¹/₂ ми- ляхъ отъ Яссъ, по имени Блющи-Воды» провѣрить мнѣ не удалось: я не знаю ни того, существуетъ ли подобное урочище около Яссъ, ни того, что разумѣлъ авторъ подъ «Смотрицкими чернецами»; въ Смотричѣ существовалъ, правда, въ то время доминиканскій монастырь, но необычно было бы обозначеніе католическихъ мо- наховъ словамъ «чернецы»; невѣроятно и нахожденіе ихъ земель въ православ- ной Молдавіи; не удалось мнѣ найти указаній на какой-либо православный мо- настырь въ гор. Смотричѣ или на рѣкѣ того же имени **), какъ и мѣстности, назы- вавшейся по имени растений Плющи—или Блющи-Воды близъ Яссъ, хотя бы на польскомъ берегу Днѣстра; самый фактъ бросанія туда Граціаномъ желѣзнаго ядра изъ Яссъ—не стоитъ, конечно, и провѣрять: фантастическіе рассказы о подобныхъ проявленіяхъ силы слишкомъ обычны, чтобы стоило обращать на нихъ вниманіе.

Итальянское происхожденіе Граціана, воспитаніе его во Франціи, турецкая неволя и султанская милость, не представляютъ, конечно, сами по себѣ ничего невѣроятнаго; имя Граціана, тождественное съ фамиліей извѣстнаго итальянскаго историка начала XVII в., достаточно было, чтобы и волошкаго господаря объявить—итальянцемъ.

Но, какъ то бывало нерѣдко, показанія о происхожденіи подобнаго рода плѣн- ныхъ были весьма разнорѣчивы и относительно Граціана: иные, напримѣръ, называли его нѣмцемъ ***), тогда какъ въ дѣйствительности, по Гаммеру, онъ былъ хорватъ.

*) Вм. Blosczywodom—Bloszczywodom, строка 3—4... Urodził się i wychowany we Francyi y na galerach od Turków wzięty, стр. 6—7: czytać dokładniey w Legacyi Xcia Zbarawskiego opi- saney wierszą przez Twardowskiego i inszych diaryuszach świeżych.

**) См. Słownik Geograficzny Królestwa Polskiego. t. X. Warszawa. 1889, стр. 919—921. О. Сь- цинскій (Труды XI Археол. Съѣзда, т. I. 1901, стр. 320 и 321) указываетъ урочища съ именами Монастырище близъ городовъ Черче и Каменца, но едва ли эти православные монастыри но- сили бы имя Смотрицкихъ по рѣкѣ, а не по городамъ.

***) По ссылкѣ Андрея Морачевскаго (Dzieje Rzeczy Pospolitej, tom VIII, str. 153) нѣмцемъ называлъ Граціана Joan. Innoc. Petrici въ своей „Historia Rerum in Polonia gestarum anno 1620“ и въ „Rerum in Polonia ac praecipue belli cum Osmano Turcarum Imperatore gesti finitique historia“, 1637.

Аналогичныхъ примѣровъ успѣха различныхъ ренегатовъ на турецкой службѣ слишкомъ много, чтобы составитель текста сталъ сомнѣваться въ приложимости подобнаго разсказа и къ Граціану, къ которому, однако, этотъ шаблонный разсказъ о ренегатѣ на турецкой службѣ не вполне подходитъ: Граціанъ въ мусульманство обращенъ не былъ и былъ поставленъ господаремъ Молдавіи именно какъ христіанинъ; назначая его, бывшего уже ранѣе княземъ Пароса и Наксоса, Османъ II отступалъ отъ обычая только въ томъ, что посылалъ въ Молдавію не мѣстнаго уроженца. Впрочемъ, чужеземцу недолго пришлось наслаждаться властью, такъ какъ поражение въ 1620 г. при отступленіи изъ-подъ Цецоры поляковъ (см. выше, стр. 403, прим. 5) рѣшило и его участь.

Ссылка составителя текста на стихотворное повѣствованіе Твардовскаго о турецкомъ посольствѣ князя Христофора Збаражскаго вполне подтверждается указываемымъ источникомъ, хотя никакъ нельзя признать, чтобы тамъ исторія Граціана излагалась «достаточно пространно». О необычайной силѣ господаря — нѣтъ ни слова, да и вся его исторія вводится лишь для объясненія повода къ цецорскому походу, исправлять послѣдствія котораго и долженъ былъ кн. Збаражскій въ Стамбулѣ. Вотъ характеристика и краткая исторія возвышенія Граціана у Самуила Твардовскаго *):

Pod ten czas Gracyanus, dziely mąż wielkiemi
Przeważny i rozumem, panował w tej ziemi;
Z łaski niegdyś Achmeta, któremu oddanym
Z Kandye pokojowym służył Iczoglanem (str. 19),

а въ разсказѣ объ отпаденіи Граціана отъ Турціи употреблены отчасти тѣ же самыя выраженія, какъ и въ разсматриваемомъ текстѣ:

List cesarski podrapie, i wraz posły one
Niesłychaną porzeże żartkością strwożone **).

Указаніе, приписанное на монтировкѣ рукою Альбертранди, на хронику Павла Пасецкаго подтвердилось, такъ какъ тамъ излагается вкратцѣ исторія Граціана и послѣдовавшей изъ-за него войны Польши съ Турціей (по изд. 1645, pp. 332 — 337); другое указаніе на сочиненіе Собѣскаго, если я вѣрно читаю это слово, «о турецкой войнѣ» я проверить не могъ, такъ какъ мнѣ не удалось найти книжки Якова Собѣскаго „Commentariorum Chotinensis belli libri tres“ (Dantisci, 1646), но, т. к. миръ 1621 г., въ заключеніи котораго участвовалъ авторъ, стоялъ въ связи съ исторіей Граціана, то о немъ должны быть упоминанія и тамъ.

*) Цитирую по 80 вып. изданія „Biblioteka Polska“, Kraków. 1861 г.: Poezye Samuela z Skrzyprny Twardówskiego. Wydanie K. J. Turowskiego. Ранѣе эта „Przeważna legacja ks. Zbaraskiego“ напечатана была въ Калишѣ (1621), Краковѣ (1639) и Вильнѣ (1706), см. Finkel (Bibliogr. historyi Polskiej №№ 3602, 3613, 7928, 8349), гдѣ указывается еще книжка Самуила Кушевича: „Narratio legationis Zboravianaе“, посвященная Іоанну, Димитрію и Христофору Вишневецкимъ, Данцигъ, 1622 [1645 и 1653 гг.], о Граціанѣ въ ней см. на стр. 127, 128.

О Граціанѣ говорится и во всѣхъ исторіяхъ похода 1620 г., напр., Гурскаго (см. выше, стр. 403, прим. 5) на стр. 327 слл. и вообще въ исторіяхъ того времени. См. наприм., J. v. Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches. IV. Pest. 1829, SS. 467, 483, 489, 502—3, 511; A. D. Xénopoul. Histoire des Roumains. I. Paris. 1896, pp. 415—6, 426. Специальная статья о немъ въ Wielka Encyklopedia Powszechna Pustrowana. XXV. Warszawa. 1900, str. 669.

***) О. с., стр. 20; упоминанія о Граціанѣ встрѣчаются и далѣе, напр., на стр. 154, гдѣ онъ является уже, съ турецкой точки зрѣнія, какъ „zdraica Gracyan“.

Тѣ же «новые дневники», ссылкой на которые кончается текстъ подъ портретомъ, имѣють въ виду многочисленныя, изданныя по поводу цецорскаго похода книжки (см. выше, стр. 403); ознакомленіе съ ними, которое потребовало бы бѣльшаго времени, нежели мы имѣли, указало бы, можетъ быть, откуда взяты рассказы о необычной силѣ Граціана и его происхожденіи, для нашей же ближайшей цѣли особенно важно обозначеніе этой болѣе или менѣе эфемерной литературы «свѣжею»: составленіе описываемаго сборника или его непосредственнаго источника относится, слѣдовательно, ко временамъ недалекимъ, отъ 1619—20 гг.

Краткость правленія Граціана объясняетъ отсутствіе, — по крайней мѣрѣ, извѣстно, — иныхъ его портретовъ; появленіе ихъ въ Польшѣ было всего естественнѣе, а потому было бы вполне возможно, чтобы портретъ Граціана въ польскомъ сборникѣ портретовъ не былъ измышленіемъ составителя сборника и сохранилъ бы намъ, хотя бы и весьма приблизительно, дѣйствительный образъ этого эфемернаго господаря; если, конечно, подъ именемъ его не былъ пущенъ въ обращеніе съ измѣненною подписью портретъ какого-либо совершенно иного лица, какъ то бывало и бываетъ не рѣдко *).

И въ данномъ случаѣ произошло, по всей видимости, послѣднее: Э. К. ф. Липгардъ любезно указалъ мнѣ на сходство издаваемаго портрета, якобы, Граціана съ портретами французскаго короля Франциска I (†1547) какъ лицомъ, такъ и костюмомъ и, особенно, шляпою со страусовымъ перомъ. Это сходство убѣдило меня въ полной недостоверности портрета, тѣмъ болѣе, что прочіе извѣстные мнѣ портреты молдавскихъ господарей изображаютъ ихъ въ туземномъ, а не въ общеевропейскомъ, костюмѣ **).

Было бы крайне искусственнымъ пытаться объяснять европейскій костюмъ мнимаго Граціана его европеизмомъ или тѣмъ, что портретъ исполненъ былъ ранѣе; во всякомъ случаѣ сходство костюма его съ костюмомъ Франциска I, при отсутствіи достоверныхъ портретовъ Граціана, является сильнѣйшимъ аргументомъ противъ достоверности издаваемаго портрета.

XI. (л. 36; 44; № 190). HERBURT Z DOBROMIŁA [6"×9½"].

На монтировкѣ вверху написано:

De hoc vide in Motu civili contra Sigis. III, Lubieniski.

Портретъ, по всей видимости, реальный, представляетъ толстаго человѣка до пояса, въ кафтанѣ, стянутомъ мягкимъ поясомъ; въ плащѣ съ большимъ мѣховымъ воротникомъ и застежками, нашитыми попарно на каждомъ бортѣ плаща, а всего три пары, т.-е. 12 застежекъ; въ лѣвой рукѣ булава — знакъ гетманства; на головѣ мѣховая шапка съ перомъ; лицо, съ большими прямыми усами и округлою бородою, повернуто въ $\frac{3}{4}$ влево. Подъ портретомъ подпись и стихи:

*) Въ нашей работѣ, помѣщенной въ „Трудахъ XIII Археологическаго Съѣзда“, мы должны были бы внести въ перечень портретовъ кн. Януша Радзивила (т. II, стр. 420), еще одинъ портретъ, хранящійся въ бывшемъ собраніи Станислава-Августа (Polon. Icones, II, 137), который хотя и носитъ подпись: Michele Casimiro Pazzi | Palatino di Vilna Generale dell'Armi di Lituania etc. A. Bloem del. J. A. Böner sc. (у Гутенъ-Чапскаго, № 1415, szp. 225), но изображаетъ, по всей видимости не Михаила Казимира Паца, иныхъ портретовъ котораго неизвѣстно, а нѣсколько искаженный копировкою портретъ предшественника Паца по этимъ должностямъ, т.-е. кн. Януша Радзивила.

**) См., наприм., портретъ Василя Лупула — „Труды XIII Археологич. Съѣзда“, т. II, табл. XIV, рис. 1, и стр. 508.

Szczesny Herbult z Dobromila

Drugi Hercules Slowianski.

Wten czas Slachta nawiecey zbiorow vtracaia
 Gdy sie z swemi sasiady w gniewie rozbracaia
 Pokoy iest forta skarbow, pokoy bogactw skrzynia
 Dobrego imenia kluczem, y szczescia mistrzynia

Это четверостишие вполне подходит къ портрету одного изъ главныхъ участниковъ извѣстнаго рокоша Зебржидовскаго въ 1606—1608 годахъ, Яна Щенснаго Гербурта изъ Добромилы (1567—1616), выражая столь обычныя жалобы на общій вредъ, проистекающій отъ раздоровъ, иногда кровавыхъ, шляхты*).

Наименованіе Гербурта «Славянскимъ Геркулесомъ» находитъ себѣ объясненіе, т.-е. источникъ, въ заглавіи «Нетерпѣливый Геркулесъ» или «Геркулесъ Славянской», данномъ поэтомъ Каспаромъ Мясковскимъ посланію его къ Гербурту, которое являлось отвѣтомъ на произведеніе самого Гербурта, написанное имъ въ заключеніи**).

Что касается формы написанія Herbult, вмѣсто Herburt или Herbolt, то и самъ Янъ Щенсный подписывался, обыкновенно, какъ сообщаетъ его биографъ, А. Соколовскій***), именно „Herbult“.

Указаній на гравированные портреты Яна Щ. Гербурта мнѣ не встрѣчалось; тѣмъ интереснѣе было найти въ припискѣ Игнатія Красицкаго, еп. Варминскаго (1735—1801), указанія на какую-то рукопись въ Heilsberg'ѣ, въ Пруссіи, въ которой подъ портретомъ его значилось: „Szczesny Hubolt z Dobromila—Graecus Eloquentia, Romanus factis“, а о самомъ Гербуртѣ, между прочимъ, сообщалось: „tanto corporis robore, ut unico digito clavum ferreum ligneo parieti possit infligere“****). Намъ особенно досадно, конечно, что указаніе на этотъ портретъ „w manuscr. Heilsbergskich“ столь не точно: рукопись эта, можетъ быть, весьма близка къ описываемымъ здѣсь листамъ.

Имѣются указанія и на иные портреты Гербурта въ самомъ Добромилѣ, но, судя по краткой характеристикѣ ихъ А. Соколовскимъ, ни одинъ изъ нихъ не можетъ считаться тѣмъ оригиналомъ, съ котораго срисованъ описываемый портретъ. На одномъ изъ нихъ (въ рефекторіумѣ базилианскаго монастыря, построен-

*) О рокошѣ Зебржидовскаго см. литературу, указанную Финкелемъ, №№ 3472—74, 7747—48, 26283—85, въ томъ числѣ и указываемую припискою Альбертранди работу Станислава Лубенскаго: „De motu civili in Polonia libri quatuor“, изданную въ 1643 г. въ Антверпенѣ въ его „Opera Posthuma“.

Объ Янѣ Щенсномъ Гербуртѣ—Finkel, №№ 3483, 3523, 6728—29, 7469, 9017, 15453, 30860, 32755.

**) См. Zbior rytmów Kaspra Miaskowskiego, wydanie Kaz. Józ. Turowskiego. Kraków. 1861 (Biblioteka Polska, tom 86): Do J. M. Pana Szczesnego Herborta (etc., etc.)—str. 172—175, Hercules Niecierpliwy albo Rozmowa Apollina z Merkuryuszem na Gadkę Hryca z Fortuną napisaną od J. M. Pana Szczesnego Herborta—str. 176—183, Na nienia do pana Herborta—str. 183—184; въ этихъ произведеніяхъ вышеприведеннаго четверостишія не имѣется. Авторъ статьи о Гербуртахъ въ „Wielka Encyklopedia“ (t. XXVII—VIII, 1901, str. 802—3) пишетъ, что заглавіе „Геркулесъ Славянской“ дано было стихамъ Мясковскаго въ перепечаткѣ ихъ Щенснымъ въ Добромилѣ въ 1612 г.; изъ подробностей же объ этомъ изданіи у Estreicher'a (Bibliografia Polska, XXII, 1908, str. 325) видно, что „Herkules Slowieński“ занимаетъ стр. 23—40 въ книгѣ Яна Солиховскаго Wizerunek Utrapioney Rzeczy pospolitey y Naprawa Piotra Grzegorzelskiego.

***) A. Sokolowski. Jan Szczesny Herburt, pierwszy wydawca kroniki Dlugoszowej (Biblioteka Warszawska. 1883. II, str. 332—357, III, str. 14—38).

****) Niesiecki (wyd. Bobrowskiego), tom IV, str. 352—353; объ этихъ припискахъ Красицкаго на экземплярѣ книги Нѣсецкаго, хранящемся нынѣ въ библиотекѣ Краковскаго Университета, см. ibid. V, str. 362.

наго Щенскимъ) «онъ представленъ на колѣняхъ, съ молитвенно сложенными руками, одѣтымъ въ черную, длинную одежду и такую же шапку, съ лицомъ, обращеннымъ къ зрителю, онъ имѣеть спокойное и довольное выражение лица» (wuzaz pogodny i zadowolony,—Bibl. Warsz. 1883, III, str. 38; ср. тамъ же II, str. 339—иное описаніе того же портрета); на другомъ портретѣ на бляхѣ, снятой съ одного изъ гробовъ Гербуртовъ подъ Добромильскимъ костеломъ, «представленъ мужчина средняго возраста, съ большими черными усами, одѣтый въ кунтушь», но неизвѣстно, кого именно изъ Гербуртовъ изображаетъ этотъ портретъ (Bibl. Warsz. 1883, III, str. 37). Не даетъ достаточныхъ подробностей объ этихъ портретахъ и краткое упоминаніе о нихъ въ изданіи Краковской Академіи Наукъ *).

Сомнѣваться въ достовѣрности портрета Яна Щенскаго Гербурта, нарисованнаго въ описываемомъ сборникѣ, нѣтъ, такимъ образомъ, ни малѣйшихъ основаній.

Добромильскій замокъ, построенный Яномъ Щенскимъ, росписанъ былъ портретами знаменитыхъ мужей и аллегорическими композиціями **). Сынъ Щенскаго, Янъ Левъ, издалъ въ 1613 г. въ Добромиль книжку „Artes Dobromilenses“, содержащую рисунки гербовъ (Estreicher Bibliografia Polska. XVIII, 1901, str. 134).

XII. (л. 38; 45; № 188). HOŁUBEK [5¹⁵/₁₆" × 9⁹/₁₆"]. (См. табл. VI, рис. 1).

На монтировкѣ написано внизу, карандашемъ: Hołubek и вверху, чернилами: Vide Piasecki de praelio ad Buczynam.

Весьма характерный портретъ козака съ чубомъ на бритой, съ длиннымъ шрамомъ головѣ, горбатымъ носомъ, короткими густыми усами, съ серьгою изъ двухъ колець, одно въ другомъ, въ лѣвомъ ухѣ; голова повернута въ ³/₄ влѣво (отъ зрителя); на плечахъ, поверхъ кафтана, широкій воротникъ шубы. Подпись:

Epitafium Kozaka Hołubka

co pod Buczyną zginął.

Ja tu leżę Hołubek gołabkiem mię zwano

Pod Buczyną zabito tu zaś pochowano.

Ale meźni Polacy krzywdy się mey mscili

Bo Hołubka zgubiwszy, orła uchwycili.

To iest Maximiliana Arcxiąże Rakuskuie^o

ktory chciał bydz krolem Polskim. Anno 1587.

Полковникъ козацкаго полка Гаврииль Голубокъ столь прославился во время Московской войны Стефана Баторія сожженіемъ Холма, походомъ подъ Старицу, и т. д., а затѣмъ въ 1588 г. смертью въ битвѣ съ австрійцами подъ Бычиной въ Силезіи, гдѣ онъ убитъ былъ пулею въ лѣвый глазъ, что Симонъ Старовольскій внесъ его въ своихъ „Sarmatiae Bellatores“ (Coloniae Agrippinae, 1631, pp. 210—211, № CXVI: Gabriel Holubcus); прославивъ его за участіе въ Московской войнѣ, гдѣ Голубокъ „sine stipendiis militavit, fama sola et praeda ex hoste contentus“, панегиристъ утверждаетъ, что его герой „sic... vigilantia sua, fortitudine, consilio et vi corporis nomen optimi ducis promeruit, ut Moschovitico bello consentientis famaе nomine esset clarissimus, et a poetis passim versibus celebraretur“.

*) Sprawozdania Komisji do badania historyi sztuki w Polsce, V, str. XVII.

**) W. Al. Maciejowski (Piśmiennictwo Polskie od czasów najdawniejszych aż do roku 1830. Tom II. Warszawa. 1852, str. 853), ссылается на изданіе описанія этой росписи въ „Pamiętnik Sandomirski“. Эта же опись упоминается въ Sprawozdania Komisji do badania historyi sztuki w Polsce, t. IV, str. CXVI. Родовой замокъ Гербуртовъ на горѣ (см. Sprawozdania, etc., V, str. 142—154) былъ реставрированъ Яномъ Щенскимъ въ 1614 году.

Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстны такія стихотворныя прославленія Голубка за его отличія въ Московской войнѣ: указаній на нихъ у Финкеля не оказывается *); это могли быть или отдѣльные пассажи въ общихъ хвалебныхъ описаніяхъ Московскаго похода или же краткія и безслѣдно исчезавшія стихотворныя брошюрки лубочнаго характера.

Смерть Голубка, убитаго пулей въ глазъ 24 января 1588 г. въ битвѣ подъ Бычиной, послѣ которой австрійскій эрцгерцогъ Максимилианъ, претендентъ на польскій престолъ, попалъ въ руки враждебныхъ ему поляковъ, отмѣчается, конечно, во многочисленныхъ извѣстіяхъ объ этой битвѣ; среди появившихся вскорѣ послѣ нея книжекъ объ этой побѣдѣ цѣлыхъ восемь написаны были стихами **).

По словамъ Старовольскаго, казацкій полкъ похоронилъ Голубка по-военному; самъ Старовольскій сочинилъ латинскую эпитафію, разумѣется, для своей лишь книги ***). Такую же, сочиненную на бумагѣ лишь, эниграмму представляетъ собою и четверостишіе подъ издаваемымъ здѣсь портретомъ Голубка и она была, конечно, не единственной; намъ посчастливилось найти, повидимому, источникъ, откуда заимствованы эниграмму эту составитель сборника, и при томъ еще нѣкая стихотворенія на битву при Бычинѣ и на смерть Голубка въ стихотвореніяхъ Станислава Гроховскаго ****); послѣ хвалебныхъ «Пѣсень Калліопы Славянской на побѣду подъ Бычиной», здѣсь слѣдуетъ нѣсколько стихотвореній подъ общимъ заглавіемъ: «Голубокъ», образующихъ собою особую брошюру, ему посвященную, которая и была напечатана въ Краковѣ дважды: въ 1588 и въ 1607 гг., но, кажется, безъ портрета Голубка (см. Estreicher. Bibliografia Polska. XVII, 1899, str. 366).

Начинаются они, какъ и подобаетъ, введеніемъ: „Autor żołnierzom dzisiejszym niektórum“ (str. 25), ставитъ въ упрекъ грабежи и разореніе деревень и городовъ и кончаетъ стихами:

Nie slyszycie, jako krew niewinna tych Ablów
Wola o pomstę na was: będziecie u djablów.
Nie to rycerskie dzieła: Holubka weźmijcie
Na przykład, którego tu przed sobą widzicie.

Намъ они особенно интересны не тѣмъ, что суровый козакъ Голубокъ выставляется тутъ незлобивымъ голубемъ, примѣромъ для мародеровъ, а тѣмъ, что стихи эти сопровождали портретъ Голубка, какъ то надо заключать изъ послѣд-

*) Bibliografia historyi Polskiej подъ № 34153 называетъ лишь (недоступную намъ) новую книжку J. Grajner'a: „Historya o sławnym Gabrieli Holubku“. Kraków. 1871. Специальную статью о Голубкѣ W. Cz[ermak] помѣстилъ въ „Wielka Encyclopedya“ (t. XXIX — XXX, Warszawa, 1902, str. 278—279).

***) См. литературу у Finkel'a №№ 3246, 7506—07, 26116—19; специальная работа Константина Гурскаго, O Koronie (Bitwa pod Byczyną). Studium woienno-historyczne (Biblioteka Warszawska, 1888, I, str. 1—32, съ 2 картами). О смерти Голубка упомянулъ въ письмѣ королю отъ 25 января самъ гетманъ Янъ Замоискій (Strarozytności historyczne Polski... zebrał... Ambroży Grabowski. I, Kraków. 1840, str. 80, о битвѣ вообще см. тамъ же str. 74—88). Перечень стихотворныхъ произведеній о битвѣ этой приводится на стр. 3 введенія Яна Чубека къ 57 вып. (1910 г.) издаваемой Краковскою Академіей Наукъ Biblioteki Pisarzy Polskich.

****) Simonis Starovolsci Sarmatiae Bellatores, 1631, p. 211: „Inferias more militari celebravit ei extemplo Cosachorum legio: nos epitaphium adscribamus:

Viator, Gabriel Holubeus Cosachorum Ductor longe clarissimus parta de Moschis ad Stari-
ciam, de Germanis vero ad Rabstiniam insigni victoria, ut est Fortuna alternis suo more iusibus
iocabunda, ad Bicinam demum, fortiter dimicans, in acie occubuit. Et quem ei tumulum, pro tem-
pore lugentes Cosachi posuere, conditus, diem resurrectionis operire statuit“.

*****) Ks. Stanisława Grochowskiego Wiersze i inne pisma co przebrańsze. Wydanie Kaz. Józ. Turowskiego. Kraków. 1859. t. I, str. 18—24: Pięśni Kallioipy Słowiańskiej na zwycięstwo pod Byczyną; I, str. 25—30: Holubek.

няго стиха; однако, портрета этого въ указанныхъ выше изданіяхъ „Bibliografia Polska“ не упоминаетъ; предполагавшійся поэтомъ портретъ могъ остаться или вовсе неизданнымъ или же былъ изданъ въ неизвѣстномъ пока первомъ изданіи книжки, если оно было.

Слѣдуетъ (str. 26) стихотвореніе: «Льву Сапѣгѣ, канцлеру Вел. Княж. Литовскаго»: тѣнь Голубка призываетъ Сапѣгу себѣ въ патроны; далѣе идетъ существеннѣйшая часть: хвалебная ода „Hołubek“ (str. 27—29) съ примѣчаніемъ: „nota, jak o Chmieleskom“, которое указываетъ на то, что ода эта назначалась для пѣнія *); вотъ для примѣра отрывокъ изъ нея: Hołubku, sławny rycerzu,

Póki żywiły w przymierzu,

I dokąd słońce na niebie,

Nie przepomnią w Polsce siebie...

Наконецъ, — цѣлыхъ три эпитафіи Голубку: первая (str. 29) обнимаетъ десять строкъ; вторая оказывается вариантомъ эпитафіи подъ издаваемымъ портретомъ (str. 29):

Ja tu Hawrylko leżę, Hołubkiem mię zwano,

Zabitem pod Buczyną, a tu mię schowano.

Sowicie się swej krzywdy Polaci pomścili,

Mnie Gołabka straciwszy, orla ulapili.

Третья эпитафія такова (str. 30): Ojczyźnie swej fortunnie a wiernie służywszy,

Pod Rabsztynen posługę znaczną odprawiwszy,

Tu leży on Hawrylko, Hołubek rzeczony,

W potrzebie u Buczyny w głowę postrzelony.

Bodaj wszystkich zwieszono na wysokiem dębie,

Którzy się wazą strzelać na takie gołobie.

Еще одинъ стихотворный „Nadgrobek Hawr. Hołubkowi wodzowi kozackiemu nie pospolitemu“, въ восемь строкъ, Іоахима Бѣльскаго, начинающійся словами: „Bileś Orła, Gołabku“, такъ же полонъ противопоставленіями этихъ птицъ и кончается стихами: „Nasz to Polski Kurcyus: o bodaj grób ciała
Jego wcale zachował, ducha niebo miało! **).

Весьма возможно, что портретъ Голубка и подпись подъ нимъ, здѣсь издаваемые, и были заимствованы составителемъ сборника именно изъ указанной книжки со стихами Гроховскаго, если только было напечатано изданіе ея съ гравированнымъ портретомъ Голубка, удостовѣриться въ чемъ мы не могли; и стихи и портретъ могли распространяться, конечно, и въ рукописныхъ копіяхъ; значительная разница въ эпитафіи указываетъ скорѣе на передачу ея авторомъ нашего сборника по памяти, а не на копію съ текста печатнаго или рукописнаго. Если мы можемъ провѣрить въ этомъ случаѣ, насколько измѣнился при передачѣ изъ устъ въ уста или изъ рукописи въ рукопись текстъ эпитафіи, сочиненной въ честь Голубка Гроховскимъ, то для установленія степени измѣненія, т.-е. искаженія, при подобной же преемственной копировкѣ портрета, мы никакихъ данныхъ не имѣемъ, такъ какъ иныхъ портретовъ Голубка, кромѣ издаваемого, не знаемъ.

*) Объясненіе ks. Jana Drozdziwicza въ статьѣ: O życiu i pismach ks. Stanisława Grochowskiego, помѣщенной въ концѣ II-го тома, str. X, указанного выше (стр. 411, прим. 4) изданія стихотвореній Станислава Гроховскаго.

Хвалебную пѣсню о Хмѣлецкомъ, на мотивъ которой пѣлась пѣснь о Голубкѣ, см. въ концѣ статьи Сев. Голембювскаго, указываемой ниже (стр. 413, прим. 2).

**) Biblioteka Pisarzy Polskich, вып. 57, 1910 г.: „Pieśń nowa o szczęśliwej potrzebie pod Buczyną“ Іоахима Бѣльскаго и „Odpowiedz“ на нея Бартоша Папроцкаго. См. str...

XIII. (л. 42; 50; № 183). JANCZARAGA [6" × 9½"]. (См. табл. VIII, рис. 3).

Портретъ представляетъ въ поворотѣ въ $\frac{3}{4}$ вправо голову съ большими длинными усами; въ ухѣ — серьга въ видѣ жемчужины, висящей на проволоку; на головѣ довольно странный головной уборъ, состоящій изъ повязки, повидному тонкой и мягкой надо лбомъ; посрединѣ она прикрыта на половину нижнею частью пучка волосъ (?), выходящаго между двухъ, поднимающихся вверхъ, отворотовъ низкой, плотно облегающей голову шапки.

Janczarağa. nieprzyiaciel wielki Polakom, był to zdraica tak prę | tki. ze iako iaskulka na koniu biegałac tam y sam strzelał: chodził | z nim załeb niebosczyk Chmielecki tak dobrze ze Janczaraga z konia | spadł y ręce obiedwie stracił iakosz zaraz chciano mu y szyję vciać | ale sie odkupił dobrem trzosem Wegierskich Cosz potym kiedy przecie | na iedney przeprawie marnie zginał: był słyszę Lach poturczony na | on czas zabрану kiedy Zamoiski niebosczyk na Cycorze Tatarу gro | mił o ktorым wiadomosc zpisania Dyaryusza Pieczychoyskiego.

Подъ портретомъ на листѣ тщательно написано: Janciaraga.

На самомъ портретѣ на головной повязкѣ аги весьма тщательно написано: Joannes Zbigneus de Pudly Pudlowski vsiar,—почеркомъ, приближающимся къ подписямъ портретовъ и относящимся, видимо, къ тому же, примѣрно, времени, какъ и изготовление портретовъ.

Приписъ эта можетъ принадлежать, слѣдовательно, или самому владѣльцу рукописи или его ближайшимъ друзьямъ; среди Пудловскихъ у Нѣсецкаго (т. VII, 1841, стр. 574—5) упоминается одинъ Янъ Пудловскій, войскій Сохачевскій, который жилъ въ концѣ XVI и, можетъ быть, и въ началѣ XVII вѣка; онъ ѣздилъ и за-границу; но отождествлять этого Яна, прославившагося въ походѣ 1582 г., съ Иоанномъ Збигнѣвомъ я не рѣшаюсь; тѣмъ болѣе, что Пудловскіе — имя не рѣдкое; гусаромъ *) могъ быть всякій шляхтичъ; почему ему вздумалось расписаться на лбу янычарскаго аги, для меня неясно и я могу указать лишь на приписку на лбу седмиградскаго воеводы Михаила (см. ниже XXIV), но тамъ приписка, касающаяся самого изображеннаго лица, гораздо понятнѣе.

Собственнаго имени аги янычаръ подпись подъ портретомъ его не указываетъ; время его жизни опредѣляется приблизительно рассказомъ о томъ, какъ «покойный († 1630 г.) Хмѣлецкій» отрубилъ ему обѣ руки, но пощадилъ жизнь ради толстаго пояса, набитаго венгерскими золотыми. Прославленный воинъ первой трети XVII в. встрѣчался съ турками во время Цецорскаго похода 1620 г. и подъ Хотимомъ въ слѣдующемъ году, но биографы его случая, излагаемаго разсматриваемымъ текстомъ, не передаютъ **). Янычары упоминаются, впрочемъ, и при турецкихъ вассалахъ: господаряхъ молдавскихъ, воеводахъ валашскихъ и седмиградскихъ и крымскихъ ханахъ. Здѣсь, однако, имѣется въ виду, всего вѣроятнѣе, именно Цецорскій 1620 г. походъ, въ которомъ, какъ мы видѣли выше (стр. 403), принималъ участіе и самъ составитель подписей подъ портретами.

Временемъ, когда попалъ въ плѣнъ будущій ага янычаровъ, указанъ побѣдоносный походъ покойнаго († 1605 г.) гетмана Яна Замойскаго противъ та-

*) Такъ по любезному объясненію, данному мнѣ С. Л. Пташицкимъ, нужно читать последнее слово приписки.

**) О Стефанѣ Хмѣлецкомъ см. Simonis Starovolsci Sarmatarum Bellatores (1631, 240—243 pp., № CXXX); Sew. Gołębiowski, Stefan Chmielecki (Biblioteka Warszawska, 1853, II, str. 517 — 549); Niesiecki III, 1839, str. 39—40.

таръ на Цецору, т.-е. 1595 годъ; мнѣ не удалось, однако, отыскать того «Діаріуша Печихойскаго», на который ссылается составитель текста: писателя такого имени у Финкеля не указано, а близкій по имени Станиславъ Печихойскій (Pieczykoyski) является (Finkel, № 15624) авторомъ стихотворнаго произведенія „Ecclesia Militans“, изданнаго въ 1637 г., что не исключаетъ возможности написанія имъ же въ молодости (или его однофамильцемъ) и діаріуша о походѣ Замоискаго или о позднѣйшихъ походахъ, гдѣ упоминалось и объ агѣ янычаровъ.

Портретъ анонимнаго аги янычаровъ сочиненъ былъ, надо думать, самимъ составителемъ сборника или же срисованъ съ какого-либо народнаго гравированнаго листа, вродѣ нашихъ лубочныхъ картинъ, среди которыхъ встрѣчаются, напримѣръ, изображенія на конѣ «сильнаго богатыря, янычарскаго начальника Амурата» (П. Ровинскій, «Русскія народныя картинки», изд. Собко, 1900, ст. 160, рис. 166), представляющаго лицомъ нѣкоторое сходство съ издаваемымъ агою янычаръ начала XVII в., но сходство это объясняется, конечно, проще всего тѣмъ, что въ произведеніяхъ этого рода всѣ янычары — одинаковы, т. к. прочія детали этой картинки не позволяютъ возводить оригинала ея къ началу XVII вѣка; вообще въ этого рода картинкахъ копировки со старыхъ оригиналовъ нерѣдки, такъ, напр., упомянутая выше (см. стр. 400) нѣмецкая гравюра толстяка начала XVI вѣка была повторена черезъ сто лѣтъ во Франціи, какъ карриатура на генерала Галаса (ок. 1635 г., см. Th. Wright. Histoire de la caricature, trad. par O. Sachot, p. 349, fig. 176).

XIV. (л. 45; 54; № 179). JAWOYSZOWSKI [6¹/₁₆"×9⁹/₁₆"]. (См. табл. X, рис. 1).

Подъ рисункомъ на бѣломъ листѣ монтировки написано карандашомъ:

Jawoyszowski	Piekarski Kroloboyca P. 94 ^a .
Kozak J. 58 ^c	

Вторая помѣта относится къ обороту стараго листа съ изображеніемъ Явойшовскаго, гдѣ написанъ текстъ сенатскаго декрета о Пекарскомъ (см. выше, стр. 393), буква же и цифра указываютъ на нахожденіе портрета Пекарскаго въ общемъ алфавитномъ порядкѣ портретовъ (см. его ниже подъ № XXIX).

Явойшовскій, козакъ воеводы Сѣрадзскаго, т.-е. Альбрехта Ласкаго, нарисованъ (и, конечно, очень плохо) скачущимъ на конѣ вправо; лѣвая рука его поднята раскрытой ладонью впередъ, какъ бы давая знакъ встрѣчнымъ очищать дорогу гонцу, въ правой, опущенной, держитъ онъ поводъ. На головѣ высокая, матерчатая, откинута назадъ шапка съ двумя отворотами надо лбомъ, между которыми укрѣплены два пера; лицо съ длинными прямыми усами и короткой бородой повернуто въ ³/₄ вправо; верхней одеждой его является безрукавный казакинъ съ петлицами; на ногахъ высокіе сапоги со шпорами; передняя лука сѣдла широкая и округлая, т.-е. западнаго, а не восточнаго, образца; такова же и форма усиковъ у удила, вполне соответствующая концу XVI-аго вѣка; на конѣ, разбирать безобразный рисунокъ котораго излишне, надѣтъ для чего-то широкій ремень черезъ шею и грудь. Рисунокъ объясняется подписью:

Jako KROL FRANCVZ z Polsci vciekl d[ie] 19 Juny | ten Kozak Woiewody Sie-
radzkiego Jawoyszowski z listy wpadl | na konia y dogonil nazaiutrz Krola w Wiedniu
to iest d[ie] 20 | Juny y oddal listy kiedy za stol siadal To rzecz dziwna ze | z Crakowa
do Wiednia mil dobrych 50 a przez godzin 24 przepadl: | a na iednym koniu. Dziwowal
sie temu y Cesarz y Krol. | o czym czytai Kroniki. Są ieszcze tego Jawoyszewskie^o

bracia | na Podlaszu iusz teraz pieszo chodzą tak dobrze ze na | dzien 10 mil vchodzą.
ale zas ledwie nie puł beczki piwa | na poclegu wyrpią.

Въ альбомѣ Публичной Библіотеки (Polon. XIII. F., 1) скопированъ (л. 60) сперва одинъ лишь портретъ, т.-е. голова въ кругу, Явойшовскаго, затѣмъ помѣщена копія текста съ немногими и неважными разночтеніями *), а подъ текстомъ повторенъ рисунокъ всего всадника цѣликомъ.

Несмотря на ссылку на хроники, сущность разсказа болѣе чѣмъ сомнительна: король Генрихъ Валуа бѣжалъ изъ Краковскаго замка въ ночь съ 18-го на 19-е іюня 1574 года, Явойшовскій настигъ его въ Вѣнѣ 20-го, когда онъ садился за столъ, слѣдовательно, король со своею свитой долженъ былъ проскакать то же самое разстояніе, что и Явойшовскій, во время лишь нѣскольکو, часовъ на двѣнадцать, большее, чѣмъ гонецъ небывалой скорости. Въ дѣйствительности король со своими французами скакалъ только до предѣловъ Силезіи, а далѣе, по владѣніямъ императора, ѣхалъ, хотя и торопясь, но уже не столь скоро; вѣсть о его приближеніи его опередила, и въ Вѣну онъ вѣхалъ уже торжественно въ каретѣ шестерней. Въ извѣстныхъ мнѣ описаніяхъ пребыванія короля въ Вѣнѣ о прибытіи изумительно быстрого гонца и объ удивленіи скоростью его императора и короля никакихъ упоминаній не оказывается **). Впрочемъ, невозможность найти короля въ Вѣнѣ уже 20-го іюня 1574 г. еще не рѣшаетъ вопроса; эти даты могли явиться путемъ сочиненія, исходя изъ факта суточного переѣзда, имѣвшаго мѣсто нѣскольکو позднѣе. Литература о бѣгствѣ Генриха, конечно, слишкомъ велика, чтобы мы имѣли право отрицать утвержденіе автора текста, что въ нѣкоторыхъ хроникахъ передавался и такой, невѣроятный самъ по себѣ, разсказъ. Въ томъ немногомъ, что мы, пользуясь указаніями библіографіи Финкеля (см. №№ 7362—70, 2600—02, 26599), просмотрѣли, оказались упоминанія о письмѣ, оставленномъ королемъ воеводѣ Сѣрадзскому, которое требовало, слѣдовательно, отвѣта. Мартинъ Бѣльскій (кн. VI) передаетъ, что вслѣдъ за королемъ паны отправили гонца вскачь съ письмами, которыя тотъ и вручилъ королю въ Вѣнѣ 21-го іюня, такъ что ѣхалъ гонецъ, слѣдовательно, не одинъ сутки, а двое ***). Возможно, что этимъ гонцемъ и былъ Явойшовскій; возможно, что Сѣрадзскій воевода посылалъ особаго гонца, еще болѣе быстрого, чѣмъ гонецъ сенаторовъ; но едва ли, конечно, разсказъ о гонцѣ Явойшовскомъ переданъ въ издаваемомъ текстѣ безъ столь обычныхъ преувеличеній; братья Явойшовскаго, пряткость которыхъ ограничивалась ихъ собственными ногами и истребленіемъ пива, были еще во время составленія текста живы въ Подляшья, а это относитъ составленіе текста, примѣрно, къ началу XVII вѣка.

Едва ли можно думать, чтобы быстрота, какова бы она ни была въ дѣйствительности, козака Явойшовскаго побудила кого-либо тогда же издать его изображеніе съ соответствующимъ текстомъ; вѣроятнѣе поэтому думать, что изо-

*) Кроме орографическихъ, вмѣсто z listy написано z listami, вмѣсто czytai—czytać.

**) См. статьи: Heinrich III von Frankreich auf dem Hin- und Herweg aus Polen, beim Pfalzgrafen und Kurfürsten Friederich und in Wien (Taschenbuch für vaterländische Geschichte, herausgegeben von Jos. von Hormayr, N. F. IV, 1833, SS. 36—44) и F. Des Polenkönigs Heinrich Aufenthalt zu Wien auf seiner Flucht nach Frankreich (Oesterreichische Zeitschrift für Geschichts- und Staatskunde, II Jahrgang herausgegeben von J. P. Kaltenbaeck, Wien, 1836, SS. 217—218, переводъ по Huberti Langueti Epistolae secretae ad principem suum Augustum Sax. ducem, etc. Halae, 1699).

***) Andr. Max. Fredro (przeł. Wład. Syrokomla, 1855), str. 70—81; Heidenstein (przeł. M. Ciszczynski, 1857), I, str. 154—156; S. Orzelski (przeł. W. Spasowicz, 1856), II, str. 3—9; M. Bielski (Warszawa, 1764), str. 652—653; письмо Томы Плазы къ Мартину Кромперу изъ Кракова отъ 20 іюня надано Амвр. Грабовскимъ, Starożytności Historyczne Polskie, II, 1840, str. 461—464.

браженіе это сочинено было позднѣе, просто для иллюстраціи розказней о невѣроятной быстротѣ гонца въ 1574 году; сочинителемъ могъ быть и самъ составитель описываемаго сборника, но, вѣроятноже, кто-либо, жившій ранѣе его, такъ какъ болѣе чѣмъ пятидесятилѣтній промежутокъ между поѣздкой Явойшовскаго и нахожденіемъ еще въ живыхъ его братьевъ представляется мнѣ чрезмѣрнымъ.

XV. (л. 46; 55; № 178). JEREMIAS, Hospodar Wołoski [6"×9 9/16"]. (См. табл. VIII, рис. 1).

На монтировкѣ надъ портретомъ написано было чернилами Mohyla, но потомъ зачеркнуто; подъ портретомъ на бѣломъ листѣ тщательно выписано JEREMIAN Hospodar Wołoski.

На портретѣ представлено весьма характерное, хотя едва ли возможное въ природѣ, лицо безбородаго человѣка съ необычайно длиннымъ и тонкимъ носомъ въ поворотѣ въ 3/4 влѣво; въ ухѣ серьга изъ округлаго камня, подвѣшеннаго къ кольцу; на головѣ, повидимому, бритой, чалма, одинъ конецъ которой острымъ концомъ свѣшивается внизъ слѣва отъ головы, а съ другой стороны изъ-подъ чалмы на високъ и ниже виситъ какой-то длинный и узкій конецъ, повидимому, также матерчатый, какъ бы свитый изъ двухъ частей, съ кисточкой на концѣ. Одѣтъ Іеремія въ узорчатый кафтанъ съ петлицею у ворота; на обоихъ плечахъ накинута складка полосатаго плаща. Около головы вверху справа и слѣва написано прямымъ шрифтомъ, вродѣ готическаго, Jeremian Hospodar Wołosky.

Текстъ, съ такою же узорчатой, но попроще, буквою въ началѣ, какъ подъ портретомъ Граціана (см. выше X, стр. 405 сл.), гласитъ:

Był to takiej siły, że gdy łuk żelazny ciągnął strzala nie została się, aż w | pulczwartu. milach. to iest z Cerkass gdzie Stolica asz ku Białlogrodowi Ma | iętności Czerncow Niedrzyckich: vrodził sie Czechem, w Hangliey wycho- | wany y na Gali- cyey od Turkow wzięty y pobisurmaniony, na to Panstwo | przez Sultana był wsadzony; Tenze był przyczyną tak wielkiey Woiny | in A° 1591 z Turkiem bo gdy był Posły Cesarskie pozabirał, listy od | Baszow dane podrapał: vdał sie do Polakow oddając im, y samd siebiec, y | Wołoską Ziemie; o czym czytać szeroce dość, w Relaciley Xćia Mul- | tańskiego, pisaną wierszem przez Głuchowskiego z Czytney, y insze Dy- | aryusze swieże ktore pisał Zacharyasz Bokyj z Bobroiska *).

Копія этого портрета и подписи подъ нимъ имѣется и въ альбомѣ Публичной Библиотеки (Polon. XIII. F. 1, л. 50) съ незначительными разночтеніями **).

Изображенная личность опредѣляется въ текстѣ 1591 годомъ, когда, однако, никакой войны съ турками Польша не начинала; здѣсь очевидная ошибка вмѣсто 1595 г., когда Польшѣ, послѣ заключенія Яномъ Замойскимъ мира съ татарами подъ Цецорой (см. выше, стр. 413 сл.), удалось склонить и Турцію къ признанію господаремъ волошскимъ Іереміи Могилы, ставленника и вассала Польши, которому при неоднократной военной помощи поляковъ и удалось просидѣть до самой смерти въ 1607 году. Такимъ образомъ, зачеркнутое почему-то Альбертранди обозначеніе этого Іереміи Могилою было совершенно вѣрно ***).

*) Въ текстѣ замѣтно, даже и на фототипической таблицѣ, нѣсколько поправокъ; такъ, слово Hangliey сдѣлано изъ Franciey, zabiral изъ zabicat, czytać изъ czytai, чѣмъ и увеличена разница этого текста отъ текста подъ портретомъ мнимаго Граціана (см. выше, X, стр. 406); кромѣ того, въ словѣ stolica буквы TO передѣланы, кажется, въ RA или въ KA.

**) Помимо чисто орфографическихъ измѣненій, вмѣсто Wołosky въ заглавіи Wołowsky, вм. Hangliey — Anglii, вм. pozabiral — pozabiiial, вм. samd siebiec — sam siebie, вм. pisaną — pisaney.

***) Объ Іереміи Могили см. Niesiecki. VI, 1841, стр. 449—450; Hammer, Geschichte d. Osm. Reiches. IV, S. 310, 424; Xénopol. Histoire des Roumains. I, pp. 357, 363, 366, 376, 378, 390, 411; J. Chr. v. Engel. Geschichte der Moldau und Walachey. II, 1804, SS. 243—253, [о Граціанѣ, ibid. SS. 256—259].

Весь текстъ подъ разсматриваемымъ портретомъ оказывается, однако, какъ мы указывали выше (см. стр. 406), столь подозрительно схожимъ и по содержанию и по выраженіямъ съ подписью подъ сомнительнымъ портретомъ господаря Граціана, что одинъ изъ нихъ явно сочиненъ по образцу другого, а, такъ какъ тамъ указаніе на то, что Граціанъ былъ причиною войны съ турками 1620 года, совершенно вѣрно, здѣсь же аналогичное показаніе историческими фактами не оправдывается, то и слѣдуетъ признать зависимость этого текста отъ того, а не наоборотъ; такая зависимость подтверждается и иными соображеніями: составитель подписей кое-что зналъ изъ исторіи Граціана, какъ современникъ, объ Іереміи же Могилѣ ему приходилось или производить историческіе розыски или просто сочинить нужный для заполнения мѣста подъ портретомъ текстъ, что онъ и сдѣлалъ не безъ остроумія, но и не особенно утруждая свою изобрѣтательность. Поэтому мы полагаемъ лишнимъ тратить много времени на поиски Бѣлгорода подъ Яссами, «Недржицкихъ чернецовъ», «Мултанскаго князя», реляцію котораго пишетъ стихами «Глуховскій изъ Читной», и «свѣжіе діаріуши Захарія Бокія изъ Бобруйска». Справки о послѣднихъ именахъ (Глуховскаго и Бокія) у Финкеля и др. остались напрасными и мы сомнѣваемся, существовали-ли когда-либо такіе писатели. Нѣкоторый историческій интересъ представляетъ развѣ замѣна имени Яссы—Черкасами: этнографическое значеніе перваго имени и тождество двухъ племенъ этихъ наименованій не было, слѣдовательно, еще въ началѣ XVII вѣка забыто.

Если текстъ представляется намъ въ значительной части простою выдумкой, то этого отнюдь нельзя думать о портретѣ: это, несомнѣнно, копія съ какой-либо гравюры XVI вѣка. Характерный головной уборъ указываетъ, повидимому, съ несомнѣнностью на Востокъ; немолодое, но безбородое лицо опредѣляетъ, быть можетъ, евнуха; но найти оригиналъ этого портрета намъ не удалось.

На вопросъ, представленъ-ли на портретѣ дѣйствительно Іеремія Могила, или его имя приписано къ чужому портрету, отвѣтить рѣшительно, не зная другихъ портретовъ господаря Іереміи, мы не можемъ: съ одной стороны, едва ли онъ походилъ на евнуха или брился, не оставляя даже усомъ, а съ другой, надпись около головы какъ бы указываетъ на то, что она находилась и на оригиналѣ, который имѣлъ предъ собою рисовальщикъ. Возможно, что гдѣ-либо въ польскихъ собраніяхъ найдется и достовѣрный портретъ Іереміи Могилы, родственнаго, по дочерямъ, съ Вишневецкими и другими знатными польскими семьями.

XVI. (л. 50; 59; № 174). KAKAROT ze Żmudzi. [6¹/₁₆" × 9³/₈"]. (См. табл. IX, рис. 2).

На бѣломъ листѣ монтировки подъ портретомъ тщательно выведено: KAKAROT ZE ŻMUDZI.

Рисунокъ представляетъ старика съ длиннымъ горбатымъ носомъ, длинною бородою и такими же усами; лицо повернуто въ ³/₄ влѣво; на головѣ большая мягкая шапка со страусовыми перьями съ обѣихъ сторонъ ея; на плечахъ какая-то широкая одежда.

Kakarot ze Żmudzi.

Żył lat sto pułosmanasta, a dopiero tego roku zmarł, samych | dziewcząt miał dwadzieścia y dwoie, a synow dziewietnascie, kto- | rych wszystkich zywych zostawił y byli na iego pogrzebie. Był mier- | ney fortuny ale do pozywienia wmięętny, kiedy był młodym, to rze- | miesło robił. Starszym handlował rybami y wołmi, potym

sobie na ro | lei siedzial. Dal go sobie wymalowac Pan Ber z Kurlandyey kie- | dy iechal z Nitawy dla tego tylko iz wiedzial ze otakiego tru | dno coby tak wiele dzieci zywo zostawil, tego niemogę wiedziec | iakiey byl religiey, ale zdami sie ze ieszcze oney poganskiej bo na | lezono przymim dwie bani suchego robastwa obwinione w kitaykę.

Этотъ портретъ жмудина, замѣчательнаго лишь его долголѣтіемъ и числомъ дѣтей, копируетъ, очевидно, тотъ подлинный портретъ Какарота, который заказанъ былъ курляндцемъ Беромъ; къ сожалѣнію, хотя составитель текста и сообщаетъ, что 117½-лѣтній старикъ умеръ «только въ нынѣшнемъ году», но года этого не указываетъ. Принадлежность Курляндіи Польшѣ указываетъ на время послѣ половины XVI вѣка. Въ это время Беровъ (Behr) въ Курляндіи было, какъ любезно сообщилъ мнѣ бар. А. Е. Фелькерзамъ, немного: наиболѣе виднымъ изъ нихъ былъ Іоаннъ Беръ, намѣстникъ датскаго короля въ Пильтенѣ († 1613 г.); нашъ текстъ имѣетъ въ виду его сыновей Вернера или Фридриха (Siebmacher, нов. изд. III, 11, SS. 122—123), или же ихъ сыновей: нѣкій Янъ Теодоръ изъ Инфлянтовъ, гдѣ и находится Нитава, участвовалъ въ избраніи Владислава IV въ 1632 г. (Niesiecki. II, str. 90).

Едва ли можно принимать на вѣру мнѣніе автора, что Какаротъ, — т.-е. «крикунъ», «горланъ», какъ объяснилъ мнѣ Э. А. Вольтеръ, — былъ еще язычникомъ и, найденныя при немъ, «двѣ банки съ сухими червями, обернутыя въ китайку», были, конечно, скорѣе лишь какими-либо наузами или амулетами, а не непосредственнымъ признакомъ его язычества. Шапка съ перьями указываетъ на значительную зажиточность Какарота, который, однако, шляхтичемъ, конечно, не былъ. Возможно, что при болѣе тщательныхъ справкахъ, чѣмъ тѣ, какія могъ навести я, найдутся и еще какія-либо данныя объ этомъ долголѣтнемъ жмудинѣ.

XVII. (л. 51; 60; № 173 об). KARNKOWSKI [6"×9³/₁₆"]. (См. табл. IX, рис. 4).

На монтировкѣ написано: KARNKOWSKI, хотя на старой страницѣ съ портретомъ никакого имени нѣтъ и стоитъ лишь надъ головою мелкая цифра карандашемъ 7; однако, вѣрности подписи Альбертранди можно вполне довѣрять, такъ какъ другая подобная же цифра, 8, стоитъ на другой старой страницѣ съ хвалебною эпитафіей Дерптскаго воеводы Кариковскаго (л. 51 об.; 59; № 173): очевидно, и въ прежнемъ порядкѣ листовъ сборника страницы эти приходились рядомъ и эпитафія относилась, слѣдовательно, дѣйствительно къ этому именно портрету; о прежнемъ порядкѣ этихъ страницъ см. выше (стр. 393).

Этотъ портретъ превосходитъ почему-то величиною всѣ прочіе, занимая всю очерченную часть страницы; мы воспроизводимъ его, какъ одинъ изъ наиболѣе характерныхъ и, несомнѣнно, не являющийся плодомъ воображенія рисовальщика.

Типичное суровое лицо, съ густыми короткими усами, повернуто въ ³/₄ влѣво; въ лѣвомъ ухѣ виситъ серьга въ видѣ камня или жемчужины съ кольцомъ; на головѣ рысья шапка съ высокимъ матерчатымъ, спущеннымъ на лобъ, верхомъ; плащъ, накинутый на плечи, застегнутъ парюю петлицъ, а воротникъ его обшитъ каймою съ особыми узорами по угламъ.

Личность Кариковскаго (1575—1617) достаточно опредѣляется историческими о немъ данными, которыя сообщаетъ длинная хвалебная надпись въ честь его, списанная гдѣ-то составителемъ описываемаго сборника; Нѣсецкій (т. V, стр. 42) даетъ указаніе на то, что погребенъ Кариковскій былъ въ іезуитскомъ костелѣ въ Калишѣ и что мать его имѣла гербъ Наленчъ, а бабка — Ястржембець; отсюда слѣдуетъ, что гробница украшена была гербомъ погребеннаго. „Monumenta Sarmatarum“ С. Старовольскаго (Краковъ, 1655, стр. 545) полностью приводятъ

надгробіе Карнковскаго и оно оказывается *) не тою надписью, которую сохранилъ описываемый нами сборникъ и которая гласитъ такъ:

G[e]n[er]osus D[omi]nus Dacbogius a Karnkow Karnkowskj
Palatinus Derpaten[sis] Cap[ita]neus Odolanouien[sis] etc. etc.
Hic genere Ill[ust]ri ortus, cum maiorum splendore, proprijs ipse factis
certare visus, Rempub[licam] consilio, autoritate, rebusq[ue] gestis adornavit.
Hospitis comitatem ac egregias dotes animi Italia caeteraq[ue] gentes admira-
tae sunt; Fidem optimi Ciuis. Patria honoribus amplis ornauit
Capitanei sententia[m], ac Iudicium Terra Dobrzymen[sis] reuerita est.
Senatoris prudentiam Curia Proceribus Regni frequentissima suscepit.

Plum perduellis Nalewaiko fortem militem.

Michael Moldaus strenuum Centurionem.

Liwo sapientissimum Chiliarcham. Belli Ciuilibus incensores
Ductorem, at Corporis Regij custodem, firmissimum fuisse, suo omnes malo
testati sunt.

Hic talis, ac tantus Vir: medio in aetatis vigore, virtutisq[ue] in ipso cona-
mine, Glogouiae ubi vitam quaesiuit, à morte repertus. Reipublicae spe sua
deiectae, ingens sui desiderium coniugi amantissimae, filioq[ue] unico tri-
stem orbitatem, consanguineis lachrimas, bonis luctum, universis insta-
bilitatis rerum humanarum documenta reliquit.

Quem ergo Honos in memoriae templo consecrat, Fama immortalitati
commendat.

Cui Mars trophaeum statuit, Apollo, ipsae quoq[ue]

Litterae dant nomen: Maiorum imagines gloriam.

Labor coronas; virtus praemium, boni omnes lachrimas.

Далѣе, безъ всякаго промежутка, мелко и иными чернилами приписано совер-
шенно неотносящееся къ предыдущему четверостишіе:

Osm rzeczy iest do wygody:

Dom, woż, kucharz, wina beczka.

Kopa, przyiaciel bez szkody.

Ogrod włoski, Pańieneczka.

Нельзя сомнѣваться, чтобы вышенаведенная длинная хвалебная, надгробнаго характера, надпись не стояла въ тѣснѣйшей связи съ гробницей Карнковскаго, хотя она и не была надгробіемъ. Нужно предполагать поэтому, что она находи-
лась при томъ портретѣ умершаго, который срисованъ былъ составителемъ сбор-
ника, а это могъ быть или обыкновенный портретъ, поставленный надъ могилою,
или же изображение умершаго, нарисованное, какъ и хвалебная надпись, на осо-
бомъ погребальномъ знамени, какія имѣли обычай вѣшать надъ гробницами. Одно

*) D. O. M.

Diuisque Manibus,

Dacbogi à Karnkow, Palatini Derpat. Capitanei Odolanou.

Quem Respublica religione, munificentia, excelsa animi generosi supra
humanam virtutem magnitudine insignem. in pace Senatorem consultum,
bellis Suedico, Liunico, Valachico, Ducem infractum, ter in Patrijs tu-
multibus fidum, anno florentis aevi 44. cito raptum cum Ordinibus luxit
universis. Anno M. DC. XVII. Eius immortalitati Perillustris Coniunx
Grisella à Sobieszyn, Palatino Lublinensi nata, simulque Carolo communi
pignori, hoc posthumum posuit opus. Anno M. D. C. XXII. Fidelem etiam
sua post fata lapis loquitur credent omnes.

Труды XIV Арх. Съѣзда, т. III.

изъ такихъ знаменъ, Станислава Броневскаго, намъ пришлось упоминать выше (стр. 399—400), а другое, краковскаго воеводы Станислава Барзи († 1571 г.), изъ Краковскаго собора попало въ Императорскій Эрмитажъ *).

Такъ или иначе, но никакихъ сомнѣній въ достовѣрности портрета Карнковскаго, насколько сумѣлъ передать его неумѣлый рисовальщикъ, быть не можетъ.

XVIII. (л. 57; 74; № 166). PETRUS KOCHANOWSKI. [6¹/₁₆" × 9⁹/₁₆"].

Портретъ его нарисованъ въ отличіе отъ прочихъ одними контурными штрихами почти безъ всякой штриховки, представленъ погрудно съ жезломъ въ правой рукѣ и орденомъ, въ формѣ мальтійскаго креста съ головкою и крыльями херувима на верхнемъ его концѣ, на шеѣ; вокругъ нея высокій кружевной воротникъ; голова съ курчавыми волосами безъ всякаго убора; лицо съ длинными прямыми усами и эспаньолкою и съ горбатымъ носомъ и высокимъ лбомъ обращено въ ³/₄ вправо.

Petrus de Sycyna Kochanowski Secret. Regius.

Hic

Mortales exuias

Deponens, illam sine

Morte vitam sperat

Apprecare

Quisquis eodem aspiras.

Копія этого портрета и этой самой подписи подъ нимъ находится на л. 41 альбома Публичной Библиотеки (Polon. XIII. F. 1).

Содержаніе подписи не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что она списана съ надгробнаго памятника Кохановскаго и, дѣйствительно, это точная, но почему-то сокращенная, копія съ надгробной плиты, вставленной въ стѣну Францисканскаго костела въ Краковѣ. Это надгробіе списалъ нѣкогда Симонъ Старовольскій („Monumenta Sarmatarum“, 1655, p. 83), распространивъ сокращеніе слова *secretarius* въ первой строкѣ и списавъ и двѣ послѣднихъ строки съ датою смерти, а въ изданіи „Pomniki Krakowa“, по рисункамъ братьевъ Церховъ (Krakow, 1904) мы находимъ и рисунокъ этого надгробія (на табл. 268, ср. стр. 267) въ видѣ обычной настѣнной таблицы съ надписью, имѣющей такое же почти расположеніе строкъ, какъ и въ копіи описываемаго сборника, а именно:

Petrus de Sycyna Kochanowski Secretariu[s] Regius

Hic

Mortales exuias

deponens, illam sine

morte vitam sperat,

Apprecare

Quisquis eodem aspiras.

Moritur die 2 Mensis Augusti,

Anno Salutis MDCXX Aetatis suae LIV.

Помимо орнаментальнаго обрамленія таблицы, надъ нею находится овальное, пустое поле для портрета, а не для герба, который сохранился въ нижней части надгробія.

*) См. Указатель Отдѣленія среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія. Часть I. Собраніе оружія, составилъ Э. Ленцъ. СПб. 1908, стр. 69. Епитафію Ст. Барзи см. у Папроцкаго, изд. 1858, стр. 681.

То же самое надгробіе изображено и на рисункѣ 27 въ III томѣ книги Biegeleisen'a (Ilustrowane Dzieje Literatury Polskiej. Wiedeń. III, str. 64), но здѣсь въ верхней части памятника видимъ бюстъ, стоящій въ конхѣ. Амвр. Грабовскій (Kraków i jego okolice. Wyd. 3. Kraków. 1836, str. 153), сообщаетъ, что надгробіе это съ бюстомъ изъ бѣлаго мрамора помѣщается такъ высоко надъ каплицей св. Саломеи, что его трудно разглядѣть. Изображеніе П. Кохановскаго на указанномъ рисункѣ отличается отъ рисунка сборника отсутствіемъ ордена и иною одеждою; разница эта объясняется, однако, тѣмъ, что бюстъ является новѣйшею реставраціей; прежнее же погрудное изображеніе Кохановскаго было, судя по его овальной формѣ, не бюстомъ, а рельефомъ *).

Такимъ образомъ, едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что составитель описываемаго сборника скопировалъ и портретъ и надпись съ находящагося понынѣ, но безъ стараго рельефа, во Францисканскомъ костелѣ въ Краковѣ надгробнаго памятника Петра Сицны Кохановскаго (1566—1620), королевскаго секретаря и автора стихотворныхъ переводовъ поэмъ Аріосто и Тассо **).

Остается вопросъ лишь о томъ, насколько вѣрно и точно копировалъ нашъ рисовальщикъ портреты, и, къ счастью, и въ этомъ отношеніи мы имѣемъ возможность его провѣрки: въ тѣ же „Polonorum Icones“ помѣщенъ (на л. 68) гравированный акватинтою F. Dietrich'омъ и изданный „kosztem K. L. Magnus w Warszawie“ портретъ (10¹/₂" × 14") того же самаго Петра Кохановскаго ***); гдѣ находился оригиналъ, въ подписяхъ не сказано, но, судя по указанію на другой подобной же акватинтѣ, изображающей поэта Яна Кохановскаго, на портретъ въ галереѣ графа Игнатія Кохановскаго, можно предполагать, что тамъ же находился и оригиналъ портрета Петра Кохановскаго. Хотя и поза, и поворотъ, и детали костюма на гравюрѣ этой иные, нежели на описываемомъ рисункѣ, но сходство лицъ настолько велико и несомнѣнно, что за нашимъ рисовальщикомъ, при всемъ его неумѣнн рисовать, надо признать способность схватывать, хотя бы и преувеличивая ихъ, характерныя портретныя черты изображаемыхъ лицъ, что и дѣлаетъ портреты въ его передачѣ, если и безобразными, но достовѣрными, если, конечно, достовѣрны были тѣ оригиналы, которые онъ копировалъ.

XIX. (л. 59; 67; № 164). JOZAFAT KUNCEWICZ. [6¹/₁₆" × 9¹/₂"]. (См. табл. VII, рис. 4).

На монтировкѣ надъ портретомъ рукою Альбертранди написано:

Hic Divus Praesul linguam Latinam penitus non novit.

Портретъ, значительно болѣе мелкій, чѣмъ прочіе, представляетъ епископа

*) На скульптурномъ кенотафѣ, поставленномъ ему братомъ, Адамомъ, въ родовомъ костелѣ въ Зволени, онъ изображенъ въ видѣ лежащаго рыцаря, съ длинными усами и округлой бородкой (см. Tygodnik Ilustrowany, 1868, I, str. 21, 28—29); а о настоящемъ надгробіи въ статьѣ этой сообщается, что оно представляетъ бюстъ (popiersie) умершаго; на рисункѣ Церховъ, однако, ни бюста, ни портрета нѣтъ, но подпись подъ рисункомъ отмѣчаетъ, что онъ сдѣланъ „до реставраціи“, текстъ же (str. 267) говоритъ, что вверху „znajdował się na postumencie portret zmarłego dziś już nie istniejący“: его то и сохранилъ намъ рисунокъ описываемаго сборника.

**) Новое изданіе переводовъ этихъ начато Краковскою Академіей Наукъ въ серіи: Biblioteka Pisarzy Polskich; пока L. Rydel въ вып. 41 (1902) и 46 (1906) издалъ переводъ „Освобожденнаго Іерусалима“.

***) Гравюра эта упоминается и въ бывшемъ собраніи Іосифа Крашевскаго (Catalogue d'une collection iconographique polonaise [etc.] Dresde. 1865, [in 8°, II+292 pp.], pag. 86) и въ каталогѣ „Spis rycin przedstawiających portrety przeważnie polskich osobistości w zbiorze Emeryka Hrabiego Hutten-Czaparskiego w Krakowie. Kraków 1901“ [in 4°, VIII+191 str. = 382 szp.], szp. 129, № 797; у Крашевскаго (о. с., р. 108) былъ еще какой-то портретъ Петра Кохановскаго работы Гизинскаго.

почти до колѣнъ, въ широкой мантии съ наклонно идущими по ней узкими полосами, обычными у греческихъ и западно-русскихъ православныхъ епископовъ въ XVI и XVII вв.; лѣвая рука поднята передъ грудью, правая, въ рисункѣ которой сказалась вся безпомощность рисовальщика, — держитъ епископскій посохъ; вокругъ шеи обходитъ омофоръ; лицо съ длинною бородою представлено en face; на головѣ округлая митра, украшенная камнями.

Jozaphat Kunzewicz, Archiepiscop Polocki Wlady- | ka Witebski Mści-
slawski etc. etc. Dla iednosci Cerkwi w Witebsku od | nieposlusznych owiec okrutnie
zamordowany w Roku 1623 d[ie] 2 Novembr[is] | Jest iego Conterfect taki na Biela-
nach v Camaldulow mila od Crakowa: | ktory JE° Mśc Pan Mikolay Wolski z Podhaiee
Marszalek | Wielki Koronny dał namalowac będąc w Rzymie. Obraz cudowny y | za-
losny barzo krwią spluskany.

Ниже написана особо крупнымъ шрифтомъ въ одну строку фраза, относя-
щаяся, очевидно, къ Кунцевичу же: FUMUS GLORIAE INUIDIA.

Кромѣ того, къ концу вышеприведеннаго стараго текста рукою Альбертранди при-
писаны еще слова: Relatus in Sanctorum Cat[er]vam] per Urban[um] VIII.

О самомъ Иосафатѣ Кунцевичѣ, мученикѣ уни, распространяться здѣсь нужды
нѣтъ; оригиналь же издаваемого портрета его указанъ самимъ составителемъ сбор-
ника: это былъ портретъ, заказанный въ Римѣ маршаломъ короннымъ Николаемъ
Вольскимъ († 1630) и висѣвшій въ основанной въ 1608 г. тѣмъ же Вольскимъ
по образцу монастыря Mons Coronae близъ Перуджии обители оо. камальдуновъ въ
живописныхъ Бѣлянахъ близъ Кракова *). Вольскій ѣздилъ въ Римъ къ папѣ
Клименту VIII (1592—1605); Иосафатъ же Кунцевичъ сталъ Полоцкимъ еписко-
помъ лишь въ 1618 г.; слѣдовательно его портретъ въ епископскомъ одѣяніи не
могъ быть заказанъ Вольскимъ въ бытность его въ Римѣ, какъ то увѣряетъ текстъ;
отрицая это показаніе, мы не можемъ, однако, не вѣрить указанію того же текста
на мѣсто нахождения портрета; возможно, что онъ и былъ заказанъ въ Римѣ, но,
по всей вѣроятности, уже послѣ убіенія Иосафата (въ 1623 г.), который былъ
признанъ блаженнымъ папою Урбаномъ VIII въ 1642 году, святымъ же лишь
въ 1867 г., такъ что умолчаніе о святости его въ старой части подписи подъ
портретомъ можетъ служить доказательствомъ того, что сборникъ составленъ
ранѣе 1642 года.

Портретовъ Иосафата Кунцевича и священныхъ его изображеній существуетъ
много: въ собраніи Гутенъ-Чапскаго ихъ описывается три, въ бывшемъ собраніи
І. Крашевскаго пять **), Сапуновъ издалъ два ***): тѣ изъ нихъ, которые мнѣ
извѣстны изъ описаній или воспроизведеній, съ издаваемымъ здѣсь портретомъ не
тождественны: оригиналь его и понынѣ хранится, быть можетъ, въ Бѣлянахъ; но
достоверность этого портрета, писаннаго заглазно въ Римѣ по, неизвѣстно сколь
надежному, посланному туда Вольскимъ, матеріалу, не можетъ быть признаваема
особенно высокой.

XX. (л. 75; 91; № 142). JAN ŁASKI. [6¹/_s" × 9¹/₂"].

На монтировкѣ написана замѣтка Альбертранди:

Jest iego Portret sztychowany w Kolekcyi królewsk[iey].

*) О Бѣлянахъ см. Ambr. Grabowski. Kraków i jego okolice. Kraków. 1836, str. 216—220,
365—370. La Pologne litteraire, historique (etc.)... sous la direction de L. Chodzko. III. Paris. 1839—42,
str. 149—158. О Вольскомъ см. Niesiecki, IX, str. 406 sq.; Encykl. Powszechna, XXVI, 1867, str. 727.

**) См. указанная выше (стр. 421, прим. 3) каталоги, szp. 158, №№ 1009—1011, и pp. 113, 130, 135, 207.

***) „Витебская Старина“, т. I, стр. 546 и 654.

Портретъ представляетъ пожилого человѣка съ длинною и широкою бородой и длинными усами; лицо повернуто слегка влѣво; на головѣ мягкая низкая шляпа (докторскій беретъ) съ низкими, отвернутыми вверхъ полями; широкій воротникъ мантии раздѣланъ группами черточекъ, передающими мѣхъ; справа на фонѣ нарисованъ гербъ, Korab: корабль съ мачтой и бычачьей и какою-то иною звѣриною головой на кормѣ и на носу.

Joannes à Lasko.

Cuia viri effigies? Laski Qui stemmate clarus
Sarmatiae Procerum Diuitijsq[ue] potens.
Foedere amititiae quondam tibi vinctus Erasme,
Deserui patriam cederem ut inuidiae.
Me profugum accepit quaeuis terra hospita, tantus
Egit me studij, ac Religionis amor.

Tandem Catholicissimus fundata nobilissima
Praepositura in Oppido Lasko obyt feliciter.

Послѣднее замѣчаніе представляется намъ сомнительнымъ и основаннымъ, вѣроятно, на смѣшеніи извѣстнаго польскаго гуманиста Іоанна Ласкаго (1499—1560) съ его дядею, не менѣе извѣстнымъ и ученостью и перенской съ Эразмомъ Роттердамскимъ, архіепископомъ Гнѣзненскимъ, также Іоанномъ Ласкимъ (1455—1531).

Гуманистъ Янъ Ласкій, хотя и отрекся отъ лжеученій новаторовъ и присягнулъ на вѣрность католической церкви въ 1541 г. въ Краковѣ, но затѣмъ вступилъ на прежній путь и о блаженномъ успеніи его въ лонѣ католичества иныхъ свидѣтельствъ, насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ; будь это такъ, іезуитъ Нѣсецкій не писалъ бы, что онъ „życie go misernie skonczył“ (VI, str. 211), а послѣ смерти Ласкаго его единовѣрцамъ не пришлось бы вскрывать его могилу, чтобы доказать ложность утвержденій католиковъ, якобы у Ласкаго „уста срослись“ (Biegeleisen. *Illustr. Dzieje Literatury Polskiej*. III, str. 199).

Сношеніямъ Яна Ласкаго съ Эразмомъ Роттердамскимъ, о которыхъ упоминаетъ эпиграмма подъ портретомъ въ описываемомъ сборникѣ, недавно посвятилъ особую работу Ф. Копера *).

Вся эта эпиграмма списана съ одного изъ гравированныхъ портретовъ Яна Ласкаго, съ портрета, хранящагося въ той же портфели „*Polonogum Icones*“ на сосѣдномъ листѣ 74; 90; на гравюрѣ этой (0,121 m. × 0,14 m.) въ первой строкѣ подписи читается IOANNES ALASKO, далѣе слѣдуетъ вышеприведенная эпиграмма, послѣднее слово которой написано RELIGIONIS. Естественно было бы предполагать, что съ этой же самой гравюры срисовалъ составитель сборника и свой портретъ Ласкаго; сходство между лицами того и другого также вполнѣ допускало бы такое предположеніе; но на гравюрѣ лицо Ласкаго повернуто въ другую сторону (влѣво), не видно уха, скрытаго особой полосой матеріи подъ докторскимъ беретомъ, борода длиннѣе чѣмъ на рисункѣ и подъ концомъ ея есть пуговица, а петлица, находящаяся еще ниже, украшена узоромъ, котораго нѣтъ на рисункѣ; наконецъ, на этой гравюрѣ нарисованы и обѣ руки: одна съ книгою, другая съ перчаткой; на рисункѣ же ихъ нѣтъ вовсе. Все это заставляетъ думать, что, если

*) D-r Felix Kopera. Dary z Polski dla Erazma z Rotterdamu w Historycznym Muzeum Bazylejskim. (*Sprawozdania Komisyyi do badania historyi sztuki w Polsce*, t. VI, str. 110—138; XCIII—IX), въ ней (str. 133, nota 1) указана и литература о Ласкихъ. По-русски см. Н. Любичъ. *Исторія реформации въ Польшѣ*. Варшава. 1883, глава VI—VIII, и его же статья о Ласкомъ въ *Энциклоп. Словарѣ Брокгауза и Ефрона*. XVII. 1896, стр. 360—1, гдѣ и литература.

эпиграмма и списана съ этой гравюры, то самый портретъ срисованъ съ какой-либо иной. И, дѣйствительно, между многочисленными гравированными портретами Ласкаго, насколько они извѣстны мнѣ по описаніямъ *), оказывается въ собраніи гр. Эмерика Чапскаго (№ 1110) и такой, краткое описаніе котораго сходно съ рисункомъ сборника: голова съ усами и бородой повернута въ $\frac{3}{4}$ вправо, въ шапочкѣ и докторской мантии, внизу подпись: IOHANNES A LASKO. Theol. Polonus. Два послѣднія слова легко могли быть опущены копировальщикомъ, который предпочелъ замѣнить ихъ цѣлою эпиграммой, взятой изъ-подъ другого гравированнаго портрета того же лица.

Въ той же папкѣ, какъ и описанный рисунокъ, кромѣ него и указаннаго выше гравированнаго портрета, находится еще одинъ (л. 74; 89) гравированный портретъ Яна Ласкаго, въ профиль влѣво, соответствующій № 1106 собранія Гутенъ-Чапскаго. Между тѣмъ, приписка на монтировкѣ указываетъ на нахожденіе въ королевской коллекціи одного лишь гравированнаго портрета: очевидно, что подъ «королевскимъ собраніемъ» разумѣются здѣсь не „Polonorum Icones“, а основные 50 томовъ съ портретами (см. выше, стр. 387), среди которыхъ дѣйствительно значится, по теперешней нумераціи, въ портфели 38 подъ № 39 портретъ Яна Ласкаго.

XXI. (л. 83; 100; № 133). MAMYRA. [$6\frac{1}{16}'' \times 9\frac{9}{16}''$]. (См. табл. X, рис. 4).

На монтировкѣ надъ портретомъ рукою Альбертранди написано:

Uxor Selimi filii Magni Solimani. de illa Gratianus in Bello Sургico.

Рисунокъ даетъ погрудное изображеніе немолодой женщины въ большомъ и странномъ головномъ уборѣ, увѣнчанномъ короною; нижняя чалмообразная часть его, украшенная спереди драгоцѣннымъ камнемъ въ оправѣ, надѣта на голову поверхъ покрывала, спадающаго на плечи; достойно вниманія, что двѣ крайнихъ, съ обѣихъ сторонъ, части этой чалмы пририсованы къ чалмѣ, видимо, позднѣе, болѣе рыжими чернилами и болѣе грубо; такимъ образомъ, сперва видно было четыре вертикальныхъ дѣленія чалмы, а теперь шесть; лицо повернуто въ $\frac{3}{4}$ влѣво; въ ухѣ серьга въ видѣ круглаго камня или жемчужины, прикрѣпленной на шпилькѣ къ нижнему краю кольца; на шеѣ ожерелье изъ крупныхъ круглыхъ бусъ; широкій воротникъ платья отогнутъ концами внизъ; на лѣвомъ плечѣ вертикальная полоса съ прорѣзами.

Ma myra. zona teraznieisze^o Cesarza Tureckiego. w Venecyjej | malowana, była Vrodziona Polka: wielkiej ludzkosci; y vrody, takze | y wdzieczności: siła Więżniow, v Cesarza vpraszała: y vdarо- | wawszy, do Oycyzny odsyłała. A iako do trzydziestu lat przy- | szła ze dwiema Corkami, aż do Dubery za Morze Kaspiy- | skie odesłana. Galernicy to zapewne twierdzili, y ci co | Auizy piszą. wspominaią o tym.

Z listu J. M. P. Aximara

Multańskie^o Woiewody Kiepsk...

Копія этого портрета и подписи подъ нимъ имѣется въ альбомѣ Публичной Библиотеки (Polon. XIII, F. 1) на л. 53 и существенно отличается отъ оригинала тѣмъ, что вмѣсто ясно читаемаго имени Мамуга пишетъ Мауга; прочія ореографическія разночтенія вниманія не заслуживаютъ; замѣтимъ лишь, что написаніе

*) Амвросія Грабовскаго (Biblioteka Warszawska. 1857, IV, str. 248, и 1860. IV, str. 439, три портрета), I. Крашевскаго (см. выше, стр. 421, прим. 3, р. 148, четыре гравюры) и гр. Гутенъ-Чапскаго (см. ibid.; szp. 173—174, №№ 1103—1111, szp. 366, № 2374).

въ копіи послѣдняго слова (Kiepsk...) ясно показываетъ, что копировался именно издаваемый здѣсь рисунокъ, такъ какъ отрѣзанное въ оригиналѣ окончаніе этого слова копировальщикъ замѣнилъ росчеркомъ той же формы, какъ остатокъ отрѣзанныхъ буквъ на старой страницѣ сборника.

Въ столь неожиданной замѣнѣ страннаго имени Мамуга простымъ Магуа можно видѣть или сознательное и смѣлое исправленіе предполагаемой ошибки, — и, будь такъ, мы вспомнили бы невольно Марию Потоцкую, хотя тутъ рѣчь идетъ о Стамбулѣ, а не о Бахчисарафѣ, — или же невѣрное чтеніе кудреватаго шрифта подниси, которое облегчило эту замѣну. Болѣе вѣроятнымъ кажется намъ второе; выше мы видѣли уже невѣрное чтеніе подниси подъ портретомъ Демболенскаго (см. выше, стр. 401); въ данномъ случаѣ слишкомъ узкое второе *n* съ укороченными передними ножками плохо видящій человекъ могъ по первому взгляду принять за *g*, а предпослѣднюю крючкообразную букву, которую мы читаемъ, какъ *g* лишь опираясь на нѣсколько аналогій *), можно было или читать какъ *i*, или же не понять вовсе.

Какъ бы то ни было, измѣненіе имени въ поздней копіи рассматриваемаго портрета не можетъ рѣшить вопроса, кто тутъ изображенъ. Болѣе авторитетной казалась мнѣ приписка Альбертранди надъ портретомъ, которая опредѣляетъ изображенную здѣсь султаншу женою Селима II (1566—1574), сына Солимана I Великаго (1512—1566), и поэтому мы просмотрѣли указываемую книжку Граціани, надѣясь найти въ ней какія-либо подробности объ этой султаншѣ, но трудъ этотъ оказался напраснымъ: кромѣ краткаго упоминанія имени матери Селима и жены Солимана, Роксоланы **), мы не нашли тамъ ничего, для этого вопроса полезнаго. Ссылаясь на Граціани, авторъ приписки имѣлъ въ виду, вѣроятно, именно Роксолану, о польскомъ происхожденіи которой ему было извѣстно, но ошибочно называлъ ее женою, а не матерью Селима ***). Конечно, и о происхожденіи Роксоланы (Хассэки-Султанэ-Хуррэмъ) ходили разнорѣчивыя версіи: французы считали ее французенкой, итальянцы — итальянкой, но версія о происхожденіи ея изъ Польши, съ Украйны, была наиболѣе прочною и Самуилъ Твардовскій въ своемъ стихотворномъ описаніи посольства кн. Збаражскаго (см. выше, стр. 407) даже прямо называетъ ее «дочерью Рогатинскаго попа». Но считать рассматриваемый портретъ Роксоланою, конечно, нельзя, какъ потому, что онъ обозначенъ инымъ именемъ, такъ и потому, что рассказываемая исторія о ссылкѣ съ дѣйствительной исторіей Роксоланы († 1558) ни мало не согласуется.

Опираясь только на странное имя Мамыры, мы позволили бы себѣ толковать имя это, какъ искаженіе имени дочери Роксоланы, т.-е. сестры, а не жены Селима II, Мирмы (Mihr-i-Mah, *Μίχρη-Μάχ*, т.-е. «солнце-луны»), которая была женою

*) См., напримѣръ, буквы *g* въ первыхъ строкахъ поднисей подъ портретами на таблицахъ VII, рис. 1 въ словѣ Crakoviensis, VIII, рис. 1 въ словахъ Ieremian и Hospodar, VIII, рис. 4 въ словѣ Siedmigrodzski.

***) Ant. Mariae Gratiani a Burgo S. Sepulchri Episcopi Amerini de Bello Cyprio libri quinque iuxta exemplar Romae expressum [1621 г.], — перепечатка 1680 г., pag. 19; тамъ же (pag. 371, 402, 497—498) рассказывается исторія плѣненія двухъ сыновей сестры Селима, жены Али-паши, и переписки ея о выкупѣ ихъ съ адмираломъ Доріа „raene amatoris literis“.

***) О Роксоланѣ, кромѣ указываемыхъ ниже работъ о портретахъ султаншъ, см. Hammer, Histoire de l'Empire Ottoman, V, 1836, pp. 329, 485—7, 538—9; VI, pp. 8—10, 93—99, 482—3; K. Szajnocha, Szkice historyczne. III. 1861, str. 91—96, 98, 99; W. Szymanowski, Roxolana (Tygodnik Ilustrowany, t. XIV, 1866, II, str. 1—2, 18—19, съ портретомъ по Boyssardus, 1596 г.), *Σταυλάτος Βασιλεύς II Κωνσταντινούπολις*, II, 1862, σ. 398; Szymon Askenazy, Listy Roxolany (Kwartalnik Historyczny, X, 1896, str. 113—117); см. еще указанія у Фивкеля подъ № 25895.

великаго визиря Рустемъ-Паши (Hammer, VI, p. 93, 243 *); *Buζάρτιος*. П, σ. 399, σημ. 1; Askenazy, стр. 114, sq.) и которая въ свою очередь имѣла дочь того же имени. Изъ показаній текста къ Мирмѣ, какъ, впрочемъ, и къ прочимъ султаншамъ, подходитъ, однако, только одно, а именно, что портретъ Мамыры написанъ былъ въ Венеціи: изъ многочисленныхъ портретовъ турецкихъ султановъ и султаншъ большинство — венеціанскаго происхожденія; среди портретовъ этихъ встрѣчаются и портреты Мирмы; но извѣстные мнѣ по воспроизведеніямъ общаго съ издаваемымъ портретомъ Мамыры имѣютъ очень мало **). Такимъ образомъ, я не въ состояніи дать объясненія издаваемому портрету, ни по нему самому, ни по его наименованію.

Менѣе прочнымъ основаніемъ, какъ видѣли мы на примѣрахъ портретовъ Граціана и Иереміи, является текстъ подъ портретомъ, который можетъ быть и чистымъ сочиненіемъ. Въ настоящемъ случаѣ, однако, онъ такого характера вовсе не носитъ и сопровождается даже ссылкой на источникъ: на письмо Аксимара, Молдавскаго воеводы. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось пока разыскать такого, а, кромѣ того, непонятнымъ остается и появленіе приписки, еще болѣе поздней, къ имени этого воеводы: послѣднее, обрѣзанное въ концѣ его, слово: *Kiepsk...* нужно читать, какъ выяснилось для меня по совѣщанію съ К. В. Хилинскимъ, *Kiepskiego*, т.-е. худого, негоднаго, глупаго; этотъ странный въ указаніи источника эпитетъ приписанъ, какъ то ясно и по фототипіи, позднѣе самаго конца текста. Изъ этой ссылки мы не узнаемъ, такимъ образомъ, времени полученія портрета и подписи къ нему составителемъ сборника или его источникомъ.

Между тѣмъ, опредѣленіе времени письма этого опредѣляло бы и то, кого нужно понимать подъ «теперешнимъ кесаремъ турецкимъ»: одного ли изъ султановъ начала XVII в., т.-е. Ахмеда I (1603 — 17), Мустафу I (1617 — 18), Османа II (1618 — 22), Мурада IV (1622 — 40), или кого-либо изъ ихъ предшественниковъ.

Человѣколюбивая дѣятельность султанши по выкупу плѣнныхъ не представляетъ собою ничего невѣроятнаго, равно какъ и изгнаніе ея съ дочерьми, когда ея мѣсто оказалось занятымъ женами помоложе ея; но опять возникаютъ сомнѣнія въ достовѣрности опредѣленія мѣста ея ссылки «за Каспійское море», куда власть Османскихъ султановъ вовсе и не простиралась; туда отправлена могла быть лишь тамошняя уроженка; не умѣю опредѣлить я и указываемаго мѣста „Dubery“, или, быть можетъ, „Bubery“, такъ какъ первая буква какъ будто переправлена въ D изъ B. При Солиманѣ В. были дипломатическія сношенія со среднеазиатскими узбекскими ханами (Hammer, VI, p. 103—105, 132), которые въ числѣ своихъ владѣній упоминали и какую-то крѣпость Дабузи (Hammer, VI, p. 104); Солиманъ посылалъ имъ артиллерію (*ibid.*, VI, p. 103). Такимъ образомъ, высылка устарѣвшей султанши «за Каспійское море» не вполне невозможна;

*) Указатель къ нѣмецкому изданію Hammer'a (Pest. 1829) содержитъ слѣдующія ссылки. Bd. III, SS. 211, 393, 425, 497; Bd. VI, S. 102.

**) Литература о портретахъ турецкихъ султановъ и султаншъ довольно значительна и обстоятельна: первая роль принадлежитъ старымъ собраніямъ портретовъ Іовія, еп. Новокомскаго, и Фердинанда, эрцг. Тирольскаго, въ Амбразѣ. См. работы Keller'a въ *Jahrbuch der Kunsthist. Sammlungen des Allerhöchsten Kaiserhauses*, Bd. XIX, 1898, S. 98—130, E. Müntz'a (*Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, t. XXXVI, p. II, pag. 305—307) и G. Gronau. *Tizians Bildnisse türkischer Sultaninnen* (Beiträge zur Kunstgeschichte Franz Wickhoff gewidmet. Wien 1903, SS. 132—137, 4 табл.). Особенно обстоятельна первая, гдѣ воспроизведены портреты „Россы“—S. 129 (Taf. IV. 16), Прины—S. 124 (Taf. IV. 13), Думелин—S. 130, № 17, [Gameria, Chameria, Camelia], дочери Солимана, т.-е. Мирмы. Ее же, по всей видимости, изображаетъ и рис. 378 у C. Vecellio, гдѣ она названа „la piu favorita del Turco“; женою Солимана называетъ ее и Амбразскій портретъ. Чалма и корона на одной картинѣ (Gronau. Taf. IV) нѣсколько сходны съ Мамыринными.

но все же провѣрять и обсуждать этотъ разсказъ—дѣло специалистовъ, могущихъ контролировать Гаммера. Намъ же досадно и то, что мы не могли ни найти оригинала этого портрета Мамыры среди матеріала западно-европейскаго, ни провѣрить хотя самое существованіе того воеводы, на письмо котораго ссылается авторъ и котораго онъ счелъ нужнымъ потомъ охарактеризовать ругательнымъ эпитетомъ.

XXII. (л. 7 об.; 14; № 219). MARMADZIUK. [6"×9¹/₂".]

Довольно безобразный рисунокъ, представляющій толстаго, безбородаго и безъусаго, челоуѣка, повернувшася профилемъ вправо, съ горбатымъ носомъ, съ курчавыми волосами, закрывающими нижнюю часть уха, въ какой-то широкой неопредѣленнаго покроя одеждѣ, объясняется слѣдующею подписью:

Marmadziuk Bulgar co vmiel wszystkie języki we trzydzie | stu leciech vci-
ekl był z Carygrodu az do Rakusy tam mieszkał służąc | za knechta. az go poznał Celebey
Posel z Porty y wziął z sobą za tłumacza | do Rzymu tam sie skrył az do tego czasu.
Vczynił ten chłop co tylko okiem | obaczył, robiel za Tybrem łoiowe stoczki co cały
rok ieden mógł gorzecz; a | nie chciał nic iesc tylko samę Cebule z pieprzem a szafranem
nierad z nikim | gadał iako dywo. pieniądze u niego fraszka; Plywacz tak iako
ryba: | kabat miał wyprawny z szumowego brucha az do kostek; bez pasa. | A ze sie
znał dobrze na trunkach iachał do Kandyei y stamtąd Mał | mazyą do Wenecyi po-
syła. Jest malowany w Arsenale Weneckim ku | pulnoczy na samym kamieniu.

Странному виду соотвѣтствуетъ и странная судьба и занятія этого болгарина, о которомъ изложенныя въ текстѣ свѣдѣнія, такъ или иначе, но идутъ изъ Рима. Едва ли стали бы гравировать портретъ такого незнатнаго и невиднаго челоуѣка; едва ли стоило издавать печатно и сообщаемыя здѣсь о немъ свѣдѣнія: естественнѣе всего думать, что и то и другое основывается на непосредственномъ знакомствѣ съ этимъ болгаринимъ самого ли составителя сборника или его источника; а знакомство это произошло, по всей видимости, въ Римѣ.

Хронологическимъ даннымъ являлось бы имя турецкаго посла Челебей, если бы, съ одной стороны, это слово не было лишь нарицательнымъ обозначеніемъ многихъ лицъ *), а съ другой,—если бы самый разсказъ о пріѣздѣ Мармадзюка въ Римъ съ турецкимъ посломъ не оказался подозрительнымъ: турецкіе послы бывали тамъ только въ концѣ XV вѣка, ведя переговоры о выдачѣ или смерти Джемъ-Султана, брата Баязита II **). Между тѣмъ, изъ текста видно, что Мармадзюкъ былъ современникомъ составителя подписей подъ портретами: если бы это была выдержка изъ какого-либо стараго источника, то на него была бы, судя по другимъ примѣрамъ, сдѣлана ссылка. Такъ что опредѣленіе текста, съ какимъ посольствомъ болгаринъ Мармадзюкъ пріѣхалъ въ Римъ, довѣрія, на нашъ взглядъ, не заслуживаетъ. Странно и послѣднее утвержденіе, якобы портретъ Мармадзюка написанъ былъ на каменной сѣверной стѣнѣ Венеціанскаго арсенала:

*) Вопросъ о значеніи слова „челеби“ обсуждался нашими ориенталистами въ цѣломъ рядѣ статей, см. „Записки Восточнаго Отдѣленія Импер. Русск. Археол. Общества“, т. V, стр. 301—304 (Ф. Д. Кобеко), 304—307 (бар. В. Р. Розенъ), т. XI, стр. 307—312 (бар. В. Г. Тизенгаузенъ), XV, стр. 036—043 (П. М. Меліоранскій), XVIII, стр. 1—70 (В. Д. Смирновъ), и XX, стр. 1 слл. (Н. Н. Марр).

**) Hammer, Hist. de l'Emp. Ottom. III, pp. 365, 368, 371; IV, pp. 116—7, 148, 422—3; ср. сансокъ всѣхъ посольствъ отъ султановъ турецкихъ и къ нимъ — idid. XVII, pp. 134—167, сношенія съ папами ibid. pp. 147, 163. Новую специальную работу о Джемъ-Султанѣ издалъ L. Thuasne. Djem-Sultan. Paris. 1892; о турецкихъ посольствахъ въ Римъ говоритъ онъ на стр. 264, 273, 276—284, 296—302, 314—316, 334; среди нихъ не было ни одного съ эпитетомъ „челеби“, да и пріѣзжали они въ Италію не черезъ Австрію, а моремъ на Анкону.

общественное его положеніе допускаеть, на нашъ взглядъ, лишь одно предположеніе: его портретъ могъ украшать вывѣску какого-либо виннаго склада, какъ и самое имя его происходитъ, скорѣе всего, отъ мальвазіи же; если довѣрять показанію автора о существованіи тамъ этого портрета, то естественно думать, что онъ упоминаеть о немъ не даромъ и что это именно изображеніе болгарина-полиглота и лежитъ въ основаніи описываемаго портрета.

Едва ли гдѣ въ другомъ мѣстѣ найдется другой портретъ его или какіе-либо о немъ рассказы. То, что мы имѣемъ въ описываемомъ сборникѣ, кажется намъ поэтому личными воспоминаніями составителя этого сборника изъ своей собственной поѣздки въ Италію, хотя и прикрашенными вымысломъ.

XXIII. (л. 88 об.; 103; № 129). MATŁASZEWSKI. [6"×9¹/₂".]

Портретъ носитъ такой же характеръ собственнаго неумѣлаго исполненія его составителемъ сборника, какъ и выше описанный.

Изображенъ толстый бритый человекъ въ какомъ-то широкомъ плащѣ съ широкимъ мягкимъ воротникомъ или откинутымъ капюшономъ; на очень толстой шеѣ сидитъ безобразная, повернутая въ ³/₄ вправо, голова, съ маленькимъ ухомъ и короткими волосами.

Matłaszewski Minister z Podgurza, teraz w Ra- | kowie mieszka, oracz, słowa
Bozego pustą rolą przekłada do- | piro w dziewiętnastym roku, młodym będąc wiele
baranow do | swey owczarnie napędził, iednak ze wiecey poiadł bo iako go tu | widzisz
každy dzień barana ziadła y parę gąsiorow y iusz | tak barzo vtył ze mu drzwi do
Zboru rozprzestrzenic musiano | y kazalnice na dole postawic z Pinczowskie^o kamienia.
Zone | mu przywieziono z Czech ale babasty twarzy iey oycy tam zo- | wią w Pradze
Wędzimucha co targaniec robi. Wiedzi mi sie żem | go ia wiedział kiedyś, ale ktoż
to moze pamietac.

Чисто фактическое, съ небольшими сравнительно преувеличеніями о необычайной прозорливости Матлашевскаго, содержаніе текста и самая его незначительность, такъ какъ едва ли соцініанскій пасторъ, жившій въ Раковѣ *), пользовался особо широкой извѣстностью, равно какъ и безобразіе портрета, позволяютъ, какъ мнѣ кажется, и объ этомъ портретѣ сдѣлать тотъ же выводъ, какъ объ изображеніи Мармадзюка, т.-е., что и портретъ и текстъ къ нему были продуктомъ собственнаго творчества составителя сборника; ироническое отношеніе его къ проповѣднической дѣятельности Матлашевскаго ясно свидѣтельствуеть, равно какъ и приписка къ портрету Яна Ласкаго, о томъ, что составитель былъ добрымъ католикомъ, а неувѣренность его въ томъ, видѣлъ ли онъ нѣкогда какого-то пражскаго пенько-промышленника Вендзимуху, указываетъ, какъ намъ кажется, на значительный возрастъ автора.

XXIV. (л. 91; 112; № 127). MICHAŁ, Woiewoda Sedmigrodski. [5⁵/₁₆"×9⁹/₁₆".]

(См. табл. VIII, рис. 4.)

На монтировкѣ надъ портретомъ написано: Jest iego obraz w Kolekcyi Krolewskiey, и дѣйствительно въ основныхъ 50 томахъ съ портретами въ портфели 20-ой подъ № 177 значится „Michel Palatin de Walachie“.

*) Изъ многихъ поселеній этого имени здѣсь надо разумѣть, конечно, селеніе Раковъ, Опатовскаго уѣзда, Радомской губерніи, которое нѣкогда, съ конца XVI в., было городомъ и центромъ соцініанъ, которыхъ даже называли „Раковянами“; большое училище, основанное здѣсь въ 1602 г., столь славилось, что дало городку имя Athenae Sarmaticae; начало репрессій противъ сектантовъ было слѣдствіемъ уничтоженія ими креста въ 1638 г., послѣ чего закрыта была школа и городъ началъ падать (Słownik Geograficzny. IX. 1888, str. 507—508).

Лицо, крупнаго размѣра, повернутое въ $\frac{3}{4}$ влѣво, украшено большими и длинными усами и серьгою, въ видѣ кольца, въ лѣвомъ ухѣ; на головѣ большая мѣховая шапка; плащъ, съ высокимъ и широкимъ стоячимъ воротникомъ, застегнутъ у горла узорчатой петлицей съ большою конической пуговицей.

На лбу позднѣйшею рукою написано: Raburniak Wołoski, если я вѣрно читаю второе слово.

Michał Wayda Siedmigródzki.

Wielki to był Nieprzyjaciel Korony Polskiej przeciwko ktorey | zebrał był szeszedziesiąt Tysięcy zbrojnego Wojska chcąc one posieć ale | Nieboszyk S pamięci Jan Zamoiski Hetman y Cancellor Koronny z | małą gromadą swoich Elearów tak temu zabiegał ze y ono tak wiel | kie Wojsko iego zniszczało y w rozsypkę poszło: y samego Dziurdzi | Baszta Wegrzyn Cesarski Oberster w namiecie z pistoletu zabił. |

O czym czytai Rymy Grochowskie.

Валашскій, а потомъ (съ 1599 г.) и седмиградскій, воевода Михаилъ (1593—1601) враждовалъ съ Польшею изъ-за владѣній молдавскаго господаря Теремин Могилы, ставленника и вассала Польши (см. выше, стр. 416). Янъ Замоискій, канцлеръ и гетманъ великій коронный, разбилъ его въ октябрѣ 1600 г. за пять лѣтъ до своей смерти (1605 г.); но Михаилъ и послѣ того, въ ноябрѣ 1600 г., снова повторилъ попытку овладѣть Валахией, но его войска были снова разбиты оставшимися при господарѣ поляками. Изложеніе въ текстѣ, гдѣ смерть Михаила приводится въ связь съ побѣдой надъ нимъ Замоискаго, оказывается не совсѣмъ точно, т. к. послѣ этихъ поражений Михаилъ, принятый 23 марта 1601 г. императоромъ Рудольфомъ II въ Прагѣ, получилъ отъ него вспомогательный отрядъ подъ начальствомъ генерала, итальянскаго происхожденія, Георгія Басты, вслѣдствіе раздоровъ съ которымъ и погибъ, будучи заколотъ присланными Бастою валлонскими наемниками подъ командою капитана Бори^{*}). Такимъ образомъ, рассказъ объ убійствѣ Михаила Бастою собственноручно изъ пистолета оказывается, по сравненію съ различными версіями о смерти Михаила, собранными у Энгеля (о. с., SS. 266—268), не вѣрнымъ, въ чемъ вина, конечно, не составителя текста, который записалъ тотъ рассказъ, какой слышалъ.

Ссылка на поэта Гроховскаго имѣетъ въ виду стихи его на смерть Яна Замоискаго, въ которыхъ воспоминается, конечно, и побѣда его надъ Михаиломъ^{**}). Специальное стихотвореніе Яроша Отвиновскаго о той же побѣдѣ надъ Михаиломъ помещено въ книгѣ Гваньини (Kronika Sarmacyi Europejskiej, 1768, str. 651—655).

Выраженіе о Замоискомъ «покойникъ блаженной памяти» указываетъ, какъ мнѣ кажется, что составитель текста былъ его современникомъ, хотя бы и младшимъ. Названіе войскъ Замоискаго «Элеарами» указываетъ также на начало XVII вѣка, такъ какъ тѣмъ же, венгерскимъ въ своемъ основаніи, какъ полагаютъ, словомъ называлъ козаковъ Лисовскаго и В. Демболенскій (см. выше, стр. 401).

Портретъ копируетъ, очевидно, какое-либо гравированное изображеніе, такъ какъ Михаилъ Седмиградскій былъ крупною и славною личностью своего времени и на портреты его имѣлся спросъ: у одного Львовскаго армянина Петра Грегоровича († 1616) были „konterfekty cesarza Rudolfa i Michała wojewody moldawskiego, konterfekt Wojewodziny wołoskiej z Dziurdzim baszą i t. p.“^{***}).

^{*}) О Михаилѣ Храбромъ, см. J. Chr. Engel. Geschichte der Moldau und Walacheey. Halle, 1804 SS. 223—270; A. D. Xénopol. Histoire des Roumains. Paris. 1896. I. pp. 344—399.

^{**}) Ks. Stanisława Grochowskiego. Wierze i inne pisma eo przebrańsze. Wydanie Kaz. Józ Turowskiego. Kraków. 1859. t. 1, str. 127 слл., на стр. 137 идетъ рѣчь о битвѣ при Бичинѣ, на стр. 138—139 о пораженіи „okrutnego Multanów wodza Michała“.

^{***}) Wł. Łoziński. Patrycyat i mieszczanństwo lwowskie w XVI i XVII wieku. Lwów, 1892, str. 282—283; у другого армянина же Ивашкевича было 16 портретовъ кесарей турецкихъ: ibid. 207.

Вышеупомянутый гравированный портретъ его въ собраніи Станислава-Августа несходенъ съ рисункомъ, здѣсь издаваемымъ; въ собраніи Крашевскаго было два портрета Михаила, о которыхъ каталогъ (см. выше, стр. 421 прим. 3) сообщаетъ лишь слѣдующія подробности: 1) гравёръ Aegidius Sadeler, портретъ овальный, in fol., подпись: Michael Woiwoda Walachiae, указанъ годъ (1601) и мѣсто (ad vivum delin. Pragae) рисунка (о. с. р. 219), и 2) анонимная гравюра, in 4°, Michel Weywodt aus der Walacheyi, Occubuit XVIII Aug. A. MDCI (о. с., р. 265). Первая изъ этихъ гравюръ оказалась въ библиотекѣ Академіи Художествъ (Collection Sapienza 29. № 27); она тождественна съ гравюрою королевскаго собранія (20 № 177), у которой обрѣзана нижняя часть съ подписью. Къ ней же близка и гравюра (Импер. Эрмитажъ 212, № 785) съ подписью Michael Palatinus Valachiae и двустипшиемъ:

Si Deus vellet, Dacorum hic colla Michael
Eximeret Turcae libera tota iugo.

Всѣ эти три, видѣнныхъ мною, гравюры изображаютъ Михаила въ поворотѣ въ $\frac{3}{4}$ вправо, въ высокой мѣховой, свѣшивающейся верхомъ нѣсколько впередъ, шапкѣ, съ султаномъ изъ перьевъ; на плечахъ плащъ; главнымъ отличіемъ отъ издаваемаго портрета является довольно длинная и широкая борода; въ ухѣ, — правда, правомъ, — серьги нѣтъ. Подпись подъ гравюрою Саделера указываетъ и время исполненія портрета (1601 г., въ Прагѣ) и возрастъ изображеннаго (43 года). Нѣтъ поэтому ничего невозможнаго въ томъ, что издаваемый рисунокъ копируетъ портретъ того же Михаила въ болѣе раннемъ, лѣтъ на десять, возрастѣ: общее сходство въ лицѣ на портретахъ усмотрѣть можно; но если такой портретъ и существовалъ, то на немъ Михаилъ не могъ называться воеводой Седмиградскимъ, каковымъ онъ сталъ лишь послѣ гибели Андрея Баторія (см. выше, стр. 396).

XXV. (л. 90; 105; № 128). JAN MIELECKI. [6 $\frac{1}{8}$ " \times 9 $\frac{16}{16}$ "].

На монтировкѣ надъ портретомъ написано: Osiec hetmana Mieleckiego.

Поясное изображеніе рыцаря въ пластинчатыхъ изъ горизонтальныхъ полосъ латахъ, безъ шлема, съ шарфомъ черезъ плечо. Голова повернута въ $\frac{3}{4}$ вправо; на макушкѣ чубъ; небольшая, курчавая борода и небольшіе усы; видно правое ухо, безъ серьги; обѣ руки опущены, кистей ихъ не видно. Рисунокъ довольно удовлетворительный, что и указываетъ на копировку его составителемъ сборника съ чужого оригинала, а, именно, судя по содержанию текста, съ надгробнаго памятника, портрета или висѣвшаго надъ могилою знамени.

Ioanni à Mielec e gente Griffi, Palatino Podoliae summoq[ue] Regni Poloniae Marschalco, | Samboriens[i] Grodecens[i] Cap[ita]neo Viro clarissimo qui ab ineunte aetate maximis ijsque | continuis bellis, vel hostibus caesis, vel ipse vulneribus exceptis, et fortissimi militis et stre | nui Ducis laud[em] persaepe meruit, summis demum non raro periculis liberatus, digna ob | egregiam fidem et c[on]stantem virtutem suam collatis maximis honoribus praemia obtinuit. | postea ad bellum Liuonicum summo cum Imperio magno omnium consensu p[er]fecturus | faeliciter: nec dum armis expeditis pacem à Rege Liuonibus petere coactis incolume[m] | exercitum suis restituit. Cuius constans in D[eo] O[ptimo] M[aximo] pietas in gubernanda R[eg]i P[ublica] spe | citata fides in Mag[istra]tu sine acerbitate grauitas, erga suos par comitati benevolentia, in o[mn]nes aequitas chara inprimis Deo grata hominibus mortalem nomini illius laudem apud | omnes pararunt. Mortuus An[n]o 1561 aetatis suae 60. Anna de Dalciov ex vetusta Olo | rum Gente, marito, Nicol[aus] filius unicus Patri desideratiss[imo] ad monumentum eius posuerunt.

И портретъ и текстъ подъ нимъ скопированы въ альбомѣ Публичной Библиотеки [Polon. XIII, F. 1] на л. 30; въ текстѣ раскрыты нѣкоторыя сокращенія и сдѣланы нѣкоторыя исправленія (Mareschalcus, feliciter) и измѣненія (vm. de Dalciow—de Dalci, vm. Ologum—Olonum).

Личность Иоанна Мелецкаго, воеводы подольскаго, достаточно опредѣляется текстомъ; онъ дѣйствительно былъ отцомъ извѣстнаго гетмана короннаго Николая Мелецкаго († 1585 г., Bielski, 1764, str. 741), какъ то и указано въ припискѣ Альбертранди. Пѣсецкій (VI, str. 393—394) сообщаетъ, что погребень Янъ Мелецкій въ Мельцѣ, гдѣ и находится его надгробный памятникъ съ гербомъ, составленнымъ изъ гербовъ Грифа, Топора, Абданка и Сулимы, и что хвалебная надпись съ этого камня списана Папроцкимъ. По справкѣ въ книгѣ послѣдняго Herby Rycerstwa Polskiego. 1584 (Wydanie Turowskiego. 1858, str. 128) оказалась копія той же самой надписи, которую копируетъ и описываемый сборникъ; между копіями оказывается, конечно, и нѣкоторое различіе *).

Указаній на портреты Яна Мелецкаго намъ не встрѣчалось, а потому рисунокъ описываемаго сборника является единственнымъ, быть можетъ, и при томъ, по всему вѣроятію, достовѣрнымъ его портретомъ.

XXVI. (л. 88; 104; № 130). STANISLAW MIŃSKI. [6"×9'2"].

На монтировкѣ написано: Compendium vitae Minscii vide in Operibus posthumis Stan: Lubieniski Epis: Ploc. Lib. IV de Motu Civili in Pol. folio 138.

Справа отъ головы портрета старымъ почеркомъ написано: Stanisław Minskij z Minska Woiewoda | Łęczycki Starosta | Płocki. ten który kanoniza- | cya S. Jacka wyprawil, a къ этому Альбертранди приписалъ, отчасти по старой страницѣ, отчасти по монтировкѣ: Potym Podkanclerzy koronny za Zyg. III.

Погрудный портретъ представляетъ рыцаря въ плащѣ, изъ-подъ котораго видны латы; плащъ застегнутъ на груди большою пуговицей, отъ которой на лѣвое плечо идетъ орнаментированная длинная петлица; лицо, съ небольшими прямыми усами и короткою, тщательно остриженною (вертикально, съ округлыми нижними углами) бородою, повернуто въ $\frac{3}{4}$ влѣво; волосы на головѣ стрижены коротко.

Minscius ante alios virtute ornatus et arte
Eloquio clarus, iudicioq.[ue] potens
Hunc Pallas tulit has studiorum mater in auras
Ingenium et varijs dotibus erudiuit
Hic pius, hic doctus, vere comitatur IESVM,
Illustrat patriam solus ubiq.[ue] suam.
Hunc age fac Lector faelicia cuncta precare.
Vatibus nam sacris lux rediuiua datur
Est Cedro dignus, fidei defensor auitae,
Est dignus tribuat cui bona cuncta Deus.
Viuat, viuat, viuat. prospere, saluus, Diu.

И портретъ, и подпись подъ нимъ, и даже припись надъ нимъ Альбертранди скопированы въ альбомѣ Публичной Библиотеки (Polon. XIII, F. 1) на л. 31, съ

*) А именно,—опуская различія орфографическія,—копія Папроцкаго даетъ такія различія: Mielecz. Stanislai filii summo is quae; vm. gravitas—benignitas; immortalem; Anna, a Delejow ex vetustate colorum gente.

нѣкоторыми разночтеніями, не считая разрѣшенія сокращеній; въ эпиграммѣ *vm. rediviva—redimna, vm. Cedro—credo.*

Станиславъ Минскій, воевода Ленчицкій (съ 1596 г.), подканцлеръ коронный (съ 1605), ѣздилъ въ 1594 г. по дѣлу о канонизаціи Іакина Одровонжа въ Римъ, а прежде того учился въ Падуанскомъ университетѣ, въ Италиі же онъ въ 1607 г. и умеръ и погребенъ во францисканской церкви св. Антонія въ Падуѣ *) и надгробную надпись его на правой сторонѣ алтаря приводитъ С. Старовольскій („*Monumenta Polonorum*“, 1655, p. 805): STANISLAUS MINSKI | de Minsko. | Palatinus Lanciciensis. | Cancellarius Regni Poloniae | Mens Regis | Et Regni ultimum decus | Et spes familiae. | Obiit Pataviy Anno MDCVII, Julij 21. | Aetatis XLIV. | Erasmus Debinski Decanus Crac: Affinis, & Exec: Test: F.F. | O vita fallax, quae desinis dum vivere expedit.

Стихи подъ портретомъ, какъ видно по ихъ содержанію, сочинены были въ Италиі, во время пребыванія тамъ Минскаго; воззваніе къ читателю уместно и само по себѣ во всякой эпиграммѣ, но еще уместнѣе тогда, когда эпиграмма эта является посвященіемъ какому-либо меценату цѣлой книги; однако, будь въ данномъ случаѣ послѣднее, то въ эпиграммѣ былъ бы, вѣроятно, и намекъ хотя бы на содержаніе книги: стихотвореніе могло быть и просто поднесено Минскому и быть вырѣзаннымъ подъ его портретомъ.

Указать книгу, откуда заимствованы стихи въ честь Минскаго, и какіе-либо иные портреты его мы не можемъ. Рисунокъ же описываемаго сборника несомнѣнно скопированъ съ какого-то хорошаго портрета, а потому долженъ быть признанъ достовѣрнымъ, даже при неумѣнн составителя описываемаго сборника хорошо перерисовать этотъ оригиналь.

XXVII. (л. 36 об.) N.N. (заклеено).

На оборотѣ страницы съ портретомъ Яна Щенскаго Хербурта (см. выше, X) можно разобрать, смотря на свѣтъ, перечеркнутое чернилами накрестъ изображеніе какого-то мужчины съ большою бородой; голова въ мягкой шапочкѣ повернута въ профиль вправо; на плечахъ фигуры,—едва ли не обнаженной,—плащъ; правая рука поднята къ груди; опущенная лѣвая держитъ какую-то палку.

Изъ длинной мелкой подписи подъ рисункомъ разобрать мнѣ ничего, кромѣ перваго слова, *Swiętam*, не удалось. Судя по другимъ аналогіямъ перечеркивались и заклеивались изображенія не только совершенно фантастическія, какъ, напр., Сезострисъ (см. ниже XXXV), но и портреты лицъ историческихъ, но не имѣвшихъ ближайшаго отношенія къ Польшѣ, наприм. Елизаветы Англійской (см. выше, VIII, стр. 403), а потому гадать о значеніи заклееннаго портрета было бы бесполезно.

XXVIII. (л. 44; 53 № 180). JANVSSIVS dux in OSTROGIA. [6" × 9½"].

(См. табл. VII, рис. 1).

Портретъ испорченъ рыжимъ пятномъ по срединѣ лица. Широкое лицо, съ маленькими глазами, нарисовано почти *en face*, съ легкимъ лишь поворотомъ вправо (отъ зрителя), такъ что видно одно лишь правое ухо (изображеннаго); подбородокъ и щеки выбриты, широкіе и длинные усы расходятся на обѣ стороны;

*) См. о немъ Нѣсецкаго, VI, 1841, стр. 418; *Encyklopedyja Powszechna*, XVIII, 1864, стр. 635, и литературу, указываемую у Финкеля (№№ 3303, 7495, 12680, 28961, 33549).

на головѣ шапка съ мѣховыми отворотами; на груди видны двѣ пары пуговицъ съ петлицами; на лѣвомъ плечѣ, повидимому, плащъ или, скорѣе, перевязь.

Подъ портретомъ на бѣломъ листѣ монтировки тщательно написано: Janussius. Старая, очень тщательно и мелко выписанная, подпись содержитъ копию эпитафiи:

Epitaphium olim Ill[ust]ris[simi] Janussy Ducis in Ostrog. Castellani Cracouiens[is].
Conditur hoc tumulo Ill[ust]ris[simus] et Excellentissimus Princeps D. D. Janus-
sius Dux in Ostrog. | Comes in Tarnow Castellanus Cracouiens[is] Wladymirien[is]
Berestauien[is] Bialocerkieuien[is] Ca | niouien[is] Bohuslawien[is] Capitaneus Prin-
ceps toto vitae suae tempore praestantissimus aeterna[ue] me | moria colendus Ostrogiae
Ducum Primus Catholicus eiusdem[ue] religionis propagator studiosissim[us] | aceri-
mus[ue] defensor Senator Prudentissimus integerrimus[ue] bellator fortissimus ac
felicissimus flu- | ctuanti Reipub[li]cae anchora in aduersis praesidium in periculis
portus praecipua[ue] a Tartarico fu- | rore Regni munimentum hoc saepius dome-
sticis agitata dissidys Respub. loquitur hoc totus | numerosi exercitus Tartarorum ad
Retham patiuntur Sobum amnem Ostrogiam Ciuit[atem] | fusi vel profligati testantur
Hoc Cosacorum infestus XIII Millium Exercitus ad Piatkum | deiect[us] p[rae]dicat
edictis a se plurimis erga Rempub. amoris erga. Seren[issimi] Regis fide[m] erga reli-
gione[m] pie- | tatis erga religiosos munificentiae er[ga] pauperes libertatis argumentis
desiderabilis o[mn]i[um]ibus hanc aerumn[o] | sam lahrimarum vallem sedib[us] beatissim[is] com-
[m]utavit monumento hoc mortalitatis memor du[m] in viuis e[ss]et sibi extracto.

Портретъ и подпись скопированы въ альбомѣ Публичной Библиотеки (Polon. XIII F. 1) на л. 55, причемъ въ текстѣ раскрыты нѣкоторыя сокращения и оказы-
ваются нѣкоторыя измѣненiя: вм. Regis fide[m] читается Regem fidei, вм. lachri-
marum—lachrimam, но кончается текстъ тамъ же, гдѣ и въ оригиналѣ. Между
тѣмъ, копія этой же самой надписи, напечатанная С. Старовольскимъ (Monumenta
Sarmatarum. 1655, p. 644—645) по надгробію кн. Януша въ усыпальницѣ кн.
Острожскихъ въ костелѣ въ Тарновѣ, представляетъ на ряду съ незначитель-
ными и нѣкоторыя болѣе существенныя и, повидимому, болѣе вѣрныя разночтенiя *),
а, самое главное, копія этой надписи кончается датой:

Anno Domini. M. DC. XII. die XII. Septembr. Anno Domini, M. DC. XX.
гдѣ указавъ какъ годъ сооруженiя памятника (1612), такъ и день смерти
(12 сент. 1620) кн. Януша Острожскаго. Объ этомъ лицѣ его надгробіе содержитъ
достаточно точныя данныя (родился въ 1554 г.), чтобы къ нимъ нужно было
здѣсь еще что-либо прибавлять **).

Отсутствіе даты при копiи съ надгробнаго памятника встрѣчалось уже намъ
въ описываемомъ сборникѣ выше (см. XVIII); если здѣсь этотъ пропускъ можно
объяснять отсутствіемъ мѣста, т.-к. надпись еле-еле умѣстилась въ очерченное
подъ портретомъ мѣсто, то тамъ такое объясненіе не приложимо, т.-к. мѣста было
достаточно. И та и другая даты смерти изображенныхъ лицъ приходятся на одинъ
1620 годъ; не объясняется ли пропускъ ихъ тѣмъ, что составитель сборника, со-
временникъ обонхъ лицъ, считалъ лишнимъ списывать то, что ему было и безъ

*) А именно: вм. D. D.—Dnus D., вм. Wladymirien.—Vlodimirien., вм. Berestauien.—Pereslawien.,
между Bialocerkien. и Canouien. стоитъ еще Circassiens, послѣ fluctuanta eme saepius, вм. praeci-
pua[ue]—praecipuumque, вм. ad Retham patiuntur—ad Retkam pagum, вм. deiectus p[rae]dicat edictis—
deletus praedicat editis, вм. Seren. Regis fide[m]—Serenissimos Reges fidei.

**) См. также Niesiecki, VII. str. 185—188; Paprocki, 1859, str. 451—452; J. Wolff. Książowie
Litewsko-Ruscy. Warszawa. 1895, str. 357; у Finkel'я указаны изданiя завѣщанiя кн. Януша Острож-
скаго 1618 г. (№ 3592) и Якова Островекаго Pamiątka Pogrzebowa J. O. Xiążęcia Janusza z Ostroga,
etc. przy pochowaniu ciała jego w Tarnowie d. 3. Listopada 1620. Kraków. 1621 (№ 3406).

того хорошо известно? Совпадение же годовъ было, надо думать, простою случайностью.

Что касается самого портрета кн. Януша Острожскаго, то по аналогіи съ другими подобными случаями копировки надгробій или иныхъ портретовъ, стоявшихъ у гробницъ, мы и здѣсь можемъ предполагать, что оригиналомъ для рисунка послужилъ какой-либо портретъ, находившійся при гробницѣ въ Тарновскомъ костелѣ. Къ сожалѣнію, иныхъ портретовъ кн. Януша Острожскаго намъ видѣть не удалось, но не имѣемъ мы и основаній сомнѣваться и въ достовѣрности этого, а, кромѣ того, Б. И. Пуляновскій сообщилъ намъ, что таковымъ же кн. Янушъ Острожскій изображенъ и на портретѣ его, имѣющемся въ Несвижскомъ замкѣ.

XXIX. (л. 115; 140; № 93). MICHAŁ PIEKARSKI. [6"×9¹/₂".]

На монтировкѣ сверху написано чернилами: *Regicida infamis*, а внизу карандашемъ: *Piekarski Królowoysa*, пониже, очень небрежно, карандашемъ же: *tylko to*. Въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ портретовъ здѣсь портретъ помѣщенъ въ срединѣ относящагося къ нему текста, который начинался на предыдущей страницѣ.

Портретъ сохранилъ подѣ штрихами чернилами значительные остатки карандашныхъ контуровъ одежды, иныхъ нежели въ окончательномъ рисункѣ.

Пекарскій представленъ въ профиль вправо; голова бритая, съ чубомъ; горбатый носъ; ухо безъ серьги; длинный, загнутый внизъ, усъ; на плечахъ плащъ; правая рука придерживаетъ рукоятку боевого молотка, лежащаго на правомъ плечѣ; рисунокъ этой руки съ молоткомъ, орудіемъ покушенія, столь безобразенъ, что невольно является предположеніе, не пририсовалъ ли ее составитель сборника собственными силами къ копируемому чужому оригиналу лучшей работы.

Мелкій латинскій текстъ въ нижней части страницы является продолженіемъ декрета, лишающаго Пекарскаго чести; въ концѣ его, сплошь занимающемъ обратную сторону этого же листа 115-го, значится дата: *Dat[um] Warsauaie in Conuentu Regni G[e]n[er]ali f[e]r[i]a Quarta post festu[m] S. Catherinae Virginis et Martyris An[n]o MDCXX*. Начало же этого декрета находится на оборотной, оставленной не заклеенною, сторонѣ л. 45, на лицевой сторонѣ котораго нарисованъ козакъ Явойшовскій; сообразно этому, какъ мы указывали выше (стр. 393), на лицевой сторонѣ л. 45-го стоитъ карандашная помѣта 4, на оборотной — 5, а на описываемомъ здѣсь листѣ 115, на лицевой его сторонѣ — 6.

Мы считаемъ излишнимъ перепечатывать здѣсь этотъ длинный и, вѣроятно, изданный уже *) „*Edictum super Michaelem Piekarski criminis laesae M[ajest]atis R[eg]iae Violatorem ac parricidam latum*“, какъ озаглавленъ онъ на л. 115 об. Для насъ важнѣе вопросъ объ оригиналѣ портрета Пекарскаго, т.-к. мы не нашли указаній на какіе-либо иные портреты его. Само собою разумѣется, что о какихъ-либо хорошихъ печатныхъ портретахъ его, отдѣльныхъ ли или въ какихъ-либо современныхъ книгахъ, не могло быть и рѣчи: лишеннаго чести, четвертованнаго, растащеннаго конями, сожженнаго и пепломъ уже брошеннаго въ Вислу шляхтича, умственно, повидимому, не вполне нормальнаго, осмѣливагося поднять свой боевой молотъ, — ношеніе ихъ послѣ этого поспѣшили запретить, — на короля Сигизмунда III **), нельзя было, конечно, тогда чествовать въ предѣлахъ

*) Въ каталогъ Кентржицкаго (см. выше, стр. 390) указано три копии этого декрета и два описанія самого покушенія (о. с., I, стр. 174, 436, II, стр. 386).

**) *Niesiecki VI*, стр. 286 — 287; *L'attentat de Piekarski* въ сборникѣ *Chodźko, La Pologne*, Paris. 1839—42, III, pp. 319—329. Указаніе на источники и литературу см. *Finkel, №№ 3594, 5107, 7902, 17966, 26322*.

Польши портретами или брошюрами; его печатные портреты, если только такіе существовали, могли появиться лишь за-границей, какъ столь обычныя изображенія «знаменитыхъ злодѣевъ». Съ такой, болѣе или менѣе дубочной, гравюры и могъ копировать портретъ Пекарскаго составитель описываемаго сборника; но, пожалуй, проще и вѣрнѣе будетъ предположеніе, что онъ нарисовалъ Пекарскаго по памяти самъ или же, — т.-к., какъ увидимъ ниже, описываемая рукопись можетъ быть и копіей, — то съ иного подобнаго рисунка какого-либо изъ современниковъ краковскаго покушенія 1620 года, которое было въ значительной мѣрѣ послѣдствіемъ плачевнаго для Польши исхода Цецорскаго похода того же года. Если вѣрно высказанное выше соображеніе о пририсовкѣ руки съ молотомъ къ копированному оригиналу, то оригиналъ этотъ могъ быть, въ художественномъ отношеніи, выше сохранившейся копіи и, слѣдовательно, передавалъ черты Пекарскаго болѣе или менѣе удовлетворительно; и теперь при разсматриваніи имѣющагося на лицо рисунка иногда кажется даже, что въ немъ передается и «безуміе» Пекарскаго. Хотя при портретѣ и не имѣется современной ему подписи съ указаніемъ имени Пекарскаго, но въ личности его не можетъ быть никакого сомнѣнія, какъ по помѣщенію портрета посреди декрета о лишеніи Пекарскаго чести, такъ и по присутствію топорика въ его рукахъ.

Не имѣвъ случая или возможности видѣть иные портреты Пекарскаго и не имѣя даже свѣдѣній о самомъ существованіи ихъ, мы не имѣемъ все же никакихъ основаній сомнѣваться въ достовѣрности этого портрета.

XXX. (л. 116; 141; № 92). IWAN PODKOWA. [6¹/_s"×9⁵/_s"]. (См. табл. VI, рис. 2).

На монтировкѣ надъ портретомъ написано: *Perduellis, iussu Stephani Regis capite diminutus.*

Портретъ крупный: голова, повернутая слегка влѣво, занимаетъ почти все поле, назначенное для портрета; шея и плечъ, покрытыхъ какою-то, горизонтально идущею, полосой, быть можетъ, латнаго пластинчатаго оплечья, видно очень мало; на макушкѣ бритой головы чубъ; въ лѣвомъ ухѣ серьга въ видѣ бусины или жемчужины, прикрѣпленной на стержнѣ къ нижней части кольца; длинные узкіе усы спадаютъ внизъ; непомѣрно высокій лобъ и острый подбородокъ придаютъ портрету индивидуальныя черты. Мѣстами видны карандашные контуры.

На старомъ листѣ по сторонамъ головы Подковы, у верхняго края портрета, читается: *Podkowa we Lwo | wie scięty.*

Подъ портретомъ подпись въ семь строкъ:

Ten Podkowa był takiej mocy ze nietylko podkowy łamał | ale y talery rozdierał, a kiedy w scianę drzewianą talerem | cisnął tak wpadał w drzewo zego wyrębowano Koczcy sześciami | koni rozpedzony za zadnie koła wiawszy zatrzymawał Dyszel | każdy przez kolano złamał kostur okowany o golen tłukł | w zęby wiawszy beczkę miodu przez sie przerzucil. Wołowy rog | wiawszy w garsc: Wrota v bramy nadrugą stronę przebil.

Этотъ перечень болѣе или менѣе невѣроятныхъ примѣровъ проявленія необычайной силы Подковы своимъ источникомъ имѣлъ, на нашъ взглядъ, устные, вѣроятно застольные, рассказы сотоварищей автора, особый интересъ котораго къ повторенію подобнаго рода курьезныхъ разсказней мы встрѣчали уже не разъ. Ломанье подковъ и монетъ — одно изъ обыкновенныхъ упражненій силачей и оно одно только можетъ быть признано лишеннымъ преувеличенія, но въ приложеніи къ Подковѣ оно могло явиться и просто, какъ простѣйшее объясненіе его прозвища, которое польскіе источники этимъ ломаніемъ подковъ по большей части

и объясняютъ, тогда какъ молдавское толкованіе прозвища было иное и видѣло въ немъ лишь обозначеніе кузнечнаго ремесла, которымъ занимался Иванъ раньше, чѣмъ заявилъ свои претензіи на господарство *).

Втыканіе талера въ стѣну такъ, что его потомъ нужно вырубать, мы встрѣтили уже выше (см. стр. 409) въ разсказѣ о силѣ Яна Щенснаго Гербурга. Остановить повозку, взявшись за колесо, сломать черезъ колѣно дышло, переломить окованный желѣзомъ посохъ, ударивъ имъ себя по голени, — все это болѣе похвалялись продѣлать, чѣмъ дѣлали, многіе. Перебросить черезъ себя бочку меда, взявши ее за край зубами, нужно было, разумѣется, предварительно осушивъ ее до дна: по крайней мѣрѣ, пить, правда изъ ведерца или кубка, такимъ именно, довольно неудобнымъ, способомъ входило, если вѣрить Стрыйковскому **), въ обязанность чаровника при молитвахъ объ урожаѣ на весеннемъ праздникѣ прусской Жмуди. Пробитіе насквозь воротъ воловьимъ рогомъ кончаетъ списокъ доблестей Подковы; изъ дѣйствительной же исторіи его составитель описываемаго сборника ограничился лишь помѣтой о казни его во Львовѣ.

Кратковременная, но громкая авантюра Подковы, оказавшагося въ концѣ концовъ одною изъ жертвъ «добрососѣдскихъ отношеній» христіанской Европы съ грозною тогда Турціей, весьма характерна для тогдашняго положенія Молдавіи: недовольные жестокимъ турецкимъ ставленникомъ, господаремъ Петромъ Хромымъ, т. н. Петрилой, бояре выискали среди низовыхъ козаковъ нѣкоего Ивана Подкову, именуемаго иногда почему-то и Серпягой, который объявлялъ себя братомъ прежняго молдавскаго господаря Ивони; при помощи козацкаго отряда съ гетманомъ Шахомъ и нѣсколькихъ шляхтичей съ Подолья, Подкова овладѣлъ Яссами и сидѣлъ тамъ мѣсяца два; но потомъ, при приближеніи войскъ седмиградскаго воеводы Христофора Баторія, Подковѣ пришлось вернуться въ Подолію и сдаться польскимъ властямъ, которыя на переднемъ пути Подковы въ Молдавію задержать его, несмотря на королевскія предписанія, якобы, не могли; Подкова «для объясненій» отправленъ былъ къ королю Стефану Баторію, но имъ не принятъ, а заключенъ въ тюрьму, а затѣмъ въ слѣдующемъ (1578) году и обезглавленъ во Львовѣ по требованію турецкаго правительства: только давленіемъ на судей пугаломъ войны съ Турціей королю удалось добиться смертнаго приговора Подковѣ, за котораго вступилась ранѣе шляхта на сеймѣ и смѣлой авантюрѣ котораго сочувствовали, конечно, многіе; даже нѣмецкій историкъ согласенъ съ польскимъ мнѣніемъ, что казнь Подковы повредила славу Стефана Баторія за-границею ***).

*) „Który iż podkowy łamał Podkową go zwali“—толкуеть прозвище Подковы особая, довольно обстоятельная исторія его, внесенная въ „Хронику“ Мартина Бѣльскаго (по изд. 1764, стр. 693—696, 698), повторенная,— но безъ свидѣтельства о необычайной силѣ Подковы,— у Гваньини (Kronika Sarmacyi Europejskiej, по изд. 1764 г., стр. 340—343) и переведенная на русскій языкъ (см. „Повѣсть о Подковѣ, господарю волоскомъ“, изданную въ приложеніи къ Лѣтописи Григорія Грабянки, Кіевъ, 1854 г., стр. 293—300). То же находимъ и у Гейденштейна („Записки о Московской войнѣ“ [1578—1582], переводъ съ латинскаго. Изданіе Археограф. Комиссін С. П. Б. 1889, стр. 9): „среди этихъ людей [т. е. низовыхъ козаковъ] жилъ съ нѣкотораго времени Иванъ Подкова, по народности валахъ, человекъ низкаго происхожденія, но отличавшійся физической силой и приобрѣвшій себѣ прозваніе Подкова тѣмъ, что разрывалъ рукою желѣзные лошадиныя подковы“. „Убичини говорить, что Ивана молдоване прозвали „Подковаръ“, т. е. кузнецъ, т. к. Иванъ, будто, прежде занимался кузнечнымъ ремесломъ“ (Любовичъ, [см. ниже], стр. 4, примѣч. 5).

**) Kronika Macieja Strzykowskiego. Warszawa. 1762, str. 147: ... „Konewkę albo kubek postawi, weźmie ją zębami, y wypije piwo, a wypwszy rzuca konewkę bez dotykania ręku przez głowę“...

***) Martini Zeilleri Anderte Beschreibung des Königreichs Polen und Grosz-Herzogthums Litauen. Ulm. 1657. S. 40: „darüber (о казни Подковы) fast jedermann Leid getragen, und ist solches nicht ohne geringe Schmälerung seines grossen Namens bey den Ausländern geschehen“

Въ письмахъ одного современника живо передается, какую сенсацию произвели во Львовѣ смѣлость и рѣчи Подковы передъ смертью и казнь его 16 июня 1578 года: «удивительно, какъ жалѣеть его здѣсь вся plebs; о немъ печатають книги и пѣсни, а живописцы нарисовали тѣло казненнаго» *).

Можно было бы думать, что подъ Львовскою „plebs“ авторъ письма разумѣлъ то смѣшанное разноплеменное населеніе Львова, для части котораго, для малороссовъ и молдованъ, Иванъ Подкова, какъ свой человекъ, былъ особенно интересенъ, но здѣсь надо разумѣть, повидимому, круги населенія болѣе широкіе; и среди польской шляхты смѣлымъ эфемернымъ господаремъ интересовались, конечно, многіе: стихотворное повѣствованіе о вторженіи его въ Валахію издалъ въ Краковѣ самъ Бартошъ Папроцкій **). А подробное описаніе казни Подковы, его смѣлости передъ нею и содержаніе его рѣчей, громившихъ угодничество короля передъ Турціею, сохранено намъ въ письмахъ итальянца Филиппа Тальдуччи ***): «Люди Подковы, — сообщаетъ онъ между прочимъ, — взявши его тѣло и пришивши къ нему голову, вложили его въ зеленый ящикъ, который, говорятъ, самъ Подкова приказалъ приготовить, затѣмъ внесли его въ ближайшую русскую церковь, и больше ничего не слышно объ этомъ». О дальнѣйшей судьбѣ тѣла Подковы сообщаетъ, позднѣйшая правда, лѣтопись Грабянки (Кіевъ, 1854, стр. 23): «того ляхи лестию емше до кроля отослаша, которій повелѣ отсѣщи главу Подковѣ во Львовѣ; тѣло же его козаки взявше, въ Каневѣ въ монастырѣ погребоша».

Вышеприведенныя свидѣтельства въ письмахъ современниковъ съ достаточною вѣроятностью устанавливають и оригиналь, къ которому тѣмъ или инымъ путемъ восходитъ издаваемый здѣсь портретъ Подковы: это былъ рисунокъ тѣла

(S. 41), wie Ioan. Demetr. Sulikovius Ertz-Bischof zu Leopoli in seinem Commentario Rerum Polonicarum p. 105 berichtet; auch saget dass dieser Podkowa so stark von Leib gewesen, erder Pferde Hufeisen zwischen den Fingern hat zerbrechen können“. Ту же цитату изъ Суликовского (omnium fere dolore et non exiguo apud exteros existimationis Regiae detrimento) приводитъ и J. Chr. Engel (Geschichte der Ukraine und der Ukrainischen Cosaken. 1796. SS. 78—80). Намъ не пришлось, къ сожалѣнію, пользоваться самою книгою Суликовского, равно какъ и указываемыми у Finkel'я подъ №№ 24795 и 26064 статьями А. Русолюбовича и Ролле (Antoni); послѣднюю статью мы знаемъ, впрочемъ, въ русскомъ переводѣ, съ существенными дополненіями, помѣщенномъ безъ имени переводчика въ журналѣ „Кіевская Старина“, т. XIII (октябрь, 1885 года), стр. 243—276; см. еще краткую статейку въ „Россійскомъ Альманахѣ“ Федора Туманскаго (II, 1793, стр. 43) и болѣе обстоятельныя статьи: Н. Любовича „Иванъ Подкова. Эпизодъ изъ отношеній Подолія къ Молдавіи въ XVI в.“, Каменецъ-Подольскъ, 1878, и Вад. Модзалевскаго „Подкова, Иванъ (Ганъ)“ въ Русскомъ Біографическомъ Словарѣ, томъ „Плавильщиковъ-Примо“, С. П. Б. 1905, стр. 196—197.

*) Письма неизвѣстнаго къ маршалу коронному, наданныя въ „Acta historica res gestas Poloniae illustrantia. t. XI. Acta Stephani Regis. Krakow, 1886.

Pag. 107 (27 мая 1578): „Czausz Turecki onegdaj przyjechał; nazajutrz miał audyencją, fuka, grozi, pisze Cesarz, abyśmy Podkowę z Konstantym (кто былъ этотъ Константинъ, издатель не объясняетъ) albo żywego albo głowy ich do Konstantynopola odesłali, przeto już tu Podkowie sieć“.

Pag. 110 (19 июня 1578): „Czausz w tym tygodniu odprowion być ma. Podkowa nieborak gardło dać musi i pewnie albo jeszcze przy tym Czausie, albo skoro odjedzie plectetur capite. Konstantego obmawia Król że nie wienien“.

Pag. 115 (3 июля 1578): „Wiedzieć też już podobno W. M. raczysz o ścięciu Podkowy. Dziwna rzecz jako go tu wszystka plebs żałuje, księgi, pieśni o nim drukują. Malarze cialo ścięte odmalowali. Nie wiem, aby Aleksander większe serce, jako on, mógł mieć, gdy na śmierć szedł i siła mówił. Był przytem Wołoscy posłowie, Czausz trzy dni przed tem odjechał był.“

**) Krótki a prawdziwy opis wjechania do Wołoch Iwana Wojewody, którego Podkową zowią. Kraków. 1578. 8°. Къ сожалѣнію, книжка эта извѣстна мнѣ лишь по заглавію (Энциклопедуя Powszechna. XX, 1865, стр. 349), судя по которому о казни Подковы въ ней еще не говорится.

***) См. дополнительное примѣчаніе къ переводу статьи Ролле въ „Кіевской Старинѣ“, XIII (октябрь, 1885 г.), на стр. 272—275.

казненного съ пришитою головою, исполненный какимъ-либо изъ львовскихъ живописцевъ; львовскіе живописцы славились въ то время своимъ искусствомъ *), и портретъ Подковы можетъ считаться поэтому вполне достовѣрнымъ: даже въ той несовершенной копіи, въ какой онъ до насъ дошелъ, сохранены въ немъ, какъ мнѣ кажется, характерныя молдованскія черты лица.

Съ чего именно копированъ этотъ портретъ: съ рисованнаго ли портрета, съ гравированнаго ли портрета, приложеннаго къ какой-либо изъ упоминавшихся выше книжекъ, изданныхъ послѣ казни Подковы, или же съ особаго печатнаго листа, рѣшать это мы, конечно, не имѣемъ достаточныхъ оснований, но не видимъ таковыхъ и для сомнѣній въ достовѣрности издаваемаго портрета.

XXXI. (л. 51 об.). ROTERA или ROTERCA. (заклеено).

На оборотѣ страницы съ надписью въ честь Карнковскаго (см. выше, стр. 393), нынѣ заклеенномъ, а передъ тѣмъ перечеркнутымъ накрестъ, можно разобрать на свѣтъ рисунокъ какого-то бородатаго мужчины: голова, безъ всякаго головного убора, повернута въ $\frac{3}{4}$ влѣво и изображена нѣсколько закинутой назадъ, т.-е. какъ бы смотрящей вверхъ; въ правой приподнятой рукѣ неизвѣстный держитъ палку (?) съ острымъ, изогнутымъ на подобіе серпа концомъ, который сплошь зачерненъ, такъ что его можно понимать и какъ рукоятку трости, напр., изъ рога, и какъ подобіе серпа или косы; одежда на воротѣ и груди обшита широкою каймою; верхняя широкая часть рукава пересѣкается нашитою на нее полосой съ поперечными полосками и параллельными имъ рядами кружковъ; лицо, обросшее длинною и широкою бородой и большими, закрывающими ротъ, усами со свисающими внизъ концами, производитъ впечатлѣніе какой-то дикости, увеличиваемой еще болѣе густыми, курчавыми волосами.

Слѣва отъ головы на высотѣ волосъ ясно читается написанное печатнымъ шрифтомъ слово: Rotera, или, можетъ быть, и Roterca, такъ какъ у послѣдней буквы *a* передняя изогнутая черточка далеко отставлена отъ второй, что, можетъ быть, обозначало слогъ *ca*. Послѣднее чтеніе болѣе подходило бы къ изображенію человѣка, чѣмъ первое, такъ какъ по словарю S. B. Linde (Tom IV. Lwów. 1858, str. 402) первое слово обозначаетъ дѣйствіе осужденія, проклятія, порицанія, и т. п., а второе того, кто это дѣлаетъ, т.-е. обличителя, клеветника, хулителя и т. п.

Къ сожалѣнію, изъ семнадцати строкъ мелкаго польскаго текста подъ этимъ портретомъ мнѣ удалось разобрать слишкомъ мало, такъ какъ чтеніе на свѣтъ здѣсь представляло значительныя затрудненія, справиться съ которыми я не имѣлъ умѣнія и времени. Первая и вторая строки читаются такъ: Quintilian w swoiey Retoryce wspomina? ze..... w Rzymie ktory zarabiając | przysłowie..... cię był vst..... iako człowiek |, но мы не могли уловить въ нихъ достаточно смысла, чтобы объяснить, кого именно долженъ изображать портретъ; не помогла и справка въ Institutio Oratoria Квинтиліана по словамъ Roma и Urbs; искать же въ псевдо-Квинтиліановыхъ Declamationes мы не стали, т. к. разобранныхъ словъ не достаточно для пониманія общаго смысла текста; комбинируя упоминаніе о Римѣ съ обозначеніемъ портрета словомъ „rotera“, или „roterca“, мы приходили лишь къ предположенію, не представленъ ли здѣсь тотъ «наемный клеветникъ», который въ Римѣ выкрикивалъ ругательства по адресу и насчетъ триумфатора.

*) См. Lozinski. Patrycyat i meszczaństwo lwowskie w XVI i XVII wieku. Lwów. 1892, str. 205, 206, et passim.

Впрочемъ, не будучи въ состояніи разобрать текста, мы предпочитаемъ не вдаваться въ область гипотезъ о портретѣ и его значеніи. Ясно лишь, что никакого историческаго значенія онъ не имѣетъ, о художественномъ же значеніи какого бы то ни было изъ описываемыхъ портретовъ также не можетъ быть и рѣчи.

XXXII. (л. 181 об.; 214; № 18; 101а). STANISLAUS RESCIUS. [6" × 9 1/2"].

На монтировкѣ надъ портретомъ написано:

Reszka. Są iego listy w Neapol. drukowa [ne].

На портретѣ нарисованъ старикъ съ длинною бородою и усами въ мягкой шляпѣ со странными полукруглыми вырѣзами на верхнемъ ея краѣ; лицо повернуто въ 3/4 влѣво; на плечахъ широкая пелеринка, застегнутая спереди и, видимо, съ откинутыми назадъ капюшономъ.

Stanislaus Rescius Poloniae Regis in Regno Neapolitano Legatus Vir eximiae virtutis et eloquentiae singularis, narravit aliquando nobis in Neapoli commorantibus inuentum in Polonia sepulchrum antiquissimum in quo cadauer repertum tantae proceritatis erat, ut in indice alterius manus inuentus annulus armillarum in modum brachium ex nostratibus circumdare facile potuerit. In eodem praeterea sepulchro inuentas quinque argenteos siclos, pondere forma inscriptione illis iisdem similes, quos in nostris commentarijs inculpi curavimus. Hunc annulum et siclos a Rege Poloniae sibi dono datos, et apud se diligentissime asservatos, cum in Italiam attulisset nobis ostendit ex quibus facile coniecimus, Haebraeos olim, vsque a florente eorum Republica, in amplissima ea regna penetrasse. Id quod Agrippa Rex videtur confirmare, dum facit Hebraeos intimos Ponti sinus penetrasse. Haec Villalpandus.

Этотъ портретъ и текстъ скопированы на 44 листѣ альбома Публичной Библиотеки (Polon. F. XIII, 1), причемъ въ текстѣ оказались нѣкоторыя ошибки*).

Станиславъ Решка (1543—1603), выдающійся духовный писатель и дипломатъ, королевскій секретарь съ 1574 г., былъ посломъ польскаго короля Сигизмунда III въ Неаполѣ около девяти лѣтъ до самой смерти своей тамъ въ 1603 г.; тамъ же издалъ въ 1594 и 1598 гг. онъ и два тома своихъ писемъ, о которыхъ говорится въ приискѣ Альбертранди**).

Вмѣсто какихъ-либо свѣдѣній о самомъ Решкѣ, которая составителю сборника казались излишними, подъ портретомъ его помѣщена начинающаяся лишь его именемъ выписка изъ книги спеціальнаго содержанія и книги къ тому же, по цѣнности гравюръ, ея украшающихъ, едва-ли особенно распространенной. Выписка эта подходитъ, впрочемъ, отчасти къ характеру другихъ текстовъ подъ портретами присутствіемъ въ ней диковиннаго элемента въ видѣ древняго скелета такой величины, что перстни его могли служить браслетами. Оканчивается она именемъ Виллальпанда, извѣстнаго богослова и антиквара конца XVI и начала

*) Вм. Rescius—Roscius; in Neapoli—пропущено in; florenti вм. florente.

***) См. о немъ Niesiecki, VIII, 1841, str. 106; Encyklopedyja Powszechna XXII, 1866, str. 87—89. Значительная часть переписки Решки съ разными лицами издана гр. Амвр. Грабовскимъ въ его Starożytności historyczne Polskie. II. Kraków. 1840, str. 29—32, 356—389.

Кромѣ многочисленныхъ полемическихъ и богословскихъ сочиненій Решка издалъ биографію своего покровителя и друга: De Stanislai Hosii S. R. E. Cardinalis vita. Romae. 1587, и политико-историческія брошюры: De rebus in electione, profectioe et coronatione Henrici Regis. Romae. 1574, De rebus gestis Stephani I Pol. Reg. contra magnum Moschorum Ducem narratio. Romae. 1582, и Epistola ad Pontificem Max. de capto Maximiliano ad Byzynam. Romae. 1588.

XVII вѣка: Іоаннъ Баптистъ Виллальпандъ родился въ Кордовѣ въ 1552, умеръ въ Римѣ въ 1608 году и оставилъ памятникомъ своихъ библейско-антикварныхъ занятій трехтомное изданіе: *In Ezechielem explanationes et apparatus urbis ac templi Hierosolymitani commentariis et imaginibus illustratus. Romae. 1593—1606.* Первый томъ содержитъ коментаріи на книгу пророка Іезекиіля, составленный Н. Prati на первыя 26 главъ и Виллальпандомъ на двѣ остальные; второй томъ посвященъ Соломонову храму и попыткѣ его возсозданія въ рисункахъ *), а третій содержитъ описаніе города Іерусалима и трактаты о вѣсѣ, монетѣ и мѣрѣ евреевъ (*Biographie Universelle (Michaud). Nouv. Edition. XLIII, pp. 401—402.*)

Изъ второго тома этой книги и сдѣлалъ, очевидно, выписку составитель описываемаго сборника; къ сожалѣнію, мнѣ не удалось видѣть этой книги и я не могу повѣрить точности цитаты.

Самый археологическій фактъ, въ ней содержащійся, представляетъ нѣкоторый интересъ; нельзя сомнѣваться, конечно, ни въ открытіи гдѣ-то въ предѣлахъ Польши или Западной Россіи древней могилы съ браслетами, вѣроятно, бронзовыми, которые, однако, обычная въ такихъ случаяхъ, преувеличивающая размѣры скелетовъ, фантазія сдѣлала перстнями на пальцахъ исполина, ни въ подаркѣ всей или части находки королемъ его ученому секретарю, ни въ привозѣ послѣднимъ древностей этихъ въ Италію, очевидно, для научной экспертизы **): находки бронзовыхъ вещей доисторическаго и историческаго времени весьма обычны въ Польшѣ, Литвѣ и Малороссіи. Иное дѣло присутствіе въ той же, якобы, могилѣ пяти серебряныхъ еврейскихъ сиклей. Намъ кажется, что они могли бы еще быть найдены среди иныхъ греко-римскихъ монетъ, но находка ихъ однихъ, требующая объясненій вродѣ даваемаго Виллальпандомъ, кажется намъ столь сомнительной, что повѣрить ея дѣйствительности мы не рѣшаемся, не имѣя никакихъ иныхъ свидѣтельствъ о ней или указаній на иныя аналогичныя находки ***).

Столь же сомнительна умѣстность и ссылки на свидѣтельство царя Агриппы (см. *Philo, Legatio ad Gaium, § 36*) о проникновеніи евреевъ въ отдаленнѣйшіе заливы Понта: тутъ разумѣется, очевидно, та еврейская колонія въ Танаидѣ, которая послужила зерномъ для столь многочисленной общины «поклонниковъ Бога Вышняго» (иписитаріевъ ****) и, быть можетъ, для значительно позднѣйшаго распространенія іудейства среди хазаръ. Если и допустить возможность проникновенія еврейскихъ торговцевъ далеко оттуда по путямъ къ Балтійскому морю, то вели свои операціи они, разумѣется, не еврейскими сиклями.

Такъ или иначе, но свидѣтельству Виллальпанда, основанному на показаніяхъ Решки, интересно было бы найти подтвержденіе въ столь обширномъ польскомъ литературномъ матеріалѣ того времени, что лежитъ внѣ нашихъ силъ.

*) О важнѣйшемъ значеніи работы Виллальпанда въ литературѣ объ іерусалимскомъ храмѣ, см. А. А. Олесницкаго: „Ветхозавѣтный храмъ въ Іерусалимѣ“ (Православный Палестинскій Сборникъ, вып. 13, Спб., 1889, стр. VII—IX, XVI).

***) Ср. подобный фактъ, указанный въ „Трудахъ“ XIII Археол. Съѣзда въ Екатеринославѣ, т. II, 1908, стр. 219—220.

****) Въ книгѣ J. N. v. Sadowski. *Die Handelsstrasse der Griechen und Römer, etc.* Jena. 1877, упоминаются находки на территоріи Польши лишь древне-греческихъ монетъ—(SS. 72—77) и римскихъ: республиканскихъ (SS. 162—168, 177) и императорскихъ (SS. 186—197, 205—206).

*****) См. о ней Е. Schürer'a. *Die Juden im bosporanischen Reiche und die Genossenschaften der αὐθιγενῶν Ἰεβραίων* ebendasselbst (Sitzungsberichte der K. Preussischen Akademie, 1897, SS. 200—225); см. рецензію Ю. К. [улаковскаго] въ Ж. М. Н. Пр. Апрель, 1898, отдѣлъ критики; В. Latyschew. *Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. Vol. IV, 1901, p. 238.

Обратившись за помощью къ содѣйствию специалистовъ нумизматовъ, мы получили съ одной стороны (отъ О. Ф. Ретовскаго) подтвержденіе нашимъ сомнѣніямъ въ возможности находенія еврейскихъ сиклей въ Польшѣ, а съ другой (отъ М. И. Догеля) указаніе на возможное основаніе для утвержденія Виллальпанда въ чеканившихся въ Польшѣ во времена Мечислава III Стараго (1173—1202 г.) серебряныхъ брактеатахъ съ еврейскими надписями *).

Къ сожалѣнію, не видавъ таблицъ Виллальпанда, мы не можемъ удостовѣриться, не попали ли у него въ число древнихъ еврейскихъ монетъ и эти средневѣковые брактеаты, которые рѣзко отличаются отъ сиклей уже самою своею формою и, конечно, вѣсомъ.

Не случилось намъ встрѣчать и указаній на какіе-либо иные портреты Станислава Решки; но, что они существовали, сомнѣваться въ томъ нельзя, какъ по выдающемуся положенію Решки не только на родинѣ, но и при папскомъ дворѣ и въ международномъ обществѣ дипломатовъ. А потому, до представленія фактическихъ опроверженій въ видѣ какого-либо хорошо документированнаго, но совсѣмъ иного портрета его, и ту копію, которую сохранилъ намъ описываемый сборникъ, можно считать достовѣрнымъ портретомъ Станислава Решки.

XXXIII. (л. 160 об.). ROSAMUNDA. (заклеено).

На перечеркнутой чернилами на-крестъ и заклеенной сторонѣ того же листка, на лицевой сторонѣ котораго нарисованъ Александръ Струсъ (см. ниже XXXIV), на свѣтъ можно разсмотрѣть портретъ женщины съ текстомъ подѣ нимъ.

Голова женщины съ широкимъ лицомъ, большимъ подбородкомъ и толстою шеей, обращена въ $\frac{3}{4}$ вправо; на головѣ тонкое покрывало; воротникъ отложной съ круглою застежкой, по краю его идетъ рядъ кружковъ, обозначающихъ, вѣроятно, пуговицы или подвѣски; руки въ короткихъ рукавахъ какъ бы уперты въ бока: до пояса изображеніе не доходитъ; узкое платье спереди украшено двумя смежными вертикальными полосами, въ верхней части его вырѣзка, прикрытая, повидимому, прозрачною матеріей; верхнія части рукавовъ украшены нашивными продольными и поперечными полосами.

Ниже, какъ всегда, текстъ. Ясно читается заглавіе его:

Rozimunda vel Rozamundi.

Слѣдующую строку разобрать я не могъ: Puella clement(?)issima in Ro..... C..... ducissa (?) sepulta.

Далѣе слѣдуетъ два стиха, изъ которыхъ первый читается удовлетворительно:

Нос **) iacet in tumulo Roza mundi non Roza munda.

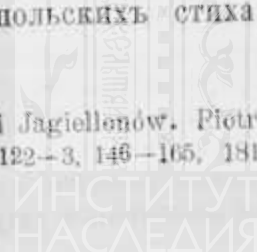
Вторая строка хотя и разбиралась въ большей ея части, но удовлетворительный смыслъ получился лишь послѣ справокъ о Розамундѣ; читать несомнѣнно надо:

Non redolet, sed olet, quae redolere solet.

Наконецъ, ниже справа мелкимъ шрифтомъ написано: Nulli Quae fuit concubina, а еще ниже крупное заглавіе: Wiano и мелкіе четыре польскіихъ стиха, явно къ Розамундѣ не относящіеся (ср. выше XVII).

*) См. Kaźmirz Stronczyński. Dawne monety Polskie dynastyi Piastów i Jagiellonów. Piotrków. I, 1883, str. 91—2, 98, 103—4, 108—9, 116, 122, 131, 154—168; II, 1884, str. 122—3, 146—165, 181; tabl. XV, 104—110, XVI, 111—137.

**) Это Нос потомъ переправлено въ Нис.

Справки по словарямъ *) о Розамундѣ выяснили, что портретъ долженъ изображать Розамунду, дочь лорда Клиффордъ, которая была любовницею англійскаго короля Генриха II, умерла около 1173 года, погребена подъ плитою, якобы съ приведенною выше эпитафией, въ женскомъ монастырѣ Godstow близъ Оксфорда, откуда, однако, прахъ ея вынесенъ былъ за монастырскую ограду по приказу св. Гугона, еп. Линкольнскаго въ 1191 г. Къ сухимъ и скуднымъ исторически подтверждаемымъ о ней даннымъ легенды прибавили обильный и живой ореолъ: скрывая ее отъ свѣта и особенно отъ жены, король выстроилъ для нея особое лабиринтообразное убѣжище на островѣ озера въ Вудстокѣ близъ Оксфорда, куда мстительная королева-убійца проникла лишь при помощи Ариадниной нити; на мѣстахъ, гдѣ ставили носилки съ тѣломъ ея на землю, король велѣлъ поставить кресты съ латинскимъ двустишіемъ; монахи собрали кости Розамунды и хранили въ кожаномъ мѣшкѣ до самаго закрытія монастыря, и т. п., и т. п. **).

Изъ этихъ данныхъ несомнѣннымъ кажется признать описываемый портретъ за изображеніе этой именно Розамунды — изображеніе, конечно, столь же легендарное, какъ и рассказы о ней, — и въ неразобранной мною первой строкѣ въ одномъ, начинающемся большою буквою, словъ можетъ, пожалуй, скрываться, искаженное быть можетъ, имя: Woodstock или Godstow; прямое противорѣчіе съ исторіей этой Розамунды, заключающееся въ послѣдней строкѣ текста, послѣ двустишія, не кажется намъ рѣшительнымъ аргументомъ противъ такого отождествленія, такъ какъ въ оригиналѣ, который копировалъ составитель сборника, могло вовсе не быть указаній на положеніе и исторію Розамунды, а было только указаніе на мѣсто ея погребенія и эпитафія; выше мы видѣли, что даже для ближайшихъ къ автору текста временъ онъ допускаетъ въ своихъ припискахъ явныя противорѣчія съ дѣйствительностью, какъ, напримѣръ, въ припискѣ къ портрету реформатора Яна Ласкаго (см. выше, стр. 423).

Несмотря на все это, я все же не рѣшаюсь утверждать, пока не разобрана первая строка подписи, что портретъ изображаетъ Розамунду англійскую: мнѣ кажется не исключенной возможностью, хотя, конечно, и не особенно вѣроятной, что эпитафія той Розамунды повторена была на могилѣ или при портретѣ какой-либо вовсе иной Розамунды, жившей вѣкъ въ XVI-мъ—XVII-мъ, и тогда портретъ ея могъ бы быть реальнымъ.

*) Grosses vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste... verlegt Johann Heinrich Zedler. Leipzig und Halle. XXXIII, 1742, SS. 874—875; Biographie Universelle ancienne et moderne. XXXIX. Paris. 1825, p. 26—28; idem, nouvelle édition. Paris—Leipzig. XXXVI, pp. 480—481 (эпитафія пропущена); La Grande Encyclopédie... sous la rédaction Berthelot, etc. Paris. XXXIX, p. 934 (статья Ch. Bémont); The Encyclopaedia Britannica, 9th edition, Vol. XX. Edinburgh. 1886, p. 848.

Указываемыхъ ими старой монографіи о Розамундѣ Hearne'a въ примѣчаніяхъ его къ Historia Anglicana William of Newbury, 1718, III, pp. 730—756, и очищенной отъ легендъ замѣтки о Розамундѣ въ Dictionary of national biography я, къ сожалѣнію, въ рукахъ не имѣлъ.

**) Постепенное появленіе легендъ опредѣляется хронологически въ статьяхъ Британской Энциклопедіи и Ch. Bémont'a, но разнорѣчиво. Легенда о лабиринтѣ Розамунды лишь вкратцѣ упоминается (pp. 228, 234), въ статьѣ Edw. Trollope, Notices of ancient and mediaeval labyrinths (The Archaeological Journal... of the Archaeological Institute of Great Britain and Ireland. Vol. XV, London. 1858, pp. 216—235) и вовсе, кажется, не привлечена къ огромному литературному и отчасти археологическому матеріалу, слишкомъ своеобразно обработанному въ интересномъ трудѣ Эрнста Краузе (Carus Sterne): Die Trojaburgen Nordeuropas, Glogau, 1893, и Die nordische Herkunft der Trojasage, Glogau. 1893; ср. памятники и литературу у А. А. Сидицына: Сѣверные лабиринты (Извѣстія Импер. Археол. Комиссіи, Вып. 6. СПБ. 1906, стр. 101—112); см. еще Отчетъ Импер. Археол. Комиссіи за 1907 годъ. СПБ. 1910, стр. 108, гдѣ изданъ планъ одного изъ „вавилоновъ“ на Соловецкихъ островахъ.

Теперь я не могу указать оригинала, срисованного составителем сборника, какъ не могу и произвести соответственные поиски тамъ, гдѣ можно было бы найти портретъ, конечно сочиненный, и английской Розамунды, а именно во многочисленныхъ сборникахъ изображеній различныхъ знаменитыхъ мужей и женъ, которыя издавались въ XVI—XVII вв. въ Западной Европѣ.

XXXIV. (л. 58[=57, об.]; 75; № 165). SEŃDZIWÓJ. [6"×9¹/₂"]. (См. табл. X, рис. 3).

Поясное изображеніе человѣка въ короткой и узкой курткѣ, съ короткими широкими рукавами, надѣтой поверхъ нижней узко рукавной рубашки, туловище почти впрямь, съ легкимъ лишь поворотомъ вправо; голова же повернута въ профиль вправо; лысая, кромѣ затылка, и бритая голова указываетъ, повидимому, на старческій уже возрастъ изображеннаго алхимика, который въ лѣвой поднятой рукѣ держитъ бокаль съ пояснительной надъ нимъ надписью: *augum potabile*; правая рука, опущенная внизъ, отведена нѣсколько назадъ.

Подъ кубкомъ еле разбирается очень блѣдная (стертая?) подпись:

Emplastrum j^o [=jego?] In achate.

Польскій текстъ подъ портретомъ гласитъ:

*Michał ze Skorska Sędziwuj mieszka w Olomonceu Alchimista przedni |
ma zawsze lapidem Philosophorum y proszek co tylko zelaznego w ogniu | rozgrzeie
a posypie lubo pokropie zaraz sie zloto stanie. Miał Niebosczyk | Marszalek Koronny
od niego wielką służbę z szerego zlota y dobre^o tylko go | było nietrzeba przerabiac,
bo fumem odchodziło. darował, taki y tylki con | terfet swoi Cesarzowi Ferdynandowi
wtoremu a Cesarz mu tesz ofia | rował swoy na Węgierskim złocie. dla tego tu polo-
zony iz go znac wszy | stek swiat nieznał tylko ci co z nim conuersowali. trzymał tu
maię | tnosci w Polsce. ab Anno 1606.*

Михаилъ Сендзивой (Sendivogius) занялъ среди алхимиковъ одно изъ видныхъ мѣстъ, не столько своими собственными опытами, сколько изданіемъ трудовъ шотландца Александра Сетона (Sethon или Sidonius), т.-н. Космополиты, которые унаслѣдоваль вмѣстѣ съ его женою; это значеніе Сендзивоя въ общей исторіи алхиміи *) нашихъ задачъ не касается, какъ излишне перечислять здѣсь и собственные сочиненія Сендзивоя. Въ литературѣ о немъ, насколько мы съ нею ознакомились **), насъ интересовало лишь то, что имѣеть отношеніе къ уясненію и провѣркѣ показаній текста подъ издаваемымъ портретомъ.

*) См., напримѣръ, Abbé Lenglet du Fresnoy. Histoire de la philosophie hermetique. I. La Haye. 1742, pp. 326 sqq.: Michel Sendivogius; второго тома съ библиографіей алхимическихъ сочиненій у меня въ рукахъ не было; Beitrag zur Geschichte der höhern Chemie oder Goldmackerkunde in ihrem ganzen Umfange. Leipzig bey Chr. Gottlob Hilscher. 1785, SS. 271—277; Louis Figuier, L'alchimie et les alchimistes, 2 ed. Paris. 1856, pp. 241—256; Encyklopedyja Powszechna, I, 1859, str. 356—W. L. A. Alchemija.

**) Lenglet du Fresnoy (о. с.) приводитъ цѣликомъ два цѣнныхъ источника: 1) pp. 350—366: Vita Sendivogii, Poloni Nobilis Baronis, breviter descripta à quodam Germano, olim ejus oratore; Patrono, seu Causidico, напечатанную ранѣе въ Trésor des Antiquités Gauloises et Françaises de Pierre Borel, 4°, pp. 474—581, и 2) pp. 340—342: письмо о немъ секретаря Маріи Гонзаго, Desnoyers, изъ Варшавы отъ 12 іюня 1651 г., напечатанное сперва у Borel'я же. Еще одно письмо отъ 20 марта 1661 г. итальянца Полиарха Мичиньо (Poliarcho Micigno) переведено было сперва на французскій языкъ, а затѣмъ по-нѣмецки издано въ 1683 году подъ заглавіемъ: Michael Sendivogii Leben (etc., etc.; полное заглавіе см. Estreicher Bibliografia Polska. XXII, 1907, str. 348) durch J. L. M. C. [=Joh. Lange Medic. Cultorem]. Hamburg. in 12°. Къ сожалѣнію, я не видѣлъ ни этой книжки, ни описанія ея у Żebrowski, Bibliogr. matemat., str. 229—234, ни латинскаго перевода (?) ея же: Vita Sendivogii auctore Lange. Hamburg. 1683, ни еще одной указываемой у Estreicher'а книжки о Сендзивогіѣ: Jan Stef. Wydźga, Historia, etc.

Обозначение Сендзивоя «со Скорска», не соответствующее месту его рождения, въ деревнѣ Sądecz подѣ Краковомъ, имѣеть въ виду скорѣе всего титулъ „liber baro de Sereckau“, пожалованный ему королемъ Сигизмундомъ III (по Brincken'у, о. с., str. 497) или, что вѣроятно, императоромъ („baron von Serübau“ у Собѣщанскаго, о. с., str. 354, вѣроятно, по опечаткѣ). Отъ того же императора Рудольфа II (1576 — 1612), слѣбного послѣдователя бредней и фокусовъ алхимиковъ, Сендзивой получилъ и помѣстье Краварнъ или Краваржъ въ Силезіи на польской границѣ, помѣстье, съ богатыми залежами свинцовыхъ рудъ, пограничное положеніе котораго удобно было для различныхъ сомнительныхъ предпріятій Сендзивоя, вродѣ, напр., продажи фальшиваго серебра польскимъ евреямъ, о которой прямо говоритъ многолѣтній его слуга и сотрудникъ Бодовскій; теперь на мѣстѣ никакихъ вещественныхъ памятниковъ бывшаго столь знаменитаго владѣльца этого помѣстья, повидимому *), не осталось; здѣсь по нѣкоторымъ извѣстіямъ проживалъ конецъ своей жизни Сендзивой; здѣсь и умеръ, доживъ до 80 лѣтъ; къ сожалѣнію, годъ смерти его опредѣляется различно: то 1636, то 1646 (см. Adelung, о. с., S. 76), но т.-к. есть показаніе (Мичиньо) о рожденіи его въ 1556 году, то мы предпочли бы первую дату. Настоящее время во фразѣ, что онъ «живетъ въ Оломунцѣ», является однимъ изъ указаній на время составленія описываемаго сборника. Это указаніе на Ольмюцъ, а не на Краваржъ, находить, однако, себѣ также подтвержденіе въ сообщаемомъ Мичиньо фактѣ полученія Сендзивоемъ отъ императора еще и дома въ этомъ именно городѣ (Adelung, S. 87.)

«Философскій камень» былъ у Сендзивоя, какъ согласно свидѣтельству всѣхъ, даже наиболѣе легковѣрные, о немъ источники, не собственнаго изготовленія, а полученный въ благодарность за избавленіе отъ насильственнаго задержанія (а, по нвымъ, и отъ жестокихъ пытокъ) отъ упомянутаго выше Космополиты. По свидѣтельству Бодовскаго, «тинктура» была порошкомъ, который хранился въ зо-

Критическое сопоставленіе и изложеніе всѣхъ этихъ трехъ главныхъ источниковъ о жизни Сендзивоя далъ Joh. Christ. Adelung въ его Geschichte der menschlichen Narrheit, oder Lebensbeschreibungen berühmter Schwarzkünstler, Goldmacher, Teufelsbanner, Zeichen- und Liniendeuter, Schwärmer, Wahrsager und anderer philosophischer Unholden (въ ихъ числѣ и Яна Амоса Коменскаго). VI Theil, Leipzig. 1788, SS. 47—89 (cf. 101—105); № 61. Michael Sendivog, auch ein Adept. По Аделунгу составлена и статья Michel Sendivog въ Biographie Universelle ancienne et moderne. XLII, Paris. 1825, pp. 10—13. Къ сожалѣнію, и она и работа Аделунга остались, повидимому, неизвѣстными польскимъ биографамъ Сендзивоя, а именно:

O życiu i pismach Michała Sędziwoja przez Juliusza barona Brincken (Biblioteka Warszawska. 1846. II, str. 479—506).

Michał Sędziwój przez W. Szymanowskiego (Tygodnik illustrowany. 1862. I, str. 181—3, 207—12, 216—8, съ портретомъ изъ собранія гр. Амвр. Грабовскаго въ Краковѣ).

Sędziwój (Michał)—T. M. S. [obieszczanski] (Encyklopedyja Powszechna XXIII. 1866, str. 353—355).

Указываемой у Finkel'я (№ 3137, см. еще № 15755. и str. 1852) статьи: Alex. Batowski. List Poliarka Mingne [читай Micigno] o Michale Sędziwoju alchemiku (Rozmaitości Lwowskie, 1858) я не видѣлъ, равно какъ не знаю, были ли напечатаны работы о Сендзивоѣ гр. Іос. Макс. Оссолинскаго, находящіяся въ его бумагахъ во Львовѣ; см. Katalog rękopisów biblioteki Zakładu Ossolińskich wydał Dr. W. Kętrzyński, III, str. 238, №, str. 283—358, и str. 319, № 936, str. 97—104; тамъ же упоминается еще одна статья: o Sędziwoju alchemiście, въ pk. XIX w. — II, str. 551, № 488, str. 45—52.

Въ статьѣ о немъ же въ чешской энциклопедіи Ottáv Slovnik Naučný, XXII, Praha. 1904, str. 780—781, дана ссылка на одну архивную о немъ работу (Světozor, 1874), но справка въ указанномъ годѣ этого журнала оказалась напрасною.

*) Судимъ по Verzeichniss der Kunstdenkmäler der Provinz Schlesien. Bd. IV. Breslau. 1894. SS. 325—326: Deutsch-Krawarn; SS. 326—327: Polnisch-Krawarn; cf. Słownik geograficzny królestwa Polskiego. IV. 1888, str. 651: Krawarz.

лотой коробочкѣ, носимой на цѣпочкѣ изъ осторожности не самимъ «адептомъ», а его вѣрнымъ слугою; а въ дорогѣ ее прятали въ тайное помѣщеніе въ оси повозки. Съ этими показаніями согласуются и слова нашего текста о «порошкѣ», которымъ посыпалось раскаленное желѣзо, превращавшееся въ золото. На рисункѣ, однако, въ рукахъ алхимика видимъ бокаль съ какимъ-то „*aurum potabile*“: эта противорѣчащая тексту деталь, идущая, очевидно, отъ оригинала, который срисовывалъ составитель сборника, также находитъ себѣ подтвержденіе въ извѣстіяхъ о Сендзивоѣ: Мичиньо, со словъ нѣкоего „*Simon Peter Batasky*“, — т.-е., очевидно, того же Батовскаго, — говоритъ о томъ, что превращаемый металлъ становился золотомъ, — т.-е. принималъ его цвѣтъ, какъ поправляетъ ихъ Аделунгъ (S. 82, 86), — послѣ погруженія его раскаленнымъ въ жидкость золотистаго цвѣта; съ другой стороны «тинктуру» свою Сендзивою и особенно болѣе его свѣдущій въ химіи помощникъ, какой-то испанецъ Іосифъ, пускали въ ходъ и какъ лекарство; на послѣднее скорѣе всего и указываетъ, какъ мнѣ думается, терминъ *potabile*, такъ какъ чудодѣйственная жидкость, въ которой желтѣло серебро, была, конечно, слишкомъ драгоценна для того, чтобы ее пить, даже и въ качествѣ лекарства.

Составитель текста, слѣно вѣрившій въ дѣйствительность «философскаго камня», былъ, видимо, плохо ознакомленъ со взаимоотношеніями Сендзивою и «покойнаго» († 1630) маршала короннаго Николая Вольскаго (см. выше, стр. 422): безсовѣстно эксплуатируемый алхимикомъ и обманутый на крупную сумму, Вольскій грозилъ ему судомъ и даже включилъ въ завѣщаніе свое, по словамъ Мичиньо (Adelung. o. c., S. 88), особый отдѣлъ, мало лестный для Сендзивою. Наивность автора издаваемого текста особенно ясна изъ его показанія о томъ, что «чистое золото» большаго сервиза у Вольскаго не могло быть переплавляемо, такъ какъ золото это (т.-е., надо думать, желтизна его) «дымомъ уходило».

Далѣе слѣдуетъ указаніе на оригиналь срисованнаго портрета: это былъ единственный портретъ Сендзивою, поднесенный имъ императору Фердинанду II (1619—1637), пожаловавшему ему свой портретъ, «но на венгерскомъ златѣ», т.-е., очевидно, золотую медаль или медальонъ со своимъ изображеніемъ; что же касается портрета Сендзивою, то матеріалъ его опредѣляется, можетъ быть, неразборчивою припискою на фонѣ портрета, гдѣ читается *in achate*: подношеніе императору отъ знаменитаго алхимика естественно должно было быть цѣннымъ по матеріалу и таковымъ могла быть именно рѣзная на агатѣ каменя. Было бы весьма интересно навести въ собраніи камней Габсбурговъ и въ старинныхъ ихъ описяхъ справки болѣе основательныя, чѣмъ могъ сдѣлать я: нѣтъ ли или не было ли тамъ агатовой каменъ съ изображеніемъ Сендзивою, подобнымъ издаваемому рисунку.

Извѣстія о жизни Сендзивою въ разсказѣ о захватѣ его въ Вюртембергѣ въ 1606 году другимъ, еще болѣе безсовѣстнымъ, обманщикомъ (см. о немъ Adelung, o. c., VII, SS., 90 — 105), возведеннымъ императоромъ Рудольфомъ II въ дворянское достоинство подъ именемъ фонъ - Мюленфельса за то, что его пули не брали, и казненнымъ въ 1607 году за грабежъ и захватъ Сендзивою, упоминаютъ въ числѣ отнятаго и золотую медаль съ портретомъ императора, полученную Сендзивою отъ Рудольфа II съ золотою цѣнью. Опять подтвержденіе нашему тексту съ разницею лишь въ имени императора; но такъ какъ Сендзивою былъ «совѣтникомъ трехъ императоровъ, т.-е. Рудольфа II, Маттіаса и Фердинанда II», то не исключена возможность полученія имъ медали и отъ Фердинанда II, тѣмъ болѣе, что, если вѣрить разсказу текста объ обмѣнѣ портретами между «адептомъ» и кесаремъ, то старческій видъ Сендзивою на рисункѣ соотвѣтствуетъ времени именно Фердинанда II (1619—1637).

Замѣчаніе о томъ, что Сендзивоя знали тѣ лишь, кто имѣлъ съ нимъ дѣла, тоже подтверждается извѣстіями объ его осторожности, притворствѣ и боязни какъ-либо пострадать за свое тайное знаніе: Бодовскій говорилъ, что онъ предпочиталъ, *ut potius audiret deceptor et falsarius, quam Philosophus et Alchymista*, что онъ иногда отрицался даже отъ того, что онъ — Сендзивой: такъ началъ онъ, напри- мѣръ, свою бесѣду въ Краваржѣ съ депутаціей Розенкрейцеровъ.

Наконецъ, послѣднее указаніе на то, что у него были владѣнія въ Польшѣ съ 1606 года, совпадаетъ съ извѣстіями о возвращеніи его въ это время со славою изъ Германіи и объ интересѣ, который обнаружилъ къ нему съ этого времени король Сигизмундъ III, для котораго Сендзивой взялся оборудовать лабораторію для выдѣлки золота для пополненія опустошенной войнами королевской казны (v. Brincken, o. c., str. 494, 501).

Составитель текста не прибавилъ только, что въ Польшѣ Сендзивой прожилъ лишь до 1617 года, когда, опасаясь судебныхъ исковъ со стороны короннаго гетмана Вольскаго, воеводы Мнишка и другихъ обманутыхъ имъ лицъ, «адептъ», слава котораго упрочилась къ тому времени изданіями трудовъ Космополиты и собствен- ныхъ подъ анаграммами: *Divi Leschi genus amo* и *Angelus doce mihi jus*, т.-е. *Michael Sendivogius*, предпочелъ переѣхать на жительство въ свои заграничныя не- движимости, гдѣ онъ и жилъ еще во время составленія описываемаго сборника.

По словамъ v. Brincken'a (o. c., str. 505) портретъ Сендзивоя по оригиналу, находившемуся у императора Рудольфа II, приложенъ былъ къ третьему, т.-е. Парижскому 1608 года (*ibid.*, str. 493, n. 2), изданію трактата *Novum Lumen Chymicum Cosmopolitae*; къ сожалѣнію, Бринкенъ о портретѣ этомъ говоритъ лишь, что онъ представляетъ Сендзивоя въ польскомъ костюмѣ, и только, а мы не могли найти ни книги этой, ни иныхъ упоминаній объ этомъ портретѣ.

Портретъ, приложенный къ Нюрнбергскому изданію этого же трактата *) и гравированный въ 1763 году J. C. de Reinsperger'омъ, представляетъ Сендзи- воя стоящимъ (по колѣна) въ поворотѣ въ $\frac{3}{4}$ влево и одѣтымъ въ мѣховый кафтанъ; лѣвая рука его уперта въ бокъ, правая держитъ круглую, довольно большую коробочку (очевидно, съ чудодѣйственнымъ порошкомъ), лежащую на столѣ; рядомъ съ нею сто- итъ кружокъ съ головою въ профиль на немъ: едва-ли это печать, какъ пишетъ гр. Гутенъ-Чапскій **), скорѣе медаль или монета; въ первомъ случаѣ это будетъ, конечно, упомянутый выше даръ императора, а во второмъ — тотъ талеръ, который Сендзи- вой обратилъ въ золотой на глазахъ императора Фердинанда II, какъ рассказы- ваетъ о томъ Desnoyers въ своемъ письмѣ (v. Brincken, 502—3). На столѣ подальше стоитъ стеклянная колба, а фонъ справа и вверху занятъ драпировкою. Алхимикъ на портретѣ этомъ, оригиналъ котораго находился у какого-то князя Св. Римской Имперіи ***), представленъ гораздо болѣе молодымъ, чѣмъ на издаваемомъ портретѣ, съ окладистою бородою, длинными, тонкими, вьющимися усами, и не лысымъ; однако, короткіе волосы на вискахъ и взлызлый уже лобъ, равно какъ и тонкій горбатый носъ, вполне допускаютъ, что оба портрета изображаютъ одно и то же лицо, но въ разные возрасты.

*) *Michaelis Sendivogii Novum Lumen Chemicum aus dem Brunnen der Natur durch handan- gelegte Erfahrung bewiesen. Anagramma Authoris Divi Leschi Genus Amo (etc., etc.), Nürnberg, gedruckt und im Verlag bey J. J. Fleischmann. 1766. in 8°.*

***) *Spis Rycin, etc.* (см. выше, стр. 421, прим. 3), *szp.* 276, № 1742; та же гравюра была и у Крашевскаго (см. *ibid.*) *Catalogue*, p. 209.

****) Подпись подъ гравюрой гласитъ: *Originale hujus exemplaris in cubili cujusdam Sacri Romani Imperij Principis in cupro depictum quatuordecim pollicibus altum novem que latum ser- vatur. Vera Effigies Nobilis Illius Poloni et Praeclari Philosophi Hermetici Michaelis Sendivogy.*

То же самое можно предполагать и относительно портрета изъ собранія гр. Амвр. Грабовскаго въ Краковѣ, издавнаго въ журналѣ *Tygodnik Ilustrowany*, 1862, I, str. 181: тамъ Сендзивой изображенъ еще болѣе прикрашеннымъ и еще моложе, но общее сходство его лица съ издаваемымъ портретомъ все же усмотрѣть, при желаніи, можно.

Къ сожалѣнію, еще объ одномъ портретѣ Сендзивой мы знаемъ лишь краткое и неясное упоминаніе въ каталогѣ собранія Іосифа Крашевскаго *).

Такимъ образомъ, по тѣмъ недостаточнымъ свѣдѣніямъ, какія удалось намъ собрать о Сендзивой и его портретахъ, и портретъ и текстъ, здѣсь издаваемые, оказываются достаточно достовѣрными, чтобы, какъ современные ему данныя, пополнить разнорѣчивыя и полулегендарныя свѣдѣнія объ этомъ алхимикѣ.

XXXV. (л. 22 об.). SESOSTRIS. (заклеено).

На оборотной сторонѣ листа съ портретомъ Демболенскаго (см. выше, VI) можно на свѣтъ разсмотрѣть другой портретъ, перечеркнутый накрестъ и представляющій человѣка съ бородою и усами, съ короною на головѣ, повернутой профилемъ влѣво.

Разбирать подпись подъ портретомъ на свѣтъ очень трудно, такъ какъ написана она довольно мелко. Первые двѣ строки прочли, однако, такъ:

*Sesostris Dux in Aegypto Quatuor Reges equorum vice | carru suo subiur-
gebat quo vehebat. In oo ora sublimi sede |*

Это начало показало бесполезность въ сущности дальнѣйшихъ усилій, такъ какъ никакого серьезнаго значенія ни портретъ, ни текстъ подъ нимъ для исторіи, очевидно, имѣть не могли. Въ концѣ рассказывалось, видимо, о какомъ-то примѣрѣ великодушія Сесостриса: тутъ разбираются отдѣльныя слова: ... *potuisset addens | ei... Sed Sesostris ipse fecit eo statim... e festo liberavit...*

Текстъ содержалъ, слѣдовательно, какія-то рассказы о легендарномъ египетскомъ царѣ, названномъ, однако, «вождемъ»,—если только мы правильно прочли слово *Dux*, а не *Rex*,—заимствованныя изъ какого-либо древняго или средневѣковаго (псевдо-)историческаго рассказа о Сесострисѣ, доискиваться котораго намъ казалось излишнимъ.

Еще меньшаго вниманія заслуживаетъ, конечно, портретъ Сесостриса; гдѣ могъ отыскать его составитель сборника, мы не знаемъ: онъ могъ имѣть предъ собою, конечно, и какую-либо всемирную исторію, которая предлагала читателямъ портретъ и Сесостриса такъ же, какъ въ геральдическихъ сборникахъ XVI вѣка можно находить гербы Адама, Ноя, его сыновей, Александра Македонскаго и т. д.; могъ онъ и самъ прибавить къ найденному гдѣ-либо тексту о Сесострисѣ чей-либо портретъ или просто рисунокъ, представляющій царя.

У Павла Іовія былъ портретъ персидскаго царя Артаксеркса II, нарисованный, однако, не изъ головы, но по древней монетѣ, правда, не Артаксеркса, а иной, Арсака VI (174—136 до Р. X.), ошибочно принятой за Артаксерксову; здѣсь же не могло быть и какого-либо недоразумѣнія подобнаго рода: это просто сочиненный, никакого серьезнаго значенія не имѣющій, рисунокъ человѣка въ коронѣ.

*) См. выше, стр. 421, прим. 3; вотъ обозначеніе другого портрета (о. с., р. 102): *Fleischmann D. CC. Michael Sendivogius alias Woysky Nobilis Polonus trium Imper. Consiliarius et celeberrimus Philos. atq. verus Adeptus. Natus A. 1566. Den. A. 1646. Ex collectione Fider. Roth-Scholtzii Norimb. 8°. grav.* Последнія имена обозначаютъ, вѣроятно, издателя (Rothscholtz) и мѣсто (Nürnberg) одного изъ изданій *Novum Lumen Chymicum*, а именно 1718 г. (Brincken, str. 505). Первое же имя Флейшмана можетъ обозначать или гравера или типографщика. Находженіе же воспроизводимого оригинала указывается въ такомъ случаѣ словами: *Ex collectione Fider.*

XXXVI. (л. 160; 190; № 43). ALEXANDER STRVS. [6" × 9¹/₁₆".]

Рисунокъ, очень плохой, представляетъ фигуру (нѣсколько ниже пояса) въ панцырѣ, съ опущенною лѣвою рукой, держащей какое-то древко, и съ поднятою правою, просунутою въ петли щита, видимого со внутренней стороны; вторая, нижняя, петля на немъ пририсована позднѣе; около шеи шейное прикрытіе изъ двухъ горизонтальныхъ пластинъ; голова рыцаря повернута въ ³/₄ влѣво; волосы на головѣ коротко острижены; бороды нѣтъ; усы длинные, остро закрученные въ стороны; рисунокъ губъ особенно безобразенъ; узкій острый подбородокъ выдается впередъ.

Alexander Strus.

Capite in pugna amisso ad dimidium iugeri | eques in hostem procurrit ter gladio in partes vi | brato truncus hostem petijt.

Копія рисунка и подписи подъ нимъ находится въ альбомѣ Публичной Библиотеки (Polon. XIII. F. 1) на листѣ 45, не представляя никакихъ существенныхъ отъ оригинала отличій.

Польскій родъ Струсей особенно прославился въ выходцахъ его въ Подолю, гдѣ многочисленные его представители поставлены были пограничнымъ положеніемъ земли въ необходимость постоянного участія въ битвахъ съ валахами, татарами, турками; о Струсяхъ говорили, что никто изъ нихъ не легъ въ гробъ цѣлымъ, что никто изъ нихъ не умеръ своею смертию, и т. п.; и Бартошъ Папроцкій въ его книжкѣ „Gniazdo Snoty“ насчитывалъ до двадцати четырехъ Струсей, павшихъ на полѣ битвы.

Описываемый нами сборникъ изображаетъ одного изъ нихъ, Александра, о которомъ рассказывали, якобы онъ съ отрубленной головой скакалъ на врага и даже трижды махнулъ мечомъ; помимо невѣроятности самого рассказа намъ не удалось отыскать среди Струсей, перечисляемыхъ въ извѣстной намъ литературѣ, Александра*), а потому и не знаемъ, когда онъ жилъ. Какъ невѣроятность рассказа о немъ, такъ и латинскій языкъ подписи, указываютъ, какъ намъ кажется, что статью эту составитель сборника заимствовалъ изъ какого-либо стараго источника, какъ и латинскую, столь же краткую и того же характера замѣтку объ Іоаниѣ Боратынскомъ (см. выше, III), такъ какъ о своихъ современникахъ составитель сборника писалъ по-польски и довольно пространно.

Труднѣе рѣшить вопросъ о портретѣ: скопированъ ли и онъ съ болѣе стараго оригинала, или же сочиненъ вновь для иллюстраціи текста? Мы склоняемся, однако, къ первой возможности на основаніи слѣдующихъ соображеній: рисунокъ представляетъ не иллюстрацію текста, какъ, напр., изображеніе Явойшовскаго (см. выше XIV), а портретъ Струся; щитъ надѣтъ на правую, а не на лѣвую, какъ то слѣдовало бы, руку, а это позволяетъ предполагать техническую перерисовку рисунка; узкій панцырь Струся изъ горизонтальныхъ полосъ подходитъ, какъ указалъ мнѣ Э. Э. Ленцъ, къ концу XVI-го или началу XVII-го вѣка. Но, конечно, если это и копія стараго оригинала, то и тотъ рисунокъ былъ также весьма не высокаго достоинства и на достовѣрность предлагаемаго имъ портрета Александра Струся претендовать едва ли имѣлъ право.

*) Paprocki. Herby, etc. 1858, str. 686—7; Okolski, I, p. 438—9; Niesiecki, VIII, 1841, str. 538—40. Литературой о Струсяхъ, указанной у Finkel'я (№ 28540), мы не пользовались.

XXXVII. (л. 165; 195; № 38). SZUJSKI. [6¹/₈" × 6⁰/₈"]. (См. табл. V, рис. 2).

Крупный портретъ, погрудный, русскаго боярина; отъ одежды видны лишь края высокаго стоячаго воротника по обѣ стороны шеи и вертикальныя полосы съ поперечными полосками, нашитыя на плечахъ тамъ, гдѣ пришиты рукава; передняя часть одежды закрыта большою, широкою бородой, передъ которою поднята правая рука, какъ бы поглаживающая бороду; на тыльную ея сторону свисаетъ одна изъ среднихъ прядей бороды; большіе усы, нарисованные слишкомъ рѣзко, идутъ наклонными прямыми полосами изъ-подъ носа, закрывая даже концы рта; голова повернута въ ³/₄ влѣво, что дало возможность показать горбину тонкаго носа и выгибъ взлызлаго лба; волоса на головѣ короткіе, курчавые, выступающіе впередъ въ срединѣ головы; рисунокъ глазъ, морщинъ около бровей и на лбу, конечно, весьма несовершененъ.

Справа отъ воротника надъ плечомъ на фонѣ видны остатки старой соскобленной приписки въ три строки, разобрать которую я не могъ: несомнѣнно лишь первое слово: Ten.

Текстъ подъ портретомъ тщательно выписанъ въ 11 строкъ, изъ которыхъ послѣдняя, съ особыми значками въ началѣ и концѣ, приписана нѣсколько позднѣе, такъ какъ она пополняетъ пропускъ послѣ строки восьмой; судя по тому, что пропущенныя слова кончаются тѣмъ же словомъ, какъ и эта строка, можно думать, что въ оригиналѣ, съ котораго писанъ этотъ текстъ, двѣ сосѣднихъ строки кончались однимъ словомъ, что и было причиною пропуска второй изъ нихъ; слѣдовательно длина строкъ этого оригинала была или короче, чѣмъ вышли онѣ въ копіи, или же что въ пропущенной строкѣ были зачеркнутыя и переправленныя слова, если текстъ списанъ былъ со специально для него писаннаго черновика. Текстъ, при внесеніи пропущенной строки на свое мѣсто, таковъ:

Szuiskich to iest Moskiewskich przodek malowany w Witebsku | w Cerkwi Swietoho Spasa. a iako ten tak y wszyscy iego potomkowie. | ode dwuset lat iednaciei complexiej byli. Zygmunt S. pamieci pierzy tego | imienia Krol Polski. byl v niego na noc w iedney derewni na ten czas | kiedy sie nie mogli przez Dniepr przeprawic. sam tylko Pierzchlinski tak | iako siedzial we zbroi na koniu Dniepr przeplynal y chlopow do przeprawy | Woyska Krolewskiego podbil. Czemu sie y Szuiski dziwowal wstaroscie wie | ku swego takie^o moloyca niewidzac. zaczym darowal mu byl Jandulę | co ceber miodu niosla; iest ieszcze ta Jandula | w iedniey Cerkwi Nalewaikowskiey w Kaniowie na Vkrainie. w ikto | rey Rus swoje detynki chrestyt: widzialem ia na oczu moie wten czas.

Текстъ начинается совершенно определеннымъ указаніемъ на мѣсто нахождения портрета изображаемаго лица, а кончается свидѣтельствомъ о томъ, что составитель текста видѣлъ своими глазами; казалось бы, достовѣрность сообщаемаго должна быть внѣ всякихъ сомнѣній, а, между тѣмъ, при провѣркѣ рассказываемаго являются нѣкоторыя недоумѣнія.

Текстъ начинается указаніемъ на то, что изображенный на портретѣ «предокъ московскихъ Шуйскихъ», — т. е., разумѣется, той вѣтви ихъ, которая жила въ Литвѣ и Польшѣ, — написанъ былъ въ церкви Святого Спаса въ Витебскѣ.

Несмотря на странность для нашего теперешняго словоупотребленія выраженія «Святой Спасъ», мы находимъ его и на современномъ греческомъ Востокѣ, — вспомнимъ, на примѣръ, чудную церковку „Αγιος Σωτηρ“ подъ аѳинскимъ акрополемъ, — и въ западно-русскихъ актахъ XVI—XVII в. обычно обозначеніе церквей

именем «Святого Спаса», какъ напр., древнѣйшей, наряду съ Софійскою, церкви Полоцка, церкви въ Дубровнѣ, и т. д.

Въ Витебскѣ Спасо-Преображенская церковь, такъ же подъ именемъ «церкви Светаго Спаса», упоминается впервые въ описи города 1552 года; время построенія ея неизвѣстно; въ 1619 году король Сигизмундъ III разрѣшилъ возобновить эту церковь, какъ «опалую заложенья Преображенья святого Спаса съ предѣломъ святого Николы за рѣкою Витьбою, на посадѣ Узгорскомъ, у пирожномъ ряду» (см. А. П. Сапуновъ. Витебская Старина, I, 1883, стр. 97, 98, 342; ср. 613, 662); особымъ почтеніемъ жителей къ этой церкви объясняется, можетъ быть, и рисунокъ герба, даннаго городу Сигизмундомъ III ранѣе того въ 1597 г.: «въ блекитномъ полю образъ Спаса Збавителя и при томъ заразъ трохи ниже мечъ голый червоный, што ся маеть разумѣть кровавый» *).

Нахожденіе изображеній ктиторовъ на стѣнахъ православныхъ церквей—явленіе самое обыкновенное и въ томъ же Витебскѣ въ домовоіи церковкѣ Верхняго замка Стрыйковскій видѣлъ написанное въ византійскомъ стилѣ изображение Ольгерда, который построилъ въ Витебскѣ, кромѣ этой, еще двѣ православныхъ церкви, Благовѣщенскую и Свято-Духовскую **).

Изображеніе Шуйскаго могло имѣть и такое же значеніе, если церковь была имъ выстроена; если же она существовала ранѣе, то Шуйскій могъ быть однимъ изъ ея позднѣйшихъ благотворителей; наконецъ, онъ могъ быть въ ней и похороненъ и портретъ его, по польскому обычаю, могъ висѣть надъ его могилою; впрочемъ, т. к. въ текстѣ не указано, на чемъ написанъ былъ этотъ портретъ: на стѣнѣ или на картинѣ, то, при отсутствіи данныхъ, и предположенія о причинахъ нахожденія въ церкви этого портрета останутся бесполезными.

Но могъ ли бы быть въ Витебскѣ портретъ какого-то предка Шуйскихъ?

Сколь ни невѣроятна такая возможность сама по себѣ и сколь ни несостоятельны тѣ quasi-историческія о немъ подробности, которыя сообщаются въ дальнѣйшемъ текстѣ, но отрицать этой возможности мы не можемъ, такъ какъ именно въ Витебскѣ перебѣжалъ въ 1534 году одинъ изъ Шуйскихъ, Иванъ Дмитріевичъ, по прозвищу «Губка», отъ котораго и выводятъ, обыкновенно, наряду съ братомъ царя Василія, Иваномъ, родъ польскихъ кн. Шуйскихъ ***).

Такимъ образомъ пребываніе одного изъ князей Шуйскихъ въ царствованіе Сигизмунда I въ Витебскѣ находитъ себѣ подтвержденіе, но историческое достоинство сообщаемыхъ объ этомъ Шуйскомъ подробностей весьма сомнительно.

Что всѣ потомки его за двѣсти лѣтъ были одинаковой наружности («ком-

*) Россія, полное географическое описаніе нашего отечества, подъ редакціей В. П. Семенова. Изд. А. Ф. Девриена. Томъ IX, Спб 1905, стр. 454: въ историческомъ очеркѣ Витебска здѣсь (стр. 453—459) Спасо-Преображенской церкви среди древнихъ церквей города не упоминается, равно какъ и въ соответственной статьѣ въ польскомъ Słownik geograficzny królestwa Polskiego. XIII, 1893, стр. 631—638. Нѣтъ ея почему-то и въ спискѣ церквей 1618 г. (Сапуновъ. I, стр. 347—8).

**) Kronika Macieja Strykowskiego, Warszawa, 1766, str. 382: „Zamek też wyszny murem y wieżami y palacem który dziś złamano ozdobił, tamze na wysznym zamku w Cerkiewce widzialem własnym okiem obraz Olgerdowy i żony jego w Cerkwi na Oltarzu w długim płaszczu, Greckim kształtem malowany“ (кн. X, rodz. 3); ср. Сапуновъ, Витебская Старина, I, стр. 615, 618 и 651.

***). Карамзинъ (т. VIII, ст. 8, 9, 15, прим. 7, 11, 27, по изд. Эйнерлинга), упоминаетъ только Бѣльскаго и Лядекаго, вышедшихъ въ Литву въ томъ же году.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. XVII. Западно-русскія лѣтописи. Спб. 1907, ст. 407: „Тое ж зимы приходила Москва к Полоцку и к Витебску и от Долгинова воротилис все повоевали а городом ничего не учинили и к“ изъ Иванъ Шуйскій от них отвернулъ и прибѣгъ к Витебску, а Литва за ним погнали да не догнали“. (Книга Великаго Княжества Литовскаго и Жемонцкаго; Евреиновскій списокъ).

плекціи»), это было бы еще извинительнымъ преувеличеніемъ, но совершенно невозможно опредѣленіе древности этого рода въ 200 лѣтъ: съ 1534 г. до вѣроятнаго времени составленія описываемаго сборника прошло всего сто лѣтъ съ небольшимъ. Авторъ текста связываетъ, однако, изображаемаго Шуйскаго съ Сигизмундомъ I событіемъ, имѣвшимъ мѣсто на четверть вѣка ранѣе, чѣмъ Иванъ Шуйскій-Губка перебѣжалъ въ Литву, и, мало того, представляетъ его старикомъ, принимающимъ короля въ своей деревнѣ на берегу Днѣпра; такимъ образомъ сто лѣтъ растянутся, пожалуй, до ста пятидесяти, но все же не дойдутъ до двухсотъ. Эту хронологическую несообразность проще всего объяснить, конечно, простою ошибкою, т. е. составитель сборника менѣе всего, разумѣется, ломалъ голову надъ хронологіей упоминаемыхъ имъ болѣе или менѣе удивительныхъ событій, и было бы крайне рискованно, принявъ показанія его на вѣру, допустить существованіе еще какого-то неизвѣстнаго Шуйскаго, владѣвшаго деревнями на литовскихъ берегахъ Днѣпра въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка.

Дата же эта опредѣляется именемъ Пержхлинскаго и пересказомъ исторіи его переправы черезъ Днѣпръ: въ прочихъ разсказахъ о немъ, передающихъ своими словами основной разсказъ Герберштейна *), иногда указывается и мѣсто «между Дубровной и Смоленскомъ» и годъ (1508) этого событія.

У самого Герберштейна разсказъ о «Перстинскомъ», отсутствующій въ первыхъ изданіяхъ его книги 1549 и 1551 г., внесенъ въ текстъ латинскаго изданія 1556 года и со значительными, правда, измѣненіями является и въ нѣмецкомъ переводѣ автора, напечатанномъ въ Вѣнѣ въ 1557 году **); эти разногласія между

Этому Ивану Дмитріевичу Шуйскому Сигизмундъ I въ 1536 г. пожаловалъ дворъ Теребунь въ Брестскомъ повѣтѣ, а въ 1542 г. дачу по 80 копъ литовскихъ грошей въ годъ; есть еще подписи и упоминанія этого Шуйскаго въ разныхъ документахъ до 1555 г. (Józef Wolff. Książowie Litewsko-Ruscy. Warszawa. 1895, str. 521; Adam Boniecki. Poczet Rodów w Wielkiem Księstwie Litewskiem XV i XVI wieku. Warszawa. 1887, str. 347). Ср. Jul. B[artoszewicz]. Szujscy książowie w Polsce (Encyklopedyja Powszechna. XXIV, 1866, str. 769—771), Niesiecki, VIII, 1841, str. 634—637; кн. Петръ Долгоруковъ. Россійская родословная книга. I, СПб. 1854, стр. 234, 236; Н. И. Петровъ (Исторія родовъ русскаго дворянства. Томъ I, СПб. 1885, стр. 120, 122 и 124) напрасно сомнѣвался въ связи тѣхъ князей Шуйскихъ, которые извѣстны въ Польшѣ до второй половины XVIII вѣка, съ потомствомъ Губки: свидѣтельства о родѣ Шуйскихъ въ Польшѣ, собранныя Вольфомъ (о. с., str. 520—535), доказали эту связь.

*) Бѣльскій (Kronika, изд. 1764, str. 460) ссылается на Герберштейна, указываетъ мѣсто и прибавляетъ свою догадку о принадлежности Пержхлинскаго (Pierzchliński) къ гербу Лещиць; Гваньини (Kronika, изд. 1768, str. 276), подъ 1507 г., не упомянувъ ни мѣста, ни герба, вмѣсто Герберштейна глухо ссылается на авторовъ хроникъ; Стрѣжковскій (Kronika, изд. 1766, str. 696—7) даетъ подъ 1508 г. точную ссылку на латинскіе «Комментаріи» Герберштейна, указываетъ мѣсто, но умалчиваетъ о гербѣ рыцаря и называетъ его Pierstyński; Niesiecki, VII, 1841, str. 295—6, говоря о Пержхлинскихъ, на Герберштейна не ссылается и соответственная выписка изъ Гваньини помѣщена лишь въ припискѣ Красицкаго (ср. выше, стр. 409, пр. 4).

***) См. Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ. Записки о Московскихъ Дѣлахъ. Введеніе, переводъ и примѣчаніе А. I. Маленна, СПб. 1906, стр. XXVI, XXVIII, 230—231 (переводъ латинскаго текста), на стр. 327 отличія нѣмецкаго перевода отъ латинскаго текста не указаны. Въ нѣмецкомъ изданіи 1557 г. разсказъ этотъ находится на fol. V. II verso. Нѣмецкая версія нѣсколько короче; изъ нея не столь ясно, что Герберштейнъ встрѣтился съ самимъ Перстинскимъ на пиру у Шидловецкаго, хотя второй разсказъ и идетъ отъ его лица. Изъ подробностей, не находящихся въ латинскомъ текстѣ, отмѣтимъ, что „ain Edlmann Pierstinskij mit dem Zuenamen“ въѣхалъ въ воду, „можетъ быть, напоить своего коня“ изъ Днѣпра, (ни Дубровны, ни Смоленска не упоминается) „въ своемъ панцырѣ конейщика и со шлемомъ (Schalärn-Salade) на головѣ“; дважды ясно говорится, что онъ шель по дну къ берегу; руку поднималъ онъ для того, чтобы, „если онъ прійдетъ на мелкое мѣсто и будетъ замѣченъ, ему подали помощь“; дважды говорится, что онъ глотнулъ воды трижды, а не дважды, и т. п. Пониманіе этого разсказа было мнѣ доступно лишь благодаря любезной помощи Э. Э. Ленца.

версіями самого Герберштейна нашей темы касаются мало, такъ какъ они ограничиваются мелочами, по сравненію съ существеннѣйшимъ различіемъ разсказа Герберштейна, слышаннаго имъ, правда во время пира, изъ устъ самого Пержхлинскаго, отъ передачи той же исторіи составителемъ описываемаго сборника.

Въ передачѣ Герберштейна, это—просто курьезный, на нашъ взглядъ просто невѣроятный, случай, происшедшій во время похода короля Сигизмунда I къ берегамъ Днѣпра гдѣ-то между Дубровной и Смоленскомъ: рыцарь въ гусарскихъ доспѣхахъ былъ утащенъ взбѣсившимся конемъ на средину Днѣпра и тамъ сброшенъ; не будучи въ состояніи выплыть, онъ погрузился на дно и, идя по нему къ берегу, вышелъ изъ воды, къ общему удивленію и короля и очевидцевъ, которыхъ было до трехъ тысячъ; такимъ образомъ это былъ просто счастливый случай.

Въ изложеніи же издаваемой версіи оказывается, что Пержхлинскій, когда король Сигизмундъ I не могъ переправиться черезъ Днѣпръ, отважно бросился въ рѣку на конѣ въ полномъ вооруженіи и, переплывъ ее,—очевидно по поверхности воды, а не идя по дну,—заставилъ хлоповъ переправлять королевское войско; отвага Пержхлинскаго обусловила, слѣдовательно, военный успѣхъ короля.

Такая разница тѣмъ болѣе удивительна, что въ другихъ случаяхъ, какъ мы видѣли, составитель сборника проявлялъ такой интересъ и легковѣріе къ различнымъ невѣроятнымъ и явно преувеличеннымъ розказнямъ, что, зная онъ версію Герберштейна о Пержхлинскомъ, бѣгущемъ по дну рѣки, то, конечно, не сталъ бы передѣлывать ея въ болѣе достовѣрный видъ. Отсюда мы заключаемъ, что источникомъ его были не хроники Бѣльскаго, Гваньини и Стрыйковскаго, а какой-то иной, быть можетъ изустный, розказъ, гдѣ роль Пержхлинскаго преувеличивалась въ пользу его, какъ виновника побѣды, и въ ущербъ не только интересу его счастливаго спасенія, но даже заслугамъ самого короля, такъ какъ, по розказу указанныхъ хроникъ, одна изъ переправъ черезъ Днѣпръ въ 1508 г. у Орши, въ день св. Маргариты, т.-е. 20 іюля, ознаменована была личною отвагой короля, переправившагося верхомъ въ оружіи черезъ рѣку *).

Такимъ образомъ сообщаемая текстомъ подъ портретомъ Шуйскаго версія разсказа о Пержхлинскомъ исторической провѣрки не выдерживаетъ; столь же мало достовѣрно и показаніе о пребываніи въ это время короля Сигизмунда I въ деревнѣ Шуйскаго, а слѣдовательно и розказъ о подаркѣ Шуйскимъ Пержхлинскому какого-то сосуда **); и совсѣмъ уже поразительно показаніе автора, что онъ видѣлъ сосудъ этотъ собственными глазами въ Каневѣ въ одной Наливайковской церкви, гдѣ этотъ сосудъ для меду служилъ купелью для новорожденныхъ.

Сколь ни странно это послѣднее утвержденіе, но мы не считаемъ себя въ правѣ отрицать ясное свидѣтельство очевидца. Мы не знаемъ, правда, «Наливайковской»

*) См. Бѣльскаго (Kronika, изд. 1764, str. 459—460), Гваньини (Kronika, изд. 1768, str. 275—276) и Стрыйковскаго (Kronika изд. 1766, str. 695—696); послѣдній, разсказавъ сперва объ этой побѣдѣ подъ Оршею въ 1508 году, сообщаетъ затѣмъ, что король отъ Орши пошелъ къ Смоленску и сталъ подъ нимъ лагеремъ 1-го августа; послѣ этого лишь приводитъ розказъ Герберштейна о случаѣ съ „Перетинскимъ“, когда король стоялъ лагеремъ между Дубровной и Смоленскомъ, т.-е. на переходѣ отъ Орши подъ Смоленскъ, и дополняетъ его розказомъ о томъ, какъ самъ онъ тонулъ въ дѣтствѣ. Вкратцѣ, но съ указаніемъ иныхъ источниковъ, о битвѣ этой говоритъ Е. И. Кашпровскій на стр. 197 его работы: Борьба Василя III Ивановича съ Сигизмундомъ I Казимировичемъ изъ-за обладанія Смоленскомъ 1507—1522 (Сборникъ Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. Т. II, Нѣжинъ, 1899, стр. 173—344, съ картою). Днемъ битвы у него указывается, однако, 13 іюля.

**) Слова „Jandula“, которымъ онъ обозначается, мы не могли найти ни въ польскихъ, ни въ малорусскихъ словаряхъ; не есть ли это передача слова „ендова“?

церкви въ Каневѣ, но такъ могли, и, можетъ быть, не безъ основаній называть какую-либо новую деревянную церковь, построенную тамъ козаками сверхъ древней каменной Успенской церкви, стоящей и понынѣ. Быть въ Каневѣ составитель описываемаго сборника имѣлъ, конечно, много возможностей; наиболѣе вѣроятными были, конечно, походы: въ 1596 г. въ пасхальную ночь, ближайшую къ неудачному исходу бунта Наливайки, польскія войска напали на козаковъ въ Успенской церкви; въ 1625 году Каневъ взятъ былъ поляками послѣ одного изъ козацкихъ возстаній*). Къ сожалѣнiю, текстъ не даетъ никакихъ указанiй на то, почему и откуда въ Каневѣ извѣстна была столь далекая и по времени и по мѣсту исторiя сосуда, вѣроятно мѣднаго, служившаго купелью; весьма вѣроятно, что это былъ трофей одного изъ козацкихъ набѣговъ на Бѣлоруссiю: такъ, напримѣръ, самъ Наливайко въ 1596 г. разграбилъ Могилевъ и Слуцкъ. Предполагать присутствiе на купели соответственной надписи было бы, конечно, недопустимой фантазiей по отсутствию какихъ-либо намековъ на нее въ текстѣ; считать же весь рассказъ, связывающiй каневскую купель съ именами Шуйскаго и Пержхлинскаго, простою выдумкою составителя сборника было бы, съ нашей стороны, столь же крайнею иперкритикой, такъ какъ трудно придумать цѣль или поводы для столь странной выдумки.

Такимъ образомъ, оказываясь безсильнымъ дать большей части показанiй разсматриваемаго текста какое-либо удовлетворительное объясненiе, я полагалъ бы до появленiя новыхъ данныхъ не вѣрить рассказу въ той его части, которая заставляетъ принимать появленiе изображеннаго на издаваемомъ портретѣ Шуйскаго въ Витебскѣ и на берегахъ Днѣпра ранѣе 1534 года, и предполагать, что составитель текста, зная о томъ, что предокъ польскихъ Шуйскихъ явился въ Литву къ королю Сигизмунду I, ошибочно отнесъ его приходъ ко времени болѣе раннему и привязалъ его имя къ исторiи похода 1508 года.

Сомнѣваться въ указанiи на Спасо-Преображенскую церковь города Витебска, какъ на мѣсто находженiя портрета, сохраненнаго намъ издаваемымъ рисункомъ, я не вижу никакихъ основанiй; что портретъ изображаетъ русскаго, т.-е. московскаго по польской терминологiи, боярина, это уже вполне несомнѣнно; назвать его Иваномъ Дмитриевичемъ Шуйскимъ-Губкой, отѣхавшимъ въ 1534 г. изъ Москвы въ Литву, и именно въ Витебскъ, можно съ большою долей вѣроятности, которая, однако, нѣсколько умалается указанными выше историческими неясностями.

XXXVII. (л. 173; 205; № 28). WERESZCZAK. [6¹/₈" × 9¹/₂"]. (См. табл. X, рис. 2).

Рисунокъ, какъ и портретъ Карнковскаго (см. XVII), занимаетъ всю страницу и въ отличiе отъ всѣхъ прочихъ, кромѣ Явойшовскаго (см. XIV), портретовъ представляетъ человѣка во весь ростъ. Изображенъ рыцарь въ полныхъ доспѣхахъ, но безъ шлема, идущiй влѣво; правой рукой опирается онъ о древко знамени, отъ котораго виденъ только нижнiй конецъ; лѣвая рука лежитъ на эфесѣ меча; черезъ правое плечо—перевязь; на головѣ съ непомѣрно длинными, завитыми по видимому, волосами узкая горизонтальная повязка съ овальнымъ камнемъ по срединѣ, къ которому прикрѣплено большое страусовое перо; нѣкоторыя детали вооруженiя, напримѣръ наколѣинныя прикрытiя, нарисованы фантастично, другiя же достаточно реальны. Лицо, повернутое въ ³/₄ влѣво, довольно широкое, съ корот-

*) См. очеркъ исторiи Канева Эд. Пуликовскаго, Słownik geograficzny królestwa Polskiego. III, 1882, str. 806—819; Starożytna Polska... Balińskiego i Lipińskiego. Wydanie... F. K. Martynowskiego. Tom. II. 1885, str. 581—5.

кою округлою бородой и густыми, сливающимися съ ней, усами, нарисовано, какъ и въ другихъ портретахъ, очень плохо. Рыцарь изображенъ идущимъ по горбообразному выступу земли; подъ ногами его причудливо выведенная подпись:

Wereszczak Chorąży Kiiowskj.

Такая краткость подписи позволяетъ предполагать, что въ полномъ составѣ рукописи относящейся къ нему текстъ, — по всему вѣроятію, копія съ его надгробія или надгробнаго его знамени, — помѣщался на другой страницѣ напротивъ этого рисунка, какъ то видѣли мы выше (см. стр. 393 и 418) при портретѣ Карнковскаго; теперь, однако, на заклеенныхъ оборотныхъ сторонахъ страницъ, сохранившихся среди „Polonorum Icones“ (см. перечень ихъ выше, стр. 394 — 5), такого текста не усматривается; слѣдовательно, если онъ и былъ, то не былъ взятъ въ королевское собраніе вмѣстѣ съ портретами изъ стараго сборника.

Справки о родѣ Верещаковъ *) не привели насъ къ искомому лицу этого имени, которое занимало бы должность кievскаго хорунжаго; такимъ образомъ время его жизни лишь приблизительно можно угадывать по рисунку доспѣховъ, въ которые одѣтъ рыцарь; наиболѣе характерною чертою ихъ является особый выступъ по срединѣ панцыря въ нижней части груди, это — т.-н. «тапудъ», характерная особенность т.-н. «ландскнехтскихъ» доспѣховъ, датируемая приблизительно 1525—1550 гг. **); къ XVI-му же вѣку можетъ принадлежать, судя по формѣ эфеса, и мечъ Верещаки.

Слѣдовательно, составитель сборника сохранилъ намъ изображение одного изъ Верещаковъ, жившаго приблизительно въ половинѣ XVI вѣка, если только онъ рисовалъ дѣйствительно съ реального изображенія этого Верещаки, хорунжаго кievскаго, и не приписалъ почему-либо его имени къ какому-либо совсѣмъ иному рисунку; присутствіе въ рукахъ хорунжаго знамени, очевидно кievскаго воеводства, является аргументомъ, правда не особенно надежнымъ, въ пользу реальности портрета.

XXXVIII. (л. 172; 204; № 29). FRANCISCVS DE WESELINI. [6¹/₈" × 9⁵/₈"].

На монтировкѣ сверху рукою Альбертранди написано: Ni fallor Wesslew przedek.

Нарисованъ (нѣсколько ниже пояса) рыцарь въ доспѣхахъ безъ шлема въ поворотѣ въ $\frac{3}{4}$ вправо; шейное прикрытіе состоитъ изъ трехъ горизонтальныхъ пластинъ; на панцырѣ посрединѣ вертикальная полоса; лѣвая рука положена на эфесъ шпаги, правая согнута въ локтѣ и держитъ жезль, лежащій на правомъ плечѣ; эта рука въ латной перчаткѣ; черезъ лѣвое плечо повязана перевязь; голова выбрита, оставленъ лишь большой чубъ, поэтому лобъ оказывается непомѣрно большимъ, а черты лица мелкими; носъ крючковатый; черные, не очень большіе, усы выгнуты концами вверхъ; на подбородкѣ острая эспаньолка; въ правое ухо вдѣта серьга въ видѣ толстой гирьки на одномъ маленькомъ кольцѣ. Въ общемъ лицо изображеннаго походитъ на итальянца или инога южанина.

Мелкая подпись въ пятнадцать строкъ содержитъ латинское надгробіе изображеннаго:

*) Okolski, II, p. 93; Niesiecki, IX, 1842, str. 277—278.

***) См. Э. Ленцъ. Собраніе оружія [Императорскаго Эрмитажа] (=Указатель Отдѣленія Среднихъ Вѣковъ и Возрожденія, часть I), СПб., 1908, стр. 30.

Generosus D[omi]nus Franciscus de Weselini Siemnen[sis] Metylnen[sis] etc. Cap[ita]neus | Baro in Hadad haeres in Dembno Vir Catholiciss[imus] et Frudentiss[imus]. Hic Patre | Weselino insigni virtute, et armis iure natus in ipso aetatis flore una cum Pa- | tre p[rae]claras aliquot contra Turcas expeditiones fecit, quo nove [?] magno illi | Steph: Batthor. Pallatino Transylvaniae placens eidem propter maiorem in rebus | bellicis experientiam commendantus est; Paulo post exortis simultatibus inter Ill[ust]- | r[issimos] | Principes Stephanum Batthorem et Gasparum Biekiesyum fideliter suo Principi adhae- | sit. Interim Stephanus Batthoreus Rex Poloniae declaratur, suum Patronum cli- | ens sequitur cum Rege omnia pericula pugnae Gedanens[is] Polocen- | [sis] Wielkolucen[is] | et Plescouiens[is] strenue superat: Mortuo illo D[omi]no Gas- | paro Biekiessio relictam Vidua[m] | G[e]n[er]osam D[omi]nam Annam Ferkandi suasu Regis uxorem duxit. Viuente ad- | huc Rege consensu ordinum Ciuis Polonus declara- | tur, optime tandem de Re- | publica meretur dum demortui Regis facultatem quae ex re Reipublicae erat. Senato- | ribus declarat. moritur non sine magno maerore suor[um] p[rae]cipue charissimae coniugis, quae | ut vivo fida monumenta amoris p[rae]stitit ita mortuo ea[dem] exhibuit. Obdormiuit in D[omi]no 1594. 16 July Aet. 40.

Этотъ портретъ и вся подпись подъ нимъ скопированы, конечно съ нѣкото- рыми незначительными различіями и ошибками, на 58 листѣ упомянутого выше (см. стр. 389) альбома польскихъ портретовъ въ рукописномъ отдѣленіи Импера- торской Публичной Библіотеки (Polon. F. XIII. 1).

Это же самое надгробіе Франциска Веселини*), одного изъ многочисленныхъ иностранцевъ, пришедшихъ въ Польшу со Стефаномъ Баторіемъ, видѣлъ въ Кра- ковѣ въ костелѣ францисканцевъ, гдѣ нынѣ его уже не оказывается (Pomniki Krakowa, str. 248), и списалъ Симонъ Старовольскій, и его копія представляетъ значительныя отличія отъ издаваемой нами **) и при томъ нѣрѣдко въ худшую сторону.

Конечно, списать надгробную надпись составитель сборника умѣлъ лучше, чѣмъ срисовать изображеніе погребеннаго съ его надгробія, погребальнаго знамени или портрета, висѣвшаго надъ гробницею, но все же и въ несовершенномъ рисункѣ описываемаго сборника мы имѣемъ достовѣрный, хотя и плохой, но зато, насколько мнѣ извѣстно, едва-ли не единственный, портретъ Франциска, или Ференса, Веселини.

Насколько основательна догадка Альбертранди о происхожденіи отъ Веселини рода Весселей (см. Niesiecki. IX, str. 282—4), провѣрять это, на нашъ взглядъ весьма сомнительное, предположеніе мы не считаемъ входящимъ въ нашу задачу.

XXXIX. (л. 174; 206; № 27). AGNES WIELICZKA. [6¹/₁₆" × 9¹/₂".]

Нарисована, нѣсколько ниже пояса, женщина въ легкомъ поворотѣ вправо. Полное лицо обращено въ ³/₄ вправо же; волосы расчесаны прядями на обѣ сто-

*) См. о немъ Paprocki, изд. 1858, str. 884 съ рисункомъ его герба; Niesiecki, IX, 1842, str. 280; у Finkel'я № 3279 указанъ документъ о немъ; историки упоминаютъ о немъ часто, какъ о видномъ лицѣ того времени.

**) Simonis Starowolci Monumenta Sarmatarum. Cracoviae. 1655, pag. 98; указываемъ, конечно, лишь важнѣйшія различія: начало Magnif et Generosus Dnus D; Hadat, впрочемъ, и въ нашей копіи было написано сперва t, потомъ лишь передѣланное въ d; вм. iure—viro; вм. ipso —primo; una cum illo, а далѣе слова отъ Patri до illi включительно пропущены; вм. propter—re- perit; вм. est—Et; вм. Illr.—illos; вм. Biekiesyum—Bekessium; послѣ Stephanus пропущено Battho- reus; вм. Dno—D.D.; Bekessio; вм. Dnam —D.D.; Zarkandi; послѣ Rege слѣдуетъ peregratio, me- rito; вм. facultatem—voluntatem; вм. amoris—annis; in Domino Anno Domini 1594 Aetatis 40.

роны; надъ ними поднимаются съ обѣихъ сторонъ головы кольцами закрученныя косы; справа (отъ зрителя) видны два рядомъ стоящіе оборота косы и пустое пространство между ихъ выгибомъ и головою, слѣва три такихъ же оборота, а пустота загорожена контуромъ затылка; посрединѣ надъ самымъ лбомъ, на проборѣ, укрѣпленъ овальный камень въ оправѣ съ выступами изъ двухъ, поставленныхъ другъ надъ другомъ, шариковъ снизу и сверху; спереди на шеѣ по краю воротника рядъ кружковъ: вѣроятно, бусы ожерелья. Широкий воротникъ съ округлыми углами отогнуть въ стороны; по двумъ вертикальнымъ бортамъ узкаго корсажа нашито два ряда круглыхъ пуговокъ; ниже станутой талии корсажъ выступаетъ посрединѣ острымъ угломъ между двумя полукруглыми вырѣзами. Рукава въ верхней ихъ части украшены вертикальными полосами, изъ которыхъ на одной, на правомъ плечѣ, показаны еще мелкія поперечныя полоски; широкія рукава покрываютъ руки до локтя, а затѣмъ спадаютъ широкими концами позади ихъ; руки или въ узкихъ съ отворотами рукавахъ, или же обнаженныя съ надѣтыми на нихъ перчатками съ широкими раструбами. Правая рука опущена внизъ и упирается въ бокъ; лѣвая, согнутая въ локтѣ, поднята вверхъ и держитъ тонкій обручъ съ остро-выдающимся камнемъ (?) посреди двухъ наложенныхъ другъ на друга кружковъ, которые образуютъ какъ бы щитокъ; по относительной величинѣ этого обруча его нужно было бы назвать браслетомъ, но по формѣ онъ можетъ быть также и перстнемъ, нарисованнымъ въ нѣсколько преувеличенномъ размѣрѣ.

Подъ портретомъ подпись въ четырнадцать строкъ:

Agnethis Wieliczka N[obi]litate veteris Matronae. Magnificus Hyacinthus Młodzieiowski-de Młodzieiowice Regiae Curiae quaestor Krzeszowien[sis] Piasecen[sis] Cap[ita]neus etc. etc.

Memoriae suavissimae coniugis.

Vis scire quid intempestiva mors abstulit.

Si queritur probitas? Virtutem cogita.

Si religio? Sanctimoniam.

Si thori fides? Rarum faeminae exemplum.

Si mariti amor? vere coniugem.

Tot praeclaris virtutibus.

Optimam maerenti Marito coniugem.

Suauissimis liberis dulcem parentem.

Intempestiva mors abstulit.

Natam. Annos 27. Anno Dni 1609. Mense Januario die 30.

Подпись копируетъ надгробную надпись, поставленную Іакинѳомъ Млодзѣвскимъ, подскарбіемъ надворнымъ (см. Niesiecki. VI, 1841, str. 431), надъ могилою его жены Агнесы изъ рода Величекъ, съ которою онъ вступилъ въ бракъ въ 1583 г., вернувшись изъ Москвы (Paprocki, изд. 1858 г., str. 411). Это надгробіе списано было Симономъ Старовольскимъ и напечатано въ его книгѣ „Monumenta Sarmatarum“ (Krakow. 1655) и притомъ дважды: одинъ разъ (pag. 80—81) въ числѣ надгробій во францисканской церкви въ Краковѣ съ незначительными, кромѣ даты, отличіями отъ издаваемой здѣсь копій *), а другой разъ (pag. 765) въ числѣ эпитафій разныхъ мѣстъ (р. 750) съ большимъ числомъ отличій и овать-таки съ иною датой, что, вѣроятно, и было причиной отнесенія этой копій въ указатель

*) Важнѣйшее отличіе то, что въ началѣ прибавлено слово Magnificae, а дата такова: Natam annos 27. Anni mundo Salutaris, 1509. Mense Januario, die 29.

къ «другой матронѣ», хотя различія этихъ двухъ копій одного и того же памятника объясняются, очевидно, лишь описками и опечатками*).

Изъ спеціальнаго изданія „*Polniski Krakowa*“ (см. выше, стр. 399, прим. 3) узнаемъ, что во францисканскомъ костелѣ памятника Агнесы Велички не сохранилось (str. 248), 1599 г., какъ дата смерти ея, является тутъ, очевидно, какъ опечатка вм. 1509, т. к. ссылка сдѣлана только на 80 стр. Старовольскаго; дата 1509 г. явно невозможна; когда умеръ Якинеъ Млодзиевскій, мы не знаемъ (о немъ см. еще Okolski. I, p. 366—7, III, p. 125—6); не знаемъ, на чемъ основано показаніе Нѣсецакаго, что онъ былъ въ супружествѣ съ Агнесой „*dożywotnie*“, — т. е. до смерти, но чьей? — изъ надгробія же ея ясно, что она умерла ранѣе его; какой годъ стоялъ на поставленномъ имъ памятникѣ ея, мы, такимъ образомъ, не знаемъ; но въ виду того, что первая копія Старовольскаго въ общемъ лучше второй, мы предпочли бы дату 1609, указанную въ описываемомъ сборникѣ.

Портретъ же Агнесы Величко, какъ вполне подходящий и къ возрасту ея и къ костюмамъ конца XVI в., долженъ быть признанъ вполне достовѣрнымъ и замѣняющимъ до нѣкоторой степени ея исчезнувшій надгробный памятникъ.

XL. (л. 175; 207; № 26). WIERZYNEK. [6" × 9¹/₁₆"]. (См. табл. IX, рис. 1).

Портретъ изображаетъ пожилого человѣка, почти до пояса, en face, съ густыми, свисающими внизъ, усами, съ голымъ подбородкомъ; недлинная борода, раздвоенная по срединѣ, окаймляетъ нижнюю челюсть; на головѣ низкая съ короткими полями и узорами по тулѣ шляпа надѣта на бекрень, въ зависимости отъ чего все широкое лицо оказалось перекошеннымъ неумѣлостью рисовальщика; на плечахъ широкая верхняя одежда съ отложнымъ воротникомъ, подъ которой на груди видны звенья, золотой очевидно, цѣпи; руки сложены передъ грудью одна на другой; на одномъ пальцѣ лѣвой руки перстень. Въ общемъ рисунокъ этотъ одинъ изъ самыхъ плохихъ.

Подъ нимъ польскій текстъ въ десять строкъ:

Wierzynek. Niemiec Raica Krakowski: za Krola Kazimierza | w Roku 1336 Cesarza Karla. Ludwika Węgierskie^o. Zygmunta | Dunskie^o. y Piotra Cyperskie^o Krolow. Xiążąt y Panow wiele po We | selu Krolewskim w kamienicy swy w rzyunku czestował y kosztownymi Vpo | minkami kazdego z nich vdarował; a naprzęd Krolowi swemu Kazimierzowi | darował kleinot przepyszny ktory na sto tysiecy na on czas racho | wano. Oczym czytai Kromera. lib. 12. fol. 277 Jest ieszcze conterfet | iego w stary Menicy na murze z ktorego tesz tu wykopierowano | zszedł bez potomstwa pochowany v Franciszkanow. Jusz teraz takie^o | Mieszczanina w Crakowie nie naidzie choc by był y Gwarkiem.

Первое слово этого текста написано особенно крупно, а слова Krolow и Kazimierza (во второмъ случаѣ) крупнѣе прочихъ; слово Krakowski написано было сперва черезъ С, переправленное потомъ въ К.

И портретъ и подпись скопированы въ альбомѣ Императорской Публичной Библіотеки (Polon. F. XIII. 1) на листѣ 43, причемъ портретъ заключенъ почему-

*) Начало Magnifico AGNETIS WIELICZKAЕ; вмѣсто Krzeco (первой копій) — Krzescou: Piasecensis Capitaneus; abstulerit; moerente; вм. intempestiua mors abstulit — fatum immane surripuit, дата—Natum annos 27. Anno Domini, 1590.

то въ кругъ, какъ сдѣлано въ томъ же альбомѣ еще съ нѣкоторыми портретами, перерисованными туда изъ описываемаго сборника *).

Портретъ, какъ видно изъ текста подъ нимъ, долженъ изображать упоминаемаго польскими лѣтописцами, начиная съ Длугоша, современника и сподвижника Казимира Великаго, краковскаго горожанина Вержинка, который прославилъ имя своего короля, и свое конечно, роскошнымъ пиромъ въ Краковѣ во время свадьбы короля чешскаго и императора германскаго (Венцеслава) Карла IV съ племянницею Казимира Великаго, Елизаветою, дочерью поморскаго князя Богуслава; на этомъ пирѣ Вержинекъ первое мѣсто предоставилъ своему королю, а затѣмъ сидѣли императоръ Карлъ IV, венгерскій король Людовикъ, кипрскій король Петръ I, датскій король Сигизмундъ, нѣсколько (5) князей и множество вельможъ; о пирѣ этомъ дѣйствительно говорятъ и Мартинъ Кромеръ, на латинскій оригиналъ хроники котораго (см. въ польскомъ переводѣ, изд. 1767 г., str. 363—364) ссылается авторъ подписи; у Кромера Вержинекъ называется и нѣмцемъ и райцей краковскимъ и, кромѣ того, королевскимъ подскарбіемъ, но самое событіе отнесено правильно къ 1363 году, а не къ 1336, какъ ошибочно стоитъ въ описываемомъ сборникѣ. Составителю его личность Вержинка представлялась, согласно показаніямъ Кромера, образцомъ богатства и процвѣтанія краковскаго мѣщанства въ доброе старое время: «теперь ужъ не найдешь въ Краковѣ такого горожанина, хоть бы онъ и рудниками владѣлъ», — такою сентенціей кончается текстъ подъ портретомъ. Въ такомъ же полугероическомъ видѣ рисуютъ Вержинка и позднѣйшіе генеологи и историки **).

Новѣйшіе же историки, опираясь преимущественно на матеріалъ архивный, вмѣсто одного Николая Вержинка, или Вирзинга, различаютъ двухъ, или даже трехъ, жившихъ около половины XIV в. одновременно: дѣда, отца и внука. Входитъ въ подробности этого вопроса здѣсь не мѣсто, тѣмъ болѣе, что специальная работа Кутшебы мнѣ извѣстна лишь по рецензій ея Вл. Семковича ***): эти новыя данныя противорѣчатъ во многомъ старымъ и въ числѣ ихъ и утвержденіямъ разсматриваемаго текста.

Извѣстный въ Краковѣ съ 1316 г. старшій Николай Вирзингъ, войтъ въ Величкѣ, по весьма убѣдительнымъ соображеніямъ Семковича, былъ не нѣмцемъ, а уроженцемъ, хотя бы и онѣмеченнымъ, Силезіи, гдѣ есть и селеніе Wersingawe

*) А именно: Всеволода (см. XLII), Іереміи (XV), Мамыры (XXI), Мелецкаго (XXV), Минскаго (XXVI) и Явойшовскаго (XIV). Различія, помимо ореографическихъ, въ копіи текста къ портрету Вержинка, таковы: Niegierskiego; swey; kosztownemi; czytać. Внизу карандашомъ написано: Wierzynek, kupiec krakowski.

***) Paprocki, изд. 1858, str. 892—4; Okolski, II, 1643, pag. 35—36, 27 (bis); Niesiecki, IX, 1842, str. 322—323. Указываемыя Finkel'емъ (№ 34094) старыя статьи въ журналахъ Pszczółka Krakowska, 1821, I, и Przyjaciel Ludu, 1847, XIV, мнѣ остались недоступны, равно какъ и документы 1336 и 1346 г. (Finkel, № 1822 и 1832) и статья о наслѣдствѣ Вержинка (ibid. № 22449) К. Шайноха (Wojna o cześć kobiety, см. Szkice Historyczne II, Lwów, 1858, str. 44—79, о Вержинкѣ str. 60—64, 67—72), Л. Татомиръ (Mikołaj Wierzynek. Przyczynek do dziejów miezczaństwa polskiego w XIV wieku — str. 97—121 (cf. 73—89) въ книжкѣ: Król Kazimierz Wielki i Mikołaj Wierzynek. Warszawa, 1888) и Бартошевичъ (Mikołaj Wierzynek, въ Encyklopedyja Powszechna, XXVI, 1867, str. 959—962) комбинировали уже съ данными хроникъ документы городскихъ архивовъ Кракова и Бреслава, но не съ достаточной строгостью.

***) St. Kutrzeba. Historia rodziny Wierzyńków. (Rocznik Krakowski, t. II, и отдѣльно, Kraków, 1899), рецензію ея Вл. Семковичъ помѣстилъ въ журналѣ Kwartalnik Historyczny (1899, str. 347—350); въ книжкѣ Stary Kraków w dziewięćsetną rocznicę jego narodowego charakteru (Kraków, 1901, str. 53—54) І. Шуйскій и Фр. Пекосинскій также даютъ рядъ архивныхъ свидѣтельствъ о различныхъ Вержинкахъ.

и были иные Вирзинги; онъ умеръ вовсе не безъ потомства: у него былъ сынъ, тоже Николай Вирзингъ, стольникъ Сандомірскій, строитель алтарной части извѣстнаго краковскаго собора Божіей Матери, надгробіе котораго 1360 года Длугошъ видѣлъ на южной стѣнѣ костела, а портретъ котораго, въ видѣ лысаго безбородаго, съ опухлыми губами, старика Ф. Копера (Pomniki Krakowa, str. 78, 80, 83), полагаетъ возможнымъ видѣть въ одномъ изъ скульптурныхъ украшеній этого костела. У этого Николая Вирзинга былъ въ свою очередь сынъ, Николай же, и другой, Тома, погибшій въ битвѣ на Воркслѣ (1399); пиръ императору и королямъ въ 1363 году давалъ старшій, пережившій сына, Николай Вирзингъ, но только, какъ предполагаетъ Куштеба, не отъ себя лично, а какъ представитель города Кракова; хотя радцею («консуломъ») Николай Вирзингъ является не въ этомъ, а въ слѣдующемъ, 1364, году. Какъ бы то ни было, но эти три Николая Вирзинга и иные ихъ родственники были въ XIV и XV в. въ числѣ виднѣйшихъ и богатѣйшихъ гражданъ Кракова, что не помѣшало, впрочемъ, одному изъ ихъ рода, Андрею Вирзингу, наложить руку на городскія деньги, за что онъ и былъ казненъ въ 1476 году; потомки Вирзинговъ, видимо обѣднѣвшіе, упоминаются и въ XVII вѣкѣ.

Для насъ эта многочисленность Вирзинговъ важна въ томъ отношеніи, что позволяетъ принять, какъ вполне достовѣрное, показаніе составителя сборника, что портретъ «Вержинка нѣмца райцы Краковскаго» скопированъ имъ съ портрета, находившагося на стѣнѣ «Старой менницы», т.-е. монетнаго двора Кракова. Этимъ именемъ называютъ иногда *) домъ № 17 на краковскомъ рынкѣ, именуемый иногда и гетманскимъ домомъ и домомъ Вержинка, извѣстный своими двумя готическими, восходящими до эпохи Казимира Великаго, залами съ великолѣпными скульптурными замочными камнями въ сводахъ, въ одномъ изъ которыхъ видятъ портретъ Казимира Великаго **). И дѣйствительно проф. Ст. Томковичъ ***) нашелъ архивныя данныя объ этомъ именно домѣ, свидѣтельствующія, что въ 1627 г. Станиславъ Циховскій уступилъ lapideam Stara Mynca in circulo Srasov. Христофору Оссолинскому, который владѣлъ ею и въ 1631 г. Итакъ, на ея стѣнахъ и находился сохраненный описываемымъ сборникомъ портретъ Вержинка, радцы краковскаго; судя по замѣчанію, что портретъ этотъ былъ «на стѣнѣ», я думаю, что это былъ не обыкновенный переносный портретъ, повѣшенный въ этомъ зданіи, а скорѣе написанный на самой стѣнѣ (ср. выраженіе „na samym kamieniu“ о портретѣ болгарина Мармадзюка, выше, стр. 427). Разъ подъ «старой менницей» составитель сборника разумѣлъ дѣйствительно казиміровскій домъ № 17, то является и возможность, что онъ видѣлъ тамъ портретъ одного изъ Николаевъ Вержинковъ (дѣда или сына) и притомъ имъ современный, если, конечно, росписи залъ были современны ихъ построению.

Но эта роспись могла быть и болѣе поздней и изображенный на ней Вержинокъ могъ быть или совсѣмъ инымъ, однимъ изъ позднѣйшихъ, Вержинкомъ, или же, если и знаменитымъ Вержинкомъ, то написаннымъ много спустя послѣ его смерти, т.-е. портретомъ болѣе или менѣе фантастическимъ; впрочемъ, для него въ то время могъ существовать и какой-либо надежный оригиналъ вродѣ

*) Напр., Leonard Lepszy. Krakau. Leipzig. 1906. [=Berühmte Kunststätten, № 36], S. 67.

**) Рисунокъ этихъ рельефовъ см. у Lepszy, о. с., Abb. 48; въ изданіи Polski Muzeum, Ф. Коперы и Ю. Пагачевскаго, Rok I, tabl. 26—28, стр. 4—5, авторы полагаютъ, что эти залы, названное (niezawodnie), были приемными покоями Казимира Великаго; портретомъ короля считается ими наплемникъ въ видѣ бородатой головы въ коронѣ.

***) См. Sprawozdania Komisji do badania historii sztuki w Polsce, t. V, Kraków. 1896, str. 207, n. 4.

изображенія Вержинка на его надгробіи, на какой-либо сооруженной имъ иконѣ, на стѣнѣ построенной имъ часовни, и т. п.

Словомъ, о достовѣрности портрета, копированнаго составителемъ сборника, можно разсуждать и такъ и сякъ; но та копія его, которую мы передъ собою имѣемъ, не позволяетъ, на мой взглядъ, вѣрить тому, чтобы портретъ этотъ реально представлялъ какого-либо Вержинка XIV-го еще вѣка: портретъ этотъ принадлежалъ началу XVI-го, и, самое раннее, концу XV-го вѣка, а потому достовѣрнымъ портретомъ того знаменитаго Вержинка, о которомъ идетъ рѣчь въ текстѣ, признанъ, какъ я полагаю, быть не можетъ *).

Я лишень, къ сожалѣнію, возможности сравнить издаваемый нынѣ портретъ Вержинка съ иными существующими его портретами, т. к. не видѣлъ ни одного изъ двухъ, не считая упомянутой выше (см. стр. 459) головы въ соборѣ Богоматери, упоминанія о которыхъ мнѣ встрѣтились: одинъ—гравюра краковскаго живописца начала XIX в., Михаила Стаховича, по портрету, находившемуся у краковскаго епископа **), другой—маленькая литографія также 1820-хъ годовъ ***).

Однако, судя по краткому описанію перваго изъ этихъ портретовъ гр. Эмер. Гутенъ-Чапскимъ ****), офортъ этотъ воспроизводитъ, быть-можетъ, тотъ же оригиналъ, какъ и издаваемый нами рисунокъ: Вержинекъ, въ шапкѣ и верхней одеждѣ, изображенъ en face. Не видавъ даже этой гравюры, мы не можемъ судить о взаимоотношеніи портретовъ; помѣщеніе краковскаго портрета въ овалѣ, какъ весьма обычный для портретовъ приемъ, не можетъ еще доказывать независимости этого портрета отъ издаваемаго; такъ, въ копіи послѣдняго въ альбомѣ Публичной Библиотеки портретъ Вержинка, несомнѣнно воспроизводящій нашъ рисунокъ, помѣщенъ почему-то въ кругъ (ср. выше, стр. 458).

Если портретъ Вержинка, находившійся въ началѣ прошлаго столѣтія въ собраніи краковскаго епископа, окажется тождественнымъ нашему, то это можетъ объясняться двояко: или зависимостью отъ одного общаго источника, т.-е. стѣнописи «старой менницы», или же зависимостью краковскаго портрета отъ издаваемаго рисунка XVII в. или непосредственно, или же черезъ альбомъ польскихъ портретовъ, хранящійся теперь въ Публичной Библиотекѣ С.-Петербурга, или черезъ иную копію.

При одновременномъ существованіи двухъ, и даже трехъ, Николаевъ Вирзинговъ возможно, что и показаніе описываемаго сборника о погребеніи знаменитаго Вержинка во францисканскомъ костелѣ основывалось на дѣйствительномъ находженіи тамъ въ началѣ XVII в. гробницы старшаго Вирзинга, т. к. надпись о смерти Николая Вержинка въ 1360 г., видѣнная Длугошемъ въ костелѣ Пресв. Дѣвы Маріи, относятъ теперь къ сыну Вирзинга, угощавшаго королей въ 1363 году.

*) С. Н. Тройницкій обратилъ мое вниманіе на сходство этого портрета съ портретами англійскаго короля Генриха VIII (1509—1547),—см., напр., Н. Kervyn de Lettenhove. La toison d'or. Bruxelles. 1907, pl. ad pag. 60; несмотря на общее сходство лицъ, я не рѣшаюсь, однако, не вѣрить прямому указанію текста, откуда скопированъ портретъ Вержинка, но считаю долгомъ указать и на это сходство, памятуя портретъ, якобы, Граціана, господаря молдавскаго (см. выше, стр. 408).

***) Гравюра эта упоминается Амвр. Грабовскимъ (Biblioteka Warszawska. 1857, IV, str. 241) и кратко описывается І. Крашевскимъ въ каталогѣ его собранія (см. выше, стр. 421, пр. 3): „Stachowicz, Mich. — Mikołaj Wierzynek, Rad. Krak. (z gabinetu Bisk. Krak.) 8. grav. par lui“ (о. с., р. 237). Упоминается и Растваецкимъ, Słownik Rytowników Polskich. Poznań. 1886. str. 272, № 3.

****) Catalogue, etc. I. Крашевскаго, р. 279: „Żylinski, I. N. — Mikołaj Wierzynek, lith. 16^{cm}“.

*****) Spis Rycin (см. выше, стр. 421, пр. 3), szp. 323, № 2059: Wowalu popiersie wprost, w kapeluszu i w wierzchniem odzieniu. Pod spodem: Mikołaj Wierzynek | Radca Krakowski | Żył za Kazimierza Wielkiego | Z gabinetu Biskupa Krakowskiego. aqf. 110×85 mm.

Но рѣшеніе этихъ вопросовъ мы, не имѣя необходимаго реального матеріала, должны предоставить лучше насъ для того вооруженнымъ краковскимъ собратьямъ, которые раздѣлять, надѣмся, наше скептическое отношеніе къ достовѣрности портрета этого по существу, т.-е. къ возможности возводить оригиналь его къ эпохѣ Казимира Великаго.

XLII. (л. 181; 215; № 19). OSTAFIEY WOŁOWICZ. [6"×9¹/₂".] (См. табл. VII, рис. 2).

Погрудное изображеніе рыцаря въ доспѣхахъ въ поворотѣ въ ³/₄ влево; густые короткіе волосы окаймляютъ высокій лобъ съ тонкими бровями; длинный горбатый носъ и маленькіе глаза; довольно длинныя усы торчатъ, слегка лишь загибаясь концами вверхъ; густая небольшая борода подстрижена округло; въ ухѣ (лѣвомъ) серьги нѣтъ; около шеи большой стоячій воротникъ съ отогнутыми прямыми углами; плечныя пластинчатыя прикрытія доспѣха нарисованы, особенно на правомъ плечѣ, недостаточно точно; посреди панцыря вертикальная полоса, контуръ его справа рисовальщикъ провести забылъ; черезъ лѣвое плечо—перевязь; рисунокъ одинъ изъ лучшихъ.

Подъ портретомъ тщательно и крупнѣе, чѣмъ послѣдующее стихотвореніе, выведена подпись:

Ostafiey Wołowicz Kaszt. Wilinskj.
 Pierwey wilka potłoczy kozieł luskonogi:
 A przed ciełeciem głupim wciecze lew srogi
 Orla podniebolota gołab zamorduie,
 I przed plociczką szuka w głębią się wwinduie
 A niz ty Ostafieiu Wole złotorogi
 Vzywiesz tu w zacności, y w swey sławie trwogi.

Евстаѳій Воловичъ, воевода виленскій и канцлеръ великаго княжества Литовскаго (†1587), послѣдній кальвинистъ въ родѣ, извѣстенъ, помимо участія въ различныхъ войнахъ, тѣмъ, что въ 1569 г. энергично возставалъ противъ уніи Литвы съ Польшей, тѣмъ, что отказалъ-было приложить литовскую печать къ королевскому акту 1579 г. объ учрежденіи въ Вильнѣ іезуитскаго коллегія, и тѣмъ, что Иванъ Грозный въ 1570 г. просилъ короля прислать посломъ въ Москву его именно, если дѣйствительно хотятъ прочнаго мира *).

Мнѣ не удалось опредѣлить, откуда заимствовалъ составитель сборника посвященное Остафію Воловичу стихотвореніе.

Не знаю я и иныхъ его портретовъ, т. к. недостаточно ясно обозначенный въ каталогѣ Крашевскаго (р. 136) портретъ, по сравненію съ каталогомъ Гутенъ-Чапскаго (szp. 335—6), оказался портретомъ не воеводы, а католическаго епископа виленскаго Евстахія Воловича (†1621), котораго существуетъ нѣсколько гравированныхъ портретовъ; наружность же воеводы и канцлера Остафія Воловича издаваемый рисунокъ передаетъ, надо думать, съ достаточной точностью.

XLIII. (л. 182; 216; № 17). WSIEWOŁODA [5¹⁵/₁₆"×9¹/₂".] (См. табл. V, рис. 1).

На рисункѣ, болѣе мелкомъ, чѣмъ обыкновенно, изображенъ, ниже пояса, человекъ въ широкой, покрывающей руки до кистей, мантии или плащѣ, засте-

*) Niesiecki, IX, 1842, str. 415—416; Encyklopedyja Powszechna. XXVII, 1867, str. 744—751; И. И. Лаппо. Великое княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской Уніи до смерти Стефана Баторія. 1569—1586. Томъ I. СПб. 1901.

гнутомъ на лѣвомъ плечѣ; покрой этой верхней одежды неясенъ потому, что грудь и плечи поверхъ ея покрыты еще широкимъ сплошнымъ оплечьемъ или бармами, нарисованными, однако, такъ, что онѣ производятъ впечатлѣніе мѣхового воротника; около шеи углы широкаго и мягкаго отложнаго воротника; лицо повернуто въ $\frac{3}{4}$ влѣво и голова слегка склонена внизъ; на длинныхъ, подстриженныхъ надъ лбомъ и спадающихъ кудрями по сторонамъ, волосахъ нѣтъ никакого головного убора; носъ тонкій съ характерной горбиной въ верхней его части; на небольшую округлую бороду спадаютъ концы волнистыхъ усовъ; ротъ полуоткрытъ. Руки видны спереди изъ-подъ мантии, или плаща; правая рука поднята къ груди, лѣвая лежитъ около пояса, стягивающаго нижнюю, отчасти лишь видимую, одежду.

Подъ портретомъ польская подпись въ одиннадцать строкъ:

Wsiewołoda Syn Włodziemierzow Xiążę Ruskie, żył około lat 1008. Jest malowany w Monasterze Włodzimirskim tak iako go wi- | dzisz, są y litery pod nim Ruskie, lecz do wyczytania trudne, wspomina Kromer, że ich było braciey dwanastie: a Ruski historyk Marota | pisze że od niego idą P.P. Wiesiołowscy. był to mąż, acz nie wale- | czny ale gospodarny. budynkami a rolę bawiacy sie około Włodzimie- | rza wsi na on czas popustoszone wszystkie pobudował, ktorych było | na ten czas 73. każda wieś miała swoje Cerkiew, y Dwor porzą- | dny, po dzis dzień są tego znaki, gdzie iusz tylko pagorki a kopce | widać. Miasto Włodzimierz triangulaliter rozdzielił, to iest Monastyrem, Zamkiem y kosciolem, Vmarł Roku 1069. czy- | tai o nim w Ruskich kronikach gdzie chcesz.

И портретъ, заключенный, однако, въ кругъ, и текстъ скопированы въ альбомѣ польскихъ портретовъ начала XIX в., хранящемся въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библиотеки (Polon. F, XIII. 1; см. о немъ выше, стр. 389), на листѣ 52-омъ; изъ разночтеній копіи характерна замѣна числа 1008 числомъ 100, прочія отличія обычнаго ореографическаго характера; такъ, вм. Monastyrem—monasterem, вм. czytai—czytać и т. п.

Подпись, выдающая рисунокъ за копію съ изображенія древне-русскаго князя, привлекаетъ, конечно, къ нему наше вниманіе, такъ какъ мы имѣли уже случай найти на польскомъ, — если не по художнику, то по заказчику, — рисунокъ половины XVII вѣка довольно точное изображеніе вел. кн. Ярослава съ семьею*); однако, въ данномъ случаѣ, уже первый взглядъ на рисунокъ заставляетъ отнестись къ достовѣрности обозначенія портрета весьма критически.

Мы не можемъ, однако, обвинять составителя подписи въ какой-либо фальсификаціи портрета: здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, онъ просто ошибается и отчасти въ самомъ естественномъ направленіи; что же касается историческихъ данныхъ объ изображенномъ лицѣ, то относительно ихъ строгихъ требованій къ составителю домашняго сборника самаго пестраго содержанія нельзя, конечно, и предъявлять.

Мы не можемъ, къ сожалѣнію, опредѣлить источника приводимыхъ въ текстѣ историческихъ данныхъ о кн. Всеволодѣ Владиміровичѣ и о городѣ Владимірѣ-Волынскомъ. Самъ составитель текста сдѣлалъ, правда, двѣ ссылки на свои источники, но одна изъ нихъ, на Кромера (lib. XIII; по польск. изд. 1767, стр. 69—70), дана по поводу общераспространеннаго указанія о двѣнадцати сыновьяхъ

*) См. „Труды XIII Археологическаго Съѣзда въ Екатеринославѣ“. 1905. Томъ II, Москва, 1903, стр. 444—462, табл. VI, рис. I; болѣе крупное воспроизведеніе того же рисунка см. теперь въ X-мъ томѣ „Богословской Энциклопедіи“, СПб. 1909, таблица къ столбцамъ 567—568.

Владимира Святого, а другая—на какого-то «русского историка Мароту»—касается происхождения, якобы от Всеволода Владимировича, шляхетского рода Веселовских (см. о них Niesiecki, IX, 1842, str. 324—327).

Изъ Кромера же оказывается протекающим и годъ 1008: перечисленіе двѣнадцати сыновей Владимира и удѣловъ ихъ дается имъ подѣ этимъ именно годомъ, указываемымъ Длугошемъ, какъ начало русской войны Болеслава Храбраго, въ начало разсказа о которой, естественно, и помѣщенъ перечень дѣтей Владимира Святого.

Какимъ образомъ появился 1069 годъ, какъ годъ смерти Всеволода Владимировича, объяснить мы не можемъ: у Кромера послѣ упоминанія этого года (кн. IV; польск. пер., 1767 г., str. 104) идетъ разсказъ о войнѣ Болеслава, Смѣлаго уже, съ Ярославичами и въ числѣ ихъ упоминается и Всеволодъ; еслибы даже допустить, что составитель разсматриваемаго текста смѣшалъ этого Всеволода Ярославича со Всеволодомъ Владимировичемъ, то все-же Кромерь говоритъ лишь о бѣгствѣ его, а вовсе не о смерти. Всеволодъ Владимировичъ могъ бы, конечно, дожить до этого года, такъ какъ Ярославъ, который былъ старше его, дожилъ до 1054 г.; но предполагать это не позволяетъ молчаніе о немъ лѣтописи и появленіе во Владимірѣ-Волынскомъ уже въ 1054 году Игоря Ярославича; на основаніи скандинавскихъ источниковъ полагаютъ, что Всеволодъ Владимировичъ убитъ былъ въ Швеціи еще въ 1015 году. Такимъ образомъ, 1069 годъ, какъ годъ его смерти, оказывается и невѣроятнымъ и, для насъ по крайней мѣрѣ, необъяснимымъ.

Тщетными остались и наши поиски «русского историка Мароты»; только это странное имя попалось намъ, какъ имя одного венгерскаго полковника (въ 1600 г.) у Гаммера (Hist. de l'Emp. Ottom., VII, p. 357); надѣмся, что люди, болѣе насъ свѣдущіе, найдутъ и какого-то украинскаго историка того же имени.

Неособенно вѣрной оказывается и послѣдняя ссылка на то, что желающіе могутъ читать о Всеволодѣ Владимировичѣ въ «русскихъ хроникахъ»: насколько мы могли убѣдиться по новѣйшему изданію западно-русскихъ лѣтописей (= Полн. Собр. Русск. Лѣтописей, т. XVII, СПб. 1907), читать въ нихъ о Всеволодѣ Владимировичѣ въ сущности нечего, такъ какъ и въ нихъ, какъ и въ начальной лѣтописи, о немъ, кромѣ имени, ничего почти не сообщается.

Такимъ образомъ, весь разсказъ о колонизаторской дѣятельности его во Владимірѣ-Волынскомъ протекаетъ изъ какого-то неизвѣстнаго намъ источника, возможно, что отъ того же «русского историка Мароты».

Самое содержаніе разсказа явно указываетъ на мѣстное, «русское» (въ польскомъ значеніи этого термина), происхожденіе изъ начальной части какой-либо болѣе или менѣе смѣло сочиненной исторіи Волыни или прикарпатской Руси вообще. Небезынтересно, что историкъ этотъ колонизаторскую дѣятельность Всеволода представлялъ себѣ такою же приблизительно, какъ и позднѣйшихъ, извѣстныхъ ему, русско-польскихъ колонизаторовъ Украины: Всеволодъ нашелъ свой удѣлъ «опустошеннымъ». Характерно, что въ то время, какъ въ каждой изъ семидесяти трехъ деревень вокругъ Владимира онъ строитъ по церкви и по господскому двору, самый городъ дѣлитъ онъ на три части: православный монастырь, княжескій замокъ и католическій костель. Такъ представлялась колонизаторская дѣятельность Всеволода «русскому историку», очевидно, по аналогіи со строительной дѣятельностью князей XIV—XV вѣковъ, ср., напр., выше (стр. 406) исторію города Смотрича, гдѣ Коріатовичи рядомъ съ замкомъ и церковью строятъ и доминиканскій монастырь.

Въ дѣйствительности же доминиканскій костель во Владимірѣ Волынскомъ, первый, повидимому, католическій храмъ въ городѣ, построенъ былъ лишь въ 1497 г. вел. кн. литовскимъ Александромъ.

Если эта картина и не соответствовала исторической действительности времени Владимира Святого, то она ясно определяет время написания этой истории и в некоторых деталях, каковы число деревень и бугры, оставшиеся от прежних поселений, она основана, конечно, на местной, Владимирской, действительности, хотя в известной мнѣ литературѣ о Владимирѣ-Волынскомъ соответственнаго разсказа о дѣятельности Всеволода и не оказывается *), но холмы съ признаками древнихъ зданій и поселеній въ окрестностяхъ Владимира дѣйствительно многочисленны; въ одномъ изъ нихъ, носившемъ имя «Старой Катедры», раскопки А. В. Прахова въ 1886 г. обнаружили остатки церкви домонгольского періода.

Несомнѣнно реальное основаніе имѣло и показаніе составителя сборника, что изображенный имъ князь «написанъ въ монастырѣ Владимирскомъ такъ, какъ ты его здѣсь видишь (см. табл. V, рис. I); есть подъ нимъ и буквы русскія, но читать ихъ трудно». Последнее и объясняетъ заблужденіе, въ которое впалъ составитель сборника: во Владимирѣ-Волынскомъ, на стѣнѣ вѣроятно, какого-то «монастыря»,—т.-е., надо думать, Успенскаго собора **),—находилось изображеніе съ неясною русскою подписью, которое считали изображеніемъ перваго Владимірскаго князя Всеволода Владиміровича, и составитель описываемаго нами сборника добросовѣстно срисовалъ этотъ портретъ, а затѣмъ сочинилъ къ нему и соответственный пояснительный текстъ.

Правда, Успенскій соборъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка монастыремъ, строго говоря, не былъ; въ городѣ былъ лишь одинъ болѣе или менѣе запустѣлый «монастырь святого Спаса», въ верстѣ отъ города монастырь Онуфріевскій, да въ 5 верстахъ дѣйствительно видный Успенскій Святогорскій монастырь; при Успенскомъ же соборѣ Ипатій Потѣй устроилъ капитуль, запущенныя постройки епископіи были еще до него обновлены, и та униатская епископія, которую видѣлъ во Владимирѣ составитель сборника, могла вполне быть названа монастыремъ. Въ Успенскомъ соборѣ въ праздникъ Вознесенія Господня въ 1617 г. королевичъ Владиславъ, идя походомъ на Москву, слушалъ обѣдню и молебень и епископъ Іоакимъ Мораховскій освящалъ его знамя. Не въ это ли именно время и былъ во Владимирѣ составитель описываемаго сборника?

Но кого же представлялъ въ дѣйствительности тотъ портретъ, который былъ, такимъ образомъ, сохраненъ для насъ неизвѣстнымъ польскимъ шляхтичемъ?

Вопросъ, разумѣется, — неразрѣшимый. Мы не знаемъ даже, что копировалъ рисовальщикъ: портретъ ли, повѣшенный на стѣну,—на что указываетъ, на нашъ взглядъ, находившаяся подъ нимъ подпись,—или же фресковое изображеніе, написанное на самой стѣнѣ,—въ каковомъ случаѣ надпись должна была находиться при фигурѣ, а не подъ нею. Такъ или иначе, но, разъ подпись была трудна для прочтенія, проще говоря, не читалась, портретъ могъ изображать очень многихъ: то могъ быть и ктиторъ церкви, князь Мстиславъ Изяславичъ, и кто-либо изъ позднѣйшихъ ея возобновителей, и даже, если это былъ переносный портретъ, то какое-либо лицо и не связанное вовсе ни съ постройкой, ни съ

*) См. Baliński i Lipiński. Starożytna Polska. Wyd. 2. III. a. Warszawa. 1886, str. 52—61, 520—524; Słownik Geograficzny królestwa Polskiego, XIV, 1895, str. 169—175; Н. А. Теодоровичъ. Городъ Владимиръ Волынской губерніи въ связи съ исторіей волынской епархіи. Почаевъ. 1893.

**) См. о немъ Памятники русской старины въ Западныхъ губерніяхъ Имперіи. Вып. I, СПб. 1868; И. Е. Голубинскій. Исторія Русской Церкви. I. 2. Москва 1881, стр. 263 и 630; Е. Н. Дверницкій. Памятники древняго православія въ г. Владимирѣ-Волынскомъ. Кіевъ. 1889; О. И. Левицкій. Историческое описаніе Владиміро-Волынскаго Успенскаго храма, построеннаго въ половинѣ XII вѣка кн. Мстиславомъ Изяславичемъ. Кіевъ. 1892.

перестройкою церкви; не исключена, конечно, но мало вѣроятна, и возможность, что это былъ дѣйствительно болѣе или менѣе фантастическій портретъ Всеволода Владиміровича. Несомнѣннымъ намъ представляется одно: изображеніе никакъ не могло восходить ни къ XI, ни къ XII вѣку: если даже Ольгердъ въ Витебскѣ изображенъ былъ, какъ видѣли мы выше (см. стр. 450, пр. 2) «въ византійскомъ стилѣ», то тѣмъ болѣе было бы имъ проникнуто изображеніе всякаго южно-рускаго князя домонгольскаго времени, если только оно не было сочиненнымъ позднѣе. Послѣднее и кажется намъ наиболѣе вѣроятнымъ и по покрою плаща, или скорѣе уже княжеской мантии, и по широкому оплечью, будь то мѣховой воротникъ или неудачно переданныя бармы («маніакъ»); симметричность пятенъ на немъ говоритъ, скорѣе, за послѣднее; но, съ другой стороны, мы находимъ на одномъ портретѣ начала XVI в. (Николая III Радзивила — *Icones Radivilianae*, tab. XII) мѣховой (горностаевый) воротникъ подобнаго покрою. Прическа и отсутствіе головного убора также указываютъ на эпоху болѣе позднюю, и мы датировали бы издаваемый портретъ вѣкомъ XV-ымъ или началомъ XVI-аго.

Владимірскій соборъ, разоренный татарами въ 1491 г., восстановленъ былъ въ 1494 г. епископомъ Вассіаномъ; другая реставрація епископа, Феодосія, относится уже къ 1577 году; но портретъ не можетъ изображать, конечно, ни того, ни другого. Надо думать, какъ то кажется мнѣ болѣе вѣроятнымъ, что портретъ изображаетъ кого-либо изъ князей литовскихъ, которые владѣли на ленномъ правѣ Владиміромъ до половины XV вѣка, или, что еще вѣроятнѣе, кого-либо изъ мѣстной знати, напр., князей Сангушковъ, которые, какъ королевскіе чиновники и патроны монастырей и церквей, въ XVI вѣкѣ давали достаточно оснований къ тому, чтобы портреты ихъ помѣщались въ соборную церковь города; менѣе вѣроятнымъ представляется мнѣ, чтобы портретъ былъ сочиненнымъ въ эту же позднѣйшую пору изображеніемъ ктитора собора*) или перваго Владимірскаго удѣльнаго князя, за изображеніе котораго считалъ его составитель описаннаго нами сборника.

Разсмотрѣвъ всѣ, сохранившіеся среди „*Polonorum Icones*“ короля Станислава-Августа (см. выше, стр. 388), рисунки перомъ, извлеченные для короля изъ какаго-то рукописнаго сборника разнообразнаго содержанія, мы считаемъ нелишнимъ заключить наше описаніе краткою сводкою того, что могли мы вывести относительно личности и времени жизни составителя этого сборника изъ разнаго рода данныхъ въ текстѣ, сопровождающемъ портреты.

Къ сожалѣнію, имя составителя остается намъ неизвѣстнымъ: нѣкій гусарь Янъ-Збигнѣвъ Пудловскій, расписавшійся на одномъ рисункѣ (XIII, см. стр. 413), могъ имѣть въ рукахъ сборникъ лишь временно, даже не будучи его владѣльцемъ. Едва ли можно сомнѣваться, что составитель сборника былъ шляхтичемъ; онъ былъ католикомъ (XIX, XX, XXIII, XXXVII); участвовалъ въ походахъ, изъ которыхъ опредѣленно называетъ Цедорскій (VII), надо думать 1620 г.; походами же можно объяснять и бытность его въ Витебскѣ (XXXVII), можетъ быть, во время войны съ Москвою въ 1632—34 гг., въ Каневѣ (XXXVIII), можетъ быть, въ 1625 г., во Владимірѣ-Волинскомъ (XLIII), можетъ быть, съ королевичемъ Влади-

*) Татищеву (Карамзинъ, т. III, прим. 3 [въ концѣ]), извѣстна была откуда-то наружность князя Мстислава Изяславича: „кудрявые, недлинные волосы“ плохо соответствуютъ издаваемому портрету.

славою въ 1617 г.; Калишъ (XVII) могъ посѣтить онъ также при одномъ изъ походовъ противъ шведовъ при Сигизмундѣ III въ 1623—29 гг.

Большая же часть топографическихъ указаній падаетъ на Краковъ (IV, XVIII, XXXIX, XL, XLI), его окрестности: Бѣяны (XIX), и города, не особенно отъ него далекіе: Раковъ (XXIII), Тарновъ (XXVIII) и Мелець (XXV).

Есть, однако, основанія предполагать, что онъ совершилъ и побѣдку за-границу, въ Италію: на бытность въ Римѣ и Венеціи указываетъ рассказъ о Мармадюкѣ (XXII), въ Падуѣ могъ видѣть онъ надгробіе Минскаго (XXVI), а въ Вѣнѣ портретъ Сендзивоя (XXXIV); наконецъ, намекаетъ онъ и на бытность свою въ Прагѣ (XXIII).

Если бы предположеніе наше о зависимости портрета Минскаго отъ его падуанскаго надгробія подтвердилось, то путешествіе это относилось бы ко времени послѣ 1607 г., а, если въ текстѣ о Сендзивой имя Фердинанда II не стоитъ вмѣсто Рудольфа II, то въ Вѣнѣ былъ онъ послѣ 1619 г. Чаще всего приходилось намъ встрѣчаться съ 1620 годомъ (X, XVIII, XXVIII, XXIX); однако, составитель сборника жилъ и послѣ того еще лѣтъ десять по крайней мѣрѣ: онъ пережилъ Стефана Хмѣлецкаго (XIII, +1630) и Николая Вольскаго (XXXIV, ср. XIX, +1630). Труднѣе, конечно, опредѣлить годъ, ранѣе котораго составленъ или составлялся сборникъ: есть указаніе на нахожденіе Сендзивоя (XXXIV) еще въ живыхъ, но, съ одной стороны, годъ смерти послѣдняго указывается то въ 1636, то въ 1646 г., а съ другой—нельзя быть увѣреннымъ, чтобы вѣсть о смерти алхимика, удалившагося за-границу и даже скрывавшагося отъ свѣта (см. стр. 446), должна была немедленно же дойти до свѣдѣнія составителя сборника; столь же непрочнымъ хронологическимъ терминомъ является и молчаніе его о «блаженности» (съ 1642 г.) Юсафата Кунцевича.

Имѣя въ виду, что онъ былъ съ другой стороны современникомъ, хотя бы и младшимъ, гетмана Яна Замойскаго (XIII, +1605), мы полагаемъ вѣроятнымъ не переходить съ предполагаемымъ временемъ составленія сборника во вторую половину XVII в. и датировать сборникъ приблизительно 1630—1650 гг., или, съ большею точностью и вѣроятностью, 1630—1640 годами.

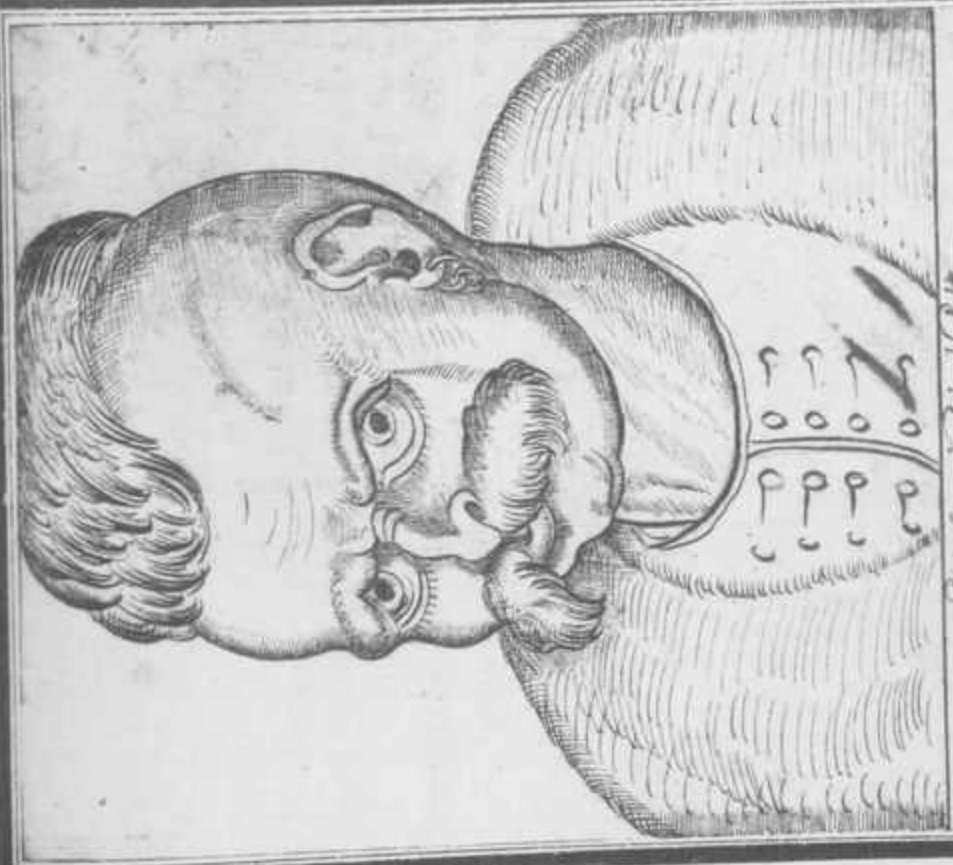
Уловить какую-либо общую идею, которою руководствовался собиратель портретовъ, мы не можемъ; бросается въ глаза отсутствіе въ немъ польскихъ королей и многихъ важнѣйшихъ вельможъ того времени, что могло впрочемъ, объясняться обладаніемъ составителя гравированными ихъ портретами. Первоначальный порядокъ портретовъ въ сборникѣ намъ также неизвѣстенъ, но возможно, что, въ общемъ, онъ былъ алфавитнымъ (см. стр. 392—394), а послѣднее указывало бы на болѣе или менѣе быстрое, а не постепенное, составленіе сборника или его черновика, на существованіе каковаго имѣется, повидимому, одно косвенное указаніе (см. стр. 449).

Оригиналы рисунковъ были весьма разнообразны: надгробные памятники и знамена (IV, XVII, XVIII, XXV, XXVIII?, XXXIX, XL) и портреты, писанные на стѣнахъ (XXII, XXXVII, XLI, XLII?) или на холстѣ (XVI, XIX), рѣзанные на камнѣ (XXXIV), или гравированные (I, V, VIII, XII?, XV?, XX), не говоря о тѣхъ, о матеріалѣ которыхъ судить не имѣется основаній. Несмотря на полное почти неумѣніе рисовать, въ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣли возможность провѣрки (XVIII, XX), копій оказываются, хотя и плохими, но все же достаточно сходными. Достоверными нужно признать, слѣдовательно, и прочіе его рисунки, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые копировали хорошіе и въ свою очередь достоверные оригиналы. Хуже, разумѣется, получались результаты, когда, не имѣя подъ руками портрета, онъ пытался изобразить кого-либо самъ:

КНИЖНИЦА
Университетской
Библиотеки

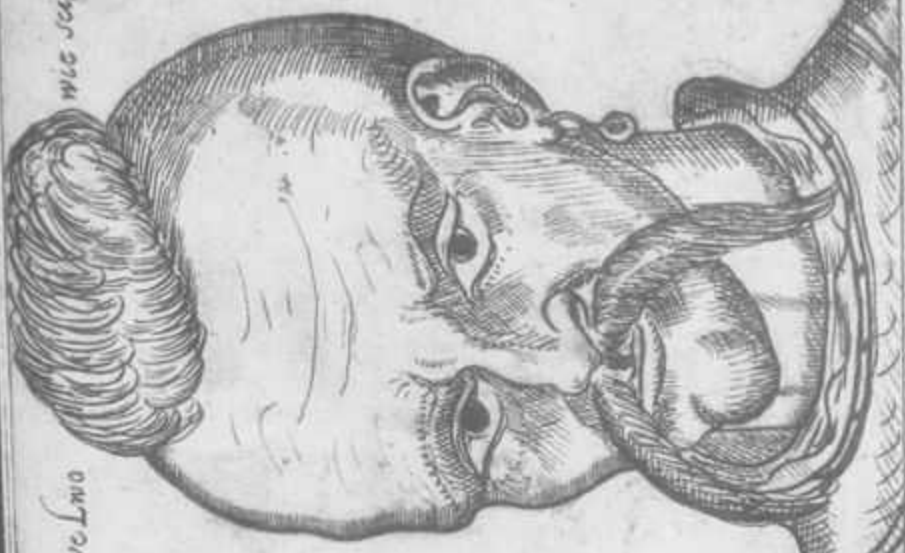
Vide Gravata de Leno de 1797

Профисоръ Леона Холлеръ
 и полъ Бюроуа Готтл
 Я. в. Леона Холлеръ, готтлера, ро. 1797. 10
 Подъ Бюроуа Готтлера, ро. 1797. 10
 Слѣдующее изображение зей, естество
 Бюроуа Готтлера, ро. 1797. 10
 То есть Христиана Холлеръ, ро. 1797. 10
 Который былъ крестенъ въ 1797. 10

Полковникъ в. Л. во

в. Л. во

Тотъ Полковникъ былъ таковой, ро. 1797. 10
 и в. Л. во, ро. 1797. 10
 и в. Л. во, ро. 1797. 10
 и в. Л. во, ро. 1797. 10
 и в. Л. во, ро. 1797. 10
 и в. Л. во, ро. 1797. 10
 и в. Л. во, ро. 1797. 10
 и в. Л. во, ро. 1797. 10

БІБЛІОТЕКА
№1 №100
С. 100

1.

2.

3.

4.

БИБЛИОТЕКА
№ 41 на Промышленной
и Музейной работе

1.

2.

3.

4.

Фот. П. Панцова.

АНГЛО-ВЕНГ
Вокзалской
ул. 112
г. Львов

СИБЛИОТОНА
№ 11 -я Красноярской
областной библиотеки

таковы, по нашему мнѣнію, портреты Демболенскаго (VI), Држиставскаго (VII), Матлашевскаго (XXIII). Подозрѣніе въ сознательной мистификаціи можетъ быть высказываемо только относительно портрета господаря Граціана (X), котораго составитель сборника могъ видѣть во время Цецорскаго похода, но котораго нарисовалъ онъ, однако, по какому-то портрету короля французскаго Франциска I, но и тутъ мы не имѣемъ основаній винить въ этой подмѣнѣ составителя сборника, т. к. виновникомъ могъ быть и его въ данномъ случаѣ источникъ. Прочіе случаи, когда портреты не могутъ быть признаны за дѣйствительныя изображенія тѣхъ лицъ, именами которыхъ они окрещены (XIV, XV, XXI?, XXXI, XXXII, XXXV, XLI, XLIII), являются, несомнѣнно, результатомъ довѣрчивости или добросовѣстной ошибки копировальщика.

Въ одномъ же только случаѣ (XV) могли мы констатировать умышленное сочиненіе имъ не имѣвшихся у него подробностей, нужныхъ для его собственнаго, польскаго, объяснительнаго текста къ портретамъ; въ остальныхъ же подписяхъ (I, II, VI, VII, X, XIII—XVI, XIX, XXI—XXIV, XXX, XXXIV, XXXVII, XLI, XLIII) онъ опять-таки проявляетъ легковѣріе, наивность, любовь къ курьезному и невѣроятному, дѣлаетъ историческія и хронологическія ошибки, но едва ли умышленно мистифицируетъ читателя. Копія его съ надгробныхъ и иныхъ надписей (IV, XVII, XVIII, XX, XXV, XXVIII, XXXIX, XL) оказываются въ общемъ удовлетворительными; одно стихотвореніе, оригиналь котораго намъ удалось найти (XII), писано, видимо, на память; для прочихъ (IX, XI, XXVI, XLII) мы не могли, къ сожалѣнію, по незнакомству съ польскою литературой, отыскать оригиналовъ и ждемъ указаній со стороны специалистовъ; непрѣренной осталась и выписка изъ книги по библейской археологіи (XXXII); краткія латинскія подписи подъ портретами двухъ старыхъ витязей (III, XXXVI) взяты, можетъ быть, изъ какого-либо болѣе стараго сборника, подобнаго нашему; относительно происхожденія прочихъ, отчасти не разобранныхъ нами, подписей мы не можемъ высказать ничего опредѣленнаго.

Надѣмся, однако, что и настоящимъ несовершеннымъ описаніемъ серіи польскихъ портретовъ, случайно сохранившейся отъ конца первой половины XVII вѣка, мы дадимъ нашимъ польскимъ коллегамъ неизвѣстный, — насколько мы въ томъ, при недостаткѣ нашихъ свѣдѣній и времени для пополненія ихъ, могли убѣдиться, — матеріалъ, который явится, надо думать, въ ихъ рукахъ болѣе полезнымъ, чѣмъ въ нашихъ.

Прилагаемъ списокъ описанныхъ портретовъ и рисунковъ въ русскомъ алфавитномъ порядкѣ и пользуемся возможностью сдѣлать при этомъ нѣкоторыя исправленія опечатокъ и ошибокъ *) и дополненія къ выше написанному.

Особенно досадна ошибка, происшедшая въ нумераціи четырехъ портретовъ на страницахъ 453, 454, 455 и 457 вслѣдствіе повторенія № XXXVII дважды, которую и просимъ исправить: Верещакъ долженъ быть обозначенъ номеромъ XXXVIII-ымъ, Веселини—XXXIX, Величка—XL и Вержинокъ—XLI.

*) Стр. 394 строка 6 снизу—читай *Aulicarum*; 395—18 снизу вм. шести нужно семь; 396, 3 примѣч., 1 строка снизу чит. *Orgelbranda*; 402, строка 3 снизу *zgolil*; 402, пр. 2 въ концѣ выпало: str. 469; 412, пр. 2 въ концѣ должно стоять 19; 416, примѣч., строка 2 сверху, *zabical*; 444, въ примѣч., строка 9 снизу, послѣ № пропущено 745; 445, строки 23 и 24 снизу, вычеркнуть слово: единственный; 450, въ строкахъ 5 и 6 снизу вычеркнуть слова: наряду съ братомъ царя Василія, Иваномъ.

Баторій, Андрей, кардиналь	(†1599) I.	См. стр. 396 сл.
Безоарь, средство лечебное.	II.	„ „ 397.
Боратынскій, Янъ (Стецько)	XVI в. III.	„ „ 397 сл. ¹⁾ .
Броневскій, Станиславъ	(†1582) IV.	„ „ 399 сл.
Величко (Млодзеевская), Агнеса	(†1609) XL.	„ „ 455 слл.
Верещана, хорунжий кievскій.	XVI(?) в. XXXVIII.	„ „ 453 сл.; таб. X, рис. 2.
Вержинекъ, радца краковскій	XIV в. XLI.	„ стр. 457 слл.; таб. IX, рис. 1.
Веселини, Ференсъ	(†1594) XXXIX.	„ стр. 454 сл.
Воловичъ, Остафій	(†1587) XLII.	„ „ 461; таб. VII, рис. 2.
Всеволодъ Владимировичъ, князь волинскій. XI в.	XLIII.	„ „ 461 слл.; таб. V, рис. 1.
Гербуртъ, Янъ Щенсный	(†1616) XI.	„ стр. 408 слл.
Голубокъ, Гавріилъ, полковникъ козацкій . (†1588)	XII.	„ „ 410 слл.; таб. VI, рис. 1.
Граціанъ, Каспаръ, господарь молдавскій . (†1620)	X.	„ стр. 405 слл.; таб. VIII, рис. 2.
Демболенцскій, Войцѣхъ, францисканецъ . . нач. XVII в.	VI.	„ стр. 400 слл.; таб. IX, рис. 3.
Држиставскій, ротмистръ	нач. XVII в. VII.	„ стр. 402 сл.; таб. VII, рис. 3.
Елизавета, королева англійская	(†1603) VIII.	„ „ 403 сл.
Какаротъ, жмудинъ	нач. XVII в. XVI.	„ „ 417 сл. ³⁾ ; таб. IX, рис. 2.
Карнковскій, Дацьбогъ	(†1617) XVII.	„ стр. 418 слл.; таб. IX, рис. 4.
Клеветникъ [?] древне-римскій	XXXI.	„ стр. 438 сл.
Кохановскій, Петръ	(†1620) XVIII.	„ „ 420 сл.
Кунцевичъ, Исафать	(†1623) XIX.	„ „ 421 сл. ⁴⁾ ; таб. VII, рис. 4.
Ласкій, Янъ, реформаторъ	(†1560) XX.	„ стр. 422 слл.
Мамыра, жена [дочь?] султана турецкаго. . [XVI в. ?].	XXI.	„ „ 424 слл.; таб. X, рис. 4.
Мармадзюкъ, болгаринъ.	нач. XVII в. XXII.	„ стр. 427 сл.
Матлашевскій, пасторъ соцініанскій	нач. XVII в. XXIII.	„ „ 428.
Мелецкій, Янъ	(†1561) XXV.	„ „ 430 сл.
Минскій, Станиславъ	(†1607) XXVI.	„ „ 431 сл.
Михаиль, воевода валашскій и седмиградскій. (†1601)	XXIV.	„ „ 428 слл.; таб. VIII, рис. 4.
Могила, Іеремія, господарь молдавскій . . . (†1607)	XV.	„ стр. 416 сл.; таб. V III, рис. 1.
Неизвѣстный	XXVII.	„ „ 432.
Острожскій, князь, Янушъ (Иванъ);	(†1620) XXVIII.	„ „ 432 слл. ⁵⁾ ; таб. VII, рис. 1.
Пекарскій, Михаиль	(†1620) XXIX.	„ стр. 434 сл. ⁶⁾ .
Поднова, Иванъ, молдавскій претендентъ. . (†1578)	XXX.	„ „ 435 слл. ⁷⁾ ; таб. VI, рис. 2.
Решка, Станиславъ.	(†1603) XXXII.	„ стр. 439 слл.

Розамунда, [англійскаго короля любовница, †1173 ?].	XXXIII.	См. стр. 441 слл.
Сезострисъ, завоеватель и царь египетскій.	XXXV.	" " 447.
Сендзивой, Михайль, алхимикъ (†1636 или 1646).	XXXIV.	" " 443 слл.; таб. X, рис. 3.
Струсь, Александръ.	XVI (?) в. XXXVI.	" стр. 448.
Уродъ, брюхомъ живущій	V.	" " 400 ²⁾ .
Фаренсбахъ, [Георгій?] [†1602 ?]	IX.	" " 404 сл.
Шуйскій, [Иванъ Дмитріевичъ Губка?]	XVI в. XXXVII.	" " 449 слл.; таб. V, рис. 2.
Явойшовскій, козакъ	кон. XVI в. XIV.	" стр. 414 слл.; таб. X, рис. 1.
Янычарскій ага.	нач. XVII в. XIII.	" стр. 413 сл.; таб. VIII, рис. 3.

¹⁾ П. Янь (Стецько) Боратынскій, судя по родословной (для древнѣйшихъ временъ не самостоятельной), можетъ быть предкомъ русскаго поэта Е. А. Баратынскаго (см. М. Боратынскій. Родъ дворянъ Боратынскихъ. Москва. 1910. 8^о. Приложение къ Лѣтописи Историко-Родословнаго Общества въ Москвѣ за 1910 годъ, вып. 21, стр. 51—68). Къ стр. 398 прим. 2 — о двухъ битвахъ близъ Токая (сент. 1527 г.) и близъ Камау (мартъ 1528 г.) см. Ign. Aur. Fessler. Die Geschichte der Ungern. VI, 1849, SS. 381—2, 404—5.

²⁾ V. О позидѣйшемъ вариантѣ той же каррикатуры см. стр. 414.

³⁾ XVI. Nitawa, откуда ѣхаль „панъ Беръ“, есть, конечно, курляндская Митава въ обычной польской формѣ этого имени, а потому упоминаніе на стр. 418 о Нитавѣ въ Инфлянтахъ слѣдуетъ вычеркнуть.

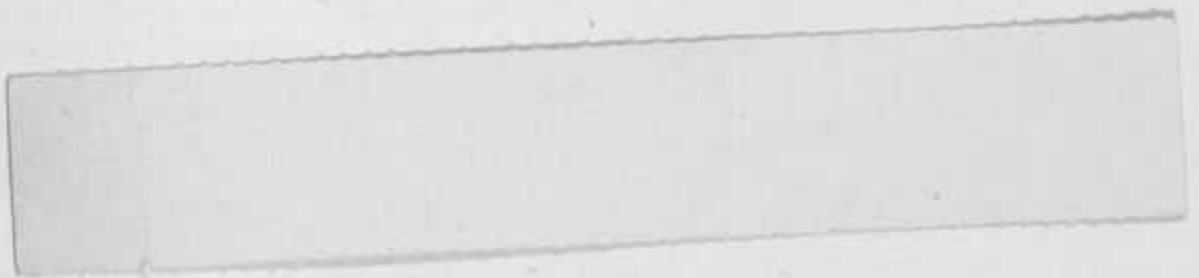
⁴⁾ XIX. I. Кунцевичъ на портретѣ, изданномъ въ литографіи, А. Сапуновымъ-же („Витебская Старина“, т. V, ч. 1, 1888, къ стр. LXXIV) представленъ довольно схожимъ съ издаваемымъ здѣсь портретомъ; на головѣ его, однако, не митра, а мягкій монашескій клобукъ; тамъ же (стр. LXXIII, пр. 125) указана и русская литература о Кунцевичѣ.

⁵⁾ XXVIII. Кн. Янушъ (Иванъ) Острожскій на портретѣ его въ музеѣ Кіевской Духовной Академіи (см. рис. на стр. 147 изданія П. Н. Батюшкова. Вольнъ. Историческія судьбы юго-западнаго края. СПб. 1888) изображенный старикомъ, имѣетъ мало общаго съ портретомъ описываемаго сборника; изображенъ ли онъ и въ какомъ видѣ на существующемъ понынѣ надгробіи его въ Тарновѣ, мы не знаемъ; вѣроятно, конечно, думать, что и тамъ за восемь лѣтъ до смерти 52-лѣтній Янушъ имѣетъ видъ болѣе старый, чѣмъ на издаваемомъ портретѣ, срисованномъ, очевидно, съ портрета болѣе ранняго.

⁶⁾ XXIX. Пекарскаго, по увѣренію, явно легендарному, Черниговской лѣтописи, изданной Ал. Лазаревскимъ въ „Кіевской Старинѣ“ за 1890 г. (отд. отд., стр. 6), „Владиславъ кролевичъ, казалъ его на конѣ мѣдяномъ спалити, и заразъ выволано, абы чекановъ никто не смѣлъ носить“; таково же, надо думать, историческое достоинство и показанія лѣтописи Грабянки (изд. 1854, стр. 25) о Наливайкѣ, котораго Жолкѣвскій „живо емше до Варшави заведе, идѣже на мѣдяномъ волу его ляхи сожгоша“. На стр. 434, въ строкѣ 18 (текста) снизу—вм. Warszawa читай: Warsauiae.

⁷⁾ XXX. Къ прим. 1 на стр. 438 слѣдуетъ добавить указанія на перечни львовскихъ живописцевъ, составленные на основаніи архивныхъ матеріаловъ покойнымъ Мар. Соколовскимъ (Sprawozdania Komisji do badania historii sztuki w Polsce. IV, str. LVIII—LX) и Лоанискимъ (ibid. V, str. XLVII—XLIX).

ПРОТОКОЛЫ.

ЛІТОКОПИ

ПРОТОКОЛЫ

ЗАСЪДАНІЙ МОСКОВСКАГО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

XIV Археологическаго Съѣзда.

1.

Протоколъ перваго засѣданія Предварительнаго Комитета по устройству въ 1908 г. въ г. Черниговѣ XIV Археологическаго Съѣзда, 7 февраля 1906 г. въ д. Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графини *И. С. Уваровой* (деп. отъ Московскаго Археологическаго Общества), въ присутствіи 62 депутатовъ: *Н. Н. Ардашева* (отъ Москов. Архива Министерства Юстиціи), *В. В. Богданова* (отъ Общ. Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи), *С. К. Богоявленскаго* (отъ Моск. Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ), *А. А. Борзова* (отъ Моск. Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ), *И. А. Вахрамѣева* (отъ Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей), *А. В. Верзилова* (отъ Черниговской Городской Управы), *Н. И. Веселовскаго* (отъ Археологическаго Института въ С.-Пб. и Русскаго Археологическаго Общества), *В. А. Городцова* (отъ Россійскаго Историческаго Музея и Московскаго Археологическаго Общества), *Ө. Ө. Горностаева* (отъ Московскаго Археологическаго Общества), *Ю. В. Готье* (отъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ и Московскаго Археологическаго Общества), *П. М. Добровольскаго* (отъ Черниговской Архивной Комиссіи), *П. Е. Евсѣева* (отъ Орловскаго Церковно-Археологическаго Общества), *С. Е. Звърева* (отъ Воронежскаго Статистическаго Комитета Воронежской Архивной Комиссіи), *Н. П. Златоверховникова* (отъ Курскаго Статистическаго Комитета и Курской Архивной Комиссіи), *Д. П. Иловайскаго* (отъ Москов. Археологическаго Общества, Историко-Родословнаго Общества и Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ), *С. П. Кедрова* (отъ Общества Археологии, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ Ун-тѣ), *С. Н. Кологривова* (отъ Комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и Московской епархіи), *Ю. А. Кулаковскаго* (отъ Историко-Филологическаго факультета Ун-та Св. Владиміра и Кіевскаго Об-ва Древностей и Искусствъ), *С. К. Кузнецова* (отъ Москов. Археологическаго Общества), *Н. С. Курдюкова* (отъ Москов. Археологическаго Общества), *А. И. Кучукъ-Иоаннесова* (отъ Москов. Археологическаго Общества), проф. *П. А. Линниченко* (отъ Историко-Филологическаго факультета Новороссійскаго Ун-та, Одесскаго Общества Исторіи и Древностей), *А. В. Лопухина* (отъ Москов. Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ), *Г. Г. Лукьянова* (отъ Москов. Архива Министерства Юстиціи), *В. Г. Лискоронскаго* (отъ Москов. Археологич. Общ. и Об. Нестора Лѣтописца), *В. С. Малченко* (отъ

Пермской Архивной Комиссiи), *А. П. Маркевича* (отъ Таврической Архивной Комиссiи), проф. *Н. А. Максимейко* (отъ Историко-Филологическаго факультета Харьковскаго Ун-та), *П. П. Машкова* (отъ Москов. Археологическаго Общества), проф. *В. О. Миллера* (отъ Общества Любителей Естествознанiя, Антропологии и Этнографiи и Москов. Археологическаго Общества), проф. *Г. А. Муркоса* (отъ Москов. Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ), *А. А. Муханова* (отъ Черниговской Губернской Земской Управы), *А. В. Никитскаго* (отъ Москов. Археологическаго Общества), *А. П. Новицкаго* (отъ Московскаго Археологическаго Общества), *А. В. Оршеникова* (отъ Москов. Нумизматическаго Общества, Россiйскаго Историческаго Музея и Русскаго Археологическаго Общества), проф. *А. П. Павлова* (отъ Москов. Университета, Общ. Испытателей Природы и Моск. Археологическаго Общества), проф. *Г. Г. Павлуцкаго* (отъ Кiевского Общ. Древностей и Искусствъ, Ист. Общ. Нестора Лѣтописца и Ун-та Св. Владимiра), проф. *Н. В. Покровскаго* (отъ Археологическаго Института въ С.-Пб.), *С. П. Порфирьева* (отъ Казанскаго Общества Археологии, Исторiи Этнографiи и Моск. Архива Министерства Юстици), *А. С. Раевского* (отъ Библиологическаго Общества), *В. Н. Рогожина* (отъ Москов. Археологическаго Общества), *Н. В. Рождественскаго* (отъ Москов. Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ), проф. *Е. К. Рѣдина* (отъ Историко-Филологическаго факультета Харьковскаго Ун-та, Историко-Филологическаго Общ. при томъ же Ун-тѣ и Москов. Археологическаго Общества), *Л. М. Савелова* (отъ Историко-Родословнаго Общества и Москов. Археологическаго Общества), *Д. Н. Соколова* (отъ Оренбургской Архивной Комиссiи), *Смирнова* (отъ С.-Пб. Духовной Академiи), проф. *М. И. Соколова* (отъ Москов. Ун-та и Московск. Археологическаго Общества), *В. Н. Сторожева* (отъ Рязанской и Нижегородской Архивныхъ Комиссiй), *Д. П. Струкова* (отъ Главнаго Артиллерiйскаго Управленiя), проф. *М. П. Сперанскаго* (отъ Лицея кн. Безбородко), проф. *Н. В. Султанова* (отъ Археологическаго Института и С.-Пб. Общества Архитекторовъ), *И. М. Тарabrina* (отъ Россiйскаго Историческаго Музея), *Анд. А. Титова* (отъ Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей), *П. П. Троицкаго* (отъ Тульской епархiальной Палаты древностей), *А. П. Успенскаго* (отъ Комиссiи по изученiю и осмотру памятниковъ церковныхъ древностей г. Москвы и Московской епархiи), проф. *А. Н. Филиппова* (отъ Московск. Археологическаго Общества), проф. *В. А. Францева* (отъ Общества Исторiи, Филологии и Права), *А. С. Хаханова* (отъ Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ), проф. *Э. Р. фонъ-Штернъ* (отъ Историко-Филологическаго факультета Новороссiйскаго Ун-та и Одесскаго Общ. Исторiи и Древностей), *А. П. Шолухина* (отъ Черниговскаго Музея Украинскихъ древностей), *С. Д. Щербака* (отъ Москов. Архива Министерства Юстици) и секретаря Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества *В. К. Трутовскаго* (отъ Москов. Археологическаго Общества, Оружейной Палаты, Историко-Родословнаго Общества, Нумизматическаго Общества и Таврической Архивной Комиссiи).

1. Засѣданiе было открыто Предсѣдателемъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества графиней *П. С. Уваровой* на основанiи постановленiя Совѣта XIII Археологическаго Съѣзда августа 1905 г. и разрѣшенiя г. Министра Народнаго Просвѣщенiя отъ 3 декабря 1905 г. № 26285 созвать Предварительный Комитетъ, когда Общество найдетъ это возможнымъ, и Московскаго Генераль-Губернатора отъ 13 января 1906 г. за № 149 на созывъ Комитета въ Москвѣ съ 7 по 9 февраля 1906 г.

2. По предложенiю предсѣдателя Комитетъ почтилъ вставанiемъ память почившаго Великаго Князя Сергѣя Александровича, бывшаго на послѣднихъ пяти

Създахъ несмѣнно Почетнымъ Предсѣдателемъ какъ самихъ Съездовъ, такъ и ихъ Предварительныхъ Комитетовъ, а по предложенію проф. Н. В. Покровскаго постановлено было единогласно послать Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Елисаветѣ Феодоровнѣ сочувственную телеграмму.

3. Доложены официальные увѣдомленія отъ ученыхъ учреждений и Обществъ о назначеніи депутатовъ въ Комитетъ. Оказались назначенными отъ:

1) Импер. Московскаго Ун-та—профессора: Д. Н. Анучинъ, Д. Н. Зерновъ, И. Ф. Огневъ, А. П. Павловъ, М. И. Соколовъ и И. В. Цвѣтаевъ.

2) Импер. С.-Петербургскаго Ун-та—профессора: Д. В. Айналовъ и С. Θ. Платоновъ.

3) Импер. Ун-та Св. Владиміра — профессора: М. В. Довнаръ-Запольскій, Ю. А. Кулаковскій и Г. Г. Павлуцкій.

4) Импер. Новороссійскаго Ун-та—профессора: И. А. Линниченко и Э. Р. фонъ-Штервъ.

5) Импер. Харьковскаго Ун-та — профессора: Н. А. Максимейко и Е. К. Рѣдинъ.

6) Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко — проф. М. Н. Сперанскій.

7) Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ—профессоръ А. Е. Крымскій и доц. А. С. Хахановъ.

8) Импер. Археологическаго Института — профессора: Н. В. Покровскій и Н. И. Веселовскій и поч. чл. Н. В. Султановъ.

9) Импер. Академіи Художествъ—акад. Н. П. Кондаковъ.

10) Импер. Археографической Комиссіи—проф. С. Θ. Платоновъ.

11) Импер. Россійскаго Историческаго Музея—И. Е. Забѣлинъ, В. А. Городцовъ, К. С. Кузьминскій, А. В. Орѣшниковъ, А. И. Станкевичъ, И. М. Тарабринъ, кн. Н. С. Щербатовъ и В. Н. Щепкинъ.

12) Москов. Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ — А. А. Борзовъ, Ю. В. Готье, С. О. Долговъ и Н. А. Янчукъ.

13) Оружейной Палаты—В. К. Трутовскій.

14) Импер. Русскаго Археологическаго Общества—проф. Д. В. Айналовъ, проф. Н. И. Веселовскій, А. В. Орѣшниковъ и проф. С. Θ. Платоновъ.

15) Импер. Московскаго Археологическаго Общества — графиня П. С. Уварова, В. А. Городцовъ, Ю. В. Готье, Θ. Θ. Горностаевъ, С. К. Кузнецовъ, А. И. Кучукъ - Иоаннесовъ, И. П. Машковъ, В. Θ. Миллеръ, Н. С. Курдюковъ, В. Г. Ляскоронскій, В. Н. Рогожинъ, Е. К. Рѣдинъ, А. П. Новицкій, А. П. Павловъ, Л. М. Савеловъ, А. Н. Филипповъ, Д. И. Иловайскій, Д. Я. Самоквасовъ, М. И. Соколовъ, К. М. Быковскій, В. К. Трутовскій.

16) Импер. Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографии—В. В. Богдановъ, А. А. Ивановскій, В. Θ. Миллеръ и Н. А. Янчукъ.

17) Историко-Филологическаго Общества при Харьковскомъ Университетѣ—проф. Е. К. Рѣдинъ.

18) Импер. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей—И. А. Линниченко и Э. Р. фонъ-Штервъ.

19) Общества Археологии, Исторіи и Этнографии при Казанскомъ Университетѣ—А. И. Александровъ, С. И. Кедровъ и С. И. Порфирьевъ.

20) Импер. Московскаго Общества Испытателей Природы—А. П. Павловъ и В. Д. Соколовъ.

21) Историко-Родословнаго Общества—Ю. В. Арсеньевъ, Д. И. Иловайскій, Н. В. Мятлевъ, Л. М. Савеловъ, В. Н. Смольяниновъ, В. К. Трутовскій.

22) Московскаго Нумизматическаго Общества — А. В. Орѣшниковъ, С. В. Прохоровъ, В. К. Трутовскій, С. И. Чижевъ.

23) Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ — Е. В. Барсовъ, С. А. Бѣлокуровъ, В. О. Ключевскій и М. К. Любавскій.

24) Общества Исторіи, Филологіи и Права при Варшавскомъ Ун-тѣ — В. А. Францевъ.

25) Орловскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Общества — И. Е. Евсѣевъ.

26) Церковно-Историческаго и Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи — С. А. Бѣлокуровъ.

27) Комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и Московской епархіи — Ю. В. Арсеньевъ, С. Н. Кологривовъ, Н. И. Романовъ, Н. А. Скворцовъ, Н. Д. Струковъ и А. И. Успенскій.

28) Кіевскаго Общества Древностей и Искусствъ — Ю. А. Кулаковскій, Г. Г. Павлуцкій, Б. И. Ханенко.

29) Московскаго Архитектурнаго Общества — К. М. Быковскій, С. У. Соловьевъ.

30) Импер. Спб. Общества Архитекторовъ — Н. В. Султановъ.

31) Русскаго Библиологическаго Общества — А. С. Раевскій.

32) Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей — И. А. Вахрамѣевъ, Ан. Ал. Титовъ и Ал. Ан. Титовъ.

33) Тульской Епархіальной Палаты Древностей — Н. И. Троицкій.

34) Главнаго Артиллерійскаго Управленія — Д. П. Струковъ.

35) Московскаго Архива Министерства Юстиціи — Н. Н. Ардашевъ, Г. Г. Лукьяновъ, С. И. Порфирьевъ, С. Д. Щербакъ.

36) Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ — С. К. Богоявленскій, С. А. Бѣлокуровъ, В. П. Вульфійусъ, А. В. Лопухинъ, Г. А. Муркосъ, Н. В. Рождественскій.

37) Черниговскаго Губернскаго Земства — А. А. Мухановъ.

38) Черниговской Ученой Архивной Комиссіи — П. М. Добровольскій.

39) Черниговской Городской Думы — А. В. Верзиловъ.

40) Черниговскаго Музея Украинскихъ Древностей В. В. Тарновскаго — А. П. Шолухинъ.

41) Воронежской Ученой Архивной Комиссіи — о. С. Е. Звѣревъ.

42) Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи — В. Н. Сторожевъ.

43) Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи — Д. Н. Смирновъ.

44) Пермской Ученой Архивной Комиссіи — В. С. Малченко.

45) Рязанской Ученой Архивной Комиссіи — В. Н. Сторожевъ.

46) Таврической Ученой Архивной Комиссіи — А. И. Маркевичъ, В. К. Трутовскій, А. Н. Ильинъ.

47) Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета — о. С. Е. Звѣревъ, Д. Г. Тюменевъ.

4. Доложены отношенія Императорскихъ Академіи Наукъ и Эрмитажа и Курляндскаго Общества Словесности и Художествъ и Курляндскаго Музея съ выраженіемъ сожалѣнія, что не могутъ командировать депутатовъ въ Предварительный Комитетъ.

5. Доложено письмо акад. Ник. Пав. Кондакова и проф. А. И. Соболевскаго, высказывающихъ мнѣніе, что вопросъ о созывѣ XIV Археологическаго Съѣзда въ г. Черниговѣ, утвердительно рѣшенный Совѣтомъ XIII Археологическаго Съѣзда, они считаютъ открытымъ и предлагаютъ Предварительному Комитету перерѣшить его, причемъ указываютъ на Самаркандъ и Севастополь, какъ

на мѣста, болѣе желательныя для назначенія XIV Съѣзда, чѣмъ Черниговъ. (Прил. 1).

Письмо это вызвало продолжительный и оживленный обменъ мыслей, въ которомъ приняли участіе депутаты: А. В. Верзиловъ, А. А. Мухановъ, П. М. Добровольскій, гр. П. С. Уварова, проф. Э. Р. фонъ-Штернъ, проф. Н. В. Покровский, проф. Г. Г. Павлуцкій, Ю. В. Готье, Н. И. Златоверховниковъ, Н. И. Троицкій, проф. А. Н. Филипповъ, С. К. Богоявленскій и проф. И. А. Линниченко и др., причемъ С. К. Богоявленскій и проф. И. А. Линниченко поддерживали предложеніе письма о замѣнѣ Чернигова другимъ городомъ для мѣста созыва XIV Археологическаго Съѣзда.

Въ заключеніе затянувшихся преній Предсѣдателемъ былъ поставленъ на разрѣшеніе вопросъ о томъ „можетъ ли Предварительный Комитетъ перерѣшить вопросъ о мѣстѣ XIV Археологическаго Съѣзда, рѣшенный Советомъ XIII Съѣзда“, каковой и былъ рѣшенъ открытой баллотировкой, большинствомъ 58 голосовъ противъ 5 въ отрицательномъ смыслѣ.

Постановлено: мѣстомъ XIV Археологическаго Съѣзда, созываемаго въ 1908 году, считать, согласно постановленія о томъ Советомъ XIII Археологическаго Съѣзда 22 августа 1905 г., городъ Черниговъ.

5. Обсуждалось предложеніе проф. Э. Р. фонъ-Штернъ, поддержанное Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, чтобы рѣшеніе вопроса о мѣстѣ cadaго очереднаго Съѣзда принадлежало не Совету предыдущаго Съѣзда, какъ это было до сихъ поръ, а Предварительному Комитету слѣдующаго Съѣзда, обыкновенно созываемому спустя 4 мѣсяца по окончаніи занятій предыдущаго Съѣзда.

Предложеніе это вызвало не менѣе оживленныя и продолжительныя пренія, въ коихъ приняли участіе многіе депутаты, и въ заключеніе было поставлено на баллотировку, причемъ оказалось принятымъ большинствомъ 44 голосовъ противъ 19, — соотношеніе каковыхъ чиселъ не измѣнилось и при провѣркѣ обратнымъ голосованіемъ.

Постановлено: внести соотвѣтствующій этому рѣшенію § въ правила XIV Съѣзда и постановить, что рѣшеніе о мѣстѣ XV Съѣзда будетъ принадлежать не Совету XIV Съѣзда, а Предварительному Комитету XV Съѣзда.

6. Обсуждалось правила XIV Съѣзда, причемъ за основаніе были приняты Правила XIII Съѣзда.

Внесены слѣдующія измѣненія:

По § 1. Археологическій Съѣздъ открывается въ Черниговѣ съ 1 по 15 августа 1908 года.

По § 3. Наканунъ открытія Съѣзда, т.-е. 31 іюля 1908 г., открываетъ свои дѣйствія Советъ Съѣзда въ Черниговѣ.

По § 5. Примѣчаніе къ этому § дополнено такъ: «но учащіеся не могутъ быть членами Съѣзда».

По § 9. Отдѣленіе III дополнено словомъ «и художествъ» и редактировано въ полной формѣ такъ: «III. Памятники искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики».

Предложеніе депутата Черниговскаго Музея А. П. Шолохина о введеніи въ число Отдѣленій Съѣзда — X-го «Украинскія Древности», вызвавъ оживленныя пренія, было отклонено большинствомъ 45 голосовъ противъ 18, на томъ основаніи, что, въ случаѣ необходимости и интереса образованія такого Отдѣленія, оно можетъ быть организовано и на самомъ Съѣздѣ, какъ это было сдѣлано на XIII Съѣздѣ, дополненіемъ X Отдѣленія — «Древности Запорожья», на что § 9 Правилъ даетъ право Съѣзду.

По § 24 введено измѣненіе въ томъ смыслѣ, что за порядкомъ въ засѣданіяхъ Отдѣленій отвѣтственными лицами являются не Почетные Предсѣдатели засѣданій, какъ это практиковалось до сихъ поръ, а Предсѣдатели Отдѣленій. Это мѣсто отредактировано такъ: «Предсѣдатель Отдѣленія обязанъ остановить каждаго члена Съѣзда..»

Примѣчаніе къ этому § измѣнено такъ: «Ученый Комитетъ Съѣзда избираетъ Почетныхъ Предсѣдателей засѣданій преимущественно изъ лицъ, которыя по своимъ занятіямъ соотвѣтствуютъ характеру назначенныхъ засѣданій» вмѣсто бывшей ранѣе редакціи: «предсѣдателей засѣданій только изъ тѣхъ лицъ, которыя по своимъ научнымъ занятіямъ»..

По § 26 сдѣланы дополненія въ примѣчаніи относительно срока доставленія авторами рефератовъ и принимавшими участіе въ преніяхъ членами Съѣзда — письменныхъ изложеній своихъ докладовъ и высказанныхъ замѣчаній *въ тотъ же день* секретарямъ отдѣленій, для помѣщенія въ отчетахъ о засѣданіяхъ. Въ противномъ случаѣ отчетъ можетъ быть выпущенъ въ свѣтъ безъ изложенія доклада и сущности возраженій и редакторъ отчетовъ не отвѣчаетъ за непомѣщеніе сущности доклада и преній.

По § 29 исключена фраза «въ случаѣ пріѣзда иностранныхъ ученыхъ» и дополнено «или допускать чтеніе докладовъ» и весь § 29 окончательно отредактированъ такъ: «Всѣ разсужденія и пренія въ засѣданіяхъ Съѣзда, какъ общихъ, такъ и частныхъ по Отдѣленіямъ, происходятъ на русскомъ языкѣ, но Ученый Комитетъ можетъ назначать засѣданія или допускать чтеніе докладовъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, равно какъ и на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ».

§ 32 измѣненъ совсѣмъ и отредактированъ такъ: «Печатаніе Трудовъ Съѣзда возлагается на Императорское Московское Археологическое Общество».

Дополнены правила §-мъ 33, согласно постановленію въ п. 4 настоящаго протокола, а именно: «§ 33. Рѣшеніе вопроса объ избраніи мѣста слѣдующаго очереднаго Съѣзда возлагается на Предварительный Комитетъ, созываемый Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ послѣ окончанія занятій предыдущаго Съѣзда».

Послѣ сего засѣданіе было закрыто и слѣдующее назначено на 8 февраля, въ 1 часъ дня, въ д. Предсѣдателя.

2.

Второе засѣданіе Предварительнаго Комитета по устройству XIV Археологическаго Съѣзда въ 1908 г. въ городѣ Черниговѣ, состоялось 8 февраля 1906 г., въ домѣ Предсѣдателя Имп. Моск. Арх. Общества подъ предсѣдательствомъ гр. П. С. Уваровой въ присутствіи 58 гг. депутатовъ: Арсеньева, Ардашева, Богоявленскаго, Борзова, Бѣлокурова, Верзилова, Веселовскаго, Городцова, Горностаева, Добрянскаго, Добровольскаго, Евсеѣва, Златоверховникова, о. Звѣрева, Иловайскаго, Кулаковскаго, Кедрова, Кузнецова, Кологривова, Лопухина, Лукьянова, Линниченко, Мискоронскаго, Муханова, Малченко, Максимейко, Маркевича, Машкова, Муркоба, Навицкаго, Порфирьева, Павлова, Покровскаго, Павлуцкаго, Раевского, Романова, Рѣдина, Рогожина, Самоквасова, Савелова, Струкова, Султанова, Сторожева, о. Скворцова, Смирнова, Сперанскаго, Титова Ан. Ал., Титова Ал. Ав., Троицкаго, Успенскаго, Францева, Филиппова, Хаханова, Штерна, Шолухина, Щербака и Инчука, при секретарѣ Готье.

Засѣданіе открыто въ половинѣ второго ч. дня.

1. Заявлены новые депутаты, не прибывшие въ заседание 7 февраля: *Ю. В. Арсеньевъ* — отъ Истор. Родосл. Об-ва и отъ Ком. по Изученію Памятниковъ церкви старины, *проф. А. С. Архангельскій* — отъ Имп. Казан. Университета, а также представили новыя полномочія: *Н. В. Султановъ* — отъ Спб. Общества Архитекторовъ, *В. Н. Сторожевъ* — отъ Рязанской губ. учен. Архивн. Комиссіи, *пр. Г. Г. Павлуцкій* и *В. Г. Ляскоронскій* — отъ Общества Нестора Лѣтописца.

2. Послѣ этого перешли къ обсужденію программы подготовительныхъ работъ по организациі Сѣзда.

А. А. Мухановъ по приглашенію Предсѣдателя познакомилъ присутствующихъ съ нѣкоторыми соображеніями касательно помѣщеній въ г. Черниговѣ, годныхъ для Сѣзда и для помѣщенія прїѣзжихъ, причѣмъ указалъ на необходимость снестись по этимъ вопросамъ съ черниговскимъ епархіальнымъ начальствомъ, въ вѣдѣніи котораго находятся наиболѣе пригодныя для Сѣзда помѣщенія въ городѣ.

Предсѣдатель, *гр. Ш. С. Уварова*, огласилъ программу подготовительныхъ къ Сѣзду работъ, составленную Черниг. Арх. Комиссіей въ сентябрѣ минувшаго года и разосланную всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства Чернигов. губерніи. (Прил. 2-ое).

По поводу прочтенной программы *А. А. Мухановъ* замѣтилъ, что по этой программѣ кое-что уже выполняется.

Арх. Вас. Верзиловъ выразилъ надежду, что при сочувствіи къ дѣлу Сѣзда возможно будетъ выполнить и всю программу.

Пр. И. А. Линиченко замѣтилъ, что въ области архивнаго изученія Черниговск. края въ частности и Малороссіи вообще остаются мало изученными два источника: а) не окончено изученіе Румянцовской описи Малороссіи, что должно составить дѣло мѣстныхъ людей; б) архивныя работы, которыя должны быть выполнены непременно въ Москвѣ: разработка архива Маркевича и Лукашевича, находящагося въ Румянцевскомъ Музеѣ, и разработка документовъ архивовъ Юстиціи и Иностранныхъ дѣлъ.

А. А. Мухановъ указалъ, что относительно изученія мѣстныхъ архивовъ Чернигов. губ. сдѣлано еще очень мало, хотя нѣкоторые изъ такихъ архивовъ являются доступными для работы. Напр., дворянскій, который, благодаря работамъ *гр. Милорадовича*, приведенъ въ полный порядокъ.

Далѣе предметомъ долгихъ обсужденій послужила программа изученія церковныхъ древностей для Черниговскаго Сѣзда.

Пр. Г. Г. Павлуцкій указалъ на необходимость изучить всѣ остатки церковной старины до-монгольскаго періода, какъ разъ очень мало изученныхъ на территоріи нын. Черниговской губерніи; при этомъ *проф. Павлуцкій* отмѣтилъ необходимость изученія храмовъ самаго г. Чернигова.

Ө. Ө. Горностаевъ указалъ, что необходимо тщательно изслѣдовать и другіе храмы до-монгольскаго періода, имѣющіеся въ Черниговскомъ краѣ.

Пр. Е. К. Рѣдинъ сообщилъ программу подготов. работъ для Чернигов. Сѣзда, составленную *пр. Харьк. Унив. Д. И. Багалѣемъ*, въ которой, на ряду съ изученіемъ первобытной археологіи края и казацкой старины, также проводится мысль о необходимости тщательнаго изученія черниговскихъ древностей (Прил. 3-е).

Пр. Н. В. Покровскій прочелъ составленную имъ программу изученія церковныхъ древностей для Черниг. Сѣзда (Прил. 4-е).

По поводу предложенія *пр. Н. В. Покровскаго* обратиться къ содѣйствию *пр. Соколовскаго* въ Краковѣ, *Н. В. Султановъ* указалъ на гражд. инженера *Скуревича*, нынѣ живущаго въ Баку, который нѣсколько лѣтъ назадъ совершилъ

путешествіе по Галичинѣ и собралъ большую коллекцію матеріаловъ, касающихся памятниковъ зодчества въ Галиціи.

П. М. Добровольскій, А. А. Мухановъ и А. В. Верзиловъ, развивая мысль о привлеченіи галицкихъ ученыхъ къ дѣлу подготовки XIV Археол. Съѣзда, выразили пожеланіе, чтобы во Львовѣ былъ учрежденъ также Предварит. Комитетъ Съѣзда и чтобы къ работамъ для XIV Съѣзда было привлечено Научное Общество имени Шевченко.

Послѣ разъясненія Предсѣдателя, что вопросъ объ устройствѣ во Львовѣ особаго Предварительнаго Комитета не можетъ входить въ обязанность настоящаго собранія, постановлено: обратиться съ просьбою оказать содѣйствіе подготовительнымъ работамъ къ Съѣзду—къ пр. Соколовскому въ Краковѣ, къ Научному Обществу Шевченко въ Львовѣ, а также къ инженеру Скуревичу.

А. А. Мухановъ, возвращаясь къ вопросу объ изученіи церков. старины Чернигова, указалъ на желательность изслѣдованія черниговскихъ склеповъ, что потребуетъ сильныхъ и вліятельныхъ ходатайствъ.

Ө. Ө. Горностаевъ добавилъ, что изслѣдованіе должно коснуться и площади передъ соборомъ, гдѣ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, были обнаружены ходы.

Д. Я. Самоквасовъ, П. П. Машковъ и Ө. Ө. Горностаевъ настаивали на мысли, что изслѣдованіе Черниговскаго Спасскаго собора должно составить особую задачу Съѣзда.

А. В. Верзиловъ предложилъ обратить вниманіе на изученіе остатковъ старинныхъ церквей внѣ города Чернигова.

По окончаніи обсужденія программы изученія церковныхъ древностей были намѣчены вопросы, стоящіе въ нѣкоторой связи съ церковной стариною.

Ө. Ө. Горностаевъ предложилъ обратить особое вниманіе на изученіе орнамента въ Малороссіи.

А. В. Верзиловъ возбудилъ вопросъ о систематической разработкѣ коллекцій въ Черниговскомъ Музеѣ; при этомъ доложено письмо пр. Кіев. Дух. Акад. Н. И. Петрова, собирающагося лѣтомъ 1906 г. работать въ Черниговѣ, которое постановлено: принять къ свѣдѣнію.

Л. С. Смирновъ указалъ на необходимость подвергнуть изученію старообрядческую старину, такъ какъ старообрядчество имѣло важное значеніе въ исторіи Черниговскаго края.

Далѣе перешли къ программѣ изученія первобытной археологіи.

Ю. В. Готье прочелъ записку по этому предмету пр. Кіев. Дух. Акад. В. З. Завитневича. (Прил. 5-е).

Пр. Д. Я. Самоквасовъ сообщилъ, что по вопросамъ первобытной археологіи Черниговскаго края онъ готовитъ подробное сообщеніе, которое онъ доложитъ въ вечернемъ засѣданіи 8 февраля.

Пр. Н. В. Веселовскій обратилъ вниманіе на необходимость изученія городищъ Черниговскаго типа.

Пр. Э. Р. фонъ-Штерна высказалъ мысль о желательности выработки общихъ единообразныхъ правилъ при производствѣ изслѣдованій путемъ раскопокъ. Вопросъ этотъ очень живо обсуждался на междунар. Археолог. конгрессѣ въ Афинахъ весной 1905 г. У насъ онъ имѣетъ капитальное значеніе, такъ какъ при отсутствіи выработанныхъ правилъ производства раскопокъ неопытные археологи слишкомъ часто лишь портятъ археологическіе памятники.

С. К. Кузнецовъ поддерживалъ предложеніе пр. ф.-Штерна. Послѣ 10 минутнаго перерыва *В. Н. Сторожевъ* отмѣтилъ большой интересъ и важность вопроса, затронутаго пр. ф.-Штерномъ, сказалъ, что съ точки зрѣнія профана въ

первобытной археологіи особенно чувствительнымъ является недостатокъ руководства для раскопокъ, вслѣдствіе чего изучать это дѣло можно только путемъ постоянной и долгой практики. Недостатокъ метода въ дѣлѣ раскопокъ является далѣе, по мнѣнію В. Н. Сторожева, причиною того, что добытое русской археологіей не было доселѣ воспринято наукой русской исторіи и игнорируется ею. Вслѣдствіе этого В. Н. Сторожевъ предложилъ: 1) выработать, согласно предложенія пр. Ф.-Штерна, обстоятельныя точныя правила для производства раскопокъ и 2) произвести сводку всѣхъ историческихъ данныхъ, добытыхъ русской первобытной археологіей.

Н. И. Златоверховниковъ въ связи съ заявленіемъ В. Н. Сторожева замѣтилъ, что необходимо возбудить вопросъ объ измѣненіи порядка выдачи разрѣшенія на право производить раскопки.

А. А. Титовъ замѣтилъ, что для Суздальско-Ярославскаго края возбуждаемый вопросъ скоро не будетъ имѣть прежняго значенія, т. к. вслѣдствіе крестьянскаго малоземелья всѣ археол. памятники — курганы и т. п. скоро исчезнутъ отъ распашки.

А. В. Новицкій и *А. С. Раевскій* возражали В. Н. Сторожеву, указывая на труды Нидерле и Спицына, въ которыхъ можно встрѣтить сводку матеріаловъ и практическія указанія на способы производить раскопки.

А. И. Маркевичъ возбудилъ вопросъ о способахъ охраны такихъ мѣстностей, важныхъ въ археологическомъ отношеніи, которыя являются еще не вполне изслѣдованными.

Послѣдняя часть засѣданія была посвящена чтенію запросовъ и вопросовъ, предлагавшихся гг. депутатами. Засѣданіе закрыто въ 4^{1/4} часа дня, причѣмъ слѣдующее засѣданіе назначено въ тотъ же день въ 7^{1/2} ч. вечера.

3.

Засѣданіе открыто въ 7^{1/2} ч. вечера подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, въ присутствіи депутатовъ: Самоквасова, Быковскаго, Рѣдина, Иловайскаго, Титова, Ляскоронскаго, Городцова, Добровольскаго, Кузнецова, Ардашева, Покровскаго, Малченко, Лукьянова, Горностаева, Сперанскаго, Богоявленскаго, Янчука, Павлуцкаго, Щербака, Новицкаго, свящ. о. Звѣрева, Султанова, Добрянскаго, Раевскаго, Довнаръ-Запольскаго, Верзилова, Струкова, Кулаковскаго, Веселовскаго, Евсѣева, Троицкаго, Шолухина, фонъ-Штерна, Францева, Порфирьева, при секретарѣ Рогожинѣ.

По открытіи засѣданія были заявлены разными лицами вопросы и запросы предстоящему Съѣзду.

Затѣмъ *Д. Я. Самоквасовымъ* былъ прочитанъ докладъ «Проектъ предварительныхъ работъ по собиранію и систематизаціи древностей Черниговщины для XIV Археологическаго Съѣзда». Съ классификаціей древностей, поставленной въ докладѣ проф. Самоквасова, не соглашался проф. Ю. Кулаковскій.

В. Г. Ляскоронскій предложилъ слѣдующіе desiderata:

1) Изслѣдованіе южнаго пограничья Чернигово-сѣверской земли въ предѣлахъ нижняго теченія р. Десны, теченія р. Остра и затѣмъ теченія р. Сейма, на правой его сторонѣ, вдоль всего его теченія.

2) Изслѣдованіе городищъ въ области района, расположеннаго въ непосредственной близости къ лѣвой сторонѣ Днѣпровской долины на протяженіи отъ устья р. Трубежа до устья р. Самары.

3) Археологическое обследование городищ и других занятых насыпей в области р. Орели.

4) Исследование южно-русского пограничья со степями на правой стороне Днѣпра по линии, проходившей в период литовского владычества в южной Руси.

5) Обследование линии древних укреплений на Днѣпрѣ, воздвигнутых в период Витовта и других литовских князей.

6) Этнографическая экскурсия в местности, занимаемые некогда черно-клубуцкими поселениями на левой стороне Днѣпра, особенно на южной пограничной линии Черниговской земли для выяснения о том, какие особенности уцѣлили в означенных местах в этнографическом типѣ, образѣ жизни, языкѣ, занятіях, привычках, преданіях, костюмѣ и проч. от некогда живших здѣсь иностранцев.

7) Изыскание способов для скорѣйших раскопок тѣх курганов, которые, вследствие распахиванья, в непродолжительном времени будут навсегда потеряны для науки, не оставив послѣ себя никаких слѣдовъ.

В заключение *свящ. С. В. Зетревымъ* сдѣлано предложеніе: собрать для выставки на XIV Археологическомъ Сѣздѣ книги черниговской печати в церковныхъ библиотекахъ Воронежскаго края.

Засѣданіе закрыто в 10^{1/2} ч. вечера.

4.

4-ое засѣданіе Предварительнаго Комитета состоялось 9 февраля 1906 г. в 11 ч. дня в д. председателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, подъ председательствомъ графини П. С. Уваровой, в присутствіи 38 гг. депутатовъ: А. А. Титова, Д. Я. Самоквасова, Н. И. Веселовскаго, Л. М. Савелова, Г. Г. Павлуцкаго, К. М. Быковскаго, Э. Р. фонъ Штернъ, Ю. А. Кулаковскаго, В. Г. Ляскоронскаго, А. В. Верзилова, П. М. Добровольскаго, М. В. Довнаръ-Запольскаго, Д. П. Струкова, С. Д. Щербака, Ф. Н. Добрянскаго, В. А. Городцова, И. Е. Евсева, Ю. В. Готье, А. Н. Филиппова, С. К. Кузнецова, А. П. Шолухина, Е. К. Рѣдина, В. В. Богданова, В. С. Малченко, В. Н. Рогожина, С. К. Богоявленскаго, М. Н. Сперанскаго, А. А. Борзова, С. Е. Звѣрева, Н. А. Янчука, Д. И. Иловайскаго, Г. Г. Лукьянова, А. В. Лопухина, В. К. Трутовскаго, Д. В. Айналова, Н. С. Курдюкова, А. С. Хаханова.

1. Читаны и по некоторымъ исправленіямъ подписаны протоколы предъидущихъ трехъ засѣданій Комитета.

2. Проф. Д. Я. Самоквасовъ закончилъ свое сообщеніе, доложенное на предъидущемъ вечернемъ засѣданіи по вопросу о проектѣ предварительныхъ работъ для XIV Сѣзда. Заключение своего доклада было выражено докладчикомъ в формѣ вопросовъ и запросовъ, заявленныхъ референтомъ къ Сѣзду. При этомъ проф. Самоквасовъ выразилъ готовность предоставить в распоряженіе Комитета 1.000 р. специально на исследование кургановъ Роменскаго типа.

3. М. В. Довнаръ-Запольскій указалъ на необходимость и важность распространить археологическія исследования для XIV Сѣзда не исключительно на югъ, но и на сѣверъ, къ Рязанскому краю, р. Окѣ и т. д. Сверхъ того, является необходимымъ исследовать мѣсто нахождения княжескихъ теремовъ в Кіевѣ, что можетъ дать интереснѣйшій матеріалъ для исторіи быта княжескаго періода. Это

мѣсто принадлежитъ нынѣ кн. Трубецкимъ, съ которыми и желательно войти въ сношенія, тѣмъ болѣе, что владѣніе это продается и можетъ попасть въ руки владѣльца, съ которымъ, быть можетъ, нельзя будетъ сговориться. Въ настоящее время владѣлица кн. Трубецкая соглашается разрѣшить это изслѣдованіе, но съ тѣмъ, что находки останутся въ ея пользу.

П о с т а н о в л е н о: имѣть въ виду при подготовительныхъ работахъ для XIV Съѣзда оба предложенія проф. Довнаръ-Запольскаго и войти по вопросу о мѣстѣ княжескихъ теремовъ въ сношенія съ Импер. Археологической Комиссіей.

4. К. М. Быковскій обратилъ вниманіе на необыкновенную важность для лицъ, интересующихся русскимъ искусствомъ, выбора г. Чернигова, по художественному значенію его памятниковъ для изученія исторіи русской архитектуры и выразилъ надежду, что XIV Съѣздъ дастъ для изученія памятниковъ древнѣйшаго русскаго зодчества такой же матеріалъ и такіе же результаты, какіе на I Съѣздѣ дало изученіе Суздальской области. Въ этомъ отношеніи важно чрезвычайное содѣйствіе мѣстныхъ силъ.

5. По поводу постановленія 2 засѣданія объ обращеніи къ Обществу Шевченко и проф. Соколовскому, М. В. Довнаръ-Запольскій просилъ дополнить это постановленіе рѣшеніемъ снестись и съ Краковскимъ Музеемъ и съ Румыніей, что и было принято засѣданіемъ.

6. А. В. Верзиловъ указалъ: а) на желательность привлеченія и польскихъ ученыхъ въ Варшавѣ къ участию на Съѣздѣ, б) на интересъ раскопки соборной площади въ Черниговѣ и в) этнографическаго изслѣдованія Сѣверянъ, и гор. Любеча.

7. На послѣднее предложеніе предсѣдателемъ было указано, что И. М. А. О. можетъ давать средства только на археологическія экскурсіи, что же касается до этнографическихъ экскурсій, то организуетъ ихъ, и средства на нихъ даетъ обыкновенно мѣстный Комитетъ, но не Общество.

8. П. М. Добровольскій просилъ снестись съ Варшавскимъ архивомъ о матеріалахъ по описи замковъ г. Любеча, Остра и др., что и было принято собраніемъ.

9. Послѣ сего предсѣдатель гр. Уварова высказала намѣреніе выдать Предв. Комитету изъ своихъ личныхъ средствъ 1500 р. на командировку Ѳ. Ѳ. Горностаева въ Черниговъ и Черниг. губернію для обслѣдованія и изученія мѣстныхъ церковныхъ древностей и закрыла засѣданія Предв. Комитета слѣдующими словами: «Позвольте мнѣ предъ разставаніемъ высказать слѣдующія пожеланія:

1. Чтобы уродливыя проявленія того психоза, который обуялъ насъ за послѣднее время, не коснулся мирныхъ, скромныхъ, ученыхъ занятій изученія памятниковъ старины, которымъ единственно должны быть посвящены наши Археологическіе Съѣзды.

2. Чтобы ученые центры, какъ Одесса, Кіевъ, Харьковъ и Нѣжинъ не отказались поработать для Черниговскаго Съѣзда, какъ поработали для предыдущихъ южныхъ Съѣздовъ.

3. Чтобы болѣе скромные ученые центры, какъ Полтава, Курскъ, Воронежъ, Симферополь и др., нашли возможнымъ сдѣлать то же, памятуя, что полноводныя рѣки состояются изъ тѣхъ рѣчекъ и ручьевъ, которыя несутъ въ нихъ свои воды.

4. Чтобы ученые нашего сѣвера также не отказались отъ работъ и изслѣдованій Черниговской земли.

5. Наконецъ—чтобы сами черниговцы, вразумленные примѣромъ Екатеринослава, сумѣли соединить на мѣстѣ въ одинъ единый и дружный Комитетъ всѣ научныя силы, желающія поработать для Черниговскаго Съѣзда и, не увлекаясь никакими злобами дня, рѣшились работать единственно съ цѣлью изученія древ-

ностей края и съ желаніемъ не блеснуть тѣмъ эфемернымъ блескомъ, который сбиваетъ съ толку такъ много людей въ наше время, а съ тѣмъ, чтобы внести хоть малую толику въ сокровищницу нашей несчастной русской науки, поправленной и забытой за послѣдніе годы, не забывая, что «еже бо аще съетъ чловѣкъ, тожде и пожнетъ: яко съѣй въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ истлѣніе: а съѣй въ духъ, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный». (Посл. къ Галатамъ, гл. 6).

Приложеніе 1-е.

Многоуважаемая

Графиня Прасковья Сергѣевна!

На дняхъ въ Москвѣ будетъ бесѣда объ очередномъ Археологическомъ Съѣздѣ. Сколько мы знаемъ, на Екатеринославскомъ Съѣздѣ 1905 года было принято рѣшеніе созвать этотъ Съѣздъ въ Черниговѣ. Но и малочисленность членовъ Екатеринославскаго Съѣзда и обстоятельства, при которыхъ состоялся выборъ города для новаго Съѣзда, даютъ намъ смѣлость считать вопросъ о мѣстѣ и времени новаго Съѣзда открытымъ.

Въ виду того, что Харьковъ и Екатеринославъ, гдѣ были предыдущіе Съѣзды,— новые города одного и того же южно-русскаго района, не имѣющіе никакого археологическаго матеріала, въ виду также того, что Черниговъ, находящійся въ томъ же районѣ, подобно Харькову и Екатеринославу, не представляетъ никакого интереса въ археологическомъ отношеніи, мы позволяемъ себѣ покорнѣйше просить Васъ, Графиня, обратить вниманіе гг. археологовъ, собравшихся въ Москвѣ, на необходимость созвать новый Съѣздъ въ городѣ, богатомъ въ археологическомъ отношеніи и представляющемъ значительный интересъ для ученыхъ. Мы рѣшаемся напомнить на первомъ мѣстѣ о Самаркандѣ, къ которому теперь проложенъ прямой желѣзнодорожный путь, и на второмъ мѣстѣ о Севастополѣ съ Херсонесомъ съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ избранія Самарканда, Съѣздъ занялся по преимуществу археологіей Средней Азій, а въ случаѣ избранія Севастополя— по преимуществу археологіей Крыма.

Примите увѣреніе въ искренней преданности:

А. Соболевскій и Н. Кондаковъ.

Приложеніе 2-е.

Программа работъ, составленная Черниговскою Губернскою Ученою Архивною Комиссіей и разосланная губернаторомъ А. А. Хвостовымъ г-мъ Предводителямъ Дворянства для распространенія ее по губерніи.

1. Составить исторію всѣхъ населенныхъ мѣстъ въ уѣздѣ—городовъ, мѣстечекъ, сель и деревень (каждаго въ отдѣльности), использовавъ для того всѣ извѣстные и доступные печатные и рукописные матеріалы.

2. Составить также исторію всѣхъ приходскихъ храмовъ, воспользовавшись для того существующими въ нихъ рукописными «приходскими лѣтописями». При этомъ чрезвычайно важно сфотографировать если не всѣ храмы, то, по крайней мѣрѣ, старѣйшіе изъ нихъ, построенные въ XVII, XVIII и XIX вѣкахъ, а также

сфотографировать древнѣйшіе иконостасы и наиболѣе типичные образцы южно-русской иконографіи, фигуры и проч. Въ этомъ отношеніи участіе духовенства могло-бы оказать существенную пользу дѣлу.

3. Сфотографировать и снабдить возможнымъ описаніемъ молитвенныя зданія прочихъ вѣроисповѣданій.

4. Сфотографировать также помѣщичьи усадьбы и отдѣльныя постройки въ нихъ и дать историческія извѣстія о нихъ.

5. Составить подробное описаніе существующихъ въ уѣздѣ городищъ, кургановъ, майдановъ и др. земляныхъ сооружений, съ точнымъ обозначеніемъ урочищъ, дачъ и владѣльцевъ, съ нанесеніемъ на планъ, при возможности, съ фотографическими снимками этихъ сооружений.

6. Заняться описаніемъ архивовъ уѣздныхъ присутственныхъ установлений, церквей, монастырей и, что особенно важно, собрать свѣдѣнія о семейныхъ (семейныхъ) архивахъ у гг. дворянъ и др. лицъ.

7. Заняться также изученіемъ и описаніемъ мѣстнаго фольклора и народнаго быта вообще, причѣмъ необходимо представить въ фотографіяхъ типичныя сельскія постройки, народныя группы и отдѣльныхъ лицъ въ типичныхъ костюмахъ, сдѣлать по нимъ манекены, одѣтые въ народные костюмы такъ, чтобы въ нихъ можно было выразить типичнѣйшихъ представителей уѣзда различныхъ половъ и возрастовъ, а также и различныхъ занятій.

Конечно, въ этихъ семи пунктахъ не выражаются всѣ подробности занятій и, быть можетъ, Комитетъ, подъ вашимъ руководствомъ, намѣтилъ новыя детали научной работы, обративъ вниманіе на другія стороны изученія губерніи, какъ по древнимъ памятникамъ — письменнымъ и вещественнымъ, такъ и по памятникамъ народной литературы, искусства, современнаго говора и письма. Направляя дѣятельность Комитета на всѣ такія детали въ общей работѣ, благоволите, милостивый государь, сообщать о всѣхъ работахъ Комитету Архивной Комиссіи, куда надлежитъ присылать также и всѣ собираемые матеріалы, а впоследствии, по окончаніи Съѣзда, изъ нихъ могли бы быть образованы мѣстные (въ уѣздныхъ городахъ) музеи. Для осуществленія нѣкоторыхъ изъ указанныхъ выше предположеній, помимо труда лицъ, интересующихся дѣломъ науки, понадобятся, конечно, и денежные средства, напр., для снятія фотографій, сооруженія манекеновъ и проч. И я имѣю честь покорнѣе просить васъ, милостивый государь, не признаете-ли вы возможнымъ обратиться, непосредственно отъ себя, къ уѣздному земскому собранію и городской думѣ съ просьбою объ ассигнованіи средствъ въ распоряженіе уѣзднаго Предварительнаго Комитета.

Приложеніе 3-е.

ПЛАНЪ РАБОТЪ XIV АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА.

(Проф. Д. И. Багалъя).

Среди различныхъ задачъ, составляющихъ предметъ разрѣшенія XIV Археологическаго Съѣзда, специальную его задачу должно составить изученіе Черниговщины.

Это изученіе должно охватить какъ древнѣйшую пору этой области, насколько она опредѣляется данными, добытыми при посредствѣ раскопокъ, такъ и казацкій періодъ, и недавнее прошлое по даннымъ этнографіи.

Труды XVI Арх. Съѣзда, т. III.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

I.

Археологическія изслѣдованія должны быть произведены въ области поселенія древнихъ: а) Сѣверянъ, отчасти, б) Радимичей и в) Вятичей, т.-е. въ нынѣшнихъ губерніяхъ: а) Черниговской, Полтавской, отчасти Курской и Харьковской, б) въ Могилевской, в) Курской, Орловской, Калужской.

При этомъ, въ дополненіе къ тѣмъ памятникамъ, которые будутъ добыты раскопками для Сѣзда, желательно составленіе альбома Сѣверянскихъ древностей изъ извѣстныхъ уже въ литературѣ и хранящихся въ различныхъ музеяхъ и собраніяхъ памятниковъ.

Желательно опредѣленіе погребальныхъ типовъ Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей по совокупности донныѣ извѣстныхъ раскопокъ.

Желательно опредѣлить границы Сѣверянской территоріи по археологическимъ даннымъ и въ связи продолжить раскопки славянскихъ сѣверянскихъ кургановъ, Харьковской губ. (сел. Янковка — раскопки Д. И. Багалѣя, г-жи Е. Н. Мельникъ-Антоновичъ и В. Е. Данилевича).

Желательно составить археологическую карту Черниговской и Полтавской губ.

II.

Древности казацкаго періода Черниговщины и Полтавщины, т.-е. лѣвобережной Малороссіи, могутъ быть изучены, какъ при посредствѣ архивныхъ документовъ, хранящихся въ архивахъ Чернигова, Нѣжина, Полтавы, Харькова, Москвы, Петербурга, такъ и въ вещественныхъ памятникахъ казацкой малороссійской старины, хранящихся въ различныхъ музеяхъ и древлехранилищахъ. Поэтому весьма желательно устройство специальныхъ экскурсій для изученія архивовъ и указанныхъ древностей — въ дополненіе къ тѣмъ работамъ, что совершены было ранѣе.

Среди различныхъ малороссійскихъ древностей лѣвобережной Малороссіи должно быть удѣлено вниманіе изученію церковныхъ памятниковъ.

Кромѣ того, — желательно составленіе альбома или собранія къ специальной выставкѣ плановъ малороссійскихъ городовъ казацкаго періода и коллекціи картъ лѣвобережной Украины въ XVI—XVIII вв.

Желательно составить карту лѣвобережной Малороссіи (Черниговской и Полтавской губ.) въ XVII и XVIII вв. на основаніи существующихъ картъ и историко-географическихъ данныхъ.

III.

Желательно изученіе этнографіи Черниговщины и Полтавщины, въ особенности старинной малороссійской, различными средствами и составленія этнографическихъ коллекцій Черниговской и Полтавской губ.

Приложеніе 4-е.

ПЛАНЪ РАБОТЪ XIV АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СѢЗДА.

(Проф. Н. В. Покровскаго).

Въ общей исторіи русскаго искусства и древней письменности замѣчается одинъ крупный пробѣлъ. Наблюдая наличный составъ памятниковъ искусства въ Киевской области и въ юго-западной Руси, нельзя не замѣтить, что одни изъ

нихъ относятся къ древнѣйшему періоду X—XII в., другіе—къ позднѣйшему XVII—XVIII вв. Третій Археологическій Съездъ въ Кіевѣ занимался энергично изслѣдованіемъ памятниковъ древнѣйшихъ,—архитектуры, мозаики, фрески; 11-й Кіевскій Съездъ имѣлъ дѣло уже съ памятниками XVII—XVIII вв.; то же самое было и на Съездахъ Харьковскомъ и Екатеринославскомъ. Ни одинъ изъ Съездовъ до настоящаго времени не имѣлъ возможности обратить должное вниманіе на промежуточный періодъ XIII—XVI вв., если не считать одной, извѣстной всѣмъ, неудачной попытки, на 11-мъ Кіевскомъ Съездѣ, построить цѣльную исторію искусства юго-западной Руси на основаніи памятниковъ случайныхъ, заносныхъ и не провѣренныхъ критически. Между тѣмъ, существуетъ цѣлый рядъ памятниковъ, относящихся къ этому періоду, отчасти датированныхъ, критически провѣренныхъ и изданныхъ: я разумѣю памятники русскаго происхожденія, описанные и изданные извѣстнымъ ученымъ, краковскимъ профессоромъ Соколовскимъ въ «Трудахъ» Львовскаго Археологическаго Съезда. Кромѣ памятниковъ общезвѣстныхъ — стѣнописей Краковской каплицы, металлическихъ произведеній, вужно имѣть въ виду при этомъ и другіе: лицевую псалтирь Императ. Общества Любителей Древней Письменности 1397 г. кіевскаго происхожденія, недавно расчищенные стѣнописи тюремнаго костела въ Люблинѣ, датированныя, конца XV в., русскаго происхожденія; полагаю, что и остатки Коложской церкви въ Гроднѣ могутъ быть отнесены сюда же: памятникъ этотъ не имѣетъ никакой связи съ новгородской архитектурою XIV в., какъ полагали нѣкоторые, а, скорѣе, тянетъ къ Кіеву.

Было бы очень важно собрать свѣдѣнія о памятникахъ живописи (и другихъ) русскихъ юго-западной Россіи, въ Галиціи и Польшѣ и опредѣлить время ихъ происхожденія и ихъ связь съ тѣмъ или другимъ культурнымъ русскимъ центромъ XIII—XVI вв. Въ этомъ дѣлѣ могъ бы оказать незамѣнимую услугу знатокъ исторіи искусства, профессоръ Соколовскій.

Приложеніе 5-е.

ПЛАНЪ РАБОТЪ XIV АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪЪЗДА.

(Проф. В. З. Завитневича).

Цѣлью предстоящихъ раскопокъ должно служить *возможно точное опредѣленіе границъ Сѣверянскаго племени*. Какъ извѣстно, на сѣверѣ, въ направленіи къ р. Сожи, Сѣверяне соприкасались съ Радимичами; на западѣ, по Днѣпру—съ Дреговичами, Древлянами и Полянами; на югѣ желательно было бы твердо и окончательно установить сѣверную границу распространенія кургановъ такъ называемаго скифскаго типа. Наконецъ, въ направленіи къ сѣверо-востоку, въ области водораздѣла рѣкъ—Десны—съ одной стороны, и Оки—съ другой, слѣдуетъ искать границы соприкосновенія Сѣверянъ съ Вятичами. Розысканія, произведенныя въ любомъ изъ указанныхъ направленій, могутъ дать цѣнные результаты, подѣ тѣмъ, конечно, условіемъ, если изслѣдователь познакомится съ работами предшествовавшихъ изысканій. Царственная роль въ этомъ отношеніи, по всей справедливости, должна принадлежать Д. Я. Самоквасову, который, по имѣющимся свѣдѣніямъ, составитъ археологическую карту Черниговской губерніи и, по свѣдѣніямъ изъ Чернигова, обѣщавъ составить планъ предстоящихъ раскопокъ. Ему—и книги въ руки. Здѣсь слѣдуетъ вспомнить и П. В. Голубовскаго, историческая карта котораго (до 1300 г.) съ объяснительной запиской имѣется въ распоряженіи Мо-

сковскаго Археологическаго Общества. Заочно можно сказать, что записка эта будет имѣть цѣнное научное значеніе и напечатаніе ея къ Съѣзду было бы дѣломъ не малой важности. Такъ какъ въ этой запискѣ и сопровождающей ее картѣ есть много важныхъ историко-археологическихъ указаній, то ею слѣдовало бы воспользоваться при предстоящихъ раскопкахъ.

Слѣдующимъ лѣтомъ Н. И. Петровъ собирается побывать въ Черниговѣ и оказать содѣйствіе въ дѣлѣ приведенія въ порядокъ церковныхъ древностей, имѣющихся въ тамошнихъ музеяхъ.

СОСТАВЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА.

Предсѣдатель Комитета:

Графиня Прасковія Сергѣевна *Уварова*, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества.

Секретари Комитета:

Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества, Московской Дворцовой Оружейной Палаты, Историко-Родословнаго Общества въ Москвѣ, Московскаго Нумизматическаго Общества, Таврической Губернской Ученой Архивной Комиссіи и Вятской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Готье, Юрій Владиміровичъ, депутатъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ и Импер. Московскаго Археологическаго Общества.

Рогожинъ, Владиміръ Николаевичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества.

Члены:

Айналовъ, Дмитрій Власьевичъ, депутатъ Импер. С.-Петербургскаго Университета и Импер. Русскаго Археологическаго Общества.

Александровъ, Александръ Ивановичъ, депутатъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Импер. Казанск. Университетѣ.

Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ, депутатъ Импер. Московскаго Университета.

Ардашевъ, Николай Николаевичъ, депутатъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи.

Арсеньевъ, Юрій Васильевичъ, депутатъ Историко-Родословнаго Общества въ Москвѣ и Комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины гор. Москвы и Московской епархіи.

Архангельскій, Александръ Семеновичъ, депутатъ Импер. Казанскаго Университета.

Барсовъ, Ельпидифоръ Васильевичъ, депутатъ Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Богдановъ, Владиміръ Владиміровичъ, депутатъ Импер. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Богоявленскій, Сергѣй Константиновичъ, депутатъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Борзовъ, Александръ Александровичъ, депутатъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ.

Быковский, Константинъ Михайловичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества и Московскаго Архитектурнаго Общества.

Бьлокуровъ, Сергій Алексѣевичъ, депутатъ Импер. Общества исторіи и Древностей Россійскихъ, Церковно-Историческаго и Археологическаго Обществъ при Кіевской Духовной Академіи и Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Вахрамѣевъ, Иванъ Александровичъ, депутатъ Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей.

Верзиловъ, Аркадій Васильевичъ, депутатъ Черниговской Городской Управы.

Веселовскій, Николай Ивановичъ, депутатъ Импер. Археологическаго Института и Импер. Русскаго Археологическаго Общества.

Вульфійусъ, Владиміръ Павловичъ, депутатъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Горностаевъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества.

Городцовъ, Василій Алексѣевичъ, депутатъ Импер. Россійскаго Историческаго Музея и Импер. Московскаго Археологическаго Общества.

Добровольскій, Петръ Михайловичъ, депутатъ Черниговской Губернской Архивной Комиссіи.

Добрянскій, депутатъ Виленской Комиссіи по разбору древнихъ актовъ.

Довнаръ-Запольскій, Митрофанъ Викторовичъ, депутатъ Импер. Университета Св. Владиміра.

Долговъ, Семень Осиповичъ, депутатъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ.

Евсеевъ, Иванъ Евсѣевичъ, депутатъ Орловскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Общества.

Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ, депутатъ Импер. Россійскаго Историческаго Музея.

Зюппевъ, о. Стефанъ Егоровичъ, депутатъ Воронежской Губернской Ученой Архивной Комиссіи и Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

Зерновъ, Дмитрій Николаевичъ, депутатъ Импер. Московскаго Университета.

Ивановскій, Алексій Арсеньевичъ, депутатъ Импер. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Иловайскій, Дмитрій Ивановичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества и Историко-Родословнаго Общества въ Москвѣ.

Ильинъ, А. Н., депутатъ Таврической Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Кедровъ, Сергій Ивановичъ, депутатъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Импер. Казанскомъ Университетѣ.

Ключевскій, Василій Осиповичъ, депутатъ Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Кологривовъ, Сергій Николаевичъ, депутатъ Комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и Московской губерніи.

Кондаковъ, Никодимъ Павловичъ, депутатъ Импер. Академіи Художествъ.

Кононовъ, Николай Николаевичъ, депутатъ Импер. Россійскаго Историческаго Музея.

Крымскій, Агафангелъ Ефимовичъ, депутатъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ.

Кузнецовъ, Степанъ Кировичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества.

Кузьминскій, Константинъ Станиславовичъ, депутатъ Импер. Россійскаго Историческаго Музея.

Булаковский, Юліанъ Андреевичъ, депутатъ Импер. Университета Св. Владимира и Кіевскаго Общества Древностей и Искусства.

Курдюковъ, Николай Селиверстовичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества.

Кучукъ-Іоаннесовъ, Христофоръ Ивановичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества.

Линиченко, Иванъ Андреевичъ, депутатъ Импер. Новороссійскаго Университета.

Попухинъ, Алексѣй Викторовичъ, депутатъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Лукьяновъ, Григорій Григорьевичъ, депутатъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи.

Любавскій, Матвѣй Кузьмичъ, депутатъ Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Ляскоронскій, Василій Григорьевичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества.

Максимейко, Николай Алексѣевичъ, депутатъ Импер. Харьковск. Универ.

Малченко, Василій Степановичъ, депутатъ Пермской Ученой Архивной Комиссіи.

Маркевичъ, Алексѣй Ивановичъ, депутатъ Таврической Губернской Архивной Комиссіи.

Машковъ, Иванъ Павловичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества.

Миллеръ, Всеволодъ Ѳедоровичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества и Импер. Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи.

Милютинъ, Александръ Ивановичъ, депутатъ Воронежской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Муркосъ, Георгій Абрамовичъ, депутатъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Мухановъ, Алексѣй Алексѣевичъ, депутатъ Черниговской Губернской Земской Управы.

Мятлевъ, Николай Владиміровичъ, депутатъ Историко-Родословнаго Общества въ Москвѣ.

Новицкій, Алексѣй Петровичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества.

Огневъ, Иванъ Флоровичъ, депутатъ Импер. Московскаго Университета.

Орѣшниковъ, Алексѣй Васильевичъ, депутатъ Импер. Россійскаго Историческаго Музея, Импер. Русскаго Археологическаго Общества и Московскаго Нумизматическаго Общества.

Павловъ, Алексѣй Петровичъ, депутатъ Импер. Московскаго Университета, Импер. Московскаго Археологическаго Общества и Импер. Московскаго Общества Испытателей Природы.

Павлуцкій, Григорій Григорьевичъ, депутатъ Импер. Университета Св. Владимира и Кіевскаго Общества Древностей и Искусства.

Платоновъ, Сергѣй Ѳедоровичъ, депутатъ Импер. Петербургскаго Университета, Импер. Археологической Комиссіи и Импер. Русскаго Археологическаго Общества.

Покровскій, Николай Васильевичъ, депутатъ Импер. Археологическаго Института.

Порфирьевъ, Сергѣй Ивановичъ, депутатъ Общества Археологін, Исторіи и Этнографіи при Импер. Казанскомъ Университетѣ и Московскаго Архива Министерства Юстиціи.

Прохоровъ, Сергѣй Васильевичъ, депутатъ Московскаго Нумизматическаго Общества.

Раевскій, Александръ Сергѣевичъ, депутатъ Русскаго Библиологическаго Общества.

Рождественскій, Николай Викторовичъ, депутатъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Романовъ, Николай Ильичъ, депутатъ Комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и московской епархіи.

Рѣдинъ, Егоръ Кузьмичъ, депутатъ Импер. Харьковскаго Университета, Импер. Московскаго Археологическаго Общества и Историко-Филологическаго Общества при Импер. Харьковскомъ Университетѣ.

Савеловъ, Леонидъ Михайловичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества и Историко-Родословнаго Общества въ Москвѣ.

Самоковасовъ, Дмитрій Яковлевичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества.

Скворцовъ, о. Николай Алексѣевичъ, депутатъ Комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и московской епархіи.

Смольяниновъ, Владиміръ Николаевичъ, депутатъ Историко-Родословнаго Общества въ Москвѣ.

Соколовъ, Владиміръ Дмитриевичъ, депутатъ Импер. Московскаго Общества Испытателей Природы.

Соколовъ, Дмитрій Николаевичъ, депутатъ Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи.

Соколовъ, Матвѣй Ивановичъ, депутатъ Импер. Московскаго Университета и Импер. Московскаго Археологическаго Общества.

Соловьевъ, Сергѣй Устиновичъ, депутатъ Московскаго Архитектурнаго Общества.

Сперанскій, Михаилъ Несторовичъ, депутатъ Историко-Филологическаго Института князя Безбородко.

Станкевичъ, Алексѣй Ивановичъ, депутатъ Импер. Россійскаго Историческаго Музея.

Сторожевъ, Василій Николаевичъ, депутатъ Нижегородской и Рязанской Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссій.

Струковъ, подполковникъ, депутатъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія.

Струковъ, Николай Дмитриевичъ, депутатъ Комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и московской епархіи.

Султановъ, Николай Владиміровичъ, депутатъ Импер. Археологическаго Института.

Тарабринъ, Иванъ Мемноновичъ, депутатъ Импер. Россійскаго Историческаго Музея.

Титовъ, Андрей Александровичъ, депутатъ Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей.

Титовъ, Александръ Андреевичъ, депутатъ Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей.

Троицкій, Николай Ивановичъ, депутатъ Тульской Епархіальной Палаты Древностей.

Тюменевъ, Дмитрій Герасимовичъ, депутатъ Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

Успенскій, Александръ Ивановичъ, депутатъ Комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и московской епархіи.

Ушаковъ, Ф. А., депутатъ Псковскаго Археологическаго Общества.

Филипповъ, Александръ Никитичъ, депутатъ Импер. Московскаго Университета и Импер. Московскаго Археологическаго Общества.

Францевъ, В. А., депутатъ Общества Исторіи, Филологіи и Права при Импер. Варшавскомъ Университетѣ.

Ханенко, Богданъ Ивановичъ, депутатъ Кіевскаго Общества Древностей и Искусствъ.

Хазановъ, Александръ Соломоновичъ, депутатъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ.

Цвѣтаевъ, Иванъ Владиміровичъ, депутатъ Импер. Московскаго Университета.

Чижевъ, Сергѣй Ивановичъ, депутатъ Московскаго Нумизматическаго Общества.

Шелухинъ, Андрей Павловичъ, депутатъ Черниговской Губернской Земской Управы.

Штернъ-фонъ, Эрнестъ Романовичъ, депутатъ Император. Новороссійскаго Университета.

Щепкинъ, Вячеславъ Николаевичъ, депутатъ Импер. Россійскаго Историческаго Музея.

Щербакъ, Семенъ Дмитріевичъ, депутатъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи.

Щербатовъ, князь Николай Сергѣевичъ, депутатъ Импер. Россійскаго Историческаго Музея.

Языковъ, Владиміръ Дмитріевичъ, депутатъ Воронежской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Янчукъ, Николай Андреевичъ, депутатъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ, Импер. Московскаго Археологическаго Общества и Император. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОСТАВЪ ОТДѢЛЕНІЯ ЧЕРНИГОВСКАГО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА.

Предсѣдатель Комитета—Карвольскій-Гриневскій Михаилъ Даниловичъ.

Товарищъ предсѣдателя—Круковскій Владиміръ Іосифовичъ.

Секретари:—Добровольскій Петръ Михайловичъ, Соколовскій Григорій Николаевичъ и Шелухинъ Андрей Павловичъ.

Выставочный Комитетъ Отдѣленія:

Предсѣдатель—Рашевскій Иванъ Григорьевичъ. *Члены*:—Дроздовъ Владиміръ Геннадіевичъ, онъ-же и директоръ Выставки, Дорошенко Петръ Яковлевичъ, Шелухинъ Андрей Павловичъ, Добровольскій Петръ Михайловичъ, Нерода Василій Васильевичъ, Любарскій Николай Васильевичъ, Волковъ Федоръ Кондратьевичъ и Могиланскій Николай Михайловичъ.

Хозяйственно-Распорядительный Комитетъ:

Членъ городской управы Василій Васильевичъ Нерода, протоіерей Іаковъ Іаковлевичъ Галаховъ, Солонина Петръ Николаевичъ, Доброгаевъ Михаилъ Андріановичъ и Карпинскій Михаилъ Петровичъ.

Представители учрежденій Черниговскаго губернскаго земства
и земской Музейной Комиссіи:

Солонина Петръ Николаевичъ, Савицкій Николай Петровичъ, Малявко Евгеній Ивановичъ, Хижняковъ Василій Михайловичъ, Рашевскій Иванъ Григорьевичъ, Дорошенко Петръ Яковлевичъ, Шелухинъ Андрей Павловичъ.

Отъ города Чернигова: Верзиловъ Аркадій Васильевичъ, Нерода Василій Васильевичъ, Максимовичъ Герасимъ Владиміровичъ, Быковскій Дмитрій Васильевичъ, Харченко Владиміръ Ивановичъ, Добровольскій Петръ Михайловичъ, Саць Александръ Мионовичъ, Овдѣенко Иванъ Николаевичъ, Рудинъ Николай Дмитріевичъ, Каминеръ Борисъ Исааковичъ, Семокъ Вячеславъ Флоровичъ.

Отъ Черниговской Архивной Комиссіи: Корноуховъ Евгеній Александровичъ, Соколовскій Григорій Николаевичъ, Добровольскій Петръ Михайловичъ и Самбурскій Константинъ Ивановичъ.

Отъ Епархіальнаго Вѣдомства: священникъ о. А. Н. Ефимовъ и священникъ о. К. Т. Карпинскій.

Отъ духовной семинаріи и состоящаго при немъ Епархіальнаго Древлехранилища: протоіерей І. І. Галаховъ, Дроздовъ Владиміръ Геннадіевичъ.

Отъ Черниговскаго духовнаго мужскаго училища — Доброгаевъ Михаилъ Андріановичъ.

Отъ Черниговскаго Епархіальнаго женскаго училища: Бугославскій Петръ Ивановичъ, Любичъ М. Н.

Отъ Черниговской мужской гимназіи — Карпинскій Михаилъ Петровичъ.

Отъ Черниговской женской гимназіи — Трезвинскій Петръ Петровичъ.

Отъ Черниговскаго реальнаго училища — Михайловскій Дмитрій Алексѣевичъ.

Лица, приглашенныя самимъ Комитетомъ:

Любарскій Николай Васильевичъ, Чрединъ Яковъ Ивановичъ, Морачевскій Григорій Михайловичъ, Чарнецкій Рафаиль Рафаиловичъ, протоіерей о. А. Ѳ. Тупатилловъ, Гаршинъ А. Г., священникъ о. Н. П. Вишняковъ.

На основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 15 февраля 1907 г. Положенія Комитета Министровъ, утверждены Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 20 мая 1906 года.

ПРАВИЛА XIV АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА.

1. Археологическій Съѣздъ открывается въ Черниговѣ съ 1 по 15 августа 1908 года.

2. Всѣ подготовительныя работы для Съѣзда возлагаются на Московскій Предварительный Комитетъ, съ предоставленіемъ ему права открыть, по мѣрѣ необходимости, другіе мѣстные комитеты. Комитетъ входитъ въ сношеніе съ мѣстными учеными и приглашаетъ ихъ для совмѣстныхъ работъ подъ своимъ наблюденіемъ и руководствомъ.

Труды XIV Арх. Съѣзда, т. III.

3. За день до открытія Съѣзда, т.-е. 31 іюля, открываетъ свои дѣйствія Совѣтъ Съѣзда въ Черниговѣ.

4. Совѣтъ Съѣзда составляютъ: а) всѣ прибывшіе къ Съѣзду члены Предварительнаго Комитета и б) присланные на Съѣздъ депутаты отъ тѣхъ высшихъ ученыхъ Учрежденій и ученыхъ Обществъ, коихъ представителей не было на Предварительномъ Комитетѣ.

5. Членами Съѣзда могутъ быть всѣ лица, изъявившія желаніе принять участіе въ занятіяхъ Съѣзда и заплатившія 5 рублей. Этимъ лицамъ выдается членскій билетъ и особый знакъ, который предоставляетъ имъ право посѣщать засѣданія Съѣзда и принимать участіе въ оныхъ. Но въ экскурсіяхъ Съѣзда могутъ принимать участіе только тѣ лица, которыя получаютъ на это особое приглашеніе со стороны Распорядительнаго Комитета.

Примѣчаніе. Членами Съѣзда признаются также ученые Учрежденія и Общества по взносу ими 5 руб.; но учащіеся не могутъ быть членами Съѣзда.

6. Предварительный Комитетъ имѣетъ право пригласить и иностранныхъ ученыхъ.

7. Члены Совѣта не освобождаются отъ членскихъ взносовъ.

8. Записаться въ члены Съѣзда, внести установленную плату и получить членскій билетъ можно заблаговременно въ Московскомъ и Петербургскомъ Археологическихъ Обществахъ и въ Отдѣленіяхъ Предварительнаго Комитета XIV Съѣзда.

9. Съѣздъ раздѣляется на девять отдѣленій: I. Древности первобытныя. II. Древности историко-географическія и этнографическія. III. Памятники искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики. IV. Древности юридическія; бытъ хозяйственный, домашній и военный. V. Древности церковныя. VI. Памятники языка и письма. VII. Древности классическія, византійскія, восточныя и западно-европейскія. VIII. Древности славянскія. IX. Археографія и архивовѣдѣніе. — Совѣтъ Съѣзда въ правѣ, если признаетъ необходимымъ, увеличить число отдѣленій или нѣкоторыя изъ нихъ слить вмѣстѣ.

10. При Съѣздѣ предполагается устроить Выставку по предметамъ Съѣзда.

11. Въ секретари Съѣзда приглашаются заблаговременно Совѣтомъ нѣсколько лицъ изъ членовъ Съѣзда. Секретари признаются членами Совѣта Съѣзда.

12. Всякій членъ Съѣзда можетъ, по своему желанію, приписаться къ одному или нѣсколькимъ Отдѣленіямъ.

13. Совѣтъ Съѣзда въ первомъ своемъ засѣданіи избираетъ изъ среды своей Предсѣдателя Совѣта и шесть членовъ въ Распорядительный Комитетъ на все время Съѣзда. Предсѣдатель Совѣта признается Предсѣдателемъ Съѣзда. Независимо отъ сего Совѣтъ, въ томъ же засѣданіи, раздѣляется, по числу Отдѣленій Съѣзда, на Комиссіи, впродъ до открытія Отдѣленій, которыя немедленно избираютъ своихъ особыхъ предсѣдателей, при чемъ послѣдніе, съ своей стороны, приглашаютъ секретарей.

14. Распорядительный Комитетъ завѣдуетъ всей хозяйственной частью и всѣмъ внутреннимъ и внѣшнимъ порядкомъ Съѣзда.

15. Въ составъ Распорядительнаго Комитета, кромѣ шести членовъ, избранныхъ Съѣздомъ, входитъ казначей Съѣзда.

16. Предсѣдатели и секретари Отдѣленій Съѣзда составляютъ Ученый Комитетъ Съѣзда.

17. Предсѣдателямъ Отдѣленій вмѣняется въ обязанность допускать къ докладу только тѣ изъ рефератовъ, которые будутъ предварительно одобрены Учен-

нымъ Комитетомъ Сѣзда. Словесныя сообщенія допускаются Комитетомъ по разсмотрѣнн тезисовъ.

Примѣчаніе. Референты приглашаются присылать свои доклады, по мѣрѣ возможности, заблаговременно въ Предварительный Комитетъ Сѣзда.

18. Ученый Комитетъ руководить всею ученою частью Сѣзда и наблюдаетъ за правильнымъ ходомъ его ученыхъ работъ.

19. Комитеты Ученый и Распорядительный сами избираютъ своихъ Предсѣдателей и секретарей. Они засѣдаютъ ежедневно во все продолженіе Сѣзда.

20. Совѣтъ Сѣзда и Отдѣленія созываются ихъ Предсѣдателями. Каждое Отдѣленіе въ правѣ избирать въ свои члены изъ среды Сѣзда ученыхъ, коихъ постоянное содѣйствіе оно признаетъ для себя необходимымъ. О такихъ выборахъ Предсѣдатели Отдѣленій доводятъ до свѣдѣнія Предсѣдателя Совѣта Сѣзда.

21. Засѣданія какъ Совѣта, такъ и Комитетовъ Ученого и Распорядительнаго происходятъ при закрытыхъ дверяхъ.

22. Засѣданія Сѣзда бываютъ общія и частныя по Отдѣленіямъ. На общихъ засѣданіяхъ обсуждаются всѣ вопросы общаго характера. На засѣданіяхъ Отдѣленій обсуждаются спеціальныя вопросы, входящіе въ кругъ занятій того или другого Отдѣленія.

23. Засѣданія Сѣзда публичны.

Примѣчаніе. Корреспонденты журналовъ и газетъ обращаются въ Распорядительный Комитетъ за полученіемъ особыхъ мѣстъ.

24. Почетные Предсѣдатели какъ Общихъ Собраній Сѣзда, такъ и Отдѣленій назначаются на каждое засѣданіе особо Ученымъ Комитетомъ Сѣзда изъ среды членовъ Сѣзда. Наблюденіе за порядкомъ засѣданій лежитъ на Предсѣдателяхъ. Предсѣдатель Отдѣленія обязанъ остановить каждаго члена Сѣзда, который въ своей рѣчи удалится отъ предмета обсужденія или уклонится отъ научной цѣли.

Примѣчаніе. Ученый Комитетъ Сѣзда избираетъ почетныхъ Предсѣдателей засѣданій преимущественно изъ лицъ, которыя по своимъ занятіямъ соотвѣтствуютъ характеру назначенныхъ засѣданій.

25. Программы каждаго засѣданія Сѣзда, какъ общихъ собраний, такъ и Отдѣленій, опредѣляются заблаговременно на каждый разъ особо Ученымъ Комитетомъ Сѣзда. Программы засѣданій, заключающія въ себѣ названіе рефератовъ и ихъ главные тезисы, раздаются членамъ Сѣзда и вывѣшиваются наканунѣ засѣданій у дверей зала. Ни одинъ новый вопросъ не можетъ быть возбужденъ въ засѣданіяхъ Сѣзда безъ предварительнаго заявленія Ученому Комитету.

26. Во время продолженія Сѣзда издаются отдѣльными выпусками, по окончаніи засѣданій, краткіе о нихъ отчеты, которые выдаются членамъ Сѣзда бесплатно.

Примѣчаніе. Въ этихъ отчетахъ помѣщается содержаніе лишь тѣхъ докладовъ, авторы которыхъ представили секретарю Отдѣленія въ тотъ-же день краткое изложеніе своего реферата. Изложеніе это не должно превышать 40 печатныхъ строкъ. Лица, принимавшія участіе въ преніяхъ, приглашаются доставлять краткое изложеніе своихъ замѣчаній въ тотъ-же день для помѣ-

щенія въ тѣхъ же отчетахъ. Въ противномъ случаѣ отчеты могутъ быть выпущены въ свѣтъ безъ изложенія доклада и сущности возраженій и редакторъ отчетовъ не отвѣчаетъ за непомѣщеніе сущности доклада и преній.

27. Время каждаго засѣданія, какъ общихъ собраній Съѣзда, такъ и Отдѣлений, назначается Ученымъ Комитетомъ.

28. На засѣданіяхъ Съѣзда допускаются какъ словесныя, такъ и письменныя сообщенія. Но ни одинъ членъ не въ правѣ говорить или читать болѣе полубаса, не испросивъ на то разрѣшенія Ученаго Комитета и присутствующихъ предсѣдателей.

Примѣчаніе. Работы, не подходящія, по мнѣнію Предсѣдателей Отдѣлений, подъ рубрику рефератовъ, выдѣляются въ особую группу и докладываются въ извлеченіяхъ.

29. Всѣ разсужденія и пренія въ засѣданіяхъ Съѣзда какъ общихъ, такъ и частныхъ по Отдѣленіямъ, происходятъ на русскомъ языкѣ, но Ученый Комитетъ можетъ назначать засѣданія или допускать чтенія докладовъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, равно какъ и на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

30. Исслѣдованія и сообщенія, присланныя на Съѣздъ въ отвѣтъ на предложенные вопросы, поступаютъ въ Ученый Комитетъ, рассматриваются въ Отдѣленіяхъ Совѣта и докладываются кѣмъ-либо изъ членовъ въ одномъ изъ засѣданій Съѣзда.

31. Каждый членъ, при входѣ въ засѣданіе, долженъ предъявить свой членскій билетъ и знакъ.

32. Напечатанія «Трудовъ Съѣзда» возлагается на Императорское Московское Археологическое Общество.

33. Рѣшеніе вопроса объ избраніи мѣста слѣдующаго очереднаго Всероссийскаго Археологическаго Съѣзда возлагается на Предварительный Комитетъ, созываемый Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ послѣ окончанія занятій предыдущаго Съѣзда.

ВОПРОСЫ, ПРЕДЛАГАЕМЫЕ НА ОБСУЖДЕНІЕ XIV' АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА.

I. Древности первобытныя.

1. *В. А. Городцовъ.* Каменные бабы.
2. *Пр. Н. П. Вессловскій.* О методахъ изученія курганныхъ древностей.
3. *Н. П. Златоверховниковъ.* Сохраненіе земляныхъ насыпей, кургановъ, городищъ и валовъ.
4. *Пр. П. А. Линниченко.* Типическія черты скинскихъ древностей сѣверной полосы и отличіе ихъ отъ скинскихъ древностей южныхъ.
5. *Пр. Э. Р. фонъ-Штернгъ.* Готы на югѣ Россіи по новымъ археологическимъ даннымъ.
6. *Пр. Д. Я. Самоквасовъ.* Опредѣлить отличительные признаки устройства и содержанія Сѣверянскихъ могилъ.
7. *Его же.* Опредѣлить границы Сѣверянской земли по могиламъ IX и X столѣтій.
8. *Его же.* Составить географическую карту Сѣверянскихъ городищъ и могилъ.

II. Древности историко-географическія и этнографическія.

1. *И. Е. Евсѣевъ*. Городъ Вицѣжъ и его памятники.
2. *Проф. Н. О. Сумцовъ*. Черты древняго быта въ отраженіи въ народныхъ сказкахъ.
3. *Его же*. О древнихъ путевыхъ знакахъ и отраженіи ихъ въ народной словесности.
4. *Его же*. Древнія формы сигнализациі.
5. *Его же*. О старинномъ культурномъ общеніи украинцевъ съ нѣмцами по даннымъ украинскаго языка.

III. Памятники искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики.

1. *Н. В. Султановъ*. Итальянское вліяніе въ древне-русскомъ зодчествѣ и орнаментикѣ.
2. *Его же*. Изображенія памятниковъ русскаго зодчества и быта по рисункамъ Пальмквиста.
3. *Н. Ив. Троицкій*. Отношеніе нѣкоторыхъ типовъ ассиро-вавилонской и греко-римской пластики къ христіанской иконографіи.
4. *Его же*. Этнографическіе типы и иконописныя «подобія» такъ наз. лицевыхъ подлинниковъ.
5. *Его же*. Новосильская икона св. Николая Чудотворца, — по реставраціямъ Подключникова и Чирикова.
6. *Ф. Н. Добрянскій*. Рукописный орнаментъ въ памятникахъ западно-русскаго письма (актахъ, грамотахъ и рукописныхъ книгахъ) и связь его съ великорусскимъ орнаментомъ.

IV. Древности юридическія, бытъ хозяйственный, домашній и военный.

1. *И. Д. Багалъй*. Цехи въ лѣвобережной Малороссіи.
2. *Его же*. Магдебургское право въ лѣвобережной Малороссіи.
3. *Его же*. Городъ Нѣжинъ по Румянцевской описи Малороссіи.
4. *Его же*. Къ исторіи колонизациі лѣвобережной Малороссіи.
5. *А. В. Верзиловъ*. Исторія торговли и промышленности въ Черниговскомъ полку.
6. *Его же*. Исторія землевладѣнія въ Черниговскомъ полку.
7. *Его же*. Колонизація въ Черниговскомъ полку.
8. *Его же*. Исторія Черниговскаго магистрата по даннымъ Черниговскихъ архивовъ.
9. *Ф. Н. Добрянскій*. Виленскіе цехи XVII вѣка и ихъ культурное значеніе.
10. *Его же*. Цехъ виленскихъ переплетчиковъ (*Contubernia Introligatorum Vilnensium*) и роль его въ распространеніи книги.
11. *Пр. Н. А. Максимейко*. Историческіе корни наслѣдственнаго права, дѣйствующаго въ Черниговской и Полтавской губ.

V. Древности церковныя.

1. *Пр. Д. В. Айналовъ.* Церковь св. Михаила въ Старогородкѣ.

VI. Памятники языка и письма.

1. *Св. С. Е. Звѣревъ.* Собрать книги черниговской печати въ церковныхъ библіотекахъ Воронежскаго края.

VII. Древности классическія, византійскія, восточныя и западно-европейскія.

1. *Б. В. Фармаковскій.* Греческій домъ въ климатѣ южной Россіи.
2. *Его же.* Укрѣпленія г. Ольвіи.
3. *Его же.* Исторія г. Ольвіи по наслоеніямъ почвы на мѣстѣ ея развалинъ.
4. *Его же.* Исторія Ольвійскихъ некрополей.
5. *Его же.* Искусство и художественная промышленность въ Ольвіи въ ихъ взаимоотношеніяхъ къ таковымъ же въ греческихъ странахъ бассейна средиземнаго юга.

VIII. Памятники археографическіе.

1. *Пр. В. А. Францевъ.* Матеріалы для русской исторіи, хранящіеся въ чешскихъ архивахъ.

ЗАПРОСЫ, НА КОТОРЫЕ ЖЕЛАТЕЛЬНО ПОЛУЧИТЬ РАЗЪЯСНЕНИЕ НА XIV АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ СЪѢЗДѢ.

I. Древности первобытныя.

1. *Пр. Д. И. Багалъй.* Представляютъ ли разницу погребальныя обряды Сѣверянъ Черниговской земли и Переяславскаго княжества?
2. *Его же.* Продолженіе труда проф. П. В. Голубовскаго, *составленіе карты* Полтавской губ. до 1300 г.
3. *В. А. Городцовъ.* Сравненіе формъ великокняжескихъ городищъ Черниговской и Рязанской губ.
4. *В. Е. Данилевичъ.* Желательно собрать свѣдѣнія о стоянкахъ на терри- торіи Екатеринославской губ.
5. *Его же.* Желательно изслѣдовать стоянку въ Потемкинскомъ саду, въ г. Екатеринославѣ.
6. *Пр. И. А. Линниченко.* Сѣверная граница скиѣскихъ погребеній.
7. *Его же.* Нѣтъ ли слѣдовъ подземнаго сообщенія между курганами.
8. *Пр. Д. Я. Самохвасовъ.* Опредѣлить отличительные признаки устройства и содержанія могилъ: Полянъ, Древлянъ, Радимичей, Кривичей и Вятичей.
9. *Его же.* Составить географическія карты городищъ, сопровождаемыхъ курганными могильниками, въ земляхъ Полянъ, Древлянъ, Радимичей, Кривичей и Вятичей.

10. *Его же*. Определить отличительные признаки устройства и содержания курганных могильниковъ съ монетами X в. Бѣлогорскаго и Мирнопольскаго въ Суджанскомъ уѣздѣ и Глинскихъ въ Роменскомъ уѣздѣ и определить ихъ народность.

11. *Его же*. Исследовать въ Нѣжинскомъ уѣздѣ у с. Козары курганный могильникъ, именуемый мѣстными жителями «Козарскія могилы».

12. *Его же*. Определить на лѣвой и на правой сторонѣ Дѣбѣра восточную, южную и западную границы курганных могильниковъ типа Роменскихъ, Каневскихъ, Черкасскихъ и Чигиринскихъ, содержащихъ греческія и римскія издѣлія.

13. *Его же*. Составить по дневникамъ раскопокъ и вообще по археологической литературѣ указатель могилъ, въ которыхъ были найдены монеты съ древнѣйшихъ временъ до времени сверженія Монгольскаго ига.

14. *Его же*. Составить по археологической литературѣ и по каталогамъ собраній древностей указатель имущественныхъ кладовъ съ древнѣйшихъ временъ по XVIII вѣку, съ обозначеніемъ мѣстъ храненія, есликлады не утрачены.

15. *Его же*. Собрать свѣдѣнія о находкахъ каменныхъ и бронзовыхъ орудій въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ.

16. *Его же*. Собрать свѣдѣнія о находкахъ предметовъ такъ называемой «Площадной культуры».

17. *Его же*. Исследовать городища Новгородсѣверскаго уѣзда, содержація издѣлія изъ камня, глины, кости и бронзы, но не содержація издѣлій изъ желѣза.

18. *Его же*. Ко времени открытія засѣданій Съѣзда въ Черниговѣ подготовить къ раскопкѣ Съѣздомъ: 1) части кургановъ возлѣ Чернигова; 2) незастроенной части Черниговскаго городища; 3) городища и части кургановъ въ четырехъ верстахъ отъ Чернигова, надъ р. Бѣлоусомъ, у д. Гуцино; 4) въ дачѣ с. Козла часть кургановъ и урочища, именуемаго мѣстными жителями «Княгиня» при распашкѣ котораго находятъ «разныя мѣдныя и желѣзныя вещи и черепья глиняной посуды».

19. *В. Н. Сторожевъ*. Составить систематическій сводъ и дать научную обработку всего матеріала по части первобытныхъ древностей, добытыхъ до настоящаго времени путемъ раскопокъ на территоріи современной европейской Россіи.

20. *Его же*. Составить научно-популярный очеркъ добытыхъ путемъ раскопокъ на территоріи современной европейской Россіи первобытныхъ древностей (съ обращеніемъ особеннаго вниманія на опытъ ихъ этнографическаго приуроченія).

21. *Гр. П. С. Уварова*. Почему монета чеканенная упоминается по преимуществу у данниковъ Хозаръ, у Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей (П. С. Р. Л. I, 10).

II. Древности историко-географическія и этнографическія.

1. *И. Е. Евсѣевъ*. Историко-археологическія свѣдѣнія о до-монгольскихъ городахъ Черниговскаго княжества—Верестѣ, Орминѣ, Болдыжѣ, Бловѣ, Дѣвягорскѣ, Воробинѣ, Домагощѣ, Спашѣ, Березоѣ, Свини, Грозичевѣ, Канинѣ, Селыни, Радощѣ.

2. *Селищ. С. Е. Звѣревъ*. Граница древняго Черниговскаго княжества въ предѣлахъ нынѣшней Воронежской губерніи.

3. *В. Е. Данилевичъ*. Желательно издать старыя русскіе чертежи географическаго и архитектурнаго характера, имѣющіеся въ нашихъ архивахъ.

4. *Его же*. Желательно составить полные списки географическихъ названій по всѣмъ губерніямъ и областямъ Россіи.

5. *Его же*. Желательно собрать снимки съ крестовъ придорожныхъ и у колодцевъ.

6. *Его же.* Желательно собрать въ снимкахъ или подлинникахъ предметы народного культа, особенно амулеты, ладонки и т. п.

7. *Пр. Д. И. Пловайскій.* Обратитъ вниманіе, нѣтъ ли въ Путивльской мѣстности слѣдовъ Сѣверянскихъ древностей.

8. *С. К. Кузнецовъ.* По даннымъ *орозрафическихъ* названій урочищъ и населенныхъ мѣстъ сѣверной полосы Черниговской земли можно ли опредѣлить, какими финскими племенами была заселена эта окраина.

9. *А. И. Миловидовъ.* Выяснить окончательно вопросъ о древнихъ Ятвяхъ и о территоріи ихъ.

10. *А. И. Новицкій.* Обзоръ матеріаловъ по археологіи Украины въ путешествіяхъ иностранцевъ по Россіи.

11. *В. А. Францевъ.* Опредѣлить точнѣйшую границу распространенія русскаго населенія за Бугомъ.

12. *Н. А. Яичукъ.* Степень достовѣрности славянскаго происхожденія Вятичей.

III. Памятники искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики.

1. *П. М. Добровольскій.* Черниговская печать въ XVII и XVIII вв.

2. *Его же.* Рукописные нотники Черниговской губ.

3. *Пр. Н. В. Покровскій.* Собрать свѣдѣнія о русскихъ памятникахъ XIII—XVI вв. въ юго-западной Россіи и Галиціи.

4. *Н. В. Султановъ.* Какіе памятники древняго зодчества и искусства сохранились въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, Рыльскѣ, Путивлѣ и Стародубѣ.

IV. Древности юридическія; бытъ хозяйственный, домашній и военный.

1. *П. М. Добровольскій.* Цехи и братства Черниговской губ.

2. *А. А. Мухановъ* и *А. Н. Филипповъ.* О древнихъ формахъ землевладѣнія въ лѣвобережной Украинѣ.

3. *Пр. А. Н. Филипповъ.* О пошлинахъ съ вывоза и привоза товаровъ, извѣстныхъ въ Малороссіи подъ именемъ *индукты* и *зекты*.

4. *Его же.* Объ устройствѣ охоче-комонныхъ полковъ въ Малороссіи.

V. Древности церковныя.

1. *И. Е. Евсѣевъ.* Церковныя древности городовъ Брянска, Сѣвска и Трубчевска.

2. *А. И. Миловидовъ.* Источники уніатской символической живописи (Сибиллы, Предвѣчная Троица, Всевидающее око и др.).

3. *Пр. Н. В. Покровскій.* Проверить преданіе о томъ, будто при постройкѣ Черниговскаго собора въ XVIII в. найдены были въ фундаментѣ башни серебряные идолы.

4. *Его же.* Обслѣдовать древнія части собора и преданіе о немъ.

5. *Его же.* Описать и издать въ точныхъ фотографическихъ снимкахъ остатки древней церкви съ фресковой живописью въ г. Острѣ, Черниговской губ.

6. *Его же.* Описать древнія пещерныя сооруженія.

7. *Пр. Г. К. Рьдинъ*. Соборъ и другія древнія церкви г. Чернигова, описаніе и изслѣдованіе ихъ памятниковъ. (Желательно изданіе къ Сѣзду специальной монографіи, посвященной имъ).

8. *Его же*. Изслѣдованіе сохранившихся деревянныхъ церквей Черниг. губ.

9. *Его же*. Русскія лицевыя рукописи Страстей и ихъ отношеніе къ западнымъ памятникамъ того-же рода.

10. *Его же*. Вліяніе гравюръ западныхъ Библий къ миниатюрѣ въ древнерусскихъ рукописяхъ.

11. *Пр. С. В. Соловьевъ*. О вліяніи итальянской живописи на религиозную живопись Малороссіи.

12. *Его же*. Отраженіе быта Малороссіи въ ея религиозной живописи XVIII в.

13. *Его же*. О распространеніи стили рококо въ церковномъ зодствѣ Малороссіи.

14. *Пр. М. Г. Халанскій*. Народный элементъ въ церковной живописи Черниговской губ.

VI. Памятники языка и письма.

1. *П. М. Добровольскій*. Старопечатныя Львовскія книги въ Черниговск. губ.

2. *П. Е. Есепевъ*. Характеристика сѣверскаго нарѣчія.

3. *Пр. Д. И. Иловайскій*. Определить, хотя приблизительно, древность настоящего малорусскаго языка и его отношеніе къ великорусскому, а слѣдовательно и взаимное отношеніе двухъ русскихъ народностей. Есть ли малорусскій языкъ только нарѣчіе или самостоятельный славянскій языкъ? Какіе древнѣйшіе его образцы въ памятникахъ письменности? Гдѣ сохранились въ населеніи наиболѣе архаическіе говоры малорусскаго языка? Взаимное отношеніе нарѣчій Полтавщины, Кіевщины, Воыни, Полѣсья, Холмской, Червонной и Угорской Руси? Какъ относятся къ нимъ говоры черниговскіе и насколько въ послѣднихъ сохранилось древнее Сѣверское нарѣчіе? Желательно получить отвѣтъ если не на весь этотъ запросъ, то хотя на его часть. А для того въ высшей степени важно было бы привлечь мѣстныхъ ученыхъ и знатоковъ народнаго языка къ собранію матеріала и по преимуществу къ записыванію архаизмовъ, еще живущихъ въ населеніи.

4. *А. И. Миловидовъ*. Связь и взаимоотношеніе книгопечатанія Виленскаго, Московскаго и Черниговскаго.

5. *Е. К. Рьдинъ*. Классификація лицевыхъ русскихъ Сборниковъ.

6. *Его же*. Извѣстны-ли славянскія (кроме русскихъ) и западныя лицевыя рукописи сочиненія Козьмы Индикоплова.

7. *А. А. Титовъ*. Кто былъ Ив. И. Чеботовъ, послѣ смерти котораго пожертвовано въ Черниговскій Успенскій монастырь Евангеліе на его память 31 января 1570 года?

8. *Пр. В. А. Францевъ*. Составить діамитологическую карту Зарубежной Руси.

9. *Пр. М. Г. Халанскій*. Нѣтъ-ли въ г. Черниговѣ и его окрестностяхъ мѣстныхъ приуроченій преданій объ Ильѣ Муромцѣ?

10. *Его же*. Народные говоры Черниговской губ. (Данный запросъ можетъ быть обращенъ въ вопросъ при устройствѣ специальной экскурсіи).

IX. Археографія и архивовѣдѣніе.

1. *В. Е. Данилевичъ.* Желательно изданіе экстрактовъ о слободскихъ полкахъ, находящихся въ Московскомъ Архивѣ Главнаго Штаба.
2. *П. М. Добровольскій.* Ненормальное положеніе губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссій и желательность ихъ реорганизаціи.
3. *Его же.* Черниговскіе архивы отъ начала XVIII в.: Архивы Консисторскій, Дворянскій, Центральный Судебнаго Вѣдомства и Губернскаго Правленія.
4. *Его же.* Планъ Чернигова XVIII в.
5. *А. И. Миловидовъ.* Какъ поступать съ небольшими архивами XVI—XVIII в., существующими при нѣкоторыхъ церквахъ, костелахъ, монастыряхъ и др. учрежденіяхъ Сѣверо-Западнаго края.
6. *Е. М. Ивановъ.* Не сохранились-ли гдѣ-либо остатки архива Запорожскаго полка.
7. *Его же.* Не сохранились ли остатки свитковъ Запары, описанныхъ Данилевскимъ.
8. *Д. П. Миллеръ.* Не сохранились-ли въ городахъ Малороссіи (кромѣ г. Чернигова и Черниговской Архивной Комиссіи) цеховыя книги XVII—XVIII в.
9. *Его же.* Желательно имѣть свѣдѣнія о содержаніи бумагъ и документовъ, принадлежащихъ А. М. Лазаревскому.
10. *Пр. А. Н. Филипповъ.* О составленіи указателя историко-юридическихъ актовъ XVIII в., напечатанныхъ въ различныхъ изданіяхъ за послѣднія десятилѣтія.
11. *Пр. Э. Р. фонъ-Штернъ.* Проектъ выработки общихъ правилъ для производства раскопокъ.

ЗАСѢДАНІЕ СОВѢТА СЪѢЗДА 31-го ІЮЛЯ 1908 ГОДА.

Засѣданіе открыто въ 7 час. вечера въ одной изъ залъ Черниговскаго Дворянскаго Дома подъ предѣлательствомъ Предѣлателя Московскаго Предварительнаго Комитета графини П. С. Уваровой и въ присутствіи гг. депутатовъ и представителей ученыхъ Обществъ и Учрежденій:

Проф. А. П. Кадлубовскаго (Импер. Харьковскаго Университета).

Проф. А. Н. Миклашевскаго (Импер. Юрьевскаго Университета).

Проф. Э. Р. фонъ-Штернъ и И. А. Линниченко, Х. П. Ящуржинскаго (Импер. Общества Исторіи и Древностей).

Проф. Д. В. Айналова и проф. Н. В. Покровскаго (Импер. Русскаго Археологическаго Общества).

Графини П. С. Уваровой, проф. Д. В. Айналова, В. Н. Рогожина, Л. Г. Лопатинскаго, Л. М. Савелова, А. П. Новицкаго, И. Е. Евсѣева и В. Г. Ляскоронскаго (Импер. Московскаго Археологическаго Общества).

А. И. Бѣлецкаго (Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Университетѣ).

Х. П. Ящуржинскаго и С. Г. Вилинскаго (Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ).

Н. К. Горталова (Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ).

Свящ. А. М. Ефимова (Импер. Православнаго Палестинскаго Общества).

Проф. Н. И. Петрова, В. З. Завитневича, Г. Г. Павлуцкого и протоіер. І. Н. Королькова (Церковно-Исторического и Археологического Общества при Киевской Духовной Академіи).

И. М. Покровскаго (Церковнаго Историко-Археологического Общества Казанской епархіи).

Л. М. Савелова (Историко-Родословнаго Общества въ Москвѣ).

А. П. Новицкаго (Московского Архитектурнаго Общества).

Свящ. С. Е. Звѣрева (Воронежскаго Церковнаго Историко-Археологического Комитета).

В. А. Пархоменко и свящ. В. Трипольскаго (Полтавскаго Историко-Археологического Комитета).

В. Р. Апухтина (Орловскаго Церковнаго Историко-Археологич. Общества).

Л. Н. Целени (Новгородскаго Общества Любителей Древностей).

В. В. Каллашъ (Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ).

И. М. Тарабрина (Императорск. Историческаго Музея въ Москвѣ Имени Императора Александра III).

И. М. Могилянскаго и Р. К. Волкова (Русскаго Музея Императора Александра III).

А. Д. Григорьева (Московского Архива Министерства Юстиціи).

В. Е. Рудакова (Департамента Правительствующаго Сената).

Н. В. Покровскаго и И. Е. Евсева (С.-Петербургской Духовной Академіи).

И. М. Покровскаго (Казанской Духовной Академіи).

Н. И. Троицкаго (Тульской Епархіальной Палаты Древностей).

И. П. Козловскаго (Историко-Филологическаго Института князя Безбородко).

Ф. В. Баллодь (Коммерческаго Училища имени Цесаревича Алексѣя, учрежденнаго Московскимъ Обществомъ распространенія знаний).

А. Н. Кобылина и А. Н. Лагофеть (Курской Ученой Архивной Комиссіи).

П. Н. Незнамова (Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи).

А. С. Синявскаго (Екатеринославской Ученой Архивной Комиссіи).

В. Р. Апухтина (Орловской Ученой Архивной Комиссіи).

Свящ. С. Е. Звѣрева (Воронежской Ученой Архивной Комиссіи).

В. І. Круковскаго, П. М. Добровольскаго, В. Г. Дроздова, А. В. Верзилова,

А. П. Шелухина и П. Я. Дорошенко (Черниговской Ученой Архивной Комиссіи).

В. А. Пархоменко (Полтавской Ученой Архивной Комиссіи).

Свящ. С. Е. Звѣрева (Губернскаго Статистическаго Комитета Воронежской г.).

Н. И. Савицкаго, И. Г. Рашевскаго и А. К. Ярыгина (Черниговскаго Губернскаго Статистическаго Комитета).

Протоіер. І. Галахова и преподавателя В. Г. Дроздова (Черниговской Духовной Семинаріи).

М. К. Доброгаева (Черниговскаго Духовнаго Училища).

Д. А. Михайловскаго (Черниговскаго Реальнаго Училища).

М. П. Карпинскаго (Черниговской Гимназіи).

Свящ. П. И. Адвокатова (Черниговской Женской Гимназіи).

П. Я. Дорошенко (Черниговской Губернской Земской Управы).

В. М. Аммосова (Глуховскаго Уѣзднаго Земскаго Собранія).

Х. П. Ящуржинскаго (Украинскаго Товарищества «Просвіта»).

Н. К. Горталова (Alliance Scientifique Universelle).

Н. В. Покровскаго и В. В. Майкова (С.-Петербургскаго Археологическаго Института).

А. В. Верзилова и протоіер. А. П. Шестерикова (Черниговской Городской Управы)

1. Графиня П. С. Уварова доложила собранію о разрѣшеніи Кіевского генераль-губернатора открыть Съѣздъ и телеграмму Министра Народнаго Просвѣщенія о предписаніи открыть Съѣздъ управляющему Кіевскимъ Учебнымъ Округомъ.

2. Доложены и провѣрены списки депутатовъ и прочтены правила XIV Археологическаго Съѣзда, послѣ чего были произведены выборы должностныхъ лицъ Съѣзда.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ СЪѢЗДА.

Предсѣдатель Съѣзда.

Графиня Прасковья Сергѣевна Уварова.

Секретари Съѣзда.

Владиміръ Николаевичъ Рогожинъ и Владиміръ Константиновичъ Трутовскій.

Предсѣдатель Ученаго Комитета.

Эрнестъ Романовичъ фонъ-Штернъ.

Секретарь Ученаго Комитета.

Арсеній Петровичъ Кадлубовскій.

Распорядительный Комитетъ.

Петръ Михайловичъ Добровольскій, Владиміръ Геннадіевичъ Дроздовъ, Петръ Яковлевичъ Дорошенко и отецъ ректоръ Галаховъ.

Предсѣдатель Распорядительнаго Комитета.

Владиміръ Іосифовичъ Круковскій.

Казначей Съѣзда.

Петръ Михайловичъ Добровольскій.

Предсѣдатели и секретари Секцій.

I. Древности первобытныя.

Предсѣдатели — Дмитрій Яковлевичъ Самоквасовъ и Владиміръ Зеноновичъ Завитневичъ.

Секретари — В. Г. Ляскоронскій, В. А. Городцовъ и свящ. С. Г. Звѣревъ.

II. Древности историко-географическія и этнографическія.

Предсѣдатель — Иванъ Андреевичъ Линниченко.

Секретари — Х. П. Ящуржинскій, В. В. Калашъ и С. П. Шелухинъ.

III. Памятники искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики.

Предсѣдатель—Дмитрій Васильевичъ Айналовъ.

Секретари—И. М. Тарабринъ, А. П. Новицкій и А. К. Ярыгинъ.

IV. Древности юридическія, бытъ хозяйственный, домашній и военный.

Предсѣдатель—Митрофанъ Викторовичъ Довнаръ-Запольскій.

V. Древности церковныя.

Предсѣдатель—Николай Васильевичъ Покровскій.

Секретари—И. Е. Евсѣевъ и В. А. Пархоменко.

VI. Памятники языка и письма.

Предсѣдатель—Алексѣй Ивановичъ Соболевскій.

Секретари—А. П. Кадлубовскій, А. Д. Григорьевъ, С. И. Масловъ и А. И. Бѣлецкій.

VII. Древности классическія, византійскія, восточныя и западно-европейскія.

Предсѣдатель—Эрнестъ Романовичъ фонъ-Штернъ.

Секретари—А. П. Кадлубовскій, А. Д. Григорьевъ, М. А. Масловъ и А. И. Бѣлецкій.

VIII. Древности славянскія.

Предсѣдатель—Петръ Алексѣевичъ Мавровъ.

Секретари—А. И. Бѣлецкій, Н. К. Горталовъ и В. В. Каллашъ.

IX. Археографія и архивовѣдѣніе.

Предсѣдатель—Леонидъ Михайловичъ Савеловъ.

Секретари—И. П. Козловскій, П. А. Незнамовъ и А. И. Маркевичъ.

Депутаты Ученыхъ Обществъ и Учрежденій.

1. Императорской Академіи Наукъ: академикъ А. И. Соболевскій.
2. Императорскаго Московскаго Университета: профессора: М. Н. Сперанскій, Д. Н. Анучинъ, А. П. Павловъ, Д. Я. Самоквасовъ, А. Н. Филипповъ, Д. Н. Зерновъ, А. З. Мороховецъ и приватъ-доцентъ Ю. В. Готье.
3. Императорскаго Харьковскаго Университета: профессора: А. С. Лебедевъ,

Н. Θ. Сумцовъ, Д. И. Багалъй, В. П. Бузескуль, І. А. Бродовичъ, А. П. Кадлубовскій и приватъ-доценты І. І. Филевскій и М. А. Масловъ.

4. Университета Св. Владиміра — профессора: В. С. Иконниковъ, Т. Д. Флоринскій, М. В. Довнаръ-Запольскій, С. Т. Голубевъ, В. Е. Данилевичъ.

5. Петербургскаго Университета: С. Θ. Платоновъ.

6. Юрьевскаго Университета: А. Н. Ясинскій.

7. Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей: Э. Р. фонъ-Штернъ, А. А. Павловскій, И. А. Линниченко и члены Х. П. Ящуржинскій, А. В. Лонгиновъ и М. О. Николовъ.

8. Императорскаго Общества Исторіи и Древностей російскихъ при Московскомъ Университетѣ: почетный членъ Общества Д. И. Иловайскій, члены Общества: М. М. Богославскій, В. О. Эйнгорнъ и Н. А. Янчукъ.

9. Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества: дѣйствительные члены Общества: Д. В. Айналовъ, Н. И. Веселовскій, Н. В. Покровскій, С. Θ. Платоновъ.

10. Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: графиня П. С. Уварова, В. К. Трутовскій, П. А. Лавровъ, Ю. В. Готье, В. Н. Рогожинъ, Д. Я. Самоквасовъ, Д. И. Иловайскій, Л. Г. Лопатинскій, Θ. Θ. Горностаевъ, С. К. Кузнецовъ, В. А. Городцовъ, Л. М. Савеловъ, Г. К. Линдеманъ, А. П. Новицкій, И. Е. Евсѣевъ, М. Н. Бережковъ и В. Г. Ляскоронскій.

11. Историко-Филологическаго Института князя Безбородко: М. Н. Бережковъ.

12. Петербургскаго Археологическаго Института: В. В. Майковъ.

13. Археологической Комиссіи: В. В. Майковъ.

14. Общества Исторіи и Древностей Прибалтійскаго края: А. Г. Фейерейзенъ.

15. Историко-Филологическаго Общества при Харьковскомъ Университетѣ: Д. И. Багалъй, Н. Θ. Сумцовъ, А. С. Лебедевъ, В. П. Бузескуль, І. А. Бродовичъ, М. А. Масловъ, І. І. Филевскій, Д. П. Миллеръ, А. И. Бѣлецкій и Н. Г. Плесскій.

16. Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ: профессоръ Э. Р. фонъ-Штернъ, приватъ-доценты: С. Г. Виленскій и А. П. Флеровъ, М. Е. Хитунъ, П. О. Потаповъ, В. И. Василенко, Н. А. Редько, Х. П. Ящуржинскій, С. И. Видинскій и С. П. Шелухинъ.

17. Императорскаго Общества любителей древней письменности: С. Θ. Платоновъ и В. В. Майковъ.

18. Историческаго Общества Нестора-Лѣтописца при Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра: Д. В. Туткевичъ, С. И. Масловъ, М. П. Истоминъ и Ек. Н. Антоновичъ.

19. Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы: А. П. Павловъ и В. Д. Соколовъ.

20. Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ: Н. К. Горталовъ.

21. Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества: свящ. А. Н. Ефимовъ.

22. Церковно-Историческаго и Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи: профессора: Н. И. Петровъ, В. З. Завитневичъ и протоіерей І. Н. Корольковъ.

23. Историко-Археологическаго Общества казанской епархіи: приватъ-доцентъ И. М. Покровскій.

24. Московскаго Архитектурнаго Общества: З. И. Ивановъ, А. П. Новицкій и Ѳ. Ѳ. Горностаевъ.
25. Императорской Академіи Художествъ: акад. В. В. Султановъ.
26. Петербургскаго Общества Архитекторовъ: акад. Н. В. Султановъ.
27. Комисіи по осмотру памятниковъ церковной старины г. Москвы и Московской епархіи: А. И. Успенскій, свящ. С. Д. Богословскій, свящ. И. А. Скворцовъ, И. Н. Бороздинъ, В. П. Гурьяновъ, С. И. Кологривовъ и С. П. Рябушинскій.
28. Воронежскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета: П. В. Никольскій, С. Н. Введенскій и свящ. С. Е. Звѣревъ.
29. Полтавскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета: И. Ф. Павловскій, В. А. Пархоменко и свящ. В. Трипольскій.
30. Кіевскаго Религіозно-Просвѣтительнаго Общества: Д. В. Туткевичъ.
31. Подольскаго Историко-Археологическаго Общества: протоіерей Е. И. Сѣцинскій и А. Н. Прусевичъ.
32. Московскаго Нумизматическаго Общества: В. К. Трутовскій, А. В. Орѣшниковъ и С. И. Чижевъ.
33. Новгородскаго Общества Любителей Древности: И. В. Аничковъ, Л. Н. Целени, графъ В. В. Муравьевъ-Амурскій.
34. Историко-Родословнаго Общества: Л. М. Савеловъ, С. Н. Кологривовъ, Н. В. Мятлевъ, С. Д. Щербакъ, Н. П. Чулковъ и В. К. Трутовскій.
35. Русскаго Библиографическаго Общества: А. С. Раевскій.
36. Кіевскаго Общества Древностей и Искусствъ: проф. Ю. А. Кулаковскій, Н. Ф. Бѣляшевскій и В. В. Хвойко.
37. Московскаго Археологическаго Института: А. И. Успенскій, В. А. Городцовъ, В. К. Трутовскій.
38. Императорской Археографической Комисіи: В. В. Майковъ.
39. Московскаго Историческаго Музея Императора Александра III: И. Е. Забѣлинъ, князь Н. С. Щербатовъ, П. И. Щукинъ, А. В. Орѣшниковъ, В. Н. Щепкинъ, В. А. Городцовъ, А. И. Станкевичъ, К. С. Кузьминскій, И. К. Кононовъ и И. М. Тарабринъ.
40. Московскаго Румянцевскаго Музея: В. А. Янчукъ, Ю. В. Готье, А. И. Яковлевъ, А. Л. Борзовъ и Л. Д. Воронцова-Григорьева.
41. Московской Оружейной Палаты: В. К. Трутовскій.
42. Екатеринославскаго Музея имени Поль: Д. И. Эварницкій.
43. Московскаго Архива Министерства Юстиціи: С. Д. Щербакъ, А. А. Григорьевъ.
44. Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: С. А. Бѣлокуровъ, С. К. Богоявленскій, Н. В. Рождественскій.
45. Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената: В. Е. Рудаковъ.
46. Кіевской Духовной Академіи: профессора Н. И. Петровъ, В. З. Завитневичъ и прот. У. В. Корольковъ.
47. Московской Духовной Академіи: А. П. Голубцовъ и С. И. Смирновъ.
48. С.-Петербургской Духовной Академіи: проф. Н. В. Покровскій, И. Е. Евсѣевъ, Д. И. Абрамовичъ и приватъ-доцентъ, д. И. А. Карабиновъ.
49. Казанской Духовной Академіи: приватъ-доцентъ И. М. Покровскій.
50. Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ: Г. А. Халатьянцъ, Л. Е. Крымскій и п. д. А. С. Хахановъ.
51. Историко-Филологическаго Института князя Безбородко: профессора В. И. Савва и И. П. Козловскій.

52. Коммерческаго Училища имени Цесаревича Алексѣя: Ф. В. Баллодь.
53. Рязанской Губернской Архивной Комиссіи: А. В. Селивановъ, С. Д. Яхонтовъ и А. Ф. Гартвигъ.
54. Ярославской Губернской Архивной Комиссіи: В. А. Городцовъ.
55. Курской Ученой Архивной Комиссіи: К. П. Сосновскій, Н. О. Сапунова, А. В. Кобылинъ, К. И. Златоверховниковъ, Н. И. Лоскутовъ, В. П. Каншинъ, А. И. Лагофитъ, К. И. Радіоновъ и А. А. Кандауровъ.
56. Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи: П. А. Незнамовъ и Н. Е. Макаренко.
57. Бессарабской Ученой Архивной Комиссіи: А. Л. Крыловъ.
58. Екатеринославской Ученой Архивной Комиссіи: А. С. Синявскій, В. А. Бѣдновъ, И. Ф. Вертоградовъ и Д. И. Эварницкій.
59. Орловской Ученой Архивной Комиссіи: В. М. Турчаниновъ.
60. Воронежской Ученой Архивной Комиссіи: свящ. С. Е. Звѣревъ, А. И. Мартиновичъ и В. Д. Языковъ.
61. Таврической Ученой Архивной Комиссіи: проф. Д. Я. Самоквасовъ, А. И. Маркевичъ и И. Ф. Ерооеевъ.
62. Владимірской Ученой Архивной Комиссіи: М. Н. Бережковъ и И. Н. Ушаковъ.
63. Губернскаго Статистическаго Комитета Воронежской губ.: Д. П. Тюменевъ, А. И. Мартыновичъ, С. Е. Звѣревъ и А. Л. Дольскій.
64. Полтавской Ученой Архивной Комиссіи: П. Ф. Павловскій.
65. Тверской Ученой Архивной Комиссіи: И. А. Ивановъ, П. И. Иванова и В. В. Ливотовъ.
66. Черниговской Ученой Архивной Комиссіи: кн. В. Д. Голицынъ, В. І. Круковский, П. М. Добровольскій, В. І. Дроздовъ, А. В. Верзиловъ, А. П. Шелухинъ и П. Я. Дорошенко.
67. Полтавской Ученой Архивной Комиссіи: В. А. Пархоменко и С. Т. Сиротенко.
68. Черниговскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: свящ. А. И. Ефимовъ, П. А. Войцеховскій, Б. П. Савицкій, И. Г. Рашевскій и А. К. Ярыгинъ.
69. Церковно - Археологической Комиссіи при Епархіальномъ Дрвлекранилищѣ: священники А. Ефимовъ и Карпинскій.
70. Витебскаго Епархіальнаго Св. Владимірскаго Братства: Н. Н. Богородскій.
71. Черниговской Епархіи: свящ. К. Т. Карпинскій.
72. Черниговской Духовной Семинаріи: прот. І. І. Галаховъ и В. І. Дроздовъ.
73. Черниговскаго Духовнаго Училища: М. А. Доброгаевъ.
74. Черниговской Духовной Консисторіи: свящ. о. Флеровъ.
75. Черниговскаго Епархіальнаго Женскаго Училища: П. И. Бугославскій.
76. Черниговскаго Реальнаго Училища: Д. А. Михайловскій и П. И. Бугославскій.
77. Черниговской Мужской Гимназіи: М. П. Карпинскій.
78. Московской Гимназіи имени Медвѣдниковыхъ: И. Н. Бороздинъ.
79. Черниговской Женской Гимназіи: П. И. Адвокатовъ.
80. Глуховской Гимназіи: К. А. Мальченко.
81. Стародубской Гимназіи: М. Г. Гнатевичъ.
82. Новгородсѣверской Гимназіи: М. И. Барабановъ.
83. Полтавской Губернской Земской Управы: В. К. Мищенко.

84. Черниговской Губернской Земской Управы: В. М. Хижняковъ, И. А. Максимовскій и П. Я. Дорошенко.
85. Новозыбковской Городской Управы: И. А. Губаревъ.
86. Березинскаго Городск. Общественнаго Управленія: А. М. Бураго.
87. Клинецовскаго Городскаго Общественнаго Управленія: М. Н. Самайловичъ.
88. Мглинской Городской Управы: А. М. Скаржинскій.
89. Украинскаго Общества Просвѣтъ: И. М. Луценко.
90. Alliance Scientifique Universelle: Н. К. Горгаловъ.
91. Черниговскаго полка: капитанъ Н. П. Васильевъ.

ЧЛЕНЫ СЪѢЗДА.

- Абрамовъ Иванъ Спиридоновичъ — С.-Петербургъ.
Аваліани Симонъ Лукичъ — Одесса.
Адвокатовъ Петръ Ивановичъ, свящ. — Черниговъ.
Айналовъ Дмитрій Власьевичъ, проф. — Петербургъ.
Айналова Надежда Ростиславовна — Петербургъ.
Алферовъ Борисъ Егоровичъ — Черниговъ.
Алферова Анна Борисовна — Черниговъ.
Алферова Евгенія Алексѣевна — Черниговъ.
Алферова Нина Борисовна — Черниговъ.
Аммосовъ Владиміръ Михайловичъ — Черниговъ.
Андреевъ Василій Васильевичъ — Петербургъ.
Аничковъ Иванъ Васильевичъ — Новгородъ.
Антоновичъ Екатерина Николаевна — Кіевъ.
Апухтинъ Всеволодъ Ростиславовичъ — Москва.
Афанасьевъ Дмитрій Дмитриевичъ — Черниговъ.
Бабенко Василій Алексѣевичъ — с. Верхнее-Салтово Харьк. г.
Баллодъ Францъ-Александръ Вольдемаровичъ — Черниговъ.
Балабанъ Александръ Павловичъ — г. Остеръ.
Барабановъ Михаилъ Ивановичъ — Новгородъ-Сѣверскъ.
Баранъ-Бутовичъ Михаилъ Гавриловичъ — Варшава.
Барвинскій Викторъ Александровичъ — Печенеги Харьк. г.
Балталонъ Цезарь Павловичъ — Москва.
Безверхій Василій Прокофьевичъ — Черниговъ.
Бережковъ Михаилъ Николаевичъ, проф. — Нѣжинъ.
Безпальчевъ Василій Феодоровичъ — г. Ромны.
Бѣлецкій Александръ Ивановичъ — Харьковъ.
Бороздинъ Илья Николаевичъ — Москва.
Боянущъ Карлъ Карловичъ.
Болсуновскій Карлъ Васильевичъ — Кіевъ.
Богородскій Николай Николаевичъ — Витебскъ.
Богаевскій Леонидъ Васильевичъ — Новочеркасскъ.
Божко Прокофій Артемовичъ — Черниговъ.
Бродовичъ Юсифъ Александровичъ — Харьковъ.
Фонъ-деръ-Бригенъ Александръ Михайловичъ — Черниговъ.
Бугославскій Григорій Кирилловичъ — Луцкъ.
Бухе Александръ Александровичъ — Петербургъ.

Булычевъ Петръ Васильевичъ -- Петербургъ.
Бугославскій Петръ Ивановичъ — Черниговъ.
Быковскій Дмитрій Васильевичъ — Черниговъ.
Бурый Александръ Максимовичъ — г. Березная.
Введенскій Сергѣй Николаевичъ — г. Задонскъ.
Владиміровъ Петръ Владиміровичъ, проф.
Василенко Владиміръ Ивановичъ — Одесса.
Волковъ Федоръ Кондратьевичъ — Петербургъ.
Верзиловъ Аркадій Васильевичъ — Черниговъ.
Вакуловскій Александръ Григорьевичъ — Новомосковскъ.
Владимірскій-Будановъ Мих. Флегонтовичъ, проф. — Кіевъ.
Васильевъ Николай Петровичъ — Посадъ Рожаны, Ломж. г.
Верзиловъ Никаноръ Николаевичъ — Березно.
Гриневичъ Василій Семеновичъ — Черниговъ.
Горталовъ Николай Константиновичъ — Казань.
Гинзбургъ Бергъ Яковлевичъ — Черниговъ.
Галаховъ Іаковъ Іаковлевичъ, протоіерей — Черниговъ.
Гольденовъ Петръ Львовичъ — Черниговъ.
Григорьевъ Александръ Дмитріевичъ — Москва.
Глѣбовъ Григорій Николаевичъ — Черниговъ.
Глѣбова Ольга Яковлевна — Черниговъ.
Гнѣвушевъ Андрей Михайловичъ — Кіевъ.
Горностаевъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ — Москва.
Гамалѣй Аполлонъ Александровичъ -- Петербургъ.
Городцовъ Василій Алексѣевичъ — Москва.
Голубцовъ Александръ Петровичъ, проф. — Сергіевъ-Посадъ.
Голубевъ Степанъ Тимофеевичъ, проф. — Кіевъ.
Галузевскій Александръ Константиновичъ — Черниговъ.
Долговъ Семенъ Осиповичъ — Москва.
Дорошенко Петръ Яковлевичъ — Черниговъ.
Добровольскій Петръ Михайловичъ — Черниговъ.
Дубянский Ілья Петровичъ — Борзна.
Доброгаевъ Михаилъ Андріановичъ — Черниговъ.
Дроздовъ Владиміръ Геннадіевичъ — Черниговъ.
Даниловъ Владиміръ Валеріановичъ — Одесса.
Довнаръ-Запольскій Митрофанъ Викторовичъ, проф. — Кіевъ.
Дольскій Александръ Львовичъ — Воронежъ.
Добровольскій Леонидъ Павловичъ — Кіевъ.
Данилевичъ Василій Ефимовичъ — Кіевъ.
Діаковскій Евлампій Петровичъ — Кіевъ.
Ефимовъ Александръ Николаевичъ, свящ. — Черниговъ.
Ефимова Марія Борисовна — Черниговъ.
Евсѣевъ Иванъ Евсѣевичъ, проф. — Петербургъ.
Завитневичъ Владиміръ Зеноновичъ, проф. — Кіевъ.
Заостровскій Михаилъ Алексѣевичъ — Черниговъ.
Звѣревъ Степанъ Георгіевичъ, свящ. — Воронежъ.
Златоверхниковъ Николай Ивановичъ — Курскъ.
Золотаревъ Николай Алексѣевичъ — Черниговъ.
Иконниковъ Владиміръ Степановичъ, проф. — Кіевъ.
Иловайскій Дмитрій Ивановичъ, проф. — Москва.

- Ицкова Анна Олимпіевна — Кієвъ.
Кузнецовъ Степанъ Кировичъ — Москва.
Кораблевъ Василій Николаевичъ — Петербургъ.
Кобылинъ Александръ Николаевичъ — Курскъ.
Крыловъ Александръ Лукичъ — Кишиневъ.
Качановскій Канидій Ивановичъ, прот. — Черниговъ.
Карловичъ Борисъ Петровичъ — Черниговъ.
Круковскій Владиміръ Іосифовичъ — Черниговъ.
Круковская Марія Васильевна — Черниговъ.
Карпинскій Константинъ Тимофеевичъ, свящ. — Черниговъ.
Карнауховъ Евгений Александровичъ — Черниговъ.
Кадомскій Дмитрій Петровичъ — Черниговъ.
Карпинскій Михаилъ Петровичъ — Черниговъ.
Козловскій Иванъ Павловичъ — Нѣжинъ.
Каллашъ Владиміръ Владиміровичъ — Москва.
Кадлубовскій Арсеній Петровичъ, проф. — Харьковъ.
Корольковъ Иванъ Николаевичъ, протоіерей — Кієвъ.
Козленко Григорій Васильевичъ — Кієвъ.
Комаровскій Хрисанфъ Николаевичъ — Черниговъ.
Картинцевъ Дмитрій Ивановичъ — Москва.
Кропковская Надежда Петровна — Черниговъ.
Кочубей Леонтій Васильевичъ — Черниговъ.
Кочубей Михаилъ Васильевичъ — Черниговъ.
Козловская Марія Николаевна — Кієвъ.
Кармалей Петръ Семеновичъ — Черниговъ.
Комаровская Елена Васильевна — Черниговъ.
Корнаковскій Романъ Харитоновичъ — Варшава.
Линдеманъ Іосифъ Карловичъ — Москва.
Лоскутовъ Николай Николаевичъ — Курскъ.
Лебединскій Наумъ Григорьевичъ — Кієвъ.
Линниченко Иванъ Андреевичъ, проф. — Одесса.
Любарскій Николай Васильевичъ — Черниговъ.
Ляскоронскій Василій Григорьевичъ — Кієвъ.
Лопатинскій Левъ Григорьевичъ — Тифлисъ.
Лобовъ Павелъ Анастасіевичъ, свящ. — Козелець.
Лавровъ Петръ Алексѣевичъ — Петербургъ.
Лебедевъ Амфіанъ Степановичъ — Харьковъ.
Марковичъ Николай Парменовичъ — Глуховъ.
Морачевскій Григорій Михайловичъ — Черниговъ.
Марксъ Никандръ Александровичъ — Москва.
Милорадовичъ, графъ, Александръ Григорьевичъ.
Мартиновичъ Александръ Ивановичъ — Воронежъ.
Матвѣевъ Антонъ Александровичъ — Варшава.
Майковъ Владиміръ Владиміровичъ — Петербургъ.
Миллеръ Александръ Александровичъ — Петербургъ.
Мощенко Константинъ Васильевичъ — Полтава.
Михайловскій Дмитрій Александровичъ — Черниговъ.
Маркельсъ Максимъ Клементьевичъ — Черниговъ.
Масловъ Сергѣй Ивановичъ — Прилуки.
Могиланскій Николай Михайловичъ — Петербургъ.

Миклашевскій Александръ Николаевичъ — Юрьевъ.
Макаренко Николай Емельяновичъ — Петербургъ.
Макаренко Анастасія Сергѣевна.
Маркевичъ Арсеній Ивановичъ — Симферополь.
Масловъ Михаилъ Алексѣевичъ, проф. — Харьковъ.
Миллеръ Дмитрій Петровичъ — Харьковъ.
Мачульскій Василій Николаевичъ, проф. — Одесса.
Максимовскій Николай Александровичъ — Черниговъ.
Новицкій Алексѣй Петровичъ — Москва.
Новицкая Юлія Ивановна — Москва.
Незнамовъ Петръ Александровичъ — Оренбургъ.
Нерода Василій Васильевичъ — Черниговъ.
Николайчикъ Ѳеодоръ Даниловичъ — Кременчугъ.
Новиковъ Ѳеодоръ Романовичъ, свящ. — Черниговъ.
Никольскій Константинъ Владиміровичъ — Петербургъ.
Новицкій Викторъ Измаиловичъ — Одесса.
Орѣшниковъ Алексѣй Васильевичъ — Москва.
Остапенко Григорій Козьмичъ — Черниговъ.
Оренбургская Ученая Архивная Комиссія.
Павлуцкій Григорій Григорьевичъ, проф. — Кіевъ.
Павлуцкая Софья Афанасьевна — Кіевъ.
Пантюховъ Иванъ Ивановичъ — Кіевъ.
Пархоменко Владиміръ Александровичъ — Полтава.
Перетцъ Владиміръ Николаевичъ, проф. — Кіевъ.
Петровъ Николай Ивановичъ, проф. — Кіевъ.
Пичъ Іосифъ Викентьевичъ, проф. — Прага.
Платоновъ Сергѣй Ѳеодоровичъ, проф. — Петербургъ.
Платонова Надежда Сергѣевна — Петербургъ.
Платонова Нина Сергѣевна — Петербургъ.
Платонова Вѣра Сергѣевна — Петербургъ.
Платоновъ Владиміръ Николаевичъ, свящ. — Черниговъ.
Помецкій Александръ Константиновичъ — Кіевъ.
Покровскій Иванъ Михайловичъ, проф. — Казань.
Покровскій Николай Васильевичъ, проф. — Петербургъ.
Преображенскій Веніаминъ Сергѣевичъ — Воронежъ.
Прокофьевъ Василій Алексѣевичъ — Петербургъ.
Прусевичъ Александръ Николаевичъ — Каменецъ-Подольскъ.
Путятинъ, князь, Петръ Арсеньевичъ — Петербургъ.
«Просвіта» Украинское Общество — Одесса.
Радволавскій Іосифъ Васильевичъ — Бѣлая Церковь, Кіев. г.
Раевскій Александръ Сергѣевичъ — Петербургъ.
Ранчъ Михаилъ Григорьевичъ — Черниговъ.
Рафальскій Трофимій Лукичъ — Черниговъ.
Рафальская Марья Михайловна — Черниговъ.
Рашевскій Иванъ Григорьевичъ — Черниговъ.
Рашевскій Василій Николаевичъ — Черниговъ.
Ригельманъ Антонина Робертовна — Петербургъ.
Родіонцевъ о. Василій, свящ. — Пос. Воронокъ, Черн. г.
Рогожинъ Владиміръ Николаевичъ — Москва.
Рудаковъ Василій Егоровичъ — Петербургъ.

- Руденко Сергій Івановичь—Петербургъ.
Рудовъ Николай Петровичь—Черниговъ.
Рѣпинъ Константинъ Павловичь—Черниговъ.
Рѣпина Софія Константиновна—Черниговъ.
Савеловъ Леонидъ Михайловичь—Москва.
Савенко Анатолій Івановичь—Кієвъ.
Савицкій Николай Петровичь—Черниговъ.
Самбурскій Константинъ Івановичь—Борзна.
Самоквасовъ Дмитрій Яковлевичь, проф.—Москва.
Самойловъ Михаилъ Николаевичь—Клинцы.
Сапунова Нина Ѳеодоровна—Курскъ.
Селивановъ Алексій Васильевичь—Рязань.
Селивановъ Александръ Ѳеодоровичь—Петербургъ.
Сердюкъ Евгений Наумовичь—Харьковъ.
Селенгинскій Александръ Івановичь—Одесса.
Симони Павелъ Константиновичь—Петербургъ.
Синявская Нина Георгіевна—Екатеринославъ.
Синявскій Антонъ Степановичь—Екатеринославъ.
Сиротенко Степанъ Тимофеевичь—Полтава.
Скворцовъ Дмитрій Івановичь.
Скуревичъ Казиміръ Бруноновичь.
Соколовскій Маріанъ, академикъ—Краковъ.
Соколовскій Григорій Николаевичь—Черниговъ.
Сокальскій Николай Алексѣевичь—Черниговъ.
Соць Александръ Мироновичь—Черниговъ.
Струковъ Николай Дмитріевичь—Москва.
Стеллецкая—Анна Васильевна—Москва.
Стеллецкій Игнатій Яковлевичь—Москва.
Соколовъ Михаилъ Евгениевичь—Лысково, Нижег. г.
Соболевскій Алексій Івановичь, академикъ—Петербургъ.
Смирновъ Павелъ Петровичь—Кієвъ.
Селегенъ Сергій Михайловичь—Тростянець, Харьк. г.
Стюартъ бар. Георгій Александровичь—Черниговъ.
Султановъ Николай Владиміровичь, акад. архит.—Петерб.
Скрябина Евгения Августовна—Черниговъ.
Спровска Констансъ—Краковъ.
Сѣцинскій Евфимій Іосифов., прот.—Каменецъ-Подольскъ.
Свѣчинъ Алексій Александровичь—Черниговъ.
Трефильевъ Евгений Пароєніевичь—Харьковъ.
Табабринъ Иванъ Мемноновичь—Москва.
Турчаниновъ Владиміръ Михайловичь—Орель.
Тиховскій Павелъ Івановичь—Харьковъ.
Троицкій Николай Івановичь—Тула.
Тарасовъ Николай Владиміровичь—Петербургъ.
Трипольскій Владиміръ Івановичь, свящ.—Полтава.
Тутолминъ Михаилъ Тимоѳеевичь—Черниговъ.
Тюменевъ Дмитрій Герасимовичь—Воронежъ.
Туткевичь Дмитрій Васильевичь—Кієвъ.
Тепловъ Александръ Николаевичь—Черниговъ.
Трутовскій Владиміръ Константиновичь—Москва.

Тимошокъ Павелъ Родіоновичъ — Черкасы.
Трезвинскій Петръ Петровичъ — Черниговъ.
Татищева Варвара Алексѣевна — Черниговъ.
Тиховскій Ювеналій Ивановичъ — Дергачи.
Уварова графиня Прасковія Сергѣевна — Москва.
Уварова графиня Прасковія Алексѣевна — Москва.
Уварова графиня Екатерина Алексѣевна — Москва.
Усердовъ Дмитрій Николаевичъ — Нѣжинъ.
Ушаковъ Николай Николаевичъ — Москва.
Фаллетъ Евгенийъ Эдуардовичъ — Черниговъ.
Федоровскій Александръ Семеновичъ — Черниговъ.
Фейерэizenъ Арнольдъ Ивановичъ — Рига.
Фармаковскій Борисъ Владиміровичъ — Петербургъ.
Флеровъ Павелъ Николаевичъ, прот. — Черниговъ.
Флоринскій Тимоѳей Дмитриевичъ, проф. — Кіевъ.
Хитунъ Михаилъ.
Хребтовъ Александръ Кузьмичъ — Петербургъ.
Лвойка Викентій Вячеславичъ — Кіевъ.
Холякко Феодоръ Михайловичъ — Черниговъ.
Холякко Екатерина Павловна — Черниговъ.
Храмцовъ Матвѣй Ивановичъ — Черниговъ.
Хилинскій Константинъ Владиміровичъ — Петербургъ.
Хижняковъ Василій Михайловичъ — Черниговъ.
Целлепи Леонидъ Николаевичъ — Петербургъ.
Цыганко Петръ Дмитриевичъ — Черниговъ.
Чижевъ Сергѣй Ивановичъ — Москва.
Чаговецъ Всеволодъ Андреевичъ — Кіевъ.
Шестериковъ Александръ Петровичъ, прот. — Черниговъ.
Шугаевскій Валентинъ Андреевичъ — Черниговъ.
Фонъ-Штервъ Эрнестъ Романовичъ, проф. — Одесса.
Шелухинъ Андрей Павловичъ — Черниговъ.
Шелухинъ Сергѣй Павловичъ — Одесса.
Шнейерсонъ Исаакъ Соломоновичъ — Черниговъ.
Шрамченко Михаилъ Евгениевичъ — Одесса.
Щербакъ Семень Димитріевичъ — Москва.
Экземплярскій Василій Феодоровичъ — Черниговъ.
Юркевичъ Варвара Алексѣевна — Черниговъ.
Ярыгинъ Алексѣй Капитоновичъ — Черниговъ.
Ящуржинскій Хрисанъ Петровичъ — Одесса.
Ясинскій Антонъ Никитичъ, проф. — Юрьевъ.
Яневичъ Орестъ Маркеловичъ — Черниговъ.

ОТКРЫТІЕ СЪѢЗДА.

1 августа, въ 2 часа дня, состоялось открытіе XIV Археологическаго Съѣзда въ торжественной залѣ Черниговскаго Дворянскаго дома.

Передъ открытіемъ былъ отслуженъ молебенъ Преосвященными: Епископомъ Черниговскимъ и Нѣжинскимъ Антоніемъ и Епископомъ Новгородсѣверскимъ Несторомъ съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, Святѣйшему Синоду, мѣстному Владыкѣ, членамъ Съѣзда и вѣчной памяти состоявшему много лѣтъ Почетнымъ Предсѣдателемъ Археологическихъ Съѣздовъ Благовѣрному Великому Князю Сергію Александровичу и всѣмъ членамъ Археологическихъ Съѣздовъ, усопшимъ со времени Екатеринославскаго Съѣзда.

На торжественномъ открытіи Съѣзда присутствовали: г. Губернаторъ, д. с. с. и камергеръ Н. М. Родіоновъ, г. Управляющій Киевскимъ Учебнымъ Округомъ П. Д. Погодинъ, Вице-Губернаторъ д. с. с. Т. Л. Рафальскій, губернский предводитель дворянства д. с. с. Х. Н. Комаровскій, городской голова А. В. Верзиловъ, Предсѣдатель Губернской Земск. Управы Н. П. Савицкій, Товарищъ Предсѣдателя Черниговской Ученой Архивной Комиссіи д. с. с. В. І. Круковский, прибывшіе депутаты, члены Съѣзда и посторонняя публика. По объявленіи Управляющимъ Киевскимъ Учебнымъ Округомъ Съѣзда открытымъ, онъ привѣтствовалъ Съѣздъ слѣдующими словами:

«На мою долю выпала высокая честь—честь, тѣмъ болѣе для меня цѣнная, чѣмъ менѣе я ее ждалъ—г. Министру Народнаго Просвѣщенія угодно было возложить на меня лестное порученіе открыть Черниговскій Археологическій Съѣздъ. Исполняя это порученіе, привѣтствую гг. членовъ Съѣзда во главѣ съ его Предсѣдательницей глубокочтимой гр. Прасковьей Сергѣевной Уваровой отъ лица Его П—ства, и отъ себя лично. Не мнѣ, стоящему въ сторонѣ отъ археологіи, говорить про значеніе и цѣль Съѣзда. Его личный составъ, его качество и количество — говорятъ сами за себя: они служатъ вѣрнымъ залогомъ того, что труды его будутъ плодотворны для русской науки. Пусть подъ его пытливымъ окомъ одну за другой открываетъ свои тайны завистливая даль вѣковъ, пусть яснѣе и громче говорятъ безмолвные только для непосвященнаго слуха памятники сѣдой старины. Старымъ творцамъ русской археологіи, справедливой гордости русскаго имени—низкій, почтительный поклонъ, ихъ продолжителямъ—горячій привѣтъ».

Г. Губернаторъ привѣтствовалъ Съѣздъ слѣдующею рѣчью:

«Я счастливъ, что управляю Высочайше вѣренною мнѣ Черниговскою губерніею въ минуту переживаемыхъ ею событій особой важности. Таковыми нужно считать только что открывшійся Археологическій Съѣздъ и тысячелѣтнюю годовщину существованія города Чернигова. Мнѣ кажется, что открытіе Съѣзда, который въ настоящую минуту я имѣю честь привѣтствовать, счастливо совпавшее со столь важнымъ историческимъ моментомъ въ лѣтописяхъ нашего древняго города, является въ то же время лучшимъ и наиболѣе достойнымъ способомъ почитать это рѣдкое торжество на порогѣ второго тысячелѣтія. Если интересъ и уваженіе націи къ своему прошлому, къ памятникамъ старины, служатъ показателями культурности самого народа, то организація и открытіе этого Съѣзда само по себѣ является безспорнымъ доказательствомъ, что истекшее тысячелѣтіе не прошло бесплодно для Черниговской земли. Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ городъ

Черниговъ, въ который вы собрались для мирныхъ научныхъ занятій, наши предки въ теченіе многихъ вѣковъ боролись за каждую пядь этой земли, политую ихъ кровью и удобренную ихъ костями.

Золотыя главы нашего древняго храма, привѣтливо глядяція теперь на это собраніе, могли бы многое поразсказать изъ Черниговской были, когда не разъ ихъ каменные стѣны служили послѣднимъ убѣжищемъ для женъ и дѣтей, спасавшихся въ храмѣ во время татарскихъ нашествій. Многое могли бы повѣдать эти древнія стѣны, эти уцѣлѣвшіе свидѣтели былыхъ временъ. Кто же учить насъ понимать языкъ этой сѣдой старины, этихъ кургановъ, безымянныхъ могилъ и камней? Вы, господа археологи. — Кто, какъ не вы, приподнимаетъ намъ завѣсу прошлаго и, извлекая изъ земли ревниво скрываемые ею памятники минувшихъ вѣковъ, знакомитъ насъ съ туманною юностью человѣчества и нашей родины. Но если осуществленіе народами ихъ культурныхъ задачъ невысказано безъ помощи и свѣта науки, то та же наука, а въ данномъ случаѣ—археологія, согрѣтая любовью къ своей родинѣ, служить могучимъ факторомъ въ дѣлѣ народнаго самосознанія. Въ изученіи далекаго прошлаго нашихъ предковъ, ихъ міросозерцанія, обычаевъ и жизненнаго уклада почерпаемъ мы истинное пониманіе духа народа и его историческихъ задачъ. Поэтому я съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствую васъ сегодня не только какъ мужей науки, но и какъ правдивыхъ путеводителей нашихъ въ глубь вѣковъ, научающихъ насъ сознательно любить и уважать нашу родную старину. Привѣтствую также и иноземныхъ гостей, интересующихся этой же стариной и почтившихъ насъ своимъ пріѣздомъ.

Позвольте же Вамъ, глубокоуважаемая Графиня, и всѣмъ присутствующимъ Членамъ Съѣзда отъ души пожелать полного успѣха въ предстоящихъ Вамъ почтенныхъ трудахъ во славу науки и нашей дорогой родины».

Слѣдующими затѣмъ словами привѣтствовалъ Съѣздъ Губернскій Предводитель Дворянства Х. Н. Комаровскій:

«Позвольте мнѣ, какъ представителю Дворянства Черниговской губерніи, отъ лица нашихъ дворянъ выразить вамъ наше привѣтствіе и принести искреннюю благодарность, что почтили мѣстомъ Съѣзда нашъ древнѣйшій гор. Черниговъ и позвольте тоже пожелать вамъ полного успѣха въ вашихъ ученыхъ и серьезныхъ трудахъ, которые навсегда останутся для насъ и для нашего потомства дорогимъ воспоминаніемъ».

Городской голова А. В. Верзиловъ отъ имени города обратился къ Съѣзду съ привѣтственною рѣчью:

«Мнѣ выпала великая честь привѣтствовать высокое ученое собраніе—XIV Археологическій Съѣздъ отъ имени города».

Г. Черниговъ, переходящій во второе тысячелѣтіе своей исторической жизни, много видалъ съѣздовъ и собраній, какъ политическихъ, такъ и общественныхъ; но такое ученое собраніе Черниговъ принимаетъ впервые: обыкновенно Археологическіе Съѣзды собираются въ большихъ ученыхъ центрахъ. Такою честью Черниговъ, конечно, исключительно обязанъ своей древности и средоточію многочисленныхъ памятниковъ старины. Черниговъ и Сѣверщина усѣяны курганами, городками, городищами, этими памятниками доисторической жизни нашихъ предковъ. Въ Черниговѣ, послѣ Кіева, наиболѣе сохранилось памятниковъ древнерусскаго зодчества: книги, соборы и храмы: Успенскій, Ильинскій и Пятницкій. Послѣдующая эпоха — литовская и польская — не оставила памятниковъ. Ко времени гетманщины (XVII—XVIII вв.) относятся храмы: Екатерининскій и Троицкій, а также возобновеніе на Успенскомъ, Ильинскомъ и Пятницкомъ главъ, носящихъ характерныя особенности южнорусскаго стиля.

Названные памятники зодчества, предметы живописи и искусства, собранные на Археологической Выставкѣ, дадутъ Съѣзду богатый матеріалъ для выводовъ о соотношеніи между древнерусской и послѣдующей южно-русской культурой. Всѣ собранія Съѣзда вообще и въ особенности его торжественное собраніе въ память тысячелѣтія г. Чернигова послужатъ для Черниговскаго общества прекраснымъ введеніемъ къ торжеству въ августѣ. Археологическій Съѣздъ самъ по себѣ праздникъ науки, а его собраніе будетъ главною частью празднествъ въ память тысячелѣтія г. Чернигова.

Привѣтствую Съѣздъ отъ имени древняго Чернигова, желаю успѣха въ его трудахъ; имѣю честь пригласить Гг. Членовъ Съѣзда посѣтить городскія торжества въ память тысячелѣтія».

Предсѣдатель Губернской Земской Управы Н. П. Савицкій привѣтствовалъ Съѣздъ слѣдующими словами:

«Черниговское губернское Земское Собраніе съ большимъ интересомъ и полнымъ сочувствіемъ отнеслось къ мысли объ устройствѣ настоящаго Археологическаго Съѣзда, мѣстомъ созыва котораго является родная намъ земля, а предметомъ изученія, на ряду съ прочими, и ея прошлое. Отъ лица Черниговскаго губернскаго земства позвольте, Милостивые Государи и Милостивыя Государыни, привѣтствовать васъ, собравшихся во имя свободной, строгой и безпристрастной науки, освѣщающей путь и земству въ его работѣ на благо общее».

Товарищъ Предсѣдателя Черниговской Архивной Комиссіи В. І. Круковскій отъ имени Предсѣдателя Комиссіи кн. Голицына и самой Комиссіи привѣтствовалъ Съѣздъ слѣдующею рѣчью:

«Имѣю честь доложить полученную мною телеграмму Предсѣдателя Черниговской губернской Архивной Комиссіи: «Крайне опечаленъ, что обстоятельства лишаютъ меня возможности быть на Съѣздѣ; прошу васъ передать мой искренній, горячій привѣтъ и пожеланія успѣха въ трудахъ. Предсѣдатель Архивной Комиссіи князь Голицынъ».

«Присоединяясь вполне къ привѣтствію и пожеланіямъ своего отсутствующаго Предсѣдателя, Черниговская Архивная Комиссія, изъ состава членовъ которой организованъ Черниговскій Предварительный Комитетъ, работавшій подъ руководствомъ графини П. С. Уваровой, сердечно привѣтствуетъ дорогихъ, желанныхъ гостей, людей науки, прибывшихъ въ нашъ родной городъ въ такомъ блестящемъ собраніи впервые за все время тысячелѣтняго существованія нашего старика Чернигова. Чувства глубокаго умиленія испытываемъ мы, Черниговцы, при воспоминаніяхъ о былыхъ великихъ строителяхъ нашей земли — Владимірѣ Мономахѣ, бывшемъ такъ долго удѣльнымъ Черниговскимъ княземъ, богатырѣ — князѣ Мстиславѣ Владиміровичѣ Тмутараканскомъ, оставившемъ вѣковѣчный памятникъ своей дѣятельности — нашъ Спасскій соборъ, древнѣйшій памятникъ изъ существующихъ нынѣ на всемъ пространствѣ нашей великой страны; вспоминаемъ мы и дорожимъ памятью о событіяхъ нашей родной, сѣдой старины. Позвольте же мнѣ отъ имени моихъ согражданъ, какъ старожилу города Чернигова, и отъ имени Черниговской Архивной Комиссіи, любящихъ горячо свой Черниговъ съ его дорогимъ прошлымъ, выразить пожеланія успѣха въ вашихъ трудахъ на пользу родной науки вамъ, господа члены XIV Археологическаго Съѣзда, имени котораго съ высокимъ чувствомъ благодарности Черниговская Архивная Комиссія посвящаетъ послѣдній, 7-й выпускъ своихъ «Трудовъ».

Затѣмъ въ краткихъ словахъ отъ Палестинскаго Общества привѣтствовалъ Съѣздъ свящ. А. Н. Ефимовъ.

Секретаремъ Съѣзда, В. Н. Рогожинымъ, доложены результаты выборовъ, Труды, XIV Арх. Съѣзда, т. III.

произведенных наканунѣ въ вечернемъ засѣданіи Совѣта Съезда и прочтены привѣтственные телеграммы отъ слѣдующихъ лицъ и учреждений: отъ Товарища Предсѣдателя Императорскаго Историческаго Музея имени Александра III въ Москвѣ Ивана Егоровича Забѣлина: «Слѣшу радостно привѣтствовать тысячелѣтній городъ Черниговъ и XIV Археологическій Съездъ съ живѣйшими пожеланіями какъ возможно глубже изучить эту древнюю знаменитую область и продолжать свою блестящую дѣятельность и еще многіе годы на пользу науки и отечества»; отъ Д. И. Эварницкаго изъ Екатеринослава: «Горячо привѣтствую Васъ, графиня, и всѣхъ уважаемыхъ сочленовъ съ открытіемъ Съезда; пусть Господь пошлетъ Вамъ силы въ Вашихъ трудахъ на пользу науки и дорогой родины, болѣзнь удерживаетъ меня на мѣстѣ, но душой и мыслями я съ Вами»; отъ Полтавскаго Епископа Іоанна: «Привѣтствую Черниговскій Археологическій Съездъ и Васъ, графиня, какъ главную виновницу его, призываю Божіе благословеніе на труды его, да будутъ они многоплодны и многополезны; сожалѣю, что лично не могу привѣтствовать»; отъ Предсѣдателя Екатеринославской Ученой Архивной Комиссіи князя Н. Урусова; отъ Непремѣннаго Попечителя Нижегородской Архивной Комиссіи, Губернатора Шрамченко и Предсѣдателя той же Комиссіи, Савельева; отъ Козелецкой Городской Управы; отъ Ставропольскаго Музея Сѣвернаго Кавказа и Ставропольскаго городского Музея; отъ Курской Ученой Архивной Комиссіи; отъ Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи и отъ Г. Трифильева изъ С. Петербурга.

Послѣ чего Предсѣдателемъ Моск. Предвар. Комитета графиней П. С. Уваровой былъ доложенъ отчетъ по устройству Съезда.

ОТЧЕТЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ МОСКОВСКАГО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА.

Когда, тому назадъ три года стало извѣстно, что Совѣтъ XIII Археологическаго Съезда, состоявшагося въ 1905 г. въ Екатеринославѣ, постановилъ мѣстомъ XIV Съезда избрать гор. Черниговъ, нѣкоторые изъ ученыхъ обратились въ Императорское Московское Археологическое Общество съ заявленіемъ, что они считаютъ гор. Черниговъ «не представляющимъ никакого интереса въ археологическомъ отношеніи и просятъ обратить вниманіе археологовъ, собравшихся въ Москвѣ для выработки Правилъ XIV Археологическаго Съезда, на необходимость измѣнить это постановленіе и созвать будущій Съездъ въ городъ, болѣе богатомъ въ археологическомъ отношеніи, чѣмъ Черниговъ». При чемъ указывалось на Самаркандъ или Севастополь съ Херсономъ.

Но ни Московское Археологическое Общество, ни Предварительный Комитетъ по устройству XIV Археологическаго Съезда не нашли возможнымъ удовлетворить желаніе протестующихъ, во первыхъ, потому, что не считали себя въ правѣ перерѣшать постановленіе Совѣта Съезда, и, во-вторыхъ, потому, что не могли согласиться съ мнѣніемъ, что Черниговъ и окружающія его земли «не представляютъ археологическаго интереса».

Нынѣ открываемому Съезду предстоитъ доказать не только, насколько ошибочно мнѣніе касательно малаго научнаго интереса, представляемаго Черниговщиной, но и насколько научный интересъ этотъ вдохновилъ ученыхъ и вызвалъ ихъ на работу и изслѣдованія. Судить объ этомъ будемъ въ продолженіи Съезда и въ заключительномъ его засѣданіи, а пока позволю себѣ занять ваше вниманіе от-

четом о дѣятельности по подготовленію Съѣзда какъ Московскаго Предварительнаго Комитета, такъ и его Отдѣлений.

Изъ исторіи нашихъ Съѣздовъ извѣстно, что немедленно по заключенію одного изъ нихъ Импер. Моск. Археол. Общество спѣшилъ съ обращеніемъ ходатайства въ Министерство о разрѣшеніи ему созвать на время Рождественскихъ каникулъ Предварительный Комитетъ для выработки Правилъ будущаго новаго Съѣзда и для ознакомленія того, что намѣрены и что считаютъ возможнымъ принять на себя изъ намѣченныхъ работъ мѣстные жители той мѣстности, въ которой намѣчается Съѣздъ. Такъ было поступлено и на этотъ разъ и уже 19 сентября 1905 г., т.-е. менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ закрытія Екатеринославскаго Съѣзда, послано въ Министерство ходатайство о разрѣшеніи созвать въ концѣ декабря мѣсяца Предвар. Комитетъ по Черниговскому Съѣзду.

Но уродливыя проявленія нашей общественной жизни и безпорядки какъ въ Москвѣ, такъ и во всей Россіи заставили Импер. Моск. Археол. Общество въ концѣ ноября отмѣнить свое первое предположеніе и обратиться въ Министерство съ новымъ ходатайствомъ разрѣшить Обществу принципиально созывъ Комитета, предоставляя Обществу назначить время его созыва тогда, когда оно окажется возможнымъ.

Отсрочка эта не пропала даромъ для предстоящаго Съѣзда, такъ какъ она дала возможность Импер. Моск. Археол. Обществу обратить особое вниманіе на разработку, при помощи своихъ сочленовъ-архитекторовъ, подробнаго плана будущихъ работъ по изслѣдованію древнихъ храмовъ Чернигова и вообще по обслѣдованію архитектурныхъ памятниковъ губерніи, который и легъ въ основаніе предпринятыхъ впоследствии изслѣдованій Моск. Арх. Обществомъ.

Предварительный Комитетъ въ Москвѣ оказалось возможнымъ собрать съ 7 по 9-е февраля 1906 г. Во время его засѣданій выработаны Правила нынѣшняго Съѣзда, поднято много новыхъ вопросовъ, высказаны пожеланія, чтобы: 1) обращено было особое вниманіе на разработку къ Съѣзду вопросовъ по древностямъ Чернигова и окружающихъ его мѣстностей, 2) чтобы такому же обслѣдованію подверглись и до сихъ поръ мало изученные архивы Черниговской губ., 3) чтобы Черниг. Архивная Комиссія нашла возможнымъ исполнить хоть часть работъ, намѣченныхъ программой, составленной подъ руководствомъ бывшаго губернатора А. А. Хвостова, 4) чтобы къ изученію древнихъ памятниковъ Малороссіи были привлечены ученые Галиціи, Польши и Румыніи, равно какъ и всѣ лица въ Россіи, которыя занимались изученіемъ архитектурныхъ памятниковъ Галиціи и Польши, 5) чтобы были, наконецъ, подвергнуты научному изслѣдованію архитектурные и художественные памятники промежуточнаго періода съ XIII по XVI в., которыми до сихъ поръ не удалось заняться ни одному изъ нашихъ Россійскихъ Съѣздовъ, и 6) о желательности выработки общихъ единообразныхъ Правилъ при производствѣ изслѣдованій путемъ раскопокъ.

Эти вопросы, поднятые собравшимися представителями науки, и высказанныя пожеланія легли въ основу трехлѣтней дѣятельности какъ Московскаго Предварительнаго Комитета, такъ и его Отдѣлений, которыя удалось устроить на этотъ разъ только въ Кіевѣ и Черниговѣ. Къ намѣченной программѣ этой слѣдуетъ прибавить тѣ постановленія Совѣта XIII Археологическаго Съѣзда въ Екатеринославѣ, по которымъ предоставлялось Импер. Москов. Археол. Обществу обратиться съ ходатайствомъ къ высшему правительству и ученымъ учрежденіямъ.

Постановленія эти состояли:

а) Въ исходатайствованіи предъ г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ учрежденіи, по крайней мѣрѣ, въ двухъ русскихъ университетахъ въ Москвѣ

и Кіевѣ профессуры по архивовѣдѣнію и въ обращеніи ко всѣмъ русскимъ университетамъ съ просьбою поддержать означенное ходатайство. — На обращенное къ г-ну Министру ходатайство получено заявленіе, что «пожеланія относительно введенія въ курсъ университетскихъ наукъ преподаванія археологіи (о чемъ ходатайствовали прежніе Съѣзды) и архивовѣдѣнія будетъ Министерствомъ принято во вниманіе при окончательной выработкѣ новаго Устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ». — Что же касается до нашихъ автономныхъ университетовъ, то ни одинъ изъ нихъ не нашель нужнымъ отвѣтить на ходатайство Общества, имѣющее, можетъ быть, для тревожнаго времени, слишкомъ отвлеченный и слишкомъ чисто-научный характеръ.

б) Въ обращеніи къ г-ну Министру Внутреннихъ Дѣлъ съ ходатайствомъ объ ускореніи архивной реформы. — По этому вопросу Моск. Археол. Общество, въ виду переживаемыхъ обстоятельствъ, не рѣшилось беспокоить Министерство новымъ ходатайствомъ.

в) Прѣдложеніе Совѣта касательно облегченія доступа до Архивовъ Консistorій и до выработки инструкцій и порядка уничтоженія старыхъ архивныхъ дѣлъ, которое должно было, по указанію Совѣта, быть передано Съѣзду архивистовъ, предполагавшихъ собраться въ Петербургѣ, — осталось безъ движенія, такъ какъ предполагаемый Съѣздъ не состоялся.

г) Въ выраженіи желательности подвергнуть изслѣдованію южную стѣну средняго нефа Кіево-Софійскаго собора съ цѣлью провѣрки, не находится ли подъ новой росписью слѣдовъ изображенія Великаго Князя Ярослава Мудраго съ семействомъ, на которыя указывалъ одинъ рисунокъ Радзивилловскаго Альбома 1651 г., который открытъ Як. Ив. Смирновымъ въ Архивѣ Академіи Наукъ и нынѣ изданъ въ т. II «Трудовъ Екатеринославскаго Съѣзда». — Вопросъ этотъ подвергался обсужденію какъ въ Моск. Археол. Обществѣ, ассигновавшемъ нѣкоторую сумму на изслѣдованіе, такъ и въ Кіевскомъ Отдѣленіи Предварительнаго Комитета, члены котораго, совмѣстно со мной, нѣсколько разъ посѣтили храмъ Св. Софіи, осматривали стѣну, которую желательно обслѣдовать, имѣли переговоры съ мѣстнымъ духовенствомъ, переписывались съ митрополитомъ, — но не нашли нигдѣ сочувствія и вопросъ остался втунѣ.

д) Въ просьбѣ 3-го Отдѣленія Съѣзда обратиться въ Академію Наукъ, въ Историко-Филологическія Общества при Одесскомъ и Харьковскомъ университетахъ, къ Историч. Обществу Нестора Лѣтописца въ Кіевѣ и къ Обществу Исторіи и Древностей въ Одессѣ съ ходатайствомъ о составленіи свода малорусскихъ пѣсенъ и другихъ памятниковъ малорусской этнографіи. — Ходатайство это осталось безъ отвѣта не только отъ Академіи Наукъ, но и отъ поименованныхъ южныхъ Ученыхъ Обществъ, въ которыхъ, если ходатайство было своевременно и желательно, — оно должно было вызвать большее къ нему сочувствіе.

Рефераты, заявленные Съѣзду, свидѣтельствуютъ, что древности Черниговскія вдохновили нашихъ ученыхъ собратій и что они нашли въ Черниговщинѣ богатый запасъ древностей для изученія, съ результатами котораго знакомятъ насъ наступающіе дни Съѣзда. Моск. Археол. Общество, поддерживая стремленіе своихъ членовъ расширить кругъ своей дѣятельности, командировало на югъ съ этой цѣлью: для изученія памятниковъ архитектуры: *Θ. Θ. Горностаева*, съ помощниками *Кацауровымъ*, *Силуяновымъ*, *Медвѣдьевымъ* и *Ушаковымъ*, *Гр. Гр. Павлуцкаго*, *Дм. Вл. Айналова*, художниковъ *Орлова*, *Бибикова* и *Арія*; для производства раскопокъ по указанію и подъ личнымъ руководствомъ *Дм. Як. Самоквасова* — *Вл. Ал. Городцова*, *Вас. Гр. Ляскоронскаго*, *Вик. В. Хвойко*, *Ив. Евс. Евсѣева*, *Мазараки* и *Стеллецкаго*.

Остается пока открытымъ разрѣшеніе вопроса о томъ, что принесетъ *русской наукѣ* то общеніе съ ближайшими нашими *славянскими* сосѣдями, о которомъ такъ давно мечтаютъ наши южно-русскіе ученые, и тѣ старанія, которыя были проложены Моск. Предварительнымъ Комитетомъ къ привлеченію къ нашимъ работамъ по археологіи какъ Ученыхъ Славянскихъ Обществъ, такъ и отдѣльныхъ личностей, извѣстныхъ своими научными археологическими трудами. — Итоги по этому вопросу подведемъ, какъ и по первому, къ концу Съѣзда, а пока скажемъ только, что по этому вопросу имѣлась переписка съ университетами въ Яссахъ и Бухарестѣ, съ Румынской Академіей Наукъ, съ Народнымъ Домомъ, Ставропигіальнымъ Институтомъ, съ Галицко-Русской Матицей и Товариществомъ имени Шевченко во Львовѣ, съ Пражскимъ Университетомъ, съ высшею школою въ Софіи и Бѣлградѣ и съ Академіей Наукъ въ Краковѣ.

Кромѣ того, по совѣту Вл. Бон. Антоновича обращались къ Шуховичу въ Львовѣ, предлагая его вниманію программу, представленную Предв. Комитету Ник. Вас. Покровскимъ; по рекомендаціи Ал. Ал. Григорьева обращались къ Любарскому, Гербачевскому, Желяховскому, Скородынскому, Машковскому, Антону и Климентію Копыстьянскимъ и Сѣлецкому, прося свѣдѣнія и фотографіи церкви Галиціи; старались получить изъ Галицкихъ епархій шематизмы, т.-е. метрики Галицкихъ церквей; обращались, наконецъ, съ приглашеніями пожаловать на Съѣздъ къ отдѣльнымъ ученымъ въ Краковъ, Прагу, въ Черновицы, Буковину и пр.

Съ запросами о помощи касательно полученія снимковъ съ Галицкихъ церквей обращались и къ русскимъ ученымъ: къ Ал. Ал. Григорьеву и его супругѣ, которымъ по семейнымъ обстоятельствамъ не удалось, однако-жъ, совершить предполагаемой поѣздки по Галиціи; по совѣту Влад. Бон. Антоновича — къ Θεод. Кондр. Волкову и по совѣту Ник. Влад. Султанова — къ инженеру Скуревичу, который много обѣщаль, но пока изъ обѣщаннаго ничего не исполнилъ.

Пожеланія Эр. Ром. фонъ-Штерна касательно выработки общихъ единообразныхъ правилъ при производствѣ изслѣдованій путемъ раскопокъ вызвали переписку Моск. Архол. Общества со всѣми тѣми лицами и учеными, которыя извѣстны въ русской наукѣ своими раскопками: съ Адриановымъ, Ник. Ив. Веселовскимъ, Вас. Ал. Городцевымъ, Клеменцомъ, Юльяномъ Андр. Кулаковскимъ, Ст. Киров. Кузнецовымъ, академикомъ Радловымъ, В. Вяч. Хвойко, самимъ Эрн. Роман. фонъ-Штернъ и Бор. Влад. Формаковскимъ.

На обращенные къ нимъ запросы отвѣтили: Юл. Андр. Кулаковский, что онъ слишкомъ мало занимался дѣломъ раскопокъ, чтобы позволить себѣ давать кому-либо совѣты. Изложили свои взгляды на вопросъ Ник. Вас. Веселовскій и Эрнестъ Романовичъ; на этомъ пока дѣло и стало. Позволено, однако-жъ, думать, что вопросъ этотъ возможно двинуть и дальше въ виду того, что ко времени Черниговскаго Съѣзда изданы столь капитальные труды по раскопкамъ какъ «Журналъ раскопокъ Ник. Ефим. Бранденбурга», изданнаго въ Петербургѣ Печенкинымъ, только что отпечатанные «Дневники раскопокъ» Дм. Як. Самоквасова, изданные этимъ неутомимымъ дѣятелемъ по изслѣдованію Черниговской области подъ названіемъ «Могилы Земли Русской».

Къ этимъ двумъ значительнымъ трудамъ слѣдуетъ прибавить и ново-изданную брошюрку Алек. Андр. Спицына — «Археологическія Развѣдки», авторъ которыхъ старался ввести нѣкоторую систематизацію по имѣющемуся въ наличности матеріалу.

Я уже сказала выше, что по устройству нынѣ открываемаго Съѣзда удалось устроить только два Отдѣла Предварительнаго Комитета: въ Киевѣ и Черниговѣ. Въ этимъ двумъ вспомогательнымъ пунктамъ необходимо причесть Орловское

Церковное Историко-Археологическое Общество и Воронежскую Арх. Комиссію, которая поработала для Съезда самостоятельно.

Мнѣ нѣсколько разъ приходилось задумываться надъ причиной, которая вызвала въ нашихъ Ученыхъ Обществахъ и Архивныхъ Комиссіяхъ ту холодность отношеній къ подготовкѣ Черниговскаго Съезда, выборъ мѣстъ котораго, однако-жъ, всецѣло принадлежитъ южанамъ. Всего вѣроятнѣе, тому причиной общій упадокъ научныхъ интересовъ въ Россіи, къ которому прибавилась и наша славянская лѣнь: поработали усердно для Кіевскаго и Харьковскаго и частью Екатеринославскаго Съезда—ну и довольно, а теперь оставьте насъ въ покоѣ!

Уменьшеніе числа Отдѣленій Предварит. Комитета увеличило тѣмъ самымъ работу Импер. Моск. Археол. Общества, которому пришлось на этомъ основаніи вести переписку со всѣмъ югомъ, котораго, не смотря на его нежеланія работать, приходилось, хотя бы изъ принципа, все-таки, время отъ времени, беспокоить. Такимъ образомъ, велась переписка съ Обществомъ Нестора Лѣтописца въ Кіевѣ, съ Филологическимъ Обществомъ при Одесскомъ и Харьк. Университетахъ, съ Импер. Обществомъ Исторіи и Древностей въ Одессѣ, съ Архивными Комиссіями Воронежской, Курской, Орловской, Полтавской и Таврической. Собраны и систематизированы метрики церковей Черниговской и Полтавской губерніи; составлены выписи изъ дѣлъ Импер. Археологической Комиссіи и Архива гр. А. С. Уварова по тѣмъ же губерніямъ; выяснено, какія древности или находки, пріобрѣтенныя въ Черниговской губ., сохраняются въ Импер. Эрмитажѣ и Историч. Музеѣ въ Москвѣ; распространены по всѣмъ южнымъ и юго-восточнымъ и западнымъ губерніямъ вопросные пункты для собиранія свѣдѣній по майдамамъ; получаемые отвѣты по этому вопросу разобраны и систематизированы Вл. Ал. Городцовымъ.

Кромѣ того, отпечатаны 2 тома «Трудовъ» Московскаго Предварит. Комитета, въ который вошли вышеуказанные матеріалы, планы археологическихъ работъ и программы для изслѣдованій, дневники раскопокъ Вл. Бон. Антоновича, произведенныхъ въ чертѣ Черниговской губ. въ 1881 г., отчетъ о раскопкахъ В. С. Данилевича въ Харьк. губ. и изслѣдованіе городищъ и кургановъ въ бассейнѣ верхняго теченія р. Оки и ея притоковъ Ив. Ев. Евсѣева. Третьимъ томомъ «Трудовъ» Моск. Предварит. Комитета считаемъ объемистый томъ вышеупомянутыхъ дневниковъ Дм. Як. Самоквасова, на подборъ коллекцій котораго положено не мало времени и отпущены Моск. Археол. Обществомъ значительныя денежныя средства.

Закончено также печатаніе двухъ объемистыхъ томовъ «Трудовъ» XIII Археологическаго Съезда, изъ которыхъ первый уже давно разосланъ участникамъ Съезда, а второй вышелъ изъ печати на-дняхъ и представляется нынѣ Черниговскому Съезду.

Кіевское Отдѣленіе Предварительнаго Комитета сформировалось изъ тѣхъ же лицъ, что и во время Харьковскаго и Екатеринославскаго Съезда, подъ предѣтельствомъ того-же Гр. Гр. Павлуцкаго и при томъ-же секретарѣ Вас. Гр. Ляскоронскомъ. На засѣданіяхъ было высказано много пожеланій, плановъ и намѣреній, изъ которыхъ большая часть осталась въ проектахъ, но дѣло все-таки дѣлалось и наступающіе дни ознакомятъ насъ съ изслѣдованіями и поѣздками Гр. Гр. Павлуцкаго по Полтавской губ., съ изслѣдованіями городищъ и майдановъ Вас. Гр. Ляскоронскаго, съ раскопками въ Кіевѣ и Подольской губ. Вик. Вяч. Хвойко, съ раскопками Сер. Арк. Мазараки, съ учеными изслѣдованіями Кар. Вас. Болсуновскаго и др.

Членъ же Кіевскаго Отдѣленія, многоуважаемый Ник. Ив. Петровъ, пріѣзжалъ нѣсколько разъ въ Черниговъ, чтобы помочь и руководить описаніемъ церковныхъ древностей, собранныхъ для Выставки Съезда.

Орловское Церковное Историко-Археологическое Общество, стараясь, какъ указано выше, приносить посильную помощь подготовляемому Съезду, изготовило брошюру «Задачи Орловской археологiи къ предстоящему Черниговскому Археологическому Съезду», распространило ее по губернии, возбудило интересъ среди населенiя, группировало вокругъ себя любителей и собирателей старины, предпринимало раскопки въ Трубчевскомъ, Сѣвскомъ, Болховскомъ, Орловскомъ, Мценскомъ, Карачевскомъ и Дмитровскомъ уѣздахъ, подвергло изслѣдованiю Брасовское городище въ имѣнiи Его Импер. Высочества Великаго Князя Михаила Александровича, собирало свѣдѣнiя о церковныхъ древностяхъ края и хлопотало о сохранности развалинъ древняго храма на Вщижскомъ городищѣ близъ Брянска. Члены Общества: Ив. Ев. Евсѣевъ издалъ все съ тѣми-же цѣлями распространенiя археологическихъ знанiй по губернии брошюру «Археологическiе поиски въ Орловскомъ краѣ лѣтомъ 1907 г., а Вѣлоруссовъ — «Краткiя свѣдѣнiя по палеографiи древней русской письменности», которая должна, по мысли автора, служить въ краѣ, гдѣ еще сохранилось значительное количество памятниковъ древней письменности, главнымъ образомъ руководствомъ для сельскаго духовенства при разборѣ и изученiи этихъ памятниковъ.

Раскопками Орловскаго Общества руководилъ Дм. Як. Самоквасовъ, который, не смотря на свои многочисленныя занятiя въ Архивѣ и Университетѣ, на отдѣльный курсъ археологiи, прочитанный имъ въ этомъ году помимо Университета, нашелъ возможнымъ посвятить орловскимъ древностямъ значительное количество своего времени и побывать въ Орлѣ для составленiя плана раскопокъ.

Въ Орловскую губ. для снятiя ея церковныхъ древностей былъ командированъ Имп. Моск. Арх. Обществомъ художникъ Бибиловъ, который проработалъ цѣлое лѣто въ Брянскѣ.

Особую любовь къ памятникамъ старины и готовность поработать въ этихъ же цѣляхъ проявилъ отецъ прот. Брянскаго собора Поповъ.

Воронежская Архивная Комиссiя сосредоточила свою дѣятельность на производствѣ раскопокъ по берегамъ р.р. Воронежка, Дона и Осеретье, на работахъ по описанiю древнихъ воронежскихъ актовъ и на собиранiи этнографическихъ коллекций, которыя представлены на Выставку Съезда.

Заканчивая обзоръ дѣятельности Предвар. Комитета, передаю слово секретарю Черниговскаго Отдѣленiя, на которое, понятнo, должны были пасть не только собранiе свѣдѣнiй по той или другой группѣ древностей Черниговскаго края, но и подборъ вещей для Выставки и всѣ тѣ мелкiя хозяйственныя работы, которыя въ маломъ центрѣ, какъ Черниговъ, замучиваютъ и отнимаютъ гораздо болѣе времени, чѣмъ въ болѣе крупныхъ городахъ.

Секретарь Черниговскаго Отдѣленiя Предварительнаго Комитета, П. М. Добровольскiй сказалъ слѣдующее:

«Первою заботою Черниговскаго Отдѣленiя Предварительнаго Комитета — было возбужденiе интереса въ мѣстномъ обществѣ къ предстоящему Съезду. Съ этою цѣлью Комитетомъ было выработано особое обращенiе къ предводителямъ дворянства, городскимъ общественнымъ управленiямъ, къ губернскому и уѣзднымъ земствамъ и многимъ частнымъ лицамъ, извѣстнымъ своею любовью къ старинѣ и интересующимся исторiей края. Всѣхъ ихъ Комитетъ просилъ о принятiи активного участiя въ Съездѣ, а къ дворянству, земствамъ и городамъ, кромѣ того, Комитетъ обращался и съ просьбой о денежной поддержкѣ. Справедливость требуетъ сказать, что, несмотря на переживаемое трудное въ финансовомъ отношенiи время, многiя земства и города отнеслись къ просьбѣ Комитета сочувственно и

ассигновали ему пособія. Такъ, губернское земство по смѣтѣ 1906 года назначило Комитету субсидію въ суммѣ 1250 р. Уѣздныя земства ассигновали: Черниговское, Глуховское и Суражское по 50 р.; Козелецкое и Остерское по 25 р.; губернское дворянское собраніе въ маѣ текущаго года—500 р. Городскія думы ассигновали: Черниговская 1000 р., Глуховская и Клинцовская по 50 р., Нѣжинская и Коноптская по 25 р., Козелецкая 10 р.

Въ общемъ ассигновки общественныхъ учреждений на организацію Съѣзда достигаютъ суммы 3110 руб.

Само собою разумѣется, средства эти малы и даже незначительны для полной организаціи такого большого и сложнаго дѣла, какимъ является Археологическій Съѣздъ, тѣмъ болѣе, что на мѣстномъ Комитетѣ лежала немаловажная и, можно сказать, довольно трудная задача — обстановка Съѣзда съ хозяйственной стороны.

Всякое мѣропріятіе Комитета требовало прежде всего денежныхъ затратъ, и указанные средства быстро изсякли. Тогда Комитету въ самый разгаръ подготовительныхъ работъ пришлось обратиться за помощью къ Императорскому Московскому Археологическому Обществу, которое поспѣшило выслать ему 1500 руб.

Ранѣе того, профессоръ Дмитрій Яковлевичъ Самоквасовъ, сочувствуя успѣху Съѣзда его родины, любезно предложилъ Комитету пособіе изъ своихъ средствъ въ суммѣ 700 руб. собственно на печатныя изданія къ Съѣзду, что и дало Комитету возможность напечатать нѣкоторые свои труды, издать каталогъ Выставки и принять участіе (на половинѣ расходовъ) въ изданіи плана города Чернигова, предпринятомъ городской управой.

Вторую главнѣйшую задачу Комитета составляло устройство Выставки при Съѣздѣ. Съ этою цѣлью Комитетъ обращался ко многимъ ученымъ обществамъ, комиссіямъ, а также и къ частнымъ лицамъ, имѣющимъ музеи и отдѣльныя коллекціи, съ просьбой принять то или другое участіе въ Выставкѣ.

И это обращеніе не осталось безслѣднымъ.

Первымъ отозвалось Глуховское уѣздное земство, любезно предложившее на Выставку почти все содержимое своего молодого собранія памятниковъ старины и искусства.

Губернскія ученныя архивныя комиссіи — Тамбовская, Рязанская, Курская, Орловская, Воронежская — также приняли участіе въ Выставкѣ своими музейными коллекціями; церковныя историко-археологическія общества — Кіевское (при духовной академіи) и Орловское — съ своей стороны оказали Комитету въ этомъ отношеніи возможное содѣйствіе, а Полтавскій церковный историко-археологическій Комитетъ прислалъ на Выставку почти всѣ наиболѣе выдающіеся памятники церковной старины изъ своего, довольно богатаго, древлехранилища, открытаго полтора года назадъ. Черниговская губернская земская управа согласилась дать на Выставку портреты дѣятелей Малороссіи изъ своего музея украинскихъ древностей имени В. В. Тарновскаго, а Полтавская губернская управа прислала коллекціи изъ своего естественно-историческаго музея.

Что касается собранныхъ къ Съѣзду, собственно въ Черниговской губерніи, памятниковъ старины и этнографіи, — то въ этомъ отношеніи Комитетъ прежде всего считаетъ долгомъ отмѣтить содѣйствіе преосвященнаго Антонія, епископа Черниговскаго и Нѣжинскаго. Въ прошломъ 1907 году въ Черниговѣ открыто при духовной семинаріи Епархіальное Древлехранилище. Дѣло это новое, молодое: оно попало въ руки энергичныхъ работниковъ: ректора семинаріи, прот. І. І. Галахова, преподавателя В. Г. Дроздова и свящ. о. К. Т. Карпинскаго. Епархіальный Съѣздъ оо. депутатовъ духовенства отпустилъ на организацію дѣла денежные

средства, которыя всецѣло обращены на устройство экскурсіи по епархіи. Экскурсія состоялась лѣтомъ прошлаго 1907 года, продолжалась сорокъ три дня и коснулась, главнымъ образомъ, сѣверной половины губерніи, захвативъ уѣзды: Черниговскій, Городнянскій, Новозыбковскій, Мглинскій, Стародубскій, Суражскій, Новгородсѣверскій, Кролевецкій и Сосницкій.

Уполномоченная не только отбирать вещи, но и забирать тѣ изъ нихъ, которыя не значатся по церковнымъ описямъ, экскурсія сразу обогатила молодое учрежденіе и дала не мало интересныхъ и новыхъ памятниковъ церковной старины на Выставку. Простая послѣдовательность требовала продолженія экскурсіи, что и предполагалось въ текущемъ году, но за недостаткомъ свободнаго времени это не осуществилось. Кромѣ этой экскурсіи, веденной на спеціальныя средства, Комитету удалось организовать нѣсколько экскурсій и на собственные средства въ города—Нѣжинъ, Кролевецъ, Новгородсѣверскъ, съ ближайшими къ нимъ селами, а также по Борзенскому уѣзду, гдѣ Комитету удалось найти дѣятельнаго сотрудника въ лицѣ К. И. Самбурскаго. Соединенными усиліями всѣхъ сотрудниковъ Комитету и удалось создать Выставку для Съѣзда, организацію которой онъ считалъ своей главнѣйшей задачей. Конечно, усилія Комитета опирались прежде всего на сочувственное отношеніе всѣхъ вѣдомствъ и учреждений, съ которыми въ данномъ случаѣ приходилось соприкасаться.

Такъ, начальникъ губерніи Н. М. Родіоновъ оказывалъ Комитету содѣйствіе выдачей открытыхъ листовъ и распоряженіями о безпрепятственной дѣятельности членовъ и сотрудниковъ Комитета въ уѣздахъ губерніи.

Преосвященный Антоній, епископъ Черниговскій и Нѣжинскій, по просьбѣ Комитета сдѣлалъ распоряженіе о передачѣ на Выставку портретовъ архипастырей изъ Черниговскаго архіерейскаго дома, а преосвященный Несторъ, епископъ Новгородсѣверскій, сдѣлалъ такое же распоряженіе по Елецкому Успенскому монастырю. Настоятель Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря, о. архимандритъ Василій, ранѣе всѣхъ прислалъ на Выставку аналогичную коллекцію портретовъ своего монастыря. Въ результатѣ Комитету удалось представить на Выставку—въ портретной галлерей, почти всѣхъ іерарховъ Черниговскихъ отъ конца XVII и до половины XIX вѣка.

Вліяніе Комитета не ограничилось только своей губерніей: оно проникло и въ другія сосѣднія: Полтавскую, Курскую... Съ особымъ удовольствіемъ Комитетъ считаетъ долгомъ отмѣтить то сочувствіе, которое ему удалось найти и встрѣтить въ Полтавѣ, гдѣ епископъ Полтавскій и Переяславскій Іоаннъ, стоя во главѣ мѣстнаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета, совершаетъ дѣло, родное и близкое археологамъ.

Сочувствуя задачамъ Съѣзда, онъ, помимо послышки на Выставку коллекцій Полтавскаго древлехранилища, оказалъ громадную услугу Съѣзду еще и тѣмъ, что своимъ авторитетнымъ словомъ—устнымъ и печатнымъ—взывалъ къ духовенству епархіи, приглашая его принять ближайшее участіе въ Съѣздѣ. И это слово оказало несомнѣнное вліяніе теперь, но большіе результаты его—впереди.

Комитету удалось организовать раскопки въ с. Мезинѣ, Кролевецкаго уѣзда. Объ этихъ раскопкахъ будетъ представленъ особый докладъ Съѣзду. Въ текущемъ году раскопки произведены въ Глуховскомъ уѣздѣ, о чемъ тоже будетъ доложено Съѣзду въ свое время.

Совершенно самостоятельное значеніе имѣетъ особая этнографическая экскурсія по Черниговской губерніи, предпринятая по ходатайству Предварительнаго Комитета представителями Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III въ С.-Петербургѣ: О. К. Волковымъ, Н. М. Могилянскимъ, С. И. Руденко и В. А. Павловичемъ.

Эта экскурсія создала богатый Этнографическій Отдѣль Выставки и можно лишь пожалѣть о томъ, что все собранное, по окончаніи Выставки, будетъ увезено въ Петербургъ!..

Въ заключеніе отчета Комитетъ выражаетъ глубокое сожалѣніе, что ему не удалось сдѣлать многого изъ того, что намѣчено программами. Многое начато и не окончено.

Все же сдѣлано все, что возможно.

Мѣстныя силы... и слабы, и малы.

Тѣмъ не менѣе, черниговцы вѣрятъ, что дорогіе гости поймутъ ихъ, простивъ имъ невольные дефекты Черниговскаго Съѣзда. Черниговцы вѣрятъ, что все собранное и сдѣланное ими ученый конгрессъ озаритъ яркимъ свѣтомъ науки. Свѣтъ этотъ, ясный, чистый, будетъ горѣть ярче солнца».

Дополняя докладъ Добровольскаго, графиня П. С. Уварова сказала слѣдующее:

«Прошу дозволенія прибавить нѣсколько словъ къ тому, что сказалъ Петръ Михайловичъ. Онъ обрисовалъ весьма живо дѣятельность Черниговскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета и рассказалъ, что было сдѣлано для собиранія предметовъ для Выставки; я же позволю себѣ на нѣсколько минутъ занять вниманіе ваше именно этой Выставкой и обрисовать въ краткихъ чертахъ ея отдѣлы. Выставка состоитъ изъ семи отдѣловъ: Церковныхъ древностей, Древностей первобытныхъ, Историческаго отдѣла, Старопечатныхъ книгъ, Рукописнаго отдѣла, но первенствующую роль занимаетъ отдѣлъ Церковныхъ древностей, который, если и имѣетъ нѣкоторые недостатки, то все-таки очень полонъ и представить несомнѣнно большой интересъ для лицъ, желающихъ заняться русскимъ искусствомъ. Собранныя въ немъ иконы, Царскія двери, кресты, дарохранительницы и разные другіе предметы представляютъ яркую картину развитія искусства въ Малороссіи въ XVII и XVIII вѣкѣ, когда, съ одной стороны, напирало вліяніе съ запада, а съ другой—Малороссія заселялась богатыми помѣщиками царствованій Императрицъ Елизаветы и Екатерины, которые, строя дворцы и храмы, переносили въ свои помѣстья всю роскошь и искусство далекаго Петербурга, когда гр. Растрелли и его современники строили соборы и дворцы въ Батуринѣ, Брянскѣ, Козельцѣ, Ляличахъ, Почепѣ и проч.

Огромный интересъ представляетъ наша Выставка и по тому, что въ ней легко прослѣдить, какъ иноземныя формы, вносимыя въ искусство Малороссіи, мало-по-малу вырождались, или, скорѣй, перерабатывались, подъ вліяніемъ мѣстныхъ мастеровъ и пониманій, въ формы, болѣе доступныя народу, болѣе напоминающія ему окружающую природу и флору, болѣе отвѣчающія его взглядамъ и требованію.

Интересны также символическія иконы, какъ, напр., «Недреманное Око», «Азь есмь лоза истинная», «Пеликанъ у креста, разрывающій утробу, чтобы накормить птенцовъ» съ надписью: «Пеликанъ птьца сбе нещада дытей питая», «Страждущій литургіющій Христосъ», «Отче нашъ» въ сценахъ по прошеніямъ и др., которая слѣдуетъ считать поэтическимъ пересказомъ народнаго пониманія евангельскихъ истинъ и рассказовъ.

Въ Историческомъ Отдѣлѣ собрано много интересныхъ портретовъ лицъ, принадлежащихъ малорусскому дворянству и поработавшихъ на пользу родной стороны: Галагана, Кочубея, Скоропадскаго, Полуботки, гр. Разумовскаго и друг.; имѣются портреты почти всѣхъ черниговскихъ іерарховъ; собрано значительное количество сосудовъ и другихъ предметовъ домашняго обихода, равно какъ интересный подборъ образцовъ керамическихъ издѣлій мѣстныхъ фабрикъ, существовавшихъ въ былое время, благодаря просвѣщенной инициативѣ и щедрой поддержкѣ мѣстныхъ помѣщиковъ: Листовской, Мкилашевскаго и др.

Очень богатъ Отдѣлъ старопечатныхъ книгъ южной печати: Кіевской, Львовской, Черниговской, Новгородсѣверской, Острожской, Почаевской, Супрасльской и проч. Тутъ же находимъ древнія мѣдныя гравировальныя доски, съ которыхъ удалось снять снимки и которыя знакомятъ насъ съ мастерами гравировальнаго дѣла, до сихъ поръ неизвѣстныхъ въ русскомъ искусствѣ.

Не менѣе интересенъ Рукописный Отдѣлъ, гдѣ удалось собрать значительное количество древнихъ евангелій малороссійскаго письма XVII и даже XVI вѣка, много нотныхъ книгъ крюкового, демественнаго и квадратнаго письма, интересную азбуку крюковыхъ нотъ, множество синодиковъ XVIII вѣка, автографы гетмановъ, полковниковъ, гр. Заводовскаго и Румянцева, Костомарова, Мордовцева, Гоголя и друг.; богатѣйшія расписныя грамоты Алексѣя Михайловича, Петра, Анны Иоановны, число которыхъ украсилось сокровищами того же рода, привезенными на Выставку Д. Я. Самоквасовымъ изъ Главнаго Московскаго Архива Министерства Юстиціи, грамоты польскихъ королей, данныхъ Чернигову и Нѣжину, разные планы малороссійскихъ городовъ и проч.

Этнографическій Отдѣлъ составилъ изъ коллекцій, собранныхъ въ Черниговской губ. и присланныхъ изъ Полтавскаго Музея.

Менѣе значительнымъ отдѣломъ является Отдѣлъ первобытныхъ древностей, но въ немъ нельзя не заинтересоваться находками близъ села Мезина, Кролевецкаго уѣзда, раскопками В. В. Хвойко, Д. Я. Самоквасова и др.

Можно было бы распространиться еще много, но, боясь окончательно васъ утомить, кончаю напоминаніемъ, что Выставка собрана преимущественно благодаря трудамъ Черниговскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета и тѣмъ поѣздкамъ по губерніи, которыя совершили за послѣдніе годы П. М. Добровольскій, В. Г. Дроздовъ, свящ. Карпинскій, гг. Самбурскій, Миткевичъ, Новицкій и г-жа Симпликевичъ. Честь и слава имъ, но и глубокое спасибо той молодежи, которая неустанно работала надъ раскупоркой предметовъ, ихъ регистраціей, описаніемъ и разстановкой. Всѣмъ имъ низкій поклонъ отъ всѣхъ насъ.

Но, вспоминая о живыхъ, отдадимъ должное прежнимъ нашимъ сотрудникамъ и сотоварищамъ, поработавшимъ на прежнихъ Съѣздахъ и не дожившимъ до Черниговскаго: проф. С. М. Шпилевскому, А. О. Мѣржинскому, пастору Билленштейну, Е. Н. Дверницкому, проф. П. В. Голубовскому, А. А. Кочубинскому, Н. П. Дашкевичу, Е. К. Рѣдину и В. Б. Антоновичу, который такъ мечталъ о Черниговѣ, такъ желалъ быть среди насъ. Помянемъ ихъ добрымъ словомъ, почтимъ ихъ дорогую память вставаніемъ и закончимъ наше засѣданіе гимномъ въ честь русскаго Царя».

Хоромъ соборныхъ пѣвчихъ былъ исполненъ гимнъ, выслушанный всѣми стоя. Послѣ открытія Съѣзда всѣ присутствовавшіе отправились обозрѣвать Выставку.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНИЙ XIV АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА.

2 августа. 10 часовъ утра.

Засѣданіе общее.

Предсѣдатель— графиня П. С. Уварова.

Секретарь— В. Н. Рогожинъ.

Открывая засѣданіе, Предсѣдатель прочиталъ слѣдующую телеграмму Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, присланную въ отвѣтъ на телеграмму Съѣзда:

«Искренно благодарю Васъ и XIV Археологическій Съездъ за молитвенную память о моемъ дорогомъ мужѣ и за вниманіе. Елисавета».

Доложены также привѣтственные телеграммы отъ вдовы проф. Е. К. Рѣдина Т. Рѣдиной, проф. Н. О. Сумцова, предсѣдателя Симбирской Архивной Комиссін В. Н. Поливанова, директора Донскаго Музея Х. И. Попова, г. Рашкова изъ Москвы, бывшаго губернатора г. Чернигова г. Андріевскаго и городского управленія г. Глухова.

1. Проф. *И. А. Линниченко* посвятилъ «Памяти В. Б. Антоновича» прочувствованный докладъ. (Т III, стр. 346).

С. П. Шелухинъ въ дополненіе къ рѣчи проф. Линниченко сказалъ слѣдующее:

«Въ мои университетскіе годы съ 1884 года наука не пользовалась свободой въ стѣнахъ университетскихъ аудиторій, и студенчество искало отвѣтовъ на свои научные запросы внѣ университета. Удовлетворяя этимъ запросамъ, Профессоръ Антоновичъ устроилъ чтеніе лекцій у себя на дому и по частнымъ квартирамъ. Украинцы - студенты въ то время дѣлились на двѣ рѣзко очерченныя группы — на «культурниковъ» и «политиковъ». Уже само названіе тѣхъ и другихъ говоритъ о характерѣ направленій. Проф. Антоновичъ былъ центромъ «культурниковъ», которымъ и читалъ свои лекціи въ своемъ частномъ университетѣ по исторіи Украины, по философіи исторіи и по антропологіи. Основываясь на антропологическихъ данныхъ, профессоръ Антоновичъ училъ, что великорусская, польская и украинская народности антропологически представляютъ собою совершенно отдѣльные національные типы. Основываясь на тѣхъ же данныхъ, онъ училъ, что, при современныхъ условіяхъ исторической жизни народовъ и государствъ, ни великороссы, ни украинцы не могли бы существовать отдѣльными государствами и что только совмѣстное ихъ жительство даетъ сильный матеріалъ для государственности. Изъ этого уже ясно, насколько обвиненіе профессора Антоновича въ проповѣди политическаго сепаратизма несправедливо. Но профессоръ Антоновичъ училъ, что всякая народность имѣетъ право на свое культурное самоопредѣленіе, ростъ и развитіе, нисколько не чуждаясь другихъ культуръ. Онъ проповѣдывалъ культурное единеніе народовъ, но не единство ихъ въ смыслѣ уничтоженія индивидуальности, въ смыслѣ «единоображенія», при которомъ человѣчество, утративъ свою оригинальность и разнообразіе, превратилось бы въ однообразную массу, въ которой люди были бы похожи, какъ одинъ верстовой столбъ на другой. Мы, его слушатели, записали его курсъ антропологіи, читанный намъ, и, послѣ просмотра лекцій профессоромъ Антоновичемъ, напечатали въ Галицкомъ украинскомъ журналѣ «Правда» въ 80-хъ годахъ, подъ заглавіемъ: «Антропологичні прикмети великоруського українського і польского типів і ріжниця межи ними». Объ этомъ до сихъ поръ знали только проф. Антоновичъ, его слушатели и близкіе люди. Изъ школы Антоновича вышло нынѣшнее молодое поколѣніе украинскихъ ученыхъ и дѣятелей, къ которымъ принадлежитъ и профессоръ М. С. Грушевскій, также слушавшій его лекціи на частныхъ квартирахъ. Проф. Антоновичъ ни къ кому изъ народовъ не сѣялъ вражды, и поляки напрасно его обвиняли во враждѣ къ польскому народу. Онъ враждебно относился всю жизнь къ польской шляхтѣ, но демократическій польскій элементъ преклонялся предъ Антоновичемъ, какъ и мы, культурники-украинцы. Не разъ я видѣлъ профессора Антоновича въ нашихъ общихъ съ поляками собраніяхъ «культурниковъ» и не разъ слышалъ обвиненія Антоновича со стороны шляхты, которая одинаково готова была утопить въ ложкѣ воды какъ насъ, украинцевъ, такъ и дружныхъ съ нами поляковъ. Ученики Антоновича пошли, однако, дальше его. Онъ обвинялъ украинцевъ, оставившихъ вѣру и національность предковъ для польскаго шляхетства. Его ученики обвиняютъ и тѣхъ укра-

инцевъ, которые оставляютъ свою національность для официальной народности и, какъ и тѣ, оставляютъ свой народъ. Профессору Антоновичу пришлось обращаться къ публицистикѣ не только въ молодые годы (противъ польской шляхты), но и въ ближайшее время — укажу на его блестяще написанную критику произведений Сенкевича, въ которыхъ онъ видѣлъ клевету на украинскій народъ, и на его отвѣтъ профессору Флоринскому въ «Кіевской Старинѣ» за 1902 годъ.

Закончу замѣчаніемъ, что въ письмахъ покойнаго А. И. Маркевича къ его, нынѣ уже покойной, супругѣ профессоръ Маркевичъ называетъ вездѣ профессора Антоновича «свѣтиломъ Археологическихъ Съездовъ».

2. Проф. Д. В. Айдаловъ посвятилъ свою рѣчь воспоминаніямъ объ Е. К. Рѣдинѣ.

Другъ покойнаго, работавшій съ нимъ въ теченіе многихъ лѣтъ, докладчикъ характеризовалъ Егора Кузьмича, какъ одного изъ наиболее видныхъ представителей Буслаево-Кондаковской школы, примѣнявшей историко-сравнительный методъ западной науки къ изученію русскихъ древностей и русскаго искусства. Не перечисляя многочисленныхъ статей Е. К., превышающихъ числомъ 100, докладчикъ остановился на выдающихся его работахъ, и, между прочимъ, на еще не напечатанной, замѣчательной по самой темѣ работѣ, «Рукопись Космы Индикоплова». Въ 12-ти главахъ этого обширнаго труда авторъ опредѣляетъ огромное значеніе рукописи для исторіи русскаго искусства. Рукопись эта интересна, между прочимъ, и для уясненія нѣкоторыхъ космографическихъ представленій русскаго народа, напр.: «солнце заходитъ за горой», «земля держится на четырехъ столбахъ» — эти представленія исходятъ изъ системы Индикоплова. Работа эта въ настоящее время печатается докладчикомъ на средства г. Предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, графини П. С. Уваровой.

Характеризуя далѣе нравственный обликъ покойнаго, докладчикъ отмѣтилъ чрезвычайно симпатичныя черты его, выдающуюся работоспособность, особенное доброжелательство къ людямъ, его доброту и обязательность, все это — черты національныя, русскія.

И. Н. Корольковъ подѣлился своими воспоминаніями о покойномъ Е. К., отмѣтивъ, между прочимъ, величайшее доброжелательство къ людямъ вообще и его обширныя познанія въ областяхъ, далекихъ отъ его специальности.

2 августа. 7 часовъ вечера.

Отд. VI. — Памятники языка и письма.

Почетный Предсѣдатель: проф. Н. И. Петровъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: акад. А. И. Соболевскій.

Секретари: А. П. Бѣлецкій, А. Д. Григорьевъ, А. П. Кадлубовскій, С. П. Масловъ.

1. Проф. В. Н. Перетцъ сдѣлалъ сообщеніе: «Что читали Межигорскіе монахи въ XVIII вѣкѣ». Какъ извѣстно, Межигорскій монастырь въ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка былъ по преимуществу казацкимъ — запорожскимъ. Библиотека его составлялась главнымъ образомъ изъ вкладовъ гетмановъ, кошевыхъ атамановъ, старшины и рядового казачества. Изъ описей библиотеки 1756, 1768, 1776 и 1798 гг., хранящихся въ архивѣ Св. Синода, узнаемъ, что въ составъ ея въ XVIII ст. входили: 1) книги богослужебныя (евангелія, апостолы и пр.), часто въ дорогихъ окладахъ (пожертвованія казацкой старшины, царя и московскихъ патріарховъ), 2) творенія отцовъ церкви восточной, 3) творенія от-

цовъ западной церкви: Оомы Аквикана, Оомы Кемпійскаго, Августина и др. (въ переводахъ и на латинскомъ языкѣ), 4) произведенія проповѣднической, полемической и богословской литературы XVII и начала XVIII вѣка. По упраздненіи Межигорскаго монастыря бібліотека его распалась: часть книгъ и рукописей перешла въ бібліотеку Кіево-Софійскаго собора, часть попала въ частныя руки.

Въ дополненіе къ сказанному референтомъ *В. С. Преображенскій* указалъ, что слѣды Межигорской бібліотеки можно открыть также въ Кіево-Печерской Лаврѣ и что въ составъ ея, кромѣ названныхъ въ докладѣ отдѣловъ, входили еще произведенія житійной литературы.—Проф. *Н. И. Петровъ* замѣтилъ, что въ последнее время ему пришлось встрѣтить еще пять рукописей изъ Межигорской бібліотеки: одна поступила въ Церковно-Археологическій Музей при Кіевской Академіи; остальные четыре были найдены на мѣстѣ, въ самомъ монастырѣ. Старѣйшей изъ этихъ рукописей является служебная минея XVI ст.

2. *С. И. Масловъ* сдѣлалъ сообщеніе: «Къ исторіи западно-русскихъ типографій XVII вѣка». (Т. III, стр. 371).

Проф. *Н. И. Петровъ* въ дополненіе къ указаніямъ референта сообщилъ, что извѣстный бібліографъ Викторовъ, будучи въ 1871 г. въ Кіевѣ и изучая тамъ старопечатныя книги, отмѣтилъ нѣсколько книгъ Львовской печати, которыя были перепечатаваемы съ незначительными видоизмѣненіями, незамѣтными на первый разъ (съ тѣмъ же выходнымъ листомъ). Замѣтки Викторова по этому вопросу у него пропали и потому не были изданы.

Акад. *А. И. Соболевскій* интересовался вопросомъ объ инициалахъ въ изданіи В, т.-е. Могилевскомъ: они сходны съ Рохмановскими; тогда какъ Рохмановскіе были заграничной работы въ стилѣ Renaissance, Могилевскіе шрифты вообще худшей работы. *А. И. Соболевскій* спросилъ, не перешла ли Рохмановская типографія въ Могилевъ къ Воцанкѣ. Референтъ указалъ, что инициалы въ изданіяхъ Транквилліона типа А и типа В оттиснуты различными клише; сходство же въ ихъ рисункѣ объясняется тѣмъ, что Могилевскіе инициалы были сдѣланы въ подражаніе Рохмановскимъ.

3. Проф. *П. А. Лавровъ* сдѣлалъ сообщеніе: «О Славянскомъ палеографическомъ матеріалѣ на Аѳонѣ. *П. А. Лавровъ* нашелъ въ бібліотекахъ аѳонскихъ монастырей три рукописи со слѣдами глаголическаго письма: паремейникъ XIII вѣка въ Хиландарскомъ, евангеліе XIV в. въ Пантелеймоновомъ и болгарскую рукопись XV в. въ Зографскомъ монастыряхъ. Въ Паремейникѣ число 1000 передано глаголическимъ ч; въ евангеліи киноварью написана помѣта, указывающая на евангельское чтеніе текста: «о кончинѣ (кирилицей) сега свѣта» (глаголицей). Въ болгарской рукописи глаголическая приписка указываетъ имя писца: «азъ даніиль писахъ сие». Кромѣ того, *П. А. Лавровъ* нашелъ въ Зографскомъ монастырѣ кирилловскіе листки, въ которыхъ сохранился церковно-славянскій текстъ, представляющій какое-то поученіе одного изъ отцовъ церкви. Старое письмо и правильность употребленія носовыхъ и глухихъ дѣлають вновь найденный текстъ весьма цѣннымъ, въ виду немногочисленности древнихъ церковно-славянскихъ памятниковъ.

Въ бесѣдѣ по поводу реферата приняли участіе. *А. И. Соболевскій*, *А. Д. Григорьевъ* и другіе. *А. И. Соболевскій* отмѣтилъ важность открытія новаго памятника церковно-славянскаго языка XI вѣка. Къ замѣчанію *А. И. Соболевскаго* объ употребленіи глаголицы въ качествѣ тайнописи въ русскихъ и южно-славянскихъ рукописяхъ XV вѣка референтъ добавилъ указаніе на употребленіе круглой глаголицы въ качествѣ тайнописи, судя по находкамъ *А. И. Яцимирскаго*, также и у румынъ.

4. Проф. Д. В. Айналовъ сообщилъ: «Два примѣчанія къ «Слову о Полку Игоревѣ». Сущность доклада сводилась къ двумъ положеніямъ:

а) Выраженіе «Слова»: «полепѣя отца своего межѣ угорскими иноходцы» указываетъ на особый способъ переноски мертвыхъ тѣлъ и тяжестей въ быту среднихъ вѣковъ Запада и Руси (описано Турпиномъ, гл. 29). Пѣвцу «Слова» этотъ способъ хорошо извѣстенъ, такъ какъ онъ описываетъ его еще разъ, но въ иныхъ выраженіяхъ.

б) Красные «черленые» щиты представляютъ любопытную деталь вооруженія древле-русскаго войска, извѣстную во все періоды западной исторіи въ вооруженіи войскъ и встрѣчаемую также въ миниатюрѣ рукописи XIV вѣка Сильвестровскаго Сборника Московской Синодальной Библіотеки.

Въ бесѣдѣ по поводу реферата приняли участіе проф. В. З. Завитневичъ, Э. Р. фонъ-Штернъ и П. А. Лавровъ, Х. П. Яцуржинскій, проф. А. Н. Ясинскій, акад. А. И. Соболевскій, М. Е. Соколовъ и М. П. Карпинскій.

Изъ нихъ проф. В. З. Завитневичъ указалъ, что матеріалъ недостаточенъ для сужденія о варяжскомъ влияніи, которое референтъ видитъ въ употребленіи красныхъ щитовъ; проф. А. Н. Ясинскій выразилъ сомнѣніе вообще въ возможности влиянія варяжскаго военнаго строя на русскій.

2 августа. 7 часовъ вечера.

Отд. V.—Древности церковныя (параллельное).

Почетный Предсѣдатель: *преосвященный Несторъ, епископъ Новгородскаго епархіи.*

Предсѣдатель: проф. Н. В. Покровскій.

Секретари: проф. П. Е. Евсеевъ и В. А. Пархоменко.

Предсѣдатель открылъ засѣданіе вступительною рѣчью слѣдующаго содержанія: «Памятники церковной старины въ Черниговѣ представляютъ собою одно изъ крупныхъ звеньевъ въ цѣпи однородныхъ явленій Югозападной Россіи. Здѣсь имѣются нѣкоторые остатки старины древнѣйшей эпохи, связанные узами родства съ древнѣйшими памятниками Кіева и съ Византією. Сюда можно отнести архитектурные остатки Спасскаго собора, но преобладающее значеніе въ численномъ отношеніи имѣютъ памятники XVII—XVIII в. Это уже эпоха упадка русскаго искусства въ смыслѣ національномъ, эпоха паденія и сильнаго наклона въ сторону искусства западно-европейскаго. Огромное большинство памятниковъ отличается такимъ характеромъ. Недочеты здѣсь въ памятникахъ древнѣйшаго періода восполняются остатками церковной старины въ Кіевѣ (Софійскій соборъ, мозаики, фрески и др.) и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, напр. въ Острѣ, Гроднѣ (Коложская церковь), — преобладающая же масса (XVII—XVIII в.) вполне гармонируетъ, по своему художественно-историческому значенію, съ огромною массою памятниковъ во многихъ другихъ мѣстахъ, какъ мы въ этомъ могли убѣдиться изъ разсмотрѣнія археологическихъ выставокъ на Съѣздахъ Харьковскомъ, Екатеринославскомъ и др. (ср. музей въ Холмѣ). Эта послѣдняя эпоха опредѣлилась съ достаточной полнотою и ясностью. Она имѣетъ свою цѣну постольку, поскольку важенъ для историка всякій историческій фактъ, — независимо отъ его квалификации; съ точки же зрѣнія національнаго искусства — это очевидный декадансъ. Если же на одну минуту сопоставить эту эпоху съ древнѣйшею, то замѣтимъ сейчасъ, что эти два явленія совершенно различны, какъ настоящее и минувшее, и прямой непосредственной исторической связи между ними нѣтъ. Но она должна быть! Эпоха упадка не можетъ быть разсматриваема какъ явленіе ex abrupto,

она подошла постепенно, но этотъ путь досель въ русской наукѣ не уясненъ. Соображенія общенсторическаго характера для уясненія этого недостаточны: нужна наличность памятниковъ, по которымъ мы могли бы прослѣдить шагъ за шагомъ исторію искусства въ разсматриваемой мѣстности. Такіе памятники средняго періода, хотя и немногочисленные, все-таки извѣстны: можно указать на иллюстрированную Псалтирь О. Л. Древн. Писем. 1394 г., писанную въ Кіевѣ, рядъ иконъ въ Львовскомъ Музеѣ, стѣнописи Люблинскаго костела (снимки демонстрировались), отдѣльные предметы Выставки Черниговскаго Съѣзда, и значительный матеріалъ, указанный въ трудахъ почтеннаго краковскаго спеціалиста, присутствовавшаго на засѣданіи, проф. Маріана Соколовскаго. Такимъ образомъ, археологическая наука обладаетъ нѣкоторымъ матеріаломъ, чтобы заполнить столь крупный пробѣлъ въ русскомъ искусствѣ или, по крайней мѣрѣ, обозначить нѣкоторые этапы отъ древнѣйшей эпохи въ XVII в. Это—одна изъ крупныхъ задачъ русской христіанской художественной археологіи настоящаго времени».

Академикъ *М. Соколовскій* за вниманіе къ его трудамъ выразилъ въ теплой прочувствованной рѣчи, на французскомъ языкѣ, свою благодарность Археологическому Съѣзду.

Затѣмъ прочитаны были слѣдующіе доклады:

1. Проф. *Д. В. Айналовъ*—«О Маріупольскихъ восковыхъ иконахъ».

Въ Маріуполѣ докладчикъ изслѣдовалъ двѣ рѣдкихъ рельефныхъ раскрашенныхъ восковыхъ иконы—Божіей Матери и Георгія Побѣдоносца. Послѣ анализа техники иконъ докладчикъ, путемъ разнообразныхъ соображеній, въ особенности стилия письма, отнесъ происхожденіе иконы Божіей Матери къ XI в. Другая икона—св. Георгія Побѣдоносца, въ дѣйствіяхъ и чудесахъ, носитъ болѣе шаблонный характеръ, по сравненію съ предыдущей, и должна быть отнесена къ болѣе позднему времени.

2. Проф. *Н. П. Петровъ*—«О фрескахъ Спасо-Берестовской церкви».

Одна изъ древнѣйшихъ въ Кіевѣ церквей, церковь Спаса на Берестовѣ, домонгольскаго происхожденія, разрушенная во время татарскаго нашествія, была реставрирована Петромъ Могилою. Реставрація же до насъ цѣликомъ не дошла, а по снимкамъ, сдѣланнымъ до ея уничтоженія, и двумъ сохранившимся надписямъ, а равно посредствомъ анализа кладки стѣнъ, докладчикъ задался цѣлію установить время и характеръ происхожденія фресокъ этой церкви. Референтъ разобралъ мнѣнія изслѣдователей этого храма—Сементовскаго и проф. Лашкарева и обосновалъ то положеніе, что фрески храма относятся ко времени Петра Могилы, исполнены «перстами грековъ», по наставленіямъ греческихъ ерминій, а живопись, масляными красками, исполнена въ XVIII в. Живопись этого храма, по мнѣнію референта, отразилась на нѣкоторыхъ другихъ храмахъ и, между прочимъ, на иконѣ архангела Михаила, въ Черниговскомъ Елецкомъ монастырѣ. Въ виду этого фрески Спасской, на Берестовѣ, церкви были возстановлены въ первоначальной могилянско-формѣ, а равно было произведено изслѣдованіе, нѣтъ ли подъ ними фресокъ болѣе древняго времени.

Въ послѣдовавшемъ, по поводу реферата, оживленномъ обмѣнѣ мнѣній приняли участіе: *Н. П. Троицкій*, проф. *Н. В. Покровскій*, *А. С. Раевскій*, *А. Н. Савенко* и *О. О. Горностасовъ*.

3. *Н. П. Троицкій*—«Объ иконѣ св. Николая Новосильскаго».

Референтъ нашелъ въ монастырѣ, въ г. Новосилѣ, древнюю икону св. Николая, счистилъ съ нея, при помощи спеціалиста-реставратора, девять слоевъ позднѣйшаго происхожденія и поставилъ полученную такимъ образомъ икону древнѣйшаго

типа въ связь съ монастырскимъ сказаніемъ о супругѣ князя Андрея Боголюбскаго, построившей здѣсь монастырь и привезшей сюда изъ Кіева икону Николая Добраго. Послѣ продолжительныхъ изысканій референтъ, по разрисовкѣ крещатыхъ ризъ, поставилъ данную икону въ связь съ херсонесскимъ мозаичнымъ Иоломъ, также съ нѣкоторыми изъ древнихъ энколпионовъ изъ одного древняго чешскаго городища IX — XI в., привезенными на Съездъ въ снимкахъ проф. Пражскаго Университета Пичемъ. Новосильскую икону св. Николая, по соображеніямъ докладчика, слѣдуетъ считать древнѣе кіевской иконы Николая Добраго и относить къ XI вѣку.

Въ обмѣнѣ мнѣній по поводу доклада приняли участіе: *Д. В. Туткевичъ* и проф. *Пичъ*, который, въ виду ссылки докладчика на его матеріалы, сдѣлалъ разъясненіе о найденныхъ имъ эмалированныхъ крестахъ XI—XII вв., указывающихъ на то, что они ведутъ свое происхожденіе едва ли не изъ Кіева. Въ обсужденіи демонстрированныхъ проф. Пичемъ снимковъ съ этихъ крестовъ принимали также участіе графъ *П. С. Уварова*, проф. *И. В. Покровский*, акад. *Марианъ Соколовскій*, проф. *Н. И. Петровъ*.

4. Свящ. *А. Н. Ефимовъ*: «Объ Олеговомъ полѣ» и «Объ Елецкихъ пещерахъ» (Т. III, стр. 89 и Т. II, стр. 73).

3 августа.

Воскресенье было посвящено раскопкѣ кургановъ на старомъ кладбищѣ. Руководившій раскопками проф. *Д. Я. Самоквасовъ* давалъ присутствовавшимъ, попутно, объясненія признаковъ, характеризующихъ Сѣверянскія погребенія.

4 августа, 10 часовъ утра.

Отд. I.—Древности первобытныя.

Почетный предсѣдатель—проф. *В. О. Пичъ*.

Предсѣдатель Отдѣленія—проф. *В. З. Завитневичъ*.

Секретари:—*В. Г. Ласкоронскій* и *В. А. Городцевъ*.

1. *К. Вл. Хилинскій* доложилъ о «Трипольской культурѣ».

Упомянувъ о находкѣ *В. В. Хвойко*, въ 1906 г., близъ с. Крутобородицъ, Летичевского у., Подольской губ., предметовъ такъ называемой «трипольской культуры», докладчикъ остановился какъ на времени открытія первыхъ слѣдовъ означенной культуры, такъ и на районѣ ея мѣстонахожденія. Первые находки этой культуры были сдѣланы проф. *В. О. Пичемъ*, въ Молдавіи, въ Кукутенахъ; затѣмъ она была найдена въ восточной Галиціи *Г. Оссовскимъ*, около Золото-Бильча, и, спустя нѣкоторое время, и въ другихъ мѣстахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ *В. В. Хвойко* сдѣлалъ открытіе означенной культуры и въ области р. Днѣпра, именно—близъ м. Триполья, Кіевской губ. Такимъ образомъ, область распространенія этой культуры ограничивалась въ Россіи на востокъ р. Днѣпромъ, а на западѣ—Днѣстромъ и Карпатами. Наиболѣе ярко она обнаружилась въ днѣпровскомъ районѣ близъ Триполья. Здѣсь она находилась или въ землянкахъ, или въ пещерахъ и принадлежала къ неолитическому періоду. Культура, обнаруженная въ землянкахъ, развивалась медленно, но очень послѣдовательно, едѣ замѣчается постепенное ихъ совершенствованіе. Площадки трипольской культуры имѣютъ размѣры отъ 18 до 20 метровъ въ длину и почти столько же въ ширину; онѣ покрыты двумя, тремя или же четырьмя упавшими стѣнами землянокъ. Во-

обще въ означенныхъ остаткахъ трипольской культуры можно различать двѣ особенности: 1) остатки сооружений, служившихъ, по всей вѣроятности, жилищами, и 2) — мѣсто погребеній, которыя, по большей части, являются коллективными. Не смотря, однако, на множество произведенныхъ раскопокъ въ области трипольской культуры, въ настоящее время еще не вполне выяснены типы разныхъ землянокъ. Площадки, обнаруженныя г. Хвойко, очень похожи на открытыя раньше. Главная ихъ особенность — это керамическія издѣлія, которыя раздѣляются на два разряда: 1) высшаго порядка, и 2) низшаго. Первые представляютъ сосуды огромной величины, сдѣланные безъ помощи гончарнаго колеса, очень искусно; они имѣютъ различную окраску, отличаются богатой орнаментировкой, весьма разнообразной въ зависимости отъ мѣста и времени, къ которымъ они относятся. Особенно оригиналенъ фонъ окраски сосудовъ, отъ котораго зависятъ и другіе цвѣта красокъ этихъ сосудовъ; можно, однако, сказать, что цвѣтъ фона зависитъ въ значительной степени отъ цвѣта глины, изъ которой они сдѣланы. Фонъ этотъ очень разнообразенъ: желтый, бурый и красный. Вообще сосуды, найденные въ Крутобородцахъ, необыкновенно богаты красками и орнаментовочными мотивами, хотя наибольшее значеніе имѣютъ спиральные орнаменты, въ различныхъ комбинаціяхъ, а также орнаментация по отдѣльнымъ поясамъ. Нѣкоторые сосуды представляютъ поразительный орнаментъ, который покрывалъ весь сосудъ, обвивая его двойнымъ рядомъ спиралей; интересно, однако, что эти узоры не всегда отличаются симметричностью; напротивъ, у многихъ сосудовъ узоры верхней части не походятъ на узоръ нижней части. Вообще, узоры эти отличаются большой свободой въ производствѣ орнамента, но всѣ они проявляютъ какую-то смѣлость въ исполненіи. Узоры — это спирали въ видѣ параллельно идущихъ бороздъ. Имѣются также интересные образцы животнаго орнамента. Подольскіе сосуды очень ярко представляютъ собой трипольскую культуру. Въ Подольской губ. имѣется какъ бы узелъ, въ которомъ сталкивались вліянія, шедшія съ Днѣпра и Днѣстра. Сосуды высшей или лучшей отдѣлки являлись какъ бы моделями, которымъ подражали въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Эта высшая керамика должна находиться въ тѣсной связи съ тѣми предметами, которые найдены далѣе къ западу и къ югу, въ частности съ керамикой Балканскаго полуострова и съ такъ назыв. «Bandkeramik» Дунайскихъ земель. Трипольская культура стоитъ въ извѣстномъ отношеніи къ другимъ культурамъ. Такъ, можно отмѣтить, что она идетъ на югъ. Проф. фонъ-Штернъ указалъ, что подобнаго рода сосуды были находимы въ Греціи, въ Эссалии; затѣмъ они встрѣчаются въ сѣверо-западномъ отдѣлѣ Балканскаго полуострова, близъ Адриатики. Въ отношеніи востока надо замѣтить, что мы имѣемъ слабые слѣды этой культуры близъ р. Десны.

Второй отдѣлъ керамики составляютъ болѣе грубые сосуды, тѣсно связанные съ керамикой сосудовъ предшествующей эпохи землянокъ, и пережившіе богатые сосуды высшаго стиля; они мѣстнаго происхожденія и сходны съ тѣми сосудами, которые попадались въ свайныхъ постройкахъ, въ скифскихъ погребеніяхъ и проч.; быть можетъ, со временемъ удастся установить ихъ связь съ керамикой славянъ. Они имѣютъ также связь съ тѣми теченіями въ производствѣ керамическихъ издѣлій, которыя извѣстны между Карпатами и Балтійскимъ моремъ.

Изъ другихъ предметовъ, найденныхъ при раскопкахъ, слѣдуетъ отмѣтить прежде всего глиняныя фигуры людей и животныхъ, сдѣланныя со свойственнымъ трипольской культурѣ стремленіемъ къ реализму; затѣмъ — орудія изъ камня и кости, изъ числа которыхъ интересны ручные жернова, каменные долотца, такіе же шарики и проч.

Докладчикъ, основываясь на строеніи скелета и другихъ данныхъ, считаетъ

носителей трипольской культуры арийского происхождения, но ближе, точнее, определить их в настоящее время — трудно.

Кромѣ того, докладчикъ считаетъ терминъ «трипольская культура» нѣсколько не подходящимъ къ ней, и взаменъ его предлагаетъ назвать ее географическимъ терминомъ «карпато-днѣпровской культуры», сохраняя для отдѣльных ея видовъ названія по мѣстамъ первыхъ или важнѣйшихъ находокъ.

Проф. фонъ-Штернъ указалъ на важность находокъ В. В. Хвойко. Онъ обратилъ вниманіе на сосудъ, украшенный изображеніемъ животныхъ. Благодаря этимъ находкамъ, выясняется связь трипольской культуры отъ Галиціи до Днѣпра. Далѣе, проф. фонъ-Штернъ сообщилъ, что и въ Греціи, равно какъ и въ греческихъ колоніяхъ, — рядомъ съ прекрасно исполненными сосудами, попадаются и простые сосуды, но они, какъ показали химическія изслѣдованія состава глины, всѣ сработаны изъ одинаковаго матеріала. Сосудовъ вышеозначеннаго типа не находятъ совместно съ сосудами бронзоваго вѣка; носители означенной культуры, повидимому, подвинулись далѣе, когда бронзовая культура явилась въ этихъ мѣстахъ. Вслѣдствіе этого и является возможность прослѣдить время ихъ появленія: въ Эссалии они находятся ниже предметовъ микенской культуры, что даетъ возможность назвать ихъ культуру премикенской или домикенской. Начало этихъ типовъ идетъ отъ сѣвера на югъ, что, повидимому, даетъ указаніе о движеніи носителей этой культуры съ сѣвера на югъ.

А. В. Селивановъ, въ подтвержденіе мнѣнія проф. фонъ-Штерна объ идентичности происхожденія сосудовъ обоихъ типовъ, ссылается на своевременное производство сосудовъ, когда производится одновременно нѣсколько типовъ сосудовъ. Затѣмъ А. В. Селивановъ поднимаетъ вопросъ о томъ, къ какому времени можно отнести трипольскую культуру.

Докладчикъ отвѣчаетъ, что, основываясь на томъ, что носители означенной культуры двигались на югъ, въ Грецію, можно назвать эту эру до-эгейской, но вопросъ еще не вполне выясненъ. Затѣмъ, относительно времени, эту культуру можно отнести къ неолиту; землянки — къ раннему неолиту, площадки — къ неолиту съ окрашенными костяками. Такъ какъ въ трипольской культурѣ найдены литыя изъ бронзы вещи, то это даетъ намъ возможность отнести эпоху означенной культуры ко времени расцвѣта неолита, т.-е. къ 3 или 3½ тысячел. до Р. Х.

Ө. К. Волковъ обратилъ вниманіе на то, что проф. фонъ-Штернъ вполне основательно приурочилъ терминъ «до-микенской культуры» къ означеннымъ находкамъ В. В. Хвойко. Но онъ нѣсколько не согласенъ съ мнѣніемъ, высказаннымъ проф. фонъ-Штерномъ относительно распространенія и направленія движенія этой культуры. Оказывается, что такъ называемая трипольская культура распространена и въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Азій, близъ древнихъ Сузъ, гдѣ де-Морганомъ произведены обширныя раскопки, давшія въ неолитическомъ слѣдъ множество сосудовъ и другихъ вещей, подобныхъ трипольскимъ. Далѣе и въ другихъ мѣстахъ уже найдены сосуды означенной культуры, напр., близъ Асхабада, Мерва и проч. Что касается запада, то слѣды трипольской культуры можно замѣтить въ галльштадтской культурѣ, имѣющей много сходныхъ чертъ въ отношеніи орнаментики, формы и проч. Затѣмъ мы имѣемъ находки предметовъ означенной культуры и въ другихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время, врядъ ли можно рѣшить, какимъ путемъ и откуда шла такъ назыв. трипольская культура. Кромѣ того, терминъ «площадки» не совсѣмъ подходящъ, что произошло, повидимому, вслѣдствіе того, что не вполне уяснена система изслѣдуемыхъ сооружений.

Проф. И. А. Линниченко, защищая терминъ «трипольская культура», указываетъ на возникновеніе аналогичныхъ названій: Латенская, Шальская, Юрская

и проч. — въ зависимости отъ мѣстностей, гдѣ были сдѣланы находки. Затѣмъ, И. А. Линниченко сдѣлалъ предположеніе, что такъ называемые «биноклеобразные» сосуды служили для освѣщенія, а сосудъ съ загадочной надписью представляетъ въ начертаніи буквъ большое сходство съ средне-азиатскими надписями, изданными г. Радловымъ, что указываетъ на путь, какимъ шла трипольская культура. Далѣе относительно сосудовъ этой культуры можно полагать, что они, судя по составу глины, были мѣстнаго производства, а не привозные.

Проф. фонъ-Штернъ сообщилъ, что ему извѣстны раскопки де-Моргана, равно какъ и находки означенной культуры въ другихъ мѣстахъ. Но дѣлать смѣлые выводы изъ всего этого матеріала онъ не рѣшается, такъ какъ во многихъ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ находятся предметы со сходными чертами, напр., урны съ лицевымъ орнаментомъ и проч. Въ научномъ отношеніи выводы могутъ быть прочными лишь тогда, когда мы имѣемъ послѣдовательныя звенья одной и той же культуры въ мѣстностяхъ, представляющихъ близкое со-сѣдство или же неразрывное цѣлое.

Проф. В. О. Пичъ сообщилъ, что въ Буковинѣ была сдѣлана находка предметовъ такъ называемой трипольской культуры въ особенно счастливыхъ условіяхъ: здѣсь можно было видѣть множество сосудовъ въ закрытомъ помѣщеніи, въ печи, что очень интересно, такъ какъ даетъ намъ возможность ближе подойти къ разъясненію этого вопроса. Затѣмъ проф. В. О. Пичъ отмѣтилъ, что, судя по найденнымъ нынѣ предметамъ, можно установить три группы означенной культуры: 1) на Балканахъ, 2) на Эгейскомъ морѣ и 3) въ Приднѣпровьи.

2. Проф. И. В. Евсѣевъ «Раскопки по верхнему теченію р. Оки».

Докладчикъ остановился прежде всего на томъ, что племя Вятичей, на территоріи которыхъ были произведены раскопки, не можетъ быть съ точностью опредѣлено: въ литературѣ встрѣчается множество разнообразныхъ по этому поводу мнѣній. Академикъ Шахматовъ, на основаніи мѣстныхъ особенностей Вятичей и разнаго рода отличій ихъ отъ сосѣднихъ племенъ, пришелъ къ выводу, что Вятичи жили южнѣе, по Дону, до самаго Чернаго моря. Другіе высказывали противоположныя мнѣнія. Такимъ образомъ получалась неясность; но эта неясность вполне естественна тамъ, гдѣ нѣтъ прочныхъ источниковъ, помощью которыхъ можно было бы освѣтить вопросъ. Въ области архивныхъ матеріаловъ мы также не находимъ извѣстій о Вятичахъ; такимъ образомъ, получается нѣсколько противорѣчивыхъ теорій, примирить которыя въ настоящее время очень трудно. Докладчикъ считаетъ, что время дѣлать широкіе обобщающіе выводы еще не пришло, такъ какъ еще не собранъ матеріаль, не приготовлены, такъ сказать, кирпичи, изъ которыхъ можно бы было возводить научное зданіе.

Докладчикомъ было произведено археологическое изслѣдованіе верхняго теченія р. Оки, на протяженіи около 100 верстъ. Здѣсь найдено было два становища: 1) у верховьевъ р. Оки и 2) при впаденіи р. Зуши въ Оку, у Шлыкова.

Относительно перваго становища необходимо отмѣтить, что здѣсь берегъ на протяженіи почти 20 верстъ весь покрытъ массой каменныхъ орудій самой разнообразной разработки и состава; они сдѣланы или изъ кремня, или же изъ известняка; въ курганахъ было найдено множество орудій; вообще почва вокругъ была насыщена этими остатками орудій. Городищъ было изслѣдовано 9; ихъ можно раздѣлить на двѣ части: въ первой было 6 городищъ, во второй — 3; культура этихъ городищъ одинакова, и только одно изъ нихъ является съ нѣсколькими отличіями отъ остальныхъ культурой; и только одно городище, Тагинское, представляло культуру, которая рѣзко отличалась отъ другихъ городищъ: здѣсь встрѣчаются костяныя орудія, иглы, кремневые скребки и проч. Есть также жилищныя

ямы, которыя, повидимому, являлись жилищными центрами, такъ какъ въ нихъ попадались глина отъ построекъ и дерево. Необходимо также отмѣтить, что на всѣхъ городищахъ попадалась масса углей, камней, костей и пр.; на нѣкоторыхъ попадаются полированная посуда и стекло, на другихъ — желѣзные предметы, ножи, копы и друг. остатки. Кургановъ было обследовано 33; большинство (24) съ трупосожженіемъ, остальные представляютъ обычное погребеніе; изъ числа украшеній попадались: браслеты, семилопастныя привѣски, расширенныя и проч., остатки волосъ съ матеріей и проч. Трупосожженіе имѣло нѣсколько видовъ: 1) на мѣстѣ, 2) въ сторонѣ и 3) на эшафодажѣ. На эшафодажѣ полагался полусожженный скелетъ и прикрывался деревомъ; встрѣчалось и нѣсколько иное трупосожженіе.

Вообще, судя по находимымъ въ означенныхъ городищахъ предметамъ, можно полагать, что эти сооруженія датируются XI или же XII вѣкомъ. Докладчикъ полагаетъ, что мнѣніе г. Свицына, относившаго эти городища къ VIII вѣку, должно быть отвергнуто. Принимая во вниманіе добытый раскопками В. Р. Апухтина матеріаль, можно сдѣлать выводъ, что трупосожженіе было распространено далеко на сѣверѣ, но определенной даты оно не имѣетъ. Мценская группа могильниковъ имѣетъ связь съ означенными выше городищами. Но было ли это поселеніе Вятичей — сказать трудно. Указывалось, что семилопастная привѣска и плетеные браслеты должны быть наиболѣе типичными вещами для этихъ городищъ. Но извѣстно, что семилопастныя привѣски встрѣчаются и въ западной окраинѣ, на территоріи Радимичей и проч. Слѣдовательно, толковать и рѣшать вопросъ о принадлежности ихъ Вятичамъ — нѣтъ возможности. Спайки колецъ также не даютъ возможности рѣшать вопросъ о происхожденіи Вятичей. Вообще, вопросъ еще не вполне уясненъ, и слѣдуетъ пожелать, чтобы для рѣшенія его были сдѣланы дальнѣйшіе шаги.

Проф. Д. Я. Самоквасовъ указалъ, что наука должна съ благодарностью отнестись къ работѣ проф. Евсева, который, не смотря на ограниченность средствъ, отпускаемыхъ для изслѣдованій и раскопокъ, продолжаетъ неутомимо работать на пользу науки.

3. Проф. Д. Я. Самоквасовъ — «О Сѣверянской землѣ и Сѣверянахъ по городищамъ и могиламъ». Референтъ познакомилъ слушателей съ тѣмъ, какъ имъ были собраны историческій матеріаль, и какъ послѣдній былъ группированъ по эпохамъ и народностямъ. Начавъ съ земли сѣверянъ, референтъ успѣлъ сдѣлать довольно много въ области археологическихъ изысканій, но въ 1891 г. онъ получилъ новую должность въ архивѣ Министерства Юстиціи и долженъ былъ посвятить свои силы новому дѣлу архивовѣдѣнія. Незадолго передъ этимъ г. Самоквасовъ напечаталъ дневникъ своихъ раскопокъ. Съ тѣхъ поръ этотъ трудъ не издавался. Но затѣмъ онъ рѣшился пополнить дневникъ новыми данными, и этотъ трудъ появился подъ названіемъ «Могилы Сѣверской земли».

Референтъ обратилъ вниманіе на описаніе народовъ, обитавшихъ въ сѣверянской землѣ. Древнѣйшіе обитатели — скиѣы, какое названіе встрѣчается до христіанскаго времени; древнѣйшее названіе скиѣовъ — киммеріане, оставившіе по себѣ множество могилъ. Затѣмъ, послѣ киммерійскихъ могилъ интересны могилы ихъ замѣстителей — сколотовъ. Сколоты господствовали до Филиппа Македонскаго, который явился въ Скиѣю и разбилъ скиѣскаго царя; мужской элементъ этихъ скиѣовъ былъ уничтоженъ, а женскій — уведенъ въ Македонію. Діодоръ говоритъ, что тогда-то двинулись въ скиѣскую землю полчища савроматовъ, которыя распались на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна называлась роксоланами. Послѣдніе представляли могущественное племя, которое оказывало могущественную помощь царю Фарнаку. Въ I вѣкѣ по Р. Х. особенно могущественнымъ становится царство

дакійское. Юлій Цезарь серьезно готовился къ войнѣ съ ними, но смерть его разрушила эти планы. При Домиціанѣ, какъ извѣстно, война началась, но велась малоуспѣшно; при Троянѣ война съ дакійцами была болѣе благопріятной для римлянъ. Въ это время многія племена, жившія на югѣ Россіи, начали выселяться въ окрестныя земли; многія племена выселились изъ дунайской римской провинціи и расположились: одни по Вислѣ, а другіе — по Днѣпру. Царство россоланъ существовало на югѣ Руси нѣсколько вѣковъ и затѣмъ было смѣнено царствомъ хазаръ. Завоеванія хазаръ побудило россоланъ къ колонизаціи, и вотъ тогда-то, по всей вѣроятности, и образовались отдѣльныя племена славянъ: сѣверяне, поляне, древляне и проч. Но гдѣ обособился этотъ народъ сѣверяне — неизвѣстно. Помощь въ этомъ дѣлѣ могутъ намъ дать языческіе могильники, которые своимъ содержимымъ разъясняютъ многое.

Сдѣлавъ указаніе на раздѣленіе могилъ на десять слоевъ, референтъ остановилъ свое вниманіе на могилахъ, имѣющихъ отношеніе къ русской жизни временъ съ X вѣка.

Затѣмъ проф. *Самоквасовъ* остановился на характеристикѣ лѣтописныхъ извѣстій, на основаніи которыхъ является возможность указать какъ на районъ древнѣйшихъ поселеній, такъ и на области ихъ распространенія, при чемъ отмѣтилъ главнѣйшіе центры сѣверянскихъ поселеній и города въ нихъ. Характеризуя бытъ древнихъ сѣверянъ и приводя для своихъ положеній историческія извѣстія, докладчикъ указалъ, что наиболѣе видную, важную роль играли городскія поселенія — городки и городища, которыя и являлись первыми пунктами древнихъ сѣверянскихъ поселеній, и, такимъ образомъ, городки и городища сѣверянъ, по времени, являются поселеніями, возникшими раньше сельскихъ поселеній.

4 августа. 10 часовъ утра. (Параллельное).

Отд. III.—Памятники искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики.

Почетный предсѣдатель — академикъ *Маріанъ Соколовскій*.

Предсѣдатель — проф. *Д. В. Айналовъ*.

Секретари — *А. П. Новицкій*, *И. М. Тарабринъ* и *А. К. Ярыгинъ*.

Академикъ *М. Соколовскій* благодарилъ за избраніе его въ почетные предсѣдатели и на польскомъ языкѣ произнесъ рѣчь о значеніи Археологическихъ Съездовъ.

1. *Ө. Ө. Горностаевъ*: «Объ архитектурѣ древнихъ храмовъ Чернигова до-монгольскаго періода».

Докладъ заключалъ въ себѣ результаты изслѣдованій четырехъ черниговскихъ храмовъ, произведенныхъ по порученію Московскаго Археологическаго Общества.

Въ Спасскомъ соборѣ древняя кладка обнаружена имѣ въ юго-восточномъ и сѣверо-западномъ барабанахъ малыхъ куполовъ; изъ парусовъ — только въ сѣверо-западномъ парусѣ; въ барабанѣ главнаго купола — въ сѣверной сторонѣ, за исключеніемъ междуоконныхъ полуколоннъ; въ верхнихъ столбахъ хоръ и въ нѣкоторыхъ аркахъ храма; въ самыхъ верхнихъ окнахъ стѣнъ и частію въ аркахъ закомаръ, при чемъ верха и бока послѣднихъ, а также и углы храма оказались надложенными. Лѣвую башню, извѣстную подъ названіемъ «Краснаго Терема», онъ относитъ къ XVII вѣку. Систематическаго изслѣдованія онъ не производилъ.

Въ соборѣ Елецкаго монастыря изслѣдованіе обнаружило слѣды пятого купола, относимаго докладчикомъ, такъ же какъ и уцѣлѣвшіе малые купола, къ XVII в.

Древней византийской кладки — средний куполь съ полуколонками между оконъ; стѣны до самыхъ верхнихъ оконъ съ оригинальными романскаго типа арочками и съ полуколонками. Покрытіе въ древности, вѣроятно, было по сводамъ.

Въ Ильинской церкви, рядомъ съ главнымъ куполомъ, къ западу, стоялъ прежде четвертый куполь. Барабанъ центрального купола съ полуколонками между оконъ оказался древней византийской кладки. Надъ сѣверо-западною пилястрою обнаруженъ древній карнизъ, ниже существующаго нынѣ карниза. Первоначально храмъ былъ одноглавый, одноабсидный, продолговатый по плану и покрытъ былъ по-византийски. По плану онъ сходенъ съ Юрьевой Божницей, на Острѣ.

Въ Борисоглѣбскомъ соборѣ сохранились древніе хоры и часть абсиды. Снаружи открыты части древняго карниза. Этотъ храмъ сходенъ съ церковью Двѣнадцати Апостоловъ въ Фессалоникахъ.

Въ Пятницкомъ храмѣ, вопреки мнѣнію проф. Лашкарева, докладчикъ обнаружилъ древнюю кладку въ сѣверной стѣнѣ у самаго основанія креста. По кладкѣ и конструкціи сводовъ, онъ относитъ этотъ храмъ къ концу XIII в. и отмѣтилъ большое сходство его съ Владиміро-Суздальскими храмами (Т., т. II).

По предложенію графини П. С. Уваровой, Съездъ благодарилъ докладчика.
2. Д. В. Айналовъ: «Архитектура Черниговскихъ церквей».

Указавъ, что терминъ «русско-византийская архитектура» недостаточенъ въ примѣненіи къ нашему древнему зодчеству, такъ какъ и на почвѣ самой Византии отъ IV по XIII в. наблюдается большое разнообразіе типичныхъ родовыхъ формъ храма, онъ поставилъ вопросъ, откуда, собственно, взялась наша форма храма, гдѣ ея начало и каковы ея образцы? Изслѣдованія, произведенныя имъ въ Спасскомъ соборѣ, въ Пятницкой и Ильинской церквахъ и въ Борисоглѣбскомъ соборѣ, привели его къ заключенію, что прототипомъ нашихъ храмовъ послужили византийскіе храмы второго тысячелѣтія.

Въ виду того, что оба эти доклада затянулись очень долго, третій докладъ, назначенный на это засѣданіе — Г. Г. Павлуцкаго «Кіевскіе храмы до-монгольскаго періода и ихъ отношеніе къ византийскому зодчеству», а равно и пренія по поводу первыхъ двухъ докладовъ были отложены.

4 августа. 6 часовъ вечера.

Отд. III. — Памятники искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики.

Почетный предсѣдатель: проф. Г. Г. Павлуцкій.

Предсѣдатель: проф. Д. В. Айналовъ.

Секретари: А. П. Новицкій, П. М. Тарабринъ и А. К. Ярыгинъ.

1. Проф. Н. И. Петровъ: «О новонайденной Кіевской монетѣ XIV столѣтія». По указанію референта, монета эта найдена вмѣстѣ съ монетами Владиміра Ольгердовича, около м. Триполья, Кіевской губ., но вмѣсто круговой надписи *Володиміръ* на ней читается что-то другое, что К. В. Болсуновскій прочиталъ «*романиново*» и приписываетъ монету Брянскому и Черниговскому князю Роману Михайловичу, умершему въ самомъ концѣ XIV в. Референтъ, съ своей стороны, не видитъ въ этой надписи Романа и отыскиваетъ имя князя въ инициалахъ, стоящихъ въ центрѣ, въ кружкѣ, на оборотной сторонѣ монеты. Онъ полагаетъ, что инициалы I. S. или C. I. означаютъ князя Кіевского Скиргайла — Іоанна, княжившаго въ Кіевѣ съ 1392 до 1396 года. Знамя на этихъ монетахъ, принимавшееся то за традиціонное знамя св. Владиміра, то за развитіе формы

литовскаго знамени въ формѣ воротъ, референтъ считаетъ рисункомъ Кіевскихъ Золотыхъ Воротъ.

2. Проф. *И. А. Линниченко*: «О раскопкахъ В. В. Хвойко въ Кіевѣ, у Десятинной церкви».

Указавъ на отсутствіе до послѣдняго времени систематическихъ изслѣдованій по археологій Кіева, лекторъ подробно изложилъ результаты раскопокъ, произведенныхъ В. В. Хвойко у Десятинной церкви; въ послѣдніе два года В. В. Хвойко открылъ:

1) Фундаменты княжескихъ дворцовъ, 2) мастерскія для изготовленія каменныхъ предметовъ, мастерскія для приготовленія эмалевыхъ вещей, 3) деревянную галерею, ведущую изъ дворца внизъ, 4) каменное сооруженіе языческой эпохи — быть можетъ, мѣсто, на которомъ стоялъ одинъ изъ языческихъ идоловъ. Изъ массы найденныхъ предметовъ перворазрядное значеніе имѣютъ: запрестольный крестъ X в., орудія производства эмалированныхъ предметовъ, формы для отливки крестовъ и медальоновъ кіевского типа, куски готовой эмали (до 20 ф. вѣса), мѣдныя палочки — типа новгородскихъ гривенъ, плита съ загадочнымъ знакомъ, поразительно близкимъ къ извѣстному знаку на монетахъ Владиміра, и пр.

Въ заключеніе лекторъ, въ виду исключительной важности результатовъ раскопки В. В. Хвойка, извлекшаго изъ земли остатки нашего кіевского форума, просилъ Съѣздъ: 1) выразить благодарность В. В. Хвойкѣ за его неутомимую и талантливую работу по изученію нашей родной старины; 2) обратиться къ Его Императорскому Величеству съ просьбой о пріобрѣтеніи всей усадьбы, на которой обнаружены такіе цѣнные слѣды древнѣйшаго періода великокняжеской эпохи, на государственный счетъ съ цѣлью открыть и сохранить намъ эти остатки; 3) продолженіе раскопокъ передать въ завѣдываніе В. В. Хвойко, работы котораго, веденныя съ такой опытностью и тщательностью, дали такой блестящій результатъ.

Проф. *Н. В. Покровский*, придавая чрезвычайную важность находкамъ В. В. Хвойко, полагалъ бы, однако, преждевременнымъ давать имъ точную научную оцѣнку: въ настоящее время объясненіе ихъ можетъ быть лишь предварительнымъ, но не безусловнымъ. Въ частности оппонентъ не можетъ согласиться съ референтомъ въ опредѣленіи найденныхъ формочекъ и эмалеваго сплава. По мнѣнію проф. Покровскаго, формочки и смальта не для эмали; техника эмали перегородчатой (о сухой и рѣчи быть не можетъ) уже вполне уяснена. Скорѣе всего, по предположенію оппонента, эти формочки употреблялись для изготовленія металлическихъ вещей; что же касается до найденнаго сплава, то это — сплавъ какой-то стекловидной массы, но не эмали, можетъ быть, смальты для изготовленія мозаики или поливы.

Проф. *А. В. Айналовъ* указалъ на глубокое впечатлѣніе, какое произвелъ на него только что прочитанный докладъ. Раскопки В. В. Хвойко ему напомнили раскопки римскаго форума; остается негодовать, что до сихъ поръ не было обслѣдовано мѣсто, гдѣ былъ центръ художественной жизни древняго Кіева, гдѣ, судя по остаткамъ найденныхъ сооружений, долженъ быть цѣлый комплектъ таковыхъ сооружений, а архаизмъ ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Касаясь нѣкоторыхъ деталей доклада, проф. Айналовъ отмѣтилъ не совсемъ правильное примѣненіе референтомъ термина «эмаль»; въ данныхъ случаяхъ должно разумѣть не эмаль, а поливу; извѣстны кирпичи, покрытые поливой. Въ Херсонесѣ найдена поливная лепешка. Такія лепешки раскалывались на мелкіе кубики, изъ которыхъ составлялись мозаичныя картины.

Находка В. В. Хвойко — фактъ огромной важности; для продолжительнаго времени, пока строились шесть кіевскихъ храмовъ, украшенныхъ мозаикой, нужно

было поливное производство на мѣстѣ; оно и было, какъ показываютъ находки В. В. Хвойко.

Графиня П. С. Уварова, въ виду чрезвычайной важности находокъ В. В. Хвойко, предложила отъ имени Съезда выразить глубочайшую благодарность В. В. Хвойкѣ за его неутомимые труды и вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ о приобрѣтеніи усадьбы г. Петровскаго Правительствомъ и объ оставленіи В. В. Хвойко во главѣ этихъ раскопокъ.

3. Н. И. Троицкій: «Тріединство Божества въ памятникахъ всеобщей исторіи искусства. Вопросъ о вліяніи до-христіанской скульптуры на христіанскую иконографію».

Всѣмъ религіямъ древнѣйшихъ народовъ Востока и Запада присуща идея тріединства Божества. Она наглядно выражена въ памятникахъ искусства (скульптуры), сохранившихся до нашего времени у всѣхъ народовъ.

Въ Индіи «Тримурти» брамизма представлено наглядно въ древнѣйшей статуѣ Брамы, Вишну и Шивы, въ видѣ челоуѣка съ тремя лицами на одной головѣ, напр., въ храмѣ Шивы на о. Емфактинѣ. Въ Китаѣ божество Тао исповѣдуется какъ «Великая Единица»: она тройственна—«она есть три и три суть одна». Тао есть бытіе въ тройственности—И, Ті, Уэй. Она вѣчна, несповѣдима. Символь этой тройственности въ единомъ божествѣ есть треугольникъ или знакъ \equiv , т.-е. «тріединныя». Впослѣдствіи явился въ Индіи и распространился въ Китаѣ, особенно въ Тибетѣ и Монголіи, буддизмъ, какъ антагонизмъ политической и религіозная ересь; но было бы ошибочно думать, что основанное значеніе вѣры въ Бога не понимали буддисты: и дѣйствительно, буддисты, оставивъ легендарныя сказанія о Буддѣ историческомъ (Сакія-Муни), стали называть Буддой высшее существо съ двумя, сопровождающими его божественными силами (лицами), т.-е. исповѣдывать теистическую Троицу, что особенно выражается ими въ молитвенномъ обращеніи къ богу Буддѣ (по-санскритски): namo Budha ya, namo Dharma ya, namo Sanga ya, om! т.-е.: «слава Буддѣ, слава Дгормѣ, слава Сангѣ, тріединному!»—Видоизмѣненіемъ буддизма явился ламаизмъ, но и въ немъ твердо удержалась идея тріединства (въ воззрѣніи Цзонкавы, реформатора буддизма); какъ лучшее выраженіе здѣсь этой идеи въ ламаизмѣ служатъ идола съ тремя лицами, но одной головой. Что на югѣ и востокѣ Азіи то же встрѣчается и на западѣ ея, — въ Халдеѣ, Ассиріи, Палестинѣ, Аравіи. Новѣйшія открытія въ Халдеѣ и Ассиріи убѣждаютъ, что идея троичности Божества присуща и древнѣйшей религіи Халдеевъ: такова тріада боговъ: Эа, Мордукъ, Гибель (въ «Разговорѣ боговъ», по Циммерну). Затѣмъ, какъ въ Ассиріи, символомъ бога Бела былъ треугольникъ, такъ и въ Арменіи треугольникъ былъ символомъ бога Тира. Въ Египтѣ, въ каждомъ номѣ была своя тріада (какъ Озирисъ, Изида, Горусъ), выраженіемъ которой служилъ такъ называемый «трибомасъ». Евреи Палестины имѣли представленіе о Богѣ троякое: Элогимъ, Іегова, Адонаи (—Богъ всемогущій, вѣчно сущій и судія). Арабы до Магомета, по свидѣтельству Корана, исповѣдывали только трехъ боговъ. Въ Малой Азіи, Греціи и Италіи, гдѣ въ древнѣйшій періодъ существовали Пелазги, съ ихъ культомъ «кабировъ», имѣли въ своемъ религіозномъ воззрѣніи идею тріединства божества, опредѣленно выраженную въ изображеніи, напр., Гекаты-Персефоны (въ Греціи) или въ трехъ-лицевыхъ гермахъ «кабаровъ» (въ Ватиканскомъ музеѣ). Въ классическомъ мірѣ эта идея тріединства выражена наилучшимъ образомъ въ философіи Пифагора, Платона, платониковъ и Сенеки. Въ Кельтской Галліи находятся идола кельтскихъ боговъ, какъ Отунъ, съ тремя лицами на одной головѣ. У славянъ при-Балтійскихъ былъ из-

вѣстный идолъ «Триглавъ» — въ Штетинѣ, Волыни, Бранденбургѣ и др. Наконецъ, даже у инородцевъ Сибири во множествѣ встрѣчаются пластинки — амулеты съ изображеніемъ тріединаго божества (три человѣка, соединенные ступнями).

На смѣну язычества явилось христіанство. По заповѣди Христа, Апостолы и преемники ихъ крестили новообращенныхъ «во имя Отца и Сына и Св. Духа», т.-е. во имя Св. Троицы; но изображать Троицу, на первыхъ порахъ, христіане крайне затруднялись, — какъ по самой сущности догмата, такъ и по политическимъ условіямъ своей жизни. А потому въ изображеніи Св. Троицы церковь постепенно и медленно переходила отъ чистаго символа къ иконѣ въ собственномъ смыслѣ. Первоначально новокрещеннымъ раздавали небольшіе треугольники съ изображеніемъ буквъ **A** и **Ω** или монограммы Христа—**XP**; потомъ вмѣстѣ изображали «Десницу въ облакахъ», какъ символъ Бога Отца, Крестъ — символъ Сына Божія и голубя — символъ Св. Духа (базилика св. Феликса и др.). Затѣмъ изображали Св. Троицу въ видѣ трехъ человѣческихъ фигуръ, совершенно тождественныхъ (манускриптъ Гаррада 1180 г.), или Бога Отца въ треугольномъ нимбѣ и, наконецъ, — Бога Отца съ тремя лицами на одной головѣ и въ треугольномъ нимбѣ (XII и XIII в.). Такіе типы Св. Троицы имѣли множество вариантовъ, но иногда принимали форму, даже оскорбительную для религіознаго чувства. А потому папа Урбанъ VIII-й издалъ въ 1628 году распоряженіе, коимъ подобныя иконы Св. Троицы строго запрещалось имѣть въ храмахъ. Такія изображенія Троицы, съ тремя лицами на одной головѣ, въ XVIII-мъ столѣтіи появились — было и въ Россіи, но, по распоряженію Св. Синода, своевременно изъяты изъ употребленія церковнаго.

По сопоставленіи культурныхъ памятниковъ всѣхъ извѣстныхъ народовъ древности съ положительными данными ихъ религіозныхъ представленій очевидно, что основная идея тріединства присуща имъ всѣмъ и наглядно выражена въ ихъ искусствѣ. Христіанство, представляя совершеннѣйшее пониманіе троичности Божества, въ своемъ стремленіи — выразить свое пониманіе въ художественной формѣ — стало подъ вліяніе классическаго искусства и усвоило постепенно его формы (но только формы); однако, наконецъ, отрѣшилось и отъ этихъ формъ, въ ихъ грубомъ антропоморфизмѣ, не желая нимало унижить внутренняго высокаго достоинства догмата Св. Троицы не соответствующимъ ему изображеніемъ.

И. Н. Бороздинъ, возражая докладчику, указалъ, что говорить опредѣленно о тріединствѣ Божества у ассиро-вавилонянъ представляется исторически невѣрнымъ. Докладчикъ не вполне ознакомился съ новѣйшей литературой предмета. Точно также нельзя столь же безусловно говорить о тріединствѣ въ Египтѣ. Совершая свои поиски на Востокѣ, референтъ не остановился на Греціи, гдѣ является представленіе о Гермесѣ Трисмегистѣ и о Троицѣ (особенно выяснено блестящими изслѣдованіями проф. Зѣлинскаго). Нельзя говорить о тріединствѣ у арабовъ ввиду недостаточнаго изученія ихъ религіозныхъ представленій въ эпоху до Магомета. Вообще сравнительно-историческое изученіе весьма интересно, но пользоваться этимъ методомъ надо чрезвычайно осторожно, а то можно придти къ крайностямъ.

Н. П. Троицкій, соглашаясь съ оппонентомъ, — что прежніе ученые и не подозревали объ идеѣ тріединства въ Халдеѣ, указалъ на новѣйшихъ ученыхъ, напр., лейпцигскаго — профессора Циммерна и др., которые уже находятъ намеки на то, что идея тріединства присуща и Египту: памятники на лицо.

Д. И. Иловайскій относительно ссылки референта на трехголовый адъ, пояснилъ, что, по сказаніямъ иностранцевъ, при Самозванцѣ былъ не адъ трехголовый, а трехголовый церберъ, находившійся у входа въ это помѣщеніе. Затѣмъ

Д. И. указалъ, что докладчикомъ съ одной стороны допущены нѣкоторыя преувеличенія, съ другой стороны кое-чѣмъ онъ вовсе не воспользовался: напр., въ Египтѣ было распространено почитаніе триады, состоявшей изъ трехъ боговъ: отца, матери и сына.

5 августа. 10 часовъ утра.

Отд. II.—Древности историческія и этнографическія.

Почетный Предсѣдатель—О. К. Волковъ.

Предсѣдатель—проф. И. А. Линниченко.

Секретари—В. В. Калашъ, С. П. Шелухинъ и Х. П. Яцуржинскій.

Почетный Предсѣдатель О. К. Волковъ, открывая засѣданіе, указалъ на важное значеніе этнографіи и этнологіи въ первобытной исторіи народовъ.

1. А. А. Миллеръ: «Лотосъ въ малорусскомъ орнаментѣ» (Тр. т. II, стр. 81).

2. С. П. Шелухинъ: О названіи «Украина».

Названіе Украина происходитъ, по мнѣнію референта, отъ словъ «краяти», «украяти», «вкраяти» и появилось у насъ почти одновременно съ названіемъ Русь, но гораздо раньше книжнаго названія Малая Русь. Въ памятникахъ слово Украина встрѣчается впервые въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1187 г.

Будучи народнымъ словомъ по своему происхожденію и обозначая собою отдѣльную землю, занятую въ свое обладаніе южно-русскимъ племенемъ, это слово конкурируетъ съ персидско-осетинскимъ или россоланскимъ словомъ Русь, имѣвшимъ политическое содержаніе. Великорусское, одинаково звучащее слово, «Украйна», «Украинскій», «Украинный» имѣетъ совершенно другое содержаніе и обозначаетъ собою то, что находится у края территоріи, окраину, границу, рубежъ.

Относясь къ народу, обитающему на извѣстной территоріи, занимающему ее, малорусское слово Украина получаетъ національное содержаніе, служитъ для обозначенія народа Южной Россіи.

Названіе южно-русскаго народа украинскимъ относится къ народности, представляющей собою въ антропологическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ самостоятельную культурно-національную единицу, отличную отъ великоросовъ и бѣлорусовъ, поляковъ, чеховъ и др. въ антропологическомъ отношеніи, по языку и быту, вслѣдствіе чего и употребляется въ исторической жизни народа, какъ его собственное имя, для обозначенія культурно-національнаго типа, именуемаго украинскимъ народомъ.

Когда въ эпохѣ Богдана Хмѣльницкаго національное самосознаніе народа выросло, а за симъ въ эпоху Богдана Хмѣльницкаго выкристаллизовалось, то это названіе пріобрѣло опредѣленное и политическое содержаніе. Его употребляютъ въ такомъ значеніи и иностранцы.

Въ то время, при свободной конкуренціи со словомъ Русь и русскій, слово Украина и украинскій получило въ употребленіи господствующее положеніе для обозначенія южно-русскаго народа. Это слово употребляется вездѣ — въ думахъ, пѣсняхъ, разговорахъ, перенескѣ и официальныхъ бумагахъ.

Въ настоящее время это слово употребляется повсемѣстно, причѣмъ употребляется для этническаго и этнически-территоріальнаго обозначеній, т. е. для названія народа и заселенной имъ земли безотносительно къ политическимъ дѣленіямъ.

Такимъ образомъ, названія Украина, Украинскій, Украинецъ имѣютъ свою многовѣковую давность происхожденія и отвѣчаютъ всѣмъ требованіямъ современ-

ной исторической науки относительно терминологии имени народа и той земли, которую онъ занимаетъ.

И. А. Линниченко не согласился съ обоими основными положеніями реферата: «Русь, русскій» не можетъ значить б ы л ы й потому, что оно было бы тогда прилагательнымъ безъ существительнаго. Украина всегда обозначаетъ только опредѣленную границу. Благодаря процессу колонизации, при территориальномъ расширеніи, расширяется и смыслъ термина Украина, которая получаетъ значеніе области, страны.

С. Л. Авалиани замѣтилъ, что въ древнихъ русскихъ актахъ слово Украина понимается не въ томъ смыслѣ, какъ указалъ референтъ.

М. Е. Соколовъ заявилъ, что слѣдуетъ различать два понятія: національность и племя. Для вопроса о единствѣ русской національности не важно знать объ этническомъ происхожденіи малоруссовъ отъ осетинъ или вятичей и радимичей или ляховъ—въ XIII столѣтіи всѣ русскія племена перемѣшались и слились въ одну національность (рѣчь Владимірскаго боярина предъ Липецкой битвой).

Въ этническомъ отношеніи малоруссы и великоруссы составляютъ одно цѣлое; отсутствіе носовыхъ звуковъ, полногласіе и свобода въ удареніи обще малорусской и великорусской рѣчи.

Украина—граница, пограничная область: напримѣръ, стихъ у Сахарова: «Во Сибирской Украинѣ, во Даурской сторонѣ».

5 августа. 2 часа дня.

Юбилейное засѣданіе по поводу тысячелѣтія г. Чернигова.

Предсѣдатель—графиня П. С. Уварова.

Открывая засѣданіе, графиня П. С. Уварова, сказала, что:

«Приурочивая въ 1905 году настоящей Сѣздъ къ гор. Чернигову, мы не имѣли тогда еще въ виду, что созывъ Сѣзда совпадаетъ съ торжествомъ празднованія тысячелѣтія древняго Чернигова, но, тѣмъ не менѣе, какъ это могутъ подтвердить всѣ тѣ, которые посѣщаютъ наши засѣданія, большая часть докладовъ, предложенныхъ Сѣзду, касаются Чернигова и Черниговщины: изучаютъ древніе храмы Чернигова, доказываютъ ихъ древнее происхожденіе изъ византийскихъ формъ и послѣдующія измѣненія этихъ формъ подъ напоромъ новыхъ вліяній, занимаются деревяннымъ зодчествомъ въ Черниговской губ., чертами самобытности украинскаго зодчества, изучаютъ Сѣверянскіе курганы, стараются опредѣлить границы Сѣверянскихъ поселеній и пр. и пр. Все это доказываетъ только, какъ проникнулись ученые и подготовители Сѣзда древностію и важною Чернигова для исторіи и археологій нашего великаго отечества и какъ они подготовились къ великимъ днямъ, переживаемымъ нынѣ Черниговомъ, днямъ, начатымъ вчера церковнымъ торжествомъ, состоящимъ изъ всенощнаго бдѣнія по нарастаю, продолженное сегодня заукокойной литургіей по всѣмъ въ Бозѣ почившимъ князьямъ и іерархамъ Черниговскимъ и нынѣ открываемымъ засѣданіемъ, въ которомъ В. З. Завитневичъ, Д. Я. Самоквасовъ, М. В. Довнаръ-Запольскій и Г. Г. Павлуцкій постараются, насколько позволитъ краткость времени, развернуть передъ вами величественную картину исторической жизни древняго Чернигова».

1. *В. З. Завитневичъ*: «Начальная страница изъ древнѣйшей исторіи Чернигова».

Начальная летопись, упоминая Черниговъ въ числѣ городовъ, на которые в. кн. Олегомъ, въ 907 году, взяты были «уклады» съ побѣжденной Византіи, отводитъ ему первое мѣсто послѣ стольнаго Кіева. Значитъ, Черниговъ въ это время не только существовалъ, но и былъ замѣтнымъ культурно-политическимъ центромъ, игравшимъ не послѣднюю роль въ военной и экономической жизни страны; а замѣчаніе летописца—«по тимъ бо городомъ сѣдяху князя подѣ Олгомъ суще» даетъ право заключать о такой политической организаціи Сѣверянъ, для созданія которой потребовалось не мало времени, потому что такая организація предполагаетъ значительный политическій ростъ Сѣверянскаго племени.— Принятіе этого вывода встрѣчаетъ, однако же, затрудненіе въ слѣдующихъ данныхъ и соображеніяхъ. Замѣчаніе летописца о наличности въ Черниговѣ автономнаго князя, рассматриваемое въ контекстѣ рѣчи, производитъ впечатлѣніе не современной записи, а скорѣе домысла составителя летописнаго свода. Напротивъ, несомнѣнно современный памятникъ, договоръ съ Греками, въ его древнѣйшихъ редакціяхъ, к н я з е й—въ городахъ не знаетъ; здѣсь упоминаются только «свѣтлые бояря» (Лавр.; Ипат.). Кромѣ того, о нѣкоторыхъ изъ упоминаемыхъ въ данномъ случаѣ городахъ, именно—Полоцкѣ, Ростовѣ и Любечѣ, несомнѣнно извѣстно, что тамъ сидѣли не князья, а княжескіе «мужи». Если при этомъ вспомнить, что въ передачѣ летописцемъ факта завоеванія Сѣверянъ (884 г.), Черниговъ совершенно не упоминается, то можно будетъ сдѣлать даже такое предположеніе, что при Олегѣ это была княжеская крѣпость, отношеніе которой къ Сѣверянскому племени не шло дальше наблюденія за исполненіемъ обязанностей, возложенныхъ на него при завоеваніи.—Но этотъ выводъ встрѣчаетъ противорѣчіе въ слѣдующихъ данныхъ.

У Константина Порфиророднаго Черниговъ упоминается въ числѣ городовъ, торговыя суда которыхъ плавали въ Константинополь. Значитъ, уже въ первой половинѣ X в. онъ былъ не просто крѣпостью, а торгово-промышленнымъ центромъ, объединившимъ экономическіе интересы обитателей бассейна р. Десны. Но для рѣшенія этого вопроса особенно важны данныя, добытыя путемъ археологическихъ раскопокъ. Какъ въ чертѣ г. Чернигова, такъ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ, сохранилось множество могильныхъ кургановъ, изъ которыхъ нѣкоторыя даже носятъ особыя названія, таковы: Черная могила, могила княжны Черны и Гульбище. Объемъ насыпей этихъ могилъ, пышность погребальнаго обряда и обиліе предметовъ вооруженія (шлемы, кольчуги, щиты, мечи, наконецъ, ники копій и стрѣлъ, ножи, топоры), при отсутствіи ихъ въ рядовыхъ курганахъ, показываютъ, что въ этихъ курганахъ погребены были представители власти, народные вожди, а тождество погребальнаго обряда (трупосожженіе) съ обрядомъ несомнѣнно Сѣверянскихъ могилъ, показываетъ, что и въ большихъ курганахъ похоронены были лица туземнаго происхожденія. Присутствіе въ Черной Могилѣ монеты виз. императоровъ Константина X и Романа II (948—956 г.), въ виду назначенія въ Черниговъ въ 992 г. самостоятельнаго епископа, свидѣтельствуетъ, что эта могила насыпана была не позже конца X в. и хронологически была послѣднею изъ княжескихъ могилъ; другія же насыпаны были раньше. А если такъ, то извѣстіе летописца о наличности въ Черниговѣ автономнаго князя становится вполне вѣроятнымъ и это былъ, очевидно, не единичный случай, а здѣсь былъ цѣлый рядъ князей, послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга. Князья эти сначала платили дань Хазарамъ, а потомъ стали данниками кievскихъ князей, которые, съ легкой руки Олега, оставляя Чернигову полное внутреннее самоуправленіе, привлекали симпатію Черниговскихъ князей облегченіемъ дани и выгодами торговли съ Византіей. Вотъ почему ни Святославъ Игоревичъ, ни

Владиміръ Св. въ Черниговъ своихъ сыновей не посылали. Только послѣ смерти Владиміра Св., въ борьбѣ Ярослава съ Мстиславомъ Тмутараканскимъ, Сѣверяне рѣшительно приняли сторону послѣдняго, доставили ему побѣду и оставили его у себя. Послѣ этого Черниговъ, выступивъ временно соперникомъ Кіева, становится столицей огромной территоріи, охватывавшей весь востокъ Европы, начиная отъ Днѣпра. Изъ сказаннаго вѣрно также, что основаніе Чернигова слѣдуетъ относить еще къ Хазарской эпохѣ и ставить этотъ фактъ въ причинную связь съ завязавшимися въ это время торговыми связями съ богатыми закаспійскими и закавказскими областями.

2. Проф. Д. Я. Самоквасовъ. — Самое существенное въ первоначальной исторіи русскаго государства — это самобытное зарожденіе на юго-западѣ Россіи русской государственности, что въ особенности ярко выразилось въ особомъ проявленіи сплоченности почти всѣхъ русскихъ племенъ во время похода Олега на Царь-Градъ, въ 907 г. Первое проявленіе дѣятельности сѣверянъ, въ связи съ другими племенами, въ этомъ походѣ, совпавшее съ началомъ извѣстности въ исторіи г. Чернигова, даетъ въ настоящее время возможность праздновать 1000-лѣтній юбилей не только Чернигова, но вмѣстѣ съ нимъ и всей русской государственности.

3. Проф. М. В. Довнаръ-Запольскій. — «Историческая памятка о Черниговѣ». Историческая судьба Чернигова въ значительной мѣрѣ обусловлена была его географическимъ положеніемъ, представлявшемъ какъ выгодныя, такъ и невыгодныя стороны. Воспользовавшись выгодой воднаго пути, центральнымъ положеніемъ среди энергичнаго племени сѣверянъ и другими значительными преимуществами, Черниговъ игралъ крупную историческую роль въ древнѣйшей, до-монгольской періодъ, но съ усиленіемъ колонизаціи на сѣверо-востокѣ русской территоріи, разрушенной татарами, онъ навсегда уступилъ свое мѣсто другимъ историческимъ центрамъ, испытывая, наравнѣ съ другими южно-русскими городами, общую участь городовъ, подчиненныхъ польско-литовскому, а потомъ московскому владычеству.

4. Проф. Г. Г. Павлуцкій. — «Древнѣйшіе храмы Чернигова».

Памятники искусства сохраняютъ ключъ къ тайнамъ былого. Они позволяютъ проникнуться далекимъ прошлымъ нашей исторіи, воскресить до-монгольскую Русь. Великокняжескій періодъ въ исторіи Руси былъ удивительно яркимъ въ культурномъ отношеніи: онъ далъ христіанство, грамотность, литературу; создаются тѣсныя сношенія съ Византіей; самыя утонченныя художественныя производства, какъ перегородчатая эмаль, исполняются русскими мастерами по византійскимъ образцамъ. Отъ этого времени осталось много каменныхъ храмовъ въ Черниговѣ и Кіевѣ, сооруженныхъ князьями, которые соперничали другъ съ другомъ, желая отличиться болѣе роскошными постройками. Все великолѣпіе русской культуры до-монгольского періода рушится съ приходомъ татаръ. Послѣдующія поколѣнія помогаютъ времени разрушать старые памятники. Только въ XVII в. народилось новое человѣчество, которое взялось за возстановленіе уцѣлѣвшихъ памятниковъ. Послѣдствіемъ было то, что ни одинъ изъ древнихъ храмовъ Чернигова и Кіева не остался безъ пристроекъ и надстроекъ. Древнія формы можно узнать при помощи документальной исторіи, анализа архитектурныхъ формъ и по способу кладки. Первые черниговскіе князья, желая придать своему стольному городу положеніе, равное положенію Кіева, украшаютъ его каменными храмами. Мстиславъ былъ первымъ устроителемъ края. Онъ заложилъ каменный соборный храмъ Спаса Преображенія. Послѣ смерти Ярослава, сѣверская земля выпадаетъ на долю сыну его Святославу, который отличался большою

любовью къ храмостроительству. Ему приписывается основаніе Елецкаго монастыря и сооруженіе въ немъ Успенской церкви (1060). Елецкій монастырь замѣчательнъ исторіей лицъ, стоявшихъ во главѣ его управленія: Іоаннікія Голятовскаго, св. Феодосія Углицкаго, св. Димитрія Ростовскаго. Тому-же Святославу принадлежитъ постройка церкви въ Ильинской обители. Почитаніе братьевъ мучениковъ Бориса и Глѣба вызываетъ постройку Борисоглѣбскаго храма, сооруженнаго Давидомъ Святославичемъ. Наконецъ, возникла Пятницкая церковь. Храмы Чернигова, свидѣтельствующіе о великомъ прошломъ Черниговской земли, о той культурѣ, которая начала-было здѣсь развиваться, представляютъ высокій археологическій интересъ. Въмѣстѣ съ кievскими храмами они составляютъ однородную группу построекъ, сооруженныхъ въ византійскомъ стилѣ греческими зодчими; въ то же время они рисуютъ картину того, что было сдѣлано въ зодчествѣ Византіи въ послѣдній періодъ его процвѣтанія.

5 августа. 7 часовъ.

Засѣданіе Ученаго Комитета.

Членъ Съѣзда, профессоръ Н. В. Султановъ, обратился къ Ученому Комитету Съѣзда съ просьбой обсудить тѣ мѣры, которыя необходимо принять для сохраненія памятниковъ и представить ихъ Правительству въ видѣ пожеланій Съѣзда, въ виду того, что наступающей осенью при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ будетъ продолжаться свои занятія Комиссія, учрежденная въ прошломъ году по этому вопросу.

Вслѣдствіе этого, по предложенію Предсѣдателя Съѣзда графини П. С. Уваровой, профессоръ Н. В. Султановъ представилъ Ученому Комитету Съѣзда письменный перечень тѣхъ мѣръ, которыя въ разное время были предложены для сохраненія памятниковъ, какъ на Археологическомъ Съѣздѣ, такъ и въ разныхъ, прежде бывшихъ Комиссіяхъ.

Мѣры эти Комитетъ предполагаетъ изложить въ слѣдующей редакціи:

1. Раздѣленіе Государства на Археологическіе Округа, при чемъ въ центрѣ каждаго изъ нихъ стоитъ то или другое ученое Археологическое или Историческое Общество.

2. Этимъ Ученымъ Обществамъ предоставляется свобода выбора для дальнѣйшей организаціи дѣла на мѣстахъ нахожденія памятниковъ, въ смыслѣ избранія для этихъ цѣлей существующихъ мѣстныхъ учреждений, какъ-то: Ученыхъ Архивныхъ Комиссій, Церковныхъ Историко-Археологическихъ Обществъ и Комитетовъ и т. под., или основаніе новыхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ таковыхъ не имѣется. Всѣ эти мѣстныя ученныя учреждения находятся въ зависимости отъ Окружныхъ Ученыхъ Обществъ и *дѣйствуютъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Окружныя Общества.*

3. На Общества эти возлагается: 1) регистрація памятниковъ и 2) попеченіе объ ихъ сохраненіи.

4. У Правительства испрашивается ежегодная постоянная сумма на административную дѣятельность по надзору и на поддержаніе памятниковъ старины, подобно тому, какъ Императорской Академіи Художествъ отпускается ежегодно изъ Министерства Императорскаго Двора 60,000 руб. на ея «художественную дѣятельность».

5. Высказывается необходимость привлечь къ таковой же поддержкѣ города и земства.

6. Раздѣлить всѣ недвижимые памятники древности на три категоріи: а) памятники Государственнаго значенія, б) памятники мѣстнаго значенія и в) памятники, не имѣющіе особой археологической цѣнности.

7. Поддержаніе первыхъ возложить на Государственное Казначейство, а поддержаніе вторыхъ отнести на средства (мѣстныхъ) городовъ и земствъ.

Примѣчаніе. Правило это относится лишь къ тѣмъ памятникамъ, которые не имѣютъ никакого практическаго примѣненія.

8. Основать въ С.-Петербургѣ междувѣдомственное правительственное учрежденіе, въ составъ котораго должны входить, во-1-хъ, представители тѣхъ вѣдомствъ, кои по закону вѣдаютъ древними памятниками, какъ-то: Императорская Археологическая Комиссія, Императорская Академія Художествъ, Святѣйшій Синодъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и т. д.; во-2-хъ, представители разныхъ русскихъ частныхъ Археологическихъ Обществъ, стоящихъ во главѣ Археологическихъ Округовъ.

9. На учрежденія эти возложить слѣдующія обязанности:

1) Завѣдываніе и распредѣленіе суммъ, отпускаемыхъ казной.

2) Рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, касающихся реставраціи древнихъ памятниковъ первой категоріи.

3) Высшій контроль дѣйствій окружныхъ учреждений по реставраціи памятниковъ вообще.

4) Рѣшеніе вопросовъ о категоріи памятниковъ и о переводѣ ихъ изъ одной категоріи въ другую.

5) Рѣшеніе вопроса о принудительномъ отчужденіи недвижимыхъ памятниковъ старины, находящихся въ частномъ владѣніи.

6) Разрѣшеніе сломки памятниковъ первыхъ двухъ категорій.

7) Разрѣшеніе всякаго рода спорныхъ вопросовъ, могущихъ возникнуть между Окружными Обществами и мѣстными учрежденіями, и разрѣшеніе всякаго рода археологическихъ сомнѣній, могущихъ возникнуть въ Окружныхъ Обществахъ.

10. Въ составъ Окружныхъ Обществъ входятъ также представители вѣдомствъ и учреждений, въ вѣдѣніи которыхъ находятся тѣ или другіе памятники старины.

11. На Окружныя Общества, независимо отъ обязанностей, перечисленныхъ въ параграфѣ третьемъ, возлагается также разрѣшеніе вопросовъ о ремонтѣ и реставраціи памятниковъ второй категоріи и всѣ необходимыя сношенія съ центральнымъ учрежденіемъ.

12. Независимо отъ сего желательно пополнить существующее законодательство слѣдующими положеніями:

1) Предоставить Правительству право принудительнаго отчужденія недвижимыхъ памятниковъ древности.

2) Предоставить ему право объявлять неподвижные памятники древности, находящіеся въ частномъ владѣніи, имѣющими Государственное или мѣстное значеніе, т.-е., иными словами — ограничивать владѣльцевъ въ дѣлѣ измѣненія памятниковъ или ихъ искаженія.

3) За искаженіе или уничтоженіе памятниковъ старины ввести гражданскую и уголовную отвѣтственность въ видѣ штрафа, обязанности возстановить разрушенное, если возможно, на свой счетъ, и даже личнаго задержанія, съ тѣмъ, чтобы отвѣтственность эта распространялась на всѣхъ безъ изыятія.

Примѣчаніе. За таковыя же проступки со стороны духовенства оно должно подвергаться отвѣтственности передъ закономъ, а не только передъ собственнымъ начальствомъ.

4) Право вчинанія иска о привлеченіи къ отвѣтственности виновныхъ предоставить всякому учрежденію, вѣдающему охраной памятниковъ.

5) Запретить вывозъ за границу памятниковъ русской старины, и наконецъ,

13. Усилить преподаваніе церковной археологіи въ Духовныхъ Академіяхъ, — ввести ее въ семинаріяхъ и включить въ составъ университетскихъ курсовъ преподаваніе археологіи.

6 августа.

Торжества.

6-го августа, въ виду назначенныхъ на этотъ день торжествъ по случаю празднованія 1000-лѣтія перваго лѣтописнаго упоминанія о городѣ Черниговѣ, за сѣданій Сѣзда не было.

Утромъ, въ этотъ день, въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ было совершено торжественное богослуженіе, а въ 12 ч. дня — торжественное молебствіе на площади собора, передъ чудотворными иконами и другими святынями г. Чернигова, въ присутствіи властей и членовъ Сѣзда, послѣ чего расположенныя въ Черниговѣ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ передъ святынями.

Въ 4 ч. дня, въ залѣ Дворянскаго Дома, состоялось торжественное засѣданіе Черниговской Городской Думы, на которомъ были принесены, сказаны и прочитаны привѣтствія г. Чернигову, по случаю знаменательнаго событія въ его существованіи, какъ отъ мѣстныхъ, такъ и отъ многихъ иногороднихъ ученыхъ и иныхъ учреждений и Обществъ, разныхъ сословій и отдѣльныхъ лицъ. Въ числѣ привѣтствій были прочитаны и переданы адреса и отъ XIV Археолог. Сѣзда депутаціей, состоявшей изъ председателя Ученаго Комитета Сѣзда, проф. Э. Р. фонъ-Штернъ, проф. В. З. Завитневича и Л. М. Савелова и отъ Императорскаго Московскаго Археолог. Общества въ составѣ председателя Общества графини П. С. Уваровой, секретаря Общества В. К. Трутовскаго и д. чл. попечителя Кавказскаго Учебнаго Округа Л. Г. Лопатинскаго.

Въ 9¹/₂ час. вечера, въ томъ же помѣщеніи, городскимъ управленіемъ былъ устроенъ раутъ по случаю этого торжественнаго дня, на каковой городомъ были любезнѣйшимъ образомъ приглашены всѣ члены Сѣзда. Радужные хозяева Чернигова привѣтливо встрѣчали гостей и своимъ вниманіемъ, любезностью и широкимъ гостепрѣимствомъ заставили гостей пережить пріятные часы, которые, конечно, долго не изгладятся въ памяти благодарныхъ членовъ Сѣзда.

7 августа. 10 час. утра.

Отд. I. — Древности первобытныя.

Почетный Предсѣдатель — проф. Д. Я. Самоквасовъ.

Предсѣдатель — проф. В. З. Завитневичъ.

Секретари: В. А. Городцовъ, В. Г. Ляскоронскій, свящ. С. Е. Звѣревъ.

1. Проф. В. О. Пичг: «Типичныя черты городищъ въ предѣлахъ Чехіи». Референтъ раздѣлилъ городища Чехіи на три категоріи: 1) городища съ валами изъ сплавленныхъ на огнѣ камней; 2) городища съ валами изъ камней, сложенныхъ безъ всякаго цемента, и 3) городища съ земляными валами.

Городища первой категоріи многими учеными относились къ болѣе глубокой древности и приписывались Боямъ. Однако, раскопками проф. Вольдржиги, самаго референта и др., положительно установлено, что не только въ культурныхъ

слояхъ, но и въ самыхъ валахъ находятся вещи VIII—XI в. по Р. Хр., а, слѣдовательно, городища могли принадлежать не Боямъ, а только Славянамъ. Такія городища, обыкновенно, находятся въ гористыхъ мѣстностяхъ или на крутобокихъ отрогахъ рѣчныхъ или овражистыхъ береговъ. Валы имѣютъ простую трапецевидную профиль въ 4—5 сажень высоты и до 1½ верстъ длины.

Городища второй категоріи встрѣчаются во многихъ областяхъ Европы; между прочимъ, они извѣстны на пространствѣ отъ Генуи до Марсея, близъ Триеста, въ Финляндіи и др. Въ Чехіи ихъ находятъ въ горахъ, на небольшомъ районѣ. Площади этихъ городищъ измѣряются 20—30 десятинами земли, но бываютъ и меньше. Городища принадлежатъ Чехамъ историческаго времени.

Городища третьей категоріи являются наиболѣе обычными. Они планируются на отрогахъ, ограждаются однимъ или двумя валами и рвомъ; при этомъ естественные скаты обрывовъ иногда усиливаются искусственными срезями или валами, возводимыми на скатахъ обрывовъ. Къ категоріи этихъ относятся многія историческія городища, таково, напримѣръ, Любушино, гдѣ въ послѣднее время открыты остатки княжескихъ дворцовъ и храма. Для усиленія профилей земляныхъ валовъ на нихъ возводились деревянные сооруженія, то въ видѣ тына, то въ видѣ фундаментальныхъ деревянныхъ стѣнъ, сложенныхъ изъ бревенъ, расположенныхъ продольными и поперечными рядами.

Кромѣ городищъ описанныхъ категорій, въ Чехіи имѣются небольшія, но сильныя укрѣпленія, сооружавшіяся для охраны одного владѣльческаго дома. Возникновеніе такихъ укрѣпленій вызывалось отношеніемъ помѣщиковъ къ закрѣпощеннымъ, но стремившимся къ свободѣ, поселянамъ.

Въ горахъ и лѣсахъ Чехіи встрѣчаются городища безъ всякихъ слѣдовъ жилья. По мнѣнію В. О. Пича, этими городищами пользовались во время нашествія непріятеля, какъ убѣжищами для семействъ и домашнихъ животныхъ, когда всѣ способные носить оружіе выступали на встрѣчу врагамъ.

Имѣются еще остатки сторожевыхъ постовъ, сооруженныхъ въ видѣ небольшихъ, но сильныхъ, фортовъ на возвышенныхъ пунктахъ, удобныхъ для наблюденія за непріателемъ.

Въ заключеніе реферата, проф. Пичъ высказалъ мысль о крайней необходимости составленія археологическихъ картъ съ нанесеніемъ на нихъ памятниковъ той или другой опредѣленной эпохи.

Въ обсужденіи реферата приняли участіе проф. Д. Я. Самоквасовъ, г. Сивявскій и др.

2. В. Д. Языковъ: «О Маяцкомъ городищѣ на Дону». (Въ виду отсутствія референта, докладъ читалъ священникъ С. Г. Звѣревъ).

Маяцкое городище расположено близъ впаденія р. Тихой-Сосны въ Донъ. Раскопки производились по порученію Императорской Археологической Комиссіи въ 1907 году, но отдѣльныя находки предметовъ древности попадались и раньше. Эти находки (близъ мельницы) представляли вещи бронзоваго вѣка: топоръ и наконечники копья и проч. Найденные предметы отправлены въ Императорскую Археологическую Комиссію.

Мѣстность, на которой расположено Маяцкое городище, представляетъ собой площадь объемомъ до 30 десятинъ; она обращена южной стороной къ рѣкѣ, близъ которой круто обрывается; на всей этой поверхности попадаетъ масса черепковъ, которые вырывались при вспашкѣ земли крестьянами. Маяцкое городище обнимаетъ собой до 2000 кв. саж.; оно обращено южной стороной къ рѣкѣ и обнесено было высокой каменной стѣной, часть которой раскопана. Стѣна представляется до 3 саж. ширины, высоту 1½ саж.; въ сохранившейся части имѣетъ

слѣды двухъ кладокъ; выходъ городища на западъ. Художникъ Струковъ производилъ здѣсь нѣсколько лѣтъ назадъ раскопки, но результаты ихъ мало извѣстны. Онъ также сдѣлалъ и снимки съ надписей, которыя имѣются здѣсь на камняхъ.

Императорская Археологическая Комиссія, разрѣшивъ изслѣдованіе всей мѣстности, которая окружаетъ Маяцкое городище, запретила раскопку самого городища. Мѣстность вокругъ Маяцкаго городища представляетъ всюду много западинъ. При раскопкахъ здѣсь попадались камни въ видѣ жернововъ, пряслица, ножи, кольца и проч.; все это помѣщалось на мѣстахъ, гдѣ не было погребеній. Мѣстами попадались камеры бочкообразнаго, круглago, горшковиднаго вида и проч. Въ одномъ изъ кургановъ найденъ желѣзный топоръ. Затѣмъ открыто погребеніе въ четырехугольной камерѣ, представляющей собою видъ погребенія, повидимому, желѣзнаго вѣка.

Докладчикъ задался вопросомъ о томъ, кому могло принадлежать означенное городище, прося присутствующихъ специалистовъ по этому дѣлу высказать свое мнѣніе.

Проф. Д. Я. Самоковцовъ сказалъ, что означенное городище является, судя по всему, хазарскимъ и имѣетъ сходныя черты съ городищами въ Чми (въ Осетин, на Кавказѣ), въ Салтовѣ, и съ городищемъ въ Боголюбовскомъ у.

Н. М. Макаренко, сдѣлавшій фотографическіе снимки Маяцкаго городища и рисунки надписей на его камняхъ, сообщилъ, что надписи на камняхъ, которыя открыты въ означенномъ городищѣ, по мнѣнію академика Радлова, не составляютъ чего-либо цѣлаго, а являются только частью надписи, во многомъ носящей черты уйгурскихъ письменъ.

З. А. В. Селивановъ: «По поводу производства археологическихъ раскопокъ и храненія добытаго матеріала».

Указавъ на многіе недостатки существующаго производства археологическихъ раскопокъ и храненія добытыхъ памятниковъ древности, референтъ выразилъ пожеланіе: 1) чтобы лица, производящія раскопки, всѣ находимые предметы сохраняли помогильно, по каждому погребенію отдѣльно, обязательно нашивая мелкіе предметы на картонъ въ видѣ таблицъ, съ точнымъ обозначеніемъ №№ погребенія, при чемъ въ дневникѣ раскопокъ, при описаніи отдѣльныхъ погребеній, указывались бы №№ этихъ вещей:

2) чтобы при изученіи погребеній и могильнаго инвентаря употреблялся карточный методъ, который давалъ бы возможность и удобство группировать могилы по ихъ содержанію и способамъ погребенія;

3) чтобы въ изслѣдованіяхъ и описаніяхъ древнихъ кургановъ и могильниковъ обязательно прилагался бы дневникъ раскопокъ съ точными опредѣленными указаніями на находимые въ могилахъ предметы и,

4) чтобы коллекціи предметовъ, относящихся къ какому-либо могильнику или курганному кладбищу, сохранялись, по возможности, въ одномъ мѣстѣ, въ цѣломъ видѣ; въ случаѣ же необходимости или желательности по инымъ соображеніямъ коллекцію разрознить съ цѣлью передачи части предметовъ для храненія въ другое учрежденіе (напр., въ Историческій Музей), чтобы взамѣнъ взятыхъ вещей при основной коллекціи оставались обязательно точныя фотографическіе снимки.

Проф. Д. Я. Самоковцовъ въ дополненіе къ сказанному А. В. Селивановымъ указалъ, что еще въ 1874 году было обращено вниманіе на всѣ возбужденныя послѣднимъ вопросы и тогда же была выработана специальная инструкция для производства раскопокъ. Въ настоящее время необходимо лишь вновь подтвердить и, если нужно, дополнить инструкцію 1874 года.

Собраніе постановило войти съ ходатайствомъ въ Совѣтъ Съѣзда о пересмотрѣ и, если потребуется, переработкѣ инструкціи раскопокъ 1874 года, а также и объ изданіи ея для всеобщаго руководства.

7 августа. 11 часовъ утра.

Отд. III.—Памятники искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики.

Почетный Предсѣдатель—Н. В. Султановъ.

Предсѣдатель—Д. В. Айналовъ.

Секретари: А. П. Новицкій, И. М. Тарабринъ и А. К. Ярыгинъ.

1. *О. О. Горностаевъ*: «О деревянныхъ церквахъ Черниговской губерніи». (Тр., т. II).

Референтъ отмѣтилъ особенности деревянныхъ храмовъ сѣверной части Черниговской губерніи, указывая на типическія особенности приемовъ плана и сходство въ этомъ отношеніи съ великорусскими деревянными церквами при украинской фасадной обработкѣ. Разобраны были также оригинальные приемы единовѣрческихъ храмовъ и ихъ еще живыя традиціонныя великорусскія черты.

Докладъ былъ богато иллюстрированъ снимками, планами и фотографіями.

М. И. Барабановъ замѣтилъ, что церковь Покрова Пр. Богородицы въ Новгородсѣверскѣ не называется Заручейскою, а просто Покровскою и что ходъ имѣется вокругъ всей этой церкви, а не съ трехъ только ея сторонъ.

2. *Г. Г. Павлуцкій*: «О происхожденіи формъ украинскаго зодчества» (Тр., т. II, стр. 47—58).

Д. В. Айналовъ сдѣлалъ по поводу этого доклада два указанія. Въ западной базиликѣ со сводчатымъ покрытіемъ выступовъ нѣтъ; они являются въ церквахъ западной системы. Храмъ Мазепы имѣетъ купольное покрытіе и потому возникаетъ вопросъ, не являются-ли эти выступы со спеціальной цѣлью держать купольныя покрытія.

Для обозначенія же храма и его архитектурныхъ частей существуютъ довольно сложныя терминологіи: «божница», «прибожонокъ», а въ «Словѣ о п. И.» «кнесъ»= князекъ и т. п., что указываетъ на выработанность деревяннаго зодчества. Деревянные постройки древней Руси восходятъ по документамъ до XIII столѣтія и сливаются съ лѣтописными извѣстіями.

Г. Г. Павлуцкій высказалъ *Д. В. Айналову* благодарность за сдѣланныя дополненія и въ особенности за разъясненія употребляемаго въ постройкахъ термина «кнезь».

О. Г. Пеленскій (галичанинъ изъ Кракова) высказалъ то положеніе, что до сихъ поръ еще не установлено, производить ли выступающія крылья трансцента многоугольныя, округлыя или прямоугольныя, составляющія характерную черту многихъ церквей временъ Мазепы, изъ архитектуры западной, какъ предполагаетъ проф. Павлуцкій, или собственно отъ основы трехъ или четырехлистной (triflé). Какъ показали изслѣдованія проф. Маріана Соколовскаго, Мокловскаго (въ Галиціи), Ромсторфера (въ Буковинѣ и Молдавіи), Каница (въ Сербіи и Болгаріи), гр. Уварова (въ Херсонесѣ), проф. Павлуцкаго (на Подоліи) и др., этотъ типъ трехлистныхъ церквей былъ очень распространенъ не только на востокъ, но и на западъ и относится къ первымъ вѣкамъ христіанства (cellae cimiteriales въ Римѣ, соборъ Пр. Богородицы въ Кельнѣ, на римскихъ фундаментахъ и др., надъ Рейномъ). Родина этого трехлистнаго плана, вѣроятно, востокъ. Поэтому церкви временъ Мазепы, о которыхъ идетъ рѣчь, по нашему мнѣнію, являются продуктомъ церковной архитектуры трехлистнаго принципа, достаточно измѣненнаго, какъ отголосокъ старинныхъ традицій, которыя въ большей мѣрѣ принадлежатъ восточной

Европѣ, чѣмъ западной. Проф. Соколовскій выводитъ типъ нашихъ трехлистныхъ церквей съ Аѳонской горы.

А. П. Голубцовъ замѣтилъ, что едва ли встрѣчающіеся нерѣдко въ лѣтописяхъ термины «божница», «божонка», «прибожонокъ» содержатъ въ себѣ указанія на какія-либо самобытно-русскія черты въ нашемъ древнемъ храмовомъ устройствѣ. Они не болѣе, какъ механическій переводъ или, еще лучше, перекладъ греческихъ названій: еклесія, пареклесія. Въ извѣстномъ студійскомъ лѣтописномъ уставѣ Московской синодальной бібліотеки послѣднее передано терминомъ «пребожонокъ» для обозначенія церковнаго притвора.

Ө. Ө. Горностаевъ находилъ, что слову «кнесъ» проф. Д. В. Айналовъ даетъ не то значеніе, какое оно въ дѣйствительности имѣетъ. Тѣ балки, о которыхъ говоритъ Д. В., оказываются «матицами», а словомъ «кнесъ» и до сихъ поръ на сѣверѣ и въ центрѣ Россіи обозначается самая верхушка или верхнее окончаніе крыши. Что же касается выдающихся частей въ храмахъ, то таковыя примѣнялись въ цѣляхъ художественности храмовъ, въ виду необходимости придать имъ болѣе красивый видъ при массѣ главъ и базилики тутъ не приходится искать.

Н. П. Троицкій высказалъ сомнѣніе по поводу самобытности формъ Украинскихъ церквей, такъ какъ и въ центрѣ Россіи, и по Волгѣ весьма часто встрѣчались храмы о трехъ главахъ съ пирамидальными покрытіями, но патріархи или митрополиты впоследствии, давая разрѣшенія на постройки или перестройки церквей, стали обязывать духовенство, чтобы верхи на таковыхъ не были бы шатровые; вотъ почему типъ такихъ храмовъ въ Великороссіи постепенно уничтожался.

Въ виду поздняго времени 3-й докладъ *А. П. Новицкаго* «Черты самобытности въ украинскомъ зодчествѣ» былъ отложенъ.

7 августа. 1 ч. дня.

Засѣданіе Ученаго Комитета.

Избрана Комиссія для выработки инструкціи, которой обязательно было бы придерживаться при производствѣ раскопокъ. Членами назначены Д. Я. Самоквасовъ, Э. Р. фонъ-Штернъ, А. В. Селивановъ и В. А. Городцовъ.

7 августа. 6 часовъ вечера.

Отд. VII.—Древности классическія, византійскія, восточныя и западно-европейскія.

Почетный Предсѣдатель—Л. Г. Лопатинскій.

Предсѣдатель Отдѣленія—проф. Э. Р. фонъ-Штернъ.

Секретари: А. И. Бѣлецкій, А. Д. Григорьевъ, А. П. Кадлубовскій и М. А.

Масловъ.

1. *Проф. Э. Р. фонъ-Штернъ*: «О раскопкахъ на Березани». Изложивши вкратцѣ исторію предшествующихъ изысканій, докладчикъ оставившись болѣе подробно на результатахъ раскопокъ послѣдняго года. Въ исторіи развитія города на Березани различаются два періода. Въ первомъ—дома строились маленькіе, изъ тесанаго камня, насухо. Строились они не на материкѣ; между материкомъ и фундаментомъ дѣлалась прокладка изъ слоя золы и глины, какъ это было най-

дено Б. В. Фармаковскимъ въ Ольвіи, и какъ это было въ Милетѣ. Стѣны домовъ второго періода построены изъ мелкаго бута на глиняномъ растворѣ, по ямамъ перваго періода, и сохранились лучше первыхъ. Найдено много предметовъ культурной жизни, въ особенности много рыболовныхъ снарядовъ: грузила, рыболовные крючки, якоря. Рядомъ съ домами и отчасти въ самыхъ домахъ жители вырывали ямы, назначеніе которыхъ было разнообразное. Это были: 1) колодцы, вода въ которыхъ въ настоящее время солоноватая; докладчикъ видитъ въ этомъ вліяніе прорыва моря; 2) ямы, наполненные разными отбросами, напр., черепками битой посуды, костями рыбъ и т. п.; 3) погребальныя ямы. По находкамъ ямы дѣлятся на 3 періода. Соответствующія домамъ перваго періода наполнены простой, домашняго издѣлія, посудой, которую обыкновенно считаютъ скиѣской, но которая относится, быть можетъ, къ болѣе раннему времени, а именно къ VII в. до Р. X. Здѣсь же встрѣчаются образцы великолѣпной привозной керамики также VII в.: черепки вазъ, причѣмъ сохранялись или очень большіе или очень маленькіе; тонкіе кубки изъ Навкратиса, въ Египтѣ, внутри черные, снаружи бѣлые, съ изображеніями сфинксовъ и т. п., сосуды изъ Клазоменъ, масса сосудовъ изъ Милета, орнаментированныхъ изображеніями животныхъ — львовъ, оленей. Въ ямахъ второго періода найдена, кромѣ посуды домашняго производства, чернолаковая, но іонійская, а не атгическая, въ низшихъ слояхъ — посуда милетскаго и коринтскаго періода, съ надписями; въ верхнихъ слояхъ — атгическаго производства, чернофигурная, II в., и только въ рѣдкихъ случаяхъ — краснофигурная, конца VI и начала V в. Такимъ образомъ, устанавливается фактъ преобладающаго въ началѣ вліянія Милета, которое идетъ также вглубь материка (находки въ Смѣлѣ, Кіев. губ). Затѣмъ вліяніе Милета падаетъ, ему появляется конкурентъ въ лицѣ Аѳинъ времени тиранній Пизистрата. Здѣсь опять докладчикъ отмѣтилъ находку чернофигурныхъ атгическихъ вазъ въ глубинѣ материка. Говоря далѣе о погребеніи, докладчикъ отмѣтилъ три его типа: полное и неполное сожженіе и погребеніе. Скадовскій думалъ, что сожженіе и погребеніе существовали рядомъ, но проф. Штернъ пришелъ къ выводу, что эти типы смѣнялись другъ друга. Въ особенности интересно то, что погребальныя ямы иногда находятся въ самыхъ домахъ. Въ заключеніе докладчикъ кратко охарактеризовалъ промышленность и бытъ отрытаго имъ поселенія на о-вѣ Березани, руководствуясь результатами раскопокъ.

Проф. В. З. Завитневичъ предложилъ Э. Р. фонъ-Штерну вопросъ, почему онъ думаетъ, что погребеніе совершалось въ домахъ, и выразилъ предположеніе, что, быть можетъ, дома построены надъ погребеніями. На это докладчикъ отвѣтилъ, что они вырыты въ томъ же слоѣ, въ которомъ вырытъ фундаментъ для домовъ.

2. Б. В. Фармаковскій сдѣлалъ сообщеніе: «Ольвія».

Указавъ на крупное значеніе Ольвіи, какъ торговаго пункта, по своему положенію — на караванной дорогѣ сѣвера соответствовавшаго Александріи на югѣ, докладчикъ отмѣтилъ выдающійся интересъ, представляемый раскопками на мѣстѣ этого богатѣйшаго города сѣверной Греціи. Мѣстоположеніе Ольвіи (35 верстъ отъ Николаева, 25 — отъ Очакова) было опредѣлено Палласомъ и Сумароковымъ; раскопки впервые производились гр. А. С. Уваровымъ и И. Е. Забѣлинымъ (1873 г.). Раскопки докладчика, начатыя въ 1901 году, длятся до настоящаго времени; за восемь лѣтъ въ Ольвіи обнаружено болѣе 1500 предметовъ. Въ первые годы работы производились на мѣстѣ Ольвійскаго некрополя: были установлены типы гробницъ; открыта замѣчательная кладка II—III в. по Р. X. и остатки городскихъ сооружений. Изъ нихъ самыми примѣчательными являются остатки дома эллинистической эпохи, по плану, совершенно совпадающему съ описаннымъ у Витрувія (*De architectura*). Съ 1902 года вниманіе изслѣдователя привлекали знаменитыя Ольвійскія стѣны,

свидѣтельства о которыхъ имѣются у Геродота и Діона; раскопки 1904 года на протяженіи 50 саж. обнаружили большую часть стѣны и башню римской эпохи. Отъ стѣнъ сохранились только колоссальные фундаменты съ любопытной прослойкой, дающей новыя данныя для пониманія архитектурныхъ указаній въ древнихъ текстахъ. Стѣна достигаетъ трехъ съ лишнимъ метровъ толщины. Памятникъ этотъ обреченъ на погибель: еще въ началѣ XIX-го вѣка древнюю стѣну расхищали на современныя постройки: города Очаковъ, Николаевъ почти на половину выстроены изъ Ольвійской стѣны. Единственный способъ спасти ее — это засыпать землю вновь. Съ теченіемъ времени были открыты новыя стѣны — греческаго періода. Задачей работъ 1908 года докладчикъ ставитъ открытіе входа въ городъ, послѣ чего планъ древней Ольвіи будетъ нетрудно возстановить вполне.

Произведенныя раскопки позволяютъ нарисовать цѣлую картину исторической жизни города. Всѣ этапы древней культуры хорошо представлены въ Ольвіи. Арханческаго эпоха носитъ явный отпечатокъ іонійской культуры. Отъ этого времени имѣются остатки архитектуры (стѣна, іоническій киматій съ пальметками и лотосами и т. п.). Найдены остатки скульптуры, часть головы статуи, похожей на извѣстный памятникъ Креза, милетской школы. Ольвійская керамика повторяетъ образцы, найденные Э. Р. фонъ-Штерномъ на Березани.

Начиная съ V-го вѣка, въ Ольвію проникаетъ аѳинская культура. О ней свидѣлствуютъ, между прочимъ, скульптурные образцы школы Фидія.

Отъ IV-го вѣка найдена база съ надписью Праксителя и монеты. Но самая блестящая эпоха жизни Ольвіи — эллинистическая. Культурный уровень, несмотря на бѣдствія, переживаемыя городомъ, очень высокъ. Отъ этого времени мы имѣемъ мозаику и интересныя образцы скульптуры, между прочимъ: голову Зевса, голову богини (Афродиты), мальчика (Эрота или Гарпократа) и др. Въ эту же эллинистическую эпоху начинается наблюдаться варваризація Ольвіи. Чтобы сохранить свое существованіе, Ольвія заключала союзы; найденная надпись этого времени указываетъ на союзъ ея съ Митридатомъ.

Въ I-омъ вѣкѣ, по тексту Діона, Ольвія, какъ торговый центръ, перестаетъ существовать.

Докладчикъ иллюстрировалъ свое сообщеніе рядомъ картинъ волшебнаго фонаря.

Въ бесѣдѣ по поводу доклада Б. В. Фармаковского гр. П. С. Уваровой было высказано пожеланіе, чтобы открытыя стѣны Ольвіи были сохранены какимъ-либо инымъ способомъ, кромѣ указаннаго докладчикомъ. Въ случаѣ продолженія раскопокъ, вѣроятно, явилась бы возможность сдѣлать для Ольвіи то же, что сдѣлано правительствомъ для Херсонеса.

Присоединяясь къ этому пожеланію, докладчикъ указалъ на климатическія и мѣстныя условія, неблагопріятныя для сохранности памятника.

Почетный предсѣдатель Л. Г. Дюпонтинскій отъ лица собранія выразилъ благодарность Э. Р. фонъ-Штерну и Б. В. Фармаковскому за ихъ интересныя сообщенія.

З. И. Я. Стеллецкий: «Вторженіе скизовъ—сколотовъ въ Палестину». Референтъ обратилъ вниманіе Съѣзда на то обстоятельство, что вопросъ о вторженіи скизовъ въ Палестину не пользуется у русскихъ ученыхъ заслуженнымъ вниманіемъ, а нѣкоторыми ориенталистами (Реляндъ, Робинзонъ, Галеви) этотъ несомнѣнный историческій фактъ считается просто мифомъ. Между тѣмъ, всестороннее его изслѣдованіе неизбѣжно должно пролить яркій свѣтъ знанія относительно многихъ, донинѣ туманныхъ и загадочныхъ вопросовъ о скивахъ древнѣйшаго періода. Находимые до сихъ поръ въ скивскихъ курганахъ предметы съ ясно выраженнымъ восточнымъ характеромъ ихъ происхожденія принимались за пред-

меты греко-римской культуры. Въ последнее время проф. Д. Я. Самоквасовымъ относительно упомянутыхъ находокъ въ скиѣскихъ курганахъ высказывается новая теорія, именно, что трактуемая древности не греко-римскаго, а ассирийскаго происхожденія. Эта теорія находитъ для себя прочную опору въ историческомъ фактѣ вторженія скиѣовъ—кочевниковъ, такъ называемыхъ у Геродота «царскихъ скиѣовъ», въ Мидію и, затѣмъ въ Палестину, до Египта. Часть этихъ скиѣовъ кочевала въ степяхъ нынѣшней южной Россіи, другая часть, меньшая, по свидѣтельству Страбона (XI, 8, 4), занимали сѣв. западную Арменію и Капподокію. Оттуда они совершали набѣги на переднюю Азію и Палестину; изображаемые у израильскихъ пророковъ въ видѣ свирѣпыхъ кочевниковъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами, верхомъ на коняхъ. Одинъ изъ такихъ набѣговъ, въ VII в. до Р. Хр., послѣдній по времени и наиболее чреватый послѣдствіями, референтъ и имѣлъ въ виду, трактуя о вторженіи скиѣовъ, въ Палестину.

Относительно этнографическаго типа, къ которому слѣдуетъ относить скиѣовъ нашествія, мнѣнія ученыхъ разнорѣчатъ.

Ученые Карль Нейманъ, Нибургъ, Шафарикъ, Ганзенъ, Ленорманъ, Гиппократъ, изъ русскихъ—Θ. Мищенко, проф. Трачевскій—склоняются къ признанію скиѣовъ за народъ тюрскаго типа. Другіе ученые, какъ Ширнеръ, гр. Потоцкій, Клапротъ, Гриммъ, Цейсъ и др., изъ русскихъ В. Θ. Миллеръ—признаютъ скиѣовъ за народность арійскаго происхожденія.

Причины вторженія скиѣовъ въ Палестину остаются въ наукѣ невыясненными. Разсужденія Геродота по этому вопросу не считаются заслуживающими полного довѣрія.

Скиѣы нашествія въ Библии называются народомъ Магогъ. Иосифъ Флавій замѣчаетъ, что Магогъ есть тотъ народъ, который греками называется Скуятай. Скиѣы вторглись подъ предводительствомъ царя своего Мадія, сына Протофія. Теперь дознано, что Мадій былъ внукомъ Гога, историческаго лица, бывшаго главнымъ княземъ скиѣовъ при Ассурбанипалѣ. Имя его встрѣчается на одномъ изъ картушей Ассурбанипала: Гаги.

Разбивъ Кіаксара, царя Мидянъ, отдавшаго Ниневію, Мадія наложилъ на Мидію опредѣленную дань, а затѣмъ двинулся на богатую Ассирію, которую разграбилъ и разорилъ до-тла. Подтверженіе этому ученые находятъ какъ въ надписяхъ ассирийскихъ памятниковъ, такъ и въ данныхъ раскопокъ, произведенныхъ до сего времени въ Ниневіи. Бурнымъ потокомъ пронесшись затѣмъ по Вавилоніи, Сиріи, Финикіи и Палестинѣ, скиѣы дошли до Египта, гдѣ были остановлены Псаметихомъ, упросившимъ ихъ не идти далѣе. Скиѣы повернули назадъ, по пути разбили въ г. Аскалонѣ храмъ Афродиты Ураніи,—по другимъ свѣдѣніямъ Атаргатисъ, культъ которой процвѣталъ въ особенности въ г. Гераполисѣ или г. Магогъ, въ Келестринѣ, за что, въ наказаніе, по сказанію Геродота, божество ниспослало на грабителей такъ называемую тесскую болѣзнь,—и осѣли окончательно въ лучшей области Палестины—въ окрестностяхъ Тиверіадскаго озера, на равнинахъ библейскаго Васана, съ городомъ Скиѣополисомъ на югѣ и гор. Гераполисомъ или Магогъ, по свидѣтельству Плинія, на сѣверѣ. Спустя 8 лѣтъ, скиѣы вынуждены были покинуть Палестину и удалиться въ Мидію, откуда также, послѣ кровопролитной войны, они были изгнаны. Въ Палестинѣ осталась только колонія «скиѣскихъ гражданъ», группировавшихся вокругъ г. Скиѣополиса (теперь Бейсанъ). Колонія была значительной и играла извѣстную роль, судя по обращенію къ ней Іуды Маккавея (12, 29—30) съ просьбой быть благоприятными къ роду іудеевъ, на каковую просьбу «скиѣскіе граждане» отвѣтили тѣмъ, что, пользуясь народнымъ смятеніемъ, вырѣзали, въ 65 г. по Р. Хр., 13000 іудеевъ, жив-

шихъ среди нихъ въ Скинопольсѣ. Неизвѣстно, куда исчезли палестинскіе скифы и когда прекратила свое существованіе скифская колонія. Разгадки этихъ и многихъ другихъ вопросовъ о скифахъ можно ожидать только отъ археологій. Необходимо произвести дѣятельныя раскопки въ разныхъ мѣстахъ Палестины, Месопотаміи и Кавказа, чтобы выяснитъ путь, по которому двигались скифы въ Палестину и обратно, а также подлинныя мѣста изъ пребыванія въ Палестинѣ и связанные съ этимъ вопросы.

Въ заключеніе референтъ выразилъ еще разъ твердую надежду, что «какъ высокоуважаемая предсѣдательница нашего Съезда, графиня Прасковья Сергѣевна Уварова, столь много потрудившаяся на пользу родной науки археологій, и лично и своими средствами, такъ и всѣ русскіе археологи, преданные дѣлу и высоко держащіе знамя русской науки, какъ доселѣ, такъ и впредь, неуклонно будутъ идти навстрѣчу новымъ запросамъ и новымъ потребностямъ прогрессирующей науки и не откажутъ съ теченіемъ времени хотя бы, въ своемъ сочувствіи и посильномъ содѣйствіи, моральномъ и матеріальномъ, въ несомнѣнно сложномъ и трудномъ дѣлѣ снаряженія новой русской археологической экспедиціи на Востокъ».

7 августа. 7 часовъ вечера (параллельное).

Отд. II.— Древности историческія и этнографическія.

Почетный Предсѣдатель: А. В. Верзиловъ.

Предсѣдатель: проф. И. А. Линниченко.

Секретари: Хр. П. Ящуржинскій, С. П. Шелухинъ и В. В. Каллашъ.

Почетный Предсѣдатель А. В. Верзиловъ въ своей рѣчи поблагодарилъ этнографическую секцію за честь избранія его почетнымъ Предсѣдателемъ.

1. *С. П. Шелухинъ*: «Украинскія причитанія надъ умершими».

Великорусскія причитанія имѣютъ ритуальное значеніе, составляютъ часть похороннаго ритуала и своими частями органически связаны съ отдѣльными моментами погребенія, къ которымъ строго приурочены. Эти причитанія большею частью художественны, и очень подробны, а потому длинны и сложны для заучиванія.

У великороссовъ существуютъ профессиональныя вопленицы, которыхъ приглашаютъ за плату причитывать и плакать надъ покойникомъ. Благодаря этому, у великорусскаго народа существуетъ цѣлая школа похоронной причеты. Такъ какъ причитанія имѣютъ ритуальное значеніе, очень подробны, длинны, сложны и должны быть заучены наизусть, то плакальщица не можетъ импровизировать и свободно вносить въ нихъ новое содержаніе или вообще измѣнять ихъ, а потому произноситъ надъ всякимъ покойникомъ одну и ту же причету, безотносительно къ особенностямъ его жизни. Поэтому великорусская причета для всѣхъ покойниковъ шаблонна. У великороссовъ профессиональныя плакальщицы пользуются не только большимъ уваженіемъ въ народѣ, но и влияніемъ.

Нынѣ на Украинѣ нигдѣ нѣтъ профессиональныхъ плакальщицъ и украинскій народъ не знаетъ приглашенія оплакивать за вознагражденіе. Вѣроятно, и украинскій народъ имѣлъ такихъ плакальщицъ въ глубокой древности, но мы не имѣемъ прямыхъ указаній на то. Роль кувшинчиковъ, найденныхъ при раскопкахъ на Княжей горѣ, до сихъ поръ не выяснена. Подобные кувшинчики кладутъ плакавшіе мертвымъ въ могилу въ заиорданской части Палестины. Извѣстіе Кленовича въ «Rokholania» о женщинѣ, нанятой плакать надъ умершимъ, относящееся къ

XVI вѣку, подлежитъ большому сомнѣнію, такъ какъ авторъ передалъ извѣстіе въ своемъ освѣщеніи и внесъ много личнаго и книжнаго элемента, что лишаетъ документъ непреложной достовѣрности. Въ настоящее время украинскій народъ тѣхъ женщинъ, которыя ходятъ по погребеніямъ и плачутъ, чтобы своимъ показнымъ сочувствіемъ обратить на себя вниманіе родственниковъ и получить отъ нихъ что-либо въ знакъ признательности, подвергаетъ осмѣянію. Съ другой стороны, никто, не рискуя своей репутаціей, не рѣшился бы открыто пригласить кого-либо поплакать надъ покойникомъ. Украинскіе плачи представляютъ собою импровизаціи того, кто плачетъ, и полны бытовой дѣйствительности. Эти плачи (голосіння, жалі тужіння) каждое плачущее лицо создаетъ, словно вышивку, на традиціонной выработанной для этого народной канвѣ, имѣющей много общаго съ канвой лирическихъ и бытовыхъ пѣсенъ народа. Содержаніе каждаго изъ украинскихъ причитаній соотвѣтствуетъ особенностямъ даннаго случая. Надъ покойникомъ плачутъ не за пищу и не чужіе, а родные и близкіе люди, указывая на его заслуги, дѣла, отношенія и роль въ ихъ жизни. Украинскія причитанія кратки, не имѣютъ ритуальнаго значенія, не прикрѣплены къ отдѣльнымъ моментамъ погребенія и потому народъ свободно распоряжается ихъ содержаніемъ, позволяя себѣ вносить въ нихъ даже элементы осужденія, преній, сатиры по отношенію къ покойнику. Прогрывая сравнительно съ великорусскими, въ формѣ, разработкѣ и величинѣ, украинскія причитанія выигрываютъ въ искренности, въ непосредственности, выразительности, живости и глубины чувства, а также въ соотвѣтствіи содержанія ихъ бытовой жизни народа. Украинскія похоронныя причитанія для антропологии и этнографіи представляютъ собою богатый и серьезный матеріалъ, собираніе котораго и разработка, однако, еще только начаты.

В. В. Даниловъ доказываетъ, что плачь въ извѣстной «Роксолоніи» Кленовича имѣетъ народную основу, и нѣтъ основанія заподозривать передаваемый Кленовичемъ фактъ приглашенія наемныхъ плакальщицъ въ невѣрности. Отсутствие послѣднихъ въ современной Малороссіи не можетъ служить доказательствомъ того, что ихъ не было въ Галиціи XVI в. При этомъ г. Даниловъ сослался на примѣръ Сербіи, гдѣ въ однихъ мѣстахъ существуютъ наемныя плакальщицы, а въ другихъ нѣтъ. Оппонентъ возражалъ также противъ положенія докладчика, признававшего малорусскія причитанія продуктомъ индивидуальнаго творчества, соотвѣтствующаго каждому данному моменту. Малорусскія причитанія имѣютъ нѣсколько опредѣленныхъ поэтическихъ формулъ, которыя повторяются во всѣхъ причитаніяхъ, и потому они отличаются большимъ однообразіемъ.

2. *Х. П. Яцуржинскій*: «Почитаніе ключей и колодцевъ».

Вода почитается, какъ элементъ, очищающій и освящающій у арійцевъ, да и вообще это явленіе общечеловѣческое; вспомнимъ священныя рѣки индусовъ, у египтянъ, священныя ключи у грековъ и римлянъ.

Народъ здѣсь, въ Малороссіи, съ особымъ почтеніемъ относится къ колодцамъ и ключамъ въ живописныхъ мѣстностяхъ. Происхожденіе ихъ часто чудесное.

Народъ ходитъ къ нимъ, умывается водою и вѣрить, что исцѣлится отъ болѣзней. Въ колодцы бросаются деньги и жертвуются полотенца и другіе предметы.

Въ колодцахъ бывають такъ называемыя явленныя иконы. У колодцевъ молятся, освѣщаютъ воду по случаю бездождія, и вѣрятъ, что послѣ освященія воды пойдетъ дождь.

Праздники у колодцевъ, почитаніе ключей, представляютъ отголосокъ сѣдой старины.

3. *П. И. Тиховскій*: «О кобзаряхъ».

Кобзари—пѣвцы думъ и псалмовъ. Думы отличаются отъ былинъ по содер-

жанію, формѣ и исполненію. Кобзарь обыкновенно не разстается съ кобзою, бандурою. На думѣхъ отразилось вліяніе виршей. Странствующие «дяки», «бакаляры», разносили виршевую письменность. Отъ виршей думы получали риму и часто самый планъ. Такимъ образомъ, въ основѣ думъ лежитъ мысль и чувство культурнаго слоя общества, но онѣ выражены народной рѣчью и въ стилѣ народной поэзіи. Думы являются синтезомъ культурно-личнаго и коллективнаго, народнаго творчества.

«Псалмы» тоже идутъ отъ духовныхъ виршей XVI—XVII вѣковъ. Наконецъ, кобзари исполняютъ еще и сатирическія пѣсни и народные танцы.

Въ отвѣтъ на ходатайство XII Арх. Съѣзда объ огражденіи кобзарей и лириковъ отъ преслѣдованія полицейскихъ властей Министерство Вн. Дѣлъ выразило полную готовность принять мѣры къ обезпеченію кобзарямъ и лирикамъ ихъ дѣятельности.

4. *А. Д. Григорьевъ*: «О духовныхъ стихахъ».

Духовные стихи или псалмы, какъ ихъ называютъ на югѣ, распространены по всей Россіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи существуютъ цѣлыя волости, жители которыхъ по окончаніи полевыхъ работъ ходятъ въ другія губерніи пѣть духовные стихи, напр., въ Архангельскую губернію приходятъ калики изъ Каргопольскаго уѣзда, по средней Россіи ходятъ смоляне и калужане. Стихи бываютъ посвящены событіямъ Ветхаго и Новаго Завѣта, или воспѣваютъ христіанскихъ святыхъ. Многіе стихи сѣверянъ, средней и южной Россіи сходны по своему содержанію (Лазарь, Алексѣй человекъ Божій и др.). Пѣвцы (пѣвшіе потомъ стихи), мѣстные уроженцы и происходятъ изъ разныхъ деревень, находящихся на сѣверѣ и сѣверовостокѣ отъ Чернигова. Они обыкновенно поютъ какъ придется: по одному, по два и по нѣсколько человекъ вмѣстѣ. Поютъ они на нарѣчій, болѣе близкомъ къ бѣлорусскому, чѣмъ къ южно-великорусскому (аканіе въ род. ед. прилагательныхъ). Репертуаръ ихъ достигаетъ до 20 нумеровъ.

Затѣмъ 7 человекъ слѣпцовъ (3 мужчины и 4 женщины) исполнили подъ аккомпаниментъ лиры начала стиховъ: «Борисъ и Глѣбъ», «Лазарь», «Алексѣй человекъ Божій» и «Страшный Судъ».

8 августа. 10 часовъ утра.

Отд. V.— Древности церковныя.

Почетный Предсѣдатель — проф. протоіерей І. Н. Корольковъ.

Предсѣдатель — проф. Н. В. Покровскій.

Секретари: проф. И. Е. Евсѣевъ и В. А. Пахроменко.

1. *Проф. М. Н. Березковъ*: «Къ исторіи Спасо-Преображенскаго собора г. Чернигова» (Тр. Т. II, стр. 1).

2. *Проф. А. П. Голубцовъ*: «Объ архіерейскомъ посохѣ». Указавъ на генетическую зависимость архіерейскаго посоха отъ пастушескаго и выяснивъ въ связи съ нею символическое значеніе перваго, референтъ подробно остановился на рѣшеніи вопроса о времени появленія рассматриваемой священной принадлежности, какъ отличительнаго знака пастырскаго званія, и первоначальномъ видѣ ея (*pedum*). Отмѣтивъ двѣ основныхъ формы посоха, одну, принятую болѣе на западѣ, другую на востокѣ, проф. Голубцовъ перешелъ къ разсмотрѣнію послѣдней и ея видоизмѣненій въ Византіи подъ вліяніемъ новыхъ взглядовъ на Константинопольскаго патріарха и вслѣдствіе заимствованія или усвоенія высшею церковною іерархіей многихъ порядковъ отъ Императорскаго двора. Сказавъ затѣмъ

подробно объ устройствѣ и разнообразномъ убранствѣ жезловъ диканикіевъ низшихъ и высшихъ сановниковъ имперіи и царскомъ скипетрѣ, проф. Голубцовъ замѣтилъ, что послѣдующіе посохи: патриаршій, общеархіерейскій и архимандричій въ Греціи и на Руси украшались и отчасти устроились по образцу диканикіевъ и значительно различались между собой, какъ и эти послѣдніе. Выяснивъ настоящій смыслъ и время появленія змѣиныхъ головъ въ возглавіи архіерейскаго посоха, референтъ указалъ въ заключеніе, откуда ведетъ свое начало такъ называемый сулокъ, съ какого приблизительно времени и подъ чьимъ вліяніемъ его начали прикрѣплять или привязывать къ посоху.

3. *Священникъ. П. А. Лобовъ*: «О Козелецкомъ соборѣ».

Были демонстратированы снимки Козелецкаго собора, построеннаго въ XVIII в. на средства гр. Разумовскихъ, знаменитымъ архитекторомъ Растрелли.

4. *С. Д. Щербакъ*: «Дѣло о похищеніи чудотворной иконы въ Елецкомъ монастырѣ» Тр. (т. III, стр. 382)

Докладчикъ сообщилъ судебное дѣло 1767—1768 гг. о похищеніи изъ Елецкаго монастыря іеродиакономъ этого монастыря Дорощеемъ чудотворной иконы и другихъ предметовъ и привлеченіи его и виновныхъ вмѣстѣ съ нимъ лицъ къ надлежащей отвѣтственности.

5. *П. М. Добровольскій*: «По поводу доклада священника о А. Н. Ефимова: а) объ Олеговомъ полѣ и б) о пещерахъ Елецкаго монастыря». а) На основаніи разбора лѣтописнаго повѣствованія о походѣ Изяслава на Черниговъ докладчикъ указываетъ, что Ольгово поле находилось на мѣстѣ теперешней дер. Льгово, не переходя за р. Бѣлоусъ. б) Объ Елецкихъ пещерахъ, на основаніи умолчанія о нихъ всѣхъ Черниговскихъ писателей XVII в., а также вслѣдствіе категорическаго заявленія лѣтописи о пребываніи преп. Антонія печерскаго только въ пещерѣ на Болдиныхъ горахъ, докладчикъ отрицаетъ принадлежность Елецкихъ пещеръ преп. Антонію. Теперешнія пещеры въ Елецкомъ монастырѣ представляютъ простые монастырскіе погреба.

О. А. Н. Ефимовъ защищалъ свою точку зрѣнія; къ нему присоединился и *А. В. Верзиловъ*.

6. *В. Г. Дроздовъ*: «О Царскихъ вратахъ Екатерино-Покровской церкви въ Черниговѣ». Царскія врата Екатерино-Покровской церкви XVII—XVIII в., находящіяся нынѣ на Выставкѣ, подлежатъ въ ближайшемъ будущемъ передѣлкѣ. Какъ памятникъ отличной, изящной рѣзной работы, рѣдкія въ Черниговѣ, эти Царскія врата весьма желательно было-бы сохранить въ неприкосновенности. Предсѣдатель Отдѣленія проф. Н. В. Покровскій, согласно съ заключеніемъ докладчика, предложилъ просить Ученый Комитетъ XIV-го Археологическаго Съѣзда о предоставленіи указанныхъ Царскихъ вратъ мѣстному Церковно-археологическому Музею. Постановлено: возбудить означенное ходатайство.

7. *Свящ. К. Т. Карпинскій*: «О днѣ кончины святителя Θεодосія». (Тр. Т. III; стр. 367).

8. *П. М. Добровольскій*: «Объ иконостасѣ ризничной Введенской церкви въ архіерейскомъ домѣ, въ Троицкомъ монастырѣ». Иконостасу XVII—XVIII в., устроенному Мазепой, угрожаетъ въ настоящее время полная передѣлка, по соображеніямъ практическаго свойства. Докладчикъ обращается къ Съѣзду съ просьбой оказать содѣйствіе къ сохраненію означеннаго рѣдкаго въ Черниговщинѣ памятника, связаннаго съ историческимъ именемъ. Представитель епархіальной власти о. А. Н. Ефимовъ настаиваетъ на необходимости намѣченной передѣлки иконостаса.

Проф. Н. В. Покровскій указываетъ на то, что при состоявшемся уже обра-

щеніи мѣстной власти въ Св. Синодѣ за разрѣшеніемъ на такую передѣлку дѣло это пойдетъ въ Императорскую Археологическую Комиссію и тамъ получить надлежащее правильное разрѣшеніе.

9. Доложено о присылкѣ на Съѣздъ: 1) благочиннымъ Путивльскаго собора протоіереемъ Андреемъ Петровымъ фотографическихъ снимковъ Путивльскаго собора, постройки XVII в., съ сообщеніемъ о другихъ церковныхъ старинныхъ памятникахъ, находящихся въ соборѣ, и 2) коллежскимъ совѣтникомъ Г. О. Грунскимъ изъ г. Путивля — фотографическихъ снимковъ золотого креста, даннаго маіору Павловскому за битву при Прейсишъ-Эйлау въ 1807 г. Постановлено: присланные снимки передать въ мѣстный Музей Черниговской Ученой Архивной Комиссіи.

8 августа. 10 часовъ утра (параллельное).

Отд. IV. — Древности юридическія, бытъ общественный, домашній и военный.

Почетный Предсѣдатель: проф. С. О. Платоновъ.

Предсѣдатель: проф. М. В. Довнаръ-Запольскій.

Секретари: И. Н. Бороздинъ и А. М. Гнѣвушевъ.

Открывая засѣданіе, проф. С. О. Платоновъ, сказалъ слѣдующее:

«Я очень благодаренъ за лестную честь избранія. Пользуясь этимъ, чтобы отвѣтить на тѣ упреки, которые раздались здѣсь на одномъ изъ засѣданій по адресу петербургскихъ ученыхъ. Наука вездѣ одна и петербургскіе ученые ищутъ, какъ и другіе ученые, только истины, ищутъ они ее всюду, гдѣ она можетъ послужить на пользу родной странѣ. Петербургскіе ученые интересуются не только «золотоноснымъ югомъ», какъ здѣсь говорилось, доказательствомъ этого можетъ служить, что они ведутъ раскопки въ сѣверныхъ мѣстахъ, а не только на «золотоносномъ югѣ». Усердно посѣщаютъ петербургскіе ученые и областные Съѣзды, которые происходятъ не на югѣ. Все это я говорю, чтобы не оставить безъ отвѣта раздавшіеся здѣсь огульные упреки, и извиняюсь въ томъ, что моя рѣчь носила, быть можетъ, личный характеръ».

Отмѣтивъ боевое значеніе вопроса о феодализмѣ въ Россіи, проф. Платоновъ предоставилъ слово референту г. Бороздину.

1. *И. Н. Бороздинъ:* «Къ вопросу о феодализмѣ въ Россіи». Указавъ въ вступительномъ словѣ на то, что на ученыхъ Археологическихъ Съѣздахъ крайне желательно трактованіе не только чисто археологическихъ вопросовъ, но и вопросовъ обще-историческихъ, вопросовъ теоріи, докладчикъ перешелъ къ предмету своего сообщенія. Въ настоящее время изученіе феодализма поставлено на сравнительную историческую точку зрѣнія; социально-экономическій и политическій строй, считавшійся прежде исключительною особенностью средневѣковаго запада, находитъ себѣ аналогіи въ различныхъ эпохи, въ разныхъ странахъ и у различныхъ народовъ. Труды новѣйшихъ изслѣдователей направлены къ изученію какъ родовыхъ, такъ и видовыхъ особенностей феодализма. Понятно поэтому, какой интересъ представляетъ постановка вопроса о феодализмѣ въ Россіи. Вопросъ этотъ уже издавна ставился въ историографіи, но особенно опредѣленно и ярко выдвинуть онъ работами петербургскаго ученаго Н. П. Павлова-Сильванскаго. Въ дальнѣйшемъ докладчикъ подвергъ разсмотрѣнію и критическому обсужденію положенія г. Павлова-Сильванскаго. Несомнѣнно, примѣнивъ общую

схему феодализма, можно установить основные начала феодализма в России. Так базис феодализма — натуральное хозяйство и преобладание форм крупного землевладения, способствовал установлению аналогичных социально-политических отношений на Западе и в России. Но, признавая громадные черты сходства, нельзя упускать из виду и различия. Так, весьма спорным является вопрос о древности русской общины; сравнения ее с германской «Markgenossenschaft» весьма любопытны, но пока приходится к каким-либо определенным выводам представляется рискованным. Еще более споров вызывает попытка Павлова-Сильванского провести аналогию между русскими крестьянами удельного периода и западно-европейскими средневековыми крестьянами. Изучение этого вопроса требует известной детализации; нельзя сравнивать русского крестьянина то с сервом, то с вилланом; здесь необходимо соблюдение исторической перспективы. Аналогия между смердом «Русской Правды» и сервом является весьма рискованной. Напрасно также г. Павлов-Сильванский старается ограничить подвижность населения древней Руси; подвижность и колонизация отнюдь не противоречат развитию крупного землевладения; в настоящее время даже поднять вопрос о большом поместье, как фактор колонизации. В вопросе об образовании феодализма вопрос об узурпации не имеет значения; в России было «окняжение», — на Западе «обоярение». Сравнивая институты удельной Руси и средневекового Запада, можно придти к чрезвычайно интересным аналогиям. Особенно любопытно отметить иммунитет в удельной Руси, закладничество-хотмендация и т. д. Формальная и даже терминологическая близость некоторых учреждений России и Запада может быть объяснена арийским родством. Эти вопросы сравнительной истории права заслуживают особого изучения. Заканчивая свои сообщения, докладчик отметил необходимость изучения — 1) вопроса о происхождении феодальных отношений на юге России (особенно в Галицком княжестве).

Проф. Завитневич указал на необходимость изучения особенностей; аналогий откроется еще много. Между тем, отличия лежат не в отдельных, а в общих началах жизни. На западе феодализм дал развитие аристократии, развитие личности на счет государства. У нас личность нивелируется и порабощается государством. Удельных князей нельзя считать феодалами, они все были как князья великие; феодальные отношения можно искать в отношениях князя к боярству, но в это время определяется господство государства и тому началу все было принесено в жертву. Таким образом, личность поглощалась государством; в лучшем положении были лишь монастыри.

И. Н. Бороздин, отвечая оппоненту, указал, что его возражение является скорее дополнением. Оппонент говорит уже об эпохе падения феодализма, эпохе борьбы Московских государей с боярством, но такой же период был и на Западе. Во Франции, Англии и Испании растущая монархическая власть вступает в борьбу с феодалами и порабощает личное начало. Что касается до удельных князей, то их вполне можно сравнивать с титулованными сеньерами I разряда Средневекового Запада.

Предоставляя слово г. Авалиани, проф. Платонов отметил значение и интерес работ по истории земских соборов.

2. *С. Л. Авалиани*: «О составе представительства на земских соборах XVI в.».

Вопрос о составе земских соборов — спорный. Проф. Ключевский посвятил этому вопросу специальную работу; и выводы Ключевского пока являются господствующими в научной литературе.

Единственный правильный методъ изслѣдованія вопроса — изученіе формулярныхъ списковъ членовъ собора при помощи разрядныхъ книгъ, писцовыхъ книгъ, десятиенъ и т. д. Изученіе формулярныхъ списковъ привело насъ къ противоположному мнѣнію проф. Ключевского. Г. Ключевскій того мнѣнія, что члены собора являются не по праву выбора, а въ силу своего должностного положенія, какъ члены дворянскихъ обществъ, гдѣ у нихъ находились помѣстія и вотчины, а земскіе соборы — совѣщаніе правительства со своими агентами.

Изученіе формулярныхъ списковъ привело меня къ установленію факта преобладанія военно-служилаго класса на соборахъ 1566 и 1598 г., чрезвычайно подвижнаго при исполненіи служебнаго долга, въ качествѣ воеводъ, намѣстниковъ, головъ; служебныя обязанности въ большинствѣ случаевъ они несли въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ помѣстій и вотчинъ, куда они не заглядывали, благодаря служебному отвлеченію, иногда по нѣскольку лѣтъ и попадали на соборъ прямо съ мѣста службы, слѣд. они являлись не какъ представители уѣздныхъ дворянскихъ обществъ, а какъ представители тѣхъ мѣстъ, гдѣ они находились въ моментъ призыва къ собору; слѣд. жители данной мѣстности выбирали военно-служилаго человѣка, какъ человѣка, привыкшаго къ исполненію служебныхъ обязанностей, какъ человѣка бывалаго. Въ XVI в. еще недостаточно было развито чувство гражданскаго долга. На соборъ 1566 г., вопреки установившемуся мнѣнію, было представлено все почти Московское государство. Въ рукоприкладствѣ собора 1548 г. прорываются новыя черты и здѣсь замѣтно преобладаніе военно-служилаго класса. Особенности, сохранившіяся въ рукоприкладствахъ, даютъ данныя для выясненія вопроса о составѣ представительства. Здѣсь имѣются данныя, которыя даютъ возможность заключать о присутствіи на соборѣ представителей тяглаго торгово-промышленнаго населенія, когда одновременно подписываются тяглець и сотскій. Слѣдовательно, они представляютъ не только военно-служилый классъ, но всѣ разряды: лучшее тому доказательство — представительство Чихачева за «старожильцовъ». Соборъ 1613 г. уже окончательно разъясняетъ характеръ представительства на земскихъ соборахъ.

Наблюденія надъ рукоприкладствами даютъ постоянность относительно цифры числа представителей, какъ для собора 1566, такъ и для собора 1598 г. Представители являются почти отъ всѣхъ пунктовъ Москов. госуд. — это не случайность, а дѣйствіе какого-то опредѣленнаго принципа, намъ непонятнаго.

Такимъ образомъ, соборъ XVI в. — учрежденіе представительнаго характера; преобладаніе военно-служилаго класса объясняется отсутствіемъ гражданской школы въ русскомъ обществѣ, когда право представительства делегировалось бывалымъ служилымъ людемъ; въ эпоху самоуправленія общинъ допускать мысль о соборѣ, какъ органѣ совѣщанія царя съ правительственными агентами. Въ представительствѣ земскихъ соборахъ замѣтна извѣстная демократизація, на что оказала свое вліяніе и смута, т.-е. представительство переходитъ отъ военно-служилаго класса къ обыкновеннымъ разрядамъ обывателей, что рельефно сказывается на соборѣ 1613 г.»

Проф. Заитневичъ приветствуетъ научный приѣмъ обслѣдованія формуляровъ; необходимо раздѣлять ихъ на типы. Соборъ 1566 г. надо сравнивать съ соборомъ Азовскимъ. Мысль Ключевского онъ также считаетъ одностороннею.

Проф. Платоновъ не считаетъ возможнымъ согласиться по всѣмъ пунктамъ съ докладчикомъ. Мнѣніе Ключевского сводится къ слѣдующему. Соборъ 1566 г. былъ собранъ экстренно по вопросу о мирѣ съ Польшею. Не была послана грамота, некогда было выбирать. Поэтому собрали всѣхъ тѣхъ, кто былъ «на Москвѣ». Ключевскій и комментировалъ его составъ. Матеріалъ, представленный референтомъ, малъ и гипотеза Ключевского не является поколебленной. Далѣе, оппонентъ

указаль, что хотя самоуправленіе и было, однако, правительство при организациі представительства отступалось отъ этого принципа. Такъ было и на соборѣ 1610 г. Представительство въ Московскомъ государствѣ было всегда сильнымъ. Служилые люди были представителями отъ служилыхъ людей; игумень Богоявленскаго монастыря, у Ветошнаго ряда, былъ членомъ освященнаго собора. Смѣшенія сословій никогда не было. Чихачевы съ отечествомъ—служилые люди и не могли быть представителями крестьянъ. Демократизация земскихъ соборовъ явилась результатомъ тяжелыхъ общественныхъ переворотовъ. Послѣ смуты, верхніе слои были разбиты, соборъ сталъ учрежденіемъ средняго дворянства: это не было результатомъ мирнаго развитія, но сложилось подъ вліяніемъ революціонныхъ вспышекъ.

Прив.-доц. Данилевичъ, говоря о членахъ собора, интересуется, каковы отношенія этихъ лицъ къ мѣстамъ, гдѣ они служили.

С. Н. Введенскій, отмѣтивъ, что Богоявленскій монастырь Ветошнаго ряда есть, несомнѣнно, московскій Богоявленскій монастырь (на Никольской ул.), указаль на недостаточную методичность въ работѣ г. Аваліани, построившаго свои выводы на изученіи одного лишь печатнаго матеріала и не затронувшаго архивныхъ данныхъ.

С. Л. Аваліани, отстаивая свою точку зрѣнія, отвѣтилъ на возраженія своихъ оппонентовъ.

Предоставляя слово г. Савелову, проф. Платоновъ указаль на интересъ каждаго сообщенія, касающагося мало изслѣдованной исторіи Дона.

З. Л. М. Савеловъ: «Семья Фроловыхъ на Дону» (Тр., т. III, стр. 361).

8 августа. 11 час. утра (параллельное).

Отд. III.—Памятники искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики.

Почетный Предсѣдатель—проф. Д. И. Иловайскій.

Предсѣдатель—проф. Д. В. Айналовъ.

Секретари: А. П. Новицкій, И. М. Тарабринъ и А. К. Ярыгинъ.

Открывая засѣданіе и напоминая присутствующимъ на значеніе древней Черниговской культуры, Д. И. Иловайскій указаль на «Слово о полку Игоревѣ», какъ на памятникъ Черниговскаго края.

1. *Проф. Гр. Гр. Павлуцкій* сдѣлалъ сообщеніе: «Кіевскіе храмы домонгольскаго періода и ихъ отношеніе къ византійскому зодчеству». (Тр., т. II, стр. 29).

2. *Н. И. Петровъ*: «Румынскіе памятники въ Россіи и вліяніе ихъ на русское искусство». (Тр., т. II, стр. 89).

3. *Ө. К. Волковъ* сдѣлалъ сообщеніе: «Религіозныя сооруженія въ восточной Галиціи и въ частности въ Карпатахъ».

Какъ не специалистъ по исторіи искусства, а этнографъ, докладчикъ ограничился сообщеніемъ матеріала по деревянной церковной архитектурѣ Гуцуловъ, Бойковъ, Лелсковъ и Карпато-Угорскихъ украинцевъ и представилъ множество фотографическихъ снимковъ, давая при этомъ характеристики каждаго памятника.

Въ послѣдовавшемъ по поводу реферата оживленномъ обмѣнѣ мнѣній приняли участіе Г. Г. Павлуцкій, Н. В. Султановъ, О. Г. Пеленскій, Ө. Ө. Горностаевъ и др.

За позднимъ временемъ слѣдующій докладъ Ө. Ө. Горностаева «Объ иконостаѣ кисти Боровиковскаго» отложенъ.

8 августа. 12 часовъ дня.

Засѣданіе Комиссіи для составленія инструкціи для лицъ, предпринимающихъ раскопки.

1. А. В. Селивановъ обратился къ сочленамъ по Комиссіи съ слѣдующимъ заявленіемъ:

«Въ своемъ докладѣ на третьемъ областномъ Археологическомъ Съѣздѣ въ г. Владимірѣ о древнѣйшемъ населеніи Пріокскаго района я, между прочимъ, указалъ на одну весьма распространенную ошибку, въ которую впадаютъ многіе археологи при изученіи древнихъ кургановъ, кладбищъ и могильниковъ. Ошибка эта заключается въ томъ, что при разсматриваніи древностей какого-нибудь могильника или кладбища изслѣдователь не распредѣляетъ могилы съ различнымъ содержаніемъ на группы, но изучаетъ и описываетъ могильный инвентарь, относя его безразлично ко всѣмъ могиламъ даннаго кладбища. Не группируются также могилы и по способамъ погребенія, а если группируются, то не въ связи съ ихъ содержаніемъ. Другими словами, изучаемый могильникъ недостаточно точно анализируется ни по своему содержанію, ни по тѣмъ или инымъ особенностямъ погребеній. Въ результатѣ получается то, что, въ виду длительного періода времени могильника, иногда въ два, три и болѣе столѣтій утрачивается возможность отнести тѣ или другія могилы съ различнымъ содержаніемъ къ болѣе точно опредѣленному времени на основаніи изученія находимыхъ въ могильникѣ предметовъ. Мы читаемъ, напримѣръ, въ трудахъ нашихъ археологовъ, что такой-то могильникъ относится къ VIII—XI в., но мы не знаемъ, какія именно погребенія принадлежатъ къ VIII и какія къ X или XI вв. Между тѣмъ, уже болѣе тщательное изученіе инвентаря какого-либо крупнаго по количеству могилъ кладбища дало бы основаніе къ болѣе точному опредѣленію времени другихъ могильниковъ, гдѣ будутъ встрѣчаться предметы, тождественные съ тѣми, которые были находимы въ первомъ могильникѣ. Въ концѣ концовъ мы могли бы современемъ безошибочно датировать не цѣлые могильники, но отдѣльныя погребенія по ихъ содержанію и тѣ или иные предметы служили бы для насъ вполне точными датами, подобно монетамъ или надписямъ.

Мнѣ могутъ возразить, что взглядъ, мною высказанный, есть азбучное правило для каждаго изслѣдователя могильныхъ древностей. Всѣ болѣе или менѣе обращаютъ вниманіе на то, чтобы тщательно проанализировать добытый въ данномъ могильникѣ инвентарь и на основаніи такого анализа датировать самый могильникъ. Другими словами, я ломлюсь въ давно открытую дверь.

Но нѣтъ, милостивые государи, я все-таки правъ, указывая на допускаемую нашими археологами методологическую ошибку, и берусь это доказать.

Чтобы произвести точный анализъ могильнаго инвентаря какого-либо значительнаго могильника, состоящаго изъ сотенъ погребеній, когда при этомъ инвентарь, добываемый при раскопкахъ, насчитывается въ нѣсколько тысячъ болшею частью мелкихъ предметовъ, надо, понятно, крайне тщательно обращаться съ вещами, чтобы не смѣшать ихъ между собою, когда придется группировать могилы по ихъ содержанію и способамъ погребеній. Но всегда ли это соблюдается? Всегда ли въ дневникѣ раскопокъ отмѣчается при описаніи каждаго погребенія, что тамъ найдены именно такія-то вещи? Всегда ли эти вещи сохраняются такъ, что ихъ во всякое время можно найти и указать, что онѣ относятся именно къ данной могилѣ? Это, несомнѣнно, дѣлается, но далеко не всегда и не всѣми. Въ брошюрѣ А. А. Спичина «Производство археологическихъ раскопокъ», изданной въ 1895 г.,

на стр. 53-й говорится: «Какъ бы предметъ ни былъ упакованъ, но вмѣстѣ съ нимъ обязательно долженъ быть положенъ ярлычекъ изъ крѣпкой бумаги съ *цифрой кургана, погребенія или какой-нибудь другой отмѣткой*, а на наружной стороне должна быть нѣсколько разъ обозначена мѣстность находки и тотъ же номеръ». Вотъ единственное и довольно-таки неясное указаніе по этому предмету въ брошюрѣ, которая составлена въ качествѣ руководства для преподаванія. Затѣмъ, въ формѣ для дневника курганныхъ раскопокъ есть требованіе, чтобы вещи заносились на рисунокъ и бережно заворачивались съ номеромъ костяка и находки. Это еще менѣе ясно. Но нѣтъ совсѣмъ указаній, чтобы, хотя по возможности, вещи, взятые изъ каждой могилы, нашивались особо на картонъ. Тамъ, правда, говорится, что и «для большей сохранности лучше всего нашивать вещи на картонъ». Но «для большей сохранности» не значитъ еще, что это крайне важно для послѣдующаго изученія могильнаго инвентаря, а слова «нашивать на картонъ» не равносильны обязательному требованію нашивать ихъ особо. Производители раскопокъ, игнорирующіе указаннымъ требованіямъ, рискуютъ тѣмъ, что при перевозкѣ, а затѣмъ далѣе и при храненіи на мѣстѣ (въ музеѣ или на частной квартирѣ) мелкія вещи, не нашитыя особо на картонъ и хотя бы снабженныя номерами, легко затериваются или перепутываются съ другими однородными предметами.

Въ дневникахъ раскопокъ рѣдко описываются вещи подробно или дѣлаются опредѣленные точныя ссылки на найденные предметы. И вотъ, когда изслѣдователь (самъ ли производившій раскопки или получающій матеріалъ изъ вторыхъ рукъ) приступаетъ къ анализу могильнаго инвентаря, онъ наталкивается на непреодолимыя затрудненія при группированіи могилъ по содержанію ихъ. Въ дневникѣ упоминается, положимъ, какая-нибудь фибула или привѣска — является сомнѣніе, какая именно фибула или привѣска изъ числа нѣсколькихъ сходныхъ между собою, но имѣющихъ нѣкоторыя, повидимому, несущественныя различія. Съ теченіемъ времени, на примѣръ, ста и болѣе лѣтъ, какая-нибудь вещь могла претерпѣть измѣненія въ своей формѣ или отдѣлкѣ, грубая, аляповатая вещь могла сдѣлаться болѣе изящной или, наоборотъ, изъ гладкой преобразиться въ ажурную или украшенную какимъ-нибудь орнаментомъ. Для археолога все это крайне важно. Матеріалъ, можетъ быть, весьма рѣдкій и добытый съ трудомъ, утрачиваетъ свою цѣнность, когда мы встрѣчаемъ затрудненія въ его изученіи. Припомните, господа, грустную исторію Мерянскихъ древностей, собранныхъ графомъ Уваровымъ и Савельевымъ. Когда графъ А. С. приступилъ къ его изученію, спустя чуть ли не двадцать лѣтъ послѣ производства раскопокъ, вещи, хранившіяся, если не ошибаюсь, въ Императорской Публичной Библиотекѣ въ С.-Петербурѣ, а потомъ отосланныя въ Московскій Румянцевскій Музей, были всѣ перемѣшаны. И тогда покойному графу пришлось частью по своимъ случайно уцѣлѣвшимъ черновымъ замѣткамъ и дневникамъ, частью по памяти, относить вещи къ тѣмъ или инымъ курганамъ или погребеніямъ. Понятно, что весь матеріалъ, одинъ изъ самыхъ богатѣйшихъ, такъ какъ былъ собранъ изъ раскопокъ чуть ли не 7000 кургановъ, наполовину утратилъ въ своей научной цѣнности. Можно только поражаться, что, несмотря на это, графу Уварову все же удалось настолько мастерски его разработать, что вышущее имъ изслѣдованіе о Мерянахъ по справедливости признается классическимъ. Тѣмъ болѣе мы въ правѣ пожалѣть, что матеріалъ этотъ поступилъ въ обработку попорченнымъ, благодаря невѣжеству и непростительной небрежности лицъ, въ рукахъ которыхъ онъ находился долгое время.

Но не дѣлается ли нѣчто аналогичное и теперь, несмотря на существованіе центрального учрежденія, претендующаго на высшій контроль и наблюденіе за

всеми археологическими изысканіями въ имперіи? Сошлюсь для примѣра на изслѣдованіе В. Н. Ястребова о Лядинскомъ и Томниковскомъ могильникахъ. Въ этомъ весьма добросовѣстномъ изслѣдованіи хотя имѣются подробныя изображенія и описанія найденныхъ вещей, но въ изданномъ дневникѣ не сдѣлано ссылокъ на №№ таблицъ и рисунковъ, почему невозможно вывести заключенія объ относительной древности тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ погребеній и ихъ отношенія къ другимъ могильникамъ. Другой примѣръ: изслѣдованіе Гнѣздовскаго могильника близъ Смоленска Сизова. Дневниковъ раскопокъ не издано и указано, что копія съ дневниковъ были переданы для храненія въ Императорскую Археологическую Комиссію. Какъ они составлены — мнѣ неизвѣстно, но, судя по извлеченіямъ, помѣщеннымъ въ изслѣдованіи Сизова, при описаніи найденныхъ вещей нѣтъ ссылокъ на №№ ихъ, но говорится только, что найдено то-то и то-то, напр.: «мѣдная весьма изящная пряжечка», а какая именно — нѣтъ указаній, или «мѣдный браслетъ», «крестообразная фибула» и т. п., безъ подробнаго описанія, изъ котораго можно было бы составить ясное представленіе о вещахъ. Съ другой стороны, въ отдѣльномъ описаніи вещей нѣтъ ссылокъ на погребенія, къ которымъ онѣ относятся. Я могъ бы привести много подобныхъ примѣровъ въ доказательство того, что по винѣ ли лица, производившаго раскопки, или того, кто обрабатывалъ собранный матеріалъ, но въ результатѣ опубликованныя свѣдѣнія о могильныхъ древностяхъ оказываются лишенными той полноты, которая необходима для болѣе детальнаго изслѣдованія или провѣрки такового.

Казалось бы, есть возможность обратиться къ первоисточникамъ, къ самымъ коллекціямъ; но, къ сожалѣнію, не всѣ, кто занимается раскопками, располагаютъ добытыми предметами такимъ образомъ, чтобы можно было съ удобствомъ изучать матеріалъ помогильно (здѣсь-то и заключается пробѣлъ инструкціи), а, кромѣ того, сама Императорская Археологическая Комиссія до нѣкоторой степени виновна въ томъ, что ставитъ весьма серьезныя препятствія къ такого рода провѣрочнымъ или дополнительнымъ изслѣдованіямъ: добытый матеріалъ, доставляемый въ эту Комиссію для разсмотрѣнія или изученія, обыкновенно не возвращается цѣликомъ по принадлежности въ тѣ учрежденія, откуда онъ высылался, но разсортировывается и распредѣляется по различнымъ музеямъ, и, такимъ образомъ, коллекція, относящаяся къ одному могильнику, впоследствии попадаетъ въ разныя мѣста, благодаря чему утрачивается возможность дальнѣйшихъ работъ по изученію памятниковъ древности по какому-либо иному методу. Мнѣ лично пришлось натолкнуться на неудобство такого распоряженія Археологической Комиссіи, когда я хотѣлъ недавно заняться вновь провѣрочнымъ изученіемъ древностей Пріокскихъ могильниковъ: Борковскаго, Кузьминскаго и др. Въ Рязанскомъ музеѣ, гдѣ должны бы сохраняться цѣликомъ всѣ найденныя въ этихъ могильникахъ вещи, оказалась только часть ихъ. Куда попали остальные предметы — мнѣ неизвѣстно. Хотя Императорская Археологическая Комиссія издаетъ описанія древностей, но, какъ я уже показалъ выше, не всѣ описанія могутъ считаться исчерпывающими предметъ. Такихъ обстоятельныхъ и, можно сказать, образцово обработанныхъ описаній, какъ «Гдовскіе курганы въ раскопкахъ Глазова», А. А. Спицына — весьма мало. Впрочемъ, и въ этой работѣ можно указать на слѣдующій недостатокъ: въ своихъ ссылкахъ на предметы, входящіе въ составъ могильнаго инвентаря, А. А. Спицынъ вездѣ употребляетъ слово «типъ», а не «форма», между тѣмъ, понятіе «типъ» весьма растяжимо и не вполне точно, тогда какъ для насъ важно болѣе тѣсное и опредѣленное указаніе на данную индивидуальную форму предмета. Типъ какой-либо вещи можетъ удерживаться весьма долгое время, иногда цѣлыя столѣтія, съ весьма незначительными измѣненіями. Считаю лишнимъ объ этомъ

распространяться или доказывать примѣрами. Указавъ на этотъ недостатокъ работы г. Спицына, мнѣ лишь хотѣлось выразить пожеланіе, чтобы въ описаніяхъ могилъ дѣлались указанія не на типичныя, но на точно опредѣленныя формы находимыхъ въ данныхъ погребеніяхъ вещей. Что же сказать о такихъ работахъ, гдѣ не приложено даже дневниковъ раскопокъ? Вообще слѣдуетъ замѣтить, что весьма нерѣдки случаи, когда собранный при раскопкахъ кургановъ и могильниковъ матеріалъ не даетъ возможности использовать его въ должной мѣрѣ, сообразно всѣмъ научнымъ требованіямъ, вслѣдствіе ли неправильностей, допущенныхъ при раскопкахъ, или недостаточно осмотрительнаго храненія добытаго матеріала. И причину этого я усматриваю въ томъ, что со стороны контролирующихъ и руководящихъ производствомъ раскопокъ учреждений (Императорской Археологической Комиссіи и др. Ученыхъ Обществъ) недостаточно было обращено вниманія на правильное храненіе добываемыхъ при раскопкахъ предметовъ древности, почему смѣю думать, что, несмотря на строгую опеку высшаго въ Россіи археологическаго учрежденія, дѣло изслѣдованія первобытныхъ памятниковъ поставлено не на надлежащую научную высоту и собранный за нѣсколько послѣднихъ десятилѣтій богатѣйшій матеріалъ отчасти уже можетъ считаться невозвратно утраченнымъ.

Въ виду всего изложеннаго я беру на себя смѣлость предложить Съѣзду, не будетъ ли признано возможнымъ отъ его имени выразить слѣдующія пожеланія:

1) чтобы лица, производящія раскопки, всѣ необходимые предметы сохраняли помогильно, по каждому погребенію отдѣльно, обязательно нашивая мелкіе предметы на картоны въ видѣ таблицъ съ точнымъ обозначеніемъ № погребенія, при чемъ въ дневникѣ раскопокъ при описаніи отдѣльныхъ погребеній указывались бы №№ этихъ вещей;

2) чтобы при изученіи погребеній и могильнаго инвентаря употреблялся карточный методъ, который давалъ бы возможность съ удобствомъ группировать могилы по ихъ содержанію и способамъ погребенія;

3) чтобы въ изслѣдованіяхъ и описаніяхъ древнихъ кургановъ и могильниковъ обязательно прилагался бы дневникъ раскопокъ съ точными и опредѣленными указаніями на находимые въ могилахъ предметы;

4) чтобы коллекція предметовъ, относящихся къ какому-либо могильнику или курганному кладбищу, сохранялись по возможности въ одномъ мѣстѣ въ цѣломъ видѣ; въ случаѣ же необходимости или желательности по инымъ соображеніямъ коллекцію разрознить съ цѣлью передачи части предметовъ для храненія въ другое учрежденіе (напр., въ Историческій Музей), чтобы взамѣнъ взятыхъ вещей при основной коллекціи оставались обязательно точныя фотографическіе снимки».

2. Э. Р. фонъ-Штернъ доложилъ записку, составленную имъ для Съѣзда, слѣдующаго содержанія:

«Кто тщательно слѣдилъ за археологической хроникой въ изданіяхъ нашихъ Ученыхъ Обществъ и присутствовалъ при рефератахъ о произведенныхъ раскопкахъ на нашихъ Археологическихъ Съѣздахъ, тотъ легко могъ убѣдиться, что далеко не всегда производство этихъ работъ соответствуетъ опредѣленнымъ и основнымъ требованіямъ научной археологіи.

Изъяны въ этомъ отношеніи особенно ярко бросились въ глаза на послѣднемъ Съѣздѣ въ Екатеринославѣ и это обстоятельство заставило меня обратиться къ Комитету съ предложеніемъ, не найдетъ-ли онъ возможнымъ заняться выработкой общихъ, основныхъ требованій для производства раскопокъ. Я, конечно, отлично знаю, что не во власти Комитета или Съѣзда сдѣлать такія правила или требованія общеобязательными, и люди, занимающіеся раскопками для своихъ

личныхъ или для корыстныхъ цѣлей, ихъ придерживать не будутъ; но я глубоко убѣжденъ, что большинство лицъ, которыя теперь грѣшатъ противъ элементарныхъ требованій науки, грѣшатъ не по злему умыслу, а просто потому, что не достаточно выяснили себѣ эти основныя научныя требованія. И для всей этой, не малой по числу, категоріи лицъ составленіе такихъ правилъ было бы не бесполезно.

И не только для нихъ. Взгляды и специалистовъ, взгляды лицъ, которыя давно занимаются раскопками и которыя уже имѣютъ большой опытъ и навыкъ, относительно отдѣльныхъ вопросовъ, повидимому, еще расходятся; создать поэтому опытъ системы, подвести извѣстные приемы подъ общій знаменатель, является и съ этой точки зрѣнія не лишнимъ.

Послѣдній международный Археологическій Съѣздъ въ Афинахъ въ цѣляхъ успѣшно двинуть впередъ археологическія изысканія, также счелъ своевременнымъ выставить нѣсколько общихъ положеній и пожеланій относительно производства раскопокъ, но, понятно, гораздо труднѣе урегулировать этотъ вопросъ для различныхъ странъ при совершенно различныхъ условіяхъ работы, чѣмъ въ болѣе ограниченномъ районѣ, гдѣ авторитетное слово Археологическаго Съѣзда можетъ въ значительной степени содѣйствовать упорядоченію археологическихъ изслѣдованій и созданію и принятію правилъ, могущихъ въ значительной степени уреформировать и этимъ облегчить археологическую работу.

Въ убѣжденіи, что избранной Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ Комиссіи вполне удастся составить такую сводку общихъ правилъ и требованій, я позволяю себѣ, по предложенію предсѣдателя Общества, графини П. С. Уваровой, въ качествѣ сырого матеріала препроводить Комиссіи нѣсколько положеній, которыя, по-моему, желательно было бы включить въ эту сводку, и выставить нѣсколько точекъ зрѣнія, на которыя указать я полагаю бы не бесполезнымъ.

I. Прежде всего слѣдуетъ указать на ту громадную отвѣтственность, которую беретъ на себя передъ наукой человѣкъ, приступающій къ раскопкамъ. Я неоднократно имѣлъ случай убѣдиться, что это сознаніе иногда довольно слабо только развито, а, между тѣмъ, эта отвѣтственность въ дѣйствительности очень серьезна. Пока могильникъ, курганъ, городище, развалины отъ построекъ покрыты землею, они находятся въ томъ состояніи, въ какомъ намъ ихъ оставила древность; раскапывая эти остатки, мы окончательно ихъ разрушаемъ; послѣ нашихъ раскопокъ, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, никто больше не въ состояніи изучить эти остатки, провѣрить нашу работу. Ошибки, которыя допущены при раскопкѣ, почти всегда неисправимы. Изъ этого положенія вещей вытекаетъ двоякое:

а) поручать археологическую раскопку слѣдуетъ только человѣку, который болѣе или менѣе продолжительное время работалъ уже подъ руководствомъ опытнаго наставника, который ясно сознаетъ отвѣтственность возлагаемой на него задачи и уже этимъ представляетъ извѣстныя гарантіи въ томъ, что число допущенныхъ ошибокъ не будетъ слишкомъ значительно;

б) помня, что раскопка равняется почти всегда полному разрушенію остатковъ старины, слѣдуетъ при раскопкѣ обратить рѣшительно вниманіе на все, что попадаетъ въ землѣ; противъ этого основнаго правила на практикѣ особенно много еще грѣшатъ, но его поэтому надо особенно подчеркнуть.

Недавно еще въ поискахъ за золотомъ, драгоценностями, оружіемъ и т. д. выбрасывали черепки керамическихъ издѣлій, а въ настоящее время при раскопкахъ весьма часто не обращается настоящее вниманіе на попадающіяся кости отъ разныхъ животныхъ, на кухонные отбросы и тому подобное; какія важныя за-

ключенія въ культурно-историческомъ отношеніи позволяютъ дѣлать эти скромныя и по большей части призрачныя находки, объ этомъ свидѣтельствуесть рядъ новѣйшихъ археологическихъ изслѣдованій.

Но и почти всѣ остальные требованія, которыя надо предъявлять къ систематической раскопкѣ, находятся въ тѣсной связи съ основнымъ положеніемъ, что всякія раскопки есть въ своемъ родѣ разрушеніе остатковъ старины. Въ числѣ этихъ главныхъ требованій я позволилъ бы себѣ указать на слѣдующія.

II. Раньше чѣмъ начать въ опредѣленномъ мѣстѣ раскопки, надо себѣ составить въ общихъ чертахъ планъ работы, надо себѣ выяснить, хватитъ ли времени и средствъ, чтобы довести предполагаемую раскопку до конца. Если нѣтъ увѣренности въ томъ, что средства позволяютъ окончательно раскопать курганъ или городище, то лучше не начинать. На половину изслѣдованный курганъ можетъ, конечно, дать богатыя находки, но въ научномъ отношеніи цѣнность работы равняется почти нулю; и только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ удастся доизслѣдовать неоконченный раскопкою курганъ. Иначе дѣло, конечно, обстоитъ при работахъ въ некрополяхъ или на территорияхъ античныхъ городовъ и городищъ, но и здѣсь слѣдуетъ выставить, какъ основное требованіе, чтобы работа въ опредѣленномъ, намѣченномъ районѣ была доведена до конца.

III. Такъ какъ при раскопкѣ могилъ, кургановъ, городищъ навсегда нарушается ихъ первоначальный видъ и первоначальное расположеніе находимыхъ въ нихъ предметовъ, то является необходимымъ работать столько же, сколько киркою и лопатою, рулеткой, карандашемъ, и, гдѣ только возможно, фотографическимъ аппаратомъ. Размѣры раскапываемой площади должны быть установлены вполне точно; въ дневникѣ должно быть записано, въ какой глубинѣ и въ какомъ разстояніи другъ отъ друга найдены наиболѣе характерные предметы; толщина мѣстныхъ наслоеній въ насыпи должна быть обозначена; необходимо нарисовать планы и разрѣзы. Всѣ обнаруженные стѣны, всѣ остатки отъ построекъ должны быть не только измѣрены, но обязательно сфотографированы; желательно имѣть фотографіи всѣхъ скелетовъ «*in situ*», гдѣ это только возможно. Чѣмъ больше измѣреній, чѣмъ больше рисунковъ и фотографическихъ снимковъ, тѣмъ цѣннѣе раскопки. Вовсе не требуется въ каждомъ случаѣ весь этотъ матеріалъ публиковать; при изданіи можно ограничиться обнародованіемъ самыхъ важныхъ и характерныхъ снимковъ, но важно этотъ матеріалъ для специальныхъ работъ хранить въ архивахъ Археологическихъ Обществъ.

IV. Какъ обязательное правило, которое также находится въ тѣсной связи съ первымъ основнымъ положеніемъ, надо выставить требованіе, чтобы каждыя раскопки безъ исключенія были доведены до материка. Какъ важно соблюденіе этого правила, позволю себѣ иллюстрировать двумя примѣрами. Траншеи, проведенныя на территоріи Ольвіи, если не ошибаюсь, въ семидесятыхъ годахъ, не доведены до материка, а закончены на два—три фута выше остатковъ городскихъ стѣнъ; если-бъ тогда придали этимъ траншеямъ настоящую глубину, то возможно было-бы начать систематическія раскопки на 30 лѣтъ раньше и этимъ предотвратить значительное расхищеніе памятниковъ старины. На островѣ Березани любительскія и хищническія раскопки довольствовались при разработкѣ некрополя открытіемъ могилъ и труположеніемъ и выборкой найденныхъ при этихъ скелетахъ предметовъ. Мною установлено, что подъ этимъ слоемъ и скелетами находятся еще два слоя со слѣдами хороненія сожженныхъ труповъ въ урнахъ; но поправить допущенный недосмотръ, снова раскопать перекопанное и засыпанное уже пространство потребуетъ столько средствъ, что ожидаемые результаты не соотвѣтствуютъ необходимой для такой работы тратѣ денегъ. Возможно было бы привести еще больше

примѣровъ изъ работъ на классической почвѣ Греціи и Малой Азіи, но, надѣюсь, что сказаннаго здѣсь достаточно, чтобы убѣдить всякаго въ необходимости не довольствоваться сдѣланной въ данномъ мѣстѣ находкой, а всегда доводить работу до дѣйствительнаго материка.

Особенно это требованіе касается кургановъ. Надо выставить какъ общее правило, что слѣдуетъ снести весь курганъ до основанія. Конечно, бываютъ случаи, гдѣ это, по имѣющимся средствамъ, является неисполнимымъ; но тогда надо работать умѣло проводимыми траншеями и подземными ходами такъ, что всѣ главныя части кургана поддаются изслѣдованію.

V. Не меньшее вниманіе, чѣмъ на раскрытіе древностей, руководитель раскопками долженъ обращать на сохраненіе раскрытыхъ памятниковъ старины. Это требованіе имѣетъ особенное значеніе при раскопкѣ катакомбъ и архитектурныхъ памятниковъ. Въ странахъ, гдѣ, напр., въ Греціи, все населеніе интересуется и гордится этими памятниками, вопросъ о сохраненіи раскопанныхъ древностей не является такимъ острымъ, какъ у насъ, гдѣ населеніе еще не имѣетъ понятія о значеніи этихъ остатковъ старины. Строить навѣсы надъ архитектурными памятниками, содержать сторожей, конечно, только возможно въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ; поэтому остается по большей части только одно средство: обнаруженные катакомбы, мозаики и самые интересные фундаменты должны быть вновь засыпаны и это закрытіе, это принятіе мѣръ защиты надо безусловно требовать отъ всѣхъ предпринимателей раскопокъ.

Я могъ бы указать еще на цѣлый рядъ частныхъ, но моя задача заключается не въ томъ, чтобы написать руководство для производства раскопокъ, — я это считаю и бесполезнымъ, потому что условія каждый разъ такъ различны, что по шаблону дѣйствовать нельзя, а лишь въ томъ, чтобы постепенно указать на трудность, серьезность и отвѣтственность, сопряженныя съ веденіемъ раскопокъ, и убѣдительно просить Комиссію подготовить для слѣдующаго Съѣзда докладъ, который обратилъ бы настоящее вниманіе на вопросъ объ упорядоченіи дѣла раскопокъ у насъ.

Исходя изъ убѣжденія, что лучше не производить раскопокъ, чѣмъ производить ихъ неправильно и неудовлетворительно, я, съ своей стороны, предложилъ бы значительно ограничить выдачу открытыхъ листовъ частнымъ лицамъ-любителямъ, которые не могутъ представлять гарантій въ правильномъ веденіи дѣла, и, во-вторыхъ, предложилъ бы Археологическимъ Обществамъ или Съѣздамъ заботиться объ образованіи кадра молодыхъ людей, которыхъ слѣдовало бы послѣ окончанія теоретическаго образованія прикомандировать къ опытнымъ руководителямъ въ разныхъ районахъ, гдѣ производятся раскопки, и только затѣмъ имъ, прошедшимъ такую практическую школу, поручить самостоятельное веденіе дѣла. Конечно, потребуется для этой цѣли ассигнованіе излишнихъ, хотя и не особенно большихъ средствъ; но я думаю, что трата этихъ средствъ будетъ производительной и что мы такимъ путемъ получимъ контингентъ людей, дѣйствительно умѣющихъ вести раскопки согласно всѣмъ требованіямъ современной научной археологіи».

3. *Графиня Уварова* доложила записки по тому же вопросу, которыя доставлены по ея просьбѣ Н. В. Веселовскимъ и В. В. Хвойко. Первая гласитъ:

«Производить археологическія раскопки можетъ только тотъ, кто въ состояніи самъ описать ихъ, т.-е. кто понимаетъ то, что проходитъ передъ его глазами и къ чему онъ долженъ направить свои усилія, чтобы получить совершенный результатъ. Даже у лицъ съ высшимъ образованіемъ, но еще мало-опытныхъ въ технику раскопокъ, мы очень часто видимъ по ихъ отчетамъ, что они не всегда понимаютъ: была-ли гробница цѣлая, или разоренная въ большей или меньшей

степени. Не всегда уясняют себѣ расположеніе костяка, если покойникъ былъ похороненъ сидячимъ или согнутымъ. А если въ могилѣ дѣлалось добавочное погребеніе, при чемъ кости перваго покойника были сдвинуты или какъ-нибудь потревожены, то неопытный раскопщикъ, не понявъ этого процесса, можетъ изложить дѣло такъ, что невольно введетъ въ заблужденіе читателя. Отсюда ясно, какъ важно точное и правильное изложеніе дѣла.

Раскопщикъ долженъ отличаться *добросовѣстностью*. Казалось бы, странно выставлять это требованіе, а, между тѣмъ, оно необходимо. Рѣдкій отчетъ обнаруживаетъ добросовѣстное изложеніе раскопокъ. Хотя раскопщикъ не виноватъ въ томъ, что онъ попалъ на бѣдное погребеніе или на разореніе гробницы, но онъ при этомъ чувствуетъ себя все-таки неловко и бываетъ готовъ смягчить чѣмъ-нибудь невыгодное впечатлѣніе своей неудачи. Если приводимыя имъ объясненія касаются только того, что по наружному виду нельзя было судить, въ какой степени древній грабитель успѣлъ забрать погребальную обстановку, въ этомъ бѣды нѣтъ; но бывали случаи, когда неудачный раскопщикъ отъ себя прилагаетъ древніе предметы, что на югѣ вполне возможно. Приведу примѣръ. Одинъ раскопщикъ на Кавказѣ*), встрѣчая бѣдныя погребенія, чтобы заинтересовать Арх. Комиссію въ его работахъ, сталъ прибавлять предметы отъ продавцевъ и, между прочимъ, приложилъ къ одному погребенію горсть серебряныхъ монетъ самаго разнообразнаго содержанія (отъ новыхъ мусульманскихъ до классическихъ). Когда его запросили, нѣтъ-ли тутъ какого-нибудь недоразумѣнія, онъ подтвердилъ, что дѣйствительно нашелъ ихъ при покойникѣ. Пришлось выдачу ему открытаго листа прекратить. Но не всегда такъ наивно поступаютъ раскопщики. Если онъ понялъ свое дѣло, то его поступки будутъ болѣе хитрыми. Приведу другой примѣръ. Впервые раскопка Александропольскаго кургана была поручена А. Е. Терещенко; но ему эта работа показалась почему-то скучною и послѣ нѣкотораго времени онъ рѣшился на обманъ; онъ заставилъ крестьянъ-рабочихъ трамбовать землю и усиленно поливать ее водою, а затѣмъ донесъ министру Перовскому, что дошелъ *до материка* и погребенія не оказалось. Когда осмотръ этого кургана былъ порученъ П. С. Савельеву и онъ прибылъ туда, то прежніе рабочіе стали его спрашивать: «скажи, баринъ, зачѣмъ это прежній господинъ заставлялъ насъ носить воду и поливать въ раскопкѣ?» Тогда Савельевъ понялъ продѣлку Терещенко и съ успѣхомъ продолжалъ раскопъ. (Это передалъ мнѣ В. Г. Тизенгаузенъ со словъ самаго П. С. Савельева).

Основное правило всякихъ раскопокъ идти *до материка*, или, иначе говорятъ, *до подошвы*; только тогда можно сказать: есть-ли въ данномъ мѣстѣ погребеніе, или нѣтъ, такъ какъ никакія поврежденія материка, съ какою бы цѣлью они ни были сдѣланы, никоимъ образомъ не могутъ укрыться отъ внимательнаго глаза и тогда ихъ надо изслѣдовать.

Материкъ. Это — земля, не подвергавшаяся обработкѣ. Если же производилась его распахка, то этотъ слой надо снять, чтобы получить материкъ. Материкъ почти всегда будетъ отличаться отъ насыпной верховой земли. Онъ плотнѣе насыпи, свѣтлѣе насыпной земли, иногда въ значительной степени: бываетъ желтый, красно-желтый, палевый (на значительной глубинѣ). Тѣмъ не менѣе, различать материкъ, особенно верхній материкъ, — дѣло далеко нелегкое. Если не пойти по матеріку, то обязательно придется пропустить гробницу (тогда рѣжутъ материкъ еще глубже, но уже обратно: не отъ края насыпи, а отъ центра къ краю,

*) Это — горный техникъ Шульцъ. Впоследствии онъ былъ уличенъ въ продажѣ вещей изъ раскопокъ.

если работают тачками). Если же захватить много материка из опасения пропустить могилу, то это увеличивает и трудъ (материкъ рѣзать рабочіе вообще не любятъ) и расходъ, — для большого кургана весьма значительный. Поэтому всегда цѣнятся тѣ рабочіе и надсмотрщики, которые умѣютъ распознавать материка. Не такъ давно славился въ Керчи, какъ такой знатокъ, Варсаблюкъ. Насколько такое знаніе важно при археол. раскопкахъ, можетъ показать слѣдующій случай. Но прежде, чѣмъ его привести, надо упомянуть, что расхищеніе богатыхъ погребеній начали еще современники и тоже понимали значеніе материка для отысканія гробницы. Съ своей стороны, хоронившіе, зная это, принимали мѣры къ сокрытію слѣдовъ могилы, основываясь на свойствѣ материка. На Тамани намъ пришлось ознакомиться съ одной мѣрой въ этомъ направленіи. Хоронившій строилъ каменную гробницу, т.-е. обдѣлывалъ известковыя плиты на мѣстѣ погребенія, какъ это обыкновенно дѣлалось. При обдѣлкѣ плить получаютъ отески, т.-е. отбитыя части камня (они могутъ указать мѣсто гробницы: у самой гробницы ихъ больше, «отески мельче»). Эти отески хоронившій собралъ очень тщательно и отложилъ въ сторону. Затѣмъ вырылъ могилу и материковую землю также отложилъ въ сторону, стараясь ее (желтую) не смѣшать съ верховой (черной). Когда онъ похоронилъ покойника, то поверхъ могилы и дальше насыпалъ ту материковую землю, которую взялъ изъ могилы и отложилъ въ сторону, утрамбовалъ ее, а поверхъ разложилъ отески. Что же изъ этого получилось? А вотъ что. Грабитель не преминулъ наброситься на курганъ раскопомъ сверху: онъ сталъ рыть яму, встрѣтилъ отески, понялъ, что гробница будетъ каменная, немного еще углубился, увидалъ материкъ (рабочіе говорятъ: «досталъ материка»), но это былъ фальшивый материкъ, и бросилъ; сталъ рыть новую яму — опять то же самое. Такъ прорылъ онъ 7 ямъ, вездѣ попадалъ на этотъ фальшивый материкъ и отступился. Гробница осталась скрытой. Этотъ курганъ сталъ раскапывать Люценко, и съ нимъ повторилась та же исторія. Рабочіе накинулись на отески, а отески лежатъ обыкновенно по материкъ; они и пошли по этому материкъ, немного его срѣзая. Прошли центръ — нѣтъ гробницы, ударились въ сторону — нѣтъ гробницы; а она должна быть, судя по отескамъ, грабительскія ямы были обнаружены, но онѣ къ гробницѣ не привели. Тогда одинъ изъ надсмотрщиковъ сталъ всматриваться въ материковую землю (т.-е. въ фальшивый материкъ), и она ему показалась нѣсколько странной; тогда онъ сталъ рыть яму и уткнулся въ настоящій материкъ, — и все разомъ объяснилось: рабочіе вернулись къ началу работъ, пошли по настоящему материкъ и открыли цѣлую богатую каменную гробницу.

Случается, что и намъ не удастся отыскать могилу, и тогда говоримъ, что могилы нѣтъ, а курганъ насыпанъ только *въ память* покойника; но можетъ, быть, могила искусно скрыта. Это сокрытіе легко сдѣлать, если ходъ въ гробницу устроенъ гдѣ-нибудь въ полѣ кургана, а погребальная камера подъ центромъ кургана. Ходъ въ камеру (иногда въ видѣ круглаго колодца, діаметромъ въ 1 арш.) замаскировать легко. Съ В. Г. Тизенгаузеномъ былъ на Тамани такой случай: онъ раскапывалъ большой курганъ, шель, конечно, по материкъ; но колодець пропустилъ, потому что тотъ былъ забитъ материковой землей, такъ искусно, что не отдѣлялся отъ сосѣдней земли. Такъ и былъ оставленъ раскопъ. Когда зимой и весной пошли дожди, земля въ колодецѣ осѣла, произошелъ провалъ, это замѣтили пастухи и нашли въ гробницѣ богатые вещи.

В. Г. Тизенгаузенъ любилъ рассказывать такой случай, бывший съ нимъ на Тамани. Когда онъ нашелъ колодець, ведущій въ могилу, то самой могилы не оказалось. Это всѣхъ озадачило. Обыкновенно бываетъ такъ: но въ курганѣ у

В. Г. Тизенгаузена случилось слѣдующее: т.-е. колодець кончился, а хода въ могилу не оказалось.

Чтобы провѣрить такое необычное явленіе, надсмотрщикъ зажегъ свѣчу и спустился въ колодець по лѣстницѣ; но тоже ничего усмотрѣть не могъ. Когда онъ подымался на верхъ, то ему показалось, что въ одномъ мѣстѣ какъ будто струя воздуха отклонила пламя свѣчи; онъ сталъ всматриваться и замѣтилъ небольшую щель, изъ которой тянуло воздухъ. Оказалось, что хоронившій устроилъ камеру не внизу колодца, а въ серединѣ и, чтобы скрыть ее, такъ старательно замазалъ входъ материковой землей, что рабочіе, когда очищали колодець отъ наполнившей его земли, не замѣтили тутъ никакой хитрости. Могила оказалась цѣлой и богатой.

Если бы собрать всѣ такіе случаи, которые прежде не записывались, то получилось бы поучительное изложеніе того, какъ одни очень искусно стремились похитить погребальное сокровище, а другіе остроумно его укрывали отъ хищниковъ.

Еще одинъ случай изъ практики В. Г. Тизенгаузена (онъ былъ въ самыхъ богатыхъ мѣстахъ, гдѣ хитрость дѣйствовала всего сильнѣе). Шла раскопка большого кургана на Тамани; гробница не обнаруживалась. Неожиданно В. Г. получилъ извѣстіе о смерти жены (въ Варшавѣ); надо было преждевременно прекратить работы. На рабочихъ это произвело удручающее впечатлѣніе, т. к. надежды на заработокъ рушились. Одинъ изъ рабочихъ съ досады сильно ударилъ киркой въ землю, и раздался какой-то особенный звукъ; всѣ обратили на это вниманіе; стали тутъ рыть и открыли цѣлую и богатую могилу, а ходъ въ нее находился гдѣ-то въ сторонѣ.

Случай пропуска гробницы у насъ были не рѣдки. В. Г. Тизенгаузенъ, раскапывая Таманскіе курганы, въ одномъ открылъ ограбленную гробницу и не сталъ больше копать; послѣ пастухи, ковыряя землю дальше, нашли богатые вещи. Съ тѣхъ поръ Тизенгаузенъ сталъ безжалостно расправляться съ курганами; онъ сносилъ ихъ чуть-что не полностью, оставляя отъ нихъ только незначительные клочки. Между тѣмъ, онъ же пропустилъ богатую гробницу въ Аргозоховскомъ курганѣ. Недавно отъ центральной могилы торчалъ изъ стѣны раскопа уголь плиты; думая, что это относилось къ центральной, В. Г. оставилъ безъ изслѣдованія; послѣ Веребрюсовъ тамъ обнаружилъ цѣнную могилу, о чемъ и сообщилъ Тизенгаузену, находившемуся на раскопкахъ въ Анапѣ.

У меня въ Сѣрогозахъ былъ такой случай. Я раскапывалъ небольшой курганъ (Дѣева могила) сверху, нашелъ погребальную камеру, сильно ограбленную, и тѣмъ ограничился. Осенью отъ дождей камера наполнилась водой, подмыла южную стѣнку, которая распалась, и обнаружила вторую камеру, цѣлую и богатую, и тамъ мѣстные жители нашли много золотыхъ вещей. Оказалось, что къ центральной, мною открытой, камерѣ примыкала вторая, которая была замаскирована и уцѣлѣла отъ первыхъ грабителей. Непріятное воспоминаніе.

Изъ этого видно, что раскопка южныхъ кургановъ является дѣломъ труднымъ и сложнымъ. Многіе курганы, раскопанные въ прежнее время, требуютъ новыхъ изслѣдованій.

Курганы сѣверные и средней полосы Россіи не велики и не отличаются сложною конструкціею; а потому раскопка ихъ не трудна. Южные, поглощающіе много времени и денегъ, не могутъ быть снесены до основанія, поэтому приходится экономить на работѣ и не дѣлать ничего лишняго, и при такой экономіи курганы, какъ Чертомлыцкій, Огузскій и подобные имъ требуютъ 2 — 3-хъ лѣтъ работы.

Приходится пользоваться разными указаниями въ насыпи. Тутъ первое мѣсто занимаютъ трещины, которыя образуются въ насыпи вслѣдствіе осѣданія земли въ могилахъ; чѣмъ могилы обширнѣе и глубже — тѣмъ трещины яснѣе и значительнѣе; книзу онѣ расширяются, а вверху едва замѣтны. По трещинамъ были опредѣлены размѣры и направленіе гробницы въ Майконскомъ курганѣ, и раскопъ взятъ былъ такъ, какъ нужно. Это имѣло значеніе потому, что часть этого кургана находилась въ частномъ владѣніи и если бы эту часть пришлось раскопать, то надо было бы входить въ особые переговоры съ владѣльцемъ; а главное — если бы по раскопу могила не вся вышла (а она была длиною 3 сажени), то послѣ пришлось бы увеличивать раскопъ, а это сопровождалось бы нѣкоторымъ поврежденіемъ могилы и отозвалось бы на цѣлости хрупкихъ вещей.

NB. Если трещинъ нѣтъ, то это значитъ, что могила незначительна, или погребеніе на материкѣ, или погребальная камера устроена глубоко подъ землей, а ходъ въ видѣ колодца забить землею.

На языкѣ рабочихъ трещины называются *заколами*. *Выкидъ*, т.-е. выкидная изъ могилы земля. Когда роютъ могилу, то материковую землю выкидываютъ наверхъ или во всѣ стороны (образуется валь свѣтлой земли) или въ одну сторону. Этотъ выкидъ рѣзко отдѣляется отъ насыпной верховой земли. Если могила большая, то выкидъ имѣетъ значительную толщину. Въ Сѣрогосскомъ курганѣ выкидъ, въ видѣ кольца вокругъ могилы, достигалъ толщи 1 сажени. По выкиду можно судить о размѣрахъ могилы и иногда можно соображать, гдѣ она находится, или куда надо направить раскопъ. Если выкидъ все подымается, то и значитъ что, могила еще далеко; когда онъ опускается, значитъ — близко.

По стѣнкамъ раскопа видѣнъ бѣлый выкидъ, который сперва подымается слабо, но опускается круто.

Иногда выкидомъ заваливаютъ могилу; но все-таки часть его остается по материку небольшимъ слоемъ.

Чѣмъ земляная гробница больше, тѣмъ она богаче. Каменные сюда не идутъ, тамъ богатство находится въ связи съ обработкой плитъ. Если плиты крупныя и тщательно отдѣланныя (тутъ получаютъ отески), то погребеніе было богатое; если плиты малыя и необдѣланныя, то это погребеніе позднее и бѣдное.

Когда могила въ курганѣ не находится или является подозрѣніе, что въ курганѣ могутъ скрываться другія погребенія, то для розыска прибѣгаютъ къ минамъ въ насыпи. Мину пробиваютъ немного больше роста человѣка (лучше всего дѣлать готическимъ сводомъ) и непременно по материку; шириною — чтобы прошла тачка и ее можно наполнить землей. Тутъ слѣдятъ за всѣмъ: за выкидомъ, ватоптомъ (когда рыли могилу, то притапывали землю), трещинами. Если насыпанная земля слишкомъ рыхлая, то вести мину опасно. Керченскіе рабочіе могутъ пройти весь курганъ минами въ разныхъ направленіяхъ, могутъ пробить сколько угодно минъ, прокладывая одну и забивая другую. Такая работа считается *неспособной* и оцѣнивается дороже обыкновенной; если работаютъ отъ кубика (т.-е. кубическая сажень), то погонная сажень мины приравнивается къ кубику.

Въ сѣверныхъ курганахъ и средней полосы Россіи бываетъ по одному погребенію; въ южныхъ въ большинствѣ случаевъ — по нѣскольку. Позднѣйшія погребенія называются впускными: они бываютъ ввущены въ материкъ, иногда глубже основного погребенія, иногда находятся въ насыпи. Въ томъ и другомъ случаяхъ возможна присыпка земли къ насыпи; но это не обязательно. Впускныя могилы иногда бываютъ очень богаты (находка въ Сѣверской станицѣ) — это всего чаще въ періодъ римскаго господства.

Величина кургана не всегда свидетельствует о важности погребеннаго лица. Въ этомъ отношеніи мнѣ часто приходилось разочаровываться. Дѣло въ томъ, что насыпь кургана увеличивается по мѣрѣ того, какъ туда приносятъ новыхъ покойниковъ: ничтожный курганъ съ окрашеннымъ и скорченнымъ костякомъ принимаетъ въ свои нѣдра новыхъ покойниковъ, и тогда его подсыпаютъ землею. На Кубани мнѣ приходилось видѣть четыре позднѣйшія присыпки. Въ разрѣзѣ траншеи это всегда видно по полосамъ, по натошту, по другому составу земли и т. д.

Откуда брали землю для насыпи? Землю брали тутъ же, поблизости, и брали правильно, не дѣлая ни ямъ, ни рытвинъ. Вокругъ Сѣрогоскаго кургана ранней весной всегда стоитъ вода и почва вокругъ него, по изслѣдованію проф. Земятченскаго, носитъ болотный характеръ. На плановыхъ участкахъ вокругъ Майкопскаго кургана весной и во время дождей дворы заливаются водой; поэтому жители забирали всю землю, которую мы вывозили изъ раскопа, чтобы поднять уровень двора или сдѣлать огражденіе. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ насыпь устраивалась изъ материковой глубокой земли, — и это въ богатыхъ погребеніяхъ.

Кажется, каждый народъ насыпалъ курганы по-своему. Одни довольствовались невысокой, но сильно разложистой насыпью; другіе дѣлали высокую крутую насыпь. Одни носили землю въ направленіи съ юга на сѣверъ, оттого южная пола получалась отлогой, а сѣверная — крутой; другіе носили землю съ запада на востокъ и тогда западная пола дѣлалась пологою, а восточная — обрывистой. Одни ограждали могилу каменной стѣной (голыши, плитвяки, ломаный известнякъ) и потомъ уже насыпали курганъ, захвативъ насыпь. Иногда каменная стѣна циклопической постройки ограждала курганъ снаружи (Золотой курганъ въ Керчи). Иногда курганъ обводился рвомъ. Сѣрогоскіе старожилы говорили, что вокругъ кургана Огузъ былъ ровъ болѣе сажени глубиною; этого я уже не засталъ, вѣроятно, распахка измѣнила профиль мѣстности; но подобной глубины рвы на Кавказѣ не рѣдкость. У однихъ народовъ получалась насыпь очень рыхлая, у другихъ — необычайно твердая, для раскопки хуже материковой земли. Одни народы непременно подымались на возвышенности для устройства кургановъ; другіе предпочитали для этого низины; для третьихъ это было безразлично. Одни воздвигали насыпи вдоль рѣкъ, другіе занимали степь. Очень часто курганы расположены группами, но и группы бываютъ различныя. Одни курганы насыпаны просторно, другіе — тѣсно; нѣкоторыя группы такъ и называются *Рясныя могилы* (рясный = густой); есть и одиночныя курганы.

Способъ погребенія и погребальная обстановка у каждаго народа отличается своими особенностями. Но эта сторона дѣла не можетъ быть изложена въ короткое время.

В. В. Хвойко пишетъ:

«I. На вопросъ, предложенный мнѣ въ почтенномъ письмѣ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 31 января с. г., которое я имѣлъ честь получить, относительно того, какіе приемы, по моему мнѣнію, слѣдовало бы употреблять при раскопкахъ разныхъ памятниковъ старины, чтобы они были наиболѣе продуктивны, я немного затрудняюсь отвѣтить, но позволю себѣ указать Императорскому Московскому Археологическому Обществу только на тѣ приемы, какіе я лично примѣнялъ при той или иной изъ нижеуказанныхъ раскопокъ.

Вслѣдствіе того, что я часто производилъ раскопки въ мѣстахъ, весьма отдаленныхъ другъ отъ друга, и мнѣ приходилось всегда нанимать новыхъ рабочихъ, совершенно незнакомыхъ съ подобнаго рода работами, что было для меня очень неудобно, я для устраненія этого выбралъ нѣсколькихъ наиболѣе добросовѣстно

относящихся къ дѣлу и старался ихъ болѣе или менѣе ознакомить съ приемами, употребляющимися при той или другой раскопкѣ.

Такимъ образомъ, мнѣ въ продолженіи нѣкотораго времени удалось нѣсколькихъ рабочихъ обучить настолько, что они, работая вмѣстѣ съ другими, были въ состояніи руководить неопытными еще въ раскопкахъ рабочими, я же, освободившись отъ этихъ обязанностей, имѣлъ полную возможность наблюдать за общимъ ходомъ производимыхъ работъ. Впослѣдствіи я выбралъ себѣ изъ нихъ четырехъ наиболѣе честныхъ и добросовѣстныхъ рабочихъ, которые уже въ продолженіи 12 лѣтъ съ полной любовью къ дѣлу и пониманіемъ исполняютъ у меня все, къ раскопкамъ относящіяся, работы.

Что касается практикуемыхъ мною при томъ или другомъ видѣ раскопокъ приемовъ, то таковые въ техническомъ отношеніи были весьма различны, но всегда я придерживался слѣдующихъ правилъ:

1) обезопасить рабочихъ отъ разныхъ несчастныхъ случайностей, могущихъ произойти при производствѣ раскопокъ, въ особенности отъ обвала земли;

2) облегчить по возможности рабочимъ исполняемую ими работу, особенно при раскопкѣ крупныхъ кургановъ, когда число ихъ бываетъ довольно значительно; поэтому при неправильной работѣ въ жару или въ вѣтреную погоду образуется невыносимая пыль, которая не только осложняетъ и задерживаетъ производство работы, но также утомляетъ и дурно отзывается на здоровьи рабочихъ, наконецъ,

3) поставить всехъ рабочихъ при исполненіи работъ въ такія условія, чтобы не только каждый изъ нихъ, находясь на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, постоянно могъ видѣть и замѣчать расположеніе встрѣчающихся предметовъ, дабы напрасно не подвергать ихъ разрушенію, но чтобы одновременно съ этимъ и самому имѣть возможность наблюдать за ходомъ работъ вообще и за каждымъ рабочимъ въ отдельности, что особенно важно при раскопкѣ такъ называемыхъ площадокъ, полей погребеній и городищъ, гдѣ на каждомъ шагѣ могутъ встрѣтиться разныя неожиданныя находки.

Чтобы достигнуть сказаннаго, я, напримѣръ, въ т. н. Скифскомъ могильникѣ, при курганѣ съ болѣе уже значительной насыщью, въ 9 м., срѣзываю совершенно третью часть ея высоты, начиная съ верху; получивъ, такимъ образомъ, хорошо счищенную, ровную площадку, я подвергаю дальнѣйшей раскопкѣ только известную часть занимаемаго ею пространства, коная четвероугольную яму, имѣющую 15 м. въ длину и 13 м. въ ширину. Вмѣстѣ съ этимъ, для устраненія земли, получившейся при копкѣ, я на одномъ уровнѣ съ ямой прорѣзываю въ наружныхъ стѣнахъ кургана три выхода такимъ образомъ, что главный изъ нихъ соединяется обыкновенно съ южной стороной ямы и имѣетъ 6 м. въ ширину, другіе же два, меньшіе, находящіеся одинъ въ восточной, а другой въ западной сторонѣ той же ямы, имѣютъ въ ширину только по 4 м. Въ такомъ видѣ раскопка кургана продолжается до глубины $1\frac{1}{2}$ м., причемъ часть земли выбрасывается изъ ямы по ея сторонамъ на поверхность верхней площадки, образовавшейся при съемкѣ верхней части кургана, а главное ея количество устраняется вышеуказанными выходами внизъ на наружныя стороны кургана. На означенной глубинѣ я сокращаю площадку раскопки на всемъ протяженіи стѣнъ выкопанной ямы на $1\frac{1}{2}$ м., и только въ выходахъ это сокращеніе бываетъ нѣсколько меньше, т. е. 1 м. Получившаяся при раскопкѣ этой новой площадки земля устраняется главнымъ образомъ черезъ прорѣзанные выходы и сбрасывается внизъ вокругъ кургана, часть же ея выбрасывается на стѣны окружающей яму террасы.

Проксавъ означенное мѣсто до глубины $1\frac{1}{2}$ м., считая отъ дна первой ямы, я повторяю новое сокращеніе получившейся площадки, такъ же, какъ это сдѣлано

было раньше, съ той только разницей, что одновременно съ раскопкой новой площади продолжается прорѣзка только главнаго выхода, прорѣзка же двухъ боковыхъ выходовъ прекращается, но выкопанная земля изъ расположенныхъ вблизи нихъ мѣстъ выбрасывается вонъ тѣми же выходами. Дойдя такимъ образомъ съ выемкой земли въ этой ямѣ до глубины полутора метра отъ предшествующей площади, или же $4\frac{1}{2}$ м. отъ поверхности первоначальной площади, я, смотря по обстоятельствамъ, или углубляю главный выходъ на $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ м., или же при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, если окружающія яму террасы не загромождены землею и господствуетъ безвѣтреная погода, сокративъ только до необходимыхъ размѣровъ площадь производимой раскопки, продолжаю работу дальше. Здѣсь выемка земли продолжается только до тѣхъ поръ, пока не будутъ обнаружены первые признаки, опредѣляющіе очертанія и расположенія находящагося ниже склепа. По достиженіи этого дальнѣйшая раскопка приостанавливается и вездѣ начинается подчистка и устраненіе лишней земли черезъ главный выходъ; послѣ этого лишніе рабочіе отправляются на раскопку другого кургана, а на мѣстѣ остается только человекъ 5—6, между которыми непременно находятся двое изъ моихъ постоянныхъ рабочихъ.

Отъ послѣдняго уровня дальнѣйшая выемка земли производится исключительно только въ границахъ, очерченныхъ столбами, деревянными стѣнами, склепами или же просто выдѣляющимися линіями материковой земли, въ которой была выкопана для покойника яма, впоследствии засыпанная землей вмѣстѣ съ сооруженнымъ надъ нею и провалившимся деревяннымъ потолкомъ; остатки деревянныхъ стѣнъ и столбовъ, если таковыя имѣются на лицо, оставляются на мѣстѣ нетронутыми. Когда раскопка приближалась къ дну яму, я всегда считалъ необходимымъ вырыть въ одномъ изъ угловъ для входа и выхода известное число ступеней, чѣмъ облегчалась не только выноска оказавшихся при покойникѣ предметовъ, но также предупреждалось ихъ поврежденіе. Замѣтивъ далѣе, что толщина слоя земли, прикрывающей какъ дно склепа, такъ и покойника, и находящіяся при немъ предметы, настолько уменьшается, что тяжесть находящихся сверху рабочихъ дѣлается опасной для предметовъ, я сейчасъ же приостанавливалъ дальнѣйшую выемку земли и приступалъ къ ея расчисткѣ сбоку. Чтобы это можно было удобно исполнить, параллельно съ стѣнкой склепа, находящейся въ ногахъ покойника, при которой обыкновенно стоятъ амфоры и другіе глиняные сосуды, какъ можно осторожнѣе проводилась широкая канавка, прорѣзанная отъ поверхности слоя до самаго материка. Разработку этого слоя я поручалъ двумъ постояннымъ въ этомъ дѣлѣ вполне опытнымъ рабочимъ, которые, расчищая означенный слой, легко могли замѣтить каждый попадающійся имъ предметъ и, имѣя къ нему доступъ, какъ сверху, такъ и сбоку, могли осторожно его очистить и, сдѣлавъ это, принять или оставить до поры до времени на мѣстѣ; я же, не отлучаясь отъ рабочихъ, слѣдя за каждымъ ихъ движеніемъ и ходомъ общей работы, имѣлъ возможность, когда это требовалось, приостановить работу и сдѣлать необходимыя замѣтки и рисунки.

Что же касается самаго покойника и находящихся на немъ или возлѣ него предметовъ, то они остаются на мѣстѣ нетронутыми до тѣхъ поръ, пока кости покойника и лежащія при немъ предметы не очищаются вполне и пока мною не сдѣланы съ нихъ рисунки или фотографическіе снимки. Исполнивъ это и уложивъ всѣ найденные предметы для доставки къ себѣ на квартиру, я дѣлаю еще при помощи подчистки земли, какъ на днѣ, такъ и на стѣнахъ склепа, общую провѣрку, причемъ особенно тщательной прочисткѣ подвергаются канавки, имѣющіяся почти во всякой Скифской могилѣ вокругъ стѣнъ склепа. Затѣмъ, сдѣлавъ

еще все необходимые измѣренія, и отмѣтивъ какъ ихъ, такъ и другія подробности этой раскопки у себя въ книгѣ, я считалъ означенную раскопку законченной и закрывалъ могилу.

При раскопкѣ кургановъ высотой въ 4—7 м., я срезавъ верхнюю часть ихъ отъ 1—2 м., копаю тоже четверугольную яму и, дѣлая въ ней на известной глубинѣ сокращенія, какъ и въ болѣе крупныхъ могилахъ, въ видѣ уступовъ (террасъ), ограничиваюсь для устранения получаемой при разработкѣ земли только двумя прорѣзными выходами. При этомъ, прорѣзывая означенные выходы въ противоположныхъ стѣнахъ, защищенныхъ отъ вѣтра, я обыкновенно, начиная отъ верхней площади вглубь до перваго уступа, дѣлаю ихъ шириною въ 2½ м., а далѣе уже только въ 2 м. При раскопкѣ кургановъ, имѣющихъ меньше 4 м. высоты, я, срезавъ верхушку на 1 м. и сдѣлавъ только одинъ уступъ при концѣ ямы (не болѣе 1 м.), пользуюсь только однимъ прорѣзнымъ выходомъ, шириною въ 2 м., сдѣланнымъ въ какой-нибудь стѣнѣ, примыкающей къ ямѣ.

Раскопку кургановъ, какая бы ни была ихъ величина, я всегда производжу послойно, причемъ, послѣ окончанія съемки каждаго отдѣльнаго слоя, занятая раскопкой площадь непременно счищается, чѣмъ облегчаются не только дальнѣйшія работы, но и дѣлаются болѣе доступными всякія наблюденія, которыхъ требуетъ раскопка, тѣмъ болѣе, что часто встрѣчаются погребенія и въ самой насыпи. Производство курганной раскопки посредствомъ уступообразной ямы (въ видѣ террасъ) съ находящимися въ ней прорѣзанными наружу въ стѣнахъ кургана соответственными выходами, имѣетъ то преимущество, что, не утомляя рабочихъ выбрасываніемъ земли вверхъ надъ ихъ головами, даетъ возможность, безъ особеннаго напряженія силъ, удобно устранять ее черезъ указанные выходы и предохраняетъ ихъ отъ лишней пыли, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ раскопку безопасной, предупреждая обвалы земли и несчастные случаи при паденіи людей. (Рис. 1).

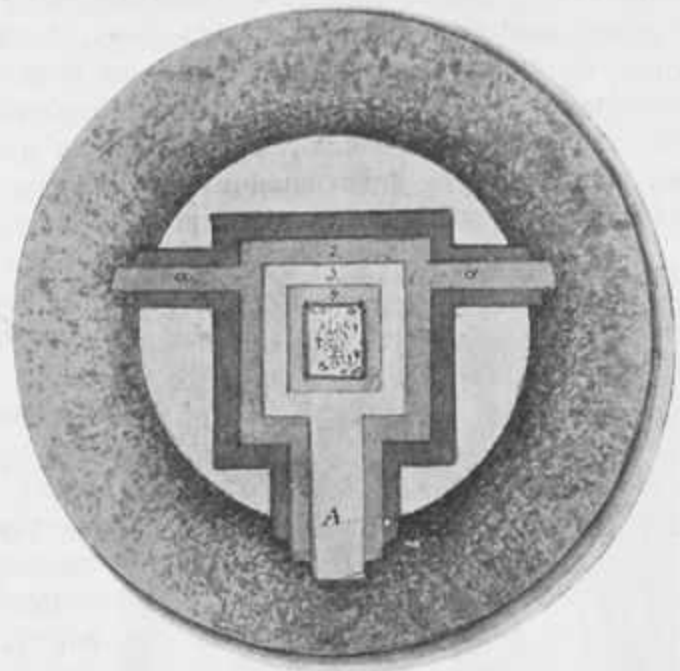

Рис. 1.

II.

Раскопка такъ называемыхъ площадокъ.

Обнаруживъ какую-нибудь группу площадокъ и получивъ на известныхъ условіяхъ право на ихъ раскопку, подвергаю ихъ разработкѣ, начиная съ перваго ряда ихъ мѣсть и согласно съ ихъ математическимъ расположеніемъ. Притомъ позволю себѣ сейчасъ же указать на то, что раскопка площадокъ требуетъ не только постоянного наблюденія и руководства со стороны производящаго раскопку, но и необыкновенной выдержки и осмотрительности со стороны исполняющихъ эту работу. Въ цѣляхъ до-

бросовѣстнаго исполненія какъ моей обязанности, такъ и рабочихъ, я стараюсь облегчить работу уже самымъ приемомъ, употребляемымъ при такого вида раскопкѣ, а именно: отыскавъ первую подходящую для раскопки площадку, я приблизительно опредѣляю при помощи особаго, имѣющагося у меня для этой цѣли, щупа расположение и размѣры ея. Тогда, соображаясь какъ съ этимъ, такъ съ числомъ рабочихъ и почвенными условіями, не упуская также изъ виду погоду, я въ одномъ или же другомъ концѣ площадки, гдѣ это окажется удобнѣе, отступивъ отъ нея на 2 м., позволяю съ поверхности занимаемаго ею мѣста на извѣстномъ пространствѣ, по-слоино, снимать землю до тѣхъ поръ, пока не будетъ обнаруженъ первый рядъ слоя, состоящаго изъ пластовъ или же комковъ обожженной глины, обозначающихъ, главнымъ образомъ, мѣсто всякой отдѣльной площадки. Послѣ этого рабочіе, счистивъ лишнюю землю, покрывающую площадь прокопаннаго мѣста, начинаютъ въ концѣ линіи, гдѣ оканчиваются ряды слоевъ обожженной глины, поперекъ площадки, производить канаву, шириною отъ 1½—2 м. Дойдя съ ея углубленіемъ

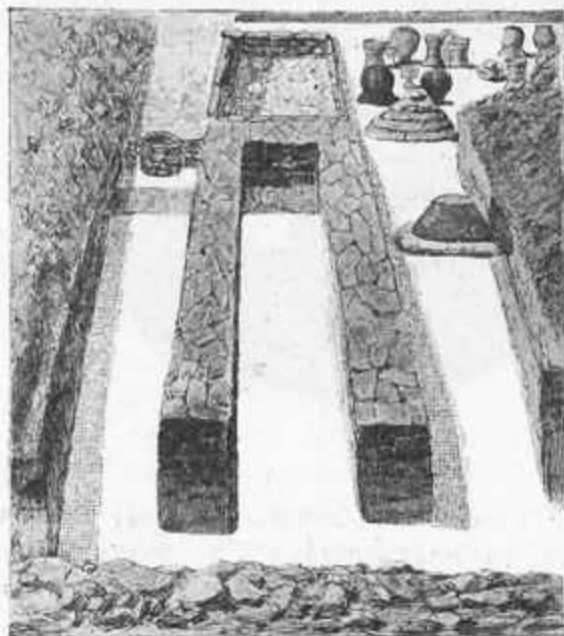

Рис. 2.

обязательно всегда до самого материка и выбросивъ всю землю и особенно тщательно очистивъ дно канавы, всѣ рабочіе, оставаясь въ канавѣ и занявъ свои опредѣленные мѣста, приступали къ разборкѣ находящагося передъ ихъ глазами того матеріала, изъ котораго состояло мѣсто, занимаемое площадкой. Означенное занятіе исполнялось такимъ образомъ, что, черезъ всякіе 2 метра, не считая промежуточное мѣсто, не подвергающееся разработкѣ, шириною ½ метра, становились отдѣльно по два человѣка рабочихъ, которые уже вмѣстѣ на указанномъ протяженіи расчищали передъ ними находящійся слой земли съ заключающимся въ немъ разнымъ матеріаломъ. Поэтому, работая при такихъ условіяхъ, рабочіе имѣли полную возможность видѣть разрабатываемый ими матеріалъ какъ сверху, такъ и сбоку, и, при нѣкоторомъ

вниманіи и осторожности, легко могли замѣтить всякіе попадающіеся имъ предметы. Работая такимъ образомъ, по два человѣка вмѣстѣ, и разбирая толщю слоевъ разнаго матеріала отъ поверхности площади до самого материка, они все болѣе и болѣе врѣзывались внутрь площадки и, оставляя по обѣимъ сторонамъ нерасчищенные промежуточные мѣста въ ½ м. въ видѣ стѣнъ, негодный матеріалъ устраняли въ находящуюся за ними вырытую вначалѣ канаву, часть же матеріала, какъ, напримѣръ, большіе пласты обожженной глины, т. е. части глинобитныхъ стѣнъ отъ разрушившихся сооружений и нѣкоторые изъ найденныхъ предметовъ, ложились на поверхность стѣнъ этихъ канавъ. Дойдя такимъ образомъ до мѣста, до котораго въ самомъ началѣ былъ вскрытъ верхній слой земли, покрывающій разрабатываемую часть площадки, половина рабочихъ оставляютъ свою работу, чтобы снять слой земли съ слѣдующей части площадки, другіе же, оставаясь на своихъ мѣстахъ, продолжаютъ свою работу; сказанное повторяется до тѣхъ поръ, пока не будетъ основательно разработана вся площадка. При вышенесанномъ приемѣ, если будутъ оставлены на мѣстѣ разнаго рода сооруженія, какъ, напр., пирамиды изъ сложенныхъ камней, столбы изъ выжженной глины съ вдѣлан-

ными въ верхней части камнями, конусообразные, вытѣпленные изъ глины и окрашенные жертвенники, разнаго рода ямы съ обожженными стѣнками, наконецъ, группы сосудовъ; если присоединить еще къ получившейся картинѣ стѣны канавъ, имѣющихъ видъ разрѣзовъ, то можно получить полное представленіе о томъ, что могла изъ себя представлять подвергнутая раскопкѣ площадка. Когда, наконецъ, сдѣланъ общій планъ и отмѣчены размѣры площадки и нѣкоторыя подробности раскапываемаго мѣста, когда все провѣрено, насколько это нужно, можно раскопку считать вполне законченной. При разработкѣ площадокъ небольшихъ размѣровъ, употребляя тотъ же способъ, достаточно пользоваться только одной широкой канавой. (Рис. 2).

III.

Раскопка городищъ и полей погребеній.

При раскопкѣ городищъ, относящихся къ скиѣской и славянской эпохамъ, я примѣнялъ тотъ же самый пріемъ, какъ и при раскопкѣ площадокъ, съ той только разницей, что производилъ одновременно извѣстное число канавъ по своему усмотрѣнію и соответственно числу рабочихъ, и что пространство, раздѣлявшее канавы, было не менѣе 2—3 метровъ. Такое болѣе значительное разстояніе между канавами я дѣлалъ для того, чтобы имѣть достаточно мѣста для выбрасыванія лишней земли, получившейся при копаніи указанныхъ канавъ. Наконецъ, что касается полей погребеній, то я долженъ предварительно сказать нѣсколько словъ вообще о погребеніяхъ: при однихъ обрядахъ погребенія тѣло покойника сжигалось, и останки пережженныхъ костей и зола собирались въ урну, которая, вмѣстѣ съ другими сосудами, ставилась въ предназначенное для этого мѣсто въ землѣ; при другихъ же обрядахъ покойника, не сжигая, хоронили въ выкопанной въ землѣ ямѣ; вслѣдствіе этого погребенія въ такихъ могильникахъ находятся на разной глубинѣ—погребенія съ сожженіемъ обыкновенно встрѣчаются ближе къ поверхности земли, между тѣмъ какъ погребенія безъ сожженія, часто находясь одно надъ другимъ, бываютъ зарыты въ землю гораздо глубже.

Такъ какъ въ указанныхъ могильникахъ нѣтъ никакихъ насыпей или же другихъ признаковъ, которые обозначали бы ихъ, то я для опредѣленія этихъ могильниковъ пользовался широкими канавами, производя ихъ послонной выемкой земли; при этомъ я особенно наблюдалъ за тѣмъ, чтобы послѣ cadaго слоя вся земля, съ занятой раскопкой площади, была хорошо счищена и выброшена изъ ямы, чтобы легче можно было обнаружить характерные признаки, обозначающіе мѣсто погребенія. Когда такіе признаки были обнаружены, то я никогда не приступалъ сейчасъ же къ разработкѣ погребенія, но, напротивъ, не трогая его, продолжалъ расчистку остальной части площади, пока совершенно не было выяснено какъ положеніе, такъ и общій характеръ погребенія. Опредѣливъ это и имѣя со всѣхъ сторонъ свободный доступъ къ означенному мѣсту, я начиналъ производить его расчистку, или же, смотря по обстоятельствамъ, до поры до времени не трогалъ его, и затѣмъ вскрывалъ вмѣстѣ съ другими такими же еще обнаруженными мѣстами. Вслѣдствіе того, что при подобнаго рода погребеніяхъ часто оказываются при покойникахъ завернутыя въ матерію (обыкновенно уже истлѣвшую) серебряныя, а иногда и золотыя монеты, разнаго рода хрупкіе предметы, какъ, напримѣръ, серебряныя фибулы или же стеклянные сосуды, встрѣчающіеся иногда еще съ другими изящными сосудцами, лежащими въ крупномъ глиняномъ

сосудѣ, то расчистка этихъ мѣстъ всегда производилась съ особенной осторожностью и тщательностью. Кромѣ того, такіе сосуды, въ которыхъ оказывались еще и другіе, я предпочиталъ отправлять на домъ и тамъ уже въ свободное время заняться изслѣдованіемъ ихъ содержимаго. Если земля въ такихъ сосудахъ оказывалась сильно затвердѣвшей, то я сначала размачивалъ ее, а затѣмъ уже устранялъ ее и вынималъ находящіеся внутри меньшіе сосуды. (Рис. 3).

Р. С. Что касается росписныхъ сосудовъ, добытыхъ при раскопкѣ въ площадкахъ, то, чтобы предохранить ихъ отъ покрытія цемента или известкообразнаго слоя, который на нихъ образуется сейчасъ же, какъ только они просыхаютъ, то я, не допуская до этого просыханія, обмываю ихъ тутъ же на мѣстѣ въ чистой водѣ».

4. Послѣ продолжительнаго и всесторонняго обсужденія вопроса и представ-

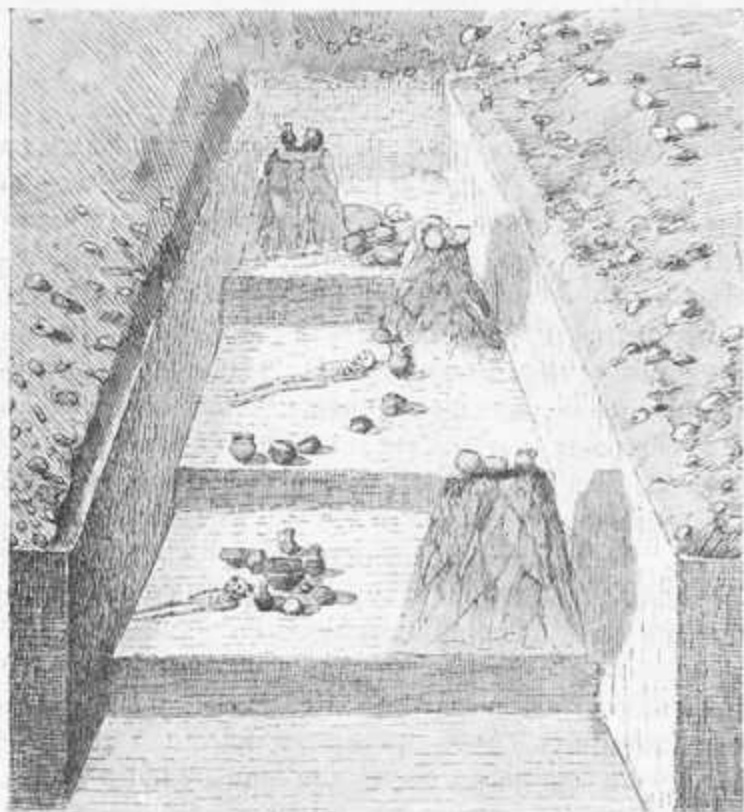

Рис. 3.

ленныхъ соображеній, подписаны слѣдующія указанія, долженствующія лечь въ основу изданія будущаго руководства, которое желательно выработать для XV Археологическаго Съѣзда:

«Обсудивъ вопросъ о необходимости положенія и инструкцій для научныхъ раскопокъ и храненія древнихъ памятниковъ, добытыхъ раскопками, и выработавъ общія директивы для составленія таковыхъ, Комиссія постановила просить XIV Археологической Съѣздъ:

1) Напечатать мотивы, изложенные въ запискахъ, представленныхъ отъ проф. Н. И. Веселовскаго, проф. Э. Р. Штерна, А. В. Селиванова и изложенные на стр. 6 и 7 инструкции проф. Д. Я. Самоквасова, озаглавленной «Раскопки древнихъ могилъ и описаніе, храненіе и изданіе могильныхъ древностей».

2) Положить въ основу новой инструкціи правила, выработанныя для производства раскопокъ въ 1874 году.

3) Дополнить послѣднія правила подробными указаніями на разные типы раскопокъ и положеніями, изложенными въ вышепоименованныхъ запискахъ и инструкціи.

4) Поручить окончательную выработку новыхъ положенія и инструкціи проф. Д. Я. Самоквасову и В. А. Городцову, съ тѣмъ, чтобы ими таковыя были представлены въ оконченомъ видѣ къ слѣдующему XV Археологическому Съѣзду».

Директивы для составителей положенія и инструкціи:

- 1) Объемъ книги не долженъ превышать 50 печатныхъ страницъ.
- 2) Текстъ возможно болѣе иллюстрировать соответствующими рисунками.
- 3) Въ положеніи указать на необходимость подготовки молодыхъ ученыхъ для производства археологическихъ раскопокъ путемъ прикомандированія ихъ къ опыт-

нымъ изслѣдователямъ и выяснитъ невозможность порученій раскопокъ лицамъ, совсѣмъ незнакомымъ или недостаточно знакомымъ съ производствомъ таковыхъ.

4) Указать на необходимость доводить раскопки на избранныхъ районахъ до конца, а также на то, чтобы при изслѣдованіи группъ кургановъ раскапывать не болѣе половины числа всѣхъ кургановъ и не болѣе половины площади городищъ и другихъ подобныхъ памятниковъ.

5) Обратитъ вниманіе на сохраненіе тѣхъ вещей (обломковъ посуды, костей животныхъ и др.), которыя должны быть оставлены на мѣстѣ производства раскопокъ, какъ неважные дубликаты отобранныхъ для храненія въ музеяхъ вещей. Указать, что такія вещи должны быть закапываемы на площадяхъ раскопокъ въ точно опредѣленныхъ мѣстахъ, съ обозначеніемъ этихъ мѣстъ въ дневникахъ и планахъ раскопокъ.

6) Разъяснить необходимость сооруженія при музеяхъ кладовыхъ для храненія тѣхъ коллекцій, которыя по недостатку мѣстъ или другимъ причинамъ не могутъ быть выставлены въ витринахъ.

7) Инструкцію изложить въ формѣ ряда дневниковъ правильно веденныхъ раскопокъ кургана, дольмена, стоянки, городища и т. п.

Предсѣдатель Э. фонъ-Штернг.

Члены { Д. Самоковцовъ.
А. Селивановъ.
В. Городцовъ.

8 августа. 6 часовъ вечера.

Отд. II — Древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный Предсѣдатель — проф. В. С. Иконниковъ.

Предсѣдатель — проф. М. В. Довнаръ-Запольскій.

Секретари: С. П. Шелухинъ, Х. П. Ящуржинскій и В. В. Каллашъ.

Почетный Предсѣдатель проф. В. С. Иконниковъ, открывая засѣданіе, далъ разъясненія о предметѣ доклада С. Л. Аваліани о Пересвѣтовѣ.

1. С. Л. Аваліани: «Объ Иванѣ Пересвѣтовѣ».

Давно уже существуютъ сомнѣнія въ подлинности сочиненія Пересвѣтова (Карамзина); они признаются тенденціозной позднѣйшей поддѣлкой съ цѣлю оправданія дѣяній Грознаго (Соловьевъ, Пыпинъ, Милуковъ), наконецъ, въ Пересвѣтовѣ признавали псевдонимъ отца или коллективнъ-псевдонимъ. Одновременно появившіяся произведенія г. Ржиги и Яворскаго опровергли данныя положенія, но не установили окончательно, кто скрывается за фамиліей Пересвѣтова.

Ржига издалъ произведенія Пересвѣтова; они всѣ написаны въ паробосической формѣ, кромѣ двухъ челобитныхъ Грозному. Авторъ — большой книжникъ, знакомъ съ литературой XVI в., Московской гражданской исторіей, убѣжденный противникъ боярской аристократіи, сторонникъ сильной, неограниченной, опирающейся на военную силу, власти.

Начитанность автора, тонъ и пафосъ произведенія, идеи — все это даетъ нѣкоторую возможность предположенія, не скрывается ли въ лицѣ Пересвѣтова — самъ Іоаннъ Грозный; значительнымъ подтвержденіемъ этой мысли можетъ служить находка современной описи царскаго архива съ челобитными Иваньки Пересвѣтова, а подлинныя до сихъ поръ не найдены.

Изъ возражавшихъ *Н. И. Троицкій* объяснилъ, что настоящая фамилія должна быть Пересвѣтъ, а не Пересвѣтовъ. Пересвѣтъ участвовалъ въ Куликовской битвѣ. Потомки Пересвѣтовъ жили въ Смоленской губ., а въ недавнее время и въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, Тульской губ. Этимъ объясняется знакомство Пересвѣта съ западомъ и съ Москвой. Копіи грамотъ рода Пересвѣтовыхъ хранятся въ Тульской Палатѣ древностей, гдѣ имѣется и складень, наследственный отъ Пересвѣта.

А. С. Раевскій обратилъ вниманіе собранія на необходимость пользоваться при занятіяхъ какъ сочиненіями Ивашки Пересвѣтова, появившимися уже въ печати, такъ и свѣдѣніями изъ готовящейся подъ этимъ заглавіемъ диссертациі петербургскаго историка *А. С. Николаева*, приготовлявшаго и свое изданіе сочиненій Пересвѣтова, и предложилъ организовать родъ освѣдомительнаго бюро для предупрежденія случаевъ параллельныхъ работъ по одному и тому же вопросу, какъ это вышло съ москвичемъ Ржигой, успѣвшимъ обогнать Николаева въ отношеніи быстроты напечатанія собственныхъ трудовъ и изданія сочиненій Пересвѣтова.

Д. И. Иловайскій пояснилъ, что 18 лѣтъ тому назадъ онъ въ своемъ трудѣ видѣлъ въ Пересвѣтовѣ подстрекателя Іоанна Грознаго. Послѣдующія изслѣдованія подтвердили эту мысль. Изъ сочиненій Пересвѣтова Іоаннъ Грозный много заимствовалъ для переписки съ Курбскимъ, но онъ въ то время былъ слишкомъ молодъ для того, чтобы самостоятельно написать изложенное въ произведеніяхъ Пересвѣтова. Пересвѣтовъ во всякомъ случаѣ не Іоаннъ Грозный.

И. Н. Бороздинъ замѣтилъ, что Пересвѣтовъ былъ извѣстный московскій публицистъ XVI вѣка, очевидно, хорошо знакомый съ европейской литературой. Это знакомство онъ перенесъ въ свои произведенія, изъ чего ясно, что Пересвѣтовъ и Іоаннъ Грозный — это разные лица.

Докладчикъ *С. Л. Авалиани* объяснилъ, что работа Николаева о Пересвѣтовѣ извѣстна давно — она напечатана въ очеркахъ десятилѣтней дѣятельности Славянской Комиссіи. Іоаннъ Грозный вступилъ на престолъ на семнадцатомъ году и былъ человѣкомъ уже въ то время зрѣлымъ, что можно видѣть хотя бы изъ его возраженій митрополиту Макарію.

2. П. М. Добровольскій: «Гдѣ находились старинные, не существующіе нынѣ, храмы г. Чернигова».

По рукописному плану начала XIX вѣка, доставшемуся Черниговской Архивной Комиссіи изъ архива бывшаго малороссійскаго генераль-губернатора кн. А. Б. Куракина, и по другимъ источникамъ докладчику удалось установить мѣстонахожденіе шести несуществующихъ храмовъ въ замкѣ Черниговскомъ: Михайловскаго каменнаго, Михайловскаго деревяннаго, Воскресенскаго, Благовѣщенскаго, Михаило-Ѳеодоровскаго и Іоанно-Богословскаго. Такимъ образомъ, съ двумя сохранившимися храмами княжескаго времени, Спасскимъ и Борисоглѣбскимъ, всѣхъ храмовъ въ замкѣ насчитывалось еще въ XVIII вѣкѣ восемь. Въ другой части города — новомъ мѣстѣ, также было восемь храмовъ: Николаевскій, Богоявленскій, Срѣтенскій, Воздвиженскій, Покровскій за Стрижнемъ, Вознесенскій, Варваринскій и Мурносицкій. Мѣстоположеніе этихъ храмовъ также указано по старому плану. Въ XVIII — XIX вѣкахъ храмы эти сломаны и на мѣстѣ ихъ только въ одномъ случаѣ построенъ новый храмъ (Николаевскій, на мѣстѣ Богоявленскаго), всѣ остальные храмовыя мѣста, при новомъ распланированіи города, отошли либо подъ улицу (Срѣтенскій), либо подъ дворовыя мѣста съ домами и хозяйственными постройками.

Проф. Э. Р. фонъ-Штернъ высказалъ сомнѣніе въ достовѣрности плана, на указаніяхъ котораго докладчикъ основалъ свои выводы, такъ какъ планъ частный и, повидимому, представляетъ собою кѣмъ-то списанную, копію и предлагая

докладчику вопросъ: нѣтъ ли въ архивѣ данныхъ, подтверждающихъ правильность плана?

И. М. Добровольскій разъяснилъ, что представленный имъ архивный планъ согласенъ съ описаніями архитектора Дитрихштейна первой половины XIX вѣка, а потому указанія на немъ надо признать правильными.

3. Докладъ священника о. Степана Звѣрева: «Камень Буилъ на Дону» (Тр., т. III; стр. 255).

С. Н. Введенскій, въ качествѣ дополненія къ докладу, отмѣтилъ, что приводимое у референта сближеніе двухъ корней *буй* и *яръ* (Е. Л. Марковъ) напоминаетъ о Червленомъ Ярѣ, а значеніе Буила, какъ мѣста особенно бурнаго теченія р. Дона, сходно съ значеніемъ нѣкоторыхъ днѣпровскихъ пороговъ.

М. Е. Соколовъ объяснилъ, что «Буилъ» не имѣетъ ничего общаго съ богомъ солнца Яриломъ, остатки культа котораго и теперь еще встрѣчаются въ Симбирской, Нижегородской и Тамбовской губ., но почитаніе камней вполне согласно съ духомъ старинной русской языческой религіи.

8 августа. 7 часовъ вечера.

Отд. I.—Древности первобытныя (параллельное).

Почетный Предсѣдатель—И. Е. Евсѣевъ.

Предсѣдатель—проф. В. З. Завитневичъ.

Секретари: В. Г. Ляскоронскій и В. А. Городцовъ.

1. *В. Г. Ляскоронскій*: «Городища, курганы и курганы-майданы въ области Днѣпровскаго лѣвобережья» (Тр., т. III; стр. 1).

Н. Е. Макаренко спросилъ референта, нельзя ли смотрѣть на городища-майданы какъ на остатки селитряныхъ буртъ, столь широко распространенныхъ въ еще недавнее время повсюду въ Малороссіи.

Докладчикъ отрицалъ возможность признанія ихъ остатками селитряныхъ буртъ, такъ какъ для добыванія селитры необходимы такія условія, какихъ мы не находимъ въ предѣлахъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ были расположены майданы.

Проф. В. З. Завитневичъ, отмѣтивъ загадочность этихъ земляныхъ сооружений и рядъ противорѣчивыхъ мнѣній по этому поводу, замѣтилъ, что только детальные, сдѣланные во многихъ мѣстахъ археологическія раскопки, могутъ помочь намъ въ уясненіи этого вопроса, все еще не разгаданнаго.

2. *Ө. К. Волковъ*: «Палеолитическая стоянка близъ с. Мезина, Черниговской губерніи» (Тр., т. III; стр. 262).

3. *А. Н. Мартиновичъ*: «Хазарское городище въ Воронежской губерніи». Правый возвышенный берегъ р. Воронежа покрытъ остатками древнихъ поселеній — городищъ, по сосѣдству съ которыми расположены могильные курганы. Изъ городищъ въ древнихъ актахъ Воронежа упоминается только Хазарское, находившееся въ 4—5 верстахъ отъ Воронежа. Члены Воронежской Ученой Архивной Комиссіи разыскали еще 4 городища (близъ с. Чертовицкаго, Романи, Шилова и пр.). Раскопки кургановъ могилъ произведены были только у Хазарскаго городища и Чертовицкаго. До начала раскопокъ (въ 1899 г.) на Хазарскомъ городищѣ случайно былъ найденъ костякъ съ правильнымъ круглымъ (брахицефалическимъ) черепомъ; костякъ лежалъ головой на сѣверовостокъ; около него найдены были: наконечникъ желѣзнаго копья, 6 наконечниковъ желѣзныхъ дротиковъ, нѣсколько многогранныхъ глиняныхъ пряслицъ и въ головѣ—глиняный

сосудъ съ узкимъ горломъ. При раскопкѣ могильныхъ кургановъ, расположенныхъ какъ вблизи такъ называемаго Хазарскаго городища (11 могилъ), такъ и около села Чертовицкаго (15 могилъ), обнаруженъ одинъ и тотъ же типъ погребенія: трупосожженіе на мѣстѣ съ погребеніемъ остатковъ отъ трупосожженія въ глиняныхъ горшкахъ. Зольныя толстыя площадки обнаруживались всегда въ юго-восточной половинѣ кургана; костеръ устраивался на расчищенной площадкѣ, глинистомъ грунтѣ, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ —2 четвертей отъ поверхности культурнаго слоя. Слой золы, угля и остатокъ пережженныхъ человѣческихъ костей достигалъ 2 четвертей толщины, а иногда и болѣе. Остатки отъ сожженія покойника заключались въ горшокъ, который ставился въ сѣверовосточной части насыпи на насыпномъ слоѣ, въ сторонѣ отъ зольной площадки. Никакихъ украшеній и предметовъ домашняго обихода ни на мѣстѣ трупосожженія, ни въ насыпномъ слоѣ кургановъ, ни въ погребальныхъ урнахъ не было найдено. Въ насыпномъ слоѣ попадались только черепки битой посуды и кости крупнаго рогатаго скота (не обожженыя); въ двухъ насыпяхъ найдены были глиняныя пряслицы того же типа, что и въ городищѣ.

За позднимъ временемъ докладъ Л. Г. Лонатинскаго «О находкѣ мастерской бронзоваго вѣка на Кавказѣ, въ области Куры» былъ отложенъ.

9 августа. 10 часовъ утра.

Отд. II.—Древности историко-географическія и этнографическія.

Предсѣдатель — проф. Э. Р. фонъ-Штернъ.

Секретари: Х. П. Ящуржинскій и С. П. Шелухинъ.

1. А. П. Кадлубовскій: «Къ исторіи русскаго духовнаго стиха о Варлаамѣ и Іоасафѣ».

Референтъ указалъ типы духовнаго стиха о Варлаамѣ и Іоасафѣ, возникшіе изъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ старопечатныхъ изданіяхъ житія и принадлежащихъ южно-русскимъ писателямъ; затѣмъ сообщилъ записанный недавно въ Архангельской губерніи А. В. Марковымъ стихъ, передающій почти полное житіе (любезно сообщенный референту собирателемъ), и особенно остановился на наиболѣе извѣстномъ стихѣ, содержащемъ бесѣду Іоасафа съ пустыней. Референтъ находилъ, что на основаніи сопоставленія данныхъ, предлагаемыхъ записью г. Маркова и другими устными и рукописными текстами, можно видѣть и въ стихѣ о бесѣдѣ Іоасафа съ пустыней народную переработку южно-русскаго книжнаго стихотворенія; нѣкоторыя подробности стиха референтъ находилъ возможнымъ объяснить вліяніемъ другого памятника, также перешедшаго въ народный стихъ, именно Адамова плача передъ раемъ.

А. Д. Григорьевъ предложилъ докладчику вопросъ: къ какому вѣку, по его мнѣнію, относится южно-русскій источникъ русскаго стиха о Варлаамѣ и Іоасафѣ?

Докладчикъ объяснилъ, что онъ только предполагаетъ существованіе такого источника, но опредѣлить время его существованія не можетъ.

С. П. Шелухинъ замѣтилъ, что въ произведеніяхъ извѣстнаго украинскаго ученаго и философа XVIII вѣка, Григорія Саввича Сковороды, имѣется много элементовъ духовнаго стиха. На великороссовъ Харьковщины Сковорода оказалъ такое вліяніе, что на почвѣ его ученія у нихъ возникла секта духоборовъ. Не встрѣчалъ ли докладчикъ въ произведеніяхъ Сковороды общихъ мѣстъ съ русскимъ духовнымъ стихомъ о Варлаамѣ и Іоасафѣ?

Проф. Э. Р. фонъ-Штернъ предложилъ докладчику вопросъ: нельзя ли установить связи между предполагаемымъ южно-русскимъ источникомъ и греческимъ оригиналомъ XI вѣка? Такая греческая рукопись XI вѣка на пергаментѣ хранится въ Одесскомъ Музеѣ и найдена на югѣ Россіи.

2. С. Д. Щербакъ: «Полковой Лубенскій есаулъ Таволга» (Тр., т. III; стр. 377).

3. Н. М. Добровольскій: «Планъ г. Чернигова до распланированія въ началѣ XIX вѣка».

Докладчикъ предъявилъ рукописный планъ XIX вѣка, на которомъ указано старое распланированіе города и новое—1805 года. На этомъ планѣ видны границы стараго замка Черниговскаго, обнесеннаго валомъ и рвомъ, съ тремя выѣздными воротами—Любецкими, Николаевскими или Погорѣлыми и на Гноевую плотину. Указаны также нѣкоторыя постройки въ замкѣ, теперь несуществующія: постройки присутственныхъ мѣстъ, казенныхъ амбаровъ, монастырскихъ зданій и пр. Далѣе, докладчикъ указалъ, какъ происходило постепенное разселеніе Чернигова на Новое Мѣсто, Могилки, Третьякъ и т. д. Въ общемъ положеніе докладчика сводилось къ тому, что, на протяженіи двухъ послѣднихъ вѣковъ, XVIII и XIX, Черниговъ незначительно увеличился въ своемъ ростѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ при сличеніи двухъ плановъ—стараго и новѣйшаго.

9 августа. 11 часовъ утра (параллельное).

Предсѣдатель—проф. Д. В. Айваловъ.

Секретари: А. П. Новицкій и А. К. Ярыгинъ.

1. О. О. Горностаевъ: «Объ архитектурныхъ особенностяхъ каменныхъ храмовъ Черниговской губ. XVII и XVIII вв.» (Тр. Т. II).

Г. Г. Павлуцкій замѣтилъ, что докладъ О. О. Горностаева имѣетъ широкое значеніе; имъ освѣщается новая страница украинскаго зодчества, когда послѣднее встрѣтилось съ великорусскимъ стилемъ.

Н. В. Султановъ дополнилъ докладъ О. О. Горностаева, указавъ, что Мазенинъ домъ, по своей конструкціи, представляетъ высокое и стройное сооруженіе и настоящій свой видъ приземистаго зданія имѣетъ лишь вслѣдствіе того, что онъ въ значительной степени засыпанъ наслоившеюся землею. Нѣкоторыя кievскія церкви въ XVII в. подверглись облицовкѣ въ польскомъ іезуитскомъ стилѣ, чего не избѣжали и черниговскіе храмы, а, главнымъ образомъ, Мазенинъ домъ, что замѣтно, напримѣръ, въ обтяжкахъ около оконъ наличниковъ; тѣмъ не менѣе, зданіе это является постройкою московскихъ мастеровъ, чему доказательствомъ служатъ три большихъ окна вверху, типичнаго московскаго стиля. Хотя зданіе и называется войсковою канцеляріей, но, очевидно, оно жилымъ помещеніемъ не было, ибо въ немъ не имѣется указаній на устройство печей (имѣющіяся двѣ печи—позднѣйшаго устройства). Присутствіе же глубокихъ подваловъ указываетъ, скорѣе, на то, что зданіе это было московскимъ арсеналомъ, гдѣ хранилось оружіе, а въ подвалахъ—порохъ.

А. П. Голубцовъ заявилъ, что онъ можетъ подтвердить документально участіе московскихъ мастеровъ въ постройкахъ украинскихъ церквей и зданій: имѣется письмо и Мазепы къ Царю московскому о высылкѣ московскихъ каменщиковъ.

2. Г. Г. Павлуцкій: «О церковныхъ постройкахъ въ стилѣ «Етρίге» въ Полтавской губерніи». (Тр., т. II, стр. 37).

А. С. Раевскій просилъ обратить вниманіе Съѣзда на то, что въ архивахъ

разныхъ учреждений въ полномъ пренебреженіи находится масса плановъ, чертежей и фасадовъ всевозможныхъ архитектурныхъ сооружений и высказалъ пожеланіе, чтобы дѣло храненія таковыхъ было бы упорядочено.

Гр. П. С. Уварова просила *А. С. Раевского* указать извѣстные ему случаи подобнаго отношенія къ дѣлу храненія памятниковъ русскаго зодчества, чтобы можно было принять необходимыя мѣры, такъ какъ вообще одно выраженіе какихъ-либо пожеланій обыкновенно не достигаетъ желаемой цѣли.

З. О. О. Горностаевъ: «О Ляличскомъ дворцѣ». (Тр. т. II).

П. Я. Дорошенко сообщилъ, что въ Ляличскомъ паркѣ, въ павильонѣ, была графомъ Завадовскимъ сооружена статуя-памятникъ графу Румянцеву-Задунайскому, работы скульптора Рошеттъ. Послѣ смерти владѣльца Ляличъ, при распродажѣ ляличскихъ рѣдкостей, статуя эта была куплена бывшимъ черниговскимъ губернаторомъ княземъ Голицынымъ и подарена г. Глухову, на одной изъ площадей котораго она и нынѣ находится.

О. О. Горностаевъ дополнилъ докладъ указаніемъ на то, что вмѣстѣ съ разрушеніемъ дворца *гр. Завадовскаго* идетъ также еще большее разрушеніе другого, еще болѣе замѣчательнаго архитектурнаго памятника — дворца гетмана *Разумовскаго* въ м. Батурипѣ, Конотопскаго уѣзда, Черниговской губерніи. На этомъ дворцѣ крыша снята почти вся, лѣстницы уничтожились, исчезла вся лѣпка, еще лучшая, чѣмъ въ Ляличахъ, корпуса разбираются, одинъ флигель уже разобранъ, внутри почти ничего не уцѣлѣло; колонны изъ монолитовъ разрушаются. Зданія находятся въ вѣдѣніи Кіевского военнаго округа и въ нихъ помѣщается его лазаретъ; вѣдомство это желаетъ использовать остатки дворца и сдѣлать то, чего пока еще не сдѣлали евреи съ Ляличскимъ дворцомъ.

А. С. Раевскій заявилъ, что Батурипскій дворецъ находится въ распоряженіи Кіевского военнаго инженернаго вѣдомства, которое тратитъ на него 84 руб. въ годъ, нанимая одного сторожа по 7 руб. въ мѣсяць. Въ настоящее время ведется переписка о томъ, надлежитъ ли реставрировать дворецъ, — на что, конечно, понадобились бы громадныя средства, — или, взглянувъ на него, какъ на живописную руину, сохранить его въ теперешнемъ его состояніи.

9 августа. 3 часа дня.

Совѣтъ Съѣзда.

Принять протоколъ Комиссіи по выработкѣ указателя по производству раскопокъ и подвергнуты обсужденію тѣ пункты законоположеній о сохраненіи древнихъ памятниковъ, которые желательно представить отъ Съѣзда г-ну Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

9 августа. 6 часовъ вечера.

Отд. IV.—Древности юридическія, бытъ общественный, домашній и военный.

Почетный Предсѣдатель—проф. А. С. Лебедевъ.

Предсѣдатель—проф. Э. Р. фонъ-Штернъ.

Секретарь—И. Н. Бороздинъ.

1. *Проф. А. С. Лебедевъ*: «Вѣроисповѣдное положеніе армянъ въ Россіи по архивнымъ даннымъ».

Вѣроисповѣдное положеніе армявъ въ Россіи какъ народа, исповѣдывающаго одинаково христіанскую религію, близкую къ греческой церкви, опредѣлялось взглядами византійскаго, а въ связи съ нимъ—и русскаго православія на армянское иновѣріе—извѣстный видъ монофизитства, —значить, какъ на еретиковъ. Такъ было до Петра Великаго, когда армянамъ даны были молитвенные дома и разныя льготы. Окончательно же право свободнаго богослуженія они получили при Екатеринѣ II.

2. *Д. П. Миллеръ*: «Изъ исторіи Новгорода-Сѣверскаго». (Тр., т. III; стр. 327).

3. *С. Д. Щербакъ*: «О малорусскомъ либертинатѣ въ концѣ XVIII в. въ Пирятинскомъ уѣздѣ, Полтавской губ.»

Въ своемъ докладѣ референтъ отмѣтилъ, что уже въ XVIII ст. въ лѣвобережной Украинѣ были случаи либертината: въ Пирятинскомъ уѣздѣ даль примѣръ этому предводитель шляхетскаго Лубенскаго полку М. А. Щербакъ.

4. *В. А. Барвинскій*: «Изъ исторіи лѣвобережной Украины». (Тр., т. III; стр. 306).

9 августа, 7 часовъ вечера.

Отд. I.—Древности первобытныя.

Почетный Предсѣдатель—проф. И. М. Покровскій.

Предсѣдатель Отдѣленія:—проф. В. З. Завитневичъ.

Секретари: В. Г. Ляскоронскій и В. А. Городцовъ.

1. *В. А. Городцовъ*: «О результатахъ раскопокъ Бѣльскаго городища и сопровождающихъ его кургановъ» (Тр., т. III; стр. 93).

Докладъ В. А. Городцова вызвалъ продолжительныя пренія, въ которыхъ приняли участіе проф. В. З. Завитневичъ, В. Г. Ляскоронскій и графиня П. С. Уварова, причемъ В. Г. Ляскоронскій указалъ, что раскопки В. А. Городцова въ Бѣльскомъ городищѣ, несмотря на богатый и интересный матеріалъ, добытый референтомъ, не могутъ быть признаны вполне удавшимися: референтъ слишкомъ поспѣшно производилъ свои раскопки и слишкомъ поспѣшно дѣлалъ свои выводы и заключенія. Изъ того, что было сообщено В. А. Городцовымъ относительно раскопокъ Бѣльскаго городища, видно, что онъ производилъ свои раскопки не съ той осторожностью и строгой послѣдовательностью, какъ-то требуется въ наукѣ: Бѣльское городище уже давно и усиленно распаивается и, слѣдовательно, поверхность его представляетъ много трудностей для исследователя въ опредѣленіи положенія находимыхъ предметовъ, такъ какъ поверхностные слои почвы много разъ переворачивались плугомъ, а мѣстами даже раскапывались крестьянами, находившими здѣсь разные предметы (стрѣлы, копья, сосуды и пр.). Далѣе, В. Г. Ляскоронскій указалъ, что онъ никоимъ образомъ не можетъ согласиться съ тѣми смѣлыми выводами, которые дѣлалъ В. А. Городцовъ относительно предметовъ, находимыхъ во рву, окружающемъ Бѣльское городище: эти предметы могли попасть туда и случайно изъ другихъ мѣстъ, во время сполза насыпей или же во время дождевыхъ осадковъ. Кромѣ того, референтомъ не ясно и не точно было отмѣчено мѣсто-нахожденіе такъ называемыхъ «зольниковъ». Затѣмъ, утвержденіе В. А. Городцова, будто городище «Скороборъ» представляетъ собой курганъ-майданъ, раскопанный при помощи волокушъ, не вѣрно: городище это огромныхъ размѣровъ, въ видѣ высокой насыпи, окруженной двумя концентрическими валами; крыльце у

этого огромнаго городища нигдѣ не оказалось; его внутренняя часть и теперь еще представляет сплошную, волнообразную поверхность, и, слѣдовательно, говорить здѣсь о раскопкѣ при помощи волокушъ — нельзя. Указавъ затѣмъ на то, что референтъ невѣрно отнесъ къ числу майдановъ тѣ восемь кургановъ, которые расположены въ линію, въ недалекомъ разстояніи отъ вышеозначеннаго городища «Скороборъ», и которые представляютъ собой дѣйствительно раскопанныя кладонскателями могилы, В. Г. Ляскоронскій добавилъ, что основанія, какія были приведены В. А. Городцовымъ для подтвержденія мысли, что «майданы» — это раскопанные кладонскателями курганы, — не могутъ быть убѣдительными: если бы было такъ, какъ утверждаетъ В. А. Городцовъ, то пришлось бы допустить, что всѣ многочисленныя майданныя насыпи, раскинутыя на огромномъ пространствѣ, отъ Карпатъ до р. Дона, были раскопаны кладонскателями, что невѣроятно, такъ какъ извѣстно, что многія мѣста указаннаго обширнаго района мѣстонахожденія майдановъ долгое время представляли собой пустынные, совсѣмъ ненаселенныя мѣстности, куда, какъ извѣстно, съ незапамятныхъ временъ, рѣдко заходила нога человѣка.

Проф. В. З. Завитневичъ въ своемъ возраженіи замѣтилъ, что мысль, что майданы есть ничто иное, какъ разрушенные грабителями курганы, не можетъ быть признана въ виду слѣдующихъ данныхъ:

а) Хотя несомнѣнно то, что при сооруженіи майдановъ ихъ строители очень часто пользовались могильными насыпями, утилизируя ихъ для своихъ цѣлей, но несомнѣнно также и то, что въ массѣ майдановъ, длинною полосою растянувшихся въ степной области отъ границы Галиціи до береговъ Дона, есть много и такихъ майдановъ, которые сооружены были внѣ курганныхъ насыпей.

б) Множество майдановъ, которые оппоненту приходилось наблюдать въ губерніяхъ Кіевской, Волынской, Полтавской и Харьковской, а равно и тѣ майданы, съ которыми пришлось познакомиться по рисункамъ другихъ наблюдателей, представляютъ сооруженія, построенныя по одной системѣ, въ основаніе которой положена весьма опредѣленная идея, съ большею или меньшею послѣдовательностью проводимая при сооруженіи всѣхъ майданныхъ сооружений: основу майдана составляетъ обыкновенно центральное кольцо, одинъ или нѣсколько входовъ въ которое защищается валами, расположенными въ формѣ крыльевъ, такъ что майданы очень часто имѣютъ форму морского крабба (круглое туловище съ усиками). Эта выдержанность въ формѣ майданныхъ сооружений основнаго мотива не позволяетъ смотрѣть на нихъ только какъ на раскопанныя грабителями могилы: майданы — это самостоятельныя сооруженія, построенныя съ извѣстною опредѣленною цѣлью, строители которыхъ часто несомнѣнно пользовались готовыми могильными насыпями.

в) Изъ письменныхъ памятниковъ мы знаемъ, что въ старину (XVI — XVII ст.) несомнѣнно существовали особаго рода «копачи», которые занимались разграбленіемъ кургановъ; но въ виду того, что правительство и общество смотрѣли на нихъ какъ на своего рода мародеровъ, а ихъ профессія признавалась дѣяніемъ предосудительнымъ, грабители эти старались заниматься своимъ дѣломъ тайно, проникали внутрь кургановъ посредствомъ особыхъ тайныхъ подкоповъ, слѣды которыхъ во множествѣ обнаружены при раскопкѣ большихъ степныхъ кургановъ. Въ виду этого представляется совершенно естественнымъ, что при изслѣдованіи майдановъ ихъ насыпи производятъ впечатлѣніе разграбленныхъ кургановъ; это происходитъ отъ того, что очень многіе майданы дѣйствительно сооружены изъ разрушенныхъ грабителями кургановъ, т.-е. строители майдановъ встрѣчали въ курганахъ то, что теперь встрѣчаютъ археологи.

г) Несостоятельность гипотезы, утверждающей, что майданы суть раскопан-

ные грабителями курганы, не может быть ослаблена предположеніемъ, что разрушенные грабителями курганы позднѣ приспособлены были для извѣстной опредѣленной цѣли: для науки дорого не то, при какихъ внѣшнихъ, чисто техническихъ условіяхъ, сооружались майданы, а то, кто, когда и для какой цѣли создавалъ тѣ сооруженія, которыя теперь извѣстны подъ именемъ «майдановъ». А при такой постановкѣ вопроса фактъ разграбленія кургановъ грабителями является второстепеннымъ; между тѣмъ, въ гипотезѣ В. А. Городцова ему отведено центральное мѣсто. Вообще гипотеза г. Городцова не охватываетъ и не объясняетъ всѣхъ тѣхъ фактовъ, охватить и объяснить которые она должна и, являясь продуктомъ односторонне настроенной мысли, въ наукѣ принята быть не можетъ.

10 августа. 10 часовъ утра.

Отд. I.—Древности первобытныя.

Почетный Предсѣдатель—проф. Д. И. Иловайскій.

Предсѣдатель—проф. В. З. Завитневичъ.

Секретари: В. Г. Ляскоронскій и В. А. Городцовъ.

1. В. А. Бабенко: «Соотношеніе Салтовскихъ могильниковъ и могильниковъ Сѣвернаго Кавказа» (Тр., т. III; стр. 216).

2. А. А. Миллеръ: «Археологическія изслѣдованія въ устьяхъ Дона» (Тр., т. III; стр. 83).

3. Г. Лебединскій: «Черепъ диллювіальнаго человѣка, изъ р. Десны, близъ деревни Банокъ, Черниговской губ.»

4. В. Е. Данилевичъ: «О раскопкахъ Курской губ.». Референтъ остановился главнымъ образомъ на раскопкѣ городища около д. Лишино, Курскаго у. Цѣлью его раскопки было провѣрить прежде всего положеніе А. А. Спицына, что городища южной Россіи относятся къ Дьякову типу. Для даннаго городища это не подтвердилось. Городище относится къ тому же типу, какъ и городища: Донецкое, Ницахское и др. Кромѣ другихъ вещей, встрѣтившихся въ названныхъ городищахъ, оно датируется массой стеклянныхъ браслетовъ великокняжеской эпохи. Референтъ заключилъ свой докладъ пожеланіемъ, чтобы изслѣдованіе городища было продолжено, такъ какъ онъ самъ могъ произвести лишь развѣдки.

10 августа. 10 часовъ утра. (Параллельное).

Отд. III. — Памятники искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики.

Предсѣдатель—проф. Д. В. Айналовъ.

Секретари: А. П. Новицкій, И. М. Тарабринъ и А. К. Ярыгинъ.

1. А. П. Новицкій: «Черты самобытности въ украинскомъ зодчествѣ». (Тр., т. II; стр. 59).

Въ оживленныхъ преціяхъ, вызванныхъ этимъ докладомъ, принимали участіе: графиня П. С. Уварова, Н. И. Троицкій, проф. Гр. Гр. Павлуцкій и проф. А. П. Голубцовъ, который, не защищая и не опровергая высказаннаго проф. Павлуцкимъ и поддержаннаго А. П. Новицкимъ мнѣнія о *трехглавомъ* храмѣ, какъ типичномъ для украинскихъ церквей, обратилъ вниманіе тѣхъ и другихъ, что многія

изъ дарохранительницъ, видѣнныхъ имъ на Выставкѣ при Съѣздѣ, въ музеѣ Тарновскаго и въ городскихъ Черниговскихъ церквахъ, на примѣръ, Николаевской, имѣютъ три главки и не рѣдко *шатровыя*. Есть ли это отраженіе привязанности украинцевъ къ своему самобытному якобы храму или скорѣе выраженіе христіанской символики, онъ не берется рѣшать въ виду не широкихъ наблюденій, имъ сдѣланныхъ. Нѣкоторыя дарохранительницы (—это своего рода церкви) и именно съ *шатровыми* главками были приготовлены на Москвѣ. «Я не знаю,—говорилъ проф. Голубцовъ,—закона, который изданъ былъ бы въ XVI—XVII вв. центральной церковною властью рѣшительно для всей русской церкви по вопросу о *шатровыхъ* церквахъ. Обычно запрещеніе строить послѣднія содержалось въ храмозданныхъ грамотахъ. Чѣмъ вызывалось оно,—вопросъ еще не вполне выясненный. Запрещая строить шатровые храмы, загоравшіяся иногда отъ молніи благодаря своему шпигеобразному покрытію, церковная власть могла руководиться и желаніемъ сохранить ихъ отъ пожаровъ. Много значила и традиціонная привязанность ея къ обычному византійско-русскому храму. При Афанасіи, архіеп. Холмогорскомъ, и, какъ разумѣется, и ранѣе его, на сѣверѣ строились *шатровыя* мельницы, которыя издали легко смѣшивались русскими людьми, привыкшими осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ при видѣ храма, съ шатровыми церквами. Могло и это, повидимому, незначительное обстоятельство, быть принято во вниманіе церковною властью при запрещеніи строить шатровыя церкви».

2. Н. П. Троицкій: «Пеликанъ, какъ символъ въ искусствѣ церковномъ и бытовомъ».

Библия называетъ пеликана благочестивымъ (*hasida*) и представляетъ его особенно попечительнымъ въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ (въ противоположность страусу, который оставляетъ своихъ дѣтей на произволъ судьбы) (Иовъ, гл. 39-я). Такая попечительность пеликана стала предметомъ легенды, которая гласитъ, что «пеликанъ разрываетъ свою грудь и кормитъ своей кровью дѣтей». Пеликанъ, изображаемый по этой легендѣ, сталъ символомъ Христа, приобщающаго чадъ церкви. Своей кровью. Изображеніе это, въ разныхъ вариантахъ, нашло мѣсто во храмѣ (на Царскихъ вратахъ, киворіяхъ и т. п.). Встрѣчается изображеніе пеликана и на предметахъ домашняго быта, напр., на коврахъ, что составляетъ особенность въ быту малороссовъ, выражаетъ ихъ склонность къ семейственности и отмѣчаетъ исконную черту Арійцевъ (по Ленорману) и собственно Славянъ.

Въ преніяхъ принимали участіе: проф. Д. В. Айналовъ, А. В. Верзиловъ и О. О. Горностаевъ.

3. О. О. Горностаевъ: «О Козелецкомъ соборѣ». (Тр., т. II).

Въ преніяхъ принимали участіе: графиня П. С. Уварова, Х. П. Ящуржинскій, А. С. Раевскій и А. П. Голубцовъ, сказавшій слѣдующее:

«Замѣчательныхъ храмовъ въ Кіевѣ, Петербургѣ, Москвѣ и, какъ оказывается, вообще на югѣ, о которыхъ говорятъ, какъ о постройкахъ графа Растрелли, довольно значительное число, и строились они почти одновременно въ 40—70 гг. XVIII стол. Невольно задается вопросъ: всѣ ли они—произведенія гр. Растрелли? Федоръ Федоровичъ, приписывая построеніе Козелецкаго собора послѣднему, основывался на показаніяхъ мѣстной церковной лѣтописи. За отсутствіемъ другихъ документовъ, разумѣется, и послѣдняя имѣетъ значеніе, но, конечно, надежнѣе въ такихъ вопросахъ первоисточники. О колокольнѣ Троице-Сергіевой Лавры—одной изъ лучшихъ въ Россіи, идетъ тоже слава, что она построена графомъ Растрелли. То же пишетъ про нее и знаменитый ректоръ Московск. Дух. Академіи А. В. Горскій въ своемъ историческомъ описаніи Лавры. Ни мало не сомнѣваясь въ этомъ, я,

однакоже, долженъ сказать, что въ относящихся до построения Лаврской колокольни многочисленныхъ документахъ мнѣ ни разу не встрѣтилось имени Растрелли. Всюду въ нихъ фигурируетъ нѣкій Гезель Іоаннъ Жуковъ. Судя по окладу жалованья, онъ — не простой каменныхъ дѣлъ мастеръ, а довольно образованный и фактической на мѣстѣ исполнитель плановъ и предназначеній графа Растрелли. За время построения и отдѣлки Лаврской колокольни, т.-е., въ 40 — 60-хъ гг. XVIII ст., здѣсь перебивали многіе извѣстные въ то время на Руси художники. Каравакъ (Каравакка) сочинялъ рисунки для сѣни надъ ракой съ мощами прп. Сергія и для клеймъ съ портретами на лаврскомъ Царь-колоколѣ, Антроповъ писалъ портреты Императрицъ; прѣзжали въ Лавру не разъ для болѣе важныхъ дѣлъ Мичуринъ и др. Могли нѣкоторые изъ нихъ принимать участіе своими работами и въ убранствѣ Лаврской колокольни, напримѣръ, въ сочиненіи рисунковъ для статуй, предполагавшихся на ней, составляя въ своемъ родѣ художественное общество. Лаврская колокольня отчасти своимъ видомъ, еще болѣе нѣкоторыми деталями своего устройства и орнаментовъ напоминаетъ нѣсколько колокольню Козелецкаго собора и можетъ послужить въ нѣкоторыхъ случаяхъ образцомъ при реставраціи послѣдней».

На замѣчаніе г. Горностаева, что Лаврская колокольня, какъ сообщило ему одно лицо, специально занимающееся исторіей ея, построена въ концѣ XVIII ст. архитекторомъ Ухтомскимъ, проф. Голубцовъ отвѣчалъ усерднѣйшею просьбой передать этому лицу, что въ Лаврскомъ архивѣ во множествѣ сохранились дѣла по сооруженію Лаврской колокольни и что въ половинѣ XVIII в. на ней уже повѣшенъ былъ Царь-колоколъ. При митрополитѣ Платонѣ въ 70-хъ гг. XVIII ст. былъ лишь надстроенъ верхній ярусъ надъ колокольней съ его своеобразнымъ куполомъ, по мысли названнаго іерарха.

4. *Свищ. П. Лобовъ* дополнилъ сообщенное о Козелецкомъ соборѣ слѣдующимъ: «Козелецкая Рождество-Богородичная церковь построена въ 1763 году на средства всесильнаго въ то время графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго. Строителемъ собора былъ знаменитый въ то время архитекторъ графъ Растрелли. Относительно постройки собора среди мѣстныхъ жителей сохранилось преданіе, что постройка его была вызвана иконостасомъ, который былъ заказанъ въ Пталіи для дворцовой церкви въ Петербургѣ. По доставкѣ на мѣсто было усмотрѣно, что размѣры его значительно больше требуемаго. Въ это время у графа Разумовскаго созрѣла мысль о постройкѣ собора въ г. Козельцѣ, — какъ мѣстѣ жительства своей матери, гр. Наталіи Даміановны Разумовской (въ хуторѣ Алексѣевина, — въ одной верстѣ отъ города) и въ память посѣщенія г. Козельца Императрицей Елизаветою Петровною въ 1744 г. Послѣднее и подтверждается тѣмъ, что одинъ изъ четырехъ, имѣющихся въ этомъ храмѣ, престоловъ посвященъ въ честь праведныхъ Захарія и Елизаветы. Императрица Елизавета Петровна рѣшила пожертвовать этотъ иконостасъ для будущаго собора. Вотъ тогда было поручено графу Растрелли составить проектъ собора соотвѣтственно размѣрамъ и величинѣ иконостаса. Постройка собора была начата въ 1750 г.; законченъ же онъ постройкою и освященъ въ 1763 г. Освященіе его совершено кievскимъ митрополитомъ Арсеніемъ (имѣются въ соборѣ съ этой датой подписанные имъ два антимиаса).

Это — великолѣпное, грандіозное зданіе, о двухъ этажахъ, почти круглой формы, увѣнчанное пятью главами. Съ западной, сѣверной и южной сторонъ къ нему примыкаютъ изящные, большой высоты, съ двумя боковыми лѣстницами, портики-крыльца, увѣнчанные конусообразными крышами, изъ которыхъ каждая покоится на восьми колоннахъ. Подъ каждымъ портикомъ устроены входы и лѣст-

ницы внизъ, ведущія въ нижній этажъ собора. По наружнымъ стѣнамъ собора густо разбросаны причудливой формы лѣпныя украшенія, то въ видѣ листьевъ и гирляндъ изъ цвѣтовъ, то фигуръ изъ прямыхъ линій самыхъ разнообразныхъ рисунковъ, то въ видѣ выпуклыхъ звѣздъ.

Колокольня по внѣшнему виду еще красивѣе и изящнѣе; всѣ выступы ея въ верхнихъ трехъ ярусахъ заполнены колоннами. Высота ея со шпилемъ достигаетъ 30 саж. Первоначальный видъ колокольни былъ много изящнѣе, такъ какъ теперешній куполь со шпилемъ есть надстройка позднѣйшаго времени послѣ бывшаго пожара, уничтожившаго всю чудную первоначальную ея верхнюю часть.

Въ нижнемъ этажѣ собора находится церковь во имя св. Адриана и Наталіи и затѣмъ четыре боковыхъ камеры. Въ одной изъ камеръ, съ сѣверной стороны, находится гробница надъ прахомъ матери А. Г. Разумовскаго, графини Наталіи Даміановны Разумовской, умершей въ 1762 г., сентября 12 дня. Слишкомъ непривѣтливой представляется для посѣтителя эта церковь: низкіе потолки-своды, при маломъ свѣтѣ, сырость, сгнившіе полы, пустота—производятъ тяжелое впечатлѣніе.

Совершенно иная картина представляется взору посѣтителя, когда онъ взойдетъ чрезъ западный притворъ въ верхнюю трехъ-престольную церковь. Масса свѣта волнами врывается чрезъ многочисленныя окна, въ три свѣта. Прекрасная лѣпная работа по карнизамъ, на сводахъ, по стѣнамъ и колоннамъ,—то въ видѣ роскошныхъ гирляндъ изъ листьевъ и цвѣтовъ, то причудливыхъ прямоугольныхъ фигуръ, круговъ и т. п. Во всѣхъ пересѣченіяхъ орнаментовъ посажены великолѣпныя алебастровыя головки. Затѣмъ взоръ наблюдателя устремляется на величественный иконостасъ, пересѣкающій все большое пространство собора отъ сѣверной стѣны до южной и упирающійся своимъ послѣднимъ четвертымъ ярусомъ въ верхній центральный куполь собора. Иконостасъ увѣнчанъ прекраснымъ скульптурнымъ изображеніемъ изъ дерева Бога-Саваоа, окруженнаго сонмомъ ангеловъ, въ сплошной позолотѣ. Весь иконостасъ окрашенъ въ темно-синюю краску съ бѣлыми и золотыми прожилками, такъ что сразу кажется, что вся эта громада сдѣлана изъ мрамора. Вся живопись въ иконостасѣ сдѣлана замѣчательно художественно, и почти каждая икона приковываетъ взглядъ обозрѣвателя. Каждая изъ иконъ окаймлена чудною рѣзною и скульптурною деревянною рамою. Надъ верхней и нижней частями каждой рамы и во многихъ другихъ частяхъ иконостаса посажены деревянные головки ангеловъ. Большое множество колоннъ, съ чудными капителями, поражаютъ своею многотрудною художественною работою и изяществомъ. Но особенно приковываютъ вниманіе каждаго посѣтителя главныя Царскія врата, вычеканенныя изъ мѣди и серебра, своею великолѣпною работою и чуднымъ рисункомъ. Надъ Царскими вратами находится, какъ бы висящею въ воздухѣ, икона Бога-Саваоа въ кругломъ, серебряномъ вызолоченомъ сіяніи.

Но въ этомъ краткомъ очеркѣ нѣтъ возможности описать всѣ детали иконостаса и другія принадлежности храма, какъ-то: сѣнь надъ престоломъ, жертвенники, запрестольный образъ, кафедра для проповѣдника и др., хотя все это во всѣхъ своихъ замѣчательныхъ гармонирующихъ въ общемъ чертахъ заслуживаетъ большаго вниманія.

Но, увы, этотъ величественный храмъ, — памятникъ знаменитаго зодчества, вмѣщающій въ себѣ очень цѣнный художественный иконостасъ, не будучи ремонтированъ отъ времени своего основанія, въ настоящее время принялъ печальный видъ. Безпощадное время и атмосферическое вліяніе наложили на него свою разрушающую руку. Штукатурка наружныхъ стѣнъ во многихъ мѣстахъ совершенно уничтожена и на обнаженныхъ мѣстахъ отопрѣвшій кирпичъ высыпался, крыша

обветшала и деревянные подъ нею части во многих мѣстахъ подгнили. Иконо-стасъ также подвергся большому поврежденію: нѣкоторыя иконы дали трещины, рѣзба мѣстами осыпалась, позолота наполовину сошла и вся чудная живопись въ иконостасѣ сильно поблекла и потемнѣла. Кромѣ этого, и во многихъ частяхъ храма требуется немедленный капитальный ремонтъ.

По смѣтѣ, составленной при участіи Московскаго Археологическаго Общества, для ремонта собора требуется до 53 тысячъ руб.; средствъ же для этого никакихъ нѣтъ и прихожане крайне бѣдны.

Храмоздатели, устроивши такое грандіозное дорогое зданіе съ весьма рѣдкими произведеніями искусства, не позаботились о его будущей судьбѣ и не оставили никакихъ средствъ на поддержаніе его ремонтъ. Безъ государственной или другой какой-либо посторонней помощи не можетъ сохраниться этотъ величественный храмъ.

Имѣя честь быть участникомъ XIV Археологическаго Съѣзда въ г. Черниговѣ, покорнѣйше прошу Императорское Московское Археологическое Общество и просвѣщенное собраніе Съѣзда, обративъ свое благосклонное вниманіе на такое чудное произведеніе искусства—соборный храмъ въ гор. Козельцѣ, взять его подъ свое покровительство, чтобы не дать погибнуть такому знаменитому памятнику, какъ много погибло рѣдкихъ памятниковъ у насъ на Руси».

11 августа. 10 часовъ утра.

Отд. IX.—Археографія и архивовѣдѣніе.

Почетный предсѣдатель—проф. М. Н. Бережковъ.

Предсѣдатель—Л. М. Савеловъ.

Секретари: П. А. Незнамовъ, И. П. Козловскій и А. И. Маркевичъ.

Почетный предсѣдатель, объявивъ засѣданіе открытымъ, посвятилъ памяти М. Е. Маркова слѣдующія слова: «Михаилъ Егоровичъ Марковъ (1760—1819) великорусскъ по рожденію, въ молодости служившій на Кавказѣ въ военной службѣ, во вторую половину жизни служилъ въ Черниговскомъ краѣ, въ разныхъ пала-тахъ намѣстническаго управленія, а потомъ директоромъ училищъ и гимназій Черниговской, имъ открытой въ 1805 году.

Для здѣшняго края онъ памятенъ и литературной дѣятельностью. Онъ очень любилъ малороссійскую исторію, много занимался изученіемъ ея, въ частности изученіемъ черниговской старины. Вмѣстѣ съ Шафонскимъ онъ всегда будетъ памятенъ въ мѣстной черниговской исторіографіи. Нынѣ день его кончины (11 августа 1819 г.). Помянемъ же его полезную честную дѣятельность, служебную и литературную.»

1. В. Е. Рудиковъ представилъ IX отдѣленію заявленіе о необходимости просить Архивныя Комиссіи и Археологическія Общества о составленіи ими библиографическихъ указателей Трудовъ, ими издаваемыхъ. Отдѣленіе, присоединяясь вполне къ означенному пожеланію, постановила передать заявленіе въ Ученый Комитетъ XIV Археологическаго Съѣзда.

2. Д. Я. Самохвасовъ: «Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи». Задачей докладчика было указать на главнѣйшіе виды документовъ, хранимыхъ въ Архивѣ Министерства Юстиціи въ Москвѣ и ихъ значеніе для науки. Перечисливъ все виды существовавшихъ высшихъ центральныхъ и мѣстныхъ учреждений, документы которыхъ сохранились, докладчикъ указалъ

на тѣ архивы, изъ которыхъ выросъ Архивъ Министерства Юстиціи, заключающій въ себѣ въ настоящее время болѣе 200 милліоновъ дѣлъ и актовъ. По словамъ докладчика, Архивъ представляетъ собою «богатый источникъ знанія государствен-ныхъ и общественныхъ отношеній Древней Руси». Архивъ продолжаетъ пополняться и до настоящаго времени, такъ какъ различныя учрежденія обращаются съ просьбой принять на храненіе ихъ архивы (Нижегородская казенная палата, въ архивѣ которой оказались всѣ ревизіи съ Петра до позднѣйшаго времени и др.). Какъ на наиболѣе цѣнные документы архива, докладчикъ указалъ на доку-менты царствованія Іоанна Антоновича, на цѣлый рядъ роскошно орнаментиро-ванныхъ грамотъ — цѣнный матеріалъ для исторіи орнаментики, — на знаменитую древнюю грамоту Олега Рязанскаго, на древнѣйшія писцовыя Новгородскія и Псковскія книги. Попутно докладчикъ далъ обстоятельную характеристику раз-личнаго вида документовъ (грамоты, свитки-столбцы, книги).

Предсѣдатель *Л. М. Савеловъ* обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой обрисовалъ важное для науки значеніе фамиліальныхъ архивовъ, небрежное отно-шеніе къ нимъ громаднаго большинства ихъ владѣльцевъ и необходимость добиться отъ нихъ болѣе вниманія къ остаткамъ рукописной старины и указалъ на готов-ность Академіи Наукъ дать мѣсто для ихъ храненія и на мѣры, принятія Импе-раторскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, для спасенія архивныхъ и книжныхъ собраній въ тѣхъ усадьбахъ, которыя переходятъ въ руки крестьянъ и, за рѣдкимъ исключеніемъ, уничтожаются.

А. С. Раевскій указалъ, какъ на причину малой сохранности семейныхъ ар-хивовъ, на отсутствіе закона о маіоратѣ. Затѣмъ *А. С. Раевскій* и *Д. П. Мил-леръ*, сомнѣваясь въ существованіи семейныхъ архивовъ XVII вѣка, просили до-кладчика указать на примѣры таковыхъ.

С. Н. Введенскій, полагая, что нуженъ практическій шагъ для осуществленія дѣла охраны семейныхъ архивовъ, просилъ докладчика указать учрежденія, кото-рыя могли бы взять на себя заботы объ этомъ.

Отвѣчая на предложенные вопросы, докладчикъ указалъ на архивы Кашки-ныхъ, Косторныхъ, Бибиковыхъ, Засѣцкихъ и др., а какъ на учрежденіе, могущее оказать содѣйствіе дѣлу охраны архивовъ, на Императорскую Академію Наукъ, Археографическую Комиссію Императорскаго Московскаго Археологическаго Обще-ства и на Историко-Родословное Общество въ Москвѣ.

П. Я. Дорошенко указалъ на существованіе семейныхъ архивовъ малорус-скаго дворянства въ XVII и XVIII вѣкахъ, на ихъ содержаніе и собранія, въ которыхъ они изданы (*А. М. Марковича*, *А. М. Лазаревскаго*), и привелъ цѣлый рядъ примѣровъ небрежнаго отношенія къ таковымъ архивамъ (имъ лично былъ спасенъ отъ гибели томъ бумагъ рода Забѣлло, гдѣ оказалось, между прочимъ, письмо святителя *Θеодосія Углицкаго*). Въ заключеніе онъ доказалъ, что необхо-димо неустанно повторять о томъ, чтобы такого рода бумаги по мѣрѣ возможности передавались въ ученія учрежденія и хранилища.

З. Ю. И. Тиховскій: «Новыя данныя о западно-русскихъ пере-водахъ священнаго писанія XVI вѣка». Въ видѣ примѣра приводитъ:

а) Евангеліе 1-й половины XVI в. (С.-Петербур. Пуб. Библіотека).

1) Текстъ въ основѣ церковно-славянскій, но отдѣльныя мѣста по-малорусски.

2) Уровень образованія лица, передѣлывавшаго текстъ (а можетъ быть позд-нѣйшаго переписчика) — неважный («крайнее» вм. «краніево», «рекучи такъ» вм. «рака»).

б) Пересопницкое Евангеліе 1556—61 гг. и Евангеліе 1571 г.

- 1) Начато въ Дворецкомъ монастырѣ (около Заславля).
- 2) Переводится и переписывается вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ живетъ Настасья (Парасковія) кн. Жеславская. Живетъ княгиня въ Заславлѣ, — переводчикъ трудится въ Дворецкомъ монастырѣ; переселяется княгиня въ Клевань къ дочери Евдокіи (Ганнѣ) Черторыйской, — переводчикъ переселяется въ Пересопницкій монастырь (около Клевана).
- 3) Перебѣлка 1571 г. связана съ той же княжеской семьей. Въ концѣ рукописи грубо нарисованный гербъ Екатерины Загоровской, дочери Евдокіи (Ганны) Черторыйской и внучки Настасьи (Парасковіи) Жеславской.

в) Евангеліе В. Тяпинскаго, около 1575 г.

- 1) Такъ называемое предисловіе къ нему — въ дѣйствительности предисловіе къ Катехизису для дѣтей, составленному тѣмъ же Тяпинскимъ.
- 2) Тяпинскій по первой женѣ (Еленѣ Сокольской) имѣлъ владѣнія и на Воляни, и въ 70-хъ годахъ проживалъ здѣсь. Въ Луцкѣ у Тяпинскихъ былъ собственный домъ.

г) Новый Завѣтъ В. Некгалевскаго 1571 г.

- 1) Представляетъ изъ себя переводъ польскаго соцініанскаго перевода Чеховича 1577 г.
 - 2) Даже предисловіе Некгалевскаго — не что иное, какъ сокращеніе предисловія Чеховича, съ рѣдкими и незначительными прибавками.
 - 3) Всѣ предназначенія, дѣлавшіяся на основаніи предисловія, объ образованности Некгалевскаго, его ученыхъ помощникахъ и т. д. — приходится отбросить.
- Въ заключеніе засѣданія предсѣдатель Отдѣленіе *Л. М. Савеловъ* посвятилъ нѣсколько сочувственныхъ словъ памяти А. И. Милютина, дѣятельнаго члена Воронежской Ученой Архивной Комиссіи и Предварительнаго Комитета по устройству XIV Археологическаго Съѣзда въ Черниговѣ.

11 августа. 11 часовъ утра.

Общее засѣданіе.

Предсѣдатель — графиня П. С. Уварова.

Секретарь — П. М. Добровольскій.

1. *Проф. Д. В. Айналовъ*: «Библія Рафаэля въ Ватиканѣ».

Референтъ пытается внести нѣкоторый свѣтъ въ темный вопросъ о художественной традиціи, лежащей въ основѣ библейскихъ композицій, украшающихъ ложи Рафаэля въ Ватиканѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ композицій (жизнь Іакова и Пораженіе 5 Аморейскихъ царей) онъ возводитъ къ мозаическимъ композиціямъ церкви св. Маріи Великой въ Римѣ, откуда для ложей заимствованы были нѣкоторые орнаменты художникомъ Джіованни Удине, какъ это доказалъ академикъ Мюнцъ. Референтъ представилъ сравнительные рисунки композицій ложей и мозаики и привелъ доказательства того, что ученики Рафаэля не ограничились заимствованиями однихъ орнаментовъ, но и вольно скопировали рядъ композицій.

Труды XIV Арх. Съѣзда, т. III.

2. *Я. И. Смирновъ*: «Рисунки развалинъ Каневской церкви въ 1787 году» (доложилъ П. М. Добровольскій).

Докладчикъ предъявилъ четыре снимка: а) съ рисунка карандашемъ, наиболее точнаго въ деталяхъ, б) снимокъ съ акварели, представляющей Каневскую церковь съ сѣверо-западнаго угла, в) съ другой акварели, представляющей развалины церкви съ востока, и, наконецъ, г) снимокъ церкви въ реставрированномъ видѣ; сообщилъ и историческія свѣдѣнія о церкви. Соборная Каневская Успенская церковь отождествляется обыкновенно съ церковью св. Георгія, построенной въ 1144 г. великимъ княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ. Въ XVI вѣкѣ при церкви оказывается монастырь; въ 1582 г. въ него ссылаютъ казакаго гетмана Шаха; тамъ же хоронятъ другого казака Подковы, казненнаго въ 1582 г. во Львовѣ. Разореніе церкви по однимъ свѣдѣніямъ относится къ 1630 году, а по другимъ — къ 1678 году. Но развалины, оставшіяся, очевидно, прочтѣйшимъ зданіемъ въ Каневѣ, послужили въ 1764 году кратковременнымъ убѣжищемъ польскому гарнизону во время «коліивщины». Въ 1787 г. въ Каневѣ девять недѣль, съ марта по май, жилъ король Станиславъ-Августъ, прибывшій туда ради свиданія съ императрицей Екатериной II на пути ея въ Крымъ. Къ этому времени и относятся вышеозначенные рисунки. По догадкамъ докладчика, они могли быть исполнены архитекторомъ Кубицкимъ, строившемъ помѣщенія для короля и его свиты. Считаю рисунки не вполне удовлетворительными, докладчикъ все же полагаетъ, что они даютъ о первоначальномъ видѣ ея болѣе, чѣмъ внѣшній видъ самой церкви теперь (реставрирована она въ 1810 году). Теперь проектируется опять реставрація, и докладчикъ высказываетъ опасенія на счетъ ея производства.

3. *В. А. Городцовъ*: «Исслѣдованіе развалинъ г. Маджаръ на Сѣверномъ Кавказѣ» (Тр., т. III; стр. 162).

4. *Я. И. Смирновъ*: «Объ одномъ польскомъ сборникѣ портретовъ XVII вѣка». (Доложенъ Д. В. Айналовымъ).

Въ томъ же собраніи Станислава-Августа нашлись портреты лицъ, связанныхъ съ исторіей Украины и западной Руси. Двухтомное собраніе подъ заглавіемъ: «*Polonogum icones*» заключаетъ рядъ гравированныхъ и рисованныхъ портретовъ Юсафата Кунцевича, Всеволода Владиміровича, Вѣржинека, султана Мамыра, султана Селима, полiglота Мармадзюка, Какарота, разныхъ господарей, знаменитыхъ казаковъ и т. д.

Референтъ особенно обращаетъ вниманіе на портреты Всеволода Владиміровича и предка москѣвскихъ Шуйскихъ. Надписи внизу называютъ ихъ по именамъ и указываютъ мѣстонахожденіе оригиналовъ, съ которыхъ сдѣланы копія. Портретъ Всеволода Владиміровича Я. И. Смирновымъ оцѣнивается какъ несовсѣмъ достовѣрный; портрету предка Шуйскихъ онъ вѣритъ болѣе.

12 августа. 1 часъ дня.

Закрытіе Съѣзда.

Предсѣдатель — гр. П. С. Уварова.

Секретари: В. К. Трутовскій и В. Н. Рогожинъ.

12 августа, въ 1 ч. дня, въ большой залѣ Дворянскаго Дома состоялось заключительное засѣданіе XIV Археологическаго Съѣзда въ присутствіи г. Черниговскаго губернатора Н. М. Родіонова, преосвященнаго Нестора, епископа Новгородскаго, городского головы А. В. Верзилова, представителей города, граж-

данскихъ, духовныхъ и военныхъ властей, членовъ Съезда и многочисленной публики.

1. Проф. Д. Я. Самохвасовъ представилъ «Отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ во время Съезда».

Разсказавъ вкратцѣ важность для науки изслѣдованія именно этихъ кургановъ, референтъ перешелъ къ подробному изложенію результатовъ раскопокъ, произведенныхъ во время самаго Съезда. Главная цѣль этихъ раскопокъ заключалась въ ознакомленіи гг. членовъ Съезда и любителей съ приемами раскопокъ и способами ихъ производства. Раскопки были сдѣланы три раза — вскорѣ послѣ открытія Съезда и 10 и 11 августа — на Старомъ кладбищѣ, у Троицкаго монастыря, и на Болдиной горѣ подъ Березками. Наиболѣе интересными оказались вторыя. Хотя обѣ разрытыя, большія, великокняжескія могилы, оказались разграбленными раньше и попадались только разбросанныя кости, да въ одной были найдены кости и удила трапезной лошади, тѣмъ не менѣе раскопка этихъ могилъ наглядно показала, какъ выясняется въ курганной насыпи мѣсто погребенія и чѣмъ оно характеризуется. Маленькія могилы дали очень важные результаты: вездѣ были найдены костяки, а въ одной, кромѣ того, серебряныя кольца, изъ которыхъ одно рѣдчайшей формы, перламутровая привѣска, доселѣ не встрѣчавшаяся. Затѣмъ референтъ сказалъ нѣсколько словъ о своихъ раскопкахъ въ Аккерманскомъ уѣздѣ и раскопкахъ В. А. Апухтина близъ Пятигорска. Докладъ сопровождался демонстраціей предметовъ, найденныхъ во всѣхъ этихъ раскопкахъ. Найденная же при раскопкахъ золотая англосаксонская монета Этельреда XI вѣка, дала возможность датировать погребеніе.

2. *Ө. Ө. Горностаевъ* сдѣлалъ сообщеніе объ «Иконостасѣ Боровиковскаго въ с. Романовкѣ» (Тр., т. II).

3. Предсѣдатель Съезда *графиня П. С. Уварова* въ слѣдующихъ словахъ резюмировала дѣятельность Съезда:

«Въ виду неожиданнаго и преждевременнаго отъѣзда Предсѣдателя Ученаго Комитета, Эрнеста Ром. фонъ Штерна, мнѣ, какъ Предсѣдателю Съезда, приходится дать вамъ отчетъ о всемъ томъ, что сдѣлано XIV Археологическимъ Съездомъ, о его работахъ и занятіяхъ, о выраженныхъ Совѣтомъ Съезда пожеланіяхъ и о тѣхъ ходатайствахъ, которыя вытекаютъ изъ этихъ пожеланій, и которыя, по закрытіи Съезда, выпадутъ на долю Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Депутаты, прибывшіе на XIV Археол. Съездъ, командированы отъ 68 высшихъ Ученыхъ Учрежденій, Университетовъ и Обществъ (въ Харьковѣ было отъ 90, въ Екатеринославѣ отъ 49), отъ 7 городовъ и Земскихъ Управленій, отъ 9 средне-учебныхъ заведеній и отъ 3-хъ полковъ — Острожскаго, Черниговскаго и 184 Варш. пѣхотнаго полка. Списокъ Ученыхъ Учрежденій могъ быть значительнѣе, если бы наши Университеты потрудились, по примѣру прежнихъ лѣтъ (до автономіи), прислать на Съездъ своихъ представителей, но на этотъ разъ депутаты присланы только отъ Московскаго, Харьковскаго и Кіевскаго Университетовъ.

Прибыли также на Съездъ проф. Маріанъ Соколовскій изъ Кракова и проф. Пичъ изъ Праги, — одни изъ серьезнѣйшихъ представителей славянской науки, хорошо знакомыхъ и съ русскими древностями.

Отличительная черта Черниговскаго Съезда по вопросу о депутатахъ та, что на немъ появляются представители уѣздныхъ городовъ и земствъ, сдѣлавшихъ денежные взносы Предварительному Комитету, мѣстныхъ средне-учебныхъ заведеній и трехъ полковъ. Подобное нововведеніе, понижая научный цензъ, съ которымъ имѣли дѣло на прежнихъ Съездахъ, послужить, съ другой стороны, къ популяризаціи науки (о чемъ такъ хлопочутъ за послѣднее время) и можетъ принести пользу къ ознакомленію

публики съ учеными цѣлями, преслѣдуемыми Съѣздомъ, и, на этомъ основаніи, можетъ быть, къ большому вниманію къ сохраненію нашихъ древнихъ памятниковъ.

Всѣхъ командированныхъ депутатовъ явилось 125; всѣхъ же членовъ Съѣзда вмѣстѣ съ депутатами состояло 281 человекъ.

XIV Археол. Съѣздъ открылъ, какъ вамъ извѣстно, дѣятельность свою 1-го августа и работалъ, слѣдовательно, 12 дней. На первомъ Совѣтѣ Съѣзда онъ раздѣлился по указанію правилъ, на 9 Отдѣленій: 1—Древности первобытныя, 2—Древности историко-географическія и этнографическія, 3—Памятники искусствъ и художествъ, 4—Древности юридическія, 5—Древности церковныя, 6—Памятники языка и письма, 7—Древности классическія, византійскія и пр., 8—Древности славянскія и 9—Археографія и архивовѣденіе, но въ виду того, что матеріала въ Отдѣленіи Древностей славянскихъ не представлено, это Отдѣленіе закрылось. За то всѣ остальные Отдѣленія и въ особенности 1—Древности первобытныя и 3—Памятники искусствъ и художествъ оказались настолько богаты рефератами, что все время приходилось имѣть дѣло съ параллельными засѣданіями, а нѣкоторыя Отдѣленія имѣли по два засѣданія въ день.

Всѣхъ засѣданій Съѣзда состоялось 28, не считая въ томъ числѣ два засѣданія Совѣта Съѣзда, 4—Ученого Комитета и засѣданія Комиссіи по выработкѣ руководства по раскопкамъ. По Отдѣленіямъ засѣданія дѣлятся слѣдующимъ образомъ: по общимъ вопросамъ 5; I Отд. Первобытныя древности имѣло 5 засѣданій; II—Древности историко-географ. и этнографическія—5 засѣданій; III—Памятники искусствъ и художествъ—6; IV—Древности юридическія—2; V—Древности церковныя—2; VI—Памятники языка и письма—1; VII—Древности классическія и византійскія—1; и IX—Архивовѣденіе и археографія—1. Въ засѣданіяхъ этихъ доложено рефератовъ: общаго характ.—2; по первобытнымъ древностямъ—19; по исторіи, географіи и этнографіи—12; по памятникамъ искусствъ—24; по древностямъ юридическимъ и бытовымъ—7; по церковнымъ древностямъ—10; по памятникамъ языка и письма—4; по древностямъ классическимъ—4; по археографіи и архивовѣденію—3; т.-е. всего 85 рефератовъ. Остались не доложенными: за неприбытіемъ автора огромный трудъ *Савенкова*—«О доисторическихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисей»; *Бьяшевскаго*—«О древней ц. Зарубскаго монастыря и раскопки въ Лиховицкомъ у. съ остаткомъ до-микенской культуры»; *Л. Г. Лопатинскаго*—«Находка мастерской бронз. вѣка на Кавказѣ, въ области р. Куры близъ Ахалкалаки» (за неполученіемъ необходимаго матеріала, для доклада); за недостаткомъ въ ремени *М. Н. Березкова*—«М. Е. Марковъ и его записки, сохраняемыя въ Румянцевск. музеѣ»; *Н. В. Султанова*—о домѣ Мазепы въ Черниговѣ; *Анухтина*—«Раскопка на Кавказѣ и раскопки Турчанинова близъ Сѣвска»; *Абрамова*—«Раскопки въ Глуховскомъ у.»; *Хребтова*—«Раскопки въ Межигорскѣ».

Кромѣ того, за послѣдніе дни Съѣзда получены изъ Кіева отъ Веніам. Алек. Кордта 21 отпечатокъ съ древнихъ картъ юго-западной Россіи, изданіемъ которыхъ занять этотъ неутомимый труженикъ съ самаго Кіевского Съѣзда. Карты эти, которыя выставлены здѣсь для ознакомленія съ ними нашихъ слушателей, пока не сброшюрованы, не пояснены текстомъ, но издатель спѣшилъ представить ихъ Съѣзду въ доказательство того, что работа его продолжается такъ же удачно, какъ была начата.

Такимъ образомъ, видно, что главная масса матеріала сгруппировалась вокругъ Памятниковъ искусствъ и Первобытныхъ Древностей; по первымъ, въ число которыхъ входятъ и Церковныя Древности, представлено 38 рефератовъ, изъ которыхъ не доложено 4; по вторымъ представлено 23 реферата, изъ которыхъ не доложено 4.

Разсматривая доложенные рефераты, приходимъ къ убѣжденію, что почти всѣ

они посвящены древностямъ края, или, такъ или иначе, касаются вопросовъ Черниговщины и сопредѣльныхъ къ ней губерній и что даже тѣ, которые, какъ, напр., «Хазарское городище на р. Воронежѣ» — *Мартиновича*, «Обслѣдованіе устьевъ р. Дона» — *А. А. Миллера*, «О Маяцкомъ городищѣ» и «Камень-Буилъ на Дону» — *о. Звѣрева*, «Развалины древняго гор. Мажаръ» — *Городцова*, «Раскопки на Березани» — *Э. Р. Штерна*, и «Раскопки въ Ольвинѣ» — *Б. В. Фармаковского*, казалось бы, не принадлежать къ Черниговщинѣ, все-таки трактуютъ о нашей южной окраинѣ, о нашихъ нѣкогда ковыльныхъ степяхъ, занятыхъ и частью заселенныхъ, то выходцами изъ классической Греціи, то кочевниками, въ могилахъ которыхъ мы до сихъ поръ не совсѣмъ еще разобрались.

Тотъ же характеръ имѣютъ и рефераты, подобные: «Семья Фроловыхъ на Дону» — *Л. М. Савелова*; «Вѣроисповѣдное положеніе армянъ въ Россіи» — *проф. Лебедева*; «Памятники Румынскаго искусства въ Россіи» — *Н. И. Петрова*; «Религіозныя сооруженія въ Галиціи» — *О. К. Волкова*; «Маріупольскія восковыя иконы» — *Д. В. Айналова*; «Икона свят. Николая Новосильскаго» — *Н. И. Троицкаго*; «Къ исторіи русскаго духовнаго стиха о Варлаамѣ и Иоасафѣ» — *Кадлубовскаго*; «Славянскій палеографическій матеріалъ на Аѳонѣ» — *П. А. Лаврова*; «Документы Моск. Архива Юстиціи» — *Самоквасова*, — все они, такъ или иначе, трактуя о бытѣ, объ искусствѣ и литературныхъ памятникахъ, тѣсно связываютъ свои изслѣдованія съ исторіей и искусствомъ Малороссіи.

Даже такой рефератъ, какъ сообщеніе *И. Я. Стеллецкаго* — о «Скифахъ въ Палестинѣ», вызванъ, вѣроятно, ничѣмъ другимъ, какъ возможностью связать громителей Святой земли съ племенами, населявшими въ былое время южную Русь и смѣшавшихся впоследствии съ ея кореннымъ населеніемъ.

Рефератъ *Карла Вас. Болсуновскаго* — «Культь предковъ по памятникамъ эпохи неолита», съ которымъ Сѣздъ, къ великому сожалѣнію, изъ-за недостатка времени, могъ познакомиться только въ весьма отрывочныхъ и краткихъ выдержкахъ, судя по изданнымъ прежнимъ трудамъ многоуважаемаго автора, долженъ былъ развернуть предъ нами новую, еще не изслѣдованную страницу изъ исторіи первобытной культуры древнѣйшихъ насельниковъ нашего южнаго края.

Ко всѣмъ этимъ рефератамъ нельзя не прибавить и тѣ два сообщенія, которыя заняли наше первое публичное засѣданіе 2 августа, посвященное поминкамъ *Вл. Бон. Антоновича* — *Линниченко* и *Е. К. Рѣдину* — *Айналовымъ*. Много потрудился надъ исторіей, искусствомъ и археологіей милой ему Украины *Вл. Бон. Антоновичъ*; также усердно порадылъ ей сравнительно молодой нашъ ученый *Егоръ Кузьмичъ Рѣдинъ* — да будетъ же ихъ память всегда жива въ Малороссіи, да найдутъ они себѣ подражателей и, какъ говорить народъ, «да легка будетъ имъ земля».

Даже во время Сѣзда пріѣзжіе ученые продолжали свои занятія по обслѣдованію Чернигова. Такъ, напр., *Ник. Вл. Султановъ* посвятилъ свободное время отъ засѣданій для обмѣровъ: дома Мазепы, дома г. Савицкаго въ Бѣлоусѣ, каменной кладовой въ домѣ г. Константиновича на Гончей и разныхъ памятниковъ въ м. Любечѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ членами Сѣзда *Султановымъ*, *Горностаевымъ*, *Павлуцкимъ*, *Айналовымъ* и гр. *Уваровой*, при личномъ любезномъ участіи преосвящ. *Нестора*, изучены остатки фресокъ въ древнемъ Елецкомъ храмѣ и составлено постановленіе обратиться къ Святейшему Синоду объ оказаніи помощи монастырю для ихъ возстановленія.

Всего только 7 рефератовъ приходится выдѣлить въ отдѣльную группу, не посвященную специально древностямъ Малороссіи: «Триединство Божества въ па-

мятниковъ всеобщей исторіи искусствъ» — *Н. И. Троицкаго*; «Типичныя черты городищъ въ предѣлахъ Чехіи» — *Пича*; «По поводу производства раскопокъ и сохраненія добываемыхъ древностей» — *А. В. Селиванова*; «Семейные архивы» — *Л. М. Савелова*; «О составѣ представительства на Земскихъ Соборахъ» — *Аваліани*; «Къ вопросу о феодализмѣ въ Россіи» — *Бороздина*, и «Библия Рафаэля въ Ватиканѣ» — *Д. В. Айналова*. Но и эти рефераты не могли не заинтересовать нашихъ слушателей, на томъ основаніи, что всѣ касались вопросовъ, весьма близкихъ нашему существу, и тѣхъ интересовъ, которые открываетъ намъ жизнь: съ Тріединствомъ Божества знакомятъ насъ съ колыбели; типичныя черты городищъ въ предѣлахъ Чехіи — не могутъ не интересоватъ насъ, во-первыхъ, потому, что городища Чехіи весьма близки съ нашими памятниками того же рода, а, во вторыхъ, потому, что знакомилъ насъ съ ними одинъ изъ серьезнѣйшихъ представителей славянской науки; докладъ *А. В. Селиванова* — о производствѣ раскопокъ является отвѣтомъ на пожеланія, высказанныя Предварительнымъ Комитетомъ, и вызвалъ составленіе Комиссіи для окончательной его обработки; рефераты *Аваліани* о Земскихъ Соборахъ и *Бороздина* — о феодализмѣ въ Россіи — такіе боевые и, если можно такъ выразиться, такіе современные вопросы, что они не могли не увлечь молодыхъ ученыхъ и не заинтересовать публику. Что же касается до послѣдняго изъ 7 рефератовъ — «Библия Рафаэля въ Ватиканѣ» — *Д. В. Айналова*, то тема этого реферата принадлежитъ къ вѣчно юнымъ, вѣчно близкимъ сердцу всѣхъ тѣхъ, которые хоть немного въ состояніи оторваться отъ обыденной жизни и заинтересоваться прекраснымъ.

Но что же сказать объ рефератахъ, которые въ числѣ 56 всецѣло посвящены Чернигову и ему сопредѣльныхъ мѣстностей?

Во-первыхъ, среди нихъ поражаетъ необыкновенное количество сообщеній по архитектурѣ и искусству, къ чему насъ не приучили прежніе Съезды, и, во-вторыхъ, сильный перевѣсъ рефератовъ по этимъ вопросамъ надъ сообщеніями по Первобытнымъ Древностямъ, чего въ былое время также не замѣчалось. Объясняются эти два обстоятельства, мнѣ думается, тѣмъ, что въ Черниговѣ представлялось возможнымъ не только изучить одни изъ древнѣйшихъ храмовъ Россіи, но и прослѣдить тѣ причины, которыя повліяли на послѣдовательное измѣненіе древне-византійскихъ формъ, придаваемыхъ нашимъ храмамъ издревле, причинъ, измѣнившихъ эти древнія формы настолько, что ихъ византійское происхожденіе могло быть даже заподозрѣно и вызвало значительныя несогласія. Храмамъ Черниговщины посвящены 5 рефератовъ *Θ. Θ. Горностаева*, который, между прочимъ будь сказано, посвятилъ ихъ изученію, зарисовкѣ, обмѣрамъ и выработкѣ плановъ болѣе двухъ лѣтъ, три доклада *Г. Г. Павлуцкаго* и одинъ *Д. В. Айналова*. Тому же южно-русскому зодчеству посвящены сообщенія *Θ. Θ. Горностаева* о Ляличскомъ и Батуринскомъ дворцахъ и *А. И. Новицкаго* — «Черты самобытности въ Украинскомъ зодчествѣ». Тому же зодчеству посвященъ и рефератъ *Г. Г. Павлуцкаго* — «Кіевскіе храмы до-монгольскаго періода».

Много мелкихъ, но иногда весьма цѣнныхъ, дополненій вызвали эти рефераты, много споровъ и даже пререканій вызывали нѣкоторые тезисы, выставленные авторами, въ особенности *Гр. Г. Павлуцкимъ*, и потому необходимо приложить особое старанье, дабы всѣ эти рефераты были напечатаны съ возможно большимъ количествомъ таблицъ и пояснительныхъ рисунковъ, чтобы дать возможность большому числу специалистовъ ихъ оцѣнить и болѣе подробно изложить тѣ данныя по вопросамъ, которые, какъ чисто спеціальныя, недоступны и нежелательны на зазданіяхъ, имѣющихъ слишкомъ публичный характеръ.

Такимъ образомъ, Черниговскій Съездъ сослужитъ южно-русскому зодчеству

ту же службу, которую сослужилъ 1-й Московскій Съездъ Владиміро-Суздальскому зодчеству, когда графъ своимъ рефератомъ вызвалъ по тому же предмету сообщенія Даля, Казанскаго и др.

Рядомъ съ изученіемъ монументальныхъ памятниковъ зодчества, *первые* на Съездахъ поднимается и развивается вопросъ о малорусскомъ орнаментѣ, подвергая его *серьезному* изслѣдованію и критически разбираясь въ тѣхъ восточныхъ вліяніяхъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло въ своемъ развитіи. Рефератъ этотъ, подъ названіемъ «Логосъ въ малороссійскомъ орнаментѣ», принадлежитъ молодому изслѣдователю Алек. Алек. Миллеру, впервые появившемуся на Съездѣ.

Рефераты по отдѣлу Первобытныхъ Древностей состоятъ большею частью изъ отчетовъ по произведеннымъ раскопкамъ; такими отчетами являются: «Трипольская культура» — К. В. Хилинскаго; «Раскопки по верхнему теченію Оки» — И. Е. Евсеева; «Городища, курганы и майданы въ области Днѣпровскаго лѣвобережья» — В. Г. Ляскоронскаго; «Раскопки Бѣльскаго городища и изслѣдованія развалинъ г. Мажаръ» — В. А. Городцова; «Черепъ дилювіального челювѣка изъ р. Десны близъ Борокъ» — Лебединскаго и «Раскопки въ Курской губ.» — В. Е. Данилевича.

Жаркій споръ, оставившій, однако-жь, вопросъ открытымъ, вызвалъ между В. З. Завитневичемъ, В. Г. Ляскоронскимъ и В. А. Городцовымъ неразрѣшимый и давно волнующій насъ вопросъ, поднятый В. А. Городцовымъ, о томъ, что наши майданы не что иное, какъ «копанныя могилы», названіе, весьма часто придаваемое мѣстными крестьянами этимъ загадочнымъ сооруженіямъ.

Особый интересъ вызвало сообщеніе Геод. Кондр. Волкова — о «Палеолитической стоянкѣ близъ с. Мезина», съ огромнымъ количествомъ костей мамонта, носорога и кремневыхъ орудій. Находка эта тѣмъ интереснѣе, что она первая въ Черниговской губ. и что она, насколько можно было заключить изъ доклада, совершенно тождественна съ *первой* находкой палеолита въ Россіи, сдѣланной еще въ 70-хъ годахъ гр. Уваровымъ въ его Владимірскомъ имѣніи въ с. Карачаровѣ и подробно описанной въ его трудѣ «Каменный вѣкъ въ Россіи».

Еще больший интересъ вызвалъ докладъ И. А. Линиченко о раскопкахъ Хвойко близъ Десятинной церкви въ Кіевѣ, вызвавшей постановленіе ходатайства предъ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ о приобрѣтеніи участка, на которомъ производятся раскопки, и закрѣпленія работъ на немъ за Вик. Вячесл. Хвойко.

Особой отдѣлкой и вдумчивостью въ подробностяхъ и выводахъ отличаются доклады о раскопкахъ на остр. Березани Эр. Р. фонъ-Штернъ и раскопки въ Ольвинѣ Б. В. Фармаковскаго, которые работаютъ на мѣстахъ уже два года и изучили мѣстность такъ, какъ не могутъ того сдѣлать болѣе молодые люди, выѣзжающіе, обыкновенно, на раскопки случайно и на весьма короткое время.

Хорошее впечатлѣніе оставляетъ также сообщеніе А. А. Миллера по вопросу обслѣдованія устьевъ р. Дона правдивыми подробностями и послѣдовательностью въ выводахъ.

Заканчивая отчетъ по научной дѣятельности Съезда, замѣчу его одну отличительную и всегда мнѣ симпатичную особенность: иногда, впрочемъ, въ очень рѣдкихъ случаяхъ за недостаткомъ времени или особой утомленностью лекторовъ, когда Предсѣдательствующій находилъ необходимымъ не допускать или прекращать пренія, желающіе сдѣлать дополненія выражали желаніе изложить свои мнѣнія въ отдѣльныхъ запискахъ для приложенія ихъ при печатаніи къ докладу реферата. Въ такомъ видѣ у меня имѣются заявленія Алек. Ал. Миллера, высказывающаго разныя пожеланія по поводу доклада В. А. Городцова о Мажарахъ и

Макаренко о дополненіи къ докладу Я. И. Смирнова, доложеннаго Д. В. Айналовымъ, о Польскомъ сборникѣ портретовъ XVII в.

Думается мнѣ, что подобныя заявленія молодыхъ ученыхъ должны быть съ удовольствіемъ нами привѣтствованы, и что Редакціонный Комитетъ трудовъ Черниговскаго Съѣзда долженъ будетъ отнестись къ нимъ внимательно и любовно.

Совѣтъ Съѣзда обсуждалъ предложеніе Ник. Вл. Султанова о необходимости войти снова въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ съ ходатайствомъ касательно окончательной выработки законоположенія по вопросу о сохраненіи древнихъ памятниковъ. Совѣтъ постановилъ просить Министерство Внутреннихъ Дѣлъ привлечь къ выработкѣ законоположенія представителей всѣхъ историко-археологическихъ и близкихъ къ нимъ Учрежденій и Обществъ.

Этимъ бѣглымъ обзоромъ заканчиваю отчетъ мой по вопросу объ ученой дѣятельности Съѣзда; остаются подробности касательно внѣшней его обстановки и организациіи.

Съѣздъ, какъ всѣмъ извѣстно, прожилъ и продѣйствовалъ здѣсь, въ Дворянскомъ Домѣ, любезно предоставленномъ намъ не только на время Съѣзда, но еще и за недѣлю до Съѣзда, въ полное наше распоряженіе Черниговскимъ дворянствомъ; въ немъ, въ этомъ домѣ, пріютилось Бюро Съѣзда и засѣдали и собирались всѣ наши засѣданія, Комиссіи и пр. Только разъ, когда пришлось устроить два параллельныхъ засѣданія, то Отдѣленіе Церковныхъ Древностей собиралось въ одной изъ залъ дворянскаго пансіона.

Въ этомъ пансіонѣ, прелестно оборудованномъ, съ дозволенія того же дворянства, были устроены весьма удобныя даровыя помѣщенія для пріѣзжихъ членовъ. Такія же помѣщенія были съ разрѣшенія преосвященнаго Антонія, епископа Черниговскаго, устроены въ Духовной Семинаріи, въ мужскомъ духовномъ училищѣ и, съ разрѣшенія города, въ двухъ городскихъ училищахъ. Въ этихъ помѣщеніяхъ прожили 115 членовъ.

Если бы по числу прибывшихъ членовъ появилась необходимость въ новыхъ помѣщеніяхъ, то они также любезно были предложены мужской и женской черниговскими гимназіями.

Залы же Реального Училища предоставлены были г-мъ попечителемъ Кіевскаго округа Зиловымъ подъ *Выставку Съѣзда*, которая собралась и сформировалась весьма удачно, благодаря неустаннымъ трудамъ мѣстнаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета и тѣхъ объѣздовъ по Черниговской и Полтавской губ., которые, какъ было уже доложено въ докладѣ Предварительнаго Комитета, производились въ продолженіи двухъ лѣтъ П. М. Добровольскимъ, Вл. Ген. Дроздовымъ, о. Карнинскимъ, Самбурскимъ, Миткевичемъ, Новицкимъ и г-жей Семпликевичъ.

Распространяться о Выставкѣ я не буду, ибо за время Съѣзда съ ней ознакомилась, вѣроятно, не только члены Съѣзда, но и большая часть населенія; скажу только одно, что она, вообще, очень богата и интересна по всѣмъ Отдѣленіямъ, по *Церковному же Отдѣлу*, т.-е. по его цѣльности и множеству собранныхъ предметовъ, она представляетъ гораздо больший интересъ для желающихъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что произвело и чѣмъ отличается южно-русское искусство, чѣмъ Выставка не только Екатеринославскаго Съѣзда, но и Харьковскаго.

Выставка представилась Съѣзду въ вполнѣ законченномъ видѣ, не смотря на то, что, по природной нашей русской безпечности, многія коллекціи были представлены и должны были быть зарегистрированы не только за послѣднюю недѣлю

до Съезда, но даже въ день открытія Съезда, что не мало затрудняло устроителей Выставки. Подобный порядокъ во всякомъ случаѣ неприемлемъ въ будущемъ и будетъ строго преслѣдуемъ.

Такое неправильное представленіе предметовъ на Выставку затормозило и изданіе *каталога* ея въ его полной формѣ, но посѣтители ея имѣли все-таки возможность, съ перваго же дня открытія, пользоваться, изданнымъ на средства Д. Я. Самоквасова, печатнымъ каталогомъ, безъ нѣкоторыхъ только дополнительныхъ листовъ, которые выходили постепенно за все время Съезда.

Выставка пользовалась особымъ вниманіемъ не только образованной части жителей Чернигова, но и простого народа; доказательствомъ этого служить цифра посѣтителей ея, дошедшей до 11,279.

Жаль для науки, жаль для Чернигова и тѣхъ просвѣдительныхъ цѣлей, которыя достигаются посредствомъ ознакомленія массъ съ предметами, раскрывающими предъ глазами этихъ массъ страницы нашей исторіи, вѣры, развитія искусства и быта, жаль, что эта Выставка закроется сегодня и снова развезется и раздѣлится на мелкія части, которыя снова станутъ недоступными для обозрѣнія всѣхъ, для спокойнаго и болѣе серьезнаго изученія изслѣдователей, которые не могли заняться ими, какъ бы хотѣли, во время засѣданій Съезда.

Чувство глубокаго сожалѣнія усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Черниговѣ нѣтъ настоящаго помѣщенія для Музея (такъ какъ всѣмъ извѣстно, какъ тѣсно помѣщеніе Гарновскаго Музея) и что всѣ тѣ церковные предметы, которые собраны изъ церквей въ якобы существующее мѣстное Церковное Древлехранилище, будутъ послѣ Выставки *не выставлены*, а сложены въ тѣсной комнатѣ Духовной Семинаріи, величаемой «Древлехранилищемъ», въ которомъ и треть предметовъ не размѣстится.

Остается высказать пожеланіе, что преосвященный Антоній и его достойный помощникъ, преосвященный Несторъ, найдутъ возможнымъ предоставить подъ Древлехранилище одинъ изъ принадлежащихъ епархіи домовъ въ Черниговѣ, или что городское и земское Управленія при помощи дворянства и духовенства построятъ Городской Музей, въ которомъ возможно будетъ соединить воедино всѣ предметы древности, разбросанные тамъ по разнымъ мѣстамъ. Мнѣ думается, что Съездъ, во всемъ своемъ составѣ и со всѣми здѣсь присутствующими на нашемъ засѣданіи, не откажется присоединиться къ моему пожеланію.

Перехожу теперь къ недочетамъ, которые находимъ въ работахъ Съезда или, попросту, къ тому, что было предложено и обѣщано и, по нашему русскому обыкновению, не исполнено.

1. Ив. Анд. Линниченко въ засѣданіи Предвар. Комитета (въ Москвѣ, 8-го февр. 1906 г.) обратилъ вниманіе на то, что въ области изученія Чернигов. края и всей Малороссіи остаются мало изученными три источника — *Румянцевская опись Малороссіи*, описаніе которой не окончено и за которую должны были бы взяты мѣстные люди, *Архивы Маркевича и Лукашевича*, находящіеся въ Румянцевскомъ Музеѣ, и *Документы Архивовъ Юстиціи и Иностранныхъ Дѣлъ*, которые слѣдовало бы также разобрать.

Эти пожеланія остались не только неисполненными, но, какъ видно изъ отвѣтовъ, полученныхъ отъ Правленія вышеупомянутыхъ архивовъ, даже неисполнимыми еще на много лѣтъ.

Директ. Архива Юстиціи пишетъ, что «по одному только Малороссійскому приказу хранится 360 сборниковъ дѣлъ 1666—1701 г., 127 книгъ и 233 столбца, а

на разборъ и описаніе содержанія дѣлъ одного столбца и одной книги требуется трудъ *опытнаго* архивиста отъ 2-хъ до 4-хъ недѣль. Много дѣлъ по Малороссіи имѣется также въ дѣлопроизводствѣ Сената и Коллегіи XVIII ст.».

С. О. Долговъ, бібліотекаръ Румянцевскаго Музея, пишетъ, «что въ Румянцевск. Музеѣ имѣется рукописное описаніе архива Маркевича, частью подробное, частью краткое, но для окончательной обработки этого матеріала необходимъ любитель и человѣкъ, заинтересованный вопросомъ, какимъ могъ бы быть самъ Ив. Анд. Линниченко, не разъ имъ пользовавшійся». Старшій хранитель Архива Иностр. Дѣлъ, Серг. Ал. Бѣлокуровъ, отвѣчалъ, что для исполненія пожеланій Ивана Андреевича необходимо было бы издать: а) имѣющіеся въ Архивѣ удовлетворительно составленные Н. И. Бантышъ-Каменскимъ *каталоги* (двѣ книги) малороссійскихъ дѣлъ и писемъ и польскихъ дѣлъ, грамотъ и трактатовъ; б) обзоръ матеріаловъ по исторіи Малороссіи, находящихся въ томъ же Архивѣ подъ названіемъ «Архивъ Царства Польскаго»; в) каталогъ картъ, касающихся до Малороссіи.

Импер. Моск. Археол. Общество прицѣнивалось къ тѣмъ работамъ, которыя возможно было бы по всѣмъ этимъ вопросамъ произвести для Съѣзда, при чемъ оказалось, что изданія только работъ по Архиву Иностр. Дѣлъ обошлись бы около 8500 р.,—суммы, которой не располагаетъ Общество, тѣмъ болѣе, что подобныя работы не входятъ въ кругъ его дѣятельности.

2. Дм. Ив. Богалѣй выразилъ пожеланіе, чтобы къ Съѣзду были составлены археол. карты Черниговской и Полтавской губ., равно какъ и карты лѣвобережной Малороссіи XVII и XVIII ст. на основаніи историко-географ. данныхъ. — Картъ этихъ нѣтъ, и нельзя ожидать ихъ отъ мѣстныхъ работниковъ, такъ какъ для ихъ составленія требуется литературный и архивный матеріалъ, недоступный Чернигову, и потому будемъ ожидать, что авторъ заявленія, возлагавшій на Черниговскій Съѣздъ такія надежды, обѣщавшій ему съ остальными профессорами Харьковскаго Университета свое просвѣщенное содѣйствіе и не пріѣхавшій на Съѣздъ по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, найдетъ возможнымъ лично исполнить намѣченныя имъ работы.

3. Ник. Вас. Покровскій указывалъ Предварительному Комитету на желательность обратить, наконецъ, вниманіе Съѣздовъ на изученіе и разработку памятниковъ, принадлежащихъ XIII—XVI вв. русскаго искусства, — но и на этотъ разъ памятники остались безъ изученія, частью потому, что ихъ нѣтъ въ области, охваченной изслѣдованіями XIV Археол. Съѣзда, болшею же частью потому, что у насъ, на Руси, поле дѣятельности огромное, а дѣятелей съ каждымъ годомъ все меньше и меньше.

4. И. М. Каманинъ собирался устроить для Черниговскаго Съѣзда палеографическую Выставку, но это осталось, какъ видите, въ числѣ благихъ намѣреній, которыми, обыкновенно, такъ богаты наши Предварительные Комитеты.

5. Митр. Викт. Довнаръ-Запольскій обѣщаль совмѣстно съ Влад. Бон. Антоновичемъ составить списокъ извѣстныхъ по документамъ, начиная съ XV ст., сторожевыхъ кургановъ или сторожъ, прикрывавшихъ Кіевъ, но и это обѣщаніе осталось неисполненнымъ, не смотря на частыя о томъ напоминанія со стороны Московскаго Археологическаго Общества.

Остается еще упомянуть о томъ, что сдѣлано Черниговскимъ Отдѣленіемъ Предварительнаго Комитета по столь подробной и серьезно обдуманной программѣ, составленной при губернаторѣ Хвостовѣ тогда, когда Предварительный Комитетъ находился еще только въ зачаткѣ?

Черниговское Отдѣленіе издало къ Съѣзду: томъ своихъ «Трудовъ», въ которыхъ описаны рукописныя собранія Петра Як. Дорошенко, кн. В. Д. Голицына, Кочубеевъ, Черниговской и Нѣжинской Городскихъ Думъ и представлено изслѣдованіе Черниговскихъ писанокъ и гравированныхъ мѣдныхъ досокъ, принадлежащихъ древней Черниговской Ильинской типографіи. Членъ того же Отдѣленія, Петръ Мих. Добровольскій, представилъ Съѣзду докладъ: «О пещерахъ Елецкаго монастыря», «Гдѣ находились не существующіе храмы Чернигова» и «Планъ города до распланировки его въ XIX ст.». Другимъ членомъ Комитета, А. К. Ярыгинымъ предложены пріѣзжимъ безвозмездно всѣ оставшіеся въ его распоряженіи Путеводители по Чернигову. Кромѣ того Отдѣленіе это собрало и устроило, безъ всякой посторонней помощи, всю Выставку Съѣзда, составило и издало ея описаніе и обставило Съѣздъ всѣми тѣми удобствами, которыми онъ пользовался во время своего пребыванія въ Черниговѣ.

Ко всему сказанному слѣдуетъ прибавить, что работы Черниговскаго Отдѣленія по подготовкѣ Съѣзда на много усложнились тѣмъ обстоятельствомъ, что со Съѣздомъ рѣшено было связать празднества въ память тысячелѣтія существованія Чернигова; устройство торжествъ, составленіе историческаго очерка города Чернигова, приглашенія, подготовка къ принятію и размѣщенію депутацій, приведеніе города въ порядокъ и масса мелочей мучили черниговцевъ и отвлекали ихъ отъ научныхъ работъ, которымъ они желали бы отдаться съ большею послѣдовательностью.

Но—дѣло сдѣлано, закончено удачно, и Черниговъ можетъ со спокойной совѣстью сказать, что имъ все сдѣлано для празднествъ своего тысячелѣтія, для благополучнаго успѣха Съѣзда и для оборудованія Выставки.

Но остается ли Съѣздъ или, скорѣй, его Члены довольны Черниговомъ?

Думаю, что да.—Спокойный, тихій городъ, окруженный зеленью и садами, представляется весьма удобнымъ убѣжищемъ для спокойныхъ, мирныхъ занятій и невольно къ нимъ располагаетъ, привлекая постоянно взоръ золочеными маковками церквей, звономъ колоколовъ и величественными формами древнихъ храмовъ. Окружающая природа не можетъ не вліять какъ на самихъ обитателей города, такъ и на насъ, пріѣзжихъ. Приняли насъ къ тому-же любезно, окружили вниманіемъ и удобствами, и намъ остается только низко кланяться городу Чернигову за привѣтъ и просить ихъ Преосвященства, Епископовъ Антонія и Нестора, любезнаго хозяина губерніи Николая Матвѣевича Родіонова, Черниговское Дворянство, лицъ, стоящихъ во главѣ Черниг. Отд. Предварит. Комитета, и городского голову принять выраженіе нашей глубокой благодарности и вѣрить, что мы сохранимъ о Черниговѣ и нашемъ въ немъ пребываніи самыя лучшія воспоминанія. Желая вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всей души, чтобы тотъ подъемъ духа, который чувствовался въ городѣ за время Съѣзда, тотъ интересъ, который оказывался жителями города и молодежью нашимъ сообщеніямъ и Выставкѣ, не замеръ послѣ нашего отъѣзда, а поддерживался, и былъ направленъ къ собиранію свѣдѣній, къ сохраненію и разработкѣ памятниковъ старины и завѣтовъ *русскаго прошлаго*, памятуя, что Евангеліе насъ учитъ, что «не хлѣбомъ единымъ будетъ живъ челоувѣкъ», и что мы должны направить нашу волю, наши стремленія не единственно на возможность обогащенія или добыванія безбѣдной жизни, полной однихъ только чувственныхъ удовольствій, а должны, соединяясь въ одно общее нераздѣльное тѣло Великаго Русскаго Государства, связаннаго преданіями старины и воспоминаніями о славѣ и величій нашихъ предковъ, жить культурною жизнью, выработанной прожитыми вѣками, и тѣмъ только доказать, что мы — достойные сыны нашего великаго отечества».

4. Секретарь Съезда В. Н. Рогожинъ прочелъ постановленія Съезда:

а) Ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ о приобрѣтеніи за счетъ Правительства усадьбы доктора Петровскаго въ Кіевѣ, гдѣ были найдены остатки старины великокняжеской эпохи величайшей важности.

б) Въ случаѣ удовлетворенія этого ходатайства, просить Его Императорское Величество дальнѣйшее изслѣдованіе этой мѣстности поручить именно В. В. Хвойко, такъ много и удачно поработавшему въ усадьбѣ.

в) Выработать инструкцію для раскопокъ, основываясь на матеріалѣ и указаніяхъ особой Комиссіи, работавшей во время Съезда, и поручить ее распространеніе Императорскому Московскому Археологическому Обществу.

г) Обсужденныя, измѣненныя и утвержденныя Совѣтомъ Съезда главныя основанія правилъ по сохраненію древнихъ памятниковъ въ Россіи, выработанныя ранѣе Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, поручить тому же Обществу направить къ ихъ осуществленію и утвержденію.

д) Обратитъ вниманіе Императорской Археологической Комиссіи на усадьбу кн. Трубецкой въ Кіевѣ.

5. Г. Губернаторъ, закрывая Съездъ, обратился къ собранію съ слѣдующей рѣчью:

«Мнѣ принадлежитъ послѣднее, печальное слово...

Сегодня закончились работы XIV Археологическаго Съезда и черезъ нѣсколько минутъ онъ закрывается. Грустно звучитъ это слово «закрытіе». Давно ли мы праздновали пріѣздъ дорогихъ гостей, а сегодня уже съ ними прощаемся.

Но вмѣстѣ съ чувствомъ понятной грусти мы исполнены и чувства глубокой признательности Съезду за то высокое наслажденіе, которое мы испытывали, знакомясь здѣсь съ полными интереса научными докладами и изслѣдованіями изъ области родной археологіи.

Въ теченіе двухъ недѣль мы жили нашимъ далекимъ прошлымъ, вспоминая подъ вашимъ руководствомъ, гг. археологи, наше былое величіе.

А такія воспоминанія возвышаютъ душу и облагораживаютъ сердце.

Всѣ эти дни Черниговъ жилъ повышенной общественною и духовною жизнью и пульсъ его бился молодо и горячо.

Поэтому прошу васъ простить нашему древнему старцу, если онъ встрѣчалъ не такъ, какъ бы слѣдовало, дорогихъ гостей на рубежѣ второго тысячелѣтія своей жизни. Ужъ больно онъ старъ и не всѣ его органы хорошо работаютъ.

Съ вашимъ отъѣздомъ, вѣроятно, температура его падеть ниже нормальнаго и онъ опять погрузится въ старческую дремоту.

Но онъ глубоко благодаренъ Вамъ за пережитые дни, дни, когда онъ вспоминалъ свою величавую молодость.

Позвольте же и мнѣ отъ себя и отъ всей Черниговской земли сказать вамъ, глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергѣевна, и всѣмъ Членамъ Съезда сердечное русское спасибо за ваше посѣщеніе, за ваши труды и за ту дань почтенія, которую оказали нашему древнему граду.

Объявляю XIV Археологическій Съездъ закрытымъ».

